

Відлуння Великого Терору

Збірник документів у трьох томах

Том 2 Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 – червень 1943 рр.)

Книга 1

Національна академія наук України
Інститут історії України
Торонтський університет
Вірджинський університет
Галузевий державний архів Служби безпеки України

Відлуння Великого терору

Збірник документів у трьох томах

Том другий

Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 р.— червень 1943 р.)

Книга перша

НКВС Молдавської АРСР, Дорожньо-транспортний відділ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області

Київ
Видавець Захаренко В. О.
2018

УДК 323.282(477)"1938/1943"
В42

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола, Ольга Довбня,
Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Андрій Когут, Сергій Кокін, Марія Панова,
Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрій Савін, Олексій Тепляков, Марк Юнге

Автори-упорядники:

Сергій Кокін, Джеффри Россман

Спонсори проекту:

American Council of Learned Societies. Deutsche Forschungsgemeinschaft.
Harry Frank Guggenheim Foundation.
Social Science and Humanities Research Council of Canada. University of Toronto.
University of Virginia

Другий том збірника документів містить обвинувальні висновки, протоколи судових засідань військових трибуналів та їхні вироби, ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР та інші документи про кримінальне покарання співробітників органів НКВС УРСР, звинувачених у порушеннях соціалістичної законності у 1937–1938 рр. Документи розповідають про різноманітний склад злочинів, скоєних співробітниками НКВС у період Великого терору, характеризують участь органів НКВС, прокуратури і правосуддя у кримінальному покаранні «порушників соціалістичної законності» і конкретні результати цього покарання.

Відлуння Великого терору.

В42 Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності (жовтень 1938 р.— червень 1943 р.). Кн. 1: НКВС Молдавської АРСР, Дорожньо-транспортний відділ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області / Автори-упорядники: Сергій Кокін, Джеффри Россман.— К.: Видавець В. Захаренко, 2018.—728 с.

ISBN 978-966-2258-13-4

УДК 323.282(477)"1938/1943"

ISBN 978-966-2258-13-4

© Автори-упорядники: Сергій Кокін,
Джеффри Россман, 2018
© Видавець Захаренко В. О., 2018

ЗМІСТ

Юнге М. Судові процеси над співробітниками НКВС Української РСР, засудженими за обвинуваченням у порушенні «соціалістичної законності» 6

Кокін С., Россман Дж. Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» під час Великого терору..... 11

Розділ 1. Справа наркома внутрішніх справ Молдавської АРСР

Івана Широкого та інших співробітників НКВС МАРСР 141

№ 1. Постанова 4-го відділу УДБ НКВС УРСР про початок попереднього слідства у справі І. Т. Широкого. Жовтень 1938 р. 142

№ 2. Лист наркома внутрішніх справ СРСР Л. П. Берії першому заступнику наркома внутрішніх справ УРСР А. З. Кобулову про організацію судового процесу у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 22 грудня 1938 р. 142

№ 3. Обвинувальний висновок у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 23 грудня 1938 р. 143

№ 4. Протокол судового засідання Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 29–31 грудня 1938 р. 150

№ 5. Вирок Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 29–31 грудня 1938 р. 178

№ 6. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 8 січня 1939 р. 163

№ 7. Акт про виконання вироку Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу стосовно Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпиця, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка. 11 січня 1939 р. 185

№ 8. Постанова 2-го відділу УДБ НКВС УРСР про припинення слідчої справи стосовно І. Т. Широкого. 8–9 грудня 1939 р. 186

Розділ 2. Справа начальника ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької

залізниці Георгія Кочергинського та інших співробітників ДТВ 188

№ 9. Обвинувальний висновок у справі начальника ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці Г. І. Кочергинського та інших співробітників ДТВ. 20 березня 1939 р. 189

№ 10. Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Г. І. Кочергинського та інших співробітників НКВС. 27–30 червня 1939 р. 198

№ 11. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Г. І. Кочергинського та інших співробітників НКВС. 27–30 червня 1939 р. 232

№ 12. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Г.І. Кочергинського та інших співробітників НКВС. 17 вересня 1939 р.	237
№ 13. Довідка Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу про виконання вироку стосовно Г.І. Кочергинського. [20 жовтня 1939 р.]	239

Розділ 3. Справи заступника начальника УНКВС по Житомирській області Григорія Гришина-Шенкмана та інших співробітників УНКВС..... 240

№ 14. Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г.Й. Гришина-Шенкмана, Г.А. Тимошенка, Ф.Г. Ігнатенка, М.З. Глузмана, Л.У. Кондрацького, М.М. Соснова, В.І. Гирича, Д.В. Левченка і Ш.В. Винокурова. 27 червня — 4 липня 1939 р.	241
№ 15. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г.Й. Гришина-Шенкмана, Г.А. Тимошенка, Ф.Г. Ігнатенка, М.З. Глузмана, Л.У. Кондрацького, М.М. Соснова, В.І. Гирича, Д.В. Левченка і Ш.В. Винокурова. 27 червня — 4 липня 1939 р.	395
№ 16. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Г.Й. Гришина-Шенкмана, Г.А. Тимошенка, Ф.Г. Ігнатенка, М.З. Глузмана, Л.У. Кондрацького, М.М. Соснова, В.І. Гирича, Д.В. Левченка і Ш.В. Винокурова. 9 жовтня 1939 р.	402
№ 17. Обвинувальний акт у справі Н.А. Ремова-Поберьозкіна, В.Я. Вольського, А.А. Гостинцева і Г.Д. Артемьєва. 22 липня 1939 р.	404
№ 18. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Н.А. Ремова-Поберьозкіна, В.Я. Вольського, А.А. Гостинцева і Г.Д. Артемьєва. 19–22 серпня 1939 р.	408
№ 19. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Н.А. Ремова-Поберьозкіна, В.Я. Вольського, А.А. Гостинцева і Г.Д. Артемьєва. 29 жовтня 1939 р.	412
№ 20. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі М.Є. Федорова, Д.І. Манька, М.Е. Леснова-Ізраїлева, Д.Й. Малуки, М.О. Зуба і М.С. Люлькова. 13–23 квітня 1940 р.	415
№ 21. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Д.І. Манька, Д.Й. Малуки, М.Є. Федорова, М.Е. Леснова-Ізраїлева, М.О. Зуба і М.С. Люлькова. 26 липня 1940 р.	423
№ 22. Вирок Військового трибуналу військ НКВС УРСР Київського округу у справі М.Є. Федорова і М.Е. Леснова-Ізраїлева. 27–29 вересня 1940 р.	427
№ 23. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі М.Є. Федорова і М.Е. Леснова-Ізраїлева. 18 жовтня 1940 р.	431

Розділ 4. Справа начальника УНКВС по Одеській області Павла Кисельова, заступника начальника УНКВС Сергія Гапонова та інших співробітників УНКВС..... 433

№ 24. Висновок Військової прокуратури Одеського військового округу у справі П. П. Кисельова. 12 квітня 1960 р.	434
№ 25. Висновок Головної військової прокуратури у справі П. П. Кисельова. 29–30 січня 1990 р.	440
№ 26. Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Одеської області у справі М. М. Тягіна. 24–25 серпня 1939 р.	444
№ 27. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Одеської області у справі М. М. Тягіна. 24–25 серпня 1939 р.	462
№ 28. Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі М. М. Тягіна. 27 вересня 1939 р.	464
№ 29. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Є. М. Макієвського, М. М. Айзмана, Я. М. Шаміса і Ю. Г. Залкінда. 25 червня — 2 липня 1940 р.	465
№ 30. Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі колишнього начальника 4-го відділу УНКВС по Одеській області В. П. Калюжного. 23–26 грудня 1940 р.	471
№ 31. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі В. П. Калюжного. 23–26 грудня 1940 р.	540
№ 32. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі В. П. Калюжного. 14 лютого 1941 р.	544
№ 33. Постанова Військової прокуратури військ НКВС Українського округу про виділення матеріалів на Ю. І. Абрамовича, В. А. Мошковського, Д. Б. Кордуна, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна, С. І. Гапонова та інших зі слідчої справи з обвинувачення В. П. Калюжного. 7 червня 1940 р.	546
№ 34. Постанова помічника військового прокурора військ НКВС Одеської області В. Бойка про притягнення С. І. Гапонова як обвинуваченого і пред'явлення йому обвинувачення. 29 січня 1941 р.	547
№ 35. Обвинувальний акт у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського. 26 червня 1941 р.	549
№ 36. Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Західно-Сибірського округу у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського. 21–26 квітня 1943 р.	561
№ 37. Вирок Військового трибуналу військ НКВС Західно-Сибірського округу у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського. 26 квітня 1943 р.	625
№ 38. Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського. 1 червня 1943 р.	631
Показчик упорядників	634
Подяки	635
Іменний і біографічний показник	636

Судові процеси над співробітниками НКВС Української РСР, засудженими за обвинуваченням у порушенні «соціалістичної законності»

Ядром другого тому трьохтомної документальної серії «Відлуння Великого терору» є протоколи судових засідань над співробітниками органів державної безпеки Української РСР, яким було висунуто обвинувачення у порушенні радянського законодавства¹. Окрім протоколів судових процесів, обов'язково публікуються вироки судів. Коли для розуміння згаданих документів необхідна додаткова інформація, наведено такі документи, як постанови про порушення кримінальної справи і обвинувальні висновки. У деяких випадках одні і ті ж самі чекісти двічі займали місця на лаві підсудних у межах однієї справи, а іноді — навіть тричі. Тут упорядники включили до тому додаткові матеріали, які пояснюють, яким чином справа дійшла до серії процесів. Хронологічні межі збірника охоплюють період безпосередньо відразу після Великого терору: 1938–1943 рр. Територіальні межі утворює Українська РСР.

Упорядники змушені обмежитися публікацією матеріалів судових процесів стосовно співробітників обласних управлінь НКВС УРСР, а також Молдавської АРСР, що входила до складу УРСР. Крім цього, публікуються матеріали суду над співробітниками ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці. Що ж до ключових керівних фігур НКВС УРСР, а також більшості начальників обласних управлінь, то у упорядників не було можливості ознайомитися з їхніми справами, оскільки свого часу вони були засуджені у Москві Військової колегії Верховного суду СРСР і матеріали судів над ними недосяжні для дослідників. Нещодавно доступ до матеріалів кримінального переслідування високопосадовців органів держбезпеки і міліції, зокрема співробітників центрального апарату НКВС СРСР, був обмежений в Російській Федерації ще на 30 років. Як головний аргумент пролунала заява про те, що йдеться про осіб, стосовно яких було відмовлено в реабілітації, що спірно з юридичної точки зору².

Судовим переслідуванням чекістів займалися не «нормальні» цивільні судові інстанції, а переважно військові трибунали прикордонних і внутрішніх військ НКВС, тобто спеціалізовані військові суди. В Українській РСР це були військові трибунали військ НКВС Харківського й Київського округів. Слід зазначити, що округи військ НКВС не збігалися із загальновійськовими округами. У цьому томі наведено лише один випадок засудження співробітників НКВС загальновійськовим трибуналом: йдеться про групу співробітників УНКВС по Житомирській області, вирок стосовно яких ухвалив Військовий трибунал Київського особливого

¹ Автор висловлює подяку Лінн Віолі, Вадиму Золотарьову, Сергію Кокіну, Роману Подкуру, Андрію Савіну та Олексію Теплякову за допомогу у написанні цього вступу.

² Рішення було опубліковано на сторінке інтернет-газети «Газета. Ру» від 19.01.2016 р. (http://www.gazeta.ru/social/2016/01/19/8030279.shtml?utm_source=change_org&utm_medium=petition).

військового округу. Іноді чекістів, що «проштрафилися», також судили військові трибунали військ НКВС окремих областей, як це було у випадку з М. М. Тягінім, якого засудив Військовий трибунал військ НКВС Одеської області.

Специфічною особливістю протоколів, що публікуються, є те, що питання судей не стенографувалися. Виключенням є вказівки судей «технічного» характеру, такі як дотримання регламенту або допуск (відхилення) свідків. В окремих випадках зафіксовано також оцінку судьями ступені достовірності й важливості показань свідків³. Зазвичай обвинувачені не мали захисників і самі захищали себе, прокуратура також не була представлена на цих процесах. Відсутність захисників зашкодила обвинуваченим чекістам, хоча їх і ознайомлювали, нехай часто доволі пізно, із зібраними проти них матеріалами. Відмову у допуску захисників обгрунтовували наявністю у справі даних, «що не підлягали розголошенню»⁴. Рідким винятком став процес над співробітниками НКВС Молдавської АРСР. У ньому взяли участь, окрім військових судей і підсудних, не лише адвокати, але й спеціально відряджений з Москви помічник Головного військового прокурора РСЧА. Крім цього, на відміну від усіх інших «українських» процесів, частина матеріалів цього суду була опублікована в пресі⁵. Адвокати фігурують також у протоколах суду над чекістами Запоріжжя⁶.

Усі судові засідання проходили під керівництвом військового судді й двох засідателів, що мали право голосу. Вів протокол процесу секретар, який не мав права голосу. Свідками були зазвичай колеги обвинувачених чекістів. Свідки з числа колишніх жертв у середньому складали близько чверті всіх свідків.

Публікація протоколів судових процесів обумовлена наступними міркуваннями. По-перше, це найбільш змістовне джерело з усіх, до яких є доступ у дослідників радянських каральних органів. По-друге, протоколи є дзеркальним відображенням часу безпосередньо після Великого

³ Протокол судового засідання Военного трибунала войск НКВД Харьковского округа в отношении Д. Я. Клибанова, Б. Л. Линецкого и Г. Я. Дорова-Пионташко. 16–20 апреля 1940 г. // Галузевий державний архів Служби безпеки України, далі — ГДА СБУ, ф. 5, спр. 68219, т. 5, арк. 330–364.

⁴ Протокол судового засідання Военного трибунала войск НКВД Киевского округа в отношении И. Ф. Федяева, А. А. Семенова, А. П. Протопопова, Г. И. Барвинка. 25–28 ноября 1940 г. // ГДА СБУ, ф. 5, спр. 68218, т. 7, арк. 213.

⁵ Аналіз преси див. у вступній статті С. Кокіна і Дж. Россмана «Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за “порушення соціалістичної законності” під час Великого терору» у цій книзі. Газетні статті переопубліковані: «Процессы над чекистами в зеркале региональной прессы» // Эхо Большого террора. Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг. / сост. А. Савин, А. Тепляков, М. Юнге. — М., 2018.

⁶ Протокол судового засідання Военного трибунала войск НКВД Харьковского округа в отношении Д. Я. Клибанова, Б. Л. Линецкого и Г. Я. Дорова-Пионташко. 16–20 апреля 1940 г. // ГДА СБУ, ф. 5, спр. 68219, т. 5, арк. 330–364.

терору, на мою думку, одного з переломних періодів в історії Радянського Союзу. Завдяки цьому можна виявити безпосередні й довгострокові цілі кампанії з покарання порушників «соціалістичної законності», її регіональну специфіку і різні фази. По-третє, вони містять нову інформацію про реалізацію Великого терору, оскільки події 1937–1938 рр. були ще свіжими у пам'яті злочинців, хоча й з однією пересторогою: колишні чекісти давали показання, враховуючи новий стан речей. Таким чином, судові процеси свідчать про механізми фальсифікації документів слідства, ведення допитів, співробітництво між органами держбезпеки, міліції та Комуністичної партії на регіональному, республіканському і навіть союзному рівнях. Додатково у протоколах можна побачити ту суму фактів і обставин, на підставі вивчення яких судом надавалась та чи інша правова оцінка діям підсудних. Тому протоколи разом з іншими процесуальними документами, що публікуються у цьому томі, є найбільш комплексним та одним з найважливіших історичних джерел для дослідження політико-ідеологічних, правових, соціально-психологічних аспектів здійснення і результатів Великого терору. Вони дозволяють зрозуміти, які фактори сприяли перетворення терору не просто у Великий, але й в край жорстокий, а також побачити, якого деформуючого впливу на суспільну свідомість завдав терор.

По-четверте, протоколи дозволяють скласти уявлення про психологію й самосприйняття як самих чекістів та їхніх поплічників, так і жертв Великого терору. Завдяки протоколам анонімні жертви і карателі отримали власні індивідуальні голоси. Таким чином, специфічною рисою протоколів є їх поліфонічність. Вони не є продуктом одного автору, в них представлені різні точки зору і трактування подій Великого терору. У ході судових засідань часто надавалися діаметрально протилежні характеристики конкретного змісту і мотивів службової діяльності співробітників НКВС. Протоколи також дозволяють порушити питання, яким чином звичайні люди, які в інших обставинах приносили користь суспільству, перетворювалися на «легитимних» вбивць і навіть у садистів. Ще одна проблема, яку «висвітлюють» протоколи,— це взаємини суб'єкта і сталінської системи⁷.

З точки зору критики джерел важно зазначити, що протоколи судових засідань виникли у період після Великого терору, у новій ситуації, коли всесилля органів держбезпеки, що гарантувала держава, тимчасово змінилося їхнім відносним безсиллям. Крім цього, слід також враховувати, що усі ці документи переважно відбивали версію подій Великого терору, викладену співробітниками каральних органів, які самі тепер перетворилися на жертв. Вони змушені були прикрашати власні дії і, за можливості, звести до мінімуму особисту участь в «ексцесах». Крім цього,

⁷ Про необхідність враховувати контекст виникнення документів див.: Виола Л. Партийные собрания и оперативные совещания сотрудников НКВД УССР в конце Большого террора // Эхо Большого террора. Т. 1: Партийные собрания и оперативные совещания УНКВД НКВД УССР (ноябрь 1938 — ноябрь 1939 гг.) / сост. В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур.— М., 2017.— С. 7–12, здесь с. 7–9.

підсудні були вкрай зацікавлені заявити про свою лояльність до системи і особисто більшовицьких вождів.

Відкритим залишається питання, чи застосовували побиття і катування стосовно колишніх співробітників НКВС, що опинилися на лаві підсудних. Адже деякі з них заявляли про це, мотивуючи свою відмову від раніше наданих покаань⁸. Ми також не знаємо, чи були чекісти, яких засудили за порушення соціалістичної законності, більш жорстокими, ніж їхні колеги, які залишилися на волі, або у випадку з ними йшлося лише про фігури, що мали послугувати усім іншим страхітливим прикладом і символом відновлення справедливості⁹.

Джерела, що публікуються тут, необхідно використовувати обережно ще й тому, що вони значною мірою були піддані інструменталізації й впливу з боку сталінської держави: партійна і державна верхівка наприкінці 1930-х років використовувала обвинувачення в масових катуваннях, фальсифікаціях і «арештах ні в чому не повинних людей», згідно зі стандартним формулюванням, щоби покласти одноосійну відповідальність за «перекручення» і «порушення соціалістичної законності» виключно на НКВС і тим самим замаскувати головну роль партії-держави в репресіях¹⁰.

Цей том структурно поділений на дві книги. У першій книзі публікуються матеріали судових процесів над співробітниками НКВС Молдавської АРСР, Дорожньо-транспортного відділу ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області та УНКВС по Одеській області. До другої книги включено документи судів над співробітниками УНКВС по Київській, Миколаївській, Вінницькій, Харківській та Ворошиловградській областях.

Усі документи, що публікуються, виявлені в архівно-кримінальних справах співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності. Обсяг цих справ коливається від приблизно 600 до 6000 аркушів. Зазвичай ці справи містять, у тому числі, постанови про порушення кримінальної справи, допити свідків, протоколи очних ставок, допиту обвинувачених та їхніх жертв, матеріали про діяльність агентури, матеріали розслідування обвинувачень у фальсифікації документів слідства, різні еґо-документи¹¹ і т.п.

⁸ *Viola L. Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Ukraine.*— Oxford, 2017.— С. 30–54.

⁹ Про спробу висвітлити це питання див. розділ: «Предупреждения, дисциплинарные взыскания, увольнения» // *Юнге М. Чекисты Сталина. Мошь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины.*— М., 2017.— С. 148–188.

¹⁰ Критику цього типу джерел див. також: *Юнге М. Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей)* // *История сталинизма. Репрессированная Российская провинция. Материалы международной научной конференции.* Смоленск, 9–11 октября 2009.— М., 2011.— С. 63–70.

¹¹ З приводу еґо-документів див.: «Введение» та розділ «Эго-документы» // *Эхо Большого террора. Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938–1941 гг.* / сост. А. Савин, А. Тепляков, М. Юнге. — М., 2018.

Особлива цінність цієї книги полягає у тому, що упорядники надали розлогу вступну статтю для полегшення читачам розуміння публікуємих матеріалів судових процесів¹². Для відтворення контексту і складання коментарів використано такий комплекс документів, як матеріали Особливої інспекції при відділі кадрів НКВС УРСР. Йдеться про документи службової перевірки співробітників НКВС, на яких пала підозра у скоєнні посадових злочинів¹³. Аналогічна інформація була знайдена в особових справах співробітників держбезпеки, оскільки часто до особової справи долучали довідку про результати перевірки обвинувачень у порушенні соціалістичної законності стосовно цього конкретного співробітника. Зазвичай ці співробітники НКВС або не були покарані, або їх було покарано значно пізніше, вже у 1950-ті роки. Ще одним важливим джерелом вивчення судових процесів і у цілому кампанії з відновлення соціалістичної законності, є протоколи партійних зборів і нарад оперативних співробітників НКВС, що відбулися наприкінці 1938 — на початку 1939 рр. в усіх областях і краях СРСР¹⁴.

Окрім матеріалів судових процесів, особових справ, справ Особливої інспекції і протоколів зборів, тут були використані матеріали судового розгляду стосовно співробітників НКВС УРСР, яких були виправдано та звільнено з-під варти військовими трибуналами військ НКВС. Ці документи засідань військових трибуналів дозволяють передусім реконструювати дії військових судей, а також обґрунтування ухваленого ними виправданого вироку. Крім цього, долучено матеріали, які не мають прямого стосунку до судових процесів, але відображають економічну і політичну ситуацію в Україні у період Великого терору. Йдеться про фонди державних архівів України, в яких зберігаються як документи партійних організацій та органів НКВС, так і слідчі справи жертв масових операцій Великого терору. Ще одним джерелом для вивчення судових процесів стала місцева преса¹⁵. Загальне уявлення про досягнення і лакуни в історіографії питання про кампанію покарання «порушників соціалістичної законності» дає збірник статей, що був підготовлений у рамках цього проекту інтернаціональним колективом авторів¹⁶.

Марк Юнге (Рурський університет, м. Бохум, Німеччина)
Переклад з російської Сергія Кокіна

¹² Див. статтю *С. Кокіна і Дж. Россмана* «Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за “порушення соціалістичної законності” під час Великого терору».

¹³ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 7. Особлива інспекція відділу кадрів НКВС УРСР.

¹⁴ Эхо Большого террора. Т. 1.— М., 2017.

¹⁵ Див., наприклад: «Газетные статьи нач. УНКВД Николаевской обл. П. В. Карамышева» и «Процессы над чекистами в зеркале региональной прессы» // Эхо Большого террора. Т. 3.— М., 2018.

¹⁶ Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Росман.— М., 2017.

Злочини і покарання: документи з архівних кримінальних справ на співробітників НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» під час Великого терору

Міжнародним науково-дослідним проектом «Відлуння Великого терору. Чекісти на лаві підсудних» передбачена підготовка і видання трьох томів документів з державних архівів України і Республіки Молдова про кампанію з «відновлення соціалістичної законності» у діяльності органів НКВС, що проводилася з кінця 1938 р. у тогочасній Українській Радянській Соціалістичній Республіці (включно із Молдавською Автономною РСР, яка входила до її складу).

Перший том, авторами-укладачами якого є Валерій Васильєв, Лінн Віола і Роман Подкур, має назву «Партійні збори та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.)»¹⁷. Він містить тексти протоколів і стенограм партійних зборів, оперативних нарад співробітників НКВС УРСР та його обласних управлінь. Ці документи розповідають про реакцію співробітників НКВС на постанову РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства», а також про відносини між регіональними партійними комітетами і місцевими апаратами органів держбезпеки після зупинення Великого терору.

У своїх вступних статтях вищезазначені три автори висвітлили основні теоретичні й практичні аспекти підготовки не тільки першого тому, але й документальної серії в цілому. Це дає змогу нам зосередити увагу на проблематиці та документах другого тому, який через об'єктивні причини є найбільшим і публікується в двох книгах.

До другого тому включені процесуальні документи про кримінальне переслідування і засудження співробітників органів НКВС УРСР за злочини, які вони скоїли під час Великого терору, з формулюванням «за порушення соціалістичної (революційної) законності». Серед цих документів найбільший інформаційний потенціал становлять документи чотирьох видів:

- обвинувальні висновки у справах співробітників НКВС,
- протоколи судових засідань військових трибуналів,
- вироки, що виносили військові трибунали,
- ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР, які затверджували, змінювали чи відміняли вироки військових трибуналів.

Слід відзначити складний взаємозв'язок між документами, що опубліковані у першому томі нашої документальної серії, і документами з другого тому. У протоколах і стенограмах партійних зборів і оперативних нарад співробітників НКВС міститься багато різної інформації, що нас цікавить. Ця інформація, незважаючи на її часто емоційне забарвлення і суб'єктивність, мала важливий сигнальний характер. Але, за винятком

¹⁷ Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 1: Партійні збори та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.) / Автори-укладачі: В. Васильєв, Л. Віола, Р. Подкур.— К.: Видавець В. Захаренко, 2017.— 744 с.

випадків виключення з партії того чи іншого співробітника, причому не обов'язково під приводом порушення ним соцзаконності, а іноді й в результаті зведення особистих рахунків, ця інформація не мала прямих і негайних юридичних наслідків. У цьому сенсі матеріали партзборів і оперативних нарад були «сирими», «м'якими» матеріалами, які набували ваги і сили вже у процесі попереднього слідства, ставали частиною доказової бази обвинувачень, які висували проти того чи іншого співробітника.

Обвинувальні висновки резюмували результати службових розслідувань і попереднього слідства у справах співробітників НКВС. Вони були своєрідною квінтесенцією різних слідчих дій, що здійснювали органи НКВС і прокуратури часто упродовж досить тривалого часу. Залежно від того, хто завершував слідство, той орган і складав обвинувальний висновок. Якщо документи розслідувань і попереднього слідства, такі, як протоколи допитів обвинувачених і свідків, протоколи очних ставок, різні акти і довідки, які долучали до кримінальних справ, зазвичай мали фрагментарний характер, висвітлювали один чи кілька епізодів зі злочину, що інкримінували обвинуваченому, то в обвинувальному висновку було викладено вже повну картину того, що він скоїв.

Доля обвинувального висновку залежала від якості попереднього слідства. Якщо воно через якісь причини було проведено незадовільно, то іноді під час судових засідань обвинувальні висновки з «твердих» процесуальних документів перетворювалися на суттєво «пом'якшені». Відповідно первинні обвинувачення, зафіксовані в обвинувальному висновку, судом змінювалися на нові, виходячи з результатів судового слідства. Яскравим прикладом цього були два судових процеси у справі колишнього заступника начальника УНКВС по Житомирській області Григорія Гришина-Шенкмана.

Найбільшим джерелом інформації є протоколи судових засідань. Однак, вони також мають свої недоліки. Головний з них — неповнота та фіксація інформації у спрошеному й обмеженому вигляді. Це — далеко не стенограми засідань, де, в ідеалі, має бути зафіксоване кожне слово і ледве не кожен звук у залі засідань. У протоколах судових засідань виступи передано не у «дзеркальному» відображенні того, що було сказано, а у смисловому, іноді з явними помилками. При цьому є доволі довгі паузи у викладі того, що відбувалося і виголошувалося на суді, тривалістю у годину—півтори. У вступній частині до першого розділу книги ми проілюструємо це на прикладі виступу державного обвинувача на судовому процесі у справі колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР.

До недоліків протоколів слід також віднести порушення в них жанру діалогу, коли обвинувачені та свідки відповідають на запитання інших учасників процесу. Як правило, запитання, які задавали, взагалі жодним чином не відображені у протоколі, тому відповіді, особливо лаконічні, після слів: «Підсудний (свідок) на запитання суду відповів...» виглядають у деяких випадках як такі, що були вирвані з контексту окремих речень. Іноді навіть добре знання всіх матеріалів архівної кримінальної справи не допомагає подумки відтворити такі діалоги.

Однак, протоколи судових засідань передають не лише загальний хід судового слідства та його ключові моменти, але і багато нюансів, що

виникали при цьому. Вони дозволяють скласти конкретне уявлення про роль і характер поведінки всіх учасників процесу, ступінь відвертості й правдивості підсудних та свідків, коли вони давали показання і свідчення суду. Факт якби або неявки (і виклад причин неявки) свідків до суду також свідчив про їхнє бажання або небажання мати стосунок до правосуддя, що вершилося.

Основні смислові прогалини у протоколах судових засідань переважно були компенсовані у вироках. Дещо «пікантно» це виглядає, коли у вирокі констатується, що під час судового слідства встановлено те чи інше, а в протоколі судового засідання про це немає ані слова. Незручність, яка виникає при цьому, усувається шляхом зіставлення таких місць у вироках з іншими документами в архівних кримінальних справах. Порівняння, яке ми зробили, не виявило жодного випадку розходжень формулювань у вироках зі змістом справ, навпаки, у деяких випадках можна говорити про певне або недостатньо адекватне відображення результатів попереднього і судового слідства у вироках.

Своєрідним регулятором, покликаним привести у відповідність до результатів попереднього слідства (що відображені у справах), результати судового слідства (відображених у протоколах судових засідань та вироках), є ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР. За обсягом ці документи були найменшими, але за значенням — основними. Лише іноді їх «перекривали» постанови Президії Верховної Ради СРСР у справах колишніх співробітників НКВС.

Обвинувальні висновки, протоколи судових засідань і вирокі військових трибуналів, а також ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР у комплексі являли собою слово правосуддя, яким воно було у кожному конкретному випадку стосовно співробітників органів НКВС УРСР — «порушників соціалістичної законності».

1938 рік: Катастрофа тираспільських «фокусників» з НКВС (розділ 1)

У 1924 р. у складі Української СРР було створено Автономну Молдавську СРР, яка із січня 1938 р. стала називатися Молдавською АРСР¹⁸. 13 липня 1934 р. внаслідок реорганізації ОДПУ та його органів і створення НКВС УСРР (у 1930—1934 рр. його не існувало), було створено Управління

¹⁸ Створення автономії було історичним «рецидивом» існування у травні — на початку вересня 1919 р. Бессарабської Радянської Соціалістичної Республіки. Тоді у більшовиків не вистачило сил і засобів на реалізацію цього проєкту. Та той досвід не був забутий. Створення 12 жовтня 1924 р. МАССР було обумовлено стратегічними політичними планами вищого партійно-державного керівництва СРСР. Ці плани частково були реалізовані після відторгнення від Румунії Бессарабії і створення 2 серпня 1940 р. на території останньої і частині території МАРСР (сучасне Придністров'я Республіки Молдова) союзної республіки — Молдавської РСР. Згідно з даними Всесоюзного перепису населення 1926 р., населення МАРСР складало 572 300 осіб, з них 48,5% були українці, 30,1% — молдовани, 8,7% — росіяни, 8,5% — євреї, 1,9% — німці. Адміністративними центрами автономії були: м. Балта, від 1928 р. — м. Бірзула, від 1929 р. — м. Тираспіль. (Див.: Верменич Я. В. Молдавська Автономна Радянська Соціалістична Республіка // Енциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. — К.: Наукова думка, 2010. — С. 25–27).

НКВС по Молдавській АСРР. Три роки потому, 5 серпня 1937 р., на його базі було організовано Наркомат внутрішніх справ МАРСР. було створено Управління НКВС по Молдавській АСРР. За цей час змінилося вісім керівників УНКВС–НКВС МАРСР¹⁹:

1) В. Лєвоцький, начальник УНКВС з 15 липня 1934 р. до 27 лютого 1935 р.;

2) М. Джавахов, начальник УНКВС з 27 лютого 1935 р. до 21 грудня 1936 р.;

3) А. Сапір, начальник УНКВС з 21 грудня 1936 р. до 13 лютого 1937 р.;

4) М. Корнев (Капелюс), начальник УНКВС з 13 лютого до 20 липня 1937 р.;

5) М. Роголь, виконував обов'язки начальника УНКВС з 20 липня до 4 серпня (здав справи наркомату Л. Рівліну 16 серпня²⁰) 1937 р.;

6) Л. Рівлін, заступник наркома внутрішніх справ МАРСР з 8 вересня 1937 р. до липня 1938 р., виконував обов'язки наркома у серпні 1937 р., жовтні 1937 р.— січні 1938 р. і у квітні–травні 1938 р.;

7) М. Приходько, з 27 серпня²¹ 1937 р. тимчасово виконував справи наркома, здав справи і посаду наркома Л. Рівліну 3 жовтня 1937 р.²²;

8) М. Лютий (Шестаковський), нарком з 29 грудня 1937 р. (прийняв справи наркомату від Л. Рівліна і вступив на посаду 15 січня 1938 р.²³) до 22 березня (фактично справи і посаду наркома здав Л. Рівліну 28 квітня²⁴) 1938 р.

Останні п'ятеро (Корнев, Роголь, Рівлін, Приходько і Лютий) керували цим органом НКВС під час підготовки, початку і розгортання масових репресивних операцій в регіоні, перші четверо робили те ж саме вже в інших регіонах. Усі вони були керівниками з великим досвідом роботи в органах ДПУ–НКВС і шлейфом «заслуг» у справі «боротьби з контрреволюцією». Майже всі вони потрапили з різних причин на лаву підсудних і були засуджені із призначенням різних мір покарань. При цьому за сукупністю «заслуг» і обставин найсуворіше покарання понесли перші четверо (В. Лєвоцький, М. Джавахов, А. Сапір і М. Корнев). Однак це не було пов'язано з «порушеннями соцзаконності» у діяльності УНКВС–НКВС МАРСР.

Подальша доля перших двох колишніх керівників у стислому викладі така. В. Лєвоцький після УНКВС МАРСР продовжив службу в інших регіонах, зокрема, з 13 вересня 1937 р. був начальником Пермського міського

¹⁹ Тут і далі використано дані з книги: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского.— М.: Звенья, 1999.— 504 с. Деякі уточнення і доповнення зроблені на підставі документів Галузевого державного архіву Служби безпеки України, далі — ГДА СБУ.

²⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, арк. 284.

²¹ Там само, арк. 285.

²² Там само, арк. 286.

²³ Там само, арк. 287.

²⁴ Там само, арк. 288.

відділу НКВС (РРФСР). На цій посаді у червні 1938 р. був заарештований і 31 травня 1939 р. Військовою колегією Верховного суду СРСР засуджений до 20 років позбавлення волі за статтями 58–7, 58–11 Кримінального кодексу (КК) РРФСР. Відбував покарання у Північно-Східному виправно-трудоному таборі (ВТТ) НКВС СРСР (м. Магадан), де й помер. Не реабілітований²⁵.

М. Джавахов з 12 лютого 1937 р. очолював Запорізький міськвідділ НКВС. 9 серпня 1937 р. він був заарештований за обвинуваченням у тому, що є «учасником к-р змови в НКВС УРСР»²⁶. За результатами слідства, проведеного в апараті особливоуповноваженого (ОСУ) НКВС УРСР, нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський 5 вересня 1937 р. затвердив обвинувальний висновок. У ньому було зазначено, що в порядку закону від 1 грудня 1934 р. справу з обвинувачення М. Джавахова у злочині, передбаченого ст. 54–1 п. «б» КК УРСР, належало розглянути Військовою колегією Верховного суду СРСР. 7 вересня 1937 р. він був засуджений до вищої міри покарання (ВМП) і розстріляний²⁷.

За результатами перевірки, проведеної органами КДБ і Військової прокуратури у 1957–1959 рр., було встановлено, що «за приналежність до антирадянської змови він був засуджений без достатніх підстав». Водночас було визнано «встановленим, що, працюючи в органах НКВС, Джавахов припустився грубих порушень соціалістичної законності з тяжкими наслідками, а тому підстав для його реабілітації не має»²⁸. Проте 16 листопада 1999 р. співробітники Генеральної прокуратури України проігнорували другу частину постанови Головної військової прокуратури від 16 лютого 1959 р. і реабілітували М. Джавахова²⁹.

Зазначені два колишні керівники (В. Лєвоцький і М. Джавахов) майже не фігурували у вивчених нами матеріалах розслідувань, які проводили за

²⁵ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 266–267.

²⁶ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 74925-фп, арк. 1, 2.

²⁷ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 174. Вирок Військової колегії в архівній кримінальній справі М. Джавахова відсутній. У довідці 12-го відділення 1-го спецвідділу НКВС СРСР (без дати) зазначено, що М. Джавахов «засуджений в особливому порядку 7 вересня 1937 р., засуджений до ВМП. Підстава: справа № 3, аркуш 12». У довідці 9-го відділення Обліково-архівного відділу КДБ при РМ СРСР від 5 липня 1956 р. сказано, що М. Джавахов «засуджений (дата не зазначена) до ВМП в особливому порядку комісією НКВС, Прокурора СРСР і Голови Військової Колегії Верховного Суду СРСР. Підстава: том 90, аркуш 300». (ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 74925-фп, арк. 104, 105).

²⁸ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 74925-фп, арк. 250–252.

²⁹ Там само, арк. 254–254 зв. Подібні випадки реабілітації активних проводників і виконавців масових політичних репресій (катів), які згоди також стали жертвами Великого терору за сфальсифікованими обвинуваченнями, є не поодинокими. Двозначність, що пов'язана з незавершеністю правової кваліфікації діяльності співробітників НКВС, причетних до здійснення масових політичних репресій та інших злочинів проти людяності, досі залишається актуальною суспільною проблемою.

фактами «порушень соцзаконності» в УНКВС–НКВС МАРСР³⁰. Всі інші так чи інакше згадувалися в них, і про їхню долю йтиметься далі. Отже, виходячи з хронології подій і логіки розкриття нашої теми, почнемо з останнього з них.

Дев'ятим у списку керівників УНКВС–НКВС МАРСР був І. Широкий (Майський) — нарком з 20 травня до 27 вересня 1938 р. І саме йому випало стати першим відповідачем за злочини, які здійснили співробітники УНКВС–НКВС Молдавської АРСР напередодні та в роки Великого терору. На слідстві він вказував на своїх попередників — Рівліна і Лютого — як на людей авторитетних у НКВС, зі спадщиною і думкою яких йому довелося мати справу у Тирасполі. Але вони не стали його подільниками. Як і чому так сталося ми розповімо далі.

Певний історичний парадокс полягає в тому, що боротьба з «порушеннями соцзаконності» в НКВС МАРСР почалася ще за такого злісного порушника цієї самої законності, як новий нарком внутрішніх справ УРСР О. Успенський. Його робота начальником УНКВС по Оренбурзькій області (з 16 березня 1937 р. до 25 січня 1938 р.) так сподобалася наркомов внутрішніх справ СРСР М. Єзову, що О. Успенського було висунуто на нову, більш відповідальну і складну ділянку роботи. (І. Леплевський продовжив службу у центральному апараті НКВС СРСР).

Очолити НКВС УРСР, О. Успенський провів масову ротацію керівних кадрів у центральному апараті й регіональних органах наркомату. Зокрема, з посади заступника начальника УНКВС по Чернігівській області був направлений керувати НКВС МАРСР І. Широкий. Місяць потому з Києва до Тирасполя приїхала комісія для перевірки стану роботи в НКВС МАРСР. Результати перевірки помічник начальника 8-го (обліково-реєстраційного) відділу Управління державної безпеки (УДБ) НКВС УРСР А. Славін виклав у доповідній записці на ім'я О. Успенського³¹. На підставі цієї доповідної було підготовлено наказ наркома внутрішніх справ УРСР від 5 липня 1938 р.

Він заслуговує на особливу увагу, тому наведемо декілька цитат з нього. Початок наказу був таким: «Перевіркою стану обліку заарештованих і якості слідства в НКВС Молдавської АРСР, що була здійснена 21–27 червня п.р., встановлено низку фактів, які свідчать про прямі порушення революційної законності, спрощений підхід до слідства і злочинно-недбале ставлення до якості слідства й обліку заарештованих, особливо за лінією 3-го відділу УДБ».

Далі у семи пунктах було конкретизовано виявлені порушення та недоліки. Так, у другому пункті зазначалось: «Система безконтрольності й зайвої довіри створила можливість прямої фальсифікації справ, зокрема з боку колиш. оперуповноваженого ІV відділення Степанова, і прямого розвалу роботи зі слідства з боку колиш. тимч. нач[альника] 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР Зинько».

³⁰ Стосовно М. Джавахова такі факти було встановлено у 1957–1959 рр. (ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 74925-фп, арк. 251 та ін.).

³¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 213–228.

Завершальний пункт констатуючої частини наказу мав узагальнюючий характер: «7. Відсутність контролю за слідством і належного обліку заарештованих викликало великий відсоток прострочених справ (1006 справ, за якими слідство тривало понад 2 місяці) і порушення елементарних процесуальних норм (заарештовані місяцями сиділи без допитів і т.д.)».

Відповідно до відомої традиції головними винуватцями такого становища у наказі були названі попередні керівники: «Однією з основних причин перерахованих вище фактів була наявність елементів організаційної розхлябаності й відсутність належного повсякденного контролю над апаратом з боку к[олишнього] наркома внутрішніх справ МАРСР капітана держбезпеки т. Лютого та його заступника ст[аршого] лейтенанта держбезпеки т. Рівліна»³². Інші причини у наказі взагалі не згадувалися.

З двох колишніх керівників НКВС МАРСР постраждав лише Л. Рівлін, якого незабаром перевели з пониженням у посаді до центрального апарату НКВС УРСР, а три місяці потому звільнили з органів. М. Лютому пощастило більше. Суворі нотки у наказі О. Успенського на його адресу стали лише шумовим ефектом під час чистки кадрів, розставлених попередниками О. Успенського, і призначення останнім на керівні посади, які звільнялися, своїх висуванців. М. Лютий майже вісім місяців всидів на своєму новому робочому місці у Києві (заступник начальника Особливого відділу ГУДБ НКВС КВО), уник арешту і 17 листопада 1938 р. наказом НКВС СРСР був відправлений для продовження служби до Караганди (Казахстан).

Крім М. Лютого і Л. Рівліна, у наказі наркома від 5 липня 1938 р. фігурували й інші особи, стосовно яких О. Успенський наказав:

«1. Колиш[нього] тимч. нач[альника] 3 відділу [УДБ] НКВС МАРСР ст[аршого] лейтенанта держбезпеки Зинька за контрреволюційне шкідництво в області слідчої роботи заарештувати і віддати під суд.

2. Колиш[нього] оперуповноваженого 4 відділення НКВС МАРСР Степанова за фальсифікацію справ заарештувати і віддати під суд.

3. Ст[аршого] інспектора 8 відділення УДБ НКВС МАРСР м[о]л[одшого] лейтенанта держбезпеки Мельничука за халатність у роботі з обліку, відсутність контролю за просуванням справ і злочинну бездіяльність заарештувати і почати слідство.

4. В.о. особливоуповноваженого³³ [НКВС УРСР] ст[аршому] лейтенанту держбезпеки Назаренку у найкоротший термін провести найсуворіше розслідування за матеріалами перевірки і доповісти мені про конкретних винуватців порушень революційної законності і неподобства, припущені у слідчій роботі НКВС МАРСР»³⁴.

³² Цит. за: Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / Редколегія: Ю. Шаповал та ін.— К.: «Либідь», 2009.— С. 269–270.

³³ У виданні, що цитуємо, помилково — оперуповноваженого.

³⁴ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки.— С. 270.

Дивність ситуації полягала у тому, що згаданий у першому пункті 3. Зинько-Флейшман був заарештований ще 6 квітня 1938 р.³⁵. Він був звинувачений у тому, що є «членом к-р троцькістської організації і проводив активну к-р троцькістську діяльність» (ст. ст. 54–1 п. «б» и 54–11 КК УРСР)³⁶. Слідство, що тривало упродовж майже трьох місяців, потрібних результатів не досягло і 3 липня 1938 р., тобто за два дні до появи наказу О. Успенського, було порушено клопотання про продовження терміну ведення слідства і тримання З. Зинька під вартою. У відповідній постанові, затвердженій в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР А. Назаренком, обвинувачення З. Зинька не змінилося. Не відбулося доповнення або перекваліфікації обвинувачення заарештованому і в наступній аналогічній постанові від 5 серпня 1938 р.³⁷.

Таким чином, незважаючи на те, що у наказі від 5 липня 1938 р. було використано термінологію, яка набула широкого розповсюдження з кінця 1938 р. (про «порушення революційної законності», «фальсифікацію справ», порушення «елементарних процесуальних норм»), боротьба з «порушниками» розглядалася тоді винятково через призму викриття їхньої «контрреволюційної троцькістської і шкідницької діяльності».

У наказі О. Успенського від 5 липня 1938 р. не було жодного критичного слова на адресу І. Широкого, перед яким лише загальними словами було поставлене стандартне у подібних випадках завдання: «б. Народному комісару внутрішніх справ МАРСР капітану державної безпеки т. Широкому у 5-денний термін провести роботу з виправлення виявлених недоліків і вжити конкретних заходів до недопущення їх надалі»³⁸.

Чи було це виконано І. Широким? У цілому — ні. І головною причиною цього було не службове недбальство, а сама обстановка Великого терору, яка робила неможливим проведення співробітниками НКВС своєї службової діяльності у правовому полі. Той же З. Зинько-Флейшман у власноручних показаннях від 10 липня 1938 р. писав:

«Поновлення операцій у лютому 1938 р. співпало з призначенням в МАРСР нового наркома Лютого. Тут доречно зазначити, що за 10 місяців роботи в МАРСР при мені змінилося 5 наркомів: 1. Корнев, 2. Роголь, 3. Приходько, 4. Рівлін, 5. Лютий. Кожен брався наводити порядок по-своєму, а в результаті в і так погано організовану роботу вносилися повна дезорганізація. Оперативний склад був дезорієнтований, кожного разу переміщувався з роботи на роботу і в результаті залишався безконтрольним.

Лютий, коли приїхав, відразу захотів нові справи. До матеріалів, які виходили з раніше здобутих показань, і які потрібно було розвивати, він ставився байдуже. На той час припіла підготовка до виселення з Молдавії. Було заготовлено списки на виселення, а коли це питання відклялося, Лютий почав з цих списків вибирати осіб для арешту, особисто

³⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 1, арк. 4, 5.

³⁶ Там само, арк. 1.

³⁷ Там само, арк. 12, 13.

³⁸ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки.— С. 270.

давав розпорядження про арешти. Оскільки це були голі списки без матеріалів, арешти проводили недостатньо обґрунтовано»³⁹.

Не кращим чином розвивалася справа і у подальшому. Згодом І. Широкий так охарактеризував ту ситуацію: «В обстановці офіційного нестримного натиску згори з боку Успенського... проводити і проводити більше і більше арештів антирадянського елементу, особливо у прикордонній смугі, для її очистки на випадок війни, беззастережної вимоги викриття нових і нових антирадянських організацій, я припустився у роботі НКВС МАРСР: а) незаконних арештів громадян; б) перегинів і перекручень у слідстві, «липи» у роботі; в) штучного створення слідчих справ...»⁴⁰.

І таке мало місце в органах НКВС УРСР у 1937–1938 рр. всюди. Тому неможливо розцінити інакше, ніж пустослів'я, вказівки О. Успенського керівникам цих органів про наведення порядку, що були викладені в двох пунктах наказу від 5 липня 1938 р. В одному з них начальникам обласних управлінь НКВС було наказано «провести ретельну перевірку стану обліку заарештованих і якості слідства в своїх апаратах і вжити заходів щодо негайної ліквідації елементів організаційної розхлябаності у слідчій роботі». В іншому пункті наказу начальників управлінь та їхніх заступників було попереджено про те, що «за стан обліку заарештованих і якість слідчих справ вони несуть особисту відповідальність і мають встановити в цій області найжорстокіший контроль, який би гарантував від будь-яких порушень»⁴¹.

У результаті, «будь-яких порушень» у системі НКВС СРСР назбиралося достатньо багато, аби 17 листопада 1938 р. побачила світ постанова РНК і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства», яка започаткувала кампанію по боротьбі з «порушеннями соціалістичної законності». Однак І. Широкий був заарештований як «порушник» ще за півтора місяці до виходу постанови.

Відповідь на запитання про те, як керівник НКВС МАРСР наприкінці вересня 1938 р. потрапив під слідство, можна знайти у статтях одного з учасників нашого міжнародного проекту, молдавського історика Ігоря Кашу⁴². Під час підготовки своєї статті він використав, серед іншого,

³⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 1, арк. 238.

⁴⁰ Arhiva Serviciului de Informații și Securitate a Republicii Moldova, fostul KGB al RSSM (далі — ASISRM-KGB), dosar 32904, vol. 2, f. 213–214.

⁴¹ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки.— С. 270.

⁴² Див.: Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после «Большого террора» 1937–1938 гг.: дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Науковий і документальний журнал.— 2015.— № 2 (45).— С. 142–179; Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора. Дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей / Составители: М. Юнге, Л. Виола, Д. Росман.— М.: Пробел-2000, 2017.— 680 с.— С. 596–630.

документи з двох архівно-слідчих справ⁴³, що зберігаються в архіві колишнього КДБ Молдавської РСР, нині архіві Служби інформації і безпеки Республіки Молдова (рум. — Arhiva Serviciului de Informații și Securitate a Republicii Moldova, fostul KGB al RSSM, далі — ASISRM-KGB). Йдеться про однотомну справу наркома І. Широкого [dosar (справа) 31233] і групу справ у чотирьох томах на чотирьох співробітників і одного агента НКВС МАРСР з досить оригінальним псевдонімом «Фокус» [dosar 32904].

Каменем спотикання у службовій діяльності керівника і деяких співробітників НКВС МАРСР, який в результаті «потягнув їх на дно», стала спроба сфабрикувати справу про наявність «контрреволюційного право-троцькістського Молдавського центру», до складу якого ніби входило тодішнє партійно-радянське керівництво автономії — перший секретар Молдавського обкому КП(б)У В. Борисов, в.о. голови ЦВК, в з 19 липня 1938 р. — голова Президії Верховної Ради МАРСР Т. Константинов і голова РНК МАРСР Г. Стрешний.

Нарком внутрішніх справ УРСР О. Успенський, коли отримав слідчі матеріали про «молдавський право-троцькістський центр», засумнівався в них. У зв'язку з цим, 29 серпня 1938 р. до Тирасполя було відправлено «групу відповідальних оперативних працівників» для ознайомлення зі справою на місці. Група повернулася до Києва 4 вересня. Цю перевірку І. Кашу назвав першою стадією слідства у справі І. Широкого, проте це була службова перевірка, яка однак мала серйозні наслідки.

Перевіркою було встановлено, що І. Широкий спровокував заарештованих відповідальних працівників (колишнього наркома комунального господарства МАРСР З. Абрамовича та ін.) на надання неправдивих свідчень про існування в МАРСР право-троцькістського центру у складі В. Борисова, Г. Стрешного і Т. Константинова. Під час нових допитів ці заарештовані показали, що дані про право-троцькістський центр та його склад їм були нав'язані слідством, і відмовилися від своїх свідчень з цього питання.

Начальник 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР С. Гольдман доповів про це О. Успенському і наприкінці доповідної записки акцентував увагу на тому, що «незважаючи на виняткову важливість такого порядку даних про центр і його склад, яким зачіпається партійне і радянське керівництво Молдавії, ці відомості були розп'яті по всьому апарату [НКВС МАРСР]». Більш того, повідомляв С. Гольдман, «про це точаться широкі розмови у камерах як у Тирасполі, так і в Балті, де сконцентровані заарештовані по повстанській низовці»⁴⁴.

⁴³ Автор, як і багато інших дослідників, називає їх архівно-слідчими, але, так можна казати лише про справу І. Широкого, що не була закінчена слідством і не передавалася до судових інстанцій. Саме тому вона потрапила до фонду припинених справ колишнього архіву КДБ, про що свідчить нумерація справи, проставлена на її обкладинці червоним олівцем — 31233-фп. Стосовно другої справи правильно називати її кримінальною, оскільки вона була закінчена слідством і реалізована в судовому порядку, а обвинуваченим у справі було винесено і затверджено відповідний вирок.

⁴⁴ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 327–328.

Це свідчило про порушення правил конспірації і виток таємної інформації про об'єкти оперативного інтересу НКВС, що належали до «верхівки» владної піраміди в регіоні. У наркома внутрішніх справ УРСР були всі підстави вважати, що керівні інстанції у Києві і Москві також могли знати про те, що НКВС посилено «копає» під керівництво автономії. У самому факті «копання» не було нічого надзвичайного, адже у 1937 р. попередники О. Успенського і І. Широкого репресували попереднє партійно-радянське керівництво МАРСР. Однак у данному випадку був відсутній «надійний» компрометуючий матеріал, і О. Успенський почав страхуватися.

Ми не можемо впевнено сказати, чи контактував О. Успенський з ЦК КП(б)У, коли направив комісію до Тирасполя, але, подальші його дії були погоджені з першим секретарем ЦК КП(б)У М. Хрущовим. Про це він зазначив у записці по проводу, яку було направлено увечері 4 вересня 1938 р. наркому внутрішніх справ СРСР М. Єжову. О. Успенський доповів про провокаційні дії НКВС МАРСР і попросив відсторонити І. Широкого від роботи і віддати під суд, а на його місце запропонував призначити заступника начальника УНКВС по Сталінській області Д. Ліфара. Останній ним був охарактеризований як «гарний більшовик і тямущий працівник»⁴⁵.

До речі, Д. Ліфар в цей час (у липні — на початку вересня 1938 р.) затверджував і підписував практично всі процесуальні документи у слідчих справах на співробітників — «порушників соцзаконності», про яких мова піде у другому розділі нашої книги⁴⁶.

Незважаючи на поспіх О. Успенського, прийняття рішення щодо І. Широкого у Москві затягнулося більше, ніж на три тижні. В. Кашу обмовився, коли написав, що в цей час стосовно І. Широкого проводилося попереднє слідство у Києві, друга стадія якого охоплювала період з 4 до 28 вересня 1938 р.⁴⁷. Тоді йшлося про службове розслідування у центральному апараті НКВС УРСР. І. Широкий і деякі його підлеглі були викликані для надання пояснень до Києва. Туди ж були доставлені для допиту заарештовані колишні відповідальні працівники МАРСР, які раніше надали свідчення про існування «центру», а потім відмовилися від них.

Ще по дорозі до Києва І. Широкий став апелювати до ЦК ВКП(б) і ЦК КП(б)У, і тим самим ускладнив стосунки з керівництвом НКВС УРСР і ситуацію взагалі. Намагаючись виправдати себе, він 5 вересня 1938 р. подав рапорт на ім'я О. Успенського і заяву особливоуповноваженому НКВС УРСР, де визнав висновки комісії правильними, а своє апелювання до керівних партійних органів помилковим⁴⁸. Проте, у своєму другому рапорті на ім'я О. Успенського від 5 вересня 1938 р. І. Широкий зробив розворот на 180 градусів, зазначивши: «Свою заяву знімаю, як

⁴⁵ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 297, арк. 365–368.

⁴⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 1, арк. 8, 10, 14.

⁴⁷ Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора... — С. 609–610.

⁴⁸ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 14–17, 19–30.

вимушену погрозами побиття»⁴⁹. Вже наступного дня у третьому рапорті на ім'я Успенського він знову підтвердив основні тези свого першого рапорту. Все це вказує на невизначеність ситуації на той момент. Подив ви-кликає посилання на погрозу побиття, оскільки керівник НКВС такого рангу міг бути підданий цьому лише після вирішення питання про його арешт. А це питання ще не було вирішено.

У його розгляді брало участь кілька сторін, і про це, мабуть, знав сам І. Широкий. У своєму четвертому зверненні на ім'я О. Успенського від 7 вересня 1938 р. І. Широкий виявив неабияку обізнаність: «Хочу щиро вибачитися перед Вами, а через Вас і перед товаришем Микитом Сергійовичем Хрущовим і перед нашим улюбленим сталінським наркомом товаришем Миколою Івановичем Єжовим, яким я своїми помилками і неправильними діями заподіяв багато неприємного»⁵⁰.

Від кого міг знати І. Широкий про те, що він заподіяв «багато неприємного» першому секретарю ЦК КП(б)У і наркому внутрішніх справ СРСР? Тільки від свого безпосереднього шефа О. Успенського. У статті І. Кашу, хоча і без достатнього документального обґрунтування, однак помітна знача роль М. Хрущова у справі І. Широкого. З'являється відчуття тиску, який здійснював Хрущов на керівників НКВС у зв'язку із «молдавською справою», а також напруги, що виникла з цього приводу у трикутнику М. Хрущов — О. Успенський — М. Єжов.

Власне виникнення «молдавської справи», що перетворилася згодом на справу І. Широкого, «отруїло» подальше життя О. Успенському, який до цього докладав усіх зусиль, аби не отримати ворога в особі керівника ЦК КП(б)У М. Хрущова, вельми впливового і вхожого в усі кремлівські кабінети. Згідно з опублікованими даними, О. Успенський вже 12 вересня 1938 р. обговорив зі своєю дружиною можливість своєї втечі з метою уникнення арешту⁵¹. Адже, крім справи І. Широкого, були й інші вагомі причини, що змушували наркома внутрішніх справ УРСР замислитися про своє найближче майбутнє.

Напередодні і під час слідства у справі І. Широкого відбувалися важливі зміни у НКВС СРСР. Призначений 22 серпня 1938 р. першим заступником наркома внутрішніх справ СРСР Л. Берія очолив 8 вересня 1-е управління НКВС СРСР, яке 29 вересня 1938 г. знову перетворили на Головне управління державної безпеки. Серед істориків домінує думка, що це були чіткі сигнали Й. Сталіна партійно-державному апарату про зміну його кадрових уподобань. Виникла ситуація, яка змушувала керівників органів НКВС «балансувати» між наркомом внутрішніх справ СРСР М. Єжовим і його новим першим заступником, який курував питання держбезпеки.

⁴⁹ Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора...— С. 601. (ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 18).

⁵⁰ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 77.

⁵¹ Золотарьов В. Олександр Успенський: особа, час, оточення.— Харків: Фоліо, 2004.— С. 214.

Цей фактор вплинув і на перебіг справи І. Широкого. Саме від Л. Берії надійшла вказівка О. Успенському про проведення допитів співробітників НКВС МАРСР, які вели слідство у справі «Молдавського право-троцькістського центру». І саме Л. Берії доповів нарком внутрішніх справ УРСР 21 вересня 1938 р. про виконання цієї вказівки. Надсилаючи протоколи допитів, О. Успенський запросив у Л. Берії нових вказівок⁵². Ситуація виглядає так, що безпосередній контроль за розглядом у справі І. Широкого здійснював Л. Берія, а роль М. Єжова в цьому була скоріш закулісною.

Восени 1938 р., під час зустрічі у себе на дачі з начальником УНКВС по Ленінградській області М. Литвином і О. Успенським, М. Єзов «попередив своїх фаворитів, щоб вони скоріше “ховали кінці у воду” і у темпі згортали роботу по гучних справах, щоб у них було потім неможливо розібратися»⁵³. Чи йшлося тоді й про «молдавську справу», сказати складно, але слід враховувати можливу екстраполяцію О. Успенський поради М. Єжова і на цю справу.

Великою мірою І. Широкий «підвів» О. Успенського, і останній змушений був викрити І. Широкого як фальсифікатора слідчих справ Задуманий І. Широкий «фокус» з підношенням керівництву готової справи про «к-р право-троцькістський Молдавський центр» не вдався. Незабаром Москва дала санкцію на арешт І. Широкого і притягнення його до кримінальної відповідальності. 27 вересня 1938 р. він був заарештований і запроторений до спецкорпусу Київської тюрми⁵⁴.

Попереднє слідство в його справі вів 4-й відділ УДБ НКВС УРСР. Згідно з постановою про початок слідства І. Широкий був обвинувачений в тому, що «займався здирицтвом від заарештованих неправдивих свідчень» (ст. ст. 206–17 п. «а» і 108 КК УРСР)⁵⁵. Таким чином, на початку жовтня 1938 р. він став, власне, першим високопосадовцем органів НКВС УРСР, якому було висунуто обвинувачення саме як порушнику соціалістичної законності, але ще без вживання цього формулювання. Цією постановою починається перший розділ нашої публікації.

Через нестачу відповідних документів нам складно говорити про те, як просувалося слідство у жовтні — першій половині листопада 1938 р. Гадаємо, О. Успенський намагався дистанціюватися від свого підлеглого, провести слідство і покарати І. Широкого так, щоб були задоволені, перед усім, керівники партійних органів, а сам підлеглий мав би вигляд заблукалої вівці.

Проте в цей час ситуація в НКВС складалась несприятливо для висуванців М. Єжова. Про загальну соціально-психологічну обстановку, в якій перебували тоді М. Єзов і «єжовці», достатньо написано

⁵² ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 297, арк. 401.

⁵³ См.: Федосеев С. Фаворит Ежова // Совершенно секретно.— 1996.— № 9. Цит. за: Золотарьев В. Олександр Успенський: особа, час, оточення.— С. 209.

⁵⁴ Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора.— С. 598–599.

⁵⁵ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 2.

в історичній літературі⁵⁶. Скажімо лише, що нова хвиля арештів колишніх і діючих високопосадовців у НКВС, яка почалася наприкінці жовтня 1938 р., гнітюче подіяла на керівників органів НКВС усіх рангів.

Розмірковуючи про це і про справу І. Широкого, О. Успенський мав розуміти, що будь-який результат цієї справи зіграє проти нього. Первинне звинувачення І. Широкому під час слідства розширилося. У довідці 2-го відділу УДБ НКВС УРСР від листопада 1938 р. було зазначено, що І. Широкий заарештований «за провокацію у слідстві, здринцтво від заарештованих неправдивих свідчень і підробки у протоколах допитів»⁵⁷.

О. Успенський, вочевидь, знав від М. Єжова про підготовку майбутньої постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства» (від 17 листопада 1938 р.) і добре розумів, чим це йому загрожувало. У нього під боком був під вартою І. Широкий — наочний приклад системних порушень соцзаконності в діяльності органів НКВС, кампанію по боротьбі з якими невдовзі належало розгорнути. Навіть «здавши» І. Широкого і підвівши його під розстріл, тим самим заховавши за порадою М. Єжова «кінці у воду» у «молдавській справі», логічним було б очікувати порушення питання про те, а де ж було керівництво НКВС УРСР, коли периферійний нарком І. Широкий займався беззаконням? Якщо б питання постало у такій площині, І. Широкий до свого статусу обвинуваченого міг ще додати роль свідка, який вимушений був виконувати вказівки «ворожого керівництва». Власне, місяць потому так воно і сталося.

На підставі цього можна припустити, що одночасно з такими факторами, як зміна у кадрових вподобаннях «вождя», натяки М. Єжова своїм висуванцям на хитку ситуацію, нові арешти керівних працівників НКВС, самогубство 12 листопада 1938 р. згаданого М. Литвина і, нарешті, телефонний дзвінок 14 листопада М. Єжова О. Успенському з викликом останнього до Москви, справа І. Широкого могла стати одним із суттєвих місцевих факторів, що обумовили втечу О. Успенського з Києва 14 листопада 1938 р. і перехід його на нелегальне становище. Своєю втечою він чимало посприяв завершенню кар'єри в НКВС М. Єжова, якого 25 листопада 1938 р. на посаді наркома внутрішніх справ СРСР змінив Л. Берія.

Початок кампанії по боротьбі з «порушеннями соцзаконності» після виходу постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. співпав з появою нового сюжету в «молдавській справі». Наприкінці листопада в поле зору вищого керівництва СРСР потрапила справа директора школи у с. Ближній Хутір Тираспільського району МАРСР Т. Садалюка⁵⁸. У першому розділі цієї книги публікуються документи, які досить повно розповідають про цю справу, тому ми окремо зупинятися на ній не будемо. Зазначимо лише, що Т. Садалюк направив лист-заяву про про

⁵⁶ Див., наприклад: Золотарьов В. Олександр Успенський: особа, час, оточення.— С. 206–214.

⁵⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 1.

⁵⁸ Докладніше див.: Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора.— С. 614–620.

свабільні дії стосовно нього співробітників НКВС МАРСР М. Хрушову і у копіях — Й. Сталіну, В. Молотову, М. Єжову та голові РНК УРСР Д. Коротченку.

Мабуть, М. Хрушов, обурений фактами, що були викладені у листі, став ініціатором розгляду заяви Т. Садалюка на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б), оскільки історія, яку розповів Т. Садалюк, стосувалася безпосередньо його і Д. Коротченка. Водночас М. Хрушов доручив другому секретарю ЦК КП(б)У і Голові Верховної Ради УРСР М. Бурмистенку зв'язатися з приводу заяви Т. Садалюка з НКВС УРСР.

Політбюро ЦК ВКП(б) на своєму засіданні 1 грудня 1938 р. прийняло рішення про те, що у випадку підтвердження заяви Т. Садалюка про злочинні дії співробітників НКВС МАРСР, належало «організувати відкритий суд, розстріляти винуватців і опублікувати [матеріал] у пресі (центральної і місцевої)». Провідну роль у прийнятті цього рішення зіграли Й. Сталін і В. Молотов⁵⁹. Отже, було прийнято політичне рішення про показове покарання співробітників НКВС — винуватців конкретного злочину. Серйозність підходу до цього питання ілюструє той факт, що за вказівками керівників Прокуратури СРСР і НКВС СРСР до Києва для ведення слідства виїхали слідчий з особливо важливих справ при Прокурорі СРСР Л. Шейнін і оперуповноважений 2-го відділу ГУДБ НКВС СРСР М. Ломов.

Після втечі О. Успенського НКВС УРСР не мав нового, офіційно призначеного керівника. Виконувати обов'язки наркома було доручено начальнику прикордонних і внутрішніх військ НКВС УРСР В. Осокіну. Але, історики вважають, що фактично наркомом стала людина Л. Берії — старший лейтенант держбезпеки А. Кобулов, який прибув з Абхазії і офіційно був призначений 7 грудня 1938 р. заступником наркома внутрішніх справ УРСР. Ця версія підтверджується і документами з «молдавської справи».

Отримавши від ЦК КП(б)У супровідного листа за підписом М. Бурмистенка з копією листа Т. Садалюка, якого напередодні прочитали А. Кобулову по телефону, останній 30 листопада 1938 р. розпорядився направити вказівку т.в.о. наркома внутрішніх справ МАРСР Т. Строкачу про арешт і направлення у розпорядження НКВС УРСР слідчого у справі Т. Садалюка, помічника оперуповноваженого НКВС МАРСР П. Чичикала⁶⁰.

Така вказівка була підготовлена 1 грудня 1938 р. за підписом т.в.о. наркома В. Осокіна⁶¹. Йому ж, як наркому (навіть без префіксу т.в.о.), і старшому лейтенанту держбезпеки А. Кобулову (без зазначення посади) було адресовано листа Л. Берії від 2 грудня 1938 р. про направлення до

⁵⁹ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры.— М.: РОССПЭН, 2010.— С. 357.

⁶⁰ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 101. В статті І. Кашу фамилия П. Чичикало ошибочно напечатана с пропуском буквы «и» — Чичикало (с. 616–619, 625, 629).

⁶¹ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 99.

Киева Л. Шейніна і М. Ломова. У листі була вказівка А. Кобулову «включитися в роботу з проведення слідства»⁶².

Пізніше у документах ця трійця (Л. Шейнін, А. Кобулов і М. Ломов) фігурувала як комісія, провідну роль в якій відігравав представник Прокуратури СРСР. Судячи з поміток на листі Л. Берії, він був зареєстрований в НКВС УРСР 3 грудня 1938 р.⁶³, вірогідно, у день прибуття до Києва представників Москви. Наступного дня Л. Шейнін оформив постанову про початок розслідування за фактами незаконного арешту співробітниками НКВС МАРСР Т. Садалюка і застосування до нього «злочинних і провокаційних методів слідства», що підпадало під ознаки ст. 206–17 п. «б» КК УРСР⁶⁴.

5 грудня Л. Шейнін, А. Кобулов і М. Ломов допитали Т. Садалюка⁶⁵. Цим же днем датовано ще п'ять документів: постанова Л. Шейніна про обрання запобіжного заходу (утримання під вартою у тюрмі НКВС УРСР) для П. Чичикала, протокол допиту останнього як обвинуваченого і написані ним власноручні показання, а також протоколи допитів начальника відділення 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР І. Волкова і начальника 4-го відділу УДБ НКВС МАРСР І. Мягкова⁶⁶.

У такому ж темпі слідство тривало і надалі, й дуже швидко картина злочинів, скоєних в НКВС МАРСР, стала зрозумілою, а до І. Широкого і П. Чичикала, що перебували під слідством, були додані деякі їхні колеги. 7 грудня 1938 р. були оформлені постанови про арешт і пред'явлення обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» колишньому помічнику оперуповноваженого 4-го відділу УДБ НКВС МАРСР І. Шпицю, колишньому начальнику цього відділу Г. Юфі та І. Волкову⁶⁷. Водночас з'явилася аналогічна постанова і стосовно С. Кузьменка — агента НКВС МАРСР «Фокус», обвинуваченого за ст. 17–54–11 КК УРСР, з перекваліфікацією злочину трохи згодом на ст. 20–206–17 п. «б» КК УРСР⁶⁸.

Вже через три дні після початку слідства комісія направила Л. Берії донесення про результати розслідування. Воно складалося з двох частин. У першій йшлося про справу Т. Садалюка, а у другій частині — про інші злочини, скоєнні співробітниками НКВС МАРСР. У частині, що стосувалася Т. Садалюка, були підтверджені майже всі його обвинувачення на адресу співробітників НКВС, але не були отримані «інші дані, які могли б свідчити про те, що у 4-му відділенні⁶⁹ УДБ НКВС МАРСР була

⁶² ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 297, арк. 494.

⁶³ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 6.

⁶⁴ Там само, vol. 1, f. 1.

⁶⁵ Там само, vol. 1, f. 5–8, 9–13 verso.

⁶⁶ Там само, vol. 1, f. 26, 27–29, 48–59, 77–84, 85–95.

⁶⁷ Там само, vol. 1, f. 116–120.

⁶⁸ Там само, vol. 2, f. 97, 156.

⁶⁹ Тут і далі у документах, які підготував Л. Шейнін, 4-й відділ названо 4-м відділенням.

установка на отримання провокаційних свідчень стосовно т.т. Хрушова і Коротченка»⁷⁰.

Ця інформація понизила політичну гостроту «молдавської справи», оскільки вона вже не зачіпала вище керівництво УРСР і дозволяла звести її до надзвичайної події місцевого масштабу. До того ж Л. Шейнін докладно поінформував М. Хрушова про результати розслідування, що, мабуть, дещо заспокоїло партійного керівника УРСР. З огляду на результати розслідування, комісія запропонувала «гласний процес у цій справі обмежити епізодом Садалюка і створенням штучної справи про к-р фашистську молодіжну організацію» та «притягти як фігурантів на цьому процесі колишнього наркома внутрішніх справ МАРСР Широкого, Юфу, Шпиця, Чичикала, агента «Фокус» (Кузьменка) і Семенова»⁷¹, а питання про притягнення І. Волкова вирішити після допитів свідків у справі. Останнє зробили дуже швидко, і, як вже було сказано, І. Волков склав компанію своїм колишнім колегам.

Складніше було з колишнім працівником НКВС М. Семеновим, який був звільнений з органів і працював потім у комісії у справах релігійних культів при ЦВК МАРСР. Незважаючи на те, що Семенов у 1937–1938 рр. не мав жодного стосунку до органів НКВС, за ініціативи Г. Юфи він також брав участь у фальсифікації слідчих справ, зокрема і щодо групи молодих учителів, включно із Т. Садалюком. Тому комісія дала вказівку про арешт М. Семенова, який виїхав із МАРСР і мешкав в Одесі. Однак, у зв'язку з тим, що Семенова не змогли розшукати, справа стосовно нього 16 грудня 1938 р. була призупинена⁷².

Так сформувалося коло фігурантів слідчої справи № 26 із числа колишніх працівників НКВС МАРСР, які мали стосунок до створення фіктивної «к-р фашистської молодіжної організації» та інших злочинів. Комісія у своєму донесенні Л. Берії запропонувала «розслідування стосовно інших злочинів, скоєних кол[ишніми] працівниками НКВС МАРСР, провести окремо, доручивши це спеціально виділеній групі працівників»⁷³.

У нашому розпорядженні немає документів про те, чи була прийнята керівництвом НКВС СРСР ця пропозиція. Проте у листі Л. Шейніна на адресу Прокурора СРСР А. Вишинського, який він направив після відправки донесення Л. Берії, йшлося про те, що крім епізодів, пов'язаних зі справою Т. Садалюка, «викрито низку аналогічних злочинів, скоєних працівниками НКВС МАРСР, розслідування яких буде організовано новим керівництвом НКВС УРСР»⁷⁴.

Мабуть, Л. Шейнін був упевнений у тому, що Л. Берія дасть дозвіл на проведення додаткового розслідування, адже про висновки та пропозиції комісії були поінформовані перший секретар ЦК КП(б)У і Прокурор

⁷⁰ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 19.

⁷¹ Там само, f. 24.

⁷² Там само, f. 192.

⁷³ Там само, f. 25.

⁷⁴ Там само, f. 4–5.

СРСР. І можна було не сумніватися, що вони підтримають цю пропозицію у разі її розгляду в Політбюро ЦК ВКП(б). Крім того, і сам Л. Берія навряд чи мав тоді якісь заперечення проти викриття брудних справ, що мали місце в системі НКВС за часів його попередника М. Єжова. Навіть більше, йшлося про НКВС УРСР, який донедавна очолював один з найодіозніших висуванців М. Єжова О. Успенський, що перебував тоді у всесоюзному розшуку (був розшуканий і заарештований у м. Міасс Челябінської області, РРФСР, 15 квітня 1939 р. Сам М. Єжов був заарештований за п'ять днів до цього — 10 квітня 1939 р.⁷⁵).

Матеріалів слідства вистачило для того, щоб з 10 до 13 грудня 1938 р. Л. Шейнін підготував постанови про притягнення як обвинувачених І. Шпиця, Г. Юфи, І. Волкова, П. Чичикала, І. Широкого, С. Кузьменка та ознайомив з ними обвинувачених⁷⁶. Про І. Широкого було зазначено, що у 1938 р. він, як нарком внутрішніх справ МАРСР, «систематично порушував провокаційні штучні справи проти невинних людей, фабрикуючи з цією метою фіктивні агентурні донесення і даючи завдання оперативним працівникам, його підлеглим, здобувати необхідні показання від заарештованих шляхом побиття та різного роду злочинних методів слідства і таким чином спонукаючи їх обмовляти себе та інших вочевидь невинних людей, а також практикував масові безпідставні арешти громадян»⁷⁷.

Не забув Л. Шейнін і про інших колишніх керівників і співробітників НКВС МАРСР, прізвища і діяння яких спливали під час слідства. Наприклад, з показань того ж І. Широкого яскраво було видно злочинні дії його попередників Л. Рівліна (вже звільненого з НКВС) і М. Лютого (Шестаковського), нещодавно переведеного до Караганди.

16 грудня 1938 р. Л. Шейнін підписав постанову, у констатуючій частині якої було два пункти. Згідно з першим «зібраними у справі даними і показаннями обвинувачених і свідків встановлюється, що ряд працівників НКВС МАРСР — Лютий⁷⁸, Рівлін⁷⁹, Кірюшин, Коленко та інші — скоїли різного роду злочини, за які підлягають притягненню до судової відповідальності». У другому пункті зазначалося, що «злочини, скоєні цими особами, не мають безпосереднього стосунку до епізодів, що проходять у цій справі, а тому мають бути спеціально, незалежно від цієї справи, розслідувані».

Виходячи з цього, Л. Шейнін ухвалив: «Виділити у копіях усі матеріали у цій справі і надати їх наркому внутрішніх справ УРСР для організації спеціального розслідування стосовно осіб, що проходять за цими матеріалами, а також для перевірки обґрунтованості справ, які були ними

⁷⁵ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 185, 417.

⁷⁶ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 1, f. 232, 234, 236, 238, 239; vol. 2, f. 27.

⁷⁷ Там само, 1, f. 239.

⁷⁸ У документі помилково — Лютов.

⁷⁹ У документі помилково — Ривлін.

порушені проти низки осіб»⁸⁰. Того ж дня копії постанови і матеріалів справи одержав секретар наркома внутрішніх справ УРСР П. Поліщук.

Тоді ж (16 грудня 1938 р.) Л. Шейнін ознайомив заарештованих з протоколами про закінчення попереднього слідства, надавши при цьому можливість І. Широкому ознайомитися з матеріалами справи⁸¹. Після цього, останній, вірогідно, зрозумів, що його доля вирішена наперед. У своїй заяві на ім'я Л. Шейніна, також датованій 16 грудня, І. Широкий запевняв, що його «зовсім не лякає фізична смерть», і що він «готовий померти будь-якої хвилини за велику справу партії Леніна–Сталіна»⁸².

Ця «будь-яка хвилина» настала дуже швидко. 18 грудня 1938 р., о 6 год. ранку, І. Широкий, що перебував у камері № 20 внутрішньої тюрми НКВС УРСР, був знайдений мертвим. З посиланням на архівно-слідчу справу І. Широкого, І. Кашу написав, що офіційно той «покінчив життя самогубством шляхом введення собі у горло шматка марлевого бинта»⁸³.

У нашому розпорядженні немає першого донесення НКВС УРСР у Москву про цей факт. Але є відповідь на телеграму Л. Берії, що надійшла до НКВС УРСР з цього приводу пізніше. Увечері 30 грудня 1938 р. йому була відправлена записка по проводу за підписом А. Кобулова, в якій зазначалося, що «додатковим розслідуванням і розтином трупа Широкого ніяких ознак насильства зі сторони не виявлено». А. Кобулов доповів також, що «на працівників тюрми, які винні у порушенні правил внутрішнього розпорядку, накладено адміністративні стягнення»⁸⁴. Тобто, передусім, було з'ясоване питання про те, чи мало місце навмисне вбивство, чи це було самогубство заарештованого.

Здавалося б, все зрозуміло. Однак, пізніше, знову з посиланням на результати проведеного розслідування, зокрема, згідно з актом судово-слідчої експертизи, смерть І. Широкого настала «від задушення внаслідок припинення доступу повітря у дихальні шляхи накладеної на шию петлею з марлевого бинта». Про це йдеться у постанові про припинення справи, що була підготовлена майже через рік (8–9 грудня 1939 р., документ № 2). Там також сказано, що «відсутність на тілі ознак боротьби і спротиву дала підстави вважати, що петля була накладена власною рукою Широкого, тобто у цьому випадку мало місце самогубство»⁸⁵.

Ці різночитання у способі «задушення» («шматка марлевого бинта» у горлі або «петля з марлевого бинту», накладена на шию), а також річний інтервал між фактичним і формальним припиненням справи І. Широкого, викликають певні підозри та залишають місце для подальших архівних пошуків і роздумів.

⁸⁰ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 194.

⁸¹ Там само, f. 211.

⁸² Там само, f. 217.

⁸³ Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора...— С. 622. (ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 323–324.)

⁸⁴ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 179.

⁸⁵ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 194–195.

Як би там не було, І. Широкий, який спричинив «багато неприємного» керівництву, вибув зі складу обвинувачених. Об'єктивно це стало гарантією невиходу майбутнього відкритого судового процесу за межі сюжету про Т. Садалока і штучного створення співробітниками НКВС МАРСР справи «контрреволюційної фашистської молодіжної організації», як це було запропоновано комісією, що проводила розслідування. У листі А. Кобулову від 22 грудня 1938 р. Л. Берія санкціонував передачу під гласний суд Військового трибуналу інших обвинувачених (документ № 3).

Наступного дня Л. Шейнін, який не випускав слідство зі своїх рук, підписав обвинувальний висновок у справі № 26 (документ № 4). Його копію А. Кобулов офіційно отримав лише 30 грудня 1938 р., коли судовий процес вже розпочався⁸⁶. Після смерті І. Широкого в обвинувальному висновку роль головного «фокусника» перейшла до Г. Юфа. Як зазначено у документі, І. Широкий «поставив перед ним завдання “викрити” к.р. фашистську молодіжну організацію, заявивши, що у деяких областях УРСР такі організації викриті, а, отже, така організація не може не існувати і в Молдавії. Однак НКВС МАРСР не мав даних про наявність подібної к.р. організації, і тому Юфа, який вирішив виконати вказівку Широкого, став на шлях створення провокаційної, штучної справи. З цією злочинною метою Юфа вирішив використати секретного агента “Фокус”»⁸⁷.

26 грудня 1938 р. Військовий трибунал прикордонних і внутрішніх військ Київського округу на підготовчому засіданні прийняв справу у своє провадження (її перереєстрували за № 58–1938 р.) і затвердив обвинувальний висновок. Тоді ж обвинувачених ознайомили з висновком і витягом з протоколу попереднього засідання трибуналу про віддання їх під суд. При цьому Г. Юфа письмово виклав прохання про виклик до суду як свідків п'яти колишніх колег, у тому числі Л. Рівліна⁸⁸. Але цього не зробили, а на початку суду і сам Г. Юфа відмовився від свого клопотання⁸⁹.

Відкрите судове засідання Військового трибуналу проходило у Києві з 29 до 31 грудня 1938 р. і закінчилося ухвалою смертного вироку всім п'ятьом обвинуваченим (документ № 6). 5 січня 1939 р. справу, касаційні скарги засуджених та їхні клопотання про помилування направили до Військової колегії Верховного суду СРСР і Президії Верховної Ради СРСР⁹⁰. Водночас т.в.о. голови Військового трибуналу Я. Васютинський передав М. Хрущову прохання про помилування, які подали на його ім'я П. Чичикало, С. Кузьменко, Г. Юфа та І. Волков⁹¹. Апелювання

⁸⁶ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 66.

⁸⁷ Там само, f. 1.

⁸⁸ Там само, f. 13 verso.

⁸⁹ Там само, f. 25–25 verso.

⁹⁰ Там само, f. 74.

⁹¹ Там само, f. 73.

засуджених до першого секретаря ЦК КП(б)У в цій ситуації є досить цікавим у світлі тієї ролі, яку він відіграв у справі. Трохи пізніше до Москви відправили додаткові касаційні скарги і клопотання про помилування від захисту засуджених⁹².

Розгляд справи і надісланих документів у Москві був блискавичним. Дався взнаки особливий контроль з боку Політбюро ЦК ВКП(б). Вже 8 січня 1939 р. Військова колегія винесла ухвалу, згідно з якою вирок було залишено у силі без змін, а касаційні скарги засуджених відхилено (документ № 7). Наступного дня Президія Верховної Ради СРСР відхилила клопотання про помилування⁹³. Справу і всі необхідні нові документи відправили до Києва і було віддано розпорядження НКВС УРСР про негайне виконання вироку, що було зроблено 11 січня 1939 р. (документ № 8).

Згідно з рішенням Політбюро ЦК ВКП(б) судове засідання було відкритим. Парторгани і НКВС УРСР здійснювали контроль за відбором осіб, яких було допущено до залу засідання суду. Це були представники інтелігенції, стаханівці, партпрацівники, журналісти. Присутність останніх була особливо важливою, адже належне висвітлення суду у пресі мало забезпечити його публічність.

І. Кашу у своїй статті написав, що при перегляді газети «Соціалістична Молдавія» за вересень 1938 р. — лютий 1939 р. не виявлено інформації про судові процеси над п'ятьма згаданими та іншими співробітниками НКВС МАРСР. На цій підставі він зробив висновок про те, що «незважаючи на рішення Політбюро від 1 грудня 1938 р. про публікацію у пресі інформації про суд над винуватцями і натхненниками справи Садалюка, у газетах так нічого і не було опубліковано»⁹⁴.

Однак судовий процес висвітлювався на сторінках друкованого органу ЦК і Київського комітету КП(б)У — газеті «Комуніст». Всього було опубліковано три інформаційних повідомлення про суд — 30 і 31 грудня 1938 р. та 1 січня 1939 р. Перший матеріал було розміщено у правому верхньому куті четвертої (останньої) сторінки п'ятничного випуску газети (двома колонками майже до половини сторінки) під рубрикою «Суд». Він мав назву «Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР». У повідомленні йшлося про початок слухання справи, зазначено, що Г. Юфа та інші підсудні звинувачені «у провокаційному створенні штучних справ, у незаконних арештах і грубих порушеннях закону при проведенні слідства у справах»⁹⁵. Далі процитовано обвинувальний висновок щодо появи справ Т. Садалюка і ще одного потерпілого — Й. Ленчинера.

⁹² ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 78.

⁹³ Там само, f. 82.

⁹⁴ Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора...— С. 620, 629.

⁹⁵ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст: Орган Центр. Ком. і Київськ. Ком. КП(б)У.— 1938.— № 299.— 30 грудня.

У наступному числі газети, на тому ж місці, під тією ж рубрикою та назвою було опубліковане друге повідомлення⁹⁶. У ньому інформувалося про завершення вечірнього засідання Військового трибуналу 29 грудня і про ранкове засідання 30 грудня 1938 р. Розповідалося про допит підсудних, до того ж, співставлення тексту протоколу судового засідання з газетним звітом свідчить про те, що у газеті все було досить адекватно відображено, звичайно, без деталізації показань підсудних.

Останнє повідомлення про судовий процес містилося у новорічному номері газети «Комуніст», у звичному для читачів місці, поруч із фотографією дітей, які водили хоровод навколо святково прикрашеної ялинки. Повідомлялося про вечірнє засідання Військового трибуналу 30 грудня і про ранкове засідання 31 грудня 1938 р. Закінчувався матеріал словами про те, що усі підсудні засуджені до вищої міри покарання — розстрілу⁹⁷.

В архівних документах секретаріату НКВС УРСР є машинописний текст цього інформаційного повідомлення⁹⁸. Від того, що опублікований у газеті «Комуніст», він відрізняється мовою (у газеті — українською, у машинописі — російською). Мабуть, цей текст призначався для А. Кобулова, який перед початком процесу був повновладним т.в.о. наркома внутрішніх справ УРСР. Для підвищення авторитету 28 грудня 1938 р. йому достроково було присвоєно спецзвання майора держбезпеки⁹⁹. Хоча сам А. Кобулов, вірогідно, ще не отримав копії наказу й деякий час продовжував підписувати документи із зазначенням своєї посади «заступник наркома» і звання «старший лейтенант держбезпеки».

На те, що машинописний текст російською мовою був, скоріш за все, робочим документом А. Кобулова, вказує важливий концептуальний зміст тексту. Коротко висвітливши свідчення п'яти свідків, основну увагу у третьому повідомленні зроблено на великій півторагодинній промові державного обвинувача — помічника головного військового прокурора А. Кузнецова. У протоколі судового засідання, що публікується у цій книзі, про цю промову зазначено в одному абзаці (див. документ № 5). Однак саме прокурору було доручено розставити всі крапки над «і» у справі та показати її політичне значення. Про це, а також про те, що пропагандистська складова в його виступі переважала, свідчать дві головні тези промови.

Перша полягала в апологізації органів ЧК–ОДПУ–НКВС: «З перших днів революції, — говорив прокурор, — органи ЧК, органи ОДПУ, органи НКВС завжди стояли, і будуть стояти на сторожі великих завоювань Жовтня. У нашій країні, як і в трудящих усього світу, уява про органи НКВС нерозривно зв'язана з невмирущою славою, якою овіяні наші славні чекісти, з невмирущою славою їх нещадної боротьби з ворогами

⁹⁶ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст: Орган Центр. Ком. і Київськ. Ком. КП(б)У. — 1938. — № 300. — 31 грудня.

⁹⁷ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст: Орган Центр. Ком. і Київськ. Ком. КП(б)У. — 1939. — № 1. — 1 січня.

⁹⁸ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 164–168.

⁹⁹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. — С. 234.

народу, боротьби переможної та героїчної. Ось чому так люблять і будуть любити в нашій країні працівників НКВС...».

На цьому тлі діяння підсудних у промові прокурора виглядали підступною, нетиповою для співробітників НКВС, витівкою. Наполягаючи на загальній любові до «вірних синів партії», прокурор протиставив їм підсудних: «Ось чому особливо мерзенні злочини, які були вчинені особами, що сидять на лаві підсудних. Вони, пробравшись в органи НКВС, намагались заплямувати почесне звання чекіста, роблячи свої мерзенні справи. Їм це не вдасться, громадяни судді! Їм не вдасться забруднити славного бойового прапора НКВС — бойового меча диктатури пролетаріату, вірного вартового нашої великої батьківщини!»¹⁰⁰.

Отже, перший сигнал суспільству полягав у тому, що авторитет НКВС і довіра до його органів і співробітників залишаються непохитними, а окремі мерзотники, які «пробралися до органів» і намагались їх «зганьбити» та «заплямувати», будуть суворо покарані.

Друга теза у промові прокурора стосувалася «непорушного зв'язку» народу з вождями партії та триумфу на цій основі справедливості. За словами прокурора, характерною особливістю справи було те, що «...викриття цих злочинців пов'язано із заявою одного з потерпілих, учителя—комсомольця Садалюка... Однієї тільки заяви, звичайного листа, відправленого звичайною поштою на ім'я секретаря Центрального Комітету КП(б)У [М. Хрушова], було досить для того, щоб відразу, в найкоротший строк, розслідувати цю справу, викрити цих негідників, змусити їх тримати відповідь перед пролетарським судом». Розвиваючи цю тему, прокурор запитував: «Де, в якій іншій країні, може мати місце подібний факт, який свідчить про органічний і непорушний зв'язок найширших верств нашого народу, нашої радянської інтелігенції з керівництвом нашої партії та її вождями? Де, в якій іншій країні, така безмежна віра в перемогу правди і справедливості...?»¹⁰¹.

Отже, друге послання суспільству полягало у просуванні віри в мудре і справедливе керівництво партії та її «вождів», які здатні, при потребі, співробітників НКВС поставити на місце та притягнути до відповідальності. Це дійсно був серйозний сигнал, але виникає запитання: чи всі його почули і правильно зрозуміли в системі НКВС? Події першої половини 1939 р. показали, що далеко не всі «вірні сини партії» зробили висновки не тільки з партійних зборів і оперативних нарад співробітників НКВС, присвячених обговоренню постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р., тобто з обговорення питання про «порушення соцзаконності» у цілому, але й з інформації про судовий процес над групою колишніх співробітників НКВС МАРСР, що завершився смертними вироками конкретним винуватцям таких порушень.

Також слід заради справедливості зазначити, що важко уявити, якою мала б бути реакція на газетну публікацію, якщо після слів у повідомленні

¹⁰⁰ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст. Орган Центр. Ком. і Київськ. Ком. КП(б)У.— 1939.— № 1.— 1 січня.

¹⁰¹ Там само.

про те, що «далі прокурор переходить до детального аналізу мерзенних злочинів, вчинених підсудними...» нічого не було сказано про те, у чому полягали ці злочини в інтерпретації державного обвинувача. Оскільки раніше ці злочини були описані зі слів свідків лише у значно скороченій і пом'якшеній формі.

Мабуть тому у січні 1939 р. один з «героїв» нашої книги С. Гапонов, який очолював на той момент УНКВС по Одеській області, заявив одному зі заарештованих: «Розмови в'язнів про процес над працівниками НКВС Молдавії носять провокаційний характер. Цих людей [співробітників НКВС МАРСР.— Авт.] судили не за неправильні методи слідства, а за те, що одні працівники НКВС на ґрунті кухонних чвар звели рахунки зі своїм сусідом»¹⁰². Таким чином, у трактуванні С. Гапонова проблема зводилася до побутових «розбірок» І. Шпиця і колег, що його підтримали, з Й. Ленчинером.

Підсумовуючи виклад у пресі перебігу суду над співробітниками НКВС МАРСР, слід зазначити, що остання публікація із «запальною» промовою прокурора і розміщеною поруч фотографією щасливих дітей біля новорічної ялинки мали вселяти в читачів не тільки справедливий гнів на адресу негідників (що стало вже справою звичною, змінювалися лише об'єкти гніву), але і невичерпний соціальний оптимізм та впевненість у завтрашньому дні. Чи правильно зрозуміли або відчувли читачі, що їм пропонувалося? Впевнено можна сказати, що вони, переважно, розуміли реальну дійсність і не дуже піддавалися ейфорії з приводу триумфу справедливості. Водночас у людей з'явилася надія на зміни на краще.

Під час висвітлення процесу в пресі органи НКВС начебто залишалися осторонь, але не сиділи склавши руки, а за допомогою своєї агентури збирали і опрацьовували реагування населення на суд. Потім, протягом доби було підготовлено чотири доповідні записки, які за підписом А. Кобулова з невеликими часовими інтервалами терміново відправили оновленому керівництву НКВС СРСР — Л. Берії, його першому заступнику і начальнику ГУДБ НКВС СРСР В. Меркулову і заступнику начальника ГУДБ Б. Кобулову. Перша з них була передана о другій годині ночі з 30 на 31 грудня 1938 р., друга — через п'ять годин — о 7 год. 10 хв., на третій і четвертій позначок про час їх передачі немає, але обидві датовані 31 грудня.

У першій записці повідомлялося про публікацію в пресі звіту про початок відкритого судового засідання Військового трибуналу і зафіксовані у зв'язку з цим реагування населення. На цьому документі слід зупинитися докладніше, оскільки він яскраво характеризує реальне, а не плакатне сприйняття людьми (переважно інтелігенцією) співробітників і органів НКВС, Великого терору і початок виходу з нього. У записці відображені реагування загалом 21-ї людини. Ми наведемо більш характерні, зберігаючи основну структуру та стилістику документа:

¹⁰² Слова С. Гапонова процитировал С. Шпак во время допроса его в Военной прокуратуре Одесского военного округа 9 апреля 1940 г. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 3, арк. 154).

«Письменник ПЕРВОМАЙСЬКИЙ¹⁰³ у театральному ресторані, у присутності письменників СОБКА¹⁰⁴, ГОЛОВАНІВСЬКОГО¹⁰⁵ та інших, коли прочитав повідомлення про процес, сказав: “Ця справа має велике політичне значення, оскільки розбиває всі розмови про те, що працівники НКВС за злочинні дії ніколи не караються. Навпаки, їх судять і дуже жорстоко”.

СОБКО на слова ПЕРВОМАЙСЬКОГО іронічно зазначив: “Мабуть, нарobili так багато, що треба покарати стрілочників, а головні винуватці відбудуться дурницями”. ГОЛОВАНІВСЬКИЙ підтримав СОБКА схвальними репліками.

Письменник РИЛЬСЬКИЙ¹⁰⁶ (український націоналіст, нами активно розробляється), коли дізнався про процес, висловив припущення, що за цим процесом розпочнеться серія аналогічних і це буде зроблено для того, щоб відновити підірваний в масах авторитет НКВС.

Письменник СОСЮРА¹⁰⁷, що розробляється нами як український націоналіст, зауважив: “Там на процесі всі «свої», і серед них блукають одиниками запрошені, які почувуються невесело у такому оточенні”.

Науковий співробітник Інституту археології ІВАНЦОВ¹⁰⁸ у групі інших співробітників говорив: “Очевидно, цей процес є не єдиним, і за ним будуть інші. Мабуть, цей процес вказує на зміни в системі, що панувала досі в органах НКВС, коли створювали фіктивні організації, писали фальшиві протоколи і від обвинувачених добивалися свідчень кулачним боєм. Співробітник НКВС був для оточення страховиськом і міг навіть зводити особисті рахунки, про що повідомляють тут в газетах”.

Присутній при цьому співробітник ДЗБАНОВСЬКИЙ¹⁰⁹ зауважив: “Очевидно, дістануться і до київських. Такий стан НКВС свідчить, що там є хвороба, і вийти з такого становища не так просто”.

Інший співробітник того ж інституту ДОВЖЕНОК¹¹⁰ казав: “Найцікавіша і найбільш типова справа. Вона показує, як підшивалися і фабрикувалися справи. Все будувалося на вигадках і цим жили”.

[...]

Зав[ідувач] Райжитловідділом, член партії КРИЧЕВСЬКИЙ казав: “Дуже добре, що слухається цей процес відкритим. До органів ЧК завжди було ставлення як до самої чесної, чистої пролетарської установи. А останнім часом говорили як про якийсь застінок. Ну, добре, що зараз покажуть, які елементи там були, чого вони хотіли, тобто хотіли посварити народ з радянською владою. Так, багато безневинних посаджено”.

¹⁰³ Див.: Іменний та біографічний покажчик.

¹⁰⁴ Там само.

¹⁰⁵ Там само.

¹⁰⁶ Там само.

¹⁰⁷ Там само.

¹⁰⁸ Там само.

¹⁰⁹ Там само.

¹¹⁰ Там само.

Працівник Союзфото, член партії ОРЛОВ, вказуючи на портрет тов. ЄЖОВА, сказав: “Зараз стає ясно, що натворила ця маленька людина, відшумів він два роки. Ну, чому на лаві підсудних тільки маленькі люди, а де великі? Виходить, що стрілочники сидять”.

[...]

Головний інженер заводу Укркабель, член партії КУДРЯВЦЕВ казав: “Велике неподобство. Так і у нас не краще. Ось, на нашому заводі посадили 6 чоловік, зараз 4-х випустили. Вони не розповідають подробиць, але кажуть, що пам’ятати будуть все життя. Зараз звільняють багатьох невинних людей, яких заарештували в результаті викривлень”.

Нач[альник] Управління місцевих бюджетів НКФ УРСР НЕЧИТАЙЛО, коли прочитав у газеті повідомлення про процес, сказав: “Я давно говорив, що заарештовують, можливо, невинних людей. Робили це свідомо, створюючи ворогів. Молодець тов. БЕРІЯ, що розібрався в цій справі”.

Співробітник НКФ УРСР ШУЛЬКЕВИЧ казав: “Це не тільки в Молдавії було. У Києві справи не кращі. Треба було б на цей процес направити побільше чекістів, нехай слухають, як не можна порушувати закони”.

Референт Міськради БОСТИЙ казав: “Це справа молдавських працівників, а де ж київські, адже вони — головні вороги, а судять пособників. Я би сам цих сволот стріляв, і рука не здригнулася б”.

Співробітник Міськради КОВРИНСЬКА, підтримуючи БОСТОГО, додала: “Це ще не всі, ще є багато ворогів народу, які намагаються тероризувати населення”.

[...]

Журналіст ТОКАР, член партії, у розмові з приводу процесу говорив: “Мене дивує, що судять таких маленьких людей, знайшли стрілочників, які діяли злочинно, тому що бачили, що так діють і великі начальники”. Показуючи при цьому на портрет тов. ЄЖОВА, ТОКАР додав: “Треба було починати з нього”.

Заст. начальника Главку шкіряної промисловості, член партії КАЦ казав: “Цей процес навчить працівників НКВС, як треба працювати і не створювати під загрозою усілякі дуті контрреволюційні організації. Цей процес внесе зараз недовіру до органів НКВС і сумніви в маси щодо того, чи існує так багато ворогів, і чи потрібні були такі масові арешти. Тепер усім стане ясно, що так діяли вороги, які орудували в органах НКВС”.

[...]»¹¹¹.

Подібно було викладено реагування населення і в наступних трьох записках. Наведемо деякі показові і звернемо увагу на те, що у записках йшлося про широкий громадський резонанс, який викликали газетні публікації про судовий процес. Зокрема, у другій записці повідомлялося:

«Інформація, що публікується у місцевій пресі про відкритий судовий процес у справі групи колишніх співробітників НКВС МАРСР, стала предметом обговорення серед усіх верств населення м. Києва. Від агентури

¹¹¹ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 180–186.

надходять численні матеріали, які свідчать про те, що процес зараз є найбільш поширеною темою для розмов, особливо серед інтелігенції.

Наводжу додаткові факти реагувань:

Лікар КОВАЛЬОВА з приводу процесу заявила: “Суд над колишніми працівниками НКВС є результатом високо принципової політики Сталінського ЦК ВКП(б) і, зокрема, зміни керівництва Наркомвнусправом. Прихід до керівництва тов. БЕРІЯ забезпечив розкриття цього гнійника. В особі тов. БЕРІЯ НКВС користуватиметься ще більшою любов’ю всіх трудящих і радянської інтелігенції”.

[...]

Єврейський письменник АЛЬТМАН¹¹² казав: “Процес мене дуже тішить. Ясно, що вороги, які пробралися в НКВС, хотіли посварити партію з інтелігенцією. Це нікому не вдасться. Тов. ХРУШОВ покладе край цим підступам злісних шкідників. Нещодавно тов. ХРУШОВ викликав до себе композитора КОЗИЦЬКОГО¹¹³, звільненого з-під арешту, і сказав йому, що його заарештували підручні УСПЕНСЬКОГО, але партія не дозволить ображати радянську інтелігенцію”.

[...]

Доктор БУТОВСЬКИЙ казав: “Нарешті настане перелом. Багатьом буде непереливки за знущання над людьми, які як система мали місце в НКВС. Зараз авторитет НКВС підірваний, адже ця установа примушувала тремтіти інтелігенцію”.

Інженер “Кольметобробки” ФІШБЕЙН заявив: “Цей процес наврядчи принесе користь його організаціям: всередині країни авторитет, що похитнувся після ЯГОДИ, БАЛИЦЬКОГО, УСПЕНСЬКОГО, не підніметься, а для закордону буде фактичний матеріал про розкладання серед більшовиків”.

[...]

Лікар ГІНЗБУРГ казав: “Це було не тільки у Тирасполі. Більшовикам треба заспокоїти народ, оскільки всі говорять про УСПЕНСЬКОГО, ось і посадили, і розстріляють маленьких людей, а з великими розправляться по-сімейному, але, принаймні, НКВС вже так лютувати не буде”.

Колишній меншовик ШУР з приводу процесу заявив: “Процес, мабуть, має подвійну мету: заспокоїти загнане у паніку населення і впровадити законність в органи НКВС. Як би він був на півроку раніше, багато б невинних людей не постраждало. У більшовиків крайнощі: то незаконні арешти і заслання десятків тисяч людей, то раптом суд над ними, правда, маленькими людьми, що робили це неподобство”.

[...]

Юрисконсульт торгпосередконтори ТРИФАНОВ сказав: “Процес ставиться для того, щоб довести і всередині країни, і закордоном, що у нас винна не вся система безконтрольної роботи НКВС, а окремі злочинні елементи, що пробралися до органів НКВС”.

¹¹² Див.: Іменний та біографічний покажчик.

¹¹³ Там само.

Юрисконсульт обласної контори Укрхарчпостачу ТРОСТЯНЕЦЬКИЙ говорив: “На лаві підсудних сидять стрілочники, на яких хочуть показати, що несправні лише маленькі гвинтики механізму, а чому нічого не пишуть про злочини БАЛИЦЬКОГО, УСПЕНСЬКОГО, які заарештовували і засилали десятки тисяч невинних людей? Все-таки цей процес знаменний як якийсь поворот до кращого”.

[...]

Головний інженер будівництва держуніверситету ПЕТРИКОВСЬКИЙ заявив: “Мені незрозуміла вся ця комедія, немов раніше не знали про те, що коїться в органах НКВС... Тепер мені також зрозуміло, чому зараз партія й радянська влада так міцно стала на захист інтелігенції, а то, мабуть, після таких справ можна було перебити всю інтелігенцію”.

Звільнені з РСЧА колишні політпрацівники ГРАЙПЕЛЬ і УЛЬЯНОВ говорили: “Тепер ми віримо чуткам, що розповсюджували, про те, що на слідстві били. Мабуть, серед військових теж штучно створювалися контрреволюційні організації. Зараз це допоможе багатьом невинним людям, які сидять у в'язниці, а особливо військовим, себе реабілітувати”.

[...]

Науковий працівник Академії наук БАЛИНСЬКИЙ казав: “Процес дещо підняв завісу і оголив слабкі місця в системі цього Наркомату. Вірогідно, таких фактів дуже багато, інакше це не робили б надбанням громадськості. Багато хто зараз припинить ідеалізувати радянську розвідку”.

[...]

Викладач Держуніверситету, член партії КОШЕК казав: “Скільки разів ми били людей за те, що вони сумнівалися, чи правильно заарештовують, а тепер виявляється, що у багатьох випадках сумніви в правильності дій органів НКВС були обґрунтовані. Зараз розповідають, що у Києві, у Лук'янівській тюрмі багатьох заарештованих били, вимагаючи від них показів. Розповідають, що проводилися масові розстріли ні в чому не винних людей”.

Науковий працівник Інституту фольклору ВОЛОШИН заявив: “Робилися великі неподобства. Зрозуміло, чому звільнили ЄЖОВА, але як тепер поступлять зі старими справами. Адже де гарантія того, що багато сотень, а то і тисяч людей даремно ув'язнили, заслали. Як бути зараз з ними, адже вони не задовольняться лише тим, що якихось пройдисвітів посадили”.

Викладач Держуніверситету МЕЛЬНИКОВ казав: “Зрозуміло, що ця справа піднята за ініціативи товариша СТАЛІНА, який все зміг розгледити, з'ясувати ці витівки і звільнити ЄЖОВА”.

[...]»¹¹⁴.

Третя доповідна записка починалася з констатації того, що судовий процес викликає «особливо жваві реагування серед всіх верств населення Києва». У висловлюваннях людей продовжували фігурувати попередні сюжети, але з'явилися і деякі нові:

¹¹⁴ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 187–196.

«[...]

Інспектор Південно-Західних доріг¹¹⁵ ЩЕРБАКОВ сказав: “Процес дуже показовий. Він навчить всіх поважати закони. Погано тільки, що на лаві підсудних немає жодного прокурора. Адже вони мали перевіряти роботу слідчих органів”.

[...]

Журналіст СХИНА говорив: “Добре, що процес так ведеться. Нехай знають, що радянська влада не боїться викривати болячки навіть в органах НКВС. Тільки сильна влада може собі це дозволити. Зараз у місті тільки й говорять про процес. Це затьмарило навіть останню постанову з питання про труддисципліну”.

Юрисконсульт тресту Укрбудпром ПУГАЧЕВСЬКИЙ заявив: “Цей процес не стільки для мас, скільки для самих чекістів, щоб навчити їх працювати чесно і не робити собі кар’єру на неправдивих і провокаційних справах. Тов. БЕРІЯ — старий більшовик і висококультурна людина. Він відновить престиж органів НКВС”.

Співробітник Миськради ВИШНЕВСЬКИЙ казав: “Погано, що робота НКВС проходить поза громадським контролем, тому туди проникають вороги, а окремі частини апарату розкладаються. Зараз цьому буде покладено край, ще будуть судити працівників «чином вище»”.

Його підтримала співробітниця МІЛОВА, яка додала: “Це тов. ХРУЩОВ дав хід заяві, що надійшла до нього. Цей процес свідчить, що в НКВС не все гаразд, і що у подальшому не треба мовчати, якщо і там неправильності”.

Керуючий трестом Укрбудлегпром, член партії БІРШТЕЙН говорив: “Тов. БЕРІЯ — дуже розумна людина. З його приходом до органів НКВС змінилися методи роботи. Більше не буде тих неподобств, які зараз викриті”.

[...]

Бухгалтер Укрдорбудтресту КУКІЛЬ казав: “Конституцію ніхто не має права порушувати. Добре зробили, що поставили цей процес, але тільки невинних жертв вже не повернути”.

Інженер того ж тресту ШТЕЙНБЕРГ заявив: “Якщо розібратися, то треба судити добрих 50–70% співробітників НКВС. На процесі маленькі люди, чому не судять їхніх начальників?”.

[...]

Головбух Уповнаркомзв’язку ПРОКОФ’ЄВ говорив: “Хіба це лише у Молдавії, у Києві творилося те ж саме. Мені розповідали люди, що їх викликали до НКВС як свідків і вимагали підписати заздалегідь складені протоколи”.

Захисник БАБАТ про процес говорив: “Цей процес — дрібниця порівняно з тим, що ще буде у Києві та інших місцях СРСР. Підсудних звинувачують у застосуванні незаконних методів розслідування справ. Але справа не в цьому, а у доказах у справах про державні злочини, що збирають органи НКВС і фігурують у цих справах у судах. В очах захисту,

¹¹⁵Йдеться про Південно-Західну залізницю, Управління якої знаходилося у м. Києві.

та й самого суду, зараз скомпрометовано такі докази, як зізнання самого підсудного у справах, що розслідують органи НКВС”.

Голова обласної колегії захисників ГЛАДКИЙ про процес сказав: “Це лише початок великих і численних подібних процесів у Києві та інших областях України. Захисники, які виступають у справах, що розслідує НКВС, добре знають про методи слідства”.

[...]

Парторг видавництва “Мистецтво” НАГОРНИЙ сказав: “Цей процес розв’язав язики. Раніше боялися говорити, хоча багато хто знав, що в НКВС користуються фізичними методами впливу. ЄЖОВА теж усунули за те, що він змушував діяти такими методами своїх співробітників. На Україні багато безневинних людей репресували”.

[...]

Письменник РИЛЬСЬКИЙ, український націоналіст, у розмові з письменником ЛЮБЧЕНКОМ Аркадієм¹¹⁶, також націоналістом, і композитором ЖДАНОВИМ¹¹⁷, заявив: “Починається нова ера. Нам показали лише шматочок мізинця, краплю води. Уявляєте, яким брудним було море. Скільки зловживань і неподобств зроблено в НКВС за два минулі роки”.

ЛЮБЧЕНКО, погоджуючись з РИЛЬСЬКИМ, зауважив, що “зараз добряче займуться органами НКВС, і, можливо, з нового [1939] року ми побачимо проблески справжньої демократії, про яку нам пишуть щоденно у пресі”.

ЖДАНОВ заперечив ЛЮБЧЕНКУ словами: “Марно сподіваєшся. Демократії Америки і Франції нам не бачити”.

[...]»¹¹⁸.

У четвертій записці серед «жвавих реагувань» пролунали відгомони попередньої несамовитої боротьби з троцькізмом, зокрема, стосовно підсудних зазначалося, що це — «прихована банда троцькістів, які орудували в органах НКВС». Однак в абсолютній більшості наведених висловлювань, це кліше відсутнє. Як типове також було представлено вже знайоме нам про ініціаторів «наведення порядку» в НКВС та інші:

«[...]

“Все це зроблено за ініціативи тов. СТАЛІНА. Ми зайвий раз можемо бачити, що Йосип Вісаріонович нікого не пощадить з тих, хто йде проти народу. Про це говорить і усунення ЄЖОВА”. (Науковий працівник Інституту фольклору НЕЧИПОРУК).

“Безумовно, буде процес і над співробітниками НКВС УРСР, оскільки тут творилися справи у багато разів злочинні, ніж в Молдавії”. (Співробітник Укрдорбудтресту СПЕТКОВСЬКИЙ).

[...]

“Вороги, що проникли до НКВС, перетворили цей орган на катівню, але тепер їм настав кінець. Всіх їх розстріляють як собак. Зараз у керівництва

¹¹⁶ Див.: Іменний та біографічний покажчик.

¹¹⁷ Там само.

¹¹⁸ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 197–204.

НКВС поставлений тов. БЕРІЯ, який наведе лад. Сталінська Конституція захистить чесних трудящих від свавілля”. (Аспірант Держуніверситету ЛУГОВОЙ).

“Цей процес організований для того, щоб попередити всіх співробітників НКВС, що за такі справи будуть карати. Погано лише, що із НКВС України нікого не судять, адже там заарештовували багатьох невинних людей”. (Зав. відділом УНГО¹¹⁹ ВАСИЛЬЄВ).

[...]

Працівник Уповнаркомзв'язку РАСКІН сказав: “Цей процес треба було очікувати якщо не по Молдавії, то в інших місцях, оскільки скрізь в органах НКВС застосовували провокаційні методи. Мені відомо про середньовічні тортури, що застосовували там, від яких обвинувачені наговорювали на себе та інших, аби не пережити цих мук, а судила трійка за зачиненими дверима, так що і поскаржитися не було кому”.

Зав. диспетчерським пунктом Уповнаркомзв'язку МЕРКУЛОВ з приводу процесу сказав: “Вороги орудували в НКВС. Не знаю, чи були в історії такі випадки, щоб заарештовували невинних дружин і дітей. Зараз всіх їх [ворогів в НКВС] викриють”.

Наприкінці четвертої доповідної записки А. Кобулова повідомлялося, що о 22 год. 45 хв. 31 грудня 1938 р. Військовий трибунал ухвалив вирок, і «присутні на суді представники партійних, радянських, громадських організацій зустріли вирок з великим захопленням»¹²⁰.

Наведених цитат із доповідних записок цілком достатньо для розуміння картини, представлені А. Кобуловим своєму керівництву. Важливість цих документів у тому, що їх готували для керівництва НКВС СРСР з подальшою доповіддю їх змісту особисто Й. Сталіну. Яких же висновків могли дійти на Луб'янці та у Кремлі? Спробуємо уявити це.

По-перше. У багатьох людей, висловлювання яких наводилися у записках, інформація про злочинні дії співробітників НКВС не викликала шоку або принаймні сильного здивування. Багато вже щось чули або знали напевне про арешти невинних людей, незаконні методи слідства, фальсифікації слідчих справ і штучне створення «контрреволюційних організацій». Секретність Великого терору полягала лише в тому, що більшість людей вважали, що безвинно заарештовані люди були ув'язнені, відправлені кудись до таборів на заслання. Деякі ж говорили про якусь частину репресованих як про розстріляних, невинних жертв, яких вже не повернути. Однак загалом про долю жертв репресій ніхто реально нічого не знав, і це, звичайно, пом'якшувало гостроту сприйняття оприлюдненої інформації про злочини співробітників НКВС МАРСР.

Другий висновок. Для більшості задокументованих думок було характерним визнання того, що це був лише окремий випадок, за яким напевно стояла ширша картина численних порушень законності співробітниками НКВС. Серед них виділяли «знущання над людьми, що як система мали місце в НКВС». Деякі люди вважали причиною цього відсутність

¹¹⁹ УНГО – Управління народногосподарського обліку.

¹²⁰ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 314, арк. 205–208.

громадського контролю за діяльністю НКВС, що цьому сприяла «вся система безконтрольної роботи НКВС». Безумовно, це можна кваліфікувати як певну ідеалізацію, адже будь-який контроль за НКВС, окрім як з боку Й. Сталіна, на той час був просто неможливий.

Частина людей при оцінці стану й діяльності органів НКВС використовували такі біологізми, як «хвороба», «гнійник», «болячки». При цьому, зазвичай, йшлося про «організм» НКВС у цілому. Окремі люди повторювали «діагноз», запропонований владою: «вороги, що проникли до НКВС, хотіли посварити партію з інтелігенцією», «хотіли посварити народ з радянською владою». Однак питома вага таких «ворогів» серед співробітників НКВС, за оцінками у доповідних записках, сильно коливалася. На думку одних, це були «окремі злочинні елементи, які пробралися до органів НКВС». Інші вважали, що «якщо розібратися, то слід судити добрих 50–70% співробітників НКВС».

Третій висновок. Всупереч офіційній пропаганді й зовнішнім просям лояльності народу до «бойового меча диктатури пролетаріату», авторитет НКВС в масах був підірваний, принаймні, в очах інтелігенції. Частково це було пов'язано з викриттям як «ворогів народу» попередніх його керівників, серед яких були згадані нарком внутрішніх справ СРСР у 1934–1936 рр. Г. Ягода, наркоми внутрішніх справ УРСР В. Балицький і О. Успенський.

Головною причиною негативного ставлення до органів НКВС називали саме діяльність НКВС і методи слідства, які там застосовувалися, й інформація про які витікала назовні. Важливим свідченням нездорової та напруженої тогочасної соціально-психологічної атмосфери були заяви про те, що про НКВС «останнім часом говорили як про катівню», а «співробітник НКВС був для оточення страховиськом». Тому цілком логічними були припущення, що судовий процес над співробітниками НКВС МАРСР був організований, зокрема й для того аби «заспокоїти загнане у паніку населення». Однак більшість людей вважало, що він призначався для самих співробітників НКВС як суворе попередження.

Четвертий висновок впливає з трьох попередніх. Зважаючи на підтверджену на суді злочинну діяльність співробітників НКВС МАРСР, яку читачі екстраполювали на всі органи НКВС, та на негативне ставлення до останніх населення, представники київської інтелігенції практично одногосно говорили про те, що скоро доберуться і до високих чинів у НКВС. Про це казали не тільки і не стільки як про можливий, а скоріше, як про необхідний і бажаний розвиток подій. Багато людей називали підсудних «стрілочниками», «маленькими людьми», «пособниками», «маленькими гвинтиками у механізмі», відводили їм роль лише виконавців репресій, які злочинно діяли тому, що так само діяли і «великі начальники».

Одвічне питання «Хто винен?» у цій ситуації звучало так: чому не судять начальників? Серед киян йшлося, переважно, про місцевих керівників НКВС, передусім центрального апарату НКВС УРСР. Звучали прізвища колишніх наркомів В. Балицького і О. Успенського, які «зарештовували і засиляли десятки тисяч невинних людей». Однак не

згадувалось прізвище І. Леплевського — наркома внутрішніх справ УРСР у червні 1937 — січні 1938 рр., який був головним відповідальним за кривавий терор у республіці в той період. На відміну від багатьох співробітників НКВС, «прості смертні» не знали, що ще 28 липня 1938 р. він був розстріляний як «учасник змови в НКВС». Люди не володіли інформацією про його долю, але знали, що Балицький — «ворог народу», а Успенський кудись втік, тому і говорили про київських начальників загалом.

Разом з тим, мабуть, не випадково у доповідних записках головним винуватцем виразно зображено М. Єжова. Усі згадки про нього дуже красномовні. У них немає і сліду від славослів'я двох попередніх років. З тональності висловлювань про нього зрозуміло, що народ тепер був готовий сприйняти і викриття М. Єжова як ворога. Водночас на противагу оцінкам і натякам на Єжова процитовано схвальні висловлювання на адресу партійних вождів Й. Сталіна і М. Хрущова, а також нового керівника НКВС СРСР Л. Берії, які взялися за «наведення ладу» в структурі, що тероризувала населення: «...Зрозуміло, чому зараз партія і радянська влада так міцно стала на захист інтелігенції».

Якщо розтлумачити реагування на судовий процес як своєрідне соціальне опитування, то сигнал суспільства на адресу керівництва країни був очевидний: необхідні суттєві зміни у внутрішній політиці, припинення масових репресій. Люди сподівалися, що «НКВС вже так лютувати не буде», і разом з письменником М. Рильським готові були повірити в те, що «починається нова ера».

Мабуть, відомчий підхід до збору і відбору реагувань населення на судовий процес призвів до того, що роль Прокуратури СРСР у «молдавській справі» і реакція на цю роль населення у доповідних записках не була відображена. Лише в одному висловлюванні був зафіксований дуже характерний, «зі знанням справи», сум про те, що разом зі співробітниками НКВС не судили і працівників прокуратури: «Погано тільки, що на лаві підсудних немає жодного прокурора. Адже вони мали перевіряти роботу слідчих органів». Підтекст цієї цитати у розумінні співробітників НКВС міг бути таким: в органів прокуратури та їх співробітників у самих «рильце в пушку», нехай пам'ятають про це, коли «наїжджають» на органи НКВС.

Однак Й. Сталін, В. Молотов, Л. Каганович, Л. Берія за участі саме Прокурора СРСР А. Вишинського мали знайти оптимальний для правлячої верхівки і системи в цілому вихід зі ситуації, що склалася. Чи не переоцінюємо ми роль в цьому Прокурора СРСР? Гадаємо, що ні. Підтвердженням цього є активна роль його фактично особистого представника у «молдавській справі», а також роль самого А. Вишинського у справі Г. Кочергинського, про що йтиметься далі.

Представник Прокуратури СРСР Л. Шейнін, який відіграв вирішальну роль у «молдавській справі», вважав, що у подальшому НКВС УРСР самостійно розв'яже всю, відверто зауважимо, не найскладнішу нитку злочинів, скоєних іншими керівниками і співробітниками НКВС МАРСР у період, як мінімум, із серпня 1937 до вересня 1938 рр. — початку

і проведення масових репресивних операцій НКВС. Логічним було б очікувати, що це буде зроблять по гарячих слідах судового процесу, який так сколихнув київську інтелігенцію. Однак цього разу спрацював фактор, про який також було вказано в деяких цитатах із доповідних записок: «... Розстріляють маленьких людей, а з великими розправляться по-сімейному». У випадку з НКВС МАРСР, власне, так і вийшло.

Після завершення судового процесу, крім згаданого З. Зинька-Флейшмана, під слідством у Києві перебувала невелика група колишніх керівників УНКВС по МАРСР рангом вище. Це були А. Сапір, М. Корнев (Капелюс) і М. Роголь. Але проблема полягала у тому, що вони керували УНКВС до серпня 1937 р., а цей період апіорі був винесений за хронологічні рамки розслідувань порушень соцзаконності. Відповідно їм інкримінували участь або у «контрреволюційній троцькістській організації», або в «антирадянській змові в органах НКВС УРСР». Таке саме обвинувачення було висунуто й З. Зиньку-Флейшману в обвинувальному висновку, що підготував 3-й відділ УДБ НКВС УРСР і затвердив 10 березня 1939 р. заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинський¹²¹.

У доданому до обвинувального висновку списку осіб, які були скомпрометовані показаннями З. Зинька-Флейшмана, фігурували всі три вищезазначені особи, а також Л. Рівлін і М. Лютий¹²², яких, проте, не поспішали заарештовувати. Можливо тому, що змовницьке і троцькістське «забарвлення» в обвинуваченнях колишніх співробітників НКВС поступово втрачало актуальність. До того ж обвинувачені за першої нагоди відмовлялися від раніше наданих ними показань на цю тему. Слідство з якихось причин не пов'язало всіх молдавських «змовників» і «троцькістів» в єдине ціле і прагнуло підвести їх під засудження поодиночі.

Першим з перерахованих осіб так був засуджений М. Корнев (Капелюс). 2 березня 1939 р. Військова колегія Верховного суду СРСР засудила його до ВМП і він був розстріляний. Але у зазначеному списку від 10 березня 1939 р. він фігурував лише як заарештований, на відміну від першого у списку — колишнього заступника начальника і т.в.о. начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР С. Самойлова-Бесидського, про якого у списку було написано, що він вже засуджений (27 вересня 1938 р. до ВМП).

НКВС УРСР здійснив спробу передати справу З. Зинька-Флейшмана на розгляд Особливої наради при НКВС СРСР, але вона провалилася ще на стадії проходження Військової прокуратури. 31 березня 1939 р. остання повернула справу на дослідження і у своїх вказівках переорієнтувала слідство на встановлення і документування фактів порушень законності у службовій діяльності обвинуваченого.

3-му відділу УДБ НКВС УРСР, що зтягував слідство, виявилось не до снаги виконати вказівки Військової прокуратури і справу, мабуть, у травні 1939 р. передали до Слідчої частини НКВС УРСР. Там здійснили необхідні слідчі дії, у тому числі і з виїздом до м. Тираспіль, і згідно

¹²¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 1, арк. 139–143.

¹²² Там само, арк. 144–145.

з постановою від 17 червня 1939 р. доповнили попередні статті обвинувачення статтею 206–17 КК УРСР тимчасово без уточнення пункту статті¹²³.

Однак слідча справа залишалася «сирою», і 2 серпня 1939 р. помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу Хачатурян ухвалив постанову, згідно з якою через брак зібраних доказів справу з обвинувачення З. Зинька-Флейшмана за ст. ст. 54–1 п. «б» і 54–11 КК УРСР було припинено¹²⁴. Таким чином, троцькістська складова звинувачень на його адресу була знята, і в обвинувальному акті, складеному у Військової прокуратурі наступного дня, було обвинувачення за ст. 206–17 п. «б» у зловживанні своїм службовим становищем і припущенні у процесі роботи порушень соцзаконності (безпідставні арешти громадян, фальсифікація протоколів допитів заарештованих, озокамилування при інформуванні керівних інстанцій про наявність репресованих «антирадянських елементів»)¹²⁵.

У такому вигляді слідчу справу З. Зинька-Флейшмана вирішили направити на розгляд Військового трибуналу військ НКВС Київського округу. У доданому до обвинувального акту списку осіб, яких належало викликати на судові засідання як свідків, останнім, дев'ятим, від руки був дописаний Л. Рівлін. Військовий трибунал на підготовчому засіданні 11 серпня 1939 р. прийняв справу до провадження і затвердив обвинувальний акт, вирішивши заслухати справу у закритому судовому засіданні, без участі прокурора і захисту.

Засідання Військового трибуналу відбулося 28–29 серпня 1939 р. у Тирасполі, у приміщенні НКВС МАРСР. На початку судового засідання секретар доповів, що серед трьох свідків, які не з'явилися, один — Л. Рівлін — не з'явився з невідомих причин. На запитання головуючого військового юриста 1-го рангу Я. Васютинського до підсудного щодо можливості слухати справу за відсутності свідків, які не з'явилися, З. Зинько-Флейшман заявив: «...Свідок Рівлін дуже цінний, оскільки він безпосередньо керував моєю роботою, я перед ним звітував, і з цілої низки питань він може надати вичерпні пояснення. Поки що питання про нього можна залишити відкритим, але я залишаю за собою право у процесі судслідства клопотати про виклик його у судзасідання»¹²⁶. Члени Військового трибуналу погодилися з такою постановкою питання про Рівліна.

Врешті-решт це питання виявилось ключовим. Судове засідання тривало добу (з перервою з 1 год.20 хв. до 10 год.15 хв. 29 серпня) і завершилося нічим. Військовий трибунал виніс ухвалу про повернення справи на дослідження й притягнення до кримінальної відповідальності Л. Рівліна за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР, «злочини якого тісно пов'язані

¹²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 1, арк. 315.

¹²⁴ Там само, арк. 316.

¹²⁵ Там само, арк. 327–328.

¹²⁶ Там само, арк. 339 зв.

зі злочинами, що інкриміновані Зиньку»¹²⁷. Це було друге поспіль засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у тому ж складі, що були проведені упродовж кількох днів (25–29 серпня 1939 р.) і завершилися поверненням справ на дослідження. Про перше засідання буде сказано у розділі, присвяченому «дисциплінуванню» співробітників УНКВС по Одеській області.

А що ж відбувалося з іншими колишніми керівниками УНКВС–НКВС МАРСР? А. Сапір з лютого 1937 р. працював помічником начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. Із показань З. Зинька-Флейшмана від 10 липня 1938 р. роль А. Сапіра у проведенні масових репресій в МАРСР у 1937 р.— на початку 1938 р. є неоднозначною. Перебуваючи у Києві, «Сапір, якому Леплевський фактично передовірив керівництво роботою по Молдавії, систематично перекручував свідчення, отримані від низки серйозних шпигунів... Чіпляючись до стилістичних недоліків у протоколах, він компрометував свідчення по суті і так доповідав Леплевському протоколи, що ми майже припинили надсилати їх до Києва... Аналогічну ворожу діяльність з розмивання викривальних справ Сапір провів і по прикордонзагонах, скомпрометувавши низку серйозних показань». З цього виходить, що А. Сапір, як куратор контррозвідувальної лінії в НКВС МАРСР, зводив нанівець деякі оперативно-слідчі репресивні «досягнення» своїх колег.

Майже через місяць після прибуття О. Успенського до Києва, 21 лютого 1938 р., А. Сапір, як креатура І. Леплевського, був заарештований. Він тривалий час перебував під слідством, але вцілів під час погрому «учасників троцькістської змови в НКВС» і не був засуджений як багато хто з його колег. Перша хвиля боротьби з «порушеннями соцзаконності», що розпочалася наприкінці 1938 р., також не зачіпила його. Наприклад, до нової «молдавської справи» у світлі наведених свідчень З. Зинька-Флейшмана «підв'язати» його було складно. 23 вересня 1939 р. рішенням Військового трибуналу військ НКВС Київського округу він був визнаний невинним в інших злочинах, що йому інкримінували, і звільнений з-під варті.

Однак рік потому, 28 вересня 1940 р., Військова колегія Верховного суду СРСР скасувала вирок Військового трибуналу і повернула справу на дослідження. Ще за півроку, 12 квітня 1941 р., Слідча частина НКВС УРСР ухвалила рішення про припинення справи. Проте 25 червня 1941 р. А. Сапір був удруге заарештований і 21 серпня 1943 р. «засуджений» Особливою нарадою при НКВС СРСР до 5 років ВТТ. У квітні 1945 р. його достроково звільнили з ув'язнення. Але майже через 10 років — 28 лютого 1955 р. Кримський обласний суд засудив його до 15 років позбавлення волі. У вересні 1957 р. він помер у місцях позбавлення волі. Вирок 1943 р. було скасовано згідно з Указом Президії Верховної Ради СРСР від 16 січня 1989 р., і він був реабілітований¹²⁸.

¹²⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 1, арк. 351.

¹²⁸ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 374–375.

М. Роголь був заарештований 6 квітня 1938 р. і понад півтора роки перебував під слідством. Його звинуватили в участі в «антирадянській правотроцькістській організації в органах НКВС УРСР», в яку його «втягнув» А. Сапір, а також в тому, що він був агентом польської розвідки і проводив шпигунську діяльність (ст. ст. 54–1 п. «б», 54–8 і 54–11 КК УРСР). Завершення слідства в його справі виглядає дивним з двох причин.

По-перше, серйозність обвинувачення у таких випадках призводила до засудження обвинуваченого або в особливому порядку, або Військовою колегією Верховного суду СРСР, часто до розстрілу. Однак згідно з опублікованими даними і документами з архівної особової справи М. Роголя, 29 жовтня 1939 р. Особливою нарадою при НКВС СРСР він «був засуджений терміном на 5 років заслання до Казахстану»¹²⁹. Дуже нетипове за м'якістю покарання, порівняно з іншими аналогічними справами.

Друга дивна обставина полягає в тому, що не був врахований той факт, що ще 1 червня 1939 р. М. Роголя направили на примусове лікування до Київської психіатричної лікарні ім. академіка І.П. Павлова. Без медичного висновку про належний стан його психічного здоров'я його взагалі не можна було судити. Можливо, напередодні відправлення слідчої справи до Москви він був визнаний осудним і спроможним відповідати за свої дії. Згодом, на третій день після рішення Особливої наради, 1 листопада 1939 р. він знову був направлений на примусове лікування¹³⁰. Можна припустити, що хтось з керівництва НКВС УРСР за допомогою таких хитрощів намагався затримати його у Києві. Як ми побачимо далі, він був не єдиним колишнім керівником середньої ланки контррозвідки НКВС УРСР, стосовно якого так діяли.

Якщо це робили свідомо, то така тактика спрацювала. 11 січня 1940 р. Особлива нарада при НКВС СРСР на зміну раніше прийнятого рішення ухвалила направити М. Роголя на примусове лікування¹³¹, «узаконивши» таким чином, його фактичний статус. Рік і дев'ять місяців перебував М. Роголь в лікарні, а після окупації Києва нацистами був розстріляний 18 жовтня 1941 р. разом з іншими пацієнтами. Ухвалою Військового трибуналу КВО від 5 жовтня 1956 р. обидві постанови Особливої наради стосовно нього були скасовані й «продовження у справі про нього припинено за відсутністю складу злочину»¹³².

Таким чином, М. Корнєв (Капелюс), А. Сапір і М. Роголь були засуджені у період від березня 1939 р. до серпня 1943 р. Перший — до ВМП, другий — до 5 років ВТТ, третій — до 5 років заслання, які замінили потім примусовим лікуванням. Одного розстріляли свої (М. Корнєва), другого — нацисти (М. Роголя), а у третього (А. Сапіра) усе подальше

¹²⁹ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 1, спр. 3974, арк. 16, 18.

¹³⁰ У книзі М. Петрова і К. Скоркіна (с. 364) сказано, що М. Роголь знаходився на примусовому лікуванні з 1 листопада 1939 р.

¹³¹ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 1, спр. 3974, арк. 16, 18.

¹³² Там само, арк. 16 зв., 18.

життя пройшло спочатку як у арештанта у 1941–1945 рр., потім — 10 років на волі (1945–1955) і знову як у в'язня в 1955–1957 рр.

З інших колишніх керівників НКВС МАРСР практично по лезу ножа пройшов М. Приходько. Його коротке перебування у серпні–вересні 1937 р. виконуючим справи наркома внутрішніх справ МАРСР було лише епізодом. Більш значущим був наступний етап кар'єри М. Приходька як провідника і виконавця масових репресій. Головний активіст Великого терору в Україні, нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський висунув його на посаду начальника новоствореного УНКВС по Кам'янець-Подільській області. М. Приходько очолював це УНКВС з 1 жовтня 1937 р. до 26 лютого 1938 р.— у період розгортання масових операцій НКВС і поширення «порушень соцзаконності». Саме цей факт міг мати серйозні наслідки для нього.

25 січня 1938 р. І. Леплевський був переведений до Москви на посаду начальника 6-го (транспортного) відділу ГУДБ НКВС СРСР, а місяць потому О. Успенський зняв з керівництва УНКВС і М. Приходька, відрядивши його у розпорядження НКВС СРСР. Після затвердження Політбюро ЦК ВКП(б) нової організаційно-штатної структури центрального апарату НКВС СРСР, 28 березня 1938 р. І. Леплевський став начальником 1-го відділу (залізничний транспорт) і заступником начальника 3-го управління (транспорт і зв'язок) НКВС СРСР. У новому управлінні знайшлося місце і для М. Приходька. Того ж дня, 28 березня 1938 р., він став начальником 4-го (оперативного) відділу 3-го управління. Мабуть, це трапилося завдяки І. Леплевському, який взяв свого висуванця під крило. Через кілька днів, 6 квітня 1938 р., І. Леплевський став вже начальником 3-го управління НКВС СРСР.

Однак 26 квітня 1938 р. він був заарештований як «змовник», а його протеже М. Приходько 30 квітня звільнений з посади, але не заарештований. Завдяки службовим можливостям останній вже з 21 квітня (ще за дев'ять днів до офіційного звільнення з НКВС) очолив пароплавання «Рейдтанкер» у м. Астрахань. Ні до, ні після розстрілу І. Леплевського (28 липня 1938 р.) М. Приходька не притягнули до відповідальності за зв'язок із колишнім патроном, безпосереднім підлеглим якого він був в УРСР і Москві.

У 1939 р., коли кампанія по боротьбі з «порушеннями соцзаконності» набирала обертів, за аварію на транспорті М. Приходька було знято з посади, а у 1940 р. засуджено до 3-х років ВТТ. І це виявилось дуже до речі. Факт засудження за загальнокримінальні злочини підвищував шанси вцілити від покарання за злочини в період служби в НКВС, яким надавалося політичне забарвлення. Під час розшуку компетентними органами таких людей, відомості про те, що той, кого розшукують, вже засуджений, зазвичай знижувало інтерес до нього. Навмисно чи ні, але так вийшло і з М. Приходьком. У грудні 1941 р. він достроково вийшов на волю і незабаром працював керівником господарських об'єктів НКВС на

Уралі і в інших місцях. Його тиллові заслуги були оцінені 16 травня 1945 р. нагородженням орденом Червоної Зірки¹³³.

Ще більшим щасливцем є М. Лютий (Шестаковський). 17 листопада 1938 р. він був знятий з посади заступника начальника Особливого відділу ГУДБ НКВС КВО і призначений начальником 3-го відділу Управління Карагандинського ВТТ НКВС (Казахстан). 13 серпня 1939 р. його відправили ще далі — начальником 3-го відділу Управління залізничного будівництва на Далекому Сході НКВС (м. Свободний, Далекосхідний край). У листопаді 1939 р. в НКВС УРСР згадали про нього, щоб знову забути. Як це трапилося, ми розповімо далі.

Отже, до осені 1939 р. ніхто з вищеназваних колишніх керівників УНКВС—НКВС МАРСР не склав компанію З. Зиньку-Флейшману. Але залишався ще Л. Рівлін. 3 липня 1938 р. він був т.в.о. помічника начальника 3-го відділу 1-го управління НКВС УРСР. 7 жовтня 1938 р. його звільнили з органів НКВС, але не заарештували, як помилково зазначено в літературі¹³⁴. Обійнявши посаду заступника директора Центрального будинку народної творчості УРСР у Києві, він ще рік продовжував працювати. Л. Рівлін уникнув ролі свідка на засіданні Військового трибуналу у справі З. Зинька-Флейшмана, проте це мало серйозні наслідки для нього.

10 жовтня 1939 р. НКВС УРСР одержав необхідні санкції на його арешт, і він був заарештований¹³⁵. 21 жовтня слідчу справу № 132569 стосовно Л. Рівліна і З. Зинька-Флейшмана прийняв до свого провадження слідчий Слідчої частини НКВС УРСР Л. Ківман. Первинне обвинувачення, що висунули Л. Рівліну, було таким: працюючи заступником наркома внутрішніх справ МАРСР, «проводив безпідставні арешти і припустив застосування незаконних методів слідства» (ст. 206—17 п. «а» КК УРСР)¹³⁶.

Згодом було враховано, що згідно з ухвалою Військового трибуналу від 28—29 серпня 1939 р. Рівлін підлягав притягненню до відповідальності за ст. 206—17 п. «б» КК УРСР, а також те, що «матеріалами попереднього слідства встановлено, що результати злочинної діяльності Рівліна мали тяжкі наслідки». У постанові від 16 листопада 1939 р. обвинувачення йому пере kwalіфікували з п. «а» на п. «б» ст. 206—17 КК УРСР¹³⁷. Водночас було підтверджено обвинувачення З. Зиньку-Флейшману за аналогічним пунктом зазначеної статті Кримінального кодексу.

Через 11 місяців нарешті згадали в НКВС УРСР і про передані прокурором Л. Шейніним копії матеріалів з кримінальної справи Г. Юфи та інших розстріляних «фокусників». Ці матеріали долучили до тому

¹³³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934—1941.— С. 348—349.

¹³⁴ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934—1941.— С. 361; Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после Большого террора...— С. 620.

¹³⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 3—6.

¹³⁶ Там само, арк. 16.

¹³⁷ Там само, арк. 17.

з документами про злочинну діяльність Л. Рівліна. Мабуть, вони суттєво допомогли слідству. Крім того, було отримано конкретний компромат і на М. Лютого (Шестаковського). Він заслуговує на те, щоб зробити з цього приводу невеликий відступ. У постанові від 16 листопада 1939 р. про виокремлення матеріалів щодо злочинної діяльності М. Лютого (її підготував слідчий Л. Ківман) говорилося:

«З приїздом до Молдавії наркома ЛЮТОГО, останній продовжував проводити безпідставні арешти і запланував до виселення з Молдавії 37760 осіб, що складає 5% всього населення МАРСР, коли ж операція з виселення була відкладена, за розпорядженням ЛЮТОГО з цих контингентів без достатньої перевірки було заарештовано до 400 осіб, значна частина яких згодом була звільнена.

Водночас ЛЮТИЙ організував спеціальну камеру, де заарештовані стояли під наглядом міліціонерів до того часу, доки не погоджувалися давати свідчення.

На підставі викладеного і враховуючи, що ЛЮТИЙ працює нач[альником] 3[-го] відділу УЗБ¹³⁸ НКВС на ДСК¹³⁹ у м. Свободному,

УХВАЛИВ:

Всі матеріали, що стосуються злочинної діяльності ЛЮТОГО, зі слід[чої] справи № 132569 виділити в окреме провадження і направити для додаткового розслідування Особливоуповноваженому НКВС СРСР»¹⁴⁰.

У довідці повідомлялося, що списки осіб с резолюціями М. Лютого «Заарештувати» долучено до слідчої справи № 132569.

Якщо зазначені матеріали своєчасно були відправлені до Москви, то там було достатньо часу і можливостей для проведення додаткового розслідування. Чи було це зроблено, ми поки що достеменно не знаємо.

На тлі багатьох інших розслідувань, що тривали місяцями, слідство у справі Л. Рівліна і З. Зинька-Флейшмана було динамічним, і 21 листопада 1939 р. заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинський затвердив обвинувальний висновок, якому Військова прокуратура 11 грудня надала силу обвинувального акту і направила слідчу справу за підсудністю до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу¹⁴¹.

З 26 по 28 грудня 1939 р., через чотири місяці після попереднього виїзду Військового трибуналу військ НКВС Київського округу до Тирасполя, у приміщенні НКВС МАРСР відбулося нове судове засідання. Серед свідків з числа колишніх керівників і ключових співробітників наркомату під час судового засідання свідчення давав колишній начальник 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР (з 28 травня 1938 р.) і т.в.о. заступника наркома внутрішніх справ МАРСР (до 29 червня 1939 р.) Олександр Томін, який був також заарештований (4 вересня 1939 р.) і перебував під слідством.

На початку судового засідання Л. Рівлін заявив, що бажано викликати як свідка і колишнього заступника начальника 3-го відділу В. Кірюшина.

¹³⁸УЗБ – Управління залізничного будівництва.

¹³⁹ДСК – Далекосхідний край.

¹⁴⁰ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 23–24.

¹⁴¹Там само, арк. 351–353, 355.

Однак, в процесі судового засідання трибунал вирішив продовжувати слухати справу за його відсутності, оскільки обставини, які він міг пояснити, вже були достатньо з'ясовані.

У вироку Військового трибуналу первинне обвинувачення обом підсудним було перекваліфіковано з п. «б» на п. «а» КК УРСР, на підставі якого вони були засуджені «до позбавлення волі у ВТТ терміном на вісім років кожен, без поразки політичних прав, але з позбавленням звання “ст. лейтенант держ. безпеки” обох»¹⁴². 11 травня 1940 р. Військова колегія Верховного суду СРСР вирок трибуналу залишила у силі, без змін, а касаційні скарги засуджених за безпідставністю відхилила¹⁴³.

Ув'язнений Л. Рівлін був відправлений для відбуття покарання до Темниківського ВТТ НКВС СРСР (Мордовська АРСР), куди прибув 14 липня 1940 р. Працював на загальних роботах, у культурно-виховній частині, завідувачем виробництва, інспектором за якістю виготовленої продукції і з березня 1942 р.— знову культурно-виховним організатором. За «відмінне ставлення до роботи і добру поведінку у побуті й на виробництві» кілька разів заохочувався. У день оголошення про напад Німеччини на СРСР подав заяву з проханням відправити його на фронт.

Згідно з опублікованими даними, рішенням Державного комітету оборони СРСР від 27 липня 1942 г. Л. Рівлін був звільнений з табору¹⁴⁴. В архівній кримінальній справі документи про це відсутні, але є клопотання керівництва табору від 13 серпня 1942 р. про скорочення Л. Рівліну терміну покарання на два роки¹⁴⁵ і витяг з протоколу засідання Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР від 14 листопада 1942 р. про зменшення терміну покарання йому на два роки¹⁴⁶. Тим не менше, у серпні 1942 р. Л. Рівлін дійсно був звільнений і незабаром потрапив до лав Червоної армії. Постановою Військової ради Московського військового округу від 19 жовтня 1943 р. судимість з нього було знято. Завірена копія довідки Військового трибуналу МВО про це від 26 жовтня 1943 р. також є в архівній кримінальній справі¹⁴⁷. 5 серпня 1944 р. старший сержант Л. Рівлін звернувся до Секретаріату НКВС СРСР з проханням про доłącнення зазначеної довідки до його архівної справи, що і було зроблено. Ніяких інших документів про його подальшу долю у справі немає.

Ув'язнений З. Зинько-Флейшман відбував покарання у Північному залізничному ВТТ НКВС, де спочатку працював економістом, а з червня 1941 р.— помічником начальника колони. Працював він добре, неодноразово його преміювали¹⁴⁸. 20 серпня 1942 р. на підставі Указу Президії Верховної Ради СРСР від 24 листопада 1941 р. він був звільнений

¹⁴² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 379–379 зв.

¹⁴³ Там само, т. 3, арк. 148–148 зв.

¹⁴⁴ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 362.

¹⁴⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 3, арк. 184.

¹⁴⁶ Там само, т. 3, арк. 192.

¹⁴⁷ Там само, т. 3, арк. 193 (конверт).

¹⁴⁸ Там само, т. 2, арк. 386 зв.

і переданий до військкомату. Станом на 5 вересня 1943 р. лейтенант інтендантської служби З. Зинько-Флейшман перебував на службі в Окремому батальйоні резерву медскладу Головного військово-санітарного управління Червоної армії на посаді командира навчальної роти¹⁴⁹.

2 червня 1943 р. він подав заяву Головному військовому прокурору Червоної армії з проханням про перегляд справи і реабілітацію. У заяві він не принизився до голосливого заперечення своєї провини, як це робили багато із засуджених працівників НКВС, а намагався бути об'єктивним: «Зрозуміло, я, як і всі інші, маю нести відповідальність за ті порушення, що мали місце у період 1937–1938 рр. у роботі органів НКВС. Те, що я відбув майже 5 років в ув'язненні, зганьблений і викинутий за борт активної боротьби за соціалізм, яку я все своє свідоме життя вів,— занадто суворе покарання за помилки, яких я припустився не свідомо і розгледіти в той час не міг»¹⁵⁰.

Після проведеного Головною військовою прокуратурою додаткового розслідування, Військова колегія Верховного суду СРСР 23 листопада 1943 р. вирок Військового трибуналу стосовно З. Зинька-Флейшмана скасувала, а справу провадженням припинила¹⁵¹. У серпні 1947 р. він домігся і зміни формулювання наказу про своє звільнення з органів НКВС. Тепер він був звільнений не у зв'язку з арештом, а за неможливістю використання на роботі в органах держбезпеки.

Проте у серпні 1955 р. наказ, яким були внесені ці зміни, було відмінено. Формулювання причин і дати звільнення стали іншими: «...Звільнити за фактами, що дискредитують звання офіцера, з 20 серпня 1942 р., тобто від дня звільнення його з місця ув'язнення»¹⁵². Було взято під сумнів і додаткове розслідування Головної військової прокуратури, проведене у 1943 р.

Крапку у справі Л. Рівліна і З. Зинька-Флейшмана було поставлено під час вивчення її на предмет реабілітації відповідно до Закону України від 17 квітня 1991 р. «Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні». Згідно з висновком Служби безпеки України від 25 квітня 2000 р. злочини, які інкриміновані засудженим, не підпадають під дію зазначеного Закону, і тому справу стосовно них не переглянуто¹⁵³.

У вирок Військового трибуналу злочинні дії Л. Рівліна і З. Зинька-Флейшмана охарактеризовано у нерозривному зв'язку з діяльністю колишніх наркомів внутрішніх справ УРСР І. Леплевського і О. Успенського, наркомів внутрішніх справ МАРСР М. Лютого і І. Широкого: «Сліпо виконуючи ворожі вказівки колишнього наркома внаслідок УРСР Леплевського, а згодом Успенського, про здійснення масових арештів громадян з метою начебто очистки прикордонсмуги від ворожих,

¹⁴⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 387, 388.

¹⁵⁰ Там само, арк. 383.

¹⁵¹ Там само, арк. 389–389 зв.

¹⁵² Там само, арк. 396.

¹⁵³ Там само, арк. 184.

шпигунських і політично неблагонадійних елементів, Рівлін і Зинько-Флейшман, перебуваючи у 1937–38 роках на керівних посадах в НКВС МАРСР, допустили під керівництвом колишнього наркома внаслідок внаслідок МАРСР Лютого, а потім Широкого, масові арешти громадян без достатніх компрометуючих матеріалів, а у низці випадків за матеріалами, які жодним чином не можна було визнати компрометуючими, як наприклад, за національною ознакою, знайомством з людьми, згодом заарештованими, і т.п.»¹⁵⁴.

У тексті вироку прізвище І. Широкого надалі не згадувалося, а М. Лютого продовжувало звучати. Не дивно, що Військовий трибунал 28 грудня 1939 р. прийняв рішення про виокремлення матеріалу стосовно М. Лютого і направлення його до Військової прокуратури: «...До злочинних зловживань, допущених у зазначеному апараті НКВС [МАРСР] у 1938 році, масовим безпідставним арештам громадян і застосуванню незаконних методів причетний кол[ишній] нарком внутрішніх справ МАРСР Лютий, злочин якого через обтяжливі обставини передбачений п. “б” ст. 206–17 КК УРСР, і враховуючи, що слідство і судовий розгляд справи про нього можливі окремо від цього провадження..., виокремити з цієї справи матеріал для притягнення Лютого до кримінальної відповідальності за зазначеною статтею і направити ВП¹⁵⁵ військ НКВС Київського округу»¹⁵⁶. Таким чином, службова діяльність М. Лютого в НКВС МАРСР за своїми наслідками визнавалася тяжчою, ніж засуджених Л. Рівліна і З. Зинька-Флейшмана.

Після того, як Військова колегія Верховного суду СРСР 11 травня 1940 р. затвердила вирок, Військовий трибунал 2 червня направив матеріал стосовно М. Лютого (на 15 аркушах) до Військової прокуратури військ НКВС Українського округу¹⁵⁷. Інформацією про подальшу долю цього матеріалу, а також матеріалу, який мали відправити з НКВС УРСР особливоуповноваженому НКВС СРСР, ми не володіємо. Але про те, які наслідки це мало для М. Лютого, можна сказати словами, процитованими у доповідних записках А. Кобулова про реагування населення на київський процес у «молдавській справі»: з ним розібралися «по-сімейному». 20 травня 1941 р. його звільнили з органів НКВС і цим обмежилися.

Пізніше звільнення було скасоване, і М. Лютий (Шестаковський) продовжив службу на керівних посадах у підрозділах ГУТАБ НКВС–МВС СРСР. На цій роботі одержав спецзвання полковника держбезпеки (1945), був нагороджений орденом Червоної Зірки (1943), знаком «Заслужений працівник НКВС» (1944), двічі орденом Червоного Прапора (1944, 1949), орденом Леніна (1945)¹⁵⁸. Все це різко контрастувало не лише з долею його

¹⁵⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 376–376 зв.

¹⁵⁵ ВП – Військова прокуратура.

¹⁵⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 55914, т. 2, арк. 380.

¹⁵⁷ Там само, т. 3, арк. 168.

¹⁵⁸ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. — С. 348–349.

наступника на посаді наркома внутрішніх справ МАРСР І. Широкого, але й з іншими колишніми керівниками УНКВС–НКВС МАРСР.

Отже, під час кампанії по боротьбі з «порушеннями соцзаконності», крім І. Широкого (що передчасно покинув цей світ) і Л. Рівліна (засуджений, але не відбув призначеного терміну ув'язнення), ніхто з колишніх керівників НКВС МАРСР не поніс покарання за свої злочини у період Великого терору.

Прокурори виявляють наполегливість: падіння Г. Кочергинського.

(Розділ 2)

Ще раніше, ніж у І. Широкого, почалися проблеми, пов'язані з порушенням законності у службовій діяльності, у начальника Дорожньо-транспортного відділу (ДТВ) ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці (ПДЗ) Георгія Кочергинського. Про цю людину і його службу в органах ЧК–ДПУ–НКВС, а також про кримінальну справу 1938–1939 рр., за якою він був засуджений, достатньо детально написано у публікаціях одного з авторів–укладачів цієї книги¹⁵⁹. Раніше було опубліковано фрагменти з оглядової довідки за архівно-слідчою справою Г. Кочергинського, що-правда, без зазначення його прізвища, а зі скороченням його до великої літери «К.». В історичній літературі є також короткий опис методів ведення слідства Г. Кочергинським і його підлеглими, який базується на матеріалах судового засідання Військового трибуналу у його справі¹⁶⁰.

Ми акцентуємо увагу на причинах виникнення у 1938 р. інтересу до службової діяльності Г. Кочергинського, а потім і слідства з обвинувачення його у посадових злочинах. Почнемо з короткої передісторії. З квітня 1937 р. Г. Кочергинський входив до складу спеціальної групи співробітників НКВС, яку очолював начальник 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР Л. Миронов (Каган). Бригада Миронова була відряджена до Сибіру і на Далекий Схід із завданням «виявлення і розгрому шпигунсько-шкідницьких троцькістських та інших груп на залізницях... і в армії»¹⁶¹.

Ми не знаємо, чи була тоді об'єктивна потреба відправляти керівника радянських органів контррозвідки у тривале відрядження у стратегічно важливий, але не найпроблемніший регіон з точки зору контррозвідального захисту розташованих у ньому об'єктів. Це скоріше було тимчасове усунення Л. Миронова (Кагана) від виконання своїх посадових обов'язків у Москві, відправлення його чимдалі, ще і з дорученням йому

¹⁵⁹ Росман Дж. Дело Георгия Кочергинского: роль ситуативных факторов в мотивации «грубых нарушений социалистической законности» // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.— 2015.— № 2 (45).— С. 299–319; Росман Дж. Дело Георгия Кочергинского. Роль ситуативных факторов мотивации «грубых нарушений социалистической законности» // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей.— С. 577–594.

¹⁶⁰ Нікольський В. Повернення з небуття // Реабілітовані історією. Донецька область.— Кн. 2. / Обл. ред. колегія: Ю. М. Гримчак (голова) та ін.— Донецьк: Видво КП «Регіон», 2005.— С. 12–13; Подкур Р. Ю. «Великий терор» 1937–1938 рр. на Донбасі.— К.: Інститут історії України НАН України, 2016.— С. 118–119.

¹⁶¹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 301.

«делікатної» місії з репресування своїх колег — співробітників УНКВС по Далекосхідному краю.

Г. Кочергинський у бригаді Л. Миронова очолював групу слідчих, які вибивали зізнання у шпигунстві з керівників місцевого УНКВС. Пізніше він вихвалявся цим і розповідав, що Миронов під час їхньої спільної роботи у Хабаровську навчив його «багато чому хорошому»¹⁶². Мабуть, старання Г. Кочергинського оцінили належно, чого не можна сказати про його вчителя. Якщо тільки не було випадкового збігу низки обставин, то Л. Миронов (Каган) став лише однією з фігур на шахівниці Й. Сталіна, яка мала потрапити «під бій» під час багатоходової комбінації.

Виконуючи свою місію у Хабаровську, бригада Миронова зробила мотивованим виведення у розпорядження НКВС СРСР 11 травня 1937 р. начальника УНКВС по Далекосхідному краю Т. Дерібаса. На зміну Т. Дерібасу направили багаторічного керівника органів ЧК—ДПУ—НКВС УРСР В. Балицького (приступив до виконання обов'язків на початку червня). А вже 19 червня останній був знятий з посади і відкликаний до Москви, де 26 червня постановою Політбюро ЦК ВКП(б) «за зраду партії і Батьківщини та активну контрреволюційну діяльність» він виключений зі складу ЦК ВКП(б) і членів партії. 7 липня 1937 р. його заарештували, а 27 листопада 1937 р. засудили в особливому порядку — комісією НКВС СРСР, Прокурора СРСР і Голови Військової колегії Верховного суду СРСР — до ВМП і розстріляли¹⁶³.

Т. Дерібас 19 червня 1937 р. знову був призначений начальником УНКВС по Далекосхідному краю. Побув на посаді до 31 липня, а 12 серпня 1937 р. також був заарештований. Майже рік потому був засуджений до ВМП і 27 липня 1938 р. розстріляний¹⁶⁴. Під час цих пертурбацій, 16 червня 1937 р., трохи раніше за В. Балицького і Т. Дерібаса, був заарештований і «чистильник» УНКВС по ДСК Л. Миронов (Каган). Але засуджений до ВМП і розстріляний він був останнім з цієї трійці (29 серпня 1938 р.)¹⁶⁵. У результаті, всі три «фігури-важковики» за участі один одного і своїх колег були приборані з НКВС, а потім фізично знищені.

Тому вихваляння Г. Кочергинського перед підлеглими досвідом спільної роботи з Л. Мироновим у Хабаровську і тим, що він особисто заарештував і навіть розстріляв (відверта брехня) Т. Дерібаса¹⁶⁶, були щонайменше необачними. Він не знав усіх розкладів тієї партії, і йому варто було мовчати про це. Однак почуття самозбереження штовхало його зовсім у протилежному напрямку, причому не лише на словах, але й на ділі.

Після повернення у жовтні 1937 р. з Далекого Сходу і призначення на посаду начальника ДТВ ГУДБ НКВС ПДЗ, Г. Кочергинський став

¹⁶² Россман Дж. Дело Георгия Кочергинского.— С. 580.

¹⁶³ Про арешт В. Балицького, слідство в його справі та його засудження див.: Шаповал Ю., Золотарьов В. Всеволод Балицький: особа, час, оточення.— К.: Стило, 2002.— С. 345–352.

¹⁶⁴ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 173–174.

¹⁶⁵ Там само, С. 300–301.

¹⁶⁶ Россман Дж. Дело Георгия Кочергинского.— С. 582.

хвилюватися за власну долю, але не у зв'язку з обставинами свого тривалого відрядження, а через звинувачення у підтримці троцькістів у 1928 р. Заступництво начальника 1-го відділу (охорона керівників партії і уряду) ГУДБ НКВС СРСР І. Дагіна та начальника 6-го (транспортного) відділу ГУДБ НКВС СРСР М. Волкова (Вайнера) врятувало його тоді від неприємностей, і 15 листопада 1937 р. Г. Кочергинський прибув до м. Артемівськ (нині — Бахмут, Донецька область) на нове місце служби.

25 січня 1938 р. змінився його безпосередній начальник на посаді керівника 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Ним, як ми вже знаємо, став переведений до Москви колишній нарком внутрішніх справ УРСР І. Леплевський. Проте І. Дагін — головний патрон Г. Кочергинського — залишався на своїй посаді до листопада 1938 р., що дозволяло останньому почуватися доволі впевнено. Однак бажання вислужитися і зняти з себе усілякі підозри у неблагонадійності зіграли злий жарт із Г. Кочергинським. Він практично відразу зазнав «провалу» на новій роботі.

Компрометуючі матеріали на Г. Кочергинського почали надходити до Москви кількома каналами. Перший канал був внутрішнім, відомчим. Спочатку до І. Леплевського потрапили заяви про неправильне виселення сімей робітників і службовців з оборонних вузлів ПДЗ у порядку очистки їх від «ворожого і підозрілого елементу» відповідно до директиви НКВС СРСР від листопада 1937 р. № 331779. Для перевірки цих заяв 26 лютого 1938 р. до Артемівська виїхав помічник І. Леплевського капітан держбезпеки Соколов. Він перебував там до 4 березня 1938 р., захворів і, коли повернувся, 23 березня доповів рапортом про результати своєї поїздки. В рапорті йшлося не лише про неправильне виселення, але і про злочинні методи слідчої роботи, а сам Кочергинський був охарактеризований як «людина з виключними здібностями провокаторства, озокамилування і кар'єризму»¹⁶⁷.

Як відреагував на рапорт І. Леплевський, якому самому були притаманні такі «здібності», ми поки що не знаємо. Відомо, що тоді ж до нього потрапив лист начальника політвідділу ПДЗ Воробйова про неправильні дії і обурливу поведінку Г. Кочергинського¹⁶⁸. Лист був адресований наркому шляхів сполучення СРСР О. Бакуліну і першому секретарю Донецького обкому КП(б)У Е. Прамнеку. О. Бакулін копію листа направив 3 березня 1938 р. першому заступнику наркома внутрішніх справ СРСР і начальнику 1-го управління НКВС СРСР М. Фриновському, написавши від себе: *«Треба було б стосовно тов. Кочергинського деякі заходи вжити»*¹⁶⁹.

Сталінський дамоклів меч висів тоді над всіма (обидва адресати листа незабаром були заарештовані, засуджені і розстріляні, а М. Фриновського така ж доля спіткала дещо пізніше). На той момент М. Фриновський адекватно оцінив значення цього листа. На «аркуші резолюції» наркома шляхів сполучення, долученого до листа, він написав таку резолюцію:

¹⁶⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 66.

¹⁶⁸ Там само, арк. 159—163.

¹⁶⁹ Там само, арк. 158.

«т. Леплевський. Роз[с]лідуйте і результат повідомте мені. Поведінка т. Кочергинського потворна. М. Фриновський»¹⁷⁰.

І. Леплевського раніше ніщо не пов'язувало з Г. Кочергинським, якого відправили до Артемівська без його участі, і який не був в його прямому підпорядкуванні як наркома внутрішніх справ УРСР, а став таким лише після появи І. Леплевського на чолі 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Тому І. Леплевський, розуміючи, яку небезпеку для нього становить «свавільник» Г. Кочергинський, 19 березня 1938 р. наклав на згаданий лист красномовну резолюцію начальнику 15-го відділення 6-го відділу (з 8 квітня 1938 р.— помічник начальника 6-го відділу) Д. Аркадьєву: *«Тов. Аркадьєв! Домовтись з ВК про якнайшвидишу заміну Кочергинського. 19/ III. І. Леплевський»¹⁷¹*. Це була не перша така вказівка Д. Аркадьєву, у попередній від 7 березня І. Леплевський просив його терміново підшукати *«тямуцого працівника замість Кочергинського»¹⁷²*.

Можливо, «домовитись» з відділом кадрів НКВС СРСР Д. Аркадьєву і вдалося, але через невідомі обставини замінити Кочергинського іншим працівником не вдалося і ситуація продовжувала загострюватися. Нові матеріали про незаконні дії Г. Кочергинського вже надійшли в апарат ОСУ НКВС СРСР, а, звідти 26 березня 1938 р. їх перенаправили для розгляду заступнику І. Леплевського — М. Андрєєву (Шейнкману), зазначивши, що в апараті перевіркою правильності цих матеріалів поки що не займалися¹⁷³.

Ці матеріали також опинилися у Д. Аркадьєва, а М. Андрєєв через два дні (28 березня) був призначений начальником 2-го відділу (водний транспорт) 3-го управління НКВС СРСР. Тим не менше, коли 13 квітня 1938 р. апарат ОСУ попросив прискорити виконання звернення від 26 березня, то саме у М. Андрєєва почали цікавитися, що він пам'ятає про це¹⁷⁴. Все це дуже було схоже на театр абсурду. Адже швидко вирішити питання про Г. Кочергинського хотів І. Леплевський, але 26 квітня 1938 р. він був заарештований, а через три місяці (28 липня) засуджений Військовою колегією Верховного суду СРСР до розстрілу і розстріляний¹⁷⁵, і подальший розвиток подій відбувався вже без його участі.

Згідно з наказом М. Фриновського у травні 1938 р. для розслідування фактів діяльності Г. Кочергинського до ДТВ ПівндЗ був відряджений оперуповноважений апарату ОСУ НКВС СРСР С. Премислер¹⁷⁶. Під час його перебування наприкінці травня в Артемівську побував ще один представник колишнього 6-го відділу ГУДБ — начальник 2-го відділення

¹⁷⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 158.

¹⁷¹ Там само, арк. 159.

¹⁷² Там само, арк. 170.

¹⁷³ Там само, арк. 167.

¹⁷⁴ Там само, арк. 178.

¹⁷⁵ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 270.

¹⁷⁶ У деяких документах архівної кримінальної справи його прізвище написано як Премпслер. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 413 та ін.).

1-го відділу 3-го управління НКВС СРСР В. Наседкін. Він вже керував-ся вказівками нового (з 25 травня 1938 р.) начальника 3-го управління Б. Бермана. Про те, як В. Наседкін виконував вказівки керівництва, йтиметься далі.

Результати розслідування, яке провів на місці С. Премислер, заступник особливоуповноваженого НКВС СРСР Є. Тучков доповів у рапорті на ім'я М. Єжова від 31 травня 1938 р.¹⁷⁷. Пропозиції апарату ОСУ в частині, що стосувалася Г. Кочергинського, були такими:

«1. Виділити по лінії Транспортного відділу ГУДБ¹⁷⁸ бригаду для перевірки всієї оперативної діяльності ДТВ ГУДБ Північно-Донецької залізниці за час перебування на посаді начальника ДТВ Кочергинського.

2. З метою створення нормальної [обстановки для] роботи цієї бригади Кочергинського від посади начальника ДТВ відсторонити»¹⁷⁹.

Наприкінці рапорту Є. Тучков прохав й про вказівки. М. Єжов вирішив доручити Б. Берману розібратися в цьому питанні. І це стало помилкою. 2 червня 1938 р. начальник відділу оперативного обліку, реєстрації та статистики (з 19 червня 1938 р.— 1-й спецвідділ) НКВС СРСР І. Шапіро передав Б. Берману рапорт Є. Тучкова, а згодом — й матеріали попереднього розслідування, на підставі яких було підготовлено цей рапорт.

Б. Берман, який очолював також і 1-й відділ 3-го управління, 5 червня на рапорт Є. Тучкова наклав резолюцію своєму помічнику по 1-му відділу (з 16 червня 1938 р.— заступник начальника 1-го відділу) М. Синегубову: «*Прошу сьогодні ж переговорити зі мною*»¹⁸⁰. Незважаючи на терміновість у тональності резолюції, лише місяць потому, 5 липня 1938 р., М. Синегубов дав подальший хід матеріалам на Г. Кочергинського, надавши відповідні вказівки помічнику начальника 5-го відділення 1-го відділу 3-го управління НКВС СРСР О. Вороніну¹⁸¹.

М. Синегубов порушив виконавську дисципліну і загальмував розгляд справи Г. Кочергинського. Виникає питання про мотиви таких дій М. Синегубова. Можливо, відповідь у тому, що трапилося з ним після завершення його успішної кар'єри в НКВС, як заступника наркома (міністра) шляхів сполучення СРСР. На третьому році перебування на пенсії, наприкінці 1958 р., його було виключено з партії «за фальсифікацію слідчих матеріалів і застосування незаконних методів при допиті заарештованих у період його роботи в 1937–1939 рр. у Головному транспортному

¹⁷⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 135–142. На останньому аркуші документа у позначенні дати помилково надруковано «июня».

¹⁷⁸ Так за звичкою називали 1-й відділ 3-го управління НКВС СРСР.

¹⁷⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 141.

¹⁸⁰ Там само, арк. 135.

¹⁸¹ Там само, арк. 134.

управлінні НКВС СРСР», а у січні 1959 р. позбавлено звання Героя Соціалістичної праці, орденів та медалей¹⁸².

М. Синегубов у своїх методах слідчої роботи нічим не відрізнявся від Г. Кочергинського. Розуміння ним цього при ознайомленні з матеріалами на Г. Кочергинського, мабуть, не викликало у нього бажання давати їм хід. Навіть більше, за свідченнями Г. Кочергинського, у липні 1938 р. М. Синегубов ознайомив його з матеріалами на нього і охарактеризував їх як наклепницькі¹⁸³. Це було небезпечною грою, оскільки резонанс від діяльності Кочергинського можна було порівняти з колами на воді, що розбігалися в усі боки від кругляка, який жбурнули у тиху заводь.

Другим каналом руху компромату на Г. Кочергинського стали органи прокуратури. Згідно з листом Прокурора СРСР А. Вишинського наркому внутрішніх справ СРСР М. Єжову від 21 червня 1938 р. в Прокуратуру СРСР «впродож квітня 1938 р. надійшла низка скарг на незаконні методи слідства в ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької зал[ізниці]»¹⁸⁴. Ці скарги заступник Прокурора СРСР Г. Рогинський переслав прокурору ПДЗ Юрченку для перевірки на місці. «Однак,— писав Вишинський,— нач[альник] ДТВ т. Кочергинський спочатку під різними приводами (карантин і т.д.) перешкоджав відвідуванню прокурором залізниці приміщення для заарештованих, а потім заявив, що «усі подані заяви є провокаційними, і відвідування прокурором приміщення для арештованих може дати привід заарештованим відмовитися від показань»¹⁸⁵.

Однак прокурору Юрченку необхідно було виконати поставлене завдання, і він спробував скористатися приїздом в ДТВ згаданого В. Наседкіна. Однак, де там. Згідно з листом А. Вишинського, Наседкін «на пропозицію т. Юрченка разом передопитати заарештованих, що подали скарги, також відповів відмовою». Мабуть, його місія в Артемівську не передбачала «глибокого копання» під Кочергинського, хоча він на власному досвіді переконався у лицемірстві і ненадійності Кочергинського. Зрозуміло, що співробітники НКВС не хотіли допустити прокурора до арештованих.

Це дало А. Вишинському підстави заявити М. Єжову: «Я вважаю дії т. Кочергинського і т. Наседкіна неправильними і вважаю за необхідне вислати на Пів[нічно]-Дон[ецьку] зал[ізницю] представників 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР і Прокуратури Союзу РСР для перевірки всіх заяв на місці»¹⁸⁶. Під «всіма заявами» Прокурор СРСР мав на увазі також заяви залізничників про незаконні методи слідства, що застосовували працівники Відділення ДТВ ст. Куп'янск (Харківська область). Ці заяви

¹⁸² Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник / Междунар. об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ России.— М.: Об-во «Мемориал»; Звенья, 2010.— С. 793–794.

¹⁸³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 70 зв.

¹⁸⁴ Там само, т. 4, арк. 61.

¹⁸⁵ Там само, т. 4, арк. 61.

¹⁸⁶ Там само, т. 4, арк. 61.

були зроблені обвинуваченими 20 травня 1938 р. на судовому засіданні Лінійного суду Північно-Донецької залізниці.

Отже, інформація про «порушення ревзаконності» в ДТВ йшла і через судові органи, які доповідали її керівництву і ділилися нею з органами прокуратури. Судові органи були третім каналом надходження компромату на Г. Кочергинського до Москви. Четвертим каналом були партійні й державні органи, до яких відкрито або анонімно зверталися люди, що зіткнулися із беззаконням¹⁸⁷.

А. Вишинський закликав М. Єжова до дій, закінчивши свого листа словами: «Про Ваші розпорядження прошу повідомити». За резолюціями на листі неможливо визначити зміст розпоряджень М. Єжова чи М. Фриновського начальнику 1-го спецвідділу НКВС СРСР І. Шапіро, який, мабуть, доповідав листа А. Вишинського. Одна резолюція була адресована Б. Берману і містила єдине слово «Відповідь», дату «22.VI» і підпис І. Шапіро. Відмітка про ознайомлення та резолюція Б. Бермана на документі відсутні. Друга резолюція повторювала майже дослівно резолюцію до матеріалів апарату ОСУ НКВС СРСР і призначалася для того ж помічника начальника 5-го відділення 1-го відділу 3-го управління О. Вороніна: «*Пр[ошу] отримати у мене вказівки. Синегубов. 5/VII*»¹⁸⁸.

Таким чином, в доповнення до матеріалів апарату ОСУ НКВС СРСР, що пролежали місяць у 1-му відділі 3-го управління НКВС СРСР, було додано листа Прокурора СРСР. Показово, що В. Наседкін, діями якого в Артемівську був незадоволений Прокурор СРСР, був підвищений по службі: з 21 червня 1938 р. став начальником 1-го відділення 1-го відділу і водночас помічником начальника цього ж відділу 3-го управління НКВС. Отже, з покладеними на нього завданнями, у тому числі і в Артемівську, впорався. Як робив це і у подальшому. Вершиною його кар'єри стало тривале перебування на посаді начальника ГУТАБ НКВС—МВС СРСР у найстрашніші роки існування цього «Архіпелагу» (з 26 лютого 1941 р. до 2 вересня 1947 р.). Став генерал-лейтенантом і одержав сім орденів¹⁸⁹.

Для Г. Кочергинського успішне відбиття з майбутнім начальником ГУТАБу В. Наседкіним намірів прокурорів не стало завершенням історії. 22 липня 1938 р. А. Вишинський направив М. Єжову нового листа, в якому знову повідомляв про порушення соцзаконності з боку Г. Кочергинського, його помічника М. Антоненка і начальника ВДТВ ст. Красний Лиман, а потім заступника начальника ДТВ К. Матвеева, «які фабрикували справи про к.-р. злочини, били заарештованих і т.п.»¹⁹⁰.

¹⁸⁷ В архівній кримінальній справі Г. Кочергинського та інших осіб є два примірники анонімного листа з Артемівська від 13 грудня 1937 р., адресованого Й. Сталіну, В. Молотову, К. Ворошилову і Л. Кагановичу. Лист зареєстрували у секретаріаті ЦК ВКП(б) 17 січня 1938 р. і потім передали на розгляд до НКВС СРСР. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 80–80 зв., 148–148 зв.).

¹⁸⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 4, арк. 61.

¹⁸⁹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 312.

¹⁹⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 3, арк. 3.

У матеріалах архівної кримінальної справи на Г. Кочергинського та його підлеглих цього листа немає, тому якою була реакція М. Єжова на лист, сказати достеменно не можемо. Про неї, частково, можна судити за резолюцією М. Єжова на третьому листі Прокурора СРСР. Складається враження, що саме наполегливість А. Вишинського зіграла вирішальну роль у справі Кочергинського. Принаймні, він не втомлювався підписувати листи з цього приводу Єжову.

Третій лист датований 10 серпня 1938 р. Нагадавши про два попередні, Прокурор СРСР повідомив додаткові деталі, які стали відомі під час розслідування у справах заарештованих колишніх підлеглих Кочергинського. І у словах А. Вишинського зазвучали металеві нотки: «Всі ці факти, разом з тим, про що я повідомляв Вам раніше у вищезазначених двох листах, свідчать про наявність розкладання у керівництві ДТВ Північно-Донецької зал[ізниці] і про низку злочинів, скоєних цим керівництвом. Тому прошу усунути Кочергинського від роботи і дати розпорядження про здійснення слідства за всіма вказаними вище матеріалами. Про житті Вами заходи прошу повідомити»¹⁹¹.

Вже не йшлося про перевірки і якісь рутинні управлінські рішення. Прокурор говорив про «розкладання» керівництва транспортного органу НКВС, отже, про втрату наркоматом керованості цим органом. Прокурор говорив не про окремі факти, а про явище в цілому — низку злочинів, скоєних керівництвом органу НКВС. І вже виникало запитання: це трапилося з відома вищої інстанції чи ні? Якщо ні, то де ж тоді дієвий контроль за службовою діяльністю підлеглих? Це знову ж таки втрата керованості у системі НКВС. Прокурор жорстко поставив питання про усунення Кочергинського (до речі, у тексті листа вже не товариша) від роботи і початок слідства у його справі.

Ймовірно, М. Єжову було дуже неприємно опинитися під пресом А. Вишинського. Через саботажницькі дії підлеглих проблема Кочергинського постала перед ним особисто. Підкреслимо, що це було ще до звернення до М. Єжова наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського з проханням про усунення від роботи наркома внутрішніх справ МАРСР І. Широкого і віддання його під суд (4 вересня 1938 р.).

Про емоційний стан М. Єжова можна здогадатися за розмашистою, через весь аркуш, резолюцією зеленим олівцем, адресованою невідомо кому: «*Кочергинського я давав розпорядження заарештувати, чому не заарештували? Єжов*»¹⁹². На риторичне запитання розгніваного наркома відповідь довелося давати, мабуть, Б. Берману¹⁹³. 16 серпня документ був розписаний на нього і взятий на контроль. Останнє свідчило про зміну ситуації: підготовка відповіді на перший лист А. Вишинського

¹⁹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 3, арк. 3.

¹⁹² Там само.

¹⁹³ 24 вересня 1938 г. Б. Берман був заарештований, а 22 лютого 1939 р. Військовою колегією Верховного суду СРСР засуджений до ВМП і розстріляний. (Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 108).

на контроль не ставилася. Зараз же необхідно було діяти швидко, поки Прокурор СРСР не звернувся зі своїми матеріалами ще куди-небудь.

А звертатися йому було з чим. На той момент було заарештовано групу колишніх підлеглих Г. Кочергинського, серед яких були і його майбутні подільники: оперуповноважений ВДТВ ст. Красний Лиман А. Розенберг, помічник начальника ВДТВ ст. Дебальцево А. Лубовський, оперуповноважений ВДТВ ст. ім. Л. М. Кагановича В. Мацейканець, помічник оперуповноваженого ВДТВ ст. Дебальцево М. Кузнецов. 17 серпня 1938 р. до них приєднався колишній оперуповноважений ВДТВ ст. ім. Л. М. Кагановича К. Ковальов. Ще одним членом цієї групи був заарештований 11 липня 1938 р. оперуповноважений ДТВ Е. Мусяловський. 17 липня з відділу кадрів НКВС СРСР відправили вказівку Г. Кочергинському про відрядження Е. Мусяловського на адміністративно-господарську роботу у розпорядження начальника Північного залізничного ВТТ НКВС, сел. Княж-Погост Комі АРСР¹⁹⁴. Здивований Г. Кочергинський 16 серпня попросив роз'яснень від відділу кадрів НКВС СРСР¹⁹⁵. І, хоча тоді йому треба було більше хвилюватися за себе, Е. Мусяловський ще кілька місяців перебував під вартою.

Розрізнені слідчі справи на А. Розенберга і його колег 8 вересня 1938 р. були об'єднані в одне слідче провадження під № 111886 (під яким спочатку було зареєстровано справу А. Розенберга). Відповідно, всім їм уніфікували статтю обвинувачення — ст. 54–7 (а Лубовському ще і ст. 54–1 п. «б» і 54–11) КК УРСР¹⁹⁶. Про дивне ведення слідства у цій справі говорить низка фактів.

Так, документи на арешт А. Розенберга оформили 20 квітня 1938 р. у ДТВ з санкції військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ НКВС по Донецькій області Г. Кошарського. Постанову про обрання запобіжної міри підписали співробітник для особливих доручень ДТВ І. Шаталін і помічник начальника ДТВ М. Антоненко. Відповідно А. Розенберг утримувався під вартою у в'язниці м. Артемівська. Лише два місяці потому «згадали», що треба провести обшук за місцем проживання заарештованого — на станції Красний Лиман (протокол від 25 липня 1938 р.¹⁹⁷). І тільки, коли пролунав гуркіт «грому» з Луб'янки щодо Кочергинського, 17 серпня 1938 р. у 3-му відділі УДБ УНКВС по Сталінській області оформили постанову про притягнення А. Розенберга як обвинуваченого і заповнили анкету заарештованого¹⁹⁸.

Технологічно початок слідства був таким: спочатку співробітників ДТВ і ВДТВ допитували як обвинувачених, а потім їх заарештовували і офіційно висували їм обвинувачення. Так, А. Розенберга допитували

¹⁹⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 266.

¹⁹⁵ Там само, т. 5, арк. 265.

¹⁹⁶ Там само, т. 1, арк. 38.

¹⁹⁷ Там само, т. 1, арк. 4.

¹⁹⁸ Там само, т. 1, арк. 6, 7.

6 і 7 квітня 1938 р. Г. Кочергинський і І. Шаталін¹⁹⁹, а потім він був заарештований. Спеціально направлений до Артемівська оперуповноважений апарату ОСУ НКВС СРСР С. Премислер допитував В. Мацейканца 15 травня 1938 р.²⁰⁰, а заарештований він був 13 липня. К. Ковальова допитували як обвинуваченого 20 березня М. Антоненко і І. Шаталін, 20 травня — С. Премислер²⁰¹, а заарештували тільки 17 серпня 1938 р.

І хоча попереднє слідство велось у «домашній обстановці» — спочатку в самому ДТВ в Артемівську (у справі А. Розенберга), а потім — у 3-му відділі УДБ УНКВС по Сталінській області, заарештованих допитував і військовий прокурор, а здобуті матеріали він оперативно доповідав своєму керівництву. Зокрема, 20 липня 1938 р. Г. Кошарський допитав в Артемівську А. Розенберга як свідка. Той про обставини квітневих допитів його Г. Кочергинським заявив таке: «Я ще тоді заарештований не був, однак, Кочергинський, коли мене допитував, жорстоко бив. Кочергинський мене бив кулаками по голові, вухах і зубах. Вибив мені зуб і так сильно побив, що я зараз залишився напівглухим». Повідомив А. Розенберг і про аналогічні факти стосовно інших заарештованих людей²⁰².

У НКВС СРСР розуміли, що у прокуратури є серйозні компрометуючі матеріали на керівника і співробітників ДТВ, та намагалися випередити прокурорів. Арешт Г. Кочергинського здійснили 20 серпня 1938 р. у Москві, в НКВС СРСР, висунувши йому нашвидкуруч обвинувачення за чотирма статтями КК РРФСР (ст. ст. 58–6, 56–7, 56–10, 56–11). Слідство вели у 1-му відділі 3-го управління (з 29 вересня 1938 р.— Головне транспортне управління), згодом — у Слідчій частині НКВС СРСР.

Отже, на першому етапі попереднє слідство проводилося окремо: у Москві — у справі керівника транспортного органу, в Сталіно (нині — Донецьк) — у справі його підлеглих. Оскільки проблеми ДТВ були «головним боєм» Москви, роль НКВС УРСР у справі Г. Кочергинського до цього виявилася лише у наданні довідки особливоуповноваженого НКВС УРСР на начальника ДТВ від 22 липня 1938 р. У ній містився категоричний висновок: «Кочергинський, без сумніву, є замаскованим дворушником—ворогом і підлягає арешту»²⁰³.

Весь цей час НКВС УРСР перебував лише у ролі спостерігача і за слідством в УНКВС по Сталінській області. Безумовно, начальник УНКВС П. Чистов та його заступник Д. Ліфар доповідали про перебіг слідства О. Успенському і, можливо, отримували якісь вказівки у зв'язку з цим, проте в архівній кримінальній справі це не відображено.

20 жовтня 1938 р. 3-й відділ УДБ УНКВС підготував обвинувальний висновок у справі, який 22 жовтня затвердив фактичний заступник

¹⁹⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 1, арк. 40–45, 46–52; 53–55, 56–58; 59–63, 64–70.

²⁰⁰ Там само, т. 2, арк. 2.

²⁰¹ Там само, т. 1, арк. 207–208, 209–217.

²⁰² Там само, т. 1, арк. 95–97, 98–100 зв.

²⁰³ Там само, т. 3, арк. 2.

начальника УНКВС О. Шашков (офіційно був помічником, але після від'їзду Д. Ліфара до Тирасполя виконував обов'язки заступника).

Обвинувальний висновок будувалася на тому, що у 1938 р. була викрита «контрреволюційна право-троцькістська організація» очолювана керівниками Північно-Донецької залізниці, і, як встановило слідство, Г. Кочергинський, «був пов'язаний з керівниками цієї організації, проводив через обвинувачених, притягнутих у цій справі, ворожу роботу в органах НКВС, що проявилася у безпідставних арештах, фабрикації фіктивних протоколів допиту як обвинувачених, так і свідків, грубо ігноруючи директивні вказівки НКВС СРСР щодо репресування куркульського і контрреволюційного елемента, що осів і проводив підривну роботу на [залізничному] транспорті»²⁰⁴. Те, що це — еkleктична суміш «конструкцій» для людей, що зналися на предметі, було очевидним.

Але до цих людей ще не належав т.в.о. Військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ НКВС УРСР по Ворошиловградській і Сталінській областях П. Лехов (пізніше він став справжньою «грозою» для порушників законності). Своєю постановою від 17 листопада 1938 р. він надав обвинувальному висновку силу обвинувального акту і ухвалив віддати обвинувачених під суд Військового трибуналу²⁰⁵.

Отримавши справу і вивчивши її, Військовий трибунал прикордонних і внутрішніх військ УРСР на підготовчому засіданні 11 грудня 1938 р. ухвалив повернути справу, якій він надав свою нумерацію (№ 0095—1938 р.), на дослідження винятково з точки зору проведення «повної документації здійсненої кожним з обвинувачених окремо фабрикації фіктивних слідчих справ на суд[ову] трійку»²⁰⁶. Військовий трибунал на чолі з Я. Васютинським не цікавили троцькістські й змовницькі сюжети, а цікавила конкретика у порушеннях співробітниками транспортного органу НКВС «соцзаконності».

17 січня 1939 р. у Слідчій частині НКВС СРСР також дійшли висновку про необхідність продовжити слідство у справі Г. Кочергинського в УНКВС по Сталінській області. У відповідній постанові було зазначено: «Враховуючи, що вся ворожа діяльність Кочергинського і працівників ДТВ і ОДТВ була на Північно-Донецькій [залізниці], що знаходиться на території Сталінської області»²⁰⁷ і, що для уточнення низки обставин потрібен допит потерпілих і свідків, а також проведення очних ставок, [...] слідчу справу № 20629 у двох томах з особою обвинуваченого Кочергинського Георгія Ізраїльовича направити *особливим конвоем* до Сталінського управління НКВС, м. Сталіно, для подальшого ведення слідства і направлення за підсудністю»²⁰⁸. Таким чином, у Москві було прийнято рішення про дослідження справи і віддання Г. Кочергинського

²⁰⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 2, арк. 246.

²⁰⁵ Там само, арк. 254.

²⁰⁶ Там само, арк. 258—258 зв.

²⁰⁷ Частини ПДЗ розташовувалися також на території Ворошиловградської і Харківської областей.

²⁰⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 3, арк. 300.

під суд в УРСР. Можливо, свою роль у цьому відіграв успішний досвід проведення судового процесу у «молдавській справі» у Києві. Або вирішили якнайшвидше позбутися горе-начальника, що наробив стільки галасу.

У датованому цим днем (17 січня 1939 р.) листі начальнику УНКВС по Сталінській області начальник Слідчої частини НКВС СРСР (і заступник начальника ГУДБ НКВС СРСР) Б. Кобулов та його помічник А. Боярський надали додаткові вказівки, що містили чотири пункти. Перший наказував об'єднати слідчу справу Г. Кочергинського зі справою його колишніх підлеглих, яка знаходилася у провадженні УНКВС. В інших поставлене завдання з перевірки обставин арештів і слідства, що здійснювали ДТВ і ВДТВ, а також масового виселення залізничників за межі оборонних вузлів ПДЗ. Завдання в цілому зводилося до того, щоб «у процесі слідства викрити всю ворожу роботу, проведену як Кочергинським, Лубовським, Розенбергом, Ковальовим і Кузнецовим, так і його заступниками Матвеевим, Антоненком та іншими працівниками ДТВ і ВДТВ»²⁰⁹.

Незважаючи на звичну риторичку, під «ворожою роботою» у листі малися на увазі тільки порушення законності у службовій діяльності співробітників зазначених органів. Отже, у слідстві почався новий етап. Постановою УНКВС по Сталінській області від 13 лютого 1939 р. обидві слідчі справи об'єднали в одну²¹⁰.

К. Матвеев і М. Антоненко були притягнуті до слідства, але тільки як свідки. К. Матвеев на очних ставках з Г. Кочергинським 7 і 8 березня 1939 р. конкретними фактами викрив злочини колишнього шефа, зробивши свій вагомий внесок у створення доказової бази слідства. М. Антоненко після арешту Г. Кочергинського тимчасово виконував обов'язки начальника ДТВ. На допиті 10 березня він підтвердив відповідальність Кочергинського за порушення законності у діяльності транспортних органів НКВС на ПДЗ²¹¹. При цьому К. Матвееву і М. Антоненку вдалося дистанціюватися від Г. Кочергинського. Матеріали стосовно К. Матвеева та інших співробітників ДТВ і ВДТВ ПДЗ (за винятком М. Антоненка) 14 березня 1939 р. були виділені в окреме слідче провадження²¹².

Під час слідства уточнювалася провина кожного обвинуваченого. Стосовно Е. Мусяловського виявилось неможливим задокументувати факти фабрикації ним слідчих справ. До того ж він відмовився від раніше наданих показань про проведення «шкідницької діяльності». Тому постановою УНКВС по Сталінській області від 16 березня 1939 р. подальше провадження слідства стосовно нього було припинено і він підлягав звільненню з-під варті. 28 квітня 1939 р. це рішення підтвердила

²⁰⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 3, арк. 303.

²¹⁰ Там само, т. 5, арк. 5.

²¹¹ Там само, т. 5, арк. 100–104, 105–109.

²¹² Там само, т. 5, арк. 206.

Військова прокуратура військ НКВС Харківського округу²¹³. Коло обвинувачених звузилося.

20 березня 1939 р. новий заступник начальника УНКВС по Сталінській області О. Шалгін затвердив обвинувальний висновок у справі (документ № 7). Усіх фігурантів було звинувачено тепер за статтею 206–17 п. «б» КК УРСР²¹⁴, яка тоді ґрунтовно входила в практику слідства у справах «порушників соцзаконності». Заступник військового прокурора військ НКВС Харківського округу Парміт вивчив справу і 28 квітня 1939 р. надав обвинувальному висновку силу обвинувального акту та ухвалив віддати обвинувачених під суд Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу²¹⁵. Наступного дня справа надійшла до Військового трибуналу.

У Військовому трибуналі справу вивчали протягом півтора місяця і, відповідно до протоколу підготовчого засідання від 16 червня 1939 р., вирішили прийняти справу у своє провадження, затвердити обвинувальний висновок, «справу призначити до слухання у закритому судовому засіданні без участі обвинувачення і захисту з викликом 3-х експертів і 23-х свідків»²¹⁶.

З 27 до 30 червня 1939 р. у м. Сталіно проходило судове засідання Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу. Згідно з ухвалою підготовчого засідання трибуналу, засідання мало бути закритим, але у документах трибуналу — протоколи судового засідання (документ № 8) і у вирокі (документ № 9) зазначено, що засідання було відкритим²¹⁷. Засідання завершилося ухваленням вироку про розстріл Г. Кочергинського, позбавленням волі у ВТТ терміном на 10 років А. Розенберга і К. Ковальова, на п'ять років — М. Кузнєцова і В. Мацейканца і на три роки — А. Лубовського.

Свідки, що були викликані на судове засідання, — К. Матвеев, якого Г. Кочергинський вважав головним свідком обвинувачення в його справі²¹⁸, і М. Антоненко не з'явилися в засіданні, а Військовий трибунал причини їхньої неявки визнав поважними²¹⁹.

В ухвалі Військової колегії Верховного суду СРСР від 17 вересня 1939 р., яка залишила вирок у силі та без змін (документ № 10), звертає на себе увагу кваліфікація злочинної діяльності Г. Кочергинського як «нечуваної», «спрямованої на підрич довіри до Радянської влади з боку трудящих»²²⁰. У такій кваліфікації відчуваються відгомін «Молдавського процесу» у Києві, що став надбанням громадськості, і один з головних меседжів у виступі на ньому державного обвинувача. Однак незабаром

²¹³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 287.

²¹⁴ Там само, арк. 294.

²¹⁵ Там само, арк. 310.

²¹⁶ Там само, арк. 312.

²¹⁷ Там само, арк. 316, 332.

²¹⁸ Там само, арк. 322.

²¹⁹ Там само, арк. 329 зв.

²²⁰ Там само, арк. 373 зв.

таких прикладів «нечуваної» злочинної діяльності співробітників НКВС ставало дедалі більше. У подальших ухвалах Військової колегії за результатами розгляду вироків у справах на «порушників соцзаконності» такі формулювання вже не трапляються.

Г. Кочергинський став першим з керівників територіальних і транспортних органів НКВС в УРСР такого рангу, хто був засуджений і розстріляний (20 жовтня 1939 р.) як «порушник соціалістичної законності». За ним і розстріляними раніше Г. Юфою та його спільниками послідувала низка інших активістів Великого терору рангом нижче. Один з перших та рясних урожаїв у цьому сенсі дало УНКВС по Житомирській області.

Злочини у Житомирі, їх розслідування і покарання винних (розділ 3)

Третій масив документів, що публікуються, розповідає про викриття злочинів, скоєних під час Великого терору співробітниками УНКВС по Житомирській області. Про історію розслідування цих злочинів у 1938–1940 рр. написано досить детально і в такому ж ключі, як це зроблено нами у попередніх розділах вступу, у статтях одного з авторів-укладачів цього тому²²¹. Тому ми лише побічно опишемо основні події.

УНКВС по Житомирській області, як і НКВС МАРСР, і ДТВ ГУДБ НКВС ПДЗ, це — орган НКВС, що був реорганізований і збільшений в 1937 р. у період Великого терору. Відбулося це за наркома внутрішніх справ УРСР І. Леплевського. До створеного 29 вересня 1937 р. УНКВС по Житомирській області він відправив на підвищення двох своїх протеже. З посади заступника начальника УНКВС по Київській області до Житомира направили в.о. начальника УНКВС Л. Якушева (Бабкіна), а з посади начальника 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області на посаду заступника начальника УНКВС до Житомира перевели Г. Гришина-Шенкмана.

Після зміни наркома внутрішніх справ УРСР, під час ротації кадрів, яку влаштував О. Успенський, Л. Якушев 26 лютого 1938 р. був знятий з посади і 15 березня відправлений у розпорядження відділу кадрів НКВС СРСР. 3 травня 1938 р. його призначили заступником наркома, а 4 серпня того ж року — наркомом внутрішніх справ Кримської АРСР. 18 грудня 1938 р. Л. Якушев був заарештований і перебував під слідством в НКВС СРСР. Тим часом, під час слідства у Житомирі були зібрані матеріали, що викривали Л. Якушева у злочинах під час його служби на посаді начальника УНКВС. У постанові про виділення цих матеріалів в окреме провадження від 3 січня 1939 р. йшлося:

«Коли Якушев був начальником УНКВС по Житомирській області у період операцій, що проводила комендатура УДБ УНКВС 1937–1938 рр. [він] своїми розпорядженнями сприяв систематичному розкраданню

²²¹ Кокін С. Доля співробітників УНКВС по Житомирській області — організаторів та виконавців «Великого терору» (за матеріалами архівно-кримінальних справ 1938–1940 рр.) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.— 2015.— № 1 (44).— С. 121–233; Кокін С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей.— С. 115–207.

і привласненню речей, грошей і цінностей засуджених, не реагував на сигнали, що надходили про це.

Наказував видавати готівку на руки засудженим, які відбирала комендатура перед розстрілом, дозволяв розтягувати речі засуджених. [...]

Віддавав накази видавати всім шоферам Управління одяг розстріляних, відбирати найцінніші речі, як-то хутряні шуби, кожухи для начальників відділів. [...]

Віддавав розпорядження одночасно зв'язувати по 200–250 осіб засуджених, у результаті чого [іх] вишиковували у чергу і передніх розстрілювали на очах у всіх інших, які чекали своєї черги. [...]

У січні місяці 1938 р. Якушев спільно з комендантом УДБ УНКВС Тимошенком, колишнім нач[альником] 5-го відділу Лебедевим і Гришиним замість розстрілу одинадцяти засуджених, затриманих після втечі з тюрьподу²²², останніх піддали тортурам і в результаті спалили. [...]»²²³.

У нас відсутня інформація про те, чи були долучені зазначені матеріали до слідчої справи на Л. Якушева. Гадаємо, що якби це було зроблено, він був би засуджений за ст. 206–17 КК УРСР або аналогічною ст. 193–17 КК РРФСР, як і абсолютна більшість інших «порушників соцзаконності». Однак, з невідомої причини у Москві вирішили, що зручніше засудити Л. Якушева за політичною ст. 58–7 КК РРФСР (злочини з контрреволюційною метою шляхом відповідного використання державних установ і підприємств). 20 червня 1939 р. Військова колегія Верховного суду СРСР засудила його до позбавлення волі у ВТТ терміном на 20 років.

Покарання він відбував у Північно-Східному ВТТ НКВС до жовтня 1941 р., коли його достроково звільнили. До червня 1942 р. він пройшов спецпідготовку у мотострілецькій бригаді НКВС і у подальшому обіймав керівні посади у складі оперативних груп НКВС–НКДБ. З лютого 1945 р. продовжив службу у Москві начальником 2-го відділення 10-го відділу Господарського управління Наркомату оборони СРСР, а у подальшому — на інших відповідальних посадах. Незважаючи на те, що за вироком від 20 червня 1939 р. він не був реабілітований, мав звання підполковника держбезпеки (присвоєно 11 лютого 1943 р.), а потім — полковника Радянської армії²²⁴. Таким чином, злочини, скоєні Л. Якушевим на посаді начальника УНКВС по Житомирській області у період з жовтня 1937 р. до лютого 1938 р. залишилися без належного покарання.

Його колишнього заступника Г. Гришина-Шенкмана на початку квітня 1938 р. перевели з Житомира до Києва на посаду заступника начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР. Проте нарком О. Успенський недовго терпів перебування поруч із собою висуванця І. Леплевського. 30 травня 1938 р. Г. Гришин-Шенкман був заарештований за підозрою «у проведенні шпигунської роботи» (ст. 54–1 КК УРСР). Процес попереднього слідства у його справі у 4-му відділі УДБ НКВС УРСР вже докладно

²²² Тюрьпод — рос.: тюремный подотдел — тюремний підвідділ.

²²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 1, арк. 85.

²²⁴ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941.— С. 462–463.

описаний²²⁵. Зазначимо лише, що обвинувачення Г. Гришину-Шенкману було доповнено пунктом про його участь в «антирадянській троцькістській організації».

Слідство, що тривало 11 місяців, завершилося складанням 26 квітня 1939 р. обвинувального висновку. Г. Гришин-Шенкман був обвинувачений у тому, що: «а) був активним учасником антирадянської троцькістської терористичної організації; б) проводив шпигунську роботу на користь румунської розвідки; в) проводив ворожу підривно роботу в органах НКВС; г) особисто завербував до організації Мартинока²²⁶, тобто у злочинах, що передбачені ст. ст. 54–1 п. «б» і 54–11 КК УРСР»²²⁷.

Помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу Хачатурян 3 травня 1939 р. затвердив обвинувальний висновок, а наступного дня це зробив і заступник наркома внутрішніх справ УРСР А. Кобулов²²⁸. Якщо не було змови між комось з керівництва НКВС УРСР і Військової прокуратури військ НКВС Київського округу, то військові прокурори недостатньо глибоко вивчили справу і не звернули увагу на розбіжності у ній, на які згодом звернув увагу Військовий трибунал під час судового засідання. Отже, було вирішено віддати Г. Гришину-Шенкмана під суд Військового трибуналу як «активного учасника організації», але судити його мали як одинака. 31 травня 1939 р. це рішення було оформлене постановою військового прокурора Хачатуряна²²⁹ і слідчу справу наступного дня було направлено до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу.

Паралельно у Житомирі розслідувалась справа великої групи мародерів — співробітників УНКВС, які брали участь у масових розстрілах і вивезенні тіл жертв у місця таємного поховання. Мовою НКВС це тоді називалося «бойовими операціями по лінії комендатури». У моменти пікових навантажень за одну ніч в УНКВС розстрілювали 200–250 і навіть 300 осіб. Відповідно і масштаби мародерства — привласнення співробітниками УНКВС особистих речей, грошей і цінностей жертв з подальшим продажем речей з метою наживи — були за місцевими мірками доволі значними.

Коли про це стало відомо військовим юристам, тобто «таємна інформація» про обставини масових розстрілів вийшла назовні, керівництво УНКВС намагалося всіляко применшити ступінь тяжкості цих злочинів, звести їх розкриття до службових розслідувань і незначних адміністративних стягнень стосовно злочинців. Така «гра» тривала майже увесь 1938 р., поки не втік О. Успенський, а ситуація в НКВС УРСР та в УНКВС по Житомирській області різко змінилася.

²²⁵ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 127–140, 160–166.

²²⁶ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²²⁷ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 165.

²²⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 3, арк. 355.

²²⁹ Там само, арк. 360.

У листопаді 1938 р.в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР О. Твердохлебенко зажадав матеріали останнього службового розслідування. Розглянувши їх, він дійшов висновку, що адміністративне стягнення за скоєні злочини є «прямим замазуванням злочинів»²³⁰, передбачених ст. 207–16 п. «б» КК УРСР. Згідно з його пропозицією, яку підтримав в.о. наркома внутрішніх справ УРСР В. Осокін, начальнику УНКВС по Житомирській області було наказано «провести найретельніше розслідування, винуватців заарештувати і віддати під суд Військового трибуналу»²³¹.

Для здійснення контролю за процесом розслідування цих та інших злочинів (про які йтиметься далі), скоєних співробітниками УНКВС, у Житомирі з 15 грудня 1938 р. перебував спеціальний представник — оперуповноважений (незабаром — заступник начальника 2-го відділення) 3-го відділу УДБ НКВС УРСР Т. Голубчиков. Обов'язки начальника УНКВС з 16 листопада 1938 р. до 8 січня 1939 р. виконував начальник Особливого відділу НКВС Житомирської армійської групи КОВО І. Дараган і попердне слідство було доручено вести співробітникам НКВС — особістам.

21 грудня 1938 р. помічник начальника 3-го відділення Особливого відділу НКВС військового з'єднання (в/з) № 5698 І. Кутер ухвалив постанову про початок попереднього слідства у справі колишнього коменданта УНКВС Г. Тимошенка, оперуповноваженого Особливого відділу НКВС 44-ої стрілецької дивізії (м. Житомир) Л. Кондрацького, шофера Особливого відділу НКВС 12-ї механізованої бригади (м. Новоград-Волинський) В. Гирича, начальника відділу зв'язку УНКВС А. Стругачова, начальника тюрми УДБ УНКВС Ф. Ігнатенка та інших осіб, обвинувачених у мародерстві.

Особливостями «домашньої обстановки» цього слідства було те, що, крім заарештованих 16 грудня 1938 р. за іншим обвинуваченням Ф. Ігнатенка і старшого по корпусу внутрішньої тюрми УДБ УНКВС Д. Левченка, всі інші обвинувачені продовжували перебувати на волі, до того ж у різних місцях. Лише 4 лютого 1939 р. А. Кобулов затвердив постанову апарату ОСУ НКВС УРСР про арешт і віддання під суд Г. Тимошенка «за мародерство, садизм і вбивство в'язнів, а також засуджених до ВМП», не розстрілюючи їх²³². 8 лютого Г. Тимошенко, який був тоді співробітником для опердоручень 1-го відділу НКВС УРСР²³³, був заарештований і згодом відправлений спецконвоем до Житомира для подальшого ведення слідства в УНКВС²³⁴.

²³⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 1, арк. 184–188.

²³¹ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 125.

²³² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 1–4, 9, 10.

²³³ Г. Тимошенко від 1-го відділу НКВС УРСР був прикріплений до комендатури будинку ЦК КП(б)У в Києві і працював помічником відповідального коменданта будинку. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 55, 64).

²³⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 54.

Під час слідства провели певну селекцію співробітників УНКВС, які були причетні до мародерства. Таких було два десятки, і стосовно багатьох з них слідчі вважали за можливе не притягувати їх до кримінальної відповідальності. Проте злочини, скоєні окремими обвинуваченими, були настільки кричущими і достатньо задокументованими, що формування доказової бази у слідства зайняло порівняно небагато часу. Представники Військової прокуратури також брали участь у розслідуванні і, на відміну від справи Г. Гришина-Шенкмана, краще знали про всі нюанси. І вже 11 березня 1939 р. військовий прокурор прикордонних і внутрішніх військ по Київській області Рогинець склав обвинувальний акт у справі.

В акті фігурувало вісім обвинувачених. Окрім згаданих Г. Тимошенка, Ф. Ігнатенка, Л. Кондрацького, В. Гирича і Д. Левченка, були долучені колишній начальник в'язниці, а потім в.о. начальника відділу місць позбавлення волі (ВМПВ) УНКВС М. Глузман, наглядач тюрми М. Соснов і начальник фінансової частини ВМПВ УНКВС Ш. Винокуров²³⁵. Службові злочини, що їм інкримінували, достатньо ґрунтовно і всебічно були згодом вивчені на судовому засіданні Військового трибуналу військ НКВС Київського округу, протокол якого відкриває третій розділ книги. Із перерахованих обвинувачених неабияким був шлях на лаву підсудних М. Глузмана. Його справа мала особливості серед слідчих матеріалів на співробітників УНКВС по Житомирській області, саме тому йому приділено спеціальну увагу в нашій попередній публікації²³⁶.

16 березня 1939 р. справа на мародерів надійшла до Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу, який, однак, повернув її до Військової прокуратури для перекваліфікації обвинувачення Ф. Ігнатенка з п. «а» на п. «б» ст. 206–17 КК УРСР²³⁷. Після того, як це було зроблено²³⁸, військовий прокурор Рогинець 13 квітня 1939 р. переробив обвинувальний акт²³⁹. Того ж дня справа знову надійшла до Військового трибуналу і була заслухана на підготовчому засіданні. Цього разу трибунал прийняв справу до свого провадження, затвердив обвинувальний акт, постановив заслухати справу у закритому судовому засіданні з викликом 18 свідків²⁴⁰. На наступному підготовчому засіданні 17 квітня трибунал відмовив у проханні обвинуваченого Ш. Винокурова про допуск у його справі захисника, оскільки трибунал вважав, що «допустити у цій справі, яка має особливо секретн[ий] характер, захисника неможливо»²⁴¹.

19 квітня 1939 р. у приміщенні УНКВС по Житомирській області розпочалося судове засідання Військового трибуналу військ НКВС

²³⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 113–120.

²³⁶ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 166–178.

²³⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 163.

²³⁸ Там само, арк. 168.

²³⁹ Там само, арк. 174–179.

²⁴⁰ Там само, арк. 188.

²⁴¹ Там само, арк. 192.

Київського округу. Однак через дві з половиною години від початку воно було закінчено²⁴². Виникла проблема з підсудним Г. Тимошенком. У зв'язку з його неадекватною поведінкою було зроблено перерву, під час якої лікарі — психотерапевт і невропатолог — провели з ним бесіду для з'ясування стану його психічного здоров'я.

У своєму висновку вони зазначили, що «заарештований Тимошенко перебуває зараз у тривожно-депресивному стані. Надає вибірково відповіді на деякі запитання. З питання про провину, судимість, попередню роботу надає байдужим тоном відповіді недоречно (хочу їсти, пити, гуляти, мені добре), погладжує себе по животу, погрожує пальцем, поводить себе манірно. На кожне запитання здригається, намагається щось пригадати». Лікарі вважали за потрібне «відкласти слухання справи Тимошенка через необхідність направлення його до спеціальної судово-психіатричної установи (Київ) для подальшого спостереження і висновку про стан його психіки»²⁴³.

Військовий трибунал взяв до відома висновок медекспертів і вирішив відкласти слухання справи, оскільки злочин, скоєний Г. Тимошенком, був «тісно пов'язаний зі злочинами, що інкримінувалися іншим підсудним» і виділити справу Тимошенка в окреме провадження було б недоцільно. 23 квітня Г. Тимошенка відправили з Житомира до Києва у в'язницю НКВС, а звідти 27 квітня — до Київської психіатричної лікарні ім. академіка І. П. Павлова. Місяць потому трибунал поцікавився висновками лікарів про стан здоров'я Г. Тимошенка і 13 червня 1939 р. одержав відповідь про те, що нині він здоровий і може бути присутнім на суді²⁴⁴.

Поки психіатри розбиралися зі станом здоров'я Г. Тимошенка, у Військовий трибунал 1 червня 1939 р. надійшла справа на Г. Гришина-Шенкмана, і трибунал зробив те, що давно мали зробити в НКВС УРСР — об'єднав його справу зі справою на мародерів, що чекала свого часу. На підготовчому засіданні 19 червня 1939 р. трибунал прийняв до свого провадження справу Г. Гришина-Шенкмана і ухвалив: «2. Вважаючи, що у провадженні ВТ Округу є справа з обвинувачення групи працівників УНКВС по Житомирській області — Тимошенка Г. А. та інш[их] — у тих самих злочинах, що інкримінуються обвинуваченому Гришину-Шенкману серед інших скоєних ним злочинів; що слухати ці справи кожен окремо недоцільно; що в інтересах повноти судового слідства у цих справах їх варто об'єднати в одне провадження, керуючись ст. 114 КПК УРСР, зазначені справи об'єднати в одне провадження...»²⁴⁵. Отже, лише через випадковий збіг обставин було прийнято раціональне рішення про комплексний судовий розгляд слідчих справ стосовно групи колишніх співробітників УНКВС по Житомирській області на чолі з колишнім заступником начальника УНКВС.

²⁴² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 4, арк. 210–213.

²⁴³ Там само, арк. 214.

²⁴⁴ Там само, арк. 293–295.

²⁴⁵ Там само, арк. 301.

Для повноти попереднього і судового слідства необхідно було мати відповідні свідчення колишнього начальника УНКВС Л. Якушева (він в цей час перебував під вартою у Москві в очікуванні суду Військової колегії Верховного суду СРСР) і начальника 5-го відділу УДБ УНКВС В. Лебедева, який продовжував службу на посаді начальника 3-го відділу УДБ УНКВС по Красноярському краю. Згідно зі слідчими матеріалами, саме вони разом із Г. Гришиним-Шенкманом були організаторами, учасниками і натхненниками злочинів, скоєних співробітниками УНКВС у жовтні 1937 р.— лютому 1938 р. Однак у п'ятитомній архівній справі немає жодного документу, який би свідчив про те, що слідство намаглося отримати такі свідчення.

Того ж самого дня, коли Військовий трибунал прийняв рішення про об'єднання слідчих справ Г. Гришина-Шенкмана і мародерів (19 червня 1939 р.), заступник голови Військового трибуналу Короткін склав новий обвинувальний акт стосовно вже дев'яти обвинувачених. Їх список відкривав Г. Гришин-Шенкман, але обвинувачений він був, як і раніше, за ст. 54–1 п. «б» і 54–11 КК УРСР²⁴⁶. Через два дні трибунал на підготовчому засіданні цей акт затвердив і ухвалив заслухати справу у закритому судовому засіданні з викликом до суду тепер вже 33 свідків²⁴⁷.

Засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу відбулося у Житомирі з 27 червня по 4 липня 1939 р. За тривалістю воно було одним з найдовших засідань військових трибуналів у справах «порушників соцзакономості» у 1939–1941 рр. Про всі його перипетії читач може дізнатися з протоколу судового засідання (документ № 12). Членам трибуналу вартувало чималих зусиль розібратися у провині кожного підсудного і в результаті вони ухвалили дуже неоднозначний вирок (документ № 13).

Загалом було встановлено, що в УНКВС по Житомирській області у період керівництва ним начальника УНКВС Л. Якушева та його заступника Г. Гришина-Шенкмана у 1937–1938 рр. «мали місце систематичні зловживання». Стосовно Г. Гришина-Шенкмана було спростовано обвинувачення його в участі в «антирадянській троцькістській організації» і вербування до неї В. Мартинюка, про проведення шкідницької діяльності в органах НКВС і шпигунської роботи. Спростування цих обвинувачень лише відвернуло увагу трибуналу від реальних злочинів підсудного.

Трибунал визнав Г. Гришина-Шенкмана винним у тому, що він «брав участь у катуваннях засуджених до ВМП, а також допустив системні зловживання працівниками УНКВС при виконанні оперативних завдань при комендатурі, як-то мародерство і знущання над засудженими до ВМП, тобто у злочинах, передбачених ст. 206–17 п. «а» КК УРСР. На підставі цієї статті він був засуджений до позбавлення волі на 10 років у ВТТ, без поразки у правах, але з позбавленням його звання капітана держбезпеки²⁴⁸.

²⁴⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 1–9.

²⁴⁷ Там само, арк. 13–15.

²⁴⁸ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 180–181.

Військовий трибунал проігнорував дані попереднього слідства про те, що колишні керівники УНКВС Л. Якушев і Г. Гришин-Шенкман створили злочинну систему зловживань, яка виходила далеко за межі «виконання оперативних завдань при комендатурі», починаючи з безпідставних арештів людей, побиття і катувань заарештованих під час допитів і закінчуючи наругою над трупами по-звірячому закатованих приречених жертв.

Звичайно, члени Військового трибуналу могли все це встановити під процесі судового слідства, якби серед підсудних або свідків опинилися Л. Якушев і В. Лебедев. Як свідчила практика судових засідань, співробітники НКВС спочатку намагалися поводитися солідарно, спростовуючи власну провину і колег, але під час слідства, виправдовуючи себе, змушені були давати дедалі відвертіші показання, «топлячи» співників та інших співробітників.

Мабуть, у Військового трибуналу не було можливості викликати Л. Якушева і В. Лебедева на судове засідання, оскільки, на відміну від «молдавської справи» і справи Г. Кочергинського, «житомирська справа» не була на контролі у Москві. Там про неї знали, але не давали вказівок, наприклад, про об'єднання справ Г. Гришина-Шенкмана і його колишніх підлеглих, як це мало місце у випадку зі справою Г. Кочергинського та його співників. І це було одним зі свідчень безсистемності у кампанії по боротьбі з «порушеннями соцзаконності» в органах НКВС або навпаки — навмисного обмеження кола обвинувачених і свідків з числа колишніх керівників органів НКВС у таких справах.

Вирок трибуналу стосовно інших підсудних містив доволі широкий спектр покарань: Ф. Ігнатенко був засуджений до позбавлення волі на 10 років у ВТТ, Г. Тимошенко — до 8 років, М. Соснов і В. Гирич — до 3 років позбавлення волі у ВТТ кожен, Л. Кондрацький і Д. Левченко — до 2,5 років позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення, М. Глузман — до 2 років позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення — умовно. Справу стосовно Ш. Винокурова трибунал вирішив у кримінальному порядку припинити²⁴⁹.

Три місяці потому Військова колегія Верховного суду СРСР своєю ухвалою від 9 жовтня 1939 р. залишила вирок у силі і без змін стосовно шести засуджених (Ф. Ігнатенка, Г. Тимошенка, М. Соснова, В. Гирича, М. Глузмана і Ш. Винокурова), міру покарання для Д. Левченка визначила вважати умовною і його з-під варти негайно звільнити, а вирок стосовно Л. Кондрацького скасувати і справу припинити.

З «ліберальною» частиною ухвали Військової колегії дисонувала перша її частина, де йшлося про Г. Гришина-Шенкмана. Військова колегія розглянула протест заступника голови Верховного суду СРСР В. Ульріха на вирок Військового трибуналу у частині, що стосувалася Г. Гришина-Шенкмана і вирішила вирок стосовно нього відмінити, а «справу передати на новий судовий розгляд у той самий Трибунал, але в іншому складі суддів» (документ № 14). Йшлося про ретельний і всебічний судовий розгляд злочинів, скоєних за участі Г. Гришина-Шенкмана.

²⁴⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 202 зв.— 203.

16–18 листопада 1939 р. у приміщенні УНКВС по Житомирській області відбулося повторне судове засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г. Гришина-Шенкмана. Зміст судового засідання майже не відрізнявся від попереднього, і новий склад суддів ухвалив той самий вирок — позбавлення волі на 10 років у ВТТ²⁵⁰. Цього разу розгляд у Військовій колегії Верховного суду СРСР справи закінчився 22 квітня 1940 р. підтвердженням правильності вироку і відхиленням касаційного протесту Військового прокурора військ НКВС Київського округу Морозова²⁵¹. 9 липня 1940 р. Г. Гришин-Шенкман відбув з Житомира для відбування покарання до Північного залізничного ВТТ НКВС СРСР²⁵².

Засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г. Гришина-Шенкмана, Г. Тимошенка та ін. у червні–липні 1939 р. стало першим із низки таких засідань у Житомирі. На наступних на перший план вийшли співробітники УНКВС, обвинувачені у злочинах, скоєних у період після 26 лютого 1938 р., коли УНКВС очолив Г. Вяткін, переведений з Москви з посади начальника 6-го відділення 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР. Одночасно з ним виконувати обов'язки начальника 5-го відділу УДБ УНКВС почав Н. Ремов-Поберьозкін, який до цього був помічником начальника цього відділу В. Лебедева.

Г. Вяткін і Н. Ремов-Поберьозкін стали першими представниками УНКВС, засудженими до ВМП і розстріляними, щоправда, з різних причин. Арешт Г. Вяткіна був пов'язаний зі втечею наркома О. Успенського. Г. Вяткіна вважали висуванцем О. Успенського. Через особливості характеру наркома, взаємини між ними були аж ніяк не панібратськими, але довірчими. 16 листопада 1938 р. Г. Вяткіна заарештували і етапували до НКВС СРСР. Йому висунули обвинувачення за ст. ст. 58–1 п. «а» (зрада Батьківщини) і 58–11 (організаційна діяльність, спрямована до підготовки чи здійснення контрреволюційних злочинів) КК РРФСР.

Однією з версій зникнення О. Успенського вважали його можливу втечу за кордон. У зв'язку з цим, заарештованого 15 листопада 1938 р. т.в.о. заступника наркома внутрішніх справ УРСР О. Яралянца (Яралова) і начальників регіональних і транспортних органів НКВС західних прикордонних областей УРСР, яких вважали особливо близькими до зниклого наркома, «просвічували» на предмет виявлення «вікна», через яке міг здійснити втечу за кордон нарком, а також встановлення осіб, до цього причетних. Крім О. Яралянца і Г. Вяткіна, 15 і 17 листопада 1938 р. були заарештовані начальник УНКВС по Одеській області П. Кисельов і начальник УНКВС по Кам'янець-Подільській області І. Жабрєв²⁵³. Через два місяці компанію їм склали і деякі інші начальники обласних УНКВС.

²⁵⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 314–335, 336–337 зв.

²⁵¹ Там само, арк. 390–390 зв.

²⁵² Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 184.

²⁵³ Золотарьов В. Олександр Успенський: особа, час, оточення. — С. 216.

Поки у Москві з'ясовували плани «змовників» та їхню «роботу», у Києві і Житомирі набирало обертів розслідування за фактами «ворожого діяльності» Г. Вяткіна та його «підручних». До середини грудня 1938 р. картина грубих порушень законності з боку колишнього начальника УНКВС та його підлеглих у не найбільшому регіоні УРСР була вже воістину епічною. Одним із фрагментів цієї картини було вбивство у результаті побиття під час допиту в ніч на 26 червня 1938 р. заарештованого начальника Коростенського міськвідділу міліції В. Скрипника. З винуватців цього злочину почалися арешти співробітників УНКВС, які надали основні кадри «порушників соцзаконності» в області.

Швидкість і результативність розслідування були пов'язані з тим, що його проводили військові юристи. 16 грудня 1938 р. за результатами розслідування вбивства В. Скрипника військовий прокурор прикордонних і внутрішніх військ НКВС УРСР Морозов ухвалив взяти під варту колишнього начальника 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС Д. Малуку і згаданих Ф. Ігнатенка і Д. Левченка. Представник НКВС УРСР Т. Голубчиков, що з'явився 15 грудня у Житомирі, ознайомився з матеріалами розслідування і прийняв до свого провадження справу на трьох зазначених осіб. Є підстави вважати, що військові юристи спочатку показали йому не всі матеріали розслідування. Вони намагалися про результати роботи доповісти, насамперед, своєму керівництву.

Так, копія донесення військового прокурора Морозова Прокурору СРСР А. Вишинському, яку Т. Голубчиков надіслав керівництву НКВС УРСР, датована 17 грудня 1938 р. А доповідна записка Прокурора СРСР генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Й. Сталіну і голові РНК СРСР В. Молотову про масові розстріли і вбивства підслідних працівниками УНКВС по Житомирській області була підготовлена ще 16 грудня 1938 р. Донесення Морозова і доповідна записка Вишинського текстуально майже співпадали. Отже, інформація потрапила до Прокурора СРСР раніше, ніж про неї стало відомо керівнику НКВС УРСР А. Кобулову, а через нього і керівництву НКВС СРСР. Така спритність військових прокурорів і могла викликати бажання їх трохи приструнити два тижні потому за допомогою цитування в одній із доповідних записок А. Кобулова висловлювання обізнаного громадянина з приводу процесу по «молдавській справі», де громадянин висловив жаль, що разом зі співробітниками НКВС не судили і працівників прокуратури.

Однак баланс сил у Києві між військовими юристами з Військової прокуратури і Військового трибуналу та співробітниками НКВС почав змінюватися. Нагадаємо, що кількома днями раніше (11 грудня 1938 р.) Військовий трибунал прикордонних і внутрішніх військ УРСР вирішив повернути справу стосовно колишніх підлеглих начальника ДТВ ГУДБ НКВС ПДЗ Г. Кочергинського на дослідження до УНКВС по Сталінській області для проведення документації порушень ними «соцзаконності».

Керівництво НКВС запізнилося і слідом за «молдавською справою» на стіл крємлівських керівників потрапила інформація про «житомирську справу». При цьому ми ще не знаємо, чи приходив до Й. Сталіна Прокурор СРСР з матеріалами про Г. Кочєргинського. Однак пам'ятаємо, що в цей час у Києві перебував особистий представник А. Вишинського Л. Шейнін, який впевнено вів слідство у справі НКВС МАРСР до відомого нам фіналу. А тут ще військовий прокурор Морозов доповів Прокурору СРСР про результати свого розслідування щодо УНКВС у Житомирі.

Морозов дотримувався правил гри і зробив висновок, загалом характерний для розслідувань, що тоді проводилися в областях: до керівництва УНКВС «прокралася згряя ворогів». Однак, він цим не обмежився. За кричущі порушення в діяльності «особливої трійки» при УНКВС восени 1938 р., крім заарештованого Г. Вяткіна, він вважав за необхідне віддати під суд першого секретаря Житомирського обкому КП(б)У М. Діденка і обласного прокурора В. Роспутька²⁵⁴, а також п'ятьох керівних працівників УНКВС. Військовий прокурор просив у Прокурора СРСР санкції на арешт цих осіб²⁵⁵.

За вказівкою Прокуратури СРСР санкція прокурора УРСР Л. Яченіна була дана, і 30 грудня 1938 р. А. Кобулов затвердив постанову 2-го відділу УДБ НКВС УРСР про арешт і притягнення до кримінальної відповідальності М. Діденка і В. Роспутька²⁵⁶. Обидва були заарештовані і посаджені у в'язницю НКВС у м. Києві. Пізніше вони стали співниками співробітників УНКВС — «порушників соцзаконності» у межах однієї слідчої справи. Як бачимо, ситуація в Житомирі була прямо протилежною «молдавській справі» й у цьому сенсі унікальною.

Спільним тут було лише те, що перший секретар ЦК КП(б)У М. Хрущов не дозволив «образити» другого секретаря Житомирського обкому КП(б)У М. Грєчуху, який після усунення М. Діденка від посади, 16 грудня 1938 р. посів його місце. Восени на кількох засіданнях «особливої трійки» М. Грєчуха заміняв М. Діденка, але поведився досить обачно і не залишив своїх слідів на документах, за якими можна було б висунути претензії і йому. М. Хрущов мав власний досвід з організації та діяльності

²⁵⁴ У постановях НКВС УРСР і прокурора УРСР Л. Яченіна про арешт і притягнення до кримінальної відповідальності, в анкеті заарештованого та інших документах прізвище обласного прокурора написане через літеру «а» — Распутько. У документах про засудження (обвинувальному висновку від 4 грудня 1940 р., протоколі судового засідання і вироку Військового трибуналу військ НКВС Київського округу від 20–23 січня 1941 р. та ін.) прізвище написане через літеру «о» — Роспутько. Правильний — другий варіант. (Архівний підрозділ Управління СБУ у Житомирській області, ф. 5, оп. 1, спр. 19714-оф, т. 1, арк. 18–20, 48; т. 3, арк. 74–83, 135–157, 159–163).

²⁵⁵ Польша та Україна у тридцятих — сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. — Т. 8. Великий терор: Польська операція 1937–1938. У 2-х ч. — Варшава–Київ, 2010 / ред. колегія: Є. Бєднарєк та ін. — Ч. 2-га. — С. 1724–1726.

²⁵⁶ Архівний підрозділ УСБУ у Житомирській області, ф. 5, оп. 1, спр. 19714-оф, т. 1, арк. 2–3, 18–19.

трійок ще у московський період своєї кар'єри, а потім й у Києві²⁵⁷, і з розумінням поставився до переживань з цього приводу М. Гречухи. 10 серпня 1939 р. М. Гречуху було обрано Головою Президії Верховної Ради УРСР, а пізніше, на піку всевладдя М. Хрушова у 1954–1961 рр., він був заступником Голови Ради Міністрів УРСР.

На початку 1939 р., утримуючи ініціативу в своїх руках, Прокуратура СРСР відправила на пряму до Житомира помічника Головного військового прокурора РСЧА і Флоту М. Шульца-Анна. Коли той прибув на місце і розглянув матеріали розслідування військового прокурора Морозова, він почав приймати рішення. Згідно з його постановами від 8 січня 1939 р. були заарештовані п'ять керівників УДБ УНКВС середньої ланки: начальник 3-го відділу М. Федоров, його заступник Д. Манько, начальник 4-го відділу М. Леснов-Ізраїлев, в.о. начальника 1-го спецвідділення М. Зуб, комендант УНКВС М. Люльков²⁵⁸.

Морозов, працюючи у тандемі з помічником головного військового прокурора, 10 січня 1939 р. прийняв рішення виокремити матеріали слідства стосовно раніше заарештованих ним Ф. Ігнатенка і Д. Левченка в окреме провадження і передати їх для подальшого слідства начальнику УНКВС по Житомирській області²⁵⁹. Цим начальником 8 січня 1939 р.

²⁵⁷ Постановою Політбюро ЦК ВКП(б) від 10 липня 1937 р. перший секретар Московського міськкому і обкому ВКП(б) М. Хрушов був затверджений членом однієї з трійок при УНКВС по Московській області (всього їх було створено дві). Але у наказі НКВС СРСР від 30 липня 1937 р. № 00447 (про проведення «куркульської» операції) замість М. Хрушова членом першої трійки був затверджений О. Волков. Ця заміна сталася з урахуванням побажання самого Хрушова, яке він висловив Й. Сталіну, про те, щоб в разі необхідності його заміщував О. Волков. До складу другої трійки входив другий секретар Московського міськкому ВКП(б) С. Тарасов. М. Хрушов впливав на діяльність обох трійок як через партійних представників в них, так і в інший спосіб. Крім цього, він особисто направляв документи до НКВС з пропозиціями про арешти керівних працівників Мосради і Московського обкому ВКП(б). Під час перебування М. Хрушова в УРСР, у 1938 р. було заарештовано 106 119 осіб. Особисто Хрушовим були санкціоновані репресії стосовно кількох сотень людей, яких підозрювали в організації проти нього терористичного акту. Влітку 1938 р. з санкції Хрушова була заарештована велика група керівних працівників партійних, радянських, господарських органів, зокрема, заступники голови Раднаркому УРСР, наркоми, заступники наркомів, секретарі обкомів партії. Всі вони були засуджені до вищої міри покарання або тривалих термінів ув'язнення. Всього у 1938 р. Політбюро ЦК ВКП(б) надало згоду на репресії стосовно 2140 представників партійного і радянського активу УРСР. (Реабілітація: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т.— Т. 3. Середина 80-х годов — 1991.— М.: Международный фонд «Демократия», 2004.— С. 142–151). Восени 1938 р. до складу особливої трійки при УНКВС по Київській області замість першого секретаря обкому КП(б)У М. Хрушова входив другий секретар обкому Т. Черепін, і партійний керівник УРСР був досить обізнаний і про діяльність цієї трійки.

²⁵⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 1, арк. 48–49, 59, 69, 91–91 зв., 101.

²⁵⁹ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 146.

був призначений колишній секретар Приазовського райкому КП(б)У Дніпропетровської області С. Машков. Ним доволі вміло маніпулювали підлегли і керівництво, і на посаді начальника УНКВС він протримався лише до липня 1939 р.

Утримати ситуацію під контролем у зв'язку із «житомирською справою» керівництву НКВС СРСР вдалося, багато в чому, завдяки пошукам втікача О. Успенського і «підгортання» під це його колишніх висуванців і соратників в органах НКВС. Розставити всі крапки над «і» у розслідуванні «порушень соцзаконності» в Житомирській області, безумовно, допомогла б відправка до Києва Г. Вяткіна для подальшого ведення там слідства стосовно нього за прикладом етапування Г. Кочергинського до м. Сталіно. Але цього не сталося. Керівництво НКВС СРСР не цікавило це.

Під час слідства у справі Г. Вяткіна в Москві обвинувачення йому було розширено за рахунок ст. 58–6 (шпигунство) КК РРФСР. Нові викривальні матеріали про його злочинну діяльність в УНКВС по Житомирській області слідство завзято «втискувало» у прокрустове ложе політичної 58-ї статті КК РРФСР. Навіть не 54-ї статті КК УРСР, що свідчило про принципове небажання під будь-яким приводом віддати його справу під юрисдикцію УРСР. Все, що було дозволено прокурорам, так це допитати його напередодні страти. Якби про справу не було відомо вищому партійно-державному керівництву, в НКВС СРСР навряд чи допустили би і це.

21 лютого 1939 р. військовий прокурор Морозов допитав Г. Вяткіна у Москві. Рукописний оригінал протоколу його допиту обсягом трохи більше ніж шість сторінок²⁶⁰ і три його машинописні копії — це все, що мало слідство у «житомирській справі». Наступного дня О. Яралянц (Яралов), Г. Вяткін, І. Жабрєв і П. Кисельов Військовою колегією Верховного суду СРСР були засуджені до ВМП і розстріляні. Незважаючи на те, що їхній колишній шеф — втікач О. Успенський ще не був знайдений, і результат цієї історії був невідомий. Виникає враження, що, поспішивши позбутися людей з найближчого оточення О. Успенського, керівництво НКВС СРСР одним рухом обрубало кінці у слідстві у справі наркома-втікача і у кількох можливих розслідуваннях «порушень соцзаконності» в органах НКВС УРСР.

Таким чином, колишній начальник УНКВС по Житомирській області Г. Вяткін був ліквідований як можливий головний обвинувачений і свідок у процесі розслідування злочинів, скоєних у період його керівництва УНКВС. Як і колишнім співробітникам НКВС МАРСР, їхнім житомирським колегам належало сісти на лаву підсудних також без свого колишнього керівника. Після судового процесу у справі Г. Гришина-Шенкмана, Г. Тимошенка та ін., яких умовно можна назвати «якушевцями», прийшла черга «вяткінців».

Однією з найбільш одіозних фігур серед них був Н. Ремов-Поберьозкін. 15 серпня 1938 р. його відрядили з Житомира у розпорядження НКВС СРСР, а звідти направили до Центральної Азії. Там він був т. в. о. заступника

²⁶⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 2, арк. 15–21.

начальника 3-го відділу УДБ НКВС Туркменської РСР. 13 січня 1939 р. з НКВС УРСР до Ашхабаду (нині — Ашгабат, Туркменістан) відправили телеграму з проханням заарештувати Н. Ремова-Поберьозкіна і направити його спецконвоюєм до Києва. 16 січня він був заарештований і 1 лютого 1939 р. разом зі слідчою справою № 14982 відправлений етапом до Києва, куди прибув 18 лютого²⁶¹.

У Києві попереднє слідство з 20 лютого вели в апараті ОСУ, а потім — у Слідчій частині НКВС УРСР. У постанові про його початок злочини Н. Ремова-Поберьозкіна були сформульовані непевно: «...Проводив масові арешти без достатніх підстав на це. Порушував рев. законність» (ст. 206—17 п. «б» КК УРСР)²⁶². Але вже у постанові про обрання запобіжного заходу від 21 лютого його вина була суттєво конкретизована: «З 19/IV по 5/V—[19]38 р. очолював міжрайслідгрупу у м. Новоград-Волинську, де під його керівництвом і [за] особистої участі були тяжко побиті і від побиття померли заарештовані без наявних даних про к-р діяльність колиш[ній] інспектор Держбанку Чайковський²⁶³, член КП(б)У з 1920 р. колгоспник Саранський²⁶⁴, комсомолец-агроном із с. Смолки (прізвище встановлюється²⁶⁵)». Далі наводилися інші аналогічні факти, що мали місце у Житомирі²⁶⁶.

Другим за цією справою проходив колишній в.о. начальника 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС В. Вольський (Кіцис). Судячи з деяких документів та його рукописної спадщини, що зберіглася в архівних кримінальних справах, це була суперечлива людина. Після появи постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. він проявив себе мало не єдиним критиком недоліків попередньої діяльності УНКВС. У своєму виступі 22 листопада на оперативній нараді працівників УДБ УНКВС, начальників міських і районних органів НКВС та оперативного складу Особливого відділу Житомирської армійської групи він заявив: «Ми не прислуховувалися після проведених арештів до голосу трудящих, як вони реагують на ці арешти, а заарештовували аби як. Ми взяли добру половину тих, кого не треба було брати». Після цих слів «вірні сини партії» підняли у залі галас, який довго не вщухав. Лунали крики: «Ворожий

²⁶¹ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 7 (Особлива інспекція), спр. 135, т. 2, арк. 75; Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 1, арк. 18.

²⁶² Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 1, арк. 16.

²⁶³ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²⁶⁴ Правильно — Сарницький. Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²⁶⁵ Слідство встановило особу вбитого — Мошинський Казимир Феліксевич. (Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 4, арк. 35).

²⁶⁶ Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 1, арк. 19.

виступ!», «Антипартійний виступ!». Найбільш завзяті запропонували питання про В. Вольського заслухати на партійних зборах²⁶⁷.

Коли В. Вольський виступав на нараді, він перебував у резерві відділу кадрів УНКВС, а вже невдовзі виконував обов'язки особливоуповноваженого УНКВС. Під час закритих партійних зборів партіогранізації УДБ УНКВС (16–23 грудня 1938 р.) за обвинувачення першого/другого секретаря обкому партії М. Гречухи у дворушництві він перевагою у три голоси (із 45), був виключений з партії²⁶⁸. Але в умовах розслідування, що проводили військові юристи у Житомирі, В. Вольський у своїх численних рапортах, поясненнях і свідченнях продовжував активно викривати колег. Можливо, саме така його активність дозволила йому перед арештом обійняти посаду ще й т.в.о. начальника 2-го відділу УДБ УНКВС.

20 січня 1939 р. новий начальник УНКВС по Житомирській області С. Машков, який опинився у самому епіцентрі розбірок співробітників УНКВС між собою, а також з усіма ними з боку військових юристів, підписав листа заступнику наркомів внутрішніх справ УРСР А. Кобулову, в якому повідомив, що у процесі розслідування справ співробітників УНКВС помічник Головного військового прокурора РСЧА М. Шульц-Анн і військовий прокурор Морозов викрили злочинні дії В. Вольського (Кіциса), «як у частині перекручування методів слідства, так і у частині прямих вбивств заарештованих». Далі у листі наводилися конкретні факти, а закінчувався він проханням санкціонувати арешт В. Вольського²⁶⁹.

С. Машкову повідомили, що у справі В. Вольського проводиться слідство, і до його закінчення усувати Вольського від роботи не можна, питання про його арешт «буде вирішене після отримання санкції від НКВС СРСР»²⁷⁰. Дійсно, стосовно Вольського у центральному апараті НКВС УРСР у той час проводили службове розслідування, але не «слідство». 20 лютого 1939 р. з апарату ОСУ НКВС УРСР відправили до Житомира матеріали на В. Вольського і повідомили у супровідному листі, що нарком внутрішніх справ СРСР Л. Берія санкціонував його арешт і віддання під суд²⁷¹. 25 лютого він був заарештований і відправлений до Києва, до в'язниці УДБ НКВС УРСР. Він звинувачувався в тому, що «брав активну участь у побитті заарештованих, був учасником вбивства заарештованого, займався фальсифікацією протоколів» (ст. 206–17 п. «а» КК УРСР)²⁷².

Через два місяці, 26 квітня 1939 р., А. Кобулов затвердив постанову про об'єднання слідчих справ на Н. Ремова-Поберьозкіна і В. Вольського (Кіциса) в одне провадження (справа № 14982). Серед слідчих дій, які необхідно було зробити у справі, передбачався допит начальника

²⁶⁷ Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 4, арк. 38–39.

²⁶⁸ Там само, арк. 40.

²⁶⁹ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 7. Особлива інспекція, спр. 135, т. 2, арк. 2–5.

²⁷⁰ Там само, арк. 1.

²⁷¹ Там само, арк. 49.

²⁷² Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 1, арк. 1, 2.

Новоград-Волинського міськвідділу НКВС Г. Артем'єва²⁷³. Останній написав 29 квітня 1939 р. пояснення на ім'я заступника особливоуповноваженого НКВС УРСР М. Проніна, а потім 25 травня, — ще й власноручні свідчення²⁷⁴.

Водночас в апараті ОСУ НКВС УРСР проходило розслідування злочинної діяльності колишнього начальника Олевського районного відділення, а потім Чудновського райвідділення НКВС Житомирської області А. Гостинцева. За результатами розслідування 4 червня 1939 р. А. Кобулов затвердив постанову про арешт і віддання його під суд²⁷⁵. 8 червня А. Кобулов затвердив аналогічну постанову і стосовно Г. Артем'єва²⁷⁶.

На той момент арешти керівних співробітників НКВС вимагали погодження не лише з Військовою прокуратурою, але й з партійними органами, і майже місяць потому, 1 липня 1939 р., на обох постановках з'явилася резолюція другого секретаря ЦК КП(б)У і Голови Верховної Ради УРСР М. Бурмистенка: «Згоден». Того ж дня були документально оформлені арешт А. Гостинцева і Г. Артем'єва та початок попереднього слідства.

У постановках стосовно А. Гостинцева йшлося, що «він, як начальник Олевського райвідділення НКВС, проводив безпідставні арешти без наявності компрометуючих матеріалів, систематично до заарештованих застосовував фізичні засоби впливу, брав участь у вбивстві секретного співробітника Парчевського²⁷⁷» (ст. 206–17 п. «а» КК УРСР)²⁷⁸. У постановках стосовно Г. Артем'єва було зазначено, що «він систематично до заарештованих застосовував незаконні методи ведення слідства, брав участь у вбивстві трьох заарештованих, смерть яких оформив фіктивним актом» (ст. 206–17 п. «а» КК УРСР)²⁷⁹.

У ніч з 1 на 2 липня у Чуднові був заарештований А. Гостинцев, наступного дня його спецконвоем відправили до Києва, а вже 3 липня була заповнена його анкета заарештованого у Слідчій частині НКВС УРСР. Трохи пізніше на один день те ж саме було зроблено і стосовно Г. Артем'єва: арешт у м. Новоград-Волинський, доставка спецконвоем до Києва, оформлення анкети заарештованого.

Формально попереднє слідство в їхніх справах було проведено за рекордно короткі терміни — менше ніж за десять днів. Пояснювалося це тим, що компрометуючі матеріали вже були зібрані, зокрема, щодо епізоду про участь А. Гостинцева у вбивстві були отримані детальні свідчення В. Вольського і ще одного співлиника вбивства — М. Бережного, на той

²⁷³ Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 1, арк. 43–44.

²⁷⁴ Там само, т. 1, арк. 264–273, 274–279 зв.

²⁷⁵ Там само, т. 2, арк. 1–4.

²⁷⁶ Там само, т. 3, арк. 1–2.

²⁷⁷ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²⁷⁸ Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 2, арк. 5, 6.

²⁷⁹ Там само, т. 3, арк. 3, 4.

момент — начальника відділення 3-го відділу Транспортного управління НКВС УРСР. 12 липня А. Кобулов затвердив постанову про направлення слідчих справ № 147058 і № 147059 з обвинувачення щодо Г. Артем'єва і А. Гостинцева до Військової прокуратури для об'єднання зі слідчою справою № 14982 стосовно Н. Ремова-Поберьозкіна і В. Вольського (Кіциса)²⁸⁰.

У Військовій прокуратурі теж не зволікали, і 22 липня 1939 р. помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу Хачатурян склав обвинувальний акт, в якому фігурували всі чотири обвинувачені (документ № 15). 26 липня справа надійшла до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу, який 10 серпня на підготовчому засіданні прийняв справу до свого провадження, затвердив обвинувальний акт і вирішив заслухати справу у закритому судовому засіданні з викликом 39 свідків²⁸¹.

Засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу відбулося у Житомирі, в приміщенні УНКВС, з 19 до 22 серпня 1939 р. Протокол судового засідання є досить великим за обсягом — 109 машинописних сторінок і, переважно, лише деталізує доказову базу обвинувачень, що були висунуті підсудним²⁸². Суть цих обвинувачень досить повно відображена в обвинувальному акті та вирокі Військового трибуналу за результатами судового слідства. Виходячи з цього, упорядники вирішили не включати протокол цього судового засідання до книги.

Відповідно до вироку трибуналу колишній начальник 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській області Н. Ремов-Поберьозкін другим в УНКВС після колишнього начальника Г. Вяткіна і першим серед керівників середньої ланки був засуджений до ВМП і 29 листопада 1939 р. розстріляний. Його спільники були покарані менш суворо: В. Вольський (Кіцис) — до 8 років, А. Гостинцев — до 10 років позбавлення волі у ВТТ, а Г. Артем'єв — до 3 років позбавлення волі умовно. Згідно з ухвалою Військової колегії Верховного суду СРСР від 29 жовтня 1939 р. міра покарання для В. Вольського була знижена до 5 років ВТТ, стосовно інших засуджених вирок був залишений у силі і без змін²⁸³.

За інформацією, розміщеною на сайті "nkvd.memo.ru", В. Вольський був достроково звільнений і 24 грудня 1942 р. направлений на фронт, де у серпні 1944 р. зник безвісти. Зазначений електронний ресурс повідомляє також, що капітан Г. Артем'єв станом на 3 серпня 1943 р. був начальником відділу військової контррозвідки СМЕРШ 197-ї танкової бригади 4-ї танкової армії РСЧА. 23 серпня 1943 р. нагороджений орденом Червоної Зірки. На початку березня 1944 р. у званні майора очолював ВКР СМЕРШ 61-ї гвардійської танкової бригади 10-го танкового корпусу

²⁸⁰ Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 2, арк. 184–187; т. 3, арк. 102–104.

²⁸¹ Там само, т. 1, арк. 397.

²⁸² Там само, т. 1, арк. 432–540.

²⁸³ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 185.

1-го Українського фронту. Загинув у Хмельницькій області 7 березня 1944 р. Про подальшу долю А. Гостинцева ми інформацією поки що не володіємо.

Архівна кримінальна справа на Н. Ремова-Поберьозкіна та його колега має одну відмінну рису, не властиву для абсолютної більшості аналогічних справ. Спільниками колишніх керівних працівників обласного УНКВС стали керівники місцевих органів НКВС рангом нижче — міського відділу (Г. Артем'єв) і районного відділення (А. Гостинцев). З одного боку, це є свідченням загальної практики «порушень соцзаконності» в усій системі органів НКВС — від центрального апарату союзного наркомату до помічників оперуповноважених в якійсь глушині.

З іншого боку, об'єднання індивідуальних слідчих справ в одне провадження у цьому випадку мало не концептуальний, а ситуативний характер, де головною причиною стала причетність цих людей до спільних злочинів. Це було схоже на те, як об'єднали справу Г. Кочергинського зі справами на його підлеглих, серед яких, однак, не було жодного керівника відділення ДТВ на залізничному вузлі або великій станції. У випадку з Г. Кочергинським та його спільниками все було схоже на точкову репресію. Стосовно УНКВС по Житомирській області йдеться про санацію не тільки Управління і місцевих органів НКВС, але і керівництва області у цілому, оскільки за вже описаними справами і судовими процесами відбулися не менш масштабні нові, з притягненням як підсудних колишнього першого секретаря обкому КП(б)У М. Діденка і обласного прокурора В. Роспутька.

Санація стала досить болісним процесом для багатьох її учасників. І. Дараган півтора місяці виконував обов'язки начальника УНКВС і, вочевидь, із жахом спостерігав за процесом розслідування військових юристів. А 19 квітня 1939 р. він був також заарештований НКВС УРСР за звинуваченням у «порушеннях соцзаконності» (незаконних арештах, створенні штучних контрреволюційних організацій і великої кількості шпигунів) у період його роботи у Дніпропетровській області²⁸⁴. Його наступник С. Машков, колишній партпрацівник районного масштабу, раптом очоливши УНКВС, у липні 1939 р. був знятий з посади і залишив Житомир. До цього слід також додати про переїзд у серпні того ж року до Києва від «гріха подалі» М. Гречухи, який наприкінці 1938 р. — на початку 1939 р. поводив себе у Житомирі досить неоднозначно.

С. Машкова змінив колишній начальник 4-го відділення Особливого відділу КОВО О. Мартинов. Він пропрацював рік і 7 серпня 1940 р. був відправлений як начальник УНКВС по Чернівецькій області освоювати нову територію (Північну Буковину), що з'явилася у складі СРСР під час Другої світової війни. На його місце начальником УНКВС по Житомирській області був переведений з посади наркома внутрішніх

²⁸⁴ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 190–191.

справ Молдавської АРСР²⁸⁵ В. Трубніков. О. Мартинову довелося забезпечувати проведення у Житомирі судового засідання Військового трибуналу у справі Н. Ремова-Поберьозкіна та його співників (серпень 1939 р.), потім — повторного судового процесу у справі Г. Гришина-Шенкмана (листопад 1939 р.). У 1940 р. до них додалися нові засідання трибуналів, про що буде зазначено далі.

Всього у 1939 р. через суд Військового трибуналу за описаними нами справами пройшло 13 колишніх співробітників органів НКВС у Житомирській області. 12 з них були засуджені до різних мір покарання, у тому числі один — до ВМП (Н. Ремов-Поберьозкін), троє — до 10 років позбавлення волі в ВТТ (Г. Гришин-Шенкман, Ф. Ігнатенко, А. Гостинцев), двоє — до 8-ми років позбавлення волі у ВТТ (Г. Тимошенко, В. Вольський). І лише стосовно одного підсудного справу було припинено (Ш. Винокуров).

Після змін, внесених у вироки Військовою колегією Верховного суду СРСР, справу стосовно ще одного підсудного (Л. Кондрацький) було припинено, а міри покарання для двох засуджених пом'якшено (Д. Левченко, В. Вольський). Всього з-під варті було звільнено п'ятьох підсудних (Ш. Винокуров, М. Глузман, Л. Кондрацький, Д. Левченко і Г. Артем'єв). Незабаром ця статистика, що відображала боротьбу з «порушеннями соцзаконності» у Житомирській області, почала суттєво змінюватися.

Наприкінці січня 1940 р. перед судом Військового трибуналу КОВО у Житомирі постали колишні керівники секретно-політичного відділу УНКВС: начальник 4-го відділу УДБ УНКВС (за Л. Якушева) і заступник начальника УНКВС (за Г. Вяткіна) А. Лук'янов; начальник відділення 4-го відділу, потім в.о. начальника 6-го відділу, а перед арештом — 2-го відділу УДБ УНКВС Є. Анфілов; начальник відділення і т.в.о. начальника 4-го відділу В. Резніченко і ще один колишній начальник відділення 4-го відділу І. Кузьменков. Архівну кримінальну справу стосовно цих людей нам не вдалося розшукати, маємо лише завірену копію вироку в справі. Згідно з нею в результаті судового слідства Військовий трибунал встановив:

«В органах НКВС Житомирської області УРСР, які очолював кол[ишній] начальник Управління Вяткін, заступником якого був підсудний Лук'янов, у процесі боротьби з ворогами народу проводились у 1938 р. незаконні, безпідставні арешти людей під виглядом їхньої приналежності до тих чи інших контрреволюційних організацій. Для виправдання своїх злочинних дій застосовувались незаконні методи ведення слідства аж до побиття і вбивства заарештованих, створюючи цим сфальсифіковані

²⁸⁵ Після усунення 14 січня 1939 р. Д. Ліфара від виконання обов'язків наркома внутрішніх справ МАРСР, на цю посаду був призначений перший секретар Красно-Баварського райкому Харківського міськкому КП(б)У П. Сафонов. На посаду заступника наркома 17 липня 1939 р. був переведений начальник Рибницького райвідділу НКВС В. Трубніков, який після призначення П. Сафоновача начальником УНКВС по Харківській області 3 вересня 1939 р. став наркомом внутрішніх справ МАРСР. (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. — С. 273, 375–376, 410).

справи про контрреволюційні організації. [...] Мали місце випадки арешту працівників НКВС, які так чи інакше висловлювали свою незгоду з безпідставністю арештів людей і сумніви щодо законності дії Лук'янова у застосуванні до арештованих засобів фізичного впливу».

Суд визнав А. Лук'янова винним у тому, що він «своєю злочинною недбалістю і зловживанням по службі допустив систему незаконних, безпідставних арештів людей і застосування до них фізичних засобів навіть побиття з летальним наслідком, при цьому у низці випадків підсудний Лук'янов брав у цьому участь і особисто, тобто у злочині, що передбачений ст. 206–17 п. “б” КК УРСР».

Є. Анфілов був визнаний винним у тому, що «допускав застосування до заарештованих засобів фізичного впливу — побиття, що призвели до тяжких наслідків, вимагаючи від них вигаданих показань, фальсифікуючи цим справи, що передбачається ст. 206–17 п. “в”, а не п. “б” [КК УРСР], як це було висунуто попереднім слідством».

Провина В. Резніченка полягала у тому, що він «застосовував побиття заарештованих і цим фальсифікував слідчі справи, добиваючись вигаданих показань заарештованих, тобто у злочині, що передбачений ст. 206–17 п. “а” КК УРСР».

І. Кузьменков, на думку Військового трибуналу, «виявив злочинну недбалість і зловживання по службі, що полягало у безпідставному направленні справ на рішення суду, добиваючись при цьому вигаданих показань від заарештованих, що передбачається ст. 206–17 п. “а”, а не п. “б” КК УРСР, як це кваліфіковано попереднім слідством».

Члени суду під головуванням бригавійськюриса І. Архипова виявили творчий підхід не лише у перекваліфікації пунктів обвинувачення підсудним у рамках ст. 206–17 КК УРСР, але й в аргументації застосування до А. Лук'янова міри покарання: «Враховуючи, що злочин підсудний Лук'янов скоїв у результаті ворожої діяльності кол[ишнього] начальника УНКВС Вяткіна, і що ступінь соціальної небезпеки його не викликає необхідності застосування до Лук'янова ВМП — розстрілу, що він може бути виправлений тривалою його ізоляцією від суспільства, а тому суд знаходить можливим застосування до нього ст. 46 КК, обравши міру покарання нижче нижньої межі, передбаченої санкцією п. “б” ст. 206–17 КК УРСР».

Звичайно, цікаво, щоб міг сказати суду з цього приводу Г. Вяткін, який виокремив серед своїх підлеглих саме А. Лук'янова і зробив його своїм заступником. Г. Вяткін був проти переведення А. Лук'янова на посаду начальника Особливого відділу НКВС Одеської армійської групи, але і потім залишався в довірчих стосунках зі своїм колишнім заступником. На слідстві у Москві Вяткін, цитуючи Лук'янова, зміг яскраво розповісти про умови, в яких проходила одна із візних сесій Військової колегії Верховного суду СРСР в Одесі. А про те, що відбувалося у Житомирі, хто і як виконував його «ворожі вказівки», Вяткін міг би розповісти ще більш предметно. Але, на жаль, це вже було неможливо.

За результатами судового засідання Військовий трибунал КОВО засудив А. Лук'янова до 10 років позбавлення волі у ВТТ, Є. Анфілова — до

7 років, В. Резніченка — до п'яти і І. Кузьменкова — до трьох років позбавлення волі у ВТТ (останнього — умовно)²⁸⁶. Важко сказати, чи підтвердились на практиці міркування трибуналу про можливість «виправлення» А. Лук'янова «тривалою його ізоляцією від суспільства». Відомо, що згодом він був амністований і 31 березня 1943 р. направлений до РСЧА. У липні 1944 р. він зник безвісти. Є. Анфілов також був достроково звільнений і у серпні 1942 р. відправлений на фронт²⁸⁷. Будь-якої іншої інформації про подальшу долю засуджених ми поки що не знайшли.

Після суду над А. Лук'яновим та його співниками дійшла черга судового засідання Військового трибуналу у справі М. Діденка, В. Роспутька, М. Федорова, Д. Манька, М. Леснова, Д. Малуки, М. Зуба і М. Люлькова. Понад рік вони провели під вартою. Причому більша частина цього терміну припала на очікування рішення московських інстанцій про те, хто ж буде їх судити. Попереднє слідство у Києві завершилося ще у квітні 1939 р. Однак у слідчих і надалі вистачало роботи по Житомиру. Станом на 20 квітня, лише за матеріалами цієї слідчої справи під підозру у скоєнні злочинів потрапили 34 співробітники УНКВС, а загалом кількість таких по УНКВС перевищувала півсотні²⁸⁸.

Обвинувальний висновок у справі був складений в апараті ОСУ НКВС УРСР 21 квітня 1939 р. і наступного дня затверджений А. Кобуловим. Оскільки у форматі нашого видання неможливо опублікувати всі документи відібраних нами типів, зокрема і обвинувальний висновок у цій справі (43 машинописні сторінки²⁸⁹), коротко викладемо його суть.

Насамперед зазначимо, що його незвичайність полягала у присутності в ньому «вір-обвинувачених» — двох представників колишньої житомирської каральної «тріади»²⁹⁰ — членів особливої трійки при УНКВС — першого секретаря обкому КП(б)У і обласного прокурора. Для цілісного уявлення не вистачало лише колишнього голови трійки Г. Вяткіна. Немов підкреслюючи цей факт, в архівній кримінальній справі перед обвинувальним висновком долучена довідка 1-го спецвідділу НКВС СРСР від 19 березня 1939 р. про засудження 22 лютого 1939 р. Г. Вяткіна до ВМП і виконання вироку²⁹¹.

²⁸⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 56–61. Цитуємо завірену копію вироку ВТ КОВО у справі А. Лук'янова та інших осіб, яка долучена до архівної кримінальної справи на М. Федорова та інших колишніх співробітників УНКВС по Житомирській області.

²⁸⁷ Відомості про звільнення А. Лук'янова і Є. Анфілова є у базі даних сайту «nkvd.meto.ru».

²⁸⁸ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 176.

²⁸⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 111–153.

²⁹⁰ Термін використано у традиційному значенні — як єдність, що утворена трьома роздільними частинами, у цьому випадку — членами особливої трійки при УНКВС.

²⁹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 107.

Членів трійки звинуватили у «грубих» порушеннях порядку її діяльності восени 1938 р.: розгляд справ, що були непідсудні трійці (спеціалістів, військовослужбовців РСЧА зі званнями, про «українські контрреволюційні формування» та ін.); розгляд справ, незакінчених слідством; виконання рішень трійки без належного оформлення протоколів її засідань. Слідство встановило, що Г. Вяткін, М. Діденко і В. Роспутько на «засіданнях справи не розглядали, навіть не заслуховували доповідачів по справах, а спростивши процес розгляду справ, рішення приймали за альбомними довідками, до того ж серед розглянутих довідок була знайдена значна кількість без підпису нач[альника] УНКВС і прокурора...»²⁹².

Г. Вяткін «після кожного засідання робив припис про виконання рішень трійки, і ці рішення виконували за фактичної відсутності офіційного рішення». В абсолютній більшості випадків йшлося про розстріли людей. «Таким чином,— констатували далі у висновку,— виконано рішення трійки стосовно понад 2000 засуджених з подальшим оформленням і підписом протоколів членами трійки, а стосовно понад 2000 засуджених протоколи залишились непідписаними членами судтрійки і донині...»²⁹³.

Уточнімо, що на день арешту начальника УНКВС Г. Вяткіна з 13 протоколів засідань особливої трійки залишалось ще 6 протоколів, не підписаних членами трійки, за якими проходило 2178 осіб (стосовно 2134 осіб були прийняті рішення про розстріл). При цьому не були виконані рішення трійки лише стосовно 20 осіб, які на момент відбору просто не перебували у місцевій в'язниці²⁹⁴.

Лише розкладницьким характером Великого терору можна пояснити не тільки злочинну, але і безвідповідальну поведінку виконавців масових репресій. В обвинувальному висновку з цього приводу було наведено кричущі факти: «До якого рівня доходило штампування протоколів можна судити з того факту, що Діденко підписав протокол засідання трійки № 6 від 23/IX—[19]38 р., за яким засуджено до ВМП 429 осіб, у той час, коли він в цьому засіданні фактично не брав участі, перебував у відрядженні...». І далі: «Виняткова злочинна недбалість і безвідповідальність панувала і на засіданнях трійки. Діденко неодноразово заявляв членам трійки у присутності доповідача Манька: “Навіщо панькатися, написати протокол засідання трійки і розстріляти, а потім підпишемо”...»²⁹⁵. У результаті саме так і робили у подальшому лише з тією особливістю, що шість протоколів члени трійки так і не підписали, а понад 2100 осіб в УНКВС розстріляли.

Підлеглі Г. Вяткіна також були звинувачені у серйозних злочинах: «Колиш[ній] нач[альник] З[—]го відділу Житомирського УНКВС

²⁹² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 113.

²⁹³ Там само, арк. 114.

²⁹⁴ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 143, 147. За іншими даними, рішення про розстріл були прийняті стосовно 2138 осіб, а виконані — стосовно 2113 осіб (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 162).

²⁹⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 114—115.

[Федоров] та його заступник Манько за вказівкою Вяткіна і за власної ініціативи систематично перекручували законодавство про арешти і ведення слідства, займались фальсифікаціями довідок на арешти, штучно створювали групові справи, піддавали груповим допитам з побиттям заарештованих, спонукали підлеглий їм апарат на масове побиття заарештованих і фальсифікацію протоколів допиту і т.п. ...»²⁹⁶.

«Аналогічні беззаконня і перекручування методів ведення слідства встановлені і по 4[-му] відділу УНКВС, де основними ініціаторами безпідставних арештів, побиття заарештованих на допитах і фальсифікації справ були колиш[ній] нач[альник] відділу Леснов Матвій Еммануїлович і т.в.о. нач[альника] 2[-го] відділення Малука Данило Йосипович»²⁹⁷.

Таким чином, керівники 3-го і 4-го відділів УДБ (за начальника УНКВС Г. Вяткіна) були звинувачені у системних порушеннях законності у своїй службовій діяльності. Водночас аналогічні обвинувачення, як ми мали можливість переконатися, були висунуті і колишнім керівникам 5-го відділу Н. Ремову-Поберьозкіну і В. Вольському (Кіцису). Отже, керівництво трьох ключових оперативних відділів УНКВС — основні виконавці масових репресій в області у 1938 р. — потрапили до категорії «порушників соцзаконності», так би мовити, у чистому вигляді, без домішки в обвинуваченнях будь-яких надуманих політичних сюжетів.

Тут необхідно зробити один відступ. Попередні керівники 4-го відділу та його підрозділів були заарештовані пізніше (В. Резніченко — 25 червня, А. Лук'янов — 1 липня, Є. Анфілов — 8 серпня 1939 р.). Обвинувачення на їхню адресу були практично ідентичними тим, які були висунуті проти М. Федорова, М. Леснова-Ізраїлева та ін. Мабуть, лише той факт, що справа стосовно останніх разом з ними вже була відправлена до Москви (про що ми розповімо далі), не зробив їх всіх співниками. У Києві, мабуть, втомилися чекати визначеності у справі членів житомирської «тріади» та їхнього «ескорту» з колишніх керівників відділів УНКВС, тому вирішили справу А. Лук'янова та інших пропустити через Військовий трибунал КОВО.

Унаслідок чого А. Лук'янов, Є. Анфілов, В. Резніченко і І. Кузьменков, які були заарештовані пізніше колег, раніше ніж вони постали перед судом зовсім іншого трибуналу, через який ні до, ні після них, не проходив ніхто з притягнених до кримінальної відповідальності керівних співробітників УНКВС. 1 лютого 1940 р. вони були засуджені і, на відміну від засуджених пізніше колег, зрештою, легко відбулися.

До такого висновку призводить вивчення матеріалів архівних кримінальних справ. Так, А. Лук'янов був заарештований згідно з ухвалою Військового трибуналу військ НКВС Київського округу безпосередньо під час судового засідання у справі Г. Гришина-Шенкмана та ін., куди його було викликано як свідка. Вже на середині судового засідання на підставі показань підсудних члени трибуналу зрозуміли ту роль, яку відіграв А. Лук'янов у злочинах, скоєних в УНКВС і за керування Л. Якушева,

²⁹⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 118.

²⁹⁷ Там само, арк. 123.

і за Г. Вяткіна. Але А. Лук'янов згодом був засуджений іншим військовим трибуналом і очікував на прийняття рішення за своєю касаційною скарою на вирок. Унаслідок чого Військовий трибунал військ НКВС Київського округу мав лише копію вироку Військового трибуналу КОВО у справі А. Лук'янова, Є. Анфілова, В. Резніченка і І. Кузьменкова, яка була отримана лише за чотири дні до початку судового засідання у головній житомирській справі. Все, що міг зробити у цій ситуації Військовий трибунал військ НКВС Київського округу,— це викликати засудженого А. Лук'янова до суду і допитати як свідка.

Хоча історія не має умовного способу, ризикнемо припустити, що якби А. Лук'янов постав перед судом цього Військового трибуналу як підсудний разом з колишніми підлеглими М. Федоровим, Д. Маньком та ін., то ті, захищаючись, суттєво доповнили б свідчення Г. Гришина-Шенкмана та його спільників і «здали» б суду А. Лук'янова «з патрохами» як найближчого підручного розстріляного Г. Вяткіна. До таких висновків призводить зміст протоколу судового засідання, з якого зрозуміло, що вони це успішно робили під час перехресного допиту судом їх і свідка А. Лук'янова.

Наведемо, наприклад, таку заяву Д. Малуки: «Після того, як у 47-у кімнату завели Джуринського²⁹⁸, Лук'янов першим туди зайшов, а потім увійшли інші працівники. Першим Лук'янов почав його бити...²⁹⁹. Наслідком побиття заарештованого стала його смерть. Свідчення Д. Малуки про інший схожий випадок: «Крука³⁰⁰ Лук'янов бив батогом... Я стверджую, що Крука вбив Лук'янов»³⁰¹. Ще одне обвинувачення з боку Д. Малуки на адресу А. Лук'янова мало загальний характер: «Лук'янов систематично змушував Анфілова приводити людей до сорок сьомої кімнати або до 24-ї кімнати і там їх бити»³⁰². Це були епізоди лише за одним пунктом обвинувачення — участь у побитті та вбивствах заарештованих. А були й інші.

Незважаючи на суперечливість свідчень учасників судового процесу, трибунал мав можливість встановити, у чому полягала реальна провина кожного з них. І тоді доля А. Лук'янова як підсудного була б набагато драматичнішою, і у вирокі навряд чи знайшлося б місце для міркувань про можливість «виправлення» засудженого. А так, маючи копію вироку у справі А. Лук'янова та ін., і отримавши під час судового слідства додаткові дані про скоєні ним злочини, Військовому трибуналу військ НКВС Київського округу залишалось лише взяти їх до відома без реалізації. Не заарештовувати ж ще раз злочинця, який вже перебуває під вартою і засуджений колегами — членами іншого трибуналу. Між тим, А. Лук'янов

²⁹⁸ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

²⁹⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 213 зв.

³⁰⁰ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

³⁰¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 214–214 зв.

³⁰² Там само, арк. 253.

своїми свідченнями врешті-решт допоміг засудити до ВМП Д. Малуку, який його викривав.

Ця ситуація також свідчила про недостатню координацію дій між органами НКВС, Військової прокуратури, військовими трибуналами і Військовою колегією Верховного суду СРСР, а отже, і безсистемності у боротьбі з «порушеннями соцзаконності».

Повертаючись до обвинувального висновку у справі М. Діденка, В. Роспутька і керівників УНКВС середньої і нижчої ланок, звернемо увагу на персональні обвинувачення стосовно так званих технічних виконавців репресій. М. Зуб і М. Люльков були звинувачені у тому, що «при отриманні приписів від Вяткіна на виконання рішень трійки щодо засуджених до ВМП, їздили забирати засуджених до в'язниці і при відборі їх, стикаючись з розбіжностями в написанні імен, по-батькові і віку осіб, засуджених до ВМП, самовільно виправляли ці розбіжності і виконували вирокі [...]. Свідомо, знаючи про 9-тимісячну вагітність засудженої до ВМП Лупашенко Марії³⁰³, забрали її з пологової палати в'язниці і виконали вирок [...]. Вносили до актів про виконання вироків померлих і вбитих при допитах Скрипника, Крука та ін. [...]. Крім цього, Люльков М. С. брав участь у виконанні вироків під час перебування комендантом УНКВС Тимошенка, а також і при роботі самого на посаді коменданта УНКВС, бив і вбивав ломом засуджених до ВМП. Разом з Ігнатенком та ін. (заарештованими УНКВС за мародерство) привласнював особисті речі чи одяг, що належав засудженим, стосовно яких вирокі були виконані [...]. Люльков брав активну участь разом з Малукою і Федоровим у сильному побитті на допиті заарештованого Скрипника, який від побиття помер...»³⁰⁴.

Залишається додати, що М. Зуб і М. Люльков фігурували у матеріалах службових розслідувань, що проводили в УНКВС за фактами мародерства ще з весни 1938 р. Але Г. Вяткіну вони були потрібні як кваліфіковані кати, і він їх всіляко оберігав. Користуючись безкарністю, вони здійснювали нові злочини, а М. Люльков при цьому проявив себе як справжній садист. Щільна їх ув'язка слідством з порушеннями у роботі особливої трійки розділила загальну картину злочинів, скоєних М. Зубом і М. Люльковим, на окремі фрагменти і врешті-решт відобразилася на вирокі, який був ухвалений стосовно М. Люлькова. Це з одного боку.

З іншого боку, сусідство як обвинувачених у рамках однієї слідчої справи «вбивць за письмовим столом» (житомирської «тріади»), вбивць «волею випадку» (керівників оперативних відділів — фальсифікаторів тисяч слідчих справ і співучасників вбивств заарештованих під час допитів) і «легітимних» вбивць (працівників УНКВС, для яких виконання вироків

³⁰³ М. Лупашенко після арешту кілька місяців знаходилась у в'язниці У липні 1938 р., під час лікарського обходу тюремних камер, у неї була виявлена вагітність близько п'яти місяців. У зв'язку зі скаргами на болі, у серпні 1938 р. в амбулаторії при в'язниці їй надавалась медична допомога. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 3, арк. 372). У листопаді 1938 р. її разом із майбутньою дитиною розстріляли.

³⁰⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 128–129.

і рішень позасудових органів про розстріли людей було функціональним обов'язком) стало яскравою ілюстрацією «роботи» усього технологічного ланцюжка масових репресій і широкого спектру «порушників соцзаконності» у період Великого терору.

Після затвердження обвинувального висновку А. Кобуловим слідчу справу на «колектив вбивць» було передано до органів прокуратури. 29 травня 1939 р. Головний військовий прокурор РСЧА Н. Розовський написав на висновку таку резолюцію: «Обвинувальний висновок затверджую. Справу передати для слухання до Військової Колегії Верховного Суду Союзу РСР»³⁰⁵. 2 червня справа надійшла до Військової колегії³⁰⁶. А далі сталося щось непередбачуване. Військова колегія на підготовчому засіданні 10 липня 1939 р. заслухала доповідь Н. Розовського і співдоповідь члена Військової колегії Алексеева та вирішила справу «передати на розгляд у судовому засіданні до Військового Трибуналу військ НКВС Київського округу»³⁰⁷. Мотиви цього рішення у протоколі підготовчого засідання не були зазначені.

14 липня справу відправили до Києва. Але знову щось сталося у Москві і 25 липня до трибуналу надійшла телеграма голови Військової колегії В. Ульяха про негайне повернення справи до Військової колегії і етапування всіх заарештованих до Москви. 29 липня справа знову надійшла до Військової колегії, а 15 серпня керівництво Бутирської тюрми НКВС СРСР повідомило про прибуття з в'язниці м. Києва Д. Малуки, М. Люлькова, М. Зуба і Д. Манька³⁰⁸. Про інших заарештованих нічого не повідомлялось.

Терміново витребувавши справу і самих заарештованих, Військова колегія «зависла». В архівній кримінальній справі відсутні документи з поясненням обставин, через які це все відбувалося. Ситуація невизначеності періодично породжувала питання в різних інстанціях. Навіть у центральному апараті НКВС СРСР не знали про стан справи. Про це свідчив запит заступника особливоуповноваженого НКВС СРСР Г. Балябіна до Військової колегії від 27 листопада 1939 р. В апараті ОСУ в цей час розшукували заарештованого М. Леснова-Ізраїлева. Отримавши від Бутирської тюрми довідку про те, що він знаходиться там і «рахується» за Військовою колегією, Г. Балябін просив повідомити, коли буде слухатися його справа³⁰⁹. Запит в архівній справі є, а відповіді на нього, на жаль, немає. Хто і чому затягнув на 10 місяців розгляд справи залишається загадкою. Зрозуміло одне, слухати справу у судових інстанціях у Москві хтось категорично не хотів.

Нарешті, 8 березня 1940 р. Військова колегія вирішила передати справу на розгляд до Військового трибуналу військ НКВС Київського

³⁰⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 4, арк. 111.

³⁰⁶ Там само, т. 7, арк. 1.

³⁰⁷ Там само, т. 7, арк. 2.

³⁰⁸ Там само, т. 7, арк. 4–6, 10.

³⁰⁹ Там само, т. 7, арк. 9.

округу³¹⁰. У протоколі підготовчого засідання це рішення жодним чином не роз'яснювали. Вісім заарештованих були етаповані з Бутирської тюрми назад до Лук'янівської тюрми НКВС УРСР (Київ), куди вони прибули 17 березня.

Лук'янівська тюрма на той час була досить щільно «заселена» житомирською «діаспорою». Її представники, якщо не проходили обвинуваченими за однією справою, то часто виступали свідками в інших справах. Тому адміністрації тюрми при розподіленні по камерах «земляків» в інтересах слідства потрібно було ізолювати їх один від одного. Так і цього разу, на прохання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу треба було вжити заходів з повної ізоляції заарештованих, що прибули з Москви, від свідків в їхній справі В. Резніченка, Є. Анфілова і Д. Левченка³¹¹.

При етапуванні заарештованих у вагонзаках і автозаках також необхідно було дотримуватися певного порядку розсадження їх по місцях, зазвичай, попарно. Трибунал вважав, що при етапуванні з Києва до Житомира «спільно можуть перебувати»: Діденко з Лесновим, Федоров з Люльковим, Манько з Малукою, Зуб з Роспутьком³¹². У Житомирській тюрмі їх треба було розмішувати ізолювано один від одного і від свідків у справі.

Після того, як Військовий трибунал військ НКВС Київського округу отримав слідчу справу, на підготовчому засіданні 3 квітня він прийняв її до свого провадження, затвердив обвинувальний висновок і вирішив заслухати справу у закритому судовому засіданні з викликом 46 свідків³¹³.

З 13 до 23 квітня 1940 р. у Житомирі відбулося чергове закрите судове засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу. Протокол засідання нами не публікується з двох основних причин. Перша — його значний обсяг — понад 258 машинописних сторінок. Друга — це судове засідання було не останнім у справах половини обвинувачених. Йдеться про справу М. Діденка і В. Роспутька з одного боку, і про справу М. Федорова і М. Леснова-Ізраїлева, з іншого.

Стосовно перших Військовий трибунал 20 квітня ухвалив:

«1. З матеріалів справи з обвинувачення Діденка, Распутька³¹⁴ та інших вбачається, що, крім обвинувачення, висунутого Діденку у злочинних діях по роботі трійки у Житомирському УНКВС, під час судового слідства виявлена причетність Діденка до безпідставного і незаконного арешту колишнього секретаря Житомирського міськкому КП(б)У Косарева³¹⁵,

³¹⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 2; т. 7, арк. 11.

³¹¹ Там само, арк. 12.

³¹² Там само, арк. 28.

³¹³ Там само, арк. 11.

³¹⁴ Тут і далі прізвище у документі, що цитуємо, надруковане через літеру «а».

³¹⁵ М. Косарев був заарештований 23 червня 1938 р. 4-м відділом УДБ УНКВС як «учасник право-троцькістської організації». 3 червня 1939 р. звільнений з-під варти. (Архівний підрозділ УСБУ у Житомирській області, ф. 5, оп. 1, спр. 19714-оф, т. 3, арк. 23–26, 140).

що відобразилося у вирокі Військового трибуналу КОВО у справі колишнього заступника нач[альника] Житомирського УНКВС Лук'янова та ін., засуджених 1-го лютого 1940 р. за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР, а також підтверджено на судовому слідстві у цій справі свідченнями Лук'янова, Резніченка і Франца³¹⁶;

що зазначені вище злочинні дії Діденка, перебуваючи в прямому зв'язку зі злочинами, що інкримінуються йому у цій справі, не були, однак, предметом дослідження на попередньому слідстві, з огляду на що справа з обвинувачення Діденка не може бути розглянута судом у цьому судовому засіданні, оскільки, зважаючи на ст. 290 КПК УРСР потребує додаткового слідства за зазначеними обставинами.

2. У зв'язку зі сумнівами щодо психічного стану підсудного Распутька, які виникли на судовому слідстві у справі, останній на підставі висновку лікаря-психіатра Лермана підлягає направленню до стаціонару для проведення судово-медичної експертизи щодо психічного стану Распутька.

Беручи до уваги, що стосовно підсудних Діденка і Распутька справа може бути виокремлена в окреме провадження без шкоди для розгляду справи стосовно інших обвинувачених у справі, Військовий трибунал, керуючись ст. ст. 280 і 290 КПК УРСР,

ухвалив:

виділити з цієї справи матеріали про Діденка і Распутька за ст. 20–206–17 п. «б» КК УРСР і направити їх Військовому прокурору військ НКВС для провадження додаткового слідства стосовно Діденка і суд[ово]-мед[ичної] експертизи стосовно Распутька.

Справу стосовно Федорова, Манька, Леснова, Малуки, Зуба і Люлькова слуханням продовжити³¹⁷.

Обставини виявилися вищими за членів Військового трибуналу, і вони зробили те, що мали зробити. Матеріали про двох членів «тріади» були виділені в окреме провадження, і це була вже інша історія, що виходить за рамки нашої теми. Зауважимо лише, що М. Діденко і В. Распутько, хоча і пізніше своїх спільників, але постали перед судом Військового трибуналу. За результатами судового засідання 20–23 січня 1941 р. М. Діденко був засуджений до 8-ми років позбавлення волі у ВТТ, а В. Распутько — до 4-х років. Військова колегія Верховного суду СРСР, яка не могла впродовж 10 місяців у 1939–1940 рр. прийняти рішення у справі, 21 лютого 1941 р. виявила гуманність, дуже схожу на політичну доцільність, і зменшила термін покарання для М. Діденка до трьох років позбавлення волі у ВТТ³¹⁸.

Якість судового слідства у справі М. Федорова та інших підсудних дійсно не постраждала, але висновки, які зробив Військовий трибунал

³¹⁶ І. Франц, заступник начальника слідчої частини УДБ УНКВС по Житомирській області, був одним з тих, хто 31 травня 1939 р. підписав постанову УНКВС про припинення кримінального переслідування стосовно М. Косарева.

³¹⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 232 зв. — 233.

³¹⁸ Архівний підрозділ УСБУ у Житомирській області, ф. 5, оп. 1, спр. 19714-оф, т. 3, арк. 159–163, 188–188 зв.

у своєму вироці щодо ухвалення міри покарання для них, викликали запитання у Москві. Про те, що саме викликало ці запитання, можна дізнатися з чотирьох документів, що публікуємо — двох вироків Військового трибуналу військ НКВС Київського округу і двох ухвал Військової колегії Верховного суду СРСР, що завершують третій розділ цієї книги.

Внаслідок судового засідання 23 квітня 1940 р. Військовий трибунал засудив Д. Манька і Д. Малуку до розстрілу, М. Федорова і М. Леснова — до 10-ти років, М. Зуба — до 5-ти років, а М. Люлькова — до 3-х років позбавлення волі у ВТТ (документ № 18). Військова колегія Верховного суду СРСР вирок стосовно Д. Манька, Д. Малуки, М. Зуба і М. Люлькова залишила у силі і без змін, а стосовно М. Федорова і М. Леснова-Ізраїлева скасувала через недооцінення Військовим трибуналом тяжкості скоєних ними злочинів (документ № 19).

Коли вирок набрав законної сили, 28 серпня 1940 р. Д. Манько і Д. Малука були розстріляні, а засуджені до позбавлення волі М. Зуб і М. Люльков відправлені до місць відбування покарання, зокрема, останній у лютому 1941 р. був етапований до Карагандинського ВТТ НКВС СРСР (Казахстан). Про його подальшу долю можна дізнатися з нашої попередньої публікації³¹⁹. За результатами повторного судового засідання Військового трибуналу 27–29 вересня 1940 р. у справі М. Федорова і М. Леснова-Ізраїлева обидва були засуджені до розстрілу (документ № 20). 18 жовтня 1940 р. Військова колегія Верховного суду СРСР вирок затвердила, і 4 листопада 1940 р. вони були розстріляні³²⁰.

Підсумок цих двох судових засідань Військового трибуналу військ НКВС Київського округу і прийняті за його вирокami ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР вирішальним чином вплинули на статистику «дисциплінування» співробітників УНКВС по Житомирській області. Загалом за результатами трьох згаданих нами засідань двох військових трибуналів у Житомирі (ВТ КОВО — у справі А. Лук'янова та ін. та ВТ військ НКВС КО — у справі М. Федорова та ін.) спектр покарань для 12-ти колишніх співробітників УНКВС був досить широким: четверо були засуджені до ВМП (Д. Манько, Д. Малука, М. Федоров і М. Леснов-Ізраїлев), один — до 10-ти років позбавлення волі у ВТТ (А. Лук'янов), один — до 7-ми (Є. Анфілов), двоє — до п'яти років (В. Резніченко і М. Зуб), один — до трьох років (М. Люльков) і ще один — також до трьох років позбавлення волі у ВТТ, але умовно (І. Кузьменков).

Всього впродовж 1939–1940 рр. перед судом за описаними нами справами постало 25 колишніх співробітників органів НКВС у Житомирській області. 24 з них були засуджені, зокрема п'ятеро — до ВМП, четверо — до 10-ти років позбавлення волі у ВТТ, двоє — до 8-ми років (один — зі зменшенням до 5-ти років), один — до 7-ми, двоє — до 5-ти років позбавлення волі у ВТТ і т.д. Лібералізм трибуналів у призначенні покарання для двох колишніх заступників начальника УНКВС

³¹⁹ Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора. — С. 187–188.

³²⁰ Там само, С. 185.

— Г. Гришина-Шенкмана і А. Лук'янова — визначив той факт, що основний удар правосуддя було завдано по керівниках УНКВС середньої ланки. Причому, Військовий трибунал військ НКВС Київського округу в 1939 р. пішов на конфронтацію з Військовою колегією Верховного суду СРСР у справі Г. Гришина-Шенкмана, а у 1940 р. не став цього робити у справі М. Федорова і М. Леснова-Ізраїлева.

Отже, за розстріляним «ворогом» — начальником УНКВС Г. Вяткіним отримали ВМП п'ятеро «порушників соцзаконності» — посадові особи на дві-три ранги нижчі за нього у службовій ієрархії УНКВС (начальники відділів та їхні заступники). На цьому тлі вражає остаточне рішення у справі першого секретаря обкому КП(б)У і обласного прокурора — три і чотири роки позбавлення волі у ВТТ відповідно. Цілком очевидним було бажання вищих інстанцій «перевести стрілки» за криваве беззаконня у роки Великого терору на органи НКВС, до яких пролізли «зграї ворогів» і злісних «порушників соцзаконності».

Підбиваючи підсумок вищезазначеного, звернемо увагу на декілька загальних рис розслідування злочинів у «молдавській справі», справі Г. Кочергинського і житомирських справах.

Першою є те, що фігуранти майже усіх цих справ порівняно рано у 1938 р. потрапили до поля зору колег і органів прокуратури саме як «порушники соцзаконності». У випадку з І. Широком (Майським) фатальною для нього стала переоцінка власних сил при фабрикуванні справи «Молдавського право-троцькістського центру», а згодом до цього ще додалася кричуща справа Т. Садалюка. Г. Кочергинського підвело, насамперед, ігнорування здорового глузду і проведення масового виселення сімей робітників і службовців напередодні виборів до Верховної Ради СРСР. У Житомирі спочатку на світ божий вийшов такий темний бік виконавців терору, як мародерство після масових розстрілів в УНКВС, а потім — весь інший набір «порушень соцзаконності».

Три зовсім різні причини привернули до співробітників НКВС у трьох різних регіонах УРСР пильну увагу на предмет порушення ними законності. Однак справді фатальним для них це стало тоді, коли за розслідування взялися органи прокуратури. Це — ще одна спільна риса розслідувань.

Третьою загальною рисою стало те, що усі засуджені керівники цих органів зайняли свої посади не так давно: Г. Гришин-Шенкман — 1 листопада 1937 р., Г. Кочергинський — фактично 15 листопада 1937 р., а І. Широкий — 20 травня 1938 р. «Рекордсменом» серед них за тривалістю перебування на посаді був Г. Кочергинський. Вище були описані обставини, завдяки яким він дев'ять місяців утримався на посаді. Другим після нього був Г. Гришин-Шенкман. Його службова діяльність у Житомирі тривала п'ять місяців. Швидше за інших, за чотири місяці, «згорів» на посаді наркома внутрішніх справ МАРСР І. Широкий. Отже, в умовах Великого терору серйозні «порушення соцзаконності» відбувалися впродовж короткого терміну. Не обов'язково було займати керівну посаду тривалий час, щоб мати тягар «заслуг», за які потім могли притягнути до кримінальної відповідальності.

Четвертою загальною рисою є хронологічний період, події якого стали об'єктом усіх розслідувань. Стосовно Г. Кочергинського та його співників, а також співробітників УНКВС по Житомирській області, це був період від кінця 1937 р., а стосовно І. Широкого і його підлеглих — з весни 1938 р. Більш ранні події, пов'язані з репресіями проти так званих еліт і початком масових операцій НКВС (куркульською і національних), залишались поза увагою слідчих. Але розгортання цих операцій і методи, якими це робилося, були достатньо охарактеризовані в матеріалах розслідувань.

П'ятою спільною рисою є відносна суворість покарань, що були ухвалені військовими трибуналами. Три ненайбільші органи НКВС на території УРСР дали рясний урожай вироків до ВМП. З урахуванням І. Широкого (Майського), який загинув у в'язниці у Києві, і розстріляного у Москві в «обгортці» політичних статей КК РРФСР Г. Вяткіна, кількість прямих безповоротних втрат — жертв «наведення порядку» в трьох органах НКВС у період з грудня 1938 р. до листопада 1940 р. склала 13 осіб (6 — в НКВС МАРСР, 6 — в УНКВС по Житомирській області і один — в ДТВ ПівндЗ). З них троє були керівниками цих органів. Нічого схожого в цей період не було в інших органах НКВС УРСР.

Яскравою ілюстрацією того, чому такого не сталося в інших місцях, є матеріали архівних кримінальних справ на співробітників одного з найбільших регіональних органів НКВС УРСР — Управління НКВС по Одеській області.

Таємниці і парадокси кримінальних справ на співробітників УНКВС по Одеській області — «порушників соціалістичної законності» (розділ 4)

У рамках нашого проекту двоє його учасників, «спираючись на матеріали архівно-слідчих і особових справ низки співробітників УНКВС по Одеській області, заарештованих у 1939–1941 рр., а також на документи судових процесів над ними», провели дослідження з метою «сформулювати та обґрунтувати наукову гіпотезу про те, що ж стало головною причиною широкої чистки чекістських кадрів відразу ж після завершення масових операцій НКВС 1937–1938 рр. і яку роль відіграла ця чистка у контексті взаємин між комуністичною партією і таємною поліцією, а також між владою і суспільством у цілому»³²¹.

Характеризуючи об'єкт свого дослідження, автори зазначили, що м. Одеса і Одеська область мали практично увесь набір факторів (географічно-господарські особливості регіону, наявність на його території різних соціальних і етнічних груп населення, що були об'єктами каральних дій органів НКВС), які обумовили інтенсивні і масштабні репресії в регіоні у 1937–1938 рр. Внаслідок накладання цих факторів, на думку

³²¹ Див.: Савин А., Тепляков А. «Партия может ошибаться, а НКВД — никогда». Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых (1939–1943 гг.) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. — 2015. — № 2 (45). — С. 91–141; Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей. — С. 269–367.

дослідників, «підсумок масових операцій по Одеській області склав, очевидно, не менше 20 тисяч осіб, розстріляних або відправлених до таборів»³²².

Коротко охарактеризували автори і апарат Управління НКВС по Одеській області, силами якого були проведені масові операції та інші репресивні акції в регіоні. При цьому вони особливу увагу приділили постатям шести керівників УНКВС, які послідовно змінювали один одного в процесі Великого терору і в період виходу з нього. Продовжуючи зусилля наших колег, ми почнемо нашу розповідь про непросту історію розслідування злочинів, скоєних співробітниками УНКВС, саме з постатей керівників Управління.

У 1937–1938 рр. УНКВС по Одеській області послідовно очолювали п'ять осіб:

1) О. Розанов (Розенбардт), начальник УНКВС з 31 березня 1935 р. до 14 червня 1937 р.;

2) Г. Гришин-Клювгант, виконував обов'язки начальника УНКВС з 30 червня до 20 липня 1937 р.;

3) М. Федоров, начальник УНКВС з 20 липня 1937 р. до 26 лютого 1938 р.;

4) Д. Гречухін, начальник УНКВС з 26 лютого до 28 травня 1938 р.;

5) П. Кисельов, начальник УНКВД з 28 травня до 15 листопада 1938 р.

Посада начальника УНКВС виявилась «проклятою». Всі п'ять осіб, які обіймали її під час Великого терору і зробили свій внесок у «розгром контрреволюції всіх мастей», самі врешті-решт потрапили під каток репресій, і не просто постраждали, а були фізично знищені колегами.

Винятком став шостий керівник УНКВС (з 16 листопада 1938 р. до 15 січня 1939 р.), заподатливий виконавець масових репресій С. Гапонов. Висвітленню історії С. Гапонова і «гапонівців» — колишніх його підлеглих, які стали потім його співниками, і присвячене дослідження наших колег. Нам же доведеться суттєво вийти за ці рамки і відтворити картину боротьби з «порушниками соцзаконності» в УНКВС по Одеській області в цілому.

15 січня 1939 р. начальником УНКВС був призначений колишній перший секретар Андре-Івановського райкому КП(б)У Одеської області О. Старовойт. Згідно з його наказом по УНКВС від 24 січня 1939 р. С. Гапонова призначили в.о. заступника начальника УНКВС і в.о. начальника 2-го відділу УДБ УНКВС. На відміну від свого колеги С. Машкова (також кинутого партією на «зміцнення» органів НКВС) О. Старовойт зміг значно довше протриматися у кріслі начальника УНКВС — два роки. Але у січні 1941 р. у зв'язку із хворобою і він був звільнений з посади.

Його місце зайняв колишній начальник ДТВ ГУДБ НКВС Південно-Західної залізниці Л. Малінін. Після нападу Німеччини на СРСР і евакуації з Одеси Л. Малінін опинився у глибокому тилу

³²² Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. — С. 271, 277.

і з 30 грудня 1941 р. очолював УНКВС по Новосибірській області. Перебуваючи у Новосибірську до осені 1944 р., він відіграв важливу роль у долі С. Гапонова. Але це було значно пізніше, а ми повернемося до долі попередніх керівників УНКВС.

О. Розанова першим з колишніх керівників УНКВС по Одеській області повели до розстрільного підвалу. Він належав до чекістів першої хвилі, що приїхали наприкінці 1918 р.— на початку 1919 р. з Росії до Харкова створювати ВУЧК. Був однією з ключових фігур у команді керівника ДПУ–НКВС УРСР В. Балицького, нагадаємо, заарештованого 7 липня 1937 р. Отримавши призначення на посаду начальника УНКВС по Воронежській області, Розанов так і не прибув до нового місця служби, а 11 липня 1937 р. був заарештований в Одесі. Слідство у зв'язку з обвинуваченням його за ст. 54–1 п. «б» КК УРСР було досить швидким, і 7 вересня 1937 р. він був засуджений в особливому порядку до ВМП і розстріляний.

Г. Гришин-Клювант з 1921 р. почав працювати в органах ЧК на Одещині. У подальшому переводився до різних регіонів України (зокрема у 1925–1926 рр. служив у МАРСР, а у 1930 р.— у Житомирі), поступово просуваючись на гору службовими сходами. Від 1934 р. побував заступником начальника трьох обласних управлінь НКВС — по Одеській, Київській та Харківській областях. 20 липня 1937 р. був призначений начальником УНКВС по Вінницькій області. 20 серпня 1937 р. його заарештували за обвинуваченням в участі в «контрреволюційній змовницькій право-троцькістській терористичній організації в системі органів НКВС». Слідство в його справі тривало довго. 1 червня 1939 р. Військовим трибуналом військ НКВС Московського округу за ст. ст. 58–1 п. «а», 58–8 і 58–11 КК РРФСР був засуджений до ВМП і 2 вересня 1939 р. розстріляний. Враховуючи політичне забарвлення обвинувачення, у 1958 р. реабілітований.

М. Федоров до появи в Одесі, з 1926 р. служив у прикордонних військах у Центральній Азії, Казахстані і Росії. Після Одеси встиг місяць попрацювати у Києві і майже вісім місяців — у центральному апараті НКВС СРСР у Москві. Коли почалась «беріївська чистка», 20 листопада 1938 р. був заарештований, понад рік перебував під слідством і 3 лютого 1940 р. Військовою колегією Верховного суду СРСР був засуджений до ВМП і розстріляний. Не реабілітований.

Д. Гречухін з 1928 р. пройшов шлях від працівника у приволзькій глибинці до начальника УНКВС по Красноярському краю (13.09.1937–26.02.1938), звідки в рамках «ежовського великого переселення чекістів» прибув на допомогу новопризначеному наркомові внутрішніх справ УРСР О. Успенському. З Одеси навздогін за Федоровим також поїхав до Києва, де з 28 травня 1938 р. три з половиною місяці пробув начальником Особливого відділу НКВС КВО, водночас виконуючи обов'язки заступника наркома внутрішніх справ УРСР. 15 вересня 1938 р. був призначений начальником УНКВС по Ростовській області.

Одним з факторів, що визначив його подальшу долю вже під час слідства у Москві, стала близькість до зниклого наркома Успенського. Однак

ще до цього він припустився фатальної помилки на новому місці служби, спробувавши зробити з класика радянської літератури М. Шолохова ледве не ватажка терських, донських і кубанських козаків, який начебто готував повстання проти радянської влади. 3 грудня 1938 р. Д. Гречухін був заарештований, 22 лютого 1939 р. засуджений Військовою колегією Верховного суду СРСР за ст. 58–1 п. «а», 58–11 КК РРФСР до ВМП і розстріляний. Не реабілітований.

П. Кисельов був доморослим чекістом. Почавши у вересні 1921 р. у віці 18 років службу в органах ЧК, працював у транспортних органах, прикордонному загоні, Особливому та Іноземному відділах ДПУ–НКВС УРСР. Прискорення його службового зростання припало на 1937–1938 рр., а різким стрибком стало призначення в Одесу. Це стало можливим завдяки наркомуну О. Успенському, який спочатку придивлявся до нього, а потім, несподівано для самого Кисельова, прийняв рішення про його призначення. Це мало фатальні наслідки для Кисельова.

Після зникнення 14 листопада 1938 р. Успенського, як ми вже говорили, було заарештовано низку його висуванців — начальників УНКВС. Одним з таких і став П. Кисельов. Він був заарештований на підставі особистого розпорядження Л. Берії як ймовірний учасник антирадянської право-троцькістської організації в НКВС УРСР. Дата арешту у довідці НКВС УРСР на арешт, постановах про обрання запобіжного заходу і початок попереднього слідства виправлена на 15 листопада 1938 р. з якоїсь іншої. Протокол особистого обшуку Кисельова датований 15 листопада, протоколи обшуків на його квартирі і робочому місці — 17 листопада, анкета заарештованого — 21 листопада, а постанова про притягнення Кисельова як обвинуваченого — 24 листопада. Санкція на арешт і постанова т.в.о. Військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ УРСР Морозова на арешт Кисельова і утримання його під вартою датовані ще більш пізнім часом — 1 грудня 1938 р.³²³

У довідці на арешт зазначався специфічний перелік обвинувачень: «За завданням Успенського Кисельов фальсифікував слідчі справи, здійснював незаконні арешти, сприяв шпигунській діяльності іноземних розвідок, не займаючись закордонною роботою. Проводив шкідництво у слідстві стосовно перебіжчиків»³²⁴. У постанові про обрання запобіжного заходу весь цей перелік було описано лаконічно: «...Як учасник антирадянської право-троцькістської організації, проводив підривну роботу» (ст. ст. 54–1 п. «б», 54–8 і 54–11 КК УРСР)³²⁵.

Перший протокол допиту у справі датований 26 листопада 1938 р. Допитували заарештованого заступник начальника 4-го відділення Особливого відділу НКВС КОВО О. Мартинов (майбутній начальник УНКВС по Житомирській області) і начальник Особливого відділу НКВС в/з 5875 Цехмейструк. Почавши із заперечення своєї участі в антирадянській організації та проведенні підривної роботи, наприкінці

³²³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 1, арк. 1–16, 24.

³²⁴ Там само, арк. 2.

³²⁵ Там само, арк. 3.

допиту Кисельов, згідно з підписаним ним протоколом, заявив: «Тепер для мене стало зрозуміло, що подальша моя завзятість ні до чого не призведе. Я відчуваю, що мене викрили співучасники по ворожій роботі»³²⁶. «Загострення чутливості» викликало у Кисельова бажання написати заяву на ім'я Єжова «про всю мерзенну роботу антирадянської організації».

Наступного дня така заява була написана, а її завірена машинописна копія представлена для ознайомлення керівництву НКВС УРСР. Читач цієї копії зробив численні підкреслювання тексту червоним і фіолетовим олівцями. Це свідчило про те, що слідчі попрацювали на славу, показання були точнісінько у «десятку». Оскільки значна їхня частина не стосується предмету нашого дослідження, ми не будемо зупинятися на них. Зазначимо лише, що одним з головних «ворожих» актів, що здійснив Успенський, Кисельов назвав вказівки начальника Особливого відділу НКВС КОВО Гречухіна у липні–серпні 1938 р. «про проведення масових безпідставних арештів військовослужбовців, демобілізованих з РСЧА за мотивами походження з місцевостей, що відійшли до іноземних держав (Бессарабія, Польща, Прибалтійські держави)»³²⁷.

Оскільки слідство ще тільки формувало персональний склад учасників нової «організації», характерним був акцент на особистості Гречухіна — попередника Кисельова в Одесі й колишнього шефа особистів, які тепер вели справу Кисельова. Кисельов писав: «Крім Успенського, мені більше ніхто не відомий зі складу к-р троцькістської організації... Мені лише відомі особи, які перебували у близькому взаємозв'язку з Успенським. Такими я вважаю Гречухіна, Яралянца і Вяткіна, які працювали з ним у Сибіру і після переїзду сюди Успенського прибули також на Україну»³²⁸. Мабуть, свідчення Кисельова відіграли свою роль в арешті 3 грудня 1938 р. Гречухіна.

З матеріалів справи неможливо встановити, скільки часу Кисельов перебував під слідством у Києві, але у січні 1939 р. він вже був у Москві, де слідство продовжили у Слідчій частині НКВС СРСР. Там він проходив обвинуваченим у груповій справі разом з іншими учасниками «антирадянської змовницької організації в НКВС УРСР»³²⁹. На початку лютого 1939 р. у слідстві трапився збій. У протоколах допитів Кисельова та його очної ставки з Яралянцем від 8 лютого зафіксована відмова Кисельова від усіх своїх попередніх показань³³⁰.

У подальшому слідство «ламало» його за допомогою показань інших «змовників». На допиті у ніч з 9 на 10 лютого старший слідчий Слідчої частини НКВС СРСР Воронович зачитав Кисельову цитати із показань Г. Вяткіна, О. Яралянца та інших осіб, які його викривали як активного

³²⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 1, арк. 53.

³²⁷ Там само, арк. 59–60.

³²⁸ Там само, арк. 61.

³²⁹ Там само, арк. 26.

³³⁰ Там само, арк. 121–123 зв., 124–128.

учасника «антирадянської змовницької організації, що діяла в НКВС УРСР». Однак Кисельов їхні показання не підтвердив³³¹.

У контексті нашої теми цікаві показання Г. Вяткіна від 30 листопада 1938 р.: «...Колишній мій заступник, який працює зараз нач[альником] особливого відділу Одеської армійської групи, Лук'янов, перебуваючи у мене 17-го листопада³³², розповідав мені, що при розгляді справ Військовою колегією в Одесі у вересні 1938 р. всі заарештовані обласного Управління відмовились від своїх свідчень, які дали на слідстві. Справа могла б закінчитися великим скандалом, як каже Лук'янов, але Кисельов влаштував працівників Військової колегії у кращих номерах готелю, надав майже не кожному з них в особисте розпорядження машини «ЗІС»³³³, для чого мобілізував машини у місті, забезпечив їх комфортом, і тому справи вдалось сяк-так протягнути»³³⁴. Це був прямий вихід слідства на факти порушень законності з боку начальника УНКВС та його підлеглих. Однак, разом з ними у цьому «кіно» знялись працівники Військової колегії, тієї самої Військової колегії, яка без проблем засуджувала різних «змовників», але чомусь не змогла засудити житомирських «порушників соцзаконності» за наявності більш ніж переконливої доказової бази.

11 лютого 1939 р. Кисельову було повідомлено про закінчення слідства в його справі і пред'явлені матеріали слідства³³⁵. 13 лютого начальник Слідчої частини НКВС СРСР Б. Кобулов затвердив обвинувальний висновок, згідно з яким Кисельов відмовився від наданих ним раніше показань, але викривається показаннями інших «учасників антирадянської змовницької організації» і очною ставкою з О. Яралянцем у злочинах, передбачених ст. ст. 58–1 п. «а», 58–8 і 58–11 КК РРФСР. 17 лютого обвинувальний висновок затвердив і заступник Прокурора СРСР Г. Рогинський³³⁶. 22 лютого 1939 р. Військова колегія Верховного суду СРСР засудила Кисельова до ВМП і він був розстріляний (довідка про розстріл датована 23 лютого)³³⁷. Водночас з Кисельовим були засуджені Військовою колегією та розстріляні інші «змовники» — Г. Вяткін, Д. Гречухін, О. Яралянець.

Таким чином, дві ниточки від колишніх керівників УНКВС по Одеській області Гречухіна і Кисельова, що зв'язували їх з діями своїх підлеглих у період з кінця лютого до листопада 1938 р., були відрізані одним рухом. З точки зору інтересів майбутнього розслідування, це було втрачено важливих учасників і свідків злочинів, скоєних співробітниками УНКВС. Однак, залишався ще один прихований резерв — нарком-втікач

³³¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 1, арк. 129–137 зв.

³³² Помилка у даті. Мабуть — 7 листопада. 16 листопада 1938 р. Г. Вяткін вже був заарештований.

³³³ Йдеться про представницький легковий автомобіль ЗІС-101 на сімь місць.

³³⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 1, арк. 143–144.

³³⁵ Там само, арк. 149.

³³⁶ Там само, арк. 150–152.

³³⁷ Там само, арк. 156–157.

Успенський, якого заарештували 15 квітня 1939 р., і який дав згодом показання, що відіграли певну роль у справі В. Калюжного. Про це йти-меться далі.

Паралельно зі слідством у справах Д. Гречухіна і П. Кисельова у Москві в УНКВС по Одеській області і в апараті ОСУ НКВС УРСР у лютому 1939 р. проводили службове розслідування, під час якого співробітники УНКВС давали пояснення з різних питань своєї діяльності й поведінки. Так, начальник 2-го відділення 2-го відділу УДБ УНКВС М. Тягін 10 лютого 1939 р. написав пояснення на ім'я начальника УНКВС О. Старовойта³³⁸, а потім, 10 березня 1939 р.— власноручні свідчення особливоуповноваженому НКВС УРСР О. Твердохлебенку³³⁹. 17 і 20 березня 1939 р. йому довелося дати додаткові пояснення ще й в.о. особливоуповноваженого УНКВС І. Баранюку, переважно, за фактами його неетичної поведінки у побуті, пов'язаними з порушеннями правил чекістської конспірації³⁴⁰.

29 березня 1939 р. І. Баранюк і О. Старовойт підписали постанову, згідно з якою М. Тягіна належало «піддати арешту і притягнути як обвинуваченого за ст. 54–1 п. «а» КК УРСР»³⁴¹. Ймовірно, НКВС УРСР тоді не санкціонував його арешт. У квітні 1939 р. Баранюк продовжив своє розслідування. Про його результати він поінформував 13 і 16 квітня на закритих партзборах членів партгрупи 2-го відділу УДБ УНКВС. Після тривалих дискусій на останніх зборах було прийнято рішення про виключення Тягіна з кандидатів у члени ВКП(б)³⁴². Через три дні це рішення підтвердило партбюро УДБ УНКВС³⁴³. Того ж дня у Києві, в НКВС УРСР, був виписаний ордер на арешт Тягіна³⁴⁴.

19 квітня 1939 р. почався другий етап слідства в одеських справах. На підставі матеріалів, зібраних апаратом ОСУ НКВС УРСР, була заарештована група колишніх керівників УНКВС середньої ланки. Це були представники двох ключових оперативних відділів УДБ УНКВС: колишнього 4-го, що став 2-м (секретно-політичного), і 3-го (контррозвідального). Спочатку слідство проводилось у рамках справи № 147025 стосовно колишнього начальника 4-го відділу В. Калюжного, начальника 3-го відділу Й. Рибаківа, вже згаданого М. Тягіна і начальника 7-го (5-го) відділення 3-го відділу Ф. Орловського-Гороховського.

У постанові НКВС УРСР про арешт В. Калюжного від 19 квітня 1939 р. зазначено, що упродовж лютого—червня 1938 р. відділ УНКВС, який очолював Калюжний, проводив «безпідставні арешти, траплялося створення неіснуючих різних контрреволюційних організацій, особливо,

³³⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 31–43.

³³⁹ Там само, т. 1, арк. 22–30.

³⁴⁰ Там само, т. 2, арк. 57–59; т. 1, арк. 44–50.

³⁴¹ Там само, т. 2, арк. 4–6.

³⁴² Там само, т. 2, арк. 163.

³⁴³ Там само, т. 2, арк. 174.

³⁴⁴ Там само, т. 1, арк. 5.

за колишніми антирадянськими партіями (есери, бундівці, сіоністи). Калюжний довів контрольну цифру арештів 2000 осіб, особисто давав вказівки будь-якими методами добиватися організаційного зв'язку між заарештованими...»³⁴⁵. У постанові апарату ОСУ НКВС УРСР про початок попереднього слідства від 19 квітня 1939 р. ці та інші його дії кваліфікували як злочин, передбачений ст. 206–17 п. «б» КК УРСР³⁴⁶.

В постановах за тією ж датою М. Тягіну інкриміновано розголошення методів роботи органів НКВС, створення й фабрикацію штучних контрреволюційних організацій і слідчих матеріалів³⁴⁷. Й. Рибаків звинувачений у тому, що «брав участь у створенні штучних контрреволюційних організацій, займався фальсифікацією в оперативно-слідчій роботі і розголошував секретні дані про роботу органів НКВС»³⁴⁸. Ф. Орловський-Гороховський підлягав арешту «за провокаційні методи ведення слідства, в результаті яких була створена контрреволюційна повстанська партизанська організація, за фабрикацію слідчих матеріалів»³⁴⁹. В усіх випадках йшлося про відповідальність за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР.

3 травня 1939 р. справу прийняв до свого провадження і розпочав слідство старший слідчий Слідчої частини НКВС УРСР С. Кожевніков³⁵⁰. Справа перебувала на контролі керівництва НКВС УРСР. Так, на протоколі допиту Й. Рибаків від 19 травня 1939 р. є резолюція А. Кобулова, адресована заступникові начальника Слідчої частини НКВС УРСР М. Казіну: «*т. Казін. Рибаків недоговорює про всі злочинні неподобства по Одесі. Викриває його документами і слідство ведіть інтенсивніше (Минув місяць від дня арешту, а результати незначні). А. Кобулов. 23/V-39 р.*»³⁵¹.

Однак і надалі слідство зіштовхувалось із проблемами. Відбувалися неодноразові зміни у складі обвинувачених і переформатування матеріалів слідства. 13 червня 1939 р. як обвинуваченого було долучено колишнього т.в.о. заступника начальника 3-го відділу Б. Раєва³⁵². Тоді ж до справи «підтягнули» і колишнього т.в.о. начальника 3-го відділу О. Шнайдера, заарештованого 28 вересня 1938 р. у Москві як «змовника» і «шпигуна» (ст. ст. 58–1 п. «а» і 58–11 КК РРФСР)³⁵³. Як зазначалося у постанові

³⁴⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 1, арк. 2–3.

³⁴⁶ Там само, арк. 8.

³⁴⁷ Там само, арк. 2.

³⁴⁸ Там само, арк. 1.

³⁴⁹ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 5.

³⁵⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 28299, т. 1, арк. 1, спр. 38580, т. 1, арк. 1.

³⁵¹ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 140.

³⁵² Постанова про обрання запобіжного заходу і ордер на арешт датовані 13 червня, протоколи особистого обшуку і обшуку за місцем проживання — 21 червня, анкета заарештованого — 26 червня, санкція військового прокурора на арешт і постановва Слідчої частини НКВС УРСР про притягнення як обвинуваченого за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР — 28 червня 1939 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 1, арк. 15, 16, 17–17 зв., 18–18 зв., 24–24 зв., 25).

³⁵³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 1, арк. 29, 30, 38, 39.

Слідчої частини НКВС УРСР від 14 червня 1939 р., слідство у Києві встановило, що Шнайдер проводив злочинну діяльність спільно з Рибаківим та іншими особами, які проходять у справі № 147025³⁵⁴. Тому і обвинувачення його 29 червня 1939 р. було перекваліфіковано на ст. 206–17 п. «б» КК УРСР³⁵⁵.

22 червня 1939 р. був заарештований т.в.о. начальника Економічного відділу УДБ УНКВС Я. Зіслін, колишній начальник 3-го відділення, а потім в.о. помічника начальника 3-го відділу УДБ УНКВС, який у 1938 р. очолював слідчу групу, що працювала в Одеському центральному арештному домі³⁵⁶. Спочатку стосовно нього велася окрема слідча справа № 147052.

Так було сформовано коло співробітників УНКВС по Одеській області, так би мовити, першого скликання, яких звинуватили у «порушенні соцзаконності». Згідно з постановою Слідчої частини НКВС УРСР від 28 червня 1939 р. у процесі слідства жодного зв'язку у злочинній діяльності Калюжного і Тягіна з іншими обвинуваченими не було встановлено, тому матеріали стосовно перших двох були виділені в окреме провадження³⁵⁷. Проте згідно з постановою Слідчої частини від 5 липня 1939 р. «у зв'язку з тим, що стосовно Калюжного В.П. надійшли додаткові матеріали про його к-р діяльність спільно з іншими особами, слідство на яких веде Особливоуповноважений НКВС УРСР», матеріали слідства стосовно Калюжного були виокремлені зі справи № 147025 і направлені особливоуповноваженому НКВС УРСР³⁵⁸.

Такий хід подій мав ключове значення для подальшої долі Тягіна. Його роль як «порушника соцзаконності» зменшилась до простого виконавця злочинних вказівок керівництва (Калюжного³⁵⁹). Дроблення матеріалів єдиної справи по 2-му і 3-му відділах УДБ на окремі фрагменти і подальше ведення слідства різними структурними підрозділами НКВС УРСР призвело до звуження доказової бази слідства у викритті системних злочинів, скоєних співробітниками УНКВС у роки Великого терору.

З іншого боку, це дало можливість Слідчій частині НКВС УРСР досить швидко закінчити попереднє слідство у справі М. Тягіна і передати його до рук правосуддя. Проведеними впродовж двох місяців слідчими

³⁵⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 1, арк. 28.

³⁵⁵ Там само, т. 1, арк. 42.

³⁵⁶ Там само, т. 3, арк. 3.

³⁵⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 1, арк. 28, спр. 68252, т. 1, арк. 43. У подальшому нові справи, але, вже стосовно кожного обвинуваченого окремо були зареєстровані у 1-му спецвідділі НКВС УРСР під № 147060 (справа В. Калюжного) і № 147061 (справа М. Тягіна).

³⁵⁸ Там само, арк. 21.

³⁵⁹ До справи М. Тягіна долучені три примірники протоколу допиту В. Калюжного від 3 травня, по одному примірнику протоколів допиту від 15 травня, 15 червня (з двох частин) і 17 червня (з двох частин) 1939 р. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 111–115, 116–120, 121–124, 125–130, 131–136, 137–145, 146–150, 151–156).

діями було встановлено, що Тягін «за вказівкою Калюжного складав фіктивні довідки на арешт, допускаючи, таким чином, безпідставні арешти окремих осіб, а також, зловживаючи своїм службовим становищем, підтримував зв'язок з дружинами репресованих, примушуючи їх до співжиття». С. Кожевніков вбачав відсутність у цьому злочині ознак ст. 206–17 п. «б», і 7 липня 1939 р. обвинувачення стосовно Тягіна було перекваліфіковано на ст. 206–17 п. «а» КК УРСР³⁶⁰. 12 липня 1939 р. обвинувальний висновок затвердив А. Кобулов, а 4 серпня 1939 р.— Військова прокуратура³⁶¹.

Однак відчуття незавершеності і квапливості, проявлених при цьому, посилюється матеріалами судового слідства 24–25 серпня 1939 р. і, особливо, вироком, ухваленим Військовим трибуналом військ НКВС Одеської області (7 років позбавлення волі у ВТТ). Військовий трибунал військ НКВС Київського округу у своїй ухвалі від 27 вересня 1939 р. вказав на м'якість міри покарання і на те, що не скасовує вирок лише через недоцільність проведення повторного судового засідання. Цим була визнана фактична недосліджуваність справи Тягіна. В інших подібних випадках Військова колегія Верховного суду СРСР і військові трибунали повертали справи до органів НКВС на дослідження зі стадії попереднього слідства. Вірогідно, лише «пікантність» справи Тягіна не викликала бажання у військових юристів продовжувати корпатися в чужій «брудній білизні».

Наприкінці червня 1939 р. у слідстві стосовно колишніх спільників Тягіна виникли певні труднощі, і матеріали справи розділили на три частини. 28 червня Слідча частина НКВС УРСР прийняла дві постанови. Згідно з першою, як вже було зазначено, матеріали стосовно Калюжного і Тягіна були виділені в окреме провадження. У другій постанові йшлося про те, що стосовно Зісліна необхідно провести ще низку слідчих заходів, а Орловський-Гороховський у зв'язку зі хворобою перебував на лікуванні у тюремній лікарні, що унеможливило проведення слідства. Тому матеріали стосовно Орловського-Гороховського і Зісліна вирішили також виділити в окреме провадження. Інші обвинувачені (Шнайдер, Рібаков, Раєв), на думку слідчих, у злочинній діяльності були «повністю викриті й справа стосовно них може бути слідством закінчена»³⁶².

Ситуацію дещо спростив хворобливий стан Ф. Орловського-Гороховського. 17 липня 1939 р. А. Кобулов затвердив постанову про тимчасове припинення слідства стосовно нього і передачі слідчої справи № 147064 на тимчасове зберігання в архів 1-го спецвідділу НКВС УРСР³⁶³. Це призвело до того, що другим після М. Тягіна на «фінішну пряму» був виведений останній із заарештованих першої хвилі — Я. Зіслін. 15 липня

³⁶⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 18.

³⁶¹ Там само, арк. 331–334.

³⁶² Там само, арк. 44.

³⁶³ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 204–205.

1939 р. НКВС УРСР затвердив обвинувальний висновок в його справі³⁶⁴, а 5 серпня Військова прокуратура прийняла рішення про віддання його під суд Військового трибуналу³⁶⁵. 11 серпня Військовий трибунал військ НКВС Київського округу ухвалив прийняти справу до свого провадження³⁶⁶. Засідання виїзної сесії трибуналу в Одесі було призначено на 26 серпня³⁶⁷, наступного дня після завершення судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Одеської області у справі М. Тягіна.

Насправді ж засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу розпочалося навіть на день раніше, о 10 год. 50 хв. 25 серпня 1939 р., коли Військовий трибунал військ НКВС Одеської області в іншому приміщенні слухав останнє слово підсудного М. Тягіна. При цьому головуєчий на судовому процесі у справі Тягіна військовий юрист 3-го рангу Фомічов виступав у ролі Фігаро, перебуваючи одночасно і членом другого трибуналу. До цього слід додати, що головуєчий на другому судовому засіданні військовий юрист 1-го рангу Я. Васютинський у липні–серпні 1939 р. багато часу займався справами 13-ти колишніх співробітників УНКВС по Житомирській області і ще за три дні до засідання у справі Зісліна оголошував вирок за однією зі справ у Житомирі і, мабуть, просто фізично не мав можливості заглиблюватися у зміст справи Зісліна. Нічого доброго з цієї метушні не вийшло.

Підсумок справи Тягіна був сплюндрованим, і це визнав сам Васютинський, а у справі Зісліна вже через п'ять годин після початку засідання (о 15 год. 43 хв.) він змушений був заявити про відкладення слухання справи і направлення її на дослідження³⁶⁸. Поза всяким сумнівом, це була скандальна ситуація. У нашому розпорядженні немає архівних документів органів суду і прокуратури, які б дали додаткову інформацію з цього питання. Однак швидкість, з якою діяли слідчі НКВС УРСР, військові прокурори і керівництво військових трибуналів у справах Тягіна і Зісліна, виявилася невинуватою перевищеною.

З погляду нашого дослідження важливою особливістю цих двох судових засідань була присутність на них оперативних працівників УДБ УНКВС. Вони на власні очі побачили, на чому будувалися обвинувачення на адресу їхніх колишніх колег, стратегії захисту підсудних, поведінку свідків, реакцію на це членів трибуналу. Це був корисний досвід для тих співробітників УНКВС, які з часом також опинилися у ролі обвинувачених, а потім і підсудних.

Ці дві обставини — сплюндровані перші два судових засідання у справах співробітників УНКВС і те, що це трапилось на очах їхніх колег, — визначили той факт, що «дисциплінування» особового складу УНКВС по Одеській області у 1939 р. було провальним на тлі того ж УНКВС по

³⁶⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 3, арк. 166–169. У документі справа помилково фігурувала також під № 147058.

³⁶⁵ Там само, арк. 171.

³⁶⁶ Там само, арк. 175.

³⁶⁷ Там само, арк. 178.

³⁶⁸ Там само, арк. 185 зв.

Житомирській області. Ці два дні серпня (24 і 25) 1939 р. не «струсонули» УНКВС. Засуджений до семи років ВТТ «п'яниця» і «дебошир» М. Тягін і так був притчею у всіх на вустах в Управлінні, а зі справи Я. Зісліна вийшов пустий звук. Військовий трибунал, яким раптом почали лякати співробітників УНКВС, зблизька виявився не таким вже й страшним. Ці співробітники більшу небезпеку, як і раніше, вбачали в обвинуваченні в «зв'язках» із колишніми керівниками УНКВС Розановим, Гришиним-Клювгантом, Гречухіним, Кисельовим, ніж в «надуманих» обвинуваченнях в «порушеннях соцзаконності», тобто у тому, чим з відома керівництва всіх рівнів тотально займались майже усі оперативні співробітники.

Виправляючи свій промах, Військовий трибунал військ НКВС Київського округу 26 серпня ухвалив повернути справу Зісліна до Військової прокуратури військ НКВС Київського округу, звідки вона транзитом прослідувала до Слідчої частини НКВС УРСР для дослідвання і об'єднання зі справою Шнайдера, Рибакова і Раєва. В НКВС на це фіаско відреагували концентрацією слідства в руках одного слідчого. Справу О. Шнайдера та його подільників забрали у С. Кожевнікова, і об'єднану справу 11 вересня 1939 р. прийняв до свого провадження Л. Ківман³⁶⁹.

Однак і подальше слідство відбувалося з не меншими поневірваннями. Згідно з висновком лікаря-психіатра від 21 вересня 1939 р. Й. Рибаків підлягав «стаціонарній перевірці» у судово-експертному відділенні Київської психіатричної лікарні ім. академіка І. П. Павлова (де з липня 1939 р. вже перебував Ф. Орловський-Гороховський). Постановою Слідчої частини від 4 жовтня 1939 р. матеріали стосовно Рибакова були виділені в окреме провадження, а слідство призупинено³⁷⁰.

Зосередившись на трьох обвинувачених (за ст. 206–17 п. «а»), слідчі знову дуже швидко подали керівництву обвинувальний висновок стосовно них. Заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлінський затвердив його 7 жовтня 1939 р., а помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу Хачатурян — 15 жовтня³⁷¹. Військовий трибунал не став гальмувати процес і 27 жовтня прийняв справу до свого провадження, призначивши її слухання в Одесі на 31 жовтня³⁷². За два дні до визначеної дати трибунал переніс своє засідання, а справу відправив для ознайомлення голові Військового трибуналу військ НКВС Одеської області Фомічову.

Пауза тривала два тижні й судові засідання відбулося 13–14 листопада 1939 р. тепер вже у закритому режимі. Засідання завершилось тим, що О. Шнайдер і Б. Раєв були засуджені до 8-ми років позбавлення волі у ВТТ кожен, а Я. Зіслін — до 6-ти років³⁷³. 3 грудня 1939 р. справу

³⁶⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 3, арк. 189–189 зв., 191, 192.

³⁷⁰ Там само, арк. 193.

³⁷¹ Там само, арк. 210–216.

³⁷² Там само, арк. 235.

³⁷³ Там само, арк. 284.

відправили до Військової колегії Верховного суду СРСР. Там її розгляд проходив з урахуванням протесту, винесеного Прокурором СРСР щодо м'якості вироку і недосліджуваності справи. Внаслідок чого Військова колегія 17 квітня 1940 р. вирок скасувала, а справу вирішила повернути на досліджування зі стадії попереднього слідства³⁷⁴.

Паралельно в апараті ОСУ НКВС УРСР своїм тернистим шляхом про-сувалося слідство у справі В. Калюжного. 26 серпня 1939 р. там дійшли висновку, що «матеріалами слідства доведена провина Калюжного за ст. ст. 54–1 п. «б», 54–7, 54–11 КК УРСР», і тому обвинувачення йому перекваліфікували зі ст. 206–17 п. «б» на вищезазначені статті³⁷⁵. Свою роль в цьому відіграли свідчення заарештованих заступника наркома внутрішніх справ УРСР О. Яралянца від 11–13 грудня 1938 р. і наркома-втікача О. Успенського від 23 липня 1939 р. щодо участі В. Калюжного в «антирадянській змові», спільна робота Калюжного зі «змовником» Д. Гречухіним в Одесі, переведення його на роботу до центрального апарату НКВС УРСР і очевидна прихильність до нього Успенського, а також спроби колишнього начальника УНКВС по Харківській області, першого секретаря Одеського обкому і міськкому КП(б)У Г. Телешева добитися призначення Калюжного другим секретарем обкому, на що ЦК КП(б)У згоди не дав.

Однак відпрацювання слідством змовницької версії поступово зійшло нанівець. У справі Калюжного з'явилися документи, що безпосередньо стосувалися його службової діяльності, зокрема, протоколи очних ставок з колишніми підлеглими, у тому числі із засудженим М. Тягіним³⁷⁶. Слідство, яке вів колишній особливоуповноважений НКВС УРСР, що став начальником 1-го відділу Економічного управління (ЕКУ) НКВС УРСР, О. Твердохлебенко, в цей час вже безнадійно відставало.

У середині жовтня 1939 р. урвався терпечь у Військової прокуратури військ НКВС Київського округу. У вказівках для слідчого від 16 жовтня військовий юрист 1-го рангу Хачатурян поставив конкретні завдання, після виконання яких справу з обвинувальним висновком слід направити до Військової прокуратури³⁷⁷. Як і коли це було зроблено, зі справи не зрозуміло. Обвинувальний висновок, підготовлений і затверджений НКВС УРСР, у справі В. Калюжного відсутній. До того ж, у зв'язку з порушенням слідчим ст. 201 КПК УРСР (зокрема, обвинуваченому не був пред'явлений матеріал за результатами проведеного додаткового слідства), 10 грудня 1939 р. справу було повернуто до НКВС УРСР з вимогою «негайного виконання вищевикладеного» і повернення справи до прокуратури³⁷⁸.

³⁷⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 3, арк. 315–315 зв.

³⁷⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 1, арк. 25.

³⁷⁶ Там само, арк. 314–331, 332–348.

³⁷⁷ Там само, арк. 351–355.

³⁷⁸ Там само, арк. 356а.

Проте справу не повернули і попереднє слідство в НКВС УРСР тривало далі. 19 квітня 1940 р. О. Твердохлебенко, «з огляду на непідтвердження причетності обвинуваченого» до «антирадянської змовницької організації», ухвалив перекваліфікувати обвинувачення йому знову на ст. 206–17 п. «б» КК УРСР³⁷⁹. 28 квітня В. Калюжному, нарешті, були пред'явлені матеріали слідства і оголошено про направлення справи до прокуратури³⁸⁰.

У справі В. Калюжного поступово набралось багато різних матеріалів і з'явилися нові фігуранти. Ознайомившись з матеріалами, військові прокурори, на відміну від співробітників НКВС УРСР, на початку червня 1940 р. дійшли висновку, що разом з В. Калюжним протиправні дії в УНКВС здійснили п'ять колишніх начальників відділень 4-го відділу — Ю. Абрамович, В. Мошковський, М. Цирульницький, Д. Кордун, Я. Берензон, три колишні оперуповноважені цього відділу — А. Гнесін, Х. Зарайський, М. Мазур і колишній в.о. заступника начальника УНКВС С. Гапонов. Тому Військова прокуратура прийняла рішення про виокремлення матеріалу про них зі слідчої справи В. Калюжного і направлення цього матеріалу до Слідчої частини НКВС УРСР для проведення попереднього слідства³⁸¹. Про те як воно відбувалося — далі.

10 липня 1940 р. помічник військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Барінов склав обвинувальний акт стосовно В. Калюжного. Акт закінчувався таким висновком: «...Справа підлягає розгляду у Військовому трибуналі військ НКВС Українського округу»³⁸². Проте керівництво не погодилося з цією думкою і 13 липня 1940 р. справу відправили до Москви, у Головну військову прокуратуру. Там заступник головного військового прокурора М. Афанасьєв 31 липня затвердив обвинувальний висновок, згідно з яким справа підлягала направленню до Військової колегії Верховного суду СРСР³⁸³.

А Військова колегія на підготовчому засіданні 12 серпня підтримала думку прокурора М. Барінова щодо необхідності розгляду справи у Військовому трибуналі³⁸⁴, тобто з проведенням повноцінного судового засідання. У підсумку ж підготовчого засідання Військового трибуналу 20 серпня 1940 р. було прийняте рішення про повернення справи до Військової прокуратури для об'єднання зі справою зазначених вище колишніх фігурантів у справі Калюжного (С. Гапонова та ін.)³⁸⁵.

³⁷⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 1, арк. 364.

³⁸⁰ Там само, т. 2, арк. 401.

³⁸¹ Там само, т. 3, арк. 176–177. У справі В. Калюжного є завірена копія відповідної постанови Військової прокуратури від 5–7 червня 1939 р., а оригінал документа долучений до справи С. Гапонова та інших осіб. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 1, арк. 1–1а). У тексті постанови прізвище В. Мошковського помилково написано через «а» — Машковський.

³⁸² Там само, т. 3, арк. 187.

³⁸³ Там само, т. 3, арк. 189–192.

³⁸⁴ Там само, т. 3, арк. 195.

³⁸⁵ Там само, т. 3, арк. 196.

І це рішення було логічним. Обвинувачені перекладали провину один на одного і знаходили все нові виправдовування своїм діям. Як свідчила практика проведення комплексних судових засідань (наприклад, у справах співробітників НКВС МАРСР та УНКВС по Житомирській області), опинившись віч-на-віч, підсудні давали Трибуналу достатню інформацію для визначення ступеня провини кожного з них. Однак, у випадку з одеськими справами було втрачено забагато часу, слідство в них від самого початку відбувалося аби як і з різною швидкістю стосовно обвинувачених. Три судові засідання двох військових трибуналів в Одесі в 1939 р. (у справах М. Тягіна, Я. Зісліна, а потім О. Шнайдера, Б. Раєва і Я. Зісліна) проблем для всіх, хто був причетний до їх проведення, створили більше, ніж розв'язали. І кінця-краю цьому не було видно.

Військова прокуратура, таким чином, опинилась між трьох вогнів. З одного боку, виходячи з попереднього досвіду, не було жодної надії на допомогу НКВС УРСР у достатньому дослідженні справи Калюжного та інших осіб. З іншого боку, Військовий трибунал тричі «проколовся» на одеських справах і хотів мати гарантії неповторення подібного надалі. І, нарешті, керівні інстанції у Москві відверто прагнули, щоб питання було вирішене на місцевому рівні. Про це свідчила ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР від 22 листопада 1940 р., згідно з якою підтримано Військову прокуратуру, і справу В. Калюжного належало передати до Військового трибуналу для розгляду на судовому засіданні³⁸⁶.

Суд відбувся 23–26 грудня 1940 р. і закінчився тим, що Військовий трибунал військ НКВС Київського округу засудив В. Калюжного до розстрілу³⁸⁷. У справі відсутня ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР про затвердження вироку або зміну міри покарання засудженому. Проте є довідкова інформація від 8 березня 1956 р., що розстріл В. Калюжному був замінений на 10 років позбавлення волі у ВТТ³⁸⁸.

Серед матеріалів слідчої справи на С. Гапонова та інших колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області є завірена копія з копії ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР від 14 лютого 1941 р. (документ № 30), згідно з якою висновки органів слідства і трибуналу щодо одного з пунктів обвинувачення В. Калюжного були зроблені без достатніх на те підстав. Враховуючи це і не вбачаючи потреби у застосуванні до Калюжного вищої міри покарання — розстрілу, Військова колегія вирішила застосувати до нього дію ст. 46 КК УРСР і замінила міру покарання позбавленням волі у ВТТ терміном на 10 років³⁸⁹. Станом на 22 квітня 1943 р. Калюжний відбував покарання у Новосибірському відділенні Сибірського ВТТ НКВС СРСР³⁹⁰.

³⁸⁶ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 3, арк. 198–198 зв.

³⁸⁷ Там само, арк. 273–275.

³⁸⁸ Там само, арк. 285 зв.

³⁸⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 108–108 зв.

³⁹⁰ Там само, арк. 107.

Промовистим фактом є наявність в архівній кримінальній справі стосовно розстріляного начальника УНКВС П. Кисельова протоколу допиту В. Калюжного від 14 липня 1959 р., в якому написано, що судимість з останнього була знята³⁹¹. Але це не означало його повну реабілітацію. У довідці Реабілітаційного відділу Служби безпеки України від 5 червня 1997 р. зазначено, що «загальнокримінальні військові злочини Калюжний скоював не з політичних мотивів, а, як встановлено у суді, з кар'єристських міркувань, а тому він не підпадає під дію Закону «Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні» від 17 квітня 1991 року»³⁹².

Значення справи В. Калюжного було б вагомішим, якби поруч з ним на лаві підсудних опинились його колишні підлеглі. Під час судового засідання свідки С. Шпак та інші дали конкретні свідчення про жорстокі знущання над заарештованими працівників 4-го відділу Ю. Абрамовича, Я. Берензона, В. Мошковського та інших. Свідки звинувачували В. Калюжного у тому, що він знав про ці знущання і заохочував їх. Якби Ю. Абрамович і Я. Берензон брали участь у процесі хоча б як свідки, як, наприклад, А. Гнесін і В. Мошковський, їм би довелося виправдовуватися. І незалежно від того, яку б тактику вони обрали — все спростовували або все звалювали на керівництво, трибунал мав би більше інформації з цього питання.

Тим часом, у Слідчій частині НКВС УРСР багатостраждальну слідчу справу № 147025 стосовно О. Шнайдера, Б. Раєва і Я. Зісліна 28 травня 1940 р. прийняв до свого провадження старший слідчий Пузанов³⁹³. Наступного дня документально оформили повернення під слідство Ф. Орловського-Гороховського. Згідно з висновком комісії при судово-експертному відділенні Київської психіатричної лікарні ім. академіка І.П. Павлова від 16 травня 1940 р., «Орловський-Гороховський переніс патологічну реакцію і нині душевною хворобою не страждає»³⁹⁴. У висновку уточнювалося: «Особливості його поведінки мають бути зумовлені симуляцією. За власні дії відповідає»³⁹⁵. На цій підставі слідство стосовно нього підлягало продовженню, і слідчу справу № 147064 Пузанов також прийняв до свого провадження.

14 червня обидві справи знову передали слідчому Л. Ківману і об'єднали в одну під № 147025³⁹⁶. Згадали і про Рибаківа. Ще 28 квітня 1940 р. експертною психіатричною комісією він був визнаний здоровим і таким, що відповідає за власні дії³⁹⁷. Але лише 3 липня слідство в його справі

³⁹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 3, арк. 6.

³⁹² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 3, арк. 287.

³⁹³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 4, арк. 1.

³⁹⁴ Там само, арк. 2.

³⁹⁵ Там само, арк. 4.

³⁹⁶ Там само, арк. 5–7.

³⁹⁷ Там само, арк. 10.

було поновлено, матеріали долучені до справи стосовно його подільників і прийняті до провадження Л. Ківманом³⁹⁸.

Однак знову виникли проблеми з Орловським-Гороховським. Згідно з висновком судово-експертної психіатричної комісії від 24 липня 1940 р. його поведінка «повинна розцінюватися як повторна патологічна реакція з елементами довільних цільових дій, що виникла у Орловського через його переведення до тюрми і очікування покарання». Комісія вважала, що «внаслідок описаного стану, Орловського судити не можна»³⁹⁹. Постановою Слідчої частини НКВС УРСР від 24 липня 1940 р. матеріали стосовно нього знову були виділені в окреме провадження (слідча справа № 147064) і здані на зберігання до 1-го спецвідділу НКВС УРСР, а його направили на лікування до згаданої лікарні⁴⁰⁰.

27 вересня 1940 р. заступник наркома внутрішніх справ УРСР І. Ткаченко затвердив постанову, згідно з якою у зв'язку з клопотанням дружини Ф. Орловського-Гороховського і для прискорення його лікування хворого належало перевести з Київської психіатричної лікарні ім. академіка І. П. Павлова до загального відділення Одеської психіатричної лікарні⁴⁰¹. 6 жовтня 1940 р. Орловський-Гороховський був туди доставлений. Водночас у 1-й спецвідділ УНКВС по Одеській області була направлена його слідча справа і дано вказівки «періодично спостерігати за перебігом хвороби обвинуваченого і залежно від отриманих актів лікарні, вирішити питання про прийняття справи до провадження»⁴⁰².

Спостереження закінчилось тим, що 20 травня 1941 р. начальник УНКДБ по Одеській області Л. Малінін (цю посаду він обіймав з 15 квітня до серпня 1941 р.) затвердив постанову, в якій зазначено, що впродовж дворічного перебування у психіатричній лікарні «обвинувачений Орловський-Гороховський піддавався неодноразовій експертизі консилиуму лікарів-спеціалістів, однак, жодних покращень у стані здоров'я його не помічено». За оцінкою комісії лікарів від 16 травня 1941 р., «перспектив для одужання його немає». Кримінальне переслідування обвинуваченого начебто стало недоцільним, і було вирішено слідство за його справою припинити⁴⁰³.

Далі своє слово сказала Військова прокуратура військ НКВС Київського округу. Згідно з її висновком від 2 червня 1941 р. Орловський-Гороховський на підставі висновків медиків підпадав під дію ст. 10 КК УРСР і, враховуючи те, що він «через скоєння ним соціально-небезпечних дій підлягає поміщенню до лікувального закладу для примусового

³⁹⁸ Там само, арк. 8.

³⁹⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 4, арк. 11–11 зв.

⁴⁰⁰ Там само, арк. 12–13.

⁴⁰¹ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 218–219.

⁴⁰² Там само, арк. 225.

⁴⁰³ Там само, арк. 251–252.

лікування з огляду ст. 23 КК УРСР, його слідчу справу було направлено на розгляд Військового трибуналу військ НКВС Київського округу⁴⁰⁴.

5 червня 1941 р. Військовий трибунал розглянув справу і ухвалив вирок: Ф. Орловського-Гороховського «піддати примусовому лікуванню, помістивши до медико-ізоляційної установи. Запобіжний захід залишити утримання під вартою»⁴⁰⁵. Військова прокуратура вважала, що вказівку про запобіжний захід не слід вносити до вироку, і 14 червня 1941 р. звернулась до трибуналу з пропозицією виключити це з вироку⁴⁰⁶, але чи був зроблений цей черговий акт гуманності стосовно Орловського з матеріалів справи встановити неможливо.

Наступні 10 років Ф. Орловський-Гороховський випав з поля зору колишніх колег. 31 травня 1951 р. він нагадав про себе, звернувшись до МДБ УРСР із заявою, в якій зазначив, що до серпня 1944 р. знаходився на лікуванні у психлікарні. Після цього ще двічі хворів і лікувався у Київській психіатричній лікарні ім. академіка І. П. Павлова до 25 травня 1951 р. Він просив видати йому довідку про роботу в органах держбезпеки (це було зроблено) і посприяти йому в оформленні пенсії за заслугою років або за станом здоров'я. У зв'язку з цим його слідчу справу направили до Слідчої частини МДБ УРСР для визначення, чи підлягає Ф. Орловський-Гороховський притягненню до кримінальної відповідальності за скоєні злочини. 30 червня 1951 р. Слідча частина дійшла висновку про недоцільність притягнення його до кримінальної відповідальності⁴⁰⁷. Відомості про те, як вирішили питання щодо пенсії в його архівних особовій і кримінальній справах відсутні.

Втративши, або, можливо, позбувшись на своєму тернистому шляху одного з обвинувачених, слідство стосовно інших його спільників швидко завершилось. 6 серпня 1940 р. заступник наркома внутрішніх справ УРСР М. Горлинський затвердив новий обвинувальний висновок, в якому разом зі Шнайдером, Раєвим і Зісліним, що пройшли вже перший суд, фігурував і Рибаків⁴⁰⁸. Але Військова прокуратура тепер не стала поспішати і 11 серпня повернула справу до Слідчої частини НКВС УРСР для дослідження, зазначивши, що слідчий Л. Ківман не виконав вказівки, які йому були дані помічником військового прокурора військ НКВС Київського округу Дворенком⁴⁰⁹. Між НКВС УРСР і Військовою прокуратурою виникла конфліктна ситуація. Щоправда це ніяк не позначилось на службовій кар'єрі того ж Л. Ківмана, який два місяці потому був підвищений у званні (22 жовтня 1940 р. став молодшим лейтенантом держбезпеки) і посаді (з 25 жовтня 1940 р. став старшим слідчим)⁴¹⁰.

⁴⁰⁴ Там само, арк. 253–254, 255.

⁴⁰⁵ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 257 зв.

⁴⁰⁶ Там само, арк. 261.

⁴⁰⁷ Там само, арк. 265–266.

⁴⁰⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 4, арк. 475–478.

⁴⁰⁹ Там само, арк. 480–481.

⁴¹⁰ ГДА СБУ, ф. 12, оп. 1, спр. 3640, арк. 1.

Новим сюжетним поворотом в цій історії стало розпорядження Слідчої частини ГУДБ НКВС СРСР про направлення справи до Москви у зв'язку з поданою Я. Зісліним скаргою до ЦК ВКП(б). У Москві справу вивчили, передопитали Зісліна і дійшли висновку, що «матеріалами слідчої справи він викритий у висунутому йому обвинуваченні»⁴¹¹. Після цього відправили справу і обвинуваченого назад до Києва.

Ці нескінченні зволікання у слідстві дуже набридли одній зацікавленій стороні. Продовжуючи до 18 січня 1941 р. термін слідства і тримання під вартою обвинувачених в.о. військового прокурора військ НКВС Київського округу М. Грезов зауважив новому начальнику Слідчої частини НКВС УРСР Сагіну: «Вважаю, що справа безпідставно затягнута слідством»⁴¹². З тексту супровідного листа можна зробити висновок, що свою думку М. Грезов довів до відома і заступника наркома внутрішніх справ УРСР І. Ткаченка.

Однак слідчі НКВС не виконали у повному обсязі ухвали Військової колегії Верховного суду СРСР від 17 квітня 1940 р., і Військова прокуратура військ НКВС Київського округу 24 січня 1941 р. прийняла справу до свого провадження⁴¹³. Два місяці потому, 23 березня 1941 р., Грезов затвердив обвинувальний акт у справі⁴¹⁴. Наступного дня справу направили до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу, який 29 березня прийняв її до свого провадження.

Судове засідання Військового трибуналу відбулось в Одесі з 7 до 10 квітня 1941 р. За його результатами Й. Рибаків і Я. Зісліні були засуджені до розстрілу, Б. Раєв — до 10 років позбавлення волі у ВТТ, а О. Шнайдер — до 6-ти років позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення⁴¹⁵. Військова колегія Верховного суду СРСР 23 травня 1941 р. підтвердила правильність вироку, а Президія Верховної Ради СРСР відхилила клопотання Рибаків і Зісліна про помилування (лівий верхній кут витягу з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 9/102 сс надірваний, і неможливо визначити дату документа, але, судячи з контексту, йдеться про кінець червня 1941 р.)⁴¹⁶. Здавалось би, правосуддя відбулось, і у справі поставлено крапку.

Не так сталося, як гадалося. Невизначеність навколо справи колишніх одеських контррозвідників нікуди не поділась. З матеріалів самої справи неможливо зрозуміти, що відбувалось далі. Довідок про виконання вироку чи про зміну міри покарання стосовно будь-кого із засуджених у справі немає. Документів, пов'язаних з переглядом справи у наступні роки, також немає.

⁴¹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68252, т. 4, арк. 491.

⁴¹² Там само, т. 5, арк. 5.

⁴¹³ Там само, т. 5, арк. 269.

⁴¹⁴ Там само, т. 5, арк. 306–311.

⁴¹⁵ Там само, т. 5, арк. 333–372 зв., 373–377 зв.

⁴¹⁶ Там само, арк. 389–389 зв., 390.

Проте в архівній кримінальній справі Ф. Орловського-Гороховського є довідки про те, що Я. Зісліну і Й. Рибаківу відповідно до постанови Президії Верховної Ради СРСР № 9/175 від 21 вересня 1941 р. вища міра покарання була замінена на 10 років позбавлення волі у ВТТ з відправкою на фронт⁴¹⁷. До архівної кримінальної справи начальника УНКВС П. Кисельова долучені власноручні свідчення мешканця Одеси Й. Рибаків (інших відомостей про себе він не написав) від 14 липня 1959 р.⁴¹⁸. Отже війну Й. Рибаків пережив.

Не менш загадковою є історія з покаранням і деяких інших співробітників УНКВС, які ще у грудні 1938 р. потрапили під око Військової прокуратури військ НКВС Одеської області як «порушники соцзаконності». До того ж іронія долі полягала у тому, що деякі обвинувачені долучались до «проскрипційних списків» завдяки зусиллям і майбутніх своїх співробітників.

Так, 19 червня 1939 р. заступник начальника Слідчої частини УНКВС по Одеській області Ю. Залкінд доповів начальнику УНКВС О. Старовойту про те, що під час розслідування у справі колишніх працівників обласної організації Осоавіахіма були «встановлені факти фальсифікації окремих документів» колишнім оперуповноваженим 6-го відділу М. Айзманом, «у провадженні якого ця справа перебувала у період її виникнення»⁴¹⁹. Складно сказати, чи керувало Залкіндом бажання зробити свій внесок у викриття «порушень законності» і заробити собі якісь дивіденди, чи він робив це згідно зі службовим обов'язком. Проте як ми побачимо далі, певну роль в його долі у найближчий час цей факт міг зіграти.

На початку серпня 1939 р. Військова прокуратура військ НКВС Одеської області завершила розслідування щодо фальсифікації співробітниками УНКВС слідчих справ на працівників обласної міліції і направила матеріали начальнику УНКВС О. Старовойту. Ознайомившись з цими матеріалами, він направив їх 10 серпня А. Кобулову, написавши, що вважає встановленим факт скоєння злочинів співробітниками УНКВС Шамісом, Макієвським і Гапоновим, яких, на його думку, слід було притягнути до судової відповідальності⁴²⁰.

Є. Макієвський до червня 1938 р. був оперуповноваженим, потім — т.в.о. начальника 6-го відділу, а з січня 1939 р. — 2-го відділу УДБ УНКВС. З березня до червня 1939 р. тимчасово виконував обов'язки заступника начальника УНКВС⁴²¹. Потім був звільнений з органів НКВС і не працював. 21 серпня 1939 р. А. Кобулов затвердив постанову Слідчої частини УДБ НКВС УРСР про арешт і притягнення його до кримінальної відповідальності за ст. 206–17 п. «а» КК УРСР за фальсифікацію слідчих справ,

⁴¹⁷ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 4, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 267–267 зв., 270–270 зв.

⁴¹⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 3, арк. 4–5.

⁴¹⁹ Там само, т. 4, арк. 1–2.

⁴²⁰ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 2, арк. 196–198.

⁴²¹ Там само, т. 1, арк. 36.

безпідставні арешти осіб, не причетних до контрреволюційної організації, і за застосування до заарештованих незаконних методів ведення слідства⁴²².

Аналогічну постанову того ж дня було підписано і стосовно М. Айзмана⁴²³. У 1937–1938 рр. він служив оперуповноваженим 5-го (Особливого), потім 6-го відділів УДБ УНКВС по Одеській області. Наприкінці 1938 р. був переведений до системи ГУТАБ НКВС СРСР і продовжив службу в Ягринському ВТТ у м. Молотовськ (нині — Северодвінськ) Архангельської області РРФСР. Про інших фігурантів, згаданих Старовойтом (Шаміса і Гапонова), поки що не йшлося.

7 вересня 1939 р. Військова прокуратура військ НКВС Одеської області санкціонувала арешт Макієвського, а також була отримана згода на це керівництва Одеського обкому КП(б)У. Заарештований Макієвський був поміщений до тюрми НКВС УРСР у Києві. 14 вересня санкціоновано арешт Айзмана, наступного дня його заарештували у Молотовську і 29 вересня доставили до Києва. Так почалося формування другого складу «порушників соцзаконності» в УНКВС, що був остаточно сформований у квітні 1940 р.

Слідство у справах Макієвського (№ 147082) і Айзмана (№ 147097) вів старший слідчий Слідчої частини НКВС УРСР М. Цигельман. 7 січня 1940 р. він ці справи об'єднав в одну (№ 147082)⁴²⁴. Виходячи з матеріалів слідства, обвинувачення у рамках ст. 207–16 було змінено Айзману з п. «а» на п. «б»⁴²⁵. А 10 січня те ж саме було зроблено і стосовно Макієвського⁴²⁶.

Паралельно в.о. особливоуповноваженого УНКВС по Одеській області І. Баранюк і військові прокурори проводили власні розслідування за фактами порушення законності іншими співробітниками УНКВС. Колишніх співробітників, стосовно яких з'явилися компрометуючі матеріали, спочатку допитували як свідків у справах раніше заарештованих колег, переважно, Макієвського і Айзмана. Одним з таких співробітників був Я. Шаміс. У 1936–1938 рр. він служив оперуповноваженим Миської тюрми і Тюремного відділення, потім — відділу місць ув'язнення (ВМУ) УНКВС по Одеській області, а з 1 квітня 1939 р. став в.о. начальника тюрми № 38 ВМУ УНКВС⁴²⁷. З червня 1938 р. він брав участь у слідстві, що проводилося у 6-му відділі УДБ УНКВС у справах працівників міліції і пожежної охорони, зокрема у побитті й знущаннях над заарештованими.

В.о. особливоуповноваженого УНКВС І. Баранюк допитував Я. Шаміса у викривальному тоні ще 1 червня 1939 р.⁴²⁸ і кілька разів пізніше. 9 червня

⁴²² Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 1, арк. 1–5.

⁴²³ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 1, арк. 17–21.

⁴²⁴ Там само, арк. 405.

⁴²⁵ Там само, арк. 410.

⁴²⁶ Там само, арк. 412–414.

⁴²⁷ Там само, т. 6, арк. 93.

⁴²⁸ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 3, арк. 14–17.

Шаміса допитував також слідчий С. Кожевніков у справі Ф. Орловського-Гороховського⁴²⁹. За довідкою, наданою І. Баранюком Одеському обкому КП(б)У, бюро обкому 21 липня 1939 р. ухвалило рішення звільнити Шаміса з органів НКВС, а матеріали про нього передати до слідчих органів і первинної парторганізації УНКВС⁴³⁰. Та вирішення цього питання затягнулось. Лише наказом по УНКВС № 868 від 6 вересня 1939 р. Я. Шаміс був усунений від виконання обов'язків начальника тюрми⁴³¹. Разом з тим пізніше кодифікатор УНКВС вважав наказ таким, що не видавали⁴³².

Проте з рукописним наказом Я. Шаміс був ознайомлений і почав активно захищати себе. Він апелював до ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У і керівництва НКВС УРСР, наполягаючи на своїй невинуватості. 21 вересня 1939 р. начальник УНКВС О. Старовойт, виконавши розпорядження наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова про додаткову перевірку звинувачень на адресу Я. Шаміса, доповів наркому, що вважає за потрібне заарештувати Шаміса і віддати його під суд Військового трибуналу⁴³³. Поки у Києві вирішували, І. Баранюк 25 вересня 1939 р. вкотре допитав Я. Шаміса як свідка⁴³⁴.

Зволікання зі справою Шаміса було пов'язане із затягуванням розгляду питання у партійному порядку. Первинна парторганізація тюрми, крім того, що була некомпетентною, так ще й продовжувала перебувати під впливом кандидата у члени партії Шаміса. 13 жовтня 1939 р. вона прийняла рішення про винесення йому суворої догани. Однак, бюро Кагановицького райкому КП(б)У 26 листопада 1939 р. скасувало це рішення і ухвалило Я. Шаміса з партії виключити⁴³⁵.

Спочатку швидше вирішилося питання стосовно Ю. Залкінда. Від 1937 р. він був інспектором відділення охорони ВМУ УНКВС, а з 1 вересня 1938 р. — оперуповноваженим тюрми № 38 ВМУ УНКВС. У червні 1938 р. його, як і Я. Шаміса, мобілізували для ведення слідства у 6-му відділі УДБ УНКВС. Від 1 грудня 1938 р. він вже офіційно оперуповноважений 6-го відділу, з 14 лютого 1939 р. — 2-го відділу, а з 1 квітня 1939 р. став в.о. помічника начальника 1-го відділення 2-го відділу УДБ УНКВС. 13 травня 1939 р. Ю. Залкінд досягнув вершини своєї службової кар'єри — його призначили заступником начальника Слідчої частини УНКВС⁴³⁶.

Згідно з висновком І. Баранюка від 25 червня 1939 р. за результатами проведеного ним розслідування, Залкінд підлягав звільненню з органів НКВС «за застосування фізичних засобів впливу під час допитів,

⁴²⁹ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 14081-п, арк. 175–178; 179–182.

⁴³⁰ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 3, арк. 82.

⁴³¹ Там само, арк. 116.

⁴³² Там само, т. 6, арк. 168.

⁴³³ Там само, арк. 394–399.

⁴³⁴ Там само, арк. 268–276.

⁴³⁵ Там само, т. 7, арк. 129.

⁴³⁶ Там само, арк. 430.

неправильних методів ведення слідства і за фальсифікацію слідчих справ»⁴³⁷. 2 липня він був звільнений з органів НКВС⁴³⁸ і надалі працював токарем на Одеському електромеханічному заводі кіноапаратури ім. Ф. Е. Дзержинського⁴³⁹. В УНКВС вважали, що зробили свою справу і про нього тимчасово забули.

Через деякий час матеріали стосовно Залкінда потрапили до Військової прокуратури, яка почала вживати заходів для дослідження його справи. 11 грудня 1939 р. військовий прокурор Військової прокуратури прикордонної і внутрішньої охорони військ НКВС по Одеській області П. Лехов допитав Ю. Залкінда як свідка у справах Макієвського і Айзмана, але поставив чимало гострих запитань і про діяльність самого Залкінда⁴⁴⁰.

10 січня 1940 р. Слідча частина НКВС УРСР виділила зі справи Макієвського і Айзмана матеріали стосовно Шаміса, Залкінда та інших співробітників УНКВС і направила їх для розслідування особливоуповноваженому НКВС УРСР⁴⁴¹. «Розвантаживши» справу від «побічних» матеріалів, Слідча частина досить швидко завершила слідство і 9 лютого 1940 р. заступник нарком внутрішніх справ УРСР М. Горлинський затвердив обвинувальний висновок у справі Є. Макієвського і М. Айзмана⁴⁴². Згідно з постановою помічника Військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ Київського округу М. Дворенка від 14 лютого справу відправили до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу⁴⁴³.

Однак Військовий трибунал 25 лютого 1940 р. вирішив у рамках цієї справи притягнути як обвинувачених за ст. 206–17 п. «б» КК УРСР також Залкінда і Шаміса та направив справу військовому прокурору для дослідження і об'єднання її зі справою Залкінда і Шаміса⁴⁴⁴. 27 лютого Військова прокуратура направила справу до НКВС УРСР для виконання. Далі відбулась якась затримка, і відповідно до постанови Слідчої частини НКВС УРСР від 25 березня 1940 р. справу Макієвського і Айзмана прийняв до свого провадження інший слідчий Слідчої частини — молодший лейтенант держбезпеки Лисиця⁴⁴⁵. Стосовно ж Залкінда і Шаміса жодної слідчої справи на той час навіть не було заведено і вони перебували на волі.

Отже, слідчим НКВС УРСР належало виправити своє помилкове рішення від 10 січня 1940 р., яке призвело до поспішності при завершенні попереднього слідства у справі Макієвського і Айзмана та зволікання у заведенні справи стосовно Залкінда і Шаміса. Знову доводиться

⁴³⁷ Там само, арк. 186–188.

⁴³⁸ Там само, арк. 430.

⁴³⁹ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 3, арк. 8.

⁴⁴⁰ Там само, т. 1, арк. 322–325, 326–328 зв.

⁴⁴¹ Там само, т. 1, арк. 409.

⁴⁴² Там само, т. 2, арк. 426–435.

⁴⁴³ Там само, т. 2, арк. 439, 440.

⁴⁴⁴ Там само, т. 2, арк. 441–441 зв.

⁴⁴⁵ Там само, арк. 411–411 зв.

констатувати, що слідство у центральному апараті НКВС УРСР у справах колишніх співробітників УНКВС по Одеській області, з одного боку — надмірно поспішало, а з іншого — даремно затягувало час.

Це дратувало працівників Військової прокуратури. На початку квітня 1940 р. помічник військового прокурора М. Дворенко відмовив Слідчастині у продовженні терміну утримання під вартою Макієвського і Айзмана, нагадавши співробітникам НКВС про необхідність терміново виконати ухвалу Військового трибуналу військ НКВС Київського округу від 25 лютого 1940 р. і не пізніше 15 квітня вислати справу до Військової прокуратури для подальшого направлення за підсудністю⁴⁴⁶. Встановлений прокуратурою термін було порушено.

Згаявши понад місяць, Слідча частина НКВС УРСР 7 квітня 1940 р. поспіхом подала на затвердження керівництву НКВС і Військової прокуратури постанову про арешт і притягнення до кримінальної відповідальності Я. Шаміса і Ю. Залкінда⁴⁴⁷. 9 і 17 квітня були виписані ордери на їхній арешт⁴⁴⁸. Слідчий Лисиця 15 квітня допитував Залкінда як свідка, а вже 19 квітня — як обвинуваченого⁴⁴⁹. Завершивши за півтора місяця попереднє слідство стосовно усіх чотирьох обвинувачених, Слідчастина направила справу до Військової прокуратури, звідки вона 29 травня 1940 р. надійшла до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу.

Проте 5 червня Військова прокуратура попросила повернути їй справу. Мабуть, це було пов'язано з тим, що до Слідчастини з апарату ОСУ НКВС УРСР надійшли нові матеріали стосовно Я. Шаміса, і вона їх направила до прокуратури для долучення до справи⁴⁵⁰. Помічник військового прокурора військ НКВС Українського округу М. Дворенко підготував новий обвинувальний акт від 15 червня 1940 р.⁴⁵¹ і наступного дня справу знову направили до Військового трибуналу. Того ж дня Військовий трибунал прийняв її до свого провадження⁴⁵².

Засідання Військового трибуналу відбулось в Одесі з 25 червня до 2 липня 1940 р. Унаслідок судового слідства члени трибуналу пом'якшили обвинувачення Я. Шамісу і Ю. Залкінду, перекваліфікувавши його з п. «б» на п. «а» ст. 206—17 КК УРСР. З урахуванням цього Є. Макієвський і М. Айзман були засуджені до розстрілу, а Я. Шаміс і Ю. Залкінд — до 10-ти і 8-ми років позбавлення волі у ВТТ відповідно⁴⁵³.

11 жовтня 1940 р. Військова колегія Верховного суду СРСР залишила у силі і без змін вирок стосовно Макієвського і Айзмана. Водночас вона задовольнила касаційний протест Головного військового прокурора

⁴⁴⁶ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 3, арк. 414.

⁴⁴⁷ Там само, арк. 2—2 зв.

⁴⁴⁸ Там само, арк. 5, 6.

⁴⁴⁹ Там само, арк. 136—138; 139—147.

⁴⁵⁰ Там само, т. 7, арк. 1а.

⁴⁵¹ Там само, арк. 482—487.

⁴⁵² Там само, арк. 495.

⁴⁵³ Там само, т. 6, арк. 187—191 зв.

РСЧА і Флоту і скасувала вирок стосовно Шаміса і Залкінда «через неправильну перекваліфікацію їхнього злочину і застосування покарання, що не відповідає скоєному ними злочину». Було вирішено справу стосовно Шаміса і Залкінда передати до того ж трибуналу для нового судового розгляду, але в іншому складі суду⁴⁵⁴. 29 жовтня 1940 р. Президія Верховної Ради СРСР задовольнила клопотання про помилування Є. Макієвського і М. Айзмана, замінивши їм вищу міру покарання 10-ма роками позбавлення волі у ВТТ⁴⁵⁵.

Повторне засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Я. Шаміса і Ю. Залкінда відбулось в Одесі 21–24 листопада 1940 р. Обвинувачення їм знову перекваліфікували з п. «а» на п. «б» ст. 206–17 КК УРСР. Трибунал засудив Шаміса до розстрілу, а Залкінда — до 10 років позбавлення волі у ВТТ⁴⁵⁶. Військова колегія Верховного суду СРСР 27 грудня 1940 р., з одного боку, підтвердила, що вирок відповідає матеріалам попереднього і судового слідства, але, з іншого, визнала за необхідне врахувати, що тяжкі наслідки злочинів, скоєних Шамісом, переважно є результатом провини інших осіб, яким Шаміс був підпорядкований, і тому замінила вищу міру покарання на позбавлення волі у ВТТ на 10 років⁴⁵⁷. Таким чином, усі чотири головні обвинувачені у злочинах, скоєних під час Великого терору у 6-му відділі УДБ УНКВС по Одеській області (Є. Макієвський, М. Айзман, Я. Шаміс⁴⁵⁸, Ю. Залкінд⁴⁵⁹), зрештою отримали однакове покарання.

За тією ж схемою пізніше був покараний і колишній начальник 4-го відділу УДБ УНКВС В. Калюжний: спочатку — розстрільний вирок, потім — заміна ВМП на 10 років позбавлення волі у ВТТ. Де і скільки часу він відбував покарання у матеріалах його справи не вказано. Станом на квітень 1943 р. він утримувався у Новосибірському відділенні Сибтабу НКВС СРСР. Пережив війну і згодом мешкав та працював в Одесі. До справи П. Кисельова, як вже зазначалось, долучено протокол допиту В. Калюжного від 14 липня 1959 р., в якому він зазначений як «технік-експлуатаційник плавбудзагону № 2 тресту Чорноморгідробуд».

⁴⁵⁴ Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 5, арк. 11–12.

⁴⁵⁵ Там само, арк. 13.

⁴⁵⁶ Там само, арк. 136.

⁴⁵⁷ Там само, арк. 215–215 зв.

⁴⁵⁸ За рішенням Військового трибуналу військ НКВС Молотовської області від 23 жовтня 1944 р. Я. Шаміс був достроково звільнений з табору за станом здоров'я. (Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 7, арк. 213–213 зв.).

⁴⁵⁹ За ініціативи керівництва Управління будівництва № 1001 НКВС СРСР (м. Сизрань, Куйбишевська область, РРФСР), яке вважало доцільним використовувати Ю. Залкінда на оперативній роботі в системі ГУТАБ або особливих відділів армій, згідно з рішенням Особливої наради при НКВС СРСР від 30 вересня 1942 р. його умовно-достроково звільнили. (Архівний підрозділ УСБУ в Одеській області, ф. 3, оп. 1, спр. 028470, т. 7, арк. 244–244 зв., 246, 250–250 зв., 255).

До його наступника на посаді начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області С. Гапонова та інших активістів Великого терору цього відділу слідство впритул наблизилось пізніше. Гапонов з 24 січня 1939 р. виконував обов'язки заступника начальника УНКВС і намагався завершити «напрацювання» періоду Великого терору тими ж методами, які були вже заборонені постановою РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. Він прагнув якнайшвидше засудити осіб, заарештованих ще у середині 1938 р., які тривалий час перебували під слідством у 4-му відділі УДБ УНКВС. Сподіваючись замести сліди і позбутись жертв та свідків беззаконня, що панувало у відділі, Гапонов продовжував заохочувати протиправні методи.

Однак, позбутися усіх небажаних свідків він та його підлегли не встигли. 19 квітня 1939 р. за розпорядженням А. Кобулова С. Гапонов був звільнений з органів НКВС⁴⁶⁰. Однак такий «цінний працівник» не був втрачений для суспільства, і з травня того ж року він вже працював директором Одеської міської телефонної станції. Небезпеку для нього та його майбутніх співників становило те, що поступово зростала кількість людей, яких за результатами перевірок звільняли з-під варті як незаконно заарештованих. Серед них були і колишні керівні партійні працівники області. Вони почали звертатися до різних інстанцій з вимогою покарати співробітників УНКВС за застосування до них «фашистських», «гестапівських» методів слідства. Свідчення цих людей склали важливу частину доказової бази проти групи колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області.

Проте як і у випадку із Ю. Залкіндом та Я. Шамісом, слідчі НКВС УРСР занадто довго зволікали щодо порушення справи стосовно С. Гапонова та інших колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС. Мабуть, це зумовлювалося трьома основними факторами.

По-перше, нові матеріали долучали до справи В. Калюжного, якого ще понад рік — до 19 квітня 1940 р. — обвинувачували як «змовника», а не як «порушника соцзаконності». Тому порушення слідчих справ на фігурантів його справи вимагало від слідства встановлення між ними організаційних зв'язків як учасників «змови» в НКВС, що було доволі проблематичним і на початок 1940 р. втратило свою актуальність. По-друге, у другій половині 1939 р. — на початку 1940 р. значна частина нових матеріалів стосовно колишніх співробітників 4-го відділу зосереджувалось не у Києві, а в особливоуповноваженого УНКВС по Одеській області, який проводив власне розслідування. І лише у травні 1940 р. ці матеріали направили до Військової прокуратури військ НКВС Київського округу. По-третє, багато

⁴⁶⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 1, арк. 2.

хто з фігурантів розслідування роз'їхався різними регіонами СРСР⁴⁶¹, і отримати від них свідчення стало дуже копіткою справою. Твердість і послідовність у цьому питанні проявляли, переважно, військові прокурори.

На початку червня 1940 р., як вже було зазначено, Військова прокуратура прийняла рішення про виділення зі слідчої справи стосовно В. Калюжного матеріалів про протиправні дії колишніх співробітників 4-го відділу С. Гапонова, Ю. Абрамовича, В. Мошковського, М. Цирульницького, Д. Кордуна, Я. Берензона, А. Гнесіна, Х. Зарайського, М. Мазура та направлення цих матеріалів до Слідчої частини НКВС УРСР для проведення попереднього слідства. 15 червня 1940 р., всупереч домовленостям між керівництвом Військової прокуратури та наркомом внутрішніх справ УРСР І. Серовим, ці матеріали направили зі Слідчої частини до апарату ОСУ НКВС УРСР. Узавши це до відома, Військова прокуратура направила 4 липня 1940 р. на адресу особливоуповноваженого додаткові матеріали, що викривали колишніх співробітників 4-го відділу у злочинній діяльності.

Серед переданих до НКВС УРСР матеріалів, окрім згаданих свідчень жертв беззаконня, були також довідки про місцеперебування фігурантів, протоколи допитів у ролі свідків Ю. Абрамовича (від 29 березня 1940 р.), М. Мазура (від 21 квітня 1940 р.), А. Гнесіна і В. Мошковського (від 26 квітня 1940 р.), протоколи перегляду архівно-слідчих справ, які у 1938 р. вели у 4-му відділі. Всі ці документи були підготовлені військовими прокурорами, а Ю. Абрамович, мабуть, за ініціативи Головної військової прокуратури був допитаний вже добре нам відомим начальником оперативно-чекістського відділу Амурського залізничного ВТТ НКВС М. Лютим (Шестаковським)⁴⁶². Два «порушники», стосовно яких були серйозні компрометуючі матеріали, перебували в одному місці. До одного слідство «дотягнулось», а до іншого, рангом набагато вищого, чомусь не мало можливості. Тому один «порушник» допитував іншого.

Незважаючи на те, що 4 липня 1940 р. Військова прокуратура повідомила особливоуповноваженому НКВС УРСР про те, що прокурор СРСР М. Панкрат'єв запропонував терміново завершити слідство у справі колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС, станом на 20 липня

⁴⁶¹ Д. Кордун у жовтні 1938 р. був направлений з Одеси у розпорядження ГУТАБ НКВС СРСР і опинився в Архангельську. Ю. Абрамович 13 березня 1939 р. був відраджений у розпорядження заступника начальника 3-го відділу Управління залізничного будівництва на Далекому Сході НКВС. Я. Берензон 2 липня 1939 р. був звільнений з органів НКВС. В. Мошковський 2 липня 1939 р. був звільнений з органів НКВС, але залишився жити і працювати в Одеській області.

⁴⁶² У довіднику М. Петрова і К. Скоркіна «Кто руководил НКВД, 1934–1941» (с. 279) зазначено, що М. Лютий (Шестаковський) із серпня 1939 р. до 14 вересня 1940 р. обіймав посаду начальника 3-го відділу Управління залізничного будівництва на Далекому Сході НКВС, а з 14 вересня 1940 р. до 1941 р. був начальником ОЧВ Амурського залізничного ВТТ. Однак із зазначення його посади у протоколі допиту Ю. Абрамовича від 29 березня 1940 р. можна зробити висновок, що на той момент він вже перебував на другій посаді. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 1, арк. 207).

1940 р. Слідча частина і апарат ОСУ НКВС УРСР до розслідування не узялися, а фігуранти до кримінальної відповідальності не були притягнені. Виклавши ці факти у листі до наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова, в.о. військового прокурора військ НКВС УРСР Морозов просив його дати відповідні вказівки для виправлення ситуації⁴⁶³.

Однак в НКВС УРСР продовжували затягувати час, тим паче, що 7 серпня 1940 р. М. Панкрат'єв був знятий зі своєї посади, а про ставлення його наступника до цієї справи, було ще невідомо. Коли ж 20 серпня 1940 р. Військова прокуратура повідомила про те, що справу «взято під особливий контроль ЦК ВКП(б)», заступнику особливоуповноваженого НКВС УРСР М. Проніну надійшло розпорядження І. Серова про те, що якщо ніхто з фігурантів справи вже не працює в органах НКВС, то матеріали стосовно них повернути до Військової прокуратури⁴⁶⁴.

Такі дії керівництва НКВС УРСР виглядали як відвертий саботаж. Адже розгляд питання по партійній лінії стосовно багатьох осіб вже відбувся. Так, за фальсифікацію слідчих справ і за застосування до заарештованих протиправних методів ведення слідства бюро Сталінського райкому КП(б)У м. Одеси 24 липня 1940 р. виключило С. Гапонова з партії⁴⁶⁵. І хоча він продовжував активно відстоювати свою партійність, врешті-решт він цю боротьбу програв. У грудні 1940 р. Одеський міськом КП(б)У затвердив виключення його з партії.

Ще раніше, «за застосування викривлених методів ведення слідства до заарештованих, згодом реабілітованих, і фальсифікацію слідчих справ» бюро Одеського обкому КП(б)У 4 квітня 1940 р. ухвалило звільнити з органів НКВС А. Гнесіна і доручило первинній парторганізації Особливого відділу НКВС Одеського військового округу, де Гнесін служив заступником начальника відділення, розглянути питання про його партійність⁴⁶⁶. Питання розглянули... і до 10 січня 1941 р. Гнесін залишався кандидатом у члени ВКП(б). Водночас 3 вересня 1940 р. він був звільнений в запас НКВС.

Таким чином, керівництво НКВС УРСР і Особливого відділу НКВС ОдВО ігнорувало не лише думку Військової прокуратури, але і місцевих партійних органів. І цей факт, звичайно, суперечить тезі про кампанію по боротьбі з «порушниками соцзаконності» як про «дисциплінування» органів НКВС з боку партії, принаймні на обласному рівні.

Ще більше заплутує розуміння ситуації та обставина, що НКВС УРСР демонстрував відсутність виконавської дисципліни з цього питання і перед вищою інстанцією — НКВС СРСР, звідки у серпні — на початку жовтня 1940 р. неодноразово надходили нагадування про необхідність інформувати про результати розслідування у справах колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області. Вірогідно, постійне службове і особисте спілкування наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова з керівниками НКВС СРСР з різних актуальних політичних

⁴⁶³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 2, арк. 156–157.

⁴⁶⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 2, арк. 153.

⁴⁶⁵ Там само, арк. 164.

⁴⁶⁶ Там само, арк. 192.

та оперативних питань дозволяло йому і його підлеглим більш-менш спокійно реагувати на нагадування Центру про необхідність доповідати ще й про результати боротьби з «порушеннями соцзаконності» у період Великого терору. Тим паче, що у нових історичних умовах ці «порушення» були відтворені співробітниками НКВС на нових територіях, що опинилися під радянським контролем.

Однак наприкінці серпня 1940 р. після повідомлення Військової прокуратури про те, що справу «взято під особливий контроль ЦК ВКП(б)», вона зрушила з мертвої точки, і апарат ОСУ НКВС УРСР почав розслідування. 24 жовтня 1940 р. заступник особливоуповноваженого М. Пронін подав на затвердження керівництву НКВС УРСР висновок за матеріалами розслідування. В ньому було запропоновано Я. Берензона, Ю. Абрамовича і Д. Кордуна заарештувати і віддати під суд трибуналу; стосовно М. Цирульницького, Х. Зарайського і М. Мазура вирішити питання у процесі слідства; стосовно С. Гапонова, В. Мошковського, А. Гнесіна, а також нових фігурантів, що з'явилися у справі — М. Буркіна (колишній начальник 3-го відділення і в.о. заступника начальника 4-го відділу, а потім — в.о. начальника 2-го відділу) і Ф. Степанського (колишній начальник одного з відділень 4-го відділу) обмежитися тим, що вони раніше були звільнені з органів НКВС⁴⁶⁷.

Судячи з усього, висновок був затверджений заступником наркома внутрішніх справ УРСР⁴⁶⁸ і разом з усіма матеріалами направлений до апарату ОСУ НКВС СРСР, куди вони надійшли 29 жовтня 1940 р. Там досить довго, понад три місяці, розбиралися з матеріалами. Причому саме в цей час у Москві вирішували і подальшу долю справи В. Калюжного, тобто всі слідчі матеріали щодо 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області одночасно опинились у Москві, щоправда, в двох різних інстанціях.

Нагадаємо, Військова колегія Верховного суду СРСР 22 листопада 1940 р. підтримала Військову прокуратуру військ НКВС Київського округу і справу В. Калюжного було передано до Військового трибуналу для розгляду в судовому порядку. Суд закінчився 26 грудня 1940 р. ухвалою Військового трибуналу військ НКВС Київського округу вироком про розстріл В. Калюжного. Тим більш несподіваним виглядає висновок, до якого 29 січня 1941 р. дійшли в апараті ОСУ НКВС СРСР у справі С. Гапонова та його спільників. Згідно з висновком, належало заарештувати і притягнути до кримінальної відповідальності лише Я. Берензона і Ю. Абрамовича, мабуть, через особливу брутальність скоєних ними злочинів. Стосовно ж інших фігурантів пропонували вирішити питання про притягнення їх до відповідальності у процесі слідства у справі Я. Берензона і Ю. Абрамовича⁴⁶⁹.

Припускаємо, що якби всі ці матеріали (і справа В. Калюжного, і справа С. Гапонова та його спільників) одночасно опинились у Москві у третій інстанції — Головній військовій прокуратурі, результат був би

⁴⁶⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 2, арк. 270.

⁴⁶⁸ Там само, арк. 258.

⁴⁶⁹ Там само, т. 3, арк. 218–219.

протилежним — убивчим не лише для Калюжного, але й ще для двох— трьох фігурантів. Це підтверджують рішучі процесуальні дії у справі «гапонівців» Військової прокуратури військ НКВС Одеської області.

В умовах, коли НКВС УРСР провалив чергову одеську справу і відсторонився, військовий прокурор військ НКВС Одеської області П. Лехов 13 січня 1941 р. санкціонував арешт С. Гапонова, 15 січня — Д. Кордуна і Ю. Абрамовича, 24 січня — А. Гнесіна. Гапонов був заарештований у м. Таганрог (Азово-Чорноморський край РРФСР) 17 січня і етапований до Одеси. Гнесіна, який з жовтня 1940 р. був завідувачем друкарні штабу ОдВО, заарештували в Одесі 25 січня. Наступного дня в Архангельській області був заарештований начальник цегляного заводу («Цеглабуду») будівництва № 203 і Ягринського ВТТ ГУТАБ НКВС СРСР Д. Кордун, а 5 лютого у м. Біробіджан (Єврейська автономна область РРФСР) — начальник 2-го відділення УНКВС по ЄАО Ю. Абрамович. Таким чином, ще до прийняття «соломонового» рішення в апараті ОСУ НКВС СРСР військові прокурори рішуче взяли ініціативу в свої руки.

Їхні подальші дії лише підкресливали безглуздість висновків обох апаратів ОСУ (НКВС УРСР і НКВС СРСР). 5 лютого 1941 р. помічник військового прокурора військ НКВС Одеської області В. Бойко, який на той час був т.в.о. військового прокурора, ухвалив рішення взяти під варту В. Мошковського, і 12 лютого у м. Гроссулово Одеської області народний слідчий Гроссуловського району В. Мошковський був заарештований. 27 лютого П. Лехов затвердив аналогічну постанову стосовно Я. Берензона, і 3 березня у м. Станіславі (нині — Івано-Франківськ) був заарештований заступник командира по політчастині 15-го автотранспортного батальйону 15-ї моторизованої дивізії (в/ч 6575) Я. Берензон.

Згідно з розпорядженням військового прокурора військ НКВС Київського округу Грезова 28 березня 1941 р. справу прийняв до свого провадження військовий слідчий Рязанцев⁴⁷⁰. Він вів її активно, долаючи всі труднощі, зокрема, пов'язані з розпорошенням викривальних матеріалів по різних слідчих справах. Так, щоб мати уявлення про справу М. Тягіна, слідство в якій проводилось в НКВС УРСР, а вирок було ухвалено ще у «далекому» серпні 1939 р., Рязанцеву 7 квітня 1941 р. довелося допитати як свідка особливоуповноваженого УНКВС по Одеській області І. Баранюка⁴⁷¹.

За результатами слідства 26 червня 1941 р. Рязанцев склав, а Грезов затвердив обвинувальний акт у справі, і 28 червня слідчу справу у чотирьох томах було направлено до Військового трибуналу військ НКВС Київського округу. Військовий трибунал на підготовчому засіданні 5 липня вирішив прийняти справу до свого провадження і затвердив обвинувальний акт, згідно з яким обвинувачені підлягали суду Військового трибуналу⁴⁷².

⁴⁷⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 1.

⁴⁷¹ Там само, арк. 142—142 зв.

⁴⁷² Там само, арк. 574.

Про те, що відбувалось далі, цікаво і докладно написано у статті А. Савіна і О. Теплякова⁴⁷³. Ми доповнимо (з необхідними повтореннями) їхню розповідь, висвітлюючи інші важливі деталі і роль основних дійових осіб. Звертаємо увагу на те, що вже після ознайомлення авторів статті з архівною кримінальною справою, вона була залишена на постійному зберіганні в ГДА СБУ (Київ) і одержала нові реєстраційні дані, які ми зазначаємо у примітках і у легендах до документів, що публікуємо у книзі.

У 1941 р. у зв'язку зі швидким наближенням фронту С. Гапонов та інші обвинувачені були етаповані з Одеси до Томської тюрми № 3. Однак слідчу справу до Томська не доставили. Томський міський відділ НКВС намагався розшукати її, звертався до Військової прокуратури і 1-х спецвідділів органів НКВС, однак, це позитивного результату не принесло. Слідча група НКВС УРСР, що перебувала у Томську, проявила ініціативу і на підставі документів з особової тюремної справи С. Гапонова 21 листопада 1941 р. завела стосовно нього нову слідчу справу⁴⁷⁴. Її ініціатори, ймовірно, не знали про те, що слідча справа на С. Гапонова та його співників вже була завершена і передана до Військового трибуналу. Тому у грудні 1941 р. начальник Томського міськвідділу НКВС Соловійов і слідчий Слідчої частини НКВС УРСР Салацький у листі на ім'я начальника УНКВС по Новосибірській області М. Ковшук-Бекмана помилково написали, що слідство у справі С. Гапонова не було завершено.

До того ж, колишній слідчий Слідчої частини НКВС УРСР Брижніков, який працював тоді у складі слідчої групи при Томському міськвідділі НКВС, підготував довідку від 10 грудня 1941 р., яка підтверджувала «в основі» свідчення С. Гапонова, які той дав у рамках нової слідчої справи. Зазначимо, що участь слідчого Брижнікова у розслідуванні справи С. Гапонова та інших осіб в матеріалах архівної кримінальної справи відображена лише допитом 27 серпня 1940 р. свідка М. Цирульницького⁴⁷⁵, а у січні–червні 1941 р. він не був причетний до слідства. Тем не менш, він та інші співробітники НКВС УРСР, хоча і досить обережно, але зовсім не доречно вставили свої «п'ять копійок» в останню з одеських справ.

Дезінформувавши начальника УНКВС, з Томська просили його вказівок у справі С. Гапонова⁴⁷⁶. У цей час у Новосибірську перебував начальник 1-го відділення Особливої інспекції Відділу кадрів НКВС СРСР Ремізов. На прохання заступника начальника УНКВС по Новосибірській області С. Плєсцова він ознайомився з надісланими матеріалами і 17 грудня 1941 р. переслав запит до Куйбишева начальнику Особливої інспекції ВК НКВС СРСР О. Стефанову. Зробив це для розв'язання питання у Головній військовій прокуратурі у справі С. Гапонова, який «незаконно утримується тривалий час під вартою у Томській тюрмі»⁴⁷⁷.

⁴⁷³ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. — С. 337–340.

⁴⁷⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 1.

⁴⁷⁵ Там само, т. 2, арк. 165–166 зв.

⁴⁷⁶ Там само, арк. 20–21.

⁴⁷⁷ Там само, арк. 23.

Незабаром виявилось, що рішення у справі С. Гапонова мала приймати не та людина, якій було адресовано листа з Томська. З 30 грудня 1941 р. М. Ковшук-Бекман знаходився у розпорядженні НКВС СРСР, а його наступником на посаді начальника УНКВС по Новосибірській області став Л. Малінін, який у 1941 р., як ми пам'ятаємо, побував на посадах начальника і УНКВС, і УНКДБ по Одеській області. У справі є лист С. Гапонова на ім'я наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова від 29 квітня 1941 р., на якому нарком 7 травня 1941 р. наклав резолюцію зі вказівкою Л. Малініну особисто допитати С. Гапонова і ухвалити рішення.

Вірогідно, допит відбувся, оскільки у справі є лист С. Гапонова від 13 травня 1941 р, адресований «шановному начальнику УНКДБ», в якому заарештований, розвиваючи питання, порушені у листі на ім'я наркома, звертався з проханням про документальне підтвердження періоду його служби на різних посадах в УНКВС і перебування у службових відрядженнях⁴⁷⁸. Прохання було виконано. Завірені копії відповідних наказів були долучені до справи. У справі є й інші документи, які, хоча і не за підписом Л. Малініна, але за його вказівкою, готували в УНКВС—УНКДБ по Одеській області і направляли військовим прокурорам в той період⁴⁷⁹.

Отже, Л. Малінін повинен був знати про завершення Військовою прокуратурою слідства у справі С. Гапонова та інших осіб. Інтрига полягала в тому, як Л. Малінін буде поводитися у ситуації з С. Гапоновим тепер вже у Новосибірську. Документально встановити це складно, питання і надалі курував С. Плєсцов. 9 лютого 1942 р. він дав вказівку начальнику Томського міськвідділу НКВС Соловійову: «Після того, як отримаєте відповідь від прокурора НКВС Палкіна про відсутність у нього справи стосовно Гапонова, вважаю за необхідне справу сл[ідством] припинити і його звільнити»⁴⁸⁰. Чи радився він з Л. Малініним, коли приймав це рішення, ми не знаємо.

Не маючи достатніх слідчих матеріалів, але маючи вказівку С. Плєсцова, Слідча частина НКВС УРСР 20 лютого 1942 р. винесла постанову про припинення провадження справи стосовно С. Гапонова і звільнення його з-під варті. Начальник Томського міськвідділу НКВС Соловійов 10 березня затвердив цю постанову⁴⁸¹. Припинену справу було відправлено до 1-го спецвідділу НКВС УРСР. Інші обвинувачені продовжували очікувати на рішення щодо подальшої своєї долі.

Цікава деталь міститься у хронології подій. Згідно із документами у справі, С. Гапонов був звільнений 14 березня 1942 р.⁴⁸²; довідка про звільнення, яку йому видали як «чекісту запасу» для пред'явлення у відділі

⁴⁷⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 520—520 зв.

⁴⁷⁹ Там само, арк. 519—519 зв.

⁴⁸⁰ Там само, т. 5, арк. 24.

⁴⁸¹ Там само, т. 5, арк. 26—29.

⁴⁸² Там само, т. 5, арк. 30, 88.

кадрів УНКВС по Новосибірській області, датована 15 березня⁴⁸³. Але вже з 10 березня 1942 р., тобто з моменту затвердження постанови про припинення справи стосовно нього, він зазначається як працюючий у штабі воєнізованої охорони Управління виправних таборів і колоній УНКВС по Новосибірській області, де доріс до посади начальника частини розшуку штабу⁴⁸⁴. Ця деталь вказує на співчутливе ставлення керівників органів НКВС до колег — «жертв» боротьби з «порушеннями соцзаконності».

У серпні 1942 р. співробітники 1-го спецвідділу НКВС УРСР, який перебував тоді у м. Актюбинську (нині — Актобе) Казахської РСР, серед матеріалів Військового трибуналу військ НКВС Київського округу, що надійшли, знайшли перші два томи слідчої справи стосовно С. Гапонова. Вони містили, переважно, матеріали, що були виділені зі справи В. Калюжного. 1-й спецвідділ НКВС УРСР 19 серпня 1942 р. звернувся до керівництва 1-го спецвідділу НКВС СРСР, евакуйованого до м. Свердловськ (нині — Єкатеринбург) РРФСР, за роз'ясненням, що робити з двома справами С. Гапонова — незакінченою (начебто) у Києві і припиненою у Томську⁴⁸⁵.

Вірогідно, надійшла вказівка переслати ці справи до 1-го спецвідділу УНКВС по Новосибірській області, де вже працював С. Гапонов. А у жовтні 1942 р. до Військової прокуратури військ НКВС Новосибірської області від 1-го спецвідділу НКВС УРСР надійшли знайдені там серед отриманих матеріалів 3-й та 4-й томи закінченої слідством справи на С. Гапонова та його колег. Військова прокуратура вжила заходів для розшуку інших томів і 7 грудня 1942 р. одержала від 1-го спецвідділу УНКВС по Новосибірській області перші два томи старої справи і припинену додаткову слідчу справу С. Гапонова Слідчастини НКВС УРСР.

Коли за справу знову взялися військові юристи, вони швидко почали розставляти все на свої місця. У постанові Військової прокуратури від 17 грудня 1942 р. постанову Слідчої частини НКВС УРСР стосовно С. Гапонова від 20 лютого 1942 р. було кваліфіковано як неправильну і вщент розкритиковано. Можна відчути навіть деякі знушальні нотки в аргументації військових прокурорів.

Було вказано на те, що скасувати постанову Військового трибуналу військ НКВС Київського округу про прийняття до свого провадження справи стосовно С. Гапонова та інших осіб від 5 липня 1941 р. (про яку могли не знати слідчі, але мав знати Л. Малінін і міг знати С. Гапонов), можна було лише опротестувавши її у Військовій колегії Верховного суду СРСР, «і в жодному разі слідчим Слідчастини»⁴⁸⁶. Це був «камінь в город» того, хто прийняв рішення у справі С. Гапонова і хто був кимось значно вищим, ніж звичайний слідчий. Цим «значно вищим», як ми знаємо, був заступник начальника УНКВС по Новосибірській області С. Плєсцов. Він знав, що такі справи слід робити з відома органів прокуратури і намагався через апарат ОСУ НКВС СРСР розібратися в цьому питанні.

⁴⁸³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 89.

⁴⁸⁴ Там само, т. 5, арк. 43.

⁴⁸⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 278.

⁴⁸⁶ Там само, арк. 576.

Можливо, проблема як раз і полягала у посереднику (апараті ОСУ), який, як ми бачили, раніше у справі С. Гапонова зайняв неадекватну позицію. С. Плєсцову довелося приймати рішення на власний розсуд. Навряд чи він зробив це без підтримки начальника УНКВС по Новосибірській області Л. Малініна, який своїх слідів з цього питання ніде не залишив. Тому за відсутності С. Плєсцова (він поїхав з Новосибірська, оскільки з 9 липня 1942 р. став заступником начальника УНКВС по Архангельській області) кинутий прокурорами «камінь» потрапив в «город» Л. Малініна.

Далі дісталось власне слідчим. Нова слідча справа, яку вони завели, складалась лише з допитів С. Гапонова. Не було зібрано жодних інших нових матеріалів. Свідчення ж Гапонова нічого нового не внесли і, на думку військових прокурорів, не давали підстав для опротестування постанови підготовчого засідання Військового трибуналу Київського округу. Знали про цю постанову слідчі, чи ні, але вони прийняли неправомірне рішення. У висновку в.о. помічника військового прокурора військ НКВС по Новосибірській області Берлін зазначив, що слідчий Салацький справу стосовно С. Гапонова припинив «незаконно і без будь-яких підстав»⁴⁸⁷.

Постанова Військової прокуратури скасувала постанову Слідчастини НКВС УРСР і змінила запобіжний захід С. Гапонову. Його належало негайно взяти під варту у тюрмі № 1 м. Новосибірська з обліком за Військовим трибуналом військ НКВС Західно-Сибірського округу⁴⁸⁸. 18 грудня 1942 р. справу було направлено до Військового трибуналу, який на підготовчому засіданні 6 січня 1943 р. продублював рішення Військового трибуналу військ НКВС Київського округу від 5 липня 1941 р.⁴⁸⁹ Усіх обвинувачених належало віддати під суд Військового трибуналу.

Проблема тепер полягала в арешті С. Гапонова. Це питання Військова прокуратура погодила із заступником Л. Малініна капітаном держбезпеки І. Воронцовим-Кусковим, теж не сторонньою людиною. З березня до вересня 1941 р. він був заступником Л. Малініна в УНКДБ–УНКВС по Одеській області і, безумовно, знав про справу Гапонова. Не дивно, що у потрібний для прокуратури момент, як ми побачимо далі, за інформацією УНКВС по Новосибірській області, Гапонов опинився у «тривалому і серйозному оперативному відрядженні»⁴⁹⁰. Така гра словами і активний збір позитивних характеристик на Гапонова у людей, які коли-небудь перетиналися з ним, свідчили про те, що керівники УНКВС не збиралися так просто віддавати його в руки правосуддя.

Про це і про соціально-психологічну обстановку, в якій перебував не лише С. Гапонов, але й інші обвинувачені, можна судити з тексту невеликого листа Я. Берензона С. Гапонову від 4 січня 1943 р. У досить вульгарній формі Я. Берензон докоряв адресату у байдужості до долі товаришів. Він без натяків писав про великі можливості С. Гапонова: «По-перше, у тебе під рукою прокурор прикордон[них] військ, окрім того, можеш

⁴⁸⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 578.

⁴⁸⁸ Там само, арк. 576–576 зв.

⁴⁸⁹ Там само, арк. 580; т. 5, арк. 34.

⁴⁹⁰ Там само, арк. 583.

увійти до Малініна та й взагалі, чого тебе вчити, сам знаєш...»⁴⁹¹. З цього можна зробити очевидний висновок: заарештовані колишні співробітники УНКВС по Одеській області і в умовах Сибіру відчували себе господарями життя і вірили у свою винятковість. Вони швидко знаходили спільну мову з місцевими співробітниками НКВС, а військові юристи в їхній особі мали справу з досвідченими «чекістами».

Військова прокуратура 19 січня 1943 р. спробувала натиснути на Л. Малініна, вказавши, що Військовий трибунал не розглядає справу лише через відсутність С. Гапонова, в той час як інші обвинувачені вже два роки перебувають під вартою і скаржаться на це. Оскільки Військовий трибунал призначив судове засідання на 22 січня у м. Томськ, прокуратура просила дати розпорядження про арешт С. Гапонова і конвоювання його до Томська до цієї дати⁴⁹². У відповідь військові юристи отримали таємничу фразу про «тривале і серйозне оперативне відрядження», внаслідок чого С. Гапонов «в даний час на суд доставлений бути не може»⁴⁹³.

Військовому трибуналу нічого не залишалось, як провести судове засідання за його відсутності. Воно відбулося у Томську 25 січня 1943 р. Але співники С. Гапонова не бажали поставати перед правосуддям за відсутності свого колишнього начальника і члени трибуналу змушені були справу слуханням призупинити і повернути військовому прокурору військ НКВС Новосибірської області для виконання своєї ухвали про взяття під варту С. Гапонова після його повернення з відрядження⁴⁹⁴.

Мабуть, за цим відбулось інформування вищих інстанцій про те, що сталося, з відповідною їх реакцією. Саме це могло змусити керівництво УНКВС по Новосибірській області зробити те, що від нього вимагалось за законом — заарештувати С. Гапонова. Це було зроблено 18 лютого 1943 р. у Новосибірську. Водночас вели пошуки місцеперебування Я. Берензона, поки його не знайшли у ВТК № 6 м. Томська. Зрештою всі п'ятеро співників С. Гапонова були доставлені з Томська до Новосибірська. Там з дотриманням усіх процесуальних формальностей 21–26 квітня 1943 р. відбувся суд.

Протокол судового засідання Військового трибуналу, що публікуємо, показує, що навіть формально воно не було схожим на судові засідання в Одесі. Специфіка воєнного часу наклала відбиток і на його зміст, і на результат. Найголовнішою негативною обставиною стала відсутність у суді свідків. Немає жодних сумнівів, що якби засідання Військового трибуналу відбулося в Одесі у 1941 р., то це було б повноцінне судове слідство. Всі причетні до нього були б на своїх місцях і вільно орієнтувалися б у темі.

⁴⁹¹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 35 (конверт, вкладення № 7 — поштова листівка на ім'я С. Гапонова). У статті А. Савіна і О. Теплякова наведено більш повний текст, написаний на листівці. (Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД.— С. 338).

⁴⁹² ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 582–582 зв.

⁴⁹³ Там само, арк. 583.

⁴⁹⁴ Там само, т. 5, арк. 36.

Йдеться не лише про свідків, але й про керівників партійних органів, військових прокурорів, членів Військового трибуналу. У червні 1941 р. в Одесі і Києві вони вже мали чітку картину системних злочинів, скоєних співробітниками УНКВС по Одеській області у 1937–1938 рр. Не випадково елементом захисної стратегії того ж С. Гапонова, коли він перебував під слідством в Одесі, була його досить неоднозначна участь у викритті «викривлень». Зокрема, у своїх свідченнях він ні багато ні мало заявляв: «...Я все ж зумів викрити шкідливу практику роботи Тягіна, Макієвського, Айзмана, Рібакова і Раєва і встиг деяких з них віддати під суд»⁴⁹⁵. Хто, кого і як віддавав під суд, ми вже описали. У даному випадку симптоматичним є саме апелювання С. Гапонова до цих фактів.

Тому можливий підсумок суду над ним та його спільниками, виходячи з досвіду проведення засідань Військового трибуналу в Одесі у період від середини 1940 до квітня 1941 рр., передбачити було б нескладно. Після провального старту правосуддя у 1939 р. із середини 1940 р. почали посилювати покарання для підсудних. Кожне засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу в Одесі незмінно закінчувалось ухвалою смертних вироків найбільш затятим «порушникам соцзаконності».

Судове засідання у справі С. Гапонова та інших колишніх співробітників 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області, з урахуванням спеціфіки і активності контингенту, який постраждав від їхніх дій, мало стати апогеєм покарання «порушників». Двом-трьом підсудним також «світив» розстрільний вирок. І ніякий Л. Малінін не зміг би вплинути на це. Скоріше, навпаки. Якби він тоді спробував захищати обвинувачених, то цілком міг стати наступною мішенню військових прокурорів. Та й керівники партійних органів у 1941 р. дивилися на співробітників НКВС–НКДБ дещо іншими очима, ніж у 1937–1938 рр.

Обставини підготовки і проведення суду у Новосибірську, як ми мали можливість переконатися, кардинально відрізнялися від довоєнної одеської ситуації. За його результатами четверо підсудних (С. Гапонов, Д. Кордун, Ю. Абрамович і Я. Берензон) були засуджені до 10 років позбавлення волі у ВТТ, а В. Мошковський і А. Гнесін — до 7-ми років. Гапонов був позбавлений спецзвання «старший лейтенант держбезпеки», Кордун, Абрамович і Гнесін — «сержант держбезпеки», а Берензон — військового звання «політрук».

Військовий трибунал врахував, що Гапонов, Берензон, Гнесін і Мошковський подали клопотання про направлення їх на фронт, а також те, що тримання їх під вартою в той час було недоцільним. Тому Військовий трибунал відтермінував їм виконання вироку до закінчення воєнних дій з направленням усіх чотирьох до діючої армії із подальшою можливістю повного звільнення їх від покарання⁴⁹⁶.

27 квітня 1943 р. начальнику внутрішньої тюрми УНКВС по Новосибірській області Ершову було дано вказівку про негайне звільнення 3-під варті і направлення у розпорядження начальника УНКВС

⁴⁹⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 5.

⁴⁹⁶ Там само, арк. 165–166.

С. Гапонова і Я. Берензона⁴⁹⁷, а також про звільнення А. Гнесіна і В. Мошковського, зобов'язавши останніх з'явитися на пересильний пункт Новосибірського обласного військкомату⁴⁹⁸. Як бачимо, керівництво УНКВС спочатку намагалося притримати біля себе С. Гапонова і, на його прохання, Я. Берензона, але з цього нічого не вийшло.

Згідно з інформацією начальника внутрішньої тюрми УНКВС від 29 квітня 1943 р., С. Гапонов був направлений у розпорядження заступника начальника УНКВС, Я. Берензон — у розпорядження голови Військового трибуналу (який відразу направив його на пересильний пункт⁴⁹⁹), В. Мошковський і А. Гнесін — на пересильний пункт, а Д. Кордун і Ю. Абрамович були переведені до тюрми № 1 м. Новосибірська⁵⁰⁰ (незабаром їх перевели до ВТК № 5 м. Томська). Я. Берензон, В. Мошковський і А. Гнесін з пересильного пункту були відправлені до м. Омська у військову частину № 330, і 27 травня 1943 р. вибули з маршовою ротою (ешелон № 47270) на фронт⁵⁰¹. Про подальшу долю Я. Берензона ми відомостей не маємо, а про його колег знаємо.

Автори статті про справу колишніх працівників 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області з посиланням на інтернет-сайт «Подвиг народа» (база даних про осіб, нагороджених бойовими нагородами під час війни), з'ясували, що рядовий В. Мошковський брав участь у військових діях на Західному і 3-му Білоруському фронтах, був двічі контужений. З весни 1944 р. працював секретарем Управління фронтового приймально-пересильного табору військовополонених № 24 НКВС 3-го Білоруського фронту, де виконував обов'язки дізнавача. Згідно з поданням на нагородження медаллю «За бойові заслуги» від 26 квітня 1945 р., ним були «викриті злочини, скоєнні військовослужбовцями табору, і злочинці поставили перед судом Військового трибуналу»⁵⁰². 5 травня 1945 р. наказом по військах 3-го Білоруського фронту він був нагороджений зазначеною медаллю. 40 років потому, 6 квітня 1985 р., ветеран війни В. Мошковський був нагороджений орденом Вітчизняної війни I ступеню.

Медаллю «За бойові заслуги» нагородили 6 серпня 1946 р. і А. Гнесіна. Як вказано у нагородному листі від 25 жовтня 1945 р., на фронт він прибув у травні 1943 р. у складі 219-го гвардійського стрілецького полку 71-ї гвардійської стрілецької дивізії. Обіймав посаду комсорга роти, брав участь у боях на 3-му Українському фронті. Був поранений, перебував на лікуванні у шпиталі № 5258. У червні повернувся до своєї частини

⁴⁹⁷ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 173, 174.

⁴⁹⁸ Там само, арк. 5.

⁴⁹⁹ Там само, арк. 179.

⁵⁰⁰ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 183.

⁵⁰¹ Там само, арк. 192–194, 244.

⁵⁰² Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД.— С. 346. У багатьох документах в архівній кримінальній справі прізвище написано через літеру «а» — Машковський. Авторі статті теж написали її так само. Однак, правильним є написання через «о» — Мошковський. Саме так написано прізвище і у базі даних сайту «Подвиг народа».

і брав участь у бою під час наступу на залізничній лінії Харків—Полтава. 9 серпня 1943 р. контужений. Після лікування у госпіталі № 19280, а 25 серпня 1943 р. направлений на службу до 386-го стрілецького полку 60-ї стрілецької дивізії внутрішніх військ НКВС. Служив снайпером, зарекомендував себе «дисциплінованим, охайним бійцем», «вимогливим до себе». У нагородному листі, у графі «Стаж служби (з якого і до якого часу)», про службу в НКВС зазначено: «з 1938 р. до 1941 р., з 12.1945 р.»⁵⁰³. Таким чином, у грудні 1945 р. А. Гнесін поновив свою службу в органах НКВС. Мабуть, про нього ж, але з іншим по-батькові (Хаймович), є обліковий запис у базі даних сайту «Подвиг народа» про нагородження 1 серпня 1986 р. як ветерана війни орденом Вітчизняної війни I ступеня.

Д. Кордун і Ю. Абрамович також звернулися з проханням направити їх на фронт для спокутування своєї провини. Військова колегія Верховного суду СРСР 1 червня 1943 р. пішла їм назустріч⁵⁰⁴ і Військовий трибунал військ НКВС ЗСО 19 червня направив начальнику ВТК № 5 припис про направлення їх до Томського пересильного пункту⁵⁰⁵.

Ю. Абрамович був звільнений 9 липня 1943 р. і направлений до Томського міськвійськкомату⁵⁰⁶. Про його подальшу долю відомостей у справі немає. Авторі згаданого дослідження за допомогою матеріалів сайту «Подвиг народа» з'ясували, що на фронті він служив рядовим 6-ї роти 3-го батальйону 940-го стрілецького полку 262-ї стрілецької дивізії 43-ї армії 1-го Прибалтійського фронту. У нічному бою 18 вересня 1943 р. на Вітебському напрямку отримав тяжке поранення у голову, але зміг встановити зв'язок між командним пунктом батальйону і командирами рот, забезпечивши успіх батальйону у наступі. До поранення виніс з поля бою двох пораних — молодшого лейтенанта і сержанта. Після демобілізації з армії 22 вересня 1945 р. був визнаний інвалідом Вітчизняної війни 2-ї групи, а 6 листопада 1947 р. нагороджений орденом Червоної Зірки⁵⁰⁷.

Дещо затягнулася відправка на фронт Д. Кордуна, який через погіршення стану здоров'я був затриманий і направлений до Прикульських таборів НКВС. А вже звідти 11 серпня він був звільнений і направлений до Туганського райвійськкомату (Новосибірська область). Звідти його направили у розпорядження командира військової частини № 34166 (м. Омськ) для відправки до діючої армії. 10 вересня 1943 р. ешеленом № 45964 Д. Кордун вибув на фронт⁵⁰⁸.

Таким чином, реалізація рішення про зміну міри покарання для спільників С. Гапонова відбулася у правовому полі, чого не можна сказати про ситуацію з самим Гапоновим. Всіляко затягуючи відправку його

⁵⁰³ Там само. Уточнено нами за копією архівного документа, розміщеного на сайті «Подвиг народа».

⁵⁰⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 204–205 зв.

⁵⁰⁵ Там само, арк. 207, 208.

⁵⁰⁶ Там само, арк. 249.

⁵⁰⁷ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. — С. 347.

⁵⁰⁸ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 221, 227, 229, 247.

на фронт, керівництво УНКДБ по Новосибірській області знайшло для нього нове застосування як агента органів НКДБ для розробки антирадянськи налаштованих осіб. В умовах, коли народ зазнавав величезних втрат і терпів жорстокий тягар війни, «чекісти» продовжували грати з ним у свої нелюдські ігри, використовуючи для цього готових на все людей. Більш того, вони не переставали підкреслювати «оперативну цінність» таких людей, як Гапонов. Новосибірські керівники запросили 20 липня 1943 р. НКДБ СРСР про можливість звільнити Гапонова від направлення до діючої армії і отримали тривалу паузу у вирішенні цього питання.

Для прийняття рішення 2-й відділ 2-го управління НКДБ СРСР запросив слідчу справу на С. Гапонова. 2-й відділ УНКДБ по Новосибірській області, виходячи з «оперативних потреб», 9 серпня попросив Військовий трибунал військ НКВС ЗСО терміново вислати йому справу⁵⁰⁹. 14 серпня трибунал виконав це прохання і 19 серпня УНКДБ відправило її до Москви.

Водночас С. Гапонов звернувся до Військової колегії Верховного суду СРСР з проханням про перегляд справи, тобто він та його покровителі вирішили діяти і по відомчій лінії, і по судовій. Так питання про Гапонова сплигло у двох вищих московських інстанціях. Однак Гапонов та його захисники серед керівництва УНКДБ перестаралися, вони не просто «перегнули палицю», вони її «стиснули у пружину».

18 серпня 1943 р. заступник голови Верховного суду СРСР В. Ульріх зажадав у голови Військового трибуналу негайно вислати справу С. Гапонова «для перегляду у порядку нагляду»⁵¹⁰, ніби менше двох місяців перед тим підлегли В. Ульріха — члени Військової колегії Верховного суду СРСР — недостатньо її вивчили, коли 1 червня 1943 р. ухвалили рішення у справі. 3 вересня Військовий трибунал направив В. Ульріху повідомлення про те, що УНКДБ направило справу до 1-го спецвідділу НКВС СРСР⁵¹¹.

НКДБ СРСР і Військова колегія Верховного суду СРСР, мабуть, довго узгоджували між собою рішення, а узгодивши, виступили єдиним фронтом. 22 січня 1944 р. начальник 2-го відділу і заступник начальника 2-го управління НКДБ СРСР І. Ілюшин-Едельман затвердив висновок у справі на С. Гапонова. Пропозицію УНКДБ по Новосибірській області про використання Гапонова як агента було відхилено і запропоновано направити його у розпорядження Новосибірського облвійськкомату для відправки на фронт⁵¹². Потім, 5 лютого 1944 р. В. Ульріх підписав листа голові Військового трибуналу військ НКВС ЗСО, в якому зазначив, що заяву С. Гапонова про перегляд справи «розглянуто і залишено без задоволення за відсутністю підстав для перегляду справи»⁵¹³.

⁵⁰⁹ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 217.

⁵¹⁰ Там само, арк. 223.

⁵¹¹ Там само, арк. 226.

⁵¹² Там само, арк. 215–216.

⁵¹³ Там само, арк. 231.

Отримавши цього листа, Військовий трибунал негайно почав розшукувати справу, оскільки був зобов'язаний прослідкувати за виконанням ухвали Військової колегії від 1 червня 1943 р., яке через Гапонова не було виконано у повному обсязі. Коли 17 березня 1944 р. трибунал одержав справу, він того ж дня запросив у УНКДБ інформацію про те, «коли і до якої військової частини для відправки на фронт Вами Гапонов відправлений»⁵¹⁴.

Начальник УНКДБ Л. Малінін 11 місяців саботував виконання рішень судових інстанцій, але тепер виявився притиснутим до стіни. 30 березня 1944 р. він повідомив Військовий трибунал, що 25 березня С. Гапонов направлений у розпорядження пересильного пункту Новосибірського облвійськкомату. Місяць потому, 29 квітня, Гапонов відбув з командою № 23 до м. Омськ, табір Черьомушки, у 25-й штрафний батальйон⁵¹⁵.

Військові юристи продовжували відслідковувати переміщення С. Гапонова, і незабаром начальник штабу військової частини № 59969 (м. Омськ) повідомив, що 7 травня 1944 р. С. Гапонов вибув у розпорядження відділу кадрів Сибірського військового округу. Потім, 23 травня 1944 р., інтендант 2-го рангу С. Гапонов був направлений у розпорядження коменданта м. Рославль⁵¹⁶. Це невелике місто у Смоленській області було звільнено 25 вересня 1943 р. і у травні 1944 р. знаходилося у радянському ближньому тилу.

Виходячи з цих даних, автори статті про справу С. Гапонова та його колег зробили висновок, що він уникнув передової і не брав участі у бойових діях⁵¹⁷. Однак, наприкінці червня почалась Білоруська наступальна операція Червоної Армії, і Гапонов недовго ходив в інтендантах. У базі даних сайту «Подвиг народа» є обліковий запис і електронні копії архівних документів про нагородження 16 серпня 1944 р. стрілка 38-го окремого штрафного батальйону 330-ї стрілецької дивізії 5-ї армії 2-го Білоруського фронту рядового С. І. Гапонова орденом Червоної Зірки. Згідно з інформацією українського дослідника В. Золотарьова, Гапонов був нагороджений навіть двома орденами Червоної Зірки. Але про друге нагородження інформація на сайті відсутня. Таким чином, фронт особисто для штрафника С. Гапонова став гідним виходом з тієї життєвої ситуації, в якій він опинився. На жаль, у багатьох його жертв, як і у десятків тисяч інших жертв Великого терору, не було навіть такої можливості.

Підбиваючи підсумок короткому викладу історії розслідування злочинів, скоєних співробітниками УНКВС по Одеській області під час Великого терору, зазначимо, що кримінальному переслідуванню була піддана порівняно невелика частина особового складу УНКВС. За описаними нами кількома слідчими справами було засуджено 16 осіб, ще один обвинувачений відправлений на примусове лікування. Всі вони

⁵¹⁴ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 237.

⁵¹⁵ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 242, 252.

⁵¹⁶ Там само, арк. 254, 256.

⁵¹⁷ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД.— С. 346.

представляли три з шести основних оперативних відділів УДБ УНКВС — 3-й (контррозвідувальний), 4-й (секретно-політичний) і 6-й (оперативне обслуговування воєнізованих організацій).

Основна частина засуджених була керівниками УНКВС середньої і нижчої ланок. Разом з репресованими колишніми начальниками УНКВС та іншими керівними працівниками УНКВС (В. Писарєв-Фукс, М. Герзон, А. Ратинський-Футер, В. Блюман, Б. Глузберг), яких звинуватили в участі у «змові», вони стали головними порушниками закону в Одесі. Оперативний склад УНКВС був мало охоплений «дисциплінуванням», хоча за логікою масових «чисток» суспільства, він мав становити злочинну «низовку». Стосовно частини співробітників проводили слідчі дії і вони фігурували у справах, проте їх не притягли до кримінальної відповідальності.

Водночас деякі колишні співробітники УНКВС були засуджені за злочини, скоєні вже на новому місці служби. При цьому матеріали про одеський період їхньої службової діяльності не відіграли жодної ролі у вироках. Яскравим прикладом цього може бути описана нами історія засудження заступника начальника УНКВС по Житомирській області Г. Гришина-Шенкмана. До листопада 1937 р. він очолював 3-й відділ УДБ УНКВС по Одеській області, тобто був попередником О. Шнайдера і Й. Рибаківа на цій посаді. Саме йому його колишні одеські колеги приписували організацію головної одеської катівні часів Великого терору — Центрального арештного дому (ЦАД). Однак, в матеріалах слідства у справі Г. Гришина-Шенкмана це не відображено. Так само і він не давав жодних свідчень у справах своїх колишніх колег. Частково це пояснюється тим, що у центрі уваги слідства практично скрізь були події кінця 1937—1938 років, коли «викривлення» в оперативній і слідчій роботі органів НКВС набули особливо жахливих масштабів.

Такий підхід слідства апіорі призводив до недосліджуваності більшості справ. Проте і зібраного матеріалу, зазвичай, цілком вистачало для винесення відповідних судових рішень. Якщо пристати на точку зору, що для Й. Сталіна та його найближчого оточення головним було не справедливо покарати, а лише дисциплінувати органи НКВС, закликати їх до порядку, то тоді можна вважати, що своєї мети вони досягли. Якщо ж подивитися на питання з юридичної точки зору, то боротьба з «порушниками соизаконності» часто виглядала як профанація. Описана нами історія з С. Гапоновим — тому підтвердження. Звичайно, проблема була не в недостатніх зусиллях військових юристів. Вони-то робили все, що могли.

Аналіз слідчих справ дозволяє висунути таку наукову гіпотезу. Найбільшим гальмом у проведенні розслідувань порушень законності була корумпованість органів НКВС, яка проявлялась не в матеріальному аспекті, а у кадровому. У соціальній структурі суспільства це була справжня каста, яку іноді роздирали внутрішні суперечності, але вона була згуртована загальними цінностями, інтересами та прагненнями. Від самого початку існування органів ЧК—ДПУ—НКВС в Україні в них проводилась специфічна кадрова політика. Внаслідок її, зокрема, протекціонізму, що процвітав, виникли не лише «клани» В. Балицького,

І. Леплевського і О. Успенського, про які йдеться в історичній літературі, але й більш широка корпоративна спільнота — «чекісти». Це були люди, які не обов'язково прийшли в органи ще за часів ЧК, але й значно пізніше, і були пов'язані між собою численними службовими й особистими зв'язками. Це були і чекісти, і гепоушники, і енкаведисти. Всім їм подобалась сама назва «чекісти», яка широко використовувалась у партійно-державному побуті і пропаганді.

Сильним ударом по цій корумпованій спільноті стало «викриття» в органах НКВС «троцькістської змови». Перенесена на органи НКВС антитроцькістська складова Великого терору зруйнувала багаторічні корупційні зв'язки між патронами та їхньою клієнтелою серед співробітників НКВС. «Викриття змови» в органах НКВС породило небачені досі страх і роз'єднаність серед них. І, навпаки, переорієнтування репресій проти співробітників НКВС з «троцькістсько-змовницької» лінії на «порушення соцзаконності» сприяли відновленню старих і виникненню нових корупційних зв'язків всередині цієї корпоративної спільноти.

Про це свідчить різне ставлення співробітників НКВС до своїх колег, які потрапили в немилість. До обвинувачених в участі у «змові» виявляли звичну жорстокість як до звичайних заарештованих, оскільки йшлося про власне виживання і максимальне дистанціювання від «змовників». Це ще більше призводило до руйнування старих корупційних зв'язків.

До співробітників, яких обвинувачували у «порушеннях соцзаконності», часто виявляли співчуваюче ставлення, а іноді — дива винахідливості, щоб вивести їх з-під удару правосуддя. Велике значення при цьому мали наявність або відсутність між колегами попередніх корупційних зв'язків, а також звичайних симпатій і антипатій, що неминуче виникали на ґрунті боротьби за місце під сонцем. Той самий С. Гапонов, коли він був ще одним з керівників УНКВС, по-різному ставився до заарештованих колишніх колег. Але загальна «біда» — «несправедливі» гоніння на «чекістів» і посилені пресинг з боку військових юристів — сприяли відродженню корпоративної згуртованості співробітників НКВС.

Зазначене не стосується заарештованих і доведених до суду «порушників соцзаконності». Намагаючись вигородити себе, вони під час судових засідань часто давали конкретні й змістовні свідчення, «підтоплюючи» тим самим своїх колег, причому, зазвичай, справедливо. Природно, це сприяло подальшій роз'єднаності між ними.

Таким є історичний контекст, в якому були створені документи, що запропоновані увазі читача. Точніше слід зазначити, що ці документи з огляду на юридичні наслідки створювали новий історичний контекст — виходу з Великого терору, але не припинення терору як такого. Доведені до лави підсудних співробітники НКВС за час своєї вірної служби партії знищили тисячі талановитих і звичайних людей, а скалічили фізично і морально ще більше. Проте судили їх не за це, а за те, як вони зробили це. І в цьому полягала сутність боротьби з «порушеннями соціалістичної законності».

Незважаючи на секретність Великого терору, суспільство достатньо вловлювало суть того, що відбувалося. А «Молдавський процес», який став надбанням гласності, за дотепним висловом сучасника, зафіксованим

в офіційному документі НКВС УРСР, «розв'язав язика». У подальшому кримінальне переслідування «порушників соцзаконності» проходило вже у закритому режимі. Суспільство отримало інформації рівно стільки, скільки вище партійно-державне керівництво вважало за потрібне йому дати. Вирішили розбиратися з «порушниками» у подальшому тишком. Рана народу, що кровила, була ще занадто свіжа.

Політичне рішення про секретність покарання «порушників» давало шанс багатьом з них вийти сухими з води. І це ж стало причиною другої хвилі боротьби з «порушниками» після смерті Й. Сталіна під час «подолання культу особистості та його наслідків». На відміну від першого етапу, коли кампанія по наведенню порядку в НКВС лише побічно торкнулася невеликої частини жертв масових репресій, у 1950-ті роки набрав сили процес реабілітації тисяч репресованих людей. Працівники партійних органів, які займалися питаннями реабілітації колишніх членів партії, а за ними і нове покоління співробітників органів держбезпеки і прокуратури вперше на власні очі побачили архівні документи часів Великого терору. З'явилися питання і до деяких «заслужених ветеранів органів». Але до нових судових процесів над ними справа дійшла лише в Грузинській РСР⁵¹⁸.

Навіть більше, колишні співробітники НКВС, яких було засуджено за «порушення соцзаконності», намагалися скористатися нагодою і добитися повної реабілітації. Адже це іноді вдавалося внаслідок перегляду кримінальних справ на їхніх колег — «змовників» і «шпигунів». Меншою мірою все це повторилося наприкінці 1980-х рр., коли були вжиті додаткові заходи для відновлення історичної і правової справедливості стосовно жертв репресій. І навіть сьогодні, через 80 років після початку кампанії по боротьбі з «порушеннями соцзаконності», ця тема залишається актуальною не лише в науковому, але і в соціально-політичному аспекті — як частина глобальної проблеми «Людина і Система».

Документи, що пропонуємо увазі читачів, підготовлено відповідно до загальних правил публікації архівних документів, про які зазначено у вступі до першого тому нашої документальної серії⁵¹⁹.

На обкладинці книги представлено фотографії двох адміністративних будинків у м. Києві, в стінах яких у 1938–1941 рр. приймали важливі рішення щодо відновлення «соціалістичної законності» в органах НКВС УРСР. На першій сторінці — будинок на вул. Короленка (нині — Володимирська) 33 (фото 1937 р.)⁵²⁰. Під час Великого терору тут розміщався ЦК КП(б)У. Після переїзду ЦК до нового будинку, сюди в'їхав НКВС

⁵¹⁸ Блауфельт Т. «Какова была музыка, таков был и танец». Дело Серго Семёновича Давлианидзе // Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей.— С. 631–661.

⁵¹⁹ Див.: Васильев В., Подкур Р. Особливості публікації документальної серії «Відлуння Великого терору» // Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.— Т. 1: Партійні збори та оперативні наради співробітників управління НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.).— С. 16–17.

⁵²⁰ Центральний державний кінофотофоноархів України ім. Г. С. Пшеничного, фото № 2–43504.

УРСР, оскільки будинок, який будували для НКВС на вул. Кірова (нині — М. Грушевського) 12/2, зайняв РНК УРСР⁵²¹. НКВС УРСР у 1937–1938 рр. перебував за адресою вул. 25 жовтня (нині — Інститутська) 3, де у повоєнні роки знаходився Жовтневий палац культури. Однак саме адреса «Короленка 33» довгі роки асоціювалася у киян з органами НКВС–НКДБ. У 1939–1941 рр. тут знаходилася головна внутрішня «кухня» розслідувань злочинів співробітників НКВС, скоєних під час Великого терору.

На четвертій сторінці — будинок на Урядовій (нині — Михайлівській) площі 1 (фото 1939–1941 рр.)⁵²². Від 1939 р. тут знаходився ЦК КП(б)У. Зробивши свій внесок в початок кадрової чистки НКВС УРСР у зв'язку із «молдавською справою», перший секретар ЦК КП(б)У М. С. Хрушов продовжував інтенсивно спілкуватися з керівництвом НКВС. З початком Другої світової війни керівники ЦК КП(б)У та НКВС УРСР головну увагу приділяли актуальним військово-політичним, соціально-економічним та іншим питанням. Але кадрова політика в НКВС УРСР залишалася під контролем вищих партійних інстанцій у Москві й Києві.

**Сергій Кокін (Інститут історії України НАН України),
Джеффри Россман (Університет Вірджинії, США)**
Київ — Шарлотсвілл, травень–серпень 2018 р.

⁵²¹ Див. про це: Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей.— М., 2017. Текст на 4-й сторінке обкладинки книги.

⁵²² Центральний державний кінофотофоноархів України ім. Г. С. Пшеничного, фото № 0–103548.

РОЗДІЛ 1.

СПРАВА НАРКОМА ВНУТРІШНІХ СПРАВ МОЛДАВСЬКОЇ АРСР ІВАНА ШИРОКОГО ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ НКВС МАРСР

«Когда приехал Широкий, он всё время в большом напряжении держал аппарат, ежечасно вызывал к себе и всё время твердил, надо вскрывать организации, давать дела».

— *Григорій Юфа, колишній начальник 4-го відділу УДБ НКВС МАРСР, на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР 30 грудня 1938 р.*

«Я совершил большое государственное преступление, выполняя распоряжение Юфы, принял участие в провокационном следствии... Прошу пощадить меня, я оказался невинной жертвой, меня подвели, я — не враг Советского государства, а являюсь патриотом нашей страны. Зачем меня уничтожать, мне только 30 лет».

— *Іван Волков, колишній начальник відділення 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР, на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР 30 грудня 1938 р.*

«До того, как я признался, я несколько суток стоял, отчего у меня опухли ноги. Уже после “признания” Волков приказал милиционеру, дежурившему возле меня на время “стоянки”, чтобы мне разрешили прилечь, и я пару часов полежал. После чего я встал и начал отказываться от показаний, за что Волков начал меня избивать».

— *Ілля Островський, учитель, свідок на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР 30 грудня 1938 р.*

«Я отказывался дать Шпицу показания, тогда он мне заявил, что если я не соглашусь давать показания, он — Шпиц пойдёт к наркому за санкцией на применение в отношении меня решительных мер. Поскольку я знал, что это за “решительные меры”, я решил, чтобы физически остаться целым, начать давать ложные показания».

— *Володимир Величко, учитель, свідок на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР 30 грудня 1938 р.*

«Уголовно-процессуальный кодекс я даже в руках не держал. Через сколько дней после ареста надо предъявить обвинение и допрашивать арестованного, я не знал. Меня не учили, как надо работать и правильно вести следствие».

— *Павло Чичикало, колишній помічник оперуповноваженого УДБ НКВС МАРСР, на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР 29 грудня 1938 р.*

№ 1

**Постанова 4-го відділу УДБ НКВС УРСР про початок
попереднього слідства у справі І. Т. Широкого**

Жовтень 1938 р.

Ф. № 21/а

По делу №

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Киев, октября, 1938 года, я оперуполномоченный IV отдела УГБ НКВД УССР ХРОМОЙ, рассмотрев материалы о преступной деятельности гр[ажданина] ШИРОКОГО Ивана Тарасовича, члена КП(б)У, быв[шего] наркомвнудела МАССР, выразившейся в том, что он занимался вымогательством от арестованных ложных показаний, и усматривая в совершённых обвиняемым ШИРОКИМ И.Т. действиях признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 206—17 п. «а» и 108 УК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

На основании ст. ст. 93 п. 2 и 108 УПК УССР начать по настоящему делу производство предварительного следствия.

Копию настоящего постановления направить Прокурору ПО и ВО НКВД.

Оперуполномоченный IV отдела

Хромой

Согласен: Начальник I отделения IV отдела

Калуужский

Утверждаю: Начальник IV отдела УГБ НКВД УССР

Павлычев

Arhiva Serviciului de Informații și Securitate a Republicii Moldova, fostul KGB al RSSM (Архів Служби інформації і безпеки Республіки Молдова, колишній КДБ МРСР), далі — ASISRM-KGB, dosar (справа) 31233, f. (аркуш) 2.

Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 2

**Лист наркома внутрішніх справ СРСР Л. П. Берії першому
заступнику наркома внутрішніх справ УРСР А. З. Кобулову
щодо організації судового процесу у справі Г. Н. Юфи,
І. В. Волкова, І. А. Шпица, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка**

22 грудня 1938 р.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
«22» декабря 1938 г.
№ 109813
г. Москва

Сов. секретно

НКВД УССР — ТОВ. А. З. КОБУЛОВУ

На основании материалов, представленных комиссией по расследованию заявления гр[аждани]на САДАЛЮКА, НКВД СССР считает необходимым проведение в гор. Киеве гласного судебного процесса над виновниками незаконного ареста САДАЛЮКА, ЛЕНЧИНЕРА и др. и создания против них искусственно провокационного дела.

НКВД СССР санкционирует предание суду бывших работников НКВД Молдавской АССР — ЮФЫ Г.Н., ВОЛКОВА И.В., ШПИЦА И.А., ЧИЧИКАЛО П.Г., а также бывшего секретного сотрудника НКВД Молдавской АССР — КУЗЬМЕНКО С.П.

Дело будет направлено на рассмотрение Военного трибунала внутренних и пограничных войск Киевского округа. Обвинение на суде по согласованию с Прокуратурой Союза ССР поручено помощнику главного военного прокурора тов. КУЗНЕЦОВУ А.Х.

Вам необходимо обеспечить тщательную подготовку этого процесса, согласовав все Ваши мероприятия с секретарём ЦК КП(б)У тов. Н. С. ХРУЩЁВЫМ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
комиссар госуд. безопасности 1-го ранга

Л. Берия

**Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі — ГДА СБУ),
ф. 16, оп. 1, спр. 297, арк. 505. Оригінал. Машинопис на бланку.**

№ 3

Обвинувальний висновок у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпица, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка

23 грудня 1938 р.

ОБВИНТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 26 по обвинению граждан ЮФА Григория Наумовича, ВОЛКОВА Ивана Васильевича и др. в преступлениях, предусмотренных ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

В конце ноября 1938 года на имя тов. Н.С. Хрущёва поступило заявление от директора школы села Ближний Хутор Тираспольского района МАССР гр[ажданина] САДАЛЮКА, в котором он сообщал, что в июле 1938 г. был арестован НКВД МАССР и в течение трёх месяцев содержался под стражей без всяких к тому оснований. В этом же заявлении указывалось, что следователь ЧИЧИКАЛО, допрашивавший Садалюка, применил в отношении него преступные методы следствия, помогая таким путём признания в том, что Садалюк якобы являлся участником к.р. фашистской молодёжной организации.

Произведённым по данному делу расследованием было установлено следующее.

В 1938 году народным комиссаром внутренних дел МАССР был назначен гр[ажданин] ШИРОКИЙ, а начальником IV отделения УГБ НКВД МАССР — гр[ажданин] ЮФА.

Как устанавливается показаниями последнего, Широкий поставил перед ним задачу «вскрыть» к.р. фашистскую молодёжную организацию, заявив, что в некоторых областях УССР такие организации вскрыты, а следовательно, такая организация не может не быть и в Молдавии.

Однако, НКВД МАССР не располагало данными о наличии подобно-го рода к.р. организации, и потому Юфа, решивший выполнить указание Широкого, встал на путь создания провокационного, искусственного дела.

В этих преступных целях Юфа решил использовать секретного агента «Фокус», с которым был лично связан по предыдущей своей работе в м. Балте (где Юфа работал в качестве начальника Райотделения НКВД), и которого он, будучи переведён в Тирасполь, также перевёл туда и устроил на работу.

Агент «Фокус» (обвиняемый КУЗЬМЕНКО), работая в Тирасполе, встречался с группой молодых учителей — ВЕЛИЧКО, ОСТРОВСКИМ и другими и в своих агентурных донесениях освещал эту группу, их настроения, встречи и т.д.

Как раз в тот период времени один из этих учителей — гр. ВЕЛИЧКО был исключён из комсомола в связи с его высказываниями по вопросу о возможности построения социализма в одной стране. На почве этого неправильного исключения (через 7 месяцев Величко был восстановлен в комсомоле) у Величко, как он сам это признал, возникли антисоветские настроения, и он в обществе своего приятеля — учителя ОСТРОВСКОГО и указанного выше КУЗЬМЕНКО допускал антисоветские заявления и выпады.

Об этих фактах Кузьменко сообщал в своих агентурных донесениях.

ЮФА, с ведома ШИРОКОГО, решил использовать эти донесения для искусственного создания дела о «к. р. фашистской молодёжной организации». В этих целях он поручил некоему СЕМЁНОВУ составить фиктивный агентурный доклад от имени агента «Фокус» о якобы действующей к.р. фашистской молодёжной организации в Молдавии, ставящей своей задачей подготовку вооружённого свержения советской власти, имеющей свой руководящий центр и т.д.

Как установлено следствием, названный выше Семёнов никакого отношения к органам НКВД не имел и служил в комиссии по делам религиозных культов при ЦИКе МАССР.

Семёнов систематически использовался ЮФОЙ для составления разного рода спецдонесений в адрес НКВД УССР и НКВД СССР по различным делам, а также для написания агентурных докладов и даже протоколов допроса обвиняемых, подписываемых Юфой.

Имея, таким образом, достаточный «опыт», Семёнов написал доклад от имени агента «Фокус» и перечислил в нём в качестве активных участников к.р. фашистской молодёжной организации всех учителей, фамилии которых упоминались в донесениях Кузьменко.

При этом в докладе было указано, что в «руководящий состав этой к.р. организации входят: 1. ВЕЛИЧКО, 2. ОСТРОВСКИЙ, 3. ЛОБАЧ, 4. КИТАЕВ ВСЕВОЛОД и 5. КИТАЕВ ИГОРЬ» (см. доклад, т. 1, л.д. 252).

Написанный Семёновым доклад был ещё в дальнейшем выправлен лично Широкиным, ещё более заострившим соответствующие формулировки. После этого, как показал обвиняемый ЮФА, ШИРОКИЙ приказал дать этот доклад, напечатанный на машинке, агенту «Фокус» для того, чтобы он переписал его от руки и сдал Юфе. Это было необходимо для приобщения этого фиктивного доклада к агентурной разработке «Фашисты», в которой указанный доклад в дальнейшем и явился основным и решающим документом.

ЮФА так и сделал и дал КУЗЬМЕНКО переписать от руки доклад, что тот и выполнил. (т. 1, л.д. 206, 207, 96–98)¹.

По получении этого доклада Широкий послал в НКВД УССР 17 июня 1938 г. шифрованную телеграмму, в которой сообщал о вскрытой организации и, между прочим, приводил факты, которые даже в фиктивном докладе Кузьменко приведены не были. В этой телеграмме он писал:

«[В] Тирасполе среди молодёжи [из] числа интеллигенции агентурным путём вскрывается фашистская организация, ведущая большую организационную работу, особенно среди семей репрессированных.

Выявлено до 20 участников организации, [в] том числе 5 руководящих.

Установлена связь организации [с] антисоветским подпольем Одессы, а также связь [с] рядом военнослужащих частей Тираспольского гарнизона, используемых для сбора шпионских сведений.

Агентурную работу продолжаем». (т. 2, л.д. 44).

Эту телеграмму составил Юфа.

Одновременно ШИРОКИЙ и ЮФА направили в НКВД УССР и копию доклада агента «Фокус».

В ответ на это донесение НКВД УССР было предложено ШИРОКОМУ перепроверить донесение агента «Фокус», но это распоряжение вполне не было. (т. 2, л.д. 49).

18 июня были арестованы постановлением ЮФЫ, утверждённым ШИРОКИМ, первые пять учителей — ВЕЛИЧКО, ОСТРОВСКИЙ, ЛОБАЧ, Всеволод и Игорь КИТАЕВЫ.

ВЕЛИЧКО было поручено допросить помощнику оперуполномоченного ШПИЦУ, который и добился от него, путём угроз и других незаконных методов следствия, признания в принадлежности к к.р. фашистской молодёжной организации, причём Величко назвал в качестве участников организации и других арестованных. (т. 1, л.д. 121–150).

ОСТРОВСКОГО допрашивал оперуполномоченный ВОЛКОВ, прикреплённый в то время для следствия к IV отделению НКВД МАССР. Островский долго отрицал свою вину, но Волков применил в отношении него преступные методы следствия и таким путём добился и его «признания».

¹ Тут і далі посилання на матеріали справи надруковано на лівому полі поруч з абзацами.

Таким же образом были добыты показания и от других обвиняемых. При этом Волков и Шпиц заставляли их выдумывать и подписывать всё новые подробности и фамилии, давая соответствующие указания. В результате в показаниях обвиняемых начали появляться просто нелепые и фантастические подробности вроде того, что их организация была связана с румынской разведкой и румынским королём, что она имела склады оружия, что финансировалась организация румынской разведкой и т.п.

Сам Величко фигурировал по делу в качестве руководителя этой к.р. организации, но затем Волков его вызвал и объявил, что он в дальнейшем будет числиться уже не руководителем, а рядовым участником к.р. организации. И Величко снова начал переписывать свои показания.

На допросе у Волкова Величко и Островский среди прочих участников к.р. организации назвали комсомольца-учителя САДАЛЮКА.

На этом основании ЮФА вынес постановление об аресте Садалюка, а Широкий это постановление утвердил.

Всего по этому делу было арестовано 11 человек:

1. Величко, 2. Островский, 3. Лобач, 4. Игорь Китаев, 5. Всеволод Китаев, 6. Палецкий, 7. Божок², 8. Сагинур, 9. Садалюк, 10. Хмельницкий и 11. Пашенко.

Трое последних были в дальнейшем освобождены ещё до начала расследования по настоящему делу. (т. 1, л.д. 103–104).

Кроме того, ЮФОЙ и ШИРОКИМ было вынесено постановление об аресте ещё двух человек — КОЖЕМЯКИНА и САНДУЛА, но осуществлено оно не было, т.к. эти лица из Тирасполя выбыли. (т. 2, л.д. 53–63).

При аресте Садалюка у него была изъята лично ему принадлежащая автомашина, которую он получил, как хороший педагог, по распоряжению тов. тов. Хрущёва и Коротченко. В течение трёх месяцев содержания Садалюка под стражей эта машина по распоряжению Широкого использовалась в качестве дежурной машины НКВД МАССР. В результате, когда Садалюк был освобождён, то он обнаружил, что на машине за эти три месяца наездили 17 тысяч километров, и она приведена в негодное состояние.

После ареста Садалюка он в течение двух месяцев вообще не допрашивался, а затем был вызван к помощнику оперуполномоченного IV отделения ЧИЧИКАЛО, которому было поручено его допросить. Как установлено следствием, Чичикало вместо допроса Садалюка подверг его избиениям, требуя немедленного признания в принадлежности Садалюка к к.р. фашистской молодёжной организации.

Однако, Садалюк это отрицал и был отправлен обратно в домзак. 10 октября Садалюк был освобождён. (т. 1, л.д. 24–25).

Как установлено следствием, неосновательные аресты граждан, грубое нарушение советских законов при проведении расследования по делам и преступные методы следствия вообще имели место в практике НКВД МАССР.

² У документі помилково — Божко.

Так, следствием по настоящему делу установлен следующий факт провокационного создания искусственного дела против гр[аждани]на ЛЕНЧИНЕРА.

ЛЕНЧИНЕР проживал в Тирасполе по соседству с пом[ощником] оперуполномоченного ШПИЦОМ. Однажды, в мае текущего года, Ленчинер поспорил с женой Шпица, грубо выгнавшей со двора ребёнка Ленчинера, пришедшего туда поиграть. Тогда же жена Шпица заявили Ленчинеру, что она его «проучит и посадит», Ленчинер возразил, что он — честный советский человек и арестовывать его не за что.

После этого ШПИЦ начал принимать меры к аресту ЛЕНЧИНЕРА. С этой целью он заставил своего подследственного ДЕМУСА, обвинявшегося в принадлежности к к.р. повстанческой организации, подписать показания о том, что Ленчинер якобы тоже является участником этой организации.

Хотя Демус совершенно не знал Ленчинера, но под давлением Шпица он подписал протокол.

Однако, так как одного показания Демуса было недостаточно, то Шпиц решил добыть второе. Как раз в это время в производстве Чичикало имелось дело по обвинению некоего ГОВБЕРГА в принадлежности его к к.р. сионистской организации.

Узнав об этом, Шпиц обратился к Чичикало с просьбой получить у Говберга показания о том, что Ленчинер якобы также является участником к.р. сионистской организации.

Чичикало начал говорить об этом с Говбергом, но тот дать показания о Ленчинере отказался, заявив, что впервые слышит такую фамилию и не может о нём ничего сказать.

Чичикало поставил об этом в известность Шпица, который сам решил поговорить с Говбергом. Он начал уговаривать последнего дать показания о Ленчинере и, в конце концов, уговорил его подписать протокол, в котором значилось, что ему, Говбергу, якобы известно, что Ленчинер также является участником к.р. сионистской организации и, кроме того, занимается шпионажем в пользу румынской разведки.

Этот протокол был подписан пом[ощником] оперуполномоченного Чичикало, и в дальнейшем Ленчинер был арестован.

При аресте Ленчинера и доставлении его в НКВД МАССР он заявлял, что арестован на почве личных счётов со Шпицом. Но все эти жалобы остались безрезультатны.

По показаниям ШПИЦА, он говорил с ЮФОЙ об этих жалобах Ленчинера, но Юфа сказал ему, чтобы он не обращал на это никакого внимания.

Постановление об аресте Ленчинера было также подписано Юфой и ШирокиМ. (См. приложение — дело Ленчинера).

ЛЕНЧИНЕР содержался под стражей свыше 3-х месяцев, причём по 21 сентября, т.е. около 3-х месяцев ни разу не допрашивался. В конце концов, его абсолютная невиновность всплыла, и он был освобождён. По показаниям Чичикало, он, придя на работу в органы НКВД лишь в марте этого года, сразу попал в подчинение к Юфе, который, равно как

и Широкий, дали ему «установки» по следствию, сводящиеся к тому, что раз человек попал в НКВД, то от него необходимо добиться «признания». (т. 1, л.д. 31–48).

Расследованием также установлено, что обвиняемый ЮФА систематически злоупотреблял своим служебным положением в личных и корыстных видах³.

Так, будучи начальником райотделения НКВД в Балте, Юфа систематически брал бесплатно продукты в колхозах, доставал дефицитные товары и спекулировал ими и т.п. (т. 2, л.д. 129, прил[ожение] 2-е — парт. дело Юфы).

Кроме того, Юфа присваивал себе секретные суммы, полагавшиеся агенту Кузьменко, и получал от него фиктивные расписки в получении этих сумм, хотя он в действительности их не получал.

Как устанавливается показаниями Кузьменко и признанием самого Юфы, он впервые присвоил себе из 200 рублей, полагавшихся Кузьменко, 20 рублей, выдав ему только 180, а получив расписку на все 200.

В дальнейшем Юфа получал от Кузьменко расписки на более крупные суммы, а в общей сложности присвоил себе свыше 500 рублей. (т. 1, л.д. 196–197; т. 2, л.д. 142–152).

На основании изложенных выше данных, были привлечены в качестве обвиняемых гр[ажд]ане ШИРОКИЙ Иван Тарасович, ЮФА Григорий Наумович, ВОЛКОВ Иван Васильевич, ШПИЦ Исаак Аронович, ЧИЧИКАЛО Павел Григорьевич и КУЗЬМЕНКО Степан Порфирьевич.

ШПИЦ виновным себя признал полностью и все вышеописанные обстоятельства подтвердил.

ЮФА также виновным себя признал, но показал, что, присваивая себе секретные суммы, он якобы действовал по разрешению быв[шего] наркома ЛЮТОГО⁴.

Обвиняемый ШИРОКИЙ первоначально признавал себя виновным частично, но при объявлении ему окончания следствия заявил, что виновным себя признаёт полностью. (т. 2, л.д. 211).

Обвиняемый ВОЛКОВ виновным себя не признал, хотя подтвердил, что применял в отношении Островского незаконные методы следствия. Волков также заявил, что у него были сомнения в правильности показаний обвиняемых о наличии к.р. фашистской молодёжной организации, и что этими сомнениями он делился с Широким, который заявил, что это — факт установленный и проверенный агентурным путём.

Обвиняемые ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО виновными себя признали полностью.

На основании вышеизложенного обвиняются:

1. ЮФА Григорий Наумович, 29 лет, уроженец г. Ромны б[ывшей] Полтавской губ., сын торговца, с низшим образованием, женатый, имеющий одного ребёнка, быв[ший] член КП(б)У с 1931 г., не судившийся, — в том, что, будучи в 1938 г. начальником IV отделения УГБ НКВД

³ Так у документі.

⁴ У документі помилково — ЛЮТОВА.

МАССР, он систематически создавал провокационные, искусственные дела против ряда советских граждан, фабриковал для этой цели фиктивные агентурные донесения и заставлял секретных агентов подписывать эти донесения, а также присваивал себе суммы, отпускавшиеся для оперативных целей, получая от агентов фиктивные расписки в их получении, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

2. ВОЛКОВ Иван Васильевич, 1906 г. рождения, уроженец дер. Токово Ковыкинского р-на МАССР, происходящий из крестьян, с низким образованием, быв[ший] член КП(б)У с 1928 г., исключённый в связи с настоящим делом, не судившийся, — в том, что в 1938 г., будучи прикреплён для следствия к IV отделению УГБ НКВД МАССР, участвовал в провокационном создании искусственного дела по обвинению группы молодых учителей в к.р. деятельности и шпионаже и, допрашивая арестованных по этому делу Величко, Островского и других, применял в отношении них преступные методы следствия и вынудил у них заведомо ложные показания, в которых они оговаривали как себя, так и других, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

3. ШПИЦ Исаак Аронович, 1908 г. рождения, уроженец г. Тирасполя, с незаконченным средним образованием, быв[ший] член КП(б)У с 1932 года, исключённый в связи с настоящим делом, не судившийся, — в том, что в 1938 г., будучи помощником оперуполномоченного IV отделения УГБ НКВД МАССР, он, злоупотребляя своим служебным положением, систематически применял незаконные методы допроса, вымогая таким путём у арестованных показания, участвовал в провокационном создании искусственных дел, а также в целях сведения личных счётов со своим соседом — гр[аждани]ном Ленчинер получил о последнем два заведомо ложных, провокационных показания о том, что Ленчинер якобы является участником к.р. повстанческой и сионистской организации и шпионом, в результате чего Ленчинер был неосновательно арестован и свыше 3-х месяцев содержался под стражей, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

4. ЧИЧИКАЛО Павел Григорьевич⁵, 1918 г. рождения, уроженец местечка Ичня Черниговской области, происходящий из крестьян, с незаконченным высшим образованием, холостой, быв[ший] член ВЛКСМ с 1935 года, не судившийся, — в том, что в 1938 году, будучи помощником оперуполномоченного УГБ НКВД МАССР, участвовал в провокационном создании искусственных дел, систематически применял преступные методы следствия, а также явился пособником обвиняемого ШПИЦА в получении от арестованного Говберга заведомо провокационного показания о гр[аждани]не Ленчинер, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

5. КУЗЬМЕНКО Степан Порфирьевич, 1906 г. рождения, происходящий из кулаков с. Песчаный Брод того же района Одесской области, с высшим педагогическим образованием, женатый, имеющий одного ребёнка, беспартийный, не судившийся, — в том, что в 1938 г., будучи

⁵ У документі помилково — Герасимович.

секретным агентом НКВД МАССР, он, действуя по заданию быв[шего] начальника IV отделения [УГБ] НКВД МАССР ЮФА, подписал заведомо фиктивное агентурное донесение о якобы существующей к.р. фашистской молодёжной организации в Молдавии, хотя в действительности такой организации не было, и тем самым способствовал ЮФЕ в создании провокационного искусственного дела против группы учителей, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

Вследствие изложенного, перечисленные выше лица подлежат суду Военного трибунала пограничных и внутренних войск Киевского округа.

Дело в отношении ШИРОКОГО И.Т. прекращено ввиду его смерти.

Обвинительное заключение составлено 19 декабря 1938 года в гор. Москве.

Обвинительное заключение составил

ПОМ[ОЩНИК] ПРОКУРОРА СССР

Шейнин

Отп[ечатано] 10 экз.

23.XII. за. ар.

ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 1–8. Оригінал. Машинопис.

№ 4

Протокол судового засідання Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпица, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка

29–31 грудня 1938 р.

Дело № 58–1938 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1938 года, декабря 29–31 дня, Военный трибунал пограничных и внутренних войск Киевского округа в гор. Киеве, в открытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — ВАСЮТИНСКОГО

членов: политрука ТРИФОНОВА и

лейтенанта РУСАНОВА

при секретаре — технике-интенданте II ранга ЭФРОИМСОНЕ,

с участием пом[ощника] Главного военного прокурора диввоенюриста т. КУЗНЕЦОВА и членов Киевской коллегии защитников т.т. АВЕРБУХА и ГОЛОВЧЕНКО,

рассмотрев дело № 58—1938 года по обвинению быв[ших] работников НКВД Молдавской АССР ЮФА Григория Наумовича, ВОЛКОВА Ивана Васильевича, ЧИЧИКАЛО Павла Григорьевича, ШПИЦА Исаака Ароновича по ст. 206—17 п. «б» УК УССР и КУЗЬМЕНКО Степана Порфирьевича по ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

Судебное заседание открыто в 18 часов.

Секретарь доложил о доставлении в суд. заседание обвиняемых ЮФА, ВОЛКОВА, ЧИЧИКАЛО, ШПИЦА и КУЗЬМЕНКО, а также явке свидетелей САДАЛЮКА, РОЗЕНФЕЛЬДА, ЛЕНЧИНЕРА, ОСТРОВСКОГО и КОРЧЕВСКОГО.

Кроме того, доставлены в суд. заседание свидетели, содержащиеся под стражей, ВЕЛИЧКО, КЕТРАРЬ и ДЕМУС. Больше свидетелей не вызывалось.

Трибунал удостоверяется в самоличности обвиняемых, которые о себе показали:

ЮФА Григорий Наумович, 1910 года рождения, уроженец г. Ромны б[ывшей] Полтавской губ., сам по соц[иальному] положению служащий. Отец с 1910 по 1912 г. занимался мелкой торговлей, торговал с корзинами лимонами и апельсинами. После революции он всё время работает. У меня образование низшее, в органах НКВД служил с 1927 года. В РККА не служил. Был членом ВКП(б) с 1931 года, в связи с данным делом из партии исключён. Не судился. Я помню 2 дисциплинарных взыскания — выговор и 3-е суток ареста за несвоевременное представление и неправильные данные по агентурной работе. Женат, имею одного ребёнка. Последнее место службы — пом[ощник] нач[альника] 2[-го] отдела УГБ НКВД УССР. Имею специальное звание — лейтенант госбезопасности. Копию обвинительного заключения и определение ПЗ⁶ получил на руки 26 декабря 1938 года.

ВОЛКОВ Иван Васильевич, 1906 г. рождения, уроженец дер. Токомово Ковыкинского района МАССР, из крестьян-бедняков, отец умер в 1928 году. Я до службы в РККА был рабочий-слесарь. В РККА служил с 1928 по 1930 год. Был членом партии с 1928 года, из партии в связи с данным делом исключён. Не судился, образование низшее, дисциплинарным взысканиям не подвергался, женат, имею одного ребёнка. Последнее место службы — начальник отделения 3[-го] отдела УГБ Управления НКВД Молдавской АССР⁷. Имею специальное звание — мл[адшего] лейтенант госбезопасности. Копию обвинительного заключения и определение ПЗ получил 26 декабря.

ШПИЦ Исаак Аронович, 1907 года рождения, уроженец г. Тирасполя, отец был рабочий на мельнице, умер он в 1909 г. Я в Красной армии не служил, до службы в органах НКВД был рабочий. Был членом партии с 1932 года. Образование незаконченное среднее. Последняя моя должность

⁶ ПЗ — підготовче засідання (Військового трибуналу).

⁷ Так у документі. 5 серпня 1937 р. УНКВС по Молдавській АРСР було перетворено на НКВС МАРСР, відповідно Управління держбезпеки (УДБ) входило до складу НКВС МАРСР.

— оперуполномоченный 4 отдела НКВД АМССР. Дисциплинарных взысканий не имел. Женат, имею одного ребёнка. Имею специальное звание — сержант госбезопасности. Копию обвинительного заключения и определение ПЗ получил 26 декабря.

ЧИЧИКАЛО Павел Григорьевич⁸, 1918 года рождения, уроженец м. Ичня Черниговской области, происходит из крестьян-бедняков. Был комсомольцем с 1935 года. Учился 2 года в учительском институте, холост, не судился, дисциплинарных взысканий не имел. Имею специальное звание — сержант госбезопасности. Последняя должность — пом[ощник] оперуполномоченного 4-го отдела УГБ НКВД АМССР. Копию обвинительного заключения и определения ПЗ получил 26 декабря.

КУЗЬМЕНКО Степан Порфирьевич, 1905 года рождения. В обвинительном заключении ошибочно указано, что я — 1906 г. рождения. Из крестьян-кулаков, село Песчаный Брод того же района Одесской области. Есть ли среди моих родственников репрессированные, я не знаю. Жена Махно⁹ — гр[аждан]ка Кузьменко¹⁰ — моя родственница, но она сестрой мне не приходится, связи с ней никакой не имел. Не судился, образование высшее, по профессии педагог. Беспартийный, был членом ВЛКСМ с 1924 по 1934 год, из комсомола выбыл механически. Женат, имею одного ребёнка. Копию обвинительного заключения и определение ПЗ получил 26-го декабря.

Объявляется состав Трибунала, разъяснён порядок отвода, отвода Трибуналу не заявлено.

Свидетели предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний в порядке 89 ст. УК УССР, после чего они удаляются из зала судебного заседания.

Обвиняемым разъяснены их права на судебном следствии в порядке 258 ст. УПК. Заявлений и ходатайств до начала судебного следствия не поступило.

Председательствующий спрашивает обвиняемого ЮФУ, поддерживает ли он своё ходатайство в части вызова ряда свидетелей, поданное им Трибуналу при получении копии обвинительного заключения.

Обв[иняемый] ЮФА: При вручении мне копии обвинительного заключения я просил вызвать свидетелей Улановского, Ткаченко, Первухина, Семёнова и Ривлина¹¹ по вопросам, что Семёнов ещё до моего прихода на работу в НКВД АМССР был допущен к оперативной работе, и Первухина — о том, что бывший наркомвнудел Лютый давал распоряжение брать у агентуры расписки, не вручая ей денег, а затем их использовал по служебной надобности.

Поскольку эти моменты, в подтверждение коих я просил допросить указанных свидетелей, не вызывают у суда сомнений, я от своего ходатайства отказываюсь.

⁸ У документі — Герасимович.

⁹ Див.: Іменний і біографічний покажчик.

¹⁰ Там само.

¹¹ Тут і далі у документі помилково — Ривлін.

Заключение Прокурора: Считаю, что обв[иняемый] Юфа прав, и нет надобности вызывать дополнительных свидетелей.

Мнение Защиты: Поскольку мой подзащитный обв[иняемый] Юфа от ранее поданного ходатайства отказывается, я это ходатайство о дополнительном вызове свидетелей не поддерживаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая, что вопросы, в подтверждение коих обв[иняемый] ЮФА до суда просил вызвать свидетелей, ясны и исчерпываются материалами дела, от вызова свидетелей Улановского, Ткаченко, Первухина, Семёнова и Ривлина отказаться.

Оглашается обвинительное заключение, определение ПЗ. Разъясняется обвиняемым сущность предъявленного им обвинения, и они опрашиваются председательствующим, признают ли себя виновными и желают ли давать показания Трибуналу.

Обв[иняемый] ЮФА: Я виновен в ряде вопросов, но обвинение, предъявленное мне, по-моему, должно инкриминироваться Широкому. Считаю, что я должен отвечать по ст. 206–17 п. «а» УК УССР, а не пункт «б» той же статьи. Показания Трибуналу давать желаю.

Обв[иняемый] ВОЛКОВ: Признаю себя виновным в незаконных методах следствия, показания Трибуналу давать желаю.

Обв[иняемый] ШПИЦ: Признаю себя виновным в незаконном, под влиянием личных счётов, аресте гр[аждани]на Ленчинера, в остальном виновным себя не признаю, показания давать желаю.

Обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Признаю себя виновным в том, что написал не мной написанный агентурный доклад, показания Трибуналу давать желаю.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Признаю себя виновным в том, что согласно получаемых установок допускал неправильные методы ведения следствия, показания давать желаю.

Председательствующий опрашивает мнение сторон о порядке ведения судебного следствия.

Прокурор: Считаю целесообразным судебное следствие начать с допроса обвиняемых в таком порядке: первым допросить обв[иняемого] КУЗЬМЕНКО, затем ЮФУ, ЧИЧИКАЛО, ВОЛКОВА и ШПИЦА. Свидетелей предлагаю допрашивать в следующем порядке: первым допросить Садалюка, затем Островского, Величко, Ленчинера, Розенфельда, Демуса, Корчевского и Кетрарь.

Защита: Полагаем целесообразнее начать судебное следствие с допроса свидетелей, а потом обвиняемых. Свидетелей считаем необходимым допрашивать в таком порядке: первым Садалюка, затем Ленчинера, Величко, Островского, Демуса, Кетрарь, Розенфельда, Корчевского.

Для вынесения определения о порядке ведения судебного следствия ВТ уходит на совещание, после чего

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Судебное следствие начать с допроса обвиняемых в таком порядке: первым допросить обв[иняемого] КУЗЬМЕНКО, затем ЧИЧИКАЛО, ШПИЦА, ВОЛКОВА и ЮФУ. Свидетелей допрашивать в порядке, предложенном Военным прокурором: первым

допросить свид[етеля] Садалюка, затем Островского, Величко, Ленчинера, Розенфельда, Демуса, Корчевского и Кетрарь.

Обвиняемый КУЗЬМЕНКО показал: Разрабатывая группу Величко и других, я свои донесения передавал Юфе, с которым до этого продолжительное время находился на связи. Юфа упрекал меня, что я сводки о группе Величко пишу поверхностно, не смотрю в корень вещей. Незадолго до подписи мной обобщённой агентурной сводки Юфа мне сказал: «Будете иметь генеральный разговор». Когда я перед Юфой освещал деятельность группы Величко, Юфа мне говорил, что мы зацепились за крупную к.р. фашистскую организацию. Сразу я удивился, какая тут организация, а Юфа говорит, что удивляться нечего, для организации к.р. организации не нужно какого-то президиума, достаточно, чтобы люди вели контр-революционные разговоры.

Через некоторое время Юфа предложил мне написать сводку, в которой я бы обобщил и связал все характерные факты из деятельности группы Величко. Характерно, что в своём докладе я указывал о наличии молодёжной к.р. организации, между тем, фигурантами в моём докладе проходили пожилые лица, как, например, Золотарёв, 52 лет, Галинский¹², 48 лет.

В обвинительном заключении указано, что по моему агентурному докладу было арестовано впоследствии 11 человек, но это неверно, так как о Пашенко, Божко и Хмельницком я вообще не указывал в своём докладе, в котором фигурировали только Величко, Островский, Лобач¹³ и братья Китаевы, причём Китаев Игорь у меня не проходил как антисоветское лицо, я о нём только указывал, что он вращался среди группы Величко.

Мой доклад Юфе не понравился, и он его взял с собой, заявив: «Я этот доклад возьму, а завтра Вы будете писать», но, что писать, он не сказал. На второй день Юфа принёс доклад уже отпечатанный на машинке и предложил мне его переписать своей рукой. Всю ночь я переписывал доклад, но фамилии своей не поставил. Утром, часов в 6, приехал Юфа, и я ему говорю, что в переписанном мной докладе есть целый ряд фактов, которые в моих сводках не фигурировали. На это Юфа мне ответил: «Мы Вам помогли, дополнили», т.е., мол, Обл. Управление НКВД помогло мне более глубже и шире осветить антисоветскую деятельность группы Величко. Думая, что это так, что мне помогают в моей работе как секретного сотрудника, я взял и подписал доклад.

В данном случае я не разобрался. Юфа, с которым я был в связи, не помогал мне, проявлял нервозность, иногда кричал на меня. Он просто спровоцировал меня, и я подписал доклад. Юфу я считал своим непосредственным начальником и слепо, выполняя его задание, я подписал доклад, который не соответствует действительности. Юфа оказался

¹² У протоколі прізвище надруковано через літеру «о» — Голінский, а у машинописній копії доповіді агента «Фокуса» від 5 червня 1938 р. — через літеру «а» — Галинский. Подаємо за копією доповіді. (ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 2, f. 218 (конверт, вкладення № 2).

¹³ У документі помилково — Лобачев.

прохвост[ом] и заставил меня подписать «липовый» документ, кроме того, он ещё просто карманщиком оказался.

В июле месяце за одну работу мне следовало [получить] от Юфы, как должностного лица, 200 руб. Юфа мне дал только 180 руб., а 20 руб. обещал добавить потом, но прошло продолжительное время, а эти 20 рублей я так и не получил.

В январе 1938 года я явился на явку, на квартиру Юфы, последний мне предложил составить расписку за получение вознаграждения в сумме 250 рублей. Такую расписку я Юфе вручил, но денег от него не получил, так как Юфа обещал эту сумму мне дать при следующей встрече, но эти деньги я и при последующих встречах так и не получил.

В конце января 1938 года, будучи на квартире у Юфы, он мне дал 250 рублей, но одновременно потребовал расписку на эту сумму. Расписку я ему тогда дал.

Через месяц, на очередной встрече у Юфы, последний предложил дать ему расписку на 250 рублей. Расписку я дал, но денег не получил.

В мае 1938 года у себя на квартире Юфа вручил мне 250 рублей, но на эту сумму он у меня отобрал 2 расписки и таким образом в данном случае также присвоил 250 рублей.

На вопросы Прокурора обвиняемый КУЗЬМЕНКО: Я мог самостоятельно давать оценку замечаемым мной фактам. В своих сводках я фиксировал то, что наблюдал, не делая при этом выводов. В сводке я указывал о к-р группе из 5-ти человек и так устно говорил Юфе, на что последний ответил: «Несомненно, это — крупная организация».

В сводке я группу не определял как фашистскую организацию. У меня не было оснований считать Величко, Островского и других участниками контр-революционной организации, я эту группу считал только антисоветской. В моей сводке не было указано о связи этой группы с румынской разведкой, а в докладе уже об этом шла речь.

Китаев Игорь, как фигурант, в моей сводке не проходил, я только писал, что он бывал с Величко, Островским и другими. По сводкам он у меня с компрометирующими материалами не проходил, и у меня не было данных, чтобы НКВД арестовало Китаева Игоря.

Считаю, что из 5-ти человек, о которых я указывал в сводке, под рубрику антисоветски настроенных людей могли попасть все, кроме Китаева Игоря. У этих лиц были к-р высказывания, причём это в большей мере относится к Величко, правда, и другие допускали антисоветские высказывания, но реже и не так остро. Кроме того, что Величко и другие участники группы были антисоветски настроены, у меня других данных о их к-р деятельности не было.

О связях с заграничной этой группы я ничего не знал. Разговоры о свержении Советской власти, вооружённом восстании, оружии являются выдумкой авторов докладной записки, которую я подписал.

В своих сводках я писал о разговорах Островского по вопросу бонапартизма Тухачевского, т.е. это проявлялось конкретно в том, что Островский сравнивал как талантливого полководца Тухачевского с Наполеоном. Кроме того, Островский допустил следующее к-р высказывание, заявив

в связи с имевшими место арестами командиров следующее: «Бойцы хорошие, но некому их вести в бой».

Я сделал преступление, что подписал написанный не мной доклад. Объективно получается, что я оклеветал честных людей. Когда я подписывал доклад, то не понимал я, что это — преступление, а слепо верил своему начальнику — Юфе.

Когда Юфа мне сказал: «Мы Вам помогли и дополнили», я предполагал, что в НКВД есть дополнительные материалы об освещаемой мной к-р группе. После подписи мной доклада у меня было угрызение совести в том смысле, что я плохо разработал группу и, оказывается, о многих серьёзных фактах её деятельности не знал. Я поверил в авторитет Юфы и поэтому подписал доклад.

На связи у Юфы я был с августа 1936 года. Между нами разговоры были только по службе. Продолжительное время я был безработный и думал переезжать на родину, в районный центр. Когда об этом узнал Юфа, он предложил мне переехать в Тирасполь, куда переводили его тоже. При этом Юфа мне говорил, что для меня, как секретного сотрудника и учителя, будет большое поле деятельности в Тирасполе. Переехать туда мне помог Юфа.

В докладе меня особенно смущали последние 2 страницы, и я говорил Юфе, что этого в моих сводках не было. Сразу я доклад не подписал, и часа полтора после переписывания доклад был не подписан. Потом, когда пришёл Юфа и сказал: «Мы Вам помогли и дополнили», я доклад подписал.

На вопросы Защиты обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Вначале Юфа мне предложил написать доклад о деятельности группы Величко. Я написал доклад, но Юфе не понравился, и последний меня упрекал, что я не умею писать сводки и поверхностно разрабатываю.

Перед тем, как принести мне для переписывания [на]печатанный доклад, Юфа мне сказал доподлинно следующее: «Хочу Вас научить, как писать сводки, я принесу доклад, Вы его увидите, и это будут для вас настоящие курсы».

Против доклада, принесённого Юфой, я не протестовал, а сказал, что этого я не писал. Его распоряжение я рассматривал как приказ и поэтому подписал доклад. Юфа в отношении меня проявлял нервозность, не учил меня, как надо работать, кричал, в общем, у него было нехорошее отношение ко мне.

Я думал, что если не подпишу доклад, то попаду к Юфе в опалу.

Юфа мне предлагал перейти на гласную работу в органы НКВД, но я этого отказался. У него были карьеристские струнки, так, по поводу раскрытия эсеровской организации в Балте Юфа говорил: «Это нас может поднять», т.е. в том смысле, что ему это припишут в заслугу. Помогая мне переехать в Тирасполь, Юфа говорил, что здесь, т.е. в Тирасполе, — «целина», это слово я понял в том смысле, что в Тирасполе — сплошная контр-революция.

[На]печатанный доклад я переписал от руки, затем подписал его и всё-таки я не понял, что от меня требовали, чтобы я удостоверил факты, изложенные в докладной записке.

Кроме эпизода с докладом, у меня нет подобного рода провокаций в моей работе. По общей грамотности я, несомненно, стою выше Юфы. Последний, давая мне переписывать доклад, сказал, что если будут какие-либо исправления, чтобы я вносил их и в [на]печатанный текст. Но это относилось к мелким фактам, вроде фамилии, профессии проходящего по докладу лица, но не к основным фактам и мыслям, изложенным в нём. Заголовок доклада исходил от моего имени.

Фактически я не протестовал против доклада, я только выразил Юфе сомнение в части отдельных фактов, указанных в нём.

Объявлен перерыв на 10 мин., после чего суд. заседание объявлено продолжающимся.

На вопросы Защиты обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Распоряжение Юфы о подписи доклада я расценил как приказ начальника. Этот приказ был незаконный, но я это понял только теперь.

Я не пытался внести существенные поправки в доклад.

На вопросы обв[иняемого] ЮФЫ обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: За 2 года связи с Юфой не было случая, чтобы я, кроме этого факта, подписал не отвечающий действительности доклад. Подписанный мной доклад был на 7–9 листах.

Указаний об исправлении в [на]печатанном и [на]писанном тексте не было, был только разговор о том, что могут встретиться технические опечатки имён и фамилий, и это нужно исправить.

2 последних страницы доклада были абсолютно ложны.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Доклад, принесённый Юфой, я не читал, а сразу начал его переписывать, подписывал я его в присутствии Юфы.

Обв[иняемый] ЮФА: Ничего подобного. В 12 часов ночи я принёс Кузьменко напечатанный доклад и дал его переписывать, после чего поехал на работу. Часов в 6 утра, вернувшись, я увидел, что Кузьменко уже кончил переписывать и подписал доклад.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Последние 2 страницы, т.е. концовка доклада, была не моя, я таких данных не давал.

Оглашаются выдержки из доклада агента «Фокуса» по первым страницам.

Обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: С началом доклада я тоже не согласен. Всё сплошь является выдумкой.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО показал: Как лучший комсомолец учительского института я был в марте 1938 года направлен на работу в органы НКВД. Получив назначение в Молдавию, я, перед тем, как приступить к работе, был принят Юфой. Последний ничего мне не сказал, не дал инструктажа, а только предупредил, что надо быть очень конспиративным. Сперва я работал у сотрудника НКВД Степанова, а потом сразу меня допустили к следствию, хотя я до этого никогда в жизни не видел арестованных. Должен сказать, что перед тем, как я приступил к следственной

работе, я зашёл к сотрудникам Павликову, а затем к Глушенко, интересовался, как они допрашивают. Зайдя к ним в кабинет, я увидел, что как Павликов, так и Глушенко, кричат на арестованных, допускают в отношении их «стоянки», избивают и применяют другие недопустимые методы ведения следствия.

На вопросы Прокурора об[виняемый] ЧИЧИКАЛО: Уголовно-процессуальный кодекс я даже в руках не держал. Через сколько дней после ареста надо предъявить обвинение и допрашивать арестованного, я не знал. Меня не учили, как надо работать и правильно вести следствие.

Когда я зашёл в кабинет к Павликову, я увидел, что он разговаривает с арестованным, и тот легко даёт показание. Удивляясь этой лёгкости, я потом спросил у Павликова, как это ему удаётся так быстро получить признание. На это он мне ответил, что до получения показаний он долго допрашивал арестованного и при этом применял к нему незаконные методы допроса.

Садалюка я допрашивал. Его я не бил, а только кричал. Допрос Садалюка я производил по поручению начальника 1-го отделения Мягкова, последний дал мне дело и сказал: «Иди, допрашивай». К тому времени в деле уже имелись на Садалюка показания Островского и Величко.

Я и сейчас не знаю, как надо допрашивать арестованных. Если так, как допрашивали меня, то я так не делал, а допрашивал совершенно другими методами. От меня только требовали, чтобы я добыл к утру показания, так меня учил Юфа и другие старые оперативные работники.

Садалюка я допрашивал с угрозами, ругал его, фактически издевался над ним, т.е. применял то, что запрещено законом.

Ленчинера я не знаю, материала на него не было.

Я вёл следствие по делам сионистов. Однажды Шпиц мне рассказал, что у него есть дело по обвинению повстанца Ленчинера, который якобы был завербован также в сионистскую организацию сионистом Коганом и по заданию Когана занимался шпионажем. Поскольку я вёл следствие по делам сионистов, Шпиц меня попросил при допросе сионистов спрашивать, не знают ли они Ленчинера как участника организации, но на него показаний никто не давал.

Через некоторое время, когда я вёл следствие по делу сиониста Говберга, Шпиц мне сказал, что Говберг должен показать о Ленчинере как участнике сионистской к-р организации.

Допрашивая Говберга, последний о Ленчинере никаких показаний не давал, заявляя, что он такого не знает. Я сел писать протокол допроса, и в это время зашёл в мой кабинет Шпиц. Он у меня спросил, даёт ли Говберг показание на Ленчинера, я ответил, что нет. Тогда Шпиц подошёл к Говбергу и начал с ним что-то говорить. После этого Шпиц подошёл ко мне и говорит, что Говбергу известно со слов сиониста Когана о Ленчинере как участнике организации. Об этом я спросил непосредственно Говберга, последний подтвердил слова Шпица, и я это занёс в протокол допроса.

Через непродолжительное время по распоряжению Юфы мне было передано для ведения следствия дело Ленчинера, и в конце сентября я его вызвал на первый допрос. Ленчинер себя виновным не признавал и стал доказывать мне, что его арестовали, так как он поссорился с женой Шпица. Не зная, как быть в таких случаях, когда арестованный заявляет о личных счётах со следователем, я спросил у члена Киевской опергруппы Гороховского, как быть с делом Ленчинера. Гороховский мне предложил передопросить Демуса и Говберга, давших ранее показания на Ленчинера. После передопроса Демус и Говберг отказались от своих показаний, уличавших Ленчинера в участии в к-р организации. На следующий день я вызвал Ленчинера, допросил его и в протоколе указал о соре Ленчинера с женой Шпица. Этот протокол я дал прочитать Ленчинеру, но, прежде чем ему подписать, я зашёл к Гороховскому и спросил у него, можно ли оставить в протоколе ту часть показаний, где Ленчинер говорит о личных счётах со Шпицом. Гороховский мне предложил эту часть показаний из протокола исключить. После чего я переписал протокол и уже в сокращённом виде, без указания о личных счётах, дал подписать его Ленчинеру.

На вопросы ВТ обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Свои показания, данные на предварительном следствии, полностью подтверждаю.

Я признаю себя виновным в незаконных методах допроса Садалюка.

При допросе Говберга последний мне заявил, что показания на Ленчинера он дал по прямому требованию Шпица.

На вопросы Защиты обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Хотя мне и приходилось писать постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявлении материалов следствия со ссылкой на ст. УПК, но я содержания Уголовно-процессуального кодекса не знал, и у меня его лично вообще его не было.

Как только я пришёл в органы и увидел методы допроса арестованных, практиковавшиеся моими товарищами, я хотел уйти с работы, а потом привык, приучился и сам начал применять незаконные методы следствия.

Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

На вопросы обв[иняемого] ШПИЦА обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Шпиц мне говорил, что Ленчинер по заданию сиониста Когана занимался шпионажем.

Обв[иняемый] ШПИЦ показал: Я совершил тяжёлое преступление, заключающееся в том, что сфабриковал дело человеку, с которым имел личные счёты. У меня был арестованный Демус, который под моим давлением и благодаря умышленно поставленному вопросу показал, что Ленчинер является участником контр-революционной организации. После этого, также благодаря моему давлению, другой арестованный — Говберг, допрашиваемый Чичикало, ложно показал о Ленчинере как участнике организации.

Вообще на следствии я находился с 27 марта по 10-е июля 1938 года, а до этого был на побегушках и поэтому не был знаком с порядком

следствия. В отношении арестованного Демуса я действительно допустил незаконные методы следствия, т.е. применил в отношении его «стоянку», но должен сказать, что в Молдавском облуправлении НКВД такие методы следствия получили широкое распространение, и я считал, что их можно применять, лишь бы арестованный давал показания.

Приехав из командировки, Юфа поручил мне вести дело Величко. До этого я взял доклад агента «Фокуса» и ознакомился с ним. На Величко я не кричал, а уговаривал его сознаться, что он руководил к-р фашистской молодёжной организацией. Величко долго упирался, не хотел признаваться, а потом сел и начал писать показания, в которых, между прочим, он указывал, что у Островского имеется книжечка, где он записывает передвижение войск по Молдавской республике. Собственноручные показания Величко, т.е. черновик, я передал Юфе, который оформил это протоколом допроса. Полученный от Юфы протокол я дал затем подписать Величко, и он его подписал.

На вопросы ВТ обв[иняемый] ШПИЦ: Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] ШПИЦ: Юфа принёс мне протокол Величко, в который внёс значительные изменения по сравнению с собственноручными показаниями Величко. Этот протокол был провокационный, и его Юфа составил с помощью Семёнова.

Величко мне не говорил, что написанные им показания являются ложными. От него я не требовал признания, что к-р организация связана с румынской разведкой.

О том, что доклад агента «Фокуса» не соответствовал действительности, я не знал.

Величко я показания не диктовал и во время допроса не угрожал.

Демус у меня стоял двое или трое суток по приказанию Широкого, который сказал мне, что Демус должен «дать» показания.

Когда Ленчинера арестовали, он у секретаря 4-го отделения начал сильно кричать и волноваться, заявляя, что невиновен и имеет со мной личные счёты. Опасаясь, чтобы я не подвергнулся ответственности за действительные причины ареста Ленчинера, я сказал Юфе, что заявление Ленчинера о личных счётах со мной надо расследовать, но Юфа не придал этому значения и сказал: «Успокойся и не обращай на это внимание». Сообщая Юфе о заявлении Ленчинера, я думал, он обратит на это дело внимание и произведёт расследование, так как меня уже мучило угрызённые совести, и я опасался за последствия незаконного ареста Ленчинера.

На вопросы Защиты обв[иняемый] ШПИЦ: При допросе Демуса я емумышленно назвал фамилию Ленчинера как участника организации. Он проходил по делу как повстанец, а показания дал на Ленчинера как сиониста.

О том, что Ленчинер из-за личных счётов арестован, Юфа не знал.

Объявлен перерыв до 11 часов 30 декабря 1938 года.

30-го декабря, в 11 часов утра, судебное заседание объявлено продолжающимся.

Обв[иняемый] ВОЛКОВ показал: Во второй половине июня 1938 г. я был переведён на работу в Молдавское облуправление НКВД, где меня прикрепили по ведению следствия в 4-й отдел, и я работал под руководством Юфы. Через непродолжительное время Юфа мне сказал, что им лично агентурным путём вскрыта большая к-р фашистская молодёжная организация, которая имеет колоссальные связи по другим областям. Руководитель этой организации — Величко, пользующийся большим авторитетом среди учительства. Тогда же Юфа мне сказал, что Величко, уроженец Бессарабии, уже сознался, назвав ещё 5–6 чел. участников организации. Дальше Юфа меня информировал, что участники организации Островский — сволочь, Лобач — сын кулака, скрылся от ссылки, у братьев Китаевых под полом обнаружен «Наган».

Получив такие сведения, я поверил Юфе. Последний дал мне только обложки дел, постановления и справки и говорит, надо приступить к допросу. Да, забыл сказать, что перед тем, как приступить к следствию, Юфа мне сказал, чтобы я перед остальными участниками организации говорил о Величко как [о] уже сознавшемся и давшем показания.

С Лобачем я говорил недолго, предложив ему обо всём рассказать, т.к. руководитель к-р организации Величко уже сознался. Лобач сам, без всякого насилия, сел писать показания о вербовке в к-р организацию. Рукопись его собственноручных показаний я принёс Юфе, который хотел их прокорректировать.

После Лобача я приступил к допросу Величко, которого до меня допрашивал Шпиц. Величко я предложил давать показания, поскольку он уже раньше сознался. Величко мне на это сказал, что когда его допрашивал Шпиц, он назвал себя руководителем организации, но это неправда, он — Величко — только активный участник организации, а руководителем является учитель Хмельницкий, имевший в прошлом связи с бывшим секретарём ЦК ЛКСМУ Андреевым.

В отношении Величко я никаких физических мер не принимал, и он сам начал писать показания без моей диктовки, дополнив их целым рядом новых фактов. Величко мне показал об Островском, что сам передавал шпионские сведения агенту румынской разведки Опрашану¹⁴. Кроме того, Величко показал, что другой участник организации — Лобач имеет связи в Осоевахииме, откуда они думают получать оружие на случай вооружённого восстания, что он, Величко, по линии к-р организации имеет связи с родственником жены — студентом Одесского педагогического института. Всё это Величко написал своей рукой, без моей диктовки.

После этого я вызвал на допрос Островского. Последний не давал показаний о своей принадлежности к к-р организации. Об этом я доложил Юфе и спросил его, как быть. На это Юфа мне заявил: «Пусть стоит, пока не даст показаний». Островский несколько суток «стоял», после чего начал давать показания, что он был завербован Величко, давал сведения об оружии и тому подобное. Кроме того, он назвал участником к-р организации ещё и Кузьменко.

¹⁴ У документі помилково — Апрешану.

Я, правда, выругал Островского, когда он не хотел писать о связях с румынской разведкой, но я его не бил, он только «стоял». Вскоре после допроса Островского я подошёл к Юфе и просил его дать агентурный доклад «Фокуса» о деятельности организации, но Юфа мне его не дал.

Собрав все протоколы допросов, я зашёл к наркомку Широкому и поделился с ним сомнениями своими по вопросу недостаточности доказательств, собранных в результате следствия по делу Величко и других. За это Широкий на меня накричал, сказав: «Что Вы либеральничаете с врагами, разводите тут философию, садитесь и работайте». Я просил Широкого дать мне живого человека, т.е. агента, который освещает деятельность Величко и его группы, но в этом мне было отказано, так как, мол, агент «Фокус» находится на личной связи с Юфой, и мне там делать нечего.

Вскоре после этого дело Величко я передал другому следователю и поэтому не мог уточнять показания и устроить по делу очные ставки. Характерно то, что после передачи мной дела, новый начальник отделения Мягков сказал мне, что я плохо допрашивал Величко и других, так как теперь уже новому следователю они дали показания о центральном терроре. Я признаю себя виновным в том, что в отношении Островского применял незаконные методы следствия, но в данном случае я выполнял распоряжение Юфы и вообще я последнего всё время подробно информировал о ходе следствия по делу группы Величко.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] ВОЛКОВ: С Чичикало я знаком как с сотрудником, на его допросах я не присутствовал. На оперативном совещании Мягков говорил, что арестованные называют Чичикало «грозой».

Показания Величко и Островского ложны, и я их добыл преступным путём, но в отношении Лобача я незаконных методов следствия не применял, и показания Чичикало в этой части неверны.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Я подтверждаю свои показания также и о Лобаче. Волков требовал у Лобача, кто вербовал его и других в к-р организацию, и он под давлением Волкова называл фамилии.

Обв[иняемый] ВОЛКОВ: Лобач у меня на следствии дал показание, потому что я от него требовал, но с ним ничего не делал и никаких незаконных методов не принимал. Никого я не бил, только Островский «стоял». О «камерных агитаторах» я ничего не знаю.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Бывший нарком Люты́й давал распоряжение, чтобы отдельные арестованные агитировали в камерах других заключённых давать показания, чтобы они быстрее сознавались.

Оглаш[ается] л.д. 62 т. 1 — показ[ания] Чичикало.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Эти показания верны. В наркомате НКВД существовала специальная камера для «стоянок», действовали всеми незаконными путями, угрозами, чтобы арестованные скорее признавались.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] ВОЛКОВ: Дело Величко и других у меня вызывало сомнение. Уж очень много фигурировало фамилий, и я не верил, неужели все — контр-революционеры, но при допросе

Величко я не мог уточнять вопрос в части названных фамилий, так как у меня вскорости забрали дело.

Островский признался и назвал ряд фамилий только после «стоянки», т.е. применения незаконных методов допроса.

У меня были сомнения при проведении следствия по делу Величко, я верил и не верил показаниям, но я боялся что-либо предпринять, так как меня бы Широкий посадил.

На вопросы Защиты обв[иняемый] ВОЛКОВ: Юфа мне сказал, что он со Шпицом допрашивал Величко, и последний признался. Таким образом, первые добыли показания от Величко Шпиц и Юфа. Юфа, передавая мне для допроса Величко, только устно сказал, что есть протокол с его признанием, у меня же к моменту допроса такого протокола не было.

Величко, будучи приведён ко мне на допрос, сказал: «Я показания давал, могу их дополнить», ему я ничего не подсказывал. Показания в части к-р организации Величко сразу же начал давать без поставленных вопросов, что касается террора, шпионажа и оружия, то по этим моментам Величко дал показания после прямо поставленных вопросов.

Фамилию Садалюка как участника к-р организации я Величко не подсказывал. Величко я по бумажке не диктовал фамилии участников к-р организации.

По вопросу центрального террора Величко сам дал показания.

Островский признался на допросе у меня. Его я ругал, ставил на «стоянку», садил на стул, но не бил.

Величко допрашивался до Островского. От последнего я требовал назвать фамилии участников к-р организации, но при этом фамилию Садалюка я ему не подсказывал. Островский просто сам назвал фамилию Садалюка как учителя, с которым был близок, без моей диктовки.

4 протокола допроса Величко я не рвал, это неправда. Его из руководителя к-р организации в рядовые члены я не разжаловал, он сам отказался от этой «должности». Островский называл Величко руководителем к-р организации. Его, Островского, я допрашивал до отказа Величко от роли руководителя организации, и поэтому у меня появились сомнения по делу.

На вопросы обв[иняемого] ШПИЦА обв[иняемый] ВОЛКОВ: Когда Величко дал неправдоподобные показания о связи с румынской разведкой, Шпиц к тому времени уже уехал из Тирасполя. В Молдавском НКВД была практика, что нарком Широкий корректировал показания арестованных. Я ставил перед Величко вопрос о связях с румынской разведкой, но не румынским королём, так меня ориентировал Юфа.

На вопросы обв[иняемого] ЮФЫ обв[иняемый] ВОЛКОВ: Величко я допрашивал по поручению Юфы.

На вопросы обв[иняемого] ЮФЫ обв[иняемый] ШПИЦ: Протокол допроса Величко я дал подписать 10 июля.

Обв[иняемый] ЮФА: Верно, Величко дали Волкову для допроса, когда меня уже в Тирасполе не было.

На вопросы ВТ обв[иняемый] ВОЛКОВ: Ещё до приезда в Молдавию я работал под руководством Широкого, тогда я был начальником одного

из райотделов Черниговской области, а Широкий был зам[естителем] нач[альника] Черниговского облуправления НКВД.

Я не проверял и не проводил дополнительного следствия вокруг названных мне Островским фамилий. Островский показал мне, что он и их организация в своей к-р деятельности рассчитывала на помощь зав. оружейным складом полка, расположенного в Тирасполе. Об этом факте я информировал Юфу, и, кроме того, это ему было известно из протокола допроса Островского.

Обв[иняемый] ЮФА: Такого факта я не помню. Протокол [допроса] Островского был оформлен после моего отъезда.

На вопросы ВТ обв[иняемый] ВОЛКОВ: С парторганизацией я не делился о своих сомнениях по делу Величко, так как она была зажа-та Широкиим. Я хотел писать о безобразиях в Молдавском Управлении НКВД, но, так как к Широкому могли попасть и мои письма, я боялся, что мне «попадёт» за мои разоблачения. Я сознаю, что имел возможность довести до сведения вышестоящих организаций о творящихся в НКВД МАССР безобразиях, я этого не сделал, и в этом — моё преступление.

Объявлен перерыв на 10 минут, после чего судебное заседание объявлено продолжающимся.

Обв[иняемый] ЮФА показал: Прежде чем рассказать по предъявлен-ным мне обвинениям, хочу здесь сказать о себе. Я сам 1910 года рожде-ния. 12-ти лет поступил в организацию «Юные спартаки», затем был пи-онером, [в] 15 лет был передан в комсомол, а 20-ти лет вступил в партию. Я сам происхожу из семи бедствовавшего еврея. Отец работал сторожем, на подённых работах, а с 1910 по 1912 г. торговал с корзины лимонами. Я сам с 13-ти лет начал самостоятельно работать, 17-ти лет пошёл в ор-ганы, где работал сперва разведчиком, райуполномоченным в различных районах, а потом — в центральном аппарате.

В 1935 году, работая в центральном аппарате, меня послали начальни-ком Райотдела в гор. Балту, а затем я был переведён в Управление НКВД Молдавской АССР — гор. Тирасполь.

Работая в районах, должен сказать, что я никогда крупного следствия не вёл, у меня были дела большей частью на одиночек. В конце 1937 г. я был назначен начальником отделения 4-го отдела, когда врид нарко-ма был Ривлин, наркомом — Лютый, а впоследствии Широкий. При Широком я работал ровно 1 месяц и 10 дней.

Когда приехал Широкий, он всё время в большом напряжении держал аппарат, ежечасно вызывал к себе и всё время твердил, надо вскрывать организации, давать дела. Широкий ввёл практику «стоянок». Он ставил вопрос, что в разных областях Украины вскрываются к-р молодёжные ор-ганизации, и, мол, почему в Молдавии такой организации нельзя вскрыть. Я говорил, что таких данных нет, но о молодёжи есть интересные матери-алы секретного агента «Фокуса». Широкий заинтересовался этими мате-риалами, просмотрел сводки «Фокуса» и сказал, что они некачественные, что они записаны плохо, что факты, сообщаемые «Фокусом», свидетель-ствуют о наличии к-р организации, и необходимо составить единую обобщённую сводку. Для этой цели Широкий дал определённый срок

и потребовал, чтобы такая сводка-доклад был составлен. Распоряжение Широкого было исполнено и доклад был написан.

Когда я пришёл в Тирасполь, я застал уже тут, в 4-м отделе, Семёнова, который допрашивал людей, составлял оперативные документы, но подписи своей на протоколе допроса не ставил. Мне отрекомендовали Семёнова как человека, который раньше 15 лет работал в органах, и сейчас, мол, договариваются с Совнаркомом, где работал Семёнов, чтобы его перебросили на работу в органы НКВД. Поэтому я продолжал использовать Семёнова. Ему я давал собственноручные показания арестованных, и Семёнов впоследствии эти показания оформлял как протоколы допроса, которые я уже предъявлял для подписи арестованным. Должен сказать, что Семёнова я использовал потому, что был малограмотный и лично не был в состоянии выпускать серьёзный оперативный документ.

Когда Широкий отдал распоряжение, чтобы составить агентурный доклад, я все сводки сотруд[ника] «Фокуса» передал Семёнову и сказал ему, чтобы он всё это суммировал. Семёнов написал от руки доклад, я отдал секретарю 4-го отдела Розенфельду для перепечатывания, после чего я отнёс его на просмотр Широкому. Последний внёс коррективы в сторону заострения ряда моментов и сгущения красок, так что пришлось отдельные страницы доклада перепечатывать. После этого я опять понёс доклад Широкому, он с текстом согласился и сказал, чтобы «Фокус» переписал доклад от руки, подписал его, а затем вернул обратно.

На очередной встрече с Кузьменко я принёс ему доклад и сказал ему, что если будут с его стороны какие-нибудь изменения, чтобы он эти изменения вносил в [на]печатанный текст тоже. Я ему оставил этот доклад, напечатанный на машинке, обв[иняемый] Кузьменко переписал его, подписал, и при этом с его стороны никаких возражений не было.

После этого с помощью Семёнова была составлена докладная записка и телеграмма, которую направили в Киев. В телеграмме было указано, что выявлено 5 участников к-р организации. Это было накануне выходного дня, и я поехал в Одессу проведать ребёнка. Возвратившись оттуда и получив копию телеграммы, докладной записки и доклада, я обнаружил, что в телеграмме уже фигурировало 20 участников.

Широкий, который всё время интересовался этим делом, мне сказал, что пять человек надо арестовать и ликвидировать агентурную разработку. Получив такое распоряжение, я приказал Розенфельду составить справки и постановления на 5 человек, которые были арестованы, причём я лично арестовал только Островского.

После этого началось следствие, и Шпиц начал допрашивать арестованного Величко. Его показания, написанные собственноручно, я передал для составления протокола допроса Семёнову, затем отдал их Шпицу, и уже он, в свою очередь, дал этот протокол подписать Величко.

Другого арестованного по этому же делу — Островского я поручил допрашивать Волкову. Во время допроса Островского я несколько раз заходил в кабинет Волкова. Во время допроса Островского последний начал сознаваться, назвав ряд фамилий участников организации. Все материалы следствия докладывались бывшему наркому Широкому, и последний

сказал: «Надо разворачиваться», предложив всех проходящих по делу арестовать. Это было в день моего отъезда в г. Киев. Я поручил Розенфельду составить справки и постановления, подписал их, а сам сразу уехал в Киев к месту нового назначения.

Разворот операции произошёл уже после моего отъезда, и учитель Садалюк был арестован, когда меня уже в Тирасполе не было.

Я сознаю, что неправ, выполняя незаконное распоряжение Широкого, в этом — моя вина, моё преступление.

Кузьменко был у меня на связи около 2-х лет. До этого его материалы были неплохие и в большинстве случаев подтверждались следствием, поэтому к материалам Кузьменко я относился с доверием.

Когда я был переведён в Тирасполь, Кузьменко чувствовал себя неудобно, он расшифровался, и поэтому я его перевёл в Тирасполь. Возможно, я и сказал Кузьменко, что Тирасполь — это «целина», это я сказал в том смысле, что среди учительства Тирасполя ещё мало вскрыто к-р элемента. Я не говорил Кузьменко, что это дело нас поднимет, этот момент я отрицаю.

Финансирование секретных сотрудников производилось в следующем порядке. Сотруд[ник] мне давал расписку в получении денег, и я её направлял в Тирасполь, откуда уже затем получал деньги и расплачивался. Поэтому проходил определённый промежуток времени между дачей расписки и получением денежного вознаграждения.

Находясь на связи с Кузьменко в Тирасполе, я был в очень тяжёлом материальном положении, так как у меня был сильно болен ребёнок, я содержал кормилицу, и она мне обходилась до 600 руб. в месяц. В связи с этим я обратился к быв[шему] наркому Лютому [с просьбой] о помощи. Лютый мне ответил, что сейчас денег нет, возьмите из секретных сумм, т.е., чтобы я взял у сотруд[ника] расписку, представил её финотделу, и полученные деньги взял себе. Так я и сделал. Я отобрал у Кузьменко 2 расписки по 250 руб., а деньги взял себе.

20 рублей я не думал присваивать. Был такой случай, что Кузьменко следовало [выдать] 200 рублей, а я ему дал только 180 руб., так как у меня больше не было. 20 руб. я обещал Кузьменко добавить потом, но забыл об этом и не думал эту сумму присваивать.

Ленчинер был арестован как повстанец по показаниям других лиц, вернее, 2-х человек. О Ленчинере докладывал я, а также и Шпиц, Широкому, и последний предложил Ленчинера арестовать. О личных счётах Ленчинера со Шпицом я не знал. Когда арестовали Ленчинера, он, находясь у секретаря 4-го отдела Розенфельда, поднял крик и начал кричать, что не виноват, но при этом о мотивах ареста ничего не говорил и фамилию Шпица не упоминал, я его действительно за поднятый шум обругал.

Шпиц мне не говорил, что у него есть личные счёты с Ленчинером. Я не помню, чтобы Шпиц меня просил расследовать заявление Ленчинера о личных счётах. Какие основания у Шпица лгать, я не знаю.

Чичикало пришёл на работу в Молдавское НКВД когда наркомом был Лютый. Последний на совещаниях давал установки о преступных

методах следствия. Я виноват, что на это не реагировал. За допущение незаконных методов следствия нас даже похваливали Лютый и Широкий.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] ЮФА: Бывший нарком Лютый и Ривлин говорили, что нужно как можно больше выявлять участников к-р организации, но они не говорили, что нужно по 30–40 фамилий записывать в показаниях.

Были случаи, что я брал продукты в колхозе и не вовремя платил, но всё-таки я ничего должен не остался. За самоснабжение мне вынесли выговор без занесения в личное дело. Впоследствии Тираспольский горком партии отменил решение первичной организации о выговоре и указал мне на неэтичные поступки и неуживчивость.

Волков допрашивал Величко после того, как я уехал из Тирасполя. Протокол допроса Величко датирован 25 июля.

Я виноват в преступных методах следствия и должен понести за это наказание.

Семёнов был уволен за службу в белой армии. Я считаю ненормальным, что он привлекался к оперативной работе в НКВД. Это — преступление. Против привлечения Семёнова на работу в органы я не протестовал.

Кузьменко и его материалам я верил. Широкий мне неоднократно говорил, что вся Молдавия — это пороховой погреб, надо искать оружие.

За агентурный доклад я несу полную ответственность. Я верил сводкам Кузьменко, что имеется только антисоветски настроенная группа, но о к-р фашистской молодёжной организации у меня данных не было. Эту часть в докладе я указал по приказанию Широкого.

Объявлен перерыв на 2 часа.

В 18 часов 30 мин. суд. заседание объявлено продолжающимся.

На вопросы Прокурора обв[иняемый] ЮФА: Чичикало пришёл на работу в органы во время напряжённой борьбы с контр-революцией. Его направил ко мне Лютый. С Чичикало я беседовал, как надо работать, и сказал, что ему придётся заняться следствием. Он в руках УПК не держал и не знал, что арестовывать без санкции прокурора нельзя. Я сам законы знал тоже бегло. Основные статьи УПК я знал и, вместе с тем, их грубо нарушал. Чичикало применял преступные методы следствия.

У меня не хватало смелости протестовать против действий Широкого, я боялся. Сам Широкий, когда пришёл в Молдавское НКВД, усомнился в правильности допускаемых методов следствия, а потом сам стал на этот путь и даже это дело расширил. Линия Широкого в работе была точно так[ая] же, [как] и моя линия, и я, в свою очередь, её прививал своим подчинённым.

Я согласен с тем, что Чичикало и Шпиц по моему указанию приняли участие в создании провокационного дела, но это в меньшей степени относится к Волкову, с которым я работал всего недели 3.

За преступный допрос Островского Волковым я несу ответственность. Шпиц допрашивал Величко при мне.

Кузьменко виновен в том, что подписал фальшивый, мной составленный, документ.

У меня был на связи сотруд[ник] Снижевский. Были случаи, что при встречах ему приходилось ожидать меня по несколько часов, так как я допрашивал людей и не мог оторваться. Впоследствии Снижевский был арестован, а затем освобождён. Его я арестовывал, хотя у меня и были сомнения по вопросу законности ареста Снижевского, о чём я делился с сотрудниками.

Были случаи, что я поручал жене получать донесения от сотрудник[а]. Я сознаю, что это является преступным нарушением конспирации работы чекиста.

Ленчинер был арестован при мне по материалам, которые были добыты Шпицем. Ленчинер проходил по 2-м показаниям, но я не знал, что эти показания являются ложными и даны в результате преступного нажима со стороны Шпица.

Ордер на арест Ленчинера выписывался, но почему Ленчинеру он не предъявлялся, я не знаю.

Садалюк был арестован в день моего отъезда в Киев.

На вопросы Защиты обв[иняемый] ЮФА: Кузьменко я говорил, что его сводки низкого качества, ибо они не удовлетворяли руководство Наркомата. По существу доклада у Кузьменко никаких возражений не было, и он [его] безоговорочно подписал.

Никаких «генеральных разговоров» с Кузьменко у меня не было.

Обв[иняемый] Кузьменко: Во время одной из встреч Юфа, будучи не удовлетворён сводками, сказал мне, что завтра мне предстоит серьёзная работа, и он будет иметь со мной генеральный разговор. Когда я переписал доклад, я его вначале оставил неподписанным. Часа через 2, это было утром, приехал Юфа, и я ему сказал, что меня смущают две последних страницы доклада, которые не соответствуют моей сводке. На это Юфа мне ответил: «Мы Вам помогли, углубили». Полагая, что НКВД добыты новые факты, которые мне были раньше неизвестны, я доклад подписал.

Обв[иняемый] ЮФА: Это неправда, таких слов я не говорил, что мы «Вам помогли, углубили».

Семёнов использовался на работе в НКВД ещё до меня, но это не значит, что я имел право его использовать.

Ходос был руководителем сионистского подполья на Молдавии, я его допрашивал, причём он назвал много лиц к-р сионистского подполья. Показания Ходоса были направлены в НКВД УССР, здесь их читали, и никаких замечаний не поступило.

На вопросы обв[иняемого] ШПИЦА обв[иняемый] ЮФА: Как был составлен доклад Кузьменко, Шпиц не знал, но он допрашивал Величко и мог бы выявить провокационный характер этого дела.

Волков допрашивал Величко после Шпица. Последний составил протокол допроса, но поскольку таковой был низкого качества, этот протокол составил Семёнов.

Обв[иняемый] ШПИЦ: Юфа запрещал мне пользоваться услугами Семёнова, так как, мол, это незаконно, поскольку Семёнов не является сотрудником НКВД, а сам пользовался его услугами.

Обв[иняемый] ЮФА: Это неверно, я не запрещал Шпицу пользоваться услугами Семёнова в части составления протокола допроса.

На вопросы обв[иняемого] ВОЛКОВА обв[иняемый] ЮФА: Волков не обращался ко мне с просьбой о встрече с сотрудником «Фокус», поскольку имеются сомнения по делу Величко. После агентурного доклада по делу к-р молодёжной организации я не был повышен в звании.

Обв[иняемый] ВОЛКОВ: Это неверно, после агентурного доклада «Фокуса» Юфа был переведён в центральный аппарат, получил звание лейтенанта госбезопасности и значок почётного чекиста, а затем Юфа приехал с комиссией «проверять» нашу работу.

На вопросы обв[иняемого] ВОЛКОВА обв[иняемый] ЮФА: Когда я был переведён уже на работу в центральный аппарат, сюда поступили сигналы о том, что в Молдавском НКВД сфабрикованы материалы о право-троцкистском центре на Молдавии. В связи с этим в Тирасполь была командирована специальная комиссия, куда был включён и я по перепроверке этого дела. Не было случая, чтобы подписывались протоколы без допроса обвиняемых.

Свидетель САДАЛЮК Тимофей Григорьевич, 1913 г. рождения, из рабочих, сам учитель, работает директором неполной средней школы, комсомолец с 1928 года, до ареста личных счётов с обвиняемыми не имел, на вопросы Прокурора отвечал:

По работе я никогда не имел дисциплинарных взысканий, а, наоборот, имел грамоту за образцовую постановку учёбы в школе. Автомашину я получил от Совнаркома как поощрение за отличную работу в школе.

Два с половиной месяца после ареста меня не допрашивали. Когда меня вызвали на допрос, то предъявили обвинение, что я — член молодёжной фашистской к-р организации. Я так долго сидел без допроса, что обо мне забыли, и когда следователь меня вызвал, то спросил: «Чего ты сидишь?».

Чичикало меня допрашивал и при этом применял физические методы воздействия. Он требовал, чтобы я признался в участии в к-р организации и дал её центр, чтобы написал о вредительской работе, что, мол, ненавидел русский язык.

Я с этим не соглашался и спросил: «Как это ненавидел русский язык?». Тогда мне попытались это обвинение указать по адресу Величко.

Когда меня освободили из-под стражи, я только через 6 дней, после бесчисленных обращений в АХО НКВД, получил автомашину. Последняя была в негодном состоянии и во время моего ареста прошла 17 тысяч [км], будучи использована НКВД как дежурная машина. Не успел я отъехать этой машиной от Управления НКВД, как она стала. Днём мне стыдно было взять лошадей и отвезти машину, и поэтому я дождался ночи, взял пару лошадей и завёз машину во двор.

Во время допроса Чичикало мне сказал: «Спроси в камере, можно ли Чичикало не дать показаний?», и, действительно, в камере, когда я сказал, что меня допрашивает Чичикало, мне сказали, что я — погибший человек и всё равно ему показания дам. Обращение Чичикало со мной может характеризовать такого рода фраза, когда он мне говорил: «Печёнки отобьём, по одной жиле вытянем, а потом расстреляем».

Чичикало меня избивал только один день, но когда я ему рассказал, кто я, кто мои родители, поведение Чичикало изменилось в лучшую сторону, но оно ещё далеко было от культурного допроса следователя.

Когда я отказывался давать показания, Чичикало мне говорил: «Иди в камеру, а потом я тебя пушу на конвейер».

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: О центре организации и ненависти к русскому языку у меня с Садалюком разговора не было.

Свидетель ОСТРОВСКИЙ Илья Исаакович, 1914 года рождения, сын портного, с 1934 года работает учителем, образование высшее. Был принят в комсомол, не судился, на вопросы Прокурора отвечал:

Я был арестован 18 июня 1938 года. Через 11 дней меня вызвали на допрос. Следствие по моему делу вёл Волков. Последний меня обвинял в принадлежности к к-р организации, заявляя, что Величко, братья Китаевы и Лобач уже признались. Волкову я сказал, что всем этим людям Советская власть сделала очень многое, и не может быть, чтобы они были враги. На это Волков уже с угрозой мне говорит: «Значит, Вас неправильно арестовали, Вы провоцируете органы НКВД», и продолжал в том же духе, называя меня фашистом, шпионом, врагом, требуя дать показания. Я не выдержал, пять суток держался, а потом начал давать ложные показания на себя, тем более, мне показали протокол допроса Лобача, где он признавал себя виновным и в числе других называл мою фамилию.

На допросе я давал показание под диктовку. Волков от меня всё время требовал, кого я из командиров завербовал. Я от этого всё время отказывался и, чтобы как-нибудь избавиться от Волкова, начал ложно показывать, что рассчитывал завербовать в нашу организацию командиров, но не успел, так как меня арестовали. На допросе я показал под влиянием невыносимой обстановки следствия, что думал завербовать Садалюка, поскольку он не доволен, мол, на советскую власть, так как работает на селе. В действительности Садалюк совершенно не тяготился службой на селе и был ею очень доволен. Давая показания, которые по существу были нелепыми, я думал, что следователь разберётся, увидит противоречие по сравнению с другими показаниями, и поэтому полагал, что мои показания не смогут послужить основанием для ареста кого-либо.

Во время допроса меня Волковым был такой характерный случай: в ту часть моих показаний, где я говорил о Садалюке, Волков написал такую фразу: «Садалюка можно завербовать в любую контр-революционную организацию». Я сказал, что не подпишу этого. А Волков мне с угрозой заявил: «Подпишешь», и я вынужден был подписать.

Я нарочно показывал на допросе нелепости, чтобы скорее разобрались и увидели, что никакой организации нет. Во время допроса, кроме Садалюка, я ещё назвал ряд фамилий, в общем, какая фамилия мне попадалась, я ту и называл.

Волкову, подписывая протокол, я говорил: «Хоть я и пишу показания и пописываю их, но всё это неправда, ложь». После этого нажим со стороны следствия, т.е. применение физических мер воздействия, ещё больше усилилось, и Волков меня начал бить ножкой стула.

На вопросы Защиты св[идетель] ОСТРОВСКИЙ: Величко — честный комсомолец, работал добросовестно, хорошо и пользовался большим авторитетом.

На вопросы ВТ св[идетель] ОСТРОВСКИЙ: Тухачевского я не сравнивал с Наполеоном и вообще о Тухачевском ничего не говорил. При мне Величко не вёл антисоветских разговоров.

Обв[иняемый] КУЗЬМЕНКО: Островский неоднократно лестно отзывался о враге народа Тухачевском. По поводу репрессирования как врагов народа отдельных командиров в армии Островский допускал следующее к-р высказывание: «Хорошие бойцы, но некому вести их в бой». В связи с раскрытием сионистской организации Островский говорил: «Там, гдежимают на евреев, будет революция».

Свид[етель] ОСТРОВСКИЙ: Это всё неверно, ложь, никогда подобно-го я не говорил.

Арестовывал меня Юфа, и он каждую ночь ходил к Волкову во время моего допроса, требуя от меня показаний, с кем связан по Москве, Киеву, о шпионской связи с Германией, Румынией, об оружии и т.п. В отношении меня Юфа также применял незаконные методы следствия, так, он брал меня за шею и трусил, заявляя: «Волков у тебя ещё хороший следователь».

Обв[иняемый] ЮФА: Я не применял в отношении Островского преступных методов следствия, правда, на его допросах я присутствовал.

Свидетель ОСТРОВСКИЙ: До того, как я признался, я несколько суток стоял, отчего у меня опухли ноги. Уже после «признания» Волков приказал милиционеру, дежурившему возле меня на время «стоянки», чтобы мне разрешили прилечь, и я пару часов полежал. После чего я встал и начал отказываться от показаний, за что Волков начал меня избивать.

Волков от меня требовал написать заявление, что я, мол, «разружаюсь и прошу смягчения», но я от этого отказался.

С 29-го [июня] по 2-е число [июля] я непрерывно был на «стоянке». Волкову я ложно показал, что в том полку, где я работал учителем, я был по линии к-р организации связан с женой пом[ощника] командира полка по хозяйности. Ей было 50 лет, а ведь наша к-р организация именовалась молодёжной, но на это Волков не обратил внимания.

Обвин[яемый] ВОЛКОВ: Островский показывает неправду, я его не избивал. Правда, «стоянку» я в отношении его применял. Ноги у Островского не опухли, они у него вообще большие, как мне заявил Островский, после имевшего место перелома ноги.

Свид[етель] ОСТРОВСКИЙ: Я просил [у] Волкова разрешения снять туфли, так как у меня опухли ноги, но о переломе ноги разговора не было, и вообще у меня не было перелома ноги.

Свид[етель] ВЕЛИЧКО Владимир Евгеньевич, 1911 года рождения, уроженец Бессарабии, из учителей, сам по профессии учитель, был в комсомоле, образование высшее, находится под стражей по обвинению в к-р агитации, на вопросы Прокурора отвечал:

Я виновен в проявлении антисоветских настроений. С Островским я дружил, и он присутствовал во время моих к-р разговоров. Антисоветские

высказывания с моей стороны имели место в присутствии Лобача, Островского и Кузьменко у меня на квартире, а иногда в ресторане, где мы собирались.

Антисоветские настроения у меня появились на почве того, что я 8 месяцев был без работы и, кроме того, близко сошёлся с активным комсомольским работником Кагановским, который на меня влиял в контр-революционном духе. Арестован я был 18 июня 1938 года. Допрашивал меня следователь Шпиц, последний мне задал 4 вопроса: первое — кто меня завербовал, кого я завербовал, практические задачи, которые ставила себе к-р организация и что успели практически проделать. Я отказывался дать Шпицу показания, тогда он мне заявил, что если я не соглашусь давать показания, он — Шпиц пойдёт к наркому за санкцией на применение в отношении меня решительных мер. Поскольку я знал, что это за «решительные меры», я решил, чтобы физически остаться целым, начать давать ложные показания.

Первоначально мои показания не понравились, я их написал вторично, и таким образом был составлен первый протокол допроса, причём мне сказали, что я — уже не руководитель, а только активный член организации и имею к-р связи с братом жены — студентом в Одессе. После этого меня опять ночью вызвали на допрос к Волкову, и последний заявил, что я не полностью разоружился, скрывая от следствия ряд фактов. Волков от меня требовал показаний о складах оружия, по вопросу террора и новых членах организации. В числе подсказанных мне Волковым лиц фигурировал и стар[ший] лейтенант 153[—го] стрел[кового] полка Чистяков.

Волков мне диктовал фамилии участников организации, причём зачитывал их по имевшемуся у него списку. Он мне также назвал фамилию быв[шего] зам[естителя] наркомпроса Молдавии Соловьёва и требовал, чтобы о нём я писал побольше. Таким образом, в своих показаниях я назвал человек 7—8, в том числе и Садалюка. Последнего я назвал как участника к-р организации под давлением Волкова, без всяких оснований.

В показаниях, написанных мной, я ещё фигурировал и как румынский шпион, хотя это также абсолютно не соответствовало действительности. Следователь Волков сам писал показания, а не я.

О Чичикало я [у]знал, только переступив порог камеры № 5, где мне говорили: «Если попадёте к Чичикало, запоёте соловьём».

На вопросы Защиты свид[етель] ВЕЛИЧКО: Я сперва написал, что являюсь руководителем к-р организации, на следующем допросе Шпиц мне сказал, что я — уже не руководитель, а только активный участник.

Оглашается л.д 123 т. 1 — показания Величко от 8.XII. [19]38 г.

Свид[етель] ВЕЛИЧКО: Этот разговор был со Шпицом, а не Волковым, в этой части я ошибся, давая показания на предварительном следствии.

Волков со мной обращался очень грубо, требовал от меня показаний, чтобы я указал, что Садалюк получал от меня вознаграждение за сбор шпионских сведений, вымогал от меня показания об оружии и даже подготовке покушения на секретаря Молдавского обкома партии Борисова.

Оглашается л.д 142 [т. I] — показания Величко.

Свидетель ВЕЛИЧКО: Это верно, Волков — чудовище, по сравнению с ним Шпиц — пигмей.

Фамилию Опрашан¹⁵ Волков мне назвал.

На вопросы ВТ свид[етель] ВЕЛИЧКО: Я бы не отрицал своей вины в части того, что допускал к-р высказывания, если бы меня следователь спросил об этом, но он делал упор на к-р организацию, оружие, терроры и т.п. вещах, которыми, как я, так и мои товарищи, никогда не занимались.

Островский слышал, как я допускал в его присутствии к-р высказывания.

Свид[етель] ОСТРОВСКИЙ: Я не слышал от Величко к-р высказываний.

На вопросы Прокурора свид[етель] ВЕЛИЧКО: Кузьменко принимал участие в нашей компании и всегда ставил во время беседы остро политические вопросы.

На вопросы обв[иняемого] ЮФА свид[етель] ВЕЛИЧКО: После допроса меня Шпицом я был на допросе у Волкова через продолжительное время.

Объявлен перерыв на 10 мин., после чего суд. заседание объявлено продолжающимся.

Свид[етель] ЛЕНЧИНЕР Иосиф Яковлевич, 1907 года рождения, из кустарей, сам служащий, беспарт., не судился, до ареста имел столкновение с женой Шпица, на вопросы Прокурора отвечал:

В конце мая 1938 года мой 5-тилетний сын зашёл погулять во двор Шпица. Жена его моего ребёнка выгнала со двора. Когда я у неё спросил, за что она выгнала сына, жена Шпица меня обругала и при этом заявила: «Ты будешь знать, я тебе найду место, откуда ты не выйдешь», что «прочит» меня и арестует.

28 июня меня под служебным предлогом вызвали в НКВД, к секретарю 4 отдела Розенфельду. В это время зашёл Юфа и говорит, показывая на меня: «Возьмите, оформляйте его». Когда меня арестовали, я просил мне предъявить ордер на арест, но в ответ Юфа начал кричать, оскорблять меня и говорит: «Я тебе покажу ордер». Помощник Юфы Лошилов также ко мне грубо и издевательски относился. Чувствуя себя абсолютно невиновным, я, вполне понятно, при аресте сильно возмущался, за что меня хотели даже связать.

Через 3 месяца меня вызвал на допрос Чичикало, который меня встретил таким издевательским вопросом: «Чего Вы небритый?». Чичикало меня спросил, знаю ли Когана, Говберга и Демуса. Я ответил, что не знаю, после чего был отправлен обратно в тюрьму.

9 октября 1938 года Чичикало опять меня вызвал на допрос. Я ему начал давать показание, в котором не признавал себя виновным и указывал, что арестован благодаря личным счётам со Шпицом. Когда закончился допрос, я был опять водворён в тюрьму. Через 15 минут меня Чичикало вызывает опять и дал подписать протокол допроса, причём из него уже исчезла та часть, где я указывал о личных счётах со Шпицом.

¹⁵ У документі — Апрешан. У рукописних протоколах допитів В. Величка — Опрашан.

Островского держали на допросе без перерыва дня 4–5. От «стоянки» у него опухли ноги, и когда он вернулся в камеру, где я также содержался, Островский имел страшный вид. Допрашивал его Волков.

Я прошу, товарищи судьи, разобраться в этом деле, чтобы Шпицы и тому подобные знали, что никто не имеет права в нашей стране нарушать сталинскую Конституцию и незаконно сажать в тюрьму честных граждан, что сталинская Конституция крепка.

Обв[иняемый] ЮФА: Я признаю, что допустил преступное, грубое отношение к Ленчинеру.

Обв[иняемый] ШПИЦ: Я также признаю себя виновным в деле Ленчинера, что благодаря личным счётам со мной он был арестован и свыше 3-х мес. содержался под стражей.

Свид[етель] РОЗЕНФЕЛЬД Семён Калманович, 1912 года рождения, из торговцев, сам служащий, комсомолец, не судился, на вопросы Прокурора отвечал:

В присутствии Юфы я по его распоряжению оформлял арест Ленчинера, который предварительно под якобы служебным предлогом был вызван в НКВД. В процессе обыска Ленчинер начал сильно нервничать, возмущаясь арестом, за что Юфа на него кричал.

В моём кабинете Ленчинер говорил, что он арестован из-за личных счётов со Шпицом.

Юфа кричал на Ленчинера, оскорблял его и угрожал. Ленчинер был арестован без ордера, но санкция прокурора на арест была.

На вопросы Защиты св[идетель] РОЗЕНФЕЛЬД: Величко признался на допросе у Шпица, а Островский — на допросе у Волкова.

На вопросы ВТ св[идетель] РОЗЕНФЕЛЬД: Кузьменко я знал как нашего [секретного] сотрудника, что он является сыном кулака и раньше работал в Балте. У нас в архиве есть материалы, что Кузьменко по показаниям двух лиц проходит как участник эсеровской организации.

Семёнов был непосредственно помощником по работе у Юфы. Семёнов составлял протоколы [допросов] ведущих арестованных и докладные записки. Он собственного служебного кабинета не имел и приходил в НКВД по вызову Юфы.

ВТ ставит на обсуждение сторон вопрос о возможности ограничиться допросом прошедших уже перед судом свидетелей, отказавшись от допроса остальных свидетелей — Корчевского, Кетраря и Демуса.

Заключение Прокурора: Я считаю, что поскольку в судебном следствии дело исследовано с исчерпывающей полнотой, нет надобности в допросе свидетелей Корчевского, Кетрарь и Демуса.

Мнение Защиты: Защита целиком поддерживает заключение Прокурора.
ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Имея в виду, что судебным следствием дело исследовано с достаточной полнотой, руководствуясь ст. 275 УПК, свид[етелей] Корчевского, Кетрарь и Демуса в суд[ебном] заседании не допрашивать.

На вопрос ВТ, чем стороны имеют дополнить судебное следствие, Прокурор ходатайствует в дополнение к суд. следствию огласить показания [бывшего] наркома НКВД Молдавии Широкого и постановление о выделении дела в отношении ряда работников Молдавского НКВД.

Оглаш[аются] л.д. 212 т. 1 — показ[ания] Широкого и постановление о выделении дела на л.д. 194 т. 2.

Обвиняемые и стороны судебное следствие ничем дополнить не могут.

Пред[седательству]ющий объявил судебное следствие законченным.

Объявляются прения сторон.

Для поддержания обвинения предоставляется слово пом[ощнику] Главного военного прокурора диввоенюристу тов. КУЗНЕЦОВУ, который считает предъявленное обвинение подсудимым ЮФЕ, ВОЛКОВУ, ШПИЦ, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО целиком доказанным и требует в отношении их применения высшей меры уголовного наказания — расстрела.

Объявлен перерыв до 31 декабря [1938 г.]

В 11 ч. 30 мин. 31 декабря судебное заседание объявлено продолжающимся.

Для защиты предоставляется слово члену Киевской коллегии защитников т. АВЕРБУХУ, который, солидаризируясь с представителем Гособвинения т. КУЗНЕЦОВЫМ в части доказанности обвинения и политического значения процесса, просит своим подзащитным — обвин[яемым] ЮФЕ, ШПИЦУ и ВОЛКОВУ сохранить жизнь, учитывая их молодость и социальное прошлое.

Предоставляется слово члену Киевской коллегии защитников т. ГОЛОВЧЕНКО. Последний просит Трибунал сохранить жизнь его подзащитным — обв[иняемым] ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО, учитывая их молодость и роль в данном процессе.

Объявлен перерыв на 10 мин., после чего судебное заседание продолжается.

Для реплики предоставляется слово военному прокурору диввоенюристу т. КУЗНЕЦОВУ.

Защита от ответных реплик отказывается.

Прения сторон объявлены законченными.

Предоставляется последнее слово обвиняемым.

Обвиняемый КУЗЬМЕНКО: Я сейчас плохо владею собой и буду мало говорить. Хочу обратить внимание Трибунала на то, что я имею отношение только к аресту 5-ти человек, и доклад не мной написан, а его мне подсунили на подпись. Очевидно, при вынесении приговора будет учтено, что я из кулаков, но наша семья наёмной силы не имела, в 1930 году была раскулачена, но затем это раскулачивание было признано незаконным.

В своей секретной работе в органах я имел также и положительные моменты, преступление с докладом — это у меня первый случай. Кроме того, уже 10 лет я работаю педагогом и работаю неплохо.

Обв[иняемый] ЧИЧИКАЛО: Я родился в 1918 году, в 1927 г. умерла моя мать, в 1929 г. — отец. Всё время у меня было тяжёлое материальное положение. В 1936 году я поступил в учительский институт, где проучился 2 года, а затем был мобилизован на работу в органы НКВД. Здесь меня учили работать не так, как нужно, и я увидел неправильные методы следствия. Я думал, что подследственные — это враги, которых надо бить, но вражеских намерений у меня не было, я — не антисоветский человек.

Сознаю свою вину, прошу учесть мой возраст, я исправлюсь, докажу, что я — не враг, хотя я делал вражеское дело.

Обв[иняемый] ШПИЦ: Я совершил большое преступление, упрятал в тюрьму из-за личных счётов честного гр[аждани]на Ленчинера, но это не говорит за то, что я не могу искупить свою вину.

Отец мой был рабочий, родители рано умерли, и я воспитывался в дет-доме. Отсюда меня направили на завод, где меня приняли в партию. Как хорошего коммуниста парторганизация меня выделила для работы в органах НКВД. Здесь я был на следствии только с марта месяца 1938 года. Меня никто не учил, как работать, я не умел разговаривать с арестованными, так как не имел никакого опыта в следственной работе. Я молод и не являюсь антисоветским элементом, прошу мне оставить жизнь.

Обв[иняемый] ВОЛКОВ: Я совершил большое государственное преступление, выполняя распоряжение Юфы, принял участие в провокационном следствии. Гр[аждани]не судьи, взвесьте на весах, что полагается мне, а что другим, за что я отвечаю и за что — другие. Я виновен только в незаконных методах допроса Островского, но я не знал, что он арестован по фиктивным материалам доклада сотру[дника] «Фокуса». Островского я не бил. После его допроса у меня появились сомнения по делу, и я говорил Широкому, что надо проверить, но на это дело не обратили внимание. Прошу пощадить меня, я оказался невинной жертвой, меня подвели, я — не враг Советского государства, а являюсь патриотом нашей страны. Зачем меня уничтожать, мне только 30 лет.

Сам я окончил только 2 класса сельской школы. Был малограмотный, на меня надели шапку не по голове, я не мог охватить всю работу.

До службы в Красной армии я работал на Златоустовском механическом заводе, где меня приняли в партию. Проработав на заводе, я пошёл в Красную армию, хотя я имел право на льготу. В армии я также показал себя с лучшей стороны, у себя в селе организовал лично 2 колхоза. Я агитировал за линию партии, втягивал единоличников в колхозы, во время подавления кулацких волюнок был избит кулаками.

Затем по партразвёрстке меня послали в органы НКВД, продолжительное время работал начальником райотдела НКВД. В районе вскрыл большое к-р подполье. Колхозники находили у меня защиту, и у них я пользовался громадным авторитетом.

В 1938 г. я был переброшен в порядке укрепления на Молдавию. Здесь я также честно работал и был избран депутатом Молдавского Верховного совета. Я — избранник народа, а меня требуют расстрелять. Граждане судьи, меня подвели карьеристы, которые хотели получить дешёвый авторитет.

Нельзя меня равнять со всеми, если сохранят мне жизнь, я из лагеря пойду защищать советскую власть и, если надо, положу за неё голову. Не хочется умирать, я только сейчас ожил, у меня семья, и если меня расстреляют, я её опозорю. Ещё раз прошу оставить мне жизнь. Я ещё докажу, что эта жизнь принесёт пользу стране.

Обв[иняемый] ЮФА: Я всё рассказал суду, рассказал о всех преступлениях, как невинно содержались по нашей вине под стражей ряд учителей. Объективно это была вражеская работа. Плохо, что нет здесь главного

преступника Широкого, который заставлял подчинённый ему аппарат творить такие безобразия.

Я виноват, что слепо доверял Широкому, который меня использовал в создании провокационного дела. Я ему поверил, что в данном случае была не группа, а к-р фашистская молодёжная организация. Понимаю я, что преступление совершил, и тяжёлое должно быть наказание.

Мне всего 28 лет, меня воспитала советская власть с малых лет, юношей я пошёл на работу в органы, я — самоучка, образования никакого не имею, и на мне сказалось вражеское влияние Широкого. Здесь я всё рассказал, пусть суд разберётся, какая моя вина.

Признаю себя виновным в создании фиктивного агентурного доклада и преступных методах следствия. Граждане судьи, в Вашем распоряжении есть целый ряд мер наказания без расстрела. Вы имеете право, когда человек заслуживает расстрела, всё-таки учесть целый ряд моментов. Можно дать мне 25 лет, сколько найдёте нужным, послать меня куда угодно, чтобы я отвечал за те преступления, в которых виновен. Наказывайте, как хотите, только не расстреливайте, не уничтожайте меня. В любых условиях я сумею себя перевоспитать, переделать, я ещё могу быть человеком.

Здесь вполне правильную оценку нашему делу дал Прокурор, но суд учтёт, что злого умысла у нас не было.

Прошу весь советский народ, великого гражданина Сталина простить меня, не расстреливать, не истреблять физически, пусть будет, если можно, пожизненное заключение, но не убивайте меня, я ещё молод, имею семью. Наши слёзы на процессе — это не крокодиловы слёзы, как здесь выступал Прокурор, это — крик души, сознание стыда, сознание того, что ещё хочется быть человеком.

В 15 часов 30 минут Трибунал удалился на совещание для вынесения приговора.

В 22 часа 30 минут оглашается приговор, разъясняется осуждённым сущность его, срок и порядок обжалования приговора.

Осуждённым ЮФЕ, ВОЛКОВУ, ШПИЦУ, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО разъяснено также их право подачи просьбы о помиловании в Президиум Верховного Совета Союза ССР.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: До вступления приговора в законную силу меру пресечения осуждённым ЮФА Григорию Наумовичу, ВОЛКОВУ Ивану Васильевичу, ЧИЧИКАЛО Павлу Григорьевичу, ШПИЦУ Исааку Ароновичу и КУЗЬМЕНКО Степану Порфирьевичу оставить содержание под стражей.

Судебное заседание закрыто в 23 часа.

Председательствующий

Васютинский

Секретарь

техник-интендант II ранга

Эфроимсон

ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 24—47. Оригинал. Машинопис.

**Вирок Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх
військ Київського округу у справі Г. Н. Юфи, І. В. Волкова,
І. А. Шпица, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка**

29–31 грудня 1938 р.

Дело № [58–1938 г.]¹⁶

**ПРИГОВОР [№] 88
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

1938 г., *декабря 31* дня, Военный Трибунал Пограничной и Внутренней Охраны УССР, в г. *Киеве*, в клубе *совторгслужащих*, в открытом судебном заседании в составе:

Председательствующего *Васютинского Я. М.*

и членов: *политрука Трифонова Г. И.*

лейтенанта Русанова Я. Ф.

При секретаре *технике-интенданте II ранга Эфроимсоне*, с участием пом[ощника] Главного военного прокурора ПО и ВО УССР диввоенюриста Кузнецова А. Х. и защиты, состоящей из членов Коллегии защитников по Киевской области Авербуха М. М. и Головченко Я. С., рассмотрев дело 58¹⁷ 1938 г. по обвинению бывших сотрудников НКВД Молдавской АССР:

1. бывшего начальника IV отделения УГБ НКВД МАССР лейтенанта государственной безопасности ЮФА Григория Наумовича, 29 л[ет], уроженца г. Ромны бывшей Полтавской губ., сына торговца, по национальности еврея, с низшим образованием, женатого, имеющего одного ребёнка, бывшего чл[ена] КП(б)У с 1931 г., не судившегося;

2. бывшего оперуполномоченного УГБ НКВД МАССР мл[адшего] лейтенанта государственной безопасности ВОЛКОВА Ивана Васильевича, 1906 г. рождения, уроженца деревни Токомово Ковыконского района МАССР, происходящего из крестьян-бедняков, по национальности русского, с низшим образованием, бывшего чл[ена] КП(б)У с 1928 г., не судившегося;

3. бывшего пом[ощника] оперуполномоченного IV отд[ела] УГБ НКВД МАССР сержанта государственной безопасности ШПИЦ Исаака Ароновича, 1908 г. рожд[ения], уроженца г. Тирасполя, по национальности еврея, с незаконченным сред[ним] образованием, бывшего чл[ена] КП(б)У с 1932 г., не судившегося, из рабочих;

4. бывшего пом[ощника] оперуполномоченного IV отд[ела] УГБ НКВД МАССР сержанта государственной безопасности ЧИЧИКАЛО Павла

¹⁶ На оригіналі документу номер відсутній, проставлений за завірною машинописною копією (ф. 54).

¹⁷ На оригіналі документу від руки написаний номер 26, проставлений за машинописною копією.

Григорьевича, 1918 г. рождения, уроженца местечка Ичня Черниговской области, происходящего из крестьян-бедняков, по национальности украинца, с незаконченным высшим образованием, холостого, быв[шего] чл[ена] ВЛКСМ с 1935 г., не судившегося;

— всех четверых в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР,

и 5-го — КУЗЬМЕНКО Степана Порфирьевича, 1905 г. рождения, происходящего из кулаков с. Песчаный Брод того же района Одесской области, по национальности украинца, с высшим педагогическим образованием, женатого, имеющего одного ребёнка, беспартийного, не судимого, — в преступлении, предусмотренным ст. 20–207–17 п. «б» УК УССР;

Установил:

Состоя на службе в органах НКВД Молдавской АССР, ЮФА, ВОЛКОВ, ШПИЦ, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО вместо выполнения ответственных задач по выявлению действительных врагов народа, троцкистско-бухаринских, шпионско-диверсионных и прочих враждебных элементов и проведения борьбы с этими элементами стали на путь преступного создания искусственных дел о якобы вскрытых ими на территории Молдавской АССР контрреволюционных организаций и ареста в связи с этим по фиктивным материалам людей, не причастных к контрреволюционным организациям и вовсе ни в чём не повинных — честных советских граждан.

На почве шкурных и карьеристских побуждений, а также на почве личных счётов (ШПИЦ), ЮФА и остальные перечисленные его соучастники допустили незаконные аресты и применение незаконных методов следствия к арестованным, добываясь таким преступным путём признания подследственных в контрреволюционной деятельности, к коей последние не были причастны.

Будучи арестованным таким образом по заданию ЮФЫ, а затем освобождён органами НКВД за отсутствием против него каких бы то ни было материалов обвинения, учитель Садалюк обратился с жалобой на имя секретаря ЦК КП(б)У тов. ХРУЩЁВА по поводу незаконных действий перечисленных бывших сотрудников НКВД МАССР.

Учитель Садалюк, член ВЛКСМ, являясь директором школы до ареста его, был отмечен Горсоветом за его образцовую постановку работы в школе и за это же по наряду Совнаркома УССР получил автомашину в личное пользование.

На возникшем по этому поводу предварительном следствии было выявлено:

Располагая донесением сотрудника КУЗЬМЕНКО об антисоветских проявлениях учителя Величко в среде некоторых своих товарищей — учителей, ЮФА с ведома бывш. наркома внутренних дел МАССР Широкого решил сфабриковать материалы о якобы вскрытой им на территории Молдавской АССР контрреволюционной фашистской организации.

Для этой цели ЮФА привлёк уволенного ранее по компрометирующим материалам из органов НКВД Семёнова, которому поручил составить от имени упомянутого КУЗЬМЕНКО фиктивный доклад о якобы известной последнему контрреволюционной деятельности «молодёжной фашистской организации», участниками коей были названы, помимо Величко, допускавшего антисоветские высказывания, и ряд лиц — молодых и честных советских учителей, как Лобач, братья Китаевы и другие.

Доклад этот был скорректирован ЮФОЙ и Широкиным в сторону заострения фиктивных данных о контрреволюционной деятельности фигурировавших в этом докладе лиц.

Этот фиктивный доклад от 5-го июня 1938 г., несмотря на то, что не отвечал действительности и порочил ни в чём не повинных советских граждан, обвиняя их без всяких оснований в принадлежности к «контрреволюционной организации», КУЗЬМЕНКО по предложению ЮФЫ переписал своей рукой, от своего имени и подписал его.

По таким сфабрикованным ЮФОЙ с помощью Семёнова и КУЗЬМЕНКО фиктивным материалам, несмотря на то, что НКВД МАССР не располагало данными о наличии в Молдавии названной выше «контрреволюционной молодёжной организации», 18 июня 1938 г. постановлением ЮФЫ, утверждённым Широкиным, были арестованы пять учителей: Величко, Островский, Лобач и Китаевы — Всеволод и Игорь, а затем по поручению ЮФЫ оперуполномоченный ШПИЦ приступил к допросу указанных лиц и путём угроз и других незаконных методов следствия добился их «признания» в принадлежности к контрреволюционной организации.

При этом Величко, под страхом применения к нему физических мер воздействия, назвал в качестве участников «контрреволюционной организации» и ряд других лиц, в том числе учителя Садалюка.

Прикреплённый для следствия к IV отделению НКВД МАССР оперуполномоченный ВОЛКОВ, допрашивая из этой группы учителя Островского, также применял в отношении его преступные методы следствия, добился таким путём его «признания».

На допросах как ШПИЦ, так и ВОЛКОВ заставляли арестованных выдумывать и подписывать всё новые подробности и фамилии для подкрепления сочинённых ими данных о контрреволюционной и шпионской якобы деятельности указанных ими лиц, и таким путём в качестве участников указанной «контрреволюционной организации» оказались арестованными одиннадцать человек, из коих трое были в дальнейшем освобождены ещё до возникновения настоящего дела.

По показаниям Садалюка, в связи с поданной им жалобой, было выявлено, что он содержался под стражей в течение двух месяцев без всякого допроса и, будучи, наконец, вызван к пом[ощнику] оперуполномоченного ЧИЧИКАЛО, коему было поручено его допросить, подвергся со стороны ЧИЧИКАЛО избиениям и другим незаконным методам следствия, с помощью коих ЧИЧИКАЛО добивался от Садалюка «признания» в принадлежности его к «контрреволюционной фашистской молодёжной организации».

Однако, ввиду отсутствия в НКВД материалов для такого обвинения Садалюка, помимо вынужденных показаний Величко и Островского, Садалюк 10 октября 1938 г. был освобождён. При этом оказалось, что отобранная у Садалюка при аресте легковая машина «ГАЗ» во время пребывания его под стражей незаконно использовалась Молдавским НКВД в качестве дежурной машины, и за время содержания Садалюка под стражей машина прошла 17 тыс. км и приведена была в негодное состояние. В таком виде машина была возвращена ему после освобождения его из-под стражи.

Практика неосновательных арестов и незаконных методов следствия, допущенная указанной группой бывш. сотрудников НКВД МАССР, привела и к другому возмутительному факту провокационного создания искусственного дела против гр[аждани]на Ленчинера.

На почве возникшей ссоры из-за детей между женой Ленчинера (билетёра местного театра) и женой ШПИЦА последняя пригрозила Ленчинеру, что она «проучит и посадит» его. Ленчинер возразил, что он — честный советский человек и арестовывать его не за что.

Вслед за этим ШПИЦ, злоупотребляя своим служебным положением, начал принимать меры к аресту Ленчинера, добился для этой цели провокационным путём у своего подследственного Демуса, как участника контрреволюционной организации, показаний о принадлежности якобы Ленчинера к «контрреволюционной организации», невзирая на то, что Демус Ленчинера совершенно не знал. С помощью ЧИЧИКАЛО ШПИЦ добился таким же преступным путём показаний арестованного Говберга, коего ЧИЧИКАЛО допрашивал, и Говберг также дал показания о том, что Ленчинер, как ему известно со слов некоего Когана, также является участником к-р сионистской организации.

В результате чего, по приказанию ЮФЫ Ленчинер был вызван в Управление НКВД МАССР, где без всяких к тому законных оснований и без предъявления ему ордера на арест Ленчинер был заключён под стражу.

При этом Ленчинер за свою попытку протеста против незаконного его ареста подвергся возмутительным оскорблениям со стороны ЮФЫ в присутствии секретаря отд[ела] Розенфельда, а затем около трёх месяцев содержался под стражей без всякого допроса и лишь 21 сентября¹⁸ с.г. был освобождён, так как вопреки ШПИЦУ и ЮФЕ, всё же всплыла абсолютная невинность его, Ленчинера.

Помимо указанных преступных действий ЮФЫ, вскрыт был ряд его злоупотреблений своим служебным положением в личных и корыстных целях, как, например: ЮФА в бытность его нач[альни]ком Райотделения НКВД в Балте систематически брал бесплатно продукты в колхозах, товары в магазинах и, наконец, присваивал себе секретные суммы, причитавшиеся сотруднику КУЗЬМЕНКО, отбирая от него фиктивные расписки в получении этих сумм, тогда как в действительности он их КУЗЬМЕНКО не выплачивал. Всего таким образом ЮФА присвоил за счёт КУЗЬМЕНКО 500 рублей.

Привлечённые по настоящему делу в результате возникшего следствия об их преступных действиях ЮФА, ШПИЦ, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО свою вину, как на предварительном, так и на судебном следствии, полностью признали.

ВОЛКОВ, признавая себя виновным в применении незаконных методов следствия, отрицал, однако, избиеие им арестованного Островского.

Дело в отношении Широкого прекращено за смертью его до суда, дело в отношении Семёнова выделено за нерозыском его.

На основании изложенного Военный трибунал признал виновными:

¹⁸ У заверенній машинописній копії документу проставлена інша дата — 9 жовтня (ф. 57).

1. ЮФА Г.Н. в том, что, будучи в 1938 году начальником IV отдела УГБ НКВД МАССР и злоупотребляя своим служебным положением, из низменных и карьеристских побуждений систематически создавал провокационные дела против ряда советских граждан с обвинением их в тяжчайших к-р преступлениях путём фабрикации для этой цели фиктивных агентурных донесений и искусственного создания доказательств обвинения с помощью подчинённых ему сотрудников, практикуя при этом незаконные методы следствия, а также в том, что присваивал по фиктивным распискам причитавшиеся сотруднику КУЗЬМЕНКО деньги.

2. ВОЛКОВА И.В. в том, что, будучи прикреплен для следствия к IV отделению НКВД МАССР и злоупотребляя своим служебным положением, участвовал в провокационном создании искусственного дела по обвинению группы молодых учителей в к-р деятельности и шпионаже, применяя при этом во время допроса по делу Величко, Островского и других преступные методы следствия, вынудив у них таким образом заведомо ложные показания, являвшиеся, по сути, оговором как их самих, так и других, ни в чём не повинных людей.

3. ШПИЦА И.А. в том, что, будучи помощником оперуполномоченного УГБ НКВД МАССР, участвовал в провокационном создании искусственного дела по обвинению молодых учителей в к-р деятельности, применяя при допросах арестованных по этому делу лиц преступные методы следствия, а также в том, что, злоупотребляя своим служебным положением, он на почве личных счётов со своим соседом гражданином Ленчинером в целях ареста его провокационным путём добился у подследственных своих заведомо ложных показаний о причастности якобы Ленчинера к к-р организации, в результате чего Ленчинер был неосновательно арестован и свыше 3-х месяцев содержался под стражей.

4. ЧИЧИКАЛО П.Г. в том, что, будучи помощником оперуполномоченного УГБ НКВД МАССР, принимал участие в провокационном создании искусственных дел и, злоупотребляя своим служебным положением, систематически применял преступные методы следствия, а также явился пособником ШПИЦА в получении от арестованного Говберга заведомо провокационных показаний о гражданине Ленчинере, что послужило фиктивным основанием незаконного ареста последнего.

5. КУЗЬМЕНКО С.П. в том, что, будучи штатным сотрудником НКВД МАССР и действуя по заданию ЮФЫ, переписал своей рукой и от своего имени, за своей подписью, заведомо фиктивное донесение о якобы существующей в Молдавии к-р фашистской организации, способствуя таким образом провокационному созданию искусственного дела по обвинению группы учителей в к-р деятельности,

каковые преступления всех — ЮФА, ВОЛКОВА, ШПИЦА, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО, учитывая особо отягчающие обстоятельства, установленные по делу и выразившиеся в грубом нарушении социалистической законности, предусмотрены в отношении первых четырёх, т.е. ЮФЫ, ВОЛКОВА, ШПИЦА и ЧИЧИКАЛО, как должностных лиц, ст. 206—17 п. «б» УК УССР, а в отношении КУЗЬМЕНКО — ст. 20—206—17 п. «б» УК УССР.

В силу чего

Приговорил:

1. ЮФА Григория Наумовича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания лейтенанта госбезопасности, к высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ;

2. ВОЛКОВА Ивана Васильевича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного звания мл[адшего] лейтенанта госбезопасности, к высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ;

3. ШПИЦА Исаака Ароновича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания сержанта госбезопасности, к высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ;

4. ЧИЧИКАЛО Павла Григорьевича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания сержанта госбезопасности, к высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ;

5. КУЗЬМЕНКО Степана Порфирьевича на основании ст. 20–206–17 п. «б» УК УССР к высшей мере наказания — РАССТРЕЛЯТЬ.

Приговор может быть обжалован в 5-дневный срок со дня вручения копии приговора осуждённым через Военный трибунал, вынесший приговор, в Военную коллегию Верховного суда СССР.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Трифонов
Русанов*

ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 48–53 зв. Оригінал. Машинопис на бланку. Документ (завірена копія з копії) вперше опублікований у третьому томі серії книг «Одесский мартиролог» (Одесса: ОКФА, 2005.— С. 583–586).

№ 6

**Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпица, П. Г. Чичикала
і С. П. Кузьменка**

8 січня 1939 р.

Сов[ершенно] секретно. Снято 3 коп[ии]

Васютинский. 8/1–[19]39 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 0079/Р ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего
и членов:

армвоенюриста УЛЬРИХ
корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ и
диввоенюриста ОРЛОВА

Рассмотрев в заседании от 8 января 1939 г. кассационные жалобы ЮФА Г.Н., ВОЛКОВА И.В., ШПИЦ И.А., ЧИЧИКАЛО П.Г. и КУЗЬМЕНКО С.П.

на приговор ВТ ПВВ Киевского округа от 31 декабря 1938 г. по делу

1) ЮФА Григория Наумовича, 2) ВОЛКОВА Ивана Васильевича, 3) ШПИЦА Исаака Ароновича, 4) ЧИЧИКАЛО Павла Григорьевича и 5) КУЗЬМЕНКО Степана Порфирьевича, осуждённых: первые четверо — за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206—17 п. «б» УК УССР, и последний — за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 20—206—17 п. «б» УК УССР, к высшей мере наказания — РАССТРЕЛУ каждый.

Заслушав доклад тов. УЛЬРИХ,

заключение пом[ощника] Главного военного прокурора тов. КУЗНЕЦОВА,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Вследствие того, что обвинения, предъявленные ЮФЕ, ВОЛКОВУ, ШПИЦУ, ЧИЧИКАЛО и КУЗЬМЕНКО полностью подтверждены на судебном заседании, а мера наказания полностью соответствует тяжести обвинения, приговор ВТ ПВВ КО от 31.XII—[19]38 г. оставить в силе, без изменений, а касжалобы, в которых осуждённые по существу просят лишь о помиловании, отклонить¹⁹.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВК

Сергеева

Препровождается вместе с делом *в 3 т. и прилож[ением]* в ВТ ПВВ КО д[ля]/исп[олнения], копия — ГВП д[ля]/св[едения].

11.I [19]39 г. № 00²⁰

/Секретарь ВК

Сергеева

На документі є:

1) кругла печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал Пограничных и Внутренних Войск Киевского Округа. Получено 14 янв[аря] 1939 г. № 115»;

3) резолюція: «По исполнении дело направить в архив. Підпис нерозбірливий. 14/I—[19]39 г.».

ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 81—81 зв. Оригінал. Машинопис на бланку.

¹⁹ Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 5—2/сс від 9 січня 1939 р. клопотання про помилування всіх п'ятьох засуджених також було відхилено. (vol. 3, f. 82). Про виконання вироку див. наступний документ.

²⁰ Частину цифр неможливо прочитати (аркуш вшитий у справу).

№ 7

Акт про виконання вироку Військового трибуналу пприкордонних і внутрішніх військ Київського округу стосовно Г. Н. Юфи, І. В. Волкова, І. А. Шпица, П. Г. Чичикала і С. П. Кузьменка

11 січня 1939 р.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АКТ

Гор. Киев, 1939 года, *января*²¹, 11 дня, врид нач[альника] 1[-го] спецотдела НКВД УССР — младший лейтенант госбезопасности **БЕРЕЖНОЙ**, нач[альник] внутренней тюрьмы УГБ НКВД УССР — лейтенант госбезопасности **НАГОРНЫЙ**, врид Военного прокурора П и ВВ Киевского округа — военюрист 1-го ранга **МОРОЗОВ** и врид Председателя [Военного трибунала] П и ВВ Киевского округа **ВАСЮТИНСКИЙ** составили настоящий акт в том, что на основании распоряжения врид народного комиссара внутренних дел УССР — майора государственной безопасности тов. **КОБУЛОВА** от 11.І.1939 года привели в исполнение приговор Военного трибунала П и ВВ Киевского округа от 31.ХІІ.1938 года (приговор утверждён Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 11.І.1939 года № 811) над осуждёнными к **ВМН — РАССТРЕЛ[У]** —

1. **ЮФОЙ** Григорием Наумовичем, 29 лет, урож[енец] гор. Ромны быв[шей] Полтавской губ.;
2. **ВОЛКОВЫМ** Иваном Васильевичем, 1906 г. рождения, урож[енец] дер. Токомово Ковыконского района **МАССР**;
3. **ЧИЧИКАЛО** Павлом Григорьевичем, 1918 г. рождения, урож[енец] м. Ичня Черниговской области;
4. **ШПИЦОМ** Исааком Ароновичем, 1908 г. рождения, урож[енец] гор. Тирасполя;
5. **КУЗЬМЕНКО** Степаном Порфирьевичем, 1905 г. рождения, урож[енец] с. Песчаный Брод того же района Одесской области.

ЧИЧИКАЛО Павел по копии приговора значится по отчеству Герасимовичем. Все остальные данные при проверке сошлись с данными, указанными в приговоре. Присутствовавший при исполнении приговора Председатель ВТ П и ВВ Киевского округа тов. **ВАСЮТИНСКИЙ**, председательствовавший в составе суда, рассматривавшего дело, удостоверил, что назвавший себя **ЧИЧИКАЛО** Павлом Григорьевичем, есть то лицо, которое осуждено Военным трибуналом П [и] ВВ Киевского округа — **ЧИЧИКАЛО** Павел Герасимович.

²¹ Слово вписано від руки зеленими чорнилами.

Смерть расстрелянных КОНСТАТИРОВАЛИ, о чем составили акт в 3-х экземплярах.

ВРИД НАЧ. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД УССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Бережной

НАЧ. ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ УГБ НКВД УССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Нагорный

ВР[ИД] ВОЕННОГО ПРОКУРОРА П и ВВ
ВОЕНЮРИСТ 1 РАНГА

Морозов

ВРИД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ В и ВВ
КИЕВСКОГО ОКРУГА

Васютинский

ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. 3, f. 89–90. Оригінал. Машинопис.

№ 8

Постанова 2-го відділу УДБ НКВС УРСР про припинення слідчої справи стосовно І. Т. Широкого

8–9 грудня 1939 р.

УТВЕРЖДАЮ:

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Горлинский

«9» декабря 1939 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1939 года, 8 декабря, гор. Киев. Я, оперуполномоченный 1 отделения II отдела УГБ НКВД УССР — сержант госбезопасности НЕМЧИНОВ, рассмотрев следственное дело арестованного ШИРОКОГО И.Т. и материалы расследования его самоубийства,

НАШЁЛ:

18 декабря 1938 года, в 6 часов утра, арестованный ШИРОКИЙ Иван Тарасович, находившийся в камере № 20 внутренней тюрьмы НКВД УССР, был обнаружен мёртвым.

Проведённым расследованием — вскрытием трупа, актом судебной-следственной экспертизы, допросом свидетелей — установлено, что смерть последовала от задушения вследствие прекращения доступа воздуха в дыхательные пути наложенной на шею петлём из марлевого бинта. Отсутствие на теле признаков борьбы и сопротивления дало основание полагать, что петля была наложена собственной рукой ШИРОКОГО, т.е. в данном случае имело место самоубийство.

На основании изложенного —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 47494 по обвинению ШИРОКОГО Ивана Тарасовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 206–17 п. «в» и 198 УК УССР, за смертью обвиняемого прекратить и сдать в архив 1-го спецотдела НКВД УССР²².

ОПЕРУПОЛНОМОЧ[ЕННЫЙ] 1 ОТД[ЕЛ]ЕНИЯ 2 ОТДЕЛА
СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Немчинов

СОГЛАСЕН: ЗА НАЧ. 1 ОТД[ЕЛ]ЕНИЯ 2 ОТДЕЛА
УГБ НКВД УССР

Щербина

УТВЕРЖДАЮ: НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Павлычев

ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 94–95. Оригінал. Машинопис.

²² У вироку Військового трибуналу прикордонних і внутрішніх військ Київського округу від 31 грудня 1938 р. сказано, що «справу стосовно Широкого припинено за смертю його до суду» (див. документ № 5). Таким чином, фактично справу було припинено ще у грудні 1938 р.

РОЗДІЛ 2.

СПРАВА НАЧАЛЬНИКА ДТВ ГУДБ НКВС ПІВНІЧНО-ДОНЕЦЬКОЇ ЗАЛІЗНИЦІ ГЕОРГІЯ КОЧЕРГИНСЬКОГО ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ ДТВ

«Кочергинский, заходя в кабинеты следователей во время допроса арестованных, бил арестованных, не зная, есть ли на него компрометирующие данные, или нет... Следователям же говорил: “Вот, как надо допрашивать”».

— *Микола Афанасьєв, начальник Відділення ДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман Північно-Донецької залізниці, на засіданні Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу 29 червня 1939 р.*

«Допросы арестованных велись с побоями, говорили, что Кочергинский красиво бьёт, а другие практиковались, желая, видимо, ему подражать, особенно при нём».

— *Іван Фадєєв, начальник ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Ворошиловград Північно-Донецької залізниці, на засіданні Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу 29 червня 1939 р.*

«Я на своей совести не чувствую ни одного неправильно осуждённого, но, если это установлено, прошу меня расстрелять».

— *Георгій Кочергинський, колишній начальник ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці, на засіданні Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу 30 червня 1939 р.*

«Я — малограмотный, мне трудно было работать, и если к этому прибавить постоянные угрозы со стороны Кочергинского предать суду и отобрать партийный билет, то станет понятно, в каких условиях приходилось работать».

— *Альберт Розенберг, колишній оперуповноважений ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман Північно-Донецької залізниці, на засіданні Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу 30 червня 1939 р.*

«Я в органах НКВД работал 5 лет. Мои преступления ничем не отличаются по своему составу от тех преступлений, которые наблюдались у работников, находящихся и сейчас в органах НКВД...».

— *Костянтин Ковальов, колишній оперуповноважений ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Ворошиловград Північно-Донецької залізниці, на засіданні Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу 30 червня 1939 р.*

№ 9

**Обвинувальний висновок у справі начальника ДТВ ГУДБ
НКВС Північно-Донецької залізниці Георгія Кочергинського
та інших співробітників ДТВ**

20 березня 1939 р.

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ[ЕСТИТЕЛЬ] НАЧ[АЛЬНИКА] УНКВД ПО СТАЛИН[СКОЙ]
ОБЛ.

ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ
«20» III 1939 года

Шалгин

По следделу № 0095/111886

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению:

КОЧЕРГИНСКОГО Георгия Израилевича,
РОЗЕНБЕРГА Альберта Петровича,
ЛУБОВСКОГО Антона Карловича,
КОВАЛЁВА Константина Трофимовича,
МАЦЕЙКАНЦА Владимира Антоновича,
КУЗНЕЦОВА Николая Митрофановича,
в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

За допущенные искажения революционной законности были арестованы и привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу быв. нач[альник] ДТО НКВД — капитан госбезопасности — КОЧЕРГИНСКИЙ Георгий Израилевич и сотрудники ДТО — РОЗЕНБЕРГ Альберт Петрович, ЛУБОВСКИЙ Антон Карлович, КОВАЛЁВ Константин Трофимович, МАЦЕЙКАНЦ Владимир Антонович и КУЗНЕЦОВ Николай Митрофанович.

Предварительным расследованием установлено, что в ДТО НКВД Северо-Донецкой ж[елезной] д[ороги] в 1937–1938 гг., во время проведения операций по изъятию к-р элемента с ж.д. транспорта, перечисленные выше обвиняемые и другие, материалы в отношении которых выделены в отдельное производство (т. 5, л.д.206), во главе с КОЧЕРГИНСКИМ, извращая указания центральных органов, осуществляли свою вражескую работу под видом борьбы с врагами народа.

В этих целях с санкции КОЧЕРГИНСКОГО производились массовые аресты железнодорожников, в том числе стахановцев и ударников, не имея никаких против них компрометирующих материалов (т. 3, л.д.53, 61, 62, 86, 87, 97, 98, 109 на об., 110, 111, 114, 131, 134, 144, 146, 149, 153 на

¹ Підпис О. Шалгіна і дата «20/III» проставлено червоним олівцем.

об., 156, 158, 166, 178, 183 на об., 193, 201, 203, 211, 239, 241, 250, 262; т. 4, л.д. 203, 204, 210, 211, 214, 217, 219, 221, 224, 226, 228, 229, 231, 238, 243, 244, 245, 247, 248, 250, 254, 257, 259, 262, 303, 305, 306, 307, 308, 310, 312, 316, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 326, 341, 343; т. 5, л.д. 101, 123, 124, 148, 115 на об.).

Добиваясь осуждения арестованных железнодорожников, в том числе и невинных, к ВМУН, КОЧЕРГИНСКИЙ все эти дела направлял для внесудебного разбирательства на тройку УНКВД по Сталинской области.

Для получения от данной категории арестованных «признаний» КОЧЕРГИНСКИЙ допустил и санкционировал применение в массовом порядке искривлений в методах ведения следствия: применение физических методов воздействия, фабрикацию следдел путём допроса т.н. штатных свидетелей и приобщения к делам фиктивных документов (т. 3, л.д. 54–57, 80, 81, 84, 86, 88, 89, 97, 99, 100, 103, 107 на об., 108, 111 на об., 112, 113, 117, 134, 138, 144 на обор., 145, 150, 155, 172, 182 на обор., 183, 199, 203 на обор., 204, 265; т. 4, л.д. 80, 81, 84, 87, 95, 101, 124, 148; т. 5, л.д. 10, 11, 42, 98, 101, 104, 97, 218, 219, 226, 272; т. 1, л.д. 96, 97, 179, 180, 181, 182, 192, 193, 199, 223; т. 2, л.д. 261, 296, 302, 426, 427).

Кроме того, для арестованных, не сознававшимся в инкриминируемых им преступлениях, в ДТО и в ОДТО ст. Дебальцево, «Кагановича», Лиман были созданы специальные камеры, где арестованные по суткам и более простаивали на ногах (т. 3, л.д. 85, 143, 180 на обор., 181, 199; т. 1, л.д. 113; т. 5, л.д. 117, 42, 97, 98 на обор., 112, 124, 131, 136, 144).

Как удалось установить следствием, по ДТО Северо-Донецкой ж[елезной] д[ороги] за время с ноября 1937 г. по август 1938 г. было незаконно арестовано 322 чел. железнодорожников, которые впоследствии были освобождены из-под стражи с прекращением следдел (т. 5, л.д. 128, 149, 169, 196, 181, 185).

Кроме того, само ДТО освободило из-под стражи после ареста КОЧЕРГИНСКОГО 32 чел., дела на которых в целях сокрытия преступлений не были зарегистрированы в соответствующем отделении согласно норм УПК (т. 5, л.д. 101; т. 3, л.д. 182 на обор.).

В то же время обв[иняемый] КОЧЕРГИНСКИЙ, как руководитель ДТО, вместо организации вскрытия к-р подполья на ж.д. транспорте допустил применение поверхностного ведения следствия с установкой скорейшего осуждения арестованного, этим самым не вскрывалась до конца деятельность того или иного врага и его сообщников.

По инициативе КОЧЕРГИНСКОГО был выработан и преподнесён следователям образец протокола допроса обвиняемого, по которому следствием заранее, в отсутствии обвиняемого, по трафарету составляли показания, а затем преподносили на подпись обвиняемому (т. 4, л.д. 54, 80, 86, 97, 111 на обор., 150, 172, 204).

Как видно из материалов дела, обв[иняемый] КОЧЕРГИНСКИЙ во время проведения т.н. январской операции 1938 г. по Дебальцевскому ж.д. узлу лично осуществлял следующую преступную деятельность.

Вместо подготовки к операции, составления конкретного плана на подлежащего изъятию активного к-р элемента, орудовавшего на ж.д.

транспорте, сообразуясь с имевшимися учётами в ДТО, КОЧЕРГИНСКИЙ на оперсовещании в ОДТО [станции] Дебальцево выработал каждому опер. работнику, выезжавшему на линию для проведения операции, твёрдый произвольный лимит, по которому каждый из них, под страхом исключения из партии и предания суду, обязан был выполнить этот «лимит» по арестам.

Согласно указаний КОЧЕРГИНСКОГО, данных им на том же совещании, предложено допрашивать свидетелей из числа партийного и комсомольского актива, не фиксируя в анкетной части протокола допроса партийности и занимаемой должности.

В разрезе этих установок КОЧЕРГИНСКОГО, как нач[альника] ДТО, оперработники, не располагая конкретными учётами, вынуждены были выискивать «врагов» на местах, привлекая для сбора компрометирующих материалов партийно-советский актив служб.

Так, например:

11/І 1938 г. по справке на арест, подписанной КОЧЕРГИНСКИМ, был арестован машинист ст. Ясиноватая как активный каратель, проводивший а[нти]/с[оветскую] пропаганду и разрушительную работу на ж.д. транспорте, КОРГИН Борис Иванович. Оснований, послуживших к аресту, в деле нет. По протоколу личного обыска видно, что КОРГИН является членом ВКП(б), партбилет № 0779308.

15/І-[19]38 г. КОРГИН из-под стражи освобождён.

Приложение — следдело № 3306.

12/І 1938 г. по справке на арест, подписанной КОЧЕРГИНСКИМ, был арестован как кулак, исключённый из партии за сокрытие соц[иального] происхождения, и вёл подрывную работу на транспорте, СЕМКО Григорий Афанасьевич, пенсионер, по профессии котельщик. Оснований, послуживших к аресту, в деле нет. По протоколу личного обыска от 13/І-[19]38 г. видно, что СЕМКО является членом ВКП(б), партбилет № 171334.

16/І-[19]38 г. СЕМКО из-под стражи освобождён.

Приложение — следдело № 3349.

11/І 1938 г. по справке на арест, подписанной КОЧЕРГИНСКИМ, был арестован как крупный кулак, проводил а[нти]/с[оветскую] пропаганду и разрушительную работу на ж.д. транспорте, АФОНИН Николай Михайлович, слесарь вагонной службы ст. Чернухино. Оснований, послуживших к аресту, в деле нет. В процессе следствия оказалось, что арестованный АФОНИН является баянистом клуба и в вагонном участке не работал.

7/У 1938 г. АФОНИН из-под стражи освобождён.

Приложение — следдело № 108.

Число незаконных арестов по Дебальцевскому ОДТО достигает до 34 человек (т. 3, л.д. 50, 51, 80, 89, 111, 134, 150, 180 на обор., 197, 198, 209, 210; т. 4, л.д. 193, 196, 207, 209, 252, 256, 135, 137; т. 5, л.д. 42, 181).

Обвиняемый КОЧЕРГИНСКИЙ вместо того, чтобы разобраться с материалами и основательностью арестов, освободить незаконно арестованных, все дела эти предложил оформить для направления на рассмотрение Особой тройки УНКВД, установив каждому следователю норму сдачи дел

за рабочий день. Давая такое распоряжение, КОЧЕРГИНСКИЙ наталкивал следовательский состав на применение незаконных методов ведения следствия.

12/1—[19]38 г. по справке на арест, подписанной КОЧЕРГИНСКИМ, был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Польши старый рабочий-транспортник БАБИНЕЦ С. В. Оснований для ареста его в деле не имеется.

При неоднократных допросах к БАБИНЕЦ в присутствии и по приказанию КОЧЕРГИНСКОГО применялись физические методы воздействия. Не добившись показаний, БАБИНЕЦ был освобождён из-под стражи (т. 5, л.д. 156, 205, 272, 10—11, 98, 112, 124, 136, 141, 144, 145, 110—113, 135—137, 140—142, 143—145, 148—152; т. 4, л.д. 492, 414, 417, 418, 421, 422, 431, 434, 439, 442).

После освобождения БАБИНЦА из-под стражи по распоряжению КОЧЕРГИНСКОГО принимались меры воздействия к БАБИНЦУ с целью не допуска жалобы с его стороны (т. 5, л.д. 212).

Незаконные методы допроса были применены с участием КОЧЕРГИНСКОГО и к арестованным ФИЛИПЧЕНКО, ХАДЖИНОВУ, ОВЧИННИКОВУ и др., которые, как и БАБИНЕЦ, были освобождены из-под стражи (т. 5, л.д. 156, 157, 135 и 136).

Кроме этого, в ОДТО [станции] Дебальцево по указаниям КОЧЕРГИНСКОГО была выделена специальная комната для арестованных, не сознавших в инкриминируемых им преступлениях, где последние простаивали сутками. В эту комнату направлялись после допроса и арестованные, по отношению к которым были применены физические меры воздействия (т. 3, л.д. 85, 143, 180 на обор., 181, 144).

К применению физических методов воздействия к арестованным в ОДТО ст. Дебальцево был привлечён и обслуживающий персонал, который никакого² отношения к органам НКВД не имел (т. 5, л.д. 136; т. 4, л.д. 439).

Одновременно с этим, лично КОЧЕРГИНСКИЙ разрешал избивать на очных ставках арестованных другим арестованным, не признававших правильность предъявленных им обвинений. Так, арестован[ные] МИРОНОВ и ПЕРЕСЕЧНЫЙ избили арестованного РЕЗНИКОВА (т. 4, л.д. 83, 205).

Следствием также установлено, что в результате преступной деятельности КОЧЕРГИНСКОГО имели место искривления директив центра об очистке важнейших ж.д. узлов от а[нти]/с[оветского] и политически неблагонадёжного элемента.

Из выселенных 763 семейств в декабре 1937 г. 155 было обратно возвращено как незаконно выселенные, причём по ОДТО [ст.] Купянск повестки некоторым семьям были вручены накануне выборов в Верховный Совет СССР (11 декабря) (т. 3, л.д. 115 на обор., 116, 187—189, 204 на обор.; т. 4, л.д. 149, 150, 367, 371, 375, 376, 378, 379, 380, 381; т. 5, л.д. 152, 154).

Остальные обвиняемые провели такую преступную работу:

² У документі помилково — некоторого.

Обвиняемый РОЗЕНБЕРГ, состоя в должности оперуполномочен[ного] ОДТО [станции] Лиман, в период 1937–1938 гг. систематически фабриковал следственные дела на невинных людей, составлял сам отрицательные характеристики, фиктивные протоколы допроса свидетелей, подписывая от их имени, направляя эти дела на рассмотрение тройки УНКВД.

Как удалось установить следствием, РОЗЕНБЕРГ сфабриковал 14 дел на ПРОТАСОВА И.Д., ГАРМАШЕВА³ Т.Е. и др., освобождённых впоследствии из-под стражи.

Кроме того, из взятых на выдержку законченных следдел из архива, находившихся в производстве РОЗЕНБЕРГА, по фиктивным 8-ми делам было осуждено к ВМУН 2 чел. и заключено в ИТЛ 6 чел. (т. 1, л.д. 101, 102, 110, 117, 118, 121; т. 2, л.д. 281, 418, 416, 417; т. 5, л.д. 162, 164, 208).

Обвиняемый ЛУБОВСКИЙ, состоя в должности пом[ощника] нач[альника] ОДТО [ст.] Дебальцево, во время проведения арестов в январе 1938 г. производил аналогичные случаи фабрикации следдел, практикуя допросы т.н. штатных свидетелей, так и были фиктивно созданы дела на МИТИНА, ИЗОТОВА, ВРЕЩ, САВЧЕНКО.

Следдела на этих лиц оформлялись им для направления на судтройку УНКВД, но не были рассмотрены последней по причинам, не зависящим от него.

Дела эти были возвращены из тройки для доследования и оформления на гласный суд. При передопросе свидетелей последние отказались от своих показаний (т. 2, л.д. 446, 481, 484; т. 3, л.д. 100, 118, 184; т. 5, л.д. 154, 155, 147).

Аналогичные факты фабрикации следдел допускал обв[иняемый] КУЗНЕЦОВ — быв[ший] пом[ощник] оперуполном[оченного] ОДТО [ст.] Дебальцево.

По следделу № 3288 по обвинению БЫЛИНКА⁴ Ф.Ф. сфабриковал показания свидетелей АФОНИНА, ЛЕОНОВА и БЕЛОКОНИНА. Проверкой установлено, что указанные лица никогда в Дебальцево не проживали и в Дебальцевском ж.д. узле не работали.

По следделу № 68 по обвинению ЛАПТЕВА Т.И. допрошено 23/І–[19]38 г. 2 свидетеля — КАСЬЯНОВ⁵ Д.О. и КАСЬЯНОВ С.И., которые при передопросе 6/ІІ–[19]39 г. отказались от показаний и заявили, что подписи на протоколах допроса — фиктивные.

Таким же порядком КУЗНЕЦОВ сфабриковал следдела на ХВОСТЕНКО Т.А. и ХОЛОДЕНКО А.И. (т. 5, л.д. 155, 156, 41, 19; т. 3, л.д. 101, 115, 184; т. 2, л.д. 302, 387, 356, 416, 482 на обор.; т. 4, л.д. 198).

Кроме того, из просмотра архивных следдел, находившихся в производстве КУЗНЕЦОВА, обвиняемые по которым осуждены тройкой УНКВД, установлена фальсификация протоколов допроса свидетелей по делам на ВАНИНА Е.В., ВАРАВЫ С.А. (осуждены к ВМУН), ПОДЛИПАНОВА П.С. (осуждён к 10-ти годам ИТЛ) (т. 5, л.д. 156, 157).

³ У документі помилково — Гармашова.

⁴ Так у документі. У деяких матеріалах архівної кримінальної справи — Былинко.

⁵ Тут і далі у документі прізвище помилково надруковано через літеру «о» — Косьянов.

Обв[иняемый] КОВАЛЁВ, будучи оперуполном[оченным] Кагановического ОДТО, как и предыдущие обвиняемые, практиковал допрос штатных свидетелей в целях фабрикации следственных дел. Применял незаконные методы допроса к арестованным.

По делу № 5 по обвинению САЧЕК С.И. допрошенные КОВАЛЁВЫМ два свидетеля — САВИЦКАЯ Н.М. и ПОГУЛЯЕВ — об а[ннти]/с[оветской] деятельности САЧЕК при вторичном допросе последние отказались от своих показаний, заявив:

САВИЦКАЯ: на допросе КОВАЛЁВ предложил подписать несколько сфабрикованных им протоколов допроса. САЧЕК она не знает, и эту фамилию назвал ей КОВАЛЁВ.

ПОГУЛЯЕВ: об а[ннти]/с[оветской] деятельности САЧЕК он ничего не знает, протокол допроса подписал, не читая.

Оба свидетеля заявили, что КОВАЛЁВ при допросе их допускал грубости и понуждал к даче ложных показаний.

Тот же ПОГУЛЯЕВ, допрошенный КОВАЛЁВЫМ по делу КРАСОВА Н.Г. об а[ннти]/с[оветской] и подрывной деятельности, при вторичном допросе отказался от этих показаний, заявив, что таковые были сфабрикованы самим КОВАЛЁВЫМ.

САЧЕК осуждён к ВМУН, а КРАСОВ — к 10-ти годам ИТЛ.

Аналогичную фальсификацию свидетельских показаний КОВАЛЁВ допустил по следам на ЩЕТКИНА Д.Е., ПЕРЕСУНЬКО Е.И. и ЛЯХОВЕЦКОГО Н.И., которые были освобождены из-под стражи с прекращением следств. причём в справке на арест указано, что ЛЯХОВЕЦКИЙ — украинец, что и в действительности, КОВАЛЁВ же отнёс его к польской национальности (т. 2, л.д. 349, 351, 354, 355, 360, 361, 348, 261, 364, 367, 362; т. 3, л.д. 154; т. 4, л.д. 511, 391, 394, 396, 401 на обороте, 439; т. 5, л.д. 14, 160, 162).

Обв[иняемый] МАЦЕЙКАНЕЦ, состоя в должности оперуполномочен[ного] ОДТО ст. им. Кагановича, фабриковал следела на ПОНОМАРЕВА А.Я., САРОСЕКА П.И., ЛАДАТКО⁶ А.С., КОБЫФУ М.С. и ЕРЕМЧУКА Ф.М., которые были осуждены к ВМУН и заключению в ИТЛ (т. 1, л.д. 216, 294, 355, 362; т. 5, л.д. 13, 14, 158, 160).

На основании изложенного обвиняются:

КОЧЕРГИНСКИЙ Георгий Израилевич, 1898 г. рожд[ения], урожен[ец] г. Риги (Латвия), еврей, гр[ажданин] СССР, служащий, в Латвии проживают мать и сестра. До ареста — нач[альник] ДТО Северо-Донецкой ж[елезной] д[ороги], капитан госбезопасности,

в том, что:

состоя в должности нач[альника] ДТО Северо-Донецкой ж[елезной] д[ороги], с ноября 1937 по август 1938 г. проводил вражескую работу, выразившуюся в незаконных арестах граждан, применении незаконных методов допроса, искривлении директив центральных органов по очистке ж.д. транспорта от к-р элемента.

⁶ У документі прізвище надруковано через літеру «о» у другому складі — Ладатко.

Сам принимал участие в применении физических воздействий к арестованным БАБИНЕЦ, ФИЛИПЧЕНКО, ХАДЖИНОВА⁷ и др.

Своими преступными действиями, как нач[альник] ДТО, способствовал фабрикации следдел на невинных людей, результатом чего многие люди были осуждены к разным срокам заключения в ИТЛ и часть — к ВМУН,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО.

Изобличается показаниями свидетелей: БОНДАРЧУК Ф.Д. (т. 3, л.д. 46–77), ХОДАРЕВ А.С. (т. 3, л.д. 78–81), ИВЧЕНКО В.М. (т. 3, л.д. 82–91), ТИМОШЕК Г.И. (т. 3, л.д. 92–104), МАТВЕЕВ К.В. (т. 3, л.д. 105–119), ГУЕНОК П.А. (т. 3, л.д. 120–143), АРАНОВИЧ (т. 3, л.д. 144–148), ФАДЕЕВ И.В. (т. 3, л.д. 149–151), ВОРОНИН А.Ф. (т. 3, л.д. 152–158), ОМЕЛЬЧЕНКО М.А. (т. 3, л.д. 159–176), ИГНАТОВ И.П. (т. 3, л.д. 177–185), ЗАЛОЗНЫЙ А.В. (т. 3, л.д. 186–201), ДЬЯЧЕНКО П.И. (т. 5, л.д. 26, 27; т. 3, л.д. 202–204), МАССОВИЧ М⁸.Б. (т. 4, л.д. 246, 259; т. 5, л.д. 272), ГАПОНЕНКО А.Ф. (т. 5, л.д. 257, 261), БОТИН А.Е. (т. 4, л.д. 175), КУШВИД (т. 4, л.д. 389–412), МЕЕРОВ В.Л. (т. 5, л.д. 33–34), ПИВОВАРОВ Я.К. (т. 5, л.д. 35–40), ПИТУЛЬКО Н.И. (т. 5, л.д. 28–29 и т. 4, л.д. 37–39), АНТОНЕНКО Н.И. (т. 5, л.д. 113), ПОТРОХОВ Ф.И. (т. 5, л.д. 114–118), КОЛОМИЕЦ В.Д. (т. 5, л.д. 119–122), ЖИЛИНСКИЙ В.С. (т. 5, л.д. 123, 124), АФАНАСЬЕВ Н.А. (т. 5, л.д. 125–128), ШЕВЧЕНКО М.В. (т. 5, л.д. 129–132), РОЗИЗНОЙ (т. 5, л.д. 140–142), БАБИНЕЦ С.В. (т. 5, л.д. 143–145), показаниями свидетелей БОНДАРЧУКА, МАССОВИЧА, ХАДЖИНОВА, ГУЕНОК на очных ставках (т. 3, л.д. 260, 298; т. 5, л.д. 135–139, 52–58, 59, 95, 135–139); показаниями обвиняемых ЛУБОВСКОГО, МАЦЕЙКАНЦА, КОВАЛЁВА, РОЗЕНБЕРГА, КУЗНЕЦОВА, очными ставками с последними двумя и документальными данными дела (т. 4, л.д. 61, 62, 75, 101, 109–113, 124, 130, 135–142, 148, 159–163, 180–188, 291, 298, 324, 326, 342, 344, 345, 363; т. 5, л.д. 148, 204, 205–2056).

РОЗЕНБЕРГ Альберт Петрович, 1893 г. рожд., урож[енец] имения Вайноден⁹ бывш. Курляндской области (Латвия), бывш. член ВКП(б). До ареста — оперуполном[оченный] ОДТО ГУГБ [НКВД] ст. Красный Лиман, лейтенант госбезопасности, в том, что:

Состоя в должности оперуполномоченного ОДТО ГУГБ НКВД ст. Красный Лиман, в январе–марте 1938 г. проводил вражескую вредительскую работу, выразившуюся в фабрикации фиктивных протоколов допроса свидетелей и справок-характеристик на арестованных, необоснованных арестах лиц, работавших на ж.д. транспорте.

⁷ У документі помилково — Аджитова.

⁸ У документі перший ініціал помилково — И.

⁹ У документі помилково — Вайльден. Вайноден — колишній волосний центр Газенпотського повіту Курляндської губернії Російської імперії; нині — с. Вайньоде, адміністративний центр Вайньодського краю (Латвійська Республіка).

Лично сфабриковал 22 следела, из коих по 2 делам обвиняемые осуждены к ВМУН и шесть — к 10-ти годам ИТЛ, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

Изобличается показаниями обвиняемых КОЧЕРГИНСКОГО и очной ставкой с ним (т. 5, л.д. 23, 25), ЛУБОВСКОГО А.К. (т. 2, л.д. 416, 418), показаниями свидетелей ДЬЯЧЕНКО П.И. (т. 3, л.д. 204), ТИМОШЕК Г.И. (т. 3, л.д. 101) и документальными данными дела (т. 5, л.д. 162, 164 и 208).

ЛУБОВСКИЙ Антон Карлович, 1893 г. рожд., урожен[ец] г. Двинска¹⁰ (Латвия), поляк, гр[ажданин] СССР, б[ывший] член ВКП(б), исключён в связи с арестом. До ареста — пом[ощник] нач[альника] ОДТО ГУГБ [НКВД] ст. Дебальцево, лейтенант госбезопасности, в том, что:

Являясь пом[ощником] нач[альника] ОДТО ст. Дебальцево, допускал фабрикацию следственных дел, искусственно создал обвинения арестованным без наличия компрометирующих материалов МИТИНА М.М., ИЗОТОВА Ф.М., ВРЕЩ Ф.П., САВЧЕНКО Я.Е. и ХВОСТЕНКО Т.А.,

т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

Изобличается показаниями обвиняемого КУЗНЕЦОВА на очной ставке (т. 2, л.д. 280, 286), показаниями свидетелей ТИМОШЕК Г.И. (т. 3, л.д. 100), МАТВЕЕВА К.В. (т. 3, л.д. 118), ФАДЕЕВА И.В. (т. 3, л.д. 150), ИГНАТОВА И.П. (т. 3, л.д. 179, 184), ШИП П.И. (т. 3, л.д. 146), ДЕЙНЕКО А.Т. (т. 2, л.д. 481), СУХОМЛИНОВА З.А. (т. 2, л.д. 485, 466), ЧМЕЛЕНКО Ф.С. (т. 2, л.д. 466, 455), ШИЛО Г.З. (т. 2, л.д. 471, 476), КОСТЮКА Т.И. (т. 2, л.д. 343) и документальными данными дела (т. 2, л.д. 484, 334, 342, 154, 155).

КОВАЛЁВ Константин Трофимович, 1903 г. рожд., урож[енец] с. Святогоровка¹¹ Добропольского р-на Сталинской области, украинец, б[ывший] член ВКП(б). До ареста — оперуполномочен[ный] ОДТО ГУГБ НКВД ст. Ворошиловград, кандидат на специальное звание, в том, что:

Состоя в должности оперуполномочен[ного] ОДТО ГУГБ НКВД ст. [им.] Кагановича, в 1938 г. проводил вражескую работу, выразившуюся в производстве необоснованных арестов, допроса т.н. штатных свидетелей, составлении фиктивных протоколов допроса свидетелей и применении физического воздействия по отношению к отдельным арестованным в целях получения от них показаний.

Создал искусственно обвинение на ЩЕТКИНА Д.Е., ПЕРЕСУНЬКО Е.И., ЛЯХОВЕЦКОГО¹² Н.И., САЧЕК С.И. и КРАСОВА Н.Г., из коих САЧЕК осуждён к ВМУН, а КРАСОВ — к 10-ти годам ИТЛ, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО.

¹⁰ Нині — м. Даугавпілс (Латвійська Республіка).

¹¹ У документі помилково — Святогорска.

¹² Тут і далі у документах іноді — Лиховецький.

Изобличается показаниями обвиняемого МАЦЕЙКАНЦА на очной ставке (т. 2, л.д. 293, 295), показаниями свидетелей ВОРОНИНА А.Ф. (т. 3, л.д. 154), КУШВИД М.С. (т. 4, л.д. 390, 394, 306, 411), САВИЦКОЙ Н.Д. (т. 2, л.д. 357, 366), МАЦЕНКО И.И. (т. 5, л.д. 14) и документальными данными дела (т. 5, л.д. 160–182).

МАЦЕЙКАНЕЦ Владимир Антонович, 1905 г. рожд., уроженец г. Вильно¹³ (Польша), поляк, б[ывший] член ВКП(б). До ареста — оперуполном[оченный] ОДТО ГУГБ [НКВД] ст. [им.] Кагановича, сержант госбезопасности, в том, что:

Состоя в должности оперуполномочен[ного] ОДТО ГУГБ НКВД ст. [им.] Кагановича, в 1938 г. проводил вражескую работу, выразившуюся в применении незаконных методов допроса к арестованным и фальсификации протоколов допроса свидетелей. Лично сфабриковал следдела на ПОНОМАРЕВА А.А., САРОСЕКА П.И., ЛАДАТКО¹⁴ А.С., КАБЫФУ М.С., ЕРЕМЧУКА Ф.М., из коих 2 осуждены к ВМУН и остальные — к 10-ти годам ИТЛ,

т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО.

Изобличается показаниями обвиняемого КОВАЛЁВА на очной ставке (т. 2, л.д. 293–295), показаниями свидетелей КУШВИД М.С. (т. 4, л.д. 392, 394), САВИЦКОЙ Н.Д. (т. 2, л.д. 258), МАЦЕНКО И.И. (т. 5, л.д. 13), МИРОШНИЧЕНКО Н.А. (т. 4, л.д. 439) и документальными данными дела (т. 5, л.д. 158, 160).

КУЗНЕЦОВ Николай Митрофанович, 1903 г. рожд., урож. дер. Новосёлровка Курской обл., русский, бывш. член ВКП(б). До ареста работал пом[ощником] оперуполномочен[ного] ОДТО ГУГБ [НКВД] ст. Дебальцево, в том, что:

Состоя в должности пом[ощника] оперуполномочен[ного] ОДТО ГУГБ НКВД ст. Дебальцево, в январе–апреле 1938 г. проводил вражескую работу, выразившуюся в составлении фиктивных протоколов допроса как свидетелей, так и обвиняемых, допроса т.н. штатных свидетелей. Сфабриковал следдела на БЫЛИНКУ Ф.Ф., ЛАПТЕВА Т.И., ХВОСТЕНКО Т.А., ХОЛОДЕНКО А.И., ВАНИНА Е.В., ВАРАВУ С.А., ПОДЛИПАНОВА П.С., из коих осуждены: ВАНИН и ВАРАВА — к ВМУН и ПОДЛИПАНОВ — к 10-ти годам ИТЛ,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

Изобличается показаниями ЛУБОВСКОГО на очной ставке (т. 2, л.д. 280, 286), показаниями свидетелей ТИМОШЕК Г.И. (т. 3, л.д. 101), МАТВЕЕВА К.К. (т. 3, л.д. 115), ДЕЙНЕКО А.Т. (т. 2, л.д. 482 на обор.), ИГНАТОВА И.П. (т. 3, л.д. 184), ИВАНОВА М.П. (т. 5, л.д. 19, 20),

¹³ Нині — м. Вільнюс (Литовська Республіка).

¹⁴ У документі прізвище надруковане через літеру «о» у першому складі — Лодатко.

РУСАЛОВА¹⁵ (т. 5, л.д.41, 42) и документальными данными дела (т. 5, л.д.155–157).

Принимая во внимание, что преступная деятельность КОЧЕРГИНСКОГО, РОЗЕНБЕРГА, ЛУБОВСКОГО, КОВАЛЁВА, МАЦЕЙКАНЦА и КУЗНЕЦОВА полностью установлена следствием, ПОЛАГАЛ БЫ: настоящее дело в порядке ст. 204 УПК направить Военному прокурору пограничной и внутренней охраны НКВД УССР по Сталинской области для предания их суду ВТ¹⁶.

НАЧАЛЬНИК I ОТДЕЛЕНИЯ УГБ

Меткий

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК III ОТДЕЛА УГБ УНКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ

Воронец

Обвинительное заключение
составлено « _____ » 1939 г.
гор. Сталино

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 294–306. Оригінал.
Машинопис.

№ 10

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Г.І. Кочергинського та інших співробітників НКВС

27–30 червня 1939 р.

Дело № 0095

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1939 г., Июня 27–30 дня, Военный трибунал войск НКВД Харьковского округа в выездной сессии в г. Сталино, в открытом судебном заседании, в составе:

Председательствующего — военного юриста I ранга т. ГУРЬЕВА,
Членов: КОНОВАЛОВА и ПОЛЯКОВА,
при секретаре ГЛАДКОВЕ,
без участия прокурора и без защиты,

¹⁵ У документі помилково — Лусалова.

¹⁶ Згідно з постановою заступника військового прокурора військ НКВС Харківського округу військового юриста 3-го рангу Парміта від 28 квітня 1939 р. обвинувальному висновку було надано силу обвинувального акту, а обвинувачених було вирішено віддати під суд Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 310).

рассмотрел дело по обвинению б[ывшего] нач[альника] ДТО НКВД Северо-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] КОЧЕРГИНСКОГО Георгия Израилевича; б[ывшего] оперуполномочен[ного] ОДТО НКВД [ст.] Красный Лиман РОЗЕНБЕРГА Альберта Петровича; б[ывшего] оперуполномочен[ного] ОДТО НКВД [ст.] Ворошиловград Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] КОВАЛЁВА Константина Трофимовича; б[ывшего] пом[ощника] о[пер]уполномоченного ОДТО НКВД [ст.] Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] КУЗНЕЦОВА Николая Митрофановича; б[ывшего] пом[ощника] нач[альника] ОДТО НКВД [ст.] Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], лейтенанта государственной безопасности ЛУБОВСКОГО Антона Карловича; б[ывшего] оперуполномоченного [ОДТО] ст. им. Кагановича Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], сержанта государствен[ной] безопасности МАЦЕЙКАНЕЦ Владимира Антоновича по ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

Председательствующий объявил судебное заседание открытым в 12 ч. 50 минут. Объявляется подлежащее слушанию дело.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлены под стражей обвиняемые КОЧЕРГИНСКИЙ, РОЗЕНБЕРГ, КОВАЛЁВ, КУЗНЕЦОВ, ЛУБОВСКИЙ и МАЦЕЙКАНЕЦ.

Явились вызванные на 27/VI свидетели ИВЧЕНКО, БОНДАРЧУК, ГУЕНОК.

Не явился, за выбытием неизвестно куда, свид[етель] ИГНАТОВ.

Явились эксперты УСТИНСКИЙ, ШАТАЛИН, БАНИН.

Председательствующий удостоверяется в личности обвиняемых, которые о себе показали:

1. КОЧЕРГИНСКИЙ Георгий Израилевич, 1898 г. рождения, уроженец г. Рига (Латвия), на территории СССР проживает с 1918 г., по национальности еврей, гр[ажданин] СССР, по соц[иальному] происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий, семейный, образование среднее, б[ывший] член ВКП(б) с сентября 1917 г., исключён в связи с данным делом, служил в РККА с февраля 1918 г. по февраль 1921 г., в органах НКВД с февраля 1921 г., награждён значком почётной чекиста, не судился, до ареста работал в должности нач[альника] ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] с XI–[19]37 г., имел звание «капитан государственной безопасности», арестован по настоящему делу 20/VIII 1938 г., обвинительное заключение получил 21 июня с.г. Предъявленное обвинение понимает.

2. РОЗЕНБЕРГ Альберт Петрович, 1893 г. рождения, урож[енец] г. Газенпот¹⁷ (Латвия), по национальности латыш, гр[ажданин] СССР, проживает на территории СССР с 1914 г., по соц[иальному] происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий, образование низшее, б[ывший] член ВКП(б) с января 1932 г., исключён в связи с данным делом, служил в б[ывшей] царской армии с 1914 по 1915 г., в Красной Армии с 1918 по 1921 г., в органах НКВД с июня м-ца 1921 г., семейный,

¹⁷ У документі помилково — Гозенпот. Від 1917 р.— м. Айзпите (Латвійська Республіка).

не судился, до ареста работал в должности оперуполномоченного ОДТО НКВД ст. Красный Лиман, имел звание лейтенанта государственной безопасности, арестован по настоящему делу 5/IV 1938 г., обвинительное заключение получил 21/VI 1939 г. Предъявленное обвинение понимает.

3. КОВАЛЁВ Константин Трофимович, 1903 г. рождения, урож[енец] с. Святогоровка Добропольского р-на Сталинской области УССР, по национальности украинец, по соц[иальному] происхождению из крестьян-середняков, по соц[иальному] положению служащий, б[ывший] член ВКП(б) с 1931 г., исключён в связи с данным делом, образование низшее, служил в Красной Армии 5 лет, в органах НКВД — 2 года и 6 м-цев, не судился, до ареста работал в должности оперуполномоченного ст. Ворошиловград, звания по НКВД не имел, арестован по настоящему делу 17/VIII 1938 г., обвинительное заключение получил 21/VI 1939 г. Предъявленное обвинение понимает.

4. КУЗНЕЦОВ Николай Митрофанович, 1903 г. рождения, урож[енец] д. Новоселки Касторенского р-на Курской области РСФСР, по национальности русский, по соц[иальному] происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий, б[ывший] член ВКП(б) с 29/XII 1929 г., исключён в связи с данным делом, в Красной Армии не служил, в органах НКВД с 10/X 1933 г., звания не имеет, в других армиях не служил, не судился, до ареста работал в должности пом[ощника] оперуполномоченного ОДТО НКВД ст. Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], арестован по настоящему делу 7/VIII 1938 г., обвинительное заключение получил 21/VI—[19]39 г. Предъявленное обвинение понимает.

5. ЛУБОВСКИЙ Антон Карлович, 1893 г. рождения, урож[енец] г. Двинска (Латвия), по национальности поляк, гр[ажданин] СССР, проживает на территории СССР с февраля 1918 г., по соц[иальному] происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению служащий, б[ывший] член ВКП(б) с августа 1919 г., исключён в связи с данным делом, в Красной Армии не служил, в других армиях не служил, в органах НКВД с 15/IX 1921 г., имел два поощрения, до ареста работал в должности пом[ощника] нач[альника] ОДТО ст. Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], имел звание лейтенанта государственной безопасности, образование низшее, арестован по настоящему делу 10/VII 1938 г., обвинительное заключение получил 21/VI—[19]39 г. Предъявленное обвинение понимает.

6. МАЦЕЙКАНЕЦ Владимир Антонович, 1905 г. рождения, урож[енец] г. Вильно (Польша), по национальности поляк, гр[ажданин] СССР, проживает на территории СССР с 1914 г., по соц[иальному] положению служащий, по соц[иальному] происхождению рабочий, б[ывший] член ВКП(б) с 1929 г., исключён в связи с данным делом, образование низшее, служил в РККА с 1927 г. по 1930 г. в 24-м Могилевском погранотряде, в других армиях не служил, в органах НКВД с 1930 г., до ареста работал оперуполномоченным ОДТО НКВД ст. им. Кагановича Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], имел звание сержанта государственной безопасности, арестован по настоящему делу 7/VII—[19]38 г., обвинительное заключение получил 21/VI—[19]39 г. Предъявленное обвинение понимает.

Председательствующий объявляет состав суда и право отвода. Отвода составу суда не заявлено.

Председательствующий удостоверяется в личности экспертов и свидетелей, предупреждает их об ответственности за ложные показания по ст. 89 УК УССР, после чего свидетели из зала судебного заседания удаляются.

Председательствующий разъясняет подсудимым их право ходатайствовать о приобщении к делу тех или иных документов и о вызове дополнительных свидетелей, а также процессуальные права о порядке дачи объяснений по делу.

От обвиняемых последовали следующие ходатайства:

От обвиняемого КОЧЕРГИНСКОГО:

Прошу приобщить к делу протокол оперативного совещания по ОДТО ст. Дебальцево за август 1938 г., протокол заседания партийного комитета за август 1938 г., документы аттестационного порядка о МАТВЕЕВЕ; вызвать в качестве свидетелей ПЕРЕПЕЛИЦУ, БОГУСЛАВСКОГО — работников ОДТО ст. Дебальцево и ФИЛОНОВА — работника ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], ст. Артёмовск.

От обвиняемого ЛУБОВСКОГО:

Прошу вызвать в качестве свидетелей сотрудника дистанции сл[ужбы] пути ст. Дарьевка Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] ФЕДОРИНА¹⁸, а также сотрудников ОДТО ст. Дебальцево РОЗИЗНОГО¹⁹ и АРАНОВИЧА.

От обвиняемого КОВАЛЁВА:

Прошу вызвать в качестве свидетелей оперуполномоченного ст. им. Кагановича ВОРОНИНА, а также врача этой станции СМОЛЯКОВА и директора школы ЗОРИНА.

От обвиняемого МАЦЕЙКАНЦА:

Прошу отвести проходящего по делу в качестве свидетеля МАЦЕНКО, вызвать свидетелей — сотрудников ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] в Артёмовске ПАЛИЯ и ВОРОНИНА; приобщить к делу дело «Оккупанты» и по нему же следдело; приобщить агентурное дело «Студенты» и протокол допроса немца ГЕЛЛЕРТА.

От обвиняемого КУЗНЕЦОВА:

Прошу приобщить к делу распоряжение б[ывшего] нач[альника] ДТО КОЧЕРГИНСКОГО, коим мне запрещалось проводить по делам следствии; приобщить к делу в черновиках протоколы произведённых мною допросов.

От обвиняемого РОЗЕНБЕРГА ходатайств не последовало.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

1) Удовлетворить ходатайство КОЧЕРГИНСКОГО о вызове в качестве свидетелей ПЕРЕПЕЛИЦУ и ФИЛОНОВА; о вызове свидетеля БОГУСЛАВСКОГО М., об истребовании протоколов опер[ативного] совещания и заседания партбюро от VIII-[19]38 г., материалов досрочной

¹⁸ У документі помилково — Федоренко.

¹⁹ У документі помилково — Разъездного.

аттестации — отказать, т.к. те вопросы, которые отражены в этих документах, могут осветить свидетели, вызванные в суд.

2) Удовлетворить ходатайство ЛУБОВСКОГО о вызове в качестве свидетеля ФЕДОРИНА и ходатайство МАЦЕЙКАНЦА о вызове свидетелем ПАЛИЯ. В их ходатайствах о вызове в качестве свидетелей РОЗИЗНОГО²⁰, АРАНОВИЧА²¹, ВОРОНИНА и об истребовании агентурных разработок — отказать, а также отказать в ходатайствах КУЗНЕЦОВУ и КОВАЛЁВУ в силу того, что доводы, по которым подсудимые ЛУБОВСКИЙ, МАЦЕЙКАНЕЦ, КУЗНЕЦОВ и КОВАЛЁВ ходатайствуют, направлены не на выяснение обстоятельств, связанных с предъявленными им обвинениями.

Председательствующий оглашает обвинительное заключение, разъясняет подсудимым суть предъявленного им обвинения, спрашивает раздельно у каждого из подсудимых — признают ли они себя виновными и желают ли давать показания.

Обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ:

Я признаю себя виновным только в том, что не принял своевременно мер к очищению аппарата ДТО НКВД Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] от чуждого элемента и часть ответственной работы передоверил ненадежным лицам.

Обвин[яемый] РОЗЕНБЕРГ:

Я признаю себя виновным в фабрикации дел, указанных в обвинительном заключении, но объясняю это жёсткими сроками, данными б[ывшим] нач[альником] ДТО КОЧЕРГИНСКИМ для проведения по делам следствия.

Обвин[яемый] ЛУБОВСКИЙ:

Я признаю себя виновным только в допуске для допроса посторонних НКВД лиц.

Обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Я признаю себя виновным в незаконном методе допроса по делу ЛЯХОВЕЦКОГО и в исправлении по его же делу анкеты.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

Я виновным себя не признаю полностью.

Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Признаю себя виновным в фабрикации дел.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Исследование дела начать с опроса обвиняемого КУЗНЕЦОВА, затем РОЗЕНБЕРГА, КОВАЛЁВА, МАЦЕЙКАНЕЦ, ЛУБОВСКОГО и КОЧЕРГИНСКОГО, а потом свидетелей в порядке вызова по времени явки в суд.

Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ показал:

К моменту возникновения вопроса об изъятии на Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороге] чуждого элемента, т.е. до январской операции 1938 г., в ОДТО ст. Дебальцево было арестовано до 75 человек.

²⁰ У документі помилково — Разнецкого.

²¹ У документі помилково — Аронович.

По распоряжению б[ывшего] нач[альника] ДТО КОЧЕРГИНСКОГО дела о них необходимо было закончить в срочном порядке. В намеченный жёсткий срок для проведения следствия мы своим аппаратом вложиться не смогли и поэтому нач[альник] ОДТО ИГНАТОВ согласовал с Политотделом дороги вопрос о выделении нам в помощь для следственной работы работников Политотдела.

В январскую операцию 1938 г. я к следственной работе не привлекался, т.к. по распоряжению б[ывшего] нач[альника] ДТО КОЧЕРГИНСКОГО выполнял должность нач[альника] штаба по приёму арестованных. Только в отдельных случаях, когда оперативные работники уходили на обед или на отдых, я их подменял.

Мне предъявлено обвинение в фальсификации пяти следственных дел. Я хочу указать, что я лично протоколов допроса начисто не писал, а составляемые мною черновики протоколов обычно корректировались, т.е. дополнялись и исправлялись нач[альником] ОДТО ИГНАТОВЫМ после допроса свидетеля. Давали ли на подпись свидетелю корректированные протоколы и кто, я не знаю.

На вопросы ВТ обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

На совещании, где выступал б[ывший] нач[альник] ДТО КОЧЕРГИНСКИЙ, я присутствовал. Он, т.е. КОЧЕРГИНСКИЙ, тогда заявил, что группа из Артёмовска приехала для помощи оперативному составу ОДТО ст. Дебальцево в скорейшем очищении узла от чуждого элемента.

КОЧЕРГИНСКИЙ на совещании сказал, что к аресту по узлу намечено до 500 человек, и эту цифру затем подтвердил нач[альник] ОДТО ИГНАТОВ. После совещания оперативный состав разбился на группы по станциям для производства арестов. Я в январской операции не участвовал.

Подделкой подписей на протоколах ни по одному делу я не занимался, т.к. после допроса мною свидетеля я ему зачитывал его показания, свидетель их подписывал и уходил.

Председательствующий оглашает показания КУЗНЕЦОВА от 16/VIII-[19]38 г. на л.д.235 т. 3.

На вопросы ВТ обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Я таких показаний не давал. Они сформулированы следователем, который допрашивал меня, и я вынужден был подписать протокол в редакции следователя.

Со свидетелем РУСАЛОВЫМ у меня были натянутые отношения ещё с 1930 года.

Ни к одному из свидетелей при допросах я нажима не применял.

Мои протоколы, как я уже сказал, корректировались ИГНАТОВЫМ, корректировались неправильно, и поэтому свидетели при вторичном их допросе отказались от своих первичных показаний. На этих протоколах подписи мои.

КОЧЕРГИНСКИЙ дал установку на совещании о том, что каждый из оперативных работников должен был заканчивать следствие не менее как по двенадцати делам в сутки.

Председательствующий оглашает показания ДЕЙНЕКО на л.д. 481 т. 2.
Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Показания ДЕЙНЕКО являются ложными, т.к. я его никогда не допрашивал.

Председательствующий оглашает показания ТИМОШЕК.
Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Эти показания не верны, т.к. они не отвечают действительности.

Председательствующий оглашает протокол очной ставки между КУЗНЕЦОВЫМ и ЛУБОВСКИМ (т. 2, стр. 280–281).

Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Я антисоветской агитацией не занимался.

Показания свидетелей и обвиняемых во всех случаях исправлялись ИГНАТОВЫМ.

Экспертиза оглашает (вещ[ественные] доказат[ельства] — дело ВАНИНА):

1) Фиктивный протокол допроса свидетеля ЕРЕМЕНКО по делу ВАНИНА и справку о том, что такого свидетеля не было;

2) фиктивные протоколы допроса свид[етелей] ЛЕОНОВА и АФОНИНА и справку о том, что таких свидетелей не было.

Обвин[яемый] КУЗНЕЦОВ:

Я утверждаю, что свидетелей я допрашивал.

На вопросы обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО обвин. КУЗНЕЦОВ:

Корректировка показаний свидетелей и обвиняемых проводилась нач[альником] ОДТО ИГНАТОВЫМ с ведома зам[естителя] нач[альника] ДТО МАТВЕЕВА.

Привлечение комсомольцев для работы в НКВД практиковалось с ноября 1937 г. — с момента прибытия в ДТО КОЧЕРГИНСКОГО.

На совещании в январе 1938 г. КОЧЕРГИНСКИМ дана была установка о немедленном аресте лиц по 18 политическим окраскам, и в тот же день вечером начали поступать арестованные. Опер-составу на участках КОЧЕРГИНСКИМ и ИГНАТОВЫМ было дано количество лиц, подлежащих аресту. К месту ареста оперативные работники выехали без компрометирующих данных.

Были случаи, когда аресты производились и по телефонному распоряжению КОЧЕРГИНСКОГО, иногда ордера на арест давал КОЧЕРГИНСКИЙ.

Беседы со свидетелями из актива проводились прикрепленными от Политотдела проверенными лицами.

В 16 ч. 30 мин. объявляется перерыв до 19-ти часов.

В 19 часов судебное заседание объявлено продолженным.

Обвин[яемый] РОЗЕНБЕРГ показал:

1/VIII–[19]37 г. я был назначен в Красно-Лиманское отделение, куда позднее назначен был начальником МАТВЕЕВ. С его приездом, т.е. с XI–[19]37 г., начались массовые аресты. Я лично по линии проводил аресты кулаков.

На первом совещании МАТВЕЕВ дал установку каждому опер[ативно-му] работнику завербовать актив для дачи показаний по тому или иному делу. Было завербовано до 20-ти чел. коммунистов.

Система допроса была введена с применением так называемых отстойников, т.е., если арестованный не сознавался, его держали на ногах по 2–3 дня.

МАТВЕЕВ требовал форсирования окончания следствия и давал крайне жёсткие сроки. Помню, что по одному делу МАТВЕЕВ приказал закончить следствие в 12-часовой срок, а т.к. в такой срок я не мог обеспечить вызов свидетеля, то пришлось протокол сфабриковать.

По распоряжению МАТВЕЕВА были арестованы ПРОТАСОВЫ, отец и сын, допросили осведомов²² КРИНЬКО и др., фамилии не помню, материалов было мало, но их осудили.

По делу ЦИЦОРА²³ было допрошено 3 человека из актива околodka пути, их я заставил подписать протоколы с обвинением, которого они фактически подтвердить не могли.

На вопросы ВТ обвин[яемый] РОЗЕНБЕРГ:

Характеристику от имени парторга ст. Светланово по делу БАРЫШИК²⁴ сфабриковал я, печать на ней я поставил случайно завалывшуюся, какой-то коллегии зашитников.

7/1–[19]38 г. в присутствии зам[естителя] нач[альника] ДТО АНТОНЕНКО проводилось совещание по вопросу об изъятии всех иностранцев и кулаков. Утром мы все разъехались для ареста; я выехал на ст. Сентяновку, получив задание арестовать в районе 50 чел., за 2 дня объехал район, выявил 14 поляков, 9 раскулаченных и друг. элементы — всего 46 человек. Я составил список и сдал его МАТВЕЕВУ. На другой день раздался звонок КОЧЕРГИНСКОГО, и он мне сказал о необходимости немедленного ареста лиц по списку, который мне вручит МАТВЕЕВ. Ночью в этот же день меня вызвал МАТВЕЕВ, дал список на 25 человек, приказал немедленно произвести арест и закончить следствие в 2 дня.

Утром выехал в р-н Сентяновку и за день успел допросить свидетелей по 7 делам (ФИЛИППСКОГО²⁵, ГОЛУБА²⁶ и др.). На другой день — ещё человек 12 или 13, всех арестовать не успел.

По протоколу предварительного следствия записи сделаны ШАТАЛИНЫМ неправильно.

КОЧЕРГИНСКИЙ требовал от меня дачи показаний в части якобы моей шпионской работы, и когда я это отрицал, меня избили.

Подписи свид[етеля] БЫЛЯ я не подделывал.

Свид[етелей] ОРЛА и ЦЫКАЛОВА я не допрашивал, а только из разговора с ними сделал набросок, доложил МАТВЕЕВУ, он раскричался,

²² Скорочена форма від слова «осведомителей».

²³ У документі помилково — Цицура.

²⁴ Так у документі. У матеріалах архівної кримінальної справи — Барышек.

²⁵ У документі помилково — Филиппских.

²⁶ Помилка у документі. Йдеться про слідчі справи на Голубова І. Ф. і Голубова М. Ф.

стал угрожать отдачей под суд, тогда я оформил протоколы и подписал их.

Недоделки по прекращённым 14 делам были, были по отдельным показаниям и натянутые показания. Объясняется это тем, что при отсутствии агентурных данных КОЧЕРГИНСКИЙ и ИГНАТОВ дали твёрдый лимит на число арестованных, и ещё хуже то, что установили сроки на разработку 3–4 дня для всех дел.

Свидетели ГРИЦАЙ, ТИМЧЕНКО, ГОНЧАРЕНКО, КАПИНЕРОВ и друг. допрашивались правильно. ШАПОВАЛЕНКО я не допрашивал.

Экспертиза оглашает:

Фиктивный протокол допроса свид[етеля] БАТРАК по делу ХОРОШКО²⁷ на л.д. 5–6 и протокол действительного допроса этого же свидетеля на л.д. 17–18, в котором свид[етель] БАТРАК заявил о фиктивности первого протокола.

Оглашаются показания свидетелей ТИМЧЕНКО и ГРИЦАЯ по делу ПОГОРЕЛОВА на л.д. 26–27, в которых они опровергают показания, записанные в протоколах обвин[яемым] РОЗЕНБЕРГ.

Обвин[яемый] РОЗЕНБЕРГ:

Я не знаю, почему эти свидетели при допросе их вторично отказались от ранее данных показаний, я их к подписи протоколов не принуждал и объявлял об ответственности за дачу ложных показаний.

На вопросы обвиняемого КОЧЕРГИНСКОГО обвиняемый РОЗЕНБЕРГ:

Откуда звонил КОЧЕРГИНСКИЙ, я не знаю.

Следствие по делам январской группы я закончил 17/1 [1938 г.]. Когда приехал КОЧЕРГИНСКИЙ, я написал ему обстоятельный рапорт с тем, чтобы предотвратить осуждение некоторых невинных людей по сфальсифицированным протоколам. КОЧЕРГИНСКИЙ рапорт порвал и назвал чепухой.

Обвин[яемый] КОВАЛЁВ показал:

Меня обвиняют в фальсификации документов, незаконных арестах и избияниях арестованных, в частности, по допросу свид[етеля] САВИЦКОЙ. Я САВИЦКУЮ узнал впервые, когда она пришла с заявлением ко мне о том, что у неё есть знакомый, у которого есть голуби, летающие за границу. После этого я стал ей давать отдельные поручения, и она их честно выполняла. Допрос САВИЦКОЙ я вёл по делам САЧЕК и ЛЯХОВЕЦКОГО, она давала избобличающие их показания.

Свид[етель] ПОГУЛЯЕВ по делу САЧЕК также давал избобличающие показания, но точно этих показаний я не помню.

На вопрос ВТ обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Причину отказа САВИЦКОЙ от первичных показаний на передопросе объяснить не могу.

Оглашаются показания САВИЦКОЙ, л.д. 357–359 т. 2.

Обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

САВИЦКАЯ лжёт, я ей протоколы зачитывал.

²⁷ У документі помилково — Харьшко.

На вопросы ВТ обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Меня допрашивали в мае и августе м[еся]цах 1938 г. От данных тогда показаний я отказываюсь по такому поводу: когда в ДТО узнали о том, что у нас в отделении били арестованных, приехал КОЧЕРГИНСКИЙ для выяснения обстоятельств. Меня вызвал КОЧЕРГИНСКИЙ и вместо опроса по существу фактов избиения он начал допрашивать меня по поводу моих сожительств с рядом женщин и о якобы моей венерической болезни. Когда я стал возражать, меня КОЧЕРГИНСКИЙ избил. При этом, кажется, присутствовал и ШАТАЛИН. Вторично допрашивал меня КОЧЕРГИНСКИЙ в присутствии следователя из Москвы. Мне предъявили обвинение во вредительстве, фальсификации дел на базе опроса штатных свидетелей.

ЛЯХОВЕЦКИЙ был арестован по подозрению в шпионаже, мне СИНЬКО дал указания добиться от него признания «смертным боем», и я действительно ЛЯХОВЕЦКОГО один раз ударил. По делу ЛЯХОВЕЦКОГО я допросил всего, кажется, 5 свидетелей, в том числе и САВИЦКУЮ.

Экспертиза оглашает протокол допроса свид[етеля] ПОГУЛЯЕВА по делу САЧЕК на л.д. 26–28 и вторичный протокол допроса этого же свидетеля на л.д. 22, где он отказывается от первичных показаний.

Обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Всем допрашиваемым свидетелям я перед подписью ими протоколов зачитывал содержание их.

Показания свид[етелей] БОЛГАРЕВА и ИВАЩЕНКО²⁸ излагал правильно. Анкетные данные на ЛИХОВЕЦКОГО с «украинца» на «поляк» я не переделывал. САВИЦКУЮ в заблуждение не вводил и не угрожал ей.

Показания ПОГУЛЯЕВ давал сам, и записаны они правильно. Это я показываю искренне. Никаких натянутых отношений с ними не было.

На вопросы ВТ обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

ЩЕРБАНЯ я допрашивал, но не бил, а бил его следователь ЩЕРБИНА.

Установочных данных насчёт избиения арестованных прямых не было, но приехавший к нам следователь ВОРОНИН первым начал практиковать избиение и говорил, что по этому поводу есть установка СИНЬКО и КОЧЕРГИНСКОГО — «врагов не жалеть».

Веских доказательств о том, что ЛЯХОВЕЦКИЙ — враг, по делу не было, но применял я к нему меры воздействия согласно установки.

На вопрос обв[иняемого] МАЦЕЙКАНЕЦ обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Показания о том, что обвин. МАЦЕЙКАНЕЦ бил арестованных, я не давал.

На вопрос КОЧЕРГИНСКОГО обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Лично от обвин[яемого] КОЧЕРГИНСКОГО установок на избиение арестованных я не получал.

В 23 ч. 30 мин. объявляется перерыв до 10-ти час. утра 28/VI–[19]39 г.

²⁸ Йдеться про Івашенка Спиридона Вікторовича. Не плутати з Івашенком Григорієм Андрійовичем, який також фігурує у матеріалах архівної кримінальної справи.

Мера пресечения обвиняемым оставлена прежней, т.е. содержание под стражей.

28/VI, в 10 ч. 30 мин. утра, судебное заседание объявлено продолженным.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлены под стражей обв[иняемые] КОЧЕРГИНСКИЙ, РОЗЕНБЕРГ, ЛУБОВСКИЙ, КОВАЛЁВ, МАЦЕЙКАНЕЦ и КУЗНЕЦОВ.

Явились эксперты УСТИНСКИЙ, ШАТАЛИН и БАНИН.

Явились свидетели ПОТРОХОВ, ГУЕНОК, БОНДАРЧУК, ШИП, БАБИНЕЦ, ХАДЖИНОВ, ЖИЛИНСКИЙ, ДЬЯЧЕНКО, ИВЧЕНКО и ФЕДОРИН²⁹.

Не явились по уважительным причинам, согласно списка ДТО НКВД Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], свидетели ВОРОНИН, ОМЕЛЬЧЕНКО, ЗАЛОЗНЫЙ, АНТОНЕНКО, СИНЬКО и МАТВЕЕВ.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ показал:

Особых нарушений в смысле выполнения директив и в работе по опер-пункту ОДТО ст. [им.] Кагановича не наблюдалось. В период массовых арестов нами был поднят архив, и все аресты были произведены правильно по тем или иным компрометирующим материалам.

По делу ПОНОМАРЕВА, не помню точно, кого я допрашивал, но ПОНОМАРЕВ арестован правильно, он в прошлом — петлюровец, эмигрировал из Бельгии.

По остальным делам, т.е. САРОСЕК, КАБЫХИ и друг., по которым меня обвиняют в фабрикации компрометирующих документов, я также виновным себя не признаю.

Экспертиза оглашает показания свидетелей по делу ПОНОМАРЕВА — протокол [допроса] ВОЛЖИНА на л.д. 28–29 и отказ его от первичных показаний на л.д. 59; протокол [допроса] свид[етеля] РОГОЛЯНА на л.д. 30–31 и отказ его от первичных показаний на л.д. 60.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

Мне не известно, почему свидетели дали противоположные показания при вторичных допросах.

Председательствующий оглашает характеристику ПОНОМАРЕВА на л.д. 57.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

Я прошу ознакомиться с имеющимися в деле компрометирующими материалами.

Экспертиза оглашает показания свидетелей по делу САРОСЕК[А]: протокол [допроса] свидетеля КАРДАШ на л.д. 22–24 и отказ его от первичных показаний на л.д. 47; протокол [допроса] свидетеля ОДИНЦОВА на л.д. 25–26 и отказ его от первичных показаний на л.д. 48; протокол допроса свидетеля САФРОНОВА на л.д. 27–28 и отказ его от первичных показаний на л.д. 45; протокол допроса свидетеля ШАПОВАЛОВА на л.д. 29–30 и отказ его от первичных показаний на л.д. 46.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

САРОСЕК осуждён правильно, он — вредитель.

²⁹ У документі помилково — Федоренко.

На вопрос ВТ обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

По делу ЛАДАТКО³⁰ отказался один свидетель ПИВОВАРОВ, но арест ЛАДАТКО и его осуждение правильны, т.к. он — диверсант.

Заключение экспертизы: Да, по делу ЛАДАТКО действительно было достаточно материалов для его ареста и без показаний ПИВОВАРОВА.

Эксперт оглашает показания свидетелей по делу КАБЫФЫ³¹:

Протокол допроса свидетеля НАУМЕНКО на л.д. 18–19 и отказ его от первичных показаний на л.д. 28; протокол допроса свидетеля МАЦЕНКО на л.д. 20–21 и заявление МАЦЕНКО о фабрикации его показаний обвиняемым МАЦЕЙКАНЕЦ на л.д. 29–34.

Экспертизой оглашается протокол допроса свидетеля МАЦЕНКО, свидетеля ЦЫБУЛЬКО по делу КАБЫФЫ на л.д. 24.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

Свидетель МАЦЕНКО, как сотрудник НКВД, привлекался для допроса некоторых свидетелей, но в том, что по делу КАБЫФЫ он был допущен мной и как свидетель, и как следователь, я вину признаю.

На вопрос ВТ обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

По делу ЕРЕМЧУКА отказался от своих первичных показаний один свидетель ДУДКИН, причину отказа я не знаю, но ЕРЕМЧУК ранее судился по ст. 54–8, так что арест его был произведён правильно.

По делу ГУРЕЦКОГО я САВИЦКУЮ не допрашивал, я только спросил у неё, может ли она дать показания, и когда она отказалась, я её отпустил.

Оглашаются показания САВИЦКОЙ от 19/V–[19]38 г.

Обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

Я утверждаю, что с САВИЦКОЙ я по делу ГУРЕЦКОГО только говорил, а допрашивал её следователь МАЦЕНКО.

На вопрос ВТ обвин[яемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

КОЧЕРГИНСКИЙ, узнав об избииении АНЦЕЛОВИЧА, приехал к нам на ст. Кагановичи и провёл совещание, на котором требовал прекратить избииение арестованных без его санкции в каждом отдельном случае.

Экспертиза оглашает заключение об аресте ПОНОМАРЁВА:

ПОНОМАРЕВ арестовывался по компрометирующим данным, по которым он был освобождён в 1932 г.

На вопрос обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО обв[иняемый] МАЦЕЙКАНЕЦ:

КОЧЕРГИНСКИЙ приезжал на ст. Кагановичи для выяснения вопросов с избииением арестованных в апреле 1938 г.

Обвин[яемый] ЛУБОВСКИЙ показал:

Я работал пом[ощником] нач[альника] отд[еления] ОДТО ст. Дебальцево, где начальником был ИГНАТОВ.

В декабре 1937 г.³² на совещании, где присутствовал КОЧЕРГИНСКИЙ, стоял вопрос об усилении активности по изъятию немцев. Я выехал

³⁰ Тут і далі у документі помилково — Лопатко.

³¹ Тут і далі у документі помилково — Кобыха, Кобыхи.

³² У документі помилково — 1938 г.

в Шуровку, пробыл там два дня и подобрал имеющиеся компрометирующие данные на отдельных лиц, впоследствии изъятых.

На втором совещании 12/І–[19]38 г. я не был, т.к. выезжал на линию, но мне рассказывал свидетель ГУЕНОК, что на этом совещании обсуждались мероприятия по изъятию чуждого и враждебного элемента по Дебальцевскому узлу.

Когда я приехал в Дебальцево, то оперативный состав проводил допросы арестованных в школе ФЗУ. В коридоре было много арестованных, охранявшихся мобилизованным составом из актива. Мне дали для допроса одного арестованного, с которым я провозился всю ночь. Он оказался бывш. белогвардейцем и сознался в предъявленных ему обвинениях.

Во время допроса арестованного ЛЕМИШЕВСКОГО ко мне зашёл обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ и, когда узнал, что ЛЕМИШЕВСКИЙ не сознается, избил его.

Дело МИТИНА я не вёл, мне прислали его для передопроса. Я вызвал свидетеля ШИП, которого до этого допрашивал следователь АРАНОВИЧ³³. Проверяя анкетные данные на ШИПА, увидел, что ШИП значился как беспартийный. На самом же деле, ШИП мне сказал, что он — член партии. На поставленный мною вопрос ИГНАТОВУ о причине неправильной записи, ИГНАТОВ ответил: «Такая дана установка на совещании», т.е. скрывать партийную принадлежность свидетеля.

Экспертиза оглашает показания свидетелей по делу МИТИНА:

1) протокол допроса свидетеля ШИП на л.д. 18 и отказ от его первичных показаний на л.д. 60 обор.;

2) протокол допроса свидетеля ЛИСУНОВА на л.д. 21 и отказ от его первичных показаний на л.д. 59–60.

На вопрос ВТ обвиняемый³⁴ ЛУБОВСКИЙ:

Свидетели ШИП и ЛИСУНОВ отказались от своих показаний, видимо, потому, что при первом допросе их АРАНОВИЧЕМ они дали вынужденные показания.

Я ШИПА и ЛИСУНОВА допрашивал правильно, протоколы всё им зачитывал, и они расписывались.

Экспертиза оглашает показания свидетеля САВЕНКО по делу ВРЕЩ на л.д. 5–6 и отказ его от первичных показаний на л.д. 26.

Обвин[яемый] ЛУБОВСКИЙ:

Я всех свидетелей предупреждал при допросах об ответственности за дачу ложных показаний. Принуждений не допускал ни по делу ВРЕЩ, ни по делу САВЕНКО.

На вопросы ВТ обвин[яемый] ЛУБОВСКИЙ:

На втором совещании КОЧЕРГИНСКИЙ обвинял сотрудников в неповоротливости, медлительности арестов и потребовал форсировать это дело.

К БАБИНЕЦ я ездил по поручению ИГНАТОВА. У БАБИНЦА я путём отвлечённого разговора с ним должен был выяснить, будет ли он

³³ Тут і далі у документі помилково — Аронович, Ароновичем.

³⁴ У документі помилково — свид[етель].

кому-либо подавать заявление о неправильном ведении следствия по его делу.

КОТВАСОВСКОГО я не допрашивал.

Меня допрашивали два раза, причём всё время угрожали мне, и я вынужден был давать показания, какие требовал следователь.

От КОЧЕРГИНСКОГО я получил телефонное указание об аресте на своём участке до 80-ти человек. Освобождено по Дебальцевскому отделению как неправильно арестованных, кажется, до 50-ти человек. Санкции на арест он давал по телефону.

Личные дела освобождённых хранил у себя ИГНАТОВ.

На вопрос обвин[яемого] КОЧЕРГИНСКОГО обвин. ЛУБОВСКИЙ:

К БАБИНЦУ я ездил уладить вопрос с его избиением при допросах и выяснить состояние его здоровья.

В январскую операцию мной был поднят учёт, кажется, на 35 человек. Из этого количества арестовано было только 18, т.к. на остальных КОЧЕРГИНСКИЙ санкции не дал, считая, [что] недостаточно материалов.

В 16 ч. 30 мин. объявляется перерыв до 19-ти часов.

В 19 час. судебное заседание объявлено продолженным.

Обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ показал:

Я был назначен на должность начальника ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] в ноябре м-це 1937 г. после длительного пребывания группы центра на Дальнем Востоке.

Получив назначение в ДТО, я узнал, что аппарат НКВД Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] засорён чуждым и ненадежным элементом и находится на поводке у врагов.

Приехав в Артёмовск, я принял группу арестованных руководящих работников дороги, сидевших по 7 м[еся]цев и не дававших показаний при наличии избобличающих материалов. Буквально на другой день я, не применяя жестокостей, получил от этой группы ряд признаний и вскрыл крупную антисоветскую организацию, показав аппарату, как надо работать.

В июле м[еся]це 1937 г., т.е. ещё до назначения в ДТО, на совещании в Киеве я получил, в числе других, установку от наркома (Ежова) бить и беспощадно выкорчёвывать врагов, и поэтому, будучи уже в ДТО, я в январскую операцию [1938 г.] применял к отдельным вражеским элементам при допросах физические методы.

Главный свидетель обвинения по моему делу, мой бывш. помощник МАТВЕЕВ, с моим приездом на дорогу занял позицию «ничего не делать», и когда я после вступления на должность нач[альника] ДТО, по запросу из центра должен был дать досрочную аттестацию на командный состав, я о МАТВЕЕВЕ написал, что он негодный, безынициативный работник, и его из органов надо убрать.

Получив директиву из Москвы от СОКОЛИНСКОГО³⁵ об изъятии с дороги иностранцев и чуждого элемента, я под председательством ИГНАТОВА провёл совещание, на котором дал установку поднять немедленно оперативный учёт, причём никого после выявления компрометирующих данных я не разрешил арестовывать без моей санкции. Об арестах установок не давал.

На втором совещании был разработан конкретный план действий по изъятию с дороги классово-чуждых элементов. Каждый оперативный работник был прикреплен к определённой участку, причём наблюдение за операцией я поручил МАССОВИЧУ, которому присвоил права связи с прокурором.

С проходящим по делу в качестве свидетеля ГУЕНКОМ во время проведения январской операции был случай, когда ГУЕНОК, как парторг, потребовал у меня объяснения о том, почему операция по аресту не согласована с ним. Я ГУЕНКУ ответил, что по административной линии я у него никаких санкций брать не обязан и не буду.

В результате проведения массовых операций выявилось лицо отдельных работников следственной части. Так, например, в феврале м-це мне доложили ряд дел, следствие по которым вёл обвин[яемый] РОЗЕНБЕРГ. Проверка этих дел подтвердила мои предположения о том, что РОЗЕНБЕРГ — фальсификатор.

Принятыми мною мерами по ликвидации фальсификаторов дел были арестованы лица, сидящие сейчас со мной на скамье подсудимых.

Экспертиза оглашает документы по делу КОРГИНА л.д. 1–3 и СЕМКО л.д. 1–3, изобличающие обвин. КОЧЕРГИНСКОГО в незаконных арестах.

Обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ:

По делам КОРГИНА и СЕМКО я дал санкцию на аресты, будучи введён в заблуждение следственным аппаратом, т.к. согласие на арест я давал чаще по телефонному докладу опер-работника, с приездом его выслушивал доклад, просматривали материалы, а МАССОВИЧ писал справки, по которым прокурор давал санкции на арест. Справки давались мотивированными кратко, и редко когда прокурор отказывал в санкциях на арест.

Прекращение дел до моего ареста имело место часто, часто я не давал санкции на арест.

Основанием для ареста служили компрометирующие данные и 2–3 свидетеля, могущие подтвердить эти данные. После ареста было приказано в 2–3 дня оформить допросы обвиняемого и свидетелей и дела передавать на Тройку.

Я знаю 34 прекращённых дела по Дебальцево ОДТО, привезённых мне комиссией ШАТАЛИНА, и в этот момент я узнал о штатных свидетелях (июль м-ц) при просмотре этих 34-х дел на освобождённых.

Других данных и, тем более, 276 чел. я не знал и не знал цифры 155 чел., освобождённых якобы до моего ареста, и не допускаю, чтобы это

³⁵ Д. Соколинський, з квітня 1937 р. по лютий 1938 р.— начальник УНКВС по Донецькій області.

было следствием неправильных арестов, скорее, это неправильные передпросы для того, чтобы оклеветать меня.

На вопросы ВТ обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ показал:

Вопрос о выселении был преподан директивой ФРИНОВСКОГО. Руководство выселением я поручил АНТОНЕНКО.

Утверждаю, что ни одно выселение, ни накануне, ни в день выборов в Верховный Совет, не проводилось, хотя и не мною, а на месте оно и было приостановлено. Расписки о выселении на день выборов действительно были вручены.

При выселении из оборонных узлов посыпался ряд жалоб, и я сейчас же, совместно с прокурором, разобрал заявления, и в тех случаях, когда было установлено, что выселение проведено неправильно, выселяемых восстанавливали. Приостановлено и не было допущено выселение на 155 семей. О том, что 155 семей возвращено обратно после их сселения, об этом я не знал.

Мои предложения — поскорей пропустить дело ОВЧИННИКОВА через Тройку — были не потому, что я его избил, а на него было достаточно материалов. Предложения ИГНАТОВУ о прекращении его дела я не давал.

Бил ли я старика-стрелочника БАБИНЕЦ, я не помню. Указаний ИГНАТОВУ об освобождении не давал и не просил принимать мер предотвращения подачи им жалобы об избииении его.

ФИЛИПЧЕНКО³⁶, ОВЧИННИКОВА, КИСЕЛЁВА, ГРИГОРЕНКО, ГЕРАСИМОВА, РЕЗНИКОВА, ДЕГТЯРЁВА я действительно бил. Бить их как врагов я имел право. Другим я бить не разрешал.

Бил ли КАРТАШЁВА, ЗАБЛОЦКОГО, не помню.

КАРЧМАРА бил как врага, т.к. он жил около польской границы и, несомненно, был шпион, затем он все-таки признался и Тройкой был осуждён по I категории.

Почему МАССОВИЧ скрыл от учёта право-троцкистов, прошедших через Тройку по окраске «диверсанты-вредители», я не знаю. Указаний об этом ему не давал.

Об избияениях оперработниками — я знал только об одном АНЦЕЛОВИЧЕ, других фактов мне известно не было.

Камера-«отстойник» была создана мною по примеру НКВД Москвы и ДВКрая³⁷, где я работал. Стояли там до тех пор, пока не дадут согласия писать заявление о своих признаниях. Сколько человек там стояло, я не знаю.

При мне опер[ативные] работники не били, я при них врагов бил.

Установку — как допрашивать и примерный протокол допроса кулака, составленный АНТОНЕНКО, я давал и рекомендовал.

³⁶ Тут прізвище надруковане з двома літерами «п» — Филиппченко, в усіх інших випадках і в інших документах архівної кримінальної справи — з однією.

³⁷ ДВКрая — рос. Дальневосточного края — Далекосхідного краю.

Факты отказов от показаний в суде свидетелей были мне известны, но я это отнёс к аполитичности суда, не придав значения как к сигналу извращений в следствии, но позже было доказано, что я не прав.

Побитых пускать на суд было бы преступлением, моя установка — их на особое совещание.

32 дела у меня не лежали 3–4 м-ца, а только 3 дня до моего ареста.

Штатных свидетелей ДЕЙНЕКО³⁸ и др. я не знал.

За извращения в следствии ТИМОШЕКА, РОЗЕНБЕРГА, КУЗНЕЦОВА, ДУБОВИКА, РАФАЛЬЦЕВА³⁹ я наказывал.

Свид[етель] БОНДАРЧУК Филипп Давыдович, член ВКП(б), в должности оперуполномоченного ОДТО ст. Дебальцево с XI–[19]37 г., не судился, вражды и родства ни с кем из обвиняемых не имеет, показал:

КОЧЕРГИНСКИЙ прибыл в Дебальцево в последних числах декабря м-ца [19]37 г., а его бригада начала работу с января 1938 г.

Перед январской операцией КОЧЕРГИНСКИЙ устроил совещание опер-состава ОДТО, где заявил, что СССР воюет с Японией, скоро начнётся война с Германией, и что на НКВД правительство возлагает надежду в смысле очистки страны от чуждого элемента, и что по этому необходимо по Союзу расстрелять до 5-ти миллионов человек. На ст. Дебальцево надо форсировать очистку от классово-чуждого и враждебного элемента.

КОЧЕРГИНСКИЙ и ИГНАТОВ дали мне участок и задание подобрать материал на 45 человек, но арестовал я всего 13 человек, т.к. на моем участке общее количество рабочих и служащих было меньше 45 человек.

За невыполнение распоряжения об аресте 45-ти чел. КОЧЕРГИНСКИЙ по телефону меня ругал и угрожал исключить из партии.

Установка по велению следствия со стороны КОЧЕРГИНСКОГО была такова, что, если показаний на допросах не дают, не выпускать с допроса. ИГНАТОВ добавил, что при допросах необходимо в анкете указывать беспартийную принадлежность свидетелей, что дела будут рассматриваться на Тройке, и стесняться в показаниях не следует.

На вопросы ВТ свид[етель] БОНДАРЧУК:

Из арестованных мною 13 человек освобождённых не было.

«Отстойник» организовал КОЧЕРГИНСКИЙ. Там арестованные стояли и по 7 дней под охраной мобилизованного партийного и комсомольского состава, т.е. до тех пор, пока арестованный не начинал давать показания.

По установке КОЧЕРГИНСКОГО, «лица, попавшие в вагон, освобождению не подлежали».

До приезда КОЧЕРГИНСКОГО на ст. Дебальцево случаи избияния арестованных не наблюдались, а затем, с приездом КОЧЕРГИНСКОГО, начали бить. В частности, КОЧЕРГИНСКИЙ на моих глазах избивал несколько человек.

³⁸ У документі помилково — Денегу.

³⁹ Так у документі. Вірогідно, йдеться про лейтенанта держбезпеки Рафальського.

Были 2 человека в аппарате — ХОДАРЕВ и ГАВРЕНКО, которые только и били арестованных до признания, а после признания протоколы допроса писали другие работники, в частности ФАДЕЕВ.

Били жестоко, например, у старика-стрелочника БАБИНЕЦ, которого я отливал водой, отнялся язык.

Была установка, что битых не выпускать, а добиваться передачи дел на тройку или на особое совещание.

Вопросы извращения Ревзаконности на совещаниях не ставились, т.к. КОЧЕРГИНСКИЙ говорил, что он действует от имени Ежова.

На вопросы КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] БОНДАРЧУК:

КОЧЕРГИНСКИЙ звонил мне на линию в 3 часа ночи, и когда я сказал, что работаю, он ответил: «Ты пьянствуешь» и на другой день вызвал меня к себе.

Обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ:

БОНДАРЧУК лжёт, он на линии пьянствовал. Ареста он не отбыл, т.к. мне доложили, что информация о его пьянстве была не точная.

На вопросы КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] БОНДАРЧУК:

Однажды по указанию КОЧЕРГИНСКОГО я явился в Обком партии, там мне сказали, что поступила анонимка о вражеских делах в ДТО и что я об этом знаю. Я ответил, что надо спросить других.

Из арестованных мною 13-ти человек я лично допрашивал только часть.

Да, на оперативном совещании КОЧЕРГИНСКИЙ дал установку арестованных не выпускать.

Обвин[яемый] КОЧЕРГИНСКИЙ:

Это ложь, во время операции было освобождено 32 чел.

На вопросы КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] БОНДАРЧУК:

При мне БАБИНЦА КОЧЕРГИНСКИЙ не бил, но об избииении БАБИНЦА он знал.

Ни о каком учётном материале на совещании речи не было. Установки были об аресте того числа лиц, которое было дано.

Свид[етель] ШИП Павел Иванович, член ВКП(б) с 1932 г., работает нач[альником] паспортного стола ДТО⁴⁰ с 1937 г., не судился, из подсудимых знаю только КУЗНЕЦОВА и ЛУБОВСКОГО, во вражде и родстве с ними не состою, показал:

В 1937 г. на ст. Дебальцево в ОДТО были вызваны я, ЛЕСКОВСКИЙ и МИТИН⁴¹. У нас спросили о 2-х ИЗОТОВЫХ⁴², о МИТИНЕ⁴³ и о МЕЛЕНИНЕ⁴⁴. Спрашивали у нас у всех сразу. Это было в декабре

⁴⁰ Так у документі. Згідно з іншими документами зі справи — помічник начальника (з прийому і звільнення) паровозного відділення ст. Дебальцево Північно-Донецької залізниці.

⁴¹ Йдеться про Мітіна Олександра Тимофійовича, голову дільничого комітету ст. Дебальцево.

⁴² Йдеться про Ізотова Федіра Максимовича і Ізотова Якова Максимовича.

⁴³ Йдеться про Мітіна Михайла Максимовича.

⁴⁴ У документі помилково — Мелениссе.

1937 г. Я лично на предложение следователя АРАНОВИЧА⁴⁵ дать о них показания отказывался, т.к. ничего плохого о них не знал. Тогда и мне, и остальным заявили, что мы поддерживаем вражеский элемент и нас пошлют для переговоров к ИГНАТОВУ и КОЧЕРГИНСКОМУ. Мы испугались и подписали клеветнические протоколы.

Вторично меня по делу МИТИНА вызывал ЛУБОВСКИЙ, и когда я ему заявил, что мои первые показания — «липа», он заставил меня подписать и вторично ту же ложь, но добавил: «Больше по делу показать ничего не могу».

На вопросы ВТ свид[етель] ШИП:

Я дал ложные показания по 5-ти делам, помню на двух ИЗОТОВЫХ, КОШЕЛЕВА⁴⁶ и друг. (не помню).

Характеристики я дал под угрозами АРАНОВИЧА, но сколько, не помню, кажется, на МИТИНА, двух ИЗОТОВЫХ, КОШЕЛЕВА, ДЕНЯКА⁴⁷, МЕЛЕНИНА⁴⁸. Со стороны КУЗНЕЦОВА и ЛУБОВСКОГО требований на ложные характеристики не было. Кто от меня их получал, я не помню.

ЛУБОВСКОМУ я дал передпросы по МИТИНУ и МЕЛЕНИНУ, предупредив его об их фиктивности, но он не обратил внимания.

На вопросы обв[яемого] ЛУБОВСКОГО свид[етель] ШИП:

Да, протоколы составлены были АРАНОВИЧЕМ на МИТИНА и МЕЛЕНИНА, мне ЛУБОВСКИЙ зачитывал их, но я разьяснял ЛУБОВСКОМУ, что мои показания — «липа».

Характеристику на РЕЗНИЧЕНКО я давал по требованию ЛУБОВСКОГО.

Обвин[яемый] ЛУБОВСКИЙ:

Я такой характеристики не просил.

Свид[етель] ГУЕНОК Пётр Абрамович, член ВКП(б), работает оперуполномоченным с 1936 г. на ст. Дебальцево, не судился, ни с кем из обвиняемых во вражде и родстве не состоит, показал:

Руководство нач[альника] ДТО КОЧЕРГИНСКОГО я почувствовал с января 1938 г. До этого в 1937 г. под руководством ИГНАТОВА было арестовано до 70 человек. Аресты санкционировались ДТО и прокурором. Государственные преступления раскрывали, извращений революционной законности не было.

КОЧЕРГИНСКИЙ прибыл с бригадой в Дебальцево 11/1 1938 г. Сразу же организовали штаб приёма арестованных. Оформляли дела в Красном уголке и учебном помещении ФЗУ.

В одной из комнат комбината был организован «отстойник».

Перед проведением операций по арестам КОЧЕРГИНСКИЙ провёл оперативное совещание, где говорил, что СССР воюет с Японией, что

⁴⁵ Тут і далі у документі помилково — Ароновича, Ароновичем.

⁴⁶ Йдеться про Кошелева Сергія Дем'яновича. У цей же час був заарештований і знаходився під вартою у ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ Кошелев Матвій Іванович.

⁴⁷ У документі помилково — Деняга.

⁴⁸ У документі помилково — Меленисса.

положение серьёзное, надо форсировать очистку Дебальцевского узла от чуждого элемента. Тут же после совещания мне дали задание арестовать 50 человек. Я выехал на линию ст. Софьино–Бродское, поговорил с активом, и мне удалось выявить компрометирующие материалы только на 25 человек. Доложил по телефону КОЧЕРГИНСКОМУ, он в этот же день дал санкцию на арест человек на 14. На другой день я дополнительно выявил ещё несколько человек, доложил по телефону опять КОЧЕРГИНСКОМУ, он мне санкционировал ещё человек 10–15.

13/1 я произвёл арест всех по имеющимся санкциям и в вагоне доставил их в ОДТО Дебальцево.

Установка для следствия была дана ИГНАТОВЫМ и КОЧЕРГИНСКИМ такого порядка, что свидетельские показания надо добыть любым путём. Предупреждать свидетелей о том, что дела идут на тройку, из вызывать не будут, причём в анкетной части свидетелей из числа членов ВКП(б) стараться писать «беспартийный».

17 или 18/1 по распоряжению КОЧЕРГИНСКОГО был вызван штатный свидетель ДЕЙНЕКО, и он в ночь по просьбе многих следователей написал, кажется, до 20 показаний свидетелей.

Была организована ночь допроса кулаков, допрос проводился по форме протокола, составленного, кажется, уполном[оченным] АФАНАСЬЕВЫМ⁴⁹ и одобренного на совещании КОЧЕРГИНСКИМ. Если тот или иной арестованный отказывался, его сильно избивали. Помню, что в числе арестованных был быв. батрак ГРИГОРЕНКО, ему пришили дело кулака и передали на тройку, но тройка не пропустила, и его затем выпустили.

Аналогичный случай был с арестованным ОВЧИННИКОВЫМ. ПАВЛЕНКО, проходивший по другому делу, давший показания о себе как о право-троцкистском участнике, по указанию КОЧЕРГИНСКОГО был передопрошен, т.к. КОЧЕРГИНСКОМУ не понравились показания. ПАВЛЕНКО под репрессией дал показания, что он — японский шпион.

На вопросы ВТ свид[етель] ГУЕНОК:

Санкции на арест КОЧЕРГИНСКИЙ давал по телефону.

Намётка количества лиц, подлежащих аресту по отдельным станциям, была сделана КОЧЕРГИНСКИМ на карте дороги произвольно, учётных материалов никаких не было. Пользовались теми данными, какие указывали парторг, в отделе кадров, профорг и т.п.

Мне поступали заявления от членов партии — работников ОДТО о том, что КОЧЕРГИНСКИЙ потворствует и восхваляет тех, кто быстро берет признания.

КОЧЕРГИНСКИЙ и ИГНАТОВ, несомненно, знали о фактах избивания некоторыми опер-работниками.

На партсобрании о КОЧЕРГИНСКОМ боялись говорить, боялся и я. Была какая-то растерянность, т.к. КОЧЕРГИНСКИЙ часто ссылался на центр, на Наркомат УССР.

На вопросы КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ГУЕНОК:

Санкции на арест я получил от КОЧЕРГИНСКОГО человек на 30–35.

⁴⁹ За показаниями Г. Кочергинского (див. више), протокол склав М. Антоненко.

О спекуляции КОЧЕРГИНСКИМ именем наркома (Ежова) я писал в ЦК партии.

В числе арестованных 35 человек кулаков было процентов 50, остальные проходили как бывш. белогвардейцы и иностранцы.

Я никого из арестованных не бил и натянутых показаний от свидетелей не брал, но, согласно указаниям предупреждал некоторых свидетелей, что дела будут слушаться тройкой.

Объяснение эксперта ШАТАЛИНА:

Оставшиеся дела, не прошедшие на тройку, которые должен был рассматривать суд, подверглись перепроверке показаний свидетелей.

На вопросы КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ГУЕНОК:

Дело с КОТВАСОВСКИМ является провокацией КОЧЕРГИНСКОГО в создании клеветнического материала на честных чекистов.

Свид[етель] БАБИНЕЦ Сергей Васильевич, возраст 56 лет, работает сторожем при складе, раньше был стрелочником ст. Бичинская 15 лет. Родители мои — отец, раздатчик материального склада, сельское хозяйство было — земли 2 дес[ятины], 1–2 лошади и 1 корова, не судился, б[ес]/п[артийный], в армиях не служил, из арестованных знаю КОЧЕРГИНСКОГО, показал:

Меня в прошлом году арестовали и привели в НКВД ст. Дебальцево, там мне предложили, чтобы я написал, что я — шпион. Я не знал, что это такое, и я сказал, что ничего не напишу. Тогда меня начали бить в грудь, под бока, по голове ударили, до крови по лицу били, пока [не] потерял сознание.

На другой день я опомнился, лежал в мокре и крови, и в тот же день меня освободили. Говорить я не мог. Приехал кое-как домой, но говорить мог слабо. При освобождении меня предупредили, чтобы я никому не говорил о том, как меня допрашивали, т.к. это государственная тайна. Потом ко мне приехал человек в форме и спрашивал о моем здоровье (ЛУБОВСКИЙ).

На вопрос КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] БАБИНЕЦ:

Меня КОЧЕРГИНСКИЙ первый не бил, но присутствовал, когда меня били, а я после первых ударов вообще перестал сознавать кто меня бил.

На вопрос ВТ свид[етель] БАБИНЕЦ:

Перед тем, как меня били, я 2-е суток стоял на ногах. Со мной в коридоре стояли ещё люди, били и их и на моих глазах им закладывали в двери пальцы.

Свид[етель] ФЕДОРИН Михаил Ананьевич, б/п, работает на ст. Дарьевка, нач[альник] кадров на ж[елезной] д[ороге] с 1929 г., не судился, показал:

Я привлекался для работы в НКВД в конце 1937 г. ЛУБОВСКИМ, допрашивал свидетелей под его руководством. Первый раз по делу СИРОТИНА допрашивал свидетеля ГЛОБИНА сам ЛУБОВСКИЙ в моем присутствии. Он практиковал допрос свидетелей с оглашением протокола признания обвиняемого, и когда свидетели отказывались, ЛУБОВСКИЙ им объяснял, что, раз арестованный сознался, необходимо его показания подтверждать. Помню, что при мне ЛУБОВСКИМ были допрошены

свидетели по делам ГЛОБИНА, ЛУКАША, кажется, всего по 5-ти делам. При допросе брата ЛУКАША, когда он сказал, что ничего о брате не знает, ЛУБОВСКИЙ написал протокол и, взяв в руки пресс, угрожая им, заставил ЛУКАША подписать.

На вопрос ВТ свид[етель] ФЕДОРИН:

Я знал о бесчинствах при допросах ЛУБОВСКОГО, возражать не мог из-за боязни.

Свид[етель] ИВЧЕНКО Василий Максимович, член ВКП(б), работает в должности зам[естителя] нач[альника] ДТО, не судился, показал:

С переходом в ДТО КОЧЕРГИНСКОГО им был внедрён метод допроса арестованных с избиениями.

КОЧЕРГИНСКИЙ ходил по кабинетам следователей без пояса, с расстёгнутым воротником и, если не было признания, то он избивал сам и предлагал избивать и следователю. При мне из группы арест[ованных] МИРОНОВА, ПЕРЕСЕЧНОГО и РЕЗНИКОВА КОЧЕРГИНСКИЙ бил РЕЗНИКОВА.

Эти допросы производились в декабре м-це 1937 г. Затем я поехал в Дебальцево, там был организован «отстойник». Помню случай с арестованным КОРЧМАРЁМ, он был арестован по подозрению в польском шпионаже, КОЧЕРГИНСКИЙ его несколько раз избивал. Били без различия доказательств, враг или не враг.

По кулацкой линии были организованы так называемые «субботники», т.е. в день надо было получить семь расколов.

Арестованный по шпионажу ЗЕМБОРГСКИЙ после признаний был представлен на тройку и приговорён по I категории. Незадолго до исполнения приговора ЗЕМБОРГСКИЙ написал заявление, в котором изобличил ряд лиц по шпионажу, но его не допросили, а после исполнения приговора КОЧЕРГИНСКИЙ на заявлении написал резолюцию «Допросить», и, не помню кто, составил от имени ЗЕМБОРГСКОГО протокол допроса в копии, но подлинника не было.

На вопрос КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ИВЧЕНКО:

Я не знаю, показания, которые были даны МИРОНОВЫМ, ПЕРЕСЕЧНЫМ и РЕЗНИКОВЫМ, объективны, или нет.

Из опергруппы ДТО на ст. Дебальцево я видел, как арестованных избивал только КОЧЕРГИНСКИЙ.

На вопрос ВТ свид[етель] ИВЧЕНКО:

КОЧЕРГИНСКИЙ бил всех арестованных, невзирая на наличие уличковых материалов.

Свид[етель] ХАДЖИНОВ Константин Фёдорович, б[ес]/п[артийный], судился в 1932 г. за происшествие, осуждён на 6 м[еся]цев, работает на ст. Дебальцево-Сортир[овочная], показал:

Меня арестовали 12/1-[19]38 г., сидел в ДТО 2 1/2 м-ца⁵⁰. Арестовали меня в клубе, допрашивал следователь ТИМОШЕК, он жестоко меня бил, и помогал ему КОЧЕРГИНСКИЙ. Кроме того, когда я не дал показания

⁵⁰ Два з половиною місяці.

в том, что я якобы японский шпион, меня поставили в «отстойник», где я стоял 11 дней.

На вопросы ВТ свид[етель] ХАДЖИНОВ:

Меня допрашивали несколько человек (фамилии других не помню).

Были арестованные, которые стояли по 5–7 дней. Из всех комнат при допросах слышались крики и стоны.

На вопрос КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ХАДЖИНОВ:

Да, после того как меня несколько раз били, я написал заявление с признанием о вредительстве, которого фактически с моей стороны не было.

Свид[етель] ТИМОШЕК Георгий Игнатьевич, член ВКП(б), зам[еститель] нач[альника] 2[–го] отд[еления] ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезнодорожной] д[ороги], ранее оперуполномоченный ДТО, не судился, показал:

С приездом КОЧЕРГИНСКОГО изменилось то, что при допросах стали применять физические меры воздействия. Наибольшие избиения были допущены в январскую операцию.

На дороге было произведено буквально в 2–3 дня до 700 арестов.

Группой по ст. Дебальцево руководил КОЧЕРГИНСКИЙ, туда же 15/І–[19]38 г. был вызван и я. К моему приезду там было арестованных до 300 человек. Аресты производились по контрольным цифрам, преподанным каждому оперуполномоченному. Был казус, о нем мне рассказывал уполном[оченный] БОНДАРЧУК, ему предложили арестовать такое количество лиц, которое превышало количество рабочих и служащих на его участке.

На вопросы ВТ свид[етель] ТИМОШЕК:

Избиениями занимались, но кто, я не знаю, т.к. не присутствовал.

С арестованным ХАДЖИНОВЫМ мне пришлось говорить немного, т.к. его допрашивали другие.

БАБИНЦА я знаю, когда его арестовали, привели ко мне, я с ним поговорил, он не признался, и его убрали. Когда я его допрашивал, к нему мер воздействия не применяли.

На вопрос обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ТИМОШЕК:

Прямых директив об избиении КОЧЕРГИНСКИЙ не давал, но, избивая арестованных по кабинетам следователей, он этим давал понимать, что бить можно и следует, если арестованный не сознается.

КОЧЕРГИНСКИЙ был действительно инициативный, знающий человек.

На вопрос ВТ свид[етель] ХАДЖИНОВ:

Я попал на допрос к ТИМОШЕКУ, он бил меня головой о железный ящик, ему помогал КОЧЕРГИНСКИЙ.

Свид[етель] ТИМОШЕК:

Я ХАДЖИНОВА не избивал, и при мне его не избивали.

В 24 ч. 28/VI объявлен перерыв до 10-ти час. утра 29/VI–[19]39 г.

Мера пресечения обвиняемым оставлена прежней, т.е. содержание под стражей.

29/VI–[19]39 г., в 11 час. 30 минут, судебное заседание объявлено продолженным.

Секретарь доложил, что в судебное заседание доставлены под стражей обвиняемые КОЧЕРГИНСКИЙ, РОЗЕНБЕРГ, КОВАЛЁВ, ЛУБОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ и МАЦЕЙКАНЕЦ.

Явились эксперты УСТИНСКИЙ, ШАТАЛИН и БАНИН.

Явились свидетели ПОТРОХОВ, ДЬЯЧЕНКО, ЖИЛИНСКИЙ, АФАНАСЬЕВ, ФАДЕЕВ, МАССОВИЧ, БОНДАРЧУК, ШИП, ГУЕНОК, БАБИНЕЦ, ФЕДОРИН, ИВЧЕНКО, ХАДЖИНОВ, ТИМОШЕК.

Свид[етель] ПОТРОХОВ Феодос Ильич, член ВКП(б), оперуполномоченный с I-[19]38 г. [ОДТО] ст. Дебальцево, не судился, с обвиняемыми вражды и родства не имеет, показал:

В январе 1938 г. КОЧЕРГИНСКИЙ прибыл с бригадой в Дебальцево, распределил станции и дал лимит на аресты по каждой станции.

Выехали для арестов без материалов и без агентурных данных, материал разбирали уже на линии через актив, подбирая из актива и нужных свидетелей.

Докладывали данные по телефону КОЧЕРГИНСКОМУ, и он санкционировал арест. Арестовано было до 300 чел., на некоторых никакого материала ещё не было.

Для окончания дел (сбора материала) был дан жёсткий срок, т.е. 2–3 дня. Допросы велись жестоко, с избиениями, свидетелей брали из актива, уговаривали их.

На вопрос ВТ свид[етель] ПОТРОХОВ:

КОЧЕРГИНСКИЙ видел все творившиеся безобразия и поощрял их. Критиковать КОЧЕРГИНСКОГО было нельзя, т.к. он угрожал исключением из партии и снятием с работы.

Из штатных свидетелей я знал ДЕЙНЕКО и ШИПА, остальных не знал. К их помощи я не прибегал.

Я для ареста на линию не выезжал, а остался в ДТО для подбора материалов, которые передавал следователю, когда вели следствие по делам уже арестованных лиц.

На вопрос ЛУБОВСКОГО свид[етель] ПОТРОХОВ:

Да, КОЧЕРГИНСКИЙ работников ругал. Часто ругал ЛУБОВСКОГО и КУЗНЕЦОВА.

Свид[етель] ДЬЯЧЕНКО Прокофий Иванович, член ВКП(б), работает оперуполномоченным ст. Красный Лиман, не судился, вражды и родства с подсудимыми не имею. Предупреждён об ответственности за ложные показания. Показал:

Работая до конца 1937 г. в отд[елении] Дебальцево, т.е. до приезда КОЧЕРГИНСКОГО, работа протекала нормально. С приездом КОЧЕРГИНСКОГО поднялась суматоха. Начались массовые аресты без документации, организовали «отстойник», при неправильных допросах свидетелей, при допросах обвиняемых проявляли принуждения. Мне известны данные, что 30 арестов без оснований были санкционированы, а затем их освободили. Примером бесчеловечного отношения в ОДТО был ЖИЛИНСКИЙ — молодой инженер. КОЧЕРГИНСКИЙ же, вместо проверки оснований, сам добивался признаний от арестованных путём их избиения.

На вопрос ВТ свид[етель] ДЬЯЧЕНО:

О фальсификации в следствии РОЗЕНБЕРГА по одному делу я докладывал МАТВЕЕВУ, а когда обнаружили фальсификации по другим его делам, то РОЗЕНБЕРГА арестовали.

У нас сидела группа арестованных, человек 10, допрос их вели следователи, а КОЧЕРГИНСКИЙ по черновикам — протоколам следователей печатал сам протоколы показаний, корректируя показания по своему усмотрению.

Я лично при избияниях не присутствовал, но неоднократно их слышал. Били и тогда, когда не только материалов о вражеской работе не было, но и вообще компрометирующих данных.

На вопрос КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ДЬЯЧЕНКО:

Да, меры против РОЗЕНБЕРГА были приняты спустя месяц с лишним, после установления фактов фальсификации.

О семьях, водворённых обратно после неправильного выселения, КОЧЕРГИНСКИЙ давал указания их вербовать, дабы меньше было жалоб.

Свид[етель] ЖИЛИНСКИЙ Виктор Степанович, член ВКП(б), не судился, работает на Изюмском ПРЗ⁵¹ в должности начальника группы производственного планирования, родства и вражды с подсудимым не имею. Предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

12/1-[19]38 г. я был арестован и направлен в отделение НКВД — Красный Лиман. Сидел до 29/1-[19]38 г. и потом был выпущен.

Во время допросов мне предлагали дать показания о якобы шпионской работе в пользу Польши, затем Японии и ещё. До допроса я стоял на ногах около 3-х дней, и там же стояли ещё человек 15. Признаний я давать не мог, т.к. ничего антисоветского и, тем более, шпионского не допускал, ибо я воспитан Советской властью. Со мной грубо и издевательски обращались, и всё это делалось, как хотел КОЧЕРГИНСКИЙ.

На вопросы ВТ свид[етель] ЖИЛИНСКИЙ:

Когда меня освободили, я лежал в Харькове, в Психо-Неврологическом ин[ститу]те. Меня избивали часто и сильно, но я по болезни своей не могу сказать их имена. (В суде при объяснениях с ЖИЛИНСКИМ было короткое обморочное состояние).

КОЧЕРГИНСКИЙ по телефону с матерью разговаривал.

Свид[етель] АФАНАСЬЕВ Николай Алексеевич, член ВКП(б), работает нач[альником] ОДТО ст. Красный Лиман с IX-[19]37 г., до этого работал нач[альником] 4-го отд[еления] ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], вражды и родства с подсудимыми не имею, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

Когда КОЧЕРГИНСКИЙ прибыл в ДТО в период массовых арестов, по его установке, якобы преподанной в Наркомате, допросы велись с побоями. Многие аресты произведены без оснований, был лимит.

В моем кабинете КОЧЕРГИНСКИЙ бил 3-х человек. Это лишало возможности более глубокого расследования.

Меня с бригадой ДТО КОЧЕРГИНСКИЙ брал в Дебальцево.

⁵¹ Паровозоремонтный завод у м. Изюм (Харківська область, Україна).

Для следствия давался жёсткий срок, требовалось в день получить 7 расколов. За допрос одного человека в день КОЧЕРГИНСКИЙ смешивал с грязью на совещании. Его установка — только признания, более глубокими связями он не интересовался.

Помню, дали дело БЕЛОДЕДА, когда я начал его допрашивать, он дал показания, что он — кулак и вредитель, но признания, видимо, были получены раньше путём применения незаконных мер, т.к. по обстоятельствам он ничего не знал.

На вопросы ВТ свид[етель] АФАНАСЬЕВ:

КОЧЕРГИНСКИЙ, заходя в кабинеты следователей во время допроса арестованных, бил арестованных, не зная, есть ли на него компрометирующие данные, или нет.

Избил одного арестованного, который уже признался, а когда ему об этом сказали, то он пожал ему руку. Следователям же говорил: «Вот, как надо допрашивать».

На вопрос обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО свид. АФАНАСЬЕВ:

Да, без вашего разрешения я арестованных не бил.

Случаев неправильного ведения следствия КОЧЕРГИНСКИМ я не помню, т.е. не знаю конкретных дел, которые бы вёл сам КОЧЕРГИНСКИЙ.

На вопросы ВТ свид[етель] АФАНАСЬЕВ:

КОЧЕРГИНСКОМУ понравился мой протокол допроса кулака, признавшегося, что он — кулак и обманным путём пробрался на станцию. По его указанию копия протокола была дана всем опер-работникам, а они дублировали протоколы допросов по нему.

Свид[етель] ФАДЕЕВ Иван Васильевич, рождения 1902 г., член ВКП(б), работает нач[альником] ОДТО [ст.] Ворошиловград, до этого работал пом[ощником] нач[альника] ОДТО [ст.] Дебальцево, не судился, родства и вражды с подсудимыми не имею, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

В массовую операцию января 1938 г. был целый ряд фактов искажения Ревзаконности, был лимит для каждого оперработника, аресты производились без ордеров, без материалов, а по опросам актива. Компрометирующие материалы было предложено добыть через парт., проф. организации на месте, т.к. [начальник] ДТО КОЧЕРГИНСКИЙ и [начальник] ОДТО ИГНАТОВ ими не располагали.

Установка по допросу свидетелей была дана ИГНАТОВЫМ — предлагалось при допросе партийцев запись в анкете делать «б[ес]/п[артийный]», а вместо служащего — «рабочий».

Допросы арестованных велись с побоями, говорили, что КОЧЕРГИНСКИЙ красиво бьёт, а другие практиковались, желая, видимо, ему подражать, особенно при нем.

На вопрос ВТ свид[етель] ФАДЕЕВ:

Я следствие вёл мало, т.к. отсутствовал по болезни, а только писал протоколы допросов. Слышал разговоры по телефону, если кто КОЧЕРГИНСКОМУ заявлял, что лимит выполнить невозможно, то он ругал работника всячески, кричал, что помогаешь врагу, работаешь на врага.

На вопросы обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО свид[етель] ФАДЕЕВ:

При мне КОЧЕРГИНСКИЙ арестованных не бил.

Об избииении ХАДЖИНОВА я узнал от ХАДЖИНОВА, т.к. он был со мною связан. Материалов, говорящих о двурушничестве ХАДЖИНОВА, в ОДТО не было.

На вопросы ВТ свид[етель] ФАДЕЕВ:

В январе по Дебальцево было арестовано до 400 чел., арестованные сидели скученно в 3-х теплушках и одном классном вагоне.

Я знаю, что за фальсификацию дел КОЧЕРГИНСКИЙ КУЗНЕЦОВА уволил, а РОЗЕНБЕРГА арестовали. Подлоги были слишком яркие, чтобы не предпринять таких мер.

После арестов все оперработники были разосланы на участки, чтобы собрать материалы на арестованных. Нам двоим по 33 делам в 2 дня приказано было КОЧЕРГИНСКИМ найти 99 свидетелей и допросить их, но, т.к. по три показания в дело надо действительно резких, то в протоколы допроса свидетелей записывали более резко: вместо поломки по халатности — поломка умышленная и даже с целью вредительства; второпях писали показания и от несуществующих свидетелей (КУЗНЕЦОВ).

КОЧЕРГИНСКИЙ давал установку, что все лица инонациональности — шпионы, в этом духе вели и допросы.

По примеру КОЧЕРГИНСКОГО были массовые избииения.

Я был на беседе с приговорённым к расстрелу шпионом КОТВАСОВСКИМ, он заявил, что «ХОДАРЕВ и ИГНАТОВ требовали для Артёмовска (ДТО КОЧЕРГИНСКОГО), с кем я был связан в ОДТО, или кого я имел в виду завербовать, я им ответил, что связан ни с кем не был, а имел в виду завербовать ГУЕНКА, ФАДЕЕВА и др.». Это надо было КОЧЕРГИНСКОМУ для того, чтобы зажать критику его беззаконий, которые он допустил своим произволом.

На вопрос обвин[яемого] КУЗНЕЦОВА свид[етель] ФАДЕЕВ:

Я знаю, что по делам имелись два сфабрикованных протокола КУЗНЕЦОВЫМ.

Свид[етель] МАССОВИЧ Моисей Борисович, ст[арший] следователь ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], член ВКП(б), не судился, вражды и родства с подсудимыми не имею, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

Я начал работать с КОЧЕРГИНСКИМ с ноября 1937 г. На первом совещании в ДТО выслушали его бахвальство как ставленника Ежова и имеющего опыт в борьбе с врагами. С его приездом начались грубейшие нарушения Ревзаконности, особенно в его руководстве операцией по ОДТО ст. Дебальцево.

В процессе окончания операции оставались для доклада на тройку 44 дела, и тут я столкнулся с фактом, что по некоторым делам были фиктивные справки, характеристики и протоколы. Следствие по этим делам вёл обв[иняемый] РОЗЕНБЕРГ. Я доложил об этом обв[иняемому] КОЧЕРГИНСКОМУ, и он дал указание проверить показания свидетелей.

Такое же положение с фальсификацией документов имело место и по отдельным делам обв[иняемого] КУЗНЕЦОВА.

Прекращённые 34 дела по ОДТО Дебальцево хранились у ИГНАТОВА, скрытые от учёта. Когда комиссия ШАТАЛИНА их привезла в июле м-це и передала КОЧЕРГИНСКОМУ, он скрыл эти дела от регистрации в ДТО, от учёта по ведомостям в центр, и дела эти до ареста КОЧЕРГИНСКОГО хранились у него в столе.

Учётом ведал я по всей Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороге] — ОДТО и заявляю, что прекращённые дела от учёта были скрыты.

Учётные данные получал по телефону КОЧЕРГИНСКИЙ и передавал мне. Этим КОЧЕРГИНСКИМ создавалось показное благополучие.

О незаконных и бесосновательных арестах, о фальсификации показаний обвиняемых и свидетелей, о массовых принуждениях КОЧЕРГИНСКИЙ создавал видимость борьбы — вспышка, крик, угрозы, но конкретные виновники им ни один не наказан, а только вмешательством представителей Москвы по сигналам не КОЧЕРГИНСКОГО, а работников ДТО и ОДТО фальсификаторы отвечают перед судом.

Да, на партсобрании КОЧЕРГИНСКОМУ говорили лестные слова и те, кто до собрания на КОЧЕРГИНСКОГО уже послал данные о его политически вредной работе как начальника, но, говорить об этом открыто все боялись, т.к. он говорил о больших связях с Москвой и НКВД УССР.

Внешне КОЧЕРГИНСКИЙ пытался казаться отечески заботливым к работникам, но это было лишь его изуверство и издевательство над многими.

На вопросы ВТ свид[етель] МАССОВИЧ:

При мне КОЧЕРГИНСКИЙ не бил РОЗЕНБЕРГА, но, когда я после отлучки из кабинета вернулся обратно, то лицо у РОЗЕНБЕРГА было красное.

При мне КОЧЕРГИНСКИЙ никого не избивал, но от свид[етеля] ГУЕНОК и др. я слышал, что избиения практиковались в массовом порядке.

О действиях КОЧЕРГИНСКОГО, которые я считал вражескими, я подавал три рапорта и имел беседу с приехавшим к нам из НКВД СССР СОКОЛОВЫМ.

О выселениях также могу сказать, что они в значительной мере были проведены неправильно, т.к. помню, что много семейств было впоследствии восстановлено и возвращено обратно.

Примером неосновательных арестов служит то, что больше 250 чел. январской операции были освобождены.

На вопросы обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО свид. МАССОВИЧ:

Да, действительно, учёт арестованных вёлся, но не действенный (спичочный), а телефонный.

В 16 ч. 30 м. объявляется перерыв до 19-ти часов.

В 19 часов судебное заседание объявлено продолженным.

Свид[етель] САВИЦКАЯ Надежда Давыдовна, 1900 г. рождения, работала продавцом в магазине «Гастроном», еврейка, б/п, не судилась, с подсудимыми родства и вражды не имела, предупреждена об ответственности за ложные показания, объяснила:

Помогала в работе и была связана с обв[иняемым] КОВАЛЁВЫМ, с ним мне приходилось говорить по показаниям на отдельных лиц. Однажды КОВАЛЁВ у меня спросил, знаю ли я ПЕТРОВСКОГО, я ответила: «Знаю как учителя». Он потребовал, чтобы я дала показания на него как на вредителя, я не соглашалась, т.к. не знала порочащих данных, но КОВАЛЁВ меня убеждал, что ПЕТРОВСКИЙ — враг, зачитывал его показания, говорил, что меня не вызовут в суд. Написал он протокол якобы моего допроса, и я, веря ему и НКВД, не читая, его подписала.

Такой же протокол и при таких же разговорах я подписала по настоянию КОВАЛЁВА на КОЛОМИЙЦА⁵².

Потом меня вызвал обв[иняемый] МАЦЕЙКАНЕЦ и требовал дачи показаний на ГУРЕЦКОГО. Я ему отказала, т.к. ничего компрометирующего о ГУРЕЦКОМ сообщить не могла.

Особенно возмутительно получилось с делом ЛЯХОВЕЦКОГО. Меня больную вызвал к себе КОВАЛЁВ, когда я пришла, он потребовал дать показания на ЛЯХОВЕЦКОГО как турецкого шпиона. Я отказывалась, но КОВАЛЁВ по заготовленному протоколу устроил мне с ЛЯХОВЕЦКИМ очную ставку, предупредил меня до этого, чтобы я молчала при нем, и когда ввели ЛЯХОВЕЦКОГО, то КОВАЛЁВ зачитал мои показания, я еле выговорила: «Да», ЛЯХОВЕЦКИЙ засмеялся, а я ушла.

КОВАЛЁВ в моем присутствии говорил ЛЯХОВЕЦКОМУ, что, вот, на вас женщина дала изобличающие показания, и, не дав мне сказать ни слова, предложил выйти.

Я несколько раз обращалась к КОВАЛЁВУ с просьбой исправить протокол, но он и слушать не хотел, успокаивая меня, что моё показание силы не имеет.

На вопросы ВТ свид[етель] САВИЦКАЯ:

Когда началось следствие комиссии, КОВАЛЁВ настаивал, чтобы я подтверждала свои показания, а иначе, если я расскажу о случае с ЛЯХОВЕЦКИМ СИНЬКО или комиссии, то он меня застрелит из-за угла.

Фамилия САЧЕК мне незнакома, меня по делу САЧЕК не допрашивали, и как оказались в деле протоколы с моей подписью, я никак не могу объяснить.

На вопрос обв[иняемого] КОВАЛЁВА свид[етель] САВИЦКАЯ:

По поводу ЛЯХОВЕЦКОГО меня МАТВЕЕВ не допрашивал.

У КОЧЕРГИНСКОГО в кабинете комиссии я давала верные показания, как и сейчас суду.

Экспертиза оглашает анкетные данные по делу ЛЯХОВЕЦКОГО л.д. 10, в которых национальность с «украинца» исправлена на «поляк».

На вопросы ВТ обв[иняемый] КОВАЛЁВ:

Ранее данные показания я подтверждаю, но прошу предъявить мне для просмотра анкету, где допущено исправление.

Анкета предъявлена.

Свид[етель] МАЦЕНКО Иван Иванович, член ВКП(б), работает диспетчером паров[озного] отд[еления] ст. им. Кагановича, не судился,

⁵² У документі помилково — Коломийцева.

с подсудимыми вражды и родства не имеет, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

Меня вызвал в ДТО СИНЬКО и заявил: «Вас привлекают как бывш. милицейского работника для работы в НКВД». Работать я стал под руководством обвин[яемого] МАЦЕЙКАНЕЦА.

Однажды мне МАЦЕЙКАНЕЦ поручил допросить по делу ГУРЕЦКОГО САВИЦКУЮ. САВИЦКАЯ отказывалась от показаний, тогда пришёл КОВАЛЁВ (видимо, его просил МАЦЕЙКАНЕЦ) и сказал ей, чтобы она мне подтвердила записи в протоколе на ГУРЕЦКОГО. После этого САВИЦКАЯ протокол подписала. Протокол был составлен мною не с её слов, а в свете тех установок, как надо писать на врагов.

Меня самого МАЦЕЙКАНЕЦ заставил подписать ложные показания на ДИДЫКА и КИБИХА, заявив мне, что они признались. Я писал сам под диктовку МАЦЕЙКАНЕЦА. Он предлагал мне ещё писать, но я отказался.

Когда обвиняемые не признавались, а материалов на них не было, то на моё мнение о том, что обвинения не подтверждаются, и МАЦЕЙКАНЕЦ, и СИНЬКО обвиняли в этом меня, что я малодушничая, надо крепче и строже с арестованными разговаривать. Арестованных бил и МАЦЕЙКАНЕЦ (МУРАВСКОГО), и КОВАЛЁВ (ГУРЕЦКОГО, ЛЯХОВЕЦКОГО). Факты избияния были частные⁵³. Стояли у стенки круглые сутки.

На вопрос ВТ свид[етель] МАЦЕНКО:

Перед тем, как САВИЦКАЯ подписала мне протокол на ГУРЕЦКОГО, с ней говорил о чём-то обвин[яемый] КОВАЛЁВ, но я не присутствовал при их разговоре.

Я делал эти безобразия бессознательно, думал, что так надо, поскольку мне говорили в НКВД, что этого требуют интересы дела.

По делу КАБЫФЫ⁵⁴ я был допрошен как свидетель, но затем МАЦЕЙКАНЕЦ дал мне это дело — вести допросы свидетелей.

На вопросы МАЦЕЙКАНЕЦА свид[етель] МАЦЕНКО:

Да, инструктировал меня в работе МАЦЕЙКАНЕЦ и только по отдельным моментам — СИНЬКО.

О КАБЫФЕ⁵⁵ я ничего антисоветского не знал, но знал, что о нем говорили, что он кулацкого происхождения.

По делу ДИДЫКА протокол написал МАЦЕЙКАНЕЦ, а меня заставил подписать.

Свид[етель] ГРИЦАЙ Карп Трофимович, 1913 г. рождения, б/п, чернорабочий, не судился, украинец, середняк, родства и вражды с подсудимыми не имеет, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

В 1937 г. на ст. Соль меня вызвал следователь РОЗЕНБЕРГ для допроса по поводу имевшего место крушения. Обвиняли в этом дор[ожного]

⁵³ Так у документі. Можливо, правильно — частые.

⁵⁴ У документі помилково — Копыта.

⁵⁵ У документі помилково — Кобыхе.

мастера ПОГОРЕЛОВА. Я показал, что ПОГОРЕЛОВ сам обещал посмотреть стрелку, а смотрел ли он, или нет, я не знал. Чтобы он умышленно это делал, я не показывал.

Оглашаются показания ГРИЦАЯ из дела ПОГОРЕЛОВА.

Свид[етель] ГРИЦАЙ:

Я показания о диверсионных намерениях ПОГОРЕЛОВА не делал, это приписал следователь РОЗЕНБЕРГ.

На вопрос ВТ свид[етель] ГРИЦАЙ:

Я за ПОГОРЕЛОВЫМ ничего антисоветского не замечал.

На вопрос обвин[яемого] РОЗЕНБЕРГА свид[етель] ГРИЦАЙ:

Да, подтверждаю, что, когда я подписывал протокол по делу ПОГОРЕЛОВА, обвин. РОЗЕНБЕРГ предупреждал меня об ответственности за ложные показания, но он сам извратил мои показания.

Свид[етель] ПОГУЛЯЕВ Владимир Михайлович, член ВКП(б), работает механиком на ст. им. Кагановича, не судился, вражды и родства с подсудимыми не имеет, предупреждён об ответственности за ложные показания, показал:

Я могу указать на один случай незаконных действий со стороны быв[шего] следователя КОВАЛЁВА, по вызову которого я являлся для дачи показаний по делу САЧЕК. САЧЕК я знал как рядового работника, ничего антисоветского за ним не замечал, о чем и рассказал КОВАЛЁВУ.

Председательствующий оглашает показания свид[етеля] ПОГУЛЯЕВА по делу САЧЕК (*см. вещ[ественные] док[азательства] д[дела] Сачек*⁵⁶).

Свид[етель] ПОГУЛЯЕВ:

Записи в протоколе искажены, я таких следователю не давал, их отредактировал⁵⁷ быв[ший] следователь КОВАЛЁВ.

На вопрос ВТ обвин[яемый] КОВАЛЁВ:

Свид[етель] ПОГУЛЯЕВ лжёт, в протоколе записаны его показания, протокол подписан им добровольно.

Свид[етель] ПОГУЛЯЕВ:

КОВАЛЁВ показывает неправду.

ВТ определил:

Причины неявки свидетелей ИГНАТОВА, АНТОНЕНКО, МАТВЕЕВА, ОМЕЛЬЧЕНКО, ВОРОНИНА, СИНЬКО и ЗАЛОЗНОГО признать уважительными. При надобности огласить показания их на предварительном следствии.

В отношении св. св.⁵⁸ ДЕЙНЕКО, РУСАЛОВА⁵⁹, ПЕРЕПЕЛИЦЫ, ФИЛОНОВА, ПАЛИЯ⁶⁰, ШАПОВАЛОВА и ОЛЕЙНИКОВА установить причины неявки их в суд и считать возможным закончить судебное следствие в их отсутствии, огласив при надобности их показания.

⁵⁶ Виделене курсивом вписано чорнилами від руки.

⁵⁷ У документі — редактировал.

⁵⁸ св. св. — свидетели.

⁵⁹ У документі помилково — Русанова.

⁶⁰ У документі помилково — Палих.

На вопросы ВТ о дополнении судебного следствия обвин. МАЦЕЙКАНЕЦ задаёт вопросы экспертизе.

Эксперт ШТАЛИН отвечает на вопросы, возникшие в процессе судебного следствия:

1) К концу допроса КОВАЛЁВА КОЧЕРГИНСКИМ я заходил в кабинет, помню, при проверке следственных дел на лиц, арестованных обв[иняемым] МАЦЕЙКАНЕЦ, установлено, что все арестованные по окраске попадали под категорию директивы центра, другое дело — о наличии доказательств.

При мне КОВАЛЁВА не избивали, и признаков избияния я на нем не замечал.

2) Документов, подтверждающих анкетные данные арестованного, нет ни по одному делу, а поэтому и нельзя судить об отсутствии среди арестованных соц[иально]. близких лиц.

В январе 1938 г. было освобождено только 6 челов. Об освобождении в январе большего количества, как утверждает КОЧЕРГИНСКИЙ, — это не верно.

3) Больше всех работников санкций на арест давал КОЧЕРГИНСКИЙ, и, как видно из л.д. 182 т. 5, освобождённых больше всего тех арестованных, которые были изъяты по его санкциям.

4) В части избияния арестованных по ОДТО ст. им. Кагановича комиссия факта не проверяла.

На вопросы ВТ экспертиза:

Агентурный материал по делам «вещ[ественные] доказательства» не проверялся, т.к. все избыличающие данные должны быть сосредоточены в деле на осуждённого хотя бы и в ином виде.

На вопросы обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО экспертиза:

1) Выселением семейств из оборонных пунктов занималась особая группа под руководством КОЧЕРГИНСКОГО, непосредственного исполнителя или уполномоченного для этого АНТОНЕНКО. Всего было выселено 763 чел., из коих на день выборов в Верховный Совет объявл[ено] о выселении 50 чел. Водворено обратно из числа фактически выселенных 153 человека.

2) Бригада СОКОЛОВА (с КОЧЕРГИНСКИМ) действительно восстанавливала неправильно намеченных к выселению, но, какое количество, экспертиза данными не располагает.

3) Об арестованных без оснований эксперт приводит данные, имеющиеся в деле — т. 5, л.д. 148 и 181.

4) В процессе выселения было подано большое количество заявлений, которые шли к обв[иняемому] КОЧЕРГИНСКОМУ, он расследовал факты неправильных выселений, и, согласовывая с прокурором, восстанавливали, всего восстанавленных и возвращённых — 153 семейства.

5) Комиссия на месте проверяла заявления на обв[иняемого] КОЧЕРГИНСКОГО по долж[ности] нач[альника] ДТО и установила, что он относился к подчинённому аппарату очень грубо.

6) В сведениях освобождённые учитываются те, которые были арестованы в бытность нач[альником] КОЧЕРГИНСКОГО и освобождённые до 11/III-[19]39 г.

По просьбе обв[иняемого] РОЗЕНБЕРГ экспертиза оглашает:

1) Справку [сельского]/совета по делу ПОГОРЕЛОВА.

2) Удостоверяет, что по делу ПОГОРЕЛОВА допрошено 4 свидетеля.

В 24 часа объявлен перерыв.

В 0 ч. 20 мин. 30 июня судебное заседание продолжается.

На вопросы Председательствующего подсудимые и члены суда дополнить судебное следствие ничем не имели.

В 0 ч. 25 минут судебное следствие по делу объявлено законченным.

В последнем слове обвиняемые заявили:

1) КУЗНЕЦОВ:

В дополнение в ранее сказанному добавить ничего не могу. Прошу суд учесть, что на моем иждивении было 4 чел. нетрудоспособных членов семьи.

2) РОЗЕНБЕРГ:

Дело ПОГОРЕЛОВА оформлено мною правильно. На путь преступления по остальным делам я вынужден был стать из-за жёстких требований, предъявляемых руководством КОЧЕРГИНСКОГО в части сроков проведения следствия.

Я — малограмотный, мне трудно было работать, и если к этому прибавить постоянные угрозы со стороны КОЧЕРГИНСКОГО предать суду и отобрать партийный билет, то станет понятно, в каких условиях приходилось работать. Я прошу ВТ учесть всё это и смягчить мне наказание.

3) КОВАЛЁВ:

Проходившие по делу свидетели в достаточной мере охарактеризовали обстановку, в которой приходилось работать во время операции по изъятию чуждого элемента.

Показания, данные против меня свидетелями, и особенно САВИЦКОЙ, я объясняю нажимом на неё со стороны б[ывшего] нач[альника] ОДТО СИНЬКО.

Я в органах НКВД работал 5 лет. Мои преступления ничем не отличаются по своему составу от тех преступлений, которые наблюдались у работников, находящихся и сейчас в органах НКВД, поэтому прошу меня оправдать.

4) МАЦЕЙКАНЕЦ:

Никто из проходивших по делу свидетелей не подтвердил искривлений с моей стороны Ревзаконности. Меня оклеветал ВОСКОБОЙНИКОВ, я норм УПК не нарушал, «отстойником» не пользовался, арестованных не бил, — эти обстоятельства подтверждают стрелок охраны МИРОШНИЧЕНКО и работник ОДТО КУШВИД⁶¹, показания которых имеются в деле.

Фальсификации я не допускал. По всем делам, которые фигурировали на суде, аресты произведены мною правильно.

Я малограмотен. Прошу отнестись ко мне снисходительно.

5) ЛУБОВСКИЙ:

Я на протяжении 20 лет был в партии, 17 лет честно работал в ЧК—ГПУ, принимал активное участие в партийно-массовой работе. Активно

⁶¹ У документі помилково — Гушвид.

работал по борьбе с бандитизмом, вскрыл ряд банд и, в частности, к-р организацию, пытавшуюся покушаться на т. Кагановича.

Я преступлений за собой не чувствую. За проступки, установленные следствием, я уже наказан, меня били, и я год просидел в тюрьме. Прошу меня оправдать.

б) КОЧЕРГИНСКИЙ:

Я был арестован по обвинению в шпионаже и за время следствия должен был давать показания как польский, японский и германский шпион, а перед судом мои действия — как вредительские.

Я бил и разрешал бить арестованных только врагов.

Во время массовой операции в январе 1938 г. я предварительно посылал оперативный состав на линию для получения компрометирующих данных на всех предполагавшихся к аресту лиц и только потом на основе полученных данных я давал санкции на арест. Не отрицаю, что отдельные санкции давал по телефону, доверяясь оперативному составу о наличии изобличающих материалов.

Имевшие место искривления с арестами я выправлял сразу же, чутко относился к каждому неправильно арестованному и помню случай, что когда я узнал об аресте 3-х коммунистов, я после проверки не только немедленно их освободил, но и лично извинялся перед ними за допущенную ошибку.

Я не снимаю с себя вины и за случаи неправильного выселения, но хочу обратить внимание на то обстоятельство, что этой операцией непосредственно руководил мой заместитель АНТОНЕНКО, а мне уже позднее пришлось разбираться и восстанавливать ошибочно выселенных.

Меня обвиняют в том, что по моей вине осуждено к ВМН 12 человек, заявляю, что, если бы я имел 12 жизней, я отдал бы их все за искупление вины. Я на своей совести не чувствую ни одного неправильно осуждённого, но, если это установлено, прошу меня расстрелять.

В 1 ч. 20 мин. 30/VI суд уходит на совещание.

В 10 ч. 15 минут Председательствующий оглашает приговор, порядок обжалования его и для КОЧЕРГИНСКОГО — порядок принесения ходатайства о помиловании.

Меру пресечения осуждённым КОЧЕРГИНСКОМУ Георгию Израилевичу, РОЗЕНБЕРГУ Альберту Петровичу, КОВАЛЁВУ Константину Трофимовичу, КУЗНЕЦОВУ Николаю Митрофановичу, ЛУБОВСКОМУ Антону Карловичу, МАЦЕЙКАНЕЦ Владимиру Антоновичу оставить прежнюю — содержание под стражей.

В 10 ч. 40 минут судебное заседание объявлено закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ВОЕННЫЙ ЮРИСТ I РАНГА *Гурьев*
СЕКРЕТАРЬ *Гладков*

вк—I

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 316—331.
Оригінал. Машинопис.

№ 11

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу у справі Г.І. Кочергинського та інших співробітників НКВС

27–30 червня 1939 р.

Дело № 00141939 г.

Секретно
Ф. № 1

ПРИГОВОР № 18 ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1939 г., *Июня 27–30* дня, Военный трибунал войск НКВД Харьковского округа *выездной сессией в г. Сталино*, в открытом судебном заседании, в составе:

Председательствующего — *военного юриста I ранга т. ГУРЬЕВА*,
Членов: *ПОЛЯКОВА* и *КОНОВАЛОВА*,
при секретаре *ГЛАДКОВЕ*,

без участия военного прокурора войск НКВД⁶² и *без защиты*, с участием в качестве экспертов ШАТАЛИНА — лейтенанта госуд[ественно] й безопасности, БАНИНА — ст[аршего] лейтенанта гос. без[опасности] и УСТИНСКОГО⁶³ — лейтенанта госуд. безоп[асности], рассмотрел дело на:

1. б[ывшего] начальника ДТО НКВД Северо-Донецкой ж[елезной] д[ороги] КОЧЕРГИНСКОГО Георгия Израилевича, 1898 г. рождения, капитана госуд. безопасности, происходящего из гр[ажд]ан г. Рига (Латвия), проживающего на Советской территории с 1918 г., по национальности еврея, гр[аждани]на СССР, по социальн. происхождению из рабочих, по социальн. положению служащего, семейного, со средним образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) с IX 1917 года (исключён в связи с данным делом), служившего в РККА с 1918 по 1921 г. и в органах НКВД с IV 1921 г., награждённого значком «почётного чекиста», со слов ранее не судимого;

2. б[ывшего] оперуполномоченного ОДТО НКВД ст[ан]ции Красный Лиман РОЗЕНБЕРГА Альберта Петровича, 1893 г. рождения, лейтенанта гос. безопасности, происходящего из имения Вайльден б[ывшей] Курляндской губ. (Латвия), гражданина Союза ССР, проживающего на Сов. территории с 1914 г., по соц[иальному] положению служащего, по социальн[ому] происхождению из рабочих, по национальности латыша, образования низшего, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1932 г. (исключён в связи с данным делом), служившего в б[ывшей] царской армии с 1914 по

⁶² Далі у документі — суцільний рукописний текст, який курсивом не виділений.

⁶³ У документі помилково — Устинович.

1915 г., в РККА — с 1917 по 1921 год и в органах НКВД с 1921 г., семейного, со слов не судимого;

3. б[ывшего] оперуполномоченного ОДТО НКВД станции Ворошиловград Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] КОВАЛЁВА Константина Трофимовича, 1903 г. рождения, происходящего из гр[ажд]а[н] села Святогоровки Добропольского р-на Сталинской обл. УССР, по соц[иальному] происхождению из кр[естья]н-середняков, по социальному положению служащего, с низшим образованием, по национальности украинца, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1931 г. (исключён в связи с данным делом), служившего в РККА 5 лет, в органах НКВД — два г[ода] 6 м[есяцев], не судимого (со слов), с дисц[иплинарным] взысканием (одно);

4. б[ывшего] пом[ощника] оперуполномоченного ОДТО НКВД ст[ан]ции Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги] КУЗНЕЦОВА Николая Митрофановича, 1903 г. рождения, происходящего из д. Новосёлка Касторненского р-на Курской обл. РСФСР, по социальному происхождению из рабочих, по соц[иальному] положению рабочего, с низшим образованием, по национальности русского, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1929 г., со слов не судимого, семейного, в органах с XI 1933 г.;

5. б[ывшего] пом[ощника] начальника ОДТО НКВД ст[ан]ции Дебальцево Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], лейтенанта госу[д]ар. безопасности ЛУБОВСКОГО Антона Карловича, 1893 г. рождения, происходящего из гр[ажд]а[н] г. Двинска б[ывшей] Витебской губ. (Латвия), гражданина СССР, проживающего на Сов. территории с февраля 1918 г., по социальн. происхождению из рабочих, рабочего, по национальности поляка, с низшим образованием, б[ывшего] члена ВКП(б) (исключённого в связи с данным делом), семейного, со слов не судимого, служившего в органах НКВД с IX 1921 г., имеющего два поощрения, и

6. б[ывшего] оперуполномоченного ст[ан]ции им. Кагановича Сев[еро]-Дон[ецкой] ж[елезной] д[ороги], сержанта госу[д]арственной безопасности МАЦЕЙКАНЕЦ Владимира Антоновича, 1905 г. рождения, происходящего из г. Вильно (Польша), гражданина СССР, на территории Сов. Союза — с 1914 г., из рабочих, рабочего, с низшим образованием, по национальности поляка, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1929 г. (исключён по данному делу), служившего в РККА в 1927–1930 гг., в органах НКВД — с IV 1930 г., со слов не судимого, холостого, без взысканий и поощрений, — обвиняемых всех в совершении преступления, предусмотренного ст. 206–17 п. «б» УК УССР, — установил:

КОЧЕРГИНСКИЙ, будучи начальником ДТО НКВД Сев[еро]-Донецкой ж[елезной] д[ороги] с XI-1937 г. по 20/VIII 1938 г., выполняя директивы центра об очищении ж[елезно]дорожных станций и депо от вражеских элементов, он в январе мес. 1938 г., руководя операцией, без подготовки учётных данных к этой работе, дал указания по ОДТО о массовых арестах, произвольно установил «лимит» по отделениям и каждому оперативному работнику на участке, установил сжатые сроки в 2–3 дня для выявления подлежащих аресту лиц, производства ареста и следственных действий, согласие своё на арест практиковал по телефону, без просмотра фактических данных, а санкции прокурора на арест, злоупотребляя

авторитетом органа НКВД, свёл к простой формальности, что повлекло массовые необоснованные аресты жел[езно]дорожных рабочих и служащих и только на 1 марта 1939 г. было освобождено 322 человека, скрывая часть освобождённых от учёта центра.

В целях быстреего признания обвинений арестованными он допустил невыносимо-скученные условия их размещения; для арестованных, не дающих признания, создал комнаты — «отстойник», где непризнающиеся простаивали по 5—7—10 суток на ногах; ввёл в практику своей работы обходы по кабинетам следователей и независимо от окраски преступления к арестованным применял грубости, похабщину и сильные избиения, требуя таких же обращений и от оперсостава.

Все эти грубейшие нарушения революционной законности создали условия для вынужденных показаний на других лиц вместо более глубокой разработки вражеского подполья, а обещания следователей к свидетелям, что дело не пойдёт на гласный суд и их показания не будут оглашаться, создали массовые оговоры невинных людей, затем отказы от своих показаний и освобождение арестованных за недоказанностью обвинений на 276 чел., и в тоже время 13 чел. освобождено без оснований в силу того, что они были избиты и в суде могли разгласить их порочные методы расследования. Так был освобождён ОВЧИННИКОВ через 4 мес[яца] заключения, через 9 дней был освобождён БАБИНЕЦ, избитый до онемения, ФИЛИПЧЕНКО, КИСЕЛЁВ и др.

Кроме этого, КОЧЕРГИНСКИЙ, получив директиву НКВД СССР об очистке оборонных ж.д. узлов, спустил её в ОДТО, где в декабре м[есяце] 1937 г., накануне дня выборов и в день выборов в Верховный Совет, вручали повестки о выселении, данные о выселении не были подобраны, а в результате искривления и неосновательного выселения из 763 выселенных семей было водворено обратно 155 семей.

Учитывая, что грубые нарушения революционной законности КОЧЕРГИНСКИМ допускались систематически и повлекли особо тяжёлые последствия — осуждение по фальсифицированным материалам по I категории 7 человек и по II категории 8 чел., — квалифицировать его преступление п. «б» ст. 206—17 УК УССР.

РОЗЕНБЕРГ, будучи оперуполномоченным ОДТО [ст.] Красный Лиман, он систематически фабриковал протоколы допроса свидетелей, характеристики на обвиняемых такого содержания, которое резко усугубляло обвинения арестованных, учинял неразборчивые подписи за свидетелей, свидетельствуя справки фиктивной печатью несуществующей организации, в результате за период его работы XI-1937 г.— март 1938 г. было выявлено 14 дел с фальсифицированными им материалами (л.д. 162 т. 5), по которым были освобождены 14 человек, арестованных без основания.

Кроме этого, РОЗЕНБЕРГ путём обмана свидетелей, влияния на них авторитетом органов НКВД, застрашиваями, фальсифицировал дело на ПОГОРЕЛОВА, осуждённого по I категории, ПРОТАСОВА, ЦИЦОРА и др. 5 человек, осуждённых на длительные сроки по II категории, т.е. в совершении им преступления, совершённого им и систематически, и с тяжёлыми последствиями,— п. «б» ст. 206—17 УК УССР.

КОВАЛЁВ, проводя работу оперуполномоченным ОДТО ст. им. Кагановича, за период [с] XII-1937 г. по IV-1938 г. при допросах арестованных практиковал допрос «штатных свидетелей» — **САВИЦКУЮ**, давая ей на подпись самим вымышлено составленные протоколы на **ПЕТРОВСКОГО**, **КОЛОМИЙЦА**, понудил её дать подпись на вымышленном протоколе в отношении **ГУРЕЦКОГО**, обманным путём учинил ей «очную ставку» с **ЛЯХОВЕЦКИМ**, обманным путём отобрал от неё протокол показания на **САЧЕК**, осуждённого позже по I категории.

Пользуясь доверием **ПОГУЛЯЕВА** — свидетеля, от его имени составил протокол допроса на **КРАСОВА**, на **САЧЕК**, записав показания, которых **ПОГУЛЯЕВ** не давал, протокол ему об этом не зачитывал, а в отношении **ЛЯХОВЕЦКОГО**, с целью усугубить положение арестованного, его национальность «украинец» в справке на арест переделал на «поляк», в результате чего **САЧЕК** осуждён по I категории, **КРАСОВ** — II-й, а в отношении **ЩЕТКИНА**, **ПЕРЕСУНЬКО** и **ЛЯХОВЕЦКОГО** после обнаружения фальсификации они как арестованные были освобождены, — т.е. в систематическом злоупотреблении служебным положением с отягчающими обстоятельствами по п. «б» ст. 206–17 УК УССР.

КУЗНЕЦОВ, будучи пом[ощником] оперуполномоченного ОДТО ст. Дебальцево, за период [с] XII 1937 г. по март 1938 г. систематически фабриковал протоколы показаний свидетелей, писал протоколы от вымышленных лиц, учиняя подложные подписи. Так им были фальсифицированы показания 9 свидетелей по д.д. **БЫЛИНКА**, **ЛАПТЕВА**, **ХВОСТЕНКО**, **ХОЛОДЕНКО**, которые из-под ареста были освобождены.

Фальсифицированы им 5 протоколов допроса свидетелей по д[елу] **ВАНИНА** и д[елу] **ВАРАВЫ**, осуждённых по I категории, **ПОДЛИПАНОВА**, осуждённого по II категории, хотя некоторые изобличающие их другие материалы в деле имелись.

МАЦЕЙКАНЕЦ, являясь оперуполномоченным ОДТО ст. им. Кагановича, за период [с] X 1937 по март 1938 г. систематически фальсифицировал в протоколах допроса свидетелей показания: 3-х чел. — свидетелей по делу **ПОНОМАРЕВА**, одного свидетеля по делу **ЛАДНОГО**, осуждённых по I категории, и 7 свидетелей по д.д. **САРОСЕКА**, **КАБЫФЫ**⁶⁴ и **ЕРЕМЧУКА**, осуждённых по II категории, хотя некоторые другие уличающие доказательства в делах на них и имелись.

Применение физических мер воздействия со стороны **МАЦЕЙКАНЕЦ** суд считает не установленным.

ЛУБОВСКИЙ, будучи пом[ощником] нач[альника] ОДТО ст. Дебальцево, за период январь–июнь 1938 г. по делам на **МИТИНА**, **ИЗОТОВА**, **ВРЕЩ** и на **САВЧЕНКО** по протоколам семи свидетелей показания их им сфальсифицированы в сторону отягчающих обстоятельств, а с обнаружением неправильно полученных показаний арестованные через 3–8 месяцев были освобождены, т.е. в совершении **КУЗНЕЦОВЫМ**,

⁶⁴ У документі помилково — Кобыха.

МАЦЕЙКАНЕЦ и ЛУБОВСКИМ преступления, предусмотренного не п. «б», а п. «а» ст. 206–17 УК УССР, ибо они не занимали руководящего положения, отсутствия в их действиях особоотягчающих фактических данных в обстоятельствах преступления.

В силу изложенного, и руководствуясь ст. ст. 296 и 297 УПК УССР, Военный трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

КОЧЕРГИНСКОГО Георгия Израилевича на основании п. «б» ст. 206–17 УК УССР лишить политических прав, лишить спецзвания «капитан государственной безопасности» и подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять;

РОЗЕНБЕРГА Альберта Петровича и

КОВАЛЁВА Константина Трофимовича,

учитывая, что применение им высшей меры наказания не представляется целесообразным в силу ст. 46 УК и на основании п. «б» ст. 206–17 УК подвергнуть лишению свободы в ИТЛ на десять (10) лет каждого, без поражения политических прав, с лишением спецзвания РОЗЕНБЕРГА — лейтенанта гос. без[опасности], с зачётом предварительного заключения РОЗЕНБЕРГУ с 5 апреля 1938 г., а КОВАЛЁВУ — с 17 августа 1938 г.;

КУЗНЕЦОВА Николая Митрофановича и

МАЦЕЙКАНЕЦ Владимира Антоновича

на основании п. «а» ст. 206–17 УК УССР — к лишению свободы в ИТЛ на пять (5) каждого, без поражения политических прав, с лишением МАЦЕЙКАНЕЦ спецзвания «сержант гос. безопасности», с зачётом предварительного заключения КУЗНЕЦОВУ с 7/VIII-[19]38 г. и МАЦЕЙКАНЕЦ — с 7 июля 1938 г. и

ЛУБОВСКОГО Антона Карловича на основании п. «а» ст. 206–17 УК УССР — к лишению свободы на три (3) года в ИТЛ, без поражения в правах, с зачётом предварительного заключения с 10 июля 1938 г., с лишением звания «лейтенант государственной безопасности».

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного Суда Союза ССР в течение 5-ти суток со дня вручения осуждённому выписки из приговора через Военный трибунал войск НКВД Харьковского округа⁶⁵.

Председательствующий

Гурьев

Члены:

*Поляков
Коновалов*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 332–336 зв. Оригінал.
Рукопис на бланку.

⁶⁵ Внизу останньої сторінки проставлений штамп про зняття копії для військового прокурора з нерозбірливим підписом і датою «14/VII-39 г.».

№ 12

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Г.І. Кочергинського та інших співробітників НКВС

17 вересня 1939 р.

Сов[ершенно] секретно. Снято 3 коп[иї]

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 003512/р

Гурьев. 20.7.[19]39 г.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — бригадеюрриста тов. АЛЕКСЕЕВА

и членов: бригадеюрриста тов. ДЕТИСТОВА

бригадеюрриста тов. ДМИТРИЕВА

Рассмотрев в заседании от 17 сентября 1939 г. кассационную жалобу
КОЧЕРГИНСКОГО Г.И. и МАЦЕЙКАНЕЦ В.А.

на приговор ВТ войск НКВД ХО от 27–30 июня 1939 г. по делу

ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. ст. УК
УССР:

1) КОЧЕРГИНСКИЙ Георгий Израилевич — 206–17 «б» —
к РАССТРЕЛУ и лишить спецзвания «капитан государственной
безопасности»;

2) РОЗЕНБЕРГ Альберт Петрович и 3) КОВАЛЁВ Константин
Трофимович — 206–17 «б» — к л[ишению]/свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ
ЛЕТ каждый, без поражения в политических правах, с лишением спец-
звания «лейтенант госбезопасности»;

4) КУЗНЕЦОВ Николай Митрофанович и 5) МАЦЕЙКАНЕЦ
Владимир Антонович — 206–17 «а» — к л[ишению]/свободы в ИТЛ на ПЯТЬ
ЛЕТ каждый, без поражения в политических правах, а МАЦЕЙКАНЕЦ
— с лишением спецзвания «сержант госбезопасности»;

6) ЛУБОВСКИЙ Антон Карлович — 206–17 «а» — к л[ишению]/сво-
боды в ИТЛ на ТРИ ГОДА, без поражения в правах и с лишением звания
«лейтенант госбезопасности»,

и заслушав доклад тов. ДЕТИСТОВА,

заключение пом[ощника] главного военного прокурора тов.
РЕУТСКОГО

об оставлении приговора в силе,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Учитывая, что в результате беспримерной преступной деятельности
ныне приговорённого к РАССТРЕЛУ КОЧЕРГИНСКОГО ПРИЧИНЁН
ГРОМАДНЫЙ ВРЕД, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ПОДРЫВ ДОВЕРИЯ
К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СО СТОРОНЫ ТРУДЯЩИХСЯ, ПРИГОВОР

В ОТНОШЕНИИ ЕГО, КОЧЕРГИНСКОГО, ОСТАВИТЬ В СИЛЕ,
а КАСЖАЛОБУ ЕГО ОТКЛОНИТЬ.

Считая также и в отношении всех остальных осуждённых по данному делу приговор правильным, оставить таковой в силе, без изменения, а касжалобу осуждённого МАЦЕЙКАНЕЦ оставить без удовлетворения, как необоснованную.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ПОМ[ОЩНИК] СЕКРЕТАРЯ ВК ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР
МЛ[АДСШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ

Ехалов

Препровождается вместе с делом в 5 [томах] и 57 прилож[ениями] выписки из протокола заседания Презид[иума] Верх[овного] Совета Союза ССР⁶⁶ в ВТ ХВО д[ля]/испол[нения], копия — ГВП д[ля]/свед[ения].

25.X.1939 г. № 003512-р

Секретарь ВК

Ехалов

На документі є:

1) кругла печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) прямокутний штамп з написом: «Послано в В[оенный] Т[рибунал] войск НКВД Харь[овского] округа. 31 октября 1939 г. № __»;

3) резолюція керівництва Військового трибуналу: «*Проверить, всё ли выполнено для приведения приговора в исполнение в отнош[ении] всех осужд[ённых]. По исполнении переслать дело в архив в УНКВД. Подпис неразбирливий. 1/XI [19]39»;*

4) відмітка: «Копию для Воен[ной] прокуратуры получил 2/XI-[19]39 г. Подпис неразбирливий».

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 373–373 зв.
Завірена машинописна копія на бланку.**

⁶⁶ Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 6/35/сс від 17 жовтня 1939 р. вирок про застосування вищої міри покарання до Г.І. Кочергинського був залишений у силі. (ГДА СБУ, оп.1, спр. 67988, т. 5, арк. 374).

№ 13

Довідка Військового трибуналу військ НКВС Харківського округу про виконання вироку стосовно Г.І. Кочергинського *[20 жовтня 1939 р.]*

СПРАВКА

Быв[ший] нач[альник] ДТО Сев[еро]-Дон[ецкой] [железной] дорог[и] КОЧЕРГИНСКИЙ Георгий Израилевич приговором Военного трибунала войск НКВД Харьковского округа от 27–30/VI–[19]39 г. осуждён к высшей мере наказания — расстрелу.

Военной коллегией Верховного суда Союза ССР определением своим от 17/IX–[19]39 г. за № 003512/р и постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 17/X–[19]39 г. за № 6/35/сс приговор ВТ войск НКВД Харьковского округа от 27–30/VI–[19]39 г. оставлен в силе.

Приговор приведён в исполнение 20 октября 1939 г.

Ст[арший] секретарь ВТ войск НКВД Харьк[овского] округа
военный юрист III ранга

Демиров

На документі є кругла печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Военный трибунал войск НКВД Харьковск[ого] округа».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67988, т. 5, арк. 382. Оригінал. Машинопис.

РОЗДІЛ 3.

СПРАВА ЗАСТУПНИКА НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО ЖИТОМИРСЬКІЙ ОБЛАСТІ ГРИГОРІЯ ГРИШИНА-ШЕНКМАНА ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС

«Тюрьма рассчитана на 800 чел., а количество заключённых доходило до 20 тыс. При сдаче мною тюрьмы там было 18 тыс. чел. из-за массовых операций».

— *Михайло Глузман, колишній начальник тюрми НКВС, на судовому процесі у справі співробітників УНКВС по Житомирській області 28 червня 1939 р.*

«...Операция по женщинам была проведена не только по Житомиру, а по всей Украине и по всему Союзу. Задания по этой операции были подписаны Ежовым, и если тогда мы не всех жён осуждённых посадили, то не потому, что понимали вредность этого, а просто некуда было женщин садить».

— *Григорій Гришин-Шенкман, колишній заступник начальника УНКВС по Житомирській області, на судовому процесі у справі співробітників УНКВС 27 червня 1939 р.*

«Когда меня на следствии впервые спросили о приведении в исполнение приговоров, я не скрывал, что в работе комендатуры было много безобразий, т.к. работы было масса, а людей всего было 3[-ое] в комендатуре, и мы вынуждены были до 12 чел. оперработников бросить на эту работу...

...В январе 1938 г. Успенский приказал не исполнять приговора в Умани и Бердичеве, и оттуда стали к нам тянуть людей. В итоге вместо 80–70 чел. стало необходимым исполнять приговора на 120–150 чел. ... В отдельных случаях бывало и по 250 чел. Стали мы подсчитывать, сколько времени нам на это нужно, и увидели, что с 8 вечера до 6 утра мы едва ли успеем вчерне закончить эту работу...

С этой группой исполнявших приговора часто проводились совещания... Якушев из имевшихся сумм, по моим настояниям, часто их премировал для того, чтобы они восстанавливали своё здоровье. Я думаю, что не менее 500 руб. получал каждый из них в месяц, и материально никто из них не нуждался, т.к. это было помимо зарплаты».

— *Григорій Гришин-Шенкман, колишній заступник начальника УНКВС по Житомирській області, на судовому процесі у справі співробітників УНКВС 28 червня 1939 р.*

№ 14

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г. Й. Гришина- Шенкмана, Г. А. Тимошенка, Ф. Г. Ігнатенка, М. З. Глузмана, Л. У. Кондрацького, М. М. Соснова, В. І. Гирича, Д. В. Левченка і Ш. В. Винокурова

27 червня — 4 липня 1939 р.

Дело № [40] 1939 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1939 года, Июня 27 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в помещении Житомирского Облуправления НКВД, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военюриста I ранга ВАСЮТИНСКОГО
членов: ст[аршего] политрука КОСМАЧЁВА и т. ПИЛИПЕНКО
при секретаре — военном юристе ДАВИДЗОНЕ
без участия сторон

рассмотрел дело № 1939 г. по обвинению быв[ших] сотрудников
Житомирского Облуправления НКВД:

1. ГРИШИНА-ШЕНКМАНА Григория Иосифовича по ст. ст. 54–1 п. «б» и 54–11 УК,
2. ТИМОШЕНКО Григория Антоновича по ст. 206–17 п. «б» УК,
3. ИГНАТЕНКО Феликса Гавриловича по ст. ст. 206–17 п. «б», 104 ч. II и 108 ч. I УК УССР;
4. ГЛУЗМАНА Михаила Захаровича,
5. ГИРИЧ Владимира Ивановича,
6. ВИНОКУРОВА Шимона Вениаминовича,
7. СОСНОВА Менаша Мошковича,
8. КОНДРАЦКОГО Леонида Устиновича
по ст. 206–17 п. «а» УК УССР,
- и 9. ЛЕВЧЕНКО Даниила Власовича по ст. ст. 206–17 п. «а» и 104 ч. I УК УССР.

В 11 час. 30 мин. суд[ебное] заседание объявлено открытым.

Секретарь докладывает, что подсуд[имые] ГРИШИН-ШЕНКМАН, ТИМОШЕНКО, ИГНАТЕНКО, ГЛУЗМАН, ГИРИЧ и ЛЕВЧЕНКО находятся под стражей и в суд они доставлены.

Подсуд[имые] КОНДРАЦКИЙ, ВИНОКУРОВ и СОСНОВ находятся на свободе и в суд явились.

Вызвано по делу 33 свидетеля. Из них явились следующие: ПАНШИН, ГОЛУБЕВ, ПЕТРОВСКИЙ, КОРОТЧЕНКО, МОРДУШЕНКО, ФЕЛЬДМАН, РОТЕНБЕРГ, МАЛАХОВ, ШЕМПЕР, ТЕРЗМАН,

ГНЕННАЯ, КУРОЧКА, ВЫГОВСКИЙ, МАЛОРАЦКИЙ, КЛИМОВ¹, АГАПОВ, СТРУГАЧЁВ, ЛЕЙФМАН, ВАСИЛЬЕВ, РАДИОНОВ, КАРПИЛОВСКИЙ и ЛУКЪЯНОВ.

Причины неявки свидетелей Островского, Малахова, Лазоркина, Масликова и Ювженко выясняются.

Свидетель МИНЦ вызван из Полтавы и ещё не прибыл.

Свид[етели] Евтушенко, Бойченко, Томин² находятся в отпуску, о чем представлены справки.

Свид[етели] Люльков, Манько и Томин³ находятся под стражей в тюрьме г. Киева и не были выданы администрацией тюрьмы для доставки в суд в связи с тем, что эти лица перечислены содержанием за Военной Коллегией Верх[овного] суда Союза ССР.

Стороны обвинения и защиты в суд не вызывались.

Пред[седательствующий] удостоверяется в самоличности подсудимых, которые о себе показали:

ГРИШИН-ШЕНКМАН Григорий Иосифович — родился я в 1903 г. в гор. Днепропетровске⁴, в семье кустаря-химика. Отец до революции занимался мыловарением, а после революции он работал в артели мыловаром.

Я сам служащий. До службы в НКВД я учился и некоторое время работал. Образование у меня незаконченное среднее. Я учился по 1920 год на вечерних архитектурно-строительных курсах, ушёл я с 4 курса. Женат, имею одного ребёнка. Под судом я не был. По национальности я еврей, гражданства СССР. С 1936 г. я был членом партии, а сейчас должно быть я исключён. Партбилет у меня отобран при аресте.

Последнее время я работал врид зам[естителя] нач[альника] 3[-го] отдела НКВД УССР. Звание — капитан госбезопасности. В РККА я не служил. В органах НКВД я служу с 1920 г. до дня ареста. Репрессированных родственников у меня нет.

Копии обвинит[ельного] акта и определения подготовительного заседания ВТ мне прочли 21.6.[19]39 г.

ТИМОШЕНКО Григорий Антонович — рождения 1905 г. Место рождения в обвинительном акте указано неправильно. Родился я в селе Коржевая Уманского р[айо]на Киевской области в семье крестьянина. Отец был бедняком, ничего он не имел.

¹ Климов Микола Васильович. Не плутати з Климовим Олексієм Івановичем.

² Йдеться про Олексія Томіна, який з 20 червня 1939 р. знаходився у відпусці у м. Геленджик (Краснодарський край, РРФСР). (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 64).

³ Помилка у документі. Див. попереднє речення і посилання. У довідці Військової прокуратури військ НКВС Київського округу, на підставі якої у судовому засіданні було оголошено цю інформацію, разом із заарештованими М. Люльковим і Д. Маньком фігурував М. Леснов-Ізраїлев. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 66). Пізніше, 4 вересня 1939 р., був заарештований і знаходився під вартою у тюрмі НКВС у Києві рідний брат Олексія Томіна — Олександр Томін.

⁴ Так у документі, до 1926 р. — Катеринослав (нині — Дніпро).

Я сам вместе с отцом занимался сельским хозяйством.

В РККА я служил с 1928 по 1930 год. В органах НКВД я служил с 1930 г. Звания не имею.

Был кандидатом в члены партии, билет у меня забрали при аресте, а исключён ли я — не знаю.

По национальности я украинец. Образования не имею никакого. Грамоте я обучался уже в армии. Под судом я не был.

За время службы в НКВД я никаких взысканий не имел. Репрессированных родственников у меня нет.

Копии обвинит[ельного] акта и определения подготовительного заседания ВТ мне прочли 20 или 21 июня.

ИГНАТЕНКО Феликс Гаврилович — родился я в 1906 г. в м. Орынин Каменец-Подольской области в семье крестьянина-бедняка. По национальности я украинец, гражданства СССР. Образование у меня за 4 класса. Был я кандидатом в члены ВКП(б) с 1931 г. Партбилет у меня отобран при аресте. В РККА я служил с 1928 по 1931 г., в погранчасти. В органах НКВД я служил с 1931 г. до дня ареста. Звания не имею.

Последние 3 месяца перед арестом я был начальником внутренней тюрьмы, а до того я работал вахтером и затем — пом[ощником] нач[альника] внутренней тюрьмы.

Под судом я не был, взысканий имел одно, ещё от быв[шего] зам[естителя] нач[альника] УНКВД Гришина.

Я холост. Репрессированных родственников у меня нет.

Копии обвинит[ельного] акта и определения подготовит[ельного] заседания ВТ мне прочли 22 июня.

ГЛУЗМАН Михаил Захарович⁵. Я родился в 1903 г. в селе Сальково Хашеватского⁶ р[айо]на Одесской обл[асти]. По национальности я еврей, гражданства СССР. Отец мой раньше был рабочим-электриком, работал он на сахарозаводе, а в настоящее время он — пенсионер.

В РККА я служил с 1919 по 1922 г. С 1922 г. я служил до ареста в органах НКВД с перерывом в 4 года, которые я работал слесарем на заводе. Звание мне не присвоено. С 1930 г. я был членом ВКП(б), а в 1938 г. меня из партии исключили. Я женат, имею двоих детей — 14-ти и 2-х лет. Репрессированных родственников у меня нет. Под судом я не был. За время службы в органах я взысканий ни одного не имел.

Копию обвинит[ельного] акта и копию определения подготовит[ельного] заседания ВТ я прочёл 23-го июня 1939 г.

ГИРИЧ Владимир Иванович — 1911 г. рождения. Родился я в м. Яготин того же района Полтавской обл[асти] в семье рабочего, и сам я всё время был рабочим.

С 1926 г. я был членом ВЛКСМ. В РККА я служил с 1933 по 1935 г. по призыву.

⁵ У документі помилково — Захарьевич.

⁶ У документі помилково — Хочеватского.

В НКВД я служил шофёром Особого отдела в Новоград-Волинске. Взысканий я не имел. Под судом не был. О взыскании я узнал вчера, при ознакомлении с делом, но я раньше и не знал о нем. Звания не имею.

Репрессированных родственников у меня нет, кроме родственника по жене: муж сестры моей жены арестован в мае 1938 г.

Образование у меня за 7-милетку.

Копии обвинит[ельного] акта и определения ПЗ ВТ я читал 23.6.[19]39 г. ЛЕВЧЕНКО Даниил Власович, родился в 1911 г. в селе Пигановка Трицкого р[айо]на Донецкой обл[асти]. Происхожу я из семьи крестьян-бедняков. Отца у меня давно нет, сам я был членом колхоза.

В РККА я служил с 1933 по 1935 г. В органах НКВД я работал надзирателем с 1936 г., только последние 2 месяца я был ст[аршим] надзирателем. Взысканий я не получал.

Под судом я не был, репрессированных родственников у меня нет. Образования у меня нет, я малограмотный.

Копию обвинительного акта и определение подготовительного заседания Трибунала мне прочли 23 июня 1939 г.

За время работы во внутренней тюрьме мне звание не присваивали.

КОНДРАЦКИЙ Леонид Устинович — рождения 1909 г., родился в с. Ромодан того же района Полтавской области. Отец был крестьянином-бедняком, а после революции он работал кузнецом в г. Киеве. Я сам — тоже рабочий, работал я литейщиком на заводе «Ленкузня» в гор. Киеве.

В РККА я служил с 1931 по 1933 год. В органах НКВД я служу по настоящее время с 1933 г. Звание мне присвоено сержант Госбезопасности. По национальности я украинец. Под судом не был, женат. За время службы в НКВД я имел одно взыскание в мае 1938 г. за то же самое дело, которое Вы сегодня разбираете. Имел я 15 суток ареста.

Репрессированных родственников у меня нет.

Копию обвинит[ельного] акта и копию определения подготовит[ельного] заседания ВТ я читал 25 июня 1939 г.

ВИНОКУРОВ Шимон Вениаминович, 1890 г. рождения, родился в г. Звенигородке того же района Киевской области в семье учителя. Сам я с 13 лет служу всё время. Последние годы я служу бухгалтером. В настоящее время служу в ОМЗ'е Житомирского УНКВД.

Под судом я не был, в РККА не служил. Дисциплинарных взысканий по службе я не имел. Я женат, детей не имею.

Копию обвинит[ельного] акта, копию определения подготовит[ельного] заседания ВТ я получил 23 июня 1939 г.

СОСНОВ Менаш Мошкович, родился в 1906 г. в г. Житомире. Отец мой был грузчиком, сейчас его нет. Мать жива, живёт здесь. Я тоже всё время был грузчиком, потом работал на Днепрострое. В РККА я служил добровольно в 1919 г. в Богунском полку под Новоград-Волинским, служил я в обозе, почту возил.

Под судом я не был, женат, имею троих детей. Образования у меня нет никакого, могу я только расписаться и читать не могу. Я всё время работал кучером, всё время разъезжал и не научился грамоте.

С 1933 по 1936 г. я работал в тюрьме кучером, а потом меня перевели на должность надзирателя. Надзирателем я служил с 1936 года и теперь в тюрьме служу. Взысканий я не имел ни одного.

Копию обвинительного акта и определение подготовительного заседания я не читал, и мне его прочли 23 июня.

Пред[седательствующий] разъясняет подсудимым их право заявить отвод составу суда и, объявив состав суда, спрашивает подсудимых, имеются ли у них отводы суду.

Отвода составу суда подсудимые не заявили.

Пред[седательствующий] разъясняет свидетелям их обязанности в суде, предупреждает их об ответственности по 89 ст. УК за дачу ложных показаний, после чего свидетели удалены в отдельное помещение.

Пред[седательствующий] разъясняет подсудимым их право ходатайствовать о вызове дополнительных свидетелей помимо вызванных, о приобщении к делу каких-либо документов или иных доказательств по делу, после чего спрашивает подсудимых, имеются у них заявления или ходатайства.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН ходатайствует: У меня имеются следующие ходатайства:

1. Я прошу затребовать из 1[-го] спецотделения Днепропетровского Облуправления НКВД справку — какие дела мною проведены за время моей работы в Облуправл[ении]. Такую же справку я прошу затребовать из Одесского Облуправления.

В связи с обвинением меня во вредительской деятельности за время работы в Днепропетровске и Одессе эти справки опровергнут данное обвинение.

2. По показаниям Мартынюка он был мною завербован в к-р троцкистскую организацию и по моим указаниям тормозил дело о вредительстве по животноводству в Бердичеве. Я прошу затребовать справку из Бердичева или Винницкого Облуправл[ения], т.к. Бердичев раньше был Винницкой области. Из справки видно будет, что это дело было закончено задолго до моего приезда в Житомир.

3. Прошу затребовать из 1[-го] спецотд[еления] здесь же в Житомире справку, что собою представляла осужденная Бронштейн.

4. Затребовать справку о командировках моих, Детинко⁷ и Смелянского. За то время, когда Детинко, как указано в его показаниях, завербовал Смелянского в к-р организацию. Из этих справок видно будет, что при приезде Детинко меня не было.

5. Затребовать из Днепропетровского Облуправления справку о том, что собою представляет агент «Фотеско», с кем он был на связи и кто осуществил его переброску за кордон.

6. Затребовать здесь в Облуправлении справку, почему из Москвы вернули дело Ткачука, какие были даны указания Наркоматом УССР, или, если есть возможность, затребовать всё дело Ткачука, т.к. меня обвиняют в том, что я хотел освободить Ткачука, являющегося троцкистом.

⁷ Тут і далі у документі помилково — Дитинко.

7. Затребовать все заявления, которые я подавал на имя Прокурора, т.к. в них мною изложены все обстоятельства по моему делу.

8. Затребовать из Одесского Облуправления справку по делу «НСЧУ» и об источнике, который давал материалы об этой организации.

9. Затребовать из Облуправления копии приказов НКВД СССР и УССР об операции по жёнам и копию директивы Житомирского УНКВД за 1938 г. по этому же вопросу.

10. Затребовать незаконно изъятый из дела протокол показаний Мартынюка за август мес[яц].

11. Затребовать справку с подписью Успенского о моем аресте, т.к. сейчас её в деле нет.

12. Вызвать из Одессы Шнайдера⁸, Рыбакова и Ткача и допросить их по существу тех пунктов обвинения, которые мне предъявлены по Одессе. Раньше они работали в Одессе, вероятно, сейчас они тоже там, а также вызвать Ратынского для допроса.

13. Вызвать свид[етеля] Михайлова, который был связан с агентом «Фотеско» и осуществил его переброску. Михайлов раньше был в Днепропетровске, затем — в Чернигове, и там можно установить, где он сейчас.

14. Вызвать свидетелей Сорока и Еременко, которые сейчас находятся в Киевской тюрьме. Сорока мне рассказывал, что с ним в одной камере сидел Детинко, и того с допросов приводили избитым. Еременко был н[ачальни]ком Облмилиции в Житомире и вместе со мной он ездил в Бердичев. Он сможет рассказать, где я там был, т.к. меня обвиняют в вербовке Мартынюка в Бердичеве, я же ездил туда не один, а с Еременко.

15. Прошу допросить Гришина⁹, который сейчас находится в Московской тюрьме, по эпизодам вербовки меня им — Гришиным.

16. Приобщить к делу 14 моих собственноручных показаний, которых сейчас в деле нет.

17. В деле имеются показания свидетеля Фадеева о том, что я пошил себе шубу в Бердичеве. По этому эпизоду я прошу вызвать свид[етеля] Новосельцева — быв[шего] нач[альника] АХО Облуправления.

18. Вызвать в качестве свидетеля Манько, т.к. в деле имеются его показания с датой задолго до того, как меня арестовали.

19. Вызвать прокурора Мальцева. Он знает о том, что за время моей работы в Запорожье я участвовал в проведении операций по троцкистам.

20. Допросить Якушева, Лебедева и Бланка. Они, как и я, проходят по эпизодам мародёрства и поощрения этого мародёрства.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО ходатайствует:

Я прошу допросить Новосельцева, он и сейчас ещё здесь работает. Меня обвиняют в получении из тюрьмы денег за вещи осуждённых, а я получал эти деньги по доверенности и сдал их все полностью Новосельцеву.

Прошу вызвать свид[етеля] Камраз, т.к. ему я сдал золото, найденное в тюрьме у попа.

⁸ У документі помилково — Шнейдера.

⁹ Йдеться про Григорія Гришина-Клюванта.

Кроме того, я прошу затребовать на меня характеристику.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО ходатайствует:

У меня такие ходатайства:

1. Затребовать справку о прохождении мною службы.
2. Затребовать расписки на полученные в комендатуре деньги и другие документы о недостатке по тюрьме.
3. Обо мне стоял вопрос на парт. бюро из-за того, что я один раз не исполнил приказания Вяткина. Протокол заседания партбюро я прошу затребовать.
4. Допросить Новосельцева и Терещука по вопросу о недостатке во внутренней тюрьме.
5. Допросить Гаврилюка и Анфилова, которые опровергнут показания Глузмана о том, что я инсценировал его расстрел.
6. Затребовать справку о состоянии моего здоровья, т.к я перед арестом лечился в связи с нервным заболеванием.
7. Затребовать из моего личного дела справку о наградах за время моей службы в погранотряде.
8. Затребовать на меня характеристику за время работы в Облуправл[ении] НКВД.
9. Вызвать для дачи мне характеристики свидетеля Сингарец.
10. Затребовать стенгазеты колхоза села Левков, в которых писали о моей работе в колхозе.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН ходатайствует:

У меня имеются такие ходатайства:

1. Приобщить к делу акты о смерти тех заключённых, которые умерли от побоев.
2. Приобщить к делу циркуляры ГУМЗ¹⁰, разрешавшие покупку старых носильных вещей на базарах для обмундирования заключённых.
3. Вызвать начальника конвоя Афанасьева¹¹ или Коротенко, сопровождавшего этап из Коростеня, когда вещи этапируемых были свалены в кучу и обезличены.
4. Вызвать находящегося со мной в одной камере арестованного священника, т.к. с его слов мне известно, что в тюрьме заключённые часто умышленно истязали друг друга, чтобы потом следами истязаний компрометировать следствие.
5. Вызвать свид[етеля] Новосельцева, который сейчас работает здесь, в Облуправлении. Новосельцев подтвердит, что все суммы, переведённые мною в Облуправление, ими получены полностью и впоследствии сданы в доход государства.

¹⁰ ГУМЗ — від «Главное управление мест заключения». Йдеться про 10-й відділ ГУДБ НКВС СРСР (з 25 грудня 1936 р. по 28 березня 1938 р.), Тюремний відділ НКВС СРСР (з 28 березня 1938 р. по 29 вересня 1938 р.) і Головне тюремне управління НКВС СРСР (з 29 вересня 1938 р.).

¹¹ У матеріалах архівної кримінальної справи згадується Костянтин Афанасьєв — в'язень тюрми НКВС м. Житомира, якого використовували на роботі у черговій кімнаті тюрми. У травні 1938 р. він керував роботою групи писарів, які заповнювали особові справи на в'язнів, що прибули етапом з м. Коростеня.

6. Вызвать мою жену в качестве свидетеля по вопросу продажи вещей.

7. Затребовать протокол партсобрания, на котором я избобличал Шемпера в антипартийных поступках.

8. Затребовать протокол очной ставки, которую производили между мной и Шемпером, т.к. в деле его нет.

9. Затребовать протокол партсобрания парторганизации Облуправления, на котором я избобличал Вяткина в великодержавном шовинизме, из-за чего я и был арестован.

10. Затребовать справку, из которой видно было бы, когда я работал н[ачальни]ком тюрьмы, а когда — н[ачальни]ком ОМЗ'а.

11. Затребовать моё личное дело или характеристику из него.

Подсуд[имый] ГИРИЧ ходатайствует:

Я ходатайства имею такие:

[1.] Затребовать справку — был ли расстрелян бухгалтер Городницкого леспромхоза и как его фамилия. Я сам фамилии его не знаю.

2. Вызвать кого-нибудь из Особого отдела Новоград-Волынска и допросить по вопросу постройки мною дома в Проскурове и вообще о моей обстановке в квартире.

3. Затребовать приказ о награждении меня за поимку шпиона.

Больше у меня ходатайств нет.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО заявляет:

У меня ходатайств нет никаких.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ ходатайствует:

Я прошу следующее:

1. Затребовать служебную характеристику на меня за время моей работы, после заведения дела или допросить по этому вопросу нач[альника] Особого отдела Казанцева.

2. Затребовать за этот же период на меня парт. характеристику.

3. Приобщить к делу акт о доставке в тюрьму из Облуправления трупа умершего от побоев, т.к. я этот труп не возил, а Глузман на следствии показал, будто я и акт подписал.

4. По вопросу обвинения меня в том, что я катался верхом на своём однофамильце, осуждённом к расстрелу, я прошу допросить свидетелей Вишневого, Лазаренко, Терещука и Портного.

Больше у меня ходатайств нет.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ ходатайствует:

Я прошу только затребовать из тюрьмы за январь, февраль и март 1938 г. документы, по которым деньги были переведены в Облуправление НКВД.

Подсуд[имый] СОСНОВ ходатайствует: Я прошу затребовать на меня характеристику за время после выполнения мною опер[ативных] заданий.

Больше у меня ходатайств нет.

Военный Трибунал удаляется на совещание.

После 50 мин. совещания оглашаются определения.

Обсудив ходатайства подсудимых и имея в виду:

по ходатайствам подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА:

1. Что справки спецотделов Облуправления НКВД, о затребовании которых ходатайствует подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН, для дела существенного значения не имеют.

2. Что справки о командировках Гришина-Шенкмана, Детинко и Смелянского¹² также несущественны, поскольку для к-р связи между указанными лицами могло быть использовано не только время нахождения их в командировках.

3. Что затребование всех заявлений, подававшихся Гришиным-Шенкманом на имя прокурора и наркома УССР, явно нецелесообразно, поскольку в деле имеется достаточно показаний, а в случае надобности подсуд[имый] Гришин-Шенкман сможет сущность заявлений изложить в суд[ебном] заседании.

4. Что затребование копий приказов НКВД СССР и УССР о проведении операции по жёнам осуждённых нецелесообразно, поскольку суд с этими приказами знаком.

5. Что затребование протоколов допросов свидетеля Мартынюка, о которых суду неизвестно, является излишним и не имеющим значения для дела, поскольку в деле показания свид[етеля] Мартынюка имеются.

6. Что справка об аресте подсуд[имого] Гришина-Шенкмана для дела несущественна, поскольку в деле имеется постановление о его аресте.

7. Что вызов заключённых свидетелей Сорока и Еременко нецелесообразен, поскольку в деле имеется достаточно материалов по эпизоду, для освещения которого подсуд[имый] Гришин-Шенкман просит вызвать указанных свидетелей.

8. Что вызов свидетелей Гришина и Ратынского невозможен, поскольку в деле имеется справка об их осуждении.

9. Что вызов в качестве свидетеля Новосельцева по эпизоду изготовления Гришину-Шенкману шубы нецелесообразен в силу несущественности данного эпизода.

10. Что допрос свид[етеля] Манько, находящегося под стражей, и вызов в качестве свидетеля прокурора Мальцева нецелесообразен ввиду несущественности обстоятельств, по коим подсуд[имый] просит их вызвать.

11. Что затребование 14 собственноручных показаний Гришина-Шенкмана, неизвестных суду, нецелесообразно, поскольку в деле имеется достаточно показаний подсуд[имого] Гришина-Шенкмана.

12. Что вызов в качестве свидетелей Якушева, Лебедева и Бланка для допроса по эпизодам обвинения Гришина-Шенкмана в поощрении мародёрства является излишним, поскольку в деле имеется достаточно материалов по данному вопросу.

ВТ определил:

Перечисленные выше ходатайства подсуд[имого] Гришина-Шенкмана отклонить.

Учитывая, что справка об осуждённой Бронштейн, а также копия директивы Житомирского Облуправления НКВД о проведении операции по жёнам осуждённых, имеют значение для дела, ходатайство

¹² У документі помилково — Самойленко.

подсуд[имого] Гришина-Шенкмана о затребовании указанных документов удовлетворить.

В части ходатайств подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА:

1. О затребовании справки по делам, указанным в показаниях свид[етеля] Мартынюка¹³,

2. О затребовании справки об агенте Днепропетровского УНКВД «Фотеско»,

3. О затребовании справки по делу Ткачука и друг.— вопрос оставить открытым и ходатайства эти разрешить в ходе судебного следствия.

По ходатайству подсуд[имого] ТИМОШЕНКО:

Учитывая, что допрос свид[етеля] Новосельцева по вопросу о суммах осуждённых к ВМН и о суммах, передававшихся тюрьмой в ОУНКВД за купленные носильные вещи осуждённых, и допрос свидетеля Камраз по вопросу сдачи подсудимым Тимошенко 90 руб. золотой валюты имеют существенное значение для дела,

ВТ определил: Ходатайство подсуд[имого] Тимошенко удовлетворить. Вызвать в качестве свидетелей Новосельцева и Камраз, а также затребовать из УНКВД характеристику на подсудимого Тимошенко.

По ходатайствам подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Учитывая, что вопрос о том, болел ли в прошлом подс[удимый] Игнатенко, существенного значения не имеет для дела,

ВТ определил: В ходатайстве подсуд[имого] ИГНАТЕНКО 1) о затребовании справки о времени его работы в должности нач[альника] внутрен[ней] тюрьмы УНКВД; 2) о затребовании документов, подтверждающих недостачу денег из сумм арестованных по внутренней тюрьме УНКВД; 3) о затребовании копии протокола парт. собрания, на котором обсуждался вопрос о неисполнении подсудимым Игнатенко распоряжения быв[шего] нач[альника] УНКВД Вяткина; 4) о затребовании из личного дела Игнатенко документов, характеризующих службу его в погранотряде,— удовлетворить и указанные документы затребовать.

В части же ходатайства подс[удимого] Игнатенко о вызове свидетелей Гаврилюка, Анфилова и др. оставить вопрос открытым и разрешить такое в ходе судебного следствия.

Ходатайство о затребовании справки о болезни Игнатенко отклонить.

По ходатайствам подсуд[имого] ГЛУЗМАНА:

Учитывая, что:

1. Затребование директивы, разрешающей тюрьмам закупку на рынках носильных вещей, не имеет значения для дела, поскольку Глузман предъявлено обвинение не в закупке вещей, а в злоупотреблениях при покупке вещей в УНКВД;

2. Что обстоятельства, в подтверждение коих подсуд[имый] Глузман ходатайствует о вызове заключённого, находящегося с ним в одной камере священника, для дела несущественны;

¹³ У документі помилково — Мартыненко.

3. Что вопрос о вызове в качестве свидетеля жены подсуд[имого] Глузмана уже решён в подготовительном заседании ВТ и другие мотивы к её вызову отсутствуют;

ВТ определил:

Указанные ходатайства подсуд[имого] ГЛУЗМАНА отклонить.

В части вызова свидетеля Новосельцева и затребования протокола партсобраний, на котором обсуждался вопрос о Шемпере; протокола очной ставки между Глузманом и Шемпером; протокола партсобраний, на котором Глузман выступал с разоблачением б[ывшего] нач[альника] УНКВД Вяткина; — ходатайство подсудимого Глузмана удовлетворить и запросить о наличии таких документов, а также затребовать справку о времени работы Глузмана н[ачальни]ком тюрьмы и н[ачальни]ком ОМЗ.

В части же ходатайств подсуд[имого] Глузмана о затребовании фиктивных актов о смерти лиц, умерших от побоев, и о вызове свидетелей Афанасьева и др. вопрос оставить открытым и разрешить эти ходатайства в ходе судебного следствия.

По ходатайствам подсуд[имого] ГИРИЧ:

Учитывая несущественность вопроса об обстановке, имеющейся в квартире Гирича,

ВТ определил: Ходатайство подсуд[имого] Гирич о вызове свидетелей по этому вопросу отклонить.

В части затребования приказа, которым Гирич был премирован задержание шпиона, ходатайство подсуд[имого] Гирич удовлетворить и затребовать копию приказа при наличии такового.

Вопрос в части ходатайства подсуд[имого] Гирич о затребовании справки о приговорённом к ВМН бухгалтере Городницкого леспромхоза оставить открытым и разрешить в ходе судебного следствия.

По ходатайствам подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО —

ВТ определил:

Ходатайство подсуд[имого] Кондрацкого в части затребования на него партийной и служебной характеристики удовлетворить и характеристики затребовать.

В части же ходатайства подсуд[имого] Кондрацкого о затребовании акта о смерти заключённого, доставленного из УНКВД в Житомирскую тюрьму, и о вызове свидетелей Вишневого, Лазаренко и др.— вопрос оставить открытым и эти ходатайства разрешить в ходе судебного следствия.

По ходатайству подсуд[имого] ВИНУКUROVA ВТ определил:

Ходатайство Винокурова о затребовании документов, по которым денежные суммы переводились в УНКВД из тюрьмы г. Житомира, разрешить в ходе судебного следствия.

Пред[седательствующий] спрашивает подсудимых, считают ли они возможным слушание дела при наличии явившихся свидетелей.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН заявляет: Моя контр-революционная деятельность за время работы в Одессе документируется показаниями одного Орловского, поэтому я считаю, что он обязательно нужен.

Также я считаю, что обязательно нужны Ювженко и Стукановский, т.к. без них, по-моему, слушать дело нельзя.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО заявляет: Я считаю, дело можно слушать.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО заявляет: Я не возражаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН заявляет: Не возражаю.

Подсуд[имый] ГИРИЧ заявляет: Не возражаю.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО заявляет: Я не возражаю.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ заявляет: Я не возражаю.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ заявляет: Не возражаю.

Подсуд[имый] СОСНОВ заявляет: Дело можно слушать с этими свидетелями.

Совещаясь на месте, **ВТ** выносит **ОПРЕДЕЛЕНИЕ**:

Имея в виду, что против слушания дела при наличии явившихся свидетелей подсудимые не возражают, за исключением одного подсуд[имого] Гришина-Шенкмана, ссылающегося на необходимость допроса свидетелей Орловского и Стукановского, которые в суд совершенно не вызывались, и свидетеля Ювженко, который вызван и должен прибыть,

ВТ определил: Дело слушанием продолжить без отсутствующих свидетелей, а в случае надобности огласить их показания, имеющиеся в деле.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ ходатайствует: Я раньше упустил. Я прошу Трибунал ознакомиться с копией письма, которая у меня имеется, от 13.2.[19]39 г. за № 1400420, из которой видно будет, что перевод депонентных сумм со счета тюрьмы на счёт ОМЗ можно было производить.

Трибунал ознакомился с представленным документом.

Совещаясь на месте, **ВТ** определил:

Представленную подсуд[имым] Винокуровым копию письма УИТК НКВД УССР от 13.2.[19]39 г. за № 1400420 приобщить к делу.

На вопрос пред[седательствующего] к подсудимым, не имеет ли ещё кто-либо из них ходатайств, подсудимые заявили, что ходатайств больше не имеют.

Пред[седательствующий] оглашает обвинительный акт и определение подготовительного заседания **ВТ**, разъясняет подсудимым сущность предъявленного им обвинения и спрашивает, признают ли они себя виновными и желают ли давать объяснения.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН показал: Виновным я себя не признаю совершенно ни по одному пункту предъявленного мне обвинения. Не признаю я и наличие самих фактов, которые мне инкриминируются.

Объяснения по делу давать желаю.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО показал: Я признаю, что я делал все, что меня заставляли Якушев, Гришин, Лебедев и друг. начальники. Объяснения давать желаю.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО показал: Виновным я себя не признаю, т.к. я всё делал по приказанию Вяткина, Гришина, Якушева и Лукьянова. Объяснения давать желаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН показал: Я признаю себя виновным в том, что слепо выполнял приказания Гришина, Якушева и Вяткина.

Подсуд[имый] ГИРИЧ показал: Я признаю себя виновным в том, что 2 раза взял вещи, которые мне дали. Больше я себя ни в чем виновным не признаю. То, что я рассказал секретарю Новоград-Волынского РО НКВД о проведении операции, — это было, но для него это не было тайной, он и сам это знал. Объяснения давать буду.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО показал: Акты подписать меня заставили, и в этом я себя виновным не признаю, а в том, что я взял вещи осуждённых, я признаю себя виновным. Объяснения давать желаю.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ показал: В издевательствах над осуждённым однофамильцем и в укрывательстве избиений осуждённых или других арестованных я себя виновным не признаю.

В части вещей, то раньше считалось законным, если кто-либо возьмёт что-нибудь из вещей осуждённых. И я взял вещи, а потом все их вернул. Объяснения давать я буду.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ показал: В части обезличивания вещей или в других злоупотреблениях с этими вещами я себя виновным не признаю, т.к. этого не было. Остальное всё было, но виновным я себя не признаю. Объяснения давать желаю.

Подсуд[имый] СОСНОВ показал: Я делал только то, что мне приказывали. Зубы я вырывал по распоряжению начальника, себе их не забрал, а кто их взял и сам не знаю. Объяснения давать желаю.

Совещаясь на месте, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Исследование дела производить в следующем порядке: сначала выслушать объяснения подсудимого ГРИШИНА-ШЕНКМАНА, затем — ГЛУЗМАНА, ТИМОШЕНКО, ИГНАТЕНКО, СОСНОВА, КОНДРАЦКОГО, ГИРИЧ, ЛЕВЧЕНКО и ВИНОКУРОВА.

Учитывая, что интересы дела требуют заслушания объяснений подсудимых порознь, поскольку каждый из них является одновременно свидетелем, избобличающим других подсудимых по делу, на основании приращения к ст. 263 УПК УССР допрос подсудимых производить порознь.

Вопрос о порядке допроса свидетелей разрешить после допроса подсудимых.

После 15 мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

По распоряжению пред[седательствующего] подсудимые удалены из зала суда, за исключением подсудимого ГРИШИНА-ШЕНКМАНА.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН по сути дела показал:

Я хочу сначала рассказать о причине моего ареста. В конце декабря 1937 г. мне позвонил Мартынюк о том, что к нему приехал Манников¹⁴ и требует подарок — радиоприёмник. Я велел ничего не давать, т.к. радиоприёмники все были конфискованы.

Через пару месяцев из Житомира уехал Якушев, а перед его выездом приехал Вяткин. Он у меня побыл 4 дня, а потом уехал. Затем он снова приехал и принял дела Облуправления.

¹⁴ Так у документі. Мабуть, йдеться про Ф. Манікова (див. іменний покажчик).

Я ему рассказал о нашей работе и сказал, что нам дали хорошую оценку за проделанную работу. В то время у нас оставалось на 600 чел. материалов, и Успенский, будучи у нас, велел эти материалы реализовать. Поскольку материалы были сырые, я об этом сказал Вяткину и добавил, что, по-моему, нужно переключиться на агентурную работу. Вяткин ответил, что я — либерал, что в РСФСР вскрыли в одной области организацию в 40000 чел. Я сказал, что за это нужно расстрелять нач[альни]ка Облуправления, если он дал разрастись к-р организации до 40000 чел., а Вяткин ответил, что за это не расстреляли, а дали орден б[ывшему] н[ачальни]ку Облуправления — Успенскому. Тогда я понял, что мне за это грозит. Оказалось, что он говорит об области, в которой работал Успенский. На следующий день Вяткин проводил совещание, а меня не позвал, и когда я узнал и зашёл сам, он совещание закончил, а мне сказал, чтоб я ехал в Киев, т.к. он говорил с Наркомом, и тот меня выдвигает на большую работу. Я поехал в Киев, 4 дня добивался приёма, а потом меня наконец приняли и сразу говорят, что я назначен зам[естителем] нач[альника] 3 отдела Наркомата.

Повёл меня к себе н[ачальни]к отдела Рейхман, я спросил, что это значит, а он ответил, сам увидишь. Увидел же я, что в отделе безалаберщина.

Я написал докладную записку в ЦК, её показали Наркому, а он сказал, что так лишь враг может написать. Я её переписал, её снова отнесли Успенскому, а он тогда порвал её.

Я понял, что здесь я погибну, т.к. знал, что от наркома несёт антисемитизмом.

В это время проходило перевыборное партсобрание, и я увидел, что говорят там о газете, о театре, а не о работе, которой мы должны заниматься. На этом собрании выступил вдруг Манников и говорит, что вот, мол, Гришин пьянствовал у Мартынюка; Шапиро изнасиловал машинистку; Рейхман освободил шпиона. В тот период Успенский завёл группы для ведения дел о сотрудниках, и я на собрании стал просить, чтобы поручили допросить Мартынюка обо мне. Встал руководитель следственной группы по сотрудникам и говорит, что Мартынюк у него, и он его допросит.

Через несколько времени меня, Шапиро и Рейхмана вдруг сразу переводят в другие города и велят собираться. А потом меня вызвали к наркому, и он сказал, чтоб я пока остался помогать Писареву, а потом он скажет, что со мной делать.

Остался я с Писаревым, он мне дал писать докладную записку в центр. Я составил её и занёс наркому, а он, прочтя, сказал, что, судя по докладной записке, в Наркомате снизу доверху — враги. Велел он мне сдать все материалы зам[естителю] наркома, я их сдал, и тот написал докладную записку, а я потом читал и удивлялся, т.к. он писал то, чего в делах не было.

Тогда проходило перевыборное партсобрание, и я выступал на нем и рассказал, как я мыслю обстановку и нашу работу, сказал о нашем отделе, что это развалина, и нужно говорить о работе, а не о том, как рисовать стенгазету. С партсобрания меня вызвали, и я должен был уйти.

Я даже не думал, что после такой мертвечины на собрании будут говорить об Успенском. Когда же я ушёл, Демиденко выступил и стал критиковать наркома. В ту же ночь его арестовали и сделали врагом народа.

На следующий день Успенский вызвал весь актив, бывший на собрании, и стал говорить, что мы копались в грязном белье, и он подумает, как с нами поступить.

Я Успенского избегал, не ходил к нему с докладами, но на беду я его встретил на лестнице. Он со злостью посмотрел на меня и спросил, чего я не поехал в Валки, а я и не знал, что это такое за Валки, и спросил у Писарева. Писарев сказал, что это дом отдыха, куда нарком ездит, и он не любит, если начсостав туда не приезжает.

В ближайший выходной день я, будучи напуган, поехал в Валки, но Успенского там не было. Был я так напуган, что просил потом товарищей передать ему, что я там был.

Через пару дней Писарев пришёл с очередного доклада и сказал, что его, наверно, сейчас арестуют, т.к. нарком Успенский назвал его вором. Он бросил ключи и убежал. Я погнался за ним, застал его в гостинице и кое-как успокоил. Он поехал к родственнику, а там с ним случился припадок. Я же в это время хожу сам не свой.

Вдруг явился Ратынский и говорит, что он назначен начальником 3 отдела, а Писарев переведён вместо него в Особый отдел. Я пошёл к Писареву, уговорил его прийти, сдать дела, и он дела сдал.

Через 3 дня их обоих вдруг опять обменяли местами, прошло ещё 3 дня, и снова их меняют местами.

Я пошёл к Писареву и прошу отпустить меня куда угодно, лишь бы не быть там, но он ответил, что сам хочет просить о том же.

Вдруг через пару дней ещё мне звонят и велят в отделе кадров получить документы и ехать к новому месту службы.

Я за один час вырвался и оттуда уехал в Житомир. Здесь я зашёл к Вяткину и пошёл домой, а из дому меня вызывают и говорят, что нарком велел забрать у меня документы и обязать меня явкой в Киев. Я сдал документы, поехал в Киев, пошёл к наркому, а Манников не пускает к нему. Пошёл я в отдел кадров, а там ничего не знают. Ходил я из отдела кадров к наркому и обратно, никто мне ничего не говорит. Потом Кобызев¹⁵ велел ехать домой и после 1 мая приехать.

3 мая я приехал, Кобызев позвонил наркому, а потом сказал, что он даст мне группу и я поеду в Каменец-Подольский на помощь. Перед выездом группу мою принял нарком и опять говорит, что мы поедем в Каменец, а приедем обратно, он подумает, что с нами делать.

Выехал я с группой в Каменец, мне дали пачку протоколов и просили их прокорректировать, а остальных людей отправили по районам.

Работу свою моя группа проделала, ходят ко мне с вопросом: «Что делать?», и я позвонил Кобызеву. Он обещал узнать у наркома, когда мне возвращаться.

¹⁵ Тут і далі у документі помилково — Кобезев.

Числа 26–27 я позвонил снова, Кобызева уже не было, а был нач[альник] отдела кадров, и я его попросил доложить наркомку и узнать, когда нам выезжать. Через 3 дня, 30 мая, меня там же, в Каменце арестовали.

Теперь о здешней работе. Когда я приехал в Житомир, я никого не знал. Бедность была ужасная, было всего два вахтера и один сторож-старик. Кое-как организовали охрану. Людей в области было мало, мы мобилизовали людей, где только можно было, и организовали работу. В 4-м отделе работа не ладилась. Я увидел, что нач[альник] отдела Лукьянов работу плохо знает, что он собирается вербовать агентов в Обкоме партии, и я его обругал за это. Пошёл я к Якушеву, оказывается, что он Лукьянову санкционировал эту вербовку.

О том, что у Лукьянова были в Харькове троцкистские выступления, я не знал, а считал я его просто недалёким человеком. Потом я узнал, что он выступил на совещании и говорит, что самое главное — борьба с бродячими попами. Вызвал я Лукьянова и говорю ему, что самое главное в его группе это борьба с троцкистами, т.к. в этой части он работу не ведёт, и сам же я помог ему наладить эту работу.

Вскоре создано было совещание для обсуждения директивы Ежова нач[альни]кам Облуправлений. Якушев, приехав с совещания, сказал, что Ежов велел усилить работу, «прочесать» область, для чего создать группы в каждом районе. Я думал, что это может привести к расшифровке, но, всё же не возражал. Было дано об этом приказание местам. Но на совещании Лукьянов выступил и говорит, что теперь с троцкистами покончено, а нужно переключиться на других, и я его за это на собрании пробрал, как следует.

Вскоре после этого и приехал Вяткин. С ним сразу Лукьянов сошёлся и его же Вяткин просил у наркома назначить к нему заместителем.

30 мая, когда меня арестовали, то 2 дня продержали в кабине, приспособленной для сидения, а потом перевели в спецкорпус тюрьмы. Я не верил себе, что могут создать лабораторию по созданию врагов. Из-за этого вся камера на меня взъелась, сидел такой Рехтер в камере, и он возмущался из-за моего неверия.

Когда меня вызвали на допрос, следователь стал мне говорить, что партия дала задачу — оставлять арестованным только правую руку для подписания показаний. Я ему ответил, что это клевета на партию.

При допросе был я у следователя и Назаренко, которого я знал по Днепропетровску, т.к. я его там и принимал в органы. По своей наивности я стал ссылаться на Назаренко, а присутствующий при этом Назаренко стал меня избивать. Я им стал говорить, что никогда врагом не был и рассказал свой единственный грех, это сокрытие возраста при поступлении в НКВД.

Следователь Казин меня и пальцем не трогал, и меня тогда передали следователю Резнику-старика. Я ему говорил, чтоб он меня в тюрьме не допрашивал, т.к. я не могу переносить крики избиваемых, а он ответил, что Назаренко приказал в тюрьме меня допрашивать.

Назаренко меня несколько раз бил, но я не хотел клеветать. Передали меня Волошину, и он уже стал бить меня по «большому плану», как они

говорили. Я не вытерпел. Мне дали тезисы и велели по ним писать, что Гришин — враг, что Гришин меня завербовал. Я сказал ему, что я не уверен в том, что Гришин виновен, лучше говорить о том, кто действительно виновен, и тогда я написал по его указанию, что меня Леплевский завербовал.

О шпионаже я показаний не дал, и тогда Волошин и Назаренко положили меня и стали требовать показаний о шпионаже. Я отказывался, а потом вынужден был писать о Фролове, которого я знал, и написал о нем.

На следующий день меня вызвали в кабинет и велели переписать эти показания, т.к. знали, что я с Леплевским говорил всего две минуты в своей жизни.

Они потребовали у меня предвербовочных разговоров, и я написал, будто речь у нас была о китайских событиях, а это они велели выбросить. Тогда и было написано о разговоре таком, будто Леплевский говорил, что я должен его понять.

Давал я показания и о Фролове, причём показания эти часто менялись. Так было написано сначала, будто я при разговоре с Фроловым ответил ему, что арестую его, а он пригрозил мне назвать меня соучастником. Этот вариант показали Успенскому, но тот велел переписать. Опять Назаренко меня вызвал и велел писать, будто Фролов — перебежчик из Румынии, и изложил мне эту версию, которую я и написал, и которая имеется в деле. На самом же деле у Фролова был брат в СССР, они друг друга не видели 20 лет, не знали ничего друг о друге, на самом деле оба служили в НКВД. Когда случайно отдел кадров узнал об этом, то взяли и нарочно свели их, т.к. оба один о другом писали, что не знают, где брат находится.

Дальше писал я и о том, что по заданию Фролова я выполнял шпионские задания: собирал сведения о заводе «Январск[ого] восстания» и сведения о бессарабах. Я понимал, что если обратят внимание, то увидят, что завод этот ремонтирует речной флот — лодки; что в НКВД никогда не бывает сведений о материалах для ремонта лодок, и разведка не будет интересоваться гвоздями и досками на заводе; что, если посмотрят в лицевое дело, то увидят, что директивы о сведениях я не спускал. В итоге Волошин мне через некоторое время сказал, что освобождает меня от шпионажа, но зато я должен показать, что я — кадровый троцкист.

Я написал такие показания, которые скопировал с показаний Орлова (работника Донбасса), которые мне дали для этого.

Велели писать об Александровском, и я написал, будто я помог получить ему орден, хотя Назаренко знал, как Александровский получил орден. Но я зло на[д]смеялся над Назаренко, т.к. Александровский получил орден в 1930 г., а 5-тилетие Днепростроя было в 1932 г., когда Александровского там уже давно не было.

Дальше я говорил, что приписываемое мне отсутствие борьбы с троцкистами в Запорожье — это глупость, т.к. я работал в другом отделе и ходил только на обыски; что троцкистов тогда выслали, но Назаренко

велел писать, потому что проверки материалов всё равно не будет, так он мне сказал.

Признаюсь, что со мной Волошину тяжело было, т.к. если меня не били, я отказывался от показаний, бьют — опять даю показания. Я от Волошина получил такие удары, что ничего мне не осталось, тем более, что мне передали слова Успенского о том, что меня нужно убить, и всё равно меня убьют. Я тогда знал, что убит на допросе зав[едующий] Жилотделом АХУ¹⁶, что Пальчиков ежедневно криком кричит, и я писал то, что от меня требовали.

Примерно в августе мы поняли, что, вероятно, проходит съезд партии¹⁷. В камерах я всех успокаивал, что партия обобщит всё и сделает выводы.

В один выходной день раздавались ужасные крики женщины, а мы знали, что с сотрудниками арестовывают и жён.

Я дал показания, что меня завербовал Гришин и сказал мне при вербовке, что руководят подпольем Балицкий и друг., чтоб я не насаждал, не развивал агентуру, чтоб я не боролся с врагами, а помогал им.

Но мог ли меня вербовать Гришин и говорить при этом, кто руководит организацией, причём называть лиц, даже не работающих в то время на Украине, мог ли он говорить при вербовке, чтоб я сугубо критически относился к материалам, а я говорил Волошину, что в этом критическом отношении нет ничего плохого, но это осталось в моих показаниях.

Дальше, в Днепропетровске нет польских колоний, нет поэтому и необходимости организовать специально отделы по польскому шпионажу.

Но дело в том, что Успенский давал указания считать и различать их не по окраске, а по местности: не националист или троцкист, а Житомирский враг, Киевский враг и т.д. Из-за этого и получалось по этой установке, что в Днепропетровске всех жителей, приехавших с границы, нужно считать врагами.

Я прибывших с погранполосы обрабатывал, агентуру среди них я имел, а то, что я насаждал агентуру из односельчан, так это я делал правильно.

Теперь о работе за кордоном. К нам перевели нач[альником] области Миронова¹⁸, специалиста по ИНО, и он стал вводить работу по ИНО. Решил он перебросить агента за кордон.

Выбрали агента «Фотеско», имевшего родичей в Румынии, донесли в Москву, и это дело одобрили.

Вызвали «Фотеско», дали ему задание перейти, использовать родственные связи, устроиться там и через пару лет восстановить связь с нами.

¹⁶ Йдеться про заарештованого М. Френкеля, управляючого будинками (у службовому обігу — начальник квартирного відділу) АГУ НКВС УРСР. В наслідок жосткого побиття під час допиту 8 березня 1938 р., після повернення до тюрмної камери він помер. (Див.: Україна в добу «Великого терору» 1936–1938 роки. — С. 48, 49, 52, 443–444).

¹⁷ Найближчий за часом партійний з'їзд — XIV з'їзд КП(б)У — проходив 13–18 червня 1938 р.

¹⁸ Йдеться про С. Н. Миронова (М. Й. Король).

В показаниях я по настоянию следователя искажил это и написал, будто «Фотеско» был направлен специально, потому что я предвидел его измену. На самом же деле перебрасывал «Фотеско» не я, а сотрудник ИНО Миронов и с ведома центра.

Возможно, что «Фотеско» впоследствии и изменил, но без риска в закордонной работе не обойтись.

Пред[седательству]ющий объявил перерыв на 10 мин.

После 10-тимин[утного] перерыва судзаседание продолжается.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН показал: Теперь об Одессе. Записано, будто я недоарестовал 1000 чел. по делу «НСНУ», поэтому я и просил справку затребовать, т.к. эта организация националистов-немцев, присланных по заданию германского генштаба, состояла из 25 человек, которых мы вскрыли, а по ним уже мы и другим областям дали данные, где также сняли людей.

Теперь об особом источнике. Мы ему давали по 2000 руб., с ним была связана спецбригада, все его материалы фотографировались, т.к. они были на иностранном языке, а я немецкого языка не знал, и все полученные материалы возили в Москву. Других материалов этот источник не давал.

Дальше я дал показания будто я сдерживал репрессию по немцам и по белой к[онтр]-р[еволюции]. Поэтому я и просил справку 1[-го] спецотдела, из которой видно было бы все, что мною было сделано. Я могу переписать массу дел, которые я провёл.

За гитлеровской помощью в консульство обращалось по 300–250 чел. в месяц, и хотели всех обращающихся за помощью арестовать, но я настоял на аресте агитаторов, их арестовали, и все обратившиеся раньше перестали обращаться за помощью в консульство.

Дальше я говорил, будто я велел сжечь все материалы по разработке «Весна», но я, если бы сказал это, Орловский сразу донёс бы об этом. Орловский показал, что архив сохранен, но я якобы велел сжечь архив на самом деле. Орловский говорит ещё о моем выступлении на партсобрании с защитой Самойленко. Я на собрании не был, но о нём я сказал, что он политически не развит, и действительно его РПК восстановил в партии по этим же мотивам.

Орлов[ский] говорил, что я дружил с Самойленко, но я с ним не дружил, это был старик, выживший из ума и постоянно вызывавший смех у окружающих.

Теперь о Житомире. Я говорил у следователя об отсутствии борьбы с украинской к[онтр]-р[еволюцией], с попами, но больше всего об этом может сказать доклад, направленный в центр, мне говорить об этом нечего. Доклад, если будет затребован, Вы с ним ознакомитесь.

Приводится конкретное дело о Ткачуке, который был арестован в Коростене. Дело посылали на Особое совещание через год после ареста Ткачука, а дело вернули с предложением освободить Ткачука, если не подтвердится его вражеская деятельность. Я направил человека

в Коростень для проверки по делу Ткачука, а в это время Ткачук подал заявление о том, что следователь Малука был заинтересован в его аресте, т.к. он его знает как связанного с троцкистами, как кулака, бывшего петлюровца, и я послал и это заявление проверить. Но Ткачука пропустили через тройку и расстреляли. Я утверждаю, что расстреляли совершенно невинного человека.

Дальше, арестовали одну комсомолку, которая якобы была связана с арестованным секретарём ЦК ЛКСМ Андреевым, её два месяца держали, направили в Киев, а оттуда вернули, и я её освободил, т.к. ничего не подтвердилось.

Теперь о других моментах. Когда Волошин мне объявил, что от шпионажа он меня освобождает, но я должен дать вербовки, я отказался. Стали требовать, чтоб я показал, будто Глузман был мною завербован и должен был по моим указаниям освобождать из тюрьмы врагов. Я категорически отказался от этого. Тогда меня посадили со Смелянским, он стал показывать на очной ставке, будто Детинко завербовал его и связан со мною, но я отказался. На следующий день мне дали очную ставку с Детинко, нас обоих побили, и я подтвердил, что Детинко якобы приезжал в Житомир для связи и контр-революционных действий.

Как было в действительности?

Детинко был два раза в области — в Емильчино¹⁹ и в Олевске — по поручению наркома. Из Емильчино он сюда не выезжал, а в Олевск он просил меня приехать, т.к. шла речь об избияниях в Олевском РО НКВД, я выехал, машина в грязи застряла, и тогда Детинко выехал навстречу, и мы вернулись сюда. Никакого разговора о вербовке Смелянского у нас не было. Детинко здесь побыл и уехал.

21.9.[19]38 г. Волошин вызвал меня и показывает показания Мартынюка, будто я его завербовал, а он завербовал Дейча. По словам Мартынюка, он меня знает ещё по Днепропетровску, и я якобы поручил ему не вести борьбу с троцкистами, заниматься вербовками. Волошину я сказал, что Мартынюк в Днепропетровске не работал, меня раньше не знал, и я его показания не подтверждаю, а требую очной ставки с ним, но очной ставки с ним мне не дали.

Я говорил Волошину, что Мартынюка я всего раза 4 видел, что со мной вместе были люди, которые ездили со мной проводить тройку, и вообще над Бердичевым шефствовали Якушев и Лукьянов. Те люди, которых я якобы не арестовал, на самом деле арестованы и даже ещё до моего приезда в Житомир. Мало того, самые серьёзные дела по троцкистам, которые были в области, относятся за счёт Бердичева, что сможет подтвердить справка I[-го] спецотдела, о которой я просил.

Я дал показания о том, что меня Леплевский завербовал, и понимал, что под это подведут какие-то показания. Что подведут, я не знал, а перед судом я читал дело и увидел показания Северина о том, что меня Леплевский незаслуженно выдвинул, но Северина сам Волошин

¹⁹ Тут і далі у документі помилково — Емельчино.

с иронией называл «начальником к-р кадров», т.к. он давал показания на 75% арестованных сотрудников.

Обо мне дал показания и Писарев. Он говорил, что я уезжал с вражескими установками наркома Леплевского, но я у Леплевского был в кабинете всего один раз в своей жизни, и там я пробыл максимум 2 минуты.

Я просил затребовать записку на мой арест, подписанную Успенским, потому что уже после моего ареста он снова писал особоуполномоченному, чтобы меня арестовали.

Теперь почему я 1.9.[19]38 г. всё подтвердил прокурору. Сделал я это потому, что 27.8 взяли Сорокина на допрос, а обратно его принесли на одеяле за то, что он написал заявление об отказе от своих показаний.

1.9.[19]39 г. меня вызвал Яралянц²⁰ и сказал, что мне предстоит проверка, и я буду вызван прокурором. Я заявил, что откажусь от показаний, и тут же меня избили Волошин и ещё один, не знаю его фамилии, а потом повели меня к прокурору, и я на вопросы прокурора ответил, что свои показания я подтверждаю.

После этого меня перевели в общую камеру, там сидел Берман, работавший в Житомире, и он мне рассказал, что в Житомире, в спецкорпусе, избивали арестованных.

Когда меня после этого вызвали на допрос, я об этом сказал Волошину, а он меня избил и велел к этому вопросу не возвращаться. После этого к Житомиру не возвращались и долго меня не вызывали.

В конце декабря Волошин меня вызвал, предложил оговорить Ратынского, и тогда он из дела вырвет показания Мартынюка, но я от этого отказался категорически. Тогда мне снова стали грозить, а потом оставили в покое и 3 месяца меня не трогали.

Через 3 месяца меня привезли в Житомир и здесь стали допрашивать по вопросам о мародёрстве.

Лукьянов дал показания, будто я националистов не преследовал, в то время как за борьбу с ними он получил орден, когда я работал в Житомирском УНКВД.

Манько и Томин показали, будто я призывал оперсостав не добиваться сознания у арестованных. Я сам сказал, что этому никто не поверит, и тогда показания изменили, и Томин сказал, будто я дал задание по 40 чел. пропускать арестованных. Что же было на самом деле? На самом деле в Житомире было арестовано всего 40 женщин, а остальные были арестованы на периферии.

Вообще же операция по женщинам была проведена не только по Житомиру, а по всей Украине и по всему Союзу. Задания по этой операции были подписаны Ежовым, и если тогда мы не всех жён осуждённых посадили, то не потому, что понимали вредность этого, а просто некуда было женщин садить.

Созвали на совещание нач[альников] областей, зач[ита]ли письмо Ежова по жёнам и велели развернуть эту работу и одновременно из нашей

²⁰ У документі помилково — Ераланц.

области выселить 8000 семей. Работу по жёнам взял на себя Якушев, а же взял на себя выселение.

Я хочу обратить внимание суда вот на что: Манько даёт показания, будто не Якушев, а я был нач[альни]ком Облуправления, это на л.д. № 245. Васильев говорит, будто я в Коростене дал установку в октябре 1938 г. арестовывать жён и детей, но я арестован ещё в мае мес[яце], если считать, что он думал не 1938, а 1937 г., то я тогда ещё был в Одессе; на л.д. № 257 Радионов говорит, что не помнит, кто давал установку по жёнам, а Васильев настаивает, будто при Радионове я давал такие установки.

О работе комендатуры теперь.

Руководил операцией по комендатуре Лебедев. Назначен он был потому, что здесь издавна так завели, что привозимых на расстрел не связывали и не принимали мер, которые могут предотвратить несчастные случаи. Тогда решили обязательно связывать осуждённых, обязательно присутствовать ответственному лицу, и Лебедев был назначен ответственным за эту работу.

Когда сюда приехал Успенский, он запретил в других городах исполнять приговора, а всех осуждённых велел расстреливать в области.

Количество осуждённых из-за этого сразу увеличилось вдвое, и чтобы успеть исполнить приговор, пришлось выводить их группами. Комнату специально оборудовали, поставили вентилятор, и это почти целиком заглушало выстрелы. Там приговора и приводились в исполнение.

Здесь говорят, что я с Вяткиным продал вещи тюрьме, что с ним я избил осуждённого железным ломом, но с Вяткиным вместе я был всего один день.

В скором времени стали поступать неважные сигналы.

Так, секретарь Якушева Лейфман взял полушубок. Из-за этого созвали оперовещание.

Якушев никогда не давал указаний не брать вещей. Было так: поступила анонимка о том, что Тимошенко и другие работники комендатуры выносили вещи. Нашли автора анонимки, стали его допрашивать, но он сам свёл на нет свою анонимку. Конечно, виновен здесь я в том, что сам не занялся расследованием этого вопроса.

Затем был случай такой, что Тимошенко рассказал о наличии имущества, которое нигде не числится. Мы вскрыли помещение, обнаружили массу вещей, которые уже гнили, и Якушев предложил эти вещи сдать в тюрьму. Глузман сказал, что взять он не может, а может по счету купить, и в тюрьму отвезли одну или две машины. Но затем поступило распоряжение наркома — вещи арестованных закапывать. Я не разрешил на кладбище закопать, боясь, что гробовщики это обнаружат, выкопают для продажи, и поднимется шум, а велел закопать их во дворе у нас.

Здесь говорят, что я поощрял мародёрство, выдав валенки шофёрам. Я действительно велел выдать шофёрам валенки, но это не поощрение мародёрству.

О поощрении издевательств, избиений и пр.

1-й факт — о старухе 72[-х] л[ет] Бронштейн. За всё время моей работы только 2 раза при мне допрашивали людей, это

— Фельденкрайз²¹-Бронштейн — родственница Троцкого, арестованная с другой своей сестрой — Бронштейн²². Поступила анонимка о том, что у Бронштейн дома лежит много золота. Уже после её осуждения я Бронштейн вызвал, убеждал о том, что нужно сдать золото, но она не сдала. После меня её Иванов допрашивал, и другие говорили с нею, а я остался у себя, а потом мне доложили: «Золото есть»²³.

Свидетели говорят, что Бронштейн избивали, называют при этом Лебедева, Гершковича, Тимошенко, сам Тимошенко называет ещё Бланка. Нужно учесть, что в комнате, где исполняют приговора, никто не бывает, кроме исполняющего.

Я прошу учесть, что Тимошенко и Бланк из-за постоянных расстрелов стали почти ненормальными людьми, и я не раз говорил, что нужно уже их освободить от исполнения приговоров.

Теперь о вырывании зубов.

Соснов говорит, что этим занимался Игнатенко. У него же найдено 36 зубов, значит, он их не за один раз вырвал у трупов. Если бы я закрывал глаза на это, зная о подобных вещах, то не только Игнатенко, а все стали бы заниматься мародёрством²⁴.

Лейфман показал, будто я ударил одного осуждённого, другой свидетель с Лейфмана же слов говорит, будто я так ударил осуждённого, что у него мозги выскочили, но потом он всё же встал, и тогда его расстреляли.

Нужно ли было мне бить этих осуждённых? Ведь они уже были осуждены, показаний от них мы не добивались, зачем мне нужно было бить их, с какой целью? Что было в действительности. Были случаи, что при объявлении о расстреле осуждённый начинал кричать, и нужно было его успокоить, слова не помогали,— приходилось ударить.

Бывало, что приведённый в камеру догадывался сам и поднимал вой, мы его выводили, пощёчиной успокаивали. Вот это действительно было.

Никто из свидетелей не скажет, будто я допускал что-либо, что можно было бы назвать истязанием.

Говорят о беглецах — 11 чел. Когда они бежали, им приговор известен не был, и мы считали, что им помогли в этом наши охранники, т.к. побег совпал с днём приезда Ежова к нам в область. Через 3 дня эти люди все

²¹ У документі помилково — Фейделькранц. Йдеться про Лизавету Фельденкрайз-Бронштейн.

²² Йдеться про Рахиль Бронштейн-Курило. Згідно з архівними матеріалами вона була двоюрідною сестрою Лева Троцького, і «в період громадянської війни Троцький, будучи у Житомирі, зупинявся у неї на квартирі». (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 166).

²³ Згідно з довідкою фінансового відділу УДБ УНКВС по Житомирській області від лютого 1939 р., золота валюта царської чеканки на загальну суму 6312 руб. 50 коп., що була вилучена у Л. Фельденкрайз-Бронштейн, 31 січня 1938 р. була здана у фінвідділ УДБ УНКВС і того ж дня відправлена до Києва, у фінвідділ УДБ НКВС УРСР. (Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 199).

²⁴ Згідно з документами розслідування у мародерстві брало участь майже 20 працівників УНКВС.

были задержаны, и привели их избитыми до того, что они черными уже были, прямо лица на них не было. Я утверждаю, что эти люди сидели не здесь, а в тюрьме, допросил их Лукьянов о причастных к побегу, и они ничего не дали, а заявили, будто надзиратель заснул, и это им помогло бежать.

Мы их взяли в спец. комнату, объявили о расстреле и расстреляли их. Не помню точно, стрелял ли я в них, но вообще приговора в исполнение приводил и я.

Говорит Агапов, что мы этих людей жгли, но на самом деле у него лампу брали ещё до нашего прихода.

Паншин говорит, что видел обожжённые ноги.

Люльков²⁵ говорит, что лица были обожжены. Но все они сидели в соседней комнате, неужели они не слышали ни крика, ни запаха гари. Я считаю, что этот эпизод есть выдумка следователя Васильева.

Есть в деле справка, что Вяткин поручил мне бить ломом осуждённого, но до апреля [1939 г.] никто из свидетелей не говорил этого, а в апреле мес[яце] все свидетели вдруг сразу заговорили об этом. Ясно, что их направил на это следователь.

Я считаю, что это всё было сделано для того, чтобы подвести какую-то базу под обвинение меня во вражеской деятельности.

Я считаю, что всё это — дело рук Вяткина, и допрос Лукьянова всё это подтвердит.

Есть ещё показания Фадеева о шубах. Шубу шили, но не для меня, а для Облотдела, и Новосельцев даст показания об этом.

Гирича я совершенно не знаю. Он говорит, что занимался мародёрством при мне. Я утверждаю, что ни разу его не видел.

Теперь о женщинах. Это было зимой. Они снимали с себя пальто, платки, но при мне их не раздевали догола и не инсценировали медосмотр ни разу.

Свидетель Выговский показал дословно то же, что и другие свидетели, но он называет не меня, а других. Я прошу это учесть, т.к. это тоже свидетельствует, что здесь нужно подозрительно отнестись ко всем показаниям.

Я не хочу сказать, что во всём этом виноват Якушев, но почему-то меня сюда привлекли, а его — нет. Я уверен, что если б его здесь допросили, он мои показания подтвердил бы.

В 24 часа Пред[седательствующий] объявляет перерыв до 10 ч. утра 28 июня 1939 г.

28 июня 1939 г.

В 10 час. Пред[седательствующий] объявляет суд[ебное] заседание продолжающимся.

Подсуд[имый] **ГРИШИН-ШЕНКМАН** на вопросы суда:

Звание у меня — капитан госбезопасности.

Фролов работает в органах с 1919 г., он выходец из Бессарабии. При моем аресте он работал в Москве. Последний раз я его видел в 1936 г. Он

²⁵ У документі помилково — Мальков.

тогда приезжал в Одессу из Винницы, т.к. из Одессы пароходом ездил на Кавказ. Знаю я его с 1933 г., когда он со мною работал в Днепропетровске начальником отделения ОО. Затем мы вместе один год работали в Одессе, а оттуда его перевели в Винницу.

О его работе я впервые узнал уже в Киеве в начале 1935 г. от работника НКВД Ворончука.

О брате на партчистке Фролов говорил. Говорил он, что до Революции жил в Одессе, после Революции остался там же и потерял связь с братом или братьями, которые остались в Бессарабии.

В 1938 г. его вызвали в Отдел кадров НКВД, свели с одним сотрудником НКВД, и оказалось, что это его брат, который тоже с 1919 г. служит в НКВД и тоже не знал ничего о нем. Это мне рассказывали и Ворончук, и Назаренко, которому вместе с Волошиным я говорил, будто брат Фролова — шпион.

Первое показание о вербовке меня Фроловым я давал Волошину в присутствии Назаренко. Они писали не только это, но и худшие вещи. Очной ставки с Фроловым мне не дали, хотя я и просил о ней.

Я давал показания о вербовке меня и Леплевским, и Гришиным²⁶. Показания эти идентичны, предвербовочные разговоры можно сличить, и это сразу будет видно. И те, и другие показания я давал тоже Волошину.

Роземан-Александрова²⁷ я не знаю.

То, что говорит о нём Самойлов, относится не ко мне, а к кому-то другому.

Когда Детинко приезжал, он при мне рассказывал Якушеву, что он обнаружил в Олевске, и сказал, что подтвердилось избиеение арестованного начальником РО НКВД г. Олевска, и он это доложит заместителю наркома Степанову, а сами мы чтобы вывод не делали.

О состоянии охраны арестованных в Емильино нам стало известно, что там актив мобилизуют для этого, и в итоге получилось так, что активист охранял своего отца. Мы это узнали и сейчас же отменили привлечение актива. Карикатурного в этом ничего не было, но на это Детинко обратил внимание, Радионов был вызван сюда, и в связи с этим, кажется, Радионов был снят с работы начальника Райотдела. Я никаких обещаний Детинко не давал, т.к. сам понимал, что охрану нужно вести надлежащим образом. На очной ставке Детинко об этом не говорил.

²⁶ Йдеться про Григорія Гришина-Клювганта.

²⁷ Вірідно, йдеться про двох різних людей. Старший лейтенант держбезпеки О. Александров (Квітницький) у 1936–1937 рр. був начальником Новоград-Волинського окружного відділу НКВС, а потім — заступником начальника Житомирського окрвідділу НКВС. У березні 1938 р. він був заарештований як «учасник к-р організації в органах НКВС УРСР», у вересні 1938 р. засуджений до ВМП і розстріляний. Молодший лейтенант держбезпеки О. Роземан був підлеглим Александрова — начальником Секретно-політичного відділу УДБ Новоград-Волинського окрвідділу НКВС. 26 червня 1937 р. він був звільнений з органів НКВС. Напередодні звільнення отримав догану по партійній лінії за «статеву розбещеність».

В Новоград-Волыньск Детинко приезжал в январе 1938 г. Приезжал ли он в 1937 г., не знаю, по-моему, Детинко приезжал туда один раз. Смелянский в Новоград-Волыньске был в ноябре 1937 г., а в январе 1938 г. он, по-моему, там не был. Если он говорит о посещении его Детинко, очевидно, это было тогда же, когда Детинко и сюда заехал.

Новоград-Волыньский райотдел НКВД с польской и немецкой агентурой работал при мне неплохо. По этой работе Новоград-Волыньск и Городница были на лучшем счету, особенно по польрезидентуре. По немецкой работе тоже было неплохо. Лично Смелянский неплохо работал. Он был врид. нач[альника] РО, хотел остаться н[ачальни]ком РО и проявлял особое рвение. Работу Новоград-Волыньского РО можно оценить по докладам Облуправления на имя Ежова, подписанным Якушевым.

Доклады писали не по сведениям с мест, а по делам, которые мы получали из районов. У нас для этой работы было два штаба, в которые входило и два прокурора, а по делам штабы и составляли доклады. Из районов мы получали только копии показаний по основным делам.

23 апреля меня допрашивал в последний раз тот же Волошин. Ему я свои показания изменял ещё в декабре 1938 г. и даже раньше. Я неоднократно требовал подробной фиксации своих показаний, Волошин знал, что я отказываюсь от показаний и буду их отрицать. В декабре я требовал очной ставки с Мартынюком не потому, что он не подтвердил бы свои показания, я в этом не был уверен, а я был уверен, что то, что покажет Мартынюк, резко разойдётся с предыдущими его показаниями.

Написать о требовании очной ставки я не мог, а мои требования не писали. В апреле я объявил голодовку, и только тогда мне первый раз дали бумагу.

С Мартынюком мне очной ставки не делали совершенно. По-моему, на протоколе Мартынюка — не его подпись, я хоть смутно, но помню, что у него подпись была закрученной. Кроме того, есть его протокол от 19 сентября, возможно, что он подписал этот протокол перед приведением в исполнение приговора над ним, т.к. в этот день брали людей на Воен[ную] Коллегию.

Чтобы проверить показания Мартынюка в части моих якобы к-р указаний, чтобы не арестовывать участников погромов, я прошу Лукьянова допросить, и он подтвердит, что если не брали петлюровцев, то только служивших по мобилизации 2–3 недели, но из арестовывавшихся, конечно, брали раньше руководителей.

Основные дела о троцкистах у нас были только по Бердичеву. Это можно легко проверить по справке 1-го спецотдела, а показания Мартынюка в этой части надуманы. Он — Мартынюк говорил, что не арестовывал пред[седателя] горсовета, а тот сидел у нас под стражей.

Логвинов²⁸ — Бердичевский прокурор был арестован задолго до организации области, когда меня ещё здесь не было.

После 23 апреля меня никто не допрашивал, и прокурор меня не вызывал. Возможно, что это — результат того, что я 11.6 написал резкое

²⁸ У документі помилково без літери «В» — Логинов.

заявление Прокурору, в котором писал, что если меня не вызывают по моим заявлениям, то, вероятно, глаза закрывают на это.

Дело «НСНУ» наблюдал прокурор Морозов, а мне сказали, что теперь Морозов в Киеве, и я его просил всё время меня вызвать и писал ему заявления.

Жён арестованных по УССР арестовано 12 тысяч, из них на Житомирскую область приходится 820 чел. Они все подлежали освобождению, нарком велел освободить их только после возвращения дел из Москвы, и в ожидании дел мы их всех держали под стражей.

В Коростене я о жёнах на совещании не говорил, т.к. совещание было по другому вопросу. Кроме того, в октябре 1938 г. я был давно уже под стражей, а в октябре 1937 г. я был в Одессе. На самом же деле совещание о жёнах было в декабре 1937 г., и проводил его Якушев в Житомире, а не я, и не в Коростене.

О показаниях Васильева и Радионова я ничего не знал, о них меня не допрашивали, и узнал я о них только 26.6.[19]39 г. при ознакомлении с делом.

О показаниях Лукьянова я знал. По-моему, они лживы, т.к. если б я давал незаконные указания, то он о них сразу узнал бы. Именно за работу с украинской к[онтр]-р[еволюцией] Лукьянова наградили орденом.

К ордену представили не Лукьянова, а Бланка. Я не знал о том, что Якушев ввёл в список и Лукьянова. На празднике на Пленуме Горсовета я объявил, что Тимошенко и Бланк награждены, а на следующий день выяснилось, что вместо Бланка наградили Лукьянова. Тогда я узнал, что ему характеристику дал Якушев. Сам Лукьянов, как я говорил, плохо работал, но работа по троцкистам отделением была проведена.

То, что я говорил на следствии о неликвидации к-р организации в Спартаковском районе, это неверно. Организация эта была ликвидирована полностью.

О «Фотеско» я писал, что был уверен в его измене, но это неверно. Агент за кордон перебрасывается только с разрешения Москвы. Полгода «Фотеско» готовили к переброске, но не подготовили, отложили переброску, и затем, в апреле или мае его перебросили на участке 24[—го] Могилев-Под[ольского] погранотряда.

О заводе «Январского восстания» Фролов ничего не спрашивал. Этот завод вообще не был у нас в обслуживании, и Фролов, и я были тогда в Особом отделе, и мы промышленность не обслуживали.

По Житомиру в январе 1938 г. по линии 3[—го] отдела были направлены 25 чел. в районы, которые специально насадили агентуру, т.к. работа с агентурой перед тем была запущена.

Показания Ратынского неверны. Украинского отделения в штате 3[—го] отдела не было, а было оно в штате 4[—го] отдела²⁹. Волошин это прекрасно знает, но он писал и большие нелепости. В 3[—ем] отделе украинскую работу вели вместе с польской работой.

²⁹ Йдеться про контррозвідувальний (3-й) і секретно-політичний (4-й) відділи.

Когда меня на следствии впервые спросили о приведении в исполнение приговоров, я не скрывал, что в работе комендатуры было много безобразий, т.к. работы было масса, а людей всего было 3[-ое] в комендатуре, и мы вынуждены были до 12 чел. оперработников бросить на эту работу.

Якушев, по-моему, правильно поставил вопрос. Ни я, ни он не знали хорошо эту работу, и нужен был специалист. Назначили руководителем Лебедева, который сменил другого человека — Стругачёва, расстрелявшего не осуждённого, а его брата. Характерно, я один раз приехал ночью, в большой комнате сидят человек 80, с ним беседует Кондрацкий. По одному их из комнаты выводят и бегом ведут на расстрел. Я сказал Якушеву, что нельзя так делать; людей не проверяют, их не охраняют, и в итоге, если 80 чел. догадаются о предстоящем расстреле, они ужасы натворят. Из-за этого я стал ходить проверять, как проверяют установочные данные, и после этого всё сказал Якушеву. В итоге Стругачёва с этой работы сняли и назначили Лебедева. Лебедев — старый чекист, краснознамёнец, путиловский рабочий, и его знают как серьёзного работника. Якушев с ним поговорил и поручил ему возглавлять эти операции. Он умеет поддерживать дисциплину. Он правильно поступил: каждому из участников операции он дал определённое место и задачу. Стреляли Бланк и Тимошенко, а остальные занимались охраной. Но приехал Успенский и приказал весь оперсостав привлекать по очереди для расстрела, а многие не могли этого делать. В итоге Тимошенко и Бланк сами стреляли, но я заметил, что они плохо стали себя чувствовать. В это время, в январе 1938 г.³⁰, Успенский приказал не исполнять приговора в Умани и Бердичеве, и оттуда стали к нам тянуть людей. В итоге вместо 80–70 чел. стало необходимым исполнять приговора на 120–150 чел., но не на 250 чел. Верно, в отдельных случаях бывало и по 250 чел. Стали мы подсчитывать, сколько времени нам на это нужно, и увидели, что с 8 вечера до 6 утра мы едва ли успеем вчерне закончить эту работу. Тогда мы решили, после проверки людей собирать в гараж и оттуда брать их. Оббили мы помещение, чтобы обеспечить звуконепроницаемость, и стали это помещение использовать. Вокруг здания устанавливались посты разведки оперода, и после окончания операции разведка перебрасывалась на кладбище. Что гарантировало нас от случайностей, но не совсем.

Так, поступила анонимка о том, что Тимошенко, Игнатенко, Кондрацкий и др. тянут барахло. Установили мы автора анонимки, я его вызвал, и он сказал, что эти люди были им задержаны как подозреваемые в грабеже, т.к. у них были узлы с вещами. Вызвали мы этих людей, о которых писал автор анонимки, и они заявили, что они были пьяны и вместе с автором анонимки попали в милицию.

Это было сигналом, но ничего мы тогда не установили.

С этой группой исполнявших приговора часто проводились совещания, Якушев и я говорили им о том, как нужно себя вести. Якушев из имевшихся сумм, по моим настояниям, часто их премировал для того,

³⁰ У документі помилково — 1939.

чтобы они восстанавливали своё здоровье. Я думаю, что не менее 500 руб. получал каждый из них в месяц, и материально никто из них не нуждался, т.к. это было помимо зарплаты.

В феврале я узнал, что Якушев продал полушубки тюрьме, и деньги получил Новосельцев. Да, кроме этого, ещё в декабре мне Тимошенко заявил, что у него есть деньги, которые им изъяты у расстрелянных. Я ему сказал, что деньги нужно передавать, как конфискованные, в доход государства, и вызвал Глузмана, которому велел никаких денег не выдавать людям, отправляемым к нам.

Бригада из этих денег ничего не получила. На эти деньги построили столовую, отремонтировали здание Управления и часть квартир. Новосельцев на эти расходы вёл отдельную бухгалтерию с тем, чтобы при посылке нам денег внести их взамен израсходованных.

Теперь об избиениях. В нескольких местах говорят о том, что я вместе с Вяткиным систематически ломали разбивали черепа осуждённым. Но я всего один день работал вместе с Вяткиным.

Одни свидетели говорят, что я ломом орудовал, другие говорят — медной трубой. Я — не дегенерат. Я никогда арестованного и пальцем не тронул, здесь арестованных били с требованием от них показаний, это говорят Тимошенко и другие, но я ведь и без побоев добивался признания. Кроме того, в первичных показаниях работники комендатуры обо мне и не говорили, а впоследствии вдруг начинаю фигурировать и я в их показаниях, и весь упор уже делают на меня. На это я прошу Трибунал обратить внимание.

После 5-тимин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Вызван[ный] подс[удимый] ГЛУЗМАН по сути дела показал:

Я прибыл в Житомир в феврале 1937 г. и до октября работал нач[альником] тюрьмы. В ноябре 1937 г. мне предложили должность нач[альника] ОМЗ'а, но я отказался, т.к. боялся не справиться, кроме того, мне поручили ремонт и оборудование зданий УНКВД. Несмотря на то, что я отказывался, мне поручили организацию ОМЗ'а, одновременно меня оставили н[ачальни]ком тюрьмы и поручили мне ремонт зданий УНКВД. Штата в ОМЗ'е не было, я обратился к Гришину, и мне некоторую помощь оказали.

В декабре я заявил: «Либо помогите в организации ОМЗ'а, либо увольте меня». Тогда с меня сняли ремонт, но в то время у меня возник конфликт с Гришиным и Якушевым. Ремонт делали осуждённые, нужно было их работу оплатить, но Якушев отказался платить. 2-го января 1938 г. Якушев вызвал меня и сказал, что я могу купить у них одежду расстрелянных. Я этому обрадовался, т.к. должен был 10.000 чел. осуждённых направить на Север, а одежды у них не было. У нас была директива, разрешающая покупку вещей на рынке, тогда я подал рапорт в УМЗ³¹ и сообщил, что покупаю вещи в УНКВД. Создал я комиссию, которая

³¹ УМЗ — рос: Управление мест заключения (НКВД УССР).

оценивала вещи, затем эти вещи мы покрасили и отправили в них осуждённых. Так я купил здесь несколько машин вещей. Якушев потребовал уплаты наличными деньгами, я отказался, и Минц подтвердил, что так делать нельзя. Я 27.000 руб. перевёл через Госбанк. Помнится, что по счёту АХО я выдал тысяч 5 или 4 Новосельцеву наличными и сразу сообщил об этом докладной запиской, причём выдал я не деньги, а чек в банк.

Больше я вещей осуждённых не покупал.

Помню, после этого я был в кабинете Гришина и Левкович ему доложил, что вещи осуждённых продаются на базаре. Должен сказать, что вещи осуждённых закупались всеми тюрьмами, что говорилось и на совещании в Москве. Я всё же считал, что если УНКВД не платит нам за работу, а мы им платим 27.000 руб. за вещи, это несправедливо, и я подал рапорт, прося разрешить из этой суммы покрыть их нам задолженность за ремонт.

Теперь об этапах. Тюрьма рассчитана на 800 чел., а количество заключённых доходило до 20 тыс. При сдаче мною тюрьмы там было 18 тыс. чел. из-за массовых операций. Один раз меня Якушев вызвал и спросил, как мы отправляем этапы, я ему рассказал. Тогда он велел при отправке этапов в Облуправление отправлять их по ведомостям с личными делами и деньгами. Директив об этом не было, я посоветовался с Винокуровым, и мы решили квитанции осуждённых на сданные ими деньги не отбирать и одновременно составить ведомость на этих людей. Людей я выдал в этап, а потом я сказал Гришину, что мне не нравится, т.к. получается, что по ведомости расход произведён, а деньги в наличии. Гришин пошёл со мной вниз, я посмотрел и увидел, что при обыске часть денег сдают, а часть кладут в карманы. Я сразу же доложил об этом Якушеву и после этого не стал выдавать деньги без ведомости, а сделал иначе. Я выдал осуждённым их деньги, сообщил Якушеву сумму, выдаваемую на руки, но и это ничего не дало. Я тогда отказался так действовать и, кроме этих двух этапов, я так людей не выдавал. Послал я сразу Винокурова в УМЗ узнать, как поступать с этими деньгами, он вернулся и говорит, что нет никаких установок и в УМЗ'е ему никаких указаний не дали.

Через пару дней у меня взяли сразу 400 чел. в НКВД УССР, и я их отправил всех в Киев без денег. Забрал их Наркомат, а через пару дней мне присылают 400 квитанций, и комендант НКВД УССР требует по ним деньги. Я решил деньги не выдавать, а взял и перевёл их через банк на счёт УГБ НКВД УССР. Прошла неделя, а затем меня вызвал Якушев и стал ругать, зачем я деньги переводил, а не выдал наличными. До моего ареста так и не было указаний, что делать с деньгами осуждённых к расстрелу.

Дальше, зная, что надзирательский состав у нас разношёрстный, я издал приказ: по квитанциям заключённых никому, кроме заключённого, не выдавать ни деньги, ни вещи. Таким образом, если Тимошенко и пытался получить деньги, ему это не могло уаться.

Будучи в Бердичеве, я узнал, что Мартынюк в тюрьме берёт людей с деньгами³², доложил об этом Якушеву, а сам запретил тюрьмам выдавать деньги. Кроме этого, бухгалтерами в тюрьмах работают осуждённые, и чтобы зашифровать от них суммы, принадлежавшие расстрелянным, я приказал эти суммы сконцентрировать в банке на счету ОМЗ'а. Так и были переведены 141 тыс. руб.

В марте 1938 г. сюда прибыл Вяткин. Он меня вызвал, спросил, почему я подавал до него рапорт об увольнении, и я ему всё рассказал. Он мне обещал помочь, дал мне помещение, добавил людей, и я стал работать. Так было до апреля.

В апреле из ИТК ст. Бежи был побег. Я стал просить у Вяткина машину, он мне дал машину, и сам он с Вольским в этой машине поехал в Коростень. Они зашли в Горотдел, мне некуда было уходить, т.к. я ждал поезда, и я остался у начальника Горотдела Гилиса в кабинете. Вяткин стал просматривать дела Гилиса, потом вырвал из какого-то дела два листа, стал ругаться, вызвал арестованного по делу и при мне Вяткин стал его избивать. Затем привели ещё 2 арестованных, они сказали, что своё оружие они закопали во дворе железнодорожника, и Вяткин велел Гилису взять меня с собою и ехать за оружием. Ничего мы так и не нашли, Гилис забрал с собою железнодорожника — хозяина двора и привёл его к Вяткину. При мне Вяткин его стал избивать, и там же он буквально уже был мёртв. После этого Вяткин куда-то девался, а я утром уехал в Бежи.

Через некоторое время я доложил Вяткину, что арестованные в камерах не спят, т.к. следователи в кабинетах бьют допрашиваемых, и крики слышны в камерах. Вяткин ответил: «Ну, их к черту, пусть не спят». Я подал рапорт об этом в Киев на имя Успенского. Через несколько дней меня вызывает Вяткин и говорит, что нужно выгнать из тюрьмы врача — жену прокурора Черкеза³³, т.к. ему не нужны осведомы прокурора. По его приказанию я и должен был уволить прекрасного врача. Потом он заявил, чтоб я понудил врача Мордушенко дать справку о смерти умерших арестованных и в числе их назвал Скрипника, Крука и др. Я ему сказал, что врач этих людей не смотрел и справку не даст. Он меня отправил, а через пару дней пришёл Игнатенко и говорит: «Вот акт, Вяткин велел Мордушенко подписать о смерти Крука от разрыва сердца». Я Мордушенко вызвал, сказал ему об этом, он акт подписывать не хотел, и я ему сказал: «Я Вас не заставляю». После этого я акт вернул Лукьянову.

Помню, был ещё такой случай. К нам поступил сильно избитым работник Барановского завода. Я подал об этом рапорт, и через пару дней приехал Гришин с другими сотрудниками. Я им продемонстрировал несколько человек, работник Барановского завода Клигштейн в то время уже лежал в больнице и вскоре умер. Какой акт составили о его смерти, я не помню, но побит он был с головы до ног.

³² Йдеться про видачу Бердичівською тюрмою НКВС в'язнів Бердичівському міськвідділу НКВС.

³³ Тут ідалі у документі помилково — Черкеса.

Следующий случай. В грузовой машине привезли человека и говорят: «Примите в больницу», а я вижу — он мёртв. Вызвал я врача, велю ему оказать помощь, а врач уже и пульса не чувствует. Я тогда категорически отказался принять этого человека, и его забрали обратно. На следующий день я этого человека принял, но был составлен акт о том, что он был доставлен мёртвым, но от чего он умер, я в акте не писал. Потом мне рассказали, что человек этот пытался бежать, его задержали и избили. Поскольку он был доставлен мёртвым, я на следующий день его принял по акту о том, что человек доставлен мёртвым. Затем прибыл прокурор Юганов, я ему показал труп, и он написал акт о следах побоев на трупе, а затем дал официальное разрешение на похороны, и это разрешение имеется в делах.

Дальше, были часты случаи, что заключённые друг другу наносили побои с целью дискредитации следствия, и потому я велел врачу писать об обнаруживаемых ссадинах и т.п., но не указывать причину их возникновения. Дальше, я дал Мордушенко распоряжение не вскрывать трупы следственных заключённых. Почему я это сделал? Потому что и Якушев, и Гришин дали мне такое приказание. Мало этого, мне не разрешили даже этих арестованных класть в больницу, и я вынужден был в самом спецкорпусе организовать несколько палат, в которых и держал больных. Больше того, когда со мною в июне 1938 г. было то же самое, и меня в больницу не положили, а это было в июне или июле 1938 г.

В мае мес[яце] 1938 г., когда была партконференция, выдвигали в бюро человека с темной, не совсем ясной биографией, к тому же не члена нашей организации, т.е. он не состоял у нас на учёте. Я и ещё один военный выступили против этой кандидатуры, и его отвели. Тогда Вяткин вызвал меня в отдельную комнату и обругал нецензурно, говоря, что из-за меня он не пройдёт в Горком и делегатом на конференцию, т.к. и он у нас не состоит на учёте. На моё счастье его об этом не спросили и избрали.

Вскоре после этого я поехал в Москву на совещание. Будучи там, я услышал, что в театре Вяткин однажды устроил скандал, почему ставят еврейские вещи, и что вообще нужно ставить только русские вещи. Это мне сказал б[ывший] секретарь Горпарткома Житомира Косарев. Кроме этого, директор театра Пинскер якобы подал и заявление об этом Хрущёву. Услышав это всё от Косарева, я доложил секретарю Парткома Голубеву об этом, прося поставить вопрос, т.к. или это клевета, или нужно за это набить Вяткина. На следующий день Вяткин уже знал об этом и стал меня ругать. После этого я перестал ходить к нему с докладами, посылал за себя Бойченко.

В начале июля я получил телеграмму о явке с докладом к Успенскому вместе со всеми н[ачальни]ками ИТК. Я с людьми выехал, целый день мы ждали в Киеве, и нам объявили, что в 12 ч. ночи нас примет Успенский. После этого мне Здунис говорит, что Успенский ему сказал, что я могу не быть на совещании и чтоб я выезжал в Житомир. Это было 7 июля. 11 июля меня вызывает в Киев Шапиро, я докладываю Вяткину, а он не пускает и вместо меня посылает Новосельцева. Я тогда стал просматривать свою литературу, взял из Главлита человека и все проверил. Дальше

я взял наградное оружие и сдал в тюрьму. В общем, я готовился к аресту, т.к. понял, что меня ждёт.

Через пару дней меня вызвали на партбюро, говорят мне, что я — враг, и тут же меня арестовали.

Перед этим я один раз сидел за ужином в столовой, и мне Ремов стал говорить, что за одну местную телеграмму меня скоро будут бить по мягкому месту. Оказывается, что это идёт речь о моей телеграмме на имя награждённых наших сотрудников, из которых один — Еременко — был арестован. Я пошёл к Лукьянову и говорю, что делать. Он посоветовал подать заявление об осуждении своего поступка, и я так и сделал. В то же время меня исключают из партии как врага народа и за связь с Еременко и Рехтером и тут же меня арестовывают. Когда меня ввели в камеру, там сидит 37 чел. и все побитые. С 14 до 28 июля я никаких показаний не давал. Потом Ремов завёл меня к Лукьянову и говорит: «Давайте показания, а то мы с Вами будем говорить известным Вам методом». После этого меня вывели, увидел меня Вяткин, спросил, дал ли я показания, и Ремов ответил, что нет. Здесь Вяткин ударил меня по щеке. Я упал, тогда он ударил меня ногой в живот и говорит: «Через полчаса показания чтобы были у меня». Вяткин ушёл, зашёл Люльков и стал избивать меня нагайкой, а в это время из соседней комнаты смотрели на меня Голубев, Бережной, его жена, и все они хохочут. Избил меня Люльков, потом поднял и говорит: «Пиши». Я под его диктовку написал, что в 12 ч. дня я дам показания. Ввели меня в камеру, а перед тем Ремов мне сказал, что в камере есть заключённый Лучезарский, и он мне расскажет, как давать показания. Два дня я сидел без допроса, и Лучезарский мне выбирал, о какой организации говорить, чтобы поверили и не били меня.

Совещались мы с Лучезарским, подбирали что показать: повстанец — не подходит, я — еврей; петлюровец — опять-таки еврей. Когда же меня вызвали, я опять не могу писать. Снова меня избили, и так было до 28 числа. Я потом терпеть уже не мог и подписал, дав показания и на Шемпера, и на Мордушенко, который честнейший человек. Так я на 6 человек дал показания.

16 августа меня направили в тюрьму, и 10 дней нас, 22 чел., держали в камере, рассчитанной на 3 чел. Я лежал, и до сентября лекпом ни разу ко мне не зашёл.

В сентябре меня вызвал Анфилов и стал говорить, что не может быть у меня такая маленькая сеть, и я должен вспомнить, кто ещё есть у меня в Умани и Конотопе, где я раньше работал, но я ничего не мог сказать, т.к. никакой сети не имел.

Через некоторое время я узнал, что в спецкорпусе, в уборной, есть дыра в камеру через стену, и этим путём организовалась связь между всеми арестованными. Я понимал, что если я не враг, то в тюрьме всё же есть масса врагов, и подал рапорт на имя Вяткина, прося меня вызвать. Он меня вызвал, и я сказал ему об этом, а также и о том, что в тюремке арестованные переговариваются. Он меня похлопал по плечу, говорит: «Молодец», а потом спрашивает, почему я отказался от показаний, и я сказал, что мои показания это ложь надуманная. Тогда он

сказал: «Иди к Анфилову и чтобы ты всё подтвердил, а иначе сегодня же тебя расстреляют». Анфилов завёл меня к себе, туда же зашёл Игнатенко. Игнатенко мне велел встать, схватил за руку и повёл во двор. Во дворе он стал тянуть меня в гараж, где расстреливают, я стал кричать, просить отвести меня к Вяткину, и тогда меня отвели туда. Я зашёл, а от спазма в горле ничего не могу сказать. Потом я стал плакать, говорить, что я — не враг, а Вяткин кричит: «Расстрелять его!». Анфилов меня повёл к себе, оттуда завёл в кабину, в которой можно только стоять, и 10 суток я простоял на ногах. Потом я услышал голоса, дверь открыли, Люльков и стал говорить мне, что завтра меня расстреляют, а сегодня он был у моей жены и жил с ней. После того он дверь снова запер. Утром следующего дня меня уже приводили в чувство, отправили меня в тюрьму и хотели положить в больницу, но мне стыдно было смотреть на Мордушенку, которого я «завербовал», и я отказался идти в больницу.

Такой же случай был с Ремовым. Он мне стал говорить, что вызовет жену мою, и в моем присутствии её будут насиловать.

Через некоторое время мне предъявляют обвинение по ст. 54–1, 54–6, 54–11. Я отказался подписать, тут же написал заявление Ежову, Вяткину и прокурору Морозову, что объявляю голодовку. Голодал я, ничего не ел, и тогда меня вызвал новый нач[альни]к [У]НКВД. Он мне сказал, что к[онтр]-р[еволюцию] с меня снимут, но за другое я должен буду отвечать. Я согласился и отказался от голодовки. Тогда мне предъявили ст. 206–17, приехал и прокурор Рогинец, допросил меня, и я ему всё рассказал. После отъезда Рогинца меня вызвали на допрос и стали говорить, будто я оклеветал Вяткина тем, что дал о нем показания, что он избил железнодорожника и убил его.

По ходатайству подсуд[имого] Глузмана подсуд[имый] Гришин-Шенкман удалён из зала суда.

В отсутствие Гришина я вот что хотел сказать.

В мае мес[яце] Вяткин у себя устроил вечеринку и всех н[ачальни]ков отделов пригласил. Я пришёл поздно, вижу, что там — и жена Гришина, который был уже арестован. Её Диденко напоил до пьяна. Спустя несколько дней я проезжал по улице и увидел жену Гришина, выходящую из квартиры Диденко. Я пришёл к Вяткину и сказал ему об этом. Через несколько дней Диденко меня увидел и стал говорить, что я его оклеветал. Я ему говорю, что ещё со мною были люди, а он мне стал говорить, что они ещё меня проверят. Это говорит о том, что на моё партийное заявление Вяткин ответил тем, что передал Диденко мои слова вместо того, чтобы реагировать на его связь с женой арестованного.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН введён в зал суда.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Разрешите ещё закончить. В обвинительном акте сказано, что я составлял фиктивные счета на ценности. Был один случай вручения Тимошенко наличных денег по распоряжению Якушева, и я сам видел, что он сдал деньги Новосельцеву.

Теперь об обезличивании вещей арестованных. Вынести из тюрьмы хоть одну вещь невозможно, я прошу проверить по 3[-му] отделу, и вы увидите, что из работающих в кладовой половина — секретные агенты. Поэтому я не мог брать вещи. То, что моя домашняя работница говорит о продаже вещей, это были проданы мои личные вещи: валенки, пара сапог, плащ, 2 летних костюма.

Что я действительно сделал. Я взял пару старых сапог, рассчитывая обувь в них дом. работницу, но когда Евтушенко их принёс, и я увидел какая это рвань, я велел их забрать и купил ей туфли.

Шемпер говорит о вещах по Коростенскому этапу. Чем это объясняется? Объясняется тем, что здесь по моим ложным показаниям сделали мне очную ставку с Шемпером, и я врал и изобличал его в к[онтр]-р[еволюционной] деятельности.

На самом же деле вот что было. Когда прибыл этап, меня вызвали с заседания Горпарткома, я приехал и вижу — вещи все свалены в кучу. Я велел немедленно же выдать квитанции на вещи.

За несоставление описи на вещи в чемодане я уволил Довбню, возбуждал дисциплинарные преследования, но проследить за всем я не мог, если вы учтёте, что прибыль и убыль была в 1000—1500 чел. ежедневно.

Сам я лично ничего не брал, а если б я хотел взять, то я мог бы у Тимошенко взять.

Ведь все здесь знали о расхищении вещей. Ведь я сам в декабре 1938 г. доложил Гришину, что Соснов рвёт зубы у трупов.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Это неверно. Мне нет смысла отрицать это, если б я знал. Мне Глузман ничего не говорил о том, что вырывают зубы из ртов расстрелянных. Да, я обязан был заходить, и ходил туда проверять, как выполняют операцию, но я не знал, что вырывают зубы у трупов из ртов.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я не хочу обвинить здесь Гришина, я говорю то, что было, ведь из-за мародёрства Соснова я требовал снять его с прикрепления к оперработе и вернуть на работу в тюрьму, чтоб он не занимался мародёрством.

Когда Соснов вырывал зубы, я и Лебедев видели это, а потом я об этом доложил Гришину.

Теперь я хочу ещё сказать о Шемпере. Я получил сообщение из отдела кадров, что Шемпер скрыл о своём соцположении и о жене, я поставил вопрос на партсобрании, и Шемпер всё отрицал и обещал достать документы. Документов он не достал, напился пьяным, разбил автомашину, и его уволили. Через две недели он уже был арестован по моим показаниям. Потом его освободили, а через некоторое время его стали допрашивать как свидетеля по моему делу.

О Гришине я могу сказать вот что. Один раз вместе с ним, с Еременко и прокурором я ехал в Бердичев на автомашине. Они там проводили заседание тройки, а я пошёл в тюрьму. Обнаружил я, что отсутствует учёт выдаваемых УГБ для расстрела и поскандалил с Мартынюком. Ночью, когда тройка закончила работу, они все пошли к Мартынюку ужинать, а я лёг на диване у него в служебном кабинете. Потом Мартынюк зашёл

к себе в кабинет пьяный, с ним зашёл и Еременко, а Гришина не было. Обратно мы поехали только с Еременко, и он мне сказал, что Гришин так пьян, что не может ехать. При приездах Мартынюка в Житомир он постоянно не выходил из квартиры Гришина, т.к. они дружили.

Дальше, я знаю за Гришиным и антипартийный поступок. Перед приходом Вяткина он вызвал секретаря парткома, чтобы у него узнать о составе парторганизации для доклада Вяткину, подменяя этим секретаря парторганизации.

После 5-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Вяткин сначала приехал сюда как стажёр с бригадой Ежова и остановился у Гришина. Потом он был назначен н[ачальни]ком УНКВД. Приехал он в марте мес[яце], а Гришин уехал отсюда в апреле или начале мая.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я не отрицал и не отрицаю поездки в Бердичев. По-моему, Еременко подтвердит, что я ни разу не был пьян в Бердичеве и не спал у Мартынюка.

Помню, мы один раз провели заседание тройки, и Еременко вернулся раньше меня на своей машине. Возможно, что тогда Глузман и ездил с ним обратно, а я ехал сам в своей машине.

В отношении подхалимства к Вяткину: 2 марта я уже уехал отсюда. С ним я работал лишь один день, а до этого он 5 дней здесь работал по заданию Наркома и жил у меня, о чем я говорил уже суду.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я Гришину в его кабинете один раз докладывал дело. Он потом сказал, что очень занят и уехал с Гершкович. На следующий день я видел, что в комнате № 14 были вещи 72-лет[ней] старухи — сестры Троцкого, а шофёр, с которым они ездили, сказал мне, что у этой старухи взяли пачку золота.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Взяли до 6 тысяч золота, и оно сдано в Финотдел.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: С Баранским так было. Днём, часов в 12, меня позвали и говорят, что допрашиваемый вдруг замолчал. Я вызвал врача, стали его осматривать — никаких следов не было. Вызвал я Лукьянова, и он велел похоронить умершего. Я не заставлял никого подписывать акт.

Вскрытие не делали потому, что запрещали вскрывать следственных заключённых.

Пред[седательству]ющий оглашает показания подс[удимого] Глузмана на л.д. № 204 т. № 1.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Такой случай был, но врач Фельдман мне сама сказала, что Баранский умер от разрыва сердца. Ведь он умер днём, а днём никогда не били арестованных. Я не показывал, что акт был ложным, и я не заставлял Фельдман подписывать акт, будто Баранский умер от разрыва сердца.

При допросе меня прокурором Рогинцом, если [я] сказал, что умер от побоев Баранский, то я солгал.

Пред[седательствую]щий оглашает вторично показания подсуд[имого] Глузмана на л.д. № 204 т. № 1.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Инженер Барановского фаянсового завода³⁴ умер от побоев. Колхозник — немец³⁵ умер от побоев, но заключённый этот умер днём, сидя за столом, а перед ним лежали бумаги, и он избит не был. Мне нет смысла говорить, что и этот человек умер от побоев, когда его не били.

Об инженере Барановского завода я говорил и говорю, что он умер от побоев, и при этом был и Гришин.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Я утверждаю, что никогда при мне не били допрашиваемых.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Инженера фаянсового завода привели из Барановского района избитым, а я сразу сообщил Гришину, и он приехал. Акт о его смерти заполнен как об умершем от побоев.

Ревизии кладовой бывали, если обнаруживали недостачу, я принимал меры, и одного зав[едующего] складом предал суду.

Мои показания за июль мес[яц] даны мною в результате побоев, когда у меня требовали ст. 54–7 УК. Поэтому я и писал так, как написано в протоколе.

То, что я писал тогда, будто не вёл борьбы с обменом заключённых, это не верно, это и есть ст. 54–7, которую от меня требовали.

Я считал и считаю, что это будет подмена партруководителя, если вместо его вызова взять у него сведения и самому докладывать о состоянии парт. организации. Поэтому я и привёл такой факт о Гришине.

В тюрьме я вместе с Гришиным бывал. При мне он никого не бил.

Когда бежало 11 человек, меня тоже послали с группой на розыски, и когда я одного задержал и привёл к Гришину, он раза 2 или 3 ударил его.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Нанесение 2–3 ударов беглецу-смертнику подтверждаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Часть из бежавших после их поимки, кажется, сидели у нас в тюрьме, но точно не помню. По-моему из них двое, задержанных мною, были в тюрьме, а остальные не были.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Мне доложили, что поймали этих бежавших и привели их избитыми до невозможности. Я поехал в тюрьму, и Глузман меня водил и показывал этих людей.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН показал: Я не помню этого.

Вызван[ный] подсуд[имый] ТИМОШЕНКО по сути дела пояснил:

Я прошу разрешить рассказывать сначала. Я работаю с 1934 г. по этой линии. Операций больших сначала не было, и у нас был Извеков н[ачальн]ком Окротдела, а потом — Шатов, и при них всё шло хорошо.

³⁴ Идетсья про заарештованого І. Клігштейна.

³⁵ Идетсья про заарештованого Геллерта.

В 1937 г., весной, меня вызвал Шатов и велел назавтра расстрелять человек 50. Комендатуры тогда не было, людей не было, и Шатов дал Бланка, Костенко, Игнатенко, Антропова и других, а всего человек десять. Дали мне документ о выдаче мне людей для допроса, и я их привёз из тюрьмы. Доложил я Шатову о доставке людей, а потом завёл их в комнату № 14. Я спрашивал их фамилии, специальности, будто отбираем их для работы. Потом мы по одному их выводили и в определённом месте их по одному расстреливали, а остальные ничего не знали.

Всё шло хорошо, на барахло никто даже не смотрел.

Потом стал н[ачальни]ком Якушев. Сразу у нас сделался перелом: 100, 150, 200 чел. за ночь стали расстреливать, но это неважно. Помню, приехал Мартынюк, и мы завели людей в комнату, а оттуда их повели гуськом, как вода бежит, и в итоге задние видели, что мы передних расстреливаем. Видели потому, что случилось так, что одновременно две двери открываются. И, стоящие в очереди ближайšie 5–6 человек, замечали, что я стреляю. Мартынюк тогда предложил их вызвать и всех сразу заводить в гараж, а в руки брать палки — «внушиловки» и успокаивать кричащих. Это он сказал Гришину и Якушеву, и так мы и стали делать. Якушев приходил, а Гришин постоянно бывал, возьмёт в руки здоровую палку и орудует ею.

Впоследствии из-за нездоровья меня освободили и поручили эту работу Бланку и Игнатенко.

Руководил всеми нами Лебедев.

Насчёт избиения, то нельзя сказать, что этого не было. Насчёт вещей, то при Шатове брезговали, а при Якушеве стали надевать на себя. Правда, когда много людей расстреливали, то много мы одежды своей испортили.

Теперь о квитанциях. Раньше я людей принимал по списку и все. Потом мне Якушев приказал брать людей с делами и деньгами. Я поехал в тюрьму, дал Глузману бумажку и сказал, что Якушев велел взять людей с делами и деньгами. Глузман ответил, что сделать этого не может.

Я ему сказал, что он и Якушев — начальники, пусть меж[ду] собой договариваются. Часов до 11 ночи он меня задержал и спорил с Гришиным из-за денег, а потом он людей мне выдал, а денег не дал.

Потом Глузман, Шемпер, Ротенберг, дежурный по тюрьме, сели все вместе и написали список по квитанциям, которые были у заключённых. Заключённым сказали, что они идут на этап, и деньги им я уплачу. Они расписались в списках, и я их повёз для исполнения приговора.

Здесь я стал их расстреливать, а потом, на следующий день, меня послали к Глузману узнать, сколько денег осталось. Я пошёл к Глузману, его не было, а был Шемпер, он зашёл к Ротенбергу, потом они вдвоём зашли, и я спросил, есть ли деньги. Ротенберг ответил — нет денег, я могу 12 тыс. перевести, а наличными я их давать не могу.

Тогда я вернулся без денег и Лебедеву доложил об этом. Через несколько дней я встретил Глузмана, спросил его о деньгах, он тогда вызвал Винокурова, они меж собою поговорили и дали мне наличных 11 или 12 тысяч рублей.

Глузман стал требовать расписку, а Лебедев предупредил, чтоб расписку я не давал. Тогда Глузман стал звонить Гришину и ему сказали, что ему в отделе приготовили расписку, а пока мне разрешили дать расписку. Так я расписался, получил деньги и занёс их Лебедеву. Он велел деньги сдать Новосельцеву, и я их сдал ему. Потребовал я расписку, а он не даёт и деньги забирает. Я тогда стал волноваться. Лебедев захватил меня с собой на машину, повёз меня к Глузману и стал его ругать, а Глузман ответил: «Я выдал деньги и потому взял расписку».

Лебедев повёз меня обратно, я всё продолжал требовать расписку, и тогда Новосельцев сказал, что расписку он Глузману даст от себя, а мою расписку он заберёт. Так я и не получил своей расписки.

Затем было так. Нам отпускали деньги на оперативные расходы — 100–150 руб.

Один раз в одной фуражке осуждённого случайно обнаружили 30 руб. и тогда стали смотреть все фуражки и обыскивать осуждённых.

Через некоторое время Лебедев сказал: «Начальник сказал, что большевик должен работать не за водку» и перестали приносить спирт и деньги. Когда мы после этого исполнили приговора над группой, народ устал и хотел перекусить, но я ответил, что денег больше не дают. Некоторые подняли шум из-за этого, особенно шумел оперативный состав, и тогда мне Лебедев для этого велел обыскивать осуждённых и деньги при обнаружении изымать. Ну, каждый день дают 150–200 чел., невозможно их обыскивать и тогда им предлагали самим сдавать. Так случалось, что сдадут за ночь рублей 50, и на эти деньги покупали закуску, табак. Но иногда случалось, что ничего не сдавали. Я докладывал Лебедеву и он сказал: «Продай пары три сапог и на завтра будет», а барахло оставалось часто не закопанным, т.к. не успевали ямы копать.

После этого Лебедев велел отбирать у осуждённых квитанции и сдавать ему. Мы квитанции и отдавали ему, а куда он их девал, я не знаю.

В 17 час. пред[седательствую]щий объявил перерыв до 19 час. 30 мин.

В 19 ч. 30 м. суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Относительно денег, которые отбирались в тюрпode, я эти деньги сдал Новосельцеву, но не помню, где их отобрал, а сдал я их, точно помню, на следующий же день Новосельцеву. Квитанции у заключённых отобрали ещё в тюрьме, и когда я сдавал деньги, Новосельцев уже знал сумму, которая должна быть. Всего я сдавал ему деньги 2 или 3 раза, Новосельцев составил акт на них, а куда он их дел, не знаю. Отбирая здесь деньги, я не давал осуждённым расписок, а писались бумажки с фамилией осуждённого и указанием суммы. Бумажка клалась на стол вместе с деньгами. Осуждённым я не говорил, что деньги им уже не нужны, а говорил, что в дороге нельзя деньги хранить у себя, т.к. они идут на этап.

О вещах я раньше не договорил. Когда не было Якушева, вещи не брали, а при Якушеве впервые Гришин разрешил Антропову взять сапоги и с этого началось. Потом Лебедев передал распоряжение нач[альни]ка

УНКВД снабдить всех шофёров лучшими пальто. Раз было такое распоряжение, я его выполнил, но Гришин больше с нами общался, и я считаю, что в отдаче этого распоряжения участвовал и Гришин. Паншин потом мне сказал, что шофёру Якушева Яворскому попалось плохое пальто, и за это меня Якушев ругал. Из этого я исхожу, когда говорю, что Якушев давал распоряжение, но Гришин мне говорил сам, чтобы выдать сапоги Антропову и при выдаче пальто шофёрам он присутствовал. Кроме того, в его присутствии отбирали пальто и другие вещи для отправки в тюрьму.

Насчёт золотых коронок. Я не видел, чтобы их вырывали, а видел это Игнатенко, т.к. я стрелял людей, а Игнатенко и Соснов убитых складывали в одно место. Так работа шла, будто по конвейеру. Когда кончали стрелять и грузили трупы на машину, Игнатенко и Соснов оставались в комнате с трупами. Вот Игнатенко тогда и рвал зубы с золотыми коронками. Я, бывало, кричал ему: «Брось!», так как он задерживал отправку трупов, вообще я ему запрещал это делать, но он продолжал своё и зубы рвал.

Вещи осуждённых приказали переписать по сортам: верхнюю одежду, нижнюю, тёплое, летнее и сдать тюрьме. Я отвозил в тюрьму и там уже считал и переписывал, здесь же мы не считали, а только в мешки клали все вещи. Привозя вещи в тюрьму, я их с работниками тюрьмы переписывал, а потом я списки сдал Лебедеву и он с ними пошёл к Гришину.

Через несколько дней Новосельцев велел мне получить за вещи деньги. Я пошёл к Глузману, а он отказался давать наличными и сказал, что переведёт их через банк. Перед тем же Лебедев говорил, что за эти вещи тюрьма выплатит деньги и их нам раздадут как премию, т.к. начальник так велел. Кто именно велел, он не сказал, но всё время он сидел у Гришина, и я считал, что это Гришин велел.

Через несколько дней меня вызвал Минц и выдал мне 250 руб. Потом он и другим выдал деньги, и мы все решили, что это деньги, полученные за барахло расстрелянных. При вручении денег Минц не говорил, за что это и из каких сумм. Так нам выдавали раза 2–3 по 200–250 руб.

Теперь о побеге 11 чел. Эти 11 человек собрались постепенно, ожидающими расстрела, т.к. не сходились имена или отчества. Когда Якушев посылал меня в Москву получать орден, я ему напомнил об этих людях, но он не разрешил их в тюрьму переводить. Я уехал, а в день моего возвращения они и сбежали. Меня разбудили, я прибежал, а потом нас разослали всех на розыски. Я поехал в один район, а туда позвонил Лебедев и сказал, что можно возвращаться. Приехал я вечером в Житомир и застал этих людей избитыми, а потом их вечером взяли на допрос в 13[–ую] или 16[–ую] комнату, и оттуда я отвёз их в тюрьму.

Когда я вернулся, меня снова посылают с Гришиным в тюрьму, я поехал с ним, он людей посмотрел, и мы вернулись домой. Якушев стал меня ругать, что из-за меня эти люди будто бы бежали. Когда потом этих 11 человек привезли для расстрела, меня к ним совершенно не допустили. Лебедев мне сказал, что Якушев велел меня не допускать к работе, и я вышел. Подошёл я к гаражу и стал с Паншиным, а гараж был заперт изнутри. Там были: Игнатенко и Люльков — в тамбуре, Лебедев — в середине, а Гришин и Якушев тоже были там, но я их не видел. Взяли же этих

людей для расстрела Люльков и Игнатенко. У меня они по возвращении из тюрьмы не были, а прямо из тюремки их повели в гараж.

Если б я там был, я бы сказал, что я там был, пулями или ломом, раз приказывали бы, я бы убил, если они осуждены. Уже когда вели следствие, тогда только я узнал, что эти 11 человек были сожжены, а раньше я этого не знал.

С 90 руб. золотом так было. Камраз³⁶ привёл задержанного, сдал его в тюрьму, но в вещах его, в поповских ризах, нашёл 90 руб. золотом. Потом меня послали к нач[альнику] тюрьмы с бумажкой для получения этого золота, я золото получил и сдал Камразу.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: То, что мы на найденные деньги покупаем водку и закуску, все знали. Лебедев при этом присутствовал, а Гришин и Якушев ни разу не были, когда мы там выпивали.

Себе лично я взял вот какие вещи осуждённых: кожаное пальто я не лично взял, а мне дали его. Это так было. В тюрьму пробрался переодетый в нашу форму, пытался освободить одну женщину под видом взятия её на допрос, а Глузман его задержал. Этот человек и был в кожаном пальто, которое мне дали. Оно лежало в тюрьме, в складе, и Шатов приказал выдать его мне, когда этого человека расстреляли.

Ещё была драповая шинель, Лебедев дал её мне, я её перешил, но её затем у меня забрали, а потом отдали мне обратно. Потом я взял ещё романовскую шубу, которую мне дали для поездки в розыск за бежавшими. Вообще же брали вещи: Антропов³⁷, Костенко, Бланк, Кондрацкий, Фёдоров, Люльков, Вишнеvский, Паншин, Лазоркин, Агапов, Стругачёв и многие другие. Сколько вещей взял каждый из них, я не могу сказать, т.к., когда я выходил из комнаты после расстрелов, я ничего не понимал.

Я на базар ничего не выносил и не продавал. Жена моя ничего не продавала.

Чтобы продавали вещи, я ни о ком не знал, пока не приехал из Киева к жене. Здесь при мне привели Сенкевича³⁸ и принесли с квартиры его 2 мешка вещей, которые он пытался продать. Это было тогда, когда я уже в Киеве работал.

Перед моим выездом в Киев на работу брать вещи запретили, т.к. Лейфман один раз зашёл к Якушеву и доложил ему, что он [на]против помещения УНКВД нашёл сапоги и пальто, утерянные с машины. Я настоял, чтобы для проверки принесли эти вещи с квартиры Лейфмана, и когда их принесли, узнали, что эти вещи Лейфман взял несколько дней назад, когда был на исполнении приговоров, пока его не отстранили от этой работы. Тогда Якушев и запретил брать вещи.

Со старухой, у которой нашли золото, так было. Её привели на расстрел последней Лебедев и Гершкович. Гершкович стал спрашивать её, где золото, а она говорит: «Нет». Тогда её Лебедев стал бить, а потом и Гершкович, и она сказала, где золото. Они оба побежали, а потом вернулись и опять

³⁶ Тут і далі у документі помилково через літеру «о» — Комраз.

³⁷ У документі помилково — Андронов.

³⁸ У документі помилково з м'яким знаком — Сенькевича.

к старухе и снова бить её начали. Стали кричать, что я за комендант, не могу золото выкачивать, а я ответил Лебедеву: «Ты — нач[альни]к отдела и тоже не можешь». Но я всё же ударил её тогда ногою. В это время уже был и Гришин, и он тоже ударил её один раз.

С женщинами так было. Сначала мы их брали в первую очередь, а потом Якушев велел брать их в последнюю очередь. Вот привёз я партию женщин, Гришин сказал Лебедеву, что Якушев интересуется, молодые ли женщины, ему Лебедев сказал их возраст, и он пошёл к Якушеву.

Когда я потом завёл женщин, Якушев и Гришин уже были в комнате, там же был и Бланк. Якушев велел первой раздеться, осмотрел её всю, потом Бланк подбежал, как врач стал её выстукивать, а потом повёл её с Сосновым. Я говорил Якушеву, что голых тяжело грузить, а он ответил: «Их мало, это неважно».

Так раздевали молодых женщин, а попадалась пара старух — их не раздевали, а так стреляли.

Раздевание женщин делалось в присутствии всей бригады, всех, кого я перечислил. Гришин тоже при этом присутствовал.

Как врач первым стал осматривать голых женщин Бланк, а потом Соснов подошёл и тоже изображал из себя врача. После этого, как зайдёт Якушев и есть женщины, он говорил: «Где врачи?». Так было всегда, когда женщин расстреливали, Якушев обязательно приходил и звал «врачей».

Как получилось с инвалидом, я смутно помню³⁹.

Пред[седательствующий] оглашает показания подс[удимого] Тимошенко на л.д. № 711 т. 2.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Раз я говорил, значит, так оно было, но я не помню сейчас, как это получилось, т.к., когда я очень уставал, меня сменяли, и я не знаю, с какой целью это было сделано. Предложил это сделать Лебедев и сказал он это не нам, а самому старику: «Лезь на женщину». Был ли при этом Гришин, я точно не помню, но, по-моему, и при Гришине, и при Якушеве Лебедев мог это сказать, раз они раздевали женщин. Повторяю, был ли Гришин, я уже не помню, но он систематически присутствовал при операциях. Если я следователю сказал, что Гришин при этом был, значит, так оно и было — Гришин значит был.

После 5-минутного перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Ломов там не было, были палки и медные трубы, которыми били осуждённых. Это ввели при Якушеве, когда Мартынюк рассказал, как он делает. Палками всё начальство било осуждённых, в том числе и Гришин избивал осуждённых, а для

³⁹ Йдеться про примус перед розстрілом літнього чоловіка-інваліда до імітації статевого акту з розстріляною жінкою. Як свідчив Г. Тимошенко на допиті 10 лютого 1939 р., «у момент виконання цієї вимого старий був застрелений на трупі цієї жінки». (Кокин С. Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора.— С. 162).

чего били, не знаю. Били не всех подряд. Мартынюк так говорил: «Чтобы шума не было, несколько раз палкой — и молчит». Тогда и стали бить.

Якушев, Гришин, Лебедев — все били.

Подсудимый ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Бить палками Мартынюк не советовал, а мы применяли иное. Так как в Бердичеве запретили расстреливать людей, у нас увеличилось количество осуждённых, и Мартынюк, приехав к нам, предложил посыпать помещение опилками, это мы и применяли. Палок никаких не было. Они на следствии только народились. Я говорил вчера, что сам ударил одного осуждённого, но не палкой, а рукою.

Я утверждаю, что палками никого не били. В гараже были деревянные палки, Кондрацкий с осуждёнными сидел, говорил им, что их сейчас поведут на работу, и оружие прятал, а дали ему палку на тот случай, если кто-либо закричит, чтоб его оглушить. Но таких случаев не было и палкой никого бить не приходилось. Палки были небольшие. При мне никаких булав не было. Термин «внушиловка» я впервые услышал в тюрьме г. Киева.

Подсудимый ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Как только людей начинали связывать, палки уже приносили. Когда людей выводили, палки брали в руки. Гришин — маленький, а палку брал здоровенную. Приводили сразу по 100–150 связанных людей, я стрелял и криков не слышал, но когда ко мне вводили, и у человека уже шла кровь с головы, значит, его уже палкой угостили.

Подсудимый ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Тимошенко чушь говорит. Ведь Якушев подписывал предписания о расстреле, значит, он раньше Тимошенко знал возраст расстреливаемых женщин. Женщин раздевали, но не догола, с них только снимали верхнюю одежду: пальто, платки. Да и вообще-то молодых женщин было осуждено очень мало.

Бригада работала на расстрелах раз 20 в месяц. Для работы из спец. ассигнований выдавалось рублей 150 на ужин. Ужинали не в гараже, а в комнате у Люлькова. Один раз я увидел Люлькова, вынесшего водку, и узнал, что они ужинают с водкой. Я их всех созвал и сказал, что если они не перестанут брать водку, я не буду выдавать деньги. Тогда по их просьбе я разрешил выдавать им деньги на 1[—ну] бутылку вина и на ужин.

Подсудимый ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Гришин нас не созывал на совещание, а это Лебедев передал: «Начальник сказал, что никаких денег не будет, т.к. коммунист должен не за водку работать».

Теперь о женщинах. Я утверждаю: Гришин расспрашивал, сколько женщин, каких возрастов, и говорил, что этим интересуется Якушев. Потом он докладывал это Якушеву, и оба они приходили.

Сам, своими глазами, я видел, как Гришин палкой ударял связанных, если они поднимали головы, но не избивал, а раз ударит поднявшего голову и всё.

Я стрелял из «Нагана», потом Лебедев велел для уменьшения шума стрелять из мелкокалиберной винтовки. Было 3 или 4 винтовки,

и приходилось иногда по 4–5 пуль выпускать раньше, чем расстреляешь осуждённого.

Я не говорил, что Гришин знал о том, что мы пьём водку, но мы пили при исполнении приговоров.

11 чел., которые сбежали, были задержаны на второй день или на третий. Привезли их уже избитыми, и их всех проверяли. Избиты они были сильно, но не настолько, чтобы ничего на лице нельзя было разобрать.

По-моему, за этот побег больше всех отвечал бы Игнатенко, т.к. он должен был их охранять. Поймали эту группу работники отдела, а кто именно, не знаю, я ни одного не поймал.

Гарантировать, что поймали и привели тех самых 11 чел., которые бежали, я не могу, но я знаю, что их проверяли.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Мелкокалиберной винтовкой разрешено пользоваться для расстрелов, но мы редко ими пользуемся, а в данном случае это было сделано потому, что у нас не хватало патронов, и нам АХУ выдало мелкокалиберные патроны.

Я хочу ещё пояснить, что деньги выдавали как премию не из денег тюрьмы, а из денег спецфонда.

Говорят, что я ударил один раз старуху Бронштейн, но, если б я её бил, то мне незачем было бы говорить с ней на протяжении полутора часов, а я её допрашивал полтора часа, раньше, чем передал её другим для допроса.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Система расстрела стала известна очень многим, т.к. при начале расстрела заводили мотор автомобиля. Это я узнал при моём аресте, когда сидел здесь в тюрпode, а отсюда следственных возили в тюрьму, и так вся тюрьма знала о расстрелах.

Дальше, по распоряжению Вяткина хотели расстреливать людей у нас в тюрьме, и он велел готовить помещение. Я помещение стал готовить, но сразу донёс об этом в Киев, и это распоряжение Вяткина отменили. Тогда Вяткин велел в ИТК копать ямы и оградить их забором для погребения трупов. Я за 4 дня построил забор, но опять донёс об этом в Киев, и велели забор снять. Я забор снял, и его перевезли куда-то сюда, в УНКВД.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы ГЛУЗМАНА: Деньги я получил у Глузмана в кабинете, кассир при этом был, но из чьих рук я взял деньги, не помню.

Глузман мне людей не давал с деньгами и задержал меня до 11 часов ночи. Потом я людей забрал и уехал. Когда Якушев ему приказал, Глузман мне людей выдал.

Один только раз привезли для расстрела людей прямо из района, это 40 человек из Бердичева. Больше людей прямо к нам не привозили, а я брал их из тюрьмы.

Бригада надоедала мне ежедневно из-за денег, которые обещали за барахло. Возможно, что я это сказал Глузмону, когда пришёл за деньгами.

В комиссии по приёму вещей расстрелянных Глузман не был, это я подтверждаю.

Подтверждаю, что беременную женщину Глузман не выдал, и я её не взял. Мне за неё тоже попало. Меня Якушев вызвал, говорит: «Ты — коммунист?», я говорю: «Да». Так он меня взял в оборот и велит снова ехать за ней. Я опять поехал, Глузман снова её не выдал и так не выдавал, пока ребёнку не стало месяца 2 или 3. Женщину тогда расстреляли, а ребёнка сдали через милицию в детясли.

Я не знаю, чтобы Глузман брал себе какие-либо вещи.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я хочу пояснить, что при выдаче денег — золота — 90 руб. меня не было.

Теперь о кожаном пальто Тимошенко. Я задержал возле тюрьмы человека в форме НКВД, оказавшегося шпионом и пытавшегося одну осуждённую взять из тюрьмы под видом доставки её на допрос. У него было прекрасное кожаное пальто. Когда я уехал на курорт и вернулся через месяц, мне Шемпер доложил, что меня наградили за поимку шпиона, а он за то имел скандал, т.к. заставили пальто шпиона дать Тимошенко.

Я сказал Шатову, что это некрасиво, т.к. работники тюрьмы знают это пальто, и лучше пусть он его не носит, но Шатов сказал: «Ничего».

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы Глузмана: Не помню, подавал ли Глузман рапорт наркомку в 1937 г. об избиениях арестованных или нет.

Рапорт об увольнении Глузман подавал.

О неправильности способа расстрела Глузман сигнализировал.

Чтобы Глузман докладывал о том, что заключённые друг друга бьют с целью дискредитации органов НКВД, не помню.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я хочу сказать, что если Гришин не помнит о подаче мною рапорта наркомку об избиениях, то я надеюсь, что здесь ему врач Фельдман напомнит, как он сам приезжал и расследование производил по моему рапорту.

После 5-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Вызв[анный] подс[удимый] ИГНАТЕНКО по сути дела пояснил:

Работая в Житомире с 1931 г. в НКВД, я поступил стрелком ОСНАЗ⁴⁰, затем меня выделили на оперработу по исполнению приговоров, и всё время я был на этой работе.

Тогда проходило ежедневно человек по 30, осуждённых к расстрелу.

Помню, из тюрьмы привезли для расстрела людей, и среди них был один бандит. Прокурор ему зачитал приговор, он стал бросаться и драться, и комендант его ударил. Прокурор сказал, что этого делать нельзя, и с тех пор я знал, что никого бить нельзя.

Когда начались массовые операции, я доставлял арестованных и использовался на подсобной работе, а потом меня назначили в 1937 г. на исполнение приговоров.

Тогда приводили по 150–200 чел., заводили их поодиночке и так расстреливали. Заводили всех сначала в большую комнату, говорили, что

⁴⁰ ОСНАЗ — рос.: особого назначения — особого назначения.

их отбирают на работы, и оттуда по одному выводили и заводили к нам, а мы расстреливали их. Никаких нарушений тогда при Шатове не было.

Когда Якушев приехал и узнал, как мы работаем, он велел продолжать так же работать. Избиений тогда никаких не было и барахолства не было.

Когда операциями стал руководить Стругачёв, были грубые ошибки, и назначили вместо него Лебедева. Потом приехал Гришин, и он ежедневно стал нас посещать при исполнении приговоров.

Если раньше женщин не раздевали, то потом их стали раздевать. Я тогда работал на погрузке трупов, т.к. все боялись их брать в руки. Когда стреляли, мы раньше трупы складывали в кучу, а потом их выносили.

Помню, женщин стали раздевать тогда, когда Гришин приехал, и из-за того, что женщин раздевали, неудобно стало их грузить.

Когда увеличилось число осуждённых, Лебедев сказал, что Гришин велел всех связывать, и их вязали человек по 50 и сразу по 50 чел. заводили в комнату, но связаны они были каждый отдельно. Когда первый раз завели сразу 50 чел., они услышали выстрелы, а возле них стояли наши люди с палками. Я стал их по одному подавать в двери, а Гришин в это время обходил их и бил палкой по голове. Люди падали, сами вставать не могли, т.к. они были связаны, и я должен был их выносить на руках для расстрела. Я устал, начал возражать против этого, а Гришин смеётся.

Кое-как этих людей расстреляли, я 2 машины нагружил и до того устал, что не мог больше таскать трупы, а никто не хочет мне помочь. На кладбище пока приехали, опоздали немного, сразу из-за этого напали на меня. Я сказал, что меня заставили не только трупы носить, но и людей на расстрел носить, потому и задержалась погрузка.

Потом стали раздевать женщин догола, и я возражал против этого, т.к. тяжело брать голых и носить, а потом ведь нужно их ещё сбросить с машины и закопать. Я возражал, а надо мной стали смеяться, но потом стали такую вещь делать: старух пропускают одетыми, а молодых женщин раздевают. Когда я возражал и приводил прошлые примеры, когда никого не раздевали, мне отвечали, что то было при Ягоде.

Потом одну старуху привели и перед расстрелом стали её допрашивать и избили её.

На протяжении этого времени стали брать барахло. Якушев мне приказал следить, чтобы никто барахло не брал, и я стал замечать, что именно те, кто говорит больше всех, и тащит барахло. Островский один раз взял сапоги. Я об этом доложил, и его уволили.

Может быть, я что-нибудь упустил, так я отвечу на вопросы.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: О вещах я могу сказать — их возили в тюрьму не раз, но я не возил. Тимошенко мне говорил, что на это было распоряжение Якушева и Гришина, чтобы на деньги за эти вещи покупать ужины. Из этих денег, я не знаю, дали ли мне что-либо, а на праздник мне дали 200 руб.

У арестованных я деньги не изымал. Найденные у меня 7 тысяч руб. — это деньги арестованных, сидевших в тюрьме. Деньги, либо изъятые при аресте, либо переданные кем-нибудь из родственников, но не из денег, принадлежащих осуждённому к расстрелу. Я эти деньги принял, не

считая, и запер в кассу, т.к. торопился к поезду в командировку, а когда я приехал, то сразу же меня на операцию взяли.

Помню, что когда я принял тюрпод, в нем 10 камер было, и тогда с людьми, закопанными в землю, так получилось. Я принял людей с тюрподом по счету, среди них были больные, кто из них числился за кем, я не знал, т.к. всё время работал на расстрелах.

Первым умер Пастушенко, которого я знал ещё по погранотряду, в котором мы служили. Скрипник — бывший нач[альник] милиции [г. Коростень] — потом умер. Что нужно было сделать, я не знал. Я вызвал лекпома Гненную, она говорит, что нужно вскрывать трупы, и, по её мнению, Пастушенко умер от заражения крови, а Скрипник, по её словам, умер, вероятно, от побоев. Я пошёл к Якушеву доложить об этом, но его не было, и я доложил об этом Семенову.

Умерших закопали во дворе я и Левченко.

Пред[седательству]ющий оглашает показания подсудимого⁴¹ Левченко на л.д. 313 т. 1.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Нет, не так было дело. Я сам с лекпомом Гненной ходил смотреть трупы, она сказала, что нужно трупы вскрывать, и я это доложил Семенову, а он велел составить акт. Я составил акт, а потом меня вызвали к Якушеву. Я зашёл с актом в руках, Якушев вырвал у меня из рук акт, разорвал его и стал на меня кричать, т.е. я ошибся раньше, это не Якушев, а Вяткин был тогда.

Он велел трупы закопать. Я сказал, что нужно их вскрыть, но Вяткин велел закопать. Я тогда ушёл от него.

Лекпом Гненная акт подписала сразу на Пастушенко, а на Скрипника ни я, ни она акт не подписали.

Уже после того, как трупы были закопаны, Вяткин был арестован, и тогда мне велели акты составить.

При Вяткине ещё я на партсобрание был вызван из-за того, что не хотел трупы закопать.

Я в тюрьму к Глузману ходил с актом по распоряжению нач[альни]ка. В акте было написано о смерти человека, а какая причина смерти была указана в акте, я не видел, не смотрел.

Актов я и Гненная подписали два, а в тюрьму я ходил с актом на умершего в комнате № 13. В подписанных мною актах было написано, что умерли люди от болезни.

В тюрьму я никакого мёртвого не возил.

Подс[удимый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Я помню, что услышал на 2[—ом] этаже крик и пошёл туда. Там группа сотрудников держит избитого арестованного. Мне сначала сказали, что человек пытался бежать в окно. Я его забрал, и Якушев велел доставить его в тюрьму живым, а если умрёт, сказать, что он бросился с машины. Я, Бланк, Игнатенко повезли этого арестованного. Привезли мы его живым, а пока снимали его с машины, он умер. Был с нами и Кондрацкий.

⁴¹ У документі помилково — свид[етеля].

Встретили мы Глузмана в воротах, я ему сказал, что человек кончается, он сразу вернулся и вызвал врача. Видно было, что человек сильно избит, но мы ответили на вопрос Глузмана, что он упал с машины.

Поскольку мне велели взять в тюрьме расписку за этого человека, а он уже труп, Глузман расписку не дал. Я доложил Якушеву, он стал ругаться, и на следующий день Глузман составил акт о смерти этого человека от побоев и дал расписку.

Подсудимый ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Это было незадолго до моего приезда в Житомир, и мне рассказали, что человек пытался бежать, бросился из окна, и его поймали.

Подсудимый ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Из окна бросился другой человек и тот другой остался живым, а умер арестованный, который не выпрыгивал, а о нем говорили, будто он собирался только прыгнуть.

Подсудимый ИГНАТЕНКО поясняет: Я с Тимошенко не ездил в тюрьму, но, когда человека этого везли в тюрьму, он был здоров, и везли его за то, что он пытался милиционера разоружить.

Подсудимый ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Случай, о котором сейчас говорит Игнатенко, был уже при мне.

Подсудимый ГЛУЗМАН поясняет: Тимошенко был в кабине, Игнатенко, Кондрацкий и ещё человек 10 были в кузове машины с избитым. Правду рассказал Тимошенко, человек был избит и умер от побоев.

Подсудимый ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Зубы вырывать приказал Гришин. Он сказал при мне Костенко, что врагов незачем закапывать с золотыми зубами. Тогда Костенко и начал с зубами копать. Один раз я пришёл домой и обнаружил у себя в кармане золотые коронки и чужой носовой платок. Я собрал эти зубы в бумажку, чтобы потом сдать их, а сам стал умываться. Не успел я умыться, как пришла машина, и меня забрали на операцию, а я коронки не захватил и потом забыл о них.

Через некоторое время, когда я снова был на операции, один из убитых оказался недострелянным, бросился на меня, а за ним и второй поднялся. Мне показалось, что все поднялись и кинулись на меня, и с тех пор у меня бывали припадки. Из-за этого у меня и память хуже стала, и я болел долго. Этих двух оживших людей я бил.

Другие случаи избияния были у Гришина. Он избивал осуждённых и требовал сказать, есть ли оружие или ещё что-нибудь. Делал он это в той комнате, где Тимошенко стрелял.

Подсудимый ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Если б ещё допрашивали в моей комнате, то я бы совсем бросил «Наган», т.к. иначе всех застрелишь.

Игнатенко перевирает, ни разу при мне Гришин не велел вырывать зубы у трупов.

Не было ни одного случая, чтобы человек вставал и бросался на Игнатенко, были случаи⁴² только, что оказывались раненые, ещё не умершие, но никто из них не вставал, а стонали, когда их начинали брать на погрузку, и тогда их достреливали.

⁴² У документі в однині — был случай.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я утверждаю, что действительно два человека оказались совершенно живых. Антропов услышал мой крик, открыл дверь, а когда увидел, что они со мною борются, он удрал оттуда. Потом вскочил Вишнеvский и он одного из осуждённых застрелил, а тогда и я другого застрелил.

Я не увиливаю от прямого ответа о золотых коронках, коронки и зубы я не вырывал, а кто их положил ко мне в карман, я не знаю.

После 5-минутного перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что в перерыве подсуд[имый] Игнатенко просил объявить перерыв, т.к. он чувствует себя плохо.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я говорил, что у меня по ночам бывают припадки, поэтому я прошу сделать перерыв до утра.

Подс[удимый] ГРИШИН-ШЕНКМАН заявляет: Я прошу вызвать в качестве свидетеля Костенко, на которого ссылается Игнатенко, будто я при нем приказал вырывать золотые зубы из ртов трупов.

Совещаясь на месте, ВТ выносит **ОПРЕДЕЛЕНИЕ**:

Имея ввиду заявление подс[удимого] Игнатенко, ходатайствующего об объявлении перерыва, а также и его заявление о болезненном состоянии, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**:

Объявить перерыв до 10 ч. утра 29 июня с.г. и до начала утреннего заседания 29 июня вызвать врача-невропатолога для медосмотра подс[удимого] Игнатенко.

Ходатайство подсуд[имого] ГРИШИНА о вызове дополнит[ельного] свид[етеля] Костенко разрешить в ходе суд[ебного] следствия.

В 23 ч. пред[седательствующий] объявил перерыв до 10 ч. утра 29.6.[19]39 г.

29-е июня 1939 г.

В 10 ч. суд[ебное] заседание объявлено продолжающимся.

Секретарь доложил, что согласно определения Трибунала сегодня, в 9 ч. 15 м., подс[удимый] Игнатенко осмотрен врачом-невропатологом (нач[альником] санчасти УНКВД) т. Дороговцевым, которым написано заключение.

Трибунал ознакамливается с заключением врача.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда:

Днём я себя хорошо чувствую, а с вечера и ночью я ничего не сообщаю. Если можно, я просил бы чтобы вечером, часов с 10, объявляли перерыв, а так я могу свободно сидеть.

Пред[седательствующий] оглашает заключение врача.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО заявляет: Если мне не поверят, то можно будет взять справки, что я раньше лечился.

Выз[анный] подс[удимый] СОСНОВ по сути дела пояснил:

Я прошу вопросы задавать мне, но могу и сам рассказать.

Было так. Я должен был привозить опилки, грузить машины трупами и воду носить, и уборку делать после расстрела.

Моё преступление было такое. Один раз привезли женщин. Я и Игнатенко были в другой комнате и нас туда не пустили, т.к. мы были очень грязны[ми]. Вот я знаю только то, что вырвал 4 зуба клещами. Клещи всегда были при мне для того, чтобы воду открывать, т.к. кран был неисправен, на нем не было кольца. Вырвал я 2 золотых и 2 простых зуба по распоряжению Тимошенко. Положил я их на ящик возле крана, а кто их забрал, не знаю.

Подс[удимый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я один раз только был там. При мне и Соснов, и Игнатенко рвали зубы у трупов. Игнатенко я ничего не сказал, а Соснову я сказал, чтоб он прекратил это. Игнатенко я ничего не сказал, т.к. он был там хозяином, но я о нем в ту же ночь сказал Гришину.

Подс[удимый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Это ложь, мне Глузман об этом не докладывал.

Подс[удимый] СОСНОВ на вопросы суда: Глузман врёт, будто он видел, что я рвал зубы. Если он и видел, то он должен был сказать: «Не делай этого», а он стоял, смотрел нашу работу, смеялся и говорил: «Молодцы ребята». Мы так работали, что глаза кровью налились, и нас по 3 дня не выпускали из помещения.

Раньше мы знали, что приходил прокурор, всё делали как нужно, а когда приехали Якушев, Гришин и Вяткин, тогда и начались безобразия.

Подс[удимый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Никогда я не говорил, чтобы вырывали зубы у трупов, т.к., наоборот, я всех торопил с уборкой. Пусть Соснов скажет, что он ответил Глузмани, если тот сделал ему замечание.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы подс[удимого] ТИМОШЕНКО: Глузман мне замечания не делал.

Подс[удимый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Часов в 5 утра я шёл домой. Домой шёл и Гришин, и вместе с ним я зашёл в подвал. Там расстрел уже закончили и на машины грузили трупы. В углу я увидел Соснова, он вырвал зуб и положил его в карман. Я ему сказал: «Что ты делаешь?» и сразу вышел, т.к. мне стало дурно. Подошёл я сразу к Гришину и доложил ему об этом.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: На следствии Соснов говорил, будто я сам и клещи ему давал вырывать зубы, а здесь он уже иначе сказал.

Пред[седательствующий] оглашает показания подс[удимых] Глузмана и Соснова (протокол очной ставки) на л.д. № 570—573 т. № 2.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Глузман всегда только заходил в гараж, ничего он не видел. То, что я вырвал 4 зуба, я сразу сказал. Один только раз Глузман приходил, он врёт. Сам он вёл здесь следствие и при этом бил допрашиваемого — нач[альника] ИТК Буржинского он при мне бил.

Клещи у меня были только для водопровода.

Вырванные зубы я не прятал себе, а только положил их возле крана для обмывки. Следователю я тоже так говорил.

Пред[седательствующий] оглашает показания подс[удимого] Соснова на л.д. № 319 т. 1.

Подс[удимый] СОСНОВ на вопросы суда: Я здесь правду говорю.

С женщинами так было. Один инвалид не хотел назвать имя и отчество, и потому его оставили. Когда всех мужчин, а потом и женщин, уже расстреляли, он свою фамилию назвал, и тогда ему предложили сделать с женщиной то, что я говорил следователю, здесь неудобно это повторять. Повели его Лебедев и другие в комнату. При этом были Гришин и Якушев.

Подс[удимый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Якушева тогда не было, а Гришин, не помню, был при этом или нет.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Гришина при этом не было.

Подс[удимый] СОСНОВ на вопросы суда: Я не валю на Гришина, а я правду говорю, что он был.

Инвалида привёл Тимошенко, сказал ему: «Ложись, и потом пойдёшь домой». Инвалид лёг и начал то, что от него требовали, и тогда его Тимошенко застрелил.

Гришин и Лебедев после этого зашли тоже туда. Слышали ли они, что Тимошенко велел старику лечь на женщину, я не знаю.

Подс[удимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Когда я передевался после расстрелов, я услышал смех в той комнате, где расстреливали. Зашёл я туда, там было человек 8, инвалид был связан. Гришина при этом не было.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Зуб и Лебедев устанавливали имя и отчество инвалида, а потом его завели. Во второй комнате все были в это время, старика повёл Лебедев и говорит: «Ложись на женщину», я сказал: «Скорей, некогда», и не помню, я или Игнатенко сразу застрелили его. Я утверждаю, что Якушева не было, а Гришин, просто не помню, был ли. Кондрацкий при этом был.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: При раздевании женщин я не бывал, а только смотрел из другой комнаты. Так я и следователю говорил.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] подс[удимого] Соснова на л.д. № 326 т. 1.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Я следователю говорил, что когда женщин раздевали, я смотрел из смежной комнаты, а там были Бланк, Лебедев, Тимошенко, Костенко, Антропов, Федотов, Гришин заходил, Кондрацкий был при этом.

Врачами представлялись Лебедев, Антропов⁴³, и они брали женщин за грудь, а я даже возражал против того, что их раздевали, жаловался на это коменданту, и из-за этого комендант на них кричал, т.к. нам грузить голых было тяжело.

⁴³ У документі помилково — Антропов.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Соснов возражал против разделения этих женщин, т.к. голых тяжело грузить, это верно, но то, что он себя врачом представлял, это тоже правда.

Почему Соснова называли врачом, я скажу: когда мало было осуждённых, мы проверяли, или уже мёртв расстрелянный, для чего к векам подносили горящую спичку, и всегда этим занимался Соснов. Из-за этого его и стали называть врачом. Когда же первый раз раздели женщин, Якушев назвал Бланка врачом, и Соснов тогда сам назвал себя врачом и тоже подошёл.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Соснов всегда был очень грязен, и когда я расстреливал женщин, его не пускали туда, поэтому он не мог представляться врачом.

При случае с инвалидом я не был и сказать об этом ничего не могу.

Пред[седательствующий] оглашает показания подс[удимого] Соснова на л.д. № 584 т. 1.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Это Игнатенко ударил железом одного осуждённого, оказавшегося нерасстрелянным, который поднялся и хотел удрать.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] подс[удимого] Игнатенко на л.д. № 585 т. 2.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я не был, когда старика заставляли лезть на мёртвую женщину, я был в коридоре и только слышал смех из комнаты.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Дверь в мою комнату была открыта, ноги трупов были и в коридоре, т.к. полно было трупов, а в комнате и коридоре стояли все участники операции и хохотали. При этом был и Игнатенко.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Я зубы не рвал, при расстреле инвалида я не был. Меня они оговаривают потому, что мне велели смотреть за вещами, и я жаловался начальству на тех, кто барахолит, а на меня из-за этого злились.

При доставке людей из Бердичева я ломом никого не бил. Случалось, что расходуешь 3 заряда — 21 пулю, а человек ещё жив, но палкой или ломом до расстрела я никого не бил.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я однажды дежурил по УНКВД, и ко мне привели одну женщину, всю завшивевшую. Зашли Бланк, Кондрацкий и др. Тимошенко сказал, что эту женщину задержали на кладбище, и пошёл к Якушеву. Бланк и Кондрацкий спросили её, или она женщина, она ответила: «Да». Тогда ей предложили поднять юбку, и она подняла юбку, всю себя оголила, и они все стали смеяться. Потом её забрали в тюрпод, и через некоторое время Тимошенко мне сказал, что она оказалась шпионкой, и её расстреляли.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Я ездил на кладбище проверять работу и охрану и сопровождал машину с трупами. При подъезде к кладбищу я заметил человека в кустах, пошёл к нему. Из кустов вышла женщина и пошла по дороге. Была она в мужской шапке, и я её пропустил с кладбища, а за кладбищем задержал её, спросил я, кто она, она

сказала, что идёт в Левков. Я ей предложил подвезти её, т.к. еду туда, а она заявляет, что живёт в другом селе. Тогда я ей говорю, что и это село по дороге, а она отказывается и называет третье село. Тогда я её задержал, привёз сюда, оставил дежурному Глузману, а сам пошёл доложить о задержании начальнику. Потом зашёл Бланк, и я ему сказал, что не разберёшь, женщина это или мужчина, так она грязна, а эта женщина тогда берет, поднимает юбку и говорит: «Смотрите, если хотите знать». Её умыли, и после того Бланк взял её на допрос. Через некоторое время я поинтересовался и спросил [у] Якушева, кем оказалась эта женщина, он ответил, что фамилия её Павлович и она — шпион, ходила в Польшу и обратно.

Прошло потом ещё недели три и среди осуждённых, которых мы расстреливали, была и эта Павлович. Если говорят, что она была сумасшедшей, то, наверное, следствие это должно было установить, а я этого не мог знать. Нет, я ни от кого не слышал, что эта женщина — сумасшедшая и давно ходит по городу.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Часы осуждённых я не забирал и не давал показаний о том, что забирал часы у осуждённых.

Носильные вещи я сам не брал, а с разрешения Лебедева и Тимошенко я взял кожаное пальто, т.к. по дороге машина застряла, и при её вытаскивании я изорвал на себе одежду и всю её вывозил в грязь.

При расстреле 11 бежавших я их заводил в комнату для расстрела. Я думал, что их я буду расстреливать, а меня туда не пустили. Зашли туда Лебедев, Якушев, Гришин и другие — начальники отделов.

Последним я завёл того, которого сам задержал, и вместе с ним зашёл, а мне велели выйти и найти Агапова. Я пошёл его искать, а в это время он сам зашёл туда. Когда я потом зашёл, дверь уже была заперта. Потом дверь открыли, я вошёл с Тимошенко, но тех людей нельзя было уже узнать, так они были избиты. Когда мы грузили их на машины, то у них были обожжённые костюмы. Кроме того, когда дверь открыли, и мы все вошли, то мы стали стрелять в тех, кто из них ещё жив был.

Пред[седательствующий] оглашает показания подсуд[имого] Игнатенко на л.д. № 685 т. 2.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я говорил вчера об этом. Из связанных некоторых избивали. Потом я на совещании говорил, что из-за этих избиений меня заставляют делать лишнее, и я устаю даром.

Тимошенко не всегда стрелял, когда он уставал, стрелял Бланк. Когда Бланк стрелял, тогда и Тимошенко участвовал в охране, а Гришин вообще специально был булавой осуждённых.

Был ли Тимошенко среди истязавших 11 чел., я не могу сказать. Я помню, что когда их забрали в комнату, он был во дворе.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: При расстреле 11 чел. бежавших, я не помню, был ли и Тимошенко или нет.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Был[шего] председателя ОСО когда расстреляли, Гришина не было.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: У осуждённых деньги забирали. Это так делали: осуждённых опрашивали, есть ли у них деньги, комендант деньги забирал, а куда их девал, не знаю.

Когда арестованных стали связывать и приводить сразу по 50 чел., у нас оружие забирали, и я приносил большие палки вместо оружия. Из общей группы осуждённых брали по 10 человек и заводили во вторую комнату, а оттуда уже брали на расстрел в третью комнату. Осуждённых били сзади по темени палкой.

Я вырвал 4 зуба, из них 2 золотые коронки и 2 простых зуба. Кто ещё рвал зубы у трупов, я не знаю.

После 5-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что поступило сообщение о том, что свид[етель] Костенко, о вызове которого ходатайствовал подсуд[имый] Гришин, переведён в г. Проскуров.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН заявляет: На вызове Костенко, Орловского, Шнайдера и друг. я настаиваю.

Костенко — по эпизоду отдачи мною приказа вырывать золотые зубы у трупов, Орловского — для проверки его показаний, а остальных — о моей работе в Одессе.

Совещаясь на месте, ВТ выносит ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Обсудив ходатайство подсуд[имого] Гришина о вызове свидетеля⁴⁴ Костенко и имея в виду, что обстоятельства, в подтверждение которых подсуд[имый] Гришин просит вызвать свид[етеля] Костенко, освещаются рядом явившихся свидетелей,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: В ходатайстве подсуд[имого] ГРИШИНА о вызове свид[етеля] Костенко отказать. Ходатайство в части вызова свид[етеля] Орловского разрешить в ходе судследствия, запросив ОУНКВД о месте пребывания свид[етеля] Орловского.

Выз[анный] подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ по сути дела показал:

На работу в комендатуру я попал впервые в августе 1937 г. Попал я таким образом. Все интересовались, как это происходит, а людей не хватало, и Шатов велел взять меня, Бланка и друг. работников Особого отдела.

В то время никаких извращений не было, а с приездом Якушева всё изменилось. К нему приехал Мартынюк, предложил по 10–20 чел. сразу водить на расстрел, так и стали делать.

Привозили осуждённых машинами, брали по 10 чел., вводили в тюрпод, вязали им руки и, чтобы они не догадывались о расстреле, мне предложили объявлять им, что якобы я их беру на строительство и буду возить машинами. Так их заводили в гараж. Брали по одному, стреляли по одному, но выстрелы все слышны были, несмотря на работу автомотора.

В каких условиях мы тогда работали. Помещение не было приспособлено. Нам чуть ли не план давали, если сегодня 100, завтра нужно

⁴⁴ У документі помилково — подс[удимого].

расстрелять 200 чел. Я работу совмещал, всю ночь работал здесь, а днём вёл следствие.

Всю ночь стоишь по колено в крови, в гадости, и дошло до того, что я чуть не забастовал и потребовал отдыха.

Случалось, что весь вывозишься, и поэтому с себя мы начали сбрасывать одежду. Тогда Якушев велел не работать в своём. Лучшую одежду с расстрелянных снимали, в ней грузили трупы и закапывали их.

Патронов не хватало, и нас, особистов, заставляли ночью ездить в части доставать патроны. В итоге ночью поднимали командование, вели карнача к складу, и что мы ни говорили, но военнослужащие догадывались, для чего нам нужны патроны, и это, по сути, было расшифровкой.

Были случаи, что человека только ранили, а он потом очнётся и кричит: «Гайдамаки, добейте!». Был случай, что один осуждённый оказался легко раненым. Он поднялся, бросился на Игнатенко, и его тогда добились.

Потом поступило распоряжение Якушева вооружиться дубинами для охраны, и если кто-либо из осуждённых догадается о расстреле и крикнет, стараться его оглушить, т.к. мы тогда брали сразу по 100–200 чел. Так мы и делали.

Потом о выпивках. Нам специально давали деньги, мы перед операцией выпивали, а после операций обязательно пили, и нач[альст]во приходило для этого. Затем было приказание одеждой расстрелянных одеть шофёров, и в кожаные одели всех шофёров.

Потом нескольким работникам дали кожаные пальто, затем и мне дали пальто, которое я носил, пока мне не предложили его сдать.

От работы опухали ноги, и обувь на следующий день не оденешь. Поэтому каждый раз я брал для работы большие сапоги. Так у меня собралось 6 пар сапог, которые я сдал, кроме 2 пар. На предварительном следствии я сказал, что 2 пары сапог жена продала, но это я сказал потому, что оставил их себе вместо своих двух пар, выброшенных потому, что они оказались разъеденными. Можно проверить. Я в то время опомнился и подумал, что я сделал, и просил пойти проверить — сапоги эти у меня лежали в шкафу, проданы они не были.

Есть ещё у меня большая вина. Тогда и я, и другие, не считали это преступлением, когда сбросишь свою запачканную одежду, а вместо неё оденешь что-нибудь снятое с расстрелянного. Это происходило на глазах всего нашего коллектива и начальства: секретарь ПК⁴⁵ Зеленер, Гершкович, Манько — всё это знали, и потому мы не считали это преступлением. Кроме того, мы узнали, что это везде делается, и приняли это за закон.

Теперь об избиении. Мне приходилось тоже с дубиной охранять осуждённых, но я никого не бил и не потому, что не хотел бить, а потому что возле меня не кричали, а то и я ударил бы.

Когда привели сестру Троцкого, нас всех выслали, а её стали избивать и спрашивать, где золото. Она сказала. Лебедев и Гершкович поехали за

⁴⁵ ПК — Партийний комітет.

золотом, а мы тогда её спросили, сколько у неё золота, и она ответила нам, очевидно, считая нас бандитами: «Хватит вам на всех».

Теперь об 11 бежавших. После побега их всех поймали. Когда их привели на расстрел, они были уже избиты. Нам велели связывать пока других осуждённых, а Лебедев и ещё 3–4 человека пошли с 11 беглецами. Когда потом всех расстреляли, и мы их грузили, то снизу, среди расстрелянных, первыми были обгорелые. Ходили с ними для исполнения приговора Гришин и Лебедев, а ещё кто, не помню.

О доставке трупа в тюрьму я раньше говорил и сейчас говорю — не знаю. Здесь об одном говорили, потом о другом, прыгавших из окна, но я не возил ни одного из них в тюрьму.

Теперь о моих однофамильцах. Их прошло человек 5. Мне, признаюсь, было неудобно, т.к. товарищи могли подумать, что это родственник, но мне и некогда было, чтоб я мог на ком-либо из осуждённых кататься верхом.

Теперь об издевательствах над женщиной Любкой. Тимошенко мне сказал: «Зайди в дежурку и спроси у сидящего там человека, мужчина он или женщина». Я зашёл, спросил, а она подняла юбку. Эту женщину допрашивали, она дала показания, что она — шпионка, и её осудила тройка к расстрелу.

Дальше. Один раз привели одного военного, вызвали Ремова и велели ему расстрелять его, т.к. он вёл следствие. Ремов близорук, целил ему в голову, а попал в живот. Военный стал кричать, и я тогда выхватил «Наган» и застрелил его.

Дальше. Нас вызвали в Финотдел, давали по 250–300 руб. и говорили, что это за операцию. Потом Якушев велел отбирать квитанции на деньги у осуждённых, мы их отбирали и сдавали, а получили ли деньги по ним, я не знаю.

Теперь о показаниях Глузмана. Он говорил, что моя жена ездила с че-моданами в Киев вместе с Шатовым и Глузманом, я потом расспрашивал и установил, что жена моя с ними не ездила.

Глузман также утверждает, что я привозил убитого и подписал акт в тюрьме. Я утверждаю, что об этом акте я ничего не знаю.

Теперь о моей очной ставке с Игнатенко. Он говорит: «Я видел, что Кондрацкий прыгнул», а куда, на что прыгнул, он не говорил. Когда же Яркин стал прочитывать его показания, там уже оказалось написанным, будто я прыгнул на плечи однофамильца. Потом Яркин вышел на минуту, и мне Игнатенко сказал: «Лёня, этого не было, но у меня вымогают».

Что я хочу ещё сказать. Если бы был прокурорский надзор, всего этого не было бы. Как тогда смотрели на прокурора? Если бывал один осуждённый Воентрибуналом, его при прокуроре расстреливали, а начальство злилось, т.к. это затягивалось минут на 40, а нам за 40 минут нужно 60–70 чел. расстрелять. Поэтому прокурора побыстрее всегда спроваживали и без него начинали остальных пропускать.

Всё, что мы делали — выпивки и всё остальное — делалось при секретаре парткома Зеленере, при начальниках отделов, Управления, и никто

не считал это незаконным. При прокуроре мы этого не делали, но при нём это было в начале операции, и при нём мы были трезвы.

Я хочу ещё вот что сказать. Эта работа отразилась на моём здоровье, но всё же я себя виню, что не оправдал доверие партии.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы суда: Случая принуждения к сожительству инвалида с мёртвой женщиной я не знаю.

Осуждённых били и Лебедев, и Якушев. Гришин бывал там, но бил ли он осуждённых, я не видел. Были для этого медные трубы, и только мы придём, Лебедев подавал команду: «Бригада, за внушиловки», и все хватали трубы и шли на охрану.

Я не раз стоял с этой дубинкой и ударил бы осуждённого, если бы кто-нибудь закричал вблизи от меня, но возле меня не кричали, и мне незачем было бить людей.

Лебедев, Якушев часто говорили: «Кровь с носу, душа вон, а сделать», давая в такой форме приказания.

Нас поощряли брать вещи. Якушев сам говорил: «Что вы возитесь, заверни в газету и неси, всё ведь наше». Если бы вся одежда была качественной, вероятно, её учитывали бы, а то большинство было рваное. В основном было так: руки осуждённому свяжут, сверху на плечи ему накинут пальто или тужурку, а когда вводили уже на расстрел, тогда срывали у осуждённых с плеч пальто.

Некоторых раздевали раньше под видом отправки в баню.

По-моему, если бы все они догадались о том, что их будут расстреливать, то они от нас ничего не оставили бы, т.к. их бывало по 200 чел., а нас — 10–12 чел].

Женщин раздевали иногда догола и так водили на расстрел. Приказывали это делать Якушев, Лебедев, Люльков. От Гришина я таких приказаний не слышал. Делали это для того, чтобы посмотреть на голых, и как они на это будут реагировать.

На партсобрании об этом речи не было, т.к. нас всех предупредили, что если кто-либо заикнётся, то завтра же сам будет расстрелян. Кроме того, Бланк — член парткомитета — сам это делал.

Я думал сначала, что мне предоставлена честь исполнением приговоров, а когда прибыл Вяткин, стали арестовывать то одного, то другого, и я стал уже думать: «Сегодня ты стреляешь, а завтра — тебя». Это было из-за того, что я один раз допрашивал человека, когда Вяткин вошёл. Я доложил ему о допросе, а он в присутствии арестованного стал меня спрашивать, не поляк ли я. На следующий день, как будто я — поляк, по этим мотивам меня хотели перевести в ОМЗ, потом — в АХО. Я специально ведь ездил за метриками из-за этого. По этому поводу я с Вишневым и другими делился. Вишневский сейчас ещё здесь работает, он сможет это подтвердить.

По-моему, при расстрелах Якушев чаще бывал, чем Гришин, но, возможно, что я не замечал его, когда он заходил прямо в комнату, отведённую для расстрелов.

Якушев брал палку, стоял и бил ею осуждённого. Чтобы Гришин стоял с палкой, я не замечал, но, возможно, что и он это делал. Я мог этого

и не замечать, т.к. за ночь я раз 300 бегал вверх и вниз, приводя арестованных для расстрела.

Когда область организовалась, начались массовые расстрелы. Сначала 100–120 чел., потом по 150–200, 250 и по 300 чел. мы расстреливали за одну ночь.

Связывать осуждённых начали из тех соображений, что [если] по одному приводить — мы всю ночь тратили на 100 чел. Когда же мы их связывали, мы сразу приводили по 100 чел., клали их, и в лежащих стреляли. Стреляли из «Нагана», потом — из мелкокалиберки.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: При Вяткине я в комендатуре не работал ни одного дня и не знаю, кто тогда руководил исполнением приговоров.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Голубев, а потом Коротченко руководили при Вяткине этими операциями. Я раз зашёл к Вяткину, там были Голубев и Коротченко, и они сказали, чтобы я поторопился с выдачей требуемых ими 280 чел. Я спросил, как они успеют исполнить такую массу приговоров, а Коротченко ответил: «Мы теперь не стреляем, а ломами головы ломаем».

Хочу ещё вот что сказать. Вяткин мне категорически запретил пускать прокурора в тюрьму. Мало того, когда один раз приехал Рогинец, мне Вяткин велел не допускать его в камеры, и я это сказал Рогинцу. 11 декабря 1938 г., при моем допросе, это мне Рогинец сам напомнил. Поэтому я могу сказать, что и сюда прокурора не пускали.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Шатов, шофёр Криворучко ехали в Киев и подвезли меня. С нами ехала и жена Кондрацкого. Она возле завода «Большевик» встала. Сам я тоже ездил и тоже вставал возле Станкостроя.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: На очной ставке Глузман сказал, что жена моя ездила с ним при получении Шатовым машины «Паккард», а машина эта была получена в мае 1937 г., задолго до моего участия в исполнении приговоров.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Трупы в тюрьму привозили человек 12. Среди них я видел и Кондрацкого. Я не говорю, что он бил или убил привезённого, но он его привозил.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: У нас был один Леонид — Кондрацкий. Когда мы привезли труп в тюрьму, кто-то сказал: «Лёня, бери». Поэтому я и говорю, что Кондрацкий был при доставке трупа. Возили труп Люльков, Бланк, Игнатенко, я, Паншин или Островский — за рулём, было ещё несколько человек.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я этот труп не принял, а Тимошенко не хотел его обратно забрать. Тогда я вызвал прокурора Юганова и на следующий день составили акт. Подписали акт Тимошенко, Бланк, врач, прокурор, а подписали ли акт Кондрацкий и Игнатенко, не помню.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ заявляет: На очной ставке Глузман говорил, что и я акт подписал.

Пред[седательствующий] оглашает показания подсуд[имого] Глузмана на л.д. № 627–628, т. 2-й.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: По-моему, акт составили на следующий день, а не в день доставки трупа.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Глузман в конце показал на очной ставке, что он настаивает на своих показаниях, но просил бы проверить, действительно ли я возил труп.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] Глузмана на л.д. № 630 т. 2.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Когда расстреливали Линькова — работника ОСО, собралось много народу, человек 15, так как Линькова все знали. Был ли среди собравшихся и Гришин, не знаю. Били ли Линькова перед расстрелом, я тоже не видел.

Оперсовещания с бригадой бывали. Шла речь об облегчении нашей работы, т.к. с нас, особистов, требовали работы и здесь, и в Особом отделе.

Затем на совещании шла речь о том, что Наркомат запретил отпускать деньги на ужины. Гришин эти совещания не проводил, а проводил их Якушев.

Не Тимошенко, а Лебедев говорил, что барахло всё пойдёт в тюрьму, и к празднику нам дадут по 1000, по 600 или 700 руб., которые будут получены за это барахло.

После 10-мин[утного] перерыва судзаседание продолжается.

Вызв[анный] подсуд[имый] ГИРИЧ по сути дела поясняет: В 1937 г., в конце ноября, я приехал в Житомир со Смелянским из Новоград-Волынска и ждал его с машиной возле Облуправления. Вечером Островский и Паншин меня позвали во двор и предложили отремонтировать насос автомашины, а затем грузить машину. Я машину отремонтировал, а потом с Сосновым грузил трупы на машину. После расстрелов я увидел, что все начинают разбирать вещи, снятые с расстрелянных, потом мне Островский дал сапоги, а остальные сами стали себе вещи выбирать. Дали мне сапоги и полушубок, потом все в комнате № 11 поели, и утром я уехал к себе в Новоград-Волынск.

В первых числах декабря я опять приезжал в Житомир и снова работал на погрузке трупов. Мой полушубок я вывозил в крови и грязи, сбросил его, и мне взамен его дали пальто.

3-й и последний раз я здесь работал 16 декабря. Сопровождал я машину с трупами. Третий раз я ничего из вещей не брал, т.к. был здесь без своей машины. Попал я сюда потому, что приезжал Гришин или Лебедев в машине, и меня взяли показывать ему дорогу по районам, а в круговую мы приехали в Житомир. Тогда ещё был такой случай. При погрузке я снял свои сапоги, поставил под лестницу, а для работы одел старые, но мои личные сапоги кто-то забрал, и тогда мне за них дали другие, похуже, и обещали возместить стоимость моих сапог.

Перед тем, как уехать поездом, я у Люлькова на диване лёг спать. Меня разбудили, и я отвёз машину с мешками в тюрьму, потом вернулся и лёг отдыхать.

Меня обвиняют в разглашении сведений об операции. Я при приезде из Житомира требовал командировочные, а он — Смелянский при секретаре РО сказал: «Ты там работал, там и получай». После этого секретарь ко мне пристал, и я ему сказал об этом, но никого, кроме себя, не называл. Я не считал это преступлением, т.к. говорил это в стенах и сотруднику НКВД, тем более, что в присутствии секретаря мой начальник сам заговорил об этом.

Подсудимый] ГИРИЧ на вопросы суда: Я не говорил, что мне за работу деньги платили. То, что записано на очной ставке, будто я говорил о получении денег, это меня вынудили подписать.

На очной ставке с Игнатенко я правду говорил. Яркин и Кутер⁴⁶ делали эту очную ставку. Я им рассказывал на очной ставке, что при ремонте мною машины у меня хотели забрать инструменты и говорили, что они понадобятся Соснову и Игнатенко рвать зубы. Утром меня Игнатенко просил подвезти его домой с вещами, но у меня машины не было, и я его никуда не возил.

Подсудимый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я доложил нач[альни]ку один раз, что Терещук забрал на машину Гирича барахло, а я велел снять. Я у Гирича не просил вести мне барахло, т.к. я ни одной вещи не взял. Когда Островский и Гирич были, я ругался, потому что я носил трупы, а Островский занимался тем, что рвал шапки и искал в них деньги.

Подсудимый] ГИРИЧ на вопросы суда: Свои показания, данные на очной ставке с Игнатенко, я подтверждаю. Мне сказали, что клещи нужны Игнатенко рвать зубы, а как он их рвал, я не видел.

При мне один раз избивали осуждённых. Избивал их Лебедев палкой по головам. Н[ачальни]ком Облуправл[ения] тогда был Якушев. Гришина я на операциях не видел.

Подсудимый] ГИРИЧ на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Был в последний раз моего присутствия на исполнении приговоров такой случай. Один осуждённый назвал себя Кондрацким, а уполномоченный Кондрацкий сказал: «Однофамилец», взял его сзади за плечи и так потащил. Нет, он на нём не ездил верхом, но грубость была. Обычно осуждённого приводили к столу, Лебедев проверял установочные данные, потом палкой по голове ударял осуждённого, и потом уже вели его на расстрел. Ударили ли и того Кондрацкого, я не помню.

Подсудимый] ГЛУЗМАН на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: И Якушев, и Гришин, и Вяткин запрещали пускать в тюрьму прокурора. Чтоб я не пускал в тюрьму Рогинца и об увольнении врача — жены прокурора Черкеза мне говорил Вяткин, а вообще о прокурорах, и Гришин, и Якушев говорили, не впускать их.

⁴⁶ У документі помилково — Кутарь.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Ни Якушев при мне, ни я сам не давал таких указаний. Поэтому я бы просил затребовать протокол совещания прокуратуры, в котором я участвовал.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Со мною инсценировали расстрел 3 раза.

Раньше в тюрпод была одна дверь, а в гараж — другая из одного и того же коридора. Один раз Ремов вызвал меня на допрос. Зашли. Голубев, Люльков, а в соседней комнате стояли и смотрели Бережной и его жена. Меня при допросе били, а они смеялись.

Часа в 4 ночи меня с допроса взяли и повели не к двери в тюрпод, а к двери в гараж, где расстреливали.

Второй раз — в октябре 1938 г., когда в тюрьме были слухи о войне из-за Чехословакии. Мы все ждали расстрела. Меня вызвали на допрос ночью и с машины повели прямо в гараж. Игнатенко опять взял меня крепко за руки, заставил бросить вещи из рук, а Левченко взял второго заключённого и повёл его в гараж, и я тогда упал в обморок.

Третий раз — Игнатенко с Анфиловым повели меня к гаражу, снова инсценируя расстрел.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Это всё ложь. Глузмана я никогда не водил ни на допрос, ни с допроса. Верно, я вчера говорил, что один раз водил его, но в машину, а не в гараж.

Вызванный] подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО показал: Я случай с Глузманом знаю. Я был внизу, а Глузман вверху плакал. Потом я зашёл, дал ему стакан воды и с разрешения Игнатенко купил ему булочку и колбасы.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Мы доставить должны были 5 чел. военных, и мне велели прямо с машины вести их на допрос. Я их отвёл, потом зашёл Чичирко и говорит, что Глузман очень плачет. Я зашёл к нему, отвёл его к лекпому, и он сказал, что его, наверное, привели на расстрел, а я расстрела не инсценировал.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: В тюрпод завёл Глузмана не Игнатенко, а кто-то другой.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Всё это делал сам Игнатенко, без свидетелей. Чтобы мне поверили, можно допросить осуждённого Трибуналом по ст. 206–17 Беркута, который говорил, что и его Игнатенко водил в гараж, инсценируя расстрел, и бил его палкой.

Михайленко не видел, что меня вели на расстрел, этого никто не видел.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО показал: Зимой в 1938 г. комендантом был Тимошенко, а я дежурил в тюрьме. Взяли у меня Марцынюка на допрос и только его вывели, я услышал крик. Через несколько минут пришёл милиционер, сказал, что Марцынюк хотел его разоружить, но ему помогли и забрали Марцынюка.

Когда я смеялся с дежурства, мне нужно было сдать и человека. Спросил я Игнатенко, где он, и мне Игнатенко велел отметить, что он в тюрьме, я так и отметил.

Потом в 7-й камере был Пастушенко. Допрашивал его сотрудник в погранформе. Один раз, после допроса, Пастушенко лёг, а потом умер.

Когда его клали в машину, я его видел. Потом акт составили о смерти Пастушенко, но я его не подписал.

Дальше привели военного и велели посадить в первую камеру. Мы стали его обыскивать, и в это время я видел на нем синяки. Через неделю я снова дежурил и вижу, что этот военный совсем плох. Вызвал я ответственного дежурного и Игнатенко, а вызвал ли и лекпома Гненную, я не помню. Этот военный тоже умер.

Дальше — Крук. Он был на допросе наверху. Мне позвонили и велют взять человека с допроса, я пошёл и не взял его, потому что он получен был не у нас, и на него документов не было. Тогда пошли к Лукьянову, взяли у него бумажку, и по ней я Крука принял, был Крук сильно избит. Привёл я его вниз, здесь его обыскали, и бывшие при нем документы и деньги забрал следователь вместе с протоколом обыска.

Через дней 10–12 Крук тоже умер при дежурстве Сенкевича⁴⁷. Когда вынесли его мёртвого из камеры, я видел, а куда его потом девали, не знаю.

Теперь о Скрыпнике. Числился он за Малукой. Во время дежурства Выговского, около часу ночи, Скрыпника взяли на допрос. В 9 утра принимал я дежурство, и Скрыпника не было. Спрашиваю, где он, говорят, что умер. Я остальных людей принял и дежурю.

Часов в 10 вечера Игнатенко велел мне и Петровскому закопать Скрыпника во дворе. Петровский принёс 2 лопаты, мы вдвоём выкопали яму, а потом мы оба и Игнатенко — третий вынесли труп Скрыпника и закопали во дворе.

Через месяц после этого я снова дежурил. Приехал Игнатенко и принёс акт. Был при этом и Петровский. Игнатенко велел подписать акт. Я ему сказал, что не дежурил тогда, а он ответил: «Все равно». Тогда я акт и подписал, а в акте было написано, что Скрыпник умер от паралича сердца. О том, что врач должен раньше подписать акт, я не знал, но мне Игнатенко сказал, что сейчас и Гненная этот акт подпишет.

Подсудимый ИГНАТЕНКО на вопросы суда:

Пастушенко числился за Булгаковым. О нем мне говорили, будто он упал с турника. Гненная его смотрела.

Пастушенко числился за Булгаковым, Скрыпник — за Малукой.

Третий — Бржезицкий — числился, не знаю за кем.

Люди эти были следственные, я доложил о их смерти Вяткину, и он велел идти к нач[альникам] отделов.

О Пастушенко я ходил докладывать Ремову, тот вызвал Булгакова.

Скрыпник числился за Малукой, и я ходил с докладом к Вяткину. Левченко мне говорил, что Скрыпник верно умер от побоев.

Подсудимый ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Я не дежурил при его смерти и не мог говорить это. Я в то время дома спал.

Подсудимый ИГНАТЕНКО на вопросы суда: При смерти Бржезицкого меня не было.

⁴⁷ У документі помилково з м'яким знаком — Сенкевича.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: И на Скрыпника, и на Крука, и на Пастушенко, и ещё на 4-х человек Вяткин у меня требовал справки.

Сейчас освобождён н[ачальни]к областного розыска Грозный и можно его спросить, он знает, как умерли Пастушенко и Скрыпник.

В части справок я категорически отказался их дать, несмотря на особый нажим на получение у меня справки о смерти Крука от естественных причин.

В части Скрыпника можно прочесть мои показания, данные мною Рогицу, где я исчерпывающе всё изложил. Скрыпника арестовали за то, что он в прошлом был партизаном. Так оно и есть, я правду говорю. Меня самого били, требуя сказать, что я в 1918 г. был красногвардейцем, а не в 45[-ой] дивизии, т.к. тогда проходила группа каких-то партизан, участников к-р организаций.

ВТ, совещаясь на месте, выносит **ОПРЕДЕЛЕНИЕ**:

В связи с показаниями подсудимых Левченко, Глузмана и Игнатенко об обстоятельствах убийства заключённых Крука, Скрыпника, Пастушенко и др., ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**:

Затребовать из Облуправления НКВД следственные дела на Крука, Скрыпника, Пастушенко, Джурицкого, Бржезицкого и Загера для ознакомления и затребовать из Житомирского УНКВД справки о материалах, послуживших основанием для ареста указанных лиц.

Также установить место пребывания Грозного для разрешения вопроса о вызове его в суд[ебное] заседание.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что свид[етель] Грозный, по наведённым справкам, выехал на Кавказ, в санаторий, свид[етель] Камраз переведён на работу в г. Киев, а свид[етель] Орловский, о вызове которого ходатайствовал подс[удимый] Гришин, арестован и отправлен из Одессы в НКВД УССР, о чем получена телеграмма.

Совещаясь на месте, ВТ выносит **ОПРЕДЕЛЕНИЕ**:

Имея в виду, что свид[етели] Камраз⁴⁸, Орловский и Грозный отсутствуют и вызвать их не представляется возможным, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**: Вопрос о необходимости этих свидетелей для выяснения обстоятельств, указанных подсудимым Гришиным, разрешить в ходе дальнейшего судебного следствия.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН ходатайствует: Если Орловский вызван не будет, а по эпизодам обвинения меня во вредительской деятельности за время моей работы в Одессе свидетелей нет, и имеются только мои показания, я прошу вызвать кого-либо из Одессы: Шнайдер[а], Рыбакова или Ткача, чтобы был хотя бы один свидетель из Одессы.

Совещаясь на месте, ВТ выносит **ОПРЕДЕЛЕНИЕ**:

Обсудив ходатайство подс[удимого] Гришина-Шенкмана о вызове из Одессы свид[етелей] Шнайдер[а], Рыбакова или Ткача для характеристики

⁴⁸ Тут і далі у документі помилково — Комраз.

деятельности Гришина за время его работы в ОУ⁴⁹ НКВД и учитывая, что в деле имеется достаточно данных, характеризующих деятельность подс[удимого] Гришина-Шенкмана за время его работы в ОУ НКВД, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

В ходатайстве подс[удимого] Гришина отказать.

По распоряжению пред[седательствующего] секретарь оглашает показания подс[удимых] Гришина-Шенкмана, Глузмана, Тимошенко, Игнатенко, Соснова, Кондрацкого и Гирича.

В 17 час. 30 мин. объявлен перерыв до 19 час. 30 мин.

В 19 ч. 30 м. суд[ебное] заседание продолжается.

Вызв[анный] подс[удимый] ВИНОКУРОВ по сути дела пояснил:

Я в тюрьму поступил в марте 1937 г. на должность бухгалтера. Перевёл меня туда ОМЗ, т.к. там образовались недочёты. Поступления людей были массовыми, и мы вынуждены были еле-еле отражать хотя бы поступления денег. Учёт был налажен.

Меня обвиняют по 4 пунктам.

1-е, что я с Глузманом, принимая в тюрьму этап, обезличили вещи осуждённых, не выдавали надлежащие квитанции и т.д.

Об этом я могу сказать только то, что 13 марта я поступил в тюрьму, с ноября 1937 г. я уже работал в ОМЗ'е и до половины апреля 1938 г. я только совмещал работу в тюрьме. Об этих вещах мне совершенно известно не было. Возможно, Глузман и нарушил порядок приёма людей, но я об этом совершенно не знал, т.к. я в то время работал в стенах ОМЗ'а. Если б я дал такое распоряжение, это было бы прямым вредительством. Кроме того, у меня с июня по август был паралич, и я не работал. Когда я выздоровел и зашёл в тюрьму, мне надзиратель один сказал, что там лежат вещи Глузмана. Я зашёл к Глузману, стал спрашивать, что это за вещи, а потом доложил Климову⁵⁰ об этом, и я от него услышал, что всё, что нужно, оприходовать.

2-е обвинение, что в январе [1938 г.] я и Глузман составили фиктивные ведомости на выдачу денег осуждённым, а деньги не выдали.

Было это так. 4.1.[19]38 г. меня вызвал Глузман и сказал, что нач[альник] УНКВД велел всех выдаваемых к ним выдавать вместе с деньгами, как при отправке осуждённых на этап. Мне это показалось подозрительным, и я насторожился. Указаний из Киева об этих деньгах не было, и когда Глузман во исполнение приказа нач[альника] [У]НКВД велел мне выдать деньги этих осуждённых через старшего охраны этапа, я так и сделал, поскольку всегда при отправке этапов деньги осуждённых давались нач[альнику] конвоя, а в ведомости осуждённые расписывались. После этого я поехал в Киев, узнал, как в дальнейшем поступать с деньгами осуждённых, и мне ответили, что указаний нет по этому вопросу никаких. Я вернулся и сказал Глузману, что в дальнейшем так деньги

⁴⁹ ОУ — Одеське управління.

⁵⁰ Климов Микола Васильович. Не плутати з Климовим Олексієм Івановичем.

выдавать не буду, т.к. мы не знаем, куда деньги уйдут. Глузман со мною согласился. С деньгами так было: по счету АХО деньги были, но АХО дальше эти деньги не сдало. Денег у нас в то время было сотни тысяч, и эта система могла превратиться в пожар, но, благодаря моей инициативе это прекратилось, и всего 20000 я выдал, сам прекратив остальные выдачи, хотя циркуляр о запрещении таких выдач поступил намного позже.

Поскольку говорят, что я лично писал ведомости о выдаче денег осуждённым, а отсюда делают вывод, что я был заинтересован в этом, то можно посмотреть — ни одной ведомости я не писал. Никаких принуждений не делается при этом, и если бы [был] малейший инцидент, то это сразу стало бы известно всему ОМЗ'у.

Выдачу денег на руки, наоборот, я считаю нарушением, т.к. не все деньги могли попасть по назначению.

Верно, в поданном мною заявлении я писал и о страхе, страх у меня тоже был.

Никто из работников тюрьмы не скажет, что я что-либо взял себе или продал.

У нас положение бухгалтеров такое, что если спросить Гришина, знает ли он меня, он, конечно, ответит: «Нет», и незачем было знать меня. Мало этого сказать, когда я приходил с Глузманом к Вяткину для доклада, и то меня не впустили, только один раз он нас собрал и сказал: «Имейте в виду, что кто не исполнит моих приказаний, тех я могу припрятать, и далеко».

3-е обвинение — закупка вещей тюрьмой.

Покупка и продажа совершена была здесь. У нас всегда была задача, как отправить 10000 [чел.] на этап, когда по плану дают одежду на 1000 чел. Вдруг Глузман мне говорит, что он достал одежду в УНКВД, и я думал, что достал человек на 100, т.к. не знал тогда, сколько людей вывозили туда. Когда потом привезли массу вещей, я их посмотрел, и нужно было решить вопрос житейски. Я выехал потом в Киев и когда приехал, то застал в кассе выдачу за эти вещи наличными 6000 руб. Я сказал Глузману, что этого делать нельзя, и с его разрешения я направился к Минцу забрать деньги обратно. Я пошёл к Минцу, потребовал деньги обратно, и их вернули. Ордера, которые были без меня выписаны, я аннулировал, и они остались в тюрьме.

Тогда пошли на такой путь. Дали распоряжение — выплатить через Новосельцева⁵¹ чеком, а банк чеки контролирует, и я чек выписал как за купленное вещдовольствие на сумму 23000 руб. После того мы таких покупок не совершали совершенно.

Должен сказать, у нас тогда было такое положение, что собралось 10 тыс. подушек, но всё, что мне попадало в руки, всё было оприходовано. Зав[едующий] складом был честный человек, партиец, выдвиженец, и он хорошо справился с работой, а прошлый завскладом довёл склад до того, что числилось на 90 тыс. излишков и недостачи.

⁵¹ У документі помилково — Новосельского.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Эти 90 тыс. я вместе с Винокуровым обнаружил, т.к. мы одновременно принимали тюрьму.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет:

4-й вопрос — меня обвиняют в том, что я с Глузманом перевёл деньги тюрьмы — 340 тыс. руб. — на счёт ОМЗ'а.

Я хочу поправить — я перевёл не 140, а 150 тыс. У меня до 4[-го] квартала 1938 г. было такое положение: все деньги заключённых держать на депонентском счёте. Наши месячные балансы всегда имели деньги в запасе. Это было логично, когда имелось всего 30 тыс. руб., но когда собралось до миллиона рублей, Гулаг⁵² приказал оставить в запасе 1/3, а 2/3 всей суммы использовать на оперативные нужды, т.к. государству невыгодно иметь в резерве такие огромные суммы.

Кроме того, в августе поступали директива — средства [осуждённых к] ВМН сдавать в доход государства. Тогда впервые и появилось слово ВМН в директивах. В тюрьме тогда было на 340 тыс. таких сумм, а в Бердичеве — на 150 тыс. По приказу мы требовали в 8-м отделе УНКВД справки на осуждённых, а 8-й отдел не был готов к выдаче такой массы справок. В то время у нас была ревизия, и ревизоры сказали, что деньги нужно сдать и без справок, а написать это побоялись. Тогда я поехал в УМЗ, а там мне сказали: «Без справок 8[-го] отдела деньги не сдавать». Что же мне оставалось делать? Я составил баланс, сумму эту включил в баланс и отправил. Сейчас уже известно, что деньги должны храниться в тюрьмах 3 года, но тогда мы этого не знали, и чтобы деньги не лежали, я их и перевёл на счёт ОМЗ'а.

Мы злоупотреблений не сделали этим. Почему же мы так поступили? Поступили потому так, что не было в Житомире бухгалтеров и работали осуждённые, от которых нужно было скрыть [информацию] о расстрелах.

Новые законы о деньгах осуждённых к расстрелу появились лишь в августе мес[яце] и в сентябре 1938 г., а раньше никто не мог сказать, как с ними поступать.

У нас в год несколько раз поступают циркуляры, которые изменяют инструкцию об учёте в тюрьме.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Я лично не вводил нового учёта вещей осуждённых, а только требовал, чтобы в квитанциях указывали, какие вещи приняты. Осуждённому квитанцию на деньги и вещи выдавали дежурные. По тюрьме не было случая, чтобы по какой-либо претензии осуждённых не были сразу найдены вещи. Были и курьёзных 2–3 случая, но самое важное внимание мы уделяли деньгам и пару случаев обнаружили также, когда не выдали надзиратели квитанции на деньги. Я тогда сразу обнаруживал это и делал начёты на надзирателей.

Был такой случай. Из НКВД УССР или Киевской тюрьмы, точно уже не помню, откуда, мы получили пакет с квитанциями осуждённых на деньги и с требованием выслать деньги в Киев по этим квитанциям, и мы

⁵² Йдеться про ГУЛАГ — рос.: Главное управление лагерей НКВД СССР — Головне управління таборів (ГУТАБ) НКВС СРСР.

по ним деньги перевели почтовым переводом. Я этому большого значения не придал.

Деньги, по-моему, я перевёл почтой, а не через банк.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я деньги перевёл через банк и за это меня потом Якушев ругал. Если затребовать из тюрьмы документ о переводе денег в НКВД УССР, то видно будет, что деньги были переведены через банк.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Сначала была директива, что можно вещи для отправки [этапов] покупать на рынке, а уже после ареста Глузмана поступила директива о том, как использовать вещи, поступающие из НКВД.

При сдаче тюрьмы Глузманом я был болен и в комиссии не работал. Глузман не знает, что тогда было. Я больной пришёл в тюрьму из-за волнений за сдачу тюрьму Ротенбергу. Я спросил, почему акты не приняли, почему не составили акты, а мне ответили, что никто не хотел подписывать акты о приёме тюрьмы. Из-за этого меня Малахов обругал, из-за этого я больше переживал, чем сейчас за это моё дело. Почему вещи не были оприходованы, не знаю, Малахов и Ротенберг мне этого не сказали.

Малорацкий был снят с работы завскладом, он склад передал по сдаточной ведомости, а как опять эти вещи Коростенского этапа не были оприходованы, не знаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я сдал тюрьму в декабре 1937 г., а Коростенский этап прибыл весной 1938 г. Это я прошу учесть. Сдал я тюрьму Шемперу.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: По квитанциям осуждённых к ВМН, забранных в НКВД, деньги получило НКВД раза три. Если квитанцию один из арестованных потерял, другой деньги за него никак не получит. По доверенности НКВД мы деньги по квитанциям выдавали.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Мы НКВД деньги выдавали, но по доверенности только.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: При работе начфином тюрьмы я не знал о направленных на расстрел, и списки ко мне не поступали, а потом только в циркулярах стали появляться термины «ВМН».

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Первое время Глузман и Шемпер неплохо жили, а потом меж ними начались склоки, и я сказал Глузману, что это некрасиво. Когда на 15 суток арестовали Шемпера, его жена стала писать на Глузмана. Что мне тогда Вайнер сказал, не помню.

Списывания недостатч у нас были только законные.

В 23 часа объявлен перерыв до 10 ч. утра 30 июня.

30-е июня 1939 г.

В 10 ч. утра суд[ебное] заседание объявлено продолжающимся.

Секретарь доложил, что свидетели Минц, Евтушенко, Бойченко, Малахов прибыли и находятся в свидетельской комнате.

По распоряжению пред[седательствующего] секретарь огласил показания подс[удимого] Глузмана, относящиеся к обвинению подс[удимого] Винокурова.

Совещаясь на месте, ВТ выносит ОПРЕДЕЛЕНИЕ: Учитывая интересы правильного проведения судебного следствия, а также необходимость выезда части свидетелей из г. Житомира, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Свидетелей допрашивать в следующем порядке: Минц, Карпиловский, Новосельцев, Лукьянов, Голубев, Коротченко, Паншин, Выговский, Петровский, Мордушенко, Гненная, Малахов, Ротенберг, Евтушенко, Бойченко, Шемпер, Малорацкий, Агапов и затем остальных по списку, приложенному к обвинит[ельному] акту.

Также учитывая, что большая часть свидетелей должна быть допрошена по эпизодам, не относящимся к обвинению подс[удимого] Винокурова, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

При допросе свидетелей по эпизодам, не относящимся к обвинению подсудимого Винокурова, последнего из зала суда удалять.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Складской учёт тюрьмы был налажен уже при нас. Что мы достигли максимум[а] хорошего, я не могу сказать, т.к. перегрузка была большой. Поэтому и комиссии писали, что учёт налажен ещё недостаточно хорошо. Начальник[а] ОМЗ, выходящего из тюрьмы, тоже можно контролировать, но не всегда это делается, поэтому я не могу сказать, может ли начальник[а] ОМЗ вынести что-либо из тюрьмы.

Я у Малахова спрашивал, почему не оприходованы вещи, снятые с Коростенского этапа, поэтому и был скандал у меня с Малаховым.

В мае 1938 г. Глузман не был начальником[ом] тюрьмы, а 2 дня он за начальник[а] тюрьмы был потому, что Шемпера арестовали. Но до принятия дел Малаховым арестовали и Глузмана. В сентябре [1938 г.] я знал, что вещи не оприходованы. В акте вещи Коростенского этапа не были указаны при принятии тюрьмы Малаховым.

Было общее правило выписывания квитанции заключённым, выписывались они дежурным по тюрьме.

Порядок приёма вещей, установленный Глузманом в 1937 г., не изменён до сих пор. При массовых поступлениях для проверки вещей в чемоданах мобилизовались осуждённые.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: После приёма вещей дежурным, он вещи сдаёт в склад, и зав. складом опять обязательно проверяет все вещи.

По ходатайству подсуд[имого] Глузмана оглашена копия отношения, приобщённая к делу по ходатайству подсуд[имого] Винокурова.

Подсуд[имый] Винокуров предъявил суду циркуляр, разрешающий продажу вещей осуждённых, оставшихся в тюрьме после убийства осуждённых, циркуляр датирован 19.6.[19]38 г.

Вызв[анный] свид[етель] МИНЦ — начальник[ом] ФО УНКВД Полтавской обл[асти] — предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний, показал:

Я в тюрьме был всего один раз. Примерно в 20[-х] числа декабря меня вызвал Якушев и велел принять 6 тыс. руб. от Глузмана. Я сказал, что не приму, т.к. это госбюджетный счёт и на него я принять деньги не могу. Тогда он приказал принять 6 тыс. рублей на особый фонд, и завхоз принёс 6 тысяч руб., я их принял, а расписку за них дал Новосельцев. Через пару дней Винокуров деньги забрал обратно, и потом перевели их на счёт в Госбанк.

Эти деньги были получены за вещи осуждённых, и Якушев велел раздать ряду сотрудников эту сумму. Сказал он, что ему нарком разрешил вещи расстрелянных реализовать и деньгами распоряжаться самому.

Особый фонд я вскоре после этого передал Новосельцеву, ему я сдал и эту сумму.

В мае мес[яце] [1938 г.] я приступил к ревизии строительства и установил наличие 40 тыс. излишка. Новосельцев сказал, что получил их у Глузмана по распоряжению Якушева. Это были деньги, изъятые у осуждённых.

В конце [1937] года Якушев послал меня ходатайствовать в Облфинотдел о дотации на строительство, я этого не сделал. Тогда Якушев написал наркому, прося разрешить реализацию денег осуждённых к расстрелу.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА:

Точно не помню, какой разговор был между нами при возвращении 6 тыс. руб. тюрьме.

Я повторяю, что получил я в декабре 1937 г. эти деньги.

Тогда почти все сотрудники получили деньги. Я помню, это было в годовщину ЧК, и Тимошенко получил 500 руб., Кондрацкий — 350 руб. и другие получили по 500–300–200 руб.

Я помню, Винокурова стесняла уплата денег наличными, и он хотел переводить их через банк. Так и сделано было. Наличные деньги он у меня забрал и перевёл их через банк.

В феврале [1938 г.] сообщение о переводе через банк денег из тюрьмы со списком осуждённых, не помню, было ли, в то время особый фонд уже был передан мною Новосельцеву.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: Я тогда 6 тыс. руб. забрал обратно, а потом через банк перевёл всю сумму — 27 тыс. — за все купленные вещи и сообщил Финотделу о переводе официальным отношением.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: О том, что деньги отбирались у осуждённых, я не знал.

Разговоры о деньгах велись за последнее время не со мной, а с Новосельцевым. И при Вяткине, и при Якушеве, спец[иальный] фонд был у Новосельцева.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Помню, меня один раз встретил Глузман в коридоре и сказал, что он несёт деньги осуждённых к ВМН для сдачи Новосельцеву. Так было 2 раза, когда Глузман говорил, что сдаёт 10 и 11 тыс. руб. Где именно эти деньги были изъяты, я тогда не знал.

О вещах осуждённых к ВМН была директива НКВД СССР о том, что вещи подлежат реализации через финотдел. О продаже вещей в тюрьму

не было указано, но Глузман говорил, что им разрешено покупать вещи для отправки этапов.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Деньги, изъятые у осуждённых к ВМН, я потом обнаружил на счету, но все ли эти деньги, не знаю.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА:

Я Винокурову не говорил, что передача денег незаконна.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: Я говорил Глузману, что эта работа подозрительна, деньги были тогда у Глузмана, он с Тимошенко совещался, как поступить, и через Тимошенко деньги были выданы.

Вопрос о замечании Минца о неправильности таких операций я задал потому, что хотел показать, что и Минц не считал эти операции незаконными.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: У меня никаких сумм на руках не было никогда. У Якушева в кабинете были и я, и Минц. Якушев требовал выдачи мною денег без расписки. Минц и Новосельцев не давали расписок, а я не хотел деньги выдать без расписки. Тогда я у Минца спросил, что делать. В коридоре стоял и кассир с деньгами. Были это деньги за вещдоловствие, те самые 10 и 11 тыс., о которых говорил Минц.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Помню, что речь шла о деньгах осуждённых, но, о каких именно деньгах, не помню. Разговора с Глузманом у Якушева в кабинете я не помню.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: Я хочу пояснить, что 6 тыс. руб. были за вещи, я потом и забрал их обратно, а всю сумму перевёл через Госбанк.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Деньги, о которых Глузман говорил в тюрьме, были не те 6 тыс. руб., которые я вернул.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Кассир и Евтушенко сидели здесь с деньгами, и, возможно, что я у них деньги брал, но не выдавал их, и это было единственный раз. Деньги потом кассир выдал под официальную расписку. Были это деньги за вещи, купленные для этапов.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Особый фонд реализовали, при ревизии его проверяли, и у Новосельцева были оправдательные документы на все эти суммы.

Когда Глузман приносил деньги в пачках, он был н[ачальни]ком ОМЗ'а и тюрьмы по совместительству.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: При выдаче премиальных получающие не знали, из какого фонда выдаются деньги.

Мы имели особый фонд, из которого были суммы специально для премии бригад, исполняющих приговора. Суммы премиальных для каждого в отдельности устанавливал лично нач[альник] УНКВД.

Деньги осуждённых ко мне поступили только один раз — 6 тыс. рублей. Сначала нам их дали из тюрьмы наличными. Потом Винокуров их забрал, и по чеку через банк перевели их нам на счёт.

Из них получили: Тимошенко — 500 руб., Кондрацкий — 350 руб., Лебедев — 500 руб., Игнатенко и другие получили также эти деньги.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Распределителем кредитов был Якушев, а в его отсутствии иногда распоряжался кредитами и Гришин. Например, на ужин он иногда давал распоряжение выдать деньги. Премии выдавал Якушев.

О валюте Бронштейн помню. Меня ночью вызвали в УНКВД. У Гришина были Лебедев, Якушев и ещё пара людей. Меня заставили принять золото, я его принял, а потом, кажется, направил в Киев.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Поступление золота от Камраза не помню. Принятие золота могло пройти мимо меня.

Подсуд[имый] СОСНОВ поясняет: Золото попа я передал Тимошенко. Тогда был в Финотделе не Минц, а Ингерман.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Счетовод по штату внутренней тюрьмы должен был быть, но его не было.

В сентябре 1938 г. впервые поступила инструкция по учёту во внутренней тюрьме, но как её применили, не знаю. Я вскоре уехал из Житомира.

Денежные передачи заключённым были введены в середине 1938 г. Игнатенко спрашивал, как их учитывать, я ему, кажется, дал книжки для учёта, но сам я тогда уехал.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Ко мне поступали деньги-передачи, хранить их мне негде было, и я всё просил счетовода у Коротченко, но он не давал, а говорил, чтоб этим лекпом Гненная занялась. Я её послал к Минцу, и он её проинструктировал.

Кроме того, у поступающих заключённых отбирались часы, скажем, я их сдавал в Финотдел на хранение, у себя я их не держал.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Раньше учёт продуктов осуждённым вели у себя, но всегда была путаница, и я заключил договор со спец. торгов и брал обеды в столовой для питания заключённых.

Гненная приходила, просила ей разъяснить, как оформить покупку медикаментов, Игнатенко с нею вместе тоже приходил за инструктажем.

Деньги-передачи хранились в тюрьме, т.к., если бы мы их приняли, то не могли бы выдать обратно без приговора суда.

Делали же так. На нач[альни]ка тюрьмы завели мы у себя лицевой счёт, и деньги он хранил у нас на своём лицевом счёте.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Деньги арестованных часто принимали и дежурные тюрьмы, и они же сами их зачастую выдавали заключённым.

У меня собралось один раз много денег, я просил их принять, но Минц не принял.

При передаче денег мы заключённым объявляли полученную для них сумму, в дни, когда была лавочка, им покупали продукты, а Гненная вела учёт.

Бывало, что заключённый убывал, и ему деньги выдавали наличными, но случалось, что деньги не успевали вручить, и так и собрались эти деньги, которые нашли.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: В конце первой половины 1938 г. только зашла речь о передачах.

При поступлении арестованных с ценностями ценности изымались и с одним экземпляром акта ценности сдавались нам.

Я посадил специально человека, который 15 тыс. дел проверил с целью выявления того, что было из ценностей изъято у арестованных, это говорит о том, что меры мы принимали к учёту ценностей.

Чтоб Игнатенко требовал проверки финансов внутренней тюрьмы, я не помню, по плану у нас это было, но провести эту проверку мы не успели.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Директивы о переводе денег осуждённых к ВМН на счёт УГБ не было у нас, но мне Глузман говорил, что у них есть такая директива.

Своими деньгами заключённые так распоряжались. Денег на руках у заключённого нет. Он пишет заявление о приобретении ему таких то продуктов, счетовод отмечает наличие денег, и с ведома нач[альника] тюрьмы осуждённому продукты покупают, а осуждённый расписывается в их получении. Это не система для злоупотреблений.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Это система для злоупотребления: нам приносят в камеру сахар без веса, хлеб — без веса, махорку — без веса.

Мы иначе делали: в каждом корпусе был ларёк, туда водили заключённых группами, и они сами себе покупали продукты.

Выз[анный] свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ, 1905 г. рожд[ения], служ[ащий], из служ[ащих], б[ес]/п[артийный], не судим, показал:

Меня по делу не допрашивали, и я прошу мне задавать вопросы.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Я помню, что в одном из отчётов ОМЗ'а появилась сумма задолженности заключённым, тогда как это могло быть лишь в тюрьме. Мы запросили их о причинах, и Винокуров сообщил, что эти деньги подлежат в дальнейшем конфискации. Нас этот ответ удовлетворил, и никаких замечаний за этот перевод денег мы не сделали.

Впервые о деньгах осуждённых к ВМН было указано в июле 1938 г. циркуляром УМЗ. Мы предложили требовать на осуждённых справки из 8[—го] отдела о конфискации имущества и тогда сдавать деньги в доход государства.

Я помню, что при ревизии Винокурову предложили сдать деньги в доход государства, но я запретил это делать без справок 8[—го] отдела.

В дальнейшем все эти деньги при реорганизации переданы отделу тюрем, это было уже в феврале мес[яце] 1939 г.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы суда: Из-за ряда злоупотреблений мы в вопрос о деньгах осуждённых к ВМН внесли ясность в июне 1938 г., а о сдаче в доход государства этих денег мы дали распоряжение в феврале 1938 г. или даже в марте.

Деньги расстреливаемых тюрьма должна была сама сдавать в доход государства, но не было ясности о справках 8[—го] отдела, которую внесли лишь в марте или апреле 1938 г.

На внесение ясности нас подтолкнуло то, что при ревизии мы установили в Молдавии злоупотребление суммами осуждённых.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Ежегодно при расчистке балансов мы говорили о сдаче в доход государства всех сумм отсутствующих лиц, кроме 20%, оставленных резервом на случай, если появится в дальнейшем владелец, и ему надо будет его деньги вернуть.

Эти деньги разрешено было вносить в оперативные счета, чтоб они до конца года не лежали без движения. Разрешено было вносить не более 65% всей суммы с октября 1938 г.

Ревизия во время работы Винокурова в ИТК в 1937 г. установила хорошую его работу, и это было отмечено.

При назначении Винокурова в тюрьму он жаловался, что с работой не справится, и хотел уйти, но его не пустили.

Винокуров приезжал в УМЗ, и по его предложению часть отчётности изменили как улучшающую учёт.

Перенесение с баланса в баланс денег и оставление их целыми есть нормальное явление, не преступление.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: перевод 341 тыс. руб. на счёт ОМЗ'а мы рассматривали как нормальное законное явление.

Положение с лимитом у нас было всюду одинаково. Заключённых было много больше, чем по лимиту, и поэтому, с использованием заключённых на работе в бухгалтерии, тюрьмы справлялись.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я этим хочу установить, что УМЗ тюрьмы не подготовил к массовым операциям, а мы варились в собственном соку.

Дальше Карпиловский немного не так описал вопрос о деньгах осуждённых. Деньги всех осуждённых к ВМН конфисковались, кроме тех, кто был осуждён без конфискации имущества.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: При начале массовых операций я не знал ничего о «ВМН» и не знал об отправке людей для расстрелов.

Вызв[анный] свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ Сергей Фёдорович, 1901 г. [рождения], [из] рабоч[их], пом[ощник] нач[альника] упр[авления], чл[ен] ВКП(б) с 1924 г., ст[арший] лейтенант госбезопасности, не судим, показал:

На вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Деньги от Тимошенко я принял по распоряжению Якушева — 25000 руб. на ремонт здания и квартир. Принял я деньги с рапортом и резолюцией на нем Гришина. Это были деньги осуждённых.

Сдавал мне Тимошенко 10, 6 и, кажется, 9 тыс. руб. за три дня подряд.

Тимошенко у меня расписки за деньги не требовал. В рапорте он писал, что представляет деньги, изъятые у осуждённых.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Я рапорта не писал. Я у Глузмана получал деньги осуждённых, забранных нами, а потом сдавал их Новосельцеву.

Деньги, найденные в шапках, пиджаках, шли на оперативные расходы и Новосельцеву не сдавались.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Резолюции на рапортах были: «Передать в АХО».

Мне Якушев сказал, что Леплевский разрешил расходовать эти суммы, и предупредил меня, что будет 25 тыс. таких денег.

Распоряжения одеть шофёров за счёт осуждённых я не имел. Их кто-то одел в полушубки, но я не знаю, кто. Шубы в Бердичеве купили для нач[альни]ка УНКВД [Якушева] и его заместителя — Гришина. Шубы оприходованы, они совершенно новые и сейчас.

Спецфондом Гришин не распоряжался. Бригаде я из этого фонда никаких средств не выдавал.

25 тыс. руб. были израсходованы на ремонт инвентаря и квартир.

Свид[етель] **НОВОСЕЛЬЦЕВ** на вопросы подсуд[имого] **ГЛУЗМАНА**: О деньгах осуждённых, которые передавались в УГБ, разговор был, Глузман говорил и я говорил, что это неверно, а н[ачальни]к управления Якушев сказал, что нарком разрешил. Не верить ему я не мог и потому деньги принял. Потом я с Глуzmanом вдвоём беседовали, и мы с ним говорили, что это может кончиться неприятностью для нас.

Шевровые сапоги, которые носил Вяткин, пошиты были из его материала в мастерской тюрьмы. Кресло в парикмахерскую я взял в ИТК и заплатил за него. Кресло было взято не для Вяткина, а в парикмахерскую.

Глузман был вызван ночью, Вяткин велел ему поехать с его женой и купить ему мебель. Я выдал под отчёт деньги, Глузман за них отчитался, и мебель вся оприходована.

На партсобрании специально слушали индивидуальный отчёт Игнатенко и тогда говорили, что он не справляется с подачей людей куда следует. О раздетых трупах на собрании Игнатенко не говорил.

О требовании Игнатенко вскрывать трупы умерших от побоев речи не было на собрании.

Свид[етель] **НОВОСЕЛЬЦЕВ** на вопросы подсуд[имого] **ВИНОКУРОВА**: Сообщение тюрьмы о переводе денег на имя Минца, если попало ко мне, то это не имеет значения, т.к. деньги эти хранились у меня.

Кроме денег, принесённых Тимошенко, я получил через банк 27 тысяч руб.

Подсудимый⁵³ **ВИНОКУРОВ** на вопросы суда: О деньгах, которые переданы были Тимошенко, я не писал извещения, т.к. вместе с деньгами я дал отношение. Я не хотел деньги выдавать, этапы тогда мы задержали, и по распоряжению Глузмана я деньги выдал.

Подсуд[имый] **ГЛУЗМАН** поясняет: В акте идёт речь о двух этапах за 3[-е] и 5[-е] число. 3-го числа мы выдали этап и 5-го выдали с деньгами. Больше я с деньгами людей не выдавал, отказался от этого и сразу подал рапорт об увольнении, т.к. понял, что меня заставляют делать преступление.

Свид[етель] **НОВОСЕЛЬЦЕВ** на вопросы суда: Учёт сумм, поступивших из тюрьмы, отражён был прямо по строительству, а не по АХО.

⁵³ У документі помилково — Свид[етель].

Получил я от Глузмана по чеку 27 и через Тимошенко 25 тыс. рублей по строительству. Я отметил получение денег из АХО, но по АХО это не отражено, в АХО нет даже бухгалтерии.

Конечно, получение этих денег было незаконно, но нам нужно было кончать строительство, и потому мы их израсходовали, а потом из новых ассигнований внесли эти деньги в банк как конфискованные в доход государства.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы суда: Нам следовало больше 100 тысяч на ремонт, а пока их не было, взяли деньги арестованных.

Незаконность этих операций в том, что без ведома Наркомфина конфискованные в доход государства деньги были израсходованы на ремонт, а через некоторое время эти деньги внесли из полученных на ремонт.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: В Житомире область организовали в конце [1937] года, ассигнований не было, и по сути мы жили незаконно, т.к. ни на что не было ассигнований. Писали наркому, он отвечал, что ассигнования будут, но в дальнейшем. Тогда Якушев несколько раз писал наркому, и он разрешил суммы арестованных взять на ремонт.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Якушев два раза выдавал премии Глузмани по 400 руб., а Вяткин, по-моему, премии ему не выдавал.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Из спецфонда Глузман премий никаких не получил от Вяткина.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: В ОМЗ'е Винокуров мне один раз сказал, что заведено уголовное дело, этот разговор был.

Свид[етель] МИНЦ на вопросы подсуд[имого] ГИРИЧА: Что Гирич был премирован 150 руб. за задержание бежавшего шпиона, помню.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы подс[удимого] ВИНОКУРОВА: Винокуров работал неплохо.

Свид[етель] КАРПИЛОВСКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Говорил ли Винокуров о нарушениях Глузманом финансового режима, не помню. Если б он говорил, я бы помнил об этом.

Свид[етель] МИНЦ поясняет: Из Бердичева приехал Мартынюк, и по распоряжению Якушева были куплены шубы.

Подсудимые вопросов к свид[етелям] Минцу и Карпиловскому не имеют.

Пред[седательствующим] свид[етели] Минц и Карпиловский освобождены.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Игнатенко обращался ко мне с тем, что у него при спец. работе пропала шинель, это верно.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Глузман был партприкрепленным ко мне. Зная о том, что я приехал с актами о смерти заключенных, он должен был бы сказать мне, что такие акты подписывать нельзя.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Игнатенко отчитывался за месяц до моего ареста на партсобрании. Сейчас мне нужно коснуться вопроса, не связанного с обвиняемым Винокуровым.

По распоряжению пред[седательствующего] подсуд[имый] ВИНОКУРОВ удалён из залы суда.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Игнатенко мне привёз 2 бумажки на Крука, якобы умершего от разрыва сердца. Я сказал, чтобы акт оставили, его я Мордушенко даже не показывал, а потом вернул Лукьянову и сказал, что Мордушенко не подписывает этот акт.

Остальные акты — на Скрыпника и др. — мне не привозили, а меня вызвал Вяткин, и он мне предложил оформить акты, а я ответил, что я не врач. Потом я сказал об этом Мордушенко, но он категорически отказался акты подписывать.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Подписали ли акт Глузман или Мордушенко, я не знаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: До того, как мне Игнатенко привёз акт на Крука, месяца за два, Мордушенко этого Крука здесь осматривал, и когда потом привезли акт, Мордушенко его не подписал.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсудимого ГРИШИНА [— ШЕНКМАНА]: Стругачёв⁵⁴ временно был начальником АХО. Работал он плохо. Связь, транспорт были развалены, и потому ставился вопрос о его откомандировании.

Подсуд[имый] ГРИШИН [— ШЕНКМАН] поясняет: Стругачёв говорил, что я его выживал, чтобы на его место поставить Семенова, что он — честный коммунист, а я его преследовал. Я же ставил вопрос о его откомандировании из-за его пьянства.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ поясняет: Теперь Стругачёв у нас не пьёт и работает неплохо. Раньше он действительно много пил.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Вызван[ный] свид[етель] ЛУКЬЯНОВ Андрей Андреевич, 1904 г. [рождения], ст[арший] лейтенант госбезопасности, из кр[естьян], служащий, нач[альник] ОО в/с 5139, чл[ен] партии с 1927 г., не судим, показал:

В конце 1937 г., в декабре мес[яце], в Облуправл[ении] проводилась репрессия жён осуждённых. Была по этому вопросу директива Облуправления. Руководили операцией Якушев и Гришин. Арестовали в то время более тысячи жён осуждённых.

В мае 1938 г. была телеграмма из Москвы — всех освободить, и женщин освободили — около 1000 чел. Имущество оказалось разбазаренным, дети были в детдомах, а когда жены приехали, они стали жаловаться, милиция задерживала их как беспаспортных, это было явной агитацией против сов. власти.

Мне говорили, что распоряжение об аресте жён было дано Леплевским, явно вредительское.

⁵⁴ Тут і далі у документі помилково — Стругачев.

Следующий факт. В Коростене был арестован троцкист Ткачук. Гришин, прочтя дело, сказал, что дело «липовое» и его нужно проверить. Я послал человека для проверки, все материалы о Ткачуке подтвердились, на чем дело кончилось, не знаю.

Теперь о мародёрстве. Я знаю со слов Голубева, что за неправильную реализацию вещей арестованы 3 чел. По словам Голубева, несколько человек из арестованных продавали вещи на базаре через портного. При первичном расследовании сначала наложили взыскание по приказанию наркома, а потом это решение отменили и людей этих арестовали.

О работе по борьбе с польской к[онтр]-р[еволюцией] вот что было. От нас требовали за день 3–5 альбомов. Нажимали особенно Якушев и Гришин. Это в итоге привело к большому браку, т.к. достаточного контроля в этом со стороны ГРИШИНА не было.

Пред[седательству]ющий оглашает л.д. 259 оборот т. № 3 — показания свид[етеля] Лукьянова.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ показал: Несознавших арестованных и не допрашивали, а допросят свидетелей, и сразу через час пишут справку в альбом. В итоге это дало просто количество арестованных, а не вскрытие к-р формирований. Я часто слышал, что Якушев звонил в Киев и, узнав, сколько у них альбомов, говорил: «А у меня будет больше». Гришин, как начальник 3[-го] отдела⁵⁵, также руководил этой работой, а я только дал своих людей для работы.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Я знаю об убийстве Скрыпника и Джурина. Было это при Якушеве, и он велел оформить эти смерти через врача тюрьмы. Скрыпник был нач[альником] РКМ в Коростене, а Джуринский был педагогом института в Житомире.

Дело Скрыпника по моему приказанию вёл Малука. Смерть его наступила тогда, когда я болел. Помню, дело Скрыпника провели на тройке, и задним числом приговорили его к расстрелу. Сначала мне доложили, что он умер, но было ясно, что он умер от побоев при допросе его Малукой. Какие материалы были на Скрыпника, не знаю. На тройке его оформил Якушев. Джурина также оформили на тройке уже после его смерти. Было это в феврале или январе месяце [1938 г.]

О заключённом Клигштейн я ничего не знаю, если он был директором Барановского завода, его арестовал 3-й отдел, а не 4-й, которым я руководил.

Акты о смерти этих людей я не видел.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Скрыпник убит при Вяткине, когда Лукьянов был нач[альником] следгруппы в Коростене. Это я узнал уже в тюрьме, а до того мне Вяткин велел дать на него акт о смерти Скрыпника от болезни.

Джурина — педагог сельхозинститута, убит здесь, в тюрпде, и тоже при Вяткине и Лукьянове.

⁵⁵ Г. Гришин-Шенкман був заступником начальника УНКВС. Начальником 3-го відділу УДБ УНКВС був А. Масловський, а з 15 березня 1938 р.— М. Федоров.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Скрипника дело вели здесь, а не в Коростене.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Скрипника сначала арестовали, потом его освободили, а он за это время дал материалы на Малуку, и тогда его вторично арестовали.

Подсуд[имый] ГРИШИН[-ШЕНКМАН] поясняет: Скрипника арестовали при Якушеве, потом извинились перед ним и выпустили его. Уже после моего отъезда его арестовали вторично, значит, это было при Вяткине и Лукьянове.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ поясняет: Я точно не помню, был ли в то время Вяткин, но я в то время был.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Когда я возил мёртвого в тюрьму, и мне велели сдать его как живого, это было при Якушеве.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Скрипник умер при Вяткине и Лукьянове.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Один раз Лукьянов вызвал к себе Мордушенку для осмотра больного Крука. Через некоторое время Игнатенко привёз акт на подпись, в нем было указано, что умер главбух деревообделочного комбината Крук от разрыва сердца или заражения крови.

Я зашёл к Лукьянову и сказал, что акт не подписан, и врач Мордушенку не хочет подписать. Он спросил, не могу ли я заставить врача подписать, я сказал: «Нет» и оставил акт Лукьянову.

Всего требовали акты на 7 чел. Я с Мордушенко говорил раз или два раза, а о ком из умерших, не помню.

В тюрьме днём был случай, что следователь писал, а арестованный в это время умер от разрыва сердца, и Лукьянов дал разрешение похоронить его.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: О смерти одного из арестованных во внутр[енней] тюрьме Обл. управл[ения] я доложил Лукьянову, а он ответил: «Черт с ним, его дело уже закончено».

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Этот факт был с Джуриным. Он был осуждён тройкой, но его потом допрашивали, и он умер. Осуждён он был до его смерти.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Закопать Джурина во дворе я не приказывал.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Я закапывал одного Скрипника. Я знаю о Джурином, разрешите сказать. Принял я его из Особого отдела перед маем, велено было посадить его в 1-ю камеру, и я его посадил. Был он избит, но не сильно. Через пять дней он умер. Может, это я говорю и не о Джурином, но я помню, что он был военным.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Был военный Загер, который умер от побоев.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: При моем аресте меня посадили с доцентом института Зассом, который был завербован Джуриным. Засс рассказывал, что ему обещали очную ставку с Джуриным, а когда

Малаука потом вызвал его, ему он сказал, что Джуринский уже на том свете.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Я вспомнил о Зассе. Меня вызвали Ремов и Недбайло⁵⁶, велели из кабинета забрать труп, а я не хотел, и меня из-за этого вызвал Вяткин и обругал. Тогда я велел надзирателям отнести труп в гараж.

Потом вызвали лекпома Гненную⁵⁷, лекпом Гненная отказалась акт о смерти подписать, и они так громко спорили, что в камерах арестованные слышали. Потом Ремов вызвал Гненную, через некоторое время он вызвал и меня, и акт уже был. Через месяца 3–4 мне стали говорить, что на акт о Зассе нужно достать ещё подпись врача, послали меня с актом в тюрьму и дали новый акт, где заменили фамилию Гненной на подпись врача Мордушенко. Мордушенко отказывался подписать акт и говорил, что человек, вероятно, ещё живёт. Я сказал, что человек умер, а от чего, не знаю. Малахов сказал ему: «Подпишите», и Мордушенко акт подписал.

Был случай, что в присутствии Лукьянова Вяткин меня ругал за то, что я ему сказал, что Гненная не хочет подписать акт на умершего от побоев.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО:

В одном акте Гненная написала, что у арестованного есть побои, Вяткин и говорил, что этого писать нельзя.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда:

Закопали мы, по-моему, три трупа во дворе.

Сами осуждённые один раз копали себе яму, но на кладбище, а не здесь.

Один раз мы выкопали яму во дворе, чтобы закопать барахло. В эту ночь одного человека расстреляли по приговору суда в присутствии прокурора. Я спросил, как с ним быть, куда его везти, и Вяткин велел закопать его во дворе. Это осуждённый, а не осуждённых было закопано во дворе трое: Скрыпник, Пастушенко и ещё один, кто именно, не знаю.

Я считаю, что Лукьянов о всех случаях знает.

Малахов заставил Мордушенко подписать акт на Загера.

С актом на Крука меня послал в тюрьму Лукьянов.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: О Круке я ничего не знаю.

Я считаю, что события спутаны, никакого акта я не писал и не посылал в тюрьму акты на подпись, а сам Глузман мне один раз сказал, что н[ачальни]к УНКВД велел ему составить акт на умершего на следствии в тюрьме.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Когда мне принесли акт на Крука, я поговорил с Мордушенко, а потом акт занёс сам к Лукьянову, и он велел акт оставить у него.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Когда я привёз акт на Крука, Глузман сказал, что ему Лукьянов звонил, и он об этом акте знает.

⁵⁶ У документі помилково — Недбайлов.

⁵⁷ У документі помилково — Недбайлова.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Глузман ко мне не приходил с актом и не говорил мне ничего о Круке. Я о Круке ничего вообще не знаю.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Акт на Крука я положил на стол Лукьянова не подписанным, и больше никаких актов ему не носил.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Возможно, что Глузман мне говорил, что заключённые в тюрьме друг другу нарочно наносят увечья с целью дискредитации органов УГБ, ведущих следствие.

Верно, когда проходила гор[одская] парт[ийная] конференция, из Коростеня этап был. При прибытии этапа из Коростеня мне Глузман доложил, что Шемпер приказал заключённым свою верхнюю одежду сложить в одну кучу. Докладывал потому, что людей некуда было поместить, а в вопрос о вещах я не вникал. Глузман тогда был уже не нач[альником] тюрьмы, а нач[альником] ОМЗ.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Когда прибыл этот этап, с ними были три человека в кожаных пальто, мне Шемпер сказал об этом и предложил распределить эти пальто. Я и об этом предложении Шемпера сразу доложил Лукьянову.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: О пальто я не помню, докладывал ли мне Глузман.

На жену Шемпера был материал о том, что она требует взятку у одной из жён арестованных, обещая ей какую-то помощь за это.

За пьянку Шемпер один раз был мною арестован на 15 суток.

Очной ставки Глузмана с Шемпером я не делал. Мне доложил Ремов, что Глузман дал показания о ряде лиц. Я его вызвал к себе, спросил, или он подтверждает свои показания, а он ответил: «Да».

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Возможно, что Ремов при допросе бил Глузмана, но я этого не видел.

Возможно, что я делал очную ставку Глузмана с Шемпером, но я этого не помню.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Очную ставку мне с Шемпером делали, но не фиксировали показаний.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА[–ШЕНКМАНА]: Я с Гришиным работал вместе в Житомире.

На вербовку агентуры в Обкоме ВКП(б) Якушев мне дал санкцию, Гришин против этого возражал, и меж[ду] нами был конфликт из-за этого.

Помню, что один протокол Гришин велел вернуть с дороги из-за неверной формулировки. Формулировка была неверна тем, что вместо «Житомирская» было слово «Волынская».

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: В протоколе было написано, что после письма вождя т. Сталина «Головокружение от успехов» среди крестьян начались волынки, выступления против партии и сов. власти, что было явной клеветой.

Об этом протоколе мне Леснов сказал и дал его читать. Я, прочтя, увидел это безобразие и пошёл к Якушеву. Я сказал ему, что это — клевета,

и тогда протокол задержали в пути и вернули обратно. По-моему, этот протокол уничтожен.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: В Артёмовске я работал. Верно, там я в парторганизации предлагал организовать коммуну из семей сотрудников.

Справку о вредительстве Гришина, которую я дал для дела, я написал со слов товарищей, которые давали о нём показания. Это вот с чьих слов я писал: Стукановского, Леснова, Люлькава, взял я за основу то, о чем говорил сегодня в своих показаниях.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Орден я получил за работу в Харькове. Якушев меня к ордену не представлял.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Орден он получил здесь. Мы знали, что Житомирской области дали 3 ордена. Обязательно один был нач[альнику] УНКВД, один — кому-либо из бригады, исполняющей приговора, а третий — выдающемуся работнику. Якушев предложил к двум орденам представить людей из бригады, и тогда остановились на Бланке и Тимошенко, как непосредственно выполняющих эту работу. Я на них написал аттестацию, а Якушев по секрету составил аттестацию на Лукьянова. Таким образом Лукьянов и получил орден, а Бланку не дали.

Я ещё попал впросак, т.к. на пленуме Горсовета я объявил о награждении орденами Бланка и Тимошенко, а потом оказалось, что наградили вместо Бланка Лукьянова.

Работу с национальной к[онтр]-р[еволюцией] ведёт 4-й отдел. Меня обвиняют в саботаже при этой работе и ссылаются на дело Ткачука. Я утверждаю, что Ткачук — невинно убитый человек. Дело о нём было на особом совещании, оттуда вернули и предложили его освободить, если не подтвердится обвинение. За день до получения дела от Ткачука поступило заявление на Малуку, ведущего дело на Ткачука, что Малука — враг, что он — кулак и арестовал Ткачука как разоблачавшего троцкистов. Потом из Москвы прибыли ещё копии этого же заявления, которое Ткачук подал в копиях в несколько мест.

Должен указать, что перед тем я освободил девушку, б[ывшего] секретаря Обкома КСМ, которую обвиняли в сожительстве с быв[шим] секретарём ЦК ЛКСМУ Андреевым⁵⁸. Имея сигнал по этому делу, я приказал

⁵⁸ У протоколів повторного судового засідання Військового трибуналу у справі Г. Гришина-Шенкмана 16–18 листопада 1939 р. про це сказано детальніше. Г. Гришин-Шенкман показав: «Мною в дійсності був звільнений із-під стражі бывший секретарь Окружкома ЛКСМ Хоменко, которая была арестована только на том основании, что на комсомольском собрании кто-то выступил и заявил, что она сожительствовала с быв[шим] секретарём ЦК ЛКСМУ Андреевым, впоследствии разоблачённым как враг народа. Дело Хоменко было в Москве и оттуда вернулось с указанием проверить материал и, в случае неподтверждения обвинения, её освободить. Материал этот был проверен и не подтвердился, в связи с чем Хоменко была освобождена». (ГДА СБУ, ф. 5, оп.1, спр. 67841, т. 5, арк. 316).

по делу Ткачука поехать одному человеку и проверить дело, а другого я послал для проверки самого Малуки.

Ремову я сказал, что Малуке я не доверяю, не доверяю и нач[альнику] отделения по троцкистам, и послать велел хорошего уполномоченного. Послали Стукановского. Стукановский через 2 дня приехал и говорит, что он ничего не собрал, т.к. когда он посоветовался с нач[альником] Коростенского горотдела, тот ему сказал, что ничего нового добыть не удастся. Я его выругал и вторично послал в Коростень, а пока он вернулся, я уже уехал отсюда.

В деле видно, что меня обвиняют в сокрытии Ткачука, и он был осуждён к расстрелу. Но есть показания и Выговского о том, что когда Ткачука расстреляли, он плакал и говорил, что его даже не допросили.

Я прошу затребовать дело Ткачука, и сразу видно будет, как Вяткин и его компания убивали невинных — актив партии и соввласти.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Верно, Гришин меня вызывал и спрашивал о причинах плохой работы 1-го отделения моего отдела, занимавшегося борьбой с троцкистами.

Совещание 1[—го] отделения Гришин собирал. Нач[альни]ком отделения был Зеленер, он же был и секретарём парторганизации. Отделение это работало хуже всех других, и неоднократно из Киева звонили Гришину по этому поводу. Потом меня в Киев вызвали и спросили, почему мы не вскрывали никаких троцкистских организаций. Я сказал причины, а мне ответили, что у вас в области должны быть к-р центры. Я приехал, Гришин провёл совещание и при этом ставил вопрос, что нужно вскрыть троцкистский центр.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Совещание я собрал по своей инициативе, т.к. имел сигналы о том, что здесь работа с борьбистами не велась.

Вызвал я Леснова, спросил, знает ли он, кто в организации борьбистов, кто здесь ими руководит, но он не знал, а я получил материалы об этом из Обкома.

Тогда я велел сразу же этими материалами заняться и, кроме того, я дал материалы по троцкистам для реализации.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Гришин на совещании предлагал улучшить работу, материалы он действительно давал, полученные из Обкома, но это были материалы, составленные на основании разговоров и слухов.

Людей по Бердичеву Гришин допрашивал.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Когда Успенский здесь проводил совещание, выступил Лукьянов, за ним выступил Зеленер (которого Лукьянов всегда защищал, а ему место только за прилавком), и оба они говорили о бродячих полах, а не об основном, и я их пробрал за это впоследствии.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Стукановский мне докладывал, что он один раз ездил на проверку материалов Ткачука в Коростень. Результатов дела Ткачука я не знаю.

Я считал, что Гришин неправильно подошёл к делу Ткачука, а не то, чтобы взял его под защиту.

По ходатайству подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА оглашены показания свид[етеля] Леснова — на л.д. 248 т. 3-й (полностью).

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: В побеге 11 чел. вина больше всего ложится на Якушева и Гришина.

Там, где Леснов приводит слова Гришина «осторожнее», это относится не к допросу троцкистов.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Мы получили сведения о том, что Радионов в Емильчино избил двух братьев арестованных, и они дали ложные показания. Доложил мне об этом Глузман, т.к. избитые подали заявление, и одновременно приехал воен[ный] прокурор из Москвы, который тоже получил заявление. Я послал Голубева в Емильчино для проверки, а там оказалось, что из Киева прибыли прокурор и представитель НКВД УССР.

Я вызвал этих арестованных, которые уже были у Глузмана, сделал им очную ставку, и потом Якушев и я созвали совещание и сказали, что если хоть один невинный человек будет сидеть у нас и будет осуждён, это тоже будет контр-революцией. Говорил я «осторожно» в том смысле, что нельзя бить людей вместо их разоблачения материалами дела.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Верно, в этом понимании Гришин и говорил, что нельзя бить людей и нужно быть осторожными.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я прошу обратить внимание на то, что вчера Гришин отрицал, что он был в тюрьме в связи с моим заявлением об избиении, а сейчас он это уже подтвердил.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Председатель Бердичевского горсовета Терпиловский был арестован, не помню точно, когда, можно об этом взять справку в 4-м отделе.

При Гришине и Якушеве избиений при допросах не было, а стоять заставляли арестованных.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Лукьянов сказал, что я заставлял за один час оформлять дела, что за пару дней мы давали 3–5 альбомов, но ведь альбом — это уже сотни дел. Я утверждаю, что Лукьянов нагло лжёт. Когда мы были заняты альбомной операцией, мы с Якушевым оговорились, чтобы обязательно делались очные ставки с обвиняемыми, такое распоряжение мы и дали.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Дела оформлялись за час. Альбомы составлялись за день, поэтому у меня всех людей и взяли на эту работу.

В части поль-работы⁵⁹ я говорю, что Гришин и Якушев соревновались с Киевом, кто больше дел даст, а не о качестве заботились.

⁵⁹ Поль-работа — польська робота, робота 4-го відділу (СПВ) по «польській контрреволюції».

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН ходатайствует: Я прошу затребовать доклад ОУ⁶⁰ за январь 1938 г., составленный по отделам, и из него видно будет, как мы работали.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда:

В деле работы с поль-шпионажем Гришин явно вредил.

Вокруг задания по альбомам работа велась вредительски тем, что гнали количество за счёт качества.

Совещаясь на месте, ВТ выносит ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Имея в виду, что в своих показаниях как на предварительном, так и на судебном следствии, свидетель Лукьянов ссылается на дела о Ткачуке и Терпиловском, а также обсудив ходатайство подсуд[имого] Гришина-Шенкмана о затребовании доклада о работе Облуправления НКВД, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Затребовать из Житомирского Облуправления НКВД для ознакомления следующие материалы:

1. Дело о Ткачуке, 2. Дело о Терпиловском и 3. Доклад о работе УНКВД, относящийся ко времени работы Гришина-Шенкмана в Житомирском обл. Управлении НКВД.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы [подсудимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Мартынюка допрашивали в 3-м отделе, я при этом не присутствовал, и как у него брались показания, я не знаю.

О том, что он был завербован Гришиным, я впервые слышу, такого показания я у Мартынюка не видел.

Мартынюка допрашивали без меня.

Я в уничтожении Гришина не заинтересован, а когда его жену выселяли, я велел пианино оставить в клубе, т.к. подозревал, что оно приобретено нечестно.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Гришин и Мартынюк вместе работали ещё до Житомирской обл. Они знали друг друга и были в дружеских отношениях. Я с Якушевым был знаком с 1931 г. по Харькову, с ним у меня были хорошие, дружеские взаимоотношения.

У Вяткина я так стал заместителем: когда он прибыл, я болел. Выздоровев, я пришёл, хотел получить отпуск, но меня Вяткин не пустил, а затем он мне сказал, что я хорошо знаю все районы области, и он меня выдвигает в заместители. Я сказал: «Спасибо» и всё.

В дальнейшем у меня с Вяткиным испортились взаимоотношения из-за одного дела. Завели дело на группу комсомольцев, дело это было «липовое», и я сказал Вяткину, что нужно будет дело проверить на допросе при прокуратуре и секретарях Обкома, т.к. арестованные отказались от показаний, а их перед допросом у прокурора побили, и они свои показания подтвердили.

Почему Гришину не сделали очной ставки с Мартынюком, я не знаю.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: При приезде Вяткина сразу стало известно, что Вяткин ведёт линию против евреев. У нас были хорошие работники — евреи. Я написал характеристику

⁶⁰ ОУ — тут обласне управління.

для их выдвижения, а он стал говорить, что они все — сионисты. Потом он стал откомандировывать евреев отсюда. Я об этом говорил на партсобрании, но уже после ареста Вяткина.

О случае в театре я знаю, слышал я это от Семенова.

Вообще о Вяткине до его ареста речи на партсобрании не было.

Я знаю, что Вяткин сказал в театре, что еврейский театр не нужен. Из-за этого приехал Успенский для проверки, вызвал директора театра и говорил с ним.

Мне Глузман не говорил что-либо об этом, я узнал об этом от Семенова.

При мне Вяткин Глузмана ругал и требовал увольнения из тюрьмы врача — жены прокурора Черкеза.

Вяткин вообще хотел всё время арестовать Черкеза, но на Черкеза, кроме анонимки, ничего не было.

Об отношении к прокуратуре Вяткин говорил: «Тюрьмы — наши, если прокурор хочет зайти в тюрьму, пусть он об этом скажет мне или заместителю». Говорил он это при мне Глузману.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: В кабинете у Лукьянова однажды был гражданский прокурор, а я не знал кто он. Я говорил при нем Лукьянову, что прокурор без его ведома был в тюрьме, и это уже должно было быть сигналом. Прокурор этот даже возмутился, спросив: «С каких пор прокурор должен брать разрешение для посещения тюрьмы?».

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Не помню я, был ли я здесь в то время, но, кажется, такой разговор был в присутствии прокурора.

В 17 часов объявлен перерыв до 10 ч. 1 июля 1939 г.

1-[ое] июля 1939 г.

С 10 ч. утра суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: При исполнении приговоров я присутствовал несколько раз при исполнении их Тимошенко, а после его отъезда — чаще.

Ходил я на исполнения приговора над лицами, которые допрашивались 4-м отделом.

При мне извращений я не замечал.

В декабре [1937 г.] Якушев запретил н[ачальни]кам отделов посещать, и я перестал ходить на исполнения приговоров.

Закапывали людей за городом, закапывали неглубоко, весной земля оттаяла, и стали видны ноги, их тогда присыпали.

После Тимошенко приговора приводил в исполнение Люльков. Делали уже так: связывали осуждённым руки, одежду у них отбирали и вместе с ними закапывали.

Мне известны и такие случаи:

Осуждённый Чернов заявил, что может дать дополнительные показания, и его вывели из комнаты и 5 дней допрашивали⁶¹.

Некоторых избивали и требовали признания о наличии оружия.

Один осуждённый заявил, что это не его фамилия, и его вывели из комнаты.

Были случаи, что осуждённых били перед расстрелом в порядке допроса железной палкой, а потом их расстреливали.

Я никого ломом не убивал, это я категорически утверждаю. Людей били в моем присутствии, но я не бил. Били в порядке допроса. Было это при Вяткине.

Был случай, что Ткачук или Ткачёв по Коростеню или Бердичеву заявил, что его ни разу не допросили. Его сняли с расстрела и послали в Бердичев. Снять его с расстрела распорядился я. Было это при Семенове. Произошло это потому, что сошлись фамилии, имя, отчество и село двух осуждённых и их год рождения.

Оформлением на тройку руководил не я, а 4-й отдел. Да, я руководил 4-м отделом и часть дел я подписывал.

Джуринского — не помню, кто дело подписал.

Дело Скрыпника оформили на тройке после его смерти. Я это дело не складывал на тройке. Я считал это незаконным, но при этом был нач[альник] УНКВД.

Наркому я об этом не доносил, т.к. знал об этом со слов Леснова. Верно, он доложил мне это как начальнику. Я не донёс об этом потому, что расследование уже велось, кроме того, я не знал, составили акт об этом или нет.

Об аресте Вяткина, Леснова, Малуки я знал, но я потому и не доносил, что знал, что по этому вопросу ведётся следствие.

Я категорически отрицаю избивание мною осуждённых железным ломом.

⁶¹ Помічник оперуповноваженого 2-го відділення 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській області Ф. Желдак 25 грудня 1938 р. цей факт описав так: «Во время работы майской тройки [1938 г.] был осуждён к расстрелу ЧЕРНОВ-МЕРУТЕНКО за принадлежность к украинской националистической к.р. организации. До ареста он, кажется, работал председателем колхоза или председателем сельсовета. ЧЕРНОВ-МЕРУТЕНКО был доставлен из тюрьмы в числе других осуждённых в гараж [УНКВД] для приведения над ним приговора в исполнение. В тот момент, когда там уже приводили приговор в исполнение над некоторыми, о чем ЧЕРНОВ хорошо знал и видел трупы, и сам уже ждал своей очереди, будучи уже связанным верёвкой, его оттуда забрали обратно наверх, в Управление НКВД, где он в кабинете МАЛУКИ сутки лежал на полу связанным. [...] По распоряжению МАЛУКИ я в комнате дежурил возле ЧЕРНОВА часов семь. Во время дежурства никто его не допрашивал, из гаража его доставили ночью. [...] ЧЕРНОВ-МЕРУТЕНКО был оставлен, поскольку узнали, что он — бывший партизан, и в то время была директива Успенского раскрыть партизанское подполье, то решили добиться от него показаний по партизанскому подполью. Допрашивал его МАЛУКА [...]. Показания ЧЕРНОВ, конечно, дал. Я его показаний не читал. На следующую ночь его расстреляли». (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 2, арк. 317, 320–320 зв).

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Ни один сотрудник органов НКВД не мог проходить тройку. Скрипник был нач[альником] милиции и не мог быть оформленным на тройке. В отношении его допущено вопиющее преступление.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Об оформлении Скрипника на тройке я узнал пост-фактум.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Перед расстрелом, при мне, обязательно спрашивали осуждённых личные данные, кто допрашивал, а потом расстреливали.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: При мне не спрашивали ничего о следователе.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я не могу ничего сказать по этому поводу.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Это делали не при них. Зуб — нач[альник] 1[—го] отделения — специально дежурил и проверял все по делам в отдельной комнате.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА[—ШЕНКМАНА]: Ремов, Семенов, Зуб дежурили при Вяткине во время исполнения приговоров.

По ходатайству подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА оглашены показ[ания] свид[етеля] Лукьянова на л.д. № 258–259 т. 3.

Пред[седательствующий] объявил, что в Трибунал поступил доклад Житомирского УНКВД Наркомату о работе за второе полугодие 1937 г.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Это не тот доклад, тот был итоговым, датированный январём 1938 г., но и здесь прошу ознакомиться с цифрами, имеется даже подпись Лукьянова.

Трибунал ознакомился с представленным докладом.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Я видел, как альбомы составлялись: брали справку, вшивали в альбом и все.

Пропущенных одиночками и могущих вскрыть целую сеть я конкретно назвать не могу.

Этот отчёт, в котором есть данные о группах шпионов, я не видел и показания я дал со слов других, в частности Манько и Леснова.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Любое групповое или одиночное дело, всё равно. Из общего дела на каждое лицо отдельно пишется справка. В альбомах впереди был лист, в котором были сведения о тех, кто проходил по групповым делам, а кто — в одиночном порядке.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Где теперь Масловский, я не знаю.

Леснов и Манько давали показания здесь в августе [1938 г.], почему они датированы июнем мес[яцем], не знаю, все допрошенные сами писали показания.

Пред[седательствующий] оглашает даты документов в деле: 1. Справки на л.д. 20–21 т. 3, 2. Показ[ания] Манько на л.д. 244 т. 3, 3. Леснова — на л.д. 247 т. 3 и удостоверяет, что справка датирована 24 августа, а показания — 25 августа.

Пред[седательствующий] подтверждает, что в представленном докладе Житомирского УНКВД о работе за второе полугодие 1937 г. раздел о работе 4[-го] отдела подписан Лукьяновым.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Справку, датированную 24 августа, я писал по показаниям Леснова, я это утверждаю.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Операцией по жёнам руководил Якушев, но как зам[еститель] нач[альника] Гришин тоже той работой руководил. Они меж[ду] собой так разделили обязанности: Гришин руководил 3[-м] отделом, а Якушев — 4[-м] отделом.

Когда я был зам[естителем] нач[альника], я ведал милицией, ОМЗ'ом, спецотделениями, а Вяткин руководил 3[-м] и 4[-м] отделами.

Смелянский, помню, больше месяца работал здесь при Гришине. Арестован он был по распоряжению из Киева.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Я был пом[ощником] нач[альника] недолго, и ни разу Шемпер мне ничего не говорил о незаконных действиях Глузмана.

Всего несколько дней я руководил ОМЗ'ом, но работу карьеров я проверял. Июль, август и сентябрь я был на карьерах. Работали они так: до моего приезда программа не выполнялась, дисциплина была плохой. Плохие результаты, по-моему, были из-за неувязки работы с карьероуправлением.

На партгруппе Люльков отчитывался, а что там говорил Глузман, не помню.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы суда: У Гришина в квартире были свои ковры. Когда один ответственный человек приехал из Киева, у него взяли ковры, и их потом забрала его жена при выезде из Житомира.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсуд[имого] СОСНОВА: Характеризовать Соснова не могу, я не бывал при выполнении им приговоров, но я знаю, что он всегда занимался уборкой во дворе и работал добросовестно.

Свид[етель] НОВОСЕЛЬЦЕВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Игнатенко я по спец. заданиям не могу характеризовать, а он в основном был занят спецработой. Знаю только, что по общественной работе он работал.

Подсуд[имые] вопросов к свид[етелю] Новосельцеву не имеют. Пред[седательствующий] свид[етель] Новосельцев освобождён.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Когда точно Смелянский здесь работал, не помню.

С поимкой 11 бежавших так было: все дни их розыска я дежурил, пока их не задержали. В допросе их я не участвовал.

Надзирателя внутрен[ней] тюрьмы я допросил о побеге, а самих беглецов я не допрашивал, и при их расстреле я не был.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Лукьянов допрашивал и был при расстреле 11 беглецов.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Я его не видел.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я тоже не видел Лукьянова при расстреле 11 беглецов.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Смелянский показал, будто он после его вербовки не связался со мной из-за моего отъезда. Пусть Лукьянов скажет, когда Смелянский здесь со мной работал.

Подсудимый⁶² ГИРИЧ на вопросы суда: В декабре [1937 г.] я сюда вошел Смелянского, когда Гришин работал здесь.

Пред[седательствующий] оглашает показания Смелянского на л.д. 290 и 291 об. т. 3.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Я помню, что Смелянский после Новограда работал здесь, а когда именно, не помню.

Подсуд[имый] ГИРИЧ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Отвозил Смелянского при переводе его в Житомир я. Это было в начале или в середине января 1938 г.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Лукьянов вчера сказал, что я где-то до Житомира служил вместе с Мартынюком. Я утверждаю, что этого не было.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: О том, что Гришин работал вместе с Мартынюком, у нас были слухи, кто именно это говорил, я не помню. Когда Мартынюк сюда приехал, Гришин сразу стал называть его «Володя».

Подсуд[имый] ГРИШИН[-ШЕНКМАН] поясняет: Это неправда, никого я не называл по имени, даже давно знакомого мне Лебедева тоже называл по фамилии.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Вредительское дело по скоту о ветвраче Бердичева было рассмотрено в суд[ебном] заседании в 1937 г., а когда ликвидировали эту организацию, не знаю.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Дело вскрыло Винниц[кое] Обл[астное] Управл[ение] в 1936 г., вёл дело Мартынюк, а летом 1937 г. слушалось оно в открытом заседании и освещалось в прессе.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Процесс этот был здесь, и я ещё успел вести следствие по некоторым из лиц, обвинявшихся по вредительству в Бердичеве.

Пред[седательствующий] оглашены показания свид[етеля] Мартынюка на л.д. 165–166 т. 3.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Дело было очень интересное, и Мартынюк сам подписал обвин[ительное] заключение. Прошло по делу 15 человек.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Предгорсовета и директор завода — это такие лица, которые могли быть арестованы только с санкции Киева.

По ходатайству [подсудимого] Гришина-Шенкмана оглашены показ[ания] свид[етеля] Мартынюка на л.д. 166 т. 3.

⁶² Тут і далі у документі помилково — Свид[етель].

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Мартынюк и не мог давать санкции на арест Терпиловского, это только мы могли делать с разрешения Наркомата.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Детинко приезжал в Житомир в феврале 1938 г.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: В январе [1938 г.], до назначения Смелянского в Житомир, я ездил по районам. Не зная дороги и боясь заехать за кордон, я в Новограде взял проводника — Гирича. В дороге я был несколько дней, и Детинко в это время был здесь, и я его не видел.

Привожу я этот случай потому, что мне было предложено Киевом вместе с Детинко вести следствие в Олевске. Я туда и ездил, но, т.к. машина моя застряла, Детинко уехал, и я с ним даже не встретился.

Было это в январе 1938 г., а не в ноябре 1937 г., как говорит Смелянский.

Подсуд[имый] ГИРИЧ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: В начале января 1938 г. или в конце декабря 1937 г. я сопровождал Гришина, шофёром был Бородавский. Доехали мы до Емильчино, а к Олевску не пробрались и вернулись обратно в Новоград.

Детинко я знаю, ещё в 1937 г. к Смелянскому приехал летом Детинко. Это было до того, как приезжал Гришин. В тот период, когда Гришин приезжал, я Детинко у нас не видел.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: По Красноармейскому району обнаружили липовые дела ещё при Гришине, за что нач[альника] РО и сняли с работы. Фамилия нач[альника] РО — Бауман.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: При мне это дело не было вскрыто, вероятно, это после меня вообще было, т.к. я несколько раз сам ездил в Красноармейск и проверял дела.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: С Рогинцом при Гришине я ездил в Красноармейск.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Я впервые здесь услышал фамилию Рогинец.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы [подсудимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: О деле быв[шего] нач[альника] РОМ Веремчука я ничего не знаю.

В Одессе я сейчас работаю уже несколько месяцев. О том, что Гришин работал в Одессе, я знал, но ни с кем сейчас о нем не говорил.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН заявляет: В своих вынужденных показаниях в Киеве я сам писал справку от 24.8.[19]38 г. Это — мой стиль, а подписал её Лукьянов, пусть он об этом скажет. Прочтите справку, и пусть он скажет, чей это стиль. Он только выбросил о моем вредительстве в парт[ийной] и проф[союзной] работе, о чем меня тоже заставили написать в этой справке.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Справку писал Леснов. Сюда звонил из Киева Назаренко, велел допросить знающих Гришина, люди дали показания, и их отправили в Киев.

Пред[седательствующий] оглашает выдержку из справки л.д. 20 т. 3.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Дело о группе офицеров было закончено при Гришине.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: 4-м отделом руководил сам Лукьянов.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Вредительское распоряжение Гришин, вероятно, дал не мне, он мог, вероятно, дать его непосредственно Малуке.

Это так было. Гришин или Якушев велел срочно подготовить дело на тройку, его и подготовили, а это было неверно.

С Якушевым у меня были хорошие взаимоотношения, но не всё время, т.к., когда он дал распоряжение завербовать в агенты сотрудников Обкома [партии], я сказал это Гришину, из-за этого Якушев стал меня ругать, и с тех пор взаимоотношения у нас испортились.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Лукьянов был не только нач[альником] 4[-го] отдела, но и нач[альником] штаба тройки, и без него дела на тройку не шли.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Нач[альником] штаба тройки был Леснов, а не я.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: «Рововская» операция началась вообще только в марте 1938 г., когда я работал уже в НКВД УССР.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Малука по этому вопросу не был допрошен. Почему, не могу объяснить.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: По поводу того, что Манько показал, что Якушев сидел как мебель, а нач[альни]ком УНКВД был Гришин, я ничего не могу сказать, т.к. вообще не помню, чтоб я такие показания посылал в Киев.

Пред[седательствующий] оглашает показания свид[етеля] Манько на л.д. 245 т. 3.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Начальником Облуправления был Якушев, но он часто отсутствовал, и Гришин его замещал, но не подменял, это Манько неправильно показал.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Самое большое дело о троцкистах было по Бердичеву.

Мацевский, Просянный и др. проходили по этому делу. Дело велось моим отделом.

Мацевского лично я допрашивал. После распоряжения Якушева н[ачальни]ки отделов допрашивали основных фигурантов. Когда я допрашивал Мацевского, Гришин несколько раз входил, в допрос включался, и своими вопросами он не замазывал дело.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Всех этих лиц разработал Мартынюк, и по его материалам вся группа была снята. Если Мартынюк говорит, что он скрывал эту группу, то это неверно, по его же материалам их всех сняли, но арестовали их не в Бердичеве, а здесь, после исключения их Обкомом из партии.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: При получении из Обкома выписок на исключаемых из

партии, людей сразу нельзя было арестовывать, т.к. ничем принадлежность их к троцкистам не подтверждалась, а материалы эти — это была водичка.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: По выпискам Обкома я велел часть людей, как кадровых троцкистов, немедленно арестовывать, а часть — разрабатывать.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Резолюции Гришина об аресте ряда троцкистов на выписках Обкома были, это были правильные резолюции.

Характеристику Гришину по оглашённой справке давал не я, а Леснов.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГИРИЧА: При исполнении приговоров Артемьев мог присутствовать.

Подсуд[имый] ГИРИЧ поясняет: Артемьев был здесь, когда проходила партконференция и, приехав обратно, он рассказывал об участии его в расстрелах, потому я и не считал рассказ мой об этом сотруднику Райотделения преступлением. Кроме того, в 1936 г. ещё Островский мне рассказывал об участии его с Бруном и Кучерявенко в расстрелах.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГИРИЧА: Я не помню, чтобы Брун и Кучерявенко участвовали в оперработе.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы суда: Островский, Брун и ещё один человек из Новограда участвовали в операциях в самом начале.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО (реплика): Вспомнил, они были.

Свидетель⁶³ ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: При внезапной смерти арестованного — немца, помню, что я выезжал в тюрьму. Указания я тогда давал, а какие именно, не помню. Глузман мне дал справку, что человек умер от разрыва сердца, и я велел закопать его.

При мне Вяткин не давал распоряжения не вскрывать умерших. Нет, я не знаю о вскрытии таких, кто умер от побоев, таких не вскрывали.

Я знал о том, что когда привозили сюда арестованных, их деньги зачислялись в Особый фонд УГБ. В части вещей осуждённых к ВМН, я ничего не знаю.

Я Семенову не говорил, что Глузман боится ареста, и не вызвал Глузмана по этому поводу.

Мельник на партконференции не был арестован. Он распространял слухи о Диденко, и за это ему дали выговор.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Уже на следующий день после выступления Мельника на партконференции с разоблачением Диденко Лукьянов выступил с сообщением, что Мельник оказался врагом.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Это я отрицаю.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Малахов мне докладывал, что в некоторых чемоданах заключённых вещей не оказалось, а по чьей вине, он не говорил.

По вопросу об акте на умершего я ничего не знаю и никого к Глузману не посылал.

⁶³ У документі помилково — Подсуд[имый].

О том, что Голубев вызывал Глузмана и требовал показаний о к-р деятельности Стругачёва и Мордушенко, я не знаю.

За револьвером я Голубева на квартиру Шемпера не посылал.

О даче нач[альни]ка тюрьмы взамен Шемпера Глузман обращался ко мне.

Подтверждаю, что несколько раз Глузмана посылали в командировки по делам, не связанным с ОМЗ.

Михайленко был арестован на оперсовещании Вяткиным, и сразу Вяткин дал телеграмму Успенскому и получил от него санкцию.

Михайленко занимался явной провокацией. Он днём избил арестованного, а потом ходил и говорил, что того били, и он кричал на всю улицу.

Михайленко не следовало тогда арестовать, по-моему, нужно было только уволить его, но все на совещании кричали: «Арестовать врага!», и Вяткин его арестовал.

Сказать, что этим Вяткин решил просто всех запугать, не могу.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Михайленко писал Ежову о безобразиях, которые творил в Коростене быв[ший] нач[альник] след[ственной] группы Лукьянов, и из-за этого его арестовали. После этого Вяткин собрал работников ОМЗ и говорит: «Учтите, что теперь не НКВД, а ЧК, что Розенберг⁶⁴ оказался врагом и всюду здесь посадил агентуру». Это было явным запугиванием.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: На совещании встал вопрос о том, что Михайленко усомнился в показаниях арестованного, который говорил, что завербовал буквально всё село, и я, и рядом со мной сидящие, согласились с этим. Вдруг Вяткин подошел к себе на сцену, Голубев подскочил и забрал у Михайленко «Наган». По-моему, это было сделано только с целью запугивания.

Свидетель⁶⁵ ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Гненную и Игнатенко я вызывал и не говорил, что не нужно писать об избиениях, а нужно писать какую-нибудь болезнь, но я не говорил, чтобы причины смерти фиксировали «от болезни».

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Когда Вяткин вызвал меня и Гненную и приказывал писать в актах о причинах смерти заключённых какую-либо болезнь, а не побои, при этом был и Лукьянов, и он это слышал.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Ни я, ни при мне кто-либо, не давали распоряжения в актах называть причиной смерти болезнь вместо побоев.

После 10-мин[утного] перерыва судзаседание продолжается.

Вызван[ный] свидетель ГОЛУБЕВ Сергей Алексеевич, 1908 г. [рождения], из рабочих, был в ВКП(б) с 1930 г. по 1938 г., исключён в связи

⁶⁴ У матеріалах справи відсутні відомості, про кого конкретно йшлося.

⁶⁵ У документі помилково — Подсуд[имый].

с арестом Вяткина, не судим, личные взаимоотношения с подсудимыми нормальные, кроме Глузмана, который при участии Голубева исключался из партии, показал:

О Глузмানে я давал показания. Я, он и Манько присутствовали при допросе одного петлюровского сотника, и мы его побили. Перед тем, как его ударить, Манько спросил Глузмана: «Т[ов.] прокурор, можно?». Глузман ответил: «Можно». Манько стал бить, и я тогда несколько раз ударил арестованного.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: При допросе Глузмана Ремовым я заходил, минуты 3 пробыл там и вышел. При мне его Ремов не бил.

При мне Вяткин о Глузмানে никаких распоряжений не давал.

О злоупотреблениях при расстрелах я вёл расследование. Возникло оно в связи со слушанием дела об одном мил[иционе]ре⁶⁶. Копию протокола ВТ прислал сюда. Я провёл расследование, установил наличие присвоения вещей, но всё упиралось в бывшее руководство, а Якушева и Гришина в то время уже не было. Тогда мы с Вяткиным решения никакого не приняли, а написали наркому. Через некоторое время Вяткин приехал из Киева и сказал, что нарком велел ограничиться взысканием. Я такое заключение и написал. Ограничились тогда дисциплинарным взысканием.

Когда Вяткин был арестован, я врид нач[альника] Обл. управления Дарагану⁶⁷ доложил это дело, и он приказал дело⁶⁸ послать наркому.

При выполнении спецзаданий я иногда присутствовал при Вяткине. Чтобы били заключённых палками или медными трубами, я не видел. Я ни разу не видел, чтобы людей избивали перед расстрелами.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Был ли Голубев участником избиений осуждённых к ВМН, я не могу сказать. Присутствовал ли он при этом, не помню.

Голубев иногда сам проводил эти операции.

По приказанию Вяткина особо важные осуждённые перед расстрелом избивались для выкачки оружия, что я и раньше говорил.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Голубев участвовал в операциях, и всегда при нем эти «внушиловки» были, но бил ли он кого-либо, этого я не могу сказать.

По-моему, он должен был знать о палках.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Я утверждаю, что палок не видел. Если я бывал там, то я находился в 3-й комнате и исполнял приговора, так что я не мог видеть, что делается в 1[-й] и 2-й комнате.

⁶⁶ Йдеться про судові засідання виїзної сесії відділу Військового трибуналу прикордонної і внутрішньої охорони по Київській області, що відбулося у Житомирі 21 січня 1938 р. у справі колишнього міліціонера Б. Давидовича. Під час засідання підсудний повідомив про наслідки масових розстрілів, мародерство і методи ведення слідства в УНКВС.

⁶⁷ У документі помилково — Дорогану.

⁶⁸ У документі слово закреслене.

Я бывал редко на исполнении приговоров. Возможно, что без меня и били осуждённых.

До расследования я о случаях мародёрства не знал.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Расследование вели, когда я уже не работал, а, Голубев присутствовал при исполнении приговоров мною, значит, он всё знал, что у нас делается. О вещах — это он мог и не знать.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: У Манько при допросах я был лишь один раз, при допросе Глузман тогда тоже присутствовал.

О системе избийений я знал, и все знали. На это было дано разрешение Вяткина на совещании оперсостава.

О великодержавном шовинизме Вяткина я знаю со слов Пинскера после ареста Вяткина. Глузман, по-моему, не говорил мне ничего об этом. Пинскер заявил, что он писал заявление на имя Хрущёва о великодержавном шовинизме Вяткина.

Глузман мне об этом не сообщал.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: В июне [1938 г.] я об этом узнал, зашёл к Голубеву, заперся с ним, и как секретарю парткома сообщил об этом, а через три дня меня Вяткин вызвал и стал меня ругать за это.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Я этого не помню.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: В тюрьме меня Голубев допрашивал по другому делу, и я его спросил об этом заявлении, но он ответил: «Мы сами это знаем».

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Я его допрашивал, а об этом заявлении речи не было.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Меня из партии исключили как врага народа, и Голубев это прекрасно знает.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Поступили данные о к-р деятельности Глузмана в Умани, была связь с Еременко, было подхалимство, о чем я лично говорил, т.к. он рассылал начальству огурчики, о чем я и доложил Лукьянову.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Мне домой привезли десяток парниковых огурцов. Я спросил начспецторга, и он сказал, что это — из ИТК.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: По списку Вяткина и по его распоряжению при Шеймане (б[ывший] нач[альник] спецторга) всем н[ачальни]кам отделов и секретарю Обкома я разослал огурцы из ИТК.

Мало этого, Диденко на партконференции спросил у меня, почему и ему не привезли огурцов.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Говорилось ли об этом на партсобрании при исключении Глузмана, не помню, а его подхалимство всем известно, он и мне подарил портсигар.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: В кабинете Манько я прокурора не разыгрывал. И Голубев об этом случае на очной ставке говорил совершенно иначе.

Пред[седательствую]щий оглашает показания свид[етеля] Голубева л.д. 538 т. 2 и показания подсуд[имого] Глузмана на той же очной ставке л.д. 539–540 т. 2.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Мои показания записаны правильно, но я никогда в гражданской одежде не ходил.

Я утверждаю, что я этого заключённого не бил.

Я и сейчас не опровергаю этого вопроса, но я не помню, ответил ли я: «Можно» или нет.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Глузман был в коверкотовых брюках, белой рубашке и у меня из рук он взял сам плётку и ударил арестованного.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: О жене Шемпера был материал, что она берет взятки у жён осуждённых. Направил мне материал Глузман. Шемпер должен был это знать, т.к. я его жену вызывал.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Когда Шемпера арестовали, я с Голубевым ездил к нему на дом за оружием.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы [подсудимого] ГЛУЗМАНА: Жена Шемпера с нами ездила.

О Стругачёве Глузмана я допрашивал. У нас на парткоме разбиралась его связь с Глузманом, и мне поручили проверить это.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Продажа вещей через портного ни за кем из этих обвиняемых не подтвердилась.

Свид[етель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Я не утверждал о портном, но факт тот, что через маклера вещи сбывали.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Это не подтвердилось.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Заявление о Малуке мне Гришин передавал. Это было заявление Ткачука об избииении его Малукой. Чтобы в заявлении было что-либо компрометирующее Малуку, не помню. У меня таких материалов не было.

С материалами, компрометирующими Малуку, кроме избийений, никакого заявления у меня не было.

На все заявления, кроме избийений, писались заключения, и они должны быть здесь.

В Олевске я проводил расследование об Овчаренко, избивавшем людей. Избийение не подтвердилось, а подтвердилась пьянка, за что на него было наложено 10 суток ареста.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: При мне Вяткин при допросе Глузмана ни разу не ударил. Он его обругал, вызвал Игнатенко и велел его убрать. Чтоб его расстреляли, такого приказания я не слышал.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: В данном случае, о котором я сейчас рассказал, или Игнатенко, или Поранский, вывели Глузмана из кабинета Вяткина.

Об инсценировке расстрела Глузмана я ничего не знаю.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Уже после дисциплинарки Вяткин велел вернуть Тимошенко кожаное пальто и шинель.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы подсуд[имого] ГИРИЧА: Расследов[ание] о Гириче я начал вести на основании докладной записки нач[альника] РО НКВД. Это было после того, как разбили «Кадиллак»⁶⁹. Когда Гирич чинил «Кадиллак», Артемьев сказал Вяткину, что Гирич систематически якобы продаёт вещи, и его нужно арестовать.

Подсуд[имый] ГИРИЧ поясняет: Артемьев — лучший друг Вяткина. Он меня переманивал к себе на работу, а я не хотел, и поэтому я и сижу здесь из-за Артёмьева.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Из-за того, что барахольство упиралось в Якушева, что люди много работали, и решено было при расследовании ограничиться взысканием.

Производя расследование, я не интересовался тем, или в дни расследования тоже расхищают⁷⁰ вещи.

О вырывании зубов я ничего не знаю.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: О вырывании зубов я Голубеву не говорил.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: В исполнении приговоров с июля по октябрь [1938 г.] я участвовал раз десять. При этом я никаких незаконных действий не замечал. Я, Люльков и Игнатенко стояли втроём с мелкокалиберными винтовками в комнате исполнения, а нам людей подавали.

Я никогда палок не видел, кроме одной, которая была при выходе людей из тюрпода.

На Гришина при мне никаких компрометирующих данных не поступало.

Михайленко работал в следгруппе в Коростене, кто руководил группой, не помню. На одном из совещаний все выступали и говорили, что он не борется с врагами, выражает сомнение в показаниях, и его вывели на сцену к Вяткину. Я забрал у него оружие, и комендант его увёл.

Расследование я по делу Михайленко вёл в части установления его саботажа при следствии. За это он и был предан суду — за саботаж.

Михайленко сейчас освобождён и где-то работает.

При «конференции» с арестованными у Манько я один раз был. Сейчас знаю, что это было преступлением, а раньше не знал этого.

О наступлении смерти з-к⁷¹ из-за побоев я ничего не знал до ареста Вяткина.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: После приказа Вяткина составить акт о смерти убитых якобы от болезни, я об этом говорил с Голубевым.

⁶⁹ Тут і далі у документі помилково — «Коделак».

⁷⁰ У документі — хитят.

⁷¹ з-к — рос.: заключённый.

Вызван[ный] свид[етель] КОРОТЧЕНКО Платон Николаевич, 1902 г. [рождения], из крест[ьян], служащий, исключён из ВКП(б) в связи с увольнением из НКВД, не судился, личных счетов не имею, но должен сказать, что сейчас освобождён арестованный Харченко⁷², и он мне сказал, что Глузман в тюрьме говорил, что меня скоро арестуют.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Возможно, что я это говорил, не помню.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО поясняет: Я один раз участвовал в избивании сотника Петлюры⁷³. Манько, я, Голубев и Глузман зашли к Манько по его приглашению, и у него был этот сотник, и мы четверо избили его.

Точно не помню, кажется, Манько назвал нас всех комиссией, Глузмана он назвал прокурором, и тот утвердительно ответил. Все мы плёткой били арестованного, а Глузман один раз рукой ударил его.

Он потом говорил, что вообще он рукой бьёт, ему плётка не нужна, так как и рука хороша.

В исполнении приговоров я участвовал с нач[альником] УСО для проверки установочных данных. Проверяли мы их в тюрьме, а оттуда вводили осуждённых в гараж. Было это при Якушеве. Один раз я был по распоряжению Гришина при Якушеве, а потом в марте 1939 г. я раз 6 участвовал.

Оружие прятали в карманы, а палки в руках были, были палки коротенькие, вроде ножки от стула, были и длинные. Брали их потому, что иногда выводимый заключённый начинал волноваться, кричать, и его ударяли палкой. Я палки не имел, ходил с карандашом и бумагой. Голубев тоже бывал при приведении в исполнение приговоров. Почему он не видел палок, я не знаю.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: При Вяткине оперсостава, выделенного для руководства операцией, не было. Вяткин вызывал меня, Бережного и предупреждал, чтобы мы следили, кого расстреливают.

Подсчёт и погрузку трупов делали Тимошенко, Игнатенко, шофера.

О разведке, которая выставлялась при закапывании, я не знаю.

Машины, не знаю, кто мыл, кто обеспечивал конспирацию, не знаю.

К аресту Мартынюка были такие материалы, что его жена в Одессе была связана с каким-то консульством. За подписью Гришина запрос об этом мы направили, но ответа ещё не было, как Мартынюка арестовали в Киеве.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН пояснил: Мы получили анонимку, как потом узнали, от Сиваковской, о том, что жена Мартынюка сожительствовала с итальянским консулом, а тому, я знал, — 70 лет, и мы взяли за проверку.

⁷² Вірогідно, йдеться про лейтенанта держбезпеки Кирила Харченка. У квітні 1938 р. він був заарештований, а у лютому 1939 р. звільнений.

⁷³ Йдеться про людину, яка служила сотником в Армії УНР, головним отаманом (командуючим) якої був Симон Петлюра.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Лебедева я знаю, он при Якушеве и руководил исполнением приговоров.

В отделе кадров на Тимошенко никаких компрометирующих материалов не было.

В 17 час. объявлен перерыв до 19 ч. 30 мин.

В 19 час. 30 мин. суд[ебное] заседание продолжается.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН пояснил: Я подал заявление в перерыве и по этому поводу хочу дать показания. В ходе суд[ебного] следствия я убедился, что в ходе следствия внимание обращено на второстепенные вопросы.

Я хочу сказать о системе, которая должна обеспечить охрану, расстрел тех, кого нужно, конспирацию и т.д.

Какой была система. Я хочу сказать, как у нас было это поставлено.

Система при Якушеве была такой: раньше всего был старший Лебедев, отвечающий и за размещение арестованных после их доставки, и за проверку, кого расстреливали, но Лебедев опрос производил поверхностно, кроме установочных данных, о чем я не раз докладывал. Он взял людей и сопровождал их в гараж. Палки эти при такой операции обязательны, т.к. нигде в них стрелять нельзя до места, где они должны быть расстреляны, а при надобности пускать их в ход, т.е. если осужденный догадается и может поднять шум, то палкой нужно его оглушить. Расстрел производили 4 человека: Тимошенко и Бланк стреляли, а 2-е других подавали людей. Самое важное — проверка трупов была возложена на одно лицо, которое ничем больше не занималось, уборка следов — они неминуемо могут остаться и во дворе, и по дороге, поэтому Лебедев в легковой машине ехал сам за машиной с трупами и проверял все следы, дальше — кладбище и гробовщики. На кладбище привлекли 2-х гробовщиков, и их обязанностью было выкопать с утра одну—две—три ямы, и задание им давал только комендант. Кладбище играло самую решающую роль, т.к. оттуда могла начаться расшифровка операций, и весь состав знал, что с весны кладбище нужно подсыпать, сравнять и засеять травой. Дальше я скажу об имеющем прямое отношение к делу по своему заявлению.

На допросе свид[етель] Стругачёв заявил, что после моего отъезда машина, в которой возили трупы, была возвращена владельцу со следами крови. При мне мойкой машины всегда занимался один человек — Агапов. После меня его отстранили от мойки машин, и в итоге это уже привело к рассекречиванию.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] свид[етеля] Стругачёва на л.д.496 т. 2.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Да, выдал я эти вещи из вещей расстрелянных. Конечно, при этом не было гарантии, что тулуп или валенки расстрелянного кто-либо не опознает из родственников его.

Мы знали о том, что Паншин присматривается к барахлу, и поручили Игнатенко следить за ним, и это Паншин узнал. Этим и объясняется его лжесвидетельство.

Кроме того, он ничего не мог видеть, т.к. его задачей было заряжать ружья, сидя на лестнице, а с лестницы ничего видно не было.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО (реплика): Паншин всё мог видеть.

Пред[седательствующий] оглашает показания свид[етеля] Паншина на л.д.302 т. 3.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Паншин говорит о том, что я знал о растаскивании вещей осуждённых, но я этого не знал.

Стругачёв говорил, что спецработа рассекречивалась, потому я и говорил о системе.

Вызван[ный] свид[етель] ПАНШИН Иван Михайлович, 1905 г. [рождения], из батраков, батрак, отца нет, член ВКП(б), не судим, личных счетов с подсудимыми не имеет, показал:

Я был шофёром, и меня мобилизовали на перевозку трупов. Кроме Гирича, все остальные обвиняемые постоянно участвовали в этой операции. Приговора приводили в исполнение, а потом я трупы отвозил на кладбище.

При исполнении приговоров, знаю, были такие злоупотребления.

Раньше у осуждённых квитанции на деньги не отбирались, а потом их отбирали и складывали на стол; потом Тимошенко один раз собрал деньги у осуждённых, я спросил, куда он несёт, и он ответил: «Несу сдавать». Сколько денег было, не помню, спрашивал я или нет.

Кроме того, одно время отбирали у осуждённых спрятанные деньги, и на эти деньги покупали ужины. Это не всегда, но делали.

Пред[седательствующий] оглашает л.д.367 т. 2 — показ[ания] свид[етеля] Паншина.

Свид[етель] ПАНШИН: Случалось, что и по 300 рублей собирали. На эти деньги покупали еду и выпивку. Знаю, что деньги получали как премию.

О деньгах, полученных из тюрьмы подсудимым Тимошенко, не помню. Я знаю, что одежду возили в тюрьму и должны были за неё деньги получить, а получили деньги или нет, не знаю.

Нам говорили, что вещи нужно собирать, их сдадут в тюрьму, а деньги за них нам раздадут.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Я этого не говорил людям.

Свидетель⁷⁴ ПАНШИН на вопросы суда: Я ещё знаю то, что, например, Гришин приказал всех шофёров, не участвующих в этой работе, одеть в тулупы и валенки, и получилось, что люди, не знающие о расстреле, узнали об этом.

Я спрашивал ещё, как раздать вещи, так как они неодинаковы, но велено было составить ведомость и по ней выдавать полушубки.

⁷⁴ Тут і наступного разу у документі помилково — Подсуд[имый].

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: В части отдачи мною приказа выдать полушубки шоферам я не отрицаю.

Свидетель ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Я настаиваю на том, что именно Игнатенко отбирал деньги у осуждённых, но знаю, что деньги собирали и сдавали тому, кто занимался подготовкой ужина.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Самый аккуратный в разрывании шапок расстрелянных был Островский.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Операция начиналась часов в 10 вечера, а приводили людей раньше, и, вероятно, кто их привёз, тот и отбирал деньги. Ездили за ними и Игнатенко, и Бланк, и Тимошенко.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Когда привозили людей, приходил Бланк, спрашивал, у кого есть деньги, т.к. они идут в этап, и нужно им купить что-либо. Каждый из осуждённых давал деньги, Бланк их складывал на стол, и потом он или Тимошенко давали эти деньги на покупку ужина и водки.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Со складом вещей так было. Я оборудовал склад, в него собирали вещи расстрелянных, и оттуда возили вещи в тюрьму. Ключей от склада у меня не было, а были они у коменданта.

Чтобы Соснов рвал зубы у трупов по распоряжению Тимошенко, я такого случая не помню, и я клещи Соснову не давал.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: Кран водопроводный был без маховичка, и для открытия водопровода пользовались клещами.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я утверждаю, что зубы я не рвал, а нашёл их у себя в кармане и не сдал их только потому, что забыл о них.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Чтоб я рвал зубы, мне так сказал Тимошенко: «А ну, попробуй вырвать», я их вырвал и положил, но он не взял.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: В гараже участвовали все начальники отделов: Леснов, Манько, Голубев, Лукьянов, Коротченко.

Знаю, что допускали к осуждённым такие злоупотребления. Одну осуждённую старуху Лебедев сильно и долго избивал, добываясь сознания, где золото спрятано. Когда Манько приходил, он выводил осуждённого, показывал на трупы и говорил: «Давай ещё врагов», и тот садился и говорил. Это же делал и Леснов. Гришин сам этого не делал, а в его присутствии это делали Манько и Леснов. Лукьянов там часто бывал, но чтоб и он требовал там показания, я не помню.

Пред[седательствующий] оглаш[ает] л.д. 368, 369 т. 2 — показания [свидетеля] Паншина.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: Эти показания правильны, но Игнатенко и Тимошенко были заняты и не избивали из-за этого осуждённых.

Медными трубами осуждённых избивали. Трубы эти должны ещё быть. Я их постараюсь найти и привезти.

Да, так, как записано, так и было. Манько, Леснов, Лукьянов показывали на трупы расстрелянных и говорили: «Кто из врагов ещё на свободе?», осуждённые соглашались, давали показания о находящихся на свободе, и их выводили и допрашивали.

Из тюрьмы у нас бежало 11 чел. После их задержания их расстреляли вместе с другими.

Раньше всех связали беглецов, и туда зашли Якушев, Лебедев и Гришин. Тимошенко туда не пустили, когда мы потом грузили трупы, то у этих 11 осуждённых были обожжены спины. Следов пуль я на трупах сожжённых не видел, возможно, в груди где-либо и были пули, но я не смотрел, а в голове, точно говорю, пуль не было.

Брать себе вещи — вся бригада брала, и говорили, что Якушев не возражает.

Я себе взял кожанку, мне её дал Лебедев, т.к. при загрузке машины я свою шинель бросил под колеса.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: При расстреле 11 чел., я не помню, кто проверял охрану. То, что Тимошенко там не был, это я уже сказал.

У Тимошенко не было возможности заниматься избиениями, ему некогда было.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Люди обожжённые были совершенно голы.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я грузил обожжённых на носилки, и они были одеты.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Я не думаю, раздетых догола, но когда Игнатенко передавал нам трупы, сверху ни них уже одежды не было.

Гришин вместе с Манько и Лесновым допрашивал осуждённых.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я не допрашивал осуждённых перед их расстрелом.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Эти допросы осуждённых были введены только Вяткиным и не для чего-либо, а только для выкачки оружия. Били не всех осуждённых, а главарей-петлюровцев, кулаков, выполняли это Манько⁷⁵ и друг. оперативные сотрудники. В этой части Паншин неправду говорит, и мы допрашивали об оружии, а не о людях.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: Спрашивали и об оружии, и о врагах. Делали это и Леснов, и Манько. Кто при этом был нач[альником] Облуправления, не знаю, в какие месяцы это было, не помню. Даже тогда, когда ещё не вязали, некоторые осуждённые сами говорили, что они покажут ещё врагов, и их тогда допрашивали.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: В гараже моей работой было — перевозить трупы, а зимой мне было поручено только обеспечивать машины и водить их. Бывало, что я патронами заряжал оружие.

⁷⁵ Тут і в наступному абзаці помилково — Маньков.

Находился я и на дворе, и в гараже. При Гришине в комнаты для расстрела, не помню, приносили стол для допроса или нет.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: При мне ни Манько, ни Леснов нач[альни]ками отделов не были и при исполнении приговоров не могли присутствовать.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Прийти к Гришину и доложить ему о каком-либо беспорядке я не имел возможности. Возможно, что Гришин и не знал о том, что я взял вещи, мне Лебедев разрешил, но он же сам разрешал шофёров одеть.

О случае с Лейфманом я ничего не знаю.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: О том, что у арестованных забирают деньги, Лебедев знал.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГИРИЧА: Как Гирича взяли на операцию, не знаю. Я его спросил, не pomoжет ли он трупы грузить, он согласился и стал грузить.

Как шофёра я знал Гирича с хорошей стороны, и его ещё до операции хотели взять к нам в гараж. Каким он был в Новограде, не знаю.

Кожаные пальто и коверкотовые костюмы Гирич при операции не мог брать.

К Лебедеву я Гирича никогда не посылал.

Подсуд[имый] ГИРИЧ поясняет: После третьего раза мне Паншин сказал, что если я хочу быть на операции, то чтоб я спросил у Лебедева, т.к. теперь без разрешения нельзя, я не пошёл спрашивать и не пошёл на операцию.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: При Вяткине Кондрацкий на операциях в комендатуре не был ни разу.

Осуждённые Кондрацкие — его однофамильцы — были. Чтобы Кондрацкий ездил на ком-либо верхом, я не видел.

Подсуд[имый] ГИРИЧ на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Я не говорил следователю, что Кондрацкий сел верхом на однофамильца, а меня следователь, наверное, не понял. Его Кондрацкий просто сильно толкнул вперёд и все, но не катался на нем.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Я помню случай, когда Кондрацкий взял своего однофамильца за плечи, мы ждали ещё один выстрел у Тимошенко, и потому Кондрацкий его за плечи стал тормозить и смеяться.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Я утверждаю, что над однофамильцами я не издевался.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Чтобы Кондрацкий бил кого-либо дубиной, я не видел, но знаю, что Лебедев приказывал, если кто закричит, то нужно его ударить и оглушить.

Убитого я в тюрьму не возил.

Подсуд[имый] ГИРИЧ поясняет: Я помню, вечером, когда вели человека в тюрьму, машину вёл шофёр Дворский.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Возможно, что Дворский ездил.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Я ездил только на «Паккарде».

Глузман один раз ездил со мной в Киев, но без жены Кондрацкого.

Шатов, возможно, только пользовался машиной Криворучко, но наша машина была лучшей, и чаще Криворучко брал нашу машину.

Ни разу со мной Глузман вместе с женой Кондрацкого не ездил, может быть, они на машине и ездили вместе в Киев, но не на моем «Паккарде».

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я отправил деньги с осуждёнными один раз 4 января [1938 г.] Если был случай 25 декабря [1937 г.], то это, вероятно, прибыли люди из района и без оприходования нами сданы, поэтому у них и могли оказаться деньги при расстреле.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Я раньше служил в милиции и принимал Тимошенко на работу. Я его в партию рекомендовал и никогда ничего плохого о нем не слышал до дня его ареста.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы [подсудимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Ужины покупались после расстрелов.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы [подсудимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Лебедев знал о розыске денег по шапкам.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Был такой случай. Когда грузили трупы на машины, один из расстрелянных оказался живым. Когда Игнатенко поднял его нести, тот бросился на него. Я при этом не был, стоял в машине и не видел этого, но знаю об этом потому, что поднялся шум, и говорили тогда, что один живым остался.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: Случаи стонов бывали часто, и тогда раненных добивали.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Игнатенко прибыл к нам с границы. У нас он тоже работал раньше хорошо и пользовался авторитетом среди сотрудников.

Один раз я видел, что Игнатенко здесь ночует, но ночевал ли он здесь постоянно, не знаю.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] СОСНОВА: На следствии у прокурора следователь без меня записал, будто Соснов представлялся врачом при раздевании расстрелянных женщин, и я против этого возражал, а потом решил подписать и на суде сказать, как было в действительности.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: При мне женщин раздевали несколько раз. Им говорили, что сейчас будет комиссия, и они раздевались. Наверное, это делали, чтобы посмотреть на голых. Из начальства я при этом помню одного Лебедева.

По поводу этого на совещании в кабинете Вяткина говорилось о том, что нужно скорей исполнять приговора.

Если такое совещание было и у Якушева, я на нем не был.

От того, что женщин раздевали, их тяжело было грузить, и об этом в бригаде разговоры были.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Вызван[ный] свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Владимир Михайлович, 1910 г. [рождения], с. Вацково Житомирск[ого] р-на, из бедняков, колхозников, б[ес]/п[артийный], член КСМ, надзиратель внутр[енней] тюрьмы, личных счетов с подсуд[имыми] не было, показал:

С Тимошенко и Гришиным я не работал.

Я прошу мне вопросы задавать.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ на вопросы суда: Растаскивание вещей я не видел.

В исполнении приговоров я участвовал при Вяткине, когда комендантом был Люльков. Все время я с Левченко работал. Чтоб увозили вещи, я не видел.

Кто это Выговский Антон Васильевич, я не знаю.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Я Выговских ни одного не знаю. Я говорил о Выговском, чьи показания на л.д. 530–534.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ на вопросы суда: Меня следователь допрашивал, и я так и показывал, что я ничего не знаю.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] Выговского на л.д. 25 т. 2-й.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ на вопросы суда: Я это знаю и это я говорил.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Я просил следователя вызвать обоих Выговских, т.к. они присутствовали и знают, что я никогда головы не пробивал палками.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ на вопросы суда: Я этого не видел.

Совещаясь на месте, ВТ выносит ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Имея в виду ссылку подсуд[имого] Игнатенко на свид[етеля] Выговского в своих показаниях, которые требуют проверки, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Вызвать в качестве свид[етеля] Выговского Антона.

Вызван[ный] свид[етель] ПЕТРОВСКИЙ Иосиф Александрович, 1910 г. [рождения], из бедняков, родит[елей] нет, рабочий лесоразработок — дроворез, б[ес]/п[артийный], надзиратель внутренней тюрьмы, не судим, личных счетов с подсудимыми нет, показал:

Я с Левченко и Игнатенко работал во внутренней тюрьме. Знаю я, что в тюрьме умер Скрыпник в 1938 г., весной ещё. Отчего он умер, я не знаю, т.к. не был при этом, а когда я принял дежурство, мне Левченко сказал, что он умер, и не сказал, от чего умер.

Вечером пришёл Игнатенко, велел выкопать яму во дворе и закопать Скрыпника.

Кроме Скрыпника, во дворе закопали ещё одного человека, но я не закапывал его. От чего он умер, я не знаю. Мы его не раздевали, и я не могу сказать, был ли он избит.

Акт о смерти этих людей при мне не составляли.

Второй человек недолго лежал у нас больным, Гненная его смотрела и сказала, что он сейчас умрёт. Мы его тогда вынесли из общей комнаты, положили отдельно, а через полчаса он умер. Пришёл Игнатенко, ему я доложил об этом, и он ушёл. Через полчаса он вторично вернулся

и велел и этого похоронить во дворе. Его хоронили в моем присутствии, но я в этом не участвовал.

Больше о смерти осуждённых не знаю.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО поясняет: Один из избитых сам пришёл, мы его раздели, и следы побоев были. Он лежал, а через 5 дней он умер. Мы его ещё живого вынесли из камеры, вызвали деж[у]р[ного] Сингаевского и Игнатенко. Игнатенко увидел, что человек уже умер, и его закопали. Но я его не закапывал.

Свид[етель] ПЕТРОВСКИЙ на вопросы суда: Сингаевского мы вызывали для третьего умершего из 6-й камеры. Фамилии его я не знаю. При смене я ушёл, и труп его остался, а куда девали труп после моего ухода, не знаю.

При сдаче дежурства мы заключённых по фамилиям не проверяли.

Следствие об этих смертях не вели, т.к. меня не допрашивали.

Свид[етель] ПЕТРОВСКИЙ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Когда заключённые нам постучали, врача уже нечего было вызывать, мы умиравшего вынесли, и он через несколько минут умер.

Чтобы Игнатенко ночью вызывал лекпома, я не помню.

Секретарь доложил, что вызванный Трибуналом свид[етель] Выговский Антон прибыл и находится в свидетельской комнате.

Вызван[ный] свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон Васильевич, 1910 г. [рождения], член ВКП(б), служащий, оперуполномоч[енный], не судим. После предупреждения его председательствующим об ответственности по 89 ст. УК за дачу ложных показаний, показал:

Я если и знал что-либо по делу, то забыл уже. Меня один раз допрашивали.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ на вопросы суда: Конкретно о сборе денег я ничего не знал, а товарищи говорили, что ТИМОШЕНКО собрал 6 тысяч руб., а я удивился, откуда это у него, т.к. мы оба одинаково получали зарплату, на одной работе были, курил он папиросы более дорогие, чем я, и его жена не работала, а моя работала, но я не мог собрать столько денег и курить такие папиросы.

Следователю я говорил правду. Может быть, и убивали осуждённых ломом, но я не помню.

Не помню потому, что старался забыть это. Если суд этим интересуется, я расскажу.

Это так было. Один раз 36 чел. убивали исключительно ломом. Лукьянов тоже был при этом и тоже ломом убивал. Я в самой комнате не был, а вводил только осуждённых.

В самой комнате были Лукьянов, Голубев, Игнатенко, чтобы Голубев убивал ломом, точно не помню, а Лукьянов, Игнатенко и Гольцман убивали ломом.

Гольцман убил ломом н[ачальни]ка Лугинской милиции.

Один раз из тюрпода вывели человека на расстрел, оказалось, что это не тот, который осуждён, и его вывели обратно. Таких было случаев два.

Одну женщину с беременностью в 4 месяца расстреляли.

Был случай при Люлькове, что расстреливаемый заявлял о том, что его не допрашивали. Семенов хотел этого человека оставить, а Люльков его убил.

После приказа о роспуске тройки (я приказа не видел, но говорили, что приказ этот есть) в ноябре [1938 г.] вдруг по тройке опять пропустили 150 чел. Тройка эта была 3 или 5 ноября 1938 г.⁷⁶

В этот раз прошёл и молодой шофёр, которого знали и Терещук, и др. наши люди. Он раньше возил сюда людей и при расстреле сказал: «Ни за что я голову кладу, ляпнул, что вожу сюда много людей, а куда они деваются, неизвестно, и за это меня сейчас стрелять будете».

О вещах мне говорил Лазоркин, что возили раньше по домам машинами, а потом при мне Лукьянов говорил, что если кто возил что-нибудь, то сам здесь ляжет.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Были разговоры о том, что у Тимошенко много денег, но я не могу сказать, кто именно говорил. Это просто не помню уже.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Об осуждённом Ткачуке я, может быть, и слышал раньше, но такой фамилии я теперь не помню.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] свид[етеля] Выговского на л.д. 688–689 т. 2 и 550 т. 2.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Когда не стреляли, а убивали осуждённых ломом, я не видел, чтобы Игнатенко убивал ломом, я видел, что он там присутствовал.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: С Кондрацким я ни разу не работал при исполнении приговоров.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ поясняет: Ни разу при мне никого ломом не убивали.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы суда: Голубев меня сам тогда позвал и сказал: «Ты слушай о каком оружии они скажут, так и записывай к себе в блокнот, кто что скажет». Это было, когда осуждённых не расстреливали, а убивали ломом.

Свид[етель] ГОЛУБЕВ на вопросы суда: Такой случай был, но, когда было это, я велел записать показания об оружии, Лукьянов при этом был, но убивал ли он ломом осуждённых, я не видел. Я тогда исполнял приговора и пользовался при этом только оружием, и расстреляли 180, а не 36 чел.

Свид[етель] ВЫГОВСКИЙ Антон на вопросы суда: Ничего подобного. Было всего 36 чел. осуждённых, и всех убивали ломом.

После 15-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

⁷⁶ Останній протокол засідання особливої трійки при УНКВС по Житомирській області датований 3 листопада 1938 р.

Вызван[ный] свид[етель] МОРДУШЕНКО Наум Моисеевич, 1895 г. [рождения], из служащ[их], б/п, врач, нач[альник] санчасти Житомирской тюрьмы, не судим, личных счетов нет, показал:

Были такие случаи. Однажды в тюрьму привезли убитого. Числа я уже не помню. Меня вызвали в тюрьме в дежурную комнату. Там было много народа, труп лежал на полу. Мне предложили констатировать смерть. Я посмотрел, человек был мёртв. Я спросил, как быть с вскрытием, нач[альник] тюрьмы Глузман ответил, что вскрытие производить не нужно будет. Спросил я, как будет с похоронами, и мне ответили, что труп чужой. Я составил акт и сдал его начтюремы. Причиной смерти было пролом черепа, кровоизлияние из носа и ушей.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Глузман при своём распоряжении ссылался на начальника Обл[астного] УНКВД. Было это в конце 1937 г., при Якушеве.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Это было при Якушеве.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я отказывался подписать акт, т.к. для более детального освидетельствования нужно вскрытие, но мне Глузман сказал, что вскрытие производить не нужно. Я констатировал пролом черепа, и это назвал предположительной причиной смерти. Следов побоев я не видел, т.к. труп не осматривал.

Акт этот я составлял, рассчитывая, что будет ещё вскрытие, и я, по-моему, указал, что для окончательного установления причин смерти нужно вскрытие трупа. Все экземпляры акта я сдал Глузману, себе ни одного экземпляра не оставил.

Был ещё такой случай. Один раз меня вызвали осмотреть сердечно-больного в тюрьме НКВД. Я его осмотрел, а через несколько дней мне Глузман сказал, что этот больной внезапно скончался в присутствии лепкома тюрьмы, и по распоряжению начальника УНКВД Вяткина нужно составить акт. Я ответил, что нужно будет произвести вскрытие трупа, а Глузман сказал, что нельзя и не нужно, это шпион, и его нельзя никому показывать, и это даже наивно будет. Я акт не подписал. Недели через две он — Глузман снова сказал, что нужно акт оформить, и есть ещё несколько актов. Я ответил, что о них и говорить не приходится, но потом я один из этих актов, кажется, подписал, этот человек умер от паралича сердца. Поскольку я этого человека видел, я акт, кажется, подписал, но больше ни одного акта не подписывал.

В тюрьме днём человек внутри тюрьмы умер при допросе внезапно, и тогда по моим настояниям произвели вскрытие трупа. Тогда за год было около 100 случаев смертности.

Случай с Клигштейном я помню. Привезли сначала одного избитого, а затем ещё несколько человек, и среди них был Клигштейн. Я о них сразу доложил Глузману, он велел написать рапорт, я написал. Мой рапорт, по-видимому, был направлен в УНКВД. Через пару дней отсюда велели избитых перевести в спецкорпус. Я им организовал больничный режим и питание там же, в спецкорпусе. Клигштейну стало плохо, у него был отёк лёгких, и по моим настояниям его перевели в больницу, а там он умер через 2 дня.

Глузман интересовался, как мы пишем историю болезни, и сказал, что по распоряжению Вяткина не нужно писать слово «побои», а кому следует, тот будет отвечать за них. Я тогда эти истории болезни запрятал, а для персонала переписал их без слова «побои» с указанием ссадин, кровоподтёков и т.д.

Настоящие истории болезни я потом сдал следователю, который забрал все истории болезни на избитых.

Потом началось массовое поступление избитых, и мы уже писали историю болезни, не дублируя, без слов «побои», фиксируя только результаты побоев — «гангрена», «абсцесс» и т.д. Для лечения это никакого значения не имело. Судмедик на основе этого мог сказать, кто был избит.

Глузман заставил меня сначала подписать один акт, а месяца через два — второй. Больше я ни одного акта не подписал. Как-то Глузман мне сказал, что, не подписывая акты, я играю с огнём.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я прошу установить, какой акт был подписан Мордушенко, т.к. ни одного акта Мордушенко по моим настояниям не подписал.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Мне кажется, что я подписал второй акт и после того, как мне сказали, что я играю с огнём.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я знаю фамилию умершего, это — Крук.

Говорил ли я Мордушенко, что он играет с огнём, не помню, но Вяткин — это и был огонь.

Если б я настаивал на подписании акта, Мордушенко подписал бы его сразу, т.к. он меня очень уважал.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я знаю, что к Фельдман тоже были такие же претензии, чтоб она оформляла акты на умерших от побоев.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Изложение истории болезни на лечении не отражалось, это важно только для следственных органов, что не указана причина заболевания — побои.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я обслуживал тюрьму и ИТК, и Фельдман могла получать через меня отдельные указания.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Меня вызвали в кабинет и сказали, что нужно акт подписать. Я вышел, а через пару дней меня вызвал Вяткин, велел ехать в тюрьму, чтобы врач подписал акт, о чем он уже с Малаховым договорился. Я поехал в тюрьму, Малахов вызвал врача, но он подписать не хотел и сказал, что человек ещё может жить. Я сказал, что человек умер, но не знаю, от чего. Через несколько минут врач акт и подписал.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я такой случай знаю, это и есть акт, о котором всё время идёт речь.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Это был акт на Загера, который у нас в тюрьме и не сидел.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я подписал акт, но не по просьбе Малахова.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: В кабинете у Малахова были и я, и Мордушенко.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Акт Игнатенко привозил не того человека, о котором я и говорил. Меня вызвали в кабинет секретаря, начальником тюрьмы был уже Малахов, и шла речь всё о том же акте, о котором ещё Глузман говорил, что его нужно подписать.

Я не помню, кажется, это было у секретаря в кабинете при Малахове на того человека, которого я раньше видел в тюрподе, т.к. я оттягивал 1 С или 2 мес[яца] подписание акта.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: На Крука я принёс акт в конверте и сдал его лично Глузману и сказал ему, что это от Лукьянова.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Игнатенко принёс акт от Лукьянова. Это был акт на Крука, которого Мордушенко раньше осматривал. Я Мордушенко сказал, что Лукьянов требует подписания акта, а он отказался, и тогда я вернул этот акт не подписанным лично Лукьянову.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Я категорически заявляю, что никого с актом не посылал в тюрьму.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я вернул Лукьянову акт и положил его ему на стол.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Сначала меня просил Глузман акт подписать, а подписал я его уже при Малахове.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Мордушенко я сказал, что руководство требует подписать акт, не называя Лукьянова, а потом я акт вернул Лукьянову.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: Об арестованном Круке я не знаю ничего.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО поясняет: Крука я посадил в камеру по записке Лукьянова, в 9-ю камеру.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: После доставки убитого, умершего от пролома черепа, я на следующий день интересовался, где труп, а мне ответили, что его забрали ночью.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Прокурор Юганов подписал акт и дал разрешение похоронить этот труп.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: 22 или 23 июня [1939 г.] меня вызвал особоуполномоченный на допрос и показывал акты, подписанные Мордушенко.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Когда доставили труп в тюрьму, я Игнатенко не видел.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] КОНДРАЦКОГО: Кондрацкого я не знаю.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Травматические повреждения в историях болезни мы писали, но их причины мы не писали.

Случаев истязаний заключёнными друг друга я не знаю. Я знаю только, что среди них драки бывали.

До июля 1938 г. случаев смертности от побоев в тюрьме не было. 100 случаев смерти — это не от побоев, а общая смертность.

В гражданских лечебных учреждениях фактический процент смертности — 2–3.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Пред[седательствующий] оглашает определение Воен[ного] трибунала о привлечении к ответственности по ст. 206–17 п. «б» УК и заключении под стражу свидетеля ЛУКЪЯНОВА Андрея Андреевича.

После оглашения определения, по распоряжению пред[седательствующего] ЛУКЪЯНОВ взят под стражу.

В 24 часа объявлен перерыв до 10 ч. утра 2 июля 1939 года.

2-е июля 1939 г.

В 10 ч. утра пред[седательствующий] объявляет суд[ебное] заседание продолжающимся.

Вызванный свид[етель] ФЕЛЬДМАН София Захаровна, 1905 г. рождения, служ[ащая], из Володарска-Волынского, канд[идат в члены] партии, врач-терапевт, врач тюрьмы г. Житомира, не судима, личных счетов с подсудимыми нет, показала:

Я знаю, что в конце 1937 г. и начале 1938 г. имели место массовые избиения заключённых на следствии. Один яркий случай, окончившийся смертью — это о Клигштейн. Он доставлен был 4.XII.[1937 г.], а скончался 9.XII.[19]37 г. При его доставке в больницу на нём были обнаружены тяжёлые побои. Мы сообщили Глузману, что он в угрожающем состоянии. Глузман пришёл, прочёл историю болезни и сказал, что не должно быть слова «побои». Я сказала, что должна быть причина, а он ответил, что это известно, и избившие арестованного за это ответят. Тогда я посоветовалась с Мордушенко и завела 2 истории болезни. Одну с указанием причины хранили в секретной папке, а вторую без слова «побои», как и все истории болезни, хранились в больнице.

Второй случай смерти — от отёка лёгких избитого на следствии.

Побои носили массовый характер, и в каждой камере были тяжело избитые, из-за этого нельзя было брать их в больницу. Заключённый Шпильберг был тяжело избит, с отёками на ногах, откуда он был доставлен, не помню.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Глузман сказал, что нанёсшие побои отвечают за это, и потому не велел писать слово «побои», но о причинах, по которым он даёт распоряжение, он сказал не о требованиях кого-либо другого, а о том, что неудобно, если персонал больницы будет знать об этом.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Уволена была не Фельдман, а врач Ландсберг — жена Черкеза, по настоянию Вяткина в начале мая 1938 г.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Ландсберг я знаю. Вместе с ней я работала, и она замечаний никаких не имела. О причине её

увольнения она не говорила, но она жаловалась на плохое отношение к ней администрации и сама подала заявление.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я вызвал Шемпера, ему сказал, что нужно Ландсберг уволить, и он её уволил. Я в то время был уже нач[альником] ОМЗ'а.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Имела Ландсберг за опоздание выговор, но я тоже иногда опаздывала и взысканий не имела, а ей дали выговор. После этого она жаловалась Глузмани на совещании, а он возмущался, как это ей объявили выговор. Через 2 недели она была уволена.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Между историями болезни, которые велись параллельно, была та разница, что в одной истории есть и причина явлений, а в другой её нет. Если прочесть, что умер человек от отёка лёгких, можно считать, что отёк лёгких наступил не только вследствие побоев, но и вследствие воспаления лёгких.

Я знаю, что Глузман поднимал вопрос об избияниях, и однажды даже приехала комиссия, но тогда были вызваны из камер люди, на которых никаких следов нет, и я это и констатировала. Смотрела я этих людей в кабинете Глузмана, меня спросили, можно ли сказать, что эти люди избиты, я ответила: «Нет», т.к. следов не было. В то время в других камерах уже тоже не было избитых. Этим заключённых я раньше не видела.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я сигнализировал об избияниях ещё в 1937 г., когда привели избитых. По словам Глузмана, этих избитых смотрела комиссия 2–3 дня. По словам Глузмана, эта комиссия, о которой говорит Фельдман, даже не смотрела избитых, а Фельдман вызывали на осмотр заключённых комиссией намного позже, но кое-какие остатки и следы избияний ещё были.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Когда меня вызвали к комиссии, Глузман был начтюрмы. Он меня и вызвал.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Комиссия была по сигналу Мордушенко, и в комиссии был Гришин. Ему по рапорту Мордушенко приводили людей, но я их даже не видел.

В 1937 г., до марта 1938 г., было очень мало избитых. Мы сигнализировали о Клигштейн.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: При приходе комиссии Клигштейна уже в живых не было.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я в комиссии никогда не был. Мордушенко и Фельдман я впервые вижу.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Гришина я в комиссии не видела.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Было заявление двух братьев, и по их заявлению я был в тюрме, но врачи не приходили, я с ними беседовал.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Комиссия была в пограничной форме, кажется, был прокурор, и на больном никаких следов не было.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Прокурора не было, я не вводил его в заблуждение.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Незадолго до моего ареста сняли нач[альника] Барановского РО за избияния и предали его суду. Возможно, что по этому делу и приезжала комиссия. Поэтому я прошу затребовать дело нач[альника] Барановского РО, фамилии его я не помню.

Вызван[ный] свид[етель] ГНЕННАЯ Матрена Сергеевна, 1917 г. рождения, из крестьян, колх[озников], окончила семилетку и Черкас[скую] фельд[шерскую] акушерскую школу, а работает всё время фельдшером, член КСМ, не судима, с подсудимыми личных счетов нет, показала:

Я знаю только об Игнатенко. Когда я поступила на работу, были разные больные, и я записывала то, что было. Игнатенко проверял мои записи, и если, например, я писала «ушибленная рана черепа», Игнатенко зачёркивал слово «ушибленная», как это с Рубаном было (предъявл[ает] тетрадь с записями).

Потом был случай, что Игнатенко зачёркивал мои указания о травмах, ссадинах, отёках.

Был тяжело больной Пастушенко, у него была колотая рана на руке. Я ему ничего ещё не успела сделать, как его Игнатенко забрал в камеру. На следующий день я Пастушенко вызвала, у него рука опухла, и я сделала ему перевязку. Каждый день я его вызывала, он ходить не мог, ноги опухшие, и когда я спрашивала, отчего, он не говорил, а Игнатенко за него ответил, что он упал с парашюта. Через несколько дней меня вызвали, и мне сказал Игнатенко, что Пастушенко умер.

Дня через 3–4 Игнатенко велел мне зайти в комнату № 14 или 15 подписать акт. Я подписать акт не хотела, а меня вызвали туда, там следователь писал, потом стал спрашивать, отчего умер Пастушенко, и я сказала, что считаю — от раны на руке. Мне дали акт подписать, и я его подписала.

Потом был случай с Буржинским. Я его несколько раз смотрела при Игнатенко, каждый раз я говорила, что его нужно направить в больницу, а иначе он умрёт. Игнатенко в ответ только смеялся. Потом я пришла утром, мне говорят, что Буржинский⁷⁷ умер. Через несколько дней меня позвали к следователю в комнату № 7 и дали подписать акт о смерти Буржинского от воспаления лёгких, я не хотела подписывать акт, а потом подписала.

О Скрыпнике я ничего не знаю. Мне Игнатенко один раз сказал, что внезапно умер заключённый, нужно акт подписать, но я его не подписала, т.к. я не знала Скрыпника, а в декабре 1938 г., перед родами, я тогда была беременна, ко мне домой привезли акт, и я его подписала.

Акты я подписывала потому, что я жила в гостинице, откуда меня выбросили, а я была беременна. Игнатенко же не раз говорил, что здесь лекпом только для того, чтобы акты подписывать, а иначе, говорит, зачем вы мне нужны.

⁷⁷ У документі помилково — Пастушенко.

Один раз ещё один арестованный умер. Недбайло⁷⁸ меня вызвал и велел подписать акт о смерти его от крупного воспаления лёгких, а я не хотела. Вошёл Игнатенко и велел акт подписать.

Я ему говорила, что нельзя так делать, а он отвечал: «Много на себя не берите, я за это отвечаю». Тогда я подошла к Коротченко, сказала ему, что так работать не могу, а он говорит: «Не ваше дело, что люди умирают, ваше дело — лекарство давать».

Потом один раз Вяткин зашёл в тюрьму, я ему доложила, что инструкции у меня нет, а он ответил: «У вас есть начальник, обращайтесь к нему». Начальнику своему — Игнатенко я говорила, что инструкция нужна, а он ответил, что инструкции нет, и он мне составит сам. Хотела я обо всем рапорт подать [начальни]ку области⁷⁹, а он не позволил.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я ей сказал, что рапорт нужно подавать через меня, т.к. она мне подчинена.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Я говорила: «Или направьте в больницу людей, или хотя бы врача вызовите», а он и не слушал этого.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Верно, один раз Игнатенко ходил к начальству по моему требованию, т.к. был один тяжело больной, и я требовала хотя бы перевести его в более светлую и свободную камеру.

Лукиянову я один раз докладывала о том, что у одного заключённого — кровоизлияние в лёгких, а он ответил: «Делайте то, что нужно, а в больницу направлять не надо». Я этому больному впрыскивала камфару, делала растирание, и он выздоровел. Фамилию этого арестованного я помню — Полишук.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО на вопросы суда: Гненная однажды приходила ко мне со слезами из-за того, что её выселили из квартиры. Я позвонил в АХО, и ей дали номер в гостинице, а о смертях в камерах я не знал.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Один раз говорила я о квартире, а вторично пришла и говорила о смертных случаях в тюрпode.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я приносил Вяткину тетрадь с записями о больных, он при Лукьянове её смотрел и вычёркивал некоторые записи.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Игнатенко смотрел мои записи, уносил тетрадь, а приносил уже с зачёркнутыми записями. Зачёркивали записи не при мне.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Вяткин мне грозил посадить меня вместе с Гненной за эти записи. Этого я не говорил ей, но сказал, что требуют от нас этого не писать. Я с нею же советовался, как быть, она говорила, что это незаконно, и я поэтому просил инструкцию, а Вяткин сказал при Лукьянове, что посадит за это и меня, и Гненную.

Коротченко знал о трупах всё. Гненная пришла один раз и сказала мне, что она о больных говорила ему.

⁷⁸ У документі помилково — Недбайлов.

⁷⁹ Так у документі. Йдеться про начальника УНКВС по Житомирській області.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО на вопросы суда: Ничего она мне не говорила.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Я даю честное комсомольское слово, что я Коротченко сказала, что нужно людей отправлять в больницу, т.к. иначе они умирают, а Игнатенко их не направляет. Он тогда сказал, что это не моё дело.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Арестованного Скрыпника я даже не помню. Если я его смотрела, то он должен быть записан в тетради, которую я с собою принесла.

Верно, у него было катаральное воспаление среднего уха, он записан под № 321 в моей тетради.

Устанавливать диагноз я имела право. Проверял меня Мордушенко, но поверхностно. О переводе людей в больницу я Мордушенко не говорила, а только Игнатенко говорила об этом.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Сам Игнатенко мне об этом больном сказал: «Пусть умирает, черт с ним», а о том, что это кто-то другой так сказал, он не говорил.

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Я не говорил: «Пусть умирает, черт с ним». Приходил ко мне Игнатенко докладывать о Джурином, на которого решение было.

20 апреля [1938 г.] по вопросу о Круке ко мне Игнатенко не приходил.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Я говорю о Круке.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Это тот Крук, на которого была бумажка Лукьянова: «Посадить в камеру № 9».

Свид[етель] ЛУКЬЯНОВ на вопросы суда: 20 апреля [1938 г.] я здесь не был, я был в Коростене в командировке.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я пришёл к нему, он здесь был, и я с ним говорил о Круке.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Лукьянов прямо мне не предлагал составлять фиктивные акты, а о Полищук он мне говорил: «Сделайте то, что нужно».

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: В составлении фиктивных актов я не участвовала. В отношении Клигштейна я писала акт, что он умер от отёка лёгких.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы суда: Нет, что Клигштейн умер от отёка лёгких, явившихся следствием побоев, в акте указано не было.

Свид[етель] ФЕЛЬДМАН на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: В акте о смерти историю болезни не писали.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Я говорю об актах на человека, которого я не видел в момент смерти и после смерти. Глазман от меня требовал подписания акта. Подписывал я его при Малахове.

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Я вспомнил о докторе Ландсберг. Меня вызвали в ОМЗ, и сказал Глазман, что Вяткин

распорядился уволить её с работы, чтобы я для этого написал рапорт о том, что она не справляется с работой. Я отказался. Через пару дней её специально подстерегли при опоздании и объявили ей выговор за это.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН (реплика): Я это подтверждаю.

Вызван[ный] свид[етель] МАЛАХОВ Пётр Дмитриевич, 1902 г. [рождения], рабочий, чл[ен] ВКП(б) с 1929 г., нач[альник] тюремного отделения Облуправления, не судим, личных счетов с подсудимыми нет, показал:

15.7.[19]38 г. я пришёл в тюрьму, и в этот же день Глузмана арестовали. С работой я не был знаком и начал знакомиться.

Пред[седательствующий] разъясняет свидетелю Малахову, чтобы он свои показания давал сначала о вопросах, связанных с работой подсудимых, кроме Винокурова, а затем — и о вопросах, связанных с работой Винокурова.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда показал: Ко мне для оформления актов о смерти заключённых не привозили. Мне один раз Вяткин велел выслать 2[-х] врачей в Облуправление. Я послал Мордушенко и Черкасскую, а что они делали, не знаю.

Акта я никакого не утверждал.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО пояснил: Я пришёл к Малахову с актом, и он сам вызвал врача для подписания акта.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Такой случай был. Я вызвал Мордушенко и сказал, что к нему приехали. Он посмотрел акт и отказался его подписать. Игнатенко просил, чтоб я его заставил, а я ответил: «Не имею права».

Свид[етель] МОРДУШЕНКО на вопросы суда: Малахов мне сказал, что надо, в конце концов, закончить с этим вопросом, акт надо подписать, и тогда я акт подписал.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Я утверждаю, что этого не было. Игнатенко привёз готовый акт, Мордушенко отказался его подписать. Игнатенко просил, чтоб я повлиял на врача, а я ответил: «На это я не имею права».

Вяткин мне об этом не звонил.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Когда я привёз акт, Малахов сказал, что он об этом знает, т.к. ему Вяткин звонил. В то время, как мы говорили о подписании акта, ему ещё завтрак принесли. Малахов при мне говорил врачу: «Подпишите акт».

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Вяткин мне не звонил об оформлении акта. Мордушенко я не предлагал акт подписывать, и при мне он его не подписал.

Я не заставлял Мордушенко подписывать этот акт.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: При мне он предлагал врачу акт подписать.

По распоряжению пред[седательствующего] подсуд[имый] Винокуров введён в залу суда.

Свид[етель] МАЛАХОВ поясняет: Когда тюрьму я принял, один из осуждённых бухгалтеров мне сообщил, что тюрьма проводила незаконные денежные операции. Я стал интересоваться этим и нашёл документ

на сумму 11900 руб. на выдачу личных сумм заключённых, направленных в НКВД. Вызвал я начальника финчасти Ротенберга, потребовал объяснения, и он мне сказал, что этап концентрируется при отправке, а там у них Глузман собирал подписи на выдачу денег, а потом возвращал им квитанции. По словам Ротенберга, он сказал об этом Винокурову, а тот мер никаких не принял.

Подав я рапорт об этом, на нем была резолюция Вяткина: «Создать комиссию», но несколько месяцев никто ничего не делал. Анфилова я спросил, почему ничего не делают, и он ответил, что подбираются люди для ревизии.

Когда Вяткина арестовали, я стал узнавать о судьбе документов, поставил вопрос об этом, и создали комиссию, которая всё и расследовала.

О вещах арестованных вот что знаю. К нам прибыло с двух городов около 700 заключённых сразу, и Глузман велел все их вещи сбросить в кучу без описей. Это привело к обезличке, к их хищению, и до сих пор мы не знаем, кому принадлежат 400–450 предметов.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Сотрудник тюрьмы Гнатюк мне говорил, что Глузман велел все вещи сбросить в одну кучу. В ноябре [1938 г.] я заставил вещи эти оприходовать, и их оприходовали.

С июля по ноябрь [1938 г.] я не оприходовал вещей этапа потому, что и не знал о наличии этих вещей.

Лежали они на складе, ведал ими Эдельман, но он их тоже не принимал.

Сейчас ряд заключённых предъявляют нам иск, т.к. мы не можем найти их вещей, я даже приводил заключённого самого выбрать свои вещи, он всю массу вещей осматривал, но своих вещей не нашёл.

В мае 1938 г. я здесь не был. Эдельман со складской работой не был знаком и потому принял вещи без учёта.

О безобразиях в тюрьме, не могу сказать, докладывал ли я Лукьянову. Вообще же я с ним говорил о положении в тюрьме.

К Глузману в камеру Зуб, Люльков и я заходили при концентрации этапа в [У]НКВД потому, что мы в камерах проверяли людей. В том числе мы зашли и к Глузману. Он этим даже воспользовался и подал заявление.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я был в камере следственных сотрудников НКВД, и к нам зашли только с целью нас напугать.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Заходили мы не с целью напугать, а для отбора людей на этап.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: О выдаче 90 руб. золотом было отношение. Сказано было, что золото нужно выдать Тимошенко.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы подсуд[имого] СОСНОВА: В документе на золото почему-то расписался в получении Соснов. Его вызвали, и он объяснил, что Тимошенко эту бумажку передал ему, и он по ней получил деньги. На бумажке была резолюция Шемпера и Винокурова.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: О том, что Винокуров участвовал в приёме этапа из Коростеня, у меня сведений нет.

В сентябре или октябре 1938 г. ОУНКВД отправляло от нас в Полтаву более 500 осуждённых. Работала комиссия, в которой были Новосельцев и др. Мы людей вывели во двор и собирались их вести к поезду. Они узнали об отправке и потребовали свои вещи. Тогда мы узнали о вещах этапа из Коростеня и стали выдавать вещи по приметам, о которых спрашивали у заключённых. В это время пришёл Винокуров и велел прекратить такую выдачу, а выдавать по законным, оформленным документам, но это невозможно было сделать.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: Ротенберг мне говорил об 11 тысячах, но не тогда, когда Малахов говорил, а немного позднее.

Вообще я и раньше признавал выдачу 11 тысяч руб., но я пояснял, что они входят в общую сумму 25 тыс. руб.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: На 11 тыс. рублей расписки получателя нет.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: Деньги эти переведены через банк.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН ходатайствует: Я прошу вызвать в качестве свидетеля Эдельмана по вопросу о вещах, т.к., по словам Малахова, Эдельман был завед[ующим] складом.

Совещаясь на месте, ВТ выносит определение: Выслушав ходатайство под[судимого] Глузмана о вызове свидетеля Эдельмана, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Ходатайство подсуд[имого] Глузмана обсудить в дальнейшем ходе судебного следствия.

По ходатайству подсуд[имого] Глузмана пред[седательствующий] оглашает показания свид[етелей] Гнатыюка и Крикуна на л.д. 520 и 521 т. 2.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Сейчас квитанции у осуждённых, которые убывают в НКВД, отбираются, составляются списки, а деньги сдаются в доход государства.

Гнатыюк — это дежурный по тюрьме.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: Список есть лучший документ, т.к. он подписан и отправителем, и получателем этапа. В любой момент, если возьмёшь список, то всегда можно проверить. Кроме того, по этим спискам деньги сдавались в доход государства. Поскольку квитанции у заключённых отбирались, то по их квитанциям может получить деньги только имеющий доверенность.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы суда: С квитанциями всегда можно было делать что угодно.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: По моей квитанции ни один человек не получит денег, если нет отношения НКВД, такой порядок был установлен мной.

Все выдачи мною денег отражены по бухгалтерии.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ ходатайствует: Единственный, действительно незаконный случай выдачи денег наличными через Тимошенко был в моем отсутствии.

В тюрьме есть папка с документами о выдаче денег за январь и февраль 1938 г., когда эти выдачи были.

Я прошу суд затребовать документы, чтобы можно было убедиться в том, что я говорю правду.

Совещаясь на месте, ВТ выносит определение: Обсудив ходатайство подс[удимого] Винокурова, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Затребовать из тюрьмы г. Житомира документы о передаче Облуправлению сумм осуждённых.

После 10-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Вызван[ный] свид[етель] РОТЕНБЕРГ Элля Аронович, 1895 г. [рождения], из Емильчинского р-на, из бедняков, служащий, бухгалтер, не судим, личных счетов с подсудимыми нет, показал:

Я знаю, что один раз я заметил неправильное оформление документов. Мне сказали, что заключённые при отправке расписываются в получении денег, а квитанции им возвращали. Я вошёл в дежурку, там был Глузман, и я сказал, что это неправильно. Он ответил: «Не ваше дело, идите работайте», и я ушёл из дежурки. Винокурова тогда не было, а когда он вернулся из города, я ему об этом сказал. Он ответил, что этим людям деньги по квитанциям будут вручены.

Свидетель⁸⁰ РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Обыкновенно, если мы делаем расчёт, мы квитанции забираем, а такого порядка, когда Глузман тогда провёл, раньше не было. Квитанция выдаётся при прибытии заключённого, а при его уходе, если ему деньги не возвращены, он квитанции берет с собой и потом её присылает, а мы деньги высылаем ему по почте.

Меня обеспокоило, не ошибка ли это, а Винокуров сказал, что заключённые здесь распишутся, а получит деньги должное лицо, и на месте эти деньги будут розданы осуждённому по квитанциям.

Кому вручили деньги, я не могу сказать.

Пред[седательствующий] оглашает показания свид[етеля] Ротенберга на л.д.413 т. 2.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Я тот случай получения денег Тимошенко с этим случаем не связываю.

Тимошенко один раз приехал и требовал 12 тысяч руб. Я спрашивал документы и за что эти деньги следует, но он ничего не объяснил. Пришёл он к Шемперу, а Шемпер вызвал меня и сказал, что требуют деньги заключённых. Я сказал, что мы этого делать не можем, и деньги не выдал.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Эти деньги я получал. Один раз я был у Шемпера. Он вызвал Ротенберга, а Ротенберг сказал, что выдать деньги он не может, может только перевести.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Меня Тимошенко не ругал за то, что я отказался выдать деньги.

Для выдачи денег меня позвал к Шемперу он же, сам Шемпер.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Если б из забранных в НКВД людей вернулось несколько человек с квитанциями, и если б расписка их в ведомости была, значит, они деньги

⁸⁰ У документі помилково — Подсуд[имый].

получили, и вторично, хотя бы была у них квитанция, они деньги не получили бы.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Квитанции были оставлены осуждённым для контроля нас со стороны Облуправл[ения].

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы [подсудимого] ВИНОКУРОВА: Насчёт этих денег заключённых, которые передавались в [У]НКВД, я сталкивался с готовым фактом — кассовый ордер был, значит, деньги выданы.

Ведомость разносилась по карточкам осуждённых, и было в карточке отмечено, что заключённые получили деньги. Такую ведомость я помню на сумму около 11 или 12 тыс. рублей.

Я знаю только об этой сумме, а о других суммах я не знаю.

В январе 1938 г. я был бухгалтером тюрьмы.

1 мая [1938 г.] Винокуров перешёл работать в ОМЗ, но с 1 апреля он уже не подписывал документы, а подписывал документы я.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Случай с 11 тыс. руб. был в январе 1938 г.

По кассе было проведено, будто сами заключённые получили деньги, а на самом деле деньги получил представитель [У]НКВД, а не заключённые.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Я при отправке этапа ни разу не выдавал деньги каким-либо представителям, а только осуждённым я выдавал деньги. В то время такой порядок и был.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: Я категорически отказывался выдавать деньги, если не будет расписки, и потому составили ведомость, в которой заключённые расписались, и тогда я деньги перевёл. Через 3 дня я увидел, что так делать нельзя, и больше этого не делал.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Вещи, изъятые у этапа, прибывшего из Коростеня, не были оприходованы потому, что я о них не знал.

В июне мес[яце] [1938 г.] один зав[едующий] складом передавал склад другому по передаточной ведомости, наличие этих вещей и было обнаружено. К ноябрю мес[яцу] закончили инвентаризацию, и вещи все были оприходованы.

Момент, который я сам обнаружил в дежурной комнате, я не могу связать с выдачей денег Тимошенко, т.к. не знаю, те ли деньги получил Тимошенко, или другие.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА:

Когда поступили обезличенные вещи, не знаю.

Со склада тюрьмы и нач[альник] тюрьмы, и нач[альник] ОМЗ'а могут похищать вещи, раз они не оприходованы и нигде не числятся.

Когда эти неучтённые вещи поступали в тюрьму, я не знаю.

По ходатайству подсуд[имого] Глузмана пред[седательствую]щий оглашает показания св[идетеля] Ротенберга на л.д. 413 т. 2.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Помню, со слов заведскладом, я знал, что обезличенные вещи прибыли с этапами. Так я и показал на следствии.

Вызван[ный] свид[етель] ЕВТУШЕНКО Иван Леонтьевич, 1897 г. [рождения], из крестьян, родители давно умерли, были бедняками, сам рабочий, б[ес]/п[артийный], ст[арший] инспектор хозгруппы ОИТК, не судим, личных счетов с подсудимыми не имеет, показал:

В декабре 1937 г. или январе 1938 г. Глузман договорился с воинской частью о покупке в ней старого обмундирования. Договорился он, что, помимо общего числа, будет отпущено по отдельному ордеру 40 простынь и 40 полотенец. При получении обмундирования простыни и полотенца были розданы сотрудникам по указанию Глузмана.

До апреля 1938 г.⁸¹ Глузман совмещал должности нач[альника] тюрьмы и нач[альника] ОМЗ'а.

После раздачи простынь Глузман попросил для своей домаш[ней] работницы пару сапог из числа купленных в воинской части. Я ему сапоги занёс.

Об обезличенных вещах я ничего не знаю, т.к. в марте [1938 г.] я уже работал в ОИТК.

Свид[етель] ЕВТУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА:

Взятые для домработницы сапоги Глузман вернул.

За 40 простынь и полотенца я уплатил из подотчётных сумм. Все взявшие простыни и полотенца уплатили за них, в том числе и Глузман уплатил.

Без начхозчасти нач[альник] ОМЗ мог взять что угодно, а без завскладом ничего не мог взять. Зав[едующий] складом мог бы выдавать нач[альнику] ОМЗ вещи, это от него зависело.

О присвоении вещей Глузманом я не слышал ничего.

Малорацкий уволен Глузманом из-за родственных его связей.

Свид[етель] ЕВТУШЕНКО на вопросы суда: Я работал с Глузманом около года. За это время были ревизии по складу, устанавливали излишки и недостачу, но мелкие, их списывали или удерживали с кладовщика стоимость недостающего.

К учёту личных вещей осуждённых я никакого отношения не имел.

Имущество в воинской части я купил для этапов.

Вайнер работал в тюрьме начхозом, а потом — начальником корпуса и зав[едующим] сапожной мастерской.

Вещи были куплены в части по 2 ордерам, по одному ордеру — для заключённых, а по другому — для сотрудников. Куплена была утиль — 4-я категория.

Сапоги Глузман вернул. Когда я спросил, можно ли оформить их выдачу, он ответил: «Ну их к черту, они никуда не годятся», и вернул мне.

Свид[етель] ЕВТУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Вещи из УНКВД привозил Тимошенко. При их приёме Глузман не присутствовал.

⁸¹ У документі помилково — 1937 г.

Вызван[ный] свид[етель] БОЙЧЕНКО Роман Иосифович, 1907 г. [рождения], из рабочих, служ[ащий], нач[альник] отделения ОИТК, член партии, не судим, личных счетов с подсуд[имыми] не имеет, на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА показал:

До увольнения Шемпера я знал, что есть данные о связях Шемпера с родными его жены, живущими за границей. Этот вопрос возник на партсобрании.

Других компрометирующих данных о нём я не знаю.

Верно, однажды жена одного из заключённых пришла к нам и заявила о том, что с неё жена Шемпера требовала деньги, и тогда она добьётся освобождения её мужа. Её женщина эта опознала, но неуверенно. Все эти материалы Глузман докладывал в УНКВД. В то время он по совместительству был нач[альником] ОМЗ'а и нач[альником] тюрьмы.

О жене Поломаря⁸² мы располагали данными о том, что она ездила в Киев, оттуда привозила мануфактуру и здесь её перепродавала.

На совещании однажды Глузман говорил, что нач[альник] З[-го] отделения Гринфельд скверно работал, а сам он — Гринфельд — приписывал себе результаты работы других сотрудников.

Шла ли речь на собрании об избении заключённых Гринфельдом, не помню.

З[-е] отделение данными о растаскивании каких-либо вещей из тюрьмы Глузманом не располагало.

Глузман был исключён из партии за связь с врагами народа и как враг народа.

Работал я с Глузманом всего несколько месяцев.

Между Гринфельдом и Шемпером были личные счёты, я грубостей от Глузмана никаких не слышал.

Свид[етель] БОЙЧЕНКО на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Плохого о Винокурове я ничего не знаю.

Вызван[ный] свид[етель] ШЕМПЕР Иосиф Викторович, 1903 г. [рождения], из бедняков, село Жерсоко Ананьевского р-на АМССР, рабоч[ий], член ВКП(б) с 1932 г., зав[едующий] столовой с. Скоморохи, показал:

Мне известно, что Глузман от врага народа Вяткина получил 1000 руб. подарок.

Заключённых он посылал работать к Вяткину и Лукьянову.

Они же охраняли квартиру Вяткина, грузили его багаж.

Из ИТК он направил мягкое кресло Вяткину.

Я прошу вопросы мне задавать.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы суда: Курочка говорила, что Глузман продавал вещи, но я в подробности не вдавался и не знаю, чьи вещи он продавал.

Весной [1938 г.] Глузман был на парт. активе. Велел он мне собрать команду и встретить на станции этап. Мы людей встретили, вогнали во

⁸² Поломар — у 1937–1938 рр. співробітник слідчого столу Житомирської тюрми НКВС. Його дружина — Дарья Поломар була домогосподаркою.

двор, и тогда пришёл Глузман. Он велел верхнюю одежду принять у заключённых без записей, и всю одежду сложили в кучу.

Я тогда был пом[ощником] нач[альника] тюрьмы, членом партии, и против его распоряжения не мог возражать, т.к. он был всегда связан с Вяткиным, Лукьяновым, Якушевым, Гришиным.

Принимал вещи Малорацкий, и он сказал, что вернуть эти вещи нельзя будет, если их не записывать, а Глузман стал его ругать, грозить арестом и отобранием парт. билета и потом сказал, что этих людей всё равно расстреляют.

Жил Глузман богато, далеко не по средствам.

Ходил ли Глузман в камеру Мартынюка, я не знаю, а к его жене он ходил в одиночку, как это подтвердить, не знаю. Видели это многие, но кто именно, уже не помню.

Я за разбивку машины получил 15 суток ареста, а почему они себе ничего не сделали, когда напились пьяными при проводах Лукьянова? Я этого не видел, а мне говорил зав. столовой, который обслуживал этот вечер.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Минц показал, что ни одной копейки я от Вяткина не получил.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы суда: Глузман сам мне сказал, что всем начальникам отделов дали по 1000 руб. и ему дали.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Новосельцев подтвердил, что АХО заказало кресло для парикмахерской и оплатило его стоимость.

За мебелью Вяткину я ездил по его предложению, хотя и не отказывался.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы [подсудимого] ГЛУЗМАНА: И Вяткину сделали, и Глузману сделали у нас сапоги, даже сюда привозили из тюрьмы осуждённого сапожника с надзирателем снимать мерки, как будто они не могли сами приехать снять мерку в тюрьме.

Глузман всегда давал распоряжение моим подчинённым через мою голову, поэтому он не мне, а Малорацкому сказал о складывании вещей без описи.

Очная ставка со мной Глузману была в этой самой комнате — бывш[ем] кабинете Лукьянова. Я тогда тоже был арестован. Глузман говорил, что я будто бы член к-р организации.

Первый раз о Глузмানে меня допросили уже после того, как я был освобождён. Из-за его показаний я на него не был обижен, т.к., возможно, что его обо мне заставили так говорить.

На очной ставке я не говорил, что продавал вещи Глузман, взятые из тюрьмы.

Пред[седательствующий] оглашает показ[ания] свид[етеля] Шемпера на очной ставке на л.д. 559 т. 2.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: На парт. собрании обо мне ни разу Глузман вопроса не ставил.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ИГНАТЕНКО: Для работы в квартире Вяткина людей послали, когда я был в отъезде. Знаю, что один из осуждённых охранял квартиру Вяткина.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Подтверждаю, что квартиру Вяткина охранял осуждённый.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: И до меня сюда посылали осуждённых для работы в [У]НКВД по двору.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Сколько я тут не был, не было этого, и люди в комендатуру из тюрьмы не направлялись на работу.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Я [о]кончил школу и был направлен сюда Наркоматом. Гришин меня сюда не назначал.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ТИМОШЕНКО: Я о Тимошенко ничего не показывал на допросе, только сказал, что он хорошо жил. Знаю я это потому, что видел у него всегда хорошие папиросы.

Я знал, что у попов нашли золото, Глузман велел направить его в [У] НКВД, и я его отправил.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы суда: К финансовым делам я не имел никакого отношения. Когда Глузман приказывал, отправляли людей с деньгами, а приказывал иначе, иначе делали.

Начсостав здесь в тюрьме УГБ раздевали, если была хорошая одежда, а взамен её давали плохую.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Мне показывали приказ Ежова, я сам его читал, что военных в форме нельзя садить, а нужно их переодевать.

Почему сейчас приходят освобождённые за своим обмундированием и ещё не получили его, не знаю.

Пред[седательствующий] объявляет, что поступил материал с заявлениями о возвращении вещей военнослужащих Дрягина и Михайлова.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: С этим пограничником у действительно разговаривал. При мне все эти вещи были, а пропали они после моего ареста. При мне их Баранский переписывал. Баранский сейчас — нач[альник] внутр[енней] тюрьмы.

Совещаясь на месте, ВТ выносит определение: Имея ввиду, что по вопросу обвинения Игнатенко в недостатке вещей заключённых он ссылается на сотрудника внутр[енней] тюрьмы Облуправления НКВД Баранского, и учитывая, что ссылки подс[удимого] Игнатенко необходимо проверить, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**:

Вызвать в качестве свидетеля сотрудника УНКВД Баранского.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: На незаконные действия Глузмана мне некому было жаловаться, т.к. он был в хороших отношениях с Вяткиным, Лукьяновым.

Чтобы к Глузману носили вещи заключённых, я не видел.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Подписал ли я кассовый документ на выдачу денег Тимошенко, не помню.

Вызван[ный] свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ Лейзер Юшимович, 1906 г. [рождения], рабочий, урож. Житомира, канд[идат в члены] ВКП(б) с 1933 г., не судим, личных счетов с подсуд[имыми] нет, показал: В мае [1938 г.] прибыла партия заключённых. Они разделись, и вещи были сложены в кучу. Глузман ещё велел принять эти вещи, но я отказался. Тогда

он вызвал меня в кабинет и стал меня ругать. Он был тогда нач[альником] ОМЗ, а Шемпер был нач[альником] тюрьмы.

Глузман велел мне вещи сложить в склад и без него не заходить туда.

Я ему говорил, что потом нельзя будет вещи вернуть, и он стал говорить, что если не выполню его приказание, то я получу 15 суток ареста.

О том, что возвращать одежду не придётся, т.к. этих заключённых расстреляют, Глузман не говорил.

Свид[етель] ШЕМПЕР на вопросы суда: Глузман при мне сказал Малорацкому, что их расстреляют, и вещи вернуть не придётся.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы суда: Этого Глузман не говорил.

Уволен я был в связи с тем, что у меня есть репрессированный дальний родственник, брат моей жены, просто сказать — шурин шурина.

Свид[етель] КОРОТЧЕНКО на вопросы суда: В отделе кадров материалы на него были, а какие именно, не помню.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы суда: Ключи от склада были у меня. Глузман в склад не ходил. При сдаче я эти вещи не сдавал, т.к. за мною они не числились. Сдал я склад Эйдельману. Он тоже был в курсе дела.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: При сдаче склада Малорацким новый завскладом не хотел вещи принимать, т.к. в чемоданах неизвестно что было. Опись составили, но новый завскладом отказался принять вещи.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы суда: Вещи с чердака по ведомости я не сдавал.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Глузману я ничего из вещей не носил. Без моего ведома он ничего взять не мог.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: При вещах никаких заметок не было об их владельцах.

Свид[етель] МАЛОРАЦКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Случалось, что заключённый сдавал чемодан и оставлял у себя ключ. В квитанции тогда указывали: «Чемодан с вещами». Вещи от заключённых принимали дежурные по тюрьме, а я от дежурного принимал их в склад.

В квитанциях никто не писал, что именно находится в чемодане, а писали: «Чемодан с вещами».

Свид[етель] ЕВТУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Писали обычно, что именно есть в чемодане, а когда было большое поступление, тогда не успевали писать. Чтобы вели борьбу с этим, я не помню.

Свид[етель] ЕВТУШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ВИНОКУРОВА: Случалось, что заключённые заявляли о пропаже вещей при их переводе, но всё это было о мелочах.

В 17 час. объявлен перерыв до 19 ч. 30 мин.

В 19 ч. 30 мин. судзаседание продолжается.

Секретарь доложил, что доставлены затребованные документы:

1. Справка об осуждённой Бронштейн.
2. Директива о мероприятиях по жёнам осуждённых.
3. Копия акта о смерти заключённого Скрыпника.
4. Справки 1 спецотдела УНКВД о заключённых Крук, Терпиловском, Ткачуке, Пастушенко, Клигштейн, Загер, Джуринском.
5. Дело по обвинению Ткачука.
6. Дело по обвинению Джуринского.
7. Материалы из личного дела подс[удимого] Глузмана.
8. Справка о невозможности представить характеристику на подсуд[имого] Тимошенко.
9. Выписки из личного дела подсуд[имого] Игнатенко.
10. Характеристика на подсуд[имого] Игнатенко.
11. Копия приказа о поощрении подсуд[имого] Гирича.
12. Партийная и служеб[ная] характеристика на подсуд[имого] Кондрацкого.

13. Служебная характеристика на подс[удимого] Соснова.

Трибунал ознакамливается с представленными документами.

Совещаясь на месте, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**:

Материалы, относящиеся к существу дела, огласить, а материалы, характеризующие подсудимых, огласить при окончании суд[ебного] следствия.

Представленные документы пред[седательствующим] оглашены.

Совещаясь на месте, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ**:

Представленные в суд[ебное] заседание справки об осуждённых Бронштейн, копию акта о смерти закл[юченного] Скрыпника, справки 1-го спецотдела о делах Крука, Загера и др. приобщить к делу.

Следственные дела о Ткачуке и Джуринском по окончании судзаседания вернуть в Облуправление НКВД.

По распоряжению пред[седательствующего] подсуд[имый] ВИНОКУРОВ и свидетели Малорацкий, Шемпер, Бойченко, Евтушенко, Ротенберг, Малахов, Гненная, Выговский и Мордушенко удалены из зала суда.

Вызван[ный] свид[етель] АГАПОВ Василий Фёдорович, 1911 г. [рождения], из крестьян-батраков, колхозник, канд[идат в члены] ВКП(б), ст[арший] техник связи УНКВД, не судим, показал:

Когда было следствие, меня допрашивали о Гришине.

Было такое дело. Когда происходила операция над 11 осуждёнными, бжавшими из тюрьмы, у меня потребовали паяльную лампу. Я лампу принёс, и у меня потребовали разжечь её. Она была неисправна, я не мог её разжечь, и меня оттуда выгнали.

Ещё я знаю, что осуждённых били палками, женщин раздевали.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы суда:

Паяльную лампу у меня потребовал Лебедев. Я её принёс туда, где операцию производили, и потом меня оттуда отправили. Когда привели 11 человек для расстрела, я их не видел, но я знал, что их повели.

Кто там присутствовал, не знаю, я помню, с Лебедевым говорил и по его распоряжению и принёс лампу. Для чего нужна была паяльная лампа, не знаю.

Пред[седательствующий] оглашает показания свид[етеля] Агапова на л.д. 221 т. 3.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы суда: Да, я так и понял, что лампа была взята для использования при операции. Об этом мне, кажется, Кондрацкий говорил. Он был при этом.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы суда: Я имел задание и не заходил в ту комнату, а при погрузке я увидел ожоги на трупах и решил, что их бумагой обжигали, т.к. ожоги были очень незначительные только на лицах.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы суда: Я не говорил и не могу сказать, что людей прижигали лампой, потому что, если я её не разжёл, то и Лебедев мою лампу тоже не мог зажечь.

О паяльной лампе впервые зашёл разговор у следователя. До следователя, я не помню, говорил ли я кому-нибудь об этом. Игнатенко видел, что лампу взяли.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я по распоряжению Лебедева искал Агапова, а потом увидел его, выходящего оттуда. Он мне сказал, что его вызвали, чтобы он дал паяльную лампу.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы суда: Женщин раздевали перед расстрелом. Я это сам видел. Зачем это делали, не знаю, скорее всего, для того, чтобы поиздеваться над ними. При этом были Гришин, Лебедев. Присутствовали ли Лукьянов и Якушев, не скажу, не видел.

К голым женщинам подходили, но представлял ли кто-либо из себя врача, не знаю.

В комнату при расстреле 11 беглецов, я видел, вошли Гришин, Лебедев и Якушев. Кто ещё вошёл туда, я не видел.

Палки вот почему применяли. Если кто-либо начинал поднимать шум, его палкой ударяли, чтоб он замолчал.

Гришин и Якушев тоже били палками осуждённых.

Кто изображал врача при раздевании женщин, я говорил на следствии, — Люльков. При мне Соснов из себя не изображал врача.

Пальто и сапоги я брал, а по распоряжению особоуполномоченного всё сдал потом.

Обстановку, которая у меня есть, я приобрёл за шесть месяцев.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Паяльную лампу Лебедев брал в этот же день, когда 11 беглецов расстреливали, незадолго перед расстрелом.

До этого Лебедев никогда не брал у меня инструмент и не чинил вентилятор.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: В показаниях Агапова и Игнатенко — большие разногласия, ведь до привода людей мы там никогда не бывали.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы суда: Когда вели вниз этих 11 человек, шли за ними Гришин, Якушев и Лебедев. Игнатенко их проводил и вернулся.

Чтобы Лебедев занимался ремонтом в гараже, я никогда не видел.

Вентилятор устанавливал Агапов.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Лебедев не занимался ремонтом механизмов.

Свид[етель] АГАПОВ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Лампу я разжигал в коридоре возле комнаты. Когда меня Лебедев отправил, я лампу оставил в коридоре, а утром я её в гараже нашёл.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: После расстрела 11 бежавших, я туда зашёл для исполнения приговора над остальными и паяльной лампы не видел.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Я сразу вошёл в комнату, но лампы там не видел.

Свид[етель] ПАНШИН на вопросы подсуд[имого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Лампу я обнаружил в гараже утром следующего дня, а как она туда попала, не знаю. Трупы я потом видел, бумагой так одежду не обожжёшь. Вся одежда была сожжена или лампой, или бензином их облили.

Вызван[ный] свид[етель] СТРУГАЧЁВ Аркадий Абрамович, 1901 г. [рождения], рабочий, чл[ен] партии с 1932 г., начальник отдела связи области, не судим, показал:

До формирования области, при исполнении приговоров приводили по одному человеку, а в дальнейшем по 10–11 чел. приводили для расстрела, а затем приводили и по 150 чел., усаживали их на пол, и на глазах у многих исполнялись приговора. Люди шли конвейером, один за другим, и слышали выстрелы.

Я работал на этих операциях недолго, т.к. меня раньше Якушев и Гришин выживали потому, что приехал секретарь Гришина Семенов, его хотели на моё место назначить, а меня отправили в Киев, но меня оттуда вернули. Вернули ещё при Якушеве.

При мне пользовались лишь огнестрельным оружием для исполнения приговоров, но при охране сидевших в гараже в руки брали дубинки — «внушиловки», и если кто-либо из осуждённых поднимался, его ударяли. Пользовались дубинками для предотвращения эксцессов.

Женщин догола раздевали. Делали это, по-моему, из-за садизма. Перед их раздеванием докладывали об этом Якушеву.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Стругачёв был откомандирован из-за развала своей работы. Он побыл в Киеве, через 2 недели его товарищ Северин вернул его сюда.

Показания его ложны. Он сам руководил операцией дней 20. Я при приезде стоял возле него ежедневно, когда он проверял списки. Что я в это время мог делать?

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: При мне по одному человеку расстреливали, а не группами.

Подс[удимый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: При массовых операциях он там не бывал совершенно.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: При массовых операциях Стругачёв был, работал внизу и при отправке машин, он ездил со мной сзади на легковой машине для проверки.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: При Вяткине я в расстрелах не участвовал.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: Я работал до декабря [1937 г.] и нарушений никаких за Кондрацким не замечал.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] ТИМОШЕНКО: При приведении в исполнение приговоров, я не могу сказать, имел ли Тимошенко время заниматься избивением осуждённых.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы суда: Когда обнаружили, тогда стали говорить, что Игнатенко вырывал зубы, а раньше я этого не слышал и, имел ли Гришин причастность к этому, не знаю.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Материально Глузман здесь жил лучше, чем в Умани. Получал он 1200 руб., питался в столовой руководства.

Св[идетель] СТРУГАЧЁВ на вопросы подс[удимого] СОСНОВА: Я говорил, что перед расстрелом женщин Лебедев всегда звонил по телефону Якушеву и сообщал ему, что они приведены.

Последними всегда женщин расстреливали. При мне Соснов не называл себя врачом при раздевании женщин.

Соснов выполнял самую черновую работу.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Врачом называли меня из-за расчистки мною сточной трубы от нечистот, от чего я всегда был весь в крови, т.к. приходилось руками это делать.

Вызван[ный] св[идетель] ВАСИЛЬЕВ Георгий Николаевич, 1901 г. [рождения], служ[ащий], из Ленинграда, чл[ен] партии с 1938 г., не судим, личных счетов с подсудимыми нет, показал:

В октябре 1937 г. Гришин приехал в Коростень проводить совещание по опер[ативным] вопросам, в том числе и о жёнах осуждённых. Гришин дал указание, кого арестовывать, и дал чрезвычайно жёсткие сроки.

Подсуд[имый] ГРИШИН[-ШЕНКМАН] поясняет: В октябре 1937 г. я работал в Одесском облуправлении, а не здесь. Совещание было в январе 1938 г. Установок о жёнах осуждённых я никаких давать не мог, т.к. Якушев издал большую директиву по этим вопросам.

Св[идетель] ВАСИЛЬЕВ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Директивы письменные были, это верно.

По ходатайству подс[удимого] Гришина-Шенкмана председателюствующий оглаш[ает] показания св[идетеля] Васильева на л.д. 255 т. 3.

Св[идетель] ВАСИЛЬЕВ на вопросы суда: Это описка. Я говорил об октябре 1937 г. На предварительном следствии была просто описка, что

указан 1938 г. На совещании были и многие другие начальники райотделов НКВД, но кто именно, не помню.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: В январе [1938 г.] я был, совещание провёл, но по женщинам операция уже была проведена к тому времени.

Св[идетель] ВАСИЛЬЕВ на вопросы суда: Гришин на совещании говорил, что нужно репрессировать жён троцкистов, шпионов и т.д. и квалифицировать по ст. 54–12 их действия.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Когда я приехал, операция по жёнам уже была закончена. Я мог только поторопить, чтобы остатки доделывали.

Св[идетель] ВАСИЛЬЕВ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Сроки, данные Гришиным на операцию по жёнам, я считал вредительскими, т.к. они были очень жёстки. Сущность всех остальных установок вообще по этому вопросу я не считал вредными.

Речь шла о жёнах осуждённых, но на местах у нас сведений не было, кто осуждён, и поэтому мы не знали, кого репрессировать. Жён не осуждённых мы не репрессировали, но пока собрали справки, а на местах справок не было, прошло много времени.

Вызван[ный] св[идетель] РАДИОНОВ Николай Семёнович, 1907 г. [рождения], из кустарей, рабочий, в УГБ с 1933 г., чл[ен] партии с 1938 г., не судим, личных счетов с подсудимыми нет, показал:

О Гришине я ничего не знаю. Я знаю только то, что распоряжение о репрессировании жён осуждённых было, и мы его выполнили.

Я не уверен, что эта директива была издана Гришиным, возможно, и Якушев её писал.

Св[идетель] Малахов вызван в залу суда.

Св[идетель] РАДИОНОВ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Гришин приезжал в Емильчино, когда я там работал. Было тогда очень грязно, машина застряла, и в каком месяце это было, я не помню.

На совещании в Коростене я не был.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: В тюрьме я нахожусь всё время в камере № 13 корпуса № 2. В камере человек 24, я со всеми заключёнными в одинаковых отношениях.

В камере я ни с кем о Якире не говорил. Меня вызвали в 3-й отдел, предупредили, что к нам подсаживают перебежчика из Польши и просили его разработать. Их двое перебежчиков было. Это мне поручил Кашук.

Св[идетель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Глузман вначале такого задания не имел. Потом он потребовал вызова, я его вызвал, и он сказал, что там есть один подсаженный, и дал на него материал.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я просил разрешения подать заявление в КПК, а Малахов вызвал меня к себе и сразу спросил, как ведёт себя вчерашний шпион.

Совещаясь на месте, ВТ выносит определение: Имея в виду, что в Трибунал поступил материал о Глузмани, совершенно непроверенный, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Материал о Глузмани, присланный начальником тюремного отдела УНКВД Малаховым при отношении № 1080151 от 1.7.[19]39 г., направить нач[альнику] Облуправления НКВД для проверки и обращения одновременно внимания на недопустимость присылки подобных материалов в суд[ебное] заседание без проверки.

Также учитывая, что в своих показаниях подс[удимый] Гришин-Шенкман ссылается на работника УНКВД Стукановского, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Стукановского вызвать в суд[ебное] заседание в качестве свидетеля.

После 5-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что св[идетель] Стукановский прибыл и находится в свидетельской комнате.

Вызван[ный] св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ Адольф Павлович, 1903 г. [рождения], отец был служителем религиозного культа (попом), сам служит с 1922 г. в органах НКВД, член партии с 1925 г., не судим, после предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний, показал:

В конце 1937 г. или начале 1938 г. я по поручению Лукьянова выехал в Коростень, проверить заявление Ткачука. Я обратился к начальнику РО Хименко, поговорил с ним и стал допрашивать свидетелей — работников «Заготскот», сослуживцев Ткачука, человек 8–9, которые его избличали. Тогда я вызвал несколько из них для очной ставки с Ткачуком и в Житомире очную ставку произвёл. Создал я экспертизу и все материалы я передал или Лукьянову, или Леснову. В дальнейшем мне неизвестно, что было сделано.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Меня по делу Гришина не допрашивали.

Дело Ткачука было ли на ВК или на особом совещании, не помню. Повторяю, этого я не помню.

Я ездил для дополнительной проверки в Коростень один раз.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Я ездил один раз, Гришин меня не посылал, а послал меня Лукьянов.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Сначала я его послал в феврале [1938 г.], он вернулся и ничего не сделал. Тогда я его вторично послал, он поехал и вернулся уже не при мне.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Этого не было.

Пред[седательствующий] оглашает из представленного дела Ткачука постановления о продлении срока следствия по делу, датирован[ные] 25 января и 25 февраля 1938 г. и подписанные б[ывшим] зам[естителем] нач[альника] УНКВД подсуд[имым] Гришиным-Шенкманом.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Может быть, Гришин Лукьянову давал задание, а тот передал мне. Мне Гришин лично не давал распоряжения выехать.

Не помню, или Ткачук, или другой обвиняемый, говорил, что Малука, который вёл следствие о Ткачуке, является сыном кулака. Я по данному вопросу подал рапорт Леснову, а расследования никакого не производил.

Ткачук о Малуке только говорил, что Малука — сын кулака, и то я не помню, он мне это говорил или другой заключённый.

Расследование о Малуке я не производил.

Не помню, Ткачук или кто другой, но мне говорили, что Малука допускает незаконные методы при допросе.

На мой рапорт Леснов при мне написал резолюцию в «ОК», и рапорт был сдан в Отдел кадров.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Ткачука арестовали в Коростене. Вёл дело Малука, а где он его допрашивал, не знаю.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Гришин со мной не беседовал о заявлениях Ткачука.

По ходатайству подсуд[имого] Гришина-Шенкмана оглаш[аются] показания Леснова на л.д. 243 т. 3.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Я утверждаю, что Гришин меня в Коростень не посылал.

Св[идетель] ЛУКЪЯНОВ на вопросы суда: Все дело Ткачука я дал Стукановскому по заданию Гришина. Извините. Сначала он вызвал Леснова с делом, тот пришёл ко мне и сказал, что Гришин велел выехать кому-либо для проверки. Я послал Стукановского, но, возможно, что Гришин и вызывал Стукановского.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: У меня было заявление Ткачука, и я получил справку, что Ткачук здесь, дело было раньше в Москве и к тому времени тоже было у нас. Я вызвал Леснова, он мне дал дело. Просмотрев, я ему велел послать Стукановского и предварительно прислать его ко мне. Стукановскому я сказал, чтоб он был осторожен и серьёзно отнёсся к расследованию, т.к. Ткачук пишет заявление о следователе Малуке, что тот покрывает кого-то из его сослуживцев, с которым у него были личные счёты.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Я не помню этого. Мой рапорт должен быть в деле Малуки.

Секретарь доложил, что представлены следующие документы:

1. Справка Финотдела о поступлении 90 руб. золотом от заключённого Симона.

2. Справка о нерозыске заявления Ткачука.

3. Выписка из акта от 29.12.[19]38 г. о недостатке денег по внутренней тюрьме по УНКВД.

4. Дело н[ачальни]ка Барановского РОМ Шутя. По заявлению нач[альника] 1[-го] спецотдела, другого дела по Барановскому РО НКВД не было.

5. Папка с кассовыми документами тюрьмы.

6. Личное дело Малуки.

Подс[удимый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: Я просил о деле н[ачальни]ка Барановского РО НКВД, а не РОМ.

Совещаясь на месте, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Дело о н[ачальни]ке Барановского РОМ Шуть вернуть Облуправлению НКВД.

Пред[седательствующий] оглаш[ает] справку с рапортом н[ачальни]ка] отделения 3[-го] отдела Стукановского (из личного дела Малуки),

который доносил о заявлении Ткачука о Малуке, приложена справка о том, что в тюрьме имеются 3 заключённых Пинчук, т.к. один из них тоже подавал заявление о Малуке.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Оглашённый вами рапорт написан мною. Рапорт о Бондаре и Малуке написан мною со слов допрашиваемого Ткачука.

Пред[седательствующий] оглашает объяснение Малуки по заявлению Ткачука, в котором он подтверждает наличие брата, жившего в Куйбышевском р-не, наличие родственника — служителя религиозного культа, но пишет, что брата он потерял из виду и не знает, находится ли он за границей, как писали Пинчук и Ткачук, или нет.

Св[идетель] СТУКАНОВСКИЙ на вопросы суда: Мне заявление Ткачука не было передано. Это Ткачук мне при допросе заявил, и я об этом и написал рапорт.

На избяние Малукой Ткачук не жаловался. Ткачук свою вину отрицал. Был он членом партии с 1920 или 1919 г.

Комиссия, проводившая осмотр свинарника и давшая заключение по делу Ткачука, признала свинарник построенным вредительски.

Пред[седательствующий] огласил из дела Ткачука акт от 4.7.[19]37 г. о вредительской стройке свинарника Ткачуком.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Стукановский привёз акт от 4.7.[1937 г.], который вы прочли, это смехотворный акт. Об этом акте я со Стукановским и говорил, и потому он вторично поехал в Коростень.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я говорил, кажется, в своих объяснениях, что Скрыпник после первого ареста рассказывал мне о данных, компрометирующих Малуку. Это те же данные, которые говорил Ткачук Стукановскому и которые вы сейчас прочли из рапорта Стукановского.

В рапорте Стукановского идёт ещё речь о Бондаре, который был начальником Коростенского райбюро ИТР. Материалы о Бондаре проверили и его тогда уволили.

Совещаясь на месте, ВТ выносит определение: В связи с заявлением подс[удимого] Гришина-Шенкмана и показаниями св[идетеля] Стукановского о деле Ткачука, которое расследовалось сотрудником 4[—го] отдела УНКВД Малука, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Для приобщения к материалу, выделенному из дела в отношении привлечённого к ответственности Лукьянова, изъять из личного дела Малуки справку с рапортом Стукановского, заявление Ткачука, копии письма заключённого Пинчука (б[ывшего] секретаря Олевского РПК) о Малуке, объяснение и дополнение к объяснению Малуки по поводу заявления Пинчука, а также копию справки на Малуку, подписанную Коротченко и Лукьяновым.

Личное дело Малуки вернуть в УНКВД.

Также, ознакомившись с остальными материалами, представленными Трибуналу, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Приобщить к делу следующие документы:

1. Справку о сдаче в Финотдел 90 руб. золотом.

2. Материалы, характеризующие подсудимых, за исключением отрицательной характеристики на подс[удимого] Игнатенко, которую необходимо проверить путём допроса подписавшего её свид[етеля] Малахова.

3. Выписку из акта о недостатке по внутр[енней] тюрьме УНКВД приобщить к делу после допроса по вопросу о недостатке свид[етеля] Баранского, какового вызвать в суд[ебное] заседание для допроса.

4. Справку о нерозыске заявления Ткачука также приобщить к делу.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: Когда я вырвал зубы, Кондрацкий был на исполнении приговоров, но видел ли он, как я рву зубы, не знаю.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: Кондрацкий всегда при операциях занимался тем, что сидел в отдельной комнате, внушал осуждённому к расстрелу, что он приехал отбирать осуждённых на работу, опрашивал осуждённых, кто хочет с ним ехать и т.д., чтобы спокойнее можно было исполнять приговора, а от него уже брали осуждённых и под видом погрузки в машины заводили их в гараж. Ни оружия, ни палки у Кондрацкого при этом не бывало.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: Возможно, что я на очной ставке с Кондрацким спросил, видел ли он, что меня били при допросе, но точно не помню.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Я считаю, что он меня оговаривает с актом на мёртвого, потому что я не сказал, что видел, как его били.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: Я повторяю, что когда мы привезли труп в тюрьму, не помню, был ли Кондрацкий, а помню, как сказал кто-то: «Лёня, бери», а у нас нет другого Лени, поэтому я и считаю, что с нами был Кондрацкий.

В 24 ч. объявлен перерыв до 10 ч. 3 июля 1939 г.

3 июля 1939 г. в 10 ч. утра суд[ебное] заседание объявлено продолжающимся.

Пред[седательству]ющий оглашает определение:

Обсудив ходатайства подсудимых: Гришина — о затребовании справок по делам, на которые имеются ссылки в показаниях св[идетеля] Мартынюка; о затребовании справки об агенте «Фотеско» и друг.; Игнатенко и Глузмана — о вызове ряда свидетелей, а также и остальные ходатайства подсудимых, заявленные ими в ходе суд[ебного] следствия, и учитывая, что обстоятельства, в подтверждение коих подсудимые просят затребовать ряд документов или вызвать свидетелей, освещены в суд[ебном] следствии с достаточной полнотой, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Ходатайство подсудимых отклонить.

Также учитывая достаточную полноту исследования дела, от дальнейшего допроса свидетелей отказаться, и свидетелей освободить за исключением:

1. Баранского — для проверки вопроса о недостатке во внутренней тюрьме,
2. Гненной — для расшифровки записей в тетради осмотра больных,

3. Ротенберга — для проверки затребованных денежных документов из тюрьмы и

4. Малахова — для проверки отрицательной характеристики, представленной на подс[удимого] Игнатенко.

Пред[седательствующий] спрашивает подсудимых, имеются ли у них дополнения к следствию.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: По Днепропетровску, Одессе, всюду, где я работал, я вынужден был перечислять на следствии ряд ложных фактов, которые не имели места. Поэтому я просил бы мне верить, что то, что я здесь на суде говорил, это правда.

Я писал в своих вымышленных показаниях, что не оказывал помощи Райотделению и проводил время праздно. Я прошу учесть, что есть дела, подтверждающие, что я и тогда работал.

Я хочу дополнить об операции по жёнам репрессированных. Ни Васильев, ни Радионов, так и не сказали, в чем было вредительство. Хочу сказать, что районы давали списки нам. Здесь их в 8-м отделе проверяли и только потом жён арестовывали.

Я хочу привести и следующее. На совещании в Киеве, когда был Успенский, меня же ругали за то, что на жён мы не даём материалов об их личной к-р деятельности, как будто мы не арестовывали бы их самостоятельно, если бы такие материалы были.

Я прошу сличить мои показания, написанные от руки карандашом, и другие, последующие, чтобы видно было, что показания варьировались на разные лады под соответствующим внушением. Я прошу эти показания сличить, потому что, как то, что относится к вербовке меня Леплевским, так и то, что относится к вербовке меня Гришиным, — явный бред.

Из подсудимых по моему делу лишь Игнатенко сказал, что я знал и даже дал указания рвать зубы. Я хочу сказать по этому поводу, что я изредка бывал при погрузке и не мог видеть, как рвут зубы.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Я отдыхал на лестнице, а Костенко что-то делал. Забежал Гришин, спросил, где Лебедев, там как раз лежали ещё трупы, из ртов блестели зубы, и Гришин сказал: «Смотрите, не следовало бы закапывать их с золотом». После этого Кондрацкий видел, как Костенко рвал зубы и смеялся.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ на вопросы суда: При мне ни Костенко, ни Соснов, ни Игнатенко не рвали зубы.

Подсуд[имый] СОСНОВ на вопросы суда: Я сам вырвал 4 зуба, чтоб Игнатенко рвал зубы, я не видел, т.к. я всегда грузил трупы в машину.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Если бы я рвал зубы, я так и сказал бы. Я здесь живу с 1931 г. Получал приличную зарплату, а у меня ничего ценного нет.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я понимаю так, что важно, дал ли я или не дал повод рвать зубы. Я понимаю Игнатенко, у него положение тяжёлое, но я считаю, что история с зубами вообще представлена неверно. В этой части я прошу суд учесть показания Выговского об убийстве ломом 36 чел. Я считаю, что при этом убийстве и были не вырваны, а выбиты эти зубы.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: При мне ни разу Гришин не говорил, чтобы рвали зубы. Видел ли он, как рвут зубы, я не могу сказать.

Подсуд[имый] ГИРИЧ на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Во время операции я Гришина не видел. При ремонте мною машины я не видел, как рвут зубы, а у меня Паншин хотел взять клещи и сказал, что они нужны для вырывания зубов Игнатенко и Соснову.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: Зубы я у себя дома обнаружил в кармане ещё весной 1938 г., при Гришине и Якушеве. Обнаружили их у меня при обыске осенью 1938 г. при моем аресте. Это так было. Я тогда зубы выпавшие собрал в бумажку и хотел их потом сдать, но меня вызвали, и я о них забыл.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Я утверждаю, что я на Игнатенко кричал: «Скорее!», т.к. он рвал зубы и задерживал отправку. О том, что у него нашли зубы, я при моем аресте даже не знал. А первые показания дал, кажется, в феврале 1939 г.

Пред[седательствующий] удостоверяет, что первый протокол допроса подс[удимого] Тимошенко датирован 10.2.[19]39 г.л.д. 710 т. 2 — по вопросу о мародёрстве.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я хочу сказать, что Игнатенко явно врёт. Если ему зубы подбросили, то как же они оказались в его платке?

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Зубы были не в моем платке. У меня вообще грязных много платков было, т.к. я не был женат, стирать некому было, и я всё покупал и покупал новые платки, я грязные складывал.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Здесь, в области, я проводил 2 совещания, на которых предупреждал, что за малейшее самоуправство и рукоприкладство буду предавать суду. Это я говорю потому, что по показаниям Глузмана я будто бы ездил в тюрьму из-за «избиений» и ничего не сделал.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА: О приезде Гришина в тюрьму никто из свидетелей не подтвердил, но я это утверждаю.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я утверждаю, что я не знал этих врачей тюрьмы, как и они меня не знают, что они сами заявили.

Я прошу учесть обстоятельства со старухой Бронштейн. Перед её расстрелом она была приведена ко мне, часа 2 я говорил с ней, но она не сказала, где золото, тогда я передал её Иванову, и он её продолжал допрашивать. О том, что её бьют, я не представлял себе. Мне позвонил Лебедев и сказал, что он ей объявил о приговоре и предложил ей рассказать, где золото, она и рассказала. Я предложил поехать и золото забрать. Потом он мне звонит, что едет вторично, т.к. первый раз неправильно было указано место. Когда он туда поехал вторично, мне и Якушеву прислали машину посмотреть, как был устроен тайник, в котором было упрятано золото.

Как Лебедев получил признание о золоте, я у него не спросил, но понимал, что, вероятно, он бил старуху.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы суда: О случае принуждения инвалида к сожительству с мёртвой я ничего не знал.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Гришина при этом не было.

Пред[седательствующий] оглашает показания подсуд[имого] Тимошенко на л.д. 710 т. 2.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Неправильно, инвалида привели последним, Лебедев сказал: «Лезь», и только он полез, я выстрелил, или кто-то другой выстрелил. Трупов в то время было много, и сказали инвалиду: «Лезь», потому что негде было поместить его.

Подсуд[имый] СОСНОВ поясняет: Тогда спросили инвалида об имени и отчестве, а он не сказал, и его увели. После всех, уже после женщин, его опять привели. В это время Игнатенко спал на лестнице. Тимошенко завёл инвалида, Лебедев ему сказал: «Имей сношение с этой женщиной и пойдёшь домой», старик начал исполнять приказание, и тогда его пристрелили, при этом был и Гришин.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы суда: Я и следовательно говорил, что начальства при этом много было, а был ли и Гришин, не помню.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН поясняет: Я утверждаю, что при этом я не был.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО заявил, что не имеет дополнений к суд[ебному] следствию.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: Плохая характеристика мне дана вот почему. Я так работал, что не мог дома спать и спал здесь, но не тогда, когда нужно было работать.

При назначении меня начальником тюрьмы я отказывался, потому что всё время я работал на операциях, и не хватало совершенно времени на что-либо другое. Подчинён я был коменданту, и случалось, что часто без меня комендант снимал с дежурства в тюрьме людей, не давая смены.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Бывало, что меня брали с дежурства и давали смены вместо меня, а один раз пришёл Люльков и снял меня с дежурства без смены.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: По вопросу о недостатке я прошу допросить Баранского, я на себя ни одного гроша из денег заключённых не тратил. Деньги сначала были у Побережного, а Гненная вела им учёт.

В части запрещения мною перевязки больному, о чем говорила Гненная, это я вынужден был сделать, т.к. начиналась операция в гараже, и срочно нужно было её удалить.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я прошу затребовать протокол о Шемпере из тюрьмы, но если этот вопрос ясен, я не настаиваю.

Шемпер подтвердил, что была очная ставка с ним.

Хочу пояснить о купленных в воинской части вещах. Куплены они были не для меня лично, а для всего коллектива.

Подсуд[имый] ГРИШИН-ШЕНКМАН на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: О покупке тюремной вещей с расстрелянных я знал, но не со слов Глузмана, а из отношения Леплевского, разрешающего продать вещи и деньги использовать на ремонт.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: Мне неизвестно, чтобы Глузман извлекал корысть из покупки вещей у нас в УНКВД.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Я прошу обратить внимание на то, что, по показаниям Бойченко, меня из ВКП(б) исключили как врага народа, а Голубев это отрицал.

Подсуд[имый] ГИРИЧ поясняет: Я хочу следствие дополнить тем, что за 3 раза, которые я участвовал в операциях, я только 2 раза брал вещи. Но неужели я мог бы за два раза привезти столько, что даже в Новограде не хватало места для продажи, и я послал вещи в Проскуров?

Я бы хотел, чтобы допросили сотрудников из Новограда, они, конечно, сказали бы, что никакого дома я не строил.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО дополнений к судследствию не имеет.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Я прошу обратить внимание на то, что Лейфман, по-сути, участия в бригаде не принимал, кроме 1 случая.

Если есть возможность, я бы просил допросить мил[ици]онера Игнатюк и б[ывшего] дежурного Лейбензона⁸³, которые знают, кто возил мёртвого в тюрьму и требовал акт о сдаче его живым.

Кроме того, можно установить, кто вёл следствие на этого убитого, и его допросить об этом, возил я этого человека в тюрьму или нет.

По ходатайству подсуд[имого] Кондрацкого оглашён протокол очной ставки его с Глузманом на л.д. 625⁸⁴.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО на вопросы подс[удимого] КОНДРАЦКОГО: До прибытия Якушева никто никакого барахла не брал.

Подсуд[имый] КОНДРАЦКИЙ поясняет: Жена моя не ездила с Глузманом, но если ему и поверить, то при Шатове никто ничего не брал, и не могла она поэтому ездить для продажи вещей.

Выз[ванный] св[и]детель БАРАНСКИЙ Николай Петрович, 1912 г. [рождения], из рабочих, сам рабочий, в органах НКВД с 1937 г., в настоящее время — врио нач[альника] внутренней тюрьмы, не судим, член КСМ, после предупреждения пред[седательству]ющим об ответственности за ложные показания, на вопросы суда показал:

Акт от 29.12.[19]38 г. о проверке денег по внутренней тюрьме я подписывал. При ревизии тюрьмы я присутствовал. Проверяли в комендатуре квитанции о сдаче денег в тюрьму и по ним установили всю сумму недостачи. Деньги хранились у Игнатенко, в кассе. После Игнатенко было несколько случаев, вернее 2 случая, когда освобождённые предъявили квитанции и по ним требовали 100 рублей.

⁸³ Так у документі. У матеріалах архівної кримінальної справи — Лебензон.

⁸⁴ Номер тому у документі не зазначено.

Установила ревизия недостачу по корешкам квитанций о принятии денег комендатурой.

В последнее время при Игнатенко Гненная вела учёт по алфавиту, писала фамилию заключённого и сумму, которая имела у него.

Сейчас счетовод в тюрьме есть. При Игнатенко счетовода не было, а заключённых было намного больше.

Я принял наличие 6[-ти] или 7-ми тысяч руб. Установили наличие при ревизии. Куда делись недостающие 4 тыс. руб., я не могу сказать, но помню, что один раз при обыске мы нашли у задержанного перебежчика 6 тыс. руб., и вместо сдачи по принадлежности Игнатенко их долго держал у себя, и из них при сдаче им тюрьмы тоже немного денег не хватило.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: При проведении операций я совершенно не мог заниматься работой тюрьмы.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Не помню случаев таких, чтобы числились за нами по книге деньги, а на самом деле чтобы деньги были уже все вручены заключённому. О передаче личных денег мне Гненная один раз говорила, что 30 руб. было передано одному заключённому.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Я не знаю случая обнаружения расписки заключённого в столе дежурного.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Помню, при мне был случай передачи 10 руб. одному заключённому.

Алфавиты на заключённых были, вела их Гненная.

О работе Игнатенко я могу одно сказать, он только приходил, спрашивал, всё ли в порядке, и уходил сразу же из тюрьмы.

Малахов у меня ничего не спрашивал для характеристики [Игнатенко], он за 7 месяцев вообще-то был в тюрьме раза 2–3, не больше.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы суда: Весь личный состав тюрьмы говорит, что Игнатенко получал деньги, брал их в карман и шёл в город, а иногда и из кассы брал в карман деньги и уходил.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО поясняет: По квитанции расстрелянной женщины Баранский 1 раз получил 60 руб., и я его потом заставил их сдать. Это не значит, что он помогал мне растрачивать. Один раз я ему дал 100 руб. на покупки, а он до сих пор не сдал их.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы суда: И раньше, и сейчас, бывает, что человек убывает тогда, когда ему получаешь деньги, и в итоге деньги у нас находятся, пока мы их не переотправим.

Подотчёт в 100 руб. весь внесён.

Пред[седательствующий] оглаш[ает] характеристику на подсуд[имого] Игнатенко, подписанную Малаховым.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы суда: Случалось, что собирались ценности и много денег заключённых, изъятых при обыске, и когда их потом сдаёшь, создавалась путаница.

По ночам и днём случалось, что Игнатенко спал после работы в помещении тюрьмы, а не дома.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Из комиссии, которая нас проверяла, я помню, был 1 чел. из Москвы.

Все время финансовой деятельностью тюрьмы никто не интересовался и никто проверок не делал.

Один раз я в комендатуре получил 900 руб. и все их сдал Игнатенко полностью.

Подсуд[имый] ИГНАТЕНКО на вопросы суда: Случалось, что деньги получали и Баранский, и Выговский, потому что у меня не всегда время было.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Если мы получали деньги, то сдавали их Гненной, и она после расходования в лавочке вела учёт остатку денег.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Рубашку заключённого я ни разу не одевал.

Подсуд[имый] ЛЕВЧЕНКО на вопросы суда: Это Баранский говорит уже неверно.

Св[идетель] БАРАНСКИЙ на вопросы суда: Военнослужащих переодевали, их вещи сдавали в склад, но не учитывали и квитанции никому не выдавали.

С гимнастёркой так было: я попросил у Игнатенко его личную гимнастёрку для сопровождения арестованного, т.к. я не имел форменной одежды, а он мне дал рубашку из личных вещей арестованных, я отвёз арестованного и потом рубашку сдал.

Св[идетель] ГНЕННАЯ вызвана в залу и предъявила суду тетради учёта больных заключённых.

Председат[ельствующий] удостоверяет, что в тетради учёта больных заключённых, представленной свидетельницей Гненной, имеется запись о заключённом] Рубан Петре Ивановиче, отмечено наличие поврежденный верхних и нижних век правого глаза, ушибленная рана на теле (голове). Слово «ушибленная» зачёркнуто красными чернилами.

Аналогичные записи имеются и о других больных заключённых, с диагнозами болезней вследствие побоев, с отметками об оказании лекарством помощи больным.

Совещаясь на месте, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:**

Представленную в судебное заседание тетрадь записей медосмотра заключённых за время с 27.3.[19]38 г. по 2.8.[19]38 г. вернуть свидетельнице Гненной.

Тетрадь возвращена св[идетелю] Гненной.

Св[идетель] ГНЕННАЯ на вопросы суда: Кроме того, о чем я уже рассказала, я вот ещё что видела. Один раз Игнатенко стал из кармана вынимать деньги и давать заключённым. Я его спросила, что это за деньги он раздаёт, и он сказал: «Это их деньги». Я ему сказала, что нужно брать расписки, а иначе он будет своё доплачивать. Потом я спросила у него и выяснила, что Игнатенко не знает, у кого из заключённых есть деньги. Тогда я по своей инициативе завела учёт по тетради на деньги арестованных.

Был случай, что 1 заключённый получил деньги, совершенно не имея их на счету. 2 случая я помню, когда передавали лишнее заключённым.

Я сама решила завести учёт, потому что увидела, если учёта не завести, то Игнатенко потом должен будет свои деньги платить.

Деньги до заведения учёта Игнатенко носил в кармане, а потом стал в кассу класть деньги.

Свид[етель] ГНЕННАЯ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Были и такие случаи, что деньги заключённому возвращены полностью, а по книге они не списаны. Это я подтверждаю, один такой случай я помню, когда заключённый Попов заявил, что он деньги получил, а у него числились по записи в книге.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: В тюрпode со мной сидели заключённые, которым передано было денег по 30 руб., — Чижову и Попову.

Вызван[ный] св[идетель] МАЛАХОВ на вопросы суда:

Характеристику на Игнатенко, которая представлена в суд, я составлял. О выполнении Игнатенко спецзаданий по ночам я знаю.

Он работал до меня, я его характеризовать не мог, а со слов сотрудников тюрьмы я составил характеристику.

Сам же я имею такое мнение, что он работал очень много, и заявления, указанные мною в характеристике, в части систематических снов не являются отрицательным явлением, поскольку ночами он спать не мог.

Св[идетель] ГНЕННАЯ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО:

Были случаи, Игнатенко меня сам 2 раза вызывал для оказания помощи больным. Случалось, что больному нужна была диета, и он вынимал деньги и покупал больному все, что нужно.

Учёта вещам не было, но полит. занятия у нас проводились. Сам он редко проводил их, а мне и Баранскому поручал, и мы проводили полит. занятия.

Свид[етель] МАЛАХОВ на вопросы подс[удимого] ИГНАТЕНКО: Подтверждаю, что шофёра на тюремке⁸⁵ одно время не было. И после ночной работы Игнатенко садился в тюремку за шофёра и возил арестованных.

Св[идетель] МАЛАХОВ на вопросы суда: Моё мнение таково, что эта характеристика написана мною со слов других неверно в части снов Игнатенко во время работы. В остальном она соответствует действительности. Если разрешите, я её сейчас перепишу и через 10 мин. доставлю.

Пред[седательствующий] вернул св[идетелю] Малахову представленную им характеристику на подсуд[имого] Игнатенко.

Секретарь доложил, что в суд представлены кассовые документы тюрьмы г. Житомира за январь—март 1938 г.

В зал вызваны подс[удимый] Винокуров и св[идетель] Ротенберг.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: Я нашёл в представленных документах те, по которым деньги переводились в НКВД.

Я прошу удостовериться, что суммы тождественны с записанными в актах дела суммами.

Трибунал ознакамливается с представленными материалами.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: На 3688 руб. документ написан мной и Шемпером. Мы не знали, куда люди идут, и как на все этапы мы и здесь выписали деньги как на отправленный этап.

⁸⁵ Йдеться про автомобіль для перевезення в'язнів (рос.: заключённых — автозак).

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: На 6517 руб. подписали ордер я и Глузман. Эти деньги получил Тимошенко наличными без расписки, и в деле есть акт, из которого видно, что все деньги сданы полностью в Обл[астное] упр[авление] НКВД. Акт этот на л.д. 100.

Пред[седательствующий] оглашает акт на л.д. 100 т. 1.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Я тоже участвовал в выдаче денег, но тогда я ведь не знал, что эти деньги не давали на руки заключённому, кроме того, я не знал, куда идёт этап, и не было указаний, какому этапу выдавать деньги, а какому не выдавать. О неправильности я узнал потому, что арестованные расписывались в получении денег, а квитанции у них не забирали.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН поясняет: Ротенберг операцию по выдаче денег производил и знал, куда деньги идут.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: Все время я говорил о сумме в 25 тыс. Все, что было, я сразу сказал и говорил я и о сумме, выданной Ротенбергом и Шемпером, значит, он считал свою выдачу законной, почему же он считает незаконной выдачу следующего дня, когда я подписал документ? Я прошу суд учесть, что ни я, ни кто другой из бухгалтерии, не знал о слове «ВМН», куда люди идут, мы не знали и потому мы деньги выдавали как этапу.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Верно, ордера на 3 и на 6 тыс. руб. я подписывал. Это объясняет[ся] тем, что мы не знали, куда эти этапы идут, и выдавали деньги как обычно уходящему этапу.

Обратил я внимание на то, что заключённые расписывались в ведомости получения денег, а вместо денег им возвращали их квитанции.

Мною квитанции эти потом уничтожались, когда я выдавал деньги по ним и забирал их.

Подсуд[имый] ТИМОШЕНКО поясняет: Когда я приехал за деньгами, Глузман сначала поговорил о выдаче денег с Ротенбергом, а потом с Винокуровым.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: Со мной об этом не говорили.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА: Включали ли мы в отчёт расходования денег на вещ[евое] довольствие в полугодовом отчёте, не помню.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы подс[удимого] ГЛУЗМАНА: О всех операциях о вещдоках УМЗ знал, это уже Карпиловский здесь подтвердил.

Св[идетель] РОТЕНБЕРГ на вопросы подсуд[имого] ГЛУЗМАНА:

При инвентаризации недостачи бывали, часть из них списывали, а за часть делали начет на кладовщика. При обнаружении недостачи часов в кассе выяснилось, что часы дежурный не сдал, материал передали в 3-й отдел ОМЗ'а, а заключённому, кажется, оплатили стоимость.

По бухгалтерской части я знаю такой случай незаконной выдачи денег. Сказал Глузман выдать 6 тыс. для НКВД, но я отказался выдать наличными. Он велел кассиру их выдать, и тот выдал, а через пару дней Винокуров их забрал.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ на вопросы суда: Можно найти в тюрьме документ на выданные деньги и забранные мною обратно и видно будет, кто их выдал.

Совещаясь на месте, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ**: Затребовать их тюрьмы документ на 6 тыс. руб., передававшихся в УНКВД в оплату за вещи осуждённых.

После 30-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Секретарь доложил, что доставлена характеристика на подс[удимого] Игнатенко и документы из тюрьмы на 6 тыс. руб. Документы оглашены.

Свид[етель] РОТЕНБЕРГ на вопросы суда: На этих 3-х документах моей подписи нет.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Да, резолюция на выдачу 6 тыс. написана мной, но на имя финчасти, а не на имя Ротенберга.

Пред[седательствующий] объявляет, что в представленной папке с документами имеются подшитыми следующие документы:

1. Заявление Евтушенко о выдаче подотчёта с резолюцией Глузмана,
2. Ордер на выдачу денег без подписи Ротенберга, подписанный одним кассиром,
3. Приходный ордер на те же деньги.

Подсуд[имый] ГЛУЗМАН на вопросы суда: Я писал резолюцию о выдаче денег, но что деньги выдадут по ордеру без подписи бухгалтера, я не знал.

Подсуд[имый] ВИНОКУРОВ поясняет: На расходном ордере, как видите, моя резолюция об аннулировании ордера. Когда я приехал из Киева и узнал, что накануне произвели такую выдачу наличными под видом подотчёта, я сразу же аннулировал ордер и сказал бухгалтеру: «Где хочешь достать, а деньги сдай», т.к. выдача наличными незаконна, а потом я сам пошёл в УНКВД, забрал деньги и обратно перевёл их через банк. Розового цвета документ — это приходный ордер, по которому были оприходованы обратно забранные мною деньги.

В дополнение к суд[ебному] следствию подсудимый ничего больше не имеет.

ВТ выносит ОПРЕДЕЛЕНИЕ: Обсудив ходатайства подсудимых, заявленные в дополнение к суд[ебному] следствию, и имея в виду, что все обстоятельства по делу исследованы с достаточной полнотой, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ**: Ходатайства подсудимых отклонить. Суд[ебное] следствие по делу считать законченным. Представленные тюрьмой 2 папки с документами вернуть тюрьме г. Житомира.

Свидетели удалены из залы суда.

Пред[седательствующий] представляет последнее слово подсудимым.

Пред[седательствующий] объявляет подс[удимому] ВИНОКУРОВУ, что он будет присутствовать при последнем слове подс[удимого] ГЛУЗМАНА, когда он коснётся части обвинения, относящейся к нему, Винокурову.

После чего подс[удимый] Винокуров удалён из залы суда.

Последнее слово подс[удимого] ГРИШИНА-ШЕНКМАНА:

Мне 36 лет, из них я 18 лет работаю в НКВД. Всюду я служил честно и врагом я стал только при моих допросах 23 июня [1938 г.] только на бумаге.

Меня обвиняют в том, что я с вражеской целью коллекционировал врагов и неправильно направлял по ним репрессию для их защиты. По материалам, которые прошли перед судом, я убедился, что обвинение моё подготовлено не только Успенским, но и здесь в Житомире. Я дал показания, которые являются гнусной клеветой, и я убеждён, что оклеветанных мною людей тоже арестовали.

Я работал в Одессе, вероятно, поэтому и принуждали меня говорить о румынском шпионаже. Я прошу учесть, что здесь я не один, а по моим показаниям сидят ещё люди, о шпионаже которых я не знаю и показал только под принуждением.

В к-р организацию меня вербовал якобы Леплевский, это был 1-й вариант. Когда же узнали, что я у Леплевского был всего 2–3 мин., переключились на другой вариант. Это объясняется и тем, что к этому времени на меня были добыты первые показания.

Меня водили к Успенскому, требовали показаний по ст. 54/9, но я их не дал, т.к. понимал, что я погибну, и пытаются просто через меня погубить и других непригодных Успенскому людей, которые честно работали.

По моему делу видно, что я 2 месяца показаний не давал.

Когда я целый месяц не давал показаний, Успенский издал приказ о том, что я развалил работу в Облуправлении Житомира, правда, этого приказа сейчас в деле нет.

Я оказался членом к-р организации с 1932 г., в которой состоял[и] Балицкий, Кацнельсон, Карлсон. Понятно будет каждому, как это могло быть, если все они на Украине в то время не были, а я был или оперуполномоченным, или начальником отделения на периферии.

С явной насмешкой над следователем написал я о своей к-р деятельности, указав, что умышленно давал указания критически относиться к материалам. А следователи даже не заметили этого. Ведь партия постоянно требует критического отношения к работе. Мы ведь имели дело с живыми людьми.

Когда я в дальнейшем об этом заявил, этот вариант оставили, но добавили то, что я давал и другие вредительские установки.

Теперь о фактах. Я утверждаю, что таких фактов и в природе не было, мог ли я не репрессировать тысячи чел. одной организации, тем более, что по этой организации арестовали 25 чел. всего.

Если б я хоть одного не арестовал, и тогда меня вскрыли бы как врага давным-давно.

Я просил документировать все эпизоды предъявленного мне обвинения по Днепропетровску, по Запорожью и Одессе. Допросили одного Орловского, и то он сейчас арестован.

Меня волнует только то, что я оклеветал двух человек, а потом и 3-го.

О Смелянском я знал только, что его жена — полячка, больше я ничего не знал, и когда нас свели на очную ставку, я это сразу сказал.

Обратите внимание на то, я — якобы член к-р организации с 1932 г., а меня избобличают только за период 1938 г. Я знаю, вербовавший меня Гришин сидит в тюрьме НКВД СССР⁸⁶. Это я знаю со слов заключённого, переведённого оттуда. Можно было бы спросить его, как он меня вербовал.

Я прошу учесть, что есть такой оберпровокатор, если он даёт показания без принуждения, что 50% заключённых в Киевской тюрьме сотрудников [НКВД] оговорены им — это Северин, который работал начальником [отдела] кадров [НКВД УССР]. Этого Северина я не знал, лишь один раз я с ним говорил, когда меня вызвали в Киев в связи с переводом, а он даёт показания, будто я проводил вражескую деятельность.

Справку из дела, подписанную Лукьяновым, обо мне писал я, а её сюда привезли, тут выправили, а потом произвели допрос по ней.

Меня обвиняют в непринятии мер по борьбе с польшпионами. В этом моя вина только перед Успенским, т.к. я не разрешил добиваться показаний боярами и обманывать партию.

Меня обвиняют в операции по жёнам. Я утверждаю, что эта операция произведена по личному приказанию Ежова. Ни я, ни Якушев эту операцию не организовывали. Сейчас я понимаю, что это было вредительством, но учтите, что ни на одного из этих арестованных материалы не подтасовывались и их освободили.

Меня обвиняют в попытке освободить троцкиста Ткачука. Если бы я хотел его освободить, то я имел право освобождать и освободил бы его сразу. Я людей освобождал, это — мнимых шпионов и троцкистов, в которых я не сомневался, что они сидят даром. Освободил и девушку — секретаря Обкома КСМ, которая 6 мес[яцев] сидела в Киеве, и там её не решались освободить. Я понимал свою ответственность и освободил её. Когда меня арестовали, я боялся одного, чтобы не арестовали тех же людей и не сделали бы их врагами, а освободил я десятки людей. Если бы их осудили, я ничем не мог бы доказать, что я не враг.

Хочу привести пример о Ткачуке. Его показания были сомнительными, и я его не освобождал, а послал Стукановского для проверки. Он привёз смехотворный акт, который вчера был здесь оглашён, и я велел акт выбросить и проверить вторично дело по всем деталям.

Теперь пункт об аресте нач[альника] Коростышевской милиции. Здесь меня обвиняют в том, что я не хотел дать санкцию на его арест. При оглашении дела Ткачука видно, что и он, и нач[альник] Коростышевской милиции знали материалы о Малуке. Теперь только мне стало понятно, что их обоих решили убрать и убрали. Так как по показаниям Леснова и др. нач[альника] Коростышевского РОМ тоже арестовали.

Я был председателем тройки и ездил для рассмотрения дел в Бердичев. Вот такую поездку и использовали, чтобы сделать меня вербовщиком агентов, и я якобы в 1937 г. завербовал Мартынюка. Это в то время, когда

⁸⁶ Йдеться про Г. Гришина-Клювганта, який знаходився під слідством у НКВС СРСР і був засуджений Військовим трибуналом військ НКВС Московського округу 1 червня 1939 р. до ВМП.

я в тот период здесь ещё не работал. Мало того, уже Мартынюк успел завербовать Дейча, а все у нас знают, что Мартынюк и Дейч — злейшие личные враги. Дейч писал о Мартынюке анонимки, к сожалению, здесь Мартынюка расстреляли и перед расстрелом выбили на меня показания. Здесь, в гараже, у него и взяли эти показания. Судя по справке, он расстрелян 19 сентября [1938 г.], а показания его тоже датированы сентябрём. Поэтому я считаю свой вывод правильным.

Очной ставки, несмотря на мои просьбы, мне с Мартынюком не дали.

Волошин, Назаренко меня предупредили, что будет прокурор, и это явится для меня испытанием. Я к прокурору пошёл, ничего я сказать не мог, а когда он спросил, или я свои показания подтверждаю, я ему ответил: «Да».

После этого я Волошину сказал, что мне стыдно было за наши органы, но суду я всё скажу.

Устраивали очные ставки двум членам организации и на очной ставке знакомили их, т.к. они раньше не успели встретиться. Так было у меня со Смелянским, а на самом-то деле он при мне приезжал, а потом работал в Житомире вместе со мной.

Меня обвиняют в антисоветских отношениях к операциям комендатуры. Как я это оцениваю. Независимо от того, видел я или не видел, что тянули вещи, потому что санкционировал (это хотя никто не сказал) или потому что вещи в тюрьму свозили; знал я всё это или не знал, в этих безобразиях я виновен. Но учтите, что я знал и знаю, что работали там большевики. Все сидящие здесь со мною были неплохими большевиками, понимали, какую ответственную работу они выполняют в комендатуре.

Я стал замечать, что у Тимошенко появляются признаки плохие, я его вызвал. Я ему говорил, что после операции не нужно пить. Между прочим, ни Тимошенко, ни Игнатенко не были пьяницами, а вот Люльков, Манько любили здорово выпить. Узнал же я об их выпивках после операций случайно, когда увидел Люлькова, вынесшего из своей комнаты 2 бутылки из-под водки.

Я прошу суд учесть следующее: я не знал, не мог знать, и мне никто не говорил, что кто-то рвёт зубы из трупов. Я сам стрелял врагов и не содрогался при этом, но никому такой мерзкой работы, как вырывание зубов, я не мог поручить. Я глубоко убеждён, что зубы вырывались много позже, и Игнатенко многое не договорил.

В части палок нужно прямо сказать. Если существовала система безрассудных ударов палками, виноваты в этом я и Якушев. Но такой системы не было при мне. Удары были, и я бил, но не безрассудно. Так просто мне незачем было бить. 10–20 раз нанесли удары или 50 раз нанесли удары, — всё дело в системе.

Привезти сразу 100 чел. на расстрел и всех расстрелять — это очень тяжёлое дело, и поэтому я обращал внимание, главным образом, на то, чтобы не расконспирировать операцию, т.к. это могло бы принести огромный политический вред партии.

Старуху Бронштейн я и пальцем не тронул. Инвалида я и в глаза не видел.

Теперь о барахле. Должен я честно сказать. По-моему, стали его тащить после того, как увидели, что вещи продаются в тюрьму, но не по другой причине. Эта сделка с продажей вещей мерзка. Что нас толкнуло на это? Толкнуло то, что денег нам не давали ни гроша, область только организована, ни квартир, ни столовой, ни гаража, иного выхода и не было. Зимой люди спали, не раздеваясь. Леплевский денег не давал. Даже на партучет никто не брался и смотрел на семафор — как бы уехать отсюда. Это и толкнуло нас на преступление с обмундированием. На комбинацию взяли санкцию наркома, но провели её мерзко. Нужно было собрать людей, объяснить им, для чего это делается, но этого сделано не было ни мною, ни Якушевым, и поэтому я понимаю, что за это я должен отвечать. Вот то, что я считал необходимым сказать суду.

В 17 час. 15 м. объявлен перерыв до 19 ч. 30 м.

В 19 ч. 30 м. судзаседание продолжается.

Последнее слово подс[удимого] ТИМОШЕНКО:

Я с 1934 г. ничего не сделал плохого. За время работы в НКВД, с 1934 г., ничего плохого за мной не было замечено.

С 1937 г. у нас создалась такая ситуация. Если бы кто-либо из начальства сказал, что это — преступление, я этого не сделал бы.

Я выполнял работу добросовестно и за это я был награждён орденом.

Все ночи я провёл в маленькой темной комнате, я стрелял врагов правой и левой рукой. Я боялся дома спать, чтобы не проговориться во сне перед женой. По 2 часа я спал здесь, а потом продолжал опять ту же работу.

Если я виноват, накажите меня, но дайте мне возможность восстановить своё здоровье, которое я утратил в борьбе с врагами, и я буду защищать советские границы.

Я хочу ещё жить, работать и дать советской власти пользу.

Последнее слово подс[удимого] ИГНАТЕНКО:

Я ушёл в армию в 1928 г. Приехал на границу и знал, что защищаю свою границу. Я не жалел своих сил. Я задержал банду из 6 чел., вернее, при прорыве я их всех перебил. Я считался лучшим пограничником.

Когда я прибыл в Житомир, я и здесь почти ежедневно ездил на ликвидацию банд. Я знал, что борюсь с врагами народа, и не жалел своей жизни. С 1931 г. я работал на выполнении спецзаданий. Самую черновую работу я выполнял. Сам я должен был даже стирать себе, т.к. я бывал весь в крови и боялся кому-либо дать постирать своё белье.

В 1933 г. я был в отпуску и за это время работал в колхозе. За хорошую работу я имел грамоту, обо мне писали в газете.

Все выходные дни я ездил в подшефный колхоз и помогал работать.

Когда началась массовая операция, я всё время работал на исполнении приговоров. Я не могу говорить цифры, но я сам перестрелял тысячи людей. Это стало отражаться на здоровье. Дошло до того, что два раза я пытался стрелять в себя. Ходишь по улице и вдруг начинаешь бежать,

кажется, за тобою гонятся расстрелянные. Придёшь на работу, а работать не можешь, пойдёшь, убьёшь птичку или кошку, и потом работаешь.

Когда мне Шатов первый раз предложил 200 руб. за выполнение этой работы, я не хотел брать, и долго он мне внушал, что я имею право взять деньги.

Когда приходил прокурор, и я выполнял задание, всё было хорошо, а потом начались безобразия. Начали пьянствовать, барахло таскать. Если скажешь что-либо, отвечают: «А тебе что».

При массовых операциях я около полутора лет спал здесь, не раздеваясь. Поспишь пару часов и опять сразу за эту работу берёшься.

Когда был побег 11 чел., я ведь главаря поймал, когда все боялись к нему подходить, я его вытащил из соломы.

Когда ловили вооружённого бандита, нас было 8 чел., и все боялись идти, а я на него навалился один.

Когда к нам приехал Вяткин, он под угрозой заставлял делать такие вещи. Когда Скрыпник умер, и я об этом доложил Вяткину, он просто обругал меня и заставил составить акт, иначе грозил, что меня на тройку направит и самого расстреляет.

Если б я знал, что он это делает против власти, а я ведь этого не знал. Разве мне хотелось копать яму, чтобы в неё Скрыпника закапывать.

Раньше у нас было 2 спец[иальных] человека для копки ям под трупы, а потом мы сами их копали, и больше всех мне пришлось работать. Если другие, более здоровые, чем я, брали один труп вдвоём, то я сам брал труп и нёс его.

Я просил помощи у н[ачальни]ка [отдела] кадров, у начфина, и никто не помог. Я за тюрьму абсолютно не должен отвечать, т.к. мне туда даже не разрешали заходить, а заниматься спецработой. Мало того, за счёт счетовода тюрьмы взяли секретаря Вяткину.

Говорят, что у меня богатая обстановка, потому что я барахолил. Но у меня был только патефон, а всё остальное — Оперода⁸⁷, т.к. у меня устроили конспиративную квартиру.

Говорят, что не хватает 4 тыс. руб., но я даже нитки не взял. Если не хватает денег, то только потому, что я был в таком состоянии, что ничего не соображал.

У меня даже хатки не было, а теперь дают справку, что я — середняк. Отец мой — старик, работает сторожем, а мать больна.

Я отдавал самое лучшее, ни с чем не считаясь. Сейчас здоровье моё пошатнулось, мне говорят, что я по ночам встаю, разговариваю.

Меня арестовали раньше всех. Когда я сказал на Островского, что он рвал зубы, мне следователь не поверил, а все знают, что он стоял, искал деньги по шапкам, а я в это время сам носил трупы.

Меня обвиняют в инсценировке расстрела с Глуzmanом. Я этого не делал, и в мыслях у меня этого не было. Может быть, Глуzman и подумал так, но я его только к машине повёл.

⁸⁷ Оперод — рос.: оперативный отдел (УНКВД) — оперативний відділ (УНКВС).

В отношении зубов есть сомнение, что зубы у меня нашли и в большом количестве. Но я зубы ни разу не рвал. Если б я их рвал, то не оставлял бы дома, т.к. у меня принимали агентов, и их всегда могли найти.

У меня нашли трое часов, но двое из них разбиты были мною здесь же, на работе, а третьи — последние, которые я купил.

Когда мне сказали, что заключённым передали деньги, я пошёл к Вяткину и сказал ему, что я буду отвечать, дайте счетовода, а он меня выгнал.

Сажать меня в тюрьму — это всё равно, что дать мне погибнуть. Если я увижу заключённых, со мною начинаются припадки. Со мною всё хуже и хуже. Есть и с моей стороны кое-что, но я не знал, что этого делать нельзя, так мною руководили.

Я прошу суд учесть, что я ещё принесу пользу партии и любимому вождю.

Последнее слово подсуд[имого] ГИРИЧА:

13.7.[1939 г.] мне исполняется 28 лет. За всю свою недолгую жизнь ничего плохого я не сделал. Меня воспитывали в духе классовой борьбы за партию и советскую власть.

Я был на выполнении правит[ельственного] задания в Монголии и ничего предосудительного не сделал.

Я стал преступником только из-за плохого руководства, но не из-за шкурных интересов. При хорошем руководстве ни я, ни Тимошенко, Игнатенко и остальные не совершили бы преступления.

Я утверждаю, что Артемьев хотел меня провести на тройку, и потому мне предъявили обвинение и в том, чего я не делал. Артемьев был заинтересован в этом потому, что, когда задержанный шпион хотел первый раз спрыгнуть в воду, и я сказал это, Артемьев мне велел идти сзади.

Потом этот шпион прыгнул, я за ним спрыгнул в воду и вытащил его. Когда же я его вытащил, то Артемьев и Ремов стали его избивать в присутствии народа.

Я знал, что Артемьев из пограничных сел забирает мануфактуру для узкого круга.

Я знал, что, когда арестовали одного человека, его мотоцикл забрали в гараж и поломали.

Обо всем этом я говорил Артемьеву, что так делать нельзя, вот поэтому он и хотел от меня отделаться.

Эйсмонт⁸⁸ говорит, что я продал пояс, но это мой личный пояс, полученный ещё в Монголии.

Я не мог брать себе вещи, т.к. я никого в бригаде не знал, а то, что мне дали, то я и получил.

Я утверждаю, что все показания обо мне даны под диктовку Артемьева. Он дал справку, что у меня ценная мебель, а у меня, кроме жены и двух детей, ничего не было.

Меня обвиняют в продаже вещей в Проскурове, а я продал свою пару сапог Кочану, которого все знают в Новоград-Волынке.

⁸⁸ У документі помилково — Эйсмант.

Артемьев выдумал, что я себе построил дом в Проскурове, а я всего был там 3 раза, когда возил туда нач[альни]ка Особого отдела.

Я утверждаю, что не знал и не считал разглашением тайны сказать сотруднику о том, в какой операции я был, если этот сотрудник сам получал решения тройки с отметкой об исполнении. Я не назвал ни членов бригады, ни хода операции, ничего, тем более, что никто меня не предупредил о том, что даже сотрудникам нельзя так говорить. Это я прошу учесть.

У меня есть или был, как я слышал, арестованный родственник. Породился я, когда женился — через жену. Перед женитьбой я обращался к нач[альни]ку органа, он мне сказал, что ничего за их семьёй нет, и тогда только я женился.

Кроме того, с 1937 г. он в Новограде уже не был, и я его не видел и переписки с ним не вёл.

Моя вина в том, что я взял сапоги и полушубок, но я не считал это преступлением, т.к. вся бригада брала вещи.

Я прошу учесть, что всю свою жизнь я честно прожил. Своих детей я за два года не видел и 2 мес[яца]. Ни одной выходной ночи я не имел, так я работал.

Я прошу дать возможность и в дальнейшем приносить пользу советской власти.

Последнее слово подс[удимого] ЛЕВЧЕНКО:

Я в этом деле абсолютно не виновен. Меня просто обманули, и потому только я акт подписал. Цели у меня никакой не было, а приказали, я и подписал.

Я везде честно служил. То, что я взял, я сразу честно признал, но все брали, и я взял, так было заведено.

Последнее слово подс[удимого] КОНДРАЦКОГО:

До 1937 г. я никаких пятен не имел. Работая в органах, я, кроме уважения и почёта, ничего не имел.

В 1937 г., с декабря, я получил большое пятно, которое, надеюсь, сойдёт, и я свой грех смою.

Я говорю откровенно, что с личного разрешения Якушева мы одежду надевали на себя, но и моя вина в этом была. Я тоже снимал своё барахло и одевал чужое. Но все одевали не своё.

Я не считал это хищением, т.к. это делалось на виду у всех. Сейчас я понимаю, что это было преступление, а тогда нам давали ценную вещь — пальто, и это называлось поощрением.

Корысти я никакой не имел. Взятое мною, я сдал. За это я уже получил 15 суток ареста.

Буду ли я на свободе, буду ли под стражей, я докажу, что вещи ни я, ни жена, не продавали.

Избиений я никогда не допускал. Я не дегенерат. Глузман оговаривает не только меня, что я якобы хотел сдать труп, а всех сидящих здесь. По его словам, он лишь один честный человек.

Я хочу сказать ещё о врачах. За Сосновым давно была кличка «Хирург», потому что, когда забивалась сточная труба, то он ложился на

пол, в кровь, и руками вытаскивал из трубы куски черепа. Чтоб он женщин трогал, я ни разу не видел.

Моя вина есть в том, что я взял пальто и сапоги, но я виню в этом и руководство.

Что я заработал на этой работе. Я выбил себе ногу при сопровождении трупов машиной, и теперь у меня след на всю жизнь.

С 1937 г. я уже исправился. Это видно по данным мне характеристикам.

Если меня оставят на свободе, я обещаю суду и советскому народу, что своё пятно я смою в работе по борьбе с контр-революцией.

Последнее слово подсудимого] СОСНОВА:

Я всё время работал кучером, неграмотен, и всё время я честно работал. Четыре месяца меня из отдела не выпускали совершенно, настолько я был загружен работой по операции.

Благодаря тому, что меня вызвали в Трибунал по делу милиционера, где я сказал правду, мне Лебедев угрожал расстрелом. Я доложил об этом Тимошенко, а он сказал: «Ты должен был правду сказать», и пошёл к Лебедеву, чтобы меня не тронули.

Из-за этих зубов я не виноват, мне велели, и я их вырвал.

Я всё время работал здесь, никогда я не спал. Я не имел что кушать, и мне дали 2 пары сапог и шинель, потому что все свои вещи я здесь испортил.

У меня трое детей, мать и жена на иждивении, и теперь я должен за других отвечать.

Пока был Шатов, все честно работали, а приехали враги народа и продали нас.

Я хорошо и честно всё время работаю. Сейчас я оборудовал кухню в тюрьме.

Я прошу Военный трибунал всё это учесть.

После 30-мин[утного] перерыва суд[ебное] заседание продолжается.

Посл[еднее] слово подсуд[имого] ГЛУЗМАНА:

Я очень и тяжело болен. На 22-м году расцвета нашей страны отчитываться за деятельность, которая мне инкриминирована, очень тяжело и, вместе с тем, я счастлив, что меня не растерзала Вяткинская банда, и я могу оправдываться перед Трибуналом.

Я пережил 3 погрома, я вместе с семьёй пережил истязания врагов и после этого пошёл добровольно служить в РККА, участвовал в боях, был ранен в голову. И затем по молодости я был демобилизован.

После службы в РККА я служил в НКВД, затем до 1927 г. — в милиции. С 1927 г. я 4 года работал слесарем на заводе им. А. Марти в Николаеве, там же я ночами учился и закончил рабфак. Там же, на заводе, я вступил в партию. С завода меня выдвинули завед[ующим] швейной фабрикой, оттуда по настоянию органов НКВД я был переведён на работу в тюрьму.

За всё время моей работы я не имел взысканий, только поощрения. Я был награждён оружием.

В Житомирскую тюрьму я был переведён из Умани. Я боялся идти на эту работу, отказывался от неё, но мне обещали помощь, а на самом деле никакой помощи мне здесь не оказали.

Здесь Лукьянов пытался отрицать своё отношение к арестам невиновных лиц.

Вяткин здесь ввёл гонение к евреям. Лукьянов это прекрасно знал, однако впервые он это сказал здесь на суде.

Вяткин неоднократно меня выгонял из кабинета. Два месяца я ждал ареста, но продолжал честно работать, зная, что Сталинская правда будет жить.

15 июля [1938 г.] меня вызвали в парт. комитет, назвали меня врагом, арестовали и посадили в камеру.

Через 2 дня меня начали пытать. От меня требовали показаний, что я — повстанец, что при восстании я должен был освободить всех заключённых. Через 2 дня увидели, что этого не может быть, и стали превращать меня в троцкиста.

Под пыткой я согласился подписать то, что от меня требовали.

6 месяцев я ночами не спал, с минуты на минуту ждал расправы.

В дальнейшем я узнал, что Вяткин избивал до полусмерти б[ывшего] секретаря горкома ВКП(б), чтоб он назвал меня членом к-р организации. Избивал меня, чтоб я сказал, будто я был завербован н[ачальни]ком УМЗ Новаковским, н[ачальни]ком милиции Еременко.

Я мог быть арестован только по санкции прокурора войск НКВД, но меня арестовали без этой санкции.

Здесь была такая обстановка, что парторганизация была в стороне, что секретарь парткома Голубев спрашивал у Вяткина разрешение на созыв парт. бюро.

Вяткин пытался расстреливать людей в тюрьме, пытался возле тюрьмы хоронить расстрелянных, и я это предотвратил. За это я и был арестован.

Здесь от меня требовали вербовки Мордушенко только потому, что он не подписывал им акты о смерти людей, которые были здесь убиты.

В Житомирской тюрьме что тогда творилось. Я один раз специально вызвал Вяткина, Лукьянова, привёз их, и за квартал от тюрьмы они услышали стоны. После этого Вяткин сказал: «Потише бить», значит, бить, но чтобы слышно не было.

Сейчас уже год, как мой сын 14[—ти] лет где-то на чужбине.

11 декабря 1938 г я впервые увидел прокурора. Я не знал, что Успенский — бандит, что Ежов снят, но я всё рассказал Рогинцу, зная, что каждую минуту из-за рассказанного мною может открыться дверь и войти Вяткин, а о том, что его сняли, мне не было известно.

Лукьянов здесь не сказал, что он меня ночью вызвал, стал говорить, будто я в камере ругал Ежова. После этого вызова меня не могли уже взять на допрос на следующий день, так я был избит.

В результате этих избиений я и назвал себя троцкистом, одним из тех, кого я ненавидел, ненавижу и буду ненавидеть.

В залу суда введён подс[удимый] Винокуров.

28 июня [1938 г.] я ещё писал в своих показаниях, касающихся [ст.] 54–7, то, в чем сейчас меня обвиняют.

1. Продажа на рынке вещей, взятых из тюрьмы. Я утверждаю, что жил исключительно на свои средства и ни одной копейки государственной я не взял. Один только раз Терзман продавал мои личные вещи — плащ, валенки.

2. Обезличил вещи заключённых вместе с Винокуровым. Я утверждаю, что я этого не делал, никакого распоряжения я Шемперу не давал, а тогда он был начальником тюрьмы, и если бы я отдал такое приказание, он ведь мог сразу доложить об этом руководству.

3. Составление фиктивных актов. Я ни одного акта не писал и не подписывал, а я по распоряжению Якушева не разрешил в историях болезни применять слово «побои», чтобы персонал этого не знал.

4. В чем моя вина, она в том, что я пошёл по линии наименьшего сопротивления и при вызове меня Вяткиным по его предложению купил одежду. Но в Киев я сразу об этом сообщил, это здесь подтвердил Карпиловский.

5. Система с деньгами за вещи — конечно, злоупотребление, но здесь свидетели подтвердили, что деньги все сданы. Нужно учесть, что мы никаких указаний не имели, а Наркомат сам требовал такие деньги. Если я хотел злоупотреблять, то я мог бы взять что угодно, но я этого не хотел делать. Кроме того, Винокуров был квалифицированным бухгалтером и очень честным и не дал бы мне сделать это.

6. Меня уличили сегодня в обмане с резолюцией на 6000 руб., но там написано не кассиру, а финчасти, и когда Винокуров приехал, он это сразу исправил.

Я не виновен, я прошу учесть, что у меня на иждивении 2 детей, старуха мать парализованная, старик отец.

Я прошу учесть, что для меня Вяткинский год больше, чем 10 лет наказания. Я стал седым, потерял здоровье, а мне всего 36 лет.

В совершённом мною никакой корысти нет.

Я прошу учесть, что я ещё молод, могу и хочу работать и буду честно работать. И если партия предложит мне положить голову за нашу страну, я, не колеблясь, это сделаю. Я прошу применить ко мне амнистию за февраль 1938 г. Я прошу меня освободить.

Последнее слово подсудимого ВИНОКУРОВА:

Я всё время честно работал. В 1938 г. я вынужден был уйти из ИТК, т.к. меня провоцировал начальник ИТК. Поэтому меня УМЗ и перевёл в тюрьму.

Здесь меня заставили выполнить незаконную операцию. Я сопротивлялся, но получил письменное распоряжение от Глузмана, которое нужно выполнить.

Я считаю, что избран был неверный путь тем, что списки составили. Я был в условиях пешки в смысле прав бухгалтера.

После первой операции — попытка со второй операцией, я приехал из Киева и обнаруживаю незаконную выдачу денег за вещи, аннулировал ордер и предложил деньги внести, а потом сам пошёл и забрал деньги.

Две недели было затишье, а потом я получаю письменное приказание уплатить за вещи, я тогда не выдал их, а перевёл через банк.

Когда я первый раз отправил деньги на ушедший этап, я сказал Глузману, что если не буду знать о правильном поступлении денег в УНКВД, я ни гроша больше не дам.

Я старался создать контроль над учётом вещей заключённых, и созданная тройная система ордеров это обеспечивала, но мог ли я знать, что принимают этап и сваливают вещи в кучу. Я этого не знал.

Все мои показания тождественны. Я ничего не скрывал и не срываю. Одно заведение дела уже на меня повлияло, и 3 месяца я был парализован. Мозг мой окончательно высох. Я собрался со всеми силами и пришёл сюда.

Я надеюсь, что суд учтёт, что я это сделал не из-за корыстных целей.

Я надеюсь, что суд советский объективно разберёт моё дело, т.к. вижу, что мне дана была возможность оправдаться.

Я прошу учесть, что в моем положении и другой не смог бы сделать иначе.

В 23 ч. 40 мин. Трибунал остаётся на совещание.

В 6 ч. 30 м. 4 июля 1939 г. оглашается приговор.

Пред[седательству]ющий разъясняет осуждённым сущность приговора, срок и порядок его обжалования, после чего оглашается ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

Обсудив вопрос о мере пресечения для осуждённых по настоящему делу, **ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:** Мерой пресечения до вступления приговора в законную силу избрать:

Для осуждённых **ГРИШИНА-ШЕНКМАНА, ТИМОШЕНКО, ИГНАТЕНКО и ЛЕВЧЕНКО** — содержание под стражей в тюрьме г. Житомира; для осуждённых **КОНДРАЦКОГО, ГЛУЗМАНА, ГИРИЧА и СОСНОВА** — подписку о невыезде из места постоянного жительства.

В отношении **ВИНОКУРОВА** ранее избранную меру пресечения — подписку о невыезде из места жительства — отменить.

Суд[ебное] заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист 1 ранга

Васютинский

Секретарь
военный юрист

Давидзон

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 71–157 зв. Оригинал.
Машинопис.

№ 15

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Г. Й. Гришина-Шенкмана, Г. А. Тимошенка, Ф. Г. Ігнатенка, М. З. Глузмана, Л. У. Кондрацького, М. М. Соснова, В. І. Гирича, Д. В. Левченка і Ш. В. Винокурова

27 червня — 4 липня 1939 р.

Дело № [40] — 193[9] г.

С[ОБЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

ПРИГОВОР № 27 ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1939 г., 27/VI — 4/VII, выездная сессия Военного трибунала войск НКВД Киевского окр[уга] в помещении УНКВД, в г. Житомире, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военного юриста I ранга ВАСЮТИНСКОГО
членов: ст[аршего] политрука КОСМАЧЕВА и т. ПИЛИПЕНКО
при секретаре — военюристе ДАВИДЗОНЕ
без участия сторон,
рассмотрев дело № 0040—1939 г. по обвинению:

1. быв[шего] зам[естителя] нач[альника] 3[-го] отд[ела] НКВД УССР капитана госбезопасности ГРИШИНА-ШЕНКМАНА Григория Иосифовича, 1903 г. рождения, уроженца г. Днепропетровска, происходящего из семьи кустика, по соц[иальному] положению служащего, члена ВКП(б) с 1937 г., исключённого в связи с делом, еврей, образование среднее, женатого, в РККА не служившего, в органах НКВД с 1920 г., несудимого — по ст. ст. 54—1 п. «б» и 54—11 УК УССР,

2. быв[шего] коменданта Житомирского УНКВД ТИМОШЕНКО Григория Антоновича, 1905 г. рождения, уроженца с. Коржевая Уманского р-на Киевской обл., из крестьян, служащего, кандидата в члены ВКП(б) с 1931 г. (исключённого в связи с данным делом), украинца, грамотного, женатого, служившего в РККА с 1928 по 1930 г., в органах НКВД с 1930 г., несудимого — по ст. 206—17 п. «б» УК УССР,

3. быв[шего] нач[альника] внутренней тюрьмы Житомирского УНКВД ИГНАТЕНКО Феликса Гавриловича, 1906 г. рождения, уроженца м. Орынин Каменец-Подольской области, из крестьян-бедняков, по соц[иальному] положению служащего, быв[шего] кандидата в члены ВКП(б) с 1931 г. (исключённого в связи с настоящим делом), украинца, холостого, грамотного, в РККА служившего с 1928 по 1931 г., в органах НКВД с 1931 г., несудимого — по ст. ст. 206—17 п. «б», 104 ч. II и 108 ч. I УК УССР,

4. быв[шего] нач[альника] ОМЗ Житомирского УНКВД ГЛУЗМАНА Михаила Захаровича⁸⁹, 1903 г. рождения, уроженца с. Сальково

⁸⁹ У документі — Захаревича.

Хашеватского⁹⁰ р-на Одесской обл., по соц[иальному] происхождению из рабочих, служащего, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1930 г. (исключённого в связи с делом), по национальности еврея, женатого, служившего в РККА с 1919 по 1922 г., в органах ГПУ и РКМ с 1922 по 1926 г., в органах НКВД с 1932 г., не судимого — по ст. 206–17 п. «а» УК,

5. оперуполномоченного ОО в/с 4817 сержанта госбезопасности КОНДРАЦКОГО Леонида Устиновича, 1909 г. рождения, уроженца с. Ромодан того же р-на Полтавской обл., из рабочих, рабочего, украинца, женатого, члена ВКП(б) с 1931 г. по настоящее время, грамотного, в РККА служившего с 1931 по 1933 г., в органах НКВД с 1933 г., не судимого — по ст. 206–17 п. «а» УК,

6. надзирателя Житомирской тюрьмы СОСНОВА Менаша Мошковича, 1905 г. рождения, уроженца г. Житомира, происходящего из рабочих, рабочего, беспартийного, еврея, неграмотного, женатого, имеющего 3-х детей, не судимого — по ст. 206–17 п. «а» УК,

7. б[ывшего] шофёра ОО НКВД 12[-й] мех[анизированной] бригады ГИРИЧА Владимира Ивановича, 1911 г. рождения, уроженца м. Яготин того же р-на Полтавской обл., происходящего из рабочих, рабочего, б[ывшего] члена ВЛКСМ с 1926 г. (искл[ючён] в связи с делом), в РККА служившего с 1933 по 1935 г., грамотного, женатого, не судимого — по ст. 206–17 п. «а» УК УССР,

8. б[ывшего] ст[аршего] по корпусу внутренней тюрьмы Житомирского УНКВД ЛЕВЧЕНКО Даниила Власовича, 1911 г. рождения, уроженца с. Пигановка Троицкого р-на Донецкой обл., происходящего из крестьян-бедняков, служащего, беспартийного, украинца, грамотного, в РККА служившего с 1933 по 1935 г., не судимого — по ст. ст. 206–17 п. «а» и 104 ч. I УК УССР,

9. нач[альника] финчасти ОМЗ'а г. Житомира ВИНОКУРОВА Шимона Вениаминовича, 1890 г. рождения, уроженца г. Звенигородки Киевской обл., происходящего из служащих, служащего, беспарт[ийного], еврея, грамотного, женатого, в РККА не служившего, не судимого — по ст. 206–17 п. «а» УК УССР,

Установил:

В Житомирском Облуправлении НКВД в период деятельности и руководства б[ывшего] нач[альника] Упр[авления] НКВД Якушева и его заместителя Гришина-Шенкмана, а затем б[ывшего] нач[альника] УНКВД Вяткина и его заместителя Лукьянова в 1937–1938 гг. имели место систематические злоупотребления, сопряжённые с превышением власти при выполнении возложенных на Облуправл[ение] НКВД задач по борьбе с контр-революц. элементами.

Так, например, лично руководя выполнением специальных операций по комендатуре УНКВД, Гришин с конца 1937 г. допустил практику избиений осуждённых и издевательство над ними со стороны оперативного состава в лице привлечённых по настоящему делу Тимошенко, Игнатенко и др.

⁹⁰ У документі помилково — Хочеватского.

В результате допущенной руководством Обл[астного] УНКВД системы злоупотреблений, одежда осуждённых к высшей мере наказания продавалась Житомирской тюрьме. При участии б[ывшего] нач[альника] Житомирской тюрьмы Глузмана деньги за доставленные комендатурой в тюрьму вещи заключённых выдавались по требованию руководства УНКВД на руки коменданту Тимошенко для передачи в АХУ УНКВД.

Точно так же Глузман по требованию Вяткина выдавал из тюрьмы самим заключённым, направленным в УНКВД, и коменданту Тимошенко деньги, принадлежавшие осуждённым к ВМН, вместо сдачи их в доход государства.

В самой тюрьме в бытность Глузмана нач[альником] ОМЗ'а имел место факт недопустимого обезличения вещей заключённых, прибывших с этапами. Вещи предложено было заключённым сбрасывать на общую кучу без выдачи заключённым квитанций.

Корыстной заинтересованности в этих злоупотреблениях, а именно присвоения вещей и денег, со стороны Глузмана судебным следствием не выявлено. Однако в операциях с выдачей денежных сумм УНКВД Глузманом допущено было под влиянием указанного руководства УНКВД злоупотребление своим служебным положением, на что Глузман толкнул также и нач[альника] финчасти тюрьмы Винокурова, коего Глузман по требованию преступного руководства УНКВД принудил к незаконному оформлению к выдаче денежных сумм.

Нажим со стороны б[ывшего] руководства в лице Якушева и Гришина в этих денежных операциях Гришин и Глузман объясняют необходимостью в деньгах для завершения строительства УНКВД и санкцией б[ывшего] наркома — врага Леплевского, а со стороны Вяткина — системой угроз последнего «непослушным» подчинённым в виде расправы через суд, тройку, арестами и т.п.

Привлечённый по настоящему делу Гришин, будучи арестован НКВД УССР в мае 1938 г., спустя два месяца после ареста дал показание о своей принадлежности к право-троцкистской контр-революционной организации, в которую вовлечён был в 1931 г. якобы б[ывшим] зам[естителем] нач[альника] Днепропетровского, а затем Одесского УНКВД Гришиным-Клювгантом⁹¹.

Гришин-Шенкман показал при этом также о вовлечении якобы им в к-р организацию б[ывшего] начальника Бердичевского горотдела НКВД Мартынюка.

По показаниям последнего на предварительном следствии, он, будучи якобы завербован Гришиным-Шенкманом в право-троцкистскую организацию, выполнял вредительские установки последнего в работе по борьбе с врагами, срывая их разоблачение и тормозя аресты троцкистов (как, напр[имер], пред[седателя] Бердичевского горсовета Терпиловского и др.).

Очной ставки Гришина с Мартынюком на предварительном следствии проведено не было. (Военному трибуналу представлена справка о том, что Мартынюк осуждён к ВМН).

⁹¹ У документі помилково — Клювганом.

Между тем, показания Мартынюка в части вредительской деятельности якобы его по Бердичевскому горотделу НКВД в связи с к-р заданиями Гришина опровергнуты в суд[ебном] заседании показаниями свидетеля Лукьянова, руководившего при Гришине 4[-м] отд[елом] Житомирского УНКВД.

Лукьянов на суд[ебном] следствии подтвердил ссылку Гришина на фактическое проведение Мартынюком по Бердичеву борьбы с врагами народа и, в частности, с троцкистским подпольем. Об этом свидетельствует также и отчёт Житомирского УНКВД по этому вопросу за 1937 г., подписанный по 4-му отд[елу] Лукьяновым.

Показания других допрошенных на предварительном следствии свидетелей — врагов народа, уличавших Гришина, как Детинко, Смелянского и др., проверить в суд[ебном] следствии не представилось возможным в связи с осуждением их к ВМН.

Между тем, их показания о к-р связях с Гришиным противоречивы и не соответствуют фактическим данным о датах и обстановке, относящимся к известной якобы им к-р деятельности Гришина и связи с ним по этому поводу. Так, например, не соответствует действительности ссылка Смелянского на предварительном следствии, что ему не представилось возможным связаться с Гришиным по к-р установке Детинко после отъезда последнего, в то время как Смелянский очень часто приезжал из Новоград-Волынска в Житомир, где находился Гришин. Также неконкретны показания Писарева и Северина о к-р принадлежности Гришина.

Свои показания в части первоначального признания своего в к-р деятельности, данное следователю и прокурору, Гришин объяснил обстановкой, созданной против него на следствии вражеским руководством НКВД в лице Успенского, и фиктивной справкой, представленной по делу Гришина Лукьяновым в НКВД УССР на основании ложных показаний против Гришина ныне арестованных б[ывших] сотрудников Житомирского УНКВД Манько и Леснова. Лживость и противоречивость показаний последних вскрыта на судебном следствии при допросе самого Лукьянова и свидетеля Стукановского.

Учитывая, что обв[иняемый] Гришин как на предварительном, так и на суд[ебном] следствии отказался от ранее данных показаний о своей принадлежности к к-р организации и отрицает также шпионскую деятельность, инкриминируемую ему по его же первоначальным показаниям о шпионской связи с Фроловым, которые ни предварительным, ни суд[ебным] следствием не выявлены и не допрошены, что вредительская деятельность Гришина в органах НКВД никакими документальными данными не подтверждена, обвинение Гришина в этой части не доказано.

Как на предварительном, так и судебном следствии выявлено, что при непосредственном участии и с ведома Якушева и Гришина, а позже Вяткина и Лукьянова, группа работников, выполнявших специальное оперативное задание по комендатуре — Тимошенко, Игнатенко, Левченко, Кондрацкий и Соснов — на протяжении конца 1937 и 1938 гг., при выполнении ими спец. опер[ативного] задания, допускали грубейшие злоупотребления: занимались мародёрством, присваивали вещи, деньги, ценности осуждённых к ВМН, преступно-издевательски относились к осуждённым.

Так, например, быв[ший] комендант УНКВД Тимошенко, возглавляя комендатуру, принимал участие в расхищении вещей осуждённых. Также допустил издевательское отношение к старику-инвалиду, осуждённому к ВМН.

Быв[ший] нач[альник] внутренней тюрьмы Игнатенко, наряду с избиением осуждённых, занимался мародёрством (похитил вещи, деньги, золотые коронки и т.п.). Кроме этого, Игнатенко принудил фельдшера Гненную и надзирателя Левченко по требованию руководства в лице Вяткина и Лукьянова подписать фиктивные акты на умерших от побоев следственных заключённых (Скрыпника и др.). А затем Игнатенко вместе с Левченко по приказанию Вяткина закопали этих убитых в числе 3-х чел. во дворе внутренней тюрьмы.

Аналогичные требования о составлении фиктивных актов на умерших заключённых Вяткин и Лукьянов предъявляли через Игнатенко и непосредственно через Глузмана глав[ному] врачу тюрьмы Мордушенко.

В расхищении вещей и денег, изъятых у осуждённых к ВМН, принимали участие и ряд других лиц оперативного состава, работников комендатуры и внутренней тюрьмы. Так, например, Кондрацкий присвоил ряд вещей из одежды и обуви, снятых с осуждённых. То же самое Левченко присвоил ряд вещей из одежды осуждённых, кроме этого, он принимал участие в составлении фиктивных актов о смерти следственных заключённых.

Соснов, помимо присвоенных вещей — одежды осуждённых, допустил мародёрство (золотые коронки).

Гирич, дважды участвуя в операции, также присвоил некоторые вещи осуждённых и о своём участии в операциях поделился с сотрудниками Новоград-Волынского горотдела НКВД.

Кроме этого, Игнатенко, будучи нач[альником] внутренней тюрьмы УНКВД Житомирской обл., преступно-халатно относился к организации учёта денежных сумм и вещей заключённых, в результате чего выявлена недостача денег в сумме 4921 руб. и ряда вещей, принадлежащих заключённым.

На основании изложенного, Военный трибунал признал виновными:

1. ГРИШИНА-ШЕНКМАНА — в том, что он, будучи в конце 1937 г. и начале 1938 г. зам[естителем] нач[альника] УНКВД по Житомирской обл., принимал участие в истязаниях приговорённых к ВМН, а также допустил систему злоупотреблений работниками УНКВД при выполнении оперативных заданий при комендатуре, как то мародёрство и издевательство над осуждёнными к ВМН, т.е. в преступлениях, предусм[отренных] ст. 206—17 п. «а» УК УССР.

Обвинение же Гришина по первоначально предъявленным ему ст. 54—1 п. «б» и 54—11 признать недоказанным.

2. ТИМОШЕНКО — в том, что он на протяжении конца 1937 г. и 1938 г., будучи комендантом Житомирского УНКВД, допустил злоупотребление властью, выразившееся в том, что занимался хищением и присвоением вещей и денег осуждённых к ВМН, т.е. в преступлениях,

предусм[отренных] ст. 206–17 п. «а» УК УССР, а не ст. 206–17 п. «б» УК УССР, как было ему предъявлено первоначально.

3. ИГНАТЕНКО — в том, что он на протяжении конца 1937 и 1938 г., будучи нач[альником] внутренней тюрьмы УНКВД, принимал участие в избиении осуждённых к ВМН, расхищал и присваивал вещи, деньги и ценности осуждённых. Также, выполняя преступное распоряжение Вяткина, сам подписал и заставил подписать надзирателя Левченко и фельдшерицу Гненную фиктивные акты о смерти якобы от болезни заключённых, умерших от побоев. Вслед за чем вместе с Левченко похоронил этих умерших во дворе внутренней тюрьмы. Кроме того, во внутренней тюрьме вследствие преступного отношения к хранению денежных сумм и вещей заключённых допустил недостачу 4921 руб. и ряда вещей, принадлежащих заключённым, что предусмотрено ст. ст. 206–17 п. «а», а не п. «б» УК, как было предъявлено первоначально, и 104 ч. 1, а не ч. 2 и 108 ч. 1 УК УССР.

4. КОНДРАЦКОГО — в том, что, принимая участие в конце 1937 и начале 1938 г. в выполнении специальных оперативных заданий по комендатуре УНКВД Житомирской обл., присваивал вещи осуждённых к ВМН, присутствуя при избиениях осуждённых и издевательствах над ними, а также лично допустил издевательство в отношении одного осуждённого — однофамильца, т.е. в преступлении, предусмотр[енном] ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

5. СОСНОВА — в том, что, участвуя в операциях, проводимых комендатурой [УНКВД] по Житомирской обл., присваивал вещи осуждённых, т.е., в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

6. ЛЕВЧЕНКО — в том, что, будучи старшим надзирателем во внутренней тюрьме, принимал участие в оформлении фиктивных актов о смерти заключённых и в сокрытии следов преступления путём закапывания трупов умерших от побоев заключённых, а также в присвоении вещей заключённых, т.е. в преступлении, предусмотр[енном] ст. 206–17 п. «а» и [ст.] 104 ч. 1 УК УССР.

7. ГИРИЧА — в том, что, участвуя дважды в оперативных заданиях комендатуры УНКВД по Житомирской обл., присвоил часть вещей, выданных ему участниками операций, и поделился об этом с сотрудниками НКВД, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

8. ГЛУЗМАНА — в том, что, состоя в должности начальника Житомирской тюрьмы, под нажимом преступного руководства УНКВД злоупотребил своим служебным положением и допустил незаконную выдачу денег для АХУ УНКВД в сумме 25 тыс. руб. из сумм, подлежащих сдаче в доход государства, хотя и без личной корыстной заинтересованности, принудил к незаконному оформлению выдачи денег нач[альника] финчасти Винокурова и, кроме того, добивался по требованию Вяткина подписи врача тюрьмы Мордушенко на фиктивных актах о смерти заключённых, т.е. в преступлениях, предусмотрен[ных] ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

9. ВИНОКУРОВА — в том, что под принуждением Глузмана незаконно оформил выдачу денежных сумм для передачи в УНКВД из сумм,

подлежавших сдаче в доход государства. Однако это нарушение финансовой дисциплины допущено Винокуровым без всякой личной корысти, и им же впоследствии были приняты меры к исправлению допущенного нарушения, в виду чего действия его подпадают под признаки п. «в» ст. 206–17 УК, а не пункта «а» той же ст[атьи], предъявленной первоначально.

В силу чего и руководствуясь 45ст. УК,

Приговорил:

1. ГРИШИНА-ШЕНКМАНА Григория Иосифовича на основании ст. 206–17 [п.] «а» УК УССР лишить свободы на десять (10) лет [в] ИТЛ, без поражения в правах, но с лишением его звания капитана госбезопасности.

По ст. ст. 54–1 п. «б» и 54–11 УК УССР за недоказанность обвинения — оправдать.

Срок наказания исчислять с 30 мая 1938 г.

2. ИГНАТЕНКО Феликса Гавриловича по ст. 206–17 п. «а» УК лишить свободы на 10 лет в ИТЛ, без поражения в правах. Срок наказания Игнатенко исчислять со дня предварит[ельного] заключения, т.е. с 17 декабря 1938 г.

3. ТИМОШЕНКО Григория Антоновича по ст. 206–17 п. «а» УК УССР лишить свободы на 8 лет в ИТЛ, без поражения в правах. Срок наказания исчислять со дня предварит[ельного] заключения, т.е. с 8 февраля 1939 г.

4. КОНДРАЦКОГО Леонида Устиновича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР, 5. ЛЕВЧЕНКО Даниила Власовича на основании той же статьи лишить свободы каждого на два года и шесть месяцев в общих местах заключения, без поражения в правах. Кондрацкого лишить присвоенного ему звания сержанта госбезопасности. Срок наказания Кондрацкому исчислять с момента приведения приговора в исполнение, а Левченко — со дня предварительного заключения, т.е. с 17 декабря 1938 г.

6. СОСНОВА Менаша Мошковича, 7. ГИРИЧА Владимира Ивановича по ст. 206–17 п. «а» УК УССР — к 3 годам лишения свободы в ИТЛ, без поражения в правах.

8. ГЛУЗМАНА Михаила Захаровича по ст. 206–17 п. «а» УК УССР лишить свободы на два года в общих местах заключения, без поражения в правах.

Учитывая, однако, степень социальной опасности Соснова, Гирича и Глузмана, не требующей обязательной изоляции от общества, на основании 48 ст. УК УССР наказание Соснову, Гиричу и Глузману считать условным, с испытательным сроком на три года каждому. При этом, если любой из них в дальнейшей своей работе и общественной жизни проявит признаки исправления, и до истечения указанного испытательного срока он может рассчитывать на досрочное освобождение и от условного наказания.

9. Дело в отношении ВИНОКУРОВА Шимона Вениаминовича на основании ст. 206–17 п. «в» УК УССР в уголовном порядке прекратить, напавив материалы о нем в ОМЗ по вопросу наложения дисциплинарного взыскания.

Приговор может быть обжалован в течение 5 суток с момента вручения выписок из настоящего приговора осуждённым путём подачи кассационной жалобы в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР через Военный трибунал войск НКВД Киевского округа.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Пилипенко
Космачев*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 197–203. Оригинал. Рукопис на бланку; арк. 204–211, завірена машинописна копія.

№ 16

**Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
Г. Й. Гришина–Шенкмана, Г. А. Тимошенка, Ф. Г. Ігнатенка,
М. З. Глузмана, Л. У. Кондрацького, М. М. Соснова,
В. І. Гирича, Д. В. Левченка і Ш. В. Винокурова**

9 жовтня 1939 р.

Сов[ершенно] секретно. Снято 3 коп[ии]

Васютинский. 25.7.[19]39 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 003637

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — армвоенюриста тов. УЛЬРИХА

и членов: бригаденюриста тов. КАНДЫБИНА и

военюриста II ранга тов. ЧЕПЦОВА

Рассмотрев в заседании от 9 октября 1939 г. кассационную жалобу ГРИШИНА-ШЕНКМАНА Г.И., ТИМОШЕНКО Г.А., ИГНАТЕНКО Ф.Г., ГЛУЗМАНА М.З., КОНДРАЦКОГО Л.У. и ЛЕВЧЕНКО Д.В. и протест зам[естителя] пред[седателя] Верх[овного] суда [СССР] т. Ульрих[а] на приговор ВТ войск НКВД КО от 27 июня — 4 июля 1939 г. по делу

ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. ст. УК УССР:

1) ГРИШИН-ШЕНКМАН Григорий Иосифович — [по ст.] 206⁹²–17 [п.] «а» — к лишению/свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, без поражения в правах и с лишением звания «Капитан ГБ», он же по ст. ст. 54–1 [п.] «б» и 54–11 УК ОПРАВДАН;

⁹² У документі помилково — 207.

2) ИГНАТЕНКО Феликс Гаврилович — [по ст. ст.] 206–17 [п.] «а» и 104 ч. I — к лишению/свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ ЛЕТ, без поражения в правах;

3) ТИМОШЕНКО Григорий Антонович — [по ст.] 206–17 [п.] «а» — к лишению/свободы в ИТЛ на ВОСЕМЬ ЛЕТ, без поражения в правах;

4) КОНДРАЦКИЙ Леонид Устинович — [по ст.] 206–17 [п.] «а» и 5) ЛЕВЧЕНКО Даниил Власович — [по ст. ст.] 206–17 [п.] «а» и 104 ч. I — к лишению/свободы в ОМЗ на ДВА ГОДА и ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ каждый, без поражения в правах, Кондрацкий с лишением звания «Сержант ГБ»;

6) СОСНОВ Менаш Мошкович и 7) ГИРИЧ Владимир Иванович — [по ст.] 206–17 [п.] «а» — к лишению/свободы в ИТЛ на ТРИ ГОДА, без поражения в правах;

8) ГЛУЗМАН Михаил Захарович [по ст.] 206–17 [п.] «а» — к лишению/свободы в ОМЗ на ДВА ГОДА, без поражения в правах;

На основании ст. 48 УК [УСССР] Соснову, Гиричу и Глузману — считать УСЛОВНО, с испытательным сроком в ТРИ ГОДА.

9) Дело в отношении ВИНОКУРОВА Шимона Вениаминовича по ст. 206–17 п. «в» УК прекращено, с наложением дисциплинарного взыскания.

и заслушав доклад тов. КАНДЫБИНА

заключение пом[ощника] главного военного прокурора тов. РЕУТСКОГО

ОПРЕДЕЛИЛА:

Соглашаясь с протестом зам[естителя] председателя Верховного Суда СССР и учитывая, что показания, имеющиеся в деле в отношении ГРИШИНА-ШЕНКМАНА никакими материалами не опровергнуты, а из материалов судебного следствия устанавливается, что творившееся в отделе мародёрство, избивание подследственных и осуждённых производилось издевательства над осуждёнными женщинами и что даже с ведома и санкции ГРИШИНА-ШЕНКМАНА поджигали осуждённых, приговор о нем — ГРИШИНЕ-ШЕНКМАНЕ — отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение в тот же Трибунал, но в ином составе судей.

Что же касается осуждённых ИГНАТЕНКО, ТИМОШЕНКО, СОСНОВА, ГИРИЧ[А], ГЛУЗМАН[А] и ВИНОКУРОВА, то приговор о них оставить в силе без изменений, а касжалобы ТИМОШЕНКО, ИГНАТЕНКО и ГЛУЗМАНА за необоснованностью отклонить.

Принимая во внимание личность и служебное положение осуждённого ЛЕВЧЕНКО Даниила, избранную в отношении его судом меру наказания считать условной, с испытательным сроком в 2 года, и его из-под стражи немедленно освободить.

Поскольку на суде свидетели и обвиняемые в отношении осуждённого КОНДРАЦКОГО Леонида дали иные показания, чем на предварительном следствии, и что в действиях его злого умысла и личной корысти не установлено, и учитывая при этом, что в отношении его представлено свыше десяти положительных о нем отзывов, как о его работе, так и поведении вообще, в том числе и отзыв положительный от 7 июля 1939 г.

местной парторганизации, по всем этим основаниям приговор в отношении КОНДРАЦКОГО Леонида отменить и дело о нем в уголовном порядке, за отсутствием в его действиях состава уголовно наказуемого деяния, производством прекратить.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ПОМ[ОЩНИК] СЕКРЕТАРЯ ВК ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ

Ехалов

Препровождается вместе с делом в 4 тома[х] в ВТ [войск] НКВД КО и начальнику Житомирской тюрьмы д[ля]/испол[нения], копия — ГВП д[ля]/свед[ения].

13.X.1939 г.

№ 003637

Секретарь ВК

Подпись неразборчива

На документі є:

- 1) кругла печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;
- 2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 19/X [19]39»;
- 3) резолюція «К исполнению. 19/X 1939. Васютинский»;
- 4) відмітка: «Копию для Военпрокуратуры получил 20/X [19]39. Підпис нерозбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67841, т. 5, арк. 279–280.
Завірена машинописна копія на бланку.

№ 17

Обвинувальний акт Військової прокуратури військ НКВС у справі Н. А. Ремова–Поберёзкіна, В. Я. Вольського, А. А. Гостинцева і Г. Д. Артемьєва

22 липня 1939 р.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

- 1) По обвинению быв[шего] врид начальника 5 отдела УГБ НКВД Житомирской области, лейтенанта госбезопасности РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА Наума Анатольевича в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР;
- 2) быв[шего] врид начальника 2 отдела той же области ВОЛЬСКОГО Владимира Яковлевича⁹³, лейтенанта госбезопасности;

⁹³ У документі помилково — Николаевича.

3) быв[шего] нач[альника] Чудновского райотделения НКВД той же области ГОСТИНЦЕВА Антона Андреевича, младшего лейтенанта госбезопасности;

4) быв[шего] нач[альника] Новоград-Волынского горотдела НКВД той же области АРТЕМЬЕВА Григория Дмитриевича, мл[адшего] лейтенанта госбезопасности — всех троих в преступлениях, предусмотренных ст. 206—17 п. «а» УК УССР.

В НКВД УССР в начале 1939 г. поступили данные о том, что РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН, ВОЛЬСКИЙ, ГОСТИНЦЕВ и АРТЕМЬЕВ, злоупотребляя своим служебным положением, при исполнении своих обязанностей по службе произвели необоснованные массовые аресты трудящихся, занимались фальсификацией следственных материалов и при допросах до смерти избивали заключённых.

В целях сокрытия следов совершённых преступлений через врача ВЕЙЦМАНА РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН и АРТЕМЬЕВ без судебно-медицинского вскрытия трупов умерших от избиений ЧАЙКОВСКОГО, МОШИНСКОГО, СОРНИЦКОГО и других составляли фиктивные справки о том, что якобы заключённые умирали естественной смертью.

На основании изложенного РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН, ВОЛЬСКИЙ, ГОСТИНЦЕВ и АРТЕМЬЕВ арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Расследованием дела установлено, что по директиве РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА, а также при его личном участии были избиты заключённые — бывший инструктор вневойсковой подготовки РККА ЗАГЕР, который в результате избиения умер 20 марта 1938 г., и быв[ший] ветфельдшер 19[—го] погранотряда ПАСТУШЕНКО, который также в результате избиения скончался (л.д. 59—87, 227, 233—241, 255, 321 т. 1; том 2, л.д. 31, 62—66).

С 19 апреля 1938 г. РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН, будучи начальником следственной группы Новоград-Волынского горотдела, по заданию врагов народа УСПЕНСКОГО и ВЯТКИНА производил необоснованные массовые аресты среди трудящихся по спискам; а также арестовывал членов ВКП(б) — поляков по национальному признаку, без всяких компрометирующих материалов, применяя к ним не дозволенные законом меры воздействия.

Установлено, что благодаря вражеским действиям РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА были избиты и умерли вследствие полученных побоев агроном МОШИНСКИЙ, колхозник СОРНИЦКИЙ, сотрудник Госбанка, член ВКП(б) ЧАЙКОВСКИЙ, которые были арестованы только лишь по национальному признаку — как поляки. (т. 1, л.д. 56—106, 142—167, 221—263, 278—324 и том 2, л.д. 35—36).

По указанию врага народа ВЯТКИНА в 1938 г. РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН арестовывал без основания милицейских работников СЫСА, ГРОЗНОГО, ГЛЫБКО, которые подвергались в процессе следствия избиениям со стороны РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА. (т. 1, л.д. 61—89, 155—235).

В отношении ВОЛЬСКОГО установлено, что он — ВОЛЬСКИЙ в марте 1938 г., вызвав в НКВД инженера ПАРЧЕВСКОГО, который работал осведомителем под кличкой «МИХАЙЛОВ», и предложил ему рассказать

о том, что ему — ПАРЧЕВСКОМУ известно, что существует подпольная антисоветская организация «ПОВ», участником коей является и сам.

ПАРЧЕВСКИЙ, не зная о существовании антисоветской организации, естественно, отказался дать показания. ВЯТКИН, ВОЛЬСКИЙ, ГОСТИНЦЕВ не поверили заявлениям ПАРЧЕВСКОГО и подвергли его жесточайшему избиению, в результате коего ПАРЧЕВСКИЙ скончался.

ВОЛЬСКИЙ, с целью скрыть убийство ПАРЧЕВСКОГО, по предложению врага народа ВЯТКИНА оформил копию протокола допроса ПАРЧЕВСКОГО (подлинник был тогда утерян) и после смерти его, 23 сентября [1938 г.] сфабрикованное дело было проведено через Тройку по 1-й категории.

Труп ПАРЧЕВСКОГО, закопанный во дворе Олевского РО, был обнаружен рабочими, производившими работу, узнав об этом, ВОЛЬСКИЙ и ГОСТИНЦЕВ по приказанию ВЯТКИНА перекопали труп в другое место. ГОСТИНЦЕВ, с целью с[о]крытия следов преступления, после убийства ПАРЧЕВСКОГО взял от прокурора санкцию на арест ПАРЧЕВСКОГО. (т. 1, л.д. 101–105, 123, 213, 323–324, 326–327).

Кроме того, установлено, что ВОЛЬСКИЙ совместно с врагом народа ВЯТКИНЫМ во время следствия в Коростенском горотделе принимал участие в избиении заключённого⁹⁴.

Вместе с РЕМОВЫМ-ПОБЕРЕЖКИНЫМ в апреле и мае 1938 г., будучи заместителем начальника следственной группы в Новоград-Волыньске, без компрометирующих материалов, по спискам, ВОЛЬСКИЙ производил аресты трудящихся, а также избивал ЧАЙКОВСКОГО и КАРЕНА. (т. 1, л.д. 167–168, 195–210, 215–217, 251–276, 283–294, 295–298 и 325–328, том 2, л.д. 3, 9 и 30).

ГОСТИНЦЕВ в 1938 г., будучи начальником Олевского райотделения, производил необоснованные аресты трудящихся, например, им были арестованы братья ШУСТЕРМАН⁹⁵, АПЕСТИН, рабочий электростанции ГРИГОРЬЕВ, ХОМУТОВСКИЙ и его сын⁹⁶ и другие, в отношении которых применялись⁹⁷ физические меры воздействия. В результате применения незаконных мер воздействия заключённые давали ложные показания, оговаривая честных советских граждан, которые также подвергались аресту. Например, ЧЕРНЫШ, ЧЕРНЫШОВ, ЕГОРОВ и другие.

АРТЕМЬЕВ принимал участие в аресте и избиениях вместе с РЕМОВЫМ-ПОБЕРЕЖКИНЫМ агронома колхоза села Смолки МОШИНСКОГО, а также участвовал в деле проведения необоснованных

⁹⁴ У документі помилково — заключении.

⁹⁵ Один з братів — А. Шустерман — постійно мешкав у м. Олевську. Його брат — О. Шустерман, за словами А. Шустермана, служив у прикордонній охороні на Далекому Сході і прийшов у відпустку до м. Олевська. Однак, за свідченнями О. Шустермана, він постійно мешкав у м. Коростені (Житомирська область) і працював старшим інспектором Коростенського відділення Держбанку. Вранці 7 січня 1938 р. їх обох заарештували і доставили до Олевського райвідділу НКВС. (Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6751, т. 2, арк. 114, 117, 123).

⁹⁶ Йдеться про Дмитра Хомутовського та його сина Віктора Хомутовського.

⁹⁷ У документі — принимались.

арестов ЧАЙКОВСКОГО, СОРНИЦКОГО. Кроме того, трупы убитых по указанию АРТЕМЬЕВА закапывались во дворе Горотдела.

Подложные справки о якобы естественной смерти МОШИНСКОГО и других у врача ВЕЙЦМАНА были взяты АРТЕМЬЕВЫМ.

Ввиду изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1) РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН Наум Анатольевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Киева, гражданин СССР, еврей, не судимый, служащий, член ВКП(б) с 1929 г., исключён в связи с данным делом,

в том, что он в 1938 г. на смерть избивал ЧАЙКОВСКОГО, МОШИНСКОГО, СОРНИЦКОГО; принимал участие в избиениях ЗАГЕРА и санкционировал избиение ПАСТУШЕНКО; по национальным признакам арестовывал поляков; без оснований проводил аресты работников милиции СЫСА, ГРОЗНОГО, ГЛЫБКО.

РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН виновным себя признал частично, однако достаточно изобличается материалами дела и показаниями свидетелей,

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

2) ВОЛЬСКИЙ Владимир Яковлевич, 1899 г. рождения, уроженец г. Одессы, еврей, гражд[анин] СССР, служащий, член ВКП(б), исключён в связи с данным делом, не судимый,

в том, что он проводил необоснованные аресты невинных советских граждан, систематически применял к арестованным не дозволенные законом меры воздействия — избиения.

В марте 1938 г. совместно с врагом народа ВЯТКИНЫМ оформил копию протокола на Тройку убитого вследствие избиения ПАРЧЕВСКОГО, принимал участие в перекапывании трупа ПАРЧЕВСКОГО и искусственно создавал антисоветскую военно-повстанческую организацию.

Виновным себя признал частично. Однако достаточно изобличается материалами дела и показаниями свидетелей, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

3) ГОСТИНЦЕВ Антон Андреевич, 1906 г. рожд[ения], уроженец дер. Погорелки Божегодского р-на Вологодской области, не судимый, гражд[анин] СССР, русский, член ВКП(б), исключён в связи с данным делом,

в том, что он принимал участие в избиении ПАРЧЕВСКОГО, перекапывал труп и фальсифицировал следдело для Тройки, производил массовые аресты невинных граждан, к которым применял физические меры воздействия и брал от них ложные показания, и на основании этих материалов производил необоснованные аресты.

Виновным себя признал.

т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

4) АРТЕМЬЕВ Григорий Дмитриевич, 1906 г. рожд[ения], урож[енец] села Великая Мачетна Кривозерского р-на Одесской области, русский, не судимый, гражд[анин] СССР, член ВКП(б), исключён в связи с данным делом,

в том, что он принимал участие в аресте и избиениях МОШИНСКОГО, в аресте ЧАЙКОВСКОГО и СОРНИЦКОГО, брал фиктивные справки у врача ВЕЙЦМАНА о естественной смерти МОШИНСКОГО и других,

а также скрывал от вышестоящих начальников преступные действия РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА и ВОЛЬСКОГО.

Виновным себя признал, объясняя свои действия тем, что он выполнял указания врага народа ВЯТКИНА.

т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

На основании изложенного РЕМОВ-ПОБЕРЁЗКИН, ВОЛЬСКИЙ, ГОСТИНЦЕВ и АРТЕМЬЕВ предаются суду Военного трибунала войск НКВД Киевского округа.

Настоящий акт составлен

22 июля 1939 г.

г. Киев

ПОМ[ОШНИК] ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ВОЙСК НКВД
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 1 РАНГА

Хачатурян

Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1,
спр. 6157, т. 1, арк. 381–387. Оригінал. Машинопис.

№ 18

**Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського
округу у справі Н. А. Ремова-Поберьозкіна, В. Я. Вольського,
А. А. Гостинцева і Г. Д. Артемьєва**

19–22 серпня 1939 р.

Дело № [29]⁹⁸ — 193[9] г.

Сов[ершенно] секретно
Ф. № 1

ПРИГОВОР № 33

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1939 г., августа 19–22 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевск[ого] окр[уга] в г. Житомире, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военюриста 1[-го] ран[га] Васютинского

и членов: 1. военюриста 2[-го] ран[га] Братуха

2. ст[аршего] политрука Космачева

при секретаре — военюристе Давидзоне

без участия сторон [обвинения и защиты],

рассмотрев дело № [29]–193[9] г. по обвинению⁹⁹ бывших сотрудников Житомирского обл. Управления НКВД:

лейтенанта гос. безо[асности] РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА Наума Анатольевича, 1902 г. рождения, уроженца гор. Киева, по национальности

⁹⁸ У рукописному оригіналі номер відсутній, проставлений по завіреній машинописній копії вироку. (Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6157, т. 1, арк. 553).

⁹⁹ Далі у документі — суцільний рукописний текст, який курсивом не виділений.

еврея, по соц[иальному] происхождению служащего, по соцположению служащего, низшего образования, быв[шего] чл[ена] ВКП(б) с 1929 г.— исключён в связи с данным делом, в РККА служившего в 1918–1920 гг., в органах НКВД с 1921 г. до дня ареста, не судившегося,— по ст. 206–17 п. «б» УК УССР;

лейтенанта гос. безоп[асности] ВОЛЬСКОГО Владимира Яковлевича, 1899 г. рождения, уроженца гор. Одесса, по национальности еврея, по соц[иальному] происхождению из кустарей, по соцположению служащего, низшего образования, быв[ший] чл[ен] ВКП(б), исключён в связи с настоящим делом, в РККА служившего, в органах с 1920 г. по 1925 г. и с 1930 г. до дня ареста, не судившегося,— по ст. 206–17 п. «а» УК УССР;

младшего лейтенанта гос. без[опасности] ГОСТИНЦЕВА Антона Андреевича, 1906 г. рождения, уроженца дер. Погорелки Божегородского р-на Вологодской обл., из крестьян-бедняков, по соцположению служащего, по национальности русского, низшего образования, быв[ший] чл[ен] ВКП(б) — исключён в связи с настоящим делом, в РККА служившего, в органах НКВД с 1930 г. по день ареста, не судившегося,— по ст. ст. 56–21 ч. 1 и 206–17 п. «а» УК УССР;

мл[адшего] лейтенанта гос. безоп[асности] АРТЕМЬЕВА Григория Дмитриевича, 1906 г. рождения, уроженца села Великая Мачетка Кривоозерского р-на Одесской обл., по соц[иальному] происхождению из рабочих, служащего, низшего образования, быв[ший] чл[ен] ВКП(б) — исключён в связи с настоящим делом, в РККА служившего, в органах НКВД с 1926 г. по день ареста, не судившегося,— по ст. 206–17 п. «а» УК УССР;

УСТАНОВИЛ:

Следуя вражеским установкам быв[шего] нач[альника] Житомирского УНКВД Вяткина, сотрудники УНКВД РЕМОВ, ВОЛЬСКИЙ и ГОСТИНЦЕВ допустили на протяжении 1938 г. ряд злоупотреблений в порученной им следственной работе, грубо нарушая социалистическую законность, что выразилось в необоснованных арестах граждан и применении к ним незаконных методов следствия, приведших в ряде случаев по вине РЕМОВА к тяжёлым последствиям — смерти арестованных от избиений.

РЕМОВ, будучи врид нач[альника] 5-го отдела Житомирского УНКВД и руководя подчинённым ему оперативным составом, в том числе и молодыми работниками — Тимоновым, Климовым¹⁰⁰ и Недбайло, культивировал в практике следствия при участии указанных работников по делам об арестованных по подозрению в к-р деятельности лиц преступные методы следствия.

В результате избиений РЕМОВЫМ и по его почину и примеру Тимоновым и др. 20 марта 1938 [г.] умер от побоев на допросе арестованный Загер, а 7 апреля 1938 г. скончался в результате избиений арестованный Пастушенко.

Будучи командирован затем в качестве начальника следственной группы в Новоград-Волинский горотдел, РЕМОВ по прямому распоряжению Вяткина производил необоснованные массовые аресты граждан по национальному признаку согласно специальным спискам, затребованным от

¹⁰⁰ Климов Олексій Іванович. Не плутати з Климовим Миколою Васильовичем.

райотделений. Не располагая достаточными материалами для обвинения арестованных таким образом в числе других граждан сотрудника Госбанка Чайковского и агронома Мошинского, РЕМОВ при участии других лиц [из] оперативного состава следственной группы подверг жестокому избиению указанных арестованных, в результате чего умерли от побоев при допросах Мошинский 27/IV–[19]38 г. и Чайковский 30/IV–[19]38 г.

От таких же причин, т.е. избиений при допросах в следственной группе по Новоград-Волынску, 7/V–[19]38 г. умер арестованный Сарницкий.

ВОЛЬСКИЙ, допрашивая арестованного Чайковского, усомнился в обоснованности этого ареста, о чем доложил РЕМОВУ, всё же Чайковский в ту же ночь был подвергнут избиениям, от которых на второй же день после ареста скончался. Для сокрытия следов указанных преступлений Ремов, после переговоров по телефону в каждом из упомянутых случаев с Вяткиным, отдавал распоряжение быв[шему] нач[альнику] Горотдела НКВД АРТЕМЬЕВУ зарывать трупы во дворе Горотдела с оформлением смерти арестованных справками обслуживающего Горотдел НКВД врача Вейцмана, который по предложению АРТЕМЬЕВА после осмотра умерших составлял заведомо фиктивные справки о смерти арестованных якобы от болезней.

Кроме того, на возникшем о злоупотреблениях указанных сотрудников Житомирского УНКВД следствии было выявлено, что ВОЛЬСКИЙ при выездах с Вяткиным в марте 1938 г. в Олевск доложил Вяткину дело инженера Парчевского по вопросу о связях последнего с заграницей, в результате чего Парчевский 27/III–[19]38 г. по распоряжению Вяткина был арестован, и самим Вяткиным при участии нач[альника] РО НКВД ГОСТИНЦЕВА Парчевский был подвергнут жестоким избиениям, от которых он в ту же ночь скончался. ВОЛЬСКИЙ, не принимая непосредственного участия в избиениях Парчевского, учинил, однако, по распоряжению Вяткина допрос Парчевского, находившегося после избиения в тяжёлом, полусознательном состоянии. Умерший от побоев Парчевский по распоряжению Вяткина ГОСТИНЦЕВУ был для сокрытия следов преступления зарыт в Олевске, а затем, в связи с арестом одного из участников погребения Парчевского, а именно, милиционера Грабовского, ВОЛЬСКИЙ по распоряжению Вяткина недели через две специально выехал в Олевск, чтобы перепрятать труп Парчевского в другое место, что и было ВОЛЬСКИМ совместно с ГОСТИНЦЕВЫМ выполнено, и труп во избежание обнаружения его был вырыт и закопан в другом месте, а дело Парчевского по фиктивному протоколу допроса его ВОЛЬСКИМ пропущено Вяткиным через суд. тройку после смерти Парчевского. Помимо указанного, по Олевскому РО НКВД был выявлен ряд необоснованных арестов и систематические избиения арестованных, практиковавшиеся ГОСТИНЦЕВЫМ в бытность его нач[альником] РО НКВД, в результате чего целый ряд лиц, подвергавшихся после ареста жестоким избиениям со стороны ГОСТИНЦЕВА, после длительного содержания под стражей были освобождены за необоснованностью материалов обвинения.

При объяснениях с родственниками арестованных, обращавшихся за справками в РО НКВД, ГОСТИНЦЕВ допустил антисемитские толкования вопроса об отношении еврейской части населения к этим арестам. Кроме того, ГОСТИНЦЕВ, будучи выпивши, допустил антисемитский

и хулиганский выпад в клубе стеклозавода 12/1-[1]937 г. по отношению к старику Белянскому.

Обвиняемые РЕМОВ, ВОЛЬСКИЙ и ГОСТИНЦЕВ в инкриминируемых им преступлениях полностью признались, ссылаясь на обстановку в работе, созданную бывшим вражеским руководством в лице в лице врагов народа Успенского и Вяткина.

ГОСТИНЦЕВ отрицает лишь проявленный им антисемитизм, однако уличён в этой части обвинения показаниями свидетелей.

АРТЕМЬЕВ свою вину признал частично, категорически отрицая причастность к избиениям арестованных.

На основании изложенного Военный Трибунал признал виновными:

РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА в том, что, будучи врид нач[альника] 5[-го] отд[ела] УНКВД, следуя вражеским, преступным установкам быв[шего] нач[альника] УНКВД Вяткина и злоупотребляя служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность, практиковал массовые аресты граждан без достаточных оснований и вовсе не располагая компрометирующими материалами, применяя незаконные методы следствия при допросах, систематически лично сам жестоко избивал арестованных и втянул в эти избиения и других, подчинённых ему, сотрудников, в результате чего по ряду случаев наступили тяжёлые последствия — умерли от побоев на допросах Загер, Пастушенко, Чайковский, Мошинский и Сарницкий, каковые преступления РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА, учитывая указанные отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206—17 п. «б» УК УССР;

ВОЛЬСКОГО в том, что, будучи врид нач[альника] 2[-го] отд[ела]¹⁰¹ УНКВД, следуя вражеским установкам быв[шего] нач[альника] УНКВД Вяткина и злоупотребляя служебным положением, принимал участие в необоснованных арестах Парчевского, Барышникова и др., а также в применении незаконных методов следствия. Лично допрашивал по распоряжению Вяткина находившегося в полусознательном состоянии после избиения Вяткиным арестованного Парчевского, после смерти коего от избиений участвовал в сокрытии следов преступления путём перекапывания трупа Парчевского с места на место и фабрикации протокола допроса последнего после его смерти для оформления дела Парчевского на суд. тройку, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206—17 п. «а» УК УССР;

ГОСТИНЦЕВА в том, что, будучи нач[альником] Олевского РО НКВД в 1938 г. и злоупотребляя своим служебным положением, принимал участие в избиениях арестованного Вяткиным Парчевского, в результате чего последний умер от побоев, грубо нарушал соц[иалистическую] законность, практикуюя массовые необоснованные аресты граждан, [к] коим применял незаконные методы следствия, в результате чего ряд граждан длительное время содержались под стражей без всяких оснований, а также в том, что принял участие в сокрытии следов преступления, связанного со смертью Парчевского от избиений на допросе, путём закапывания и перекапывания трупа, а также фиктивного оформления дела

¹⁰¹ Вірогідно, помилка у документі. В. Вольський був т.в.о. начальника 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській області вже після арешту Г. Вяткіна. У період, про який йдеться, він був в.о. начальника 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС.

Парчевского для представления на суд. тройку по требованию Вяткина, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР, и, кроме того, в том, что при объяснениях с родственниками арестованных граждан м. Олевск и при посещении клуба стеклозавода в Городницком р-не проявил антисемитизм, что предусмотрено ст. 56–21 ч. 1 УК УССР;

АРТЕМЬЕВА в том, что, будучи нач[альником] Н[овоград]-Волынского РО НКВД в 1938 г. и зная о незаконных методах следствия и грубых нарушениях созаконности, практиковавшихся следственной группой под руководством Ремова при Н[овоград]-Волынском ГО НКВД, а также о смерти трёх арестованных от избиений при допросах, не только не принял мер к разоблачению указанных преступных действий, но, наоборот, по распоряжению быв[шего] нач[альника] УНКВД Вяткина сам принял участие в сокрытии следов преступления путём оформления смерти этих арестованных фиктивными справками врача Вейцмана и дачи распоряжения о зарытии трупов умерших без надлежащего вскрытия трупов и расследования причин смерти, т.е. в совершении преступления, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

Личного участия АРТЕМЬЕВА в избиениях арестованных и других незаконных методах следствия судебным следствием не установлено.

В силу чего и руководствуясь ст. 45 УК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

1. РЕМОВА-ПОБЕРЕЗКИНА Наума Анатольевича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив присвоенного ему звания лейтенанта госбезопасности, — расстрелять;

2. ВОЛЬСКОГО Владимира Яковлевича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР лишить свободы сроком на восемь лет ИТЛ, без поражения в правах, но с лишением присвоенного ему звания лейтенанта госбезопасности;

3. ГОСТИНЦЕВА Антона Андреевича по совокупности преступлений на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР лишить свободы сроком на десять лет в ИТЛ, с поражением в политических правах по п.п. «а», «б» и «в» ст. 29 УК УССР сроком на пять лет по отбытии наказания, лишив присвоенного ему звания мл[адшего] лейтенанта государственной безопасности.

4. АРТЕМЬЕВА Григория Дмитриевича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР лишить свободы сроком на три года без поражения в правах. Однако, учитывая, что он, будучи выдвинут на работу нач[альником] Горотдела НКВД, не был достаточно подготовлен к этой работе и поставлен был вражеским руководством Житомирского УНКВД в ненормальные условия в бытность свою на этой работе, а также, что своё преступление АРТЕМЬЕВ совершил под преступным влиянием Вяткина и Ремова, Воен[ный] трибунал считает возможным применить к АРТЕМЬЕВУ 48[–ю] ст. УК УССР и вынесенное ему наказание считать условным с испытательным сроком на три года.

При этом, если АРТЕМЬЕВ своей дальнейшей работой и активным участием в социалистическом строительстве докажет, что он не нуждается и в этой мере судебного воздействия, он может рассчитывать на досрочное освобождение и от условного наказания.

Срок наказания исчислять с зачётом предварительного заключения ВОЛЬСКОМУ с 25/II 1939 г., ГОСТИНЦЕВУ — с 1 июля 1939 г.

Приговор может быть обжалован в 5-дневный срок со дня вручения осуждённым выписки из приговора в Военную коллегия Верховного суда СССР через Воен[ный] трибу[нал] войск НКВД Киевского округа в кассационном порядке.

Председательствующий

Васютинский

Члены

*Братух
Космачев*

На останньому аркуші документа проставлено прямокутний відомчий штамп з написом (погано читається): «Копию для [Военной Прокуратуры] получил 27/VIII 1939 г. Підпис нерозбірливий».

Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6157, т. 1, арк. 548–552. Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 19

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі Н. А. Ремова–Поберёзкина, В. Я. Вольського, А. А. Гостинцева і Г. Д. Артемьева

29 жовтня 1939 р.

Сов[ершенно] секретно

Снято 4 копії

Васютинский
/¹⁰²IX–[19]39 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 004338-р. ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — армвоенюриста В. УЛЬРИХ[А]

и членов: бригаденюриста КАНДЫБИНА

ОГУРЦОВА

Рассмотрев в заседании от 29 октября 1939 г. кассационные жалобы РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА Н.А., ВОЛЬСКОГО В.Я., ГОСТИНЦЕВА А.А., АРТЕМЬЕВА Г.Д.

на приговор ВТ войск НКВД Киевского ВО от 19–22 августа 1939 г. по делу ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206–17 УК УССР —

1) РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА Наума Анатольевича п. «б», лишив присвоенного ему звания лейтенанта Г.Б. — к РАССТРЕЛУ;

¹⁰² Число місяця не читается (аркуш зашитий у справу).

2) ВОЛЬСКОГО Владимира Яковлевича п. «а» — к лишению свободы в ИТЛ на ВОСЕМЬ ЛЕТ, без поражения в правах, с лишением присвоенного ему звания лейтенанта Г.Б.;

3) ГОСТИНЦЕВА Антона Андреевича п. «а» — к лишению свободы на ДЕСЯТЬ ЛЕТ в ИТЛ, с поражением в правах на ПЯТЬ лет, лишив присвоенного ему звания мл[адшего] лейтенанта Г.Б.;

4) АРТЕМЬЕВА Григория Дмитриевича п. «а» к лишению свободы на ТРИ года, без поражения в правах, но на основании ст. 48 УК УССР наказание считать условным с испытательным сроком на ТРИ года;

и заслушав доклад тов. КАНДЫБИНА,
заключение пом. Главного Военного Прокурора тов. ЧЕРНОВА,
ОПРЕДЕЛИЛА:

Принимая во внимание, что приговор в отношении осуждённых РЕМОВА-ПОБЕРЁЗКИНА и АРТЕМЬЕВА вынесен в полном соответствии с материалами дела и мера наказания в отношении каждого из них судом определена правильно, данный приговор о них оставить в силе, а касжалобы их, за необоснованностью, отклонить.

Признавая также доказанным преступления осуждённых ВОЛЬСКОГО и ГОСТИНЦЕВА по ст. 206–17 п. «а» УК УССР, а что же касается преступлений ГОСТИНЦЕВА по ст. 56–21–1 УК УССР, то по этой статье УК УССР преступления ГОСТИНЦЕВА считать недоказанным[и], и не усматривая необходимости в применении к осуждённому ВОЛЬСКОМУ столь длительной изоляции, меру наказания ему снизить до 5 лет ИТЛ, в остальном о нем приговор оставить в силе.

Из приговора же в отношении осуждённого ГОСТИНЦЕВА исключить ст. 56–21 ч. 1 УК УССР, но, учитывая тяжесть совершённых им преступлений, меру наказания, определённую ему судом, оставить в силе, касжалобу же ГОСТИНЦЕВА о снижении меры наказания, за необоснованностью, отклонить.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ВК — МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ *халов*

Препровождается вместе с делом в 9 том[ах] и вып[иской] из прот[окола] засед[ания] Президиума Верховного Совета СССР¹⁰³ в ВТ войск НКВД Киевского ВО д[ля]/исп[олнения], копия — ГВП.

9.XII.1939 г.

№ 004338-р

Секретарь ВК

Ехалов

На звороті документу є:

1) круга печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

¹⁰³ Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 6/42/сс від 25 листопада 1939 р. клопотання про помилування Н. Ремова-Поберьозкіна було відхилене. На витягу від руки синіми чорнилами написана довідка: «Справка. Приговор приведён в исполнение 29/XI 1939 г. Акт хранится в нар[яде] № 9/сс — 1939 г. Подпись не исполнена». (Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6157, т. 1, арк. 646).

2) прямокутний відомчий штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 13/XII [1939]»;

3) резолюція голови Військового трибуналу військ НКВС Київського округу: «Проследить исполнение. 15/XII [1939]. Васютинский»;

4) відмітка: «Копию для Военпрокуратуры получил 13/XII 1939 г. Подпис неразборливый».

Архівний підрозділ УМВС України у Житомирській області, ф. 2, оп. 1, спр. 6157, т. 1, арк. 645–645 зв. Завірена машинописна копія на бланку.

№ 20

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі М. Є. Федорова, Д. І. Манька, М. Е. Леснова-Ізраїлева, Д. Й. Малуки, М. А. Зуба і М. С. Люлькова

13–23 квітня 1940 р.

Дело № 13–1940 г.

С[овершенно] секретно
Ф. № 1

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1940 г., апреля 13–23 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в гор. Житомире, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военюриста I ранга тов. Васютинского и членов: 1. мл[адшего] лейтенанта гос. безопасн. т. Черняк

2. т. Фельдмана

при секретаре¹⁰⁴ — военюристе тов. Давидзоне,

без участия сторон — прокурора и защиты,

рассмотрев дело № 13 по обвинению бывших сотрудников Житомирского УНКВД:

1. ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича, 1900 года рождения, уроженца гор. Сызрани Куйбышевской области, жителя гор. Житомира, русского, служащего, служившего в РККА, в органах НКВД с 1924 года, быв[ший] член ВКП(б) с 1920 г., исключённого в связи с настоящим делом, женатого, грамотного, имеющего звание старшего лейтенанта госбезопасности, не судившегося, до ареста работавшего начальником 3[–го] отдела УГБ Житомирского УНКВД;

2. МАНЬКО Даниила Ивановича, 1909 года рождения, уроженца гор. Кременчуга Полтавской обл., жителя гор. Житомира, украинца,

¹⁰⁴ Далі у документі — суцільний рукописний текст, який курсивом не виділений.

служащего, из рабочих, в органах НКВД с 1931 года, бывшего члена ВКП(б) с 1929 года, исключённого в связи с настоящим делом, образование низшее, женатого, до ареста работавшего заместителем начальника 3[-го] отдела УГБ УНКВД по Житомирской области, сержанта госбезопасности, не судившегося;

3. ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича¹⁰⁵, 1905 года рожд., уроженца г. Киева, еврея, служащего, в органах НКВД с 1926 года, бывшего нач[альника] 4[-го] отдела УГБ Житомирского УНКВД, старшего лейтенанта гос. безопасности, бывшего члена ВКП(б) с 1928 года, исключённого в связи с настоящим делом, образование низшее, женатого, не судившегося;

4. МАЛУКИ Даниила Иосифовича, 1903 года рождения, уроженца с. Куйбышево Днепропетровской области, жителя гор. Житомира, украинца, служащего, в органах НКВД с 1928 г., бывшего нач[альника] отделения 4[-го] отдела УГБ Житомирского УНКВД, мл[адшего] лейтенанта госбезопасности, бывшего члена ВКП(б) с 1930 года, исключённого в связи с настоящим делом, образование низшее, женатого, не судившегося;

5. ЗУБА Николая Андреевича, 1902 года рождения, уроженца гор. Харькова, жителя гор. Житомира, украинца, служащего, из рабочих, грамотного, в органах НКВД с 1921 года, бывшего врид нач[альника] 1[-го] спецотдела Житомирского УНКВД, младшего лейтенанта госбезопасности, беспартийного, женатого, не судившегося;

6. ЛЮЛЬКОВА Митрофана Семёновича, 1905 года рождения, уроженца с. Фатевиж Красного р-на Черниговской обл., жителя гор. Житомира, русского, служащего, из батраков, в органах НКВД с 1930 года, бывшего коменданта Житомирского УНКВД, лейтенанта госбезопасности, бывшего члена ВКП(б) с 1930 года, исключённого в связи с настоящим делом, женатого, образование низшее, не судившегося, по ст. 206–17 [п.] «б» УК УССР,

УСТАНОВИЛ:

Состоя на ответственных должностях в Житомирском УНКВД, ФЁДОРОВ, ЛЕСНОВ, МАЛУКА, МАНЬКО и ЗУБ, при участии в отдельных случаях ЛЮЛЬКОВА, допустили в бытность у руководства врага народа ВЯТКИНА — быв[шего] начальника УНКВД — на протяжении 1938 года, до ареста ВЯТКИНА, ряд вопиющих нарушений социалистической законности на почве искривления поставленных перед органами НКВД задач по борьбе с контрреволюционным элементом.

Так, при выполнении задач по очистке Житомирской области от шпионско-диверсантских и прочих к-р элементов ФЁДОРОВ и МАНЬКО в погоне за количественными показателями и в целях создания видимости большого разворота борьбы с к-р элементами допускали массовые, безосновательные аресты граждан, в том числе рабочих и служащих,

¹⁰⁵ У документі з однією «м» — Эмануиловича.

по спискам с предприятий гор. Житомира по национальному признаку и при отсутствии на этих граждан компрометирующих материалов.

При этом быв[ший] зам[еститель] нач[альника] 3[-го] отдела МАНЬКО, выполняя явно преступные указания ВЯТКИНА, практиковал фабрикацию подложных справок на арест граждан для получения санкции прокурора, помещая вымышленные объективные данные: отчество, год рождения и т.п., а также фиктивные данные о к-р деятельности якобы этих граждан.

С ведома своего начальника ФЁДОРОВА МАНЬКО практиковал также преступные методы следствия в отношении арестованных, добываясь от них путём избиения вынужденных признаний в принадлежности якобы их к к-р организациям.

В числе преступных методов следствия, МАНЬКО, с ведома ФЁДОРОВА и в его присутствии, применял групповые допросы арестованных в виде групповых очных ставок, при которых избивали людей на глазах у остальных арестованных, понуждая, таким образом, к сознанию в вымышленной к-р деятельности.

Преступные методы следствия в виде избиения арестованных систематически применялись также и по четвёртому отделу начальником отдела ЛЕСНОВЫМ и его заместителем МАЛУКОЙ, при этом особая жестокость в избиениях арестованных со стороны МАЛУКИ привела в ряде случаев к смерти арестованных от побоев. Так, от избиений на допросе у МАЛУКИ умер арестованный бывший начальник Коростеньской окрмилиции Скрыпник, [а также] Крук и Джуринский. Для сокрытия следов преступления после убийства подследственных МАЛУКА с ведома ЛЕСНОВА, по указанию ВЯТКИНА, и при участии исполнявшего обязанности начальника I спецотдела ЗУБА, оформили дело Скрыпника задним числом по протоколу судтройки УНКВД, прошедшей в мае 1938 года, тогда как смерть Скрыпника последовала от побоев 26 июня 1938 года, после чего лишь было путём подлогов следственных документов, подписанных МАЛУКОЙ, оформлено дело.

В погоне за количественными показателями в следственной работе ФЁДОРОВ, ЛЕСНОВ, МАНЬКО и МАЛУКА толкали также на путь применения преступных методов следствия и подчинённых им оперативных работников, требуя от молодых следователей по 5–6 признаний арестованных в день, результатом чего имели место вымышленные показания арестованных и фальсификация их показаний следователями. Как, например, по делу Павленко, у коего МАЛУКА сам и с помощью ДМИТРЕНКО добился путём избиений вымышленных показаний о шпионаже и прочей к-р деятельности. В результате чего Павленко по сфальсифицированному обвинению представлен был МАЛУКОЙ на судтройку и осуждён был последней 3/ХІ-[19]38 г. к ВМН. Приговор в отношении Павленко не был приведён в исполнение в связи со вскрытием этих злоупотреблений по делу Павленко.

В период деятельности судтройки Житомирского УНКВД с сентября по ноябрь 1938 года под председательством врага народа ВЯТКИНА были допущены вопиющие беззакония в работе указанной тройки при

преступном попустительстве со стороны членов тройки ДИДЕНКО и РАСПУТЬКО, дело о коих выделено в отдельное производство в настоящем судебном заседании.

Будучи привлечены к работе указанной тройки в качестве докладчиков, МАНЬКО с самого начала работы её, а МАЛУКА в заседании от 3/ХІ–[19]38 г., оба приняли участие в преступной практике пропуска дел через тройку в неполном её составе — при заседании двух вместо трёх членов её, а МАНЬКО даже при единоличном решении ВЯТКИНЫМ дел от имени тройки. Так, например, в заседании тройки от 3 октября 1938 г. решения о расстреле принимались единолично ВЯТКИНЫМ по докладу МАНЬКО, коим под диктовку ВЯТКИНА проставлялась буква «Р» на справках и обвинительных заключениях, что означало приговор о расстреле.

Пользуясь соучастием МАНЬКО, ВЯТКИН оформлял решением тройки о расстреле лиц, умерших от побоев на следствии, как, например, убитого ВЯТКИНЫМ в Олевском РО НКВД арестованного инженера-левода Парчевского и других.

В целях пропуска максимального количества дел через судтройку ФЁДОРОВ, ЛЕСНОВ, МАНЬКО и МАЛУКА стали на путь преступной переквалификации предъявленных ранее подследственным обвинений, искусственного объединения в к-р организации лиц, не связанных между собой общей к-р деятельностью, а также представления на тройку незавершенных следственных дел.

По третьему отделу через тройку пропускались дела, не подсудные тройке, как-то квалифицированные специалисты, военнослужащие со званиями. В тех же целях практиковались подложные исправления данных о социальном лице обвиняемых, а по делу китайца Го-Фу-Це, осуждённого тройкой к ВМН, по распоряжению МАНЬКО исправлено было его подданство с иностранного на гражданство СССР.

Пользуясь преступной практикой рассмотрения дел на тройке и фактическим отсутствием во всех заседаниях тройки секретаря, и единоличной фиксацией решений тройки самим ВЯТКИНЫМ, ставившим на справках букву «Р», означавшую приговор к ВМН, постоянный докладчик МАНЬКО, а затем и МАЛУКА, докладывали на тройке дела, фактически не читая их и лишь знакомясь со справками по делам или обвинительными заключениями, сплошь и рядом никем не подписанными.

В результате этой преступной практики, МАЛУКОЙ 3/ХІ–[19]38 года пропущено было через тройку дело шести граждан Ярунского района Рудмана¹⁰⁶, Фельдмана, Кислюка и др., обвинённых по фальсифицированным материалам в к-р сионистской деятельности. Дело это возвращено было с Особого совещания, куда ранее было направлено, и, по мнению быв[шего] нач[альника] отделения IV-го отдела РЕЗНИЧЕНКО, по ознакомлению его с делом, подлежало прекращению в отношении Кислюка за явной необоснованностью обвинений, как оговорённого остальными обвиняемыми, о чем РЕЗНИЧЕНКО и доложил быв[шему] зам[естителю] нач[альника] УНКВД ЛУКЬЯНОВУ, который согласился

¹⁰⁶ У справі фігурувало дві особи з таким прізвищем — Рудман Аврум і Рудман Айзік.

было с освобождением Кислюка. Однако вследствие вмешательства ВЯТКИНА дело это возвращено было IV-му отделу, а затем должно было МАЛУКОЙ на тройке, коей все шесть, включая Кислюка, осуждены были к ВМН.

Согласно предписания об исполнении приговоров приговор должен был быть исполнен 4/XI-[19]38 года, но, в связи с отправкой по этапу пяти из этих осуждённых, кроме Кислюка, в Полтавскую тюрьму, приговор в отношении их не был исполнен, и все они, в результате пересмотра¹⁰⁷ дела в 1939 году, освобождены, а Кислюк согласно акта от 4/XI-[19]38 года расстрелян.

Исполнявший обязанности нач[альника] I спецотдела ЗУБ был уполномочен ВЯТКИНЫМ на оформление протоколов тройки, а также предписаний и актов к исполнению приговоров, но фактически ЗУБ от участия в заседаниях тройки был отстранён и занимался лишь последующим оформлением тройки, составляя по указаниям ВЯТКИНА предписания об исполнении приговоров до оформления и подписи протоколов тройки.

Вследствие этого, при участии ЗУБА были исполнены приговора тройки до оформления и подписи протоколов тройки, в том числе и по ряду протоколов, оказавшихся вовсе не подписанными членами тройки (по протоколам №№ 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13).

После передачи по распоряжению ВЯТКИНА дел по оформлению решений тройки ФЁДОРОВУ, возглавившему специально организованный для этой цели штаб тройки, в этой работе допущен был ещё больший хаос и злоупотребления. Фактическим хозяином положения стал МАНЬКО, и в случае отсутствия на какой-либо справке отметки о решении тройки в виде буквы «Р» МАНЬКО при обращении к нему технического аппарата забирал эту справку и через 2–3 минуты возвращал её с надлежащей отметкой о решении якобы тройки.

При сличении в процессе следствия указанных предписаний и актов исполнения приговоров с протоколами тройки оказались включёнными в акты и предписания, а, значит, и расстрелянными, лица, не числящиеся по протоколам тройки (Пекарский по предписанию к протоколу № 6, Свиницкий по предписанию к протоколу № 9 и Тычинский по предписанию к протоколу № 11).

По протоколам тройки, предписаниям и актам оказались осуждёнными к ВМН ряд лиц, умерших ранее в тюрьме. При отборе заключённых к исполнению над ними приговоров тройки ЗУБ совместно с комендантом ЛЮЛЬКОВЫМ сами вносили исправления в предписаниях в случае обнаружения расхождений в фамилиях, именах, отчествах и возрасте осуждённых без соответствующих решений судтройки об этом, и по указанию ВЯТКИНА привели в исполнение приговор над беременной женщиной, фамилия коей не установлена.

ЛЮЛЬКОВ принимал участие также в избияниях Скрыпника на допросе у МАЛУКИ. Обвинение ЛЮЛЬКОВА в избияниях осуждённых при выполнении приговоров, а также в присвоении вещей, снятых

¹⁰⁷ У документі це слово помилково надруковано двічі.

с осуждённых, на судебном следствии не подтвердилось. Помимо перечисленных преступных действий ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА, ими для покрытия незаконных расходов по УНКВД учинены подлоги на документах: ФЁДОРОВЫМ — на 5071 руб., а ЛЕСНОВЫМ — на сумму 9000 руб. для списания этих сумм в расход.

Обвиняемые ФЁДОРОВ, МАНЬКО, ЛЕСНОВ, МАЛУКА и ЗУБ виновными себя признали частично, а ЛЮЛЬКОВ признал себя виновным лишь в участии в избиении Скрыпника 2 или 3 июня 1938 года, а не 25 июня 1938 года, когда имело место избиение Скрыпника до смерти.

Материалами дела и свидетельскими показаниями на предварительном и судебном следствии виновность ФЁДОРОВА, МАНЬКО, ЛЕСНОВА и МАЛУКИ доказана полностью.

В действиях же ЗУБА и ЛЮЛЬКОВА, учитывая их роль и степень виновности в перечисленных преступлениях, усматривается состав преступления, предусмотренный ст. 206–17 [п.] «а», а не п. «б» ст. 206–17 УК УССР.

На основании изложенного ВТ признал ВИНОВНЫМИ:

1. ФЁДОРОВА в том, что он, будучи начальником 3[–го] отдела Житомирского УНКВД и злоупотребляя своим служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность при выполнении возложенных на него по службе обязанностей на протяжении 1938 года:

а) проводил массовые аресты граждан по национальному признаку без наличия материалов об их к-р деятельности по спискам рабочих и служащих предприятий, допуская оформление арестов фиктивными справками;

б) толкал подчинённый ему аппарат на преступные методы следствия, требуя от следователей по 5–6 признаний в сутки, что приводило к систематическому избиению арестованных и фальсификации материалов следствия. Допуская групповые допросы арестованных с избиениями на глазах и других арестованных, добиваясь таким образом признания их в к-р деятельности.

в) а также в том, что своим преступным отношением к подготовке дел на судтройку и порученному ему оформлению решений тройки способствовал осуждению по тройке лиц по неосновательным и сфальсифицированным материалам, а также ранее умерших и убитых на следствии.

г) кроме того, в совершении подлога на документе для списания незаконно израсходованных 5071 руб. денег, каковые преступления ФЁДОРОВА, учитывая их отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

2. МАНЬКО в том, что, будучи заместителем начальника 3[–го] отдела УНКВД, в 1938 году злоупотреблял своим служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность и в целях создания видимости борьбы с к-р элементами, из карьеристских побуждений:

а) практиковал массовые аресты граждан по необоснованным материалам или вовсе без компрометирующих данных;

б) в целях получения санкции прокурора на арест граждан составлял подложные справки с вымышленными данными об их к-р деятельности;

в) систематически применял незаконные методы следствия, попуская к этому и подчинённый ему оперативный состав, от коего вместе с ФЁДОРОВЫМ требовал добиваться 5–6 признаний арестованных в сутки;

г) принимая активное участие в работе судтройки в качестве докладчика, вместе с ВЯТКИНЫМ пропускать через судтройку незаконченные следствием дела, в том числе искусственно созданные им групповые дела о к-р организациях на лиц, обвиняемых в к-р деятельности, при этом МАНЬКО с делами не знакомился и не знал содержания этих дел, вместе с ВЯТКИНЫМ преступно оформлял их решением судтройки при неполном составе её или вдвоём с ВЯТКИНЫМ, в результате чего через тройку были оформлены дела об умерших подследственных, в том числе и убитых на следствии, каковые преступления, учитывая их отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

3. ЛЕСНОВА в том, что, будучи начальником IV отдела Житомирского УНКВД, злоупотреблял своим служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность, что выразилось в нижеследующем:

а) в применении незаконных методов следствия как им, так и подчинённым ему оперативным составом, понуждаемым к тому незаконными требованиями добиться признаний от арестованных в сутки.

б) В преступной практике оформления дел путём составления подложных следственных документов, как на Особое совещание, так и на судтройку, причём подписывал обвинительные заключения без рассмотрения дел и после выполнения¹⁰⁸ решения судтройкой, в результате чего имело место осуждение судтройкой к ВМН 6 граждан, обвиняемых в сионистской к-р деятельности, из коих Кислюк расстрелян, а пять остальных освобождены в результате пересмотра дела.

в) Допустил избиение МАЛУКОЙ арестованного Скрыпника, в результате которого последовала его смерть, и для сокрытия следов этого преступления, с ведома его дело Скрыпника было оформлено МАЛУКОЙ задним числом по судтройке.

г) Кроме того, в том, что подложно оформил списание в расход незаконно истраченных 9000 руб., каковые преступления, учитывая их отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

4. МАЛУКУ в том, что, будучи начальником отделения IV отдела Житомирского УНКВД, злоупотреблял своим служебным положением в целях создания видимости борьбы с к-р элементом, грубо нарушал социалистическую законность, что выразилось:

а) в систематическом, жестоком избиении арестованных при допросах с понуждением к тому же подчинённых ему оперативных работников, в результате чего умерли от побоев арестованные Скрыпник и другие. При этом, в целях сокрытия следов преступления, МАЛУКА при участии ЗУБА и с ведома ЛЕСНОВА оформил по указанию ВЯТКИНА дело Скрыпника задним числом по протоколу майской судтройки.

б) добился путём жестоких избиений подтверждения арестованным Павленко ранее данных им под влиянием побоев в Олевском РО НКВД вымышленных показаний о к-р деятельности и доложил дело его на судтройку 3/ХІ–[19]38 года, добившись таким образом осуждения Павленко к ВМН (приговор в исполнение не приведён, и Павленко из-под стражи освобождён).

¹⁰⁸ Так у документі. Йдеться про прийняття рішень трійкою.

в) В результате преступного отношения МАЛУКИ к подготовке и оформлению дел по судтройке осуждены были к ВМН по докладу МАЛУКИ на судтройке 3/ХІ-[19]38 г. 6 граждан, из коих в отношении 5-ти приговор не был приведён в исполнение в связи с этапированием их перед этим в Полтаву, а 6-й, Кислюк, был расстрелян, тогда как он ввиду неосновательности материалов обвинения подлежал освобождению так же, как 5 остальных, позже освобождённых по этому делу, граждан, каковые преступления МАЛУКИ, учитывая особо отягчающие обстоятельства, предусмотрены ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

5. ЗУБА в том, что, будучи врид нач[альника] I спецотдела Житомирского УНКВД, злоупотребляя своим служебным положением, под нажимом врага народа ВЯТКИНА:

а) выписывал предписания об исполнении решений судтройки до оформления протоколов тройки, не сверяя, таким образом, предписаний с протоколами тройки. При исполнении решений тройки совместно с ЛЮЛЬКОВЫМ допускал исправления в предписаниях в случаях расхождения фамилии и прочих данных об осуждённых.

б) По требованию и под угрозой ВЯТКИНА совместно с МАЛУКОЙ оформил задним числом, как якобы осуждённого к ВМН по протоколу майской тройки, убитого на следствии Скрыпника, каковые преступления ЗУБА, учитывая степень его виновности в данных преступлениях, предусмотрены ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

6. ЛЮЛЬКОВА в том, что, будучи комендантом УНКВД, злоупотреблял своим служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность, что выразилось в принятии участия в одном из избиений на допросе у МАЛУКИ арестованного Скрыпника, а также в избиениях осуждённых к ВМН и присвоении их вещей, действия ЛЮЛЬКОВА подпадают под признаки ст. 206–17 п. «а», а не п. «б» УК УССР.

Учитывая степень социальной опасности личности ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА, Военный трибунал считает возможным применить к обоим ст. 46 УК УССР, в силу чего

ПРИГОВОРИЛ:

1. МАНЬКО Даниила Ивановича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания сержанта госбезопасности, РАССТРЕЛЯТЬ.

2. МАЛУКУ Даниила Иосифовича на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания мл[адшего] лейтенанта госбезопасности, РАССТРЕЛЯТЬ.

3. ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича и 4. ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича на основании ст. ст. 206–17 [п.] «б» и 46 УК УССР лишить свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ лет каждого, без поражения в правах, с зачётом предварительного заключения с 8 января 1939 года каждому, лишив обоих присвоенного им звания старшего лейтенанта госбезопасности.

5. ЗУБА Николая Андреевича на основании ст. 206–17 [п.] «а» УК УССР лишить свободы в ИТЛ на 5 лет (ПЯТЬ), без поражения в правах, с зачётом предварительного заключения с 8 января 1939 года, лишив его присвоенного ему звания младшего лейтенанта госбезопасности.

6. ЛЮЛЬКОВА Митрофана Семёновича на основании ст. 206–17 [п.] «а» УК УССР лишить свободы в ИТЛ на ТРИ года, без поражения в правах, с зачётом предварительного заключения с 8 января 1939 года, лишив его присвоенного ему звания лейтенанта госбезопасности.

Приговор может быть обжалован в пятидневный срок с момента вручения выписок из приговора осуждённым в Военную коллегия Верховного Суда СССР через Воентрибунал, вынесший приговор.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Черняк
Фельдман*

На останньому аркуші документа нанесено відмітку від руки простим олівцем: «Для ВП приговор получен. Підпис нерозбірливий. 27/IV [19]40 г.».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 319–330. Оригінал.
Рукопис на бланку.

№ 21

**Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі
М. Є. Федорова, Д. І. Манька, М. Е. Лєснова-Ізраїлева,
Д. Й. Малуки, М. А. Зуба і М. С. Люлькова**

26 липня 1940 р.

ВАСЮТИНСКИЙ
19/V–[19]40 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снято 4 копии

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 1–1496-р.
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — Корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ[А]

и членов: — Военного юриста 1[–го] ранга ЧЕПЦОВА

— тов. СМИРНОВОЙ

Рассмотрев в заседании от 26 июля 1940 г. кассационные жалобы¹⁰⁹ МАЛУКИ Д.И., МАНЬКО Д.И., ФЁДОРОВА М.Е., ЛЕСНОВА М.Э., ЗУБ[А] Н.А. и ЛЮЛЬКОВА М.С.¹¹⁰,

на приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 13/23 апреля 1940 г. по делу

ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. ст. УК УССР:

по ст. 206–17 [п.] «б» УК [УССР]:

1) МАНЬКО Даниила Ивановича — к высшей мере наказания РАССТРЕЛУ, с лишением присвоенного ему звания «Сержанта ГБ».

2) МАЛУКУ Даниила Иосифовича — к высшей мере наказания РАССТРЕЛУ, с лишением присвоенного ему звания «Мл[адшего] лейтенанта ГБ».

3) ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича и 4. ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича¹¹¹ — к лишению свободы в ИТЛ на ДЕСЯТЬ ЛЕТ КАЖДОГО, без поражения в правах, с лишением обоих присвоенного им звания «Ст[аршего] лейтенанта ГБ».

по ст. 206–17 [п.] «а» УК [УССР]:

5) ЗУБА Николая Андреевича — к лишению свободы в ИТЛ на ПЯТЬ ЛЕТ, без поражения в правах, с лишением присвоенного ему звания «Мл[адшего] лейтенанта ГБ».

6) ЛЮЛЬКОВА Митрофана Семёновича — к лишению свободы в ИТЛ на ТРИ года, без поражения в правах, с лишением присвоенного ему звания «Лейтенанта ГБ».

и заслушав доклад тов. КОСТЮШКО,

заключение пом. Главного Военного Прокурора тов. МАЛЯРОВА,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Виновность осуждённых ФЁДОРОВА М.Е., МАНЬКО Д.¹¹²И., ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА и МАЛУКИ Д.И. в массовых необоснованных арестах граждан, зачастую по сфальсифицированным справкам; в применении к арестованным незаконных методов следствия, в результате чего имели место особо тяжёлые последствия (дело СКРЫПНИКА, КРУК[А], АЛЕКСЕЕНКО); в применении к арестованным таких издевательских форм следствия, как получившие название «конференции», в понуждении подчинённых им работников к применению к арестованным незаконных методов следствия с тем, чтобы в течение суток каждый из оперативных работников добивался не менее 5–6 признательных показаний от

¹⁰⁹ У документі словосполучення, надруковане у друкарський спосіб в однині, — «кассационную жалобу» — не виправлено.

¹¹⁰ Прізвища та ініціали Д. Малуки і Д. Манька надруковані великими літерами, прізвища і ініціали всіх інших засуджених вписані від руки синими чорнилами.

¹¹¹ У документі по-батькові надруковано з однією «м» — Эмануиловича.

¹¹² У документі ініціал помилково — В.

арестованных и т.д.— материалами дела, показаниями свидетелей и частично признанием самих осуждённых — установлен[а] полностью.

Виновность ЗУБА Н.А. и ЛЮЛЬКОВА М.С.¹¹³ в исправлении установочных данных в предписаниях на осуждённых без соответствующих протокольных на то постановлений; в применении ЛЮЛЬКОВЫМ к последственному СКРЫПНИК[У] физических мер воздействия — материалами дела и личным признанием осуждённых также полностью доказана.

Мера наказания осуждённым МАНЬКО Д.И., МАЛУКА Д.И., ЗУБ Н.А. и ЛЮЛЬКОВУ М.С. приговором ВТ войск НКВД Киевского округа от 13–23 апреля 1940 г. определена в соответствии с характером и тяжестью совершённых ими преступлений и оснований для её отмены или изменения никаких не усматривается.

Что же касается меры наказания, определённой осуждённым ФЁДОРОВУ М.Е. и ЛЕСНОВУ-ИЗРАИЛЕВУ М.Э., то в этой части Трибунал¹¹⁴ недооценил тяжести совершённых указанными осуждёнными преступлений, совершенно не основательно к тому же безмотивно применил к ним ст. 46 УК УССР.

Из материалов дела видно, что ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, будучи начальниками оперативных отделов УНКВД, сами осуществляли незаконные и явно необоснованные аресты граждан; не только не принимали мер к недопущению нарушения основ революционной законности подчинёнными им работниками, но сами культивировали и поощряли это нарушение; личным примером поощряли оперативных работников на применение незаконных методов следствия, фальсификацию следственных материалов; не только не следили за тем, чтобы материалы следствия были всесторонне исследованы и проверены, но и сами передавали для внесудебного рассмотрения дела, следствие по которым окончено не было, и следственные документы соответственно не оформлены и т.д.

Кроме этого, установлено и то, что ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ для покрытия необоснованных расходов государственных средств выдали от себя фиктивные справки на сумму в 14000 руб.

Таким образом, вся преступная деятельность ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА, их руководящее положение в этой деятельности и те особо тяжёлые последствия, которые имели место, не давали оснований для применения к ним ст. 46 УК УССР и определения меры наказания ниже предела, предусмотренного карательной санкцией ст. 206–17 [п.] «б» УК УССР.

Исходя из указанного и руководствуясь ст. 69 Закона о судостроительстве Союза ССР, Союзных и Автономных республик, с протестом Прокурора Союза ССР в части отмены, из-за мягкости меры наказания, приговора ВТ в отношении ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича — согласиться. Приговор Военного Трибунала войск НКВД Киевского округа от 13–23 апреля 1940 года в отношении ФЁДОРОВА М.Е. и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА М.Э. отменить и дело возвратить в тот же ВТ на новое рассмотрение, со стадии судебного следствия, в другом составе судей.

¹¹³ У документі прізвище та ініціали надруковано з помилками — МОЛЬКОВА М.Р.

¹¹⁴ У документі помилково — Трибуналом.

Приговор Военного Трибунала войск НКВД Киевского округа от 13–23 апреля 1940 года в отношении МАНЬКО Даниила Ивановича, МАЛУКА Даниила Иосифовича, ЗУБ[А] Николая Андреевича и ЛЮЛЬКОВА Митрофана Семёновича, как вынесенный в соответствии с характером и тяжестью совершённых осуждёнными преступлений и с учётом всех обстоятельств дела, за отсутствием оснований для его отмены или изменения — оставить в силе без изменений, а кассационные жалобы осуждённых о снижении и смягчении меры наказания — оставить без удовлетворения.

Подлинное за надлежащими подписями.

ВЕРНО: — ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ

Ехалов

Препровождается вместе с делом в 5 томов, 2[–]мя пак[етами] и выпиской из прот[окола] заседания Президиума Верховного Совета СССР¹¹⁵ в ВТ ВО НКВД КИЕВ[СКОГО] ОКР[УГА] д[ля]/исполнения, копия — ГВП д[ля]/сведения.

30.VIII.1940 г.

№ 1–1496-р

Секретарь ВК

Ехалов

Підпис помічника секретаря ВК ВС СРСР завірено круглою гербовою печаткою з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия».

На другому аркуші документа, у правому верхньому куті, від руки синім чорнилом написана довідка секретаря Військового трибуналу: «*Справка. Приговор над осуждёнными Манько и Малука приведён в исполнение 28/VIII [19]40. Акт об этом хранится в [секретном]/наряде ВТ № 9 л. 60. Секретарь ВТ Писарев.*

На першому аркуші документа поставлено:

1) прямокутний відомчий штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 2/IX [19]40»;

2) резолюція від руки червоним олівцем керівництва Військового трибуналу військ НКВС Київського округу: «1) *Дело в отношении Леснова и Фёдорова подготовить к слушанию на 25/IX–[19]40.* 2) *В остальной части приговор обратит к исполнен[ию]. 2/IX [1940]. Подпис неразбірливий»;*

3) розписка від руки простим олівцем, мабуть, про оторимання копії вироку для Військової прокуратури: «3/IX [1940]. Подпис неразбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 427–428. Оригінал.
Машинопис на бланку.

¹¹⁵ Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 7/77/сс від 24 серпня 1940 р. клопотання про помилування Д. Манька і Д. Малуки було відхилено. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 429).

№ 22

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі М. Є. Федорова і М. Е. Лєснова-Ізраїлева

27–29 вересня 1940 р.

Дело № 33–1940 г.

Форма № 1

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1940 г., сентября 27–29 дня, Военный трибунал войск НКВД УССР в помещении УНКВД Житомирской области, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — *военного юриста 2 ранга Лупало народных заседателей: 1. т. Гварадзе*

2. т. Дмитрущенко

при секретаре¹¹⁶ — военном юристе т. Писареве, без участия сторон — гособвинения и защиты, рассмотрев дело по обвинению бывших сотрудников Житомирского УНКВД:

1. ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича, 1900 года рождения, уроженца г. Сызрань Куйбышевской области, жителя г. Житомира, русского, служашего, в РККА служил четыре года, в органах НКВД с 1924 года, состоял членом ВКП(б) с 1920 г., исключённого в связи с этим делом, женатого, с низшим образованием, имеющего звание старшего лейтенанта госбезопасности, до ареста работавшего начальником 3[–го] отдела УНКВД Житомирской области, не судившегося;

2. ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича, 1905 года рождения, уроженца г. Киева, еврея, служашего, с низшим образованием, состоял членом ВКП(б) с 1928 года, исключённого в связи с этим делом, имеющего звание старшего лейтенанта госбезопасности, до ареста работал начальником 4[–го] отдела УНКВД Житомирской области, не судившегося;

в преступлениях, предусмотренных в отношении обоих по ст. 206–17 п. «б» УК УССР,

УСТАНОВИЛ:

Подсудимые ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, состоя на ответственных должностях начальников отделов Житомирского УНКВД, вместе с другими — МАЛУКОЙ, МАНЬКО, ЗУБОМ и ЛЮЛЬКОВЫМ, которые уже осуждены раньше военным трибуналом, на протяжении 1938 года, до ареста врага народа ВЯТКИНА, который в то время стоял в руководстве УНКВД, допустили ряд грубейших нарушений социалистической законности, выразившихся в искривлении поставленных перед органами НКВД задач по борьбе с контрреволюционным элементом. Выполняя задачу по очистке

¹¹⁶ Далі у документі — суцільний рукописний текст, який курсивом не виділений.

Житомирской области от шпион[ск]о-диверсантских и прочего элементов, подсудимые ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ в погоне за количественными показателями и в целях видимости большого разворота борьбы с к-р элементами допустили безосновательные аресты граждан, в том числе рабочих и служащих, по спискам с предприятий г. Житомира по национальному признаку и при отсутствии на них компрометирующих материалов.

В следственной работе, как ФЁДОРОВ, ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, так и их бывшие заместители МАНЬКО и МАЛУКА, последние уже за эти незаконные действия осуждены, толкали на явно преступный путь и своих подчинённых оперативных работников, требуя от молодых следователей по 5–7 признаний арестованных в день, в результате чего и применения к арестованным мер физического воздействия имели место вымышленные показания арестованных и фальсификация их показаний следователями.

Преступные методы следствия в виде избиений арестованных применялись как по 3[–ему], так и 4[–му] отделам УНКВД, начальниками коих являлись в то время подсудимые ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, причём при применении таких незаконных методов следствия добивались от арестованных признаний в принадлежности к к-р организации.

Особую жестокость в избиениях арестованных при допросе проявлял уже осуждённый МАЛУКА, причём эти жестокости в избиениях арестованных приводили в ряде случаев к смерти арестованных.

При допросах у МАЛУКИ от побоев умерли арестованный бывший начальник Коростенской окрмилиции СКРЫПНИК¹¹⁷, КРУК и ДЖУРИНСКИЙ.

Для скрытия следов преступления МАЛУКА по указанию врага народа ВЯТКИНА и с ведома подсудимого ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА оформлял дела на арестованных, умерших от избиений, задним числом по протоколам судтройки.

В деле смерти арестованного СКРЫПНИКА участие подсудимого ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА установлено лишь в том, что он, ЛЕСНОВ, один раз присутствовал при избиениях СКРЫПНИКА МАЛУКОЙ, а уже после смерти СКРЫПНИКА, в целях скрыть эти преступные действия МАЛУКИ, задним числом подписал обвинительное заключение по делу СКРЫПНИКА с направлением якобы такового на рассмотрение тройки, и, кроме того, всячески добивался от ЛЮЛЬКОВА, приводившего в то время в исполнение решения тройки к ВМН, включения в протокол и СКРЫПНИКА как лица, осуждённого тройкой к ВМН и приведённого над ним приговора.

Подсудимые ФЁДОРОВ и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, а также и их заместители МАНЬКО и МАЛУКА, в целях пропуска максимального количества дел через тройку стали на преступный путь переквалификации предъявленных ранее арестованным обвинений, искусственного объединения в к-р организации по 150–300 человек лиц, не связанных между собой общей к-р деятельностью, и эти дела представляли на рассмотрение судебной тройки, причём во многих случаях — незаконченные следствием дела.

¹¹⁷ Тут і далі в деяких випадках у документі прізвище написано через літеру «и» — Скрипник.

В результате этого, а также и пользуясь преступной практикой рассмотрения дел на судтройке, дела на судтройке во многих случаях разрешались одним лишь ВЯТКИНЫМ, ставившим на справке букву «Р», что означало приговорён к ВМН, — докладчики МАЛУКА и МАНЬКО таким образом пропускали эти дела, по существу, не [по] судтройке, а на рассмотрение одного ВЯТКИНА, не читая их, а лишь знакомясь со справками по делам и обвинительным заключениям, которые во многих случаях не были ни кем подписаны.

По многим делам, как подсудимый ФЁДОРОВ, так и ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ, обвинительные заключения подписывали после осуждения лиц судтройкой и после приведения решений тройки в исполнение.

Представленное таким образом так называемое групповое дело на КИСЛЮК[А] и других в числе шести человек на рассмотрение судтройки, и последняя 3 ноября 1938 года по фальсифицированным материалам осудила всех к ВМН¹¹⁸.

Решение судтройки 4 ноября 1938 года было приведено в исполнение только над КИСЛЮКОМ, а остальные по этому делу лица были отправлены в Полтавскую тюрьму, и по возвращении их из Полтавской тюрьмы и после доследования дела в отношении их, были из-под стражи освобождены за необоснованностью их ареста и предъявленных им обвинений.

По таким же фальсифицированным документам следствия был осуждён к ВМН и ПАВЛЕНКО, впоследствии освобождённый из-под стражи из-за необоснованного ареста и предъявленных ему обвинений.

Помимо перечисленных преступных действий подсудимых ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА, они для покрытия незаконных расходов по УНКВД учинили подлоги на документах, а именно: ФЁДОРОВЫМ — на сумму 5071 рубль и ЛЕСНОВ[ЫМ]-ИЗРАИЛЕВ[ЫМ] вместе с ФЁДОРОВЫМ — на сумму 9000 рублей для списания этих сумм в расход.

В предъявленных обвинениях виновным [себя] лишь частично признал подсудимый ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ. Подсудимый ФЁДОРОВ виновным себя не признал.

Материалами дела и показаниями допрошенных свидетелей, как на предварительном, так и на судебном следствии, виновность подсудимых ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА ДОКАЗАНА.

На основании изложенного военный трибунал признал ФЁДОРОВА и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА ВИНОВНЫМИ:

ФЁДОРОВА в том, что он, будучи начальником 3[-го] отдела УНКВД Житомирской области, на протяжении 1938 года злоупотребляя своим служебным положением, проводил аресты граждан по национальному признаку и без наличия материалов о их к-р деятельности, толкал подчинённых ему по службе лиц на преступные методы следствия, требуя от следователей по 5–7 признаний арестованных в день, что приводило к систематическим избиениям арестованных и фальсификации материалов следствия в создании групповых дел в 150–300 человек, не связанных между собой общей к-р деятельностью, и направления этих дел на судтройку и в совершении подлога на документе для списания незаконно израсходованных 5071 рубля, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

¹¹⁸ Так (невідповідність відмінків) у документі.

ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА в том, что он, будучи начальником 4[–го] отдела УНКВД Житомирской области и злоупотребляя своим служебным положением, производил в 1938 году аресты граждан без наличия материалов о их антисоветской и к-р деятельности, допускал применение незаконных методов допроса сотрудниками, избияния на допросах арестованных, в результате чего на допросах были убиты СКРЫПНИК, КРУК и ДЖУРИНСКИЙ, а также и в скрывании следов преступления в отношении убийства на допросе СКРЫПНИКА, в создании групповых дел из одиночек, а этим самым — в фальсификации материалов следствия, дела на которых направлялись на рассмотрение судебной тройки и по решениям которой многие осуждались к ВМН, а потом за необоснованностью освобождались из-под стражи (групповое дело КИСЛЮКА и ПАВЛЕНКО); в преступном отношении к следственным делам, направляемым на рассмотрение судтройки, выразившемся в том, что обвинительные заключения по этим делам подписывал после того, как дела были рассмотрены и решения судтройки были приведены в исполнение. Кроме того, ЛЕСНОВ-ИЗРАИЛЕВ вместе с подсудимым ФЁДОРОВЫМ совершили подлог на документе на списание в расход незаконно израсходованных УНКВД 9000 рублей, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

На основании изложенного военный трибунал, руководствуясь п. 3302[–й] ст. УПК УССР,

ПРИГОВОРИЛ:

ФЁДОРОВА Михаила Ермолаевича и ЛЕСНОВА-ИЗРАИЛЕВА Матвея Эммануиловича, лишив их званий старших лейтенантов госбезопасности и на основании санкции п. «б» ст. 206–17 УК УССР подвергнуть высшей мере наказания — РАССТРЕЛУ.

Приговор может быть обжалован в 5-дневный срок со дня вручения выписки из приговора осуждённым в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Председатель

Луцало

Народные заседатели:

*Гварадзе
Дмитрущенко*

Смотри особое мнение

Дмитрущенко¹¹⁹

На останньому аркуші документа поставлений прямокутний відомчий штамп з написом: «Копию для Военпрокуратуры получил 1/Х 19[40] г. Підпис нерозбірливий».

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 512–516. Оригінал.
Рукопис на бланку.**

¹¹⁹ В «Особливій думці» народний засідатель Дмитрущенко висловив думку про те, що стосовно засуджених «полностью применить статью 206–17 п. (б) УК УССР нельзя, а следует применить ст. 46 УК УССР в сторону смягчения, т.е. расстрел заменить 10 годами тюремного заключения». [ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 517 (конверт)].

№ 23

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі М. Є. Федорова і М. Е. Лєснава-Ізраїлева

18 жовтня 1940 р.

ЛУПАЛО
11/Х-[19]40 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО
Снято 3 копії

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 1-1496-р. ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:
Председательствующего — Диввоенюриста СУСЛИНА
и членов: — Бригвоенюриста ДЕТИСТОВА
— СМИРНОВОЙ

Рассмотрев в заседании от 18 октября 1940 г. кассационные жалобы¹²⁰
ФЁДОРОВА М.Е. и ЛЕСНОВА-ИЗРАЙЛЕВА М.Э.,
на приговор ВТ войск НКВД УССР от 27–29 сентября 1940 г. по делу
ОСУЖДЁННЫХ за преступл[ения], предусмотр[енные] ст. 206–17 [п.]
«б» УК УССР:

1. ФЁДОРОВ Михаил Ермолаевич и
2. ЛЕСНОВ-ИЗРАЙЛЕВ Матвей Эммануилович¹²¹ —
к РАССТРЕЛУ, с лишением званий «ст. лейтенантов Государственной
Безопасности»
и заслушав доклад тов. СУСЛИНА и
заключение пом. Главного Военного Прокурора тов. МАЛЯРОВА об
оставлении приговора в силе,

ОПРЕДЕЛИЛА:

Материалами предварительного и судебного следствия ФЁДОРОВ
и ЛЕСНОВ-ИЗРАЙЛЕВ полностью изобличены в совершении престу-
пления, предусмотренного ст. 206–17 п. «б» УК УССР, а наказание к ним
применено с учётом тяжести совершённых преступлений.

Не усматривая оснований к отмене приговора и к снижению назна-
ченного им наказания, — приговор оставить в силе, без изменений, а кас-
сационные жалобы осуждённых отклонить.

Подлинное за надлежащими подписями.

¹²⁰ У документі словосполучення, надруковане у друкарський спосіб в однині, —
«кассационную жалобу» — не виправлено.

¹²¹ У документі по-батькові надруковано з однією «м» — Эмануилович.

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО
СУДА СОЮЗА ССР
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 2 РАНГА

Геттингер

Препровождается вместе с делом в 5 томов, 2[–]мя пак[етами] и выпиской из прот[окола] заседания Президиума Верховного Совета СССР¹²² в ВТ войск НКВД УССР д[ля]/исполнения, копия — ГВП д[ля]/сведения.

Ноября 20 дня 1940 г.

№ 1–1496-Р

Секретарь ВК

Геттингер

Підпис секретаря ВК ВС СРСР завірений круглою печаткою з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия».

На звороті документа, у лівому нижньому куті, від руки синім чорнилом написана довідка секретаря Військового трибуналу: *«Справка. Приговор над осуждёнными Фёдоровым и Лесновым-Израилевым приведён в исполнение 4 ноября 1940. Акт об этом хранится в секретном/наряде ВТ № 9 л. 84. Секретарь ВТ Писарев».*

На звороті документа поставлений прямокутний відомчий штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Киевского округа. Получено 25/XI [19]40 № 4160».

На лицьовій частині документа:

1) поставлено прямокутний відомчий штамп з написом: «Копию для Военпрокуратуры получил 26/XI 1940. Підпис нерозбірливий»;

2) від руки червоним олівцем нанесена резолюція голови Військового трибуналу військ НКВС УРСР: *«Нерозбірливо. 27/XI [1940]. Васютинский».*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 537–537 зв. Завірена копія.
Машинопис на бланку.

¹²² Згідно з витягом з протоколу засідання Президії Верховної Ради СРСР № 7/84/сс від 29 жовтня 1940 р. клопотання про помилування М. Федорова і М. Леснова-Ізраїлева було відхилено. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67839, т. 5, арк. 538).

РОЗДІЛ 4.

СПРАВИ НАЧАЛЬНИКА УНКВС ПО ОДЕСЬКІЙ ОБЛАСТІ ПАВЛА КИСЕЛЬОВА, ЗАСТУПНИКА НАЧАЛЬНИКА УНКВС СЕРГІЯ ГАПОНОВА ТА ІНШИХ СПІВРОБІТНИКІВ УНКВС

«...В работе аппарата Одесского областного управления НКВД, когда начальником его был КИСЕЛЁВ, процветали произвол и беззаконие. Советские граждане, в том числе ответственные партийные и советские работники, арестовывались без всяких к тому оснований и по непроверенным данным. К арестованным применялись изощрённые, запрещённые законом методы физического и морального воздействия с целью заставить их подписать сфальсифицированные работниками НКВД клеветнические показания на себя и на других ни в чём не повинных советских граждан».

— *З висновку Військової прокуратури Одеського військового округу у справі Павла Кисельова, 12 квітня 1960 р.*

«...Калюжный являлся основным истребителем-палачом одесских большевиков, ибо под его руководством работали Абрамович, Берензон, Мошковский, Фадеев и друг[ие], которые издевались над арестованными. Калюжный, как нач[альник] отдела, знал обо всём этом и сознательно содействовал этому».

— *Сруль Шпак, працівник апарату Уповноваженого Комісії партійного контролю при ЦК ВКП(б) по Одеській області, свідок на судовому процесі у справі колишнього начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області Володимира Калюжного, 24–25 грудня 1940 р.*

«...Свидетель Баргер показал, что, начиная с первых дней допроса его, Берензон обрушился по его адресу гнусными похабными оскорблениями и угрозами, заявляя: “Фашист, это тебе не обком, пиши, что тебе говорят, иначе тебя сотрут в порошок, вытащим у тебя рёбра — ты всё скажешь, кровью захочешь писать, но будет поздно”».

— *З протоколу судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Західно-Сибірського округу, 23 квітня 1943 р.*

«Я, как молодой работник, сначала был ошеломлён теми ужасами, которые творились в нашем отделении, т.е. крики, ругань, продолжающаяся с начала рабочего дня и до конца его, избивание арестованных и т.д., но с этим я мирился, ибо я верил тогда старым работникам».

— *Абрам Гнесін, колишній помічник оперуповноваженого 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області, на судовому процесі у справі колишнього начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області Володимира Калюжного, 23 грудня 1940 р.*

№ 24

Висновок Військової прокуратури Одеського військового округу у справі П. П. Кисельова

12 квітня 1960 р.

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ОдВО
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
Чередничок

«12» апреля 1960 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Одесса

«12» апреля 1960 года

Помощник военного прокурора Одесского военного округа подполковник юстиции КИРИЧЕНКО, рассмотрев материалы архивно-следственного дела по обвинению КИСЕЛЁВА П.П., жалобу его жены СЕРГЕЕВОЙ-КИСЕЛЁВОЙ и материалы дополнительной проверки,

УСТАНОВИЛ:

22 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР осуждён на основании ст. ст. 58-1 «а» и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу

КИСЕЛЁВ Павел Петрович, 1903 года рождения, уроженец гор. Харькова, русский, член ВКП(б) с 1924 года, исключённый в связи с настоящим делом, до ареста — начальник Одесского областного управления НКВД.

Приговор приведён в исполнение 23 февраля 1939 года.

Согласно приговору КИСЕЛЁВ признан виновным в том, что он с начала 1938 года являлся активным участником антисоветской террористической заговорщической организации, действовавшей в НКВД УССР, в которую был завербован Успенским.

По заданию Успенского КИСЕЛЁВ проводил подрывную работу, направленную на сохранение от разгрома антисоветских формирований, и обсуждал с Успенским практические задачи право-троцкистской антисоветской организации, ставившей своей целью путём диверсий и терактов устранение руководства ВКП(б) и свержение советской власти. Кроме того, КИСЕЛЁВ проводил активную работу по установлению шпионских связей заговорщической организации с заграницей.

В начальной стадии предварительного следствия КИСЕЛЁВ признал себя виновным в том, что он являлся участником антисоветской террористической заговорщической организации, куда был вовлечён бывшим наркомом внутренних дел УССР Успенским.

Затем он от этих своих показаний отказался и ни в чём себя виновным не признал. В судебном заседании Военной коллегии он также не признал себя виновным. (л.д. 53–120, 121–137, 155).

Его вина основана лишь на показаниях, данных на предварительном следствии осуждёнными по другим делам Тушева, Вяткина, Троицкого и Яралянца, выписки из показаний которых приобщены к настоящему делу. (л.д. 142–148).

Однако эти показания Яралянца, Троицкого, Вяткина и Тушева не могут лечь в основу обвинительного приговора в отношении КИСЕЛЁВА, поскольку Яралянец, Троицкий и Вяткин в судебном заседании Военной коллегии от них отказались, а показания Тушева не конкретны и предварительным и судебным следствием не проверены. (М[а]т[е]р[и]ал] проверки, 1[–й] том, л.д. 13–18).

Других же доказательств виновности КИСЕЛЁВА в том, что он состоял в антисоветской террористической организации, в материалах дела нет.

Не установлено также доказательств и в ходе дополнительной проверки настоящего дела.

Вместе с тем, в процессе проверки дела установлено, что в работе аппарата Одесского областного управления НКВД, когда начальником его был КИСЕЛЁВ, процветали произвол и беззаконие. Советские граждане, в том числе ответственные партийные и советские работники, арестовывались без всяких к тому оснований и по непроверенным данным. К арестованным применялись изощрённые, запрещённые законом методы физического и морального воздействия с целью заставить их подписать сфальсифицированные работниками НКВД клеветнические показания на себя и на других ни в чём не повинных советских граждан.

Сфальсифицированные таким образом следственные дела на ответственных партийных и советских работников направлялись на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, а на остальных граждан — на рассмотрение тройки [У]НКВД, председателем которой являлся КИСЕЛЁВ. Причём «обработка» арестованных, следственные дела которых были направлены в Военную коллегию Верховного суда, продолжалась и после окончания следствия по делам, непосредственно перед судебным заседанием Военной коллегии, с тем, чтобы не дать возможности арестованным отказаться от сфальсифицированных показаний.

Это подтверждается следующим:

Так, бывший работник УНКВД Одесской области САЛЬНИКОВ 15 ноября 1955 года показал:

«[...]

Физические меры воздействия применялись всеми следователями.

Применялись такие методы воздействия: длительное стояние на ногах, избивание арестованных кулаком, палками, а Тягин применял даже касет, битье пальцем в одно место груди в течение нескольких часов, отчего у арестованного распухла грудь, посадка арестованного на колышек, вставленный в сиденье мягкого стула, крик через рупор в ухо [...]

Психические меры воздействия применялись такие: уговор арестованного дать показания на себя и других, обещая за это более мягкую меру

наказания, а за отказ дать показания — расстрел; угрозы арестом его семьи и т.д. Тот следователь, который не применял этих методов следствия, считался плохим работником, и его обвиняли в нежелании бороться с врагами.

[...]

Были случаи, когда от таких допросов арестованные выбрасывались со второго и третьего этажа через окна и разбивались.

Психические воздействия применялись не только во время следствия, но они применялись и после окончания следствия, непосредственно перед судом. Следователи целую ночь держали в своих кабинетах арестованных перед слушанием их дел в суде и уговаривали их подтвердить в суде данные ими на предварительном следствии показания, говоря, что «за признание — половина наказания, а в противном случае они будут строго наказаны».

Заседания Военной коллегии проводились всегда в кабинете начальника Управления НКВД. Следователь, после обработки арестованного, вёл его в этот кабинет, где уже стояли комендант и вахтёр». (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 120–122).

Допрошенный 7 февраля 1941 года бывший работник Одесского областного УНКВД МАРТЫНЧУК в связи с проверкой сфальсифицированного дела на бывшего красного партизана Сечкина показал:

«...На допрос направлялись те арестованные, которые из камеры написали заявление или устно изъявляли [желание] дать показания о своих преступлениях. Помню, что была специальная камера в ЦАДе¹, где были сконцентрированы Орловским и Зислиным арестованные, которые не сознавались. К этим арестованным были применены методы стойки, не разрешалось садиться и лежать, пока не дадут желаний дать показания. Находясь в таких условиях, арестованные не могли выдержать и давали вымышленные показания, дабы избежать невыносимых условий. Наблюдение за такими камерами вели специально выделенные работники милиции». (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 57).

[...]

Об изощрённых, запрещённых законом методах физического и психического воздействия работниками Одесского областного УНКВД на арестованных и фальсификации протоколов допроса дали показания свидетели Ионкис (л.д. 107–114), Мосалёв (л.д. 99–102), Спиридонов-Вавилов (л.д. 95–98), Сенкевич (л.д. 60–81), Дубецкий² (л.д. 82–84), Баргер (л.д. 153–159) и другие.

КИСЕЛЁВ, будучи начальником Одесского областного управления НКВД, знал, что подчинённые ему работники допускают произвол и беззаконие в своей работе, фальсифицируют уголовные дела на ни в чём не

¹ ЦАД — рос.: Центральный арестный дом — спеціальне місце в системі адміністративних будівель НКВС (будинок кримінального розшуку) у м. Одесі для утримання заарештованих. Організований у 1937 р. за ініціативи 3-го (контррозвідального) відділу УДБ УНКВС із прикріпленням до ЦАДУ постійного штату міліціонерів, в обов'язки яких входило побиття заарештованих з метою отримання від них «зізнань».

² У документі помилково — Дубовецкий.

повинных советских людей, в том числе и на ответственных партийных и советских работников, и не только не пресёк это беззаконие, но и сам культивировал применение запрещённых законом методов следствия.

Это подтверждается следующим.

Так, бывший работник Одесского областного управления НКВД САЛЬНИКОВ 28 марта 1960 года показал:

«Но, он (Киселёв) не мог не знать о том беззаконии, которое творилось при расследовании дел, т.к. за квартал от здания УНКВД можно было слышать «Колись, шпион», а также крики и ругань. (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 123).

Бывший заведующий облфинотделом СЕНКЕВИЧ, находившийся под стражей с 3.VII.1938 года по 4.XI.1939 года, 27 апреля 1940 года дал подробные показания о тех незаконных методах допроса, которые к нему применялись работниками НКВД Абрамовичем, Кордуном, Калюжным и другими. Далее он показал:

«В один из таких «допросов» пришёл вместе с Калюжным КИСЕЛЁВ. Я начал перед КИСЕЛЁВЫМ протестовать, что я не враг, всё, что мне предъявляют, всё это — ложь, выдумка. Я, партийный работник, прибыл в Одесскую область по решению ЦК ВКП(б) на должность начальника политотдела МТС. КИСЕЛЁВ на это ответил: «Всё это ничего не стоит, все бывшие начальники политотделов арестованы, это был специально подобранный отряд для проведения вредительской контрреволюционной работы в сельском хозяйстве».

Это заявление КИСЕЛЁВА вызвало у меня негодование и чувство абсолютного недоверия этому негодяю. Я понял, что жаловаться и протестовать этому человеку бесполезно. Кроме того, он ругал меня и заявил: «Всё равно будете давать показания. Требовал объяснения, почему я пишу в анкете «белорус», а не «поляк», что он располагает материалами, что я — поляк и польский легионер. Я ответил, что между врагами, будь он белорус или поляк, нет никакой разницы, я пишу в анкетах «белорус», потому что я действительно белорус. Никогда польским легионером не был, а честно служил с 1918 года в рядах РККА. Тогда он нашёл другой предлог и начал меня обвинять в принадлежности к толмачёвской контрреволюционной организации³: «Вы — старый политработник Красной армии, вы путались с толмачёвцами». Я не знаю, где открывается дверь в Толмачёвке, никогда там не был и не учился, а меня «сделали», кроме всего, участником толмачёвской организации. Абрамовича это ободрило, он начал меня ещё больше запутывать, чтобы сделать с меня врага с 1927 года». (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 60–81).

Бывший заведующий совторготделом Одесского обкома КП(б)У БАРГЕР, находившийся под стражей с 6 июля 1938 года по 4 ноября

³ Йдеться про «антипартиїне внутрішньоармійське білорусько-толмачовське угруповання», до складу якого у 1938 р. начебто входили деякі викладачі і випускники Військово-політичної академії ім. М.Г. Толмачова (ВПАТ). І хоча з 11 січня 1938 р. академія носила ім'я В.І. Леніна (ВПА ім. В.І. Леніна, з 1994 р.— Військовий університет Міністерства оборони Російської Федерації), у 1938 р. її за звичкою називали «Толмачовкою».

1939 года, 20 апреля 1940 года дал подробные показания о незаконных методах следствия, применявшихся к нему работниками УНКВД, и о КИСЕЛЁВЕ показал следующее:

«Будучи в тяжёлом физическом состоянии после избияния Кордуном и Савиным, в кабинет входит б[ывший] начальник облуправления КИСЕЛЁВ и Гапонов, они начали с того, что я ещё не испытал всего того, что меня ждёт, один и другой подчеркнули, что НКВД — это не партколлегия, и что со мной собираются разделаться, как с любым врагом». (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 153–159).

Бывший красный партизан ДУБЕЦКИЙ⁴, арестованный в 1938 году Одесским областным управлением НКВД и обвинявшийся в принадлежности к антисоветской повстанческой партизанской организации, о КИСЕЛЁВЕ показал:

«Я настойчиво требовал разговора с начальником 3-го отдела или с начальником облуправления НКВД.

В ночь с 15.8 на 16.8, это было приблизительно в 3 часа ночи, меня вызвали к КИСЕЛЁВУ в ЦАД, я был болен, у меня сердечные припадки и головные боли от побоев и бессонных ночей.

Я КИСЕЛЁВУ объяснил, что я не виновен, никаких контрреволюционных преступлений перед государством не совершал, а также ни с какими контрреволюционными организациями не был связан. Он, вместо того, чтобы разобраться в моей невиновности, налетел на меня как орёл, вытянул руку, размахнулся на меня, обругал, сказал, позовите несколько человек, разложить и избить меня, а затем угрожал арестом моей семьи.

После такого следствия, которое вёл сам КИСЕЛЁВ, я, будучи в невменяемом состоянии, решил подписать какие угодно показания». (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 82–84).

Фальсификация материалов на арест и следственных дел работниками Одесского областного УНКВД подтверждается и следующими объективными доказательствами.

В прекращённом 4 ноября 1939 года за отсутствием состава преступления деле на бывшего зав. совторготделом Одесского обкома КП(б) Украины БАРГЕРА, заведующего Одесским облфинотделом СЕНКЕВИЧА и других 10 человек обнаружена справка, составленная Абрамовичем и подписанная Калюжным, в которой говорится, что БАРГЕР, по показаниям СЕНКЕВИЧА, является одним из руководителей областного центра правых, а потому подлежит аресту. На справке имеется резолюция КИСЕЛЁВА от 5 июля 1938 года: «Арестовать». 6 июля 1938 года БАРГЕР был арестован.

Ссылка в справке на показания СЕНКЕВИЧА является ложной, т.к. СЕНКЕВИЧ сам был арестован только 3 июля 1938 года, а первый его протокол допроса, подшитый в дело, датирован 27–28 июля 1938 года. На допросе же 2 сентября 1939 года СЕНКЕВИЧ показал, что этот протокол допроса был составлен следователем Абрамовичем и представлен СЕНКЕВИЧУ для подписи лишь 9 или 10 августа 1938 года. (Мат[ериал] проверки, т. 2, л.д. 2–4).

⁴ У документі — Дубецкой.

Из приговора военного трибунала войск НКВД Киевского военного округа от 23–26 декабря 1940 года в отношении бывшего начальника 4[–го] отдела [У]НКВД Калужного видно, что Калужным в 1938 году были сфальсифицированы дела на работников КПК по Одесской области, по которым было осуждено 7 человек ни в чём не повинных партийных работников к расстрелу и один человек — к 15 годам ИТЛ. Тем же Калужным с участием КИСЕЛЁВА было сфальсифицировано дело на Баргера, Сенкевича и других партийных и советских работников, в результате чего ни в чём не повинные партийные и советские работники длительное время содержались под стражей. (Мат. проверки, т. 2, л.д. 160–163).

Из приговора на бывших работников 3[–го] отдела УНКВД по Одесской области Рыбакова, Раева, Зислина и Шнайдера видно, что ими были сфальсифицированы дела на 65 человек красных партизан, из которых пять человек по постановлению тройки [У]НКВД под председательством КИСЕЛЁВА были расстреляны, а остальные 60 человек партизан длительное время содержались под стражей, подвергаясь издевательствам со стороны Шнайдера, Зислина, Рыбакова и Раева. (Материал проверки, т. 2, л.д. 164–168).

Из показаний ДУБЕЦКОГО видно, что непосредственное участие в фальсификации дел на партизан принимал и КИСЕЛЁВ. (Материал проверки, т. 2, л.д. 82–84).

Из приговора военного трибунала войск НКВД [Киевского округа] от 25.VI–2.VII 1940 г. на бывших работников 6[–го] отдела Одесского областного УНКВД Макиевского, Айзмана, Шамиса и Залкинды видно, что ими в 1938 году, в то время, когда КИСЕЛЁВ был начальником УНКВД, были сфальсифицированы дела на работников Осоавиахима, работников милиции, работников горпожарохраны и других советских граждан.

Вследствие фальсификации работниками 6[–го] отдела УНКВД дел, некоторые ни в чём не повинные советские граждане по постановлению тройки [У]НКВД под председательством КИСЕЛЁВА были расстреляны, а другие длительное время содержались под стражей. (Материал проверки, т. 2, л.д. 169–174).

Из приговора на бывших работников 4-го отдела УНКВД Одесской области Гапонова, Абрамовича, Кордуна, Берензона, Гнесина и Мошковского видно, что они в 1938 году, в период, когда начальником УНКВД был КИСЕЛЁВ, систематически фальсифицировали дела на ответственных партийных и советских работников. (Материал проверки, т. 2, л.д. 175–180).

Проверкой установлено, что в период июня–сентября 1938 года Одесским областным УНКВД было закончено следствием и было передано на рассмотрение Военной коллегии 119 дел на 119 человек ответственных партийных и советских работников, из которых 118 человек выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 10–12 октября 1938 года были осуждены.

В настоящее время дела на 87 человек, в том числе на 54 человека, осуждённых к ВМН, прекращены за отсутствием состава преступления. На остальных осуждённых дела не проверялись. (Материал проверки, т. 1, л.д. 64–71; т. 2, л.д. 5–30).

Проверкой также установлено, что в период с 21 сентября по 2 ноября 1938 года Одесской тройкой НКВД под председательством КИСЕЛЁВА было осуждено 2094 человека.

К настоящему времени из числа этих граждан, осуждённых тройкой под председательством КИСЕЛЁВА, реабилитировано полностью 677 человек, в том числе реабилитированы 326 ни в чём не повинных советских граждан, расстрелянных по постановлению тройки.

подавляющее большинство остальных дел, рассмотренных тройкой под председательством КИСЕЛЁВА, в порядке надзора ещё не рассматривались. (Мат[ериал] проверки, т. 1, л.д. 77–216).

Таким образом, хотя материалами дела и не установлена принадлежность КИСЕЛЁВА к антисоветской вредительской организации, материалами проверки установлено, что КИСЕЛЁВ, работая начальником Одесского областного управления НКВД, преступно относился к своим обязанностям, в результате чего многие ни в чём не повинные советские граждане были арестованы, обвинены в тяжчайших государственных преступлениях, и сотни граждан, в том числе ответственных, партийных и советских работников, без всякой их вины, были расстреляны.

На основании изложенного, ПОЛАГАЛ БЫ:

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу КИСЕЛЁВА Павла Петровича оставить в силе.

Дальнейшую проверку по делу прекратить.

ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ОдВО
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Кириченко

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 2, арк. 183–193.
Оригінал. Машинопис.

№ 25

Висновок Головної військової прокуратури у справі П. П. Кисельова

29–30 січня 1990 р.

«УТВЕРЖДАЮ»
ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР –
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
генерал-лейтенант юстиции

А. Ф. Катусев

«30» января 1990 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«29» января 1990 г.

гор. Москва

Военный прокурор отдела управления ГВП по реабилитации полковник юстиции Гусев В. Б., рассмотрев в порядке надзора архивное уголовное дело в отношении бывшего начальника УНКВД Одесской области Киселёва П. П. и заявление гр-ки Ромасько О. С. с просьбой о реабилитации Киселёва П. П.,—

установил:

По приговору Военной коллегией Верховного суда СССР от 22 февраля 1939 г.

Киселёв Павел Петрович, 1903 года рождения, уроженец г. Харькова, житель г. Одессы, русский, гражданин СССР, из служащих, исключённый из членов ВКП(б) в связи с данным уголовным делом, с образованием 4 класса, женатый, состоявший на службе в органах НКВД с 1921 г., начальник УНКВД УССР по Одесской области,

осуждён на основании ст. ст. 58–1 «а», 58–8, 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, который приведён в исполнение 23 февраля 1939 года.

Судом Киселёв признан виновным в том, что он с начала 1938 г. являлся активным участником антисоветской террористической заговорщической организации, действовавшей в НКВД УССР, в которую был завербован народным комиссаром внутренних дел УССР Успенским.

По заданию Успенского Киселёв проводил подрывную работу, направленную на сохранение от разгрома антисоветских формирований, и обсуждал с Успенским практические задачи право-троцкистской организации, ставившей своей целью путём диверсий и террористических актов устранение руководства ВКП(б) и свержение советской власти. До вербовки в указанную организацию стоял на троцкистских позициях и вёл борьбу против линии партии.

Кроме того, КИСЕЛЁВ проводил активную работу по установлению шпионских связей заговорщической организации с границей (из приговора).

Из заявления гражданки Ромасько О. С. усматривается, что она просит сообщить о судьбе её дяди — Киселёва П. П. и при наличии оснований реабилитировать его.

Изучив материалы уголовного дела и проверки, проведённой в 1960 г., нахожу, что просьба заявительницы о реабилитации Киселёва не может быть удовлетворена по следующим основаниям.

Как видно из материалов уголовного дела, вывод суда о виновности Киселёва в инкриминируемых ему преступлениях сделан на основании оглашённых в судебном заседании показаний заместителя наркома внутренних дел УССР Яролянца⁵ А. А. (т. 1, л. д. 147–148), начальника Житомирского УНКВД УССР Вяткина Г. М. (т. 1, л. д. 143–144), заместителя начальника УНКВД УССР по Киевской области Троицкого А. Н. (т. 1, л. д. 154–155), заместителя начальника секретариата НКВД УССР

⁵ Тут і далі у документі помилково — Яролянца, Яролянци.

Тушева М. С. (л. д. 142), данных на предварительном следствии признательных показаниях самого Киселёва.

Киселёв в суде виновным себя не признал, от своих показаний на предварительном следствии отказался и оглашённые в суде показания перечисленных выше свидетелей назвал ложными. (т. 1, л. д. 155).

Яраланц, Вяткин, Троицкий и Тушев, привлечённые в 1938 г. к уголовной ответственности за совершение аналогичных преступлений, были также, как и он, Киселёв, приговорены судом к расстрелу. Яраланц и Троицкий в суде от своих показаний на следствии в отношении Киселёва отказались. Вяткин и Тушев о преступной деятельности Киселёва дали неконкретные показания. (т. 3, л. д. 13, 17–18, 16, 15).

Не содержится в материалах уголовного дела и других доказательств, подтверждающих причастность Киселёва к антисоветской организации, ставящей своей целью свержение советской власти, и свидетельствующих об его намерениях установления шпионских связей с заграницей.

Вместе с тем, из дела и материалов проверки устанавливается, что в период с 1 июня по 17 ноября 1938 г. Киселёв, являясь начальником УНКВД УССР по Одесской области (т. 3, л. д. 19), принимал активное участие в массовых репрессиях против советских граждан, в том числе ответственных советских и партийных работников, и непосредственно руководил ими.

Так, Киселёв, получив 13 и 22 августа и 21 сентября 1938 г. от начальника 1 спецотдела НКВД УССР списки уголовных дел, утверждённых к слушанию выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР по 1-ой и 2[-ой] категориям, слепо и беспрекословно, не вникая в сущность дел, потребовал от подчинённых приступить к составлению обвинительных заключений и представлению дел в суд. (т. 3, л. д. 58, 59, 61).

В результате выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Одессе было рассмотрено 253 уголовных дела, по которым 228 гражданам определена высшая мера наказания — расстрел. Абсолютное большинство из них впоследствии реабилитированы посмертно. (т. 3, л. д. 64–74).

О массовом характере и планомерности расправы над невинными советскими гражданами свидетельствует также и то, что внесудебным органом — Тройкой УНКВД по Одесской области под председательством Киселёва — в период с 23 сентября по 2 ноября 1938 г. на 17 заседаниях рассмотрены дела [на] 2084 гражданина, из которых 1381[-му] определён расстрел.

Из числа этих граждан в 1957 году реабилитировано 677 человек, в отношении остальных жертв репрессий справедливость восстанавливается в настоящее время. (т. 3, л. д. 77–206).

Кроме того, установлено, что Киселёв лично превышал предоставленную ему власть, допускал нарушения социалистической законности при ведении предварительного следствия и попустительствовал подобным нарушениям со стороны подчинённых работников следственного аппарата.

Так, в 1938 г. Киселёвым без проверки наличия доказательств виновности, по одним только представленным следователем справкам о принадлежности к Одесскому областному центру контрреволюционной организации, было одобрено заключение под стражу многих ответственных советских

и партийных работников г. Одессы: исполняющего обязанности начальника облплана Банковского А. У., заведующего совторготделом обкома КП(б)У Баргера М. Б., секретаря облисполкома Харченко К. А., начальника бюджетного управления облфинотдела Поливанова Ф. М. и других.

Вина этих граждан в совершении контрреволюционных преступлений доказана не была, и уголовное дело в отношении них 4 ноября 1939 г. было прекращено по реабилитирующему основанию.

Вследствие допущенного произвола невинные Банковский А. У., Баргер М. Б., Харченко К. А., Поливанов Ф. М. и другие в течение 17 месяцев содержались в тюрьме, систематически подвергались издевательствам со стороны работников следственного аппарата УНКВД области. (т. 2, л. д. 2–4).

Из показаний свидетелей Дубецкого В. К. и Баргера М. Б. видно, что Киселёв с целью получения признательных показаний в совершении контрреволюционных преступлений применял к ним психологическое воздействие. (т. 2, л. д. 82–83, 153–159).

О применении подчинёнными Киселёву работниками следственного аппарата незаконных методов ведения следствия дали показания свидетели Якубица И. Ф. (т. 2, л. д. 86–88), Киценко А. А. (т. 2, л. д. 90–91), Спиридонов-Вавилов В. Ф. (т. 2, л. д. 95–98), Мосалёв Н. А. (т. 2, л. д. 99–102), Ключенко А. С. (т. 2, л. д. 102–106) и другие.

Из приговоров суда в отношении работников УНКВД УССР по Одесской области Калужного, Макиевского, Айзмана, Шамиса, Залкинда, Рыбакова, Раева и других видно, что они были осуждены за нарушения социалистической законности при расследовании уголовных дел, в том числе в бытность Киселёва начальником УНКВД (т. 2, л. д. 160–163, 164–168, 169–174).

Преступные действия Киселёва П. П. судом необоснованно квалифицированы по ст. ст. 58–1 «а», 58–8, 58–11 УК РСФСР, поскольку они образуют состав преступления, предусмотренного ст. 193–17 п. «б» УК РСФСР. Санкция этой статьи предусматривала высшую меру социальной защиты, а поэтому, соглашаясь с мерой наказания, определённой судом Киселёву, следует прийти к выводу о том, что оснований для постановки вопроса об отмене приговора по настоящему делу не имеется.

На основании изложенного, руководствуясь ч. 3 ст. 386 УПК РСФСР, —
ПОЛАГАЛ БЫ:

1. Оснований для постановки вопроса о принесении протеста на состоявшееся судебное решение по уголовному делу в отношении Киселёва Павла Петровича не имеется.

2. Заявление гражданки Ромасько О. С. оставить без удовлетворения, о чём её уведомить.

**ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ГВП
ПО РЕАБИЛИТАЦИИ**

полковник юстиции

В. Б. Гусев

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 2, арк. 197–200.
Оригінал. Машинопис.**

№ 26

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Одеської області у справі М. М. Тягіна

24–25 серпня 1939 р.

Дело № 811939 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1939 г., августа 24–25 дня, Военный трибунал войск НКВД Одесской области в клубе УГБ УНКВД [по] Одесс[кой] обл[асти], в закрытом судебном заседании (в присутствии оперативных работников УГБ УНКВД) в составе:

Председательствующего военного юриста 3 ранга **ФОМИЧЁВА**
членов: **СИРОВСКОГО** и сержанта госбезопасности **КРАВЦА**,
при секретаре — технике-интенданте 2 ранга **КИРЮХИНЕ**,
без участия обвинения и защиты,
рассмотрел дело № 811939 г.

Судебное заседание открыто в 12.35.

Председательствующий объявил, что будет рассматриваться дело по обвинению начальника отделения 2 отдела УГБ УНКВД по Одесской области **ТЯГИНА** Николая Михайловича по ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

Секретарь доложил, что подсудимый **ТЯГИН**, находящийся под стражей, в судебное заседание доставлен.

Явились вызванные по делу свидетели **РАДОЕВ**, **ЗЕМЯНКЕВИЧ**, **МЕЛЬНИЧЕНКО**, **САЛЬНИКОВ**, **ПЫШНЫЙ**, **ПТАШНЫЙ**, **БАКАНОВ** [...] ⁶.

Не явились свидетели **СЕРЕБРЯКОВ-СТУПНИЦКИЙ**, который находится в отпуске в г. Сочи [...].

Председательствующий удостоверился в самоличности подсудимого, опросил его, который дал о себе такие сведения:

ТЯГИН Николай Михайлович, 1905 года рождения, уроженец дер. Заречная Вологодской обл. Родные — крестьяне-бедняки. Отец умер в 1918 году, мать с 1921 г. по 1923 г. содержала чайную, после 1923 г. о существовании её не знаю. Образование — 7 групп, русский, гражданин СССР, женат, один ребёнок, кандидат в члены ВКП(б), исключён в связи с данным делом. В органах НКВД — с апреля 1923 года по день ареста. Последняя занимаемая должность — нач[альник] отделения 2[–го] отдела УГБ УНКВД Одесской области, лейтенант госбезопасности.

В 1922 году был под следствием. Взысканий за последние годы не имел. Поощрений имел очень много. Ранее не судился.

Копию обвинительного материала получил 14 августа 1939 года.

⁶ Тут і далі купюри у тексті зроблено з етичних міркувань.

Под стражей по настоящему делу нахожусь с 21 апреля 1939 года.

Председательствующий удостоверился в самоличности свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели удалены в отдельную комнату.

Объявлен состав суда и разъяснён порядок его отвода. Отвода составу суда не заявлено.

Подсудимому разъяснены его права ходатайствовать о дополнении списка свидетелей и приобщения к делу документов.

Подсудимый возбуждает ходатайство о вызове в качестве свидетелей: [...], ГАПОНОВА, БУРКИНА [...].

А также приобщить к делу справки, утверждённые УСПЕНСКИМ, на быв[ших] сотрудников УГБ.

На вопрос Председательствующего, для подтверждения каких обстоятельств вызывается необходимость в вызове названных свидетелей,

Подсуд[имый] ТЯГИН: [...]

ГАПОНОВ может подтвердить, что следствием руководил не я, а БУРКИН, а также может подтвердить, какие я получал установки в части ведения следствия. БУРКИН может осветить, какие давал установки в отношении ведения следствия быв[ший] нач[альник] 2[–го] отдела КАЛЮЖНЫЙ⁷.

Приобщение к делу копий справок — в подтверждение того, что они были составлены в НКВД УССР, на моих была резолюция УСПЕНСКОГО об аресте некоторых сотрудников УГБ УНКВД Одесской области.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

[...]

Ходатайство о вызове свидетеля БУРКИНА удовлетворить, и БУРКИНА вызвать в суд[ебное] заседание в качестве свидетеля.

О приобщении к делу копий справок об аресте отдельных сотрудников УГБ — ОТКАЗАТЬ, т.к. они прямого отношения к делу не имеют.

Подсудимому разъяснены его права во время судебного следствия.

На вопрос Председательствующего о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО [...]:

Подсуд[имый] ТЯГИН: Я не возражаю [против] слушания дела в их отсутствии.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Дело слушать в отсутствие неявившихся свидетелей СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО [...].

В случае надобности огласить их показания.

Председательствующий огласил обвинительное заключение, постановление ВП и определение ПЗ ВТ; разъяснил подсудимому суть предъявленного ему обвинения, после чего спросил, признаёт ли он себя виновным и желает ли суду давать показания.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Виновным себя не признаю, показания суду давать желаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Исследование дела начать с допроса подсудимого, а затем свидетелей в порядке списка обвинительного заключения.

⁷ В. Калюжный очолював 4-й відділ до зміни його цифрового позначення на 2-й.

Подсудимый ТЯГИН показал:

Меня обвиняют в искусственном создании дел контрреволюционных организаций и незаконных арестах, а также в сожительстве с жёнами репрессированных.

Вскрытые контр-революционные организации необходимо разделить на 2 периода: первый — это операции, которые проводились в 1937 году. Об этих операциях следствие по моему делу не касалось, т.к. аресты были произведены правильно.

Второй — это операции, которые проводились в 1938 году.

В этих операциях обвиняют меня в том, что я их проводил, это неверно, ибо я был только начальником отделения, и операции производились с разрешения вышестоящего начальства.

По меньшевистской организации следствие вёл ФАТЬЯНОВ, и оно им закончено.

По эсерам следствие вёл МАЙСКИЙ, им оно начато и закончено.

По сионистам организация вскрыта МЕЛЬНИЧЕНКО, он вёл следствие и им оно закончено.

По всем этим организациям лица были арестованы правильно и незаконно арестован никто не был. Аресты производились на основе распоряжений НКВД УССР, нач[альника] УНКВД и нач[альника] 2[-го] отдела КАЛЮЖНОГО. Я лично никого не арестовывал.

В апреле или начале мая 1938 года нач[альник] 2[-го] отдела КАЛЮЖНЫЙ приехал из г. Киева, собрал нас всех оперработников и сказал, что в НКВД УССР он получил установку о том, что все члены антисоветских партий должны быть арестованы, и предложил подобрать на них материал. Это заявление КАЛЮЖНОГО слышали все работники 2[-го] отдела, и его заместителем БУРКИНЫМ подписывались справки на арест лиц, членов антисоветских партий.

По моему отделению никто физических мер воздействия к арестованным не применял. Я лично тоже ни к кому физических мер воздействия не применял, несмотря на то, что были указания применять их.

На предварительном следствии меня допрашивали по делу ЧЕРНЯВСКОГО. Этого ЧЕРНЯВСКОГО я не допрашивал, а только беседовал с ним. На него было очень много материалов.

В Киеве ЧЕРНЯВСКИЙ прошёл по показаниям МЕЛАМЕДА как бундовец. КАЛЮЖНЫЙ давал распоряжения применять к ЧЕРНЯВСКОМУ физические меры воздействия, но к нему не применяли.

ЧЕРНЯВСКИЙ дал показания о шпионской деятельности и о консульских связях. Этими показаниями заинтересовался 3-й отдел, и ЧЕРНЯВСКИЙ был передан в 3-й отдел. Последним на него было закончено дело.

Меня обвиняют в незаконном аресте агента «Бебы»⁸.

Когда я принимал отделение от быв[шего] нач[альника] отделения ЛЬВОВА, последний сказал мне, что по сионистам имеется агент «Беба».

⁸ Тут і далі іноді помилково — «Беби» (в називному відмінку). Правильно — «Беба».

Личного [и] рабочего дела на неё не было, мне сказали, что они находятся в НКВД УССР.

«Беба» пошла по ряду показаний как участница сионистской контр-революционной организации. Я не знал, что это наш агент «Беба» и с этими материалами пошёл на доклад к КАЛЮЖНОМУ.

Когда я доложил материалы КАЛЮЖНОМУ, то последний мне сказал: «Это наш агент “Беба”» и предложил мне допросить её на консквартире⁹, назначив время, куда к определённом часу приедет и он.

На консквартире от «Бебы» я ничего существенного о наличии к/р сионистской организации не получил. Приехал КАЛЮЖНЫЙ, тоже говорил с ней. По возвращении с консквартыры в отдел, КАЛЮЖНЫЙ согласовал вопрос с нач[альником] УНКВД о её аресте.

Допрос «Бебы» производил БАКАНОВ, которому она дала показания и дала трёх гласных работников НКВД, состоящих в сионистской организации.

Об этих её показаниях КАЛЮЖНЫЙ телеграфно сообщил в Киев, после чего «Бебу» НКВД УССР забрал к себе.

В Киеве «Беба» подтвердила, что она состоит в сионистской к/р организации.

В НКВД УССР «Беба» содержалась под стражей год, и лишь после этого Киев написал нам и указал, я сейчас не помню, не то правильно, не то неправильно, мы её арестовали.

На «Бебу» было достаточно материалов для её ареста. На первом же допросе «Бебы» сама дала показания БАКАНОВУ, что она является членом сионистской к/р организации.

Аресты сотрудников НКВД ШАБСА, ЖИТОМИРСКОГО и КОГАНЕРА произведены НКВД УССР, и они были направлены туда, а потом, через некоторое время, они были возвращены в Одессу.

В Одессе дело на КОГАНЕРА поручили вести мне. КОГАНЕР никаких материалов о его к/р деятельности мне не давал, и в его деле никаких материалов, чем бы я мог оперировать, не было, за исключением справки, в которой написано, что он имеет родственников за границей.

ШАБС дал показания на РАДОЕВА. Затем получилось распоряжение об аресте БОРИСОВА, СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО, вслед за этим из Киева прибыли справки на них, в которых было указано о БОРИСОВЕ, что он является польским агентом, о СЕРЕБРЯКОВЕ-СТУПНИЦКОМ, что он — бундовец. Родной его брат расстрелян, и что он связан с родственниками — троцкистами.

Дело на БОРИСОВА поручили вести мне, и КАЛЮЖНЫЙ приказал мне применять к БОРИСОВУ такие меры, какие к нему применялись в Киеве, т.е. применять физические меры воздействия. Такое же распоряжение дал мне и БУРКИН.

БОРИСОВ дал показания, что он является членом к/р организации. На этих показаниях БОРИСОВА БУРКИН наложил резолюцию: «Применять к нему более суровые меры воздействия».

⁹ Консквартира — конспиративна квартира.

СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО допрашивал АБРАМОВИЧ, последний применял к СЕРЕБРЯКОВУ-СТУПНИЦКОМУ меры физического воздействия. Я тоже применял.

Следствие по делу РАДОЕВА велось 3-м отделом, и ими дело было закончено и направлено на Особое совещание. Особым совещанием дело РАДОЕВА было возвращено обратно с указанием: «Если в отношении РАДОЕВА не будет добыто конкретных данных о его к/р деятельности, то его освободите».

БОРИСОВ дал показания на РАДОЕВА, что он является участником к/р троцкистской группы. Такие же показания на РАДОЕВА дал в Киеве ШАБС.

РАДОЕВА я передал для допроса ПЫШНОМУ и последнему приказал, чтобы к РАДОЕВУ физических мер воздействия не применять.

В июне месяце 1938 года НКВД УССР затребовал дело РАДОЕВА в Киев. Через некоторое время дело РАДОЕВА вновь возвратилось в Одессу, и какое указание дал 2-й отдел НКВД УССР по делу РАДОЕВА, я не знаю, но КАЛЮЖНЫЙ сказал мне, что с такими протоколами допроса дело в суд направлять нельзя, и приказал мне ФЁДОРОВА-БЕРКОВА вывести из дела РАДОЕВА.

Выполняя приказание КАЛЮЖНОГО, я поехал в тюрьму, передопрощил ряд лиц, и дело вновь было направлено в Киев. Киев моими протоколами допроса не удовлетворился, и дело обратно возвратил в Одессу, но в деле моих протоколов допроса уже не было.

Теперь о ЛИВШИЦЕ. ЛИВШИЦ — быв[ший] сотрудник НКВД. Когда я начал с ним говорить о к/р троцкистской организации, он с первого же допроса назвал себя участником к/р троцкистской организации. Это его заявление и то, что он показал на молодые кадры по Москве, у меня вызвало сомнение, и я, прежде чем писать протокол допроса, пошёл к быв[шему] нач[альнику] УНКВД ГРЕЧУХИНУ, доложил о ЛИВШИЦЕ и просил ГРЕЧУХИНА проверить по Москве показания ЛИВШИЦА. ГРЕЧУХИН обещал это сделать, а мне приказал ЛИВШИЦА допрашивать.

Я знал, что ЛИВШИЦ — решительный человек, физически здоров, и что он может выбраться в окно, и с целью предупреждения я допрашивал его в присутствии ПЫШНОГО.

ЛИВШИЦ дал показания, что он — член к/р сионистской группы, и дал показания о шпионской организации среди сотрудников НКВД.

14 июня я начал допрашивать ЛИВШИЦА конкретно, кто состоит в шпионской организации среди сотрудников. Он мне заявил: «Я могу назвать половину Управления НКВД». Об этом я доложил зам[естителю] нач[альника] УНКВД ВИХИРЕВУ¹⁰. Последний вызвал к себе ЛИВШИЦА, поговорил с ним, но ЛИВШИЦ ему ничего не дал, и ВИХИРЕВ сказал мне, что ЛИВШИЦ не даёт полные показания, его нужно допрашивать.

По сионистам следствие вёл ПЫШНЫЙ, и ПЫШНОМУ я дал задание, чтобы он в процессе допроса спросил у сионистов о ЛИВШИЦЕ. Из

¹⁰ У документі помилково через літеру «е» — ВИХЕРЕВУ.

членов сионистской группы никто ЛИВШИЦА не знает как участника этой группы.

[...]

В 13.40 объявлен перерыв судзаседания на 10 минут.

В 13.50 судзаседание объявлено продолжающимся.

На вопросы суда подсуд[имый] ТЯГИН ответил:

То, что мне предъявлено обвинение по обвинительному заключению, виновным я себя не признаю. С материалами следствия я знаком, за исключением вещдоков по делу.

Я применял физические меры воздействия к БОРИСОВУ, СЕРЕБРЯКОВУ-СТУПНИЦКОМУ. К РАДОЕВУ физических мер воздействия я не применял.

К БОРИСОВУ и СЕРЕБРЯКОВУ-СТУПНИЦКОМУ я применял меры физического воздействия согласно приказанию КАЛЮЖНОГО, потому что они не давали показаний.

Я работаю в органах НКВД с 1923 года, т.е. 16 лет. Ранее тоже применялись физические меры воздействия.

На БОРИСОВА компрометирующий материал была только справка, присланная из НКВД УССР, в которой было указано, что БОРИСОВ задерживался польской разведкой и откуда через некоторое время был освобождён.

БОРИСОВ это подтвердил, но не всё, поэтому к нему применялись меры физического воздействия.

Нужно сказать, что существовала такая система, и нет ни одного работника, который бы не применял мер физического воздействия.

К КОГАНЕРУ я тоже применял меры физического воздействия. КОГАНЕР был участником к/р троцкистской группы, сам же он этого не подтвердил.

СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО допрашивал я и применял к нему меры физического воздействия.

ЖИТОМИРСКОГО и ШАБСА допрашивал не я.

РАДОЕВА допрашивал не я, а работники моего отделения.

О том, что среди работников УНКВД есть участники к/р троцкистской группы, дал показания ШАБС и быв[ший] нач[альник] УНКВД РОЗАНОВ.

У меня в отделении никаких материалов на работников УНКВД, в частности, на БОРИСОВА, СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО, РАДОЕВА и др., не было, за исключением справок, присланных из НКВД УССР.

В создании к/р организации из сотрудников УНКВД я виновным себя не признаю.

Быв[ший] нач[альник] УНКВД ГРЕЧУХИН представлял меня к награде за работу.

(Огл[ашается] акт представления к награде).

Нач[альник] УНКВД, очевидно, писал этот акт, не зная своих работников.

Ни от кого из трёх работников УНКВД, участников к/р организации, показания я не получал.

Я неплохо проводил работу с агентурой.

Аресты производились по распоряжению нач[альника] отдела КАЛЮЖНОГО.

Членов антисоветских политпартий без материалов не арестовывали, за исключением ЛИДОВСКОГО.

Как-то вызвал меня КАЛЮЖНЫЙ и спросил, кто у нас на учёте из бундовцев. Я ему ответил, что активного учёта нет, за исключением списочного учёта. КАЛЮЖНЫЙ мне не поверил и перепроверил мои слова у МЕЛЬНИЧЕНКО, после чего взял список и против некоторых лиц поставил птички и дал задание МЕЛЬНИЧЕНКО установить их по Одессе.

МЕЛЬНИЧЕНКО поехал в Обком партии, где установил 13 человек, которые проживают в Одессе, и доложил об этом КАЛЮЖНОМУ. Последний приказал всех установленных арестовать.

В Киеве МЕЛАМЕД дал показания, что в Одессе существует к/р бундовская организация, назвал конкретно лиц. Из этих 13 установленных лиц никто по показаниям МЕЛАМЕДА не проходил.

Организация бундовцев была вскрыта по показаниям МЕЛАМЕДА в Киеве, а нач[альник] 2[-го] отдела КАЛЮЖНЫЙ дал распоряжение включить в организацию и этих 13 человек.

В справках КАЛЮЖНЫЙ велел писать, что «такой-то работал там-то и принимал участие в том-то». Это по материалам старого учёта.

Справки я не писал, а их писал МЕЛЬНИЧЕНКО.

На ЛИДОВСКОГО и ещё на кого-то, не помню, КАЛЮЖНЫЙ велел написать в справках, помимо имеющихся материалов, ещё и то, что он — участник к/р организации бундовцев.

Без материалов был арестован только ЛИДОВСКИЙ.

По эсерам справки выписывали на лиц, проводивших к/р деятельность в прошлом, но в последние годы материал на них не освежался, и их к/р деятельность не была известна.

Справки выписывал БУТОВИЧ, которому КАЛЮЖНЫЙ сказал: «Побольше арестов», т.к. ему, КАЛЮЖНОМУ, была дана большая контрольная цифра.

РОЗЕНБЕРГ дал показания БУРКИНУ, что он — антисоветская личность. ПТАШНЫЙ же настаивал на освобождении РОЗЕНБЕРГА и говорил, что это не тот РОЗЕНБЕРГ, который должен был быть арестован.

По анархистам было арестовано 4 человека, и все они арестованы по веским материалам. Эти материалы проверялись Москвой и были подтверждены.

По сионистам организация как таковая существовала, и лица были на учёте. На основании директивных указаний были произведены аресты участников сионистской группы по Одессе, правда, по устарелым материалам.

Дашнаки состояли на учёте во 2-м отделе.

3-м отделом была вскрыта дашнакская террористическая к/р организация, и зам. нач. УНКВД СПЕКТОР вызвал меня и сказал о вскрытии этой организации 3-м отделом и велел подобрать материал на арест. СПЕКТОР знал, что дашнаки состоят на учёте в моём отделении.

Меня обвиняют в том, в мае—июне 1938 года были арестованы лица без достаточных материалов. Я в то время находился в г. Первомайске, где руководил следственной группой.

(Огл[ашается] л.д. 2 — акт представления к награде).

БАГДАСАРЯНЦА допрашивал я лично и от него получил показания. Организация же по дашнакам вскрыта 3-м отделом, лично РАЕВЫМ.

СУХОВА допрашивали ФАТЪЯНОВ и КАЛЮЖНЫЙ.

К награде представлен не только я, а, как я слышал из разговоров сотрудников, половина отдела.

Ни одной фиктивной справки я не составлял. Правда, однажды ПЫШНЫЙ написал справку, в которой указал, что такой-то входит в подпольную к/р организацию. Я же дописал: «Является участником к/р организации», тогда как у нас материалов о его участии в к/р организации не было.

На сотрудников НКВД я только технически оформлял дела. Меры физического воздействия — не технические дела.

(Огл[ашается] л.д. 72).

Не ТЯГИН[ЫМ] я подписывался на тех протоколах, когда ко мне применялись физические меры воздействия и где показания писались не такие, какие я давал.

КОЖЕВНИКОВ — ст[арший] следователь следственной части УГБ НКВД УССР применял ко мне меры физического воздействия.

После ареста я 20 суток сидел среди смертников не допрошенным.

Тогда мне предъявлялось обвинение по ст. 206—17 п. «б».

Согласно норм УПК допрос производится в течение 24-х часов после ареста.

Я, будучи следователем, не один нарушал УПК, а общий коллектив чекистов. Я могу назвать конкретно их фамилии.

После постановления ЦК ВКП(б) я никаких нарушений в ведении следствия не делал.

БУРКИНУ я говорил в присутствии БЕРЕНЗОНА, что плохо документируются дела. БЕРЕНЗОН тогда сказал, что ПТАШНЫЙ собирает материал на арестованных только положительного характера. Об этом я сказал ПТАШНОМУ.

(Огл[ашается] рапорт ПТАШНОГО — л.д. 1, том 2).

ПТАШНЫЙ вообще не работал в моём отделении, ему только были переданы дела моего отделения для ведения следствия, и ходом следствия по своим делам я интересовался.

«Бебу» допрашивал БАКАНОВ, и она ему дала показания о к/р организации. БАКАНОВ позвонил мне и просил зайти, послушать, какие даёт «Беба» показания. БАКАНОВ в моём присутствии задал ей вопрос: «Кто из сотрудников является участником к/р организации?». «Беба» назвала ряд лиц, об этом я доложил КАЛЮЖНОМУ. КАЛЮЖНЫЙ же сообщил по телеграфу в Киев о показаниях «Бебы».

Было положение, когда отдельные работники переписывали протоколы допроса других, применяя их к показаниям арестованных, ими допрошенных ранее.

(Огл[ашается] л.д. 14, том 2).

Для меня все эти сотрудники неизвестны, и фамилии их я ранее не слышал.

К ЧЕРНЯВСКОМУ я не применял физических мер воздействия, хотя санкция на это была.

В отношении САЛЬНИКОВА я выступал на комсомольском собрании.

ПЫШНОМУ я давал установку о том, чтобы он поинтересовался у сионистов о ЛИВШИЦЕ.

Показания СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО я читал. Они не соответствуют действительности. С СЕРЕБРЯКОВЫМ-СТУПНИЦКИМ у меня очной ставки не было.

О РОЗЕНБЕРГЕ я и ПТАШНЫЙ ставили вопрос об освобождении, но БУРКИН не согласился его освободить.

РОЗЕНБЕРГ — это не тот РОЗЕНБЕРГ, которого нужно было арестовать.

На оперативном совещании по вопросу письма ЦК ВКП(б) и СНК я не выступал, т.к. в то время был в Первомайске.

[...]

В 13.10¹¹ объявлен перерыв судзаседания на 10 минут.

В 13.20 судзаседание объявлено продолжающимся.

Свидетель МЕЛЬНИЧЕНКО Анатолий Трифионович, 1910 года рождения, член ВКП(б), нач[альник] Сталинского РО НКВД, с подсудимым личных счётов не имел, показал:

[...]

О выписке справок. КАЛЮЖНЫЙ вызвал к себе ТЯГИНА и дал ему контрольные цифры. Мне по анархистам дали цифру на 50 человек. Я же собрал материал только на 5 человек, т.к. более не было. По этому поводу меня вызвал КАЛЮЖНЫЙ и сказал, почему мало, и потребовал материал на большее количество.

Справки, которые я выписывал, корректировались начальством.

На вопросы суда свидетель МЕЛЬНИЧЕНКО ответил:

Я выписывал справки, исходя из наличия материалов. ТЯГИН на справках дописывал: «участник к/р сионистской организации».

Я обслуживал объект анархистов. По анархистам ТЯГИН справки не корректировал, т.к. участники уже были арестованы.

По сионистам ТЯГИН предложил мне составить список, и когда я составил список на ряд лиц, то ТЯГИН с этим списком пошёл к КАЛЮЖНОМУ, а затем — к зам[естителю] нач[альника] УНКВД СПЕКТОРУ. Последними на списке были поставлены птички, кого нужно арестовать. В этом списке было небольшое число лиц, и тогда КАЛЮЖНЫЙ мне и ПЫШНОМУ предложил пойти в УСО¹² и поднять из архива материал. Я с ПЫШНЫМ из архива принесли КАЛЮЖНОМУ

¹¹ Так у документі. Вірогідно, 15.10 і 15.20, оскільки перша перерва була з 13.40 до 13.50.

¹² УСО — рос.: Учётно-статистический отдел (УНКВД) — Обліково-статистичний відділ (УНКВС).

разный материал — д[ела]/ф[ормуляры], разработки — человек на 1500 и отдали ему.

[...]

На вопрос подс[удимого] ТЯГИНА свид[етель] МЕЛЬНИЧЕНКО ответил:

[...]

В отделение я был переведён ранее, чем ТЯГИН. Тогда нач[альником] отделения был ЛЬВОВ.

Сионистская организация была вскрыта и первые аресты были произведены нач[альником] отделения ЛЬВОВЫМ.

Показания БЕККЕР дал мне. Следствие по эсерам велось в 3-м отделении. Следствие вёл БУТОВИЧ, но потом дело [было] передано во 2-е отделение, и следствие вёл ФАТЬЯНОВ.

По бундовцам вёл следствие САЛЬНИКОВ, а затем я. Потом меня перевели, и кто заканчивал следствие, я не знаю.

Когда ТЯГИН был в Первомайске, то следствием во 2-м отделении руководил зам[еститель] нач[альника] отдела БУРКИН.

Мне ТЯГИН не давал распоряжения о применении физических мер воздействия к арестованным.

Когда КАЛЮЖНЫЙ возвратился с совещания из НКВД УССР и сказал, что ему дали установку об аресте всех лиц, состоявших ранее в других политпартиях, я спросил, почему так, ведь есть лица, которые ранее состояли в других партиях, а сейчас состоят членами ВКП(б), на что ТЯГИН мне ответил: «Есть специальное решение, и спрашивать нечего».

Я как-то нашёл материал на политкаторжан и с этим материалом пошёл к КАЛЮЖНОМУ и спросил его, что это за материал. Тогда КАЛЮЖНЫЙ, не объяснив мне, что за материал, предложил вскрыть организацию по политкаторжанам. Арестов не было. Значит, ТЯГИН задержал арест по политкаторжанам.

Были случаи, когда ТЯГИН ставил вопрос перед КАЛЮЖНЫМ об освобождении СКУЛЬСКОГО, которого освободили впоследствии. Также был случай, когда по показаниям политкаторжанина ЦИТРИНА был арестован КУШНИР. Я с ТЯГИНЫМ зашли в кабинет к КАЛЮЖНОМУ, доложили дело, и ТЯГИН поставил вопрос перед КАЛЮЖНЫМ об освобождении КУШНИРА. КАЛЮЖНЫЙ не разрешил.

Свидетель САЛЬНИКОВ Виктор Феофтистович, 1912 года рождения, член ВКП(б), нач[альник] отделения УНКВД Житомирской обл., подсудимого знаю, личных счётов не имел, показал:

Мне известно только по делу ЧЕРНЯВСКОГО. С приходом в органы НКВД мне поручили вести следствие [по делу] ЧЕРНЯВСКОГО. От него я никаких показаний не добился. Тогда мне предложили применить к нему меры физических воздействия. После этого ЧЕРНЯВСКИЙ дал показания. Этот протокол допроса с показаниями взял АБРАМОВИЧ и его прокорректировал.

На вопросы суда свидетель САЛЬНИКОВ ответил:

Мне поручили вести следствие на арестованного ЧЕРНЯВСКОГО, но никаких материалов на него не дали. Я спросил у ТЯГИНА материал,

на основании чего арестован ЧЕРНЯВСКИЙ, на что ТЯГИН мне ответил: «Допрашивать, не ставя конкретных вопросов, и добиться, что он — участник к/р организации».

КАЛЮЖНЫЙ же предложил мне, чтобы я добился от ЧЕРНЯВСКОГО, что он — участник к/р организации бундовцев.

Допрашивали ЧЕРНЯВСКОГО у меня в кабинете я и ТЯГИН. ТЯГИН ударил ЧЕРНЯВСКОГО два раза по лицу, а затем посадили его на кончик стула, после чего ЧЕРНЯВСКИЙ дал показания, что он — участник организации областного центра бундовцев в Одессе, а также участник организации областного центра г. Москвы. Затем дал показания, что он — участник шпионской организации. Впоследствии ЧЕРНЯВСКОГО от меня забрали, и что с ним, я не знаю.

ЧЕРНЯВСКИЙ — профессор соц[иально]-экономических наук.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Дело ЧЕРНЯВСКОГО закончено 3-м отделением, и он осуждён по 1-й категории.

ЧЕРНЯВСКОМУ не ставился вопрос, конкретно какой к/р организации участником он является, т.к. по агматериалам¹³ он проходил как участник украинской националистической организации, участник к/р организации бундовцев, участник троцкистской организации. Эти материалы САЛЬНИКОВУ были известны.

Свид. САЛЬНИКОВ: Мне ничего не было известно. Мне стало известно, что ЧЕРНЯВСКИЙ — участник названных к/р организаций, после того, как он дал сам показания. ЧЕРНЯВСКИЙ приехал в 1924 году из Германии.

Подсуд[имый] ТЯГИН: По-моему, без всякого сомнения, ЧЕРНЯВСКИЙ осуждён правильно. Материалы на ЧЕРНЯВСКОГО были, и если Трибунал интересуется, можно взять его следственное дело, оно находится в УНКВД.

К ЧЕРНЯВСКОМУ применялись физические меры воздействия по указанию КАЛЮЖНОГО.

Я САЛЬНИКОВУ сказал, чтобы он по вопросу ведения следствия на ЧЕРНЯВСКОГО обращался к КАЛЮЖНОМУ.

Свид. САЛЬНИКОВ: Я всегда докладывал дела нач. отделения ТЯГИНУ. ТЯГИН мне не давал распоряжения о применении физических мер воздействия к ЧЕРНЯВСКОМУ, но он мне сказал, добиться от него показаний любыми средствами.

Однажды я зашёл в кабинет к ТЯГИНУ, где был АБРАМОВИЧ. В разговоре я сказал, что плохо идёт следствие. На это АБРАМОВИЧ сказал: «Ранее было так, что за 2 дня дела заканчивал один следователь на 40 человек». На что я ответил ему: «Как допрашивать, можно и больше закончить, но какой будет результат». После этого ТЯГИН и АБРАМОВИЧ стали на меня кричать, говоря, что я стремлюсь замедлять ход следствия, и сказали, что поставят вопрос обо мне перед комсомольской организацией об исключении меня из КСМ».

¹³ Агматериалы — агентурні матеріали.

Свид. МЕЛЬНИЧЕНКО: САЛЬНИКОВ говорит правильно. Его ТЯГИН и АБРАМОВИЧ обвиняли в том, что он замедляет ход следствия и не ведёт борьбы с контрреволюцией.

Свид. САЛЬНИКОВ: После этого разговора в кабинете ТЯГИНА ТЯГИН поставил вопрос перед комсомольской организацией о том, что он, ТЯГИН, боится давать мне дела, т.к. меня арестованные могут завербовать.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Такого случая не было. Был разговор у меня в кабинете в присутствии САЛЬНИКОВА, и АБРАМОВИЧ сказал о том, что раньше дела заканчивали очень быстро.

Я ставил вопрос перед командованием и просил, чтобы САЛЬНИКОВА от меня забрали, т.к. он медленно работал.

Свид. САЛЬНИКОВ: Мне обидно то, что в моё отсутствие был поставлен вопрос обо мне перед комсомольской организацией. Об этом мне сказал секретарь КСМ организации, что на меня имеется материал о том, что я замедляю ход следствия и не желаю вести борьбу с контрреволюцией.

На вопрос подсуд[имого] ТЯГИНА свид. САЛЬНИКОВ ответил:

Протокол ЧЕРНЯВСКОГО в незначительной мере ТЯГИН изменял и в редакционной части, и по содержанию. Протокол корректировался три раза.

Свидетель ПЫШНЫЙ Пётр Алексеевич, 1915 года рождения, член ВЛКСМ, ст[арший] оперуполномоченный 2[-го] отдела УГБ УНКВД г. Одесса, с подсудимым личных счётов не имею, показал:

На работу в органы НКВД я прибыл в середине марта 1938 года. В отделе ТЯГИНА — с июня м-ца.

Когда я пришёл к ТЯГИНУ, то он меня посадил на объект сионистов. Я попросил ТЯГИНА, чтобы он мне объяснил работу, т.к. я — новый человек в органах НКВД, на что он мне сказал, что меня познакомит МЕЛЬНИЧЕНКО.

Через некоторое время меня и МЕЛЬНИЧЕНКО вызвал КАЛЮЖНЫЙ и дал нам задание арестовать по сионистам и анархистам 300 человек.

Мы с МЕЛЬНИЧЕНКО материалов не нашли, по которым можно было бы производить арест, и доложили ТЯГИНУ. ТЯГИН, в свою очередь, доложил КАЛЮЖНОМУ. Последний предложил мне и МЕЛЬНИЧЕНКО пойти в УСО и из архива достать старые дела-формуляры.

Из архива мы с МЕЛЬНИЧЕНКО принесли дела-формуляры до 2000 шт[ук]. КАЛЮЖНЫЙ тогда ещё сказал: «Ну, вот и материал, а Вы говорили, нет». И предложил нам в 2 дня их проработать и произвести аресты по ним.

Я никого не допрашивал, кроме КОГАНЕРА, которого держал на конвейере три дня. В тюрьме ТЯГИН при мне проводил очную ставку РАДОЕВА, и РАДОЕВ от чего-то отказывался, тогда ТЯГИН ударил его два раза. Там же был и БЕРЕНЗОН, который лежал на скамейке.

О БОРИСОВЕ. Однажды вечером ТЯГИН вызвал БОРИСОВА и начал его допрашивать у себя в кабинете, а затем привели его в другую комнату, где ТЯГИН прочитал БОРИСОВУ приказание КАЛЮЖНОГО «избивать БОРИСОВА». После этого к БОРИСОВУ были применены меры

физического воздействия. Тогда БОРИСОВ сказал, что он даст показания, только в следующий раз, т.к. он сейчас не может дать показания, и его отправили в камеру.

По сионистам докладывали дела на Тройку. В справках писали, что докладчик — я, ПЫШНЫЙ, а фактически докладывали дела ТЯГИН и КАЛЮЖНЫЙ. Тройка осудила всех лиц, по которым докладывали дела. А потом решение Тройки было отменено. Тогда дела начали оформлять на Особое совещание.

Был арестован БРУДНОЙ, на которого не было абсолютно никаких материалов. Я доложил ТЯГИНУ, что БРУДНОГО нужно освободить, т.к. он не только [не] участник сионистской группы, но и понятия не имеет о сионистах, и сидит напрасно целый год.

После этого ТЯГИН предложил мне вызвать на вечер БРУДНОГО. Вечером ТЯГИН поговорил с БРУДНЫМ. И после допроса БРУДНОГО ТЯГИН мне сказал: «Вы хотели освободить его, если бы Вы его освободили, то сами бы сели на его место и дали показания».

Когда ТЯГИН уехал в Первомайск, то мы с МЕЛЬНИЧЕНКО всё-таки добились освобождения БРУДНОГО.

При оформлении дел на Особое совещание мы начали документировать дела, и БУРКИН приказал нам положительные характеристики в дела не вкладывать.

На вопросы суда свидетель ПЫШНЫЙ ответил:

К ТАРЛАВСКОМУ физических мер воздействия не применяли. ТАРЛАВСКОГО допрашивал я, и он дал мне показания. Протокол допроса я принёс ТЯГИНУ, и он мне сказал: «Всё хорошо», и велел включить в показания ТАРЛАВСКОГО ЛИВШИЦА как участника сионистской группы, тогда как ТАРЛАВСКИЙ ЛИВШИЦА не знал совершенно.

ТАРЛАВСКИЙ был завербован ТЯГИНЫМ и всегда подтверждал всем свои показания.

Можно так понимать, что ТАРЛАВСКИЙ штатный свидетель для показаний был у ТЯГИНА.

Свид[етель] МЕЛЬНИЧЕНКО: ТАРЛАВСКИЙ был завербован ТЯГИНЫМ, я сам писал подписку.

БРУДНОЙ проходил по многим показаниям. Когда мне ПЫШНЫЙ сказал, что это не тот БРУДНОЙ, которого нужно было арестовать, а совершенно другой, тогда я сказал ТЯГИНУ, что БРУДНОГО нужно освободить, но ТЯГИН его не освободил.

На вопросы подс[удимого] ТЯГИНА свид. ПЫШНЫЙ ответил:

ТЯГИН предупреждал работников, чтобы они не применяли мер физического воздействия к РАДОЕВУ и к ЛИВШИЦУ.

Сионистов арестовывали по директиве УСПЕНСКОГО. Эту директиву ТЯГИН мне показывал, и в ней было указано: «Арестовать всех лиц, прибывших из Палестины», а также арестовать всех лиц, состоявших ранее в других политпартиях.

Я не знаю, чьё было распоряжение взять на конвейер КОГАНЕРА.

Протокол с показаниями ТАРЛАВСКОГО я принёс ТЯГИНУ, и ТЯГИН мне сказал: «Перепишите вот эту строчку и допишите ЛИВШИЦА как участника сионистской группы».

БРУДНОЙ проходил по показаниям, где указывались фамилия, имя и отчество, но не указывалось место работы. Я установил, что по формуляру [это] не тот БРУДНОЙ, который нами арестован, тот БРУДНОЙ, который проходил по формуляру, находится в Ленинграде.

Подсуд[имый] ТЯГИН: БРУДНОЙ прошёл по показаниям 8-ми человек. Его допрашивал ПЫШНЫЙ. О ТАРЛАВСКОМ мне сам ПЫШНЫЙ сказал, что он — хороший человек, откровенен с нами, и ТАРЛАВСКИЙ был завербован для освещения по камере.

В 17.00 объявлен перерыв заседания до 19.00.

В 19.00 судебное заседание объявлено продолжающимся.

Свидетель ПТАШНЫЙ Григорий Исаакович, 1909 года рождения, член ВКП(б), нач. спецотдела Треста столовых г. Одесса. Подсудимого знаю, личных счётов с ним не имел, показал:

Мне известно следующее: я работал в 3-м отделении, а ТЯГИН был начальником 2-го отделения.

Начальником отдела я был послан в помощь к ТЯГИНУ. Придя в отделение ТЯГИНА, последний дал мне групповое дело эсеров. Ведя следствие, я убедился, что лица — эсеры в прошлом, в настоящем же их к/р деятельность не установлена, и [для] предания их суду оснований не было.

В группе сидели люди, участники одной и той же организации, а когда начали производить очные ставки, то оказалось, что они друг друга ранее не знали и узнали только на очной ставке.

Был арестован РОЗЕНБЕРГ, но, оказалось, что не тот РОЗЕНБЕРГ, который должен был быть арестован. Я немедленно об этом доложил ТЯГИНУ, последний предложил мне его освободить, но зам. нач. 2 отдела БУРКИН оттягивал освобождение. Также я написал постановление на освобождение ПРОГАЦКОГО. ТЯГИН со мной не согласился и сказал мне, что на меня имеется агентурный материал о том, что я веду политику освобождения. После этого я написал рапорт быв[шему] нач[альнику] отдела ГАПОНОВУ, чтобы меня немедленно из отделения ТЯГИНА перевели.

На вопросы суда свид. ПТАШНЫЙ ответил:

СТРОКАН арестован как эсер, но эсером он не был. Его дело с Особого совещания было возвращено на следствие, и следствие поручили вести мне.

В деле СТРОКАНА были протоколы допроса, которые производил ТЯГИН.

Кто был ИЛЬИН, я не знаю, т.к. он арестован в районе и прислан в Одессу. ИЛЬИНА включили в группу, а когда нужно было документировать дело, то его отправили обратно в район.

К/р организация была из 18 человек, но это не подтвердилось.

В органах НКВД я не работаю уже полтора месяца.

На вопросы подс[удимого] ТЯГИНА свид. ПТАШНЫЙ ответил:

РОЗЕНБЕРГА ТЯГИН предложил немедленно освободить, но БУРКИН оттягивал освобождение.

По делу СТРОКАНА и др. в деле были протоколы допроса и передопроса, производимые ТЯГИНЫМ и другими работниками.

На СТРОКАНА д[ело]/ф[ормуляр] было, но оно заключалось только в одной обложке.

Подсуд[имый] ТЯГИН: ПРОГАЦКИЙ хранил у себя к/р литературу, поэтому его освобождение оттягивали. Кроме этого, по другим оперативным соображениям оттягивали его освобождение.

Свидетель БАКАНОВ Александр Николаевич, 1898 года рождения, член ВКП(б), нач[альник] 1[-го] спецотдела УГБ УНКВД г. Одесса, подсудимого знаю, личных счётов с ним не имел, показал:

Я был выделен в помощь 2[-му] отделению, где мне было дано дело «Бебы». На второй или третий день я добился от неё показаний. Её показания корректировались ТЯГИНЫМ и КАЛЮЖНЫМ.

По показаниям «Бебы» проходил ряд работников УГБ.

На вопросы суда свидетель БАКАНОВ ответил:

Физических мер воздействия, как я, так и ТЯГИН, к «Бебе» не применяли.

(Огл[ашается] л.д. 203, не оглашая фамилии «Бебы»).

Корректировку протокола действительно производили ТЯГИН и КАЛЮЖНЫЙ. Протокол допроса КАЛЮЖНЫЙ и ТЯГИН исправляли в сторону обвинения.

О сотрудниках «Беба» дала мне показания после того, как она была у КАЛЮЖНОГО в кабинете.

Мер физического воздействия не было, но «стойка» была часа 2–3. Она средних лет.

В процессе допроса я узнал, что «Беба» является агентом УГБ. Личного и рабочего дела у меня не было.

Ей предъявлялось обвинение в дезинформации органов НКВД.

Какие показания «Беба» давала в Киеве, мне неизвестно. Также мне не было известно, что «Беба» давала мне показания на тех сотрудников, которые с ней были знакомы по работе.

Основных фигурантов по делу допрашивал ТЯГИН, например, БЕККЕРА.

Подсуд[имый] ТЯГИН: БЕККЕРА допрашивал не я. Мужа «Бебы» допрашивал я. Протокол допроса на «Бебу» я не корректировал.

Свид. БАКАНОВ: Я утверждаю, что протокол корректировали ТЯГИН и КАЛЮЖНЫЙ.

Подсуд[имый] ТЯГИН: «Беба» собственноручно написала показания, где указала, что она является участницей к/р сионистской организации. Помню, что она написала показания листов на 50.

По распоряжению КАЛЮЖНОГО БАКАНОВУ было предложено допросить «Бебу» в порядке директивы № 851/ск.

БАКАНОВУ я только сделал замечание о том, что им не все показания внесены в протокол допроса «Бебы».

Свид. БАКАНОВ: Считаю своим долгом сообщить, что несколько дней тому назад ко мне пришла РУДНЕВА — начальник отделения 1[—го] спецотдела и заявила мне, что когда ТЯГИН был начальником отделения, приходил к ней в рабочий кабинет и говорил ей, что он её, РУДНЕВУ, в течение часа может сделать участницей к/р организации.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая важность заявления БАКАНОВА, вызвать дополнительно в качестве свидетеля РУДНЕВУ.

Свидетель РУДНЕВА Софья Марковна, 1896 года рождения, кандидат в члены ВКП(б), начальник отделения 1[—го] спецотдела УГБ УНКВД г. Одесса, личных счётов с подсудимым не имела.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Были личные счёты: когда я работал нач. следственной группы в Первомайске, то из спецотдела было заслано одно дело для следственной группы. По этому поводу я писал рапорт на РУДНЕВУ.

Свидетель РУДНЕВА предупреждена об ответственности за дачу суду ложных показаний, показала:

Как-то ТЯГИН был у меня в рабочей комнате, заметил много дел и спросил: «Почему у тебя много дел?». Я ответила: «Кто виноват, если у тебя много организаций». На это ТЯГИН мне ответил: «Хочешь быть час у моего стола, и ты будешь участницей к/р организации». Меня такое заявление оперативного работника возмутило.

На вопросы суда свидетель РУДНЕВА ответила:

ТЯГИН был у меня в рабочей комнате. Разговор завели о делах. Я спросила его: «Уж больно много у тебя организаций». На что он ответил: «Хочешь ты быть один час у моего стола, и тебя сделаю участницей к/р организации».

Серьёзно или шутки ради он сказал это, я не знаю, но такое его заявление меня крайне удивило.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Ничего подобного я РУДНЕВОЙ не говорил.

Свид. РУДНЕВА: Я поняла заявление ТЯГИНА в таком смысле, что он может поставить работу так, что любой у него может быть членом к/р организации.

Подсуд[имый] ТЯГИН: Я категорически отрицаю показания РУДНЕВОЙ.

Свидетель БУРКИН Николай Иванович, 1898 года рождения, исключён первичной организацией из членов ВКП(б), временно без работы. Был зам[естителем] нач[альника] 2[—го] отдела УГБ УНКВД гор. Одесса.

Председательствующим предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний.

На вопрос подс[имого] ТЯГИНА свид. БУРКИН ответил:

Когда возвратился КАЛЮЖНЫЙ с совещания [в] НКВД УССР, то провёл совещание у себя в отделе и дал контрольную цифру на арест по отделу до 2000 чел. Такое указание КАЛЮЖНЫЙ получил в Киеве.

В справках указывалось сначала наличие материалов того или иного лица, а затем указывалось, что он является участником той или иной к/р организации.

Таких случаев не было, чтобы в справках писали, что он — участник к/р организации в то время, как он им не был.

Когда был особоуполномоченный НКВД УССР т. ТВЕРДОХЛЕБЕНКО, то последнему ПЫШНЫЙ заявлял о том, что КАЛЮЖНЫЙ требовал писать в справках, что то или иное лицо, на кого выписывалась справка,— участник к/р организации, тогда как он им не был.

Свид. ПЫШНЫЙ: БУРКИН сам подписывал такие справки, и почему он отказывается и заявляет, что таких справок не было, я не знаю.

Подсуд[имый] ТЯГИН: 50% справок, выписанных мною и работниками моего отделения, подписывались БУРКИНЫМ.

Свид. БУРКИН: Я подписал всего несколько справок по сионистам или бундовцам, не помню, в то время, когда КАЛЮЖНЫЙ был в отъезде.

Подтверждаю, что КАЛЮЖНЫЙ давал распоряжения ТЯГИНУ о применении физических мер воздействия к БОРИСОВУ.

Свидетель РАДОЕВ Михаил Юрьевич, 1904 года рождения, член ВКП(б), директор йодного завода, подсудимого знаю, до моего ареста личных счётов с ним не имел, показал:

Я работал секретарём Управления НКВД по Одесской области.

В 1937 году, после ареста РОЗАНОВА, быв[шего] нач[альника] УНКВД, недели через две арестовали и меня. Через месяц после ареста моё дело было направлено на Особое совещание, откуда дело было возвращено для подтверждения показаний РОЗАНОВА, данных на меня, и, если эти сведения не подтвердятся, то меня освободить.

По возвращении дела с Особого совещания, вместо проверки материала РОЗАНОВА, данного обо мне, меня причислили к к/р организации сотрудников [У]НКВД, [так же,] как ЖИТОМИРСКОГО и БОРИСОВА.

Следствие моему делу вёл ТЯГИН, и последний применял ко мне меры физического воздействия, добиваясь от меня показания о том, что я — участник к/р организации в УГБ. Сам ТЯГИН говорил ГОРИНОЙ, что РАДОЕВ, хотя и не виноват и арестован напрасно, но теперь такое время.

После освобождения и восстановления меня в партии я поехал в Москву, к Особоуполномоченному НКВД СССР, и последнему обрисовал всё положение, сказал об издевательствах надо мной ТЯГИНА. Через некоторое время ТЯГИН был арестован.

На вопросы суда свидетель РАДОЕВ ответил:

[...]

ТЯГИН избивал меня в тюрьме в присутствии ПЫШНОГО.

Подсуд[имый] ТЯГИН: РАДОЕВА я не избивал.

Свид. ПЫШНЫЙ: В тюрьме ТЯГИН ударил РАДОЕВА стулом.

Подсуд[имый] ТЯГИН: ПЫШНЫЙ только что говорил, что я ударил РАДОЕВА рукой, а теперь он говорит, что стулом.

Свид. РАДОЕВ: ТЯГИН избивал меня рукой, стулом и чем угодно. Мне тяжело сейчас всё это вспоминать, как издевался надо мной ТЯГИН, но я обо всём писал, и, вероятно, мои жалобы имеются в деле ТЯГИНА.

ПЫШНЫЙ меня не избивал.

[...]

В 20.35 объявлен перерыв на 10 минут.

В 20.45 судзаседание объявлено продолжающимся.

[...]

В 22.00 объявлен перерыв судзаседания на 10 минут.

В 22.10 судебное заседание объявлено продолжающимся.

(В отсутствии сотрудников).

[...]

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Представленный Председательствующим акт о представлении к награде знаком Почётного работника ВЧК–ОГПУ–НКВД врид. нач[альника] отделения 4[–го] отдела УГБ УНКВД Одесской обл. ТЯГИНА Н.М. приобщить к делу ТЯГИНА.

Дополнить судебное следствие подсудимый больше ничем не имеет, и таковое объявлено законченным.

В 22.50 объявлен перерыв судзаседания до 10.00 25 августа.

В 10.00 25 августа судебное заседание объявлено продолжающимся.

Предоставлено последнее слово подсудимому: «С 14-летнего возраста я начал свою трудовую жизнь. С 17 лет, т.е., с апреля 1923 года, по день моего ареста я непрерывно работал в органах НКВД. Своё здоровье и знание я отдал работе.

В период борьбы с бандитизмом у меня был пробит череп, от чего я страдал припадками эпилепсии. Я — больной туберкулёзом во 2-й стадии. 15 лет я работал безупречно, и вот, на 16-й год работы в органах НКВД я стал преступником. Преступником я не был. Я проявил только политическую близорукость, такую же близорукость проявляли все работники отдела.

По распоряжению нач[альника] 2[–го] отдела КАЛЮЖНОГО я выписывал справки, корыстной цели в этом не преследовал, выдвижения по службе не добивался, а, наоборот, в силу своего здоровья просил, чтобы меня не выдвигали.

Прошу дать мне возможность возвратиться к своей семье и честно продолжать работу».

В 12.00 суд удалился в совещательную комнату.

В 13.45 суд вышел из совещательной комнаты и Председательствующим оглашён приговор и разъяснён порядок его обжалования.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Меру пресечения в отношении осуждённого ТЯГИНА до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю — содержание под стражей.

В 13.50 судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист 3 ранга

Фомичев

Секретарь
техник-интендант 2 ранга

Кирюхин

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 345–355 зв.
Оригінал. Машинопис на бланку.

№ 27

Вірок Військового трибуналу військ НКВС Одеської області у справі М. М. Тягіна

Дело № 811939 г.

24–25 серпня 1939 р.

Секретно
Ф. № 1

ПРИГОВОР № 58

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1939 г., августа 24–25 дня, Военный трибунал войск НКВД Одесской области в гор. Одессе, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военюриста III ранга **ФОМИЧЁВА**

и членов: 1. **СИРОВСКОГО**

2. **сержанта госбезопасности КРАВЦА,**

при секретаре — **технике-интенданте II ранга КИРЮХИНЕ,**

рассмотрев дело № [81] 1939 г. по обвинению н[ачальни]ка отделения [2-го отдела УГБ] УНКВД по Одесской обл. **ТЯГИНА** Николая Михайловича, 1905 года рождения, исключённого из канд[идатов в члены] ВКП(б) в связи с данным делом, окончившего 7-милетку, происходящего из семьи мелких торговцев, русского, гр[аждани]на СССР, служащего, имеющего звание «лейтенант госбезопасности», несудимого, в преступлении, предусмотренном ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

Судебным следствием и данными дела

УСТАНОВЛЕНО:

ТЯГИН с начала 1938 года, работая начальником отделения 2-го отдела, по указанию быв[шего] н[ачальни]ка 2[-го] отдела **КАЛЮЖНОГО** давал установки сотрудникам составлять фиктивные справки на арест лиц, как на участников к-р организаций, при отсутствии каких-либо материалов об участии этих лиц в к-р организациях.

ТЯГИН с целью показа своей активной борьбы с контрреволюцией принимал непосредственное участие совместно с **КАЛЮЖНЫМ** в создании несуществующей к-р организации среди сотрудников УНКВД по Одесской области. В результате преступных методов допроса (избиение) **ТЯГИНЫМ** арестованных быв[ших] сотрудников УНКВД **РАДОЕВА**, **СЕРЕБРЯКОВА-СТУПНИЦКОГО** и **БОРИСОВА** добился от последних показаний о якобы существующей к-р организации в УНКВД.

За что **ТЯГИН** быв[шим] руководством УНКВД представлялся к награде.

ТЯГИН, зная, что некто **БРУДНЫЙ** арестован неправильно, вместо другого **БРУДНОГО**, и, несмотря на предложение сотрудника **ПЫШНОГО** о немедленном освобождении **БРУДНОГО** как незаконно арестованного, **ТЯГИН** не только не освободил, а предупредил **ПЫШНОГО**, что если будет освобождён **БРУДНЫЙ**, то на его место будет арестован он — **ПЫШНЫЙ**.

БРУДНЫЙ был освобождён в момент отсутствия **ТЯГИНА**.

В середине 1938 года сотрудник САЛЬНИКОВ в беседе с ТЯГИНЫМ заявил последнему о неправильных методах ведения следствия и незаконных арестах, ТЯГИН на это САЛЬНИКОВУ заявил, что он не хочет вести борьбу с контрреволюцией и пытается замедлить темпы следствия, и об этом был поставлен вопрос ТЯГИНЫМ на комсомольской организации в отношении САЛЬНИКОВА.

В начале 1939 года сотрудник ПТАШНЫЙ, просматривая групповое дело в отделении ТЯГИНА, нашёл, что наличия к-р группы нет, о чём заявил ТЯГИНУ.

На это ТЯГИН с целью запугивания ПТАШНОГО сказал последнему, что ты собираешь только положительные материалы на арестованных, и по этому вопросу на тебя имеются агентурные материалы в нашем отделе.

ТЯГИН предложил сотруднику ПЫШНОМУ в протокол допроса арестованного ТАРЛАВСКОГО включить как участника сионистской к-р организации арестованного научного работника ЛИВШИЦА, и последний был действительно вписан в этот протокол, тогда как ТАРЛАВСКИЙ совершенно не знал ЛИВШИЦА.

[...]

ТЯГИН виновным себя не признал, но его преступная деятельность подтверждается показаниями свидетелей САЛЬНИКОВА, ПЫШНОГО, ПТАШНОГО, [...] и другими материалами дела.

На основании вышеизложенного ТЯГИН признан виновным в искусственном создании контрреволюционной организации, в избиении арестованных и сожительстве с жёнами арестованных, т.е., в совершении преступления, предусмотренного ст. 206–17 п. «а» УК УССР.

А поэтому Военный трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

ТЯГИНА Николая Михайловича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР к лишению свободы, с содержанием в ИТЛ, сроком на СЕМЬ лет, без поражения прав.

ТЯГИНА лишить звания «лейтенант госбезопасности».

Лишение свободы исчислять с 23 апреля 1939 года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке, через данный трибунал, в Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в течение пяти суток с момента вручения копии приговора осуждённому.

Председательствующий

Фомичев

Члены:

*Сировский
Кравец*

На першому аркуші документа, зверху, поставлено відмітку: «Копію для Військової прокуратури одержав 25.8.1939 р. Підпис нерозбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 363–364 зв.
Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 28
Ухвала Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі М. М. Тягіна

27 вересня 1939 р.

ФОМИЧЁВ

Копия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 289/с

1939 г., сентября 27 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в составе: Председательствующего — военного юриста I ранга ВАСЮТИНСКОГО, членов: военного юриста I ранга КОРОТКИНА и ст[аршего] политрука КОСМАЧЕВА, рассмотрев кассационную жалобу ТЯГИНА Н.М. на приговор Военного трибунала войск НКВД Одесской обл. от 24–25 августа 1939 г. по делу нач[альника] отделения [2-го отдела УГБ] УНКВД по Одесской обл. ТЯГИНА Николая Михайловича, осуждённого по ст. 206–17 п. «а» УК УССР к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на СЕМЬ лет, без поражения прав, с лишением звания «лейтенант госбезопасности», и, заслушав доклад т. КОРОТКИНА, заключение пом[ощника] Военного прокурора войск НКВД Киевского округа — военного юриста I ранга ХАЧАТУРЯНА об оставлении приговора в силе,

ОПРЕДЕЛИЛ:

Материалами предварительного и судебного следствия виновность жалобщика ТЯГИНА в злоупотреблении им своим служебным положением в личных корыстных целях полностью доказана. Не усматривая каких-либо оснований к изменению приговора, таковой оставить в силе, а кассжалобу ТЯГИНА о пересмотре дела — без удовлетворения.

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: Указать суду на мягкость меры наказания, определённой по данному делу ТЯГИНУ. Приговор не отменяется из-за нецелесообразности вторичного его рассмотрения.

Подлинно за надлежащими подписями.

Верно: Секретарь ВТ

Щиголев

Препровождается вместе с делом Одесскому ВТ для исполнения.

Ст[арший] секретарь ВТ
военюрист 2 ранга

Марментьев

Секретарь

Щиголев

27 сент[ября] [19]39 г.
№ 289/с

На документі є:

1) кругла печатка із зображенням у середині, що згасає, і написом по колу: «Военный Трибунал Войск НКВД Киевского Округа»;

2) прямокутний штамп з написом: «Военный Трибунал войск НКВД Одесской области. Получено 1 X [19]39 г. № _____ г. Одесса»;

3) резолюція керівництва Військового трибуналу військ НКВС Одеської області: «Д[ля]/исп[олнения]. 1/X [1939]. Підпис нерозбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38299, т. 1, арк. 363–364 зв.

Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 29

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі Є. М. Макієвського, М. М. Айзмана, Я. М. Шаміса і Ю. Г. Залкінда

25 червня — 2 липня 1940 р.

Дело № 231940 г.

Копия

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1940 г., 25.VI — 2.VII дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа, в выездной сессии в гор. Одессе, в помещении клуба УНКВД, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военного юриста 1[-го] ранга тов.

ВАСЮТИНСКОГО Я.М.

и членов: 1. ст. лейтенанта госбезопасности тов. РАЗМАДЗЕ К.С.

2. техник[а]-интендант[а] 2[-го] ранга тов. БЕЛАШ

при секретаре — военюристе тов. МОГИЛЕВСКОМ,

без участия сторон,

рассмотрев дело по обвинению:

1. бывш. н[ачальни]ка 6[-го] отдела УНКВД по Одесской области — мл[адшего] лейтенанта госбезопасности МАКИЕВСКОГО Евгения Моисеевича, 1902 года рождения, уроженца гор. Павлограда Днепропетровской области, из рабочих, в РККА служившего с 1920 по 1926 г., до ареста члена ВКП(б) с 1928 г., в органах НКВД служившего с 1931 г., последняя должность — вр[еменно] зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Одесской области, женатого, несудимого;

2. бывш. оперуполномоченного 6-го отдела УНКВД по Одесской области — сержанта госбезопасности АЙЗМАНА Мирона Моисеевича, 1908 года рождения, уроженец м. Котельна Андрушевского р-на

Житомирской области, из рабочих, до ареста члена ВКП(б) с 1931 г., женатого, в РККА служившего с 1930 по 1932 г. по призыву, в органах НКВД с 193..¹⁴ года, не судившегося;

3. бывш. врид нач[альника] тюрьмы № 1 г. Одессы — сержанта госбезопасности ШАМИСА Якова Моисеевича, 1904 года рождения, уроженца с. Дрыглов Чудно-Волынского р-на Винницкой области, из рабочих, бывш. кандидата в члены ВКП(б), исключённого из партии за применение незаконных методов следствия, в РККА служившего с 1924 по 1925 г. и с 1931 по 1932 г., последняя должность в РККА — секретарь военной прокуратуры корпуса, в органах НКВД с 1932 г., женатого, несудимого;

4. бывш. зам[естителя] нач[альника] следственной части УНКВД по Одесской области ЗАЛКИНДА Ефима Григорьевича, 1902 года рождения, уроженца г. Одессы, из служащих, до ареста исключённого из канд[идатов] в члены ВКП(б), в РККА не служившего, в органах НКВД с 1931 г., женатого, несудимого;

всех четырёх — в преступлениях, предусмотренных ст. 206—17 п. «б» УК УССР,

УСТАНОВИЛ:

Бывшие сотрудники Одесского УНКВД МАКИЕВСКИЙ, АЙЗМАН, ШАМИС и ЗАЛКИНД, выполняя задания органов НКВД по борьбе с к/р элементами, в 1938 году стали на путь фальсификации дел с искусственным созданием доказательств обвинения против честных советских гр[ажд]а[n] путём вынуждения признаний от арестованных без достаточных оснований лиц, вымышленных показаний о к/р деятельности последних.

Таких показаний от арестованных гр-н МАКИЕВСКИЙ, АЙЗМАН и ШАМИС добивались с помощью применения жестоких мер физического воздействия, а ЗАЛКИНД — путём угроз и психического воздействия на арестованных, всячески изолируя в применении к арестованным незаконных методов воздействия в целях вынуждения признаний последних в принадлежности к к/р организации якобы их самих и указания ряда других лиц — участников якобы к/р организации. Таким путём МАКИЕВСКИЙ, АЙЗМАН, ЗАЛКИНД и ШАМИС создавали следственные дела о существовании якобы на Одесчине¹⁵ к/р организаций в Осоавиахиме, милиции, пожарной и друг. советских органах.

Так, выполняя указания бывш. наркома внутренних дел УССР Успенского (оказавшегося врагом народа) об арестах ряда лиц по компрометирующим якобы данным, сообщённым Одесским УНКВД, МАКИЕВСКИЙ и АЙЗМАН, вместо проверки следствием действительного наличия компрометирующих материалов на арестованных ими работников Осоавиахима Бабина, Белоусова и др., вынудили у последних путём

¹⁴ Так у документі. М. Айзман служив оперуповноваженим УНКВС по Одеській області з 1935 р.

¹⁵ У документі помилково — Одесщини.

применения мер физических воздействий вымышленные показания о существовании якобы в системе Одесского Осоавиахима к/р организации.

Для подкрепления обвинения работников Осоавиахима в антисоветской и к/р повстанческой деятельности обвиняемый АЙЗМАН с ведома МАКИЕВСКОГО создал комиссию под председательством быв[шего] работника Осоавиахима Конончука, коей предложено было «задокументировать» вредительскую якобы деятельность арестованных работников ОСО¹⁶ путём составления фиктивных актов об изъятии боевого оружия, скрытого якобы ими от органов советской власти, тогда как фактически изъято было не боевое, а учебное оружие, ни то кого не скрывавшееся, как, например, винтовки и пулемёт с просверленными патронниками. В тех же целях искусственного создания доказательств по обвинению работников ОСО в к/р деятельности АЙЗМАН совместно с сотрудником Тарасенко (дело о коем выделено из настоящего дела) задокументировали с помощью фотоснимка изъятие скрытых якобы от органов советской власти пяти гранат, тогда как последние были брошены, как непригодные, в реку в р-не г. Вознесенска работниками ОСО Добровольским и Заец. При этом, несмотря на то, что граната эти были извлечены из воды гр[ажданин]ом Заец в р-не Вознесенска, снимок был сделан приглашённым фотографом в присутствии АЙЗМАНА и Тарасенко в другом р-не у с. Беляевки и учинена была соответствующая надпись на обороте фотографии. В результате подобной фальсификации о работниках Осоавиахима и на основании вынужденных показаний у арестованных, добытых МАКИЕВСКИМ и АЙЗМАНОМ с помощью также ШАМИСА и ЗАЛКИНДА, аресту подверглись свыше тридцати человек ни в чём не повинных гр[ажданин]н, которые после длительного содержания под стражей были освобождены за отсутствием оснований к их аресту, а некоторые из них осуждены к ВМН, как, например, бывш. политрук ВУПа¹⁷ Вознесенского р-на Рывкин, дело о коем по вине МАКИЕВСКОГО и бывш. сотрудника Одесского УНКВД Плюты (дело о коем выделено из настоящего производства) доложено было на судтройку на основании фиктивных показаний о нём ныне освобождённых работников ОСО Медведева, Добровольского и др.

Точно так же с ведома и под руководством МАКИЕВСКОГО и оформлены были на судтройку по сфальсифицированным материалам следственные дела на гр[ажданин]н Бадюл Надежду, Горбач-Титову, жену работника милиции Горбача, Водзинского и Цапенко, которые также осуждены к ВМН, а Горбач из-под стражи освободили. При этом АЙЗМАН, не располагая достаточными материалами для обвинения Бадюл Надежды и её мужа Бадюл Николая в шпионаже, сфальсифицировал 8 мая 1938 г. протокол очной ставки между ними, подделав подписи последних, а также подделал подпись МАКИЕВСКОГО, как якобы присутствовавшего на очной ставке.

¹⁶ ОСО, Осоавиахим — рос.: Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству — Товариство сприяння обороні, авіаційному і хімічному будівництву.

¹⁷ ВУП — рос.: военно-учётное подразделение — військово-обліковий підрозділ.

Помимо указанных подлогов и фальсификации, АЙЗМАН подделал также подпись подследственной Пыжик-Резник, которая также осуждена суд. тройкой к ВМН в результате этого.

Не признавая себя виновным в указанных подлогах и фальсификации материалов следствия вопреки данным следствия и двукратной судебной экспертизе, имеющимся в деле, АЙЗМАН, как и ЗАЛКИНД, МАКИЕВСКИЙ и ШАМИС признали, однако, преступный метод очных ставок, применявшийся ими по следственным делам, в виде заранее подготовленных протоколов к очным ставкам. Так, например, АЙЗМАН по делу супругов Бадюл, ЗАЛКИНД по делу б[ывших] арестованных работников пожарной Остачика, Жалковского и др., по делу б[ывших] работников милиции Чертаковского, Могилы, Горбача и друг., следствие о коих проводилось МАКИЕВСКИМ, ЗАЛКИНДОМ и ШАМИСОМ с применением физических и моральных преступных методов воздействия, в результате чего все перечисленные лица и ряд других арестованных по этим делам честных советских гр[ажд]н длительное время содержались под стражей по обвинению в тяжчайших к/р преступлениях.

Подследственному работнику пожарной Остачику, члену ВКП(б), на коего компрометирующими материалами были только данные о переписке его со старухой-матерью, оставшейся на территории оккупированной румынами в 1918 году Бессарабии, что он ни от кого не скрывал, ЗАЛКИНД предъявил обвинение в принадлежности к к/р организации, добившись вымышленных показаний от Остачика в подготовке террористического акта против б[ывшего] секретаря ОК¹⁸ КП(б)У Телешева, не интересуясь при этом на следствии даже планом этого якобы готовящегося теракта при допросах Остачика.

В результате преступных методов следствия, применённых к работникам милиции Чертаковскому и другим, все они длительное время содержались без всяких оснований под стражей, а затем были оправданы Военным трибуналом войск НКВД, и лишь бывш. работник милиции Цапенко, следствие о коем вёл ШАМИС, по вине руководившего следствием МАКИЕВСКОГО представлен был на судроковку, коей Цапенко осуждён к ВМН на основании показаний о принадлежности якобы его к украинской к/р организации в милиции, в которую якобы его завербовал Чертаковский, подтвердивший это на фиктивной очной ставке с Цапенко 10 августа 1938 года.

Как видно из постановления следственной группы Одесского УНКВД от 22 апреля 1940 г. по делу Адаменко, также осуждённого суд[ебной] тройкой к ВМН в 1938 г. без достаточных к тому оснований, следствие по этому делу также вёл ШАМИС, хотя, как и по делу Цапенко, судебным следствием не установлена инициатива ШАМИСА в оформлении на суд. тройку дела Адаменко, как и Цапенко.

Привлечённые по настоящему делу к уголовной ответственности за перечисленные преступления МАКИЕВСКИЙ, АЙЗМАН, ЗАЛКИНД и ШАМИС виновными себя не признали, объясняя свои действия, в том

¹⁸ ОК — обласний комітет.

числе и повлекшие за собой столь тяжкие последствия, как осуждение к ВМН гр[ажд]а[н] без достаточных оснований, обстановкой, толкнувшей их по вине бывш. вражеского руководства НКВД на ошибки, по их выражению. При этом МАКИЕВСКИЙ признал всё же свою вину в неосновательном осуждении к ВМН гр[аждан]ки Горбач-Титовой и Водзинского. Однако данными предварительного и судебного следствия обвиняемые МАКИЕВСКИЙ, АЙЗМАН, ЗАЛКИНД и ШАМИС полностью изобличены в инкриминируемых им преступных действиях.

На основании изложенного Военный трибунал признал виновным:

1. МАКИЕВСКОГО в том, что, будучи на ответственной руководящей работе в Одесском УНКВД и злоупотребляя своим служебным положением по должности начальника 6-го отдела, допустил фальсификацию дел по обвинению гр[ажд]а[н] в к/р деятельности в целях создания видимости борьбы с к/р элементами, добываясь путём применения незаконных методов следствия (физических и моральных мер воздействия) вымышленных показаний о принадлежности якобы их к к/р организациям и шпионской деятельности.

Применяя такие преступные методы следствия сам и толкая на это подчинённых ему следственных работников, МАКИЕВСКИЙ добивался таким путём оформления следственных дел об арестованных гр[ажд]а[н]ах на суд[ебную] тройку и другие судебные инстанции без достаточных к тому оснований, в результате чего ряд лиц были неосновательно осуждены судтройкой к ВМН (гр-ки Бадюл Надежда, Горбач-Титова, Водзинский, Рывкин и др.) и значительное число гр[ажд]а[н] после длительного содержания под стражей были освобождены за неосновательностью их ареста, а также оправданы военными трибуналами (Остапчук, Жалковский и др. — по делу работников пожохраны; Чертаковский, Минухин и др. — по делу работников милиции; Бабин, Белоусов и др. — по делу работников Осоавиахима), каковые — преступные действия МАКИЕВСКОГО в силу отягчающих обстоятельств предусмотрены ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

2. АЙЗМАНА в том, что, будучи на ответственной оперативной работе в УГБ Одесского УНКВД в должности оперуполномоченного 5-го отдела и злоупотребляя своим служебным положением, практиковал в 1938 году преступные методы следствия по делам об арестованных гр[ажд]а[н]ах, добываясь путём применения физических мер воздействия признания арестованных в вымышленной к/р деятельности. Не добившись таким путём признания в шпионаже от подследственных своих супругов Бадюл Надежды и Николая, а также от гр[аждан]ки Пыжик-Резник, АЙЗМАН подделал подписи их на протоколе очной ставки Бадюл и на протоколе допроса Пыжик-Резник, а также подделал подпись начальника отдела МАКИЕВСКОГО, как якобы присутствовавшего на очной ставке супругов Бадюл.

Кроме того, в том, что под руководством и с ведома МАКИЕВСКОГО принимая участие в искусственном создании доказательств по обвинению б[ывших] работников Осоавиахима, сфабриковал в целях документации их к/р деятельности акты об изъятии скрытого якобы боевого оружия, подписанные специально созданной для этого комиссией, а также сфотографировал для этой цели негодные гранаты не в месте их изъятия

для приобщения этого фотодокумента к делу Осоавиахима, в результате указанных преступных действий АЙЗМАНА Бадюл Надежда и Пыжик-Резник без всяких к тому оснований представлены были на суд[ебную] тройку и осуждены к ВМН, а ряд лиц, как Бабин, Белоусов и др. по делу Осоавиахима продолжительное время безосновательно содержались под стражей, каковые преступления в силу отягчающих обстоятельств предусмотрены ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

3. ШАМИС в том, что, будучи на оперативно-следственной работе в органах УГБ Одесского УНКВД и злоупотребляя своим служебным положением при проведении оперативно-следственной работы в 1938 г., применял незаконные методы следствия, добываясь вынужденных показаний от подследственных путём применения физического и морального воздействия на арестованных, в результате чего ряд лиц по делам об искусственно созданных таким путём к/р организациях и работников Осоавиахима, милиции и пожарной дали о себе и других лицах вымышленные показания о принадлежности якобы к к/р организации, в силу чего длительное время содержались под стражей, а Цапенко и Адаменко оформлены были на суд. тройку, коей осуждены были к ВМН, каковые преступления ШАМИСА, учитывая недоказанность его инициативы в оформлении указанных дел на суд[ебную] тройку и отсутствие, таким образом, отягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «б» ст. 206–17 УК УССР, подпадает под признаки ст. 206–17 п. «а» УК УССР, и

4. ЗАЛКИНДА в том, что, находясь на оперативно-следственной работе в УГБ Одесского УНКВД в 1938 г. и злоупотребляя своим служебным положением, систематически применял к арестованным незаконные методы следствия, добываясь таким путём вымышленных показаний арестованных о их якобы¹⁹, чем способствовал фальсификации следственных материалов об искусственно созданных к/р организациях по делам о работниках Осоавиахима, милиции, пожарной и др. советских органов, в результате чего ряд лиц длительное время содержались безосновательно под стражей и были впоследствии освобождены за отсутствием материалов обвинения, а также оправданы военными трибуналами, как, например, Остапчик, Жалковский и др.— по делу пожарной; Чертаковский, Минухин и др.— по делу милиции; Бабин, Белоусов и др.— по делу Осоавиахима, каковые преступления ЗАЛКИНДА, учитывая отсутствие отягчающих обстоятельств его вины, предусмотрены ст. 206–17 п. «а», а не ст. 206–17 п. «б» УК УССР, первоначально предъявленные ему, в силу чего

ПРИГОВОРИЛ:

1. МАКИЕВСКОГО Евгения Моисеевича на основании п. «б» ст. 206–17 УК УССР, лишив его присвоенного ему звания мл[адшего] лейтенанта госбезопасности,— РАССТРЕЛЯТЬ.

¹⁹ Так у документі, речення не закінчено.

2. АЙЗМАНА Мирона Моисеевича на основании п. «б» ст. 206–17 УК УССР, лишив его присвоенного ему звания сержанта госбезопасности, — РАССТРЕЛЯТЬ.

3. ШАМИСА Якова Моисеевича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР — к ДЕСЯТИ (10) годам ИТЛ без поражения в правах, но с лишением присвоенного ему звания сержанта госбезопасности.

4. ЗАЛКИНДА Ефима Григорьевича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР — к ВОСЬМИ (8) годам ИТЛ без поражения в правах.

Зачесть предварительное заключение ШАМИСУ с 9 апреля 1940 года, а ЗАЛКИНДУ — с 17 апреля 1940 года.

Приговор может быть обжалован в пятидневный срок со дня вручения осуждённому выписки из приговора через военный трибунал, вынесший приговор, в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Подлинный за надлежащими подписями.

ВЕРНО: Секретарь ВТ военюрист

(ПИСАРЕВ)

КОПИЯ ВЕРНА: ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ОдВО

ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Гончарук

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 68251, т. 2, арк. 169–174. Завірена копія.
Машинопис.

№ 30

Протокол судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі колишнього начальника 4-го відділу УНКВС по Одеській області В. П. Калюжного

23–26 грудня 1940 р.

Дело № 44–1940 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1940 г., декабря 23–26 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа в выездной сессии в здании УНКВД по Одесской области, г. Одесса, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего военного юриста 1 ранга ВАСЮТИНСКОГО и членов: сержанта госбезопасности ГРАЧОВА и ЛОБУНЦА, при секретаре — ТРУШ, рассмотрел дело № 44–1940 г. на КАЛЮЖНОГО Владимира Филипповича, без участия обвинения и защиты.

Судебное заседание открыто в 21 ч. 15 м. 23.XII–[19]40 г.

Пред[седательствующий] объявил, что будет рассматриваться дело по обвинению быв[шего] начальника 4[-го] отдела УНКВД по Одесской обл. КАЛЮЖНОГО Владимира Филипповича в преступл[ении], предусмотр[енном] ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

Секретарь доложил, что подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ, содержащийся под стражей в тюрьме г. Одессы, в суд[ебное] заседание доставлен.

Явились вызванные в суд[ебное] заседание свидетели Бутович А. Ф., Буркин Н. И., Мазур М. М., Гнесин А. Е., Чазова О. И., Калиховский Л. С.²⁰, Баргер М. Б., Сенкевич И. Ф. и Шпак С. Я.

Свидетели Цирульницкий М. М., Фадеев С. Ф., Мошковский В. А., Пышный П. А. вызывались в суд[ебное] заседание на 24 декабря с. г. и по этому придут только лишь 24. XII. [19]40 г.

Вызываемым в качестве свидетелей Гапонову и Степанскому повестки о явке в суд[ебное] заседание не вручены, т. к. последние выбыли из г. Одессы, и местожительство их и место работы неизвестно.

Больше в суд[ебное] заседание никто не вызывался.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности подсудимого, опросил его, который дал о себе такие сведения:

КАЛЮЖНЫЙ Владимир Филиппович, 1905 г. рождения, уроженец г. Одессы, УССР, происходящий из семьи рабочего, по соц[иальному] положению рабочий, член ВКП(б) с 1926 г., партбилет отобран при аресте, грамотный, гражданин СССР, по национальности украинец, не судим, женат, имею одного ребёнка. В кадровых частях РККА не служил, при призыве был зачислен в терчасть²¹, где и проходил терсборы²². До органов НКВД работал в г. Одесса на паровой мельнице в качестве слесаря, затем работал в совхозе, рабочий стаж в общей сложности — 4 года. В органах НКВД служил с 1929 г., первое время работал в Райотделе НКВД г. Первомайск, затем был переведён на работу в Облуправление НКВД г. Одесса. Последнее время по день ареста работал н[ачальни]ком 9[-го] отдела НКВД УССР, г. Киев. Имею специальное звание «ст[арший] лейтенант госбезопасности».

Обвинительный материал по делу читал 12 декабря 1940 г. Под стражей по данному делу содержится с 20.4.1939 г.

Объявлен состав суда и разъяснён порядок его отвода.

Отвода составу суда и секретарю суд[ебного] заседания подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ не заявил.

Пред[седательствующий] разъяснил подсуд[имому] его права в процессе суд[ебного] заседания: о вызове дополнительных свидетелей в суд. заседание, об истребовании и приобщении к делу иных письменных документов, о праве подсудимого задавать вопросы свидетелям, давать объяснения по делу и по показаниям свидетелей и иметь последнее слово.

²⁰ У документі ініціали переплутані місцями — С.Л.

²¹ Терчасть — територіальна частина.

²² Терсборы — рос.: територіальні збори. Йдеться про короткочасну військову підготовку осіб, що були приписані до територіальних частин РСЧА.

Пред[седательствующий] удостоверился в самоличности свидетелей, предупредил их об ответственности за дачу суду ложных показаний, после чего свидетели удалены в свидетельскую комнату.

Предоставлено слово подсуд. КАЛЮЖНОМУ для заявления имеющихся у него ходатайств.

Подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ:

1. Прошу предоставить мне возможность ознакомиться дополнительно с делом, так как дела, по которым меня обвиняют, находились в производстве уже 3 года тому назад, а с обвинительным материалом по делу я ознакомился более 10 мес[яцев] [назад]²³ и теперь уже весь материал я не помню.

2. Выдать мне для пользования во время суд. заседания копию обвинит. заключения и имеющиеся в деле мои черновые заметки по делу.

3. Истребовать и приобщить к делу выписку из решения бюро РПК Ворошиловского р-на г. Одессы от января мес[яца] 1938 г. об исключении из партии Дьячишина, откуда будет видно, что он, т.е. Дьячишин, был исключён из партии по материалам, имевшимся в парт. организации.

Обсудив ходатайства, заявленные подсуд[имым] КАЛЮЖНЫМ в начале суд[ебного] заседания, и совещаюсь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: После оглашения обвинительного заключения по делу объявить перерыв суд. заседания до 10 часов утра 24 декабря 1940 г. с тем, чтобы предоставить возможность подсуд. КАЛЮЖНОМУ дополнительно ознакомиться с делом, одновременно предоставить возможность пользоваться обвинительным заключением и черновыми заметками во время суд. заседания.

Все остальные заявленные ходатайства подсуд. КАЛЮЖНЫМ обсудить в ходе суд[ебного] заседания 24.XII.[19]40 г.

Пред[седательствующий] огласил обвинительное заключение, постановление военного прокурора, определение ПЗ ВТ от 20.8.1940 г. и определение Военной коллегии Верховсуда СССР от 22. XI.[19]40 г. об отмене определения ПЗ ВТ Киевского округа, разъяснив подсудимому суть предъявленного ему обвинения, после чего спросил, признаёт ли он себя виновным и желает ли суду давать показания.

Подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ: Виновным себя в предъявленном мне обвинении ни в чём не признаю. Показания суду давать желаю.

В 21 ч. 45 м. объявлен перерыв суд[ебного] заседания до 10 ч. 00 м. 24.XII.[19]40 г.

В 10 ч. 00 м. 24.XII.[19]40 г. суд[ебное] заседание объявлено продолжающимся.

На вопрос пред[седательствующего] о возможности слушания дела в отсутствие свидетелей Гапонова и Степанского подсуд. Калюжный заявил:

Слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей Гапонова и Степанского не возражаю.

²³ В. Калюжный дещо перебільшував. Матеріали слідства були пред'явлені йому 28 квітня і 9 липня 1940 р., тобто, в останнє — за п'ять з половиною місяців до судового засідання. (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 2, арк. 401; т. 3, арк. 178–178 зв.).

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая согласие подсуд. КАЛЮЖНОГО, дело слушанием продолжит в отсутствии неявившихся свидетелей Гапонова и Степанского, а при наличии ходатайств, огласить их показания в суд. заседании. Одновременно принять соответствующие меры для установления места проживания в г. Одесса свидетеля Пышного, т.к. согласно телеграммы последний находится в отпуске и проживает у родственников, проживающих в г. Одесса.

На вопрос пред[седательствую]щего, имеет ли подсуд. КАЛЮЖНЫЙ какие-либо другие ходатайства, подсуд. заявил: Больше ходатайств не имею.

Обсудив заявленное ходатайство подсуд. КАЛЮЖНОГО об истребовании и приобщении к делу выписки из решения бюро Ворошиловского РПК г. Одессы об исключении из партии Дьячишина, а также ранее заявленные ходатайства подсуд. Калюжным, изложенные последним на л.д. 201 об. т. 3 1) об истребовании из УНКВД г. Одессы агентурного дела «Нетронутые», 2) об истребовании копий аттестации на агента НКВД «Бебу»²⁴, 3) об истребовании из УНКВД г. Одессы копии шифртелеграммы об аресте Закгейма, и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая, что в процессе суд. следствия и опроса свидетелей можно выяснить все эти вопросы, а поэтому ходатайства оставить открытыми, разрешив их по существу в зависимости от необходимости в этом по ходу суд. следствия.

Одновременно, учитывая, что подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ виновным себя ни в чём не признал, признать целесообразным сначала допросить свидетелей в порядке списка обвинит. заключения, а затем заслушать объяснения по делу подсуд. КАЛЮЖНОГО.

Свид[етель] БУТОВИЧ Александр Фёдорович, 1910 г. рожд., служащий, член ВКП(б) с 1939 г., не судим, до органов работал на заводе им. Петровского г. Одессы, в органах НКВД службу с 1937 г., личных счётов с подсуд[имым] не имею, показал:

За период работы с 1937–1938 гг., будучи начальником 4[–го] отдела УНКВД по Одесской обл., Калюжный давал целый ряд неправильных указаний своим подчинённым, как, например: Калюжный давал установки и требовал от следователей о том, что при допросе арестованного последний должен стоять всё время на ногах, устанавливал контрольные цифры по отделениям²⁵ на аресты людей, заставлял писать справки на арест, несмотря на то, что компрометирующими материалами на этих людей мы не располагали.

Не помню, какого числа, Калюжный после прибытия со съезда выступил на оперативном совещании и сообщил нам о том, что якобы на политбюро ЦК ВКП(б) стоял вопрос о работе украинских чекистов, при этом сказал, что доклад быв[шего] наркома НКВД УССР Успенского был одобрен, и тут же от имени Успенского поставил перед нами задачу увеличения арестов.

²⁴ У документі помилково — «Бебе».

²⁵ У документі помилково — отдела.

Работая в 5-м отделении 4[—го] отдела, мною было написано несколько справок на арест, а затем, когда эти справки нач[альник] 5[—го] отделения Львов понёс на подпись начальнику отдела Калюжному, то последний ругал меня за то, что я написал мало справок на арест, в то время, как мы на большое число лиц материалами не располагали.

Однажды я присутствовал на допросе одного арестованного. Допрос производил нач[альник] отделения Тягин. В своих показаниях арестованный говорил, что Молотов способствует продвижению по службе врагам народа, и затем эти показания забрал Калюжный. Куда делись эти показания, мне не известно.

На вопросы суда свид[етель] БУТОВИЧ ответил:

Фамилию арестованного, который показывал о том, что Молотов способствовал продвижению врагов народа, я не знаю, т.к. это дело было уже давно, и я забыл, но я знаю, что такие показания кто-то из арестованных давал, и этот протокол забрал Калюжный, куда он дел этот протокол, я не знаю.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ на вопрос суда:

Показания Бутовича неправдивы и исходят из личных счётов его ко мне, что я в своих объяснениях расскажу.

Свид[етель] БУТОВИЧ на вопросы суда о показаниях на л.д. 230 в 1[—м] томе:

Эти свои показания, данные на предварительном следствии, подтверждаю сейчас.

Так называемые областные центры троцкистов и правых «вскрывались» очень часто. За период работы, т.е. конец 1937 и начало 1938 гг., Калюжным было «вскрыто» около 5-ти областных центров, например, украинский националистический центр, право-троцкистская к-р организация и т.д., об этих центрах я дал показания на предварительном следствии как о искусственно созданных центрах на основании как своего мнения, так и других сотрудников, т.к. лично я знать всех этих дел не мог.

Я лично работал по украинскому националистическому центру, и сколько мы не пытались добыть какие-либо материалы в отношении этого центра, материалов никаких не было; тогда нам предложили увязывать наши материалы о каждом в отдельности арестованном с большим протоколом показаний, добытых у одного арестованного кем-то по 4-му отделу, добиваясь показания о связи с украинским националистическим центром наших арестованных, хотя об этом нам арестованные показаний и не давали.

В связи с этим я и говорил тогда и сейчас говорю о том, что эти центры Калюжным создавались искусственно. Был также случай, когда всё руководство Заготзерно г. Одессы — зав[едующий] Заготзерно Зубов и друг.— были исключены из партии за провал заготкомпания, после этого сразу же все они были арестованы как участники право-троцкистской контр-революционной организации, хотя на них никакими материалами мы и не располагали. Так, например, мною на основании ордера, полученного от начальника отделения Львова, и подписанной справки на арест нач[альником] 4[—го] отдела Калюжным был произведён

арест работавшего в то время в РЗО²⁶ Шаренко, и, несмотря на то, что с Шаренко мы работали очень много, никаких материалов о к-р деятельности мы не добыли, и в результате чего последний, т.е. Шаренко, был освобождён нами. Тогда же Калюжный ругал нас и, в частности, меня, за то, что мы плохо работаем с арестованными, и тут же дал нам установку, чтобы мы покрепче «нажимали».

В части создания к-р повстанческих организаций из быв[ших] красных партизан мне известно следующее: из НКВД УССР нами было получено указание о том, что в Одессе и в погрансёлах Одесской обл. организованы контр-революционные повстанческие отряды из бывших красных партизан. Были также сведения о том, что руководителем этих повстанческих отрядов является некий Дьячишин, имевший связь с Якиром. На основании этих данных был арестован Дьячишин. Сначала следствие по этим делам велось 4-м отделом, но никаких материалов об этих повстанческих отрядах 4-й отдел не добыл, тогда эти дела были переданы в 3 отдел, там были добыты какие-то материалы по этому делу, в результате чего было очень много арестованных, связанных с этим делом, и после чего Калюжный ругал нас за то, что мы не умеем работать, т.е. не сумели добыть никаких материалов по этому делу. Впоследствии все лица, обвиняемые в принадлежности к к-р повстанческим отрядам из быв[ших] красных партизан, были освобождены, и дела о них прекращены.

О минных полях, заложенных на побережье Чёрного моря, мне известно от н[ачальни]ка отделения Львова. Последний мне рассказывал о том, что ему, т.е. Львову, говорил Калюжный о том, что 3-й отдел, производивший следствие по делам быв[ших] красных партизан, получил показания от арестованных в этой части, но детально по этому вопросу мне не было ничего известно.

Физические меры воздействия во время следствия к арестованным применялись. Я также их применял к арестованным. На применение физических мер воздействия к арестованным была дана общая установка руководством УНКВД, в том числе и Калюжного. Секретарём парт. комитета в этот период, т.е. конец 1937 и начало 1938 гг., был Калюжный, и он знал об этой установке.

Отдельно санкции на применение к тому или иному арестованному физических мер воздействия не бралось, они применялись согласно общей установки. В отношении бывших эсеров дело было таким образом: в нашем отделе было около 70 дел-формуляров на бывших эсеров, никаких других материалов в отношении этих лиц мы не имели.

По распоряжению Калюжного я написал около 25-ти справок на арест, а когда эти справки попали на подпись к Калюжному, последний не подписал эти справки и сказал, чтобы в справках написать: «Является участником к-р эсеровской организации», тогда как никаких материалов об этом мы не имели.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] БУТОВИЧ ответил:

²⁶ РЗО — рос: районный земельный отдел — районний земельний відділ.

По прибытии Калюжного с 14[—го] съезда КП(б)У, куда он был избран делегатом как секретарь парткомитета УНКВД, было созвано оперативное совещание, на котором выступил Калюжный и говорил о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило работу украинских чекистов, и от имени Успенского передал о том, что нужно больше арестовывать, не считаясь с наличием имеющихся материалов, причём Калюжный тогда сказал, что лучшее отделение и лучший отдел тот, у которого больше арестованных.

Мне было передано Майским около 30 следственных дел по украинскому националистическому центру. Все показания, добытые по этим делам, были добыты Майским. Я же никаких материалов по этим делам не добыл.

О добытых материалах Майским о украинском националистическом центре было известно Калюжному, т.к. он работал в это время начальником 4[—го] отдела. Это было приблизительно в мае—июне мес. 1938 г.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Действительно, после работы 14[—го] съезда КП(б)У Успенский созывал всех начальников отделов НКВД УССР и делегатов съезда из парторганизации НКВД. На этом совещании начальники отделов информировали о состоянии работы отделов, после этого на этом же совещании выступил Успенский и сказал: «10 лет мы ничего не делали в отношении анти[сов.] политпартий» и добавил: «До каких пор они будут свободно ходить по нашей земле».

Действительно, на Политбюро ЦК ВКП(б) стоял вопрос о работе украинских чекистов, и там была одобрена политика, о чём на оперативном совещании нас информировал Гречуха. Я, как нач[альник] 4[—го] отдела, созвал, в свою очередь, оперативное совещание работников своего отдела и также информировал об этом, однако никакой увязки с арестами я тогда не делал, никаких контрольных цифр отделениям я не давал.

На вопросы суда св[идетель] БУТОВИЧ ответил:

На оперативном совещании Калюжный сказал, что нужно побольше арестовывать, т.е. брать и брать. На основе этого мы и начали усиленно готовить справки на арест, по коим затем и производились аресты. Во 2-м отделении 4-го отдела я работал около 8-ми мес[яцев]. Начальником 4[—го] отдела в это время был Калюжный.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Бутович работал в моём отделе²⁷ с марта по июль мес[яц] 1938 г. Перед тем²⁸ Бутович работал в 4[—ом] отделе около 2-х мес[яцев], когда я нач[альником] отдела не был, а замещал только лишь его²⁹.

²⁷ Тут і далі у документі помилково — отделении.

²⁸ У документі — затем.

²⁹ Цей недбало записаний у протоколі абзац викликав запитання у якогось важливого читача з червоним олівцем у руці. В. Калюжный з 8 серпня 1937 р. був заступником начальника 4-го відділу, а з 22 жовтня 1937 р. фактично керував роботою відділу. 28 квітня 1938 р. він був призначений т.в.о. начальника відділу, а 28 травня 1938 р.— начальником 4-го відділу.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БУТОВИЧ ответил:

На работу во 2-е отделение 4-го отдела был мобилизован некий Сальников, и, работая в отделении, он заявил о том, что у нас нарушаются нормы УПК в части ведения следствия, после чего Калюжный характеризовал Сальникова как плохого работника в своих выступлениях на оперативных совещаниях, а затем, в конце концов, Сальников был «выдвинут» на работу в район. Впоследствии шли разговоры, а также говорил об этом и сам Сальников, о том, что Калюжный «выдвинул его из Одессы».

Оглаш[ается] л.д. 234 т. 1 — показ[ания] св[идетеля] Бутовича о сионист[ских] агентах.

Свид[етель] БУТОВИЧ ответил:

Об этих агентах, клички их я не помню, мне рассказывал Тягин, и он же, т.е. Тягин, говорил мне о том, что Калюжный давал установку, сводившуюся к тому, чтобы перебить всех ценных агентов. Дату ареста Шаренко и Зубова я сейчас не помню, но я помню, что нач[альником] УНКВД в то время был Киселёв. Не помню также, был ли в это время в Одессе Калюжный, или же не было его. Справка на арест Шаренко была выписана оперуполномоченным Городенко и подписана н[ачальни]ком отделения. Кто подписал справку на арест Шаренко, я сейчас не помню.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Я мог говорить н[ачальни]кам отделений о том, что если есть соответствующие материалы, говорящие о принадлежности к к-р организации, то при составлении справки на арест этих лиц дописывать: «Является участником к-р организации», если же таких материалов нет, то никого об этом писать в справках я не заставлял.

На вопросы суда св[идетель] БУТОВИЧ ответил:

Я выписал около 30 справок на арест бывших эсеров и занёс их начальнику отделения Тягину. На второй день Тягин вызвал меня и сказал, почему я не написал в справке о том, что эти лица являются участниками к-р повстанческой организации, затем при мне перечеркнул все эти справки, написал своей рукой: «Является участником к-р повстанческой организации», и затем все эти справки были перепечатаны на машинке.

Было очень много случаев, когда мы составили справки на арест согласно архивных материалов дел-формуляр[ов], а когда приходили, чтобы арестовать человека, последний в Одессе не проживал, и тогда все эти справки шли в архив, а поэтому вполне возможно, что из выписанных нами справок арестовали всего лишь 8 чел., а остальных в г. Одессе не оказалось, т.к. справки на арест составлялись на основе дел-формуляров и без достаточного количества обвинительных материалов.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

В деле имеются справки на арест бывших эсеров, и в каждой из справок есть ссылка, откуда получены материалы, т.е. показания, для убеждения в этом прошу огласить эти справки.

Оглаш[ается] л.д. № 162 т. 2 — справка на Прогацкого С.С.

Оглаш[ается] л.д. 166 т. 2 — справка на Кирьяки К.Н.

Оглаш[ается] л.д. 168 т. 2 — справка на Бродского³⁰.

Оглаш[ается] л.д. 172 т. 2 — справка на Капельник.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Кирьяки не арестовывался, и ту справку, копия которой имеется в деле, я не подписывал. Бродский был арестован на основе показаний Сухова.

Оглаш[ается] л.д. 170 об.— обзор следствен. материалов по следделу № 103317.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Я знаю, что Бродский был арестован на основании показаний арестованного в то время Сухова, и последний давал показания на Бродского, где эти показания, я не знаю, но они были.

Оглаш[ается] л.д. 173 т. 2, анкетные данные и сведения о том, что Капельник являлся участником подготовки террористического покушения на пристава Панасюка.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

В деле-формуляре были сведения о том, что в квартире Капельник собирались рабочие и высказывались в антисоветском духе. В части того, что Капельник арестован 29.6.[19]38 г., а показания дал лишь 1.8.1938 г., объясняется это тем, что раньше он показаний не давал, и, естественно, протокол допроса не писался.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БУТОВИЧ ответил:

Были случаи, когда Калюжный заходил в кабинет во время допроса и давал установку, что если обвиняемый не сознаётся в обвинении, то при допросе он должен всё время стоять. Правда, был один случай, когда Калюжный сказал мне, чтобы арестованный сидя давал показания, но это был единственный случай, чем он был вызван, я не знаю, по-видимому, по этому вопросу были уже соответствующие указания.

Был один случай, когда я допрашивал одного арестованного, некоего Рыбалко, последний не давал никаких показаний, затем зашёл Калюжный, поставил этого арестованного в угол и предупредил его, что если он не даст показаний до утра, то ему будет очень плохо, после чего Рыбалко начал писать показания. По установке Калюжного я применял физические меры воздействия к арестованному Рыбалко.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Свид. Бутович даёт неправильные показания из-за того, что он имеет со мной натянутые отношения. Когда Бутович работал в моём отделе³¹, на него поступили сведения о том, что он — сын помещика. Я, как секретарь парткомитета, вызвал Бутовича и говорил с ним по этому вопросу, а затем весь этот материал направил в отдел кадров для проверки. Поэтому Бутович считает, что я собирал на него компрометирующие материалы, и теперь даёт такие показания. Также Бутович даёт неправильные показания в части избития арестованного Рыбалко, ибо на предварительном

³⁰ Тут і далі у документі помилково — Брощкого, Брощкий.

³¹ У документі помилково — отделении.

следствии Бутович говорил не о Рыбалко, а о каком-то Любовицком, а теперь называет уже Рыбалко.

Оглаш[ается] л.д. 238 т. 1 — показ[ания] св[идетеля] Бутовича.

Свид[етель] БУТОВИЧ ответил:

Да, Калюжный давал установку бить Любовицкого, который обвинялся в к-р деятельности, и об этом я показывал на предварительном следствии. Сегодня я вспоминаю ещё и о Рыбалко, которого я ударил 2 раза по указанию Калюжного.

В части личных счётов с Калюжным — у меня их нет, и не было. Действительно, одно время поступил на меня материал о том, что я — сын помещика. После того, как меня вызывали в отдел кадров и спрашивали меня там об этом, на второй или даже в этот же день я зашёл к Калюжному как к секретарю парткомитета и сам рассказал ему об этом. Таким образом, Калюжный меня не вызывал, а я сам ходил к нему, и личных счётов по этому поводу с ним у меня нет, тогда же было установлено, что отец мой с малых лет на железной дороге работал смазчиком и работает по сей день.

В 12 ч. 25 м. объявлен перерыв суд[ебного] заседания на 15 минут.

В 12 ч. 40 м. суд[ебное] заседание объявлено продолжающимся.

Свид[етель] КАЛИХОВСКИЙ Леонид Соломонович, 1904 г. рождения, рабочий, член ВКП(б) с 1929 г., в настоящее время работаю в Обкоме КП(б)У г. Одесса, под судом и следствием не был, работая в КПК по Одесской обл. партследователем, вёл допросы по делу группы КПК, предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, с подсуд. личных счётов не имеет, показал:

По делу Калюжного на предварительном следствии я не допрашивался, и поэтому о нём мне ничего не известно.

Работая партследователем при КПК г. Одесса, мне приходилось проверять поступающие компрометирующие материалы на отдельных работников КПК. После детальной проверки все эти материалы не подтверждались, в результате чего, как на парт. коллегии, так и в парт. организациях, эти лица были полностью реабилитированы. Так, например, дело Винника, на последнего поступили материалы о том, что он был связан с врагом народа — быв[шим] зам[естителем] пред[седателя] Облсполкома Каргой. После проверки оказалось, что Винник ехал в одном купе вагона вместе с Каргой, и ели мандарины или апельсины, больше ни о какой связи Винника с Каргой и никаких других материалов по этому вопросу не было. Однако, несмотря на всё это, Винник был арестован. Обвиняли его, как и других работников КПК, в том, что он — участник право-троцкистской к-р организации, во главе которой стояли Носов и Степанов. Между тем, как последние выбыли в город Москву, никогда не арестовывались и занимают ответственные партийные посты и до настоящего времени.

Аналогично было и с секретарём КПК по Одесской обл. Самариным. Последний состоял членом ВКП(б) с 1907 г., был одним из лучших коммунистов, ничего плохого за последним не замечалось, а затем в один прекрасный день Самарин был арестован.

На второй день после ареста Самарина была созвана парт. организация, и 2-й секретарь Обкома КП(б)У Солошек³² информировал нас о том, что Самарин — притаившийся враг и что он является провокатором царской охранки под кличкой «Никанор».

В то время мы считали, что это — факт, и все верили этому, однако впоследствии оказалось, что всё это было неправда, всё это было сфальсифицировано.

На вопросы суда св[идетель] КАЛИХОВСКИЙ ответил:

Кроме лиц, которых я уже назвал, из работников КПК были арестованы следующие: Агронский, Сороковик, Шпак, Васюренко, Александров и др.

Александров в результате применения к нему физических мер воздействия при следствии потерял рассудок. До ареста Александров был совершенно здоровым человеком. Все свои показания от 23.4.1940 г. на л.д. 70–74 т. 3 я целиком и полностью поддерживаю.

В части Агронского были получены компрометирующие материалы, т.е. материалы о том, что он имел связь с бывшим облпрокурором Туриным, содействовал кому-то из своих родственников в получении пропуска на выезд в Париж, в том, что он в Кирове³³ на партсобрании выступал против линии коммунистической партии и т.д.

Все эти материалы проверялись несколькими работниками КПК, и после детальной длительной проверки Агронский был по всем этим материалам полностью реабилитирован. Яворский, проверяя материалы о том, что Агронский выступал якобы в Елисаветграде против линии коммунистической партии, выезжал на место в Кирово, привёз протокол, где было зафиксировано выступление Агронского, и оказалось, что в Елисаветграде последний в своём выступлении разоблачал троцкистов.

О связи Агронского с Туриним материалы также не подтвердились, ибо в день самоубийства Турина Агронский был в командировке, а в материале указывалось, что Агронский был якобы у Турина перед самоубийством последнего. Васюренко осуждён к 15 годам лишения свободы в ИТЛ как участник право-троцкистской к-р организации, которой как будто бы руководил Носов, завербовавший якобы всех остальных арестованных работников КПК, но, как потом было установлено, такой к-р организации не существовало, сам Носов никогда не арестовывался и работает по настоящее время на ответственной работе в г. Москве. В настоящее время я имею сведения о том, что дело Васюренко находится на пересмотре, и сам Васюренко доставлен в Одесскую тюрьму по этому поводу.

На вопросы подсуд[имого] КАЛЮЖНОГО св[идетель] КАЛИХОВСКИЙ ответил:

³² У документі помилково — Солошин.

³³ До 1924 р.— Єлисаветград, від 1924 р.— Зинов'євськ (від 1932 р.— у складі Одеської області), з 27 грудня 1934 р.— Кирово, з 10 січня 1939 р.— Кировоград — обласний центр УРСР, з 14 липня 2016 р.— Кропивницький (Україна).

Мне известно о том, что Александрова избивали, ибо, когда последний был освобождён, он прибыл домой весь в синяках и ссадинах, кроме того, он был в больнице, где были составлены также соответствующие акты о его физическом и психическом состоянии. Эти документы я видел у его жены.

Вскоре после того, как Александров был арестован, меня позвали в УНКВД для того, чтобы я уличил Александрова, и когда показали мне Александрова, последний был уже настолько избит, что даже не мог разговаривать со мной. Работал ли в это время в УНКВД Калужный или нет, я не знаю. Опознать Александрова вызывал меня в УНКВД Берензон. Последнего я знал хорошо, где он в настоящее время, я не знаю.

Свидетель Калиховский освобождается от присутствия в зале суд. заседания.

В 13 ч. 25 мин. объявлен перерыв суд. заседания на 30 м.

В 13 ч. 55 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая показания св[идетеля] Бутовича по вопросу составления справок на арест лиц, примыкавших к эсерам, и бывших эсеров и объяснения подсуд. Калужного по этому вопросу, запросить из 1[-го] спецотдела УНКВД по Одесск[ой] обл[асти] дело-формуляр на Капельника для обозрения его в суд. заседании.

Суд ознакамливается с делом-формуляр[ом] на Капельника.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Капельник на предварительном следствии давал показания о том, что он, кадровый эсер, отказывался вступить в ряды ВКП(б) из-за несогласия в 1921 г. с линией ВКП(б). Об этом он показывал на допросе, отвечая на поставленный ему вопрос, почему он не вступил в партию большевиков.

Оглаш[ается] анкета на Капельника И.А. л.д. 173 т. 3.

Обозрев дело-формуляр на Капельника Исаака Абрамовича, суд удостоверяет, что в деле-формуляре, кроме того, что в квартире Капельника собирались рабочие и разговаривали о существующих расценках на производстве, никаких компрометирующих материалов больше не имеется, царским судом Капельник, судя по данным дела-формуляра, привлекался за участие в покушении на пристава.

Свид[етель] БУРКИН Николай Иванович, 1898 г. рожд., рабочий, член ВКП(б) с 1919 г., в органах НКВД работал с 1920 по 1939 г., уволен из органов за то, что дал своему родственнику Залевскому похвальную характеристику, который впоследствии был разоблачён как враг народа, под судом и следствием не был, личных счётов с подсудимым не имеет, показал:

С подсуд[имым] Калужным в УНКВД по Одесской обл. я работал около 2-х с половиной месяцев, т.е. это было, примерно, в первых числах мая мес. 1938 г. и до половины июля мес. этого же года.

Калужный в это время был начальником 4[-го] отдела, я же был н[ачальни]ком 3[-го] отделения 4[-го] отдела, т.е. я был подчинён непосредственно Калужному.

Точно времени не помню, но это было в бытность работы Калужного в УНКВД по Одесск[ой] обл[асти]. Последний приехал из Киева, созвал

оперативное совещание всех работников 4[—го] отдела и там доложил нам о том, что на Политбюро ЦК ВКП(б) Успенский докладывал о работе украинских чекистов, причём Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило политику украинских чекистов, тут же Калюжный передал нам возмущение Успенского тем, что, мол, до каких пор будут ходить по советской земле враги народа. Затем, в конце совещания Калюжный установил контрольную цифру на арест и назвал эту цифру, как мне помнится, 1000 чел. Кроме того, Калюжный дал установку арестовывать всех бывших красных партизан, мотивируя это тем, что они как будто бы уже все — участники к-р организации и завербованы в так называемую военно-повстанческую организацию, т.е. отряды. Причём Калюжный говорил, что надо арестовывать всех бывших красных партизан независимо от того, есть на них компрометирующие материалы или нет, после чего и пошли усиленные аресты, хотя достаточных материалов для этих людей и не было.

Мне известно также и о том, что в справках, составляемых на арест лиц — бывших эсеров, по распоряжению Калюжного дописывалось: «Является участником к-р организации», хотя этих материалов и не было. Об этом мне говорил Пышный, и он же лично получал такую установку от Калюжного. Мне же Калюжный такой установки не давал, и лично я такой установки от Калюжного не слышал, я говорю это со слов Пышного.

Однажды, уезжая в командировку в г. Киев, Калюжный оставил меня своим заместителем и, уезжая, дал мне установку: до его приезда нужно арестовать не менее 1500 чел. Я же к моменту возвращения Калюжного успел арестовать около 70 чел., за что Калюжный ругал меня, обвиняя в том, что я не веду борьбу с врагами народа.

Таким образом, я прихожу к заключению, что все аресты и, особенно, аресты по лицам, примыкавшим к антисовет[ским] полит[ическим] партиям, производились без достаточных материалов, т.е. в погоне за выполнением лимитов, никому не нужных, как только врагам.

На вопросы суда св[идетель] БУРКИН ответил:

В отношении ЦАД (Центральный арестный дом) мне известно со слов Фадеева о том, что там писались протоколы допроса заранее, трафаретные, затем вызывались арестованные и под угрозой и применения физических методов — избияния, заставляли арестованных подписывать эти протоколы допроса.

Натягивание дел состояло в том, что на предварительном следствии применялись к арестованным физические меры воздействия, чем вынуждали у арестованных любые показания.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БУРКИН ответил:

Разговоры о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило работу украинских чекистов, я слышал на оперативном совещании, созванном Калюжным, от него же, Калюжного, возможно, об этом говорили и на совещании у Гречухина, но я там не присутствовал. Извращение в следствии, имевшее место в ЦАДе, а также применение физических мер во время следствия, имеет прямое отношение к Калюжному, т.к. последний

в тот период был секретарём парт. организации УНКВД и должен нести ответственность за это наравне с начальником УНКВД.

Следственными делами 4[—го] отдела я не руководил, я лишь несколько дней замещал Калюжного, а, вообще, я работал начальником 3[—го] отделения и вёл следствие по делам, проходящим по нашему отделению, т.е. по украинским националистам.

Оглаш[ается] л.д. 165 т. 2 — обзор по следделу № 103317 на Роднянского. Свид[етель] БУРКИН ответил:

Были случаи, когда арестованный не сознавался в предъявленном ему обвинении на протяжении целого месяца, а затем начинает признаваться, и поэтому возможно, что Роднянский допрашивался и раньше, но протокол допроса не писался, а писался только лишь тогда, когда начал признаваться, т.е. 21 июля 1938 года, т.е. ровно через месяц после его ареста.

За искривление соц[иалистической] законности из партии меня не исключали. В решении об исключении меня из партии было записано: за потерю политической бдительности, за нереагирование на недопустимые методы следствия, имевшие место в отделе, сейчас я в партии восстановлен.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Все показания, добытые у арестованных лиц, примыкавших к анти-сов. политпартиям, были добыты после моего отъезда из г. Одессы на работу в г. Киев. Убывая из Одессы, 4-й отдел я передал Буркину, а затем, когда прибыл на должность н[ачальни]ка 4[—го] отдела Гапонов, Буркин был всё время у него заместителем, и он был также тесно связан с производством арестов, производимых в то время. Кроме того, Буркин подписывал очень много документов за начальника 4[—го] отдела.

Оглаш[ается] л.д. 38—45, обвин[ительное] закл[ючение] по следделу 103357.

На вопросы суда св[идетель] БУРКИН ответил:

Да, был такой случай, когда Гапонов замещал нач[альни]ка УНКВД. В этот период было составлено обвинительное заключение на группу лиц, и я подписал это обвинительное заключение за нач[альника] 4[—го] отдела, ибо Гапонов тогда замещал начальника УНКВД, и подписывать материал одному человеку в разных должностях было неудобно. Кроме того, мною было подписано 6 справок на арест, но на этих лиц были показания арестованных, добытые Тягиным, ныне осуждённым. Перед тем, как подписать эти справки, я проверил всё это и только после личной проверки подписал эти 6 справок.

Установку Калюжного о том, чтобы дописывать в справках на арест «является участником к-р организации», я узнал уже позже, об этом мне говорил кто-то, но кто, я уже точно не помню, мне кажется, что об этом мне говорил Тягин или Пышный. Сам Калюжный мне такой установки не давал. Правда, была одна справка, когда нач. отделения Тягин своей рукой после моей подписи в справке на арест дописал: «Является участником к-р эсеровской организации».

Оглаш[ается] л.д. 261 т. 1, показ[ания] Буркина.

Свид[етель] БУРКИН ответил:

Да, эти показания правильные, и я их подтверждаю. Содержание директив, полученных из НКВД УССР по вопросу арестов сионистов и бундовцев, я не помню, но такие директивы были. Уезжая в командировку, Калюжный давал мне задание арестовать 1500 чел. Это задание он мне давал 1 раз и сказал, что с этим нужно поторопиться, так как скоро начнёт работать тройка. Цифра 1500 чел. является не вымыслом, ибо Калюжный ставил лично передо мной такое задание и называл мне эту цифру.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Никогда мы не получали такой цифры, т.е. арестовать 1500 чел. Мы получили ориентировочно цифру для представления дел на тройку, но и эта цифра была значительно меньше. Одесской области разрешалось представить на тройку не более 400–500 дел. Буркину цифру 1500 чел. я никогда не называл и такого задания перед ним я не ставил.

На вопрос подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БУРКИН ответил:

Пашина я никогда не встречал, с ним как с агентом также не встречался. У кого он был на связи, я не знаю. Дело Дьячишина находилось сначала в 4-м отделе, а затем оно было передано в 3-й отдел, и там уже были добыты показания.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

10 июня 1938 г. Дьячишин дал первые показания, но 11[—го], т.е. на второй день, я, уезжая в Киев на съезд, дал распоряжение Буркину передать это дело в 3-й отдел, и когда я прибыл из Киева, дело уже было передано в 3-й отдел, и в 4-й отдел оно больше не возвращалось. Почти все показания от Дьячишина были добыты работниками 3[—го] отдела. Буркин также был заинтересован, чтобы дело Дьячишина находилось в 4-м отделе, он даже об этом писал докладную записку.

Оглаш[ается] л.д. 269 т. 1, показ[ания] Львова.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Никакой контрольной цифры на арест не устанавливал и не называл как 1000 чел., так и 1500 чел. Такие показания я объясняю тем, что они давались тогда, когда меня в Одессе уже не было, и для того, чтобы собрать побольше материалов на меня, выдумали и эти цифры. Я это объясняю пристрастием особоуполномоченного [НКВД УССР] Твердохлебенко, приезжавшего по моему делу из Киева.

На вопросы суда св[идетель] БУРКИН ответил:

Твердохлебенко от меня никаких материалов на Калюжного не требовал. Тягин мне говорил, что он принёс свои показания Твердохлебенко на Калюжного, но он, т.е. Твердохлебенко, не взял эти показания, и только лишь после того, как Тягин рассказал в своих показаниях всё о Калюжном, Твердохлебенко якобы взял их. Всё это мне рассказывал Тягин, осуждённый за искривления в органах.

Сальников работал в отделении Львова, начальником отдела в то время был Калюжный, который был и секретарём парт. организации. Выступая на партсобрании, Калюжный часто ругал Сальникова, обвиняя его в том, что он спит, проводя допрос арестованных. Был ли Сальников переведён куда-либо на другую работу, я не помню. Парторгом я был после того, как Калюжный выехал на работу уже в Киев.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] БУРКИН ответил:

Дела о сионистах на тройку были представлены в то время, как нач[альником] 4[-го] отдела³⁴ был уже Гапонов. Возможно, эти материалы подписаны и мною, но если они и подписаны мною, то, значит, я читал всё дело и после этого подписал обвинительное заключение.

Дела сионистов, представленные на тройку, имеют прямое отношение к Калюжному, так как справки на аресты и сами аресты были произведены тогда, когда Калюжный был н[ачальни]ком 4-го отдела.

Оглаш[ается] л.д. 216 т. 1, показ[ания] Пышного.

Свид[етель] БУРКИН ответил:

По распоряжению Гапонова я подбирал дела сионистов на тройку. В этом принимал участие Тягин и другие сотрудники. Все дела сионистов на тройку были подобраны в 1-м спецотделе в очень краткий срок, почти что за один день. Дела на тройке я не докладывал, их докладывал Тягин, и ему помогал Пышный, я же только присутствовал. В тройке сидели: секретарь обкома КП(б)У Телешев, облпрокурор и нач. УНКВД Киселёв. Тягин докладывал там дела, я там присутствовал, но ничего не делал, только лишь сидел. После того, как дела с тройки были возвращены, было постановление направить их на Особое совещание при НКВД СССР, но впоследствии все эти дела были переданы в суд, и там обвиняемые отказались от показаний.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БУРКИН ответил:

Кто арестовывал Баргера и Сенкевича³⁵, я не знаю и вообще эти дела не помню.

На вопросы суда св[идетель] БУРКИН ответил:

Применение физических мер воздействия на следствии было как система. Тягин систематически применял эти меры. Калюжный, как нач[альник] 4[-го] отдела, знал об этом и никаких мер в отношении этого не предпринимал. Без его ведома они в 4-м отделе применяться не могли, хотя они применялись без санкции.

Прямых указаний лично мне избивать арестованных во время допросов Калюжный не давал, в отношении других я также не знаю, но я знаю, что физические меры во время следствия применялись, и об этом знал также Калюжный и как секретарь парторганизации, и как нач[альник] 4[-го] отдела. В отношении лиц — бывших сотрудников КПК мне ничего не известно, и показать ничего не могу.

В 16 ч. 20 мин. объявлен перерыв суд. заседания на 5 м.

В 16 ч. 25 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Свид[етель] МАЗУР Меер Мошкович, 1904 г. рождения, рабочий, член ВКП(б) с 1930 г., не судим, в органах НКВД с 1932 г., в 1938 г. работал пом[ощником] оперуполномоченного 1[-го] отделения 4-го отдела, личных счётов с подсуд[имым] не имеет, показал:

Не помню, какого числа и месяца, Калюжный предложил мне завести в кабинет нач[альника] УНКВД арестованного бывшего секретаря КПК

³⁴ У документі помилково — отделения.

³⁵ У документі помилково — Сенькевича.

по Одесской области Самарина. После того, как я привёл Самарина в кабинет, в кабинете остался нач. УНКВД Киселёв и Калюжный. Меня они попросили выйти из кабинета. Что говорили Калюжный и нач. УНКВД с арестованным Самариним, я не знаю, знаю только лишь то, что они сидели в кабинете больше одного часа. Затем меня позвали обратно, чтобы я забрал арестованного Самарина. Последнего я завёл к себе в кабинет, дал ему бумагу, и он писал какие-то показания. Содержание этих показаний я не помню, так как эти показания были сразу же переданы Калюжному.

Затем, через некоторое время после того, как Самарин был арестован, Калюжный предложил мне произвести очную ставку между Канфер-Беркович и Самариним, что мною и было сделано. На очной ставке Канфер³⁶-Беркович говорил о том, что Самарин является участником право-троцкистской к-р организации, тогда как Самарин категорически отрицал это, что мною и было дословно записано в протокол очной ставки. Затем протокол очной ставки я передал Калюжному, после чего Калюжный ругал меня всё время за то, что я не могу работать, т.е. не добился того, чтобы Самарин сознался о том, что он — участник право-троцкистской к-р организации. Однажды был ещё такой случай: по распоряжению Калюжного я привёл Самарина к нему в кабинет, Калюжный поднялся со стула, прошёл мимо Самарина, спрашивая у последнего: «Хотите женщину?», и тут же плюнул на Самарина, после чего Самарин выразился: «Что это за дикость?!» и не дал никаких показаний. Самарина я снова забрал к себе в кабинет. Никаких физических мер воздействия к арестованным по КПК, проходившим по 1-му отделению 4[-го] отдела, в частности, к Самарину и другим лицам, при мне не применялось. Лично я никогда не применял к арестованным физических мер воздействия, в результате чего я считался плохим работником в отделе. Калюжный на всех оперативных совещаниях, на партсобраниях критиковал меня за то, что я не имел «успеха» в работе, в результате чего Калюжный, желая избавиться от меня, добился того, чтобы меня перевели на пенсию, и я долгое время оставался без работы и только лишь в 1939 г. был обратно принят на работу в органы НКВД.

На вопросы суда св[идетель] МАЗУР ответил:

Приходил ли Самарин к Калюжному по вопросу поступивших к нему, т.е. Самарину, сигналов о незаконных методах следствия в УНКВД по Одесской обл., или нет, я не знаю. За то время, которое я работал в 1-м отделении 4[-го] отдела, никогда и ни к кому из арестованных физические меры воздействия не применялись.

Первое время нач[альни]ком 1[-го] отделения 4[-го] отдела был Цирульницкий, затем стал Кордун, и мне неизвестно таких случаев, чтобы Цирульницкий или же Кордун применяли к кому-либо из арестованных меры физического воздействия. О других отделениях мне также неизвестно ничего по этому вопросу. Я был только лишь очевидцем, когда Калюжный плюнул на Самарина. Это я видел лично сам. Говорили

³⁶ У документі помилково — Кантер.

также, что Берензон имел привычку плевать арестованным в лицо, но это я не видел.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] МАЗУР ответил:

Самарин писал свои показания в 94[-м] кабинете. Это было уже после того, как я производил очную ставку между Самариным и Канфер-Берковичем, а на второй день Калюжный вызвал меня к себе в кабинет и ругал меня за то, что я плохо провёл очную ставку, т.е. не добился того, чтобы Самарин сознался в своей к-р деятельности.

На вопросы суда свид[етель] МАЗУР ответил:

Перед тем, как я должен был произвести очную ставку между Самариным и Канфер-Беркович, я имел только лишь показания Канфер-Берковича, никаких других материалов на Самарина ещё не было. На очной ставке я брал вопросы из показаний Канфер-Берковича и ставил их перед Самариным, но, последний, т.е. Самарин, категорически отрицал всё это, что мной и записано было в протокол очной ставки. В своих показаниях о Самарине Канфер-Беркович делал ссылку на Носова как лицо, завербовавшее их в к-р троцкистскую организацию. Носова я не знал и им не интересовался, так как следствие по делу я не вёл, я только лишь по приказанию Калюжного произвёл лишь одну очную ставку между Самариным и Канфер-Беркович.

О том, что Самарин — провокатор царской охранки, материалов по этому вопросу я не имел. Об этом я узнал только лишь из выступления быв[шего] нач[альника] УНКВД Фёдорова, позже разоблачённого, который, выступая на митинге, сказал: «Нужно учиться работать у Калюжного, последний, не имея никаких материалов, сумел разоблачить такого крупного провокатора царской охранки, как Самарин».

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] МАЗУР ответил:

Никаких показаний Нефёдова на Самарина я не помню и не знаю, были такие показания, или их не было.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

На Самарина были получены показания некоего Нефёдова, пришедшие нам из другой области. Эти показания были приобщены к делу Самарина. Если эти показания не отосланы в Киев, то они должны находиться в деле-формуляре на Самарина.

На вопросы суда свид[етель] МАЗУР ответил:

Тогда, когда я производил очную ставку между Самариным и Канфер-Беркович, были только лишь показания Канфер-Берковича на Самарина, никаких других показаний, в том числе и Нефёдова, на Самарина не было, и я их не видел.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Возможно, Мазуру я и не давал тогда, когда он производил очную ставку, показания Нефёдова на Самарина, но эти показания были, это я помню хорошо, и эти показания были приобщены к делу Самарина.

В 17.00 объявлен перерыв суд. заседания до 20 ч. 00 м.

В 20 ч. 00 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ Михаил Михайлович, 1904 г. рождения, служащий, не судим, член ВКП(б) с 1928 года, в органах НКВД

работую с 1928 г., в настоящее время — зам. начальника ЭКО Киевского обл. УНКВД, лейтенант госбезопасности, с подсудимым личных счётов не имеет, предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, показал:

В Одесском обл. УНКВД в 1938 г. я работал начальником 1[—го] отделения 4[—го] отдела. Начальником 4 отдела в это время был под-суд. Калюжный, таким образом, я был непосредственно подчинён Калюжному как начальнику отдела, в котором я работал. Мне известно о том, что Калюжный, будучи н[ачальни]ком отдела, не пользовался должным авторитетом среди работников, но, вместе с тем, Калюжный считался неплохим работником, т.е. хорошим работником. Конкретных фактов извращения революционной законности или неправильных методов ведения следствия и каких-либо установок, связанных с этим, со стороны Калюжного я не замечал.

На вопросы суда свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Да, КАЛЮЖНЫЙ был требователен, он ставил перед н[ачальни]ками отделений [задачу] ежедневно получать показания от арестованных в раз-резе предъявленных им обвинений. Требования иметь за сутки несколько «расколов» Калюжный ставил не только перед н[ачальни]ками отделений, а перед всеми сотрудниками.

Оглаш[ается] л.д 347 т. 2, показания Цирульницкого.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Эти показания я давал, они являются правильными, и я их подтвер-ждаю и теперь.

На каждом оперативном совещании работников, не имеющих «успе-хов», разносили и критиковали, считая их плохими работниками, к та-ким работникам относились тогда Мазур, Львов и другие.

Мне кажется, что Мазур всё-таки тогда заслуживал такую критику, ибо он был вообще слабым работником.

На вопросы суда св[идетель] МАЗУР ответил:

Меня действительно «крыли» на каждом оперативном совещании и на парт. собрании за то, что я не мог добиться показаний от арестованных, кроме того, обвиняли меня за то, что я спал во время проведения допро-са. Между тем, такого случая ни одного разу не было.

Тогда я считал, что руководство Калюжного следствием неправильное, но подвергнуть его критике в то время я не мог, так как мог бы быть сразу же исключён из партии и посажен в тюрьму.

На вопросы суда св[идетель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Вполне возможно, что Мазур видел неправильность критики в отно-шении его и мирился с этим положением, ибо в то время об этом Мазур говорить не мог, критика тогда была не в почёте. Рядовой работник не мог в то время указывать на ненормальные явления, исходящие от начальни-ка отдела, ибо в лучшем случае за это он мог бы быть переведён на работу в район для исправления, а то и больше.

В отношении бывшего директора Одесского театра оперы и бале-та Пащина мне известно о том, что он был завербован Калюжным как агент после того, как он дал о себе показания о принадлежности его к к-р

троцкистской организации, а затем Пашин всё время находился на личной связи с Калюжным.

Детально показаний, говорящих о принадлежности Пашина к к-р троцкистской организации, я не знаю, так как эти показания находились в 3-м отделении, нач[альником] коего был Майский.

В отношении бывших красных партизан, обвиняемых в к-р деятельности, мне также ничего не известно, т.к. следствие по этим делам велось 3-м отделением, и я к этим делам никакого отношения не имел. В отношении бывших работников КПК мне известно следующее: в то время, когда я работал в Одесском обл. УНКВД, были арестованы Агронский, Канфер-Беркович и Самарин. Все они были арестованы на основании имевшихся в то время как агентурных, так и следственных материалов.

В отношении Агронского перед его арестом мы имели агентурные показания, а также показания свидетелей. На второй день после ареста Агронского я производил допрос последнего, и он дал мне показания о своей принадлежности к право-троцкистской к-р организации.

На Самарина были показания, добытые здесь, в г. Одессе, как агентурные, так и следственные показания, и, кроме того, на Самарина были присланы откуда-то, точно не помню, но, мне кажется, из г. Самары, также показания о принадлежности и участии его в к-р организации. На основании этих материалов была составлена докладная и направлена в Киев, откуда через некоторое время была получена шифр-телеграмма, на основании чего 27.II.1938 г. я произвёл арест Самарина.

На второй или на третий день после ареста я производил допрос Самарина, и он сознался в своей к-р деятельности, а затем через 3 дня [я] выехал из г. Одессы, и как происходили дальнейшие допросы, я не знаю.

На вопросы суда свидетель МАЗУР ответил:

Самарин дал показания не на второй и не третий день после его ареста, а он дал их значительно позже. Когда Самарин дал показания, Цирульницкий ещё работал в г. Одессе. Мне также помнится такой случай, что Цирульницкий разговаривал с арестованным Самариним, но писался ли тогда протокол допроса, я не знаю.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Самарина я допрашивал до того, как Мазур производил очную ставку между Самариним и Канфер-Беркович.

Тогда же я писал протокол допроса, но, кажется, я его не закончил, так как через день после этого я выехал из Одессы в г. Киев. В Киев я выехал 3.III.1938 г.

Оглаш[ается] л.д.41 т. 3, протокол осмотра архивно-след[ственного] дела 46153.

[Свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:]

Протокол допроса от 7–8 марта 1938 г. оказывается уже второй протокол допроса. Я заявляю, что Самарина я допрашивал и при допросе писал протокол допроса. Этот протокол должен быть, но где, я не знаю. На этом же допросе Самарин дал мне показания о том, что он — провокатор царской охранки, правда, после того [как] он побывал на допросе у Калюжного и нач[альника] Управления.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Действительно, протокол допроса Самарина Цирульницким был, но он был плохо оформлен и, кроме того, не подписан ни Самариным, ни Цирульницким, и поэтому он был пересоставлен, а первый уничтожен.

На вопросы суда свид[етель] МАЗУР ответил:

В деле Самарина я видел только лишь собственноручные показания Самарина, никаких протоколов Цирульницкого в деле Самарина я не видел.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Собственноручные показания Самарина были в деле, и они вместе с делом были направлены в Киев согласно распоряжения НКВД УССР.

На вопросы суда свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Самарин дал мне показания до того, как его допрашивали в кабинете начальника УНКВД, хотя до того Самарин был на допросах у Калюжного.

О случаях обращения в парт. организацию УНКВД по вопросу имеющих сигналов КПК о незаконных методах ведения следствия, имевших место в УНКВД, со стороны Самарина мне ничего не известно, и об этом на допросе Самарин мне ничего не говорил. О том, чтобы этот вопрос стоял где-либо на совещаниях, я тоже не помню.

В имевшихся показаниях на Самарина о принадлежности и участии его в к-р организации делалась ссылка на какого-то Носова и Степанова, но кто такой Носов и Степанов, я не знал и тогда не проверял, т.к. следствие по делу до конца я не вёл, а сделал только лишь один допрос Самарина и тот даже не окончил.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Самарин на основании распоряжения НКВД УССР был вместе с делом переведён в г. Киев, и там велось следствие по его делу. Следствие по делу Самарина почти всё время вёл Дрибинский, работавший в то время в Киеве, а затем Дрибинский в 1939 г. был переведён на работу в УНКВД г. Одесса.

На вопросы суда свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

При мне физические меры воздействия ни к Канфер-Берковичу, ни к Агронскому, ни к Самарину не применялись. Агронского допрашивал Берензон, но протокол допроса писал я.

Оглаш[ается] л.д.45 т. 3, прот[окол] осмотра архивно-следственного дела 46153.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Да, это соответствует действительности. 23.II.[19]38 г. я допрашивал Агронского, и он там делал ссылку на Носова. Самарина я допрашивал 1 или 2 марта 1938 г., и уже при допросе Самарина я слышал фамилию Носова вторично, но Носовым я не интересовался и не устанавливал, кто такой Носов. Действительно, меня теперь также интересует, почему же руководителем право-троцкистской к-р организации Носовым в то время никто не интересовался, почему он оставался в стороне, и как могло быть закончено дело о бывших работниках КПК без полного выяснения Носова. Я помню, что после того, как Агронский дал показания,

я заходил к Калюжному и доложил ему об этом, но почему это осталось непроверенным, я не знаю.

В отношении Александрова мне ничего не известно.

Я не помню такого случая, чтобы Берензон вызывал в УНКВД Калиховского с целью опознать Александрова. В то время, когда я работал в Одесском УНКВД, из бывших работников КПК были арестованы только лишь Агронский, Канфер-Беркович и Самарин. Больше я никого не помню.

Оглаш[ается] л.д. 51 т. 3, протокол осмотра архивно-следствен[ного] дела 46153.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Да, при допросе Канфер-Берковича от 11.11.[19]38 г. последний сознался, что он был завербован в право-троцкистскую к-р организацию и тут же указал о Носове как о вербовщике. Одновременно Канфер-Беркович показал, что при вербовке Носов назвал ему как участника и Самарина, на основании этих показаний и готовился арест Самарина. Носов же как вербовщик снова оставался в стороне, хотя я о нём и говорил н[ачальни] ку 4[-го] отдела³⁷ Калюжному. При допросе Самарина фамилия Носова как вербовщика встретилась мне вторично, однако я им также не занялся, ибо я не закончил протокол допроса, а на второй день выехал из Одессы в Киев.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

О Самарине были получены ориентировочные материалы из г. Красноярска, кроме того, были показания Канфер-Берковича, и всё это вместе послужило основанием для ареста Самарина. О Носове показывали как о вербовщике, и я посылал о нём запрос в г. Москву, откуда было получено, что Носов проживает в Москве непрописанным, о чём имеется справка в деле. Следствие по делу Самарина закончено без меня, т.е. тогда, когда я выехал из Одессы. Почему остался Носов невыясненным, я не знаю и себя виновным в этом не считаю.

На вопросы суда свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Какие были материалы, впоследствии послужившие основанием на арест Агронского, я уже не помню. О Шевченко мне также ничего не известно.

Оглаш[ается] л.д. 45 т. 3, абзац о Турине.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Да, связь Агронского с Туриним, по-моему, и послужила основанием для ареста Агронского. Никаких материалов, имевшихся в парт. организациях в отношении Агронского, мы не запрашивали, и я этими материалами не интересовался. Также не знал, что при проверке в партийном порядке было опровергнуто посещение Агронским Турина перед самоубийством последнего.

В 21 ч. 25 м. объявлен перерыв суд. заседания на 15 мин.

В 21 ч. 40 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

³⁷ У документі помилково — отделения.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ Владимир Антонович, 1911 г. рождения, уроженец с. Елизаветовка Коростышевского р-на Житомирской обл., служащий, происходящий из крестьян-бедняков, в органах НКВД работал с ноября 1937 г. по 1 июля 1939 г. и уволен за халатное отношение к агентурным материалам, член ВКП(б) с 1939 г., под судом и следствием не был, предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний. С подсудимым личных счётов не имеет, показал:

В конце 1937 г. я был мобилизован на работу в органы НКВД и зачислен на должность пом[ощника] оперуполномоченного 4[-го] отдела, начальником этого отдела в то время был Калюжный.

Не помню точно даты и месяца, Калюжный по прибытии из Киева созвал оперативное совещание работников 4[-го] отдела, где проинформировал нас о состоянии работы отдела, довёл нам до сведения о том, что скоро начнёт обратно работать тройка, и в связи с этим поставил перед нами контрольную цифру на арест людей. Я работал в церковно-сектантском отделении, Калюжный, как нач[альник] отдела, давал установку подобрать все архивно-учётные материалы на эту категорию лиц и составить справки на их арест. Выполняя распоряжение Калюжного, я подобрал все эти материалы и составил справки, которые затем были подписаны Калюжным, после чего по ним производились аресты.

На вопросы суда св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Контрольную цифру, названную Калюжным для ареста, я уже не помню, но я знаю и помню, что Калюжный ставил перед нами контрольную цифру.

Оглаш[ается] л.д. 362 т. 2, показ[ания] св[идетеля] Мошковского.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Контрольные цифры Калюжный устанавливал, сейчас я только не помню цифру, которую назвал Калюжный, но он назвал эту цифру и настойчиво требовал её выполнения.

Цирульницкий созывал совещание всех молодых работников, пришедших на работу в органы, где я также присутствовал, на совещании Цирульницкий рассказывал нам о задачах, стоящих перед органами, и о нашей работе. Ни о каких контрольных цифрах, связанных с подготовкой и проведением арестов, Цирульницкий нам не говорил, т.к. Калюжный ставил перед нами контрольную цифру уже после этого совещания, а Цирульницкий в это время уже выехал из г. Одессы на работу в Киев.

Вообще следствие по делам бывших работников КПК по Одесской обл. я не вёл, т.к. я работал в 6[-ом] отделении, а эти дела проходили по 1-му отделению, но на предварительном следствии я показывал о Васюренко. В связи с тем, что в 1-м отделении много было работы, а в 6[-ом] отделении работы было меньше, по распоряжению Калюжного, переданного мне через начальника отделения, я произвёл допрос Васюренко — быв[шего] работника КПК. Сейчас я уже не помню точно, но мне кажется, что дело по обвинению Васюренко ко мне поступило уже с собственноручными показаниями Васюренко. Действительно, в деле была ссылка на Носова как на вербовщика в право-троцкистскую к-р организацию

Васюренко и друг., и об этом я докладывал нач[альни]ку отделения Кордуну, но Кордун сказал мне, что они об этом знают и без меня, и по этому вопросу приняты соответствующие меры. Больше ничего по делам группы бывших работников КПК мне не известно.

Однажды в кабинете начальника 3[-го] отделения было созвано оперативное совещание молодых чекистов, где выступил Калюжный и рассказал о том, что он вскрыл крупного провокатора царской охранки Самарина. В какое время происходило это совещание, я не помню, но, во всяком случае, это совещание происходило задолго до ареста Васюренко. Во время проходившего совещания Цирульницкого в Одессе, по-моему, уже не было. Дело Васюренко я получил после этого совещания. К этому времени по делу группы бывших работников КПК уже много было арестовано людей, и поэтому я верил тем материалам, которые были по делам этой группы и показаниям Васюренко.

Оглаш[ается] л.д.49 т. 3, прот[окол] осмотра архивно-след. дела 46153.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Кто был осуждён из группы бывших работников КПК, я уже не помню. Тогда я также точно не знал, но я слышал от работников 1[-го] отделения 4[-го] отдела, ибо в основном следствие по этим делам велось 1-м отделением. Сейчас я уже точно не помню, с кем проводилась очная ставка Васюренко, но, если мне память не изменяет, то очная ставка проводилась между Васюренко и Вирвихвист³⁸, и на очной ставке как первый, так и второй, подтвердили свои показания.

Навопросы подсуд[имо] КАЛЮЖНОГО св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Следствие по делу Васюренко велось после того, как Калюжный выехал из Одессы, но арестовывался Васюренко при Калюжном.

Где происходило заседание Военной коллегии, я не знаю, но я знаю, что перед тем, как отправить арестованного на заседание Военной коллегии, по распоряжению Калюжного мы сидели с арестованными по целым дням и напоминали им о том, чтобы они лучше сознавались на заседании Военной коллегии, напоминая им данные ими показания на предварительном следствии.

Совещание молодых чекистов было созвано в кабинете начальника 3[-го] отделения, и, выступая на этом совещании, Калюжный сказал, что он разоблачил такого крупного провокатора царской охранки, как Самарин, который, замаскировавшись, пробрался в ответственный партийный орган и собирался проверять нас, т.е. органы НКВД.

Оглаш[ается] л.д.19 т. 3, показ[ания] св[идетеля] Мошковского.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Свои показания от 26 апреля 1940 г. я целиком и полностью подтверждаю.

Мне не известно о том, чтобы по делам бывших сотрудников НКВД была создана специальная следственная группа при нач[альнике] УНКВД. Однако я помню, что было созвано совещание нач[альников] отделов при

³⁸ Тут і далі у документах іноді рос.— Вирвихвист.

нач[альнике] УНКВД Гречухине³⁹, после чего все эти следственные дела были розданы по отделам. Фамилии сотрудников, кои вели следствие по этим делам, я не знаю, т.к. в то время я работал ещё очень мало и всех работников обл. УНКВД я не знал.

На вопросы суда св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Сейчас я уже не помню, рассказывал ли мне при допросе Васюренко о мотивах исключения его из партии, о выраженном бывшим секретарём Обкома Телешевым политическом недоверии по отношению к нему на горпартконференции, об отобрании у него делегатского мандата горпартконференции. Если Васюренко об этом рассказывал, то это должно быть отражено в протоколе допроса. Никаких физических методов воздействия во время следствия к арестованному Васюренко я не применял. Возможно, и были случаи, когда я повышал тон при допросе, но физических мер воздействия я не применял.

Оглаш[ается] л.д. 19 т. 3, показ[ания] св[идетеля] Мошковского.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Да, ещё раз я повторяю, что никаких физических методов при следствии к Васюренко я не применял, возможно, я и повышал тон на Васюренко, но не ругал его и не кричал на него. О случаях применения к Васюренко физических методов воздействия до того, как дело для следствия было передано мне, я также не знаю, и об этом мне никто не говорил. Лично я Васюренко до ареста не знал и отзывом отдельных членов ВКП(б), а также парт. организации, о нём я также не знал.

Оглаш[ается] л.д. 60 т. 3, показ[ания] св[идетеля] Чазовой⁴⁰ на Васюренко.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Следствие по делу Васюренко я не вёл, я лишь произвёл допрос, и дело от меня сейчас же забрали. Если бы я вёл следствие от начала и до конца и имел возможность перепроверить материалы, возможно, и я также дошёл бы до таких показаний о Васюренко, как даёт Чазов[а].

Я же проводил только лишь отдельные допросы по поручению начальника отдела. В процессе следствия Васюренко не отказывался от предъявленного ему обвинения и от данных им по этому вопросу показаний.

Затем, перед тем, как дело Васюренко должно было докладываться на Военной коллегии, мне поручили побеседовать с Васюренко, и я в присутствии помощника облпрокурора Бойко говорил с ним, т.е. с Васюренко, и тогда Васюренко также не отказывался от своих показаний.

Оглаш[ается] л.д. 19 т. 3, показ[ания] свид. Мошковского.

Свид[етель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Эта попытка отказаться от своих показаний была ещё до того, как дело Васюренко было закончено, и об этом я докладывал начальнику отделения Кордуну и н[ачальни]ку отдела Калюжному, но мне сказали, что

³⁹ У документі помилково — Гречухе.

⁴⁰ У документі помилково в чоловічому роді — Чазова. Йдеться про Чазову Ольгу Іллівну.

раз он уже дал показания, и это подтверждается показаниями других, то теперь уже пусть он что хочет говорит, это во внимание не принимается.

Перед тем, как [дело] должно было слушаться на ВК, мы получали установку от Калюжного вызвать арестованных и напомнить им их показания, кроме того, посоветовать, чтобы они лучше сознавались, так как за это они будут иметь более мягкое наказание. Это же мною было проделано и с Васюренко перед тем, как дело его слушалось на Военной коллегии. Васюренко тогда сидел в моём кабинете целый день и в камеру не отводился, а прямо от меня пошёл на суд.

Определение ВТ:

Исходя из показаний свид. Калиховского о том, что осуждённый к 15-ти годам лиш[ения] свободы бывший сотрудник КПК по Одесской области Васюренко, следствие по делу коего вёл свидетель по настоящему делу Мошковский, в настоящее время доставлен в тюрьму г. Одесса в связи с пересмотром его дела, и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Запросить Одесскую тюрьму, и если Васюренко находится в настоящее время в тюрьме, вызвать его и допросить по делу в качестве свидетеля по вопросам, интересующим Военный трибунал в связи с инкриминируемым Калюжному обвинением.

Свид[етель] ФАДЕЕВ Семён Фёдорович, 1914 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 г., уроженец г. Одесса, происходящий из семьи рабочего, служащий, в органах НКВД с 1937 г., в настоящее время — н[ачальник]к ОО Керченского гарнизона, не судим, личных счётов с подсудимым не имеет, предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, показал:

В начале 1938 г. при нач[альнике] УНКВД было создано оперативное совещание, где выступал бывший нач. УНКВД Фёдоров и говорил в отношении группы лиц, бывших работников КПК по Одесской области. На этом же совещании Фёдоров назвал организатора право-троцкистской к-р организации в КПК Самарина, который был разоблачён начальником 4[-го] отдела Калюжным. Затем, после этого оперативного совещания, каждый нач. отдела производил внутри своего отдела оперативное совещание, такое совещание было создано и нач[альником] 4[-го] отдела Калюжным для своих оперативных работников. На этом совещании выступил Калюжный, который остановился в своём выступлении на Самарине, рассказал, как он разоблачил его как провокатора царской охранки, а затем сказал, что Самарин, чувствуя, что его арестуют, маскируясь, решил запугать оперативных работников НКВД и пришёл проверить нашу партийную работу якобы по поступившим сигналам об извращении методов следствия.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Самарин никогда не приходил в УНКВД как по проверке парт. работы, так и в части поступивших каких-то к ним сигналов об извращении методов следствия. Действительно, я, выступая, говорил о Самарине и говорил о КПК как о контролирующем, весьма ответственном партийном органе, но ни в коем случае о том, что Самарин приходил к нам проверять

нашу работу, т.е. органы НКВД. Возможно, свид. Фадеев плохо понял моё выступление и трактует его по-своему.

Оглаш[ается] л.д. 1–2 т. 3, рапорт Мошковича.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Рапорт Мошковича является сплошным вымыслом, Самарин никогда не приходил ко мне как к секретарю парткомитета проверять партийную работу. О неправильности этого рапорта, по-моему, должен подтвердить бывший сотрудник УНКВД Вайнер.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] ФАДЕЕВ ответил:

Был такой случай, когда нач[альник] отдела Майский⁴¹ дал мне несколько следственных дел и предложил мне чтобы я закончил следствие по этим делам в тот же день, но, так как дел было много, я физически не мог это сделать за один день, о чём я сказал Майскому. Тогда последний предложил мне написать заранее протоколы допроса, а затем вызвать арестованного для того, чтобы он только лишь подписал. Я так и сделал, написал заранее протоколы и, когда вызвал арестованных для того чтобы они подписали, последние отказывались подписывать протоколы допроса. В это время зашёл ко мне как раз в кабинет Калюжный и, увидев это, вызвал меня на второй день и ругал за это.

Майский потом отказался от того, что он приказал мне так сделать.

Был также случай, когда я вёл следствие по делам арестованных женщин. Среди них была одна женщина, попавшая случайно под арест, и когда никаких материалов добыть нельзя было на неё, Калюжный сказал мне освободить эту женщину, что и было мною сделано. Фамилию этой женщины я теперь не помню.

В 23 ч. 00 м. объявлен перерыв суд. заседания на 15 мин.

В 23 ч. 15 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Учитывая, что по показаниям свидетеля Фадеева, данным им в суд. заседании, и рапорту, имеющемуся в деле на л.д. 1–2 т. 3 Мошковича, вызывается необходимость допросить сотрудника НКВД Вайнера, совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Вызвать и допросить в качестве дополнительного свидетеля в суд. заседании сотрудника УНКВД Вайнера по вопросу случаев обращения секретаря КПК Самарина по проверке партработы парторганизац[ии] УНКВД по Одесск[ой] обл.

Свид[етель] ВАЙНЕР Яков Иосифович, 1909 г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., происходящий из семьи рабочего, рабочий, в органах НКВД с 1933 г., в настоящее время — нач. Ленинского райотдела НКВД г. Одесса, предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний, личных счётов с подсудимым не имеет.

На вопросы суда св[идетель] ВАЙНЕР ответил:

⁴¹ Так у документі. О. Майський (Зинов'єв) був начальником 3-го відділення 4-го відділу і т.в.о. заступника начальника 4-го відділу.

В отношении случаев обращения быв[шего] сотрудника КПК Самарина в парторганизацию УНКВД мне ничего не известно, и показать по этому вопросу я ничего не могу.

Оглаш[ается] л.д. 1–2 т. 3, рапорт Мошковича.

Свид[етель] ВАЙНЕР ответил:

Такого случая никогда не было, и Мошковичу я никогда об этом не говорил. Из КПК по проверке в парт. организацию УНКВД никогда никто не приходил и, тем более, сам Самарин.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] ВАЙНЕР ответил:

На одном из партсобраний в конце 1937 или в начале 1938 г. говорили о том, что, несмотря на то, что на Одесской ж.д. имелось много аварий и крушений, ДТО работало плохо, т.е. мало арестовывало людей, не боролось с врагами, орудовавшими там. После этого собрания ДТО произвело очень много арестов, и, кроме того, были арестованы некоторые работники ДТО. Я, будучи инструктором парткомитета УНКВД, выступил на партсобрании с критикой руководства ДТО и УНКВД, за что был уволен из органов начальником УНКВД Киселёвым и ходил без работы около 3-х месяцев. Калюжному я никогда не говорил о том, что о нём говорили на партсобрании после того, как он выехал на работу в г. Киев, [в] НКВД УССР.

На вопросы суда св[идетель] ВАЙНЕР ответил:

Будучи в Киеве в начале 1939 г., я заходил в НКВД УССР и одновременно заходил в кабинет к Калюжному. Последний интересовался парт. работой в Одесском УНКВД и вообще как там обстоят дела.

Все вопросы, которые ставил передо мной Калюжный при моей беседе с ним, произвели на меня впечатление о том, что Калюжного беспокоил вопрос о положении дел в УНКВД Одесской обл. и что касалось его самого.

Я же ничего особенного Калюжному не рассказывал, и о том, что говорили на партсобрании о Калюжном, ему, т.е. Калюжному, я также не сказал. О том, что Самарин приходил проверять органы НКВД, мне лично ничего не известно. За всё время моей работы в парткомитете никто из представителей КПК проверять работу не приходил, но, возможно, что они могли прийти к секретарю парткомитета Калюжному или [к] нач[альнику] УНКВД, так что я об этом мог и не знать.

Свид[етель] ГНЕСИН Абрам Ефимович, 1917 г. рождения, служащий, канд[идат в члены] ВКП(б), в органах работал с 1938 г., с марта мес[яца], уволен из органов за извращения, допущенные мной при следствии, не судим, личных счётов с подсуд. не имеет, показал:

В Одесском обл[астном] УНКВД я работал пом[ощником] оперуполномоченного в 3[–ем] отделении, непосредственным моим нач[альни]ком был нач[альник] 3[–го] отделения Майский. Однажды был такой случай, я допрашивал одного участника к-р организации, бывшего офицера, в это время зашёл ко мне в кабинет начальник отделения Майский и сразу же начал избивать этого арестованного, затем поставил его в угол и сказал мне: «Так нужно работать с арестованным, а не миндальничать с ним». Было также несколько случаев, когда во время производимого мной

допроса арестованных заходил ко мне в кабинет нач. отдела Калюжный и давал установку любыми путями добиваться показаний и признаний у арестованных, при этом ругая нас, молодых работников, за то, что мы плохо работаем. Несколько позже, видя, что я не имею достаточного успеха как следователь, т.е. не могу получить достаточно в развёрнутом виде показаний от арестованных, меня почти совсем отстранили от непосредственного ведения следствия и использовали на технической работе, как, например, переписывание обвинительных заключений, оформление актов, составляемых комиссией в тех случаях, когда арестованные отказывались подписать протокол предъявления им ст. 200 УПК. Я, как молодой работник, сначала был ошеломлён теми ужасами, которые творились в нашем отделении, т.е. крики, ругань, продолжающаяся с начала рабочего дня и до конца его, избивание арестованных и т.д., но с этим я мирился, ибо я верил тогда старым работникам. О всех безобразиях, творившихся в нашем отделе, знал нач. отдела Калюжный, и последний никаких мер к устранению этого не принимал.

На вопросы суда свид[етель] ГНЕСИН ответил:

Да, было очень много случаев, когда я входил в комиссию по составлению акта об отказе арестованного подписать протокол предъявления ему ст. 200 УПК.

Перед тем, как дело Агронского должно было слушаться на Военной коллегии, я по распоряжению н[ачальни]ка отделения вызвал к себе Агронского и поставил перед ним 2 трафаретных вопроса: 1. Помнит ли он свои показания и 2-й — чем ещё хочет дополнить следствие? Больше никаких вопросов перед арестованными не ставилось.

Агронский тогда повторил свои показания и сказал, что больше он дополнить ничем не имеет.

По делу Шпака я производил несколько очных ставок, но последнему я не угрожал, никаких физических мер воздействия к нему не применял, не ругал его и не кричал на него. Вообще же следствие по делу Шпака я не вёл. Я применял только лишь к одному арестованному физические меры, это к арестованному Черномазову. Это был единственный случай, и больше ни к кому из арестованных физических мер воздействия во время следствия я не применял.

Мне известно о том, что Сальникова несколько раз «крыли» на парт. собрании за то, что он якобы плохо работал, но был ли он переведён куда-либо на другую работу, я не знаю.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО свид[етель] ГНЕСИН ответил:

Когда я применял физические меры во время следствия к арестованному Черномазову, Калюжный в Одессе, по-моему, уже не работал.

Свид[етель] ШПАК Сруль Яковлевич, 1904 г. рождения, рабочий, член ВКП(б) с 1926 г., не судим, содержался под арестом с 29 мая 1938 г. по 20 сентября 1939 г., затем дело было прекращено, личных счётов с подсудимым не имеет, показал:

В 1937 году я был утверждён членом партколлегии по Одесской обл. Когда я работал в этой должности, однажды ко мне зашёл работник УНКВД по Одесской области некий Зеликов, работавший в то время

начальником транспортного отдела УНКВД⁴². Последний мне начал рассказывать о том, что если бы бывший нарком НКВД Ежов знал, что творится в Одесском обл. УНКВД, он бы Калюжному снял голову. Когда я начал спрашивать Зеликова более подробно, он мне ответил: «Я — чекист и связан с некоторой этикой работника НКВД и поэтому подробно всего рассказать не могу», после чего написал мне письменное заявление.

Кроме заявления Зеликова, мы имели ещё и заявление одной женщины Бондаренко, которая писала, что её путём применения физических мер воздействия заставили написать на себя и других лиц вымышленные показания. Такого же примерно содержания нами было получено заявление и от арестованного Урсина.

Я собрал все эти материалы, снял с них копии, которые направил в Москву, в партколлегию при ЦК ВКП(б), а с оригиналами нарочным был командирован в г. Киев к уполномоченному КПК при ЦК КП(б)У Кравченко наш сотрудник Калиховский.

Затем мне было известно, что Кравченко с этими материалами заходил к т. Бурмистенко⁴³, последний вызвал Успенского и передал ему все эти материалы для принятия соответствующих мер. Вскоре после этого, как мне известно, Зеликов был арестован, затем наблюдались очень частые случаи, когда обл. УНКВД на неоднократные наши запросы не отвечало, после чего Самарин вызвал к себе нач[альника] УНКВД Фёдорова, поговорил с ним по этим вопросам, после чего мы, хотя и с большим запозданием, но всё же получили ответы на наши запросы. Калюжный пытался было объяснить это тем, что, раз не отвечают, значит, никаких материалов по данному вопросу в УНКВД нет.

В части искусственного создания право-троцкистской организации в КПК, примерно в сентябре мес. 1937 г. мы получили сообщение из обл. УНКВД по Одесской обл. такого, примерно, содержания: по имеющимся у нас проверенным данным, ответственный контролёр КПК Канфер-Беркович в 1907 г. примыкал к троцкистам, в 1936 г., будучи во Вradiевке, вёл к-р разговоры с секретарём РПК, и ещё что-то, не помню точно, в конце было дописано: подлежит аресту. Самарин, получив бумажку такого содержания, вызвал меня и начал советоваться, что же делать по этому сообщению. Затем, в эту же ночь, примерно, в 24 ч., мы вызвали Канфер-Берковича и в разрезе содержания этого сообщения обл. УНКВД поставили перед Канфер-Берковичем целый ряд вопросов. Канфер-Беркович всё это отрицал, говорил, что всё это неправда, и просил, чтобы мы детально занялись проверкой этих материалов в парторганизациях, где он работал раньше. Однако мы решили задержать партбилет Канфер-Берковича и одновременно проверить все эти материалы. На второй день я пришёл в УНКВД и по распоряжению начальника УНКВД Фёдорова мне дали папку с материалом на Канфер-Берковича.

⁴² Тут і далі помилки у написанні прізвища (Зейликов) і позначення посади цієї особи. І. Зеліков у 1937–1938 рр. був начальником 2-го відділення Дорожньо-транспортного відділу ГУДБ НКВС Одеської залізниці.

⁴³ У документі помилково — Бурмистренко.

В этой папке было одно только лишь показание быв[шего] секретаря Врადиевского РПК Друца, причём Друц делал ссылку на показания какой-то Рудоксоль, а когда я спросил у нач[альника] отдела Коваленко⁴⁴, а какие материалы ещё есть на Канфера-Берковича, последний ответил мне: «А ты ещё что хочешь?».

А когда я спросил, допрошена ли Рудоксоль, Коваленко мне начал говорить, что она уже осуждена на пять лет и выслана в далёкие лагеря. Тогда же я высказал своё мнение о том, что никаких оснований на арест Канфер-Берковича нет, а на второй день об этом доложил Самарину. Затем Самарин пошёл в УНКВД и сам лично просматривал этот материал. После чего нач. УНКВД Фёдоров тактически согласился с нами о том, что по этим только лишь материалам Канфер-Беркович арестован не может быть, однако месяца через 3 Канфер-Беркович всё же был арестован. Будучи арестован и в результате применения при допросе физических мер воздействия, Канфер-Беркович вынужден был дать на себя вымышленные показания и одновременно дал показания и назвал как участников право-троцкистской к-р организации Самарина и других лиц, бывших работников КПК. Через некоторое время был арестован и Самарин. В тот же день, когда был арестован Самарин, было созвано партсобрание КПК, где нач[альник] УНКВД доложил нам о том, что при помощи архивных материалов установлено, что Самарин является провокатором царской охранки. Впоследствии же оказалось, что никаких материалов на Самарина не было и что Самарин был арестован только лишь по показаниям Канфер-Берковича, полученным от последнего в результате применения к нему жестоких фашистских методов ведения следствия.

29 мая 1938 г. проходила Одесская городская партконференция, где я присутствовал не как делегат, а как гость. На конференции выступил с резкой критикой быв[ший] работник КПК Иванов в отношении неправильного руководства обкома КП(б)У и, в частности, бывшего секретаря обкома КП(б)У Телешева. Затем выступил Телешев, назвал Иванова либералом и сказал: «Почему же ты ничего не сказал в отношении Шпака?». После чего здесь же, на конференции, было объявлено мне политическое недоверие, и при выходе из зала заседания горпартконференции я был арестован работниками НКВД. В президиуме конференции рядом с Телешевым сидел Калюжный, который в это время, кажется, и председательствовал.

В первые дни моего допроса подсуд. КАЛЮЖНЫЙ прошёл несколько раз возле меня и бросил мне несколько фраз: «А, Шпак, этот — тот враг», «Ничего, ты нам дашь показания» и ещё какие-то фразы, сейчас уже не помню, после чего с Калюжным на следствии я больше не встречался.

На первом допросе по существу моего ареста я встретился с Абрамовичем, первое, что мне сделал Абрамович, это наплевал мне в лицо, затем начал ругать, называл меня самыми похабными словами. В этом Абрамовичу помогал Мошковский.

⁴⁴ Г. Коваленко був начальником відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській області.

Несколько дней подряд повторялась эта же картина, никакого конкретного обвинения мне не предъявляли. Затем, через несколько дней, вызвал меня на допрос и предложил мне подписать уже написанный протокол допроса, где было написано, что Оржель со слов Друза показывал о принадлежности как участника право-троцкистской к-р организации Шпака, т.е. меня.

Сколько я не пытался доказать, что это клевета, неправда, сколько я не просил Абрамовича и Мошковского, чтобы показали мне этих людей, т.е. Оржель и Друза, наконец, дать мне с ними очную ставку, во всём этом мне было отказано, а Абрамович тогда сказал мне: «Ничего, ты мне напишешь показания своей кровью».

Несколько позже Мошковский производил мне очную ставку с Васюренко, последний говорил на очной ставке о том, что он, т.е. Васюренко, был завербован в право-троцкистскую к-р организацию Носовым, и при вербовке Носов назвал как участника к-р организации Шпака.

Я же отрицал эти показания Васюренко, а когда Васюренко узнал, что он был спровоцирован, и что о нём я никаких показаний не давал, Васюренко расплакался и извинялся передо мной за то, что он дал вымышленные показания, после чего Васюренко от меня увели.

На вопросы суда св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Да, очную ставку между Шпаком и Васюренко я производил, и Васюренко давал показания об участии Шпака в право-троцкистской к-р организации, хотя Шпак это и отрицал.

Такого случая, что Васюренко расплакался и извинялся перед Шпаком, я не помню.

Св[идетель] ШПАК продолжает свои показания:

Васюренко — это один из самых честных большевиков, пользовавшихся большим авторитетом среди коммунистов парторганизации. Васюренко единогласно был избран секретарём парторганизации при КПК, и я могу сказать с полной ответственностью, что он, т.е. Васюренко, никогда врагом не был, так как и не было никакой право-троцкистской организации в КПК.

Основанием для моего ареста были только лишь показания Оржеля, добытые от него в результате применения к нему жестоких мер физического воздействия. В настоящее время Оржель освобождён из-под стражи, восстановлен в партии, и последний рассказывал, что им было дано показание на 8 чел., т.е. он фактически не давал эти показания. Эти показания были сфальсифицированы Берензоном, и, несмотря на то, что Оржель отказывался подписать эти показания, указывая на то, что он даже не знает вовсе этих лиц и, в частности, меня, однако Берензон, применяя физические меры, заставил Оржеля подписать эти показания.

В результате применения физических мер воздействия Киценко дал также показания на меня, несмотря на то, что последний меня также вовсе не знает. Примерно 14 июля 1938 г. меня привезли из гортюрьмы во внутреннюю тюрьму УНКВД, где находился арестованный некий Тарнавский. Последний был весь в синяках, в крови, и когда он узнал,

что моя фамилия Шпак, он рассказал мне, что его 3 дня подряд избивали Берензон и Абрамович, обвиняя его в том, что он был связан к-р деятельностью со мной, но Тарнавский об этом не говорил, т.к. вовсе не знал меня. Я, не желая больше запутывать себя, сказал Тарнавскому о том, что я обвиняюсь в шпионаже и терроре, чтобы таким образом помешать следователям искусственно связать со мной Тарнавского. После чего Тарнавский сказал: «Неужели меня хотят сделать террористом и шпионом?». И только таким путём, обманув Тарнавского, я помешал ему дать обо мне вымышленные показания. Будучи во внутренней камере, я лично видел молодого человека по фамилии Рено, которого Фадеев обвинял в участии в какой-то к-р организации «Молодая генерация». Когда последний отрицал это обвинение, Фадеев избивал его, вырывал ему волосы из головы, настаивая на том, чтобы последний сознавался, и, несмотря на то, что Рено не был врагом, Фадеев сделал его врагом на бумаге. Куда впоследствии девался этот Рено, я не знаю.

На вопросы суда св[идетель] ФАДЕЕВ ответил:

Да, Рено я действительно допрашивал, но я его допрашивал всего один или 2 раза, это было, примерно, в июле мес. 1938 г. Затем это дело было отобрано от меня, и кто его вёл дальше, я не знаю. Рено я не избивал.

Свид[етель] ШПАК показал:

Дело по обвинению Рено от начала и до конца вёл Фадеев⁴⁵, если понадобится подтвердить это обстоятельство, можно вызвать несколько свидетелей, которые сидели вместе с ним, и они могут подтвердить это.

Кроме перечисленных мною лиц, из бывших работников КПК был также арестован и Александров, который в результате применения к нему физических мер, в результате жестоких пыток потерял рассудок и в настоящее время является психически больным. Таким образом, посадив группу ни в чём не повинных лиц, учинив над ними кровавую расправу, никто не подумал о вербовщике этих лиц в право-троцкистскую к-р организацию, о Носове. Но никто этим Носовым не поинтересовался, последний находился всё время в Москве и как ничем не опороченный продолжает работать на ответственных партийных работах, а ведь стоило только допросить этого Носова, и искусственно созданная к-р организация КПК развалилась бы.

На вопросы суда свид[етель] ШПАК ответил:

Я лично делаю вывод такой, что Калюжный являлся основным истребителем-палачом одесских большевиков, ибо под его руководством работали Абрамович, Берензон, Мошковский, Фадеев и друг., которые издевались над арестованными. Калюжный, как нач[альник] отдела, знал обо всём этом и сознательно содействовал этому.

Справка на мой арест была подписана Калюжным и Гапоновым, последний в настоящее время исключён из членов ВКП(б) за искривление методов следствия.

С Самариным и Агронским в тюрьме мне встречаться ни разу не приходилось.

⁴⁵ У документі помилково — Федяев.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] ШПАК ответил:

Когда мы получили шифр-телеграмму из Москвы о том, чтобы задержать удостоверение у Самарина, выданное ему КПК, Самарин уже был арестован. На партсобрании КПК нас информировали после ареста Самарина о том, что последний разоблачён как провокатор царской охраны, об этом же информировали и обком КП(б)У.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

На быв[шего] начальника транспортного отдела УНКВД Зеликова были получены материалы из обл. УНКВД Днепропетровска о том, что он — секретный сотрудник троцкистской организации, о том, что он выступал в защиту лидера троцкистов. Здесь все эти материалы разбирались на партгруппе ДТО, и последняя исключила его из партии. Через месяц после этого Зеликов был арестован, но он был арестован не в Киеве, т.е. НКВД УССР, и не Одесским обл. УНКВД, а НКВД СССР, т.к. ДТО подчиняется непосредственно НКВД СССР. Никаких материалов на арест Зеликова я не собирал, и этот арест зависел не от меня, а поэтому я здесь ни в чём не повинен. В справке на арест Шпака указано, что на него были даны показания Вывихвиста и Сороковика, но эти показания, правда, были не перепроверены. Какую именно подрывную работу в КПК производил Шпак в части прикрытия троцкистов, мы не проверяли, и лично я также не проверял, т.к. после ареста Шпака я вскоре выехал из Одессы, и следствие по делу велось без меня.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

В части Носова нами был сделан запрос в Москву об установлении его места жительства и работы. На наш запрос мы получили ответ, что Носов в Москве не прописан. Позже мы также вторично запросили о Носове, какой был ответ, я не знаю, ибо я уже выехал. В парторганизацию КПК за справкой, куда выехал Носов, мы не обращались.

На вопросы суда св[идетель] ШПАК ответил:

В парторганизации КПК всем работникам было известно, куда и на какую работу выбыл Носов. Кроме того, в КПК была известна даже его квартира в Москве. Об этом же было известно и в обкоме КП(б)У. Надо было только позвонить по телефону в обком КП(б)У и можно было бы узнать подробный адрес Носова и место работы.

На вопрос суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Справку на арест Канфера-Берковича я не писал и не пописывал, ибо в то время я ещё не был начальником 4[-го] отдела.

На вопрос суда св[идетель] ШПАК ответил:

Справка на арест Канфера-Берковича была подписана 2-мя лицами, т.е. н[ачальни]ком 4[-го] отдела и зам[естителем] нач[альника] УНКВД, фамилии сейчас как первого, так и второго, я не помню.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

По тем материалам, которые были на Шпака, т.е. свидетельские показания Вывихвиста и Сороковика, а также то, что Шпаку было выражено на горпартконференции политическое недоверие, мы должны были произвести арест Шпака, иначе в то время я бы не выполнил директивы вышестоящих наших органов.

На вопрос суда св[идетель] ШПАК ответил:

Я имел очные ставки с Канфер-Беркович[ем], Сороковиком и Вырвихвистом. На очной ставке с Канфер-Берковичем мне Абрамович поднёс готовый написанный протокол с моими отрицаниями. Дал подписать этот протокол и больше не дал мне говорить ни слова. Затем была у меня очная ставка с Вырвихвистом. На очной ставке я сидел скрученный на кончике стула, а Вырвихвист сидел за одним столом с Абрамовичем, и перед ним лежал бутерброд и стакан чая, так различали на следствии «дающих показания» и отказывающихся. Никакими другими материалами для того, чтобы арестовать меня, УНКВД и, в частности, нач[альник] 4[-го] отдела Калюжный, не располагали, и сейчас он, т.е. Калюжный, не может назвать ни одного случая, на котором можно было указать подрывную, вредительскую деятельность кого-либо из бывших членов КПК и в том числе меня. Никто из следователей ведь не удосужился даже заинтересоваться конкретными делами КПК.

Оглаш[ается] л.д. 54 т. 3, справка от 15.II.[19]39 г.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

До этого запроса были ещё посланы и раньше запросы в части установления Носова, и это видно из справки, т.к. там есть ссылка о том, что отвечали на последний запрос.

В 2 ч. 45 м. 26.XII.[19]40 г. объявлен перерыв суд. заседания до 10 ч. 00 м. 26.XII.

В 10 ч. 55 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] ШПАК ответил:

Ко мне лично на следствии применялись следующие меры:

Следователь Абрамович плевал мне в рот, Мошковский в этом был помощником Абрамовича. Это было для меня самым унижительным, самым издевательским отношением ко мне. Затем меня заставляли сидеть на крае стула до тех пор, пока у меня не опухали руки и ноги. Меня морили голодом и не давали спать по целым суткам. Однажды я был болен, температура доходила до 40°, врач хотел отправить меня в больницу, но Абрамович ей это не разрешил. Это я знаю потому, что когда я спросил врача, почему меня не отправляют в больницу, я получил ответ: «Не всё от нас зависит». В это время я числился за следователем Абрамовичем, фамилию этого врача я сейчас не помню, но я помню, что этот врач была женщина, и фамилию её, вероятно, в УНКВД знают. Кроме того, в 1939 г., в июле мес., меня привезли в «собачнике» (так называли автомашину для арестованных) на допрос к Абрамовичу, продержали меня в этом «собачнике» с 1 часу ночи до 6 ч. утра и затем, не допросивши, снова отправили в тюрьму. Таким образом, я буквально задыхался эти 5 ч. в такую июльскую жару. Несмотря на все эти издевательства надо мной, я никаких показаний я не давал и не дал, хотя мне и угрожал Абрамович, выражаясь: «Посмотрим, если тебя поведут в подвал на расстрел, ты готов будешь писать показания своей кровью, но будет тогда поздно». Но я считал, что я — коммунист и не должен поддаваться на провокацию врагов, какими я считал этих людей.

Продолжение показаний ШПАКА:

Будучи арестованным, Кордун мне сказал: «Враг вы или нет, отсюда вам не возвратиться, органы не ошибаются, “возвращенцев” вы не видели и не увидите». Затем привёл мне пример с профессором Крыжановским. Крыжановского я действительно знал, это был ярко выраженный антисоветский тип, следствие по делу коего вёл Фадеев, последний и применял к нему физические меры, в результате чего Крыжановский умер в тюрьме. Я же виновным себя ни в чём не признавал. Написал очень много заявлений о том, как нарушаются законы в обл. УНКВД во время допроса арестованных, как избиваются арестованные и т.д. Все эти заявления попали тому, на кого я писал, т.е. Абрамовичу. Последний однажды вызвал меня на допрос, вынул папку со всеми этими написанными мною заявлениями и сказал мне: «Ты будешь отвечать за каждую строчку своей кровью». В это время как раз зашёл в кабинет военный прокурор Новиков, последний попросил Абрамовича оставить нас, и после этого я рассказал Новикову о тех ужасах, которые творятся в УНКВД. Новиков составил протокол, и этот протокол должен находиться в деле.

На вопрос подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] ШПАК ответил:

Болея я во внутренней тюрьме, это было, примерно, в июле мес[яце]. 1938 г., возможно, Калюжного в это время уже в Одессе и не было.

Свид[етель] ЧАЗОВА Ольга Ильинична⁴⁶, 1898 г. [рождения], служащая, член ВКП(б) с 1918 г., не судима, инструктор оргинстра обкома КП(б)У г. Одессы, личных счётов с подсудимым не имеет, показала:

Мне очень трудно вспомнить всё по порядку, т.е. о тех показаниях, которые я давала на предварительном следствии, т.к. это было уже очень давно, и поэтому я заявляю в суд. заседании, что все мои показания являются правильными, и сейчас я их полностью подтверждаю.

Я уже говорила и сейчас это подтверждаю о том, что Калюжным была создана фиктивная право-троцкистская организация в КПК по Одесской обл., которой никогда в природе не существовало. В частности, я хочу остановиться на тех обвинениях, которые предъявлялись отдельным сотрудникам КПК. Например, бывший контролёр уполномоченного КПК по Одесской обл. Агронский. Последнему было предъявлено обвинение в том, что он, будучи в Кировограде, примыкал к право-троцкистской организации, выступал против линии ВКП(б) и вёл к-р разговоры. С целью проверить все эти обвинения парторганизация КПК командировала в Кировоград Яворского с тем, чтобы последний на месте, в парторганизации, детально проверил все эти материалы. Но, когда Яворский прибыл из Кировограда, он привёз совершенно обратные документы, говорящие о том, что Агронский никогда к троцкистам не примыкал, наоборот, согласно выступлений, зафиксированных в протоколах парторганизации, Агронский выступал всегда за линию ВКП(б), разоблачая и ведя жестокую борьбу с троцкистами. Кроме того, Агронскому предъявлялось обвинение в том, что он был связан с врагом народа Туриным и в день самоубийства последнего был в квартире Турина.

⁴⁶ У документі помилково — Ильинична.

При проверке этого обстоятельства было установлено, что в день самодействия Турина Агронский находился в командировке в Симферополе, что подтверждалось отметкой на командировочном удостоверении Агронского. Правда, Агронский был знаком с Туриным, бывал у него раньше в квартире, но никаких данных о том, что Агронский был связан к-р деятельностью с Туриным, мы не имели, ибо такой связи у них не было.

Затем Агронскому предъявлялось обвинение в том, что он, работая секретарём КК⁴⁷, восстановил 4-х троцкистов в партии, причём 2 чел. из них были действительно троцкистами и были восстановлены в партии не Агронским, а обл[астной] КК, а 2 других члена партии были исключены не как троцкисты, а как допустившие служебные или же хозяйственные преступления. Таким образом, и это обвинение Агронскому не подтвердилось. Кроме этих обвинений, Агронскому было предъявлено и ещё ряд обвинений, но все они, как и выше перечисленные мною, после детальной проверки, которую производила парторганизация, не подтвердились, и Агронский был полностью реабилитирован.

По делу ВИННИКА.

Виннику было предъявлено обвинение в том, что он состоял в сионистской организации, в том, что он был связан с Каргой и т.д. При проверке было установлено о том, что Винник однажды ехал в одном купе вагона с Каргой и кушал вместе с ним не то мандарины, не то апельсины. Больше никакой связи Винника с Каргой установлено не было. В части того, что Винник состоял в сионистской организации, было установлено, что Винник в юношеские годы состоял в советском физкультурном кружке при клубе, руководителем коего был действительно сионист, но Винник с ним ничего общего не имел, он был не больше, не меньше, как участник физкультуркружка, будучи в возрасте 15–16-летнего юноши. В отношении связи Винника с Каминским также не установлено ничего, т.к. никакой связи вообще не было. Таким образом, Винник после длительной проверки всех этих материалов был полностью реабилитирован.

По делу быв[шего] контролёра КПК Канфер-Беркович[а]. В отношении Канфер-Берковича в КПК поступило сообщение из обл. УНКВД по Одесской обл. Это сообщение я лично не видела, т.к. проверкой этих материалов должен был заняться секретарь первичной парт. организации КПК Иванов. Из разговоров я слышала, что, по этим данным НКВД, как будто бы Канфер-Беркович в 1927 г. был где-то на конспиративной квартире троцкистов и что он примыкал к троцкистам. Тогда же шли разговоры, что Шпак ходил проверять все материалы на Канфер-Берковича в обл. УНКВД, а затем как будто бы эти же материалы смотрел сам Самарин. Имея такое сообщение из обл. УНКВД, Канфер-Беркович был отстранён от работы в КПК, и задержан его парт. билет. Однако несколько позже, приблизительно месяца через 3, Канфер-Беркович всё же был арестован и осуждён. Я считаю, что Канфер-Беркович был осуждён на основании сфальсифицированных данных.

⁴⁷ КК — Контрольна комісія.

О быв[шем] секретаре КПК по Одес[ской] обл. САМАРИНЕ.

На Самарина парт. организация КПК не имела абсолютно никаких компрометирующих материалов. Последний был арестован совершенно без каких-либо компрометирующих материалов. На второй же день после ареста Самарина была созвана первичная парт. организация КПК, где нам было доложено о том, что Самарин по архивным материалам разоблачён как провокатор царской охранки⁴⁸ под кличкой «Никоно́р»⁴⁹. Это якобы подтверждается найденной в архиве тетрадь, где рукой Самарина занесены провокаторские данные о рабочем движении. В КПК официально никаких материалов прислано не было. После того, как был арестован Самарин, никого из работников КПК даже не пускали в обл[астное] УНКВД, мотивируя тем, что в КПК — засилье врагов народа.

О ВАСЮРЕНКО.

На Васюренко парт. организация КПК не располагала буквально ни одним, компрометирующим последнего, материалом. Васюренко был честным большевиком, он был единогласно избран закрытым голосованием секретарём парт. организации. Был избран на Водно-транспортной райпартконференции делегатом Одесской городской парт. конференции.

Васюренко, будучи на райпартконференции Водно-транспортного района г. Одессы, выступил против неосновательных обвинений Межжерина⁵⁰, направленных против начальника Политотдела Черноморского пароходства Ванюкова, что послужило мотивом отвода кандидатуры Васюренко в секретари Водно-транспортного РПК г. Одессы. Однако на этой же райпартконференции Васюренко был избран в члены пленума РПК, куда также был избран и Ванюков. Это и послужило поводом к тому, чтобы на горпартконференции Васюренко было выражено политическое недоверие, после чего Васюренко был лишён делегатского мандата и выведен из зала заседания горпартконференции.

Васюренко и Шпак, который получил пригласительный билет на горпартконференцию, требовали, чтобы им предъявили обвинение, за что же выводят, дать возможность держать ответ перед конференцией, если предъявляется обвинение. Однако бывший секретарь обкома КП(б)У Телешев сказал, что конференции ясно, за что, и предложил немедленно удалиться из зала заседания конференции.

Шпак был арестован тут же при выходе, а Васюренко зашёл ещё в парт. организацию КПК, рассказал о том, что ему выражено политическое недоверие на конференции, и требовал, чтобы о нём сейчас же рассмотрели вопрос в парторганизации. Затем, в эту же ночь, Васюренко был арестован.

На вопросы суда свид[етель] ЧАЗОВА ответила:

Васюренко, выступая на конференции, критиковал руководство обкома КП(б)У и, в частности, Межжерина за то, что последний, выступая, сказал: «Нужно выдвигать молодые партийные кадры, ибо у старых парт.

⁴⁸ У документі помилково — охрани.

⁴⁹ Так у документі.

⁵⁰ Тут і далі у документі помилкво з однією літерою «ж» — Межжерин.

кадров в бородах завелись вши». Это было, по существу, антипартийное выступление, и Васюренко правильно критиковал это выступление.

Продолжение показаний ЧАЗОВОЙ:

В конце 1937 г. к нам в КПК начали поступать сигналы об извращении методов следствия, имевших место в районах и в самом обл[астаном] УНКВД. Мне лично как парт. следователю пришлось вести дело некой Бондаренко, которая была арестована Цебриковским РО НКВД. Бондаренко в своём заявлении писала о том, что на следствии во время допросов её заставляли стоять на ногах по 5 суток, в результате чего у неё опухали ноги и руки, истекала кровью, и только лишь после такого издевательства она вынуждена была дать вымышленные показания. Кроме того, такие же сигналы поступали и на следователей 4[-го] отдела УНКВД. Нами все эти материалы были подобраны, и копии их были посланы в Москву быв[шему] наркомун Ежову, а с подлинниками был командирован в Киев наш сотрудник Калиховский. Затем я лично несколько раз запрашивала Кравченко о результатах заявления Бондаренко, последний мне ответил, что все эти материалы были переданы Успенскому.

Впоследствии Бондаренко была освобождена из-под стражи, следствие по её делу вёл Фролов, на которого она и жаловалась в своём заявлении, кто был тогда н[ачальни]ком Цебриковского РО НКВД, я не знаю.

Мне пришлось вести дела на лиц из бывших сотрудников НКВД, искривлявших методы ведения следствия в Одесском обл[астаном] УНКВД, так, например, о Гапонове.

Гапонов на бюро обкома КП(б)У при разборе его дела говорил о том, что дело о право-троцкистской к-р организации в КПК было сфальсифицировано Калюжным, что он, т.е. Гапонов, был введён в заблуждение, потому что это дело было создано Калюжным, и он получил от него только лишь готовое наследство, с которым не сумел быстро распутаться, и что ему в этом остальные сотрудники не помогали, а, наоборот, подводили такие, как Абрамович, Гнесин, Берензон и др.

Гапонов на обкоме КП(б)У заявил, что главным виновником этого дутого дела, никогда в природе не существовавшего, как право-троцкистская к-р организация в КПК, является Калюжный, он создал это дело, и под его руководством фальсифицировались показания, по коим затем были арестованы честные коммунисты, ни в чём никогда не опороченные.

Меня крайне удивляет только лишь одно. Несмотря на то, что почти все арестованные указывали, как на вербовщика в право-троцкистскую к-р организацию, на Носова — бывшего работника КПК по Одесской обл., последний оставался в стороне. Последний, как ни в чём не опороченный, не арестовывался и продолжает работать на ответственных партийных работах. Мне прямо стыдно за Одесское УНКВД слышать объяснения Калюжного о том, что они не могли установить место жительства и работы Носова в то время, как в КПК и обкоме КП(б)У было известно о том, куда и на какую работу выбыл Носов, и стоило только лишь поднять телефонную трубку, как любой из сотрудников КПК или же обкома КП(б)У мог бы дать точную справку, куда выехал Носов.

Работая в настоящее время по разбору апелляций в обкоме КП(б)У, мне приходится очень часто слышать фамилии Берензона, Абрамовича, Гнесина, Мошковского, Шамис[а] и друг. бывших работников Одесского УНКВД, которые во время следствия применяли к арестованным такие методы, которые даже не существовали в средневековье, в период инквизиции, и я считаю, что эти люди не должны остаться безнаказанными за их действия.

На вопросы суда св[идетель] ЧАЗОВА ответила:

Александрова я знаю, знала его хорошо и до ареста, последний был вполне здоровым физически человеком. Будучи арестованным, в результате применения к нему физических мер воздействия, Александров лишился рассудка и в настоящее время является психически больным.

Приходил ли Самарин в УНКВД в связи с поступившими к нам сигналами об искривлении методов следствия в УНКВД или нет, я не знаю, но я знаю, что копии этих сигналов мы послали в Москву, а подлинники возил специально в Киев Калиховский, и о всех этих сигналах знали в Одесском УНКВД.

На вопросы суда св[идетель] ШПАК ответил:

В то время, когда мы получили сообщение на Канфер-Берковича, Чазова находилась в отпуске. Иванова также тогда не было, и поэтому проверять детально имеющиеся в обл. УНКВД материалы на Канфер-Берковича ходил я, а затем, на второй день, Самарин сам смотрел также эти материалы.

На вопросы суда св[идетель] ЧАЗОВА ответила:

В КПК было известно, куда выехал Носов, даже был известен адрес его квартиры в Москве. Кроме того, Носов писал несколько статей, которые были помещены в этот период в газете «Правда», и поэтому, если бы Калюжный хотел разыскать Носова, он бы нашёл его.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] ЧАЗОВА ответила:

Я предполагаю, что все эти лица из бывших работников КПК были арестованы по тем материалам, которые были предметом парт. расследования у нас, ибо при допросе у военного прокурора последний интересовался и задавал мне вопросы в разрезе тех материалов, которые были у нас. Были ли другие материалы в УНКВД на бывших сотрудников КПК или не было, я не знаю, но, во всяком случае, при пересмотре в делах никаких других материалов не было.

С Калюжным у меня были разговоры не по делам группы лиц КПК. Я разговаривал[а] с ним по делу Житомирского, это было примерно 25 февраля, какого года, не помню.

После ареста Самарина и друг. бывших работников КПК у Калюжного я не была.

На вопросы суда св[идетель] ШПАК ответил:

Житомирского исключили из партии задолго до арестов бывших работников КПК.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

После того, как были арестованы бывшие работники КПК Канфер-Беркович, Самарин, Васюренко и друг., Чазова заходила ко мне

и разговаривала со мной, причём Чазова ругала их за то, что они, так маскируясь, проводили вражескую деятельность.

На вопрос суда св[идетель] ЧАЗОВА ответила:

После ареста бывших работников КПК к Калюжному я не заходила и никаких разговоров с ним не вела, по этому вопросу Калюжный говорит неправду.

С согласия подсудимого освобождаются от дальнейшего присутствия в суд. заседании свидетели Чазова и Шпак.

Свид[етель] БАРГЕР Михаил Борисович, 1900 г. рожд., урож[енец] Гомельского р-на БССР, рабочий, чл. ВКП(б) с 1921 г., находился под стражей с 6 июля 1938 г. по 4 ноября 1939 г., в то время работал в обкоме КП(б)У зав[едующим] совторготделом. В настоящее время работаю нач[альником] оргколхозотдела облЗУ г. Одесса, личных счётов с подсудимым не имеет, показал:

Сам я — рабочий, выходец из семьи рабочего, с малых лет работал на производстве, затем был призван в ряды РККА, где и прослужил 13 лет, начиная от рядового кр[асноармей]ца, и впоследствии был выдвинут на комиссара полка. Затем в 1933 г. был отобран ЦК ВКП(б) и направлен на работу нач. Политотдела, где и работал до момента расформирования Политотделов, после чего работал около 3-х лет секретарём РПК.

В февралю мес. 1938 г. по решению ЦК КП(б)У я был направлен в Одесский обком КП(б)У на работу в качестве зав[едующего] совторготделом. Работая в обкоме, я всё время честно, по-большевистски, относился к выполнению своей работы. Работал, не считаясь со временем и силой. И вот, с 5 на 6 июля 1938 г., примерно в 4 ч. ночи, ко мне в квартиру ворвался Калюжный, скомандовал мне: «Руки вверх!» и объявил, что я арестован. Для меня это было неожиданностью, и тогда же я заявил Калюжному: «Вы ищите врагов там, где не следует искать». Жена моя от испуга упала в обморок, и когда я хотел подойти к ней, Калюжный лишил меня и этого права, крикнул на меня: «Собирайся!» и сразу же, не дав мне одеться, забрал меня с квартиры. Через 2 часа после того, как я был арестован, меня вызвали на допрос. В комнату, куда я был приведён, зашёл Кордун, подошёл ко мне, ударил меня по лицу, затем начал оплёвывать меня, и так на протяжении 2-х часов Кордун через каждые 15 мин. подходил ко мне, избивал меня и оплёвывал, причём Кордун сказал мне: «С врагами будем относиться по вражески». Несколько позже, в этот же день, зашёл в кабинет Калюжный, Кордун, сидевший со мной, скомандовал мне: «Встать!», после чего Калюжный сказал, чтобы я лучше сознавался в к-р деятельности, и этим я сделаю лучше для себя, после чего Калюжный мне больше ничего не сказал и вышел.

После первого допроса меня вызывали каждый день и каждый день избивали меня, требуя, чтобы я сознался в какой-то к-р деятельности, каковой я в своей жизни никогда не занимался. Видя, что я никаких показаний не даю, Кордун начал провоцировать меня, показывая мне фиктивный ордер на арест моей жены, вынимал патрон и угрожал мне тем, что этот патрон предназначен для меня, но, всё это не помогало,

тогда Кордун продолжал меня всё время избивать, на помощь себе брал Савина, Абрамовича, Берензона и других.

Таким образом, после 6-ти дневного избивания меня на допросах я уже не мог ходить сам на допрос, а приносили меня и уносили обратно в камеру на руках стрелки.

К моменту моего ареста никаких компрометирующих материалов на меня не было, все эти материалы были сфальсифицированы после моего ареста.

Первые допросы проходили без какого-либо предъявления мне обвинения, заставляли меня написать самому на себя обвинение, и когда я никаких показаний не давал, я подвергался жестокому избиванию и насилию. Будучи избит и приведён в тяжёлое состояние, я вынужден был подписать всё то, что было написано Кордуном первое время, а затем уже были случаи, когда я писал, оговаривая других лиц якобы в принадлежности их к к-р организации под диктовку следователей.

На вопросы суда св[идетель] БАРГЕР ответил:

Я отказался от данных ранее мной показаний в ноябре мес. 1938 г., т.е. тогда, когда мне предложили подписать протокол предъявления мне следственного материала. Следственный материал по делу мне предъявил Берензон, я не захотел подписать этот протокол и тогда же отказался от своих показаний. Кроме того, я написал около 20-ти заявлений о своём отказе от показаний, где эти заявления, я не знаю.

Во время следствия я имел очную ставку с Сенкевичем. Очную ставку проводил[и] Кордун и Абрамович. Когда нас вызвали на очную ставку, то протокол очной ставки был уже написан заранее. Нам прочитали только лишь его и предложили подписать. Я возражал против всех показаний, которые там были написаны. Сенкевич также возражал. Тогда Сенкевича вывели сразу же, не дав ему ни слова сказать, а я подписал со своей допиской, что все эти показания я категорически отрицаю.

4-го ноября 1939 г. я был освобождён в связи с прекращением моего дела по ст. 4 п. «д» УПК УССР, а отказываться от ранее данных мною показаний я начал в ноябре мес. 1938 г. и никогда больше их не подтверждал.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Баргера действительно арестовывал лично я сам. Во время ареста никаких грубостей со стороны меня по отношению к Баргеру не было проявлено, о чем может подтвердить Рыбалко, присутствовавший при аресте Баргера.

Баргера всё время допрашивал Кордун, я же ни разу Баргера не допрашивал и не оплёвывал его, в этой части Баргер говорит неправду. Кроме того, Баргер был арестован 6-го июля, а 9 июля я уже выехал из г. Одессы на работу в г. Киев, причём на предварительном следствии Баргер показывал не так, как показывает в суд. заседаниях.

На вопрос суда св[идетель] БАРГЕР ответил:

Калюжный заходил тогда, когда я был на допросе у Кордуна 6, 7 и 9 июля 1938 г., и это я помню очень хорошо.

Оглаш[ается] л.д. 103, показ[ания] св[идетеля] Баргера.

Свид[етель] БАРГЕР ответил:

Я мог бы ещё много кое о чем показать, но, наверное, следовательно, который допрашивал меня, не поставил передо мной такого вопроса, т.е. подробнее о Калюжном, и я о нём показал лишь коротко.

На вопрос подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] БАРГЕР ответил:

Очная ставка мне с Сенкевичем была произведена на 3[-й] или 4[-й] день после моего ареста. На очной ставке я категорически отказывался от того, что я — участник право-троцкистской к-р организации. Калюжный в то время ещё был в Одессе, ибо после моего отказа Кордун ходил заявлять об этом Калюжному. Затем уже, после очной ставки, через несколько дней, будучи избит и приведён в тяжёлое состояние, я начал давать показания.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ:

Исходя из показаний Баргера, данных им в суд. заседании, прошу истребовать архивно-следственное дело Баргера для обозрения его в суд. заседании.

Заслушав ходатайство подсуд. КАЛЮЖНОГО об истребовании архивно-следственного дела на Баргера и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Истребовать из 1[-го] спецотдела УГБ УНКВД по Одес[ской] обл. архивно-следственное дело на Баргера для обозрения его в суд. заседании.

В 13 ч. 25 м. объявлен перерыв суд. заседания на 25 мин.

В 13 ч. 50 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Свид[етель] СЕНКЕВИЧ Иван Фомич, 1899 г. рождения, происходящий из крестьян-бедняков, служащий, член ВКП(б) с 1920 г., в настоящее время работает нач[альником] Облконторы Сельхозхимснаб г. Одесса, находился под следствием и под арестом с 3 июля 1938 г. по 4 ноября 1939 г., с подсуд. личных счетов не имеет, показал:

В ночь со 2 на 3 июля 1938 г. органами НКВД я был арестован. В эту же ночь привели меня на допрос к следователю Абрамовичу, о коем ничего другого, как о мерзком палаче, аферисте, сказать нельзя. На первом же допросе мне предъявили обвинение, что я — участник к-р организации, один из членов «Областного к-р центра правых». А когда я отрицал всё это, Абрамович оплевал меня, запрещая мне утираться, избивал меня, а когда я доходил до бессознания, Абрамович, Кордун и друг. устраивали насмешки надо мной. Почти при всех этих допросах и издевательствах надо мной во время следствия заходил Калюжный, последний разрешал мне говорить только лишь о признании, больше никаких моих объяснений Калюжный не принимал и запрещал мне говорить о них. Каждый допрос сопровождался самой низкой, похабной матерщиной со стороны Абрамовича, Кордуна. Я даже не могу сейчас припомнить всех этих слов, которыми они меня называли. Абрамович при допросах избивал меня по лицу, бил ногами в живот, ставил мне в ухо трубку и кричал в неё. Калюжный, как нач[альник] 4[-го] отдела, заходил в кабинет и видел, как издевались эти обер-бандиты-фашисты Абрамович, Кордун и друг., и никаких мер не предпринимал, а, наоборот, поощрял их.

Однажды Калужный зашёл вместе с бывшим нач[альником] УНКВД — врагом народа Киселёвым⁵¹, и когда я начал говорить, что я — честный работник, никогда я никакой к-р деятельностью не занимался, что в результате преданности моей работы делу партии и рабочего класса и честности большевика я был отобран ЦК ВКП(б) и послан на работу нач. Политотдела, тогда Киселёв заявил мне, что «все нач[альники] Политотделов арестованы, что это была подобрана специальная группа врагов народа и направлена для проведения вредительской деятельности в сельском хозяйстве».

Я просил, умолял Калужного и Абрамовича проверить меня, кто я, проверить мою работу и убедиться, что я никогда врагом не был и никогда никакой к-р деятельностью не занимался, но мне Калужный сказал: «Мы знаем, что ты — кадровый правый, что ты замаскировался и проводил к-р деятельность». Таким образом, в результате применения ко мне жестоких физических мер воздействия, избиения, лишения сна, морения голодом, запугивания меня тем, что моя жизнь — восьмикопеечная, т.е. стоимость одного патрона, и т.д., вынудило меня давать вымышленные показания, как на себя, так и на других лиц.

Вскоре после ареста, дней через 4–5, мне сказали, что руководителем нашего центра является Баргер, и поэтому в своих показаниях я подтвердил, что Баргер является участником «Областного к-р центра правых». Затем, дней через 5, мне произвели очную ставку с Баргером, очную ставку производили Абрамович и Кордун. Протокол очной ставки во время очной ставки не писался, он был заготовлен заранее, где было написано то, что я уличал Баргера как участника «Областного к-р центра правых», и я подписал эти показания, после чего меня сразу же вывели из кабинета, а Баргер оставался ещё и продолжал говорить о том, что данные мною показания являются неправильными.

Кроме того, я имел очную ставку также и с Харченко, коего я также оговорил.

До тех пор, пока меня не направили в Киев, следствие по моему делу вел[и] Абрамович и Кордун, и последние фальсифицировали часть материалов по моему делу, которые я потом подписывал под угрозами, а часть я сам оговаривал, давая такие показания, которые в любую минуту могли бы быть опровергнуты честным следователем.

Затем, когда меня возвратили обратно из Киева, примерно 25.8.1938 г., следствие по моему делу вёл Гапонов, последний в первый же день заявил мне, если я не буду сознаваться и дальше, меня сразу же расстреляют, но я решил всё же продолжать отказываться от ранее данных мною показаний.

Примерно в сентябре мес. 1938 г. меня вызвали к следователю Мазур, где я также отказывался от своих показаний и не подписал протокол предъявления мне следственного материала, после чего меня не вызывали на допрос очень долго.

⁵¹ Тут і далі у документі помилково — Кисилевым, Кисилев.

10.1.1939 г. я был вызван к следователю Буркину, последний заставлял меня подтвердить ранее данные мною показания, но я отказался подтвердить их, за что был посажен в карцер сроком на 5 суток согласно резолюции Гапонова. После того, как я отсидел 5 суток в карцере, меня вызвали снова к Абрамовичу, последний требовал, чтобы я подтвердил свои показания, и в это время зашёл Гапонов, а когда я категорически отказался подтвердить ранее данные мной показания, Гапонов и Абрамович избили меня, причём Гапонов взял меня за борта и ударил моей головой об стенку, в результате чего я истекал кровью.

Только лишь 16.1.1939 г. Берензоном был составлен акт о том, что я отказываюсь от ранее данных мною показаний, и после этого я подписал ст. 200 УПК по моему делу, причём я указал проверить целый ряд фактов, просмотреть ряд документов, что в результате и послужило прекращению моего дела по ст. 4 п. «д» УПК УССР.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

За что меня исключили из партии я и сам не знаю. Дело было таким образом: чувствуя гонение на меня со стороны быв[шего] секретаря обкома КП(б)У Телешева, мною была послана открытая телеграмма на имя т. Сталина с просьбой вмешаться в моё дело. Через 3 дня после этого я был вызван на бюро обкома КП(б)У якобы с докладом о подготовке к проведению нового займа, причём об этом мне стало известно только лишь в 6 ч. вечера 21 июня, т.е. в тот день, когда я должен был делать доклад. С 6-ти часов вечера я сидел в коридоре обкома КП(б)У и ожидал, когда меня вызовут, только лишь в 3 ч. ночи меня вызвали на бюро, и когда я зашёл, быв[ший] секретарь Телешев поднялся и сказал: «Есть предложение рассмотреть дело о Сенкевиче», после этих слов я сразу же был исключён из партии и отстранён от работы.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ:

Прошу огласить справку по вопросу исключения из партии Сенкевича.

Оглаш[ается] л.д. 19, т. 1 — дело Баргера и др., справка на бланке Одес[ского] обкома КП(б)У о решении бюро обкома КП(б)У от 21 июля⁵² 1938 г. о Сенкевиче.

Св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

Никакого обвинения мне за развал финансового плана в области не предъявляли, даже этот вопрос не стоял на бюро обкома КП(б)У.

Кроме того, работая зав. финотделом, никакой комиссии по проверке моей деятельности не было. После того, как я был арестован, была создана Гапоновым экспертная комиссия по проверке моей деятельности, этой же комиссией и был составлен под руководством Гапонова акт, который я считаю самым гнусным документом, т.к. ни по одному из вопросов, проходящих по этому акту, моих объяснений нет.

На вопросы суда св[идетель] ГНЕСИН ответил:

⁵² Так у документі. Вірогідно, має бути — июня.

Мне приходилось допрашивать в качестве свидетелей по делу Сенкевича и Шильмана⁵³ сотрудников облфинотдела, и, т.к. надо было допросить очень много людей, я ходил в финотдел и там, вызывая в кабинет секретаря парт. комитета, допрашивал свидетелей. Перед свидетелями я ставил вопросы о том, что им известно о Сенкевиче и Шильмане. Свидетели без каких-либо моих принуждений давали показания, которые я и записывал в протокол допроса, никого из свидетелей я не принуждал давать показания и им не угрожал.

По делу Сенкевича я допросил около 18 свидетелей и на это затратил несколько дней.

В тот период практиковалось создание комиссий после ареста того или другого ответственного работника, и такая комиссия была создана по проверке деятельности Сенкевича, но был ли я участником этой комиссии, я не помню.

На вопросы суда св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

После моего ареста была создана комиссия по проверке моей деятельности, будучи на работе начальником облфинотдела, но о ней, т.е. о комиссии, я узнал только через год, причём никаких моих объяснений по выводам этой комиссии нет, т.к. мне не сказали, что была такая комиссия. И выводов её также мне не показали.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] ГНЕСИН ответил:

Допрашиваемые мною свидетели из работников облфинотдела давали мне показания сами, без какого-либо нажима с моей стороны, кроме того, они указывали на элементы преступной деятельности некоторых работников финотдела и в том числе Сенкевича.

О решении обкома КП(б)У о Сенкевиче тогда я ещё не знал.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ:

Прошу огласить акт или выдержки из акта комиссии, которая проверяла деятельность быв[шего] нач[альника] облфинотдела Сенкевича.

Оглаш[ается] л.д. 2–14, т. 5 — дело Сенкевича и др., выдержки из акта комиссии от 15.9.1938 г. под председательством Попова: а) о подготовке кадров, б) о расходовании на админ[истративные]-хоз[яйственное] управл[ение] и т.д.

Свид[етель] СЕНКЕВИЧ ответил:

Этот акт после моего ареста был составлен на липу. Лица, подписавшие этот акт, впоследствии отказались от этого акта. При восстановлении меня в члены ВКП(б) член партии Деев, принимавший участие в составлении этого акта, отказался от этого акта, объясняя тем, что их заставили написать такой акт. Все остальные члены являются беспартийными, и, если бы они присутствовали на парт. собрании, они об этом сказали бы также.

На вопросы подсуд. КАЛЮЖНОГО св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

Абрамович вызвал меня на допрос и предложил мне писать свои признания в к-р деятельности. Причём Абрамович требовал, чтобы я писал

⁵³ Тут і в наступному реченні помилково — Шихмана, Шихмане. Йдеться про заступника І. Сенкевича — М. Шильмана.

эти признания на имя наркома НКВД, я категорически отказался писать на имя наркома, тогда Абрамович требовал, чтобы я писал на имя начальника УНКВД по Одесской обл. Я также категорически отказался писать на имя нач. обл. УНКВД и написал заявление на имя Абрамовича, но затем он почему-то заголовок этих заявлений на его имя оторвал. Как первое, так и второе заявление находятся в деле.

Оглаш[ается] л.д.76, т. 6 — дело Баргера, Сенкевича и друг.

Суд удостоверяет, что на л.д.76 т. 6 в деле Баргера, Сенкевича и друг. имеется заявление, написанное Сенкевичем, причём первый листок заявления короче, с оторванным заголовком, кому адресовано это заявление, и начинается только лишь со слов[а] «Заявление». Второе заявление в том же томе на л.д.79, где заголовок также обрезан, и неизвестно, кому адресовано. Как первое, так и второе заявление Сенкевича было написано за датой 3 июля 1938 г. По заявлению св[идетеля] Сенкевича, оба эти заявления были написаны им на имя Абрамовича.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ объяснил:

Сенкевич начал давать свои показания с первых же дней его ареста, т.е. с 3 июля 1938 г. Причём в этот же день он написал сам лично 2 заявления, в которых излагал своё участие в к-р организации и свою практическую деятельность.

Поэтому показания Сенкевича о том, что его несколько дней избивали подряд, и только в результате этого он начал давать показания,— неправильны, о чем подтверждают его заявления.

На чьё имя Сенкевич писал эти заявления, я сейчас не помню и поэтому сказать сейчас не могу, но оно было с заголовком, т.е. сверху заявления было написано, кому оно адресовано.

Баргер был арестован после того, как Сенкевич дал на него показания.

На вопросы суда св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

С первых же дней моего ареста я просил проверить и убедиться, что я не враг, это я просил, начиная от Абрамовича и до нач[альника] УНКВД Киселёва, но когда последний, т.е. Киселёв, сказал мне: «Все нач[альники] Политотделов арестованы как враги», я понял, что я попал в руки жуликов и людей, которые не могут и не захотят разобраться как следует.

Вымышленные показания я начал давать не в первые дни своего ареста, а значительно позже, после того, как я уже не мог переносить избиений и мучений со стороны Калюжного, Абрамовича и друг. надо мной. Неужели же не ясно было для Калюжного, какой я враг, если после исключения меня из партии Телешевым я продолжал выжидать дома ареста пару недель, хотя всякий понимал, что означает отобрание парт. билета Телешевым. Настоящий враг плюнул бы на всё и удрал бы в тех условиях.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Все показания Сенкевич давал сам, причём эти показания он начал давать сразу же после ареста, и тогда я верил в те показания, которые давал Сенкевич. Теперь же, боясь ответственности, Сенкевич отказывается от того, что он добровольно давал такие показания.

На вопросы суда св[идетель] СЕНКЕВИЧ ответил:

Мне очень стыдно за то, что я, будучи членом ВКП(б), в результате избиений и издевательств надо мной начал давать вымышленные показания как на себя, так и на других, однако я и ещё раз заявляю, что все эти показания как от меня, так и от других, были добыты исключительно в результате избиений, в результате пыток, применявшихся к нам. Я мог бы привести очень много примеров, как избивали других арестованных, так, например, Луненок⁵⁴ — бывш. директор Одесского [педагогического] института был арестован без наличия каких-либо на него компрометирующих материалов, следствие по делу коего вёл Фадеев, и в результате избиений Фадеевым Луненок давал вымышленные показания на себя, но затем, впоследствии, Луненок отказался от своих показаний, и дело о нём было прекращено.

Ткаченко — ответственный партийный работник и много других лиц — все они, в том числе и я, были арестованы в результате вражеской деятельности бывшего секретаря обкома КП(б)У Телешева — этого истребителя большевиков на Одещине, а Калюжный, желая выслужиться перед Телешевым, также действовал по вражески, за одно с ним, как подлый карьерист.

На вопросы суда св[идетель] ФАДЕЕВ ответил:

Действительно, в июле мес. 1938 г. я вёл следствие по делу Луненок, но я его не избивал. Луненок был арестован по справке, подписанной Калюжным.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Сенкевич на момент ареста был исключён из партии, и санкции на арест Сенкевича от Телешева не требовалось.

Да, были такие разговоры, чтобы меня взять на работу 2-го секретаря обкома КП(б)У. На эту работу сначала рекомендовал меня Коротченко, а затем Телешев также ставил вопрос о том, чтобы я пошёл работать в обком КП(б)У, но наркомат НКВД меня не отпустил, в связи с чем фактически и был связан мой перевод на работу в НКВД УССР [в] г. Киев.

В 15 ч. 50 м. объявлен перерыв суд. заседания.

В 16 ч. 00 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Секретарь доложил, что по заявлению родственников Пышного, проживающих в г. Одесса, Пышный, вызываемый в качестве свидетеля, находился у них 3–4 дня, после чего 18.XII.[19]40 г. убыл в г. Винницу также к каким-то родственникам, адрес последних им не известен.

На вопрос пред[седательствую]щего, не возражает ли подсудимый заканчивать слушанием дело без вызываемого свид. Пышного,

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ: против окончания слушания дела по существу без допроса вызываемого в качестве свидетеля Пышного в суд. заседание — не возражаю.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая согласие подсуд. КАЛЮЖНОГО, дело слушанием закончить по существу без допроса вызываемого в суд. заседание в качестве свидетеля Пышного. Одновременно приобщить к делу представленную

⁵⁴ У документі помилково — Лунинок.

в суд. заседание выписку из протокола № 42 заседания бюро Сталинского РК КП(б)У г. Одессы от 24.XII.1940 г. о члене ВКП(б) Гапонове.

С согласия подсудимого КАЛЮЖНОГО освободить от дальнейшего присутствия в суд. заседании свидетелей Баргера, Сенкевича, Калиховского и Фадеева.

Обсудив заявленные ходатайства подсуд. КАЛЮЖНЫМ в начале суд. заседания о:

1. Истребовании выписки и приобщении её к делу по вопросу исключения Дьячишина из членов ВКП(б),
2. Об истребовании агентурного дела «Нетронутые»,
3. Об истребовании копий аттестаций на агента НКВД «Беба»,
4. Об истребовании копии шифр-телеграммы на арест Закгейма, и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Отклонить ходатайства подсуд. КАЛЮЖНОГО:

1. Об истребовании и приобщении к делу выписки из решения бюро Ворошиловского РК КП(б)У г. Одесса по вопросу исключения из партии Дьячишина — ввиду несущественности данного вопроса для существа предъявленного Калюжному обвинения.

2. Об истребовании копии шифр-телеграммы на арест Закгейма, т.к. в деле имеется достаточно материалов по данному вопросу.

3. Об истребовании копий аттестаций на агента «Беба» — ввиду наличия в деле достаточных материалов, говорящих об агенте «Беба».

Удовлетворить ходатайство подсуд. Калюжного об истребовании из 1[-го] спецотдела УГБ УНКВД по Одесск[ой] обл. для обозрения в суд. заседании агентурного дела «Нетронутые».

Пред[седательству]ющий предъявил для обозрения свид. Цирульницкому список, составленный на лиц, подлежащих аресту, на 4.1.[19]38 г. по 1-му отделению 4[-го] отдела УГБ УНКВД, подписанный подсуд. Калюжным и Цирульницким.

Свид[етель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Нач[альник] 4[-го] отдела Калюжный дал распоряжение составить список на лиц, подлежащих аресту, на основании чего мною был и составлен этот список.

Этот список составлял я, имея соответствующие материалы на каждое лицо, указанное в этом списке.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Учитывая, что по списку, истребованному Военным трибуналом из УНКВД и предъявленному для обозрения св[идетелю] Цирульницкому, проходят Канфер-Беркович и Бейлин, которые имеют отношение к делу Калюжного, запросить копию настоящего списка для приобщения к делу.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Эти списки составлялись ещё задолго до того, как я был назначен нач[альни]ком 4[-го] отдела. Материалы на этих лиц готовились ещё в 1937 г.

Свид[етель] ВАСЮРЕНКО Фёдор Филиппович, 1899 г. рожд., из рабочих, рабочий, урож[енец] г. Кривой Рог, до ареста работал в КПК по

Одесской обл., член ВКП(б) с 1919 г., в РККА служил с 1917 по 1924 г., арестован и осуждён по ст. 54–7, 8 и 11, 12 и 20 Военной коллегией Верхсуда Союза ССР к 15 [одам] лиш[ения] свободы в ИТЛ в ноябре мес. 1938 г., предупреждён об ответственности за дачу суду ложных показаний.

На вопросы суда св[идетель] ВАСЮРЕНКО ответил:

Калюжного, как личность, я знал. Знал его как члена пленума РПК, но по работе с ним почти никогда не встречался.

В суд. заседании Калюжного среди других, присутствующих на суде, лиц св[идетель] Васюренко не опознал.

Следствие по моему делу вёл следователь Мошковский, последний присутствует сейчас в суд. заседании, и его узнаю.

При допросе мною были даны вымышленные показания на Шпака, Выхвиста, Алексашина, Майданюк. Эти показания я вынужден был дать так же, как я дал неправильные показания и на себя.

На очной ставке со Шпаком я дал показания о том, что Шпак является членом право-троцкистской к-р организации, но фактически такой организации не было, и Шпак так, как и я, в ней не состоял.

В 1938 г. я был избран на водно-транспортной райпартконференции делегатом Одесской городской партконференции, где я выступил с резкой критикой по руководству обкома против секретаря обкома Телешева. Затем там же выступил Телешев, назвал меня врагом народа, обвиняя меня в том, что я — якобы участник право-троцкистской к-р организации, после чего там же, на горпартконференции, мне было объявлено политическое недоверие, лишили меня делегатского мандата и попросили, чтобы я оставил горпартконференцию.

Всё это было для меня неожиданностью, и я сразу же зашёл в парторганизацию КПК, рассказал об этом парт. организации, а затем, в ту же ночь, я был арестован.

Шпаку, который имел пригласительный билет на горпартконференцию, было также объявлено политическое недоверие, и Шпака сразу же в зале горпартконференции арестовали.

Мошковский, который вёл следствие по моему делу, применял ко мне физические меры, плевал мне в лицо и рот, кричал мне в ухо через рупор, оскорблял меня нецензурными словами, и в результате такого издевательства надо мной я дал ложные показания.

Я писал и собственноручные показания. Были также случаи, когда мне диктовал Мошковский, а затем я подписывал эти показания. В своих показаниях я писал на себя, что я состоял членом право-троцкистской к-р организации, причём мне было очень трудно подобрать человека, которого можно было бы назвать как вербовщика в эту организацию. Тогда я вспомнил, что занимался в кружке повышенного типа по изучению истории ВКП(б), которым руководил быв[ший] работник КПК Носов, и поэтому я назвал Носова как вербовщика в отношении меня в эту организацию. Но, т.к. Носова в это время в Одессе не было, то Мошковский перенёс мне только лишь срок вербовки в соответствии с работой Носова в КПК.

Перед тем, как должна была произойти очная ставка между мной и Шпаком, Мошковский вызвал меня и предупредил меня, чтобы я уличал Шпака, угрожая мне, что если я этого не сделаю, меня убьют, после чего я так и сделал, на очной ставке я уличал Шпака в принадлежности его к к-р организации, а Шпак отрицал это.

Чем объяснить то, что не давал о себе и о других ложных показаний Шпак, а я дал их, я не знаю, но, возможно, что к Шпаку не применялись такие жестокие физические меры, как ко мне, а может, и потому, что у него, т.е. у Шпака, сильнее воля.

Мною было подано несколько заявлений о том, что я оговорил себя и других, и в связи с этими заявлениями я доставлен обратно в Одесск[ую] тюрьму, дело моё в настоящее время находится в прокуратуре ОДВО.

В [на]писанных мною заявлениях я указывал только лишь о Мошковском, т.к. другие сотрудники УНКВД следствие по моему делу не веди.

В связи с отсутствием у подсуд[имого] Калюжного вопросов к св[и-детелю] Васюренко освободить последнего от дальнейшего присутствия в суд. заседании.

В 17 ч. 00 м. объявлен перерыв суд. заседания до 20 ч. 00 м.

В 20 ч. 00 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Пред[седательствующий] объявил, что согласно определения Военного трибунала в суд. заседание доставлено агентурное дело «Нетронутые» для обозрения.

Пред[седательствующий] предлагает подсуд. Калюжному обозреть агентурное дело «Нетронутые» и заявить суду, на какие материалы он считает необходимым обратить внимание суда.

Оглаш[ается] л.д. 37–40 т. 3 — прот[окол] осмотра агент[у]р[ного] дела «Нетронутые».

Оглаш[ается] выписка из собственноручных показаний Мелешкова⁵⁵ от 20.XI.[19]37 г. (аг[ентурное] дело «Нетронутые»).

Оглаш[ается] постановление по аг[ентурному] делу «Нетронутые» от 4.II.[19]38 г., подписанное Берензоном, Цирульничким и Калюжным.

Оглаш[ается] выписка из показаний Молина, Лютина⁵⁶, Кочукова, Мерешкова, находяш[аяся] в аг[ентурном] деле «Нетронутые».

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ:

Учитывая то, что в деле «Нетронутые» отсутствуют материалы на Самарина и Александрова, прошу допросить свид. Цирульничкого о том, что на Самарина были присланы материалы из другой области некоего Нефедова.

На вопросы суда св[и]детель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Точно я не помню, но мне кажется, что на Самарина была не то разработка, не то показания Нефедова, где они теперь, я не знаю.

Завести аг[ентурное] дело на Самарина Берензон получил непосредственное распоряжение от н[ачальни]ка отдела Калюжного. Это

⁵⁵ У документі помилково — Мелешко.

⁵⁶ У документі помилково — Илютина.

обстоятельство может подтвердить Гольдштейн, работающая в настоящее время в обкоме КП(б)У г. Одессы, а в то время она ведала опертехникой в 4-м отделе, и она может показать, где этот материал.

Постановление о заведении аг[ентурного] дела я подписал, инициатором же заведения этого дела был Калюжный, и по его распоряжению Берензон завёл аг[ентурное] дело «Нетронутые».

Были материалы на всех лиц, т.е. Самарина, Агронского, Александрова и Иванова, или не было, я не знаю, ибо материалы готовил, а затем приносил мне на подпись Берензон.

Оснований для того, чтобы связать в к-р группу этих лиц, как это изложено в постановлении, действительно не было, но произошло это таким образом, что Берензон написал постановление, занёс его мне, и я подписал механически, т.е. не проверял всех материалов, а Калюжный подписал их, поскольку Берензон по его распоряжению завёл это дело.

Надо прямо признать, что формулировка в постановлении по агентурному делу «Нетронутые» о наличии к-р связи между перечисленными работниками КПК по Одес[ской] обл., мягко выражаясь, была нами округлена.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Мне было занесено 2 постановления — это постановление по аг[ентурному] делу «Нетронутые» и по аг[ентурному] делу «Пласты».

Я проверил все материалы, имеющиеся в деле, и на основании имевшихся в делах материалов я подписал эти постановления.

Эти постановления были написаны Берензоном и подписаны н[ачальник]ком I[-го] отделения Цирульницким.

На вопросы суда свидетель ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Показания, присланные из Красноярска, на группу лиц — быв[ших] работников КПК по Одес[ской] обл. — к моменту заведения аг[ентурного] дела «Нетронутые» были, но где они сейчас, я не знаю.

Когда были произведены первые аресты по этим делам, я не помню.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

На Канфер-Берковича материал на арест последнего был оформлен ещё в ноябре мес[яце] 1937 г., т.е. до момента, когда я вступил в обязанности нач[альника] 4[-го] отдела, но тогда Канфер-Беркович не был арестован, т.е. его не было, и пришлось его разыскивать. После того, как Канфер-Беркович был разыскан, 5.II.1938 г. Канфер-Беркович был арестован и сразу же был допрошен Цирульницким, последний получил показания от Канфер-Берковича, после чего стал вопрос, что эти показания и присланные материалы на Самарина и других подлежали реализации, т.к. сомнений уже после этого не вызывалось. Таким образом, аг[ентурная] разработка была заведена по инициативе работников отдела, в частности Берензона. Последний мне докладывал все имевшиеся материалы, и после того, как я просмотрел все эти материалы, я дал согласие на заведение агентур. дела «Нетронутые» и затем впоследствии подписал постановление как на троцкистов-двурушников, т.е. по окраске.

Носова в то время в Одессе не было, т.е. он уже выбыл из г. Одессы, и заводить на него аг[ентурное] дело не было оснований, т.к. не было

достаточных материалов. Проверку материалов о вредительстве по делу бывших работников КПК и, в частности, по делу Агронского, я не делал, т.к. аг[ентурная] разработка только лишь начала вестись, и, кроме того, этими вопросами должны были заняться следователи, ибо я следствие непосредственно не вёл и физически не мог усмотреть за всеми этими делами. Агронского допрашивал Цирульницкий, и последнему Агронский давал показания на первых же допросах.

На вопросы суда св[идетель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Агронский при допросе мне не говорил о том, что в день самоубийства Турина он, т.е. Агронский, находился в командировке в Симферополе. Если бы он сказал мне об этом, я бы проверил также это обстоятельство.

Почему он, т.е. Агронский, ранее об этом сказал Чазовой, я не знаю, но и о проверке этого обстоятельства парт. организацией КПК мне тогда известно не было.

Предоставлено слово подсуд. КАЛЮЖНОМУ для дачи объяснений по делу:

К исполнению обязанностей н[ачальни]ка 4[-го] отдела я приступил с 1 декабря 1937 г. Зам[естителя] нач[альни]ка отдела постоянного не было, а по установившейся традиции моим помощником и заместителем считался всё время нач[альник] 1[-го] отделения.

Я, не имея опыта руководящей работы, ибо перед этим я всего лишь 2 мес[яца] был заместителем нач[альника] отдела, вынужден был сразу охватить все участки работы, кстати сказать, в тот период работы было очень много.

В отделе, коего я был начальником, было 6 отделений, и сразу же после моего прихода в отдел почти все начальники отделений были переведены на другие работы, и мне пришлось работать вместо 6[-ти] нач[альников] отделений с 2-мя нач[альниками] отделений, что также отразилось на моей работе.

С первых дней моего прихода в отдел я начал ознакамливаться с делами, проходящими по 1-му отделению, где проходили бывшие ответственные работники обкома КП(б)У, обл[исполкома] и др. партийные, советские работники, и поэтому на этот участок работы я уделял очень много времени с тем, чтобы самому лично убедиться в наличии компрометирующих материалов на того или иного работника и только после этого делать соответствующие выводы.

Так, например, по группе лиц быв[ших] работников КПК.

В конце января мес. или в начале февраля 1938 г. мы получили из Красноярска, [из] УНКВД, показания Эмолина, Кочукова, Лютина, где говорилось о том, что в Одессе существует группа право-троцкистской к-р организации в КПК и что участниками этой организации являются Агронский и Винник. К этому же времени были присланы показания, откуда, сейчас не помню, некоего Нефедова на Самарина. В показаниях Нефедова говорилось о том, что Самарин является кадровым троцкистом, и что он поддерживает связь с троцкистами и до настоящего времени. Имея эти показания и, кроме того, показания Мелешкова и Заборовского, показания Рачинского на Сороковика и т.д., все эти материалы были

сконцентрированы в одно место, и было заведено агентур[ное] дело под кличкой «Нетронутые».

Арест Канфер-Берковича был подготовлен ещё в ноябре мес. 1937 г., но, т.к. он был не установлен, арест последнего был не произведён, а произведён только лишь после установления, т.е. 5.II.1938 г.

При допросе Цирульницким Канфер-Беркович дал показания о том, что Самарин, Агронский и Винник также являются участниками право-троцкистской к-р организации, на основании чего был и произведён первый арест Агронского и Сороковика, а затем позже был арестован Винник. Наличие всех этих трёх источников, т.е. показаний, и дало возможность создать дело-формуляр о группе двурушников, т.е. право-троцкистской к-р организации в КПК.

Во время ареста Агронского мы имели показания Мелешкова⁵⁷ от 20.XI.[19]37 г., Заборовского от 29.I.[19]38 г., Канфер-Берковича от 11.II.[19]38 г. и Эмолина от 22.VII.[19]37 г., полученные из Красноярска в начале 1938 г.

На Сороковика мы имели показания Рачинского от 1.I и 4.I.[19]38 г. и Канфер-Берковича от 11.II.[19]38 г., а затем последующие показания Самарина, Винника, Агронского и друг.

На Винника мы имели показания Эмолина от 22.VII.[19]37 г., пришедшие из Красноярского УНКВД в начале 1938 г., Канфера-Берковича от 17.II.[19]38 г., Агронского от 23.II.[19]38 г., а затем показания Самарина, Фрейдина⁵⁸ и др.

Перед тем, как был подготовлен и проведён арест Самарина, мы имели показания Нефедова, полученные из какой-то области РСФСР в начале 1938 г., Агронского от 23.II.1938 г., Канфера от 11–17.II.[19]38 г., на основании всех этих материалов было составлено сообщение и направлено в НКВД УССР, г. Киев, на основании чего из Киева была получена санкция на арест Самарина, и последний 27.II.[19]38 г. был арестован.

Сразу же после ареста Самарина я, вместе с быв[шим] нач[альником] УНКВД Фёдоровым, разговаривал с ним, и Самарин рассказывал о том, что он, кадровый троцкист, в 1923 г. состоял в троцкистской группировке, затем прибыл в Одессу и тут также установил связь с троцкистами. В отношении того, что Самарин является провокатором царской охранки, мы не имели никаких материалов, но когда стал вопрос об аресте Самарина, я получил его личное дело и начал хорошо изучать его. В разных анкетах Самарин писал по-разному. В одной анкете он писал, что в таком-то году он был в таком-то городе, в другой анкете он писал совершенно наоборот. Например, в одной анкете было указано, что в 1907 г. Самарин находился в Турции, и дата вступления в ВКП(б) относится также к 1907 г. В другой анкете Самарин писал, что в 1907 г. он был на Кавказе. Неправдивость его анкетных данных вызывала у меня подозрение, на основе чего я и начал детально расспрашивать его, т.е. Самарина, по всем этим вопросам. Самарин и при объяснении всех этих вопросов путался и заминался.

⁵⁷ У документі помилково — Мерешкова.

⁵⁸ У документі помилково — Фрейнина.

На мой категорический вопрос о дате вступления в партию и месте вступления Самарин сказал мне, что в партию он вступил не в 1907 г., а в 1919 г., причём Самарин рассказал мне, что в 1907 г. в Красноярске работал кружок революционных рабочих, и, зная об этом кружке, Самарин после возвращения из армии в своём селе в 1919 г., во время переписи, заявил, что он работал в этом кружке, ему поверили, и таким образом Самарин приписал себе стаж члена ВКП(б) с 1907 г., в то время как тогда он в партии не состоял.

Затем Самарин рассказал мне о том, что в 1907 г., работая мелким чиновником на почте, куда к начальнику почты часто заходил пристав Попов, с которым впоследствии познакомился Самарин. Перед одним из праздников Попов прислал в конверте Самарину 50 руб. денег в честь праздника, а затем позже Самарин был приглашён в квартиру Попова. На этой встрече Самарин и дал обязательство приставу Попову о том, что он будет выявлять политическое настроение моряков, где он имел своих знакомых. После чего Самарин и работал в охранке до 1914 г. В 1914 г. Самарин ушёл в армию и с тех пор прервал связь с охранкой и больше никогда с ней связи не поддерживал.

После всех этих разговор[ов] Самарин ушёл писать свои собственноручные показания следователю Мазуру. Таким образом, вскрыв Самарина, я считаю, что я сделал хорошее дело, т.е. я выполнил свой долг перед партией и страной.

Во время допроса к Самарину я не применял никаких физических мер, в лицо ему не плевал, и св[идетель] Мазур по этому вопросу показывает неправильно.

На вопрос суда св[идетель] МАЗУР ответил:

Калюжный плюнул Самарину в лицо, обругал его нецензурными словами, задав ему циничный вопрос: «Хочет ли он иметь половую связь с женщиной?». Самарин, почти совсем старый человек, очень возмутился и сказал Калюжному: «Какая дикость».

На вопрос суда св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

Я никому из арестованных в лицо не плевал, об этом никто не говорил, за исключением свид[етеля] Васюренко, показания которого являются также неправильными.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Почему быв[шие] подследственные говорят о том, что их оплёвывали во время допросов, я не знаю, возможно, они об этом сговорились, будучи в тюрьме.

Продолжение объяснений подсуд. КАЛЮЖНОГО:

10 марта [1938 г.], т.е. через 11 дней после ареста, Самарин по требованию НКВД УССР был зачислен за НКВД УССР и направлен в г. Киев, где Самарин продолжал давать свои показания, имел там очные ставки и продолжал давать показания как на себя, так и на других.

По всем материалам, добытым в Киеве, Самарин был предан суду и там же, в Киеве, осуждён.

После ареста Самарина, 6 марта 1938 г., был арестован Фрейдин⁵⁹, на которого имелись показания Канфер-Берковича от 17.II.[19]38 г., Агронского от 23.II.[19]38 г. и свид[етеля] Золиной от 22.XI.[19]37 г., следствие по коему вёл Берензон, а затем эти же показания были подтверждены показаниями Сороковика и других.

В отношении Васюренко мы имели показания Вывихвиста от 20.V.1938 г., кроме того, Васюренко было выражено политическое недоверие на Одесск[ой] горпартконференции. Я об этом доложил быв[шему] начальнику УНКВД Киселёву, и последний мне сказал: «Раз выражено политическое недоверие, нужно арестовать», и поэтому на основании распоряжения Киселёва Васюренко был арестован.

Справка на арест Шпака была составлена на основании показаний Сороковика и Вывихвиста, после чего Шпак и был арестован. Должен сказать, что при мне никто из этих лиц суду не был предан. Все дела находились только лишь в производстве. Я непосредственно следствие по этим делам не вёл. Следствие вели Степанский, Цирульницкий, Берензон, Мошковский и частично Мазур. Правда, один-единственный раз я допрашивал только лишь Самарина, и то протокола не писал, а после моего разговора с ним Самарин ушёл писать свои собственноручные показания.

В то время мы верили показаниям, которые давали арестованные, ибо, кроме самих арестованных, давали такие же показания и другие. Кроме того, я выехал из Одессы 9.VII.1938 г., а дела всё ещё оставались в производстве, и поэтому нести ответственность за исход следствия и за качество следствия по группе этих лиц я не могу.

По делу Баргера и Сенкевича.

Некий Олейников дал показания о том, что Сенкевич не боролся за чистоту партийной организации, что Сенкевич исключён из членов ВКП(б) за провал финансового плана по области и ещё что-то, точно не помню, на основании этих материалов 3.VII.[19]38 г. и был арестован Сенкевич. На второй же день после ареста Сенкевич начал давать показания о том, что он — участник «Област[ного] к-р центра правых», и что он занимался вредительской деятельностью, будучи зав[едующим] обл. финотделом. На основании показаний Сенкевича 6 июля 1938 г. был арестован Баргер, а 7 июля — Харченко.

Баргер при мне не давал никаких показаний, и только лишь после того, как я выехал из Одессы, Баргер начал давать свои показания и подтверждать те показания, которые давал на него Сенкевич. Должен сказать, что как Сенкевич, так и Баргер, на следствии писали собственноручные показания, и та ссылка, что им диктовали, что писать, следователи, является неправильной. Ни к Баргеру, ни к Сенкевичу никакие физические меры воздействия не применялись ни с моей стороны, ни со стороны следователей, по делу Баргера и Сенкевича не применялось ничего, возможно, был единственный недостаток в следствии — малоопытность следственного аппарата.

⁵⁹ У документі помилково — Фейдин.

Я же, как нач[альник] отдела, за каждым следственным делом усмотреть не мог, ибо тогда было очень много следственных дел. Я был один, без заместителя. Никто из следователей не сказал, что на него был нажим с моей стороны, это также не установлено и в суд. заседании.

Сенкевич и Баргер, будучи обиженными за то, что они сидели и находились под арестом, в суд. заседании говорили сплошную ложь, неправду, и поэтому прошу суд всесторонне отнестись к их показаниям.

Те показания, которые говорят о том, что в результате сигналов о незаконных методах следствия в УНКВД мы начали производить аресты бывших сотрудников КПК, являются также неправильными, ибо жалоба арестованной Бондаренко об извращении методов следствия была направлена Чазовой, и последняя дала ход этой жалобе, если это было бы так, то в первую очередь мы должны были бы арестовать Чазову. Между тем как Чазову мы не арестовывали, ибо на неё мы не имели никаких материалов. В суд. заседании не приведено ни одного факта, говорящего о том, что КПК имело сигнализацию об извращении методов следствия в УНКВД, за исключением одного заявления арестованной Бондаренко, и то относящегося не к обл[астному] УНКВД, а к РО НКВД.

Исключительно все дела, по коим мы вели следствие, а затем должны были пойти эти дела на Военную коллегию, просматривались не только в УНКВД Одесской области, они просматривались в НКВД УССР, в НКВД СССР и, наконец, в Главной военной прокуратуре Союза ССР.

Наши сотрудники эти дела докладывали только в НКВД УССР, затем в других инстанциях дела докладывали другие лица, и поэтому должен сказать, что с нашей стороны никакого нажима на эти дела не было, мы верили в признание самих арестованных, а также в показания свидетелей. В это верили не только мы, но в это верили и более опытные люди, работавшие в НКВД СССР и Главной военной прокуратуре, ибо, если бы они видели неполноту дела или фальсификацию, они бы возвратили нам дела на доследование, чего не было сделано.

По первому пункту обвинит[ельного] заключения мне инкриминируется то, что по моему распоряжению был арестован Канфер-Беркович. Это обвинение не соответствует материалам дела, т.к. арест на Канфер-Берковича был оформлен ещё в ноябре мес. 1937 г., я ещё тогда не был нач[альни]ком отдела. Кроме того, в деле говорится о том, что Канфер-Беркович давал показания под влиянием применения к нему физических мер воздействия, что не подтвердилось показаниями свидетелей в суд. заседании. В суд. заседании проходивший как свидетель Шпак дал показания, что он суду не предавался, а освобождён до суда, таким образом, этот пункт обвинит[ельного] заключения, т.е. о том, что приговор не был приведён в исполнение в отношении Шпака и Александра по не зависящим причинам от Калужного, также не отвечает действительности, ибо приговора как такового не было.

В отношении ареста Баргер[а] и Сенкевича в деле имеется постановление о прекращении их дел, где указано, какие на них были материалы, то, что они, возможно, были недостаточные, — это уже совершенно другое дело, но эти материалы были, и на основе их Баргер и Сенкевич были

арестованы. Кроме того, следствие по их делам велось тогда, когда я уже не работал в г. Одессе, и поэтому я считаю, что этот пункт обвинительного заключения также не соответствует материалам дела.

Дьячишин был арестован 28.V.[19]38 г. после получения директивы НКВД УССР с приложением схемы и показаний. Сначала эта директива поступила в З[-й] отдел, и после ознакомления с ней там, т.е. в З[-ем] отделе, она была передана в наш отдел.

Я, как нач. отдела, созвал совещание оперативных работников своего отдела и предложил взять на учёт всех бывших партизан и проверить их по учётам. В основном вся эта работа была возложена на н[ачальни]ка 5[-го] отделения Львова. Последний подобрал все материалы на Дьячишина, они исходили из материалов парт. расследования о Дьячишине, последний характеризовался как разложившийся элемент, алкоголик, как анти-советский тип. Были также материалы о том, что он имел связь с Якиром, служил у белых и т.д. В разрезе этих материалов было сформулировано и решение бюро Ворошиловского РК КП(б)У об исключении Дьячишина из партии. Все эти данные подходили к ориентировке, которая была прислана вместе с директивой НКВД УССР, и на основании этого Дьячишин был арестован, причём постановление об аресте Дьячишина было написано начальником отделения Львовым.

Следствие по делу Дьячишина вёл Львов, и 10.VI.[19]38 г. Львов доложил мне о том, что Дьячишин дал ему показания о связи его с Якиром, последний его завербовал, и он поддерживал с ним связь до последнего времени.

Дальше Дьячишин показывал о том, что когда его, т.е. Дьячишина, исключили из партии, то в это вмешался Якир, в результате чего он, Дьячишин, был восстановлен в партии. Это было в 1934 г.

Это обстоятельство, правда, я не проверял, т.к. следствие по делу Дьячишина велось З[-м] отделом, и они должны были заняться этим вопросом и уточнить это. При каких обстоятельствах Дьячишин был завербован Якиром, детально я не знаю, но я слышал от других о том, что будучи в Киеве, Дьячишин зашёл к Якиру, жаловался последнему о том, что на него нажимают, отстраняют от руководства и т.д. Якир поддерживал его нездоровые настроения, и в процессе беседы Якир предложил Дьячишину, чтобы последний организовывал земляческие повстанческие группы, говоря о том, что эти группы ещё нам нужны будут. Но, эти разговоры я слышал от других, детально этого вопроса я не знаю.

Дьячишина я не допрашивал, следствие по его делу велось в З[-м] отделе, там же составлялось и обвинительное заключение, откуда дело Дьячишина было передано на тройку тогда, когда я уже в Одессе не работал.

Кроме того, согласно справки особоуполномоченного УНКВД по Одесской обл., имеющейся в деле — л.д. 232 т. 2, по показаниям Дьячишина никто не арестовывался. Дьячишин дал показания на Галеско, но Галеско был арестован не по показаниям Дьячишина, а других лиц, и, кроме того, Галеско был арестован раньше Дьячишина, поэтому и этот пункт

обвинительного заключения, инкриминируемый мне, не соответствует действительности.

В отношении бывшего директора Одесского театра оперы и балета Пашина: на последнего мы имели показания Тульского от 16.VIII.[19]37 г. о том, что Пашин является участником право-троцкистской к-р организации, кроме того, было ещё заведено дело-формуляр на Пашина. Мне принесли все эти материалы с составленной справкой на арест Пашина, но я не согласился подписать справку на арест, а, посоветовавшись с Цирульницким и быв[шим] начальником УНКВД Киселёвым⁶⁰ по вопросу о целесообразности завербовать Пашина, и по разрешению Киселёва Пашин мною был завербован как агент и находился лично у меня на связи около 6 мес[яцев].

Пашин сначала не хотел вербоваться, но, когда я показал ему имевшиеся к этому времени показания на него, т.е. показания Тульского от 16.VIII.[19]37 г.⁶¹, Большунова от 16.IX.[19]37 г., и, кроме того, я начал требовать, чтобы он сознался в том, что он — участник к-р организации. Пашин на допросе от 26.XII.[19]37 г. сознался мне в том, что он действительно является участником к-р организации. Затем, 29.XII.[19]37 г., я вызвал к себе Пашина и предложил ему или же завербоваться, или же он будет арестован.

Никаких угроз к Пашину я не применял и расстрелом его не запугивал. Пашин согласился завербоваться, причём, будучи у меня на связи, Пашин давал очень ценные материалы.

Затем, когда я выехал из Одессы, Пашин был на связи у Тягина, Цирульницкого и других. Впоследствии Пашин был развербован и отказался от ранее данных им показаний, мотивируя тем, что он дал показания под угрозой.

По делу с/с «Беба»

«Беба» — это бывший агент по сионистам, причём не работавшая с начала 1935 г. По материалам личного дела было видно о том, что за последнее время она почти прекратила давать материалы. На протяжении последних двух лет от агента «Беба» ни одного материала не поступило.

Арестованный Беккер назвал Вайнштейна и «Беба» как активных участников сионистского подполья. Об этом мне доложил Тягин.

На основании этого я дал распоряжение произвести [в]неочередную встречу с агентом «Беба» на конспиративной квартире, где я также присутствовал. С агентом «Беба» я поговорил о состоянии работы вообще, а Тягин тогда же допросил её как агента, где агент «Беба» дала показания на Беккера и Вайнштейна, т.е. на тех лиц, которые показывали о ней. Никаких других показаний агент «Беба» не давала. Агент «Беба» о своём муже ничего не говорила, притом как муж её, нелегалыщик, был связан с центральным штабом сионистов, правда, она говорила только лишь, что её муж настроен троцкистскими идеями и больше ничего.

⁶⁰ Тут і при наступному згадувані прізвища у документі помилково — Кузнецовым, Кузнецова.

⁶¹ У документі помилково — 38 г.

Затем, когда агент «Беба» была арестована, 17.III.1938 г. она дала показания на 30 чел. Все, кто были названы агентом «Беба», являлись самыми активными сионистами, начиная с 1925 г. и до последнего времени не прекращали своей деятельности. Между тем как до ареста агент «Беба» дала материалы только лишь на 6 чел. Это уже говорит о нечестности её, и поэтому я считаю, что агент «Беба» была арестована правильно, а дней через 20 после ареста по требованию НКВД УССР агент «Беба» была направлена в Киев и там содержалась под стражей также около одного года. Мне кажется, если бы агент «Беба» была арестована безосновательно, её бы не держали под арестом около одного года в Киеве.

О быв[ших] сотрудниках НКВД БОРИСОВЕ и ЗАКГЕЙМЕ

Борисов был арестован в мае мес. 1938 г. на основании присланной справки с компрометирующими материалами Борисова. Причём на справке, присланной из НКВД УССР, была написана резолюция Успенского: «Арестовать», на основании чего Борисов был арестован.

Следствие по делу Борисова вёл Тягин, никаких заявлений мне от Борисова не поступало. Правда, Тягин говорил мне о том, что он применял к Борисову физические меры воздействия, но я не видел этого, и Борисов мне об этом также не говорил.

Кроме того, Тягин говорил мне, что Буркин, который замещал меня, написал Тягину о том, что Борисова бить до тех пор, пока он даст показания, но это — ложь, неправда, выпущенная в свет Тягиным. Никакой резолюции Буркина не было, и как я, так и Буркин Тягину не давали установки бить Борисова.

В отношении Закгейма дело было таким образом: на основании полученной шифр-телеграммы в марте или феврале месяце 1938 г. из НКВД УССР нужно было произвести арест 12 чел.— работников УНКВД — и немедленно этапом направить их в Киев.

Выполняя это распоряжение, все указанные сотрудники были арестованы и направлены в НКВД УССР, в г. Киев.

В число этих арестованных попал и Шабс, работавший в секретариате УНКВД по Одесской обл. Шабс при допросе показал на Закгейма как на участника троцкистской организации. На основании этих показаний была получена шифр-телеграмма из НКВД УССР с требованием немедленно арестовать Закгейма, что и было сделано.

Следствие по делу Закгейма велось следственной группой, существовавшей при нач[альнике] УНКВД Киселёве, последний и руководил следствием по делу Закгейма. Затем Тягин доложил мне, что Закгейм отрицает то, что он — участник троцкистской организации, а показывает о том, что он принадлежит и является членом сионистской организации. Причём Закгейм рассказывал очень подробно о своём участии в сионистской организации. Закгейм рассказывал о том, что он вёл несколько следственных дел по сионистам и, пользуясь служебным положением, освобождал некоторых. Кого он освободил, я сейчас фамилии не помню, но он называл этих лиц, проверкой же этих вопросов я также не занимался.

Впоследствии как Закгейм, так и Борисов, были освобождены, но я ещё раз заявляю о том, что к их аресту я не имел никакого отношения,

и эта часть предъявленного мне обвинения должна полностью отпасть, ибо аресты Борисова и Закгейма были произведены по прямым указаниям НКВД УССР, следствие по их делам я также не вёл и не руководил [им].

Оглаш[ается] л.д. 177–178 т. 2 — справка на Закгейма и Борисова.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Так было написано в показаниях, полученных на Закгейма и на Борисова, и на основании этих показаний это было написано в справках. Никакой здесь фальсификации с моей стороны нет.

В части ареста лиц, принадлежащих к эсерам:

В обвинит[ельном] заключении говорится об аресте 18 чел. быв[ших] эсеров, между тем, как было арестовано всего лишь 6 чел.

Эти 6 чел. были арестованы на основании материалов, имевшихся в делах-формулярах. Никакая фальсификация с моей стороны в части составления справок на арест бывших эсеров не была применена.

Все справки на арест бывших эсеров составлялись Тягиным после того, как все материалы были проверены, и затем докладывал мне эти материалы, на основе чего я и подписывал справки на арест.

Кроме того, следствие по делам бывших эсеров велось тогда, когда я уже выбыл из г. Одессы, и поэтому нести ответственность за то, что их неправильно арестовали, я не могу, ибо в процессе следствия на часть этих людей материалы не подтвердились, и они были освобождены, а часть из них была осуждена.

В отношении ареста выходцев из бундовской организации:

В первой половине апреля мес. 1938 г. была получена директива из НКВД УССР с приказанием немедленно развернуть операцию по бундовцам, о чем имеется выписка на л.д. 312 т. 3.

На основании этой директивы мы обязаны были развернуть операцию и арест тех лиц, которые подходили под ориентировку, указываемую в данной директиве. На основании директивы Тягин представил мне 3 справки, первая — на Кушнир, вторая — Брук-Буркова⁶² и на Лидовского.

Кушнир — бывший бундовец с 1903 г. по 1918 г., активный бундовец. Лидовский, также активный бундовец, находился некоторое время в Германии, последний не был принят в ряды ВКП(б) как выходец из других партий.

В части того, что в справках на арест Лидовского и Кушнир[а] было дописано: «Является участником к-р подпольной бундовской организации», таких материалов действительно не было, и это было сфальсифицировано Тягиным. Кроме того, были арестованы также Левин, Штеренгерц и друг., но на всех их были агентурные материалы либо свидетельские показания. Однако, несмотря на то, что Штеренгерц, являясь кадровым троцкистом, что он использовал газету в троцкистских целях, исключён из партии как троцкист, и, несмотря на всё это, дело Штеренгерц[а] было прекращено. Это — право того, кто прекращал, но я бы такое дело никогда бы не прекратил.

Кроме того, обвинительное заключение по бундовцам подписывалось не мною, а Буркиным.

⁶² У документі помилково — Бруко-Буркович.

В 1 ч. 15 м. объявлен перерыв суд. заседания.

В 1 ч. 25 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

О сионистах:

На основании директивы от 23.II.1938 г., полученной из НКВД УССР, копия последней имеется в деле на л.д. 311 т. 2, было приказано немедленно развернуть операцию по сионистам, причём в первую очередь арестовать подходящих по признакам, указанным в директиве. Пышный, выполнявший этот участок работы, подобрал все материалы и составил справки на 22 чел. Причём справка на арест одного человека подписана Тягиным за нач[альника] 4-го отдела⁶³, т.е. меня.

Согласно составленных справок на арест Пышным были арестованы Герберг Фаня, Кац, Соснов, член горкомитета сионистов, исключённый из ВКП(б) за принадлежность к сионистам в 1925 г., Винник, активный сионист, в 1922 г. пытавшийся уйти за границу, в связи с чем исключён из членов ВКП(б). Бромберг, на последнего имелось дело-формуляр, Кенгеров, Гефман, Уманский — активный сионист, распространявший сионистскую литературу, и т.д.

Таким образом, все справки на арест сионистов были составлены Пышным в соответствии с имевшимися материалами, как стало мне известно только лишь на следствии, Тягин дал распоряжение Пышному дописать в справках на арест: «Является участником к-р организации». Таким образом, Тягин подводил меня, давая мне на подпись эти справки, указывая на то, что они сверены с фактическим материалом, также Тягин подводил и Буркина, который подтвердил это в суд. заседании. Однако, при мне ни одного показания от этих арестованных не было получено, это подтверждается обзором, имеющимся в деле в части Уманского и других, которые дали показания только лишь в августе мес. 1938 г.

Кроме того, несколько человек из этих арестованных были осуждены особым совещанием к лишению свободы уже в 1939 г.

Следствие по этим делам велось без меня, как оно велось, я не знаю, и поэтому этот пункт обвинения, т.е. об искусственном объединении в группу лиц, не связанных к-р деятельностью, и в части фальсификации этих дел, от меня должен вообще отпасть, ибо я к этим делам никакого отношения не имел, за исключением того, что я подписал справку на их арест.

В 2 ч. 25 м. объявлен перерыв суд. заседания до 11 ч. [26.XII.1940 г.]

В 11 ч. 26.XII.[1940 г.] суд. заседание объявлено продолжающимся.

Продолжение объяснения подсуд. КАЛЮЖНОГО:

В обвинительном заключении указано о том, что 14 ч[ел.] из арестованных сионистов тройкой были осуждены к ВМН, но приговора не были приведены в исполнение. Я же заявляю о том, что следствие по делам сионистов велось и заканчивалось после моего отъезда из г. Одессы. Дела на тройке были заслушаны в ноябре мес. 1938 г., т.е. через 4 мес. после моего отъезда из г. Одессы. Это подтверждено в суд. заседании свид. Буркиным, а также имеющимися в деле показаниями Пышного, поэтому настоящий пункт обвинения мне ничем не обоснован.

⁶³ У документі помилково — отделения.

Об анархистах и меньшевиках:

По отношению меньшевиков и анархистов были произведены аресты на основании имевшихся архивных материалов, и в соответствии материалов были составлены справки на арест этих лиц, так, например: Дубинин — активный меньшевик с 1904 г., Котолуб — активный меньшевик с 1905 г., несколько раз арестовывался и т.д. Кроме того, было арестовано 5 чел. анархистов также на основе составленных справок в соответствии с материалами, имевшимися на них, например, Беренштейн, активный анархист, на последнего имелось дело-формуляр и агент[урная] разработка. Мартынов, на коего также было дело-формуляр, агентурные материалы, имел явочную квартиру в 1905 г. и т.д. Все эти анархисты осуждены особым совещанием при НКВД СССР в 1939 г.

Я никогда не стоял за то, чтобы арестовывать людей без наличия компрометирующих материалов. Это можно подтвердить хотя бы и тем, что только при моём вмешательстве не были арестованы доктор технических наук, профессор Добровольский, доктор медицинских наук Стефанский, быв. директор Январского завода⁶⁴ Романов и друг. По моей инициативе были освобождены из под ареста несколько работников, случайно попавших под арест. Кроме того, в архивных делах можно найти десятки готовых написанных справок на арест, но мною эти справки не подписаны из-за того, что в делах не было достаточно компрометирующих материалов.

Всё это говорит о том, что я не злоупотреблял своим служебным положением, не старался выслужиться перед «начальством», я поступал так, как подсказывала мне моя пролетарская совесть.

Те контрольные цифры, о которых говорили свидетели в суд. заседании, являются сплошной ложью, неправдой, никогда контрольной цифры 1000 чел. и 1500 чел. я ни перед кем не ставил. Возможно, свидетели путают это обстоятельство с вопросом поднятия архивных материалов. Действительно, были разговоры о том, чтобы поднять и пересмотреть все архивные дела, коих у нас было около 2000. Но, устанавливая контрольную цифру на арест 1000 чел или 1500 чел. я никогда никому не устанавливал. Кроме того, были также случаи, когда во время работы тройки регламентировали представление дел по отделам, т.е. каждому отделу разрешалось подготовить столько то дел на тройку, но и эти цифры никогда не превышали 50–60 дел, откуда свидетели взяли цифру 1000 и 1500 чел., я не знаю и говорю, что это неправда.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Я считаю, что те материалы, которые были у нас, и те показания, которые давали сами арестованные, не внушали у нас тогда сомнения. У меня и сейчас нет оснований сказать об основательности или неосновательности ареста Васюренко.

В отношении Васюренко до горпартконференции компрометирующих материалов не было, но в отношении Шпака до горпартконференции материалы были.

⁶⁴ Йдется про Одеський кранобудівний завод ім. Січневого повстання.

После того, как Васюренко было выражено политическое недоверие на горпартконференции, быв[ший] нач[альник] УНКВД Киселёв приказал мне доложить ему имеющиеся материалы на Васюренко. Я доложил Киселёву показания Вывихвист[а] на Васюренко, и на основании распоряжения Киселёва Васюренко был арестован нашим отделом как участник право-троцкистской к-р организации.

На вопросы суда св[идетель] МОШКОВСКИЙ ответил:

На справке на арест Васюренко была санкция обкома КП(б)У, и, кроме того, были какие-то показания, но чьи были показания на Васюренко, я теперь не помню.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Справку на арест Васюренко подписывал я. Эта справка была составлена опертехником Гольдштейн, ныне работающей в обкоме КП(б)У. Справка составлялась на основании имевшихся к тому времени материалов. Для подтверждения этого прошу вызвать и допросить в суд. заседании по этому вопросу Гольдштейн.

Заслушав ходатайство подсуд. КАЛЮЖНОГО о вызове в суд. заседании в качестве свид[етеля] Гольдштейн и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Учитывая, что Гольдштейн, являясь техническим работником, и что последняя всю работу выполняла согласно распоряжений нач[альников] отделений и нач[альника] отдела, считать нецелесообразным вызов в суд. заседание Гольдштейн, и заявленное ходатайство подсуд. Калюжного отклонить.

Одновременно затребовать для приобщения к делу Калюжного копию заключения военного прокурора ОДВО по проверке дел КПК и, в частности, дела по обвинению Васюренко.

Подсуд. КАЛЮЖНЫЙ:

Несмотря на то, что мне уже было отказано об истребовании аттестаций-характеристик на секретного сотрудника «Беба», я всё же прошу ещё раз обсудить это ходатайство и удовлетворить его.

Выслушав вторично заявленное ходатайство подсуд. Калюжным об истребовании аттестаций на агента «Беба» и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Во изменение ранее вынесенного определения Военного трибунала истребовать в первом спец. отделе УГБ [У]НКВД по Одес[ской] обл. аттестации-характеристики на агента «Беба» для обозрения их в суд. заседании.

В 12 ч. 30 м. объявлен перерыв суд. заседания.

В 13 ч. 10 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Пред[седательствующий] огласил, что согласно определения Военного трибунала в суд. заседание доставлены аттестации-характеристики на агента «Беба», из коих видно, что один документ, т.е. письмо, направляемое из Одесского УНКВД в НКВД УССР [в] г. Киев от 19.X.1934 г. № 551472 за подписью зам[естителя] нач[альника] УНКВД Гришина⁶⁵ и нач[альника] СПО Бабича, где речь идёт относительно неполной откровенности агента «Беба» по сионистам и её попытке добиться поездки

⁶⁵ Идётся про Г. Гришина-Клюванта.

вместе со своим мужем в Палестину для проведения работы в подполье как коммунистке и попутно для того, чтобы переубедить Володю (мужа⁶⁶) во взглядах, после чего возвратиться в СССР.

Кроме того, другой документ, направляемый из НКВД УССР, г. Киев, в НКВД СССР, г. Москва, от 19.XI.1934 г., где освещаются эти же вопросы об агенте «Беба», причём в этом же сообщении указывается, что основным источником по сионистам является агент «Беба» и что, поскольку «Беба» при нынешних настроениях не сможет обеспечить полную разработку дела, а поэтому произвести полную оперативную ликвидацию группы и необходимость ареста «Бебы» во избежание её провала.

Кроме того, суду предоставлена справка об агенте «Беба» за 1940 г. от 26.XII.1940 г.

Никаких других материалов на агента «Беба» в её деле не обнаружено.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Представленную справку на агента «Беба» от 26.XII.1940 г. приобщить к делу Калюжного в закрытом пакете.

На вопросы суда подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Я ещё раз заявляю, что, начиная с 1935 г., на протяжении около 2-х лет агент «Беба» никаких агентурных материалов не давала, по-видимому, она испугалась ареста и уже в 1940 г. начала давать материалы, о чём свидетельствует справка за 1940 г.

Пред[седательствующий] огласил полученное отношение Воен[ного] прокурора ОДВО от 26.XII.1940 г. № 002708 по вопросу заключения военного прокурора по делу быв. работников КПК и, в частности, Самарина.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Представленную справку Военного прокурора ОДВО от 26.XII.[19]40 г. № 002708 согласно определения Воен. трибунала приобщить к делу по обвинению Калюжного.

Продолжение объяснений подсуд. КАЛЮЖНОГО:

После моего отъезда из г. Одессы следствие по делу быв[ших] работников КПК продолжалось, а поэтому за окончательный результат следствия и предание арестованных суду я не могу нести ответственность, тем более, что суд по этому делу состоялся через 3 мес. после моего отъезда.

Дело Самарина через 11 дней после его ареста было направлено в НКВД УССР, где велось следствие, и где он, т.е. Самарин, в октябре мес. 1938 г. был предан суду. После моего отъезда из г. Одессы никакого отношения уже к этим делам и к делу Самарина я не имел.

Одновременно прошу ещё раз обсудить моё ходатайство о вызове в суд. заседание быв[шего] опертех[нического] работника Гольдштейн, и допросить её по вопросу составления справок на арест.

Обсудив вторично заявленное ходатайство подсуд. КАЛЮЖНОГО о вызове дополнительно в качестве свидетеля Гольдштейн и совещаясь на месте,

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Удовлетворить заявленное ходатайство подсуд[имого] Калюжного, вызвать и допросить в суд[ебном] заседании в качестве

⁶⁶ Чоловік «Беби» — Абрам Вайнштейн, за даними УНКВС по Одеській області, був активним сіоністом і мешкав в Одесі фактично на нелегальному становищі під іншим прізвищем.

дополнительного свидетеля Гольдштейн. Одновременно возратить после обозрения в суд[ебном] заседании и по миновании надобности в 1[-й] спецотдел УНКВД по Одес[ской] обл. материалы об агенте «Беба», архивно-следственное дело Капельника, архивно-след[ственное] дело Баргера, Сенкевича и др., а также агент[урное] дело «Нетронутые».

В 14 ч. 00 [м.] объявлен перерыв суд. заседания.

В 15 ч. 10 м. суд. заседание объявлено продолжающимся.

Предоставлено слово свид[етелю] ЧАЗОВОЙ для дачи справки:

25.П.[19]38 г. дело Житомирского было сдано в архив в связи с тем, что последний был арестован. У Калюжного я была в начале февраля мес. 1938 г., и он дал мне письменное объяснение на Житомирского.

Оглаш[ается] документ от 7.П.[19]38 г., адресованный на имя секретаря КПК по Одесской обл., исходящий из обл[астного] УНКВД [по] Одесск[ой] обл., за подписью секретаря парткомитета Калюжного по вопросу Житомирского.

Секретарь доложил, что согласно определения ВТ явилась вызываемая в качестве свидетеля Гольдштейн.

Свид[етель] ГОЛЬДШТЕЙН Фаня Давыдовна, 1910 г. рожд., служащая, член ВКП(б) с 1937 г., в органах НКВД работала с 1931 по 1938 г., в настоящее время работаю в обкоме КП(б)У г. Одесса, предупреждена об ответственности за дачу суду ложных показаний.

На вопросы подсуд[имого] КАЛЮЖНОГО св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Все справки на арест мною составлены, также и подписывались мною. Те справки, которые мною не подписаны, они мною и не составлялись. Справки я составляла на основании показаний арестованных, записанных в протоколах допроса.

Пред[седательствующий] предъявил для обозрения св[идетелю] Гольдштейн справку на арест Шпака — л.д. 53 т. 3.

Свид[етель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Я не помню, возможно, эту справку составляла и я.

Все справки составлялись на основании протоколов, где были записаны показания арестованных. Установку на составление справок из показаний, записанных в протоколе допроса, давал мне начальник отдела Калюжный.

Баргер и Сенкевич были арестованы не при мне. Сейчас я точно не помню, но, возможно, что справки на арест Самарина и Агронского составлялись мною.

Оглаш[ается] л.д. 41 т. 3, протокол осмотра архив[но]-следст[венного] дела [№] 46153.

Свид[етель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Да, тогда, значит, справку на арест и постановление на Самарина составляла я. Но их составляла на основании показаний арестованных, записанных в протоколе допроса. Весь протокол допроса я не читала, т.к. было много случаев, когда мне протокол полностью не давался, а давались только лишь выписки из протоколов.

На вопросы подсуд[имого] КАЛЮЖНОГО св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Составлять справки таким порядком, т.е. на основании показаний, имевшихся в протоколах допроса, меня заставляли как начальники отделений, так и начальник отдела Калюжный.

Да, были случаи, когда нам присылали показания и из других областей, но, в частности, были ли присланы показания Нефедова на Самарина, теперь я уже точно не помню, возможно, они и были присланы.

Запрос на Носова я не делала, я помню только, что Носов проходил по показаниям арестованных, но его в то время в Одессе не было, где он был, я не знаю. Теперь, работая в обкоме КП(б)У, я узнала, что Носов — быв[ший] работник КПК и выбыл в г. Москву.

Да, я припоминаю случай, когда в то время говорили некоторые сотрудники УНКВД о том, что Носов давно арестован и даже уже осуждён, но правильно ли это было или нет, я не знаю.

Никакого запроса о Носове я не делала, и мне никто этого не поручал.

Да, я помню, что составлялся список на лиц, подлежащих аресту. Этот список составлялся также на основании тех показаний, которые давали арестованные при допросах. Составляла этот список я по распоряжению Калюжного, и последний подписывал этот список.

Список составлялся на 4.І.[19]38 г., но, по мере поступления материалов, в этот список я дописывала от руки тех лиц, на кого поступал компрометирующий материал.

Предъявлен для обозрения св[идетелю] Гольдштейн список на лиц, подлежащих аресту на 4.І.[19]38 г.

Св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Да, это я дописывала от руки по мере того, как поступали материалы, т.е. показания арестованных. Это я делала на основании распоряжений как начальников отделений, так и н[ачальни]ка отдела Калюжного.

По своей инициативе никого в этот список я не дописывала. Я дописывала лишь по распоряжениям либо нач[альников] отделений, либо н[ачальни]ка отдела Калюжного, либо же ст[аршего] оперуполномоченного.

На вопросы суда св[идетель] ЦИРУЛЬНИЦКИЙ ответил:

Ежедневно указаний о том, чтобы включать в этот список того или другого человека, не давалось.

Существовала такая система, что работники, получавшие при допросах материалы, т.е. показания, передавали их в группу техники, а Гольдштейн, работавшая на этом участке работы, заносила в этот список лиц, на коих поступали показания.

На лиц, дописанных рукой Гольдштейн, никакого распоряжения она, т.е. Гольдштейн, не получала, она их дописала сама по своей инициативе или же механически.

На вопросы суда св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Лиц, подлежащих аресту, я не намечала, ибо я не имела на это никакого права. Все лица, подлежащие аресту, намечались н[ачальни]ком отделения и согласовывались с н[ачальни]ком отдела, поэтому по своей инициативе никого в список лиц, подлежащих аресту на 4.І.[19]38 г.,

я не заносила. Я могла их дописать и я дописывала их только лишь по распоряжениям, которые мне давали как нач[альники] отделений, так и нач[альник] отдела Калюжный.

Было также очень много справок, составленных на арест, но материалов было недостаточно, и поэтому по изготовленным справкам люди не арестовывались, таких справок в архиве можно найти очень много.

Да, в этот список могли быть включены и лица, проходящие по делу-формуляр[у], но это снова же делалось по распоряжению либо н[ачальни]ков отделений, либо н[ачальни]ка отдела.

Пред[седательству]ющий предъявил подсуд. Калюжному список на лиц, подлежащих аресту на 4.І.[19]38 г. с отметкой І[-го] спецотдела.

Подсуд[имый] КАЛЮЖНЫЙ:

Прошу мою подпись перенести и считать её перед теми лицами, которые были дописаны рукой Гольдштейн, ибо этот список в таком случае не будет соответствовать дате 4.І.[19]38 г.

На вопросы суда св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

Фамилии Елин в этом списке я ещё не записывала.

На вопросы суда св[идетель] ГОЛЬДШТЕЙН ответила:

После того, как Калюжный выехал из г. Одессы, в этот список я никого больше не записывала.

Кроме того, должна сказать, что этот список не был официальным документом, а это был черновой список.

Ввиду отсутствия у подсуд. Калюжного и у суда вопросов к св[идетелю] Гольдштейн, освободить последнюю от дальнейшего присутствия в суд. заседании.

На вопрос пред[седательству]ющего, чем ещё может подсуд[имый] Калюжный дополнить суд. следствие, подсуд. КАЛЮЖНЫЙ ответил:

Дополнить суд. следствие больше ничем не имею.

ВТ ОПРЕДЕЛИЛ: Суд[ебное] следствие считать законченным.

Предоставлено последнее слово подсуд[имому] КАЛЮЖНОМУ:

Родился я в 1905 г. в г. Одесса в семье бедного рабочего. Я был ещё совсем малым, как умер мой отец, и я так, как и другие мои братья и сёстры, вынужден был ходить по улице и просить кусок хлеба. Не было ещё мне и десяти лет, как я вынужден пойти на работу по промывке и чистке котлов на пароходах, где и проработал около 3-х лет. С 13-ти лет я ушёл работать с приобретённой мною маленькой специальностью слесаря по мастерским, так, например, в мастерской паровой мельницы, затем — в МТС и др. мастерские. Все мои юношеские годы прошли в тяжёлых как материальных, так и культурно-бытовых условиях жизни, в отношении учёбы я даже и думать не мог. Большую часть своей жизни я провёл в сельской местности, ибо в городе работать я не мог из-за отсутствия жилплощади. С 1920 г. я являлся членом ВЛКСМ, где с первых дней принимал самое активное участие в работе, в результате чего, будучи 16-лет[ним] юношей, я был уже секретарём волкома⁶⁷ ВЛКСМ и с этих пор всё время работал на руководящей работе вплоть до 1926 г.

⁶⁷ Волком — волосний комітет.

В 1925 г. я вступил в кандидаты ВКП(б) и, будучи затем членом партии, был переброшен с комсомольской работы на профсоюзную работу, где и работал до момента прихода на работу в органы НКВД.

Работая в органах НКВД, мне приходилось вести самую жестокую борьбу с врагами, так, например, в период коллективизации на селе мне пришлось вести борьбу по разгрому кулацких восстаний, причём эти восстания набирали такой силы и остроты, что нужно было применить оружие, что и было сделано во многих районах. Я же, несмотря на то, что имел в своём распоряжении отряд всадников, сумел организовать работу так, что восстание было ликвидировано без применения этой силы, т.е. без кровопролития.

Аналогичное же восстание мною было ликвидировано также в 1931 г. в другом районе.

Работая в органах НКВД, начиная от пом[ощника] оперуполномоченного и до нач[альника] РО НКВД, я не считался с работой. К работе относился исключительно добросовестно. Всю работу старался сделать как лучше, ибо я знал, что всё, что я делаю — в целях интересов партии и рабочего класса, что для меня было главное. Работая в органах НКВД [в] сельской местности, я никогда не ставил вопрос о том, чтобы перевели меня в город, ибо в сельской местности нужны были также работники, и поэтому никаких шкурных своих личных интересов выше интересов государства я не ставил.

Начиная с 1927 года, я всё время работал на выборных руководящих партийных работах, начиная от члена бюро парт. ячейки и до секретаря парт. комитета УНКВД и члена пленума РПК.

Будучи на любом участке работы, я относился к ней добросовестно, делал всё то, что лучше для партии, для нашей страны, для нашего народа. В повседневной своей работе я всегда был жесток с врагами народа. Для меня не было хуже врага, как троцкист, как эсер. Поэтому, имея данные о том, что идёт речь о троцкистах, о эсерах, я не мог спокойно относиться ко всем этим делам, что и служило чрезмерно добросовестному выполнению со стороны меня директив вышестоящих органов, в частности директив бывшего руководства НКВД УССР.

Работая нач[альником] 4-го отдела УНКВД по Одесск[ой] обл., я находился в тяжёлых условиях. Так как работы было очень много, начальников отделений, в большинстве своём, не было, работать приходилось день и ночь, и я работал, не жалея своих сил, не оглядываясь назад, шёл вперёд, ведя непримиримую борьбу с врагами народа, и тогда, когда⁶⁸ мне докладывали материалы, я верил этим материалам и верил тем людям, которые докладывали мне эти материалы.

Я считаю, что я ничего плохого не совершил и говорю, что, возможно, и были ошибки в следствии, но это было в результате малоопытности следственных работников, т.е. Мошковского, Гнесина, Фадеева и др., я же, не имея заместителя, физически не мог усмотреть за всеми этими делами, ибо мне приходилось работать также в очень тяжёлых условиях.

⁶⁸ У документі — как.

Ни одной фальсификации со стороны меня, как нач[альника] 4[—го] отдела УНКВД, не было совершенно, чего не установлено также и в процессе суд. заседания. Все показания, кои были получены, они были получены или же от самих арестованных, или же от свидетелей, поэтому я ещё раз заявляю, что я ни в чем виновным себя не признаю, да и в халатности меня обвинить также нельзя, т.к. мне приходилось работать без заместителя, работать день и ночь, и поэтому прошу суд вынести в отношении меня оправдательный приговор.

В 16 ч. 40 м. суд удалился в совещательную комнату.

В 22 ч. 50 м. объявлен приговор и разъяснён порядок его обжалования, а также порядок подачи заявления о помиловании.

УТОЧНИЛ: Меру пресечения до момента вступления приговора в законную силу в отношении осуждённого КАЛЮЖНОГО оставить ранее избранную — содержание под стражей в тюрьме г. Одессы.

В 23 ч. 00 м. 26.XII.[19]40 г. суд. заседание объявлено закрытым.

Председательствующий
военный юрист I[—го] ранга

Васютинский

Секретарь

Труш

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 3, арк. 225–262.

Оригінал. Машинопис. Документ вперше опублікований у скороченому вигляді (витяг з протоколу судового засідання) у третьому томі серії книг «Одесский мартиролог» (Одесса: ОКФА, 2005.— С. 616–634).

№ 31

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Київського округу у справі В. П. Калюжного

23–26 грудня 1940 р.

Дело № _____ 19__ г.

Форма № 1
Совершенно секретно

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1940 г., декабря 23–26 дня, Военный трибунал войск НКВД Киевского округа, в выездной сессии в г. Одессе, в здании областного УНКВД, в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего — военюриста I ранга тов. Васютинского
и членов: 1. т. сержанта госбезопасности Грачева

2. т. Лабунца

при секретаре — тов. Труше, без участия обвинения и защиты,

рассмотрев дело по обвинению быв[шего] начальника IV отдела УНКВД по Одесской области ст[аршего] лейтенанта госбезопасности Калюжного Владимира Филипповича, 1905 года рождения, рабочего, из семьи рабочего, чл[ена] ВКП(б) с 1926 года, партбилет отобран при аресте, уроженца г. Одессы, по национальности украинца, гражданства СССР, в РККА не служившего, в органах НКВД служит с 1929 года, по последней должности — начальник 9[—го] отдела НКВД УССР, женатого, не судившегося,
по ст. 206—17 п. «б» УК УССР,

УСТАНОВИЛ:

Состоя в должности начальника IV отдела УНКВД по Одесской области, Калюжный в 1938 году грубо нарушал социалистическую законность, создавая из карьеристских побуждений дела о фиктивных к-р организациях путём массовых безосновательных арестов граждан и применения физических и других преступных мер воздействия, добиваясь признаний в к-р деятельности от арестованных, независимо от наличия компрометирующих материалов.

Так, например:

Калюжный на основании непроверенных компрометирующих материалов о бывшем работнике КПК Канфере-Берковиче включил последнего в список лиц, подлежащих аресту, как участника право-троцкистской организации, на 4 января 1938 года, а затем, когда до сведения Калюжного, как секретаря партийной организации областного Управления НКВД, дошли сигналы, поступившие в 1938 году в Одесскую КПК от арестованных, о незаконных методах следствия, применявшихся в [У]НКВД [по] Одесской области, а также о критике, которой работники КПК Самарин и Шпак подвергли материалы на арест Канфера-Берковича по ознакомлении в УНКВД, Калюжный 4 февраля 1938 года завёл дело о наличии, якобы, в КПК право-троцкистской к-р организации, включив в таковую работников КПК во главе с Самариным, по явно недостаточным и непроверенным компрометирующим материалам, при отсутствии каких бы то ни было материалов о к-р связи между работниками КПК.

5 февраля 1938 года по распоряжению Калюжного был арестован при отсутствии компрометирующих материалов упомянутый Канфер-Беркович, который под влиянием незаконных методов следствия дал показания о наличии к-р организации в КПК, перечислив почти весь состав ответственных работников КПК, в результате чего были арестованы ряд лиц, из коих 7 человек, давшие вынужденные показания о своей принадлежности к право-троцкистской организации, были осуждены к ВМН, один человек — Васюренко осуждён к 15 годам лишения свободы, а два человека — Шпак и Александров после длительного содержания под стражей были освобождены ввиду категорического отрицания своей вины на протяжении всего следствия первого и умопомешательства второго.

Ярким доказательством фальсификации дела на работников КПК является тот факт, что, несмотря на то, что все арестованные работники КПК — Канфер-Беркович, Самарин, Агронский, Васюренко и другие

указывали в вынужденных своих показаниях как на лицо, вербовавшее их в к-р организацию, — на Носова, быв[шего] уполномоченного КПК по Одесской области, выбывшего незадолго до ареста работников КПК в г. Москву, указанный Носов не только не был арестован, но не было принято мер даже к его допросу по указанным обстоятельствам, и Носов остался на ответственной работе в Москве, не привлечённым по настоящему делу под видом нерозыска его, тогда как адрес его и место работы были известны всей партийной организации КПК. Носов, как ничем не опороченный, работает и по настоящее время в Москве.

Аналогичным, искусственно созданным делом о фиктивной к-р организации является сфальсифицированное дело об ответственных советско-партийных работниках, по коему было арестовано без наличия компрометирующих материалов пять человек — зав[едующий] совторготделом обкома КП(б)У Баргер, зав[едующий] облфинотделом Сенкевич и другие, от которых при помощи избиений и других незаконных методов следствия также были получены вымышленные показания о принадлежности к к-р организации. При этом характерно, что когда Сенкевич пытался в присутствии Калужного обратиться к быв[шему] начальнику УНКВД — врагу народа Киселёву с жалобой-протестом на то, что его — Сенкевича, выходца из крестьян-бедняков, быв[шего] комиссара полка РККА, а затем нач[альника] политотдела МТС, отобранного ЦК ВКП(б) на эту работу, без всяких оснований обвиняют в к-р принадлежности, Киселёв ответил Сенкевичу, что все нач[альники] политотделов арестованы как враги. Баргер и Сенкевич, как и все остальные по настоящему делу, после длительного содержания под стражей освобождены, и дело о них прекращено.

Таким же путём произведены были массовые аресты по фальсифицированным делам о бывших красных партизанах Одесчины⁶⁹ по показаниям арестованного быв[шего] руководителя партизанского движения Дьячишина, у коего, следуя ориентировке быв[шего] вражеского руководства НКВД УССР о наличии, якобы, повстанческой организации из быв[ших] красных партизан, добились показаний на 40 человек, из коих 20 человек было арестовано и осуждено на разные сроки лишения свободы, а Дьячшин осуждён был к ВМН. Впоследствии дела указанных быв[ших] партизан, в том числе и Дьячишина, были прекращены.

Вместо действительной борьбы с а[нти]/с[оветским] подпольем, выходцами из эсеровской, бундовской, сионистской и иных враждебных политических группировок, Калужный стал на путь массовых арестов без наличия материалов о фактической враждебной деятельности и принадлежности к к-р организациям на момент ареста выходцев из указанных партий, по архивным материалам, искусственно объединяя в группы лиц, не связанных к-р деятельностью. При этом в справках на арест этих лиц, подписанных Калужным, дописывалось: «является участником подпольной бундовской организации», «является участником к-р организации и проводит к-р деятельность» т.п., тогда как никакими материалами об

⁶⁹ У документі помилково — Одещини.

этом IV отдел не располагал. Впоследствии арестованные по этим делам были освобождены и дела о них прекращены.

Из 32-х арестованных по обвинению к принадлежности к к-р сионистской организации 14 человек осуждены были судтройкой к ВМН, но приговор о них не был приведён в исполнение, и в настоящий момент они также освобождены.

Также незаконно была арестована Калюжным нештатная сотрудница НКВД Миропольская, являющаяся ценным работником по борьбе с к-р подпольем, и бесосновательно арестованы были сотрудники УНКВД Борисов и Закгейм, из коих к последнему были применены меры физического воздействия. Все они впоследствии были из под стражи освобождены.

По показаниям и характеристике свидетелей из быв[ших] сотрудников IV отдела, Калюжный в погоне за количеством арестованных добивался выполнения установленных им на аресты лимитов, не считаясь при этом с наличием компрометирующих материалов.

Привлечённый в качестве обвиняемого по данному делу, Калюжный как на предварительном, так и на судебном следствии, виновным себя ни в чем не признал, однако материалами дела и свидетельскими показаниями полностью изобличён в инкриминируемых ему преступных деяниях по Одесскому УНКВД.

На основании изложенного Военный трибунал признал виновным Калюжного в том, что, состоя в должности начальника IV отдела УНКВД по Одесской области, он в 1938 году, злоупотребляя своим служебным положением, грубо нарушал социалистическую законность, из карьеристских побуждений создавал дела о фиктивных к-р организациях и производил массовые необоснованные аресты граждан, в том числе и партийно-советского актива, из коих по сфальсифицированному делу о работниках Контрольной партийной комиссии 7 человек осуждены к ВМН, один — к 15 годам лишения свободы, а два человека после длительного содержания под стражей освобождены, при этом один из них на почве применения к нему физических мер воздействия лишился рассудка.

Точно также им произведены были необоснованные аресты быв[ших] сотрудников НКВД и других граждан с искусственным созданием к-р организаций путём применения физических мер воздействия и других незаконных методов следствия, что, учитывая особо отягчающие обстоятельства, установленные по данному делу, предусмотрено ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

В силу чего ПРИГОВОРИЛ:

Калюжного Владимира Филипповича на основании ст. 206—17 п. «б» УК УССР, лишив его присвоенного ему звания ст[аршего] лейтенанта госбезопасности, — РАССТРЕЛЯТЬ.

Приговор может быть обжалован в пятидневный срок со дня вручения выписки из приговора в Военную коллегию Верховного суда СССР через Военный трибунал, вынесший приговор.

Председательствующий

Васютинский

Члены:

*Грачев
Лабунец*

Зліва під підписами членів Військового трибуналу від руки зроoble-но відмітку фіолетовими чорнилами, мабуть, про ознайомлення: «30/ХІІ. [19]40 г. Підпис нерозбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 38580, т. 3, арк. 273–275.
Оригінал. Рукопис на бланку. Документ (копія з копії) вперше опублікований у другому томі серії книг «Одесский мартиролог» (Одесса: ОКФА, 1999. — С. 631–634).

№ 32

Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР у справі В. П. Калюжного

14 лютого 1941 р.

Копія с копії

С[овершенно] секретно

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 5–549

Военная коллегия Верховного суда Союза СССР в составе: председательствующего диввоенюриста СУСЛИНА, членов: бригадвоенюриста ДЕТИСТОВА, военного юриста I[–го] ранга ЧЕПЦОВА, рассмотрев в заседании от 14 февраля 1941 г. кас[сационную] жалобу КАЛЮЖНОГО Владимира Филипповича на приговор ВТ войск НКВД Киевского округа от 23–26 декабря 1940 г., осужденного за преступление, предусмотренное ст. 206–17 п. «б» УК УССР, к расстрелу, с лишением присвоенного ему звания ст[аршего] лейтенанта госбезопасности, и заслушав доклад т. СУСЛИНА, заключение пом[ощника] глав[ного] военного прокурора МАЛЯРОВА об оставлении приговора в силе без изменения,

Определила:

Военным трибуналом одним из основных пунктов обвинения КАЛЮЖНОМУ вменено в вину то, что он в начале 1938 г. при отсутствии компрометирующих материалов дал распоряжение произвести арест ряда работников Одесской областной контрольной партийной комиссии, в том числе КАНФЕРА-БЕРКОВИЧА, САМАРИНА и др., из коих впоследствии по сфальсифицированным материалам были осуждены 7 чел. к высшей мере наказания.

Этот пункт обвинения в отношении КАЛЮЖНОГО в материалах дела не имеет достаточных обоснований и доказательств:

1. Из имеющегося (л.д. 51–52) обзора дела КАНФЕР-БЕРКОВИЧ[А] видно, что по делу в следственных действиях принимали участие ЦИРУЛЬНИЦКИЙ, СТЕПАНСКИЙ, БЕРЕНЗОН, МАЗУР,

военный прокурор ЛУКАШЕВИЧ, ГНЕСИН и др. Допрошенные на суде ЦИРУЛЬНИЦКИЙ и МАЗУР фальсификацию дела категорически отрицают. Большинство же лиц, причастных к ведению следствия по делу КАНФЕР-БЕРКОВИЧА, не допрошены.

2. Из имеющегося обзора (л.д.41–42) дела САМАРИНА видно, что следствие по его делу, в основном, велось и было закончено зам[естителем] начальника 1[–го] отделения 4[–го] отдела НКВД УССР ДРИБИНСКИМ, который не только не привлечён к ответственности, но даже и не был допрошен по делу КАЛЮЖНОГО.

Приобшённые к делу (т. 3, л.д.41–52) обзоры следственных материалов по делам группы арестованных работников Одесской областной контрольной партийной комиссии содержат в себе лишь хронологию следственных действий по этим делам, и из этих обзоров совершенно не вытекает, что дела эти были сфальсифицированы.

3. Группа работников Одесской областной КПК была осуждена высшим судебным органом СССР, и до сего времени ни одно из решений по этим делам не отменено.

4. Во время разбора дела КАЛЮЖНОГО Военный трибунал обзора материалов на осуждённых бывш. работников Одесской КПК не производил.

Таким образом, выводы органов следствия и трибунала о том, что КАЛЮЖНЫМ за время его работы в УНКВД [по] Одесской области сфальсифицированы дела на группу работников Одесской областной КПК и это привело к осуждению их к высшей мере уголовного наказания, сделаны без достаточных к тому обоснований.

В остальной части приговор Трибунала соответствует материалам дела.

Учитывая вышеизложенное и не усматривая необходимости в применении к КАЛЮЖНОМУ высшей меры наказания — расстрела, применить к нему действие ст. 46 УК УССР и назначенное трибуналом наказание заменить КАЛЮЖНОМУ лишением свободы в ИТЛ сроком на десять лет, с поражением в политических правах на три года, с лишением звания ст[аршего] лейтенанта госбезопасности.

Подлинное за надлежащими подписями.

Копия с копии верна:

Суд[ебный] секретарь ВТ В[ойск]/НКВД ЗСО
лейтенант юстиции

Середа

бе-1

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 108–108 зв.
Завірена копія з копії. Машинопис.**

№ 33

Постанова Військової прокуратури військ НКВС Українського округу про виділення матеріалів на Ю. І. Абрамовича, В. А. Мошковського, Д. Б. Кордуна, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна, С. І. Гапонова та інших зі спідчої справи з обвинувачення В. П. Калюжного

7 червня 1940 р.

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. И.д.⁷⁰ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

БРИГВОЕНЮРИСТ Подпись неразборчивая

/МОРОЗОВ/⁷¹

«7» июня 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1940 года, июня 5 дня, гор. Киев.

Пом[ощник] Военного прокурора войск НКВД Украинского округа — военный юрист 3[-го] ранга БАРИНОВ, рассмотрев следственное дело № 147060—[19]39 года по обвинению бывш. начальника 4[-го] отдела УНКВД по Одесской области, а затем нач[альника] 9[-го] отд[ела] НКВД УССР КАЛЮЖНОГО Владимира Филипповича в совершении им преступления, предусмотренного ст. 206—17 п. «б» УК УССР,

Нашёл:

Материалами предварительного следствия установлено, что КАЛЮЖНЫЙ, будучи нач[альником] 4[-го] отдела УНКВД по Одесской области, грубо нарушал социалистическую законность и, используя своё служебное положение, производил неосновательные аресты, устанавливал контрольные цифры на аресты граждан, занимался фальсификацией справок на аресты, применял физические меры воздействия к арестованным, добивался от них вымышленных показаний, создавал несуществующие контрреволюционные организации, в результате ряд совершенно невинных лиц были осуждены к ВМУН.

Из материалов дела видно, что все эти противозаконные действия, фальсификацию справок, избивание арестованных, необоснованные аресты проводили вместе с КАЛЮЖНЫМ быв[шие] нач[альники] отделений: 1) АБРАМОВИЧ Ефим Иоанович, 2) МОШКОВСКИЙ⁷² Владимир Антонович, 3) ЦИРУЛЬНИЦКИЙ Михаил Михайлович, 4)

⁷⁰ Скорочення «Зам.» написано від руки синім чорнилом зверху над скороченням «И.д.».

⁷¹ Замість Морозова постанова затверджена іншим посадовцем.

⁷² У документі прізвище помилково надруковано через літеру «а» — Машковский.

КОРДУН Давид Борисович и 5) БЕРЕНЗОН Яков Израильевич; быв[шие] оперуполномоченные 4[—го] отдела: ГНЕСИН Абрам Ефимович, 2) ЗАРАЙСКИЙ Хаим Климентьевич и 3) МАЗУР Мирон Моисеевич; быв[ший] и.о. зам[естителя] нач[альника] УНКВД ГАПОНОВ Сергей Иванович, а поэтому, исходя из изложенного и учитывая, что по имеющимся материалам необходимо провести дополнительное расследование, руководствуясь ст. 93 п. 3 УПК УССР,

Постановил:

Весь материал, касающийся обвинения вышеперечисленных лиц, выделить из дела КАЛЮЖНОГО в особое производство и направить в Следственную часть НКВД УССР для производства предварительного расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Пом. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 3 РАНГА

Баринов

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 1, арк. 1—1а. Оригинал. Машинопис.

№ 34

Постанова помічника військового прокурора військ НКВС Одеської області В. Бойка про притягнення як обвинуваченого С. І. Гапонова та пред'явлення йому обвинувачення

29 січня 1941 р.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения)

г. Одесса, 1941 года, января 29 дня. Пом[ощник] Военного прокурора войск НКВД Одесской области военный юрист 3[—го] ранга БОЙКО, рассмотрев материал следствия о злоупотреблении служебным положением быв[шим] нач[альником] 4[—го] отдела и ВИО зам[естителя] нач[альника] УНКВД [по] Одесской области ГАПОНОВА Сергея Ивановича,

Нашёл:

ГАПОНОВ Сергей Иванович, работая в УНКВД [по] Одесской области, с июля мес. 1938 г. по апрель 1939 г. злоупотреблял своим служебным положением, выразившись⁷³ в том, что, будучи нач[альником] 4[—го] отдела и затем ВИО зам[естителя] нач[альника] УНКВД, зная о незаконных

⁷³ У документі — виразившеся.

методах следствия своих подчинённых АБРАМОВИЧА, БЕРЕНЗОНА, ГНЕСИНА, КОРДУНА и МОШКОВСКОГО, которые в процессе следствия по делам, находившихся в их производстве, избивали арестованных, требуя от арестованных признания об их, якобы, к.р. деятельности, и в результате незаконных методов следствия были получены показания от быв[ших] работников КПК при ЦК ВКП(б) по Одесской области, впоследствии осуждённых Военной коллегией к ВМУН (Сороковик⁷⁴, Агронский, Винник, Канфер-Беркович⁷⁵, Самарин, Фрейдин, Бейлин, Вирвихвист⁷⁶, Майданюк).

Кроме этого, ГАПОНОВ утвердил обвинительное заключение и направление дела на Тройку [при] УНКВД ВОДЗИНСКОГО⁷⁷ Александра Павловича, осуждённого [к] ВМУН, приговор приведён в исполнение.

Как установлено дополнительным расследованием, никаких данных в деле для направления дела ВОДЗИНСКОГО на Тройку не было.

ГАПОНОВ не только не реагировал на незаконные методы следствия, избивание его подчинёнными арестованных, а сам лично избивал арестованных, ныне освобождённых (Сенкевич⁷⁸, Чумак).

Фальсификация документов, необоснованные аресты, незаконные методы следствия — избивание привели к тому, что ряд лиц, в прошлом ответственные партийные работники, сидели под стражей свыше года, и впоследствии дела на них были прекращены за отсутствием состава преступления. (Дела Черницы, Клюненко, Теплицкий, Баргер, Эдельман⁷⁹, Шпак, Богуславский и др.)

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 126 и 127 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

ГАПОНОВА Сергея Ивановича, 1907 года рождения, житель г. Одессы, из рабочих, женат, грамотен, не судим, беспартийный — исключён из ВКП(б) в декабре 1940 г., до ареста — нач[альник] телефонной станции г. Одессы, — привлечь к следствию по настоящему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что он, ГАПОНОВ, будучи нач[альником] 4[-го] отдела и впоследствии ИО зам[естителя] нач[альника] УНКВД [по] Одесской области, не реагировал на фальсификацию документов и незаконные методы следствия со стороны его подчинённых и сам принимал участие в незаконных методах следствия. Утверждал обвинительные заключения по делам, которые были проведены поверхностно,

⁷⁴ У документі помилково — Сороковин.

⁷⁵ У документі подвійне прізвище помилково надруковано через кому як прізвища різних людей.

⁷⁶ У документі — Вирвихвист.

⁷⁷ Тут і далі у документі помилково — Родзинського.

⁷⁸ У документі помилково — Сенькевич.

⁷⁹ У документі помилково — Ейдельман.

и обвиняемые по многим делам осуждены безосновательно, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЙСК НКВД ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 3 РАНГА

В. Бойко

Постановление мне объявлено

Гапонов

1941 г. января «30» дня.

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 3, арк. 16. Оригінал. Машинопис.

№ 35

Обвинувальный акт у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського

26 червня 1941 р.

«Утверждаю»

*Воен. прокурор в[ойск]/НКВД Киевского округа
бригвоенюрист*

М. Грезов

26/VI–[19]41 г.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

По делу по обвинению бывших сотрудников Одесского облуправления НКВД:

- 1) ГАПОНОВА Сергея Ивановича — начальника 2[–го] (бывш. 4-го) отдела, а затем врид начальника УНКВД;
- 2) КОРДУНА Давида Борисовича — начальника 1[–го] отделения 2[–го] отдела;
- 3) АБРАМОВИЧА Ефима Иоановича⁸⁰ — пом[ощника] нач[альника] 1[–го] отделения 2[–го] отдела;
- 4) БЕРЕНЗОНА Якова Израилевича — пом[ощника] нач[альника] 1[–го] отделения 2[–го] отдела;
- 5) МОШКОВСКОГО Владимира Антоновича — начальника 6[–го] отделения 2[–го] отдела и
- 6) ГНЕСИНА Абрама Ефимовича — оперуполномоченного 1[–го] отделения 2[–го] отдела — всех по ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

В период времени 1938 г. и начала 1939 года указанные выше лица, работая в Одесском областном Управлении НКВД, допускали грубейшие нарушения социалистической законности, что выразилось:

⁸⁰ Тут і далі у документі помилково — Ионович.

а) в необоснованных арестах ряда партийных и советских работников;
б) в применении к арестованным извращённых методов следствия, а именно: устройстве им продолжительных «стоек» и т.д.;

в) в фальсификации следственных материалов в целях искусственного создания контр-революционных организаций;

Этими работниками, при участии бывш[его] начальника 2[-го] отдела УНКВД КАЛЮЖНОГО (осуждён), в 1938 году были созданы дела о наличии контр-революционных организаций:

1. В аппарате Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Одесской области, по которому было арестовано 12 ответственных работников, из коих 9 человек были осуждены Военной коллегией Верховсуда СССР к ВМН, один — к 15 годам тюремного заключения и два человека освобождены из под стражи.

2. В ряде отделов Одесского облисполкома (ОблФО и других), по делу которого было арестовано 12 руководящих работников, которые (за исключением ЕРЕМЧЕНКО, умершего в тюрьме от туберкулёза) впоследствии были освобождены, и дела в отношении них производством прекращены.

3. В редакции одесской областной газеты «Черноморская коммуна», где было арестовано 8 ответственных работников редакции, из коих в отношении 7 человек дела производством прекращены, а КОМАРОВ-КОФМАН осуждён к 3 годам лишения свободы.

Кроме этих групповых дел, названными выше бывш. работниками УНКВД по Одесской области были возбуждены дела и арестованы ряд ответственных работников областных и районных организаций Одесской области без достаточно обоснованных материалов (депутат Верховного Совета СССР, председатель Одесского горсовета ЧЕРНИЦА, директор Одесского пединститута ЛУНЕНОК и ряд др. работников).

В период 1940 года Военной прокуратурой Одесского военного округа было произведено дополнительное расследование по делу о бывших работниках КПК при ЦК ВКП(б) по Одесской области КАНФЕРЕ-БЕРКОВИЧЕ, САМАРИНЕ, АГРОНСКОМ и других (всего 10 человек) и установлена непричастность их к инкриминируемым им контр-революционным преступлениям, в связи с чем Прокурором Союза ССР принесён протест в Пленум Верховного Суда СССР об отмене приговоров Военной коллегии Верховсуда СССР по данному делу (л.д.93–154 2[-го] тома дела).

Пленум Верх. Суда СССР приговора по делам осуждённых СОРОКОВИКА, АГРОНСКОГО, ВИННИКА, БЕЙЛИНА, МАЙДАНЮКА, ФРЕЙДИНА и ВАСЮРЕНКО отменил и дела производством прекратил как сфальсифицированные. В отношении остальных 3-х осуждённых (САМАРИНА, КАНФЕРА и ВЫРВИХВИСТА) Пленум Верховсуда СССР дела ещё не пересмотрел.

Роль и участие в применении к арестованным извращённых методов следствия и фальсификации следственных материалов каждым из обвиняемых по данному делу, как это установлено расследованием, выразилась в следующем:

1. Обвиняемый ГАПОНОВ С.И.

Работая в должности начальника 2[-го] (бывш. 4-го) отдела УНКВД по Одесской области с 13-го июля 1938 года, а затем в должности врид зам[естителя] начальника и врид начальника УНКВД, решительной борьбы с нарушителями социалистической законности со стороны отдельных работников 2[-го] отдела УНКВД не вёл и, больше того, сам культивировал среди подчинённого ему состава работников незаконные методы и действия.

Это подтверждается следующими установленными расследованием фактами:

25 августа 1938 года арестованный СЕНКЕВИЧ (бывш. зав[едующий] ОблФО) заявил ГАПОНОВУ, что дело его сфальсифицировано АБРАМОВИЧЕМ и КОРДУНОМ, что больше клеветать на себя и ни на кого не будет, и, если не хотите разобраться, то можете судить, на что ГАПОНОВ ответил: «Мы тебя и сами расстреляем» (л.д. 115 1[-го] т., 63 и 65 3[-го] т. и 34 4[-го] тома дела).

В сентябре месяце 1938 года (число не установлено) арестованный РЫБЧУК после избиения его АБРАМОВИЧЕМ пожаловался на это ГАПОНОВУ и указал, «что бьют по голове», на что ГАПОНОВ заметил: «По голове бить не будут, а будут бить по др[угому] месту» (л.д. 80 об. 3[-го] т. и 61 4[-го] тома дела).

В июле м[еся]це 1938 года в комнату, где КОРДУН допрашивал арестованного БАРГЕРА, вошёл ГАПОНОВ и бывш[ий] нач[альник]⁸¹ УНКВД КИСЕЛЁВ (осуждён). Узнав, что БАРГЕР не даёт показаний об участии в к-р организации, ГАПОНОВ предложил ему сознаться и предупредил его, что «если он не будет писать чернилами, то будет писать кровью» (л.д. 50 3[-го] т.).

В октябре м-це 1938 года арестованный ТАРНАВСКИЙ пожаловался ГАПОНОВУ на действия следователя по его делу. На это ГАПОНОВ ему заявил: «Мало тебя били, раз ты отказываешься. Вот мы тебя посадим в одиночку, то ты напишешь втрое больше» (л.д. 46 4[-го] т. дела).

Такого рода отношение к беззакониям, совершаемым отдельными работниками УНКВД, ГАПОНОВ не изменил и после решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) (постановление от 17/XI-[19]38 г.).

29 января 1939 года арестованный ШПАК заявил ГАПОНОВУ, что следствие по его делу проводится незаконными методами, и просил принять соответствующие меры⁸², на что ГАПОНОВ ответил: «О свободе забудьте» (л.д. 70 об. 3[-го] т. и 11 4[-го] т. дела).

Хотя дело бывш. работников КПК по Одесской области КАНФЕРА-БЕРКОВИЧА, АГРОНСКОГО и др. было закончено производством до вступления ГАПОНОВА в должность начальника 2[-го] отдела УНКВД, но он был в курсе такового, т.к. при нём по этому делу производились передпросы обвиняемых, и обвиняемые готовились к заседанию Военной коллегии Верх. Суда СССР 10 октября 1938 года тем, что

⁸¹ У документі помилково — Зам[еститель] Нач[альника].

⁸² У документі — соответствующих мер.

с каждым из обвиняемых работники 2[–го] отдела сидели в течение ночи, занимаясь при этом «оживлением» в памяти ранее данных ими показаний (л.д. 225 и 403 4[–го] т.).

6 октября 1938 г. ГАПОНОВ, как зам[еститель] нач[альника] УНКВД, утвердил обвинительное заключение по делу ВОДЗИНСКОГО А.П. (члена ВКП(б)), обв[иняемого] по ст. 54–1 п. «а» УК УССР, направленному на рассмотрение Тройки, с весьма сомнительными материалами следствия.

Тройкой Одесского облуправления НКВД 9/Х-1938 г. ВОДЗИНСКИЙ был приговорён к ВМН и расстрелян (см. арх[ивное] след[ственное] дело).

Произведённой в 1939 г. дополнительной проверкой (по протесту Одесского облпрокурора) этого дела установлена полная невиновность ВОДЗИНСКОГО, и дело о нём УНКВД прекращено за отсутствием состава преступления.

ГАПОНОВ, работая в 1938 г. в должности пом[ощника] нач[альника] 4[–го] отдела НКВД УССР, получив агентурные сведения о подозрительных действиях ряда работников Киевского автотоклуба Грабовского, Ковалевского и др., при очередной встрече с агентурой начертил схему организации и дал понять о представлении сводки о якобы существующей в этом клубе а[нти]/с[оветской] организации.

В соответствии с этими указаниями ГАПОНОВА агентура 28/VI-1938 года передала пом[ощнику] нач[альника] 8[–го] отделения 4[–го] отдела РЕЗНИКОВУ сводку об а[нти]/с[оветской] организации в названном выше автотоклубе.

Эту сводку ГАПОНОВ доложил начальнику 4[–го] отдела ЯРАЛЯНЦУ⁸³, который на сводке наложил резолюцию: «Произвести арест всей группы».

Арест б[ывших] работников автотоклуба ГРАБОВСКОГО и КОВАЛЕВСКОГО был произведён 6[–м] отделом, а ИГЕНБЕРГА — 4[–м] отделом НКВД УССР 3 июля 1938 года. Впоследствии КОВАЛЕВСКИЙ был осуждён Тройкой КОУ НКВД к ВМН, ГРАБОВСКИЙ — на 5 лет ИТЛ, а в отношении ИГЕНБЕРГА дело прекращено производством (л.д. 410–414, 424–429, 432–436 4[–го] т. и с[овершенно]/с[екретный] пакет при деле).

2. Обвиняемый КОРДУН Д.Б.

Работая в Одесском УНКВД в должности начальника 1[–го] отделения 2[–го] отдела с марта 1938 года, КОРДУН не только не вёл надлежащей борьбы с допускаемыми нарушениями созаконности со стороны подчинённых ему сотрудников (АБРАМОВИЧА, БЕРЕНЗОНА и других), но и сам лично допускал эти нарушения.

Однажды арестованный ЭДЕЛЬМАН пожаловался КОРДУНУ, что дело его сфальсифицировано и требовал объективного расследования дела. На это КОРДУН ему ответил: «Надо писать, что требуют, и, если не будешь писать чернилами, то будешь писать кровью» (л.д. 142 3[–го] т., 36 4[–го] т.).

⁸³ Тут і далі у документі помилково — Яролянец.

Присутствуя на допросе АБРАМОВИЧЕМ Сенкевича, КОРДУН «рекомендовал» ему сознаться, заявляя при этом, что «жизнь его висит на волоске» (л.д. 23 4[-го] т.).

По делу бывш. работников КПК, возникшему при бывш. начальнике 1[-го] отделения ЦИРУЛЬНИЦКОМ, все основные следственные действия были произведены при КОРДУНЕ, назначенном на эту должность вместо ЦИРУЛЬНИЦКОГО с марта 1938 года. При КОРДУНЕ это дело было окончено расследованием.

При нём же были произведены передпросы всех обвиняемых (Кордун сам лично произвёл передпросы Агронского и Сороковика) и проведена подготовка их к заседанию Военной коллегии Верховсуда СССР 10 октября 1938 года (л.д. 19, 20, 22, 227, 236, 237 4[-го] т.)⁸⁴.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что КОРДУН был в курсе этого дела.

КОРДУН знал о том, что НОСОВ, проходящий по делу как основная фигура и «вербовщик» обвиняемых в контр-революционную право-троцкистскую организацию, не установлен, тем не менее, никаких мер к этому не принял и дело в таком виде направил в суд.

Расследованием, произведённым Военной прокуратурой Одесского военного округа в 1940 году, установлено, что НОСОВ никогда органами НКВД не арестовывался, что никаких компрометирующих материалов на него не имеется и что он находится на ответственной работе в г. Москве (л.д. 114 2[-го] тома дела).

3. Обвиняемый АБРАМОВИЧ Е.И.

Работая в 1[-м] отделении 2[-го] отдела УНКВД с 1/1-[19]38 г. в должности оперуполномоченного, а затем врид начальника 1[-го] отделения, в своей работе допускал грубейшие нарушения соцзаконности.

Расследованием установлены следующие факты преступных действий АБРАМОВИЧА.

14 августа 1938 года АБРАМОВИЧ сначала один, а затем с помощью ТЯГИНА (осуждён), применяли меры физического воздействия к арестованному СЕРЕБРЯКОВУ-СТУПНИЦКОМУ, в результате чего СЕРЕБРЯКОВ-СТУПНИЦКИЙ вынужден был «сознаться» в контр-революционных преступлениях. Во время применения мер физического воздействия к СЕРЕБРЯКОВУ-СТУПНИЦКОМУ у него был выбит зуб.

Впоследствии дело о СЕРЕБРЯКОВЕ-СТУПНИЦКОМ было прекращено производством, и он освобождён из-под стражи (л.д. 87, 88 3[-го] т., 25, 26 4[-го] т. дела).

В течение нескольких дней АБРАМОВИЧ систематически применял извращённые методы к арестованному СЕНКЕВИЧУ, заставляя его сидеть на кромке стула с вытянутыми ногами, плевал ему в лицо и оскорблял разными нецензурными словами, в результате чего СЕНКЕВИЧ написал по предложенной АБРАМОВИЧЕМ «схеме» так называемые собственноручные признания на 106 листах. На основании этих «признаний»

⁸⁴ Виділене курсивом дописано від руки фіолетовими чорнилами.

было арестовано впоследствии 11 человек (л.д.59 3[-го] т., 30, 184 4[-го] т. дела).

Как выше указано, в отношении всех этих лиц, за исключением умершего в тюрьме ЕРЕМЧЕНКО, впоследствии дела производством прекращены, и все они из-под стражи освобождены.

АБРАМОВИЧ принимал участие в следствии по делу бывш. работников КПК.

9 июня 1938 года АБРАМОВИЧ произвёл очные ставки между обвиняемыми КАНФЕР-БЕРКОВИЧЕМ и СОРОКОВИКОМ со ШПАКОМ (л.д.] 13, 93 4[-го] т. дела).

26 июня 1938 года АБРАМОВИЧ объявил МАЙДАНЮКУ об окончании следствия, причём дал ему подписать протокол, в котором заранее было на пишущей машинке напечатано: «Больше дела дополнить ничем не могу» (л.д. 100 4[-го] т.).

4. Обвиняемый БЕРЕНЗОН Я.И.

Работая в 1[-м] отделении 2[-го] отдела УНКВД оперуполномоченным с 1/IV-1938 года и врид пом[ощника] начальника 1[-го] отделения с 8/XII-1938 года, в своей работе также допускал грубейшие извращения социальности, фальсифицируя следственные материалы.

Расследованием установлено, что БЕРЕНЗОНОМ были сфальсифицированы дела в отношении бывш. работников КПК по Одесской области БЕЙЛИНА, ФРЕЙДИНА, МАЙДАНЮКА и ВИННИКА, впоследствии осуждённых к ВМН.

Эти лица БЕРЕНЗОНОМ обвинялись в том, что, будучи завербованы[ми] бывш. зам[естителем] Уполномоченного КПК НОСОВЫМ, являлись членами контр-революционной право-троцкистской организации и проводили вредительскую работу.

Как указано выше, НОСОВ никогда не арестовывался и к уголовной ответственности не привлекался.

Добытыми впоследствии данными установлено, что эти лица вредительством не занимались.

БЕРЕНЗОН, окончив расследование по делу этих лиц 5/VII-1938 года, 16 августа 1938 года вновь их передопросил, сделав это, как он показал, по предложению КОРДУНА (л.д. 19-22 4[-го] т.).

БЕРЕНЗОНОМ были сфальсифицированы и др. следственные дела, а именно:

Путём применения незаконных методов к бывш. работникам редакции газеты «Черноморская коммуна» ТЕПЛИЦКОМУ и ЭДЕЛЬМАНУ БЕРЕНЗОН добился от них «показаний» об участии их в к-р организации и оговора ряда работников редакции газеты как участников этой к-р организации (Смагляка, Черкасского, Ключенко и других) — (л.д. 24-33, 39 2[-го] т., 139, 140 3[-го] т., 48 4[-го] т.).

По предложению БЕРЕНЗОНА этими арестованными были написаны так называемые собственноручные признания: Теплицким — на 153 листах и Эдельманом — на 57 листах (л.д. 161 4[-го] т.). Впоследствии все эти лица (ТЕПЛИЦКИЙ, ЭДЕЛЬМАН, ЧЕРКАССКИЙ, КЛЮНЕНКО

и другие) были освобождены из-под стражи, и дела в отношении них производством прекращены.

5. Обвиняемый МОШКОВСКИЙ В.А.

Работая во 2-м отделе УНКВД в должности и.д. пом[ощника] нач[альника] 6[-го] отделения с 23/III-1938 года и начальника 6[-го] отделения с 1/VIII-1938 года, и будучи привлечён начальником 2[-го] отдела к работе по делам, находившимся в производстве 1[-го] отделения, в своей работе допускал извращённые методы следствия.

Расследованием установлено, что МОШКОВСКИМ были сфальсифицированы дела в отношении бывш. работников КПК по Одесской области ВЫРВИХВИСТА и ВАСЮРЕНКО, из коих первый осуждён к ВМН, а второй — к 15 годам тюремного заключения.

Допрашивая арестованного ВАСЮРЕНКО, МОШКОВСКИЙ систематически заставлял его смотреть на электросвет, делая это в целях принуждения к даче показаний об участии в к-р организации (л.д. 174–176, 239–245 3[-го] т.).

В июне 1938 года МОШКОВСКИЙ путём систематического применения незаконных методов к арестованному РЯБЕЦ добился от него «признания» в несовершеннолетних им к-р преступлениях. В последствии дело РЯБЕЦ было прекращено производством, и он освобождён из-под стражи (л.д. 64 4[-го] т. и арх[ивно-следственное] дело).

6. Обвиняемый ГНЕСИН А.Е.

Работая в 1[-ом] отделении 2[-го] отдела УНКВД в должности пом[ощника] оперуполномоченного с 28/III-1938 г. и с 1/VIII-[19]38 г. оперуполномоченным, в своей работе также допускал извращённые методы.

ГНЕСИН 17 августа 1938 года передпросил обвиняемых по делу бывш. работников КПК Агронского, Бейлина, Майданюка и 5 октября 1938 года — ВИННИКА, которые «подтвердили ранее данные показания» (л.д. 88, 93, 98, 101 4[-го] т.).

ГНЕСИН вместе с БЕРЕНЗОНОМ в течение 2-х недель систематически применяли извращённые методы: крики в уши через рупор, плевали в лицо арестованному ЭДЕЛЬМАНУ, в результате чего добились от него «признания» в к-р преступлениях (л.д. 139, 140 3[-го] т., 42 4[-го] т.).

В средних числах сентября 1938 г. ГНЕСИН и БЕРЕНЗОН, добываясь от ЭДЕЛЬМАНА признания в проведении им шпионской деятельности, горящими папиросами стали прижигать ему уши, стряхивая пепел за воротник его рубахи (л.д. 24–33 2[-го] т., 85 об., 140, 141 3[-го] т. и 43 4[-го] т.).

17 августа 1938 года ГНЕСИН и БЕРЕНЗОН учинили расправу над арестованным БОГУСЛАВСКИМ.

Посадив арестованного БОГУСЛАВСКОГО на край стула, ГНЕСИН и БЕРЕНЗОН стали кричать ему в уши через бумажные трубки и плевать в лицо. Под воздействием этого беззакония БОГУСЛАВСКИЙ вынужден был «признаться» в к-р преступлениях (л.д. 66, 67 2[-го] т., 85 3[-го] т., 63, 64 4[-го] т.).

В августе 1938 г. ГНЕСИН систематически применял извращённые методы к арестованному ЧЕРКАССКОМУ. ГНЕСИН кричал

ЧЕРКАССКОМУ в уши и плевал в лицо, домогаясь получения от него признания в совершении к-р преступлений (д.д. 52–62 2[–го] т.).

Расследованием также установлено, что по ряду следственных дел привлечёнными по данному делу лицами протоколы допросов и очных ставок составлялись заранее, а вызванным на допрос или очную ставку арестованным предлагалось только расписаться.

Таким путём были «проведены» очные ставки:

КОРДУНОМ и АБРАМОВИЧЕМ — между БАРГЕРОМ и СЕНКЕВИЧЕМ (л.д. 50 об., 60 об. 3[–го] т.),

БЕРЕНЗОНОМ и ГНЕСИНЫМ — между ЧЕРНИЦА и КРАСНЕНКО (л.д. 86 3[–го] т.),

БЕРЕНЗОНОМ — между ГРЕККЕР и ШТЕЙНБЕРГОМ и ЗИЗДО (л.д. 118 и 119 3[–го] т.).

Таким же путём был допрошен КОРДУНОМ и ГНЕСИНЫМ арестованный КЛЮНЕНКО (л.д. 52 об. 3[–го] т.).

Попытки арестованных обратиться с письменной жалобой или заявлением на незаконные действия работников УНКВД успеха не имели.

Заявления, если они были написаны, обычно попадали к тому работнику, на которого писалась жалоба (л.д. 451 4[–го] т. дела). Иногда следователи вообще не разрешали писать такие заявления⁸⁵.

У арестованного БАРГЕРА, пытавшегося написать жалобу на незаконные действия следствия, БЕРЕНЗОН вырвал начатое заявление (увидев, что оно адресовано в НКВД СССР) и тут же его изорвал (л.д. 50 об. 3[–го] т.).

В конце декабря 1938 года арестованный ШПАК заявил пом[ощнику] военного прокурора НОВИКОВУ о незаконных действиях работников УНКВД АБРАМОВИЧА и др.

Узнав об этом, АБРАМОВИЧ, ГНЕСИН и МОШКОВСКИЙ сразу же написали рапорта на имя ГАПОНОВА о неправильных, якобы, действиях прокурора и тогда же завели на него дело-формуляр (л.д. 54–61 2[–го] т., 69 об. 3[–го] т.).

БЕРЕНЗОН при этом заявил: «Жаль, что мы дела-формуляра не имели раньше» (л.д. 85 об. 3[–го] т.).

Заведённое дело-формуляр на пом[ощника] ВП НОВИКОВА в 1939 г. прекращено УНКВД по Одесской области по предложению Военной прокуратуры войск НКВД Одесской области (л.д. 406, 407 4[–го] т.).

Привлечённые к следствию в качестве обвиняемых по ст. 206–17 п. «б» УК УССР ГАПОНОВ, АБРАМОВИЧ, БЕРЕНЗОН и МОШКОВСКИЙ виновными себя не признали; КОРДУН, не признавая себя виновным в целом, признал виновность свою в том, что по делу б[ывших] работников КПК «не запросил о НОСОВЕ»; и ГНЕСИН признал себя виновным частично, и ПОКАЗАЛИ:

1) ГАПОНОВ, что умышленно он никогда не допускал искривлений в своей работе и не поощрял таковых другим лицам. Получив сведения о незаконных действиях отдельных работников 2[–го] отдела УНКВД, он

⁸⁵ У документі — таких заявлений.

принимал против этого необходимые меры. Им были сняты с работы по следствию БЕРЕНЗОН и ГНЕСИН в связи с поступившими жалобами на них арестованного ТЕПЛИЦКОГО о фальсификации следственных материалов, и предан суду сотрудник ТЯГИН.

ГАПОНОВ указал, что след. дела на бывш. работников КПК Канфера-Берковича, Агронского и др. в период его работы в УНКВД в производстве не было.

ГАПОНОВ отрицает показания арестованных РЫБЧУКА, ЛУНЕНОК и др. о том, что они обращались к нему с жалобами на незаконные действия работников 2[-го] отдела.

ГАПОНОВ подтвердил, что обвинительное заключение по делу ВОДЗИНСКОГО он утвердил после того, как бывшее руководство Одесского [У]НКВД предложило подписать таковое, хотя, как показывает ГАПОНОВ, он и дела ВОДЗИНСКОГО не знал и арестованного не видел.

По делу Киевского автомотоклуба ГАПОНОВ показал, что никакой схемы расстановки лиц организации в этом клубе он агентуре не чертил и не наталкивал её на мысль о наличии к-р организации в Киевском автомотоклубе, что работой агентуры он не интересовался и не знал, было ли распоряжение ЯРАЛЯНЦА об аресте работников клуба (л.д. 177–188 2[-го] т., 11–15, 17–21, 197–200 3[-го] т., 2–10, 239–247, 335–349 4[-го] т.).

Показания обв[иняемого] ГАПОНОВА в части того, что он за незаконные действия перевёл обвиняемых по данному делу БЕРЕНЗОНА и ГНЕСИНА в др. отделение, опровергаются показаниями этих лиц, заявивших, что переведены со след. работы они были лишь в 1939 году ввиду организации следчасти в УНКВД; ТЯГИН действительно был предан суду и осуждён, но это было сделано не потому, что ГАПОНОВ разоблачил его, а ввиду поступивших материалов на ТЯГИНА к особоуполномоченному УНКВД (л.д. 142 4[-го] т.). Заявление ГАПОНОВА о том, что он не знал о допускаемых нарушениях законности со стороны отдельных работников, опровергается показаниями ряда лиц, заявлявших ГАПОНОВУ об этих нарушениях, а заявление ГАПОНОВА о том, что он не был в курсе дела бывш. работников КПК АГРОНСКОГО, САМАРИНА и др., опровергается фактом нахождения этого дела во 2[-ом] отделе УНКВД перед рассмотрением его Военной коллегией Верховсуда СССР; производством по делу при ГАПОНОВЕ целого ряда следственных действий и показаниями обв[иняемого] АБРАМОВИЧА, который указал, что это дело хранилось в сейфах ГАПОНОВА и КОРДУНА, т.к. другим работникам оно не доверялось.

АБРАМОВИЧ также показал, что, если бы ГАПОНОВ тщательно вник в существо показаний каждого из обвиняемых по делу б[ывших] работников КПК, то они не были бы осуждены, но ГАПОНОВ на этом деле хотел показать Наркомату НКВД УССР «результаты» своего руководства (л.д. 365 об., 359 4[-го] т.).

2) Обв[иняемый] КОРДУН показал, что он никогда никаких незаконных действий в своей работе не применял, равно ему неизвестно, чтобы кто-либо из подчинённых ему сотрудников совершал незаконные действия.

С отдельными арестованными по делу б[ывших] работников КПК хотя он и сталкивался, допрашивая их, но никаких незаконных действий к ним не применял (л.д. 45, 46, 48, 246, 247 3[–го] т., 235 4[–го] т.).

Эти показания обв[иняемого] КОРДУНА опровергаются материалами дела. Обв[иняемый] КОРДУН был в курсе дела быв[ших] работников КПК, ОблФО и друг[их] групповых дел. Ему было известно о нарушениях соцзаконности, допускаемых работниками 1[–го] отделения, но так же, как и ГАПОНОВ, он борьбы с этим не вёл. Обв[иняемый] АБРАМОВИЧ показал, что имел место случай, когда он по приказанию КОРДУНА составил заведомо неосновательное постановление на арест 3-х граждан (л.д. 92 3[–го] т.).

3) Обвиняемый АБРАМОВИЧ показал, что в его практике был случай, когда он с БЕРЕНЗОНОМ применили к арестованному КОМАРОВУ меры физического воздействия за то, что КОМАРОВ укусил БЕРЕНЗОНУ палец. Друг[их] случаев применения мер физического воздействия к арестованным с его стороны не было, равно он отрицает и фальсификацию по след. делам (л.д. 92, 93 3[–го] т., 193–203, 356–375 4[–го] т.).

4) Обвиняемый БЕРЕНЗОН показал, что он никаких нарушений в отношении арестованных не допускал и фальсификацией след. материалов не занимался, что передопрос обвиняемых по делу КПК он производил по распоряжению КОРДУНА и что это делалось с той целью, чтобы закрепить в памяти обвиняемого ранее данные им на допросе показания (л.д. 231–240 2[–го] т., 18–22, 248–251, 377–391 4[–го] т.).

Показания обв[иняемого] БЕРЕНЗОНА опровергаются рядом след[ственных] материалов по делу, из коих видно, что БЕРЕНЗОН систематически допускал в отношении арестованных незаконные действия и вынуждал их к даче неправдоподобных показаний.

5) Обвиняемый МОШКОВСКИЙ, отрицая применение незаконных действий по отношению к арестованным, указал, что следствие по делам на б[ывших] работников КПК ВЫРВИХВИСТА и ВАСЮРЕНКО он проводил вполне законно, что не допускал никаких незаконных действий по отношению и к другим арестованным (РЯБЕЦ и др.) (л.д. 169, 178, 195 3[–го] т., 281–283, 393–400 4[–го] т.).

О том, что дело ВАСЮРЕНКО было сфальсифицировано МОШКОВСКИМ подтверждает сам⁸⁶ факт отмены приговора по его делу Пленумом Верховного Суда СССР и прекращения⁸⁷ дела производством.

6) Обв[иняемый] ГНЕСИН показал, что он признаёт себя виновным в том, что допускал ругань нецензурными словами арестованных, производил длительные допросы (по 15–20 часов) арестованных и применил совместно с БЕРЕНЗОНОМ к арестованному ЧЕРНОМАЗОВУ меры физического воздействия.

По делу б[ывших] работников КПК ГНЕСИН, по его словам, принимал участие в допросах лишь некоторых обвиняемых, проведении очных

⁸⁶ У документі — самый.

⁸⁷ У документі — прекращением.

ставок и пересоставлении обвинительного заключения, что делал по предложению КОРДУНА.

ГНЕСИН отрицает случаи фальсификации им следственных материалов (л.д. 171–173 2[–го] т., 132–136, 148–159, 223 3[–го] т., 225–232 4[–го] т.).

Показания об[в]иняемого ГНЕСИНА опровергаются материалами дела, в частности, фактом фальсификации показаний свидетеля⁸⁸ ШОЙХЕТА по делу б[ывших] работников ОблФО. Свид[етель] ШОЙХЕТ 2/ХІ-1939 г., давая показания о БЫКОВЕ, указал, что БЫКОВ на лекциях употребляет слово «Ленинский жаргон», ГНЕСИН, не записывая полностью показаний свид[етеля] ШОЙХЕТА, указал, что БЫКОВ занимается а[н]ти/[с]оветскими высказываниями (л.д. 183, 186 4[–го] т.).

На основании изложенного:

1. ГАПОНОВ Сергей Иванович, рождения 1907 года, урож[енец] г. Енакиево Сталинской области, по соцположению рабочий, б[ес]/п[артийный] (исключён из партии в связи с данным делом), женат, имеет сына, со средним образованием, ранее не судим, в органах НКВД работал с 1928 по 1939 г., последняя должность — нач[альник] 2[–го] отдела УНКВД по Одесск[ой] области.

2. КОРДУН Давид Борисович, рожд. 1908 г., уроженец г. Одессы, служащий, б[ывший] чл[ен] ВКП(б), с низшим⁸⁹ образованием, женат, ранее не судим, в органах НКВД с 1932 года по 1940 г., последняя должность — начальник «Кирпичстроя» лагерей НКВД в г. Молотовске Архангельской области.

3. АБРАМОВИЧ Ефим Иоанович, рожд. 1908 г., урож. г. Первомайска Одесской области, служащий, бывший чл[ен] ВКП(б), с низшим образованием, женат, имеет 2[–х] детей, ранее не судим, в органах НКВД с 1933 г. по 1940 г., последняя должность — начальник 2[–го] отделения Облотдела НКВД Еврейской автономной области.

4. БЕРЕНЗОН Яков Израилевич, рождения 1910 г., урож. гор. Одессы, рабочий, б[ывший] чл[ен] ВКП(б), с низшим образованием, имеет 2[–х] детей, ранее не судим, в органах НКВД с 1934 по 1939 г., последняя должность — врид пом[ощника] нач[альника] 1[–го] отделения 2[–го] отдела УНКВД по Одесской области.

5. МОШКОВСКИЙ Владимир Антонович, рождения 1911 года, урож. с. Елизаветовки Коростышевского р-на Житомирской области, служащий, б[ывший] чл[ен] ВКП(б), с неоконченным средним образованием, холост, ранее не судим, в органах НКВД с 1937 г. по 1939 г., последняя должность — начальник б[–го] отделения 2[–го] отдела УНКВД по Одесской области.

6. ГНЕСИН Абрам Ефимович, рождения 1917 года, уроженец гор. Одессы, по соцположению служащий, б/п (из партии исключён в связи с данным делом), с незаконченным средним образованием, холост, ранее не судим, в органах НКВД с 1938 по 1940 г., последнее время работал

⁸⁸ У документі — свидетелей.

⁸⁹ Тут і далі у документі — нисшим.

в Особом отделе ОдВО в должности зам[естителя] нач[альника] 5[-го] отделения ОО НКВД ОдВО.

ОБВИНЯЮТСЯ:

в том, что в период времени 1938 и 1939 г. они, работая в Одесском облуправлении НКВД, допускали грубейшие нарушения соцзаконности, что выражалось в применении к арестованным мер физического воздействия и фальсификации следственных дел, а именно:

1) ГАПОНОВ, будучи начальником 2[-го] отдела, а затем врид зам[естителя] нач[альника] и врид нач[альника] УНКВД по Одесской области, не только не вёл решительной борьбы с нарушениями соцзаконности со стороны отдельных работников УНКВД, но даже поощрял таковые. ГАПОНОВ направил на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР дело о 10-ти ответственных работников КПК по Одесской области с явно сомнительными материалами. Он также направил на рассмотрение Тройки при УНКВД дело на члена партии ВОДЗИНСКОГО с сомнительными материалами. По этим делам были приговорены к ВМН и расстреляны 10 человек.

2) КОРДУН, являясь в 1938 г. начальником 1[-го] отделения 2[-го] отдела УНКВД, также не вёл борьбы с извращёнными методами следствия по делам, наход[ившимся] в 1[-ом] отделении, и сам допускал таковые. КОРДУН вместе с ГАПОНОВЫМ направили на рассмотрение суда, как выше указано, дело по обв[инению] б[ывших] работников КПК Канфера-Берковича и др. (10 человек) с явно сомнительными материалами.

3) АБРАМОВИЧ, являясь в 1938 г. вр. пом[ощником] нач[альника], а затем нач[альником] 1[-го] отделения 2[-го] отдела, допускал в своей работе извращённые методы, занимаясь фальсификацией след. материалов по делу бывш. работников КПК и другим делам, а также в применении незаконных методов к арестованным (СЕРЕБРЯКОВ-СТУПНИЦКИЙ и другие).

4) БЕРЕНЗОН, являясь в 1938 г. оперуполномоченным и пом[ощником] нач[альника] 1[-го] отделения, допускал в своей работе грубейшие нарушения соцзаконности, что выразилось в фальсификации след[ственных] дел. По сфальсифицированным им следственным делам были осуждены к ВМН и расстреляны 4 бывш. работника КПК (БЕЙЛИН, ФРЕЙДИН, МАЙДАНЮК и ВИННИК). Незаконные действия БЕРЕНЗОН допускал и в отношении ряда других арестованных (ТЕПЛИЦКОГО, ЭДЕЛЬМАНА и других).

5) МОШКОВСКИЙ, являясь в 1938 году врид пом[ощника] нач[альника] 6[-го] отделения, а затем нач[альником] 6[-го] отделения 2[-го] отдела и будучи привлечён для работы по делам в 1[-ом] отделении, сфальсифицировал дела на бывш. работников КПК ВЫРВИХВИСТА (осуждён к ВМН) и ВАСЮРЕНКО (осуждён к 15 годам тюремного заключения). МОШКОВСКИЙ и по другим делам (РЯБЕЦ и друг.) допускал извращённые методы следствия, понуждая арестованных к даче неправдоподобных показаний.

б) ГНЕСИН, работая в 1938 г. в должности пом[ощника] и оперуполномоченного 1[-го] отделения 2[-го] отдела, допуская грубейшие нарушения созаконности, занимаясь фальсификацией следственных материалов по делам КПК (АГРОНСКИЙ, БЕЙЛИН и другие), о б[ывших] работниках редакции газеты «Черноморская коммуна» (ЭДЕЛЬМАН, ЧЕРКАССКИЙ и др.) и т.п.,

т. е. в отношении ГАПОНОВА, КОРДУНА, АБРАМОВИЧА, БЕРЕНЗОНА, МОШКОВСКОГО и ГНЕСИНА — в совершении преступлений, предусмотренных по ст. 206—17 п. «б» УК УССР, а потому, и руководствуясь ст. ст. 8 и 26 Положения о ВТ и ВП, ГАПОНОВ, КОРДУН, АБРАМОВИЧ, БЕРЕНЗОН, МОШКОВСКИЙ и ГНЕСИН подлежат суду Военного трибунала войск НКВД Киевского округа.

Составлено в ___ экз.

г. Киев, 1941 г., июня 26 дня.

И.о. ПОМ[ОЩНИКА] ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ВОЙСК НКВД
КИЕВСКОГО ОКРУГА — ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 3 РАНГА *Рязанцев*

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 4, арк. 536—556.

Оригінал. Машинопис.

№ 36

Протокол судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа в sprawie С. И. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. И. Абрамовича, Я. И. Берензона, А. Ю. Гнесина и В. А. Мошковского

21—26 квітня 1943 р.

Дело № 871943 г.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1943 г., *апреля 21* дня, Военный Трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа в помещении УНКВД по НСО в закрытом судебном заседании в составе:

Председательствующего полковника юстиции тов. Кулик

Членов: капитана госбезоп[асности] т. Куликовой

и майора госбезоп[асности] т. Сибаторова

при секретаре лейтенанте юстиции Середя

без участия сторон,

рассмотрев дело № 871943 г.

по обвинению⁹⁰ був[ших] работников УНКВД по Одесской области:

1. б[ывшего] нач[альника] 2-го отдела, а затем врид нач[альника] УНКВД ГАПОНОВА Сергея Ивановича,

2. б[ывшего] нач[альника] 1-го отделения 2-го отдела

КОРДУН[А] Давида Борисовича,

3. б[ывшего] врид нач[альника] 1-го отделения 2-го отдела

АБРАМОВИЧ[А] Ефима Иоановича⁹¹,

4. б[ывшего] пом[ощника] нач[альника] 1-го отделения 2-го отдела

БЕРЕНЗОН[А] Якова Израилевича,

5. б[ывшего] начальника 6⁹²[—го] отделения 2-го отдела

МОШКОВСКОГО Владимира Антоновича,

6. б[ывшего] оперуполномоченного 1-го отделения 2-го отдела

ГНЕСИНА Абрама Ефимовича —

— всех в преступлении, предусмотренном ст. 206—17 п. «б» УК УССР.

В 10 ч. 45 м. председательствующий открыл судебное заседание и огласил подлежащее слушанию дело.

Секретарь доложил, что подсудимые Гапонов С.И., Кордун Д.Б., Абрамович Е.И., Берензон Я.И., Мошковский В.А. и Гнесин А.Е. в зал судебного заседания доставлены и находятся под стражей.

Свидетели по делу не вызываются.

Председательствующий удостоверяется в самоличности каждого из подсудимых и проверкой путём их опроса устанавливает, что:

1. ГАПОНОВ Сергей Иванович — б[ывший] зам[еститель] нач[альника] Управления Одесского УНКВД; нач[альником] 2-го отдела я не был утверждён, 1907 г.р., родился в семье рабочего в г. Енакиево Сталинской области УССР, состоял чл[еном] ВКП(б) с 1932 г. по 1940 г., был исключён Сталинским РК ВКП(б) г. Одессы, и это решение было утверждено обкомом ВКП(б). В 1942 г. [парт]организацией Сиблага я был принят кандидатом [в члены] ВКП(б) на общих основаниях. Русский, образование среднее, в органах НКВД работаю с 1927 г. и по 19 апреля 1939 года, и с 16/III—[19]42 г. по 18 февраля 1943 г., в РККА не служил, женат, не судим.

Первый раз под стражей находился с 16/I—[19]41 г. по 1942 г., 14/III, и вторично — с 18 февраля 1943 г., имею награду — знак «почётного чекиста».

С обвинит[ельным] заключением ознак[омился] 30/III—[19]43 г. Старший лейтенант госбезопасности.

2. КОРДУН Борис Давидович — врио начальника 1-го отделения 4-го отдела Одесского областного УНКВД, сержант госбезопасности, 1908 г. рождения, из кустарей, уроженец г. Одессы, служащий, состоял чл[еном] ВКП(б) с 1930 г. по 1941 г., исключён в связи с данным делом, по национальности — еврей, в органах НКВД служил с 1932 г. и по 1941 год, т.е. по

⁹⁰ Від слів «по обвинению» далі — суцільний рукописний текст, який курсивом не виділений.

⁹¹ Тут і далі у документі помилково — Ионович.

⁹² У документі цифра «6» виправлена на «3».

день ареста, образование низшее, женат, ранее не судим, служил в РККА с 1930 г. по 1932 г. в Северо-Донецком кавполку.

Под стражей — с 26 января 1941 года.

С обвинительным заключением ознакомился 14 января 1943 г.

3. АБРАМОВИЧ Ефим Иоанович, врио пом[ощника] нач[альника] ка, а затем начальник 1-го отделения 2-го отдела УНКВД Одесской обл., сержант госбезопасности, 1908 г. рождения, из рабочих, уроженец г. Первомайска Одесской обл., служащий, по национальности — еврей, в органах НКВД служил с 1933 г. по 1940 г., в РККА не служил, с низшим образованием, женат, ранее не судим.

Под стражей — с 5 февраля 1941 года.

С обвинительным заключением ознакомился 14 января 1943 г.

4. БЕРЕНЗОН Яков Израилевич — врид пом[ощника] нач[альника] 1-го отделения 2-го отдела Одесского обл. Управления НКВД, политрук, с 1938 г. по июль м-ц 1939 г. — н[ачальник]к водно-транспортного городского отдела НКВД, 1910 г.р., из рабочих, уроженец г. Одессы, рабочий, состоял членом ВКП(б) с 1932 г., исключён в связи с данным делом, по национальности — еврей, с низшим образованием. В органах НКВД служил с 1934 г. по 1939 г., служил в РККА с 1932 г. по 1934 г., а затем — с 1939 г. по 1941 год в должности зам. командира батальона по политчасти, женат, ранее не судим.

Под стражей — с 3 марта 1941 года.

С копией обвинительного заключения ознакомился 6/IV-[19]43 г.

5. МОШКОВСКИЙ Владимир Антонович — начальник 3-го отделения 4-го отдела Одесского облуправления НКВД, 1911 года рождения, из крестьян-колхозников, уроженец хутора Елизаветовка Коростышевского района Житомирской обл. УССР, служащий, состоял членом ВКП(б) с 1939 г., исключён в связи с данным делом, по национальности — украинец, в органах НКВД служил с 1937 года по 1939 год, июль м-ц, в РККА служил с 1933 г. по 1936 г. в должности мл[адшего] командира, образование — неполное среднее, холост, ранее не судим.

Под стражей — с 12 февраля 1941 года.

С копией обвинит[ельного] заключения ознакомился 14 января 1943 года.

6. ГНЕСИН Абрам Ефимович — оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела Одесского облуправления НКВД, сержант госбезопасности, 1917 г. рождения, уроженец г. Одессы, из служащих, служащий, кандидат в чл[ены] ВКП(б) с 1939 года, исключён в связи с данным делом, по национальности — еврей, в органах НКВД служил с 1938 по 1940 год, образование — незаконченное среднее, в РККА не служил, холост, ранее не судим.

Под стражей — с 25 января 1941 года.

С обвинительным заключением ознакомился 14 января 1943 г.

Пред[седательству]ющий разъяснил подсудимым их права в процессе судебного следствия, после чего все подсудимые заявили, что их права в процессе суда им понятны.

Оглашается состав суда, и на вопрос пред[седательству]ющего все подсудимые заявили, что отвода составу суда они не имеют.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Оглашается обвинительное заключение по делу и определение подготавли[тельного] заседания Военного трибунала от 26 марта 1943 года, после чего председательствующий опросил подсудимых, понятна ли им сущность предъявленного обвинения и признают ли они себя виновными, на что подсудимые заявили:

1. ГАПОНОВ: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя ни в чем не признаю».

2. КОРДУН: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя не признаю».

3. АБРАМОВИЧ: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя не признаю».

4. БЕРЕНЗОН: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя не признаю».

5. МОШКОВСКИЙ: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя не признаю».

6. ГНЕСИН: «Сущность обвинения понимаю, виновным себя не признаю».

Суду показания давать желают все подсудимые.

Перед началом судебного следствия подсудимые заявили следующие ходатайства:

ГАПОНОВ — ходатайствует о приобщении к настоящему делу Постановления Пленума Верховного Суда СССР, где указано, что бывшие работники КПК осуждены правильно, и приговор, коим они осуждены Военной коллегией, отмене не подлежит. Такое постановление имеется в деле осуждённого Калюжного, ныне отбывающего наказание в Новосибирском отделении УИТЛ.

Подсудимые КОРДУН, АБРАМОВИЧ, БЕРЕНЗОН, МОШКОВСКИЙ и ГНЕСИН ходатайствуют о приобщении к делу этого же Постановления Пленума Верховного Суда СССР, о приобщении которого просит подсудимый ГАПОНОВ.

ВТ, совещаясь на месте, ОПРЕДЕЛИЛ:

Удовлетворить ходатайство подсудимого ГАПОНОВА и других об истребовании из УИТЛиК НКВД по НСО личного дела осуждённого Калюжного, в котором находится Постановление Пленума Верховного Суда СССР, констатирующее, что б[ывшие] работники КПК осуждены правильно.

Обсудив на месте вопрос о порядке допроса подсудимых, ВТ ОПРЕДЕЛИЛ:

Допрос подсудимых производить в порядке, указанном в обвинительном заключении, начав с подсудимого ГАПОНОВА.

В 11 ч. 50 м. объявлен перерыв судебного заседания.

В 12 ч. 30 м. судебное заседание продолжается.

Суд переходит к допросу подсудимых.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДСУДИМОГО ГАПОНОВА.

Как на предварительном следствии я заявлял, так и сейчас заявляю, что к делу бывших работников Комиссии партийного контроля по Одесской обл. я никакого отношения не имел, поскольку оно было закончено следствием ещё до моего приезда в Одессу. Обвинительное заключение по этому делу утверждал Мазур, который и возил его в Киев, в НКВД УССР. Дела на б[ывших] работников КПК прибыли в Одессу только за несколько дней до приезда Военной коллегии Верховного Суда, а до этого я их не видел и никакого отношения к ним не имел.

Санкции на передопрос обвиняемых по делу работников КПК я не давал. Насколько я помню, такое указание было сделано со стороны Военной прокуратуры, после чего и был сделан передопрос.

Не давал я также указания и на то, чтобы обвиняемых рассаживали по комнатам и восстанавливали в их памяти показания, данные ими на следствии, чтобы они такие же показания дали и Военной коллегии. С моей стороны было дано указание доставить их из тюрьмы во внутреннюю тюрьму УНКВД, но, так как в камерах внутренней тюрьмы поместить всех было невозможно, поэтому я и дал указание посадить их по комнатам.

Следствие по делу Шпак[а] к моменту приезда Военной коллегии ещё не было закончено.

От одного из заключённых поступили сведения, что Шпак в камере среди заключённых проводит антисоветскую агитацию. На основании этого я дал указание провести очную ставку Шпак[а] с з/к, который нам донёс на него. Очная ставка была сделана, после которой я беседовал со Шпаком, и последний мне заявил, что он недоволен следователем и просил переменить последнего. Эта просьба Шпак[а] была удовлетворена. Однако Дейнего, которому было поручено следствие по делу Шпак[а], мне неоднократно заявлял, что на допросе Шпак ведёт себя вызывающе.

Никаких других заявлений от Шпак[а] не поступало, и я его после очной ставки с з/к, который на него донёс, больше не видел и, следовательно, с ним никогда больше не разговаривал. На указанной очной ставке я сказал Шпаку, что он на допросах ведёт себя нетактично. Другого разговора у меня с ним не было.

В 1938 году мне были доложены агентурные сведения на работников редакции «Черноморская коммуна», из которых было видно, что Комаров-Кофман на протяжении ряда лет совместно с другими работниками редакции проводил контр-революционную, враждебную Сов. власти работу. Кроме агентурных сведений, мне была представлена стенограмма выступления Комарова-Кофман[а] на партсобрании Московского института журналистики, где он выступал в защиту троцкистской платформы и призывал следовать идеям Троцкого, и ряд других материалов, изобличающих его в контрреволюционной деятельности. На других работников⁹³

⁹³ Слово у документі написано двічі.

редакции также были основательные материалы, основываясь на которых, я и дал санкцию на арест.

Кроме того, при допросе Комарова-Ковман[а] последний дал показания более широкие, чем это было указано в добытых до его ареста материалах. Я и сейчас считаю, что Комаров-Ковман, Эдельман, Черкасский, Теплицкий освобождены неправильно. Я убеждён, что они действительно являются врагами народа.

По этому делу я производил передопрос обвиняемого Теплицкого, так как он на следствии занял провокационную политику, в своих показаниях оговаривал одного из работников Военной прокуратуры, что последний якобы является членом контрреволюционной организации. Поэтому я совместно с прокурором Лапкиным произвели передопрос арестованного Теплицкого, который и при передопросе всё же утверждал, что упомянутый им работник Военной прокуратуры является членом к/р организации. Несмотря на это, я не дал санкции на арест указываемого им работника прокуратуры.

Впоследствии, в 1939 году, Теплицкий заявил, что все его показания были вымышленными. Это было уже перед моим уходом из органов НКВД.

Я и сейчас утверждаю, что дело на работников редакции «Черноморская коммуна» не сфальсифицировано, что они действительно являлись махровыми троцкистами, и в фальсификации этого дела виновным себя не признаю.

При приезде меня в Одессу⁹⁴ мне передали материал на Сенкевич[а], Суслов[а], Баргер[а] и других членов контрреволюционной организации «правых». Когда я стал знакомиться с этим делом, то я усомнился [в том], чтобы они являлись чисто «правыми», и об этом написал в НКВД УССР.

НКВД УССР после этого потребовал этапирования их в г. Киев, что было и сделано. Позднее в Киев уехал и я, на что у меня было две причины. С одной стороны, я интересовался, какой оборот примет это дело, а, с другой стороны, мне необходимо было ехать в Киев в связи с некоторыми обстоятельствами личного характера.

Допрос Сенкевича производил Яролянец⁹⁵ в моем присутствии. Сенкевич на этом допросе и впоследствии на протяжении всего 1938 года утверждал, что он является чисто «правым», и только в январе м-це 1939 года он отказался от своих показаний.

Мне Старовойт поручил передопросить Сенкевича и при этом санкционировал применение к Сенкевичу мер физического воздействия. При допросе его я нанёс ему 2 пощёчины, так как он в течение всего допроса вел себя провокационно, одновременно и давал показания, и отрицал их. До этого случая Сенкевича никто не бил.

Я считаю по-прежнему его врагом народа, и если Сенкевича освободили, то сознательно или несознательно, но сделали это неправильно.

⁹⁴ Так у документі.

⁹⁵ Тут і далі у документі помилково — Яролянец.

Сенкевича я допрашивал уже после выхода в свет Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года.

Я знал, что неправильно освобождаются враги народа, и писал об этом в обком ВКП(б). Это же может подтвердить тот факт, что за время работы Старовойта нач[альником] УНКВД не было арестовано ни одного человека⁹⁶, тогда как освобождено было очень много.

Мне кажется, что группа «правых» была арестована не на основании данных следствия, а на основании агентурных данных.

Баргер показывал, что 13 июля 1938 [г.] я якобы заявил ему, что если он не будет писать показания чернилами, то будет писать кровью. Эти показания Баргер[а] не соответствуют действительности, так как я приехал в Одессу только 13 июля 1938 г. и, кроме того, как агентурный работник я никогда не ходил в военной форме, а Баргер показывает, что я входил к нему в военной форме.

Депутат Верховного Совета СССР Черница был арестован в августе м-це 1938 г. в г. Москве на сессии Верховного Совета СССР с санкции прокурора Союза по материалам, представленным НКВД УССР, и н[а-чальни]ка СПО Калюжного.

До ареста Черницы, примерно в апреле 1938 г., против Черницы выступала печать КП(б) Украины, на Политбюро ЦК КП(б)У выступали два других члена Верховного Совета СССР и говорили о Чернице как о контрреволюционной личности. Одним из них был Телешев.

При наличии всего этого я не мог сомневаться в правильности ареста Черницы и считаю, что Черница виновен в предъявлявшемся тогда ему обвинении. Дело Черницы я хорошо знал и был убеждён, что он является врагом народа. Почему в 1940 г. его освободили, я не знаю, но, поскольку его освобождение обосновано материалами, то не верить им я не имею оснований.

Фальшивы ли были материалы на Черницу, я не мог знать, так как собирались они с нескольких городов.

От Шпака я добивался признаний потому, что знал о намеченном аресте Носова, но получилось, оказывается, так, что люди осуждены без вербовщика, т.е. без Носова.

⁹⁶ А. Старовойт очолював УНКВС по Одеській області з січня 1939 р. по січень 1941 р. За цей час УНКВС заарештувало сотні людей. С. Гапонов мав на увазі період, коли він виконував обов'язки заступника начальника УНКВС, тобто до 19 квітня 1939 р. Але і в ці три місяці арешти проводилися, хоча й в значно менших масштабах. Використовуючи недосвідченність А. Старовойта у питаннях оперативно-слідчої роботи, С. Гапонов тоді намагався швидко закінчити слідчі справи, що були розпочаті раніше, і добитися засудження осіб, які за ними проходили (див. далі цитату із заяви заарештованого І. Сулова). Однак протидія партійних органів і органів прокуратури в Одесі та Києві, а також бажання керівника НКВС УРСР А. Кобулова розслідувати порушення законності у діяльності УНКВС дали протилежний результат, і багатьох людей звільнили з-під варті як незаконно заарештованих.

Пред[седательству]ющий огласил Определение Военной коллегии Верх. Суда СССР от 13 июня 1941 г. о прекращении дела на Канфер-Беркович[а], Сороковик[а], Агронского и других за отсутствием состава преступления.

Подсудимый ГАПОНОВ: Я ходатайствовал об истребовании не этого Определения ВК, а Постановления Пленума Верх. Суда СССР.

Меня обвинили в том, что я незаконно предал суду члена ВКП(б) Водзинского⁹⁷. Обвинительное заключение на него я утверждал как на поляка, бывшего белого офицера, по докладу начальника 6-го отдела. В этом вопросе виновным себя я не признаю, так как материалы этого дела полностью соответствовали фактам, указанным в обвинительном заключении.

Никакие схемы допроса мною не составлялись.

На приёме агента Резниковым я присутствовал, так как по графику я знал, что такая встреча агента с Резниковым должна состояться, и я обязан был проверить это обстоятельство. На этом приёме я дал агенту указание о его дальнейшей работе.

Когда была составлена сводка, я не знаю, и на приёме сводки я не присутствовал. Кроме того, сводка никакого отношения к аресту не имеет. Почему Игенберг⁹⁸ был арестован и почему он потом был освобождён, для меня не известно. Игенберга я вообще не знал, равно как не знал и других арестованных работников авто-мотоклуба, так как все они были арестованы 6-м отделом и не на основании сводки агента «Сумина», а на основании разработок 6-го отдела.

В 13 ч. 45 м. объявлен перерыв судебного заседания.

В 14 ч. 10 м. судебное заседание продолжается.

На вопросы суда ГАПОНОВ объяснил:

Обвинительное заключение по делу Шпака я не мог утверждать, так как следствие по этому делу не было закончено.

Огл[ашается] д.д. 179 т. II, где Гапонов показал, что, возможно, он и написал обвинительные заключения по делам Майданюка и Васюренко.

Подсуд. ГАПОНОВ: Поскольку следователь предъявлял мне документ, подписанный мною, то я от этого не мог отказаться. Подпись на утверждение обвинит[ельных] заключений обычно делали мою, но подписывал их иногда и Буркин. Всех обвинит[ельных] заключений, которые я подписывал, я не помню, т.к. их было очень много.

С сентября 1938 г. по ноябрь м-ц 1938 г. я был в должности зам[естителя] нач[альника] УНКВД, а с ноября м-ца 1938 г. по январь м-ц 1939 — врид нач[альника] УНКВД по Одесской области, и в моем подчинении были все сидящие здесь подсудимые.

Абрамовича я знаю как весьма инициативного работника, но иногда он невнимательно подходил к материалам, не проверял их.

⁹⁷ У документі помилково через літеру «а» — Вадзинського.

⁹⁸ Тут і далі у документі помилково через літеру «д» — Иденберг.

На предварительном следствии я говорил об Абрамовиче и Берензон[е] как о склочниках, а о Кордуне — как о подхалиме и карьеристе, Гнесине — как о задористом. Это же я подтверждаю и сейчас. Кроме Кордун[а], все они недостаточно грамотны.

Огл[ашаются] л.д. 13 об., 14 т. III, где Гапонов показал, что Абрамович, Берензон, Кордун, Гнесин с агентурой не работали, агентов растеряли, протоколы по делам были поверхностные, хотя крупных дел к его, Гапонова⁹⁹, приезду не было. Среди них была семейственность.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно, такие люди в УНКВД не должны были работать.

Такую характеристику я им дал на тот момент, когда я приехал в Одессу, но впоследствии я их воспитал, и они стали честными работниками.

На предварит[ельном] следствии я говорил, что дела ими фальсифицировались. Эти показания даны мною потому, что следствие по моему делу велось провокационно.

Огл[ашается] л.д. 199 об. т. III, где Гапонов показал, что по делу Шпак[а] Абрамович дал ему неправильные сведения, о чем он, Гапонов, написал прокурору Лапкину, что следствие по делу Шпак[а] Абрамович вел необъективно и что Абрамович допустил фальсификацию по делу Сенкевич[а], Полорогова и других.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это несколько не так, но в общем эти показания я подтверждаю.

Достаточно ли было материалов для ареста Канфера, я не знаю, т.к. я его не арестовывал.

Данные мною ранее показания о том, что для ареста Канфера недостаточно было материалов, я подтверждаю.

На Берензон[а] и Гнесина мне жаловался Теплицкий, что они неправильно ведут следствие и что поэтому он даёт вынужденные показания, после чего, по-моему, дело было передано другому следователю.

По делу Черницы Абрамович не принимал участия, это дело вел Кордун, но он его не закончил, т.к. был снят с оперативной работы.

Допрос Сенкевича производил Абрамович. Сенкевичу давалось хорошее питание для того, чтобы он давал хорошие для следствия показания. На усиление питания Сенкевичу отпускались деньги за счёт УНКВД. Впоследствии я запретил это, так как это компрометировало органы следствия.

Сенкевича я бил в январе м-це 1939 г. за то, что он одновременно и давал показания, и отказывался от них. На применение к нему мер физического воздействия я, как зам. нач[альни]ка Управления, имел санкцию от нач[альника] Управления Старовойт[а].

Мне не было известно, что Абрамович и Кордун неправильно ведут следствие, я недостаточно быстро разобрался во всех делах, которых в то время [было] до 3500, и не разоблачил Абрамовича, Кордун[а] и Берензон[а], которые искривляли следственную политику.

⁹⁹ У документі помилково — Гапонову.

Выступая на 5-й областной партконференции в г. Одессе, которая проходила 24–27 февраля 1939 г., я Черницу охарактеризовал как члена право-троцкистского центра, являющего[ся] провокатором с 1916 г., который ещё до революции выдавал революционно настроенных рабочих, а в настоящее время вёл вредительскую работу в коммунальном хозяйстве.

На такую характеристику Черницы я имел основания.

Огл[ашаются] л.д. 259, 262 т. II, где в заключении указано, что 5 февраля 1938 г. без наличия материалов о к/р деятельности был арестован работник КПК Канфер-Беркович, а впоследствии — Сороковик, Агронский, Винник, Бейлин и другие, и что показания они давали вынужденные.

Подсуд. ГАПОНОВ: Никого из указанных лиц по делу б[ывших] работников КПК я не арестовывал.

Огл[ашается] л.д. 265 т. II, где указано, что к арестованному Шпаку следователями Берензон[ом], Абрамович[ем], Кордун[ом] применялись меры физического воздействия, и этому способствовал Гапонов.

Подсуд. ГАПОНОВ: К Шпаку вообще не применялись меры физического воздействия.

Сфабрикованные справки — около 200 штук — мне приносил не Абрамович.

Огл[ашается] л.д. 3 об. т. IV, где Гапонов показал, что «услужливый» Абрамович принёс ему 200 сфабрикованных справок на арест.

Подсудимый ГАПОНОВ: Это неверно. Эти справки приносил мне Буркин.

Со Шпаком я разговаривал в январе м-це 1939 г.

Огл[ашается] л.д. 5 т. IV, где Гапонов показал, что в декабре м-це к нему приходил Абрамович и просил дать разрешение на применение к Шпаку мер физического воздействия.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно, но я не разрешил ему этого.

В феврале м-це 1939 г. Буркин мне заявил, что прокурор Новиков заходит в комнаты, где ведётся следствие, удаляет следователей и добывает от арестованных показаний, направленных против следствия.

Впоследствии такие же заявления я получил и от других следователей, и я написал, чтобы это дело проверили.

Огл[ашается] л.д. 6 т. IV, где Гапонов показал, что он присутствовал при допросах арестованных Новиковым, и что в его допросе он, Гапонов, ничего предосудительного не нашёл, а попался на очередной обман, и что следователи занимаются очковтирательством.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Огл[ашается] л.д. 7 т. IV, где Гапонов показал, что ему было известно, что Абрамович и Берензон принимали сводки от агентов-провокаторов, а последних вербовал Кордун.

Подсуд. ГАПОНОВ: Впоследствии я узнал, что один из агентов провозирует, после чего он был исключён из состава агентурной сети, а ряд агентурных данных были перепроверены.

Огл[ашается] л.д. 7 т. IV, где Гапонов показал, что он работал в условиях систематической склоки, обмана, подхалимства и покровительства друг друга, и что в такой обстановке он, Гапонов, допускает, что,

возможно, и совершил некоторые ошибки в работе. Берензона, Гнесина, Кордуна здесь же Гапонов называет негодьями.

Подсуд. ГАПОНОВ: Такого мнения о них я был в 1941 году, но когда мне стало известно, что дела не фальсифицировались, я это мнение изменил.

Дело Бугаенко было сфальсифицировано Берензоном по приказанию Калюжного. Впоследствии я освободил Бугаенко и считаю, что я правильно его освободил.

Огл[ашается] л.д. 22 т. 3, заключение о деятельности Гапонова, где указано, что Гапонов необоснованно освободил участника к/р троцкистской организации Бугаенко и в дальнейшем имел связь с ним, искусственно создал к/р формирование в Киевском авто-мотоклубе.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это заключение неправдоподобно. Бугаенко освобождён правильно.

С делом работников редакции «Черноморская коммуна» я был знаком, но не знал, что следствие по нему ведут несколько человек.

Огл[ашается] л.д. 240 т. IV, где Гапонов показал, что при приезде его в Одессу он застал такую систему следствия, когда одно дело велось несколькими следователями, и что он, Гапонов, реальных мер к изменению этой системы не принял, что следователями проводились формальные допросы и записи носили трафаретный характер.

Подсудимый ГАПОНОВ: Трафаретных записей не было, за исключением нескольких случаев.

Допросы конвейерным порядком также не производились.

Трафаретные записи в то время я считал нормальным явлением.

Санкцию на арест Теплицкого я давал, а Баргера арестовывал не я, а Калюжный.

Огл[ашается] л.д. 242 т. IV, где Гапонов показал, что основанием для ареста Баргера послужило показание Сенкевича и других.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я подписывал постановление на предание суду Баргера.

Сенкевича я не арестовывал.

Огл[ашается] л.д. 243 т. IV, где Гапонов показал, что при даче санкции на арест Баргера, Ткаченко и др. он ограничился представленными ему показаниями обв[иняемого] Сенкевич[а] и докладом следователя (кажется, Абрамович[а]), и что он, Гапонов, подписывал постановления, датированные более ранним числом.

Подсуд. ГАПОНОВ: Да, некоторые постановления о предании суду, датированные июнем м-цем, я подписывал в июле м-це 1938 [г.], так как они необходимы были в делах, а фактически к моему приезду в Одессу их не было там.

Огл[ашается] л.д. 244 т. IV, где Гапонов показал, что со стороны Абрамович[а] и Берензон[а] в работе наблюдались искривления, Абрамович давал ложные сведения о вербовке агентов, собирал рапорта от сотрудников на пом[ощника] ВП Новикова, по которому он впоследствии убедился, что все эти рапорта не соответствуют действительности,

Абрамович сфальсифицировал дело Полторака, Абрамович приносил ему, Гапонову, 50 заготовленных справок на арест для утверждения.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Огл[ашается] л.д. 245 т. IV, где Гапонов показал, что Берензон искривлял следственную политику при Калюжном, кричал арестованным в уши, Берензон сфальсифицировал дело Бугаенко, который впоследствии был освобождён.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно, но я не знал о том, что Берензон или кто-либо другой издеваются над арестованными.

Бугаенко был освобождён из УНКВД г. Одесса.

Обвинительное заключение на Майданюка я не подписывал, насколько мне помнится, но, возможно, что и утвердил.

В деле КПК я не считаю, что меня Абрамович обманул, поскольку дело не было сфальсифицировано.

Огл[ашается] л.д. 342 т. IV, где Гапонов показал: «Какая фальшь. Абрамович выступает в роли “разоблачителя”, хотя всем известно, что для этой цели он годится не больше, чем заведомый растлитель годился бы для роли воспитателя в учебном заведении для младшего возраста».

Подсуд. ГАПОНОВ: Я отказываюсь от этих показаний.

Огл[ашается] л.д. 342 т. IV, где Гапонов показал:

«Моя вина по всему этому делу, помимо Водзинского, заключается в том, что я на основе докладов начальников отделений и отдела подписал обвинительное заключение на Рябца, справки на арест Еремеевой, Богуславского, обвинит[ельное] заключение на Черницу и постановление на предъявление обвинения Баргеру, Шильману, Бугрименко и Банковскому. В то время я не имел мотивов подозревать, что в делах могла быть фальсификация, и у меня не было оснований не верить руководящему составу аппарата».

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого я и сейчас не отрицаю, но это были общие замечания. Действительно, в некоторых делах были недостатки.

Огл[ашается] л.д. 349 т. IV, где Гапонов показал:

«Я отнюдь не безгрешен. У меня имелись ошибки. Я виноват в том, что сразу не разглядел всех отрицательных сторон, насаждённых Калюжным, и допустил ряд ошибок. Я виноват в том, что первое время верил руководящим работникам УНКВД, которые, как теперь видно, обманывали меня. В этом я действительно виноват и за это должен нести ответственность».

Подсуд. ГАПОНОВ: Я и сейчас это подтверждаю.

В 16 ч. 00 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 16 ч. 25 м. судебное заседание продолжается.

Подсуд. ГАПОНОВ на вопросы пред[седательству]ющего продолжает показания:

С Сусловым я имел очную ставку.

Огл[ашается] л.д. 15 т. I, заявление, где Суслов показал:

«В январе, 16 числа, 1939 г., в 12 ч. ночи, Гапонов, категорически требуя от меня подтверждения подписанных мною протоколов в 1938 [г.]

(а протоколы были составлены Берензоном и подписаны мной по принуждению в силу физического воздействия), избил меня до потери сознания. Минут через 30 этот же приём повторил Абрамович, а потом в третий раз я был избит Абрамовичем и Берензоном».

Подсудимый ГАПОНОВ: Ни я, ни Абрамович Суслова не избивали, и по какому делу он проходит, я не помню.

Эдельман проходил по делу б[ывших] работников редакции «Черноморская коммуна», и издевались ли над ним, мне не известно.

Сенкевича я избил 20 января 1939 года.

Огл[ашается] л.д.20 т. I, где Эдельман показал, что арестовал его Абрамович, заявивший, что «мы не ошибаемся, у нас в работе брака нет, ты, гитлеровская сволочь, лучше сразу признайся в своей к/р деятельности, тебе лучше будет».

Огл[ашается] л.д.23 т. I, где Эдельман показал, что Сенкевич Абрамовича называл хулиганом и провокатором, за что его садили в карцер. Гапонов на допросе избил Сенкевича до крови, что он, Эдельман, видел у Сенкевича синяки на лице, щеки были опухшие, на пиджаке были следы крови. Сенкевич показывал ему платочек, данный ему Абрамовичем взамен его окровавленного.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я его не избивал, а только дал две пощёчины, и при мне никакой крови не было.

Огл[ашается] л.д.49, 50 т. I, где Шпак показал, что Гапонов во всем потворствовал вражеской шайке Абрамовича и покрывал их преступления. Гапонов 13 января 1939 г. до такой степени избил Сенкевича, что заменил ему покрасневший от крови носовой платочек. Что он, Шпак, просил у Гапонова разрешить ему написать два письма на имя т. Сталина и т. Берия, что он, Гапонов, не разрешил. На заявление Шпак[а] о незаконных действиях Абрамовича, Мошковского, Гнесина Гапонов никаких мер не принял.

Подсуд. ГАПОНОВ: Шпак не мог этого видеть, так как он вообще не сидел с Сенкевичем, и не просил у меня разрешения написать письма Сталину и Берия. Если бы он просил, то я ему, бесспорно, разрешил бы.

Провокатора Нежинского я вообще не знаю и не знал, что провокаторов подсаживают в камеры. Если Абрамович подсылал таковых, то он скажет об этом.

Огл[ашается] л.д.54 т. I, где в своей записке на имя т. Лапкина Гапонов указывал на то, что Шпак арестован правильно, что наличие незаконных методов следствия не соответствует действительности, что поведение прокурора он считает неверным, и думает, что он допущенную ошибку исправит сам, так как, прежде чем называть арестованного товарищем и давать ему возможность клеветать на следствие, он должен был поговорить со следователем.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Никакого дела-формуляра на прокурора Новикова я не видел, а материалы, которые мне принёс нач[альник] СПО, я направил прокурору и больше ничего не делал.

На совещании, которое проводил т. Хрущёв, я был, и говорили там не только об Одессе, но и о других городах и областях.

Огл[ашается] л.д.62 т. I, постановление прокурора Лапкина о прекращении дела Шпак[а] за отсутствием состава преступления.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это ещё не говорит за то, что Шпак правильно освобождён.

Сколько времени он находился под стражей, я не знаю, так как я его не арестовывал.

Огл[ашается] л.д.6 т. I, справка на арест Еремеевой, подписанная Гапоновым и Кордун[ом].

Подсуд. ГАПОНОВ: Не помню такой справки.

Фишермана я также не помню.

Огл[ашается] л.д.85 т. I, где в постановлении по делу Черницы указано, [что] контрреволюционная деятельность Черницы материалами дела не доказана, а, наоборот, что он, Черница, за время своей работы провёл большую работу по ликвидации последствий вредительства в коммунальном хозяйстве. Дело Черницы на основании ст. 197 ч. II УПК УССР производством прекратить, и из под стражи Черницу освободить.

Подсуд. ГАПОНОВ: На Черницу я не представлял никаких материалов. Кроме того, это заключение обосновано на показаниях общего характера.

До ареста Черницы я не выступал против него и только после его ареста я говорил о его к/р деятельности.

Огл[ашается] л.д.86 т. I, где Баргер в заявлении на имя прокурора Одесского военного округа указал, что после допроса его Кордуном и Савиным в кабинет Степанского вошёл Гапонов и заявил, что со мною собираются разделаться как с любым врагом, и что он, Баргер, ещё не испытал всего того, что его ждёт.

Подсуд. ГАПОНОВ: Баргера я вообще встречал только один раз.

В 17 ч. 00 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 10 ч. 40 м. 22/IV-[19]43 г. судебное заседание продолжается.

На вопросы суда подсудимый ГАПОНОВ продолжает показания:

Вынужденных показаний от Баргера я не добивался.

Огл[ашается] л.д.86 т. I, где Баргер указал, что Гапонов не уступал в угрозах Киселёву. Угрожал Баргеру, что последний кровью будет писать, если не даёт показаний.

Подсуд. ГАПОНОВ: В то время я ещё не знал ни Баргера, ни других арестованных, и беседы с Баргером я не имел, поскольку я его дела ещё не знал.

Огл[ашаются] л.д.100, 101 т. I, где Сенкевич показал, что Гапонов — испытанный мастер фальшивок — называл его, Сенкевича, проституткой, оскорблял руганью и добивался показаний, нужных следствию.

Подсуд. ГАПОНОВ: До моего приезда в Одессу от Сенкевича уже были получены показания, и мне незачем было добиваться от него показаний. Никаких жалоб от Сенкевича я не получал, и он ко мне с жалобами не обращался.

Огл[ашаються] л.д.104, 105 т. I, где Сенкевич показал, что он просил Гапонова выслушать его жалобу на незаконные действия следователей, но Гапонов вместо этого набросился с руганью, начал избивать в лицо, в грудь, живот и избил до полусознания, после чего у него, Сенкевича, отобрали окровавленный платочек и угрожали, что «если не одумаешься, то положим на кушетку и будем бить палкой».

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого не было.

Конончук — в то время вновь принятый работник УНКВД и ему не верить у меня нет оснований.

Огл[ашаються] л.д.134 т. I и 138 т. I, где Конончук показал, что в Одесском УНКВД существовала круговая порука. За то, что он, Конончук, в протоколе писал наряду с отрицательными фактами и положительные, Гапонов заявил: «Учтите, если человек и честный, но битый, то его освободить нельзя, и мы его освобождать не будем, потому что он будет дискредитировать органы и партию».

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого не было, и вообще Конончук, как новый работник, не мог дать мне оценку.

Огл[ашается] л.д.151 т. I, где Конончук показал, что в мае м-це [1938 г.] в кабинете начальника 4-го отделения в присутствии Мельниченко, его (Конончука) и Гапонова Берензон показал Гапонову дело-формуляр и сказал: «Я на того Новикова завёл дело-формуляр, жалко, что этого материала мы раньше не имели».

Подсуд. ГАПОНОВ: С Берензоном я не разговаривал о Новикове и никакого дела-формуляра на него не заводил.

Огл[ашается] л.д.140 т. I, где Конончук показал, что в разговоре с Вайнером последний говорил о том, как брали показания у Самарина, и выразился, что это — одна жуть и что, по сравнению с этим, всё остальное — мелочи.

Подсуд. ГАПОНОВ: Дело Самарина велось не в Одессе, а в Киеве, и Вайнер, ещё тогда не работавший в облуправлении, не мог знать, что делают в Киеве.

Дело Шпака проведено с моим участием.

О Новикове речь шла в январе или в феврале м-це 1939 г., и в другое время разговора о нем не было.

Огл[ашается] л.д.149 т. I, где Конончук показал, что Берензон, Абрамович, Мошковский и Гнесин написали преувеличенные рапорта на Новикова, и Абрамович требовал от него, Конончука, написать такой же рапорт о том, что Новиков допускает, чтобы заключённые клеветали на следствие.

Подсуд. ГАПОНОВ: Об этом мог знать нач[альни]к отдела, а я не мог знать обо всем.

Огл[ашается] л.д.5 т. III, справка на арест Рыбчука, подписанная Гапоновым и Буркиным.

Подсуд. ГАПОНОВ: Возможно, что такую справку я подписывал.

Огл[ашается] л.д.9 т. III, заключение пом. Военного прокурора Бойко, где указано, что оснований на арест Рыбчука не было.

Огл[ашается] л.д.79 т. III, где Рыбчук показал, что на допросе его избивали Абрамович, Мошковский и Фадеев, а когда зашёл Гапонов, и он, Рыбчук, ему пожаловался, то Гапонов ничего не сказал и вышел.

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого не было.

Огл[ашаются] л.д.72 об., 73 т. III, где Брук показал:

«В начале 1939 г. к нам в камеру привели арестованного Сенкевича, лицо которого было опухшее, бледный, и рассказал, что его избил Гапонов, и показывал платочек, который дал ему Абрамович взамен окровавленного. Сенкевич говорил, что помещение, где его избивали, было всё в крови. Сенкевич жаловался, что его Абрамович также избивал, плевал на него, кричал в уши и добивался признания. Арестованные Брант и Эдельман также жаловались, что над ними издевались следователи Берензон и Абрамович, о тело тушат горящие папиросы, кричат в уши».

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого никак не могло быть. По вопросу об избивании Сенкевича мною у всех разные показания, что говорит за то, что этого не было в действительности.

Огл[ашается] л.д.77 т. III, где свидетель Луненок показал, что когда он, Луненок, жаловался Гапонову на неправильные действия Мошковского и просил дать другого следователя, то Гапонов ему в этом отказал и заявил: «Если следователь пишет неправду, то Вам на суде легче будет разоблачить эту неправду». Луненок также показывает, что ему рассказывал Сенкевич об избивании его Гапоновым и Абрамовичем.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это выдумка.

Огл[ашается] л.д.123 т. III, где свидетель Дрибинский показал, что он не нашёл оснований по делу на арест Самарина и что обвинение последнего ничем не подтверждено.

Подсуд. ГАПОНОВ: Возможно, и так. Дело велось в Киеве, а Самарина я вообще не знал.

Огл[ашается] л.д.251 т. III, где пом. прокурора Лукашевич показал, что когда Гапонов узнал, что при допросе прокурором Лапкиным обвиняемые отказывались от ранее данных показаний, то приказал сотрудникам, больше людей на допрос к прокурорам не водить, и вызвал к себе Лапкина и его, Лукашевич[а], где заявил: «Что ж работников моих начали подозревать, дела на них начали заводить, ну, заводите, мы на Вас тоже завели, пусть будет это Вам известно».

Подсуд. ГАПОНОВ: Он показывает неправду. Такого разговора у меня с ними не было, да и вообще, прокуроров я не имел права вызывать.

Огл[ашаются] л.д.410 об., 411 т. IV, где свидетель Резников показал, при беседе Гапонова с агентом «Суминым» он полностью не присутствовал, но, пользуясь сводкой и объяснениями агента, Гапонов чертил схему участников организации в Киевском авто-мотоклубе, и что после этого Гапонов предложил агенту «Сумину» подписать сводку, ранее им составленную. Причём первая сводка Гапонова не удовлетворила, и агент составил вторую сводку, которую он, Резников, принял и передал Гапонову.

Подсуд. ГАПОНОВ: Никакой сводки от Резников я не принимал, равно как и от агента «Сумина».

Огл[ашається] л.д.430 т. IV, где Калужский показал, что по приказанию Гапонова к арестованному Гофман-Малиновскому дважды применялись при допросе меры физического воздействия, первый раз — Яралянцем, а второй раз — Друшляком и самим Гапоновым.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это неверно. Я, как нач[альни]к 6-го отд[еления], не мог дать на это санкцию¹⁰⁰ н[ачальни]ку 1-го отделения¹⁰¹.

Огл[ашається] л.д.431 т. IV, где Бурдан в своём объяснении указывает, что в его присутствии Гапонов, а потом и Друшляк, по его распоряжению избивали Гофмана-Малиновского, бывшего в заключении.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это дело вело 1-е отделение, а я к 1-му отделению никакого отношения не имел, так как в нем не работал¹⁰², и, следовательно, такого случая не могло быть.

Огл[ашаются] л.д.432, 433 т. IV, где из показаний агента «Сумина» видно, что в июне м-це 1938 г. он был на связи с Резниковым, где был и Гапонов, который начертил схему антисоветской организации в Киевском авто-мотоклубе, где были указаны Грабовский, Ковалевский, Игенберг¹⁰³ и др., на основании которой им, агентом, был сделан вывод о существовании к/р организации и составлена сводка.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я уже говорил, что этого не было.

Огл[ашаются] л.д.434–436 т. IV, где Резников в разъяснении на имя Кобулова указывает, что на явке агента «Сумина» присутствовал Гапонов и вел с ним беседу, где составляли схему к/р организации при Киевском авто-мотоклубе, на основании которой и была составлена сводка агентом «Суминым» с указанием в ней Грабовского, Ковалевского, Цицельского, Игенберга как участников к/р организации.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я уже отрицал это.

В 11 ч. 50 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 12 ч. 30 м. судебное заседание продолжается.

Подсуд. ГАПОНОВ на вопросы пред[седательству]ющего продолжает показания:

Обвинительное заключение по делу Шпак[а] было мною подписано, но потом оно было вообще аннулировано.

Обвинит[ельное] заключение по делу Васюренко я не утверждал.

Огл[ашається] л.д.239 т. I, где указано, что обвинит[ельное] закл[ючение] по делу Васюренко составлял Гнесин, но подписывал за Гапонова Буркин.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Обвинительное заключение по делу Майданюка я не подписывал.

¹⁰⁰ У документі — санкції.

¹⁰¹ С. Гапонов брехав. В цей час він виконував обов'язки помічника начальника 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, і фактично в тих умовах начальники відділень цього відділу були йому підпорядковані.

¹⁰² Те ж саме, про що сказано у попередньому посиланні.

¹⁰³ Тут і далі у документі помилково через літеру «д» — Иденберг.

Огл[ашаються] л.д. 93 т. I, 151 т. II, заключение пом. Военного прокурора Компанцева по делу б[ывших] работников КПК, из которого видно, что материалами дела виновность проходящих по делу лиц не доказана в их принадлежности к право-троцкистской организации, что при ведении следствия по делу грубо нарушалась созаконность, за что возбуждается уголовное преследование на лиц, принимавших участие в ведении следствия по указанному делу: Калюжного, Гапонова, Абрамовича, Берензона и других.

Огл[ашаються] л.д. 159–163 т. II, выписка из протокола заседания бюро Сталинского РК КП(б)У от 24/VII–[19]40 г. о члене партии Гапонове, где Гапонов заявлял, что он виноват в том, что не разобрался с делом КПК, слепо верил работникам УНКВД, приложил свою руку к Сенкевичу и Чумаку.

Огл[ашается] л.д. 164 т. II, постановление бюро Сталинского РК КП(б)У от 24/VII–[19]40 г., которое констатирует, что Гапонов лично применял меры физического воздействия к арестованным и поощрял в этом своих работников, допускал фальсификацию следственных дел. Гапонова из рядов партии исключить.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Сводку агента «Сумина» можно было и нужно было проверить, но это не моё дело. Никакой схемы и никаких установок на фальсификацию сводки агенту «Сумину» я не давал.

Огл[ашается] л.д. 55 т. III, где свидетель Вайнер показал, что во время допроса Абрамовичем Сенкевича в присутствии Берензон[а] и его, Вайнер[а], вошёл Гапонов и, узнав, что Сенкевич не подписывает ст. 200 УПК, приказал Сенкевичу встать, а потом размахнулся и ударил его кулаком в лицо так, что Сенкевич облился кровью, после чего Абрамович утёр Сенкевичу лицо и отобрал у него окровавленный платочек, а дал ему, Сенкевичу, свой. После этого Гапонов и Абрамович вышли из комнаты, а Вайнеру приказали сидеть с Сенкевичем до утра.

Подсуд. ГАПОНОВ: Показания Вайнер[а] соответствуют действительности, за исключением, где он говорит о крови, которой не было, и о платочке.

Дело Шпак[а] после его окончания следствием по моему распоряжению было передано в ЭКО.

Санкцию на арест Теплицкого¹⁰⁴ я дал на основании агентурных данных, имевшихся на Теплицкого.

Сенкевича я допрашивал только один раз, и мои действия в части его избияния я в тот момент считал правильными, так как на этот счёт были указания свыше. В отдельных случаях применялись меры физического воздействия, если доказано, что подследственный действительно является врагом народа.

Дело Бугаенко следствием начинал и закончил его Калюжный, но освобождал я по предложению НКВД УССР.

Дело Полторака было сфальсифицировано.

¹⁰⁴ Тут і далі у документі помилково через літеру «и» — Типлицкого.

Виновным себя я признаю только в том, что при допросе Сенкевича применял меры физического воздействия, и в том, что мало уделял внимания аппарату СПО, что объясняется перегруженностью меня в работе.

На суде по делу Калюжного я не был, но на бюро Сталинского РК КП(б)У по разбору дела КПК я был.

Огл[ашается] л.д.5 приложения № 15 к делу, где Чазова заявила, что на обкоме КП(б)У Гапонов указывал, что дело КПК сфальсифицировано Калюжным, а он, Гапонов, получил его в готовом виде, но не сумел хорошо разобраться в этом деле, и что ему не помогли Абрамович, Берензон, Гнесин, а, наоборот, поддерживали точку зрения правильности дела КПК.

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого я не отрицаю.

После издания Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI–[19]38 г. мною был отдан под суд нач[альник] отделения Тягин, проверен ряд работников Управления, было освобождено из-под стражи несколько сот человек.

В своей работе я больше всего уделял внимания на СПО, практиковал лекции опытных следователей для всех оперативных работников, обновил и пополнил агентуру.

Угрозы со стороны следователя вынудили меня давать на себя ложные показания. О неправильных методах следствия я писал наркому т. Берия, трибуналу.

Выстойки к арестованным при мне не применялись.

Санкцию на арест Рябчука давал я.

В 13 ч. 30 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 13 ч. 45 м. суд. заседание продолжается.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДСУДИМОГО КОРДУН[А]

В моё обвинение, в основном, вменяется дело КПК.

По этому делу, я помню, были агентурные данные агента «Нетронутый» и допрос 2-х обвиняемых.

Это дело начал[и] вести ещё Коваленко, Цирульницкий, а при мне по этому делу было арестовано только 3 чел.

Я лично допросил свидетеля Рудакс Ольгу, которая показала о связи Беркович[а]-Канфер[а] с её бывшим мужем¹⁰⁵, и передопросил двух обвиняемых.

Других действий по этому делу я не производил. Меня обвиняют в том, что я не запросил о Носове, главном вербовщике, о чем я показывал на следствии. Впоследствии я узнал, что о Носове в Москву был сделан запрос, на который был получен ответ, что Носов в Москве не проживает.

Ни к кому из арестованных я не применял каких-нибудь извращённых методов следствия.

¹⁰⁵ Идется про «активного троцькіста» Гольдшмидта.

На меня неправильно показывают Ключенко, Баргер. Баргера я единственный раз допрашивал, тогда как он показывает, что я его несколько раз допрашивал.

Черников протоколов допроса я не составлял, а писал их сразу начисто, а печатали всегда для Киева, и [на]печатанные копии¹⁰⁶ для подписи подсудимым я не давал. Тогда, когда в протоколе допроса указываются несколько лиц и необходимо вкладывать в дела, мы делали копии или выписки.

Мер физического воздействия со стороны работников I[-го] отделения к арестованным не применялось, так как все дела I-го отделения шли на гласный суд.

Со стороны работников других отделений допускалось это, и часто можно было слышать в тюрьме вопли и стоны арестованных.

По своей натуре я никогда не позволял к кому-нибудь грубостей или оскорблений.

Заявление Эдельмана о том, что я ему угрожал — наглая ложь.

На вопросы суда подсудимый КОРДУН показал:

По делу КПК я произвёл передопрос Агронского и Сороковика. На допросе я сказал, что я лично вел дела на Бейлина и Винника, но это была моя ошибка.

К Военной коллегии люди были рассажены по кабинетам, так как в камерах они не помещались. Такое решение вынесло оперативное совещание УНКВД.

Огл[ашаются] д.д. 232 об., 233 т. 2, где подс[удимый] Кордун показал, что перед заседанием Военной коллегии он разговаривал с арестованными и выяснял, всё ли они рассказали следствию, не скрыли ли чего-нибудь от следствия, не забыли ли они свои показания. Этим занимался весь оперсостав УНКВД.

Подсуд. КОРДУН: Правильно.

На Канфер[а], кажется, были агентурные материалы, но утверждать я не могу, поскольку не помню точно.

Огл[ашается] д.д. 246 т. III, где Кордун показал, что оснований для ареста Канфера не было, так как в деле были только показания двух осуждённых — Друца и Рудак.

Подсуд. КОРДУН: Совершенно правильно, но мне кажется, что часть агент[урных] материалов исчезла.

Следствие по делу Бейлина вел Берензон, а по делу Вырвихвиста¹⁰⁷ — Мошковский.

Я был в курсе всех этих дел.

Огл[ашается] д.д. 237 т. IV, где подс[удимый] Кордун показал, что после окончания следствия по делу Сороковика им был передопрощен Сороковик, вероятно, в связи с получением новых агентурных данных или следственных материалов.

Подсуд. КОРДУН: Почему я его снова допросил, не помню.

¹⁰⁶ У документі — печатанных копий.

¹⁰⁷ У документі через літеру «и» — Вирвихвиста.

Огл[ашається] л.д. 352 т. IV, где подсуд[имый] Кордун заявил, что на допросе подсуд. Гнесин указывал о том, что Кордун давал указания на извращение методов следствия, а Абрамович заявил, что ему давал Кордун указание на составление необоснованных справок на арест группы работников обллита.

Подс. КОРДУН: Это не соответствует действительности. Гнесин впоследствии от этих показаний отказался. Показание Абрамовича в части предоставления необоснованных справок, якобы я ему давал указания, неправильно.

Огл[ашається] л.д.¹⁰⁸ 353 т. IV, где Кордун указывает, что на допросе Гапонов говорил, якобы он, Гапонов, передал дело Черницы ему, Кордуну, и указывал на недостатки и искривления в следственной работе.

Подсуд. КОРДУН: Это также не соответствует действительности.

В 14 ч. 30 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 14 ч. 45 м. суд. заседание продолжается.

Подсуд. КОРДУН продолжает:

В моем отделении были Абрамович, Берензон и Гнесин из числа сидящих здесь подсудимых.

Эдельман мог обращаться ко мне только с жалобой.

Почему Гапонов и Эдельман называют меня негодяем, я не знаю.

Огл[ашається] л.д. 17 т. I, где в заявлении Эдельман указывает, что группа явных негодяев, мелких карьеристов — Кордун, Абрамович, Берензон и Гнесин искусственно создали в редакции к/р организацию и арестовали честных людей, при допросе неслыханно издеваются над арестованными. Его, Эдельмана, 11 дней и ночей допрашивали беспрерывно, били, кричали в уши, плевали в лицо Абрамович, Гнесин и Берензон.

Подсуд. КОРДУН: Эдельман ничего конкретного сказать не может, это общие слова, и заявление его ни на чем не основано.

О том, что Берензон и Абрамович издевались над арестованными, мне ничего не было известно, даже Эдельман, с которым я разговаривал, ничего мне об этом не сказал. Таких фактов я не допускаю.

Огл[ашається] л.д. 18 т. I, где Эдельман указывает, что о всех издевательствах со стороны следователей он писал н[ачальни]ку 1-го отд[еления] Кордун[у], который, получив заявление, вызвал его, Эдельмана, и заявил: «Не будешь писать чернилами, будешь писать кровью».

Подсуд. КОРДУН: Никакого письменного заявления от Эдельмана я не получал и не допускаю, чтобы работники 1-го отделения издевались над арестованными.

Огл[ашається] л.д. 86 т. I, где Баргер показал, что, будучи на допросе у Кордуна, который занимался избиением на непрерывных допросах, к ним часто заходил Берензон, как бы в помощь Кордуну, и обрушивался гнусными оскорблениями и угрозами, заявляя: «Что ты сидишь как поц,

¹⁰⁸ У документі — стр.

это тебе не обком. Фашист, это тебе не обком, пиши, что говорят, иначе тебя сотрут в порошок, таких голубчиков мы немало расстреляли».

Подсуд. КОРДУН: Это неверно. Берензон мог заходить ко мне в кабинет, но не с такими целями. Баргера я арестовал и в тот же день допросил его в течение 1 часа. Больше я с ним не встречался. По тем материалам, которые были, Баргера можно было охарактеризовать как врага народа. Почему его освободили, я не знаю.

Почему меня освободили от оперативной работы, я не знаю, так как мне только сказали: «Куда партия посылает, туда и ехать надо», и меня откомандировали.

Из партии меня исключили заочно.

Огл[ашается] л.д. 87 т. I, где свидетель Баргер показал, что Кордун вынудил его подписать постановление о предъявлении обвинения, сопровождая это избиением, плевками в лицо, и заявлял: «Признайся, что ты — участник право-троцкистской организации». На его, Баргер[а], протесты Кордун заявил, что он обличён правами на избиение, и что он может сделать что угодно, вплоть до расстрела.

Подсудимый КОРДУН: Постановление о предъявлении обвинения им было подписано без всякого к тому принуждения. Все его показания ложны.

Огл[ашается] л.д. 88 т. I, где Баргер указывает, что 10/VII—[19]38 г. ему Кордун заявил, что он, Кордун, решил арестовать его, Баргер[а], жену, а детей отдать в детский дом как щенят, и что семья уже выселена из квартиры и ходит по улице. Здесь же поднял бумажку и сказал: «Вот ордер на арест Вашей жены». Кордун подвергал его, Баргер[а], неслыханным избиениям до потери сознания, и что так продолжалось в течение 16 месяцев.

Подсуд. КОРДУН: Это — наглая ложь. Я отрицаю это. В июле м-це я его арестовал, а в ноябре м-це 1938 [г.] я был откомандирован и 16 месяцев над ним я издеваться не мог. Это всё — плоды его фантазии. Он клеветает на меня, потому что я принимал участие в его аресте и первый его допрашивал.

Сенкевича я знаю, потому что дело велось 1-м отделением.

Огл[ашаются] л.д. 98—99 т. I, где Сенкевич показал, что он со стороны Абрамовича подвергался неслыханным избиениям, и что на это его воодушевлял Кордун, неоднократно заходивший во время допроса. Ему, Сенкевич[у], предложили дать показания не менее как на 100 листах и указать ещё не менее 100 человек. Протоколы очных ставок Абрамовичем фабриковались и давались на подпись.

Подсуд. КОРДУН: Всё это — общие слова. Никто от Сенкевича никаких цифр о количестве организации не требовал.

Показание Конончука я читал, но, о том, о чем он показывает на Абрамовича¹⁰⁹ и Берензон[а], я ничего не знал, и мне ничего не было известно.

¹⁰⁹ У документі помилково — Абрамчука.

Огл[ашается] л.д.180 т. I, постановление пом. ВП ОдВО Компанцева, констатирующее, что материалы на обвинение Мосалёва следствием собрано недостаточно, и социальная опасность его не доказана, в связи с чем дело прекратить и Мосалёва из-под стражи освободить.

Подсуд. КОРДУН: Почему Мосалёв освобождён, я также не знаю.

Я помню, что Спиридонов-Вавилов¹¹⁰ проходил через отделение.

Тонконог тоже был арестованным и проходил через 1-е отделение.

Клюненко — работник редакции «Черноморская коммуна».

Огл[ашаются] л.д.184, 185, 186, 187 т. I, где свидетель Клюненко показал, что первый допрос производил ему Кордун, на котором Кордун вызвал двух парней в майках, и последние начали избивать его, Клюненко. Кордун всё время добивался признания о принадлежности к к/р организации. Впоследствии вел допросы также Кордун, который никаких протоколов не составлял во время допроса и систематически продолжал издеваться — плевал в лицо, заставлял стоять на ногах в вытянутом положении и т.д., а 15/VIII—[19]38 [г.] крепко избил и вынудил подписать заранее составленные им протоколы. Угрожали арестом семьи, требовали показаний на других лиц.

Подсуд. КОРДУН: Ничего подобного не было.

Огл[ашается] л.д.68 об. т. III, где Шпак показал, что Кордун в разговоре с ним заявил: «Твоё упорство ни к чему хорошему не приведёт. В лучшем случае ты сгинешь в тюрьме, а в худшем — расстреляю лично я. Мы, ежовцы, никогда не ошибаемся, раз Вас арестовали, значит, Вы — враги, а к врагам партия решила применять самые утончённые пытки».

Подс. КОРДУН: Шпака я никогда не допрашивал. Я его видел единственный раз не дольше как в течение 5 минут.

Брук находился под стражей в Управлении НКВД, он был, кажется, периферийным работником РК ВКП(б).

Огл[ашаются] л.д.72 об., 73 т. III, где свидетель Брук показал, что ему известно об избиении Гапоновым Сенкевича, который пришёл в камеру с допроса в синяках, с опухшим лицом. Арестованный Эдельман также жаловался на следователей. Брант и Агронский также говорили, что над ними издеваются и избивают Абрамович, Берензон и Кордун. Об этом же якобы говорил и Канфер в споре с Агронским, о чем он, Брук, слышал.

Подсудимый КОРДУН: Брук говорит со слов Агронского, дело на которого я совершенно не вел. Всё они выдумывают.

Я совершенно напрасно нахожусь под стражей, так как я ни в чем не виноват.

О том, что на прокурора Новикова было заведено дело-формуляр, я не знал и не помню, было ли вообще оно заведено.

Дело Агронского мне известно. Его вел Цирульницкий.

Огл[ашаются] л.д.242 об., 243 т. I, протокол осмотра архивно-следственного дела по обвинению Агронского, из которого видно, что 7/X—[19]38 г. Агронского допросил Кордун, причём Агронский подтвердил

¹¹⁰ У документі через літеру «о» — Вовилов.

данные им ранее показания, и по приговору ВК Верховного Суда СССР от 10/Х-[19]38 г. Агронский приговорён к ВМН и расстрелян.

Подсудимый КОРДУН: Не помню. Но один раз я допрашивал Агронского 7/Х-[19]38 г.

Огл[ашается] д.д. 32 т. 5, Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 июня 1941 г. об отмене приговоров в отношении Канфера-Берковича, Агронского, Бейлина, Винника, Фрейдина, Сороковика и Майданюка и о прекращении дел на них.

Подс. КОРДУН: К делу Самарина я никакого отношения не имел.

Черкасский — это б[ывший] работник редакции.

Огл[ашаются] д.д. 48, 49 т. II, где свидетель Черкасский показал, что Берензон, Гнесин, Абрамович и Кордун являлись организаторами провокационных и мифических к/р организаций, ставили перед собой задачу перебить больше коммунистов, невинных людей.

Подсуд. КОРДУН: Его показания ничем не обоснованы. Никакого дела я на него не фабриковал.

Теплицкий — тоже б[ывший] работник редакции, провокатор и клеветник.

Богуславский тоже проходил через 1-е отделение, но о том, что его бил Берензон, я не знаю. Этого не могло быть.

В 16 ч. 30 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 20 ч. 20 м. судебное заседание продолжается.

Подсудимый КОРДУН продолжает:

Очная ставка с Сенкевичем у меня была.

Огл[ашается] д.д. 23 т. IV, протокол очной ставки между Сенкевичем и Кордуном, где Сенкевич показал, что Кордун знал о фальсификации Абрамовичем его, Сенкевича, дела, неоднократно присутствовал на допросах, советовал не упираться, заявлял, что органы НКВД не ошибаются, и говорил ему, Сенкевичу, что его жизнь — на волоске.

Подсудимый КОРДУН: Сенкевича я единственный раз видел в кабинете Абрамовича и разговаривал с ним, рекомендовал ему не упираться, но никаких угроз с моей стороны не было.

Какие материалы послужили для обвинения Сенкевич[а], я не помню.

С Эдельманом¹¹¹ у меня была очная ставка, на которой Эдельман лгал на меня. Эдельман говорил правильно в той части, где он говорит, что я никакого отношения к этому делу не имел, его не допрашивал, но Эдельман неправду говорит в той части, где говорит, что я ему угрожал писать его кровью.

С Баргером у меня была очная ставка.

Огл[ашается] д.д. 57 т. IV, где Баргер показал, что при допросе его Кордун избивал, ругал и вообще применял неправильные методы. Под воздействием подобных методов он вынужден был подать заявление на

¹¹¹ У документі помилково із зайвою літерою «й» — Эйдельман.

¹¹² У документі помилково — стр.

имя н[ачальни]ка УНКВД по схеме, составленной и преподнесённой Кордуном.

Подсуд. КОРДУН: Это не соответствует действительности. На основании личного заявления Баргер[а] я составил заявление на имя н[ачальни]ка УНКВД.

Огл[ашается] л.д.58 т. IV, где Баргер показал, что за фальсификацию на него дела он считает виновным Кордуна.

Подсуд. КОРДУН: Это также не соответствует действительности.

С Абрамовичем у меня также была очная ставка.

Огл[ашается] л.д.444 т. IV, протокол очной ставки между Кордуном и Абрамовичем, где последний показал, что Кордун дал ему указание на составление справок об аресте группы работников обллита на основании только одного показания Полторака, заявляя, что такое разрешение получено от н[ачальни]ка Упр[авления] НКВД.

Подсуд. КОРДУН: Такого указания Абрамовичу я не давал и в этом виновным себя не считаю. К Гапонову я не ходил за разрешением на арест работников обллита.

Подсуд. ГАПОНОВ: За таким разрешением ко мне не приходил Кордун, т.к. Полторака был арестован ещё до моего приезда в Одессу.

Подсуд. КОРДУН: Следствие по этому делу велось в 1-м отделении. Давал ли я указания Абрамовичу о проведении очных ставок между Шпаком, с одной стороны, и Сороковиком, Вырвихвистом и Канфером, с другой, я не помню.

Огл[ашается] л.д.445 т. IV, где Абрамович показал, [что] на проведение очной ставки между Шпаком, с одной стороны, и Сороковиком, Вырвихвистом и Канфером, с другой, указание дал Кордун, заявив, что Носов сбежал, а Шпаку надо дать очную ставку с арестованными, которые его уличают в к/р деятельности.

Подсуд. КОРДУН: Не помню. Все знали, что Носов, как основной вербовщик, разыскивается.

Дела КПК находились и у меня, и у других работников, а также и у Гапонова.

Подсуд. ГАПОНОВ: Дела у меня не хранились.

Подс. КОРДУН: Очная ставка у меня была и с Гнесиным.

Огл[ашается] л.д.453 т. IV, где на очной ставке с Кордуном Гнесин заявил, что Кордун ему сказал кричать на арестованных и требовать от них показаний по существу предъявл[енного] обвин[ения].

Подсуд. КОРДУН: Это неверно.

Дело Тарнавского проходило по 1-му отделению, и следствие по нему я поручил Гнесину. Он же предъявлял и обвинение.

Огл[ашается] л.д.455 [т. IV], где Мошковский заявил, что он получил справку и ордер на арест Васюренко от Кордун[а].

Подсуд. КОРДУН: Такого случая не помню, никаких указаний на арест Васюренко я не давал.

О том, что Носов арестован и осуждён, я не мог говорить Мошковскому.

Огл[ашается] л.д.455 об. т. IV, где Мошковский на очной ставке с Кордуном показал, что Кордун ему говорил о том, что Носов арестован

органами НКВД. Это было в связи с показаниями Васюренко, который говорил, что он завербован Носовым.

Подс. КОРДУН: Такого разговора с Мошковским я не имел.

С Берензоном у меня была очная ставка, где речь шла о Нежинском.

Огл[ашается] л.д.457 [т. IV], где Берензон показал, что ему Кордун дал распоряжение на передопрос Фрейдина, тогда как дело было уже закончено.

Подсуд. КОРДУН: Этого не было.

С Гапоновым у меня также была очная ставка.

Дело Черницы вел не я.

Огл[ашается] л.д.459 т. IV, где Гапонов на очной ставке с Кордуном показал, что дело Черницы он поручил для ведения следствия Кордуну.

Подсуд. КОРДУН: Я не знаю, почему был освобождён Черница.

Это дело вело моё отделение. Гапонов неправильно говорит, что он поручил мне вести следствие. Я не помню, от кого я получал эти дела.

За дело Черницы я ответственность нести не могу.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я лично вызвал Кордуна и передал ему дело Черницы.

Подсуд. КОРДУН: Это неправда. От кого я получил это дело, я не помню, но только не от Гапонова.

Огл[ашается] л.д.459 т. IV, где Гапонов утверждал, что со стороны Абрамович[а] и Берензон[а] были искривления в следственной политике.

Подсуд. КОРДУН: Нет, этого не было.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я подтверждаю эти показания.

Подсуд. КОРДУН: Со стороны Абрамович[а] и Берензон[а] я не наблюдал искривлений следственной политики.

Огл[ашается] л.д.459 об. т. IV, где Гапонов на очной ставке с Кордуном показал, что к нему в кабинет заходил Кордун и говорил, что со стороны Берензона наблюдались случаи крика в уши заключённым.

Подсуд. КОРДУН: Это не соответствует действительности, и я это отрицаю.

При наличии только 1–2 показаний лиц справки на арест не составлялись.

По делу б[ывших] работников КПК я виновным себя ни в чем не признаю.

Мер физического воздействия я ни к кому из арестованных не применял, и нарушений соцзаконности в моем отделении не было, и никаких замечаний на этот счёт от нач[альника] Управления я, следовательно, получить не мог.

1-е отд[еление] было единственным, где не применялись меры физического воздействия к арестованным, так как все дела этого отделения представлялись на гласный суд.

За что были осуждены Фёдоров и Киселёв¹¹³, я не знаю.

В 21 ч. 30 м. объявлен перерыв суд. заседания.

¹¹³ Йдеться про колишніх начальників УНКВС по Одеській області.

С 21 ч. 45 м. суд. заседание продолжается.

Секретарь доложил, что согласно заявленных ходатайств подсудимых в суд доставлено дело заключённого Калюжного.

Пред[седательству]ющий огласил определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 14/II–[19]41 г.¹¹⁴, а не постановление Пленума Верховного Суда СССР согласно заявленного ходатайства подсудимых.

Оглашается также постановление Пленума Верховного Суда СССР о снятии с обсуждения протеста Прокурора Союза ССР (постановление от 24/IV–[19]41 г.)¹¹⁵.

ВТ, совещаясь на месте, **ОПРЕДЕЛИЛ:**

Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 14/II–[19]41 г. и постановление Пленума Верх. Суда СССР по делу Калюжного приобщить к настоящему делу.

Подсуд. ГАПОНОВ на вопросы суда:

С Сенкевичем у меня была очная ставка, где я не подтверждал показания Сенкевича.

Огл[ашается] л.д. 34 т. IV, где Сенкевич на очной ставке с Гапоновым показал, что он заявлял Гапонову о незаконных методах ведения следствия со стороны Абрамовича и Кордуна и что его, Сенкевича, дело — фальшивка. Кроме того, Сенкевич показал, что его избил Гапонов при допросе в ночь на 14 января 1939 года.

Подс. ГАПОНОВ: Я подтверждаю эти показания только в той части, что я нанёс ему 2 пощёчины.

С Тарнавским у меня также [была] очная ставка, где я интересовался, каким путём он передал из тюрьмы заявление в ЦК ВКП(б).

Огл[ашается] л.д. 46¹¹⁶ т. IV, где Тарнавский на очной ставке с Гапоновым показал, что он рассказывал в кабинете Гапонову о незаконных методах ведения следствия, на что Гапонов ответил: «Мало тебя били, раз ты отказываешься. Вот мы тебя посадим в одиночку, то ты напишешь или подпишешь втрое больше».

Подсуд. ГАПОНОВ: Разговор шёл не в такой плоскости. Я интересовался только заявлением в ЦК ВКП(б).

С Баргером у меня тоже была очная ставка, где он утверждал, что я имел с ним 2 встречи, а я это обстоятельство отрицал.

Огл[ашается] л.д. 59 т. IV, где на очной ставке с Гапоновым Баргер показал, что при допросе его Гапонов и Киселёв требовали признания, и Гапонов заявил, что «если не будешь писать чернилами, будешь писать кровью». Баргер в 1938 г., в конце ноября м-ца, подавал заявление на имя

¹¹⁴ Йдеться про визначення Військової колегії Верховного суду СРСР № 5–549 від 14 лютого 1941 р. у справі В. Ф. Калюжного (див. документ № 32).

¹¹⁵ Суть ухвали Пленуму Верховного суду СРСР полягала у рішенні про зняття з обговорення протесту Прокурора СРСР В. М. Бочкова на ухвалу Військової колегії Верховного суду СРСР від 14 лютого 1941 р. у справі В. Ф. Калюжного.

¹¹⁶ Друга цифра проставлена як виправлення зверху над цифрою «7».

н[ачальни]ка УНКВД, которого тогда замещал Гапонов, о незаконных методах следствия, но результата не получил.

Подсуд. ГАПОНОВ: Его показания записаны правильно, но показания сами по себе неправдоподобны.

Огл[ашается] л.д.61 т. IV, где на очной ставке с Гапоновым Рыбчук показал, что при встрече с Гапоновым он пожаловался последнему на факты избиения его по голове следоват[елем], на что Гапонов ответил: «По голове бить не будут, а по заднему месту иногда будут».

Подсуд. ГАПОНОВ: Такие разговоры с Рыбчуком я отрицаю.

Огл[ашаются] л.д.69–70 т. IV, где на очной ставке Суслова и Гапонова Суслов показал, что 16 января 1939 г. при допросе его Абрамовичем присутствовал Гапонов и избивал его, Суслова, в течение 10 минут и говорил: «Почему не даёшь показаний?».

Подсуд. ГАПОНОВ: Суслова я никогда не бил и ему не угрожал.

Были у меня очные ставки с Гнесиным и Мошковским, которые ни в чем меня не уличали.

Огл[ашается] л.д.473 т. IV, где Гапонов показал, что Берензон принимаемых от агента сводок не фальсифицировал, но слепо верил агенту Красненко и не пресёк его провокационной работы, а он, Гапонов, с ними познакомился лишь тогда, когда узнал о провокаторской работе Красненко.

Подсуд. ГАПОНОВ: Правильно.

Гнесина и Берензон[а] я перевёл со следственной работы на информационную работу.

Огл[ашается] л.д.373 об. т. IV, где Гапонов показал, что Берензон и Гнесин были переведены со следовательской работы в связи с тем, что арестованный Теплицкий при допросе его с прокурором заявил об искривлении в следственной работе Берензона.

Подсуд. ГАПОНОВ: Записано правильно.

Очная ставка была проведена по ходатайству Берензона.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДСУДИМОГО АБРАМОВИЧА:

Меня, в основном, обвиняют в фальсификации дела Сенкевич[а] и в искривлении следственной политики.

Непосредственно Сенкевича допрашивал я, и арестован он был как на основании агентурных, так и следственных материалов.

В своих показаниях Сенкевич полностью рассказал о существовании право-троцкистского блока, к которому он принадлежал.

Отрицаю факт фальсификации дела Сенкевича и применения физических мер воздействия.

По делу КПК самостоятельных действий я не производил.

По указанию Кордуна я провёл две очные ставки Шпака с другими арестованными и по его же указанию предъявил обвинение Майданюку. Этим и ограничивается моё участие в деле КПК.

На следств[енную] работу в 1-е отделение [4-го отдела] я был переведён уже в ноябре м-це [1937 г.], а до этого я был в 5-м отделении, и все дела проходили, в основном, без моего участия.

Шпаку я, кажется, предъявлял обвинение по указанию Кордуна.

Огл[ашается] д.д.55 т. I, объяснение подсуд. Абрамовича по делу Шпак[а], где Абрамович показал, что по этому делу он предъявил обвинение и провёл три очных ставки между Шпаком, с одной стороны, и Вырвихвистом, Сороковиком и Канфером — с другой, и что материалом для ареста Шпака были показания Сороковика, Фрейдина и Вырвихвиста.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Мне было предложено написать подробный рапорт о состоянии следствия по делу Шпака, но не с целью оговора Новикова или усиления обвинения Шпака.

Я проводил очные ставки Шпака с Вырвихвистом и ещё двумя арестованными по указанию Кордун[а].

Подсуд. КОРДУН: Видимо, давал я такие указания, точно не помню.

[Подсуд. АБРАМОВИЧ:]¹¹⁷

Дело Шпака готовилось на особое совещание.

Подсуд. КОРДУН: Я не помню, чтобы мы это дело готовили на особое совещание.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Зачем это дело решили готовить на особое совещание, я не знаю.

Матусов — один из активных участников подпольной антисоветской дашнакской организации и осуждён он на 5 лет особым совещанием.

Красненко я знал как провокатора, арестовывавшегося за участие в к/р организации, впоследствии освобождённого из-под стражи. При аресте Красненко дело сначала поступило ко мне, а потом я передал его Кордуну, но его я не допрашивал, а имел с ним просто беседу. Красненко, как провокатор, использовался для очных ставок и на себя также дал показания об участии его в к/р организации.

Гуревич и Розенберг проходили по делу Полторака, арестованного 2-м отделом. В аресте указанных лиц я был не согласен, так как материалов на их арест не было, кроме показаний Полторака, но по приказанию Кордуна я написал постановления на их арест.

Огл[ашается] д.д.92 т. III, где подсуд. Абрамович показал, что по приказанию Кордуна им были составлены неосновательные постановления на арест гр[ажд]н Ойгензилт[а], Гуревич[а] и Розенберг[а], на которых были только показания Полторака. Такие же постановления писали Кордун, Берензон и др.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно. Такие постановления писали и Кордун, и Берензон.

Подсуд. КОРДУН: Я не помню, чтобы я давал такое указание Абрамовичу или сам писал подобные постановления.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Я утверждаю, что на основании показаний Полторака постановления на арест выписывались и Кордуном, и Берензоном.

Подсуд. КОРДУН: Возможно.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Комаров-Кофман был действительно махровым троцкистом, но я его не избивал, а, наоборот, был случай, когда

¹¹⁷ У документі пропущено частину тексту, яку відтворено, виходячи зі змісту.

я защищался от него, потому что он перевернул на меня стол при допросе его мною.

Огл[ашается] л.д.92 об. т. III, где Абрамович показал, что он вместе с Берензоном избili арестованного Комарова, которого перед тем в своём кабинете бил Гапонов в присутствии Кордуна и его, Абрамовича.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Эти показания в тот же день мною были изменены. Факт имел место, но не в такой плоскости. Мы Канфера¹¹⁸ не избивали, а, как я уже говорил, я защищался от него.

Тарновского я допрашивал один раз, но протокола допроса не писал.

Огл[ашается] л.д.93 т. IV, где Абрамович показал, что Тарновского он допрашивал один раз, но протокола допроса не писал и никаких мер физического воздействия не применял.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно.

Серебрякова я никогда не допрашивал и в период следствия его вообще не видел. В одно время по приказанию нач[альни]ка отделения я охранял его в течение пол[у]часа, но никаким избиениям не подвергал.

Огл[ашается] л.д.193 об. т. IV, где Абрамович показал, что был случай, что им арестованный Шпак был допрошен, но протокол допроса не составлялся, обвиняемых Шпак[а], Сенкевича и др. допрашивали по 5–6 ч[асов] подряд. Абрамович признает себя виновным в том, что не разобрался своевременно с делом Сенкевича и не освободил его, хотя возможность к этому была.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Возможно, точно не помню. Мною иногда проводились длительные допросы. Сенкевича я не освободил, потому что в то время не было возможности к этому из-за наличия большого количества дел.

Огл[ашается] л.д.194 т. IV, где Абрамович показал, что по одному делу следствием занимались 2–3 и более человек, что практиковалось и при Гапонове, т.е. существовала обезличка.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно. Следователи по одному и тому же делу менялись, что объясняется существовавшей тогда в Управлении НКВД обезличкой.

В 23 ч. 15 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 23 ч. 25 м. судебное заседание продолжается.

Подсудимый АБРАМОВИЧ на вопросы суда продолжает:

Огл[ашается] л.д.356 т. IV, где Абрамович в своих показаниях указывает, что за фальсификацию дела КПК должны нести ответственность Берензон, Мошковский, Гнесин, Абрамович и др. принимавшие в нем участие. Здесь же Абрамович называет Гапонова неимоверным «страховщиком».

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Эти показания правдивы. После ознакомления меня с делом я убедился, что в фальсификации дела КПК я считаю виновными Берензон[а], Мошковского, Гнесина, Цирульницкого и всех,

¹¹⁸ Помилка у документі. Мався на увазі Комаров-Кофман.

имевших отношение к проведению следствия по этому делу, не исключая и Гапонова.

Огл[ашается] л.д.356 об. т. IV, где подсудимый Абрамович показал, что, если бы Гапонов тщательно вник в показания каждого из обвиняемых по делу КПК, то они не были бы осуждены, справки на арест работников КПК утверждались Кордуном и Калюжным, а он, Абрамович, производил очные ставки между Шпаком, Вырвихвистом, Канфером и Сороковиком.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: По делу КПК я не снимаю вины и с себя.

Все справки по делу КПК утверждались Цирульничкиным, Калюжным и Кордуном.

Огл[ашается] л.д.357 т. IV, где Абрамович показал, что на проведение очных ставок он получил указание от Кордуна, в противном случае Кордун угрожал доложить начальству на нежелание его, Абрамовича, вести борьбу с врагами народа.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно записано.

Подсуд. КОРДУН: Возможно, что я дал приказание на проведение очных ставок, но не угрожал ему, что доложу нач[альни]ку Управления, если он этого не сделает.

Подс. АБРАМОВИЧ: Я подтверждаю, что Кордун предупредил меня, если я не сделаю передопрос, то он доложит н[ачальни]ку Управления.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я с характеристикой меня Абрамовичем не согласен.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Я признаю себя виновным в проведении очных ставок по делу б[ывших] работников КПК, а в применении извращённых методов следствия — не признаю.

Огл[ашается] л.д.358 об. т. IV, где Абрамович признает свои ошибки в том, что, допрашивая один раз Шпака, не фиксировал протокол, принимал участие в проведении очной ставки между Шпаком и Нежинским по приказанию Гапонова, что предъявил Майданюку 200-ку¹¹⁹, заранее отпечатанную, в которой было указано, что «добавить к делу ничего не имеет», что явилось изобретением Кордуна.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно записано, и я подтверждаю эти показания.

Подсуд. КОРДУН: Это — вымышленные показания Абрамовича.

Подсуд. ГАПОНОВ: В отношении подсады Нежинского я не давал указания.

Огл[ашается] л.д.358 т. IV, где Абрамович показал, что Нежинского, как провокатора, из 3-го отделения¹²⁰ взял Гапонов и использовал¹²¹ его как подсаду в камеры к арестованным.

¹¹⁹ Йдеться про постанову про пред'явлення матеріалів слідства згідно зі ст. 200 КПК УРСР.

¹²⁰ Тут і в наступному абзаці так у документі. Далі про Нежинського йдеться як про агента 3-го відділу УДБ УНКВС.

¹²¹ У документі — використовував.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я давал вообще указания о камерной работе, для чего использовать Нежинского как провокатора. Он был взят из 3-го отделения.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Гапонов дал такое указание, не указывая персонально, к кому посадить.

Подсуд. ГАПОНОВ: Мне известно было, что Абрамович сфальсифицировал дело Полторака, и его отказ от этого неоснователен.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это не совсем так.

Огл[ашается] л.д. 360 об. т. IV, где Абрамович показывает, что Гапонов по настоящему делу проходит как лгун, что именно он, Гапонов, собирал материал на прокурора Новикова и завёл дело-формуляр, и что Гапонов настаивал на аресте всех лиц, проходящих по показаниям арестованного Полторака.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно.

О двести справках, о которых показывает Гапонов, я ничего не знаю, да это и никак не могло быть правдоподобным.

В 0 ч. 15 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 10 ч. 15 м. 23/IV [1943 г.] судебное заседание продолжается.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я знал, что из 3-го отдела получен агент, но для меня неизвестно было, что это Нежинский. Я дал указание вообще взять агента.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Гапонов лично мне предложил взять из 3-го отдела агента Нежинского. Нежинского к себе я никогда не вызывал.

Очная ставка со Шпаком Нежинского была, и я присутствовал при этом, но я не знал, что это именно Нежинский.

[Подсуд. ГАПОНОВ:]¹²² Очная ставка была проведена по моему указанию, так как я имел сведения, что Шпак занимается а[н]ти/советской агитацией в камере.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Дело КПК Гапонов и Кордун знали, и хранилось оно у них.

Огл[ашается] л.д. 359 т. IV, где подсудимый Абрамович показал, что дело КПК хранилось у Гапонова и Кордуна, и что Гапонов и Кордун носились с этим делом, и что они являются виновниками незаконного осуждения 9 человек по этому делу.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно. Гапонов и Кордун носились с этим делом и ставили это в свою заслугу. Вина Гапонова и Кордун[а] по делу КПК бесспорна.

Подсуд. ГАПОНОВ: Дело КПК в мае м-це [1938 г.] было отослано в Киев и возвратилось только в октябре м-це 1938 г., т.е. перед приездом Военной коллегии. Я считаю, что по делу КПК виновен Коваленко, Цирульницкий, Кордун, Абрамович, Берензон, Мошковский. Заканчивал

¹²² Вірогідно, у документі пропущено частину тексту, попередній і наступний абзаци написані нерозривно. Поділ і додавання зроблені, виходячи зі змісту документа.

это дело Кордун. Абрамович вел следствие по этому делу, и он, бесспорно, виновен в его фальсификации.

Абрамович просил у меня санкции на избивание Шпака и Сенкевич[а].

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — неправда.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я это утверждаю.

Вербовку Красненко я не санкционировал.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Санкцию на вербовку Красненко дал Гапонов.

Подсуд. ГАПОНОВ: Этого не было, и Абрамович мне не заявлял, что Красненко — провокатор.

Подсуд. КОРДУН: [К] мне Абрамович не приводил Красненко.

Огл[ашается] л.д. 359 т. IV, где подсуд. Абрамович показал, что Гапонов санкционировал вербовку агента-провокатора Красненко, что дело Красненко Кордун забрал у него, Абрамовича, с целью последующей вербовки, что Кордун заставлял Красненко убеждать сокамерников не отказываться от показаний.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Абсолютно верно.

Подсуд. КОРДУН: Это — ложь.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Кордун забрал у меня дело и приказал привести к нему Красненко, что мною и было сделано. Кордун говорил Красненко, чтобы он агитировал сокамерников на дачу показаний.

Подсуд. КОРДУН: Вербовал Красненко я и Берензон, и я дал ему задание в камерах заниматься как агенту. На связи стоял Берензон.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Вербовал Красненко Буркин, и Кордуном он был взят не как агент, а как подследственный, так как дело Красненко Кордун у меня забрал.

Огл[ашается] л.д. 244 т. IV, где Гапонов показал, что Абрамович составил докладную записку в НКВД УССР о вербовке агентов, тогда как такой вербовки в действительности не проходило, и что Абрамович занимался собиранием рапортов на прокурора Новикова.

Подсуд. ГАПОНОВ: Показания точны. Докладные записки, бесспорно, подписывал я, но документы, которые мне представил Абрамович, я не утвердил.

Огл[ашается] л.д. 360 т. IV, где подсуд. Абрамович показал, что никаких лживых докладных записок об агентуре он не составлял, что только Гапонов — «мастер-чекист по корректировке записок» — мог вписать ложь, как он сделал это со сводкой Мошковского, что Гапонов посылал в Киев липовые сводки агентов «Омега», «Метельский» и выдавал им за это вознаграждение.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это не соответствует действительности.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Я правильно показывал.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я не способен на такие вещи. Вербовка проведена была по всем отделениям, которые писали докладные по этому вопросу, а потом составляли итоговую докладную. Причём Абрамович в докладную записку включил агента, который не был завербован вообще.

«Метельский» и «Омега» были агентами¹²³ 3-го отделения СПО, и докладной записки на них я не писал.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: «Омега» давал обычно агентурные сводки по 50–80 листов, которые потом перепечатывались и направлялись¹²⁴ в Киев. Позднее я узнал, что все эти сводки были липовые, и людей приходилось освобождать.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это — ложь. Эти агенты остались на связи и по сей день как хорошие агенты.

Абрамовичу я не предлагал писать рапорт на Новикова.

Огл[ашается] л.д. 360 об. [т. IV], где подсуд. Абрамович показал, что по распоряжению Гапонова он, Абрамович, писал наравне с другими работниками рапорта на прокурора Новикова, и что Гапонов завёл на него дело-формуляр.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Гапонов предложил написать мне рапорт на прокурора Новикова и об этом же он предлагал и другим следователям.

Подсуд. ГАПОНОВ: Сам Абрамович от имени Буркина говорил, чтобы следователи писали рапорта на Новикова.

Дело Полторака Абрамовичем явно сфальсифицировано.

Подсуд. КОРДУН: Я дела Полторака не помню, но знаю, что было дело на работников обллита, в следствии по которому принимал участие и Абрамович.

Справки на арест указанных работников обллита были выписаны на основании показаний Полторака.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Я вообще не понимаю Гапонова. Дело Полторака я вообще не вел, и только по предложению Гапонова было арестовано 5 человек по этому делу.

Подсуд. ГАПОНОВ: К делу Полторака я никакого отношения не имел и не знал о нем до сегодняшнего дня.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Когда мне поручил Калюжный вести следствие по делу Сенкевич[а], было только показание Олейникова¹²⁵, и я заявил Кордуну, что на основании одного только показания Олейникова Сенкевича арестовывать нельзя.

Огл[ашается] л.д. 361 об. т. IV, где подсуд. Абрамович показал, что он заявлял Кордуну на неосновательность ареста Сенкевича только на основ[ании] одного Олейникова, на что Кордун ответил, что на Сенкевича ещё есть материал, и приказал немедленно приступить к его допросу.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Совершенно верно.

Впоследствии дали мне по делу Сенкевича ещё несколько протоколов и агентурных сведений, но материалов на арест всё же было недостаточно.

Гапонову я также говорил по делу Сенкевич[а], что показания Сенкевич[а] мне не нравятся, и его Гапонов допросил потом сам, где Сенкевич подтвердил свои показания.

¹²³ У документі — агенти.

¹²⁴ У документі — направлять.

¹²⁵ Тут і наступного разу у документі помилково — Олейника. Йдеться про С. Олейникова.

Огл[ашаються] л.д. 262 об., 263 т. IV, где подс. Абрамович показал, что когда он составлял протокол допроса Сенкевича, то Гапонов этот протокол корректировал, чтобы содержание его было острее, а потом отпечатал на машинке, и все три экземпляра Сенкевичем были подписаны. Здесь же Абрамович показал, что он неоднократно заявлял о сомнительности в деле Сенкевича, но на это никакого внимания не обращал ни Гапонов, ни Кордун.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Да, эти показания я подтверждаю, и это было в действительности.

Подсуд. ГАПОНОВ: Это — неправда, так как протокол допроса Сенкевича был уже составлен, и я не мог его корректировать. Но, вообще-то, я допрашивал Сенкевича. Если Абрамович показывает, что он сомневался в деле Сенкевич[а], то зачем он тогда в январе 1939 г. просил у меня разрешения бить Сенкевича?

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Справку на арест Сенкевича подписывал Кордун, а писал её Берензон.

Огл[ашаються] л.д. 185, 186 т. IV, выводы по осмотру дела Баргер[а], Сенкевича и других, где констатируется, что дело было грубо сфальсифицировано, что обвиняемые в течение 15–16 месяцев сидели в тюрьме неосновательно.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Из протокола осмотра дела видно, что протокол допроса Сенкевич[а] мною составлен 28 июля 1938 [г.], т.е. когда Гапонов уже был в Одессе.

Справки на арест писались мною постольку, поскольку приказывал Кордун как нач. отдела, а сам Кордун страховал себя и перепоручал это дело другим работникам. Первую же справку на арест Сенкевича составил Кордун.

Огл[ашается] л.д. 462 т. IV, где Абрамович показал, что ему Кордун поручил составить справки на арест, основываясь только на показаниях Полторака, и что Кордуну было на это распоряжение нач[альника] УНКВД.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно. Это было именно так.

В 11 ч. 30 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 12 ч. 20 м. судебное заседание продолжается.

Подсудимый АБРАМОВИЧ продолжает:

Суслов был арестован по делу Сенкевича. Его я не избивал, как не избивал и других арестованных.

Огл[ашается] л.д. 16 т. I, где свидетель Суслов в своём заявлении на имя т. Колыбанова указывает, что в январе 1939 г. на допросе он был дважды избит до потери сознания: первый раз — Абрамовичем, а затем — Абрамовичем и Берензоном.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это не соответствует действительности, он мог обратиться к врачу, чего не было с его стороны, и о чем можно запросить. Я также не видел, чтобы и Берензон его избивал.

Дело Эдельмана я не вел.

Огл[ашается] л.д.17 т. I, где свид. Эдельман показал, что во время следствия он подвергался неслыханным издевательствам в течение 11 суток со стороны Берензона, Гнесина и Абрамовича.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Никакого участия в деле Эдельман[а] я не принимал и избивать его не мог.

Сенкевича я не бил и никакого платочка я ему не давал, а равно как и крови на полу я также не подмывал. Почему об избиении Сенкевича показывают много арестованных, я не знаю.

Огл[ашается] л.д.20 т. I, где свидетель Эдельман указывает, что арестован он был Абрамовичем, который на первом же допросе обругал его площадной бранью и заявил: «Ты, гитлеровская сволочь, лучше сразу признавайся в к/р деятельности».

Подсуд. АБРАМОВИЧ¹²⁶: Это — ложь. Никакого участия в деле Эдельман[а] я не принимал, и кто вел следствие, я не помню.

Огл[ашается] л.д.21 т. I, где свидетель Эдельман показал, что Абрамович на допросе угрожал ему поломать ребра, если не будет писать показания и, подсовывая бумагу, заставлял писать.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — неправда. Это — наглая клевета.

Огл[ашается] л.д.47 т. I, где Шпак показал, что его первый следователь Абрамович начал ему допрос с плевков в лицо, обрушивал массу ругательств и оскорблений, кричал в уши, что являлось своеобразной пыткой.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — неправда, и в карцер я Шпака не отправлял. В больницу Шпак также не просился, и я его не отправлял.

Огл[ашается] л.д.49 т. I, где свидетель Шпак показал, что 17 января 1939 г. Абрамович подбросил ему в камеру известного провокатора Нежинского, с помощью которого Абрамович состряпал показания, полные лжи и клеветнических вымыслов.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — неправда. Нежинского я не направлял в камеру к Шпаку, и почему ему известно, что Нежинский — провокатор, я не знаю.

Огл[ашается] л.д.52 т. I, где Новиков показал, что при допросе им арестованного Шпака последний заявлял жалобу на незаконные методы ведения следствия Абрамовичем, Гнесиным и Мошковским.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: К Шпаку никаких мер физического воздействия никто не применял.

Матусова я также не избивал.

Огл[ашается] л.д.122 т. I, где Матусов показал, что на протоколах допроса его были сделаны подписи каким-то другим лицом, но не им, Матусовым.

Подс. АБРАМОВИЧ: Ничего подобного не было, и никакой инсценировки вызова прокурора я не производил.

Огл[ашаются] л.д.120, 121 т. I, где Матусов показал, что он 7 марта 1938 г. был на допросе у Абрамовича, который избил его сапогом и кулаком, потом заставил стоять на ногах 4 суток без воды, хлеба и сна, добиваясь показаний, плевал в лицо, харкал в рот, инсценировал вызов

¹²⁶ У документі помилково — ЭДЕЛЬМАН.

какого-то Иванова, якобы прокурора, который смеялся на его, Матусова, жалобы¹²⁷.

Подс. АБРАМОВИЧ: Я заявляю, что все показания Матусова ложны и не соответствуют действительности.

Огл[ашаются] л.д. 137, 138 т. I, где Конончук показал, что, когда он в протоколах, наряду с отрицательными фактами, записывал положительные, то Абрамович ругал его и сказал: «Учтите, если человек и честный, но битый, то его освободить нельзя, и мы его освобождать не будем, потому что он [будет] дискредитировать органы»¹²⁸.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Ничего подобного не было. Я вместе с ним освободил много арестованных, и он в данном случае говорит неправду.

Огл[ашается] л.д. 148 т. I, где свидетель Конончук показал, что с целью мести на прокурора Новикова было заведено дело-формуляр, что Абрамович, Берензон, Мошковский и Гнесин подняли вой, что Новиков дискредитирует органы и оперативных работников, и все они написали рапорта на Новикова.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Никакого дела-формуляра на Новикова я не заводил.

Нежинскому я не давал свидания с женой, жену его не вызывал в Одессу и никаких хороших условий я ему не создавал. Показания Вайнера в этой части неправдоподобны.

Огл[ашается] л.д. 56 т. III, где Вайнер показал, что Берензон и Абрамович в целях фальсификации дел спровоцировали обвиняемого Нежинского, создали ему особые условия, вызвали в Одессу его жену и дали свидание с ней, разрешили частые передачи. Составили график подсады Нежинского к арестованным.

Шпака Берензон и Абрамович очень не хотели освобождать, т.к. они боялись, что Шпак будет разоблачать их, высказывали недовольство на Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI [19]38 г.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это не соответствует действительности. Мною освобождено до 100 человек уже после Постановления ЦК и СНК СССР, и ни о каком недовольстве на постановление с моей стороны не могло быть [речи].

Огл[ашается] л.д. 367 т. IV, где Абрамович заявил, что они освободили около 10 человек.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: 100 человек освободили всем отделением.

Огл[ашаются] л.д. 59 об., 60 т. III, где свид. Сенкевич показал, что Абрамович его систематически избивал, бил ногами и говорил: «Для меня ясно, ты — враг, я лишаю тебя права объясняться, тут не КПК, нам нужны показания»; плевал в лицо и кричал в уши. Абрамович дал ему,

¹²⁷ Мабуть, йдеться про коменданта УНКВС по Одеській області Іванова, який виконував вироки і рішення трійки при УНКВС про ВМП, тобто розстрілював людей, а у вільний час мав можливість заходити до кабінетів співробітників УНКВС.

¹²⁸ Вище у документі про цю цитату говорить як про сказану С. Гапоновим.

Сенкевичу, специальную схему вопросов для показания и дал задание написать не меньше 100 страниц.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Никогда этого не было. Всё это ложь. Никаких схем вопросов на показания Сенкевичу я не давал.

Гапонов никогда не избивал Шпака. Сенкевича допрашивал Гапонов в моем отсутствии, и был ли там Вайнер, я не знаю.

Брук — не мой подследственный, но я его знаю хорошо, однако жил с ним я плохо. Я разоблачил его в утере 2-х закрытых писем ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова, после чего он был исключён из партии, и за это на меня сердился.

Огл[ашается] л.д. 72 т. III, где свидетель Брук показал, что его дважды допрашивал Абрамович и заставлял стоять с утра до вечера, а потом через час — снова стойка до утра, Абрамович наносил ему, Бруку, массу оскорблений, требуя всё время признания.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Никогда я его не допрашивал, и такие случаи не имели место. Все это он показал из-за личных счетов.

Агронского я не знаю и никогда его не видел.

Луненок был арестован 3-м отделением, и никаких грубостей я к нему не мог допускать.

Огл[ашаются] л.д. 76, 76 об. [т. III], где свидетель Луненок показал, что он был вызван следователем Абрамовичем для подписания двух протоколов очных ставок и под угрозой избиения, для чего Абрамович вызвал двух стрелков, он вынужден был подписать.

При втором допросе Абрамович требовал подписать протокол очной ставки и при отказе его, Луненка, ударил тяжёлым прессом по плечу, в результате чего он, Луненок, подписал протокол.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Ничего подобного не было. Все они показывают по сговору между собой.

Также не избивал я и Рыбчука и ни одной из подследственных женщин.

Огл[ашаются] л.д. 79, 79 об., 80, 80 об.¹²⁹ т. III, где свидетель Рыбчук показал, что он слышал, как в соседней при его допросе комнате Абрамович избивал какую-то женщину, которая кричала. При допросе его, Рыбчука, Абрамовичем последний избивал его ножкой от стула по рёбрам, ногам, рукам и плечам, а потом на помощь к себе вызвал Фадеева, и вдвоём продолжали избиение до потери им, Рыбчуком, сознания. Такое избиение продолжалось несколько дней подряд. Абрамович вынудил подписать составленное им, Абрамовичем, заявление, где не было ни одного слова правды.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — неправильные показания. Никакого отношения к нему я не имел.

В 13 ч. 40 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 14 ч. 00 м. суд. заседание продолжается.

¹²⁹ У документі номери аркушів 80 і 80 об. написані після зазначення тому справи.

Подсудимый **АБРАМОВИЧ** продолжает показания на вопросы пред[седательству]ющего:

Оперативное совещание после Постановления ЦК и СНК [от 17 ноября 1938 г.] было проведено в моем отделении, где я говорил, что освободить всех сразу нельзя.

Огл[ашаются] л.д.86, 86 об. т. III, где свидетель Конончук показал, что после Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI-[19]38 г. Абрамович в отделении проводил совещание, где ругал его, Конончука, за то, что Конончук в протоколах допроса записывает как избочливающие, так и оправдывающие обстоятельства, и бранью выразился на УПК, говоря: «Если обвиняемый не виноват, то его освобождать всё равно нельзя, т.к. он будет дискредитировать органы НКВД и партию».

Подсуд. АБРАМОВИЧ: О том, чтобы не освобождать арестованных, таких установок на совещании я не давал.

Серебрякова я не бил и белого хлеба ему не давал.

Огл[ашается] л.д.89 т. III, где свидетель Серебряков-Ступницкий показал, что Абрамович в своём кабинете избил его, стучал его об стенку в течение 2-х часов, а потом повторили это вместе с Тягиным в другой комнате до потери сознания, а когда он подписал показания, то Абрамович изменил к нему отношение, дал ему белого хлеба и яйцо.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Этого не было. Он сам противоречит в своих показаниях и нагло лжёт. Никогда я его не бил, и, кроме того, он был подследственным не моего отделения. У меня с ним были личные счёты.

Огл[ашается] л.д.90 об. т. III, где свидетель Тарновский показал, что за отказ подписать написанные самим Абрамовичем показания последний избил его бутылкой и руками, и заставлял указать «вербовщика», перечисляя при этом ряд фамилий.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Его показания неправильны. Ничего этого не было. Никакого вербовщика я не выбирал.

Друбича, Иржову¹³⁰ я не знаю. Матвеевича я также не знаю.

Подсуд. КОРДУН: Об избииении Абрамовичем Тарновского мне ничего не известно.

Подсуд. ГАПОНОВ: Жалоб со стороны Тарновского ко мне не поступало.

Огл[ашаются] л.д.91, 91 об. т. III, где свидетель Тарновский показал, что Кордун присутствовал при допросе его Абрамовичем и ругал его, Тарновского, требуя подтвердить ранее данные показания. На жалобу Тарновского Гапонов заявил: «Если ты будешь отказываться, то я тебя закрою в одиночку, и дадим тебе так, что ты подпишешь в три раза больше того, что ты уже подписал».

Подсуд. КОРДУН: Этого не было.

Подсуд. ГАПОНОВ: Тарновский мне не жаловался.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Поливанов проходил по делу Сенкевич[а].

¹³⁰ У документі помилково — Иржовой.

Огл[ашается] д.д.122 т. III, где свидетель Поливанов показал, что в день ареста он был вызван к Абрамовичу, который встретил его матюками, всякими оскорблениями, нецензурной бранью и плевками в лицо.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это не имело место.

Все показания б[ывших] арестованных тождественны, что говорит за то, что они договорились между собой.

Агронского я вообще не видел и не знаю.

Дела-формуляра на Новикова я не видел, и было ли оно вообще, я не знаю. По сбору материала на прокурора Новикова с моей стороны никакой инициативы не было.

С моей стороны ни к одному из арестованных меры физического воздействия не применялись.

При приёме мною отделения я пересмотрел все дела и нашёл, что около 40 дел были с недостаточными материалами на арест.

Виновен я в том, что выписал несколько справок по делу Полторак[а], в выполнении указаний нач[альника] по делу Шпак[а] и в нарушении УПК.

Разрешения на избивание арестованных я у Гапонова не просил.

Огл[ашается] д.д.¹³¹ 373 т. IV, где подсуд. Абрамович показал, что по распоряжению Калюжного и Гапонова всем оперсоставом проводилась обработка арестованных перед заседанием Военной коллегии с целью, чтобы они не отказывались на суде [от показаний]¹³².

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Обработку арестованных к Военной коллегии ввёл Калюжный, а впоследствии проводилась и Гапоновым. Кордун также практиковал это. Делалось это для того, чтобы арестованные на Военной коллегии показывали так, как они показывали на предварительном следствии, и не отказывались от данных ими показаний.

Подсуд. ГАПОНОВ: Все жены арестованных были освобождены по приказу НКВД, а не по моей или Абрамовича инициативе.

Военная коллегия заседала в октябре м-це [1938 г.], и подготовка арестованных к ней проходила по указанию нач[альника] Управления [П. Киселёва], а я был зам[естителем] нач[альника] Управления¹³³.

В 15 ч. 00 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 15 ч. 15 м. суд. заседание продолжается.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДСУДИМОГО БЕРЕНЗОН[А]:

При приходе всякого нового работника в НКВД ему прививалось понятие, что раз человек арестован органами НКВД, значит, он — враг. Так же понимал и я. В своей работе я допустил ошибку, но не умышленно.

По делу КПК я вел дела Бейлина, Майданюка, Фрейдина и других и считал, что я веду верные дела, по которым проходят враги народа.

¹³¹ У документі замість «л. д.» — «стр.».

¹³² Частина тексту не читається (аркуш зашитий у справу).

¹³³ Йдеться про виїзну сесію Військової колегії Верховного суду СРСР у м. Одесі 10–12 жовтня 1938 р., за результатами якої 118 осіб були засуджені до ВМП.

Были отдельные случаи и извращения следственной практики. Этого я не отрицаю. О нормах УПК я не имел и понятия. Были случаи, когда я кричал на арестованных, был случай, когда я и избил одного из них. Но в настоящем деле, по которому я обвиняюсь, это представлено в преувеличенном виде. Свидетели по этому делу, бесспорно, сговорились и оговорили меня.

Моё склочничество заключалось в том, что я плохо жил и ссорился с Конончуком из-за его жены. Поэтому Конончук нагло наговаривал на меня в своих показаниях, если взять хотя бы его показания о том, что якобы я ему заявил о том, что мною арестованы 2 состава обкома.

Никакого дела-формуляра на Новикова не было, его никто не видел и нигде он[о] не зарегистрирован[о]. Никакого рапорта по делу Шпака я не писал, хотя Шпака я допрашивал 3 раза, где он дал отрицательные показания, и это дело у меня было забрано.

По делу б[ывших] работников «Черноморской коммуны» были объёмистые и основательные агентурные сведения, и в своё время они были арестованы правильно.

Теплицкий, Эдельман и Черкасский были тоже арестованы. Дело Теплицкого вел я, были случаи, когда я на него кричал, но не бил.

Теплицкий сначала сам писал объяснение, которое было путанное, но он признал себя виновным в участии в к/р организации. На Теплицкого было очень много материалов, и я считаю, что, если бы он не уехал после освобождения, его вновь посадили бы.

Было недостаточно материалов на других арестованных по этому делу, о чем я заявлял Буркину и просил освободить их, но они не были освобождены.

В деле Спиридонова я не виноват, так как он был этапирован из Днепропетровска в Киев, а потом — в Одессу с протоколами его допроса. Ничего нового по этому делу мною проделано не было.

Был такой агент Красненко, которого завербовал Гапонов и предал мне на связь. На одну из явок с ним со мной ходили Гапонов, Абрамович и Калюжный. В это время было перехвачено письмо Красненко, где он писал, что даёт ложные сводки. До этого я не мог знать, что он ложно сообщает. После этого он был снят со связи.

Дело Бранта не вел и его не видел, а Брук показывает о том, что я якобы бил его. Это — явная ложь.

Конончук неправду показывает, когда говорит, что я вел дело Самарина. Никакого отношения к делу Самарина я не имел.

Был случай, когда я избил арестованного Черномазова — сына б[ывшего] полковника. Но, это было по распоряжению Буркина.

Кричал я на Теплицкого, Богуславского и Эдельмана за то, что они давали разнообразные показания или вовсе отказывались.

На вопросы пред[седательству]ющего подсуд. БЕРЕНЗОН показал:

Теплицкого я допрашивал, но не помню, чтобы я ставил вопрос ему: «Избивали его или нет?».

Огл[ашаются] л.д. 248–250 т. IV, где подсуд. Берензон показал, что следователи по несколько раз после допроса обвиняемых спрашивали вновь:

«Подтверждает ли он свои показания?», что ему Теплицкий дал показания на 154 листах, и что в конце протокола неизменно добавлялась фраза: «Больше дополнить дело ничем не может».

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Это имело место, так как он отказывался от ранее данных им показаний. Кроме того, вообще была заведена какая-то неправильная практика допросов. Требовалось обязательно наличие 3-х протоколов допроса, где нужно было подтвердить показания.

Красненко был завербован Кордуном и мною. Впоследствии он оказался провокатором. Если бы мы знали об этом, то его, безусловно, не вербовали бы.

Нежинского я не знаю, и кто его вербовал, не знаю.

Теплицкий дал свои показания на 154 листах, но меры физического воздействия к нему не применялись.

Сенкевича я не арестовывал. Основанием для его ареста послужило показание Олейникова.

Кордун и другие учили меня, что во всяком арестованном орг[анами] НКВД нужно видеть врага народа.

Мои протоколы допроса никто не корректировал.

Огл[ашается] л.д. 377 т. IV, где подсуд. Берензон показал, что, как правило, протоколы корректировались Цирульницким, Кордуном и Гапоновым.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Если протокол идёт в Киев или в Москву, то его корректировали.

Справку на Майданюка я не составлял, но дело вел я. Справку составлял[а] Гольдштейн.

Огл[ашается] л.д. 378 т. IV, где подсуд. Берензон показал, что им была составлена справка на Майданюка.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Не помню. Возможно, я ошибся.

Шпака я допросил 3 раза и 3 раза писал протокол.

Я вел дела Фрейдина, Бейлина, Винника и Майданюка.

О том, что у нас в аппарате существуют вражеские методы работы, я понял ещё до Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI-[19]38 г.

Отстранён я был от работы в июле 1939 года.

Виновным я себя признаю в отношении дел Фрейдина, Бейлина, Винника и Майданюка, которые, как оказывается, расстреляны неправильно; в грубости к некоторым арестованным, в избиении одного из арестованных.

Дела на б[ывших] работников КПК лежали у Гапонова, и он, конечно, знал их.

Из группы работников [редакции] «Черноморская коммуна» я лично никого не арестовывал, арестовывало отделение по распоряжению Гапонова.

Материал на Теплицкого я показывал Гапонову, он сам допрашивал его и корректировал мой протокол допроса.

У меня было мнение освободить Черкасова¹³⁴ и Майского, но мне не разрешил Буркин.

Огл[ашается] л.д. 382 т. IV, где Берензон показывал, что ему Гапонов не разрешил освободить Черкасова, Майского, Греккер¹³⁵.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Правильно. Я точно не помню, кто был нач[альн]к[ом] отдела, а кто — его заместителем.

Огл[ашается] л.д. 384 т. IV, где подсудимый Берензон показал, что по распоряжению Гапонова Кордун составил справки на арест Еремченко, Быкова и других, а он, Берензон, — на Ткаченко, Суслова и Девятовского.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Правильно.

Сенкевича я не допрашивал ни разу, а Баргера допрашивал.

Огл[ашается] л.д. 384 [т. IV], где Берензон показал, что был приказ Гапонова, категорически запрещающий писать в протоколах допроса о том, что арестованных избивают следователи.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Такого приказа не было, я перепутал.

Гапонов бил Сенкевича, но не помню, чтобы он бил Суслова.

Огл[ашается] л.д. 385 т. IV, где подсуд. Берензон показал, что в присутствии его, Абрамовича и Вайнера Гапонов избил Сенкевича и Суслова, и основные виновники за дело Сенкевича и др. — Гапонов и Кордун.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Не помню, так ли это. Наравне со мной, бесспорно, виновен и Кордун, и Гапонов, и другие, сидящие здесь. В этой части мои показания верны.

В 16 ч. 35 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 20 ч. 20 м. суд. заседание продолжается.

Подсуд. БЕРЕНЗОН продолжает показания:

Дело Суслова я вел, но не избивал его.

Огл[ашается] л.д. 15 т. I, где Суслов показал, что допросы его Берензоном сопровождались издевательствами, матерщиной, избиванием, плевками в лицо, кричание[м] в уши и т.п.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Это не соответствует действительности.

Огл[ашается] л.д. 17 т. I, где Эдельман показал, что на допросах Гнесин и Берензон кричали ему в уши, в результате чего у него повреждён слух, гасили горящие папиросы о его тело.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: На Эдельмана я кричал, но не до такой степени, чтобы он потерял слух. Сам я его не допрашивал, но присутствовал, когда допрашивал его Гнесин, и папиросы о него ни я, ни Гнесин, не гасили.

Огл[ашается] л.д. 18 т. I, где свидетель Эдельман показал, что Гнесин и Берензон издевались над ним, предъявляли ордер на арест жены и заявляли, что [он] никогда не увидит своего сына.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Это — неправдоподобно. Никаких разговоров о его жене и сыне у нас не было.

¹³⁴ Тут і далі так у документі. Йдеться про Черкаського.

¹³⁵ У документі помилково в чоловічому роді і з однією літерою «к» — Грекера.

Очная ставка с Эдельман[ом] у меня была, где он уличал меня в тушение папироски о его шею, а я этого не подтвердил.

Огл[ашается] л.д.48 т. IV, протокол очной ставки между Эдельманом и Берензоном, где Эдельман показал, что Берензон много раз избивал его, гасил горящие папиросы об уши, и считает Берензона виновником фальсификации его дела.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Очная ставка у меня была ещё и с Сусловым, и с Богуславским.

Дело Богуславского я не вел, но имел беседу с ним. Однако того, о чем они показывают, не было.

Огл[ашается] л.д.73 т. IV, протокол очной ставки Сулова с Берензоном, где Сулов показал, что следствие по его делу вел Берензон, который его систематически избивал, заплёвывал лицо, кричал в ухо через трубку, в результате чего он плохо слышит.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: На этот счёт он никакой справки не представил, что говорит за его неправдивые показания.

С Конончуком у меня также была очная ставка, но из-за личных счетов он на меня наговаривал.

Огл[ашаются] л.д.169–171 т. IV, где Конончук показал, что он видел, как Берензон и Гнесин издевались над арестованным Ивановым, плевали ему в лицо, кричали в уши. В отношении арестованного Эдельмана они проделывали то же самое и прижигали шею горящими папиросами. Так же поступили и с Богуславским.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Всё это на почве личных счетов на меня Конончук клеветет. Об этом даже арестованные не говорят.

Огл[ашаются] л.д.172–173 т. IV, где свидетель Конончук на очной ставке с Гнесиным подтверждает свои показания, данные им на очной ставке с Берензоном (л.д.169–171 т. IV), об издевательствах Гнесина и Берензона над арестованными Ивановым, Эдельманом и Богуславским.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Он много кое-чего может наговорить.

С агентом Нежинским работал[и] Абрамович и Кордун, я с ним не работал.

Кто дал мне распоряжение на передопрос Фрейдина, я не помню. Кажется, Кордун, после чего я и передопросил Фрейдина. Зачем это нужно было, я не знаю. После окончания следствия передопрашивали многих арестованных.

Почему меня перевели со следственной работы, я не знаю.

Подсуд. ГАПОНОВ: Он был переведён в связи с заявлением Теплицкого, из-за склоки между ним, Берензоном, и Конончуком, и за дачу на утверждение незаконченного дела.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Почему был освобождён Черница, я не знаю, так как это было через год после моего ухода с работы.

По делу Теплицкого я вел следствие, но не издевался над ним. Теплицкий без всякого на него воздействия давал показания.

Огл[ашается] л.д.40 т. I, где Теплицкий показал, что Гнесин и Берензон принудили его дать показания под их диктовку, а перед

допросом прокурором предупредили: «Имейте в виду, мы — не прокуратура и в зубы не смотрим».

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Такого разговора не было.

Огл[ашается] л.д.41 т. I, где Теплицкий показал, что Берензон и Абрамович заставляли написать заявление на какого-то Бондаря о том, что он — тоже участник к/р организации, и издевались над ним, Теплицким.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Бондаря у нас вообще не было, о чем я утверждаю. Теплицкий впоследствии отказался от своих показаний.

Подбрасывался ли Нежинский к Теплицкому, я не знаю, да я Нежинского и вообще не знаю.

Шпака я допрашивал 3 раза и каждый раз писал протокол.

Огл[ашается] л.д.47–48 т. I, где свидетель Шпак показал, что его первый следователь Абрамович в первую же встречу заплевал лицо, а в июле м-це 1938 г. вместе с Берензоном навязывали его фамилию всем арестованным и избивали 3-е суток Тарнавского¹³⁶, добиваясь от него показаний, что он связан с ним, Шпаком.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Шпак Новикову почему-то ничего не сказал обо мне, а теперь говорит неправду.

Передопрос арестованных после окончания следствия [был]. Я передопрашивал, да и другие следователи, по распоряжению Кордуна как нач. отдела.

Якубица¹³⁷ был арестован в обкоме ВКП(б), где был арестован и Еремеев.

Якубица был арестован на основании имевшихся материалов и не по моему желанию, а по приказанию.

Огл[ашается] л.д.65 т. I, где свидетель Якубица показал, что на первом его допросе Берензоном последний заявил: «Если ты согласишься писать показания, то получишь 1–1S [года] вольной ссылки с восстановлением в партии, а в противном случае расстреляем». При отказе Якубицы¹³⁸ писать такие показания Берензон заплевал ему лицо, наносил побои сапогами и прессом, ругал и посадил на угол табуретки концом позвоночника с опущенными руками.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: У него в показаниях даже логики нет, это — явная ложь.

Огл[ашается] л.д.66 т. I, где свидетель Якубица показал, что в последующих допросах его Берензон избивал его, плевал в лицо и грозил пристрелить, арестовать жену и сына, а при последнем допросе завели в тёмную комнату и заставили 15 раз на один шаг входить и выходить в дверях комнаты, сопровождая это всё руганью, запугивал посадить в подвал.

¹³⁶ У документі помилково — Тарновського.

¹³⁷ Тут і в наступному реченні у документі — Якубице.

¹³⁸ У документі — Якубица.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Следствие по делу Якубицы¹³⁹ я вел, но в своих показаниях он говорит неправду. Никаких подвалов в Управлении не было, и никуда я его не водил, об этом я впервые слышу.

Огл[ашается] л.д. 86 т. I, где свидетель Баргер показал, что Берензон при его допросе Кордуном всегда заходил в кабинет и помогал Кордуну издеваться над ним и угрожать, а 15/IX–[19]38 г. предложил подписать ст. 200 УПК без ознакомления с делом.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Баргер следователю ничего не сказал на меня, поэтому мне не дали и очной ставки с ним. Я допрашивал Баргера и составил протокол отказа его от показаний. При подписании ст. 200 УПК я всегда давал арестованным знакомиться с делом.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я не знаю случаев, чтобы всё дело давали арестованным после окончания следствия. Обычно зачитывали отдельные протоколы и все.

Огл[ашается] л.д. 89 т. I, где свидетель Баргер показал, что, начиная с первых дней допроса его, Берензон обрушился по его адресу гнусными похабными оскорблениями и угрозами, заявляя: «Фашист, это тебе не обком, пиши, пиши, что тебе говорят, иначе тебя сотрут в порошок, вытащим у тебя рёбра — ты всё скажешь, кровью захочешь писать, но будет поздно». 15/IX–[19]38 г. по его, Баргер[а], неопытности Берензон заставил [подписать] 200-ую ст. УПК без ознакомления с делом, и на его, Баргер[а], просьбу о составлении протокола отказа Берензон отказал в этом.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Его показания противоречат одно другому.

Тонконога я знаю, и дела на него не вел.

Огл[ашается] л.д. 156 об. [т. I], где свидетель Тонконог показал, что Берензон при вызове в кабинет заявил: «Ну, бандит, ну, фашист, уже написал о своей к/р деятельности?», и заявил, что он всё равно заставит пописать, говоря: «Я лично поведу тебя в подвал и буду расстреливать, если же в подвале перед расстрелом подпишешь, будешь жить, а не подпишешь, погибнешь как собака».

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Таких случаев не было.

Огл[ашаются] л.д. 160, 165 т. I, где свидетель Спиридонов-Вавилов показал, что он никогда членом ВКП(б) или другой какой-нибудь партии не был, но неоднократно привлекался к ответственности по бытовым статьям и отбывал наказание в тюрьме, что под давлением следоват[еля] Волкова¹⁴⁰ он ложно показал на Мосалёва, Попова и Калиниченко. Берензон заставил подписать заранее заготовленный им протокол допроса и заявление на имя н[ачальни]ка УНКВД, где было всё вымышлено.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Спиридонов-[Вавилов] прибыл из Киева уже с протоколом допроса и его объяснением, и мне не было необходимости вымогать у него показания на других лиц. Спиридонов-Вавилов дал мне

¹³⁹ У документі — Якубице.

¹⁴⁰ Йдеться про Волкова, який у лютому 1938 р. був начальником 3-го відділення ВМУ УНКВС по Дніпропетровській області. Можливо, це був Волков Олександр Микитович. У упорядників немає інформації про його місце служби у 1937 — першій половині 1938 рр.

аналогичные показания с показаниями, данными им в Киеве, и ничего нового он не показал.

Огл[ашаються] д.д. 175, 176, 177 [т. I], постановление прокурора по делу Мосалёва, где указано, что он, Мосалёв, показания Берензону давал вымышленные вследствие применения к нему незаконных методов допроса, как-то: избиения, плевки в лицо, угрозы, крики в уши, что Берензон вынудил Спиридонова-Вавилова дать показания на Мосалёва как участника к/р организации путём незаконных методов следствия.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Ничего я от себя к показаниям, прибывшим из Киева, не дополнял.

В 21 ч. 50 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 22 ч. 00 м. судебное заседание продолжается.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Дело на Мосалёва я заканчивал, а на сколько он был осуждён, я не знаю.

Огл[ашается] д.д. 201 т. I, где свидетель Ионкис показал, что Берензон и Калюжный уговаривали его подписать показания, что он получит 10 лет, а потом вернётся, и допросы производили конвейером.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Это дело я совсем не вел и с Калюжным я не разговаривал. Там, где был Калюжный, там мне делать нечего было, так как он на оперуполномоченных смотрел свысока.

Подсуд. КОРДУН: На Ионкис[а] вел дело Кушнир, а на Заборовского я вел, но не помню, чтобы я его подкармливал. Всё возможно.

Подс. БЕРЕНЗОН: Проводил ли я очную ставку Лузгина с Полтораком, не помню.

Огл[ашается] д.д. 203 т. I, где свидетель Лузгин показал, что Берензон устраивал ему очную ставку с Полтораком, причём прото[ко]л был заготовлен заранее.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Такого случая я не помню и заранее протоколов очной ставки я не заготовлял.

Греккер¹⁴¹ я знаю, а кто её арестовывал, не помню.

Огл[ашается] д.д. 118 т. III, где Греккер¹⁴² показала, что на её вопрос, зачем она арестована, Берензон ответил: «Попав в тюрьму, нечего думать о свободе» и на неоднократных допросах оскорблял и ругался, заявляя, что партия ошиблась, приняв её в свои ряды, и на Сталинскую Конституцию похабничал.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Такого случая не было, и нагло с её стороны так заявлять. Наоборот, я ставил вопрос о её освобождении, но мне не разрешили.

Огл[ашаються] д.д. 118 об., 119 т. III, где свид. Греккер показала, что ей Берензон дал очную ставку с Штейнбергом, протокол которой Берензоном был заготовлен заранее, и под угрозой избиения и всякой ругани она

¹⁴¹ У документі помилково — Гренкер.

¹⁴² У документі помилково — Греклер.

вынуждена была подписать протокол. То же самое было и на очной ставке с Зиздо, которого она никогда не видала и не знала.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Штейнберг не мог так говорить, так как я именно поставил вопрос о его освобождении, и он был освобождён.

Шильмана я знаю.

Огл[ашается] л.д.121 об. т. III, где Шильман показал, что [Берензон], угрожая избиением и вообще плохими последствиями, заставил подписать показания на себя и на других арестованных.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Он без всяких угроз давал показания, и незачем было угрожать ему.

Огл[ашается] л.д.122 об. т. III, где свидетель Поливанов показал, что на его допросе Берензон обругал его, плюнул в глаза и закричал: «Ау, б..., рассказывай о своей к/р работе!» и ударил два раза по затылку прессом.

Огл[ашается] л.д.207 т. III, где свидетель Баргер показал, что его каждый день избивали на допросах и что в этом всегда помогали Савин, Абрамович и Берензон.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Позднее он не говорил этого.

Огл[ашаются] л.д.216, 217¹⁴³ т. III, заключение Особоуполн[омоченного] НКВД СССР по делу Берензона, Абрамовича и других, где указано, что Берензон и Абрамович избивали Сенкевича, а Берензон — Агронского, Богуславского, Черницу и других.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Сам Сенкевич не говорит, что я его бил, а в этом документе указано почему-то.

Дело Бранта я не вел и не избивал его.

Огл[ашается] л.д.145 об. т. IV, где свидетель Брант показал, что Берензон на допросе избил его, заплевал лицо и отругал нецензурными словами, заявляя: «Ну, ты здесь и сгниёшь», после того, как я отказался от принадлежности к к/р организации. Кроме того, Берензон заставил его, Бранта, стоять на ногах 34 часа, не давая ни есть, ни пить.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Брант мною освобождён, и эти показания не соответствуют действительности.

Дело Брука я не вел и его вообще не видел.

Подсуд. ГАПОНОВ: На Водзинского я подписывал обвинительное заключение.

Огл[ашаются] л.д.208, 209, 210 т. IV, справки 1-го спецотдела УНКВД [по] Одесской обл. о том, что Водзинский, по сост[оянию] на 8 апреля 1941 г., по агентурным материалам не проходил и не разрабатывался.

Подсуд. ГАПОНОВ: Возможно, что в 1-м спецотделе он и не проходит.

Огл[ашается] л.д.268 т. IV, справка о том, что Носов арестованным не значится и временно проживает в Москве без прописки.

Подсуд. КОРДУН: В это время я уже не был в Одессе, но при мне был ответ из Москвы, что Носов на жительстве в Москве не установлен.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Ионкиса арестовывал я на основании ордера.

Огл[ашается] л.д.286 об. т. IV, где свидетель Ионкис показал, что он был арестован в здании Одесской облпрокуратуры Берензоном без

¹⁴³ Номер аркуша у документі написаний після номера тому справи.

ордера на арест и что его дело вели следователи Цирульницький, Кордун, Абрамович, Кушнір.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Из его же показаний видно, что я его дело не вел, а только арестовывал и при аресте я предъявлял ему ордер.

Огл[ашается] л.д.288 об. [т. IV], где свидетель Ионкис показал, что Берензон вместе с другими следователями уговаривали его подписать показания.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Если бы это имело место, то я сказал бы, но этого не было, и не моё дело было всюду вмешиваться.

По делу Фрейдина я вел следствие, и он расстрелян.

Обвинит[ельное] заключение по делу Шпак[а] я подписывал.

Огл[ашаются] л.д.16–18 т. II, где в заключении по делу Красненко указано, что Красненко под физическим и моральным воздействием Абрамовича и Берензона вынужден был давать ложные показания и на себя, и на других арестованных, после чего ему давали продукты питания и папиросы. После освобождения Красненко обязался давать клеветнические сведения на руководящих парт. работников под воздействием Берензона и Абрамовича, что им впоследствии и проделывалось. Красненко ложно указал Берензону 70 человек, подозреваемых в к/р работе, и со стороны Берензона и Абрамовича Красненко использовался как агент для фальсификации дел на парт. работников.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: В этом деле я не виноват. Это неправдоподобно и я никак не расцениваю иначе, как клевета на меня¹⁴⁴.

Огл[ашается] л.д.19 т. II, где Красненко показал, что им было указано 72 человека, из них: 16 — как участников право-троцкистской к/р организации, а 56 — подозреваемых в участии в к/р организации. Большинство указанных лиц по всем этим спискам были указаны ему Берензоном.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: О каком списке он говорит, я не знаю. Никаких заданий ему я не давал.

Огл[ашаются] л.д.20, 21 т. II, где Красненко показал, что ему Берензон давал задание на дачу периодических показаний на лиц, которые им, Берензоном, будут указаны. Так было с Луценко, Михайленко и Фишман.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Всё это — ложь, но опровергнуть этого сейчас я не в силах.

Обвинит[ельное] заключение по делу Майданюка я составлял, и, как видно, он осуждён неправильно.

Красненко был провокатором и вообще нечестным работником. Получалось так, что все агенты — провокаторы своего рода.

Были случаи избивания арестованных и со стороны Гнесина. Черномазова избивали я и Гнесин. Гнесин же иногда и ругал арестованных.

Меня учили, что на каждого завербованного агента должен быть компрометирующий материал.

По материалам Красненко не был арестован ни один человек, так как его скоро разоблачили как провокатора.

¹⁴⁴ Так у документі. Повністю збережена стилістика оригіналу.

По вопросу об освобождении Черкасова¹⁴⁵ я обращался к нач[альни]ку отдела, но кто эту должность занимал тогда, я не помню.

В 23 ч. 35 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 10 ч. 15 м. 24/IV–[19]43 г. суд. засед[ание] продолжается.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДСУДИМОГО ГНЕСИНА:

Следственные действия по делу КПК я проводил. По указанию Кордуна я передопросил Агронского и Винника и пересоставил обвинительные заключения на Васюренко и ещё одного арестованного.

Участвовал в следствии по делу Эдельман[а] и других работников [редакции] «Черноморская коммуна».

К арестованным я допускал грубости, крики, но избиением не занимался, за исключением Черномазова, которого я избивал по указанию Буркина.

К отдельным арестованным я подходил грубо, ругал их и кричал, но других методов, о которых указывают в своих заявлениях б[ывшие] арестованные, я не применял.

При поступлении в органы НКВД меня воспитывали, что раз арестован человек, следовательно, он — враг, и, следовательно, к нему нужно относиться по-вражески.

На работников [редакции] «Черноморской коммуны» были достаточные показания о их вражеской работе, и у меня не было оснований сомневаться в их невинности¹⁴⁶.

На вопросы пред[седательству]ющего:

Мои показания, данные на следствии, соответствуют действительности, и я осознал свои ошибки. Об этом я твёрдо заявляю.

На следственной работе в 1-м отделении я был с июля м-ца 1938 г.

Кордун мне говорил, что коль арестованный не даёт положительных для следствия показаний, то на него можно кричать и ругаться. К Кордуну заходить можно было в любое время, и он именно говорил мне об этом.

Были случаи, когда я следствие проводил по одному арестованному по 10–15 часов подряд.

Черномазова допрашивал не я, а меня пригласили в помощь Берензону, заявив, что есть санкция от Буркина на применение мер физического воздействия к Черномазову.

Меня иногда приглашали для подписания актов об отказе арестованных от подписи под своими показаниями, что я и подписывал.

Подсуд. КОРДУН: Ничего подобного не было.

Подсуд. ГНЕСИН: Я правильно говорю.

К подготовке арестованных к Военной коллегии меня привлекал Кордун и заставлял сидеть с арестованным в кабинете всю ночь.

Подсуд. КОРДУН: Это я отрицаю. За несколько часов до [заседания] Военной коллегии, а не ночь, это было.

¹⁴⁵ Идётся про Черкаського.

¹⁴⁶ Так у документі.

Подсуд. ГНЕСИН: Я сидел с арестованным с 10–11 [часов] вечера и по указанию Кордуна беседовал с арестованным, напоминал ему его показания.

Огл[ашается] л.д. 227 т. I, где Гнесин показал, что по делу КПК он принимал участие в составлении обв[инительных] заключений, в очных ставках, в допросах. Форма на пересоставление обвинительных заключений была дана Кордуном. Перед заседанием Военной коллегии допрашивал Агронского.

Подсуд. ГНЕСИН: Правильно.

По делу КПК я передопросил Агронского, Бейлина по указанию Кордуна, и пересоставил 2 обвинит[ельных] заключения.

Подсуд. КОРДУН: Обвинит[ельные] заключения пересоставлялись, так как раньше оно было составлено¹⁴⁷ для Трибунала, необходимо было — для Военной коллегии.

Подс. ГНЕСИН: Были случаи, когда Кордун давал задание допросить арестованного по тому или другому вопросу.

К Чернице никаких грубостей при допросе я не допускал.

На имя т. Берия я писал апелляционное заявление и сейчас подтверждаю то, что я там указывал.

Огл[ашается] л.д. 150 т. III, где Гнесин показал, что к Чернице он при допросе его допускал грубости и ругань и добивался от него показаний.

Подсуд. ГНЕСИН: Не помню.

Эдельмана я допрашивал и ругал его.

Берензон также принимал участие в ругани и криках на арестованных.

Клюненко я допрашивал по предложению Кордуна.

Огл[ашается] л.д. 154 т. III, где подсуд. Гнесин показал, что по приказанию Кордуна он при допросе Клюненко ругал и обзывал его нецензурными словами, допускал грубости и крики, добиваясь показаний.

Подсуд. ГНЕСИН: Да, так было, и именно по заданию Кордуна. Я грубил с Клюненко и ругал его.

На незаконные методы ведения следствия я получал указания от Кордуна, который ссылался на Гапонова.

Огл[ашается] л.д. 156 об. [т. III], где подсуд. Гнесин показал, что Кордун, Гапонов, Абрамович и Берензон требовали и приказывали вымогать от подследственных арестованных неправильные показания.

Подсуд. ГНЕСИН: Я лично получал указания от Кордуна, а Абрамович и Берензон делали мне замечания как старшие оперработники. От Гапонова лично я таких указаний не получал, а они передавались через Кордуна.

Голодовка мною была объявлена с 25/I по 29 января 1941 [г.] потому, что я считал, что я незаконно арестован.

Снял я голодовку 19/II—[19]41 г. и дал показания. Это была вторая голодовка.

В качестве свидетеля я участвовал в деле Калюжного, свои показания, данные в суде, я подтверждаю (л.д. 208, 210 т. III).

¹⁴⁷ Так (написано у множині та однині одночасно) у документі.

Красненко был завербован Кордуном, а Нежинский был взят из 3-го отделения.

Теплицкого я допрашивал по отдельным вопросам, а собственноручные показания на 150¹⁴⁸ листах Теплицкий дал Берензону.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Правильно. Его два заявления в общей сложности составили 154 листа.

Подсуд. ГНЕСИН продолжает:

Очные ставки у меня были с Богуславским, Эдельманом, Ключенко, Кордуном и Гапоновым.

Огл[ашаются] л.д. 42, 43¹⁴⁹ т. IV, протокол очной ставки Гнесина и Эдельман[а], где Эдельман показал, что на допросе [Гнесин¹⁵⁰] сначала заплевал ему лицо, а потом начал избияния, ругань и крики в уши через сделанную из бумаги трубку, и что такие издевательства продолжались систематически.

Подсуд. ГНЕСИН: На очной ставке он так говорил, но я говорю, что с моей стороны были крики и ругань, но ничего другого не было.

Огл[ашается] л.д. 45 т. IV, где подсуд. Гнесин показал, что протокол допроса Эдельмана корректировался Берензоном и Буркиным, поэтому первый протокол допроса Эдельмана датирован 22/VIII, тогда как он арестован 11/VIII-[1938 г.].

Подсуд. ГНЕСИН: Да, был такой случай. Я написал протокол, а Берензон и Буркин корректировали его, поэтому он и был подписан обвиняемым по истечении определённого времени. Протокол я отдал Берензону, но корректировал его Буркин.

Огл[ашается] л.д. 63 т. IV, где свидетель Богуславский показал, что Гнесин и Берензон при допросе его кричали ему в уши, требуя признания, плевали в рот, а Берензон бил ногами.

Подсуд. ГНЕСИН: Этого не было в действительности. Ругань и крики я допускал.

Протокол по делу Ключенко я писал по допросу 28/I-[19]39 г., а дату поставил августом 1938 года.

Кордун мне сказал, что Ключенко давал устные показания, и предложил оформить их в протокол, что мною и было сделано. При подписи этого протокола Ключенко жаловался на Берензона, о чем я заявил Кордуну.

Подсуд. КОРДУН: Возможно, и было.

Огл[ашается] л.д. 453 т. IV, где подсуд. Гнесин на очной ставке с Кордуном показал, что Кордун предлагал ему кричать на арестованных и требовать от них показаний по существу предъявленных им обвинений.

Подсуд. ГНЕСИН: Да, на крики и ругань на заключённых мне давал санкцию и указание Кордун. Кроме того, Кордун всегда слышал, когда я допрашиваю, и он мог бы запретить мне это.

¹⁴⁸ Так у документі. Раніше і далі у документі йдеться про 154 аркуші.

¹⁴⁹ У документі номер аркушу 43 написаний після номеру тома справи.

¹⁵⁰ У документі пропущено прізвище. Згідно зі згаданими вище свідченнями Эдельмана, цим займалися впродовж 11-ти днів Абрамович, Гнесін і Берензон.

Подсуд. КОРДУН: Это неверно.

Подсуд. ГНЕСИН: Эдельману я не мог показывать ордер на арест его жены, так как ордера были на строгом учёте в УСО.

Черкасского я допрашивал, но никаких издевательств над ним с моей стороны не было, возможно, что я допустил ругань и крики, но не больше.

Берензон ставил вопрос об освоб[ождении] Черкасского перед нач[альни]ком отдела, но ему в этом отказали, и я сам знал, что материалов на Черкасского недостаточно для предания его суду.

В 11 ч. 35 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 12 ч. 40 м. суд. заседание продолжается.

Подсуд. ГНЕСИН продолжает отвечать на вопросы суда:

Иванов мне лично не заявил, что якобы я выбил зуб ему, а об этом говорит Конончук. В действительности этого не было. Об этом Иванов вообще не указывает нигде.

По делу Баргера я никаких следственных действий не производил.

При приходе меня на работу в органы НКВД я наблюдал, что в УНКВД практикуются избиения арестованных, выставки, крики, ругань. Это можно было сразу заметить. Слышны были стоны, крики арестованных.

Я подтверждаю, что перед Военной коллегией я работал с арестованным по указанию Кордуна.

Были случаи, когда я получал указания и от Берензона, который, в свою очередь, получал их от Кордуна.

Рапорт на Новикова я писал по указанию Абрамовича, который сослался на указание начальника отдела.

На вопр[осы] подсуд. ГАПОНОВА:

Подсуд. ГНЕСИН: Извращённые методы следствия первое время я наблюдал со стороны 3-го отделения.

С приездом Гапонова изменилось ли что-нибудь, я не знаю. С приездом Гапонова стали проводить инструктажи с оперработниками, а изменилась ли общая обстановка, затрудняюсь сказать.

На вопросы суда:

Подсуд. ГНЕСИН: О решении обкома ВКП(б) г. Одессы об увольнении меня из органов НКВД мне известно.

ОБЪЯСНЕНИЯ ПОДСУД. МОШКОВСКОГО:

Я никогда не работал в 1-м отделении, а работал в 3-м отделении и в 4-м, а потом — в 6-м, где я впоследствии был назначен пом[ощником] нач[альни]ка отделения.

В июле м-це 1938 г. Кордун мне заявил, что есть распоряжение Калюжного о передаче мне дела Васюренко. Калюжный лично сам это подтвердил, и дело я взял.

В деле Васюренко не было ни одного показания кого-нибудь из лиц, а только были справки и постановления. Кордун мне объяснил, что все протоколы находятся в общем деле.

При допросе Васюренко к последнему я никаких грубостей не допускал, а потом Васюренко написал собственноручные показания, где

указал ряд лиц, которые принадлежат к к/р организации, о чем я сказал Кордуну, и он объяснил мне, кто из них уже арестован, а кто ещё на свободе. После этого я ещё допросил Васюренко один или два раза, предъявил постановление на предъявление обвинения и передал дело Кордуну.

Позднее Кордун принёс мне дело и предложил допросить Васюренко по вопросу о Вашокове, что мною было сделано, и я опять отдал дело.

В третий раз Кордун предложил мне допросить Васюренко в присутствии прокурора Бойко уже перед приездом Военной коллегии, что мною также было сделано, и дело я опять отдал.

Я заявляю суду, что никаких незаконных методов ведения следствия в отношении Васюренко я не применял, и его заявления в этой части не соответствуют действительности. Никакой лампочки, о которой Васюренко указывает, никогда в моем кабинете не было. Это — выдумка Васюренко.

Я замечал, что арестованных допрашивают стоя, не предъявляют им материала, а оглашают, что нарушаются нормы УПК, о чем я заявлял Майскому, и который мне ответил, что НКВД работает на особых инструкциях.

По делу Васюренко я следствие не заканчивал и обвинение ему не предъявлял.

Такое же положение и с делом Вырвихвиста. Это дело мне также дали, но при допросе он не признавал своей принадлежности к к/р организации, а потом сам написал объяснение, где и указал о его принадлежности к к/р организации, после чего я его передопросил, и он подтвердил свои показания.

Позднее это дело я получил уже с обвинительным заключением, и мне предложено было передопросить Вырвихвиста в присутствии прокурора, что мною и было сделано.

Никакого сомнения на то, что это — не враги, у меня не было, так как в делах были подписи ответственных партийных работников.

Рябец я допрашивал, и он сознался на очной ставке с Гончаренко, который уличал Рябца, а Рябец подтвердил своё участие в к/р организации. Рябец никогда не заявлял, что я его избивал, а когда я был арестован, то тогда и Рябец начал давать на меня лживые показания о том, что якобы я его избивал.

Рыбчука¹⁵¹ я не видел до того момента, когда уже было вынесено решение ЦК ВКП(б), и когда я его вызвал на допрос в декабре м-це 1938 г., где ничего предосудительно[го] в моем поведении к Рябчуку не было.

За всё время моей работы на меня не было ни одного заявления со стороны арестованных.

После издания Постановления ЦК ВКП(б) мне было передано 92 дела, с которыми я лично ознакомился, и много людей было освобождено, а люди, которые не были освобождены, на гласных судах были приговорены к разным срокам наказания.

¹⁵¹ Тут і далі помилково через літеру «я» — Рябчук.

Единственно в чем я виноват — нарушал иногда нормы УПК при подписании ст. 200 УПК обвиняемыми, так как протоколы были заранее подготовлены, на что была установка Кордун[а] и др. нач[альни]ков отделов.

По телефону мне Абрамович позвонил и сказал, что есть приказание Буркина о том, чтобы я написал рапорт на прокурора Новикова по вопросу о том, что я слышал¹⁵² о допросе Шпака Новиковым. При подтверждении этого же Буркиным я написал не рапорт, а объяснение, где указал, что Новиков при допросе случайно назвал Шпака товарищем, а Шпак клеветал на следователей, т.е. то, о чем я в действительности и слышал. Это объяснение у меня взял Абрамович, и что с ним дальше было, мне ничего не известно.

В 14 ч. 10 м. объявлен перерыв судебного засед[ания].

С 14 ч. 25 м. судебное заседание продолжается.

На вопросы суда подсуд. МОШКОВСКИЙ:

Уволен я из органов НКВД за невозможностью использования.

По делу КПК я допрашивал Вырвихвиста и Васюренко, из которых первый был осуждён на 15 лет, а второй — к ВМН¹⁵³.

В связи с чем был арестован Самарин, я точно не знаю, но на совещании Калюжный заявил, что Самарин был провокатором царской охраны.

Сейчас я убедился, что дело КПК было сфальсифицировано, но раньше я этого сказать не мог.

По делу Васюренко были показания Майданюка и Вырвихвиста, о чем мне говорил Кордун и, кажется, даже показывал, но они находились в основном деле, которое было в I[-м] отделе, а в деле Васюренко была только справка.

Васюренко при допросе я называл врагом, потому что об этом говорила справка, имевшаяся тогда в деле.

Васюренко очень скоро дал показания.

В справке также было указано, что Васюренко завербован Носовым.

При допросе я черновики не составлял.

Огл[ашаются] л.д. 169 об., 170 т. III, где Мошковский показал, что протоколы допросов арестованных всегда корректировались, поэтому их даты могут не соответствовать датам допроса.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ: Да, были случаи, что протоколы корректировались нач[альни]ком отделения или отдела.

При ведении следствия я очень часто обращался к другим работникам за консультацией, но я не знал, что дело, по которому я веду следствие, фальсифицируется.

Очные ставки я проводил без нарушения УПК, но иногда и допускались нарушения.

¹⁵² У документі — слышал.

¹⁵³ У документі переставлені місяцями міри покарання: Вирвихвіст був засуджений до ВМП, а Васюренко — до 15-ти років позбавлення волі у ВТТ.

Васюренко прямо от своих показаний никогда не отказывался, но говорил, что он — не враг.

Огл[ашается] л.д. 170 т. III, где подсудимый Мошковский показал, что в отделе существовала практика не составлять протоколов отказа от показаний арестованных, а в таком случае на допросе держали до тех пор, пока вновь не начнёт давать признание.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ: Правильно. Но Васюренко я никогда не держал подолгу на допросах.

Матвеевича¹⁵⁴ я допрашивал, но не избивал его.

Огл[ашается] л.д. 171 т. III, где Шпак показал, что ему известно об избииении Мошковским арестованных Васюренко и Матвеевича, и что последний всегда возвращался в камеру весь в крови и синяках, и что Мошковский особенно зверски избивал Матвеевича в живот, представлявший собою сплошную кровавую рану.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ: Если бы это имело место, я бы сказал, так как это был ярый враг, бывший офицер, эмигрант, который правильно осуждён и расстрелян.

К Рябец я никаких мер физического воздействия не применял.

По делу Васюренко возможно, что агентурных материалов и не было, и кто санкционировал предание его суду, не знаю.

Самарина я не допрашивал и никогда его не видел.

С Рябчуком у меня была очная ставка, где я отрицал его показания как вымышленные и сейчас я это тоже отрицаю.

Рябец также меня оговорил, так как у него это был единственный выход оправдать свой отказ от ранее данных показаний.

Огл[ашается] л.д. 106 т. IV, где свидетель Рябец показал, что при допросе его Мошковский систематически избивал, кричал в уши через «рупор», что продолжалось в течение 5–6 дней. Этим самым он добивался признаний в несовершеннолетних им, Рябец, к/р преступлениях.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ: Ничего подобного не было.

О том, что я исключён из партии, я только сейчас узнаю, а до этого я не знал.

По делу Васюренко было недостаточно материалов, на основании которых он предавался суду, но об этом я узнал только сейчас. Никакого издевательства над ним, а равно как и над другими арестованными, с моей стороны не было. Всё это — клевета.

Разворот следствия по всем этим делам был при Калюжном, а при Гапонове дела заканчивали.

В 15 ч. 30 м. объявлен перерыв суд. заседания.

С 15 ч. 45 м. судебное заседание продолжается.

На вопр[ос] подсуд. КОРДУН[А] подсуд. МОШКОВСКИЙ показал:

Я заявляю, что нормы УПК в оформлении материалов нарушались, обвиняемым они не предъявлялись, а объявлялись.

¹⁵⁴ У документі помилково через літеру «и» — Матвиевич.

На вопросы подсуд. ГАПОНОВА подсуд. МОШКОВСКИЙ:

Я не знаю случаев, чтобы меры физического воздействия применялись к заключённым как система в Одесском УНКВД, но отдельными работниками это допускалось.

По делам третьего отделения нельзя сказать, чтобы Семега — агент был провокатором. То же — и [про] агента Метельского.

На вопр[ос] подс. ГАПОНОВА подсуд. КОРДУН:

Я не помню случая, чтобы в моем присутствии кто-нибудь говорил Гапонову о наличии в 1-м отделении практики избияния арестованных или криков в уши.

На вопр[ос] подс. ГАПОНОВА подсуд. АБРАМОВИЧ:

Я говорил об ужасах в следствии по делу КПК после того, когда я ознакомился с материалами настоящего дела, и имел в виду также, что нормы УПК нарушались как при Калюжном, так, в меньшей степени, и при Гапонове.

Подсуд. ГАПОНОВ: Уже и после Постановл[ения] ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/ХІ-[19]38 г. революционная законность нарушалась, этого я не отрицаю.

Подсуд. ГАПОНОВ ходатайствует:

1. Огласить протокол обзора материалов по делам Васюренко и Майданюка.

2. Огласить л[ист] дела, где указано, что аресты по делу авто-мото-клуба произведены не на основании агентурной сводки «Сумина»¹⁵⁵, а на основании разработки 6-го отдела [УГБ НКВД УССР].

3. Дать возможность ознакомиться с делом Водзинского.

ВТ, совещаясь на месте, ОПРЕДЕЛИЛ:

Первых два ходатайства подсудимого Гапонова удовлетворить, а в отношении третьего отказать, так как делом Водзинского Военный трибунал не располагает.

Согласно ходатайств подсудимого Гапонова оглашены документы — л.д. 101 т. IV, 192 т. IV и 424 т. IV — отношение НКВД УССР на имя и.д. ВП [войск]/НКВД Киевского округа т. Грезова.

Подсуд. ГАПОНОВ: Я прошу обратить внимание, что Грабовский и другие были арестованы не на основании сводки «Сумина», которую принял Резников, а на основании сводок, которые «Сумин» давал до этого.

Подсуд. КОРДУН: Прошу принять во внимание, что коль дело КПК сфальсифицировано, я признаю себя виновным в участии в фальсификации по этому делу.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ просит, если возможно, сообщить ему, отменен ли приговор по делу Васюренко, и освобождён ли он из-под стражи.

Пред[седательству]ющий огласил Постановление Пленума Верх. Суда СССР (приложение № 15) о прекращении дела Васюренко и об отмене приговора по его делу.

Подсудимый Мошковский заявил, что его это удовлетворяет.

¹⁵⁵ Тут і наступного разу псевдонім секретного агента НКВС написано без лапок.

В 17 ч. 00 м. объявлен перерыв судебного заседания до 10 ч. утра 25/IV—[19]43 г.

С 10 ч. 00 м. 25/IV—[19]43 г. судебное заседание продолжается.

Подсуд. КОРДУН: Из Одессы я выехал 20 октября 1938 г.

Пред[седательству]ющий спросил [у] подсудимых, чем они могут дополнить судебное следствие, на что подсудимые ГАПОНОВ, БЕРЕНЗОН, АБРАМОВИЧ и КОРДУН заявили, что судебное следствие они дополнить ничем не имеют, а подсудимые:

ГНЕСИН: 1) просит внести в протокол заключения особоуполномоченных¹⁵⁶ НКВД УССР и [НКВД] СССР, где указано, что в отношении его, Гнесина, ограничиться увольнением из орг[анов] НКВД, не предавая суду;

МОШКОВСКИЙ: 1) зафиксировать в протоколе показания свидетеля Бойко (прокурора), где указано, что в присутствии пом[ощника] прокурора Бойко допрашиваемые Мошковским арестованные Васюренко и Выхвист подтвердили свои показания и никаких ходатайств или жалоб они прокурору не заявили;

2) просит зафиксировать в протоколе заключения¹⁵⁷ особоуполном[оченных] НКВД УССР и [НКВД] СССР, где они говорят¹⁵⁸ о том, что в отношении его, Мошковского, можно ограничиться увольнением из орг[анов] НКВД, не предавая суду.

ВТ, совещаясь на месте, ОПРЕДЕЛИЛ:

Удовлетворить ходатайства подсудимых Мошковского и Гнесина.

Огл[ашаются] л.д. 189 об., 190 т. III, показания свидетеля Бойко, где указано, что в присутствии его, Бойко, при допросе Мошковским обвиняемые Выхвист и Васюренко подтвердили ранее данные ими показания и никаких жалоб не заявили.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ: Правильно, я просил огласить именно эти показания Бойко, так как других показаний его в деле нет.

Огл[ашается] л.д. 290 т. II, заключение Особоуполн[омоченного] НКВД УССР и утверждённое зам[естителем] наркома НКВД УССР¹⁵⁹, где указано, что в отношении б[ывших] работников УНКВД [по] Одесской обл. Гапонова, Гнесина, Мошковского, Берензон[а], Абрамовича и Кордун[а] ограничиться тем, что они уволены из органов НКВД¹⁶⁰.

¹⁵⁶ У документі — в одніні: «заклучение особоуполномоченного». Йдеться про два різні документи, що були підготовлені у жовтні 1940 р. в НКВС УРСР і у січні 1941 р.— в НКВС СРСР.

¹⁵⁷ У документі — в одніні: «заклучение».

¹⁵⁸ У документі — в одніні: «он говорит». Зміст документів, про які йдеться, спотворено.

¹⁵⁹ У документі помилково — СССР.

¹⁶⁰ Груба фактична помилка. У висновку НКВС УРСР це формулювання стосувалося лише С. Гапонова, В. Мошківського і А. Гнесіна. Водночас йшлося про арешт і суд трибуналу стосовно Я. Берензона, Ю. Абрамовича і Д. Кордуна (див.: ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 2, арк. 269–270).

Огл[ашается] л.д.218 т. III, заключение Особоуполном[оченного] НКВД СССР, который считает, что в отношении Кордуна, Гапонова, Мошковского, Гнесина вопрос об их привлечении к ответственности решить в процессе следствия по делу Берензона и Абрамовича¹⁶¹.

Подсуд. ГНЕСИН: Меня оглашённые судом документы удовлетворяют.

По просьбе подсудимого Берензон[а] суд удостоверяет наличие в деле аттестации на Берензон[а] (т. IV, л.д. 147–151).

По просьбе подсуд. Абрамович[а] суд удостоверяет наличие на л.д. 314 т. IV характеристики на Абрамовича.

Огл[ашается] л.д.518 т. IV, где указано об исключении Мошковского из рядов партии за нарушение революц[ионной] законности¹⁶².

Огл[ашается] л.д.514 т. IV, решение Сталинского РК КП(б)У об исключении из рядов партии Берензона за нарушение им революц[ионной] законности при ведении следствия.

Огл[ашается] л.д.515 т. IV, решение об исключении из рядов партии Кордун[а] как арестованного орг[анами] НКВД за нарушение революц[ионной] законности.

Огл[ашается] л.д.513 т. IV, решение об исключении из рядов партии Мошковского как арестованного органами НКВД за нарушение революц[ионной] законности¹⁶³.

По просьбе подсуд. Гнесина огл[ашаются] л.д. 308, 307, 306, 309¹⁶⁴ т. IV — характеристики на Гнесина.

По просьбе подсуд. Мошковского оглашается характеристика на последнего, данная прокуратурой Одесской обл. — л.д. 285 т. IV.

Подсудимые Мошковский и Гнесин удовлетворены зачтёнными характеристиками.

Огл[ашается] л.д.553 т. IV, где в обвинительном заключении указано, что Абрамович — б[ывший] член ВКП(б), что говорит о том, что он исключён.

Огл[ашается] л.д.318 т. IV, справка о работе Абрамовича в органах НКВД.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Правильно, но с августа месяца я не был начальником отделения, т.к. в это время им был Кордун. В 1-е отделение я переведён в декабре м-це 1938 г.

Огл[ашается] л.д.486 т. IV, выписка из приказа УНКВД на Абрамович[а].

Подсуд. АБРАМОВИЧ: Это — правильно и говорит за то, что в 1[–м] отделении я не был в то время.

¹⁶¹ Інформацію викладено правильно. У висновку НКВС СРСР йшлося про арешт і притягнення до кримінальної відповідальності Я. Берензона і Ю. Абрамовича та про вирішення питання про притягнення до відповідальності всіх інших у процесі слідства у справі двох перших (див.: Там само, т. 3, арк. 218–219).

¹⁶² Йдеться про рішення бюро Одеського обкому КП(б)У від 10 червня 1941 р. про затвердження рішення бюро Гроссуловського райкому КП(б)У про виключення В. Мошковського з партії.

¹⁶³ Йдеться про рішення бюро Гроссуловського райкому КП(б)У від 23 травня 1941 р.

¹⁶⁴ Номери аркушів 307, 306, 309 написані у документі після номеру тома справи.

Огл[ашается] л.д.487 т. IV, выписка из приказа по УНКВД об откомандировании Кордуна из орг[анов] НКВД с декабря м-ца 1938 г.

Подсуд. КОРДУН: В октябре м-це 1938 г. я был уже в Москве.

Подсуд. АБРАМОВИЧ: В 1-е отделение я перешёл только в декабре м-це 1938 г.

По просьбе подсудимого Берензон[а] огл[ашается] л.д.317 т. IV, справка о прохождении им службы в орг[анах] НКВД.

Подсуд. БЕРЕНЗОН: Правильно.

Огл[ашается] л.д.311 т. IV, справка о прохождении службы в НКВД Гапоновым.

Подсуд. ГАПОНОВ: Эта справка не соответствует действительности, о чем я писал жалобу, и этот вопрос уточнён.

Огл[ашается] л.д.485 т. IV, выписка из приказа на Гапонова.

По просьбе подсуд. Гапонова оглашаются характеристики на него — л.д.248, 249, 250, 251, 252 т. II.

Огл[ашаются] л.д.216, 217, 218, 219 т. IV, характеристики на подсуд. Кордуна.

Огл[ашаются] л.д.223, 224 т. IV, характеристика на Берензон[а].

Огл[ашается] л.д.519 т. IV, сообщение Малинина о службе Гапонова.

Огл[ашаются] л.д.522, 525 т. IV, выписки из приказа о Гапонове.

На этом судебное следствие объявлено законченным.

В 11 ч. 55 м. объявлен перерыв судебного заседания.

С 12 ч. 45 м. судебное заседание продолжается.

Суд предоставляет каждому из подсудимых последнее слово, в котором заявили.

Подсудимый ГНЕСИН:

На судебном следствии я признал те ошибки, которые я имел за время своей работы в органах НКВД.

Я виноват в проведении отдельных следственных действий в отношении б[ывших] работников КПК и редакции «Черноморская коммуна».

Однако, я прошу суд учесть, что с момента моего прихода в органы НКВД мне, как молодому работнику, привили, что все лица, арестованные органами НКВД, являются врагами народа. Об этом же мне твердили на всем протяжении моей работы. В силу своей молодости, своей оперативной неграмотности в то время я не смог найти правду, разобраться в обстановке. В этом я виноват.

Прошу учесть, что все арестованные, а впоследствии освобождённые, писали на меня заявления, а потом давали и показания по злобе, за незаконное их содержание под стражей, в чем раньше я не мог разобраться.

Прошу учесть, что после Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI-[19]38 г. с моей стороны не было допущено ни одной ошибки в работе, о чем говорят характеристики, данные на меня. Я раскаялся в совершенных мною ранее ошибках.

Как на комсом[ольской] работе, так и в партии я никогда не имел взысканий. А, наоборот, пользовался авторитетом.

На работу в органы НКВД я пришёл ещё молодым, мне тогда было только 21 год.

То, что я пережил за 2,5 года в заключении, для меня является достаточным наказанием.

Прошу суд сохранить мою жизнь и направить меня на фронт для защиты Советского государства от нашествия фашизма.

Подсуд. МОШКОВСКИЙ:

В органы НКВД я был мобилизован и попал в тяжёлую обстановку. В следственной работе я был неопытным, и тогда мне трудно было ориентироваться в существовавшей тогда обстановке.

Я замечал несвойственные следствию методы работы, но я всем документам следствия слепо верил и считал, что я выполняю большую партийную работу, и только после Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/ХІ-[19]38 г. я понял, что мы допускали ошибки, и я старался всеми силами исправить свою ошибку и исправлял их у других, глубоко и объективно разбирался с каждым следственным делом.

Всю свою жизнь я прожил честно, никогда не привлекался к ответственности, не имел взысканий ни по работе, ни по партийной линии.

Прошу учесть, что, когда мне было ещё 17 лет, я уже вел борьбу с кулачеством и другими антисоветскими элементами.

Служил в Красной Армии, где выполнял все поставленные передо мной задачи так, как подобает честному человеку, комсомольцу.

Прошу учесть, что никто из моей семьи не судим, 3 родных брата сейчас на фронте, а четвёртый — в органах НКВД.

Я только сейчас убедился, что все дела, приговора по которым впоследствии были отменены, сфальсифицированы. Но тогда я об этом знать не мог.

Теперь я осознал те ошибки, которые были мною допущены в следственной работе и осознал свою вину в нарушении следственной практики.

Находясь в тюрьме, я глубоко продумал все, и это останется мне уроком на всю жизнь.

В душе я буду считать себя коммунистом и буду предан партии до конца своей жизни.

Я прошу суд дать мне возможность на фронте в борьбе с фашизмом доказать, что я ещё не потерянный человек, что являюсь истинным патриотом своей Родины, я докажу это.

Подсудимый БЕРЕНЗОН:

В 1937 г. я, как хороший работник, был переведён из фельдсвязи на оперативную работу. Я попал сразу в обстановку, когда творились гнусные дела, и меня учили видеть врагов в каждом арестованном. Я верил этому и считал, что, занимаясь следствием, я делаю большое дело для партии, для Советской власти. Но получилось не так, в чем я сейчас раскаялся.

Существовала практика, когда по одному и тому же делу следствием занимались несколько человек оперработников. Мне приказывали провести определённое следственное действие по тому или другому делу, и я делал это. Отказываться я не имел права, так как я был ещё молодой оперработник.

С 1931 г. я — член партии, а, будучи в Красной Армии, я был лучшим в танковом корпусе командиром танка. Я работал так, как учил меня комсомол, учила партия.

На ошибки в следственной работе я пошёл несознательно, а меня толкали на это. В этом я раскаялся.

Я прошу учесть, что в борьбе по освобождению Зап[адной] Украины и Зап[адной] Белоруссии, на финском фронте, а затем при освобождении Бессарабии и Сев[ерной] Буковины я показал себя как истинный большевик.

У меня осталась жена и двое детей, отец и брат погибли на фронте, и сейчас 2 брата сражаются на фронте.

Я прошу суд дать мне возможность доказать с оружием в руках, что я являюсь патриотом своей Родины и готов кровью защищать её.

Только на фронте я смогу загладить свои ошибки.

Подсуд. АБРАМОВИЧ:

С прибытием в Одесское УНКВД в разгар нарушений революционной законности я тогда пытался возражать против неправильных методов работы, но мне говорили, что «ты ещё молод, и тебе нужно больше молчать».

Будучи как в 3-м, так и в 5-м отделении, мною было раскрыто ряд к/р организаций, участники которых были осуждены.

Будучи в 1-м отделении, я принимал участие в следствии по делу КПК и другим делам. В этом я виноват, но я выполнял приказания начальников и считал, что делаю правильно. Через 1-е отделение проходило много действительных врагов народа, но среди них я проглядел и честных людей. В этом я виноват.

Я виноват в том, что в отношении отдельных подследственных арестованных нарушал нормы УПК, при допросах не фиксировал их показаний в протоколах, но такая практика была во всем отделении.

После Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17/XI—[19]38 г. я всячески старался исправить свои ошибки, занялся пересмотром всех дел самым внимательным образом, и много людей мною было освобождено.

За время работы в органах НКВД, на протяжении 7 лет, я не имел ни одного взыскания, ни по службе, ни по партийной линии. Работая и после увольнения из Одесского УНКВД, в УНКВД на Дальнем Востоке я работал честно, как учили меня комсомол и партия.

Находясь в заключении, я всё взвесил и понял, что это — для меня урок на всю жизнь.

Я заявляю суду, что в моих мыслях никогда не было ничего преступного против Партии Ленина—Сталина.

Я заслуживаю наказания, но прошу учесть, что я ещё молод, сын рабочего и сам — рабочий.

У меня осталась жена и двое детей.

Я прошу послать меня на фронт для защиты Отечества, где я докажу свою преданность партии, своему народу. Это же я докажу и на любом участке работы, если суд даст мне такую возможность.

Подсудимый КОРДУН:

2 года тюрьмы достаточно, чтобы я смог осознать свою вину.

На суде я признал свою вину в том, что участвовал в следствии по делу КПК, что в моем отделении были нарушения, что я не сумел глубже разобраться во всех делах. В этом я виноват, но отбрасываю все лживые показания в части избития мною заключённых.

Я хочу, чтобы суд учёл, что я — не враг и не контрреволюционер, а просто преступник. О том, что я — не враг, я доказал всей своей сознательной жизнью в рядах партии.

С 13 лет я пошёл работать на производство, и с этого времени я — член профсоюза.

У меня осталась мать 80[—ти] лет, ребёнок, на фронте находится жена и много родственников.

Я понял, что меня обвиняют в тяжёлом преступлении, я ошибался, но я — не к[онтр]революционер и я признался во всем.

Прошу учесть, что я — рабочий, и дать мне возможность быть в рядах армии и защищать Родину.

В 13 ч. 30 м. объявлен перерыв судебного заседания до 10 ч. утра 26/IV—[19]43 г.

С 10 ч. 30 м. 26/IV—[19]43 г. судебное заседание продолжается.

Подсудимому ГАПОНОВУ предоставляется последнее слово, в котором он сказал:

Я отрицаю свою вину, так как факты предъявленного мне обвинения не соответствуют действительности.

Но я всё же должен нести ответственность.

В фальсификации дела КПК я не признаю себя виновным, так как к нему никакого отношения не имел. Указаний на обработку обвиняемых перед заседанием Военной коллегии я не давал, а если это и имело место со стороны работников НКВД, то я виноват в том, что проглядел.

Дела КПК у меня не хранилось, а если бы и хранилось перед приездом Военной коллегии, то я всё равно не смог бы снять их с заседания ВК, т.к. постановление было уже утверждено НКВД УССР и СССР.

Сводка агента «Сумина» не сфальсифицирована, так как до этого он давал подобные же сводки, и принята она была позднее, чем произведены были аресты.

На Водзинского я подписал обвинительное заключение, потому что материалы дела соответствовали фактам, изложенным в обв[инительном] заключении, и в то время они являлись основательными для предания его суду.

Дело на работников редакции «Черноморская коммуна» не сфальсифицировано, а благодаря неправильным методам ведения следствия были освобождены действительные враги народа, часть из которых впоследствии была вновь арестована.

В деле Сенкевича я виноват в том, что слепо выполнял указания нач[альни]ка УНКВД о применении к нему мер физического воздействия.

Никакого дела-формуляра на Новикова создано не было.

В деле Шпак[а] я виноват в том, что мною было подписано обвинительное заключение на Особое совещание.

Я виноват в том, что на обл. партконференции выступил против Черницы, используя материалы для выступления, данные мне Старовойтом.

Я виноват в том, что своевременно не разобрался со всеми делами, что, имея сигналы о нарушениях в следственной работе, не принял решительных мер, а остановился на полумерах.

Я прошу суд учесть, что я работал незначительный промежуток времени в Одессе, и тот тяжёлый период времени, в котором я работал.

Я много сделал и полезного. По линии СПО я прекратил много дел, и люди были освобождены, и некоторых даже не допустил к аресту — Гурович, Ленский и др.

Я многое сделал, но не все.

Я разобрался с делом красных партизан и освободил людей.

Работы было много, но всё я сам лично охватить не мог и, безусловно, что-то мог пропустить.

Я — не враг и им никогда не был, умышленных преступлений я не делал.

Мой жизненный путь ничем не запятнан. Родился я в семье рабочего в Донбассе. Отец и мать были осуждены царским правительством за принадлежность к компартии, я с 1909 г. по 1913 г. находился в тюрьме с матерью, с 1913 по 1917 г. я был в ссылке вместе с матерью. После освобождения отца в 1918 г. я ушёл с ним на фронт, где на поле битвы я подносил ему патроны.

В 1922 г. я вступил в комсомол и по 1924 г. учился, а потом пошёл работать на производство.

С 1927 г. я работаю в органах ОГПУ—НКВД, и за время своей работы я вскрыл несколько крупных к/р организаций, за отличную работу дважды награждался боевым оружием и знаком «Почётный чекист». Всё это говорит за то, что вся моя жизнь направлена на пользу Партии.

Будучи уволенным из органов НКВД и работая нач[альником] связи г. Одессы, во время осады города связь была поставлена отлично, за что я трижды премировался.

Будучи в УИТЛиК [У]НКВД по НСО начальником отделения розыска, за короткий промежуток времени под моим руководством поймано до 500 бежавших заключённых, врагов народа.

За партию я готов отдать жизнь.

Моя вина перед Сов. властью и партией несомненна, но это была моя ошибка, а не умысел.

Прошу дать мне возможность на фронте своей кровью искупить вину, и я докажу, что я являюсь сыном трудового народа.

В 11 ч. 05 м. суд остался на совещании для вынесения приговора.

В 17 ч. 55 м. председательствующий огласил приговор, разъяснил осуждённым его содержание, срок и порядок обжалования.

Осуждённые на вопрос пред[седательству]ющего, понятен ли им приговор, срок и порядок его обжалования, ответили утвердительно.

Обсудив меру пресечения, ВТ **ОПРЕДЕЛИЛ:**

Меру пресечения в отношении всех осуждённых до вступления приговора в законную силу оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей.

В 18 ч. 20 м. 26/IV—[19]43 г. судебное заседание объявлено закрытым.

Председательствующий

Кулик

Секретарь

Середа

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 110—155 зв.
Оригінал. Рукопис на бланку.

№ 37

Вирок Військового трибуналу військ НКВС Західно-Сибірського округу у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича, Я. І. Берензона, А. Ю. Гнєсіна і В. А. Мошковського

*21–26 квітня 1943 р.
С[овершенно] секретно*

Дело № 871943 г.

ПРИГОВОР № ____

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1943 г., *апреля 21–26* дня, Военный Трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа

В СОСТАВЕ:

Председательствующего *полковника юстиции Кулика*

Членов: *майора госбезопасности Сибаторова*

капитана госбезопасности Куликовой

при секретаре *лейтенанте юстиции Середа*

[без] участ[ия] сторон,

рассмотрев в закрытом судебном заседании в гор. *Новосибирске, в помещении УНКВД*, дело № 871943 г.

по обвинению¹⁶⁵ б[ывших] работников Одесского областного Управления НКВД УССР:

1. б[ывшего] зам[естителя] нач[альника] областного Управления НКВД старшего лейтенанта госбезопасности ГАПОНОВА Сергея Ивановича, 1907 года рождения, из рабочих, рабочего г. Енакиево Сталинской обл., б[ывшего] члена ВКП(б) с 1932 г., исключённого в 1940 году в связи с настоящим делом, затем вновь вступившего в кандидаты в члены ВКП(б) 1 ноября 1942 г., русского, со средним образованием, состоявшего на службе в органах НКВД с 1927 по 1939 г. и с марта 1942 г. по февраль 1943 г., женатого, награждённого знаком почётного чекиста, ранее под судом не состоявшего;

¹⁶⁵ Далі — суцільний рукописний текст, який не виділений курсивом.

2. б[ывшего] врио нач[альника] 1[-го] отделения 2[-го] отдела сержанта госбезопасности КОРДУН[А] Давида Борисовича, 1908 г. рождения, из кустарей г. Одесса, служащего, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1930 г., исключённого в связи с настоящим делом, по национальности еврей, состоявшего на службе в органах НКВД с 1932 по 1941 год и в РККА — с 1930 по 1932 г., с низшим образованием, женатого, ранее не судимого;

3. б[ывшего] врид нач[альника] 1[-го] отдел[ения] 2[-го] отдела УНКВД сержанта госбезопасности АБРАМОВИЧА Ефима Иоановича¹⁶⁶, 1908 г. рождения, из рабочих г. Первомайска Одесской обл., служащего, по национальности еврей, состоявшего на службе в органах НКВД с 1933 г. по 1940 г., с низшим образованием, женатого, ранее не судимого;

4. б[ывшего] вр. пом[ощника] нач[альника] 1[-го] отделения 2[-го] отдела УНКВД политрука БЕРЕНЗОНА Якова Израилевича, 1910 г. рождения, из рабочих г. Одессы, рабочего, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1932 года, исключённого в связи с данным делом, по национальности еврей, состоявшего на службе в органах НКВД с 1934 года по 1939 год и в РККА — с 1932 по 1934 год и с 1939 по 1941 год, с низшим образованием, женатого, ранее не судимого;

5. б[ывшего] нач[альника] 3[-го] отделения 2[-го] отдела УНКВД МОШКОВСКОГО Владимира Антоновича, 1911 года рождения, из крестьян-колхозников хутора Елизаветовки Коростышевского р-на Житомирской обл., служащего, б[ывшего] члена ВКП(б) с 1939 г., исключённого в связи с настоящим делом, украинца, состоявшего на службе в органах НКВД с 1937 года по 1939 г. и в РККА — с 1933 по 1936 г., с неполным средним образованием, холостого, ранее не судимого;

6. б[ывшего] оперуполномоченного 1[-го] отдел[ения] 2[-го] отдела УНКВД сержанта госбезопасности ГНЕСИНА Абрама Ефимовича, 1917 г. рождения, из семьи служащего г. Одессы, служащего, б[ывшего] кандидата в члены ВКП(б) с 1939 года, исключённого в связи с настоящим делом, по национальности еврей, состоявшего в НКВД на службе с 1938 по 1940 год, с неполным средним образованием, холостого, ранее не судимого; — в преступлениях, предусмотрен[ных] по ст. 206—17 п. «б» УК УССР;

УСТАНОВИЛ:

Подсудимые Гапонов, Кордун, Абрамович, Берензон, Мошковский и Гнесин, состоя на службе в качестве ответственных оперативных работников в Одесском областном Управлении НКВД, в период 1938 г. и начала 1939 года допускали грубейшие нарушения социалистической законности, применяя к арестованным несвойственные методы следствия, фальсифицируя следственные материалы, создавая из карьеристских побуждений дела о мнимых к/р организациях, путём преступных мер воздействия добивались у арестованных признаний в к/р деятельности независимо от наличия компрометирующих материалов¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Тут і далі у документі помилково — Ионович.

¹⁶⁷ Абзац виділено з лівого боку від руки червоним олівцем.

Под руководством бывш. начальника 2[–го] отдела УНКВД Калужного (осуждён) Кордун, Абрамович, Берензон, Мошковский и Гнесин создали дела о наличии контрреволюционных организаций в партийных и советских органах г. Одессы.

Так, было создано дело на ответственных работников Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Одесской области, по которому арестовано было 12 человек, из коих 7 человек были осуждены Военной коллегией Верховсуда СССР к ВМН, приговор в отношении которых приведён в исполнение, один осуждён к 15 годам тюремного заключения и два человека освобождены из-под стражи.

Дополнительной проверкой, произведённой в 1940–1941 гг. Прокуратурой Союза ССР, установлено, что осуждённые к ВМН Канфер-Беркович, Сороковик, Агронский, Бейлин, Винник, Фрейдин и Майданюк, проживая в г. Одесса в 1936–1938 гг., никакой антисоветской деятельностью не занимались, хотя на предварительном и судебном следствии признавались в принадлежности к антисоветской организации, в которую якобы были вовлечены в 1936–1937 гг. Носовым, хотя Носов с сентября 1937 г. работал в г. Москве в Комиссии по делам высшей школы при СНК СССР и не арестовывался и не привлекался к уголовной ответственности в связи с позаканиями Канфера-Берковича и других лиц, проходящих по делу.

Под руководством Гапонова аппаратом 2[–го] отдела УНКВД неосновательно созданы были дела на работников Одесского облисполкома (облФО и друг.), по которому арестовано было 12 руководящих лиц, из них один умер в тюрьме, а остальные освобождены, и дела в отношении их производством прекращены; на работников редакции одесской областной газеты «Черноморская коммуна», где было арестовано 8 человек, из коих в отношении 7 человек дела производством прекращены. Кроме этих групповых дел, были созданы без достаточных оснований и материалов дело на депутата Верховного Совета СССР, предс[едателя] Горсовета г. Одесса Черница, директора Института Луненюк.

Подсудимый Гапонов, работая в должности начальника 2-го отдела УНКВД, не только не вел решительной борьбы с нарушителями социалистической законности отдельных работников¹⁶⁸ 2[–го] отдела (Кордуном, Берензоном, Абрамовичем, Мошковским и Гнесиным), но и сам культивировал среди них незаконные методы и действия в следствии.

Так, на протяжении июля 1938 года — января 1939 года Гапонов, проверяя следственные действия своих подчинённых, одновременно получил от заключённых Баргера, Сенкевича, Тарнавского, Рыбчука и Шпака жалобы о том, что Кордун, Абрамович и Берензон фальсифицируют¹⁶⁹ на них дела и несвойственными методами следствия добиваются¹⁷⁰ у них признаний в совершенных ими преступлениях¹⁷¹, вместо принятия

¹⁶⁸ Так (неузгодженість відмінків) у документі.

¹⁶⁹ У документі написано в однині: «фальсифицирует».

¹⁷⁰ У документі написано в однині: «добивается».

¹⁷¹ У документі неузгодженість відмінків: «преступлений».

решительных мер к прекращению беззакония Гапонов сам наносил угрозы этим арестованным.

В феврале 1939 г., узнав, что арестованный Сенкевич отказался от ранее данных им показаний, Гапонов в присутствии подчинённых избил Сенкевича.

Вступая в должность начальника 2[—го] отдела УНКВД, Гапонов принял законченные следствием¹⁷² дела на б[ывших] работников КПК Одесской области Агронского и друг. 10 октября 1938 г. по заданию бывш. нач[альника] областн[ого] УНКВД Киселёва¹⁷³ (осуждён) мобилизовал весь свой аппарат для передопроса и подготовки заключённых к заседанию Военной коллегии Верховного Суда СССР путём «оживления» в памяти ранее данных ими показаний.

6 октября 1938 года Гапонов дал зам[естителю] нач[альника] УНКВД утвердить обвинительное заключение по делу Водзинского (члена ВКП(б)) по ст. 54—1 [п.] «а» УК УССР и направил его с весьма сомнительными материалами для рассмотрения.

Водзинский 9/X 1938 г. был осуждён к ВМН.

Произведённой в 1939 г. дополнительной проверкой этого дела установлена полная невиновность Водзинского, и дело о нем УНКВД за отсутствием состава преступления прекращено.

Кордун, будучи начальником 1[—го] отделения 2[—го] отдела УНКВД, с марта 1938 года по 20 октября 1938 года принимал активное участие в фальсификации дел на работников КПК. Зная о том, что Носов проходит по делу работников КПК как основная фигура «вербовщика» обвиняемых в к-р право-троцкистскую организацию, не установлен и не привлечён к ответственности, тем не менее, продолжал оформлять следственные дела и давал прямые указания своим подчинённым на оформление следственных дел на работников КПК, явно фальсифицируя их, и в таком виде передавал для направления в суд.

10 октября 1938 г. Кордун по заданию Гапонова мобилизовал аппарат своего отделения для подготовки обвиняемых к заседанию Военной коллегии Верховного Суда СССР и лично сам незаконно произвёл передопрос двух обвиняемых — Агронского и Сороковика.

В результате всей преступной деятельности Кордуна были неосновательно осуждены 7 человек работников КПК.

Кордун, как начальник отделения, не только не вёл надлежащей борьбы с допускаемыми нарушениями соц[иалистической] законности со стороны подчинённых ему сотрудников, но и сам лично допускал эти нарушения по отношению к заключённым Эдельману¹⁷⁴, Сенкевичу, Ключенко и Баргеру.

Абрамович, будучи вначале оперуполномоченным, а затем врио нач[альника] 1[—го] отделения, в своей работе допускал грубейшие нарушения социалистической законности.

¹⁷² У документі це слово написано після слова «дела».

¹⁷³ У документі прізвище помилково написано через літеру «и» — Кисилева.

¹⁷⁴ У документі прізвище помилково написано через літеру «й» — Эйдельману.

К обвиняемому Серебрякову-Ступницкому вместе с Тягиным (осуждён) применяли меры физического воздействия, в результате чего Серебряков-Ступницкий признал себя виновным в несовершенных им к-р преступлениях.

К арестованным Сенкевичу, Полторак[у] и Агронскому Абрамович также применял извращённые методы следствия, в результате чего Сенкевич под диктовку Абрамовича написал так называемые «собственноручные» признания на 106 листах, оговорил в них 11 ни в чем не повинных человек, что послужило поводом к необоснованному аресту их. Все эти лица впоследствии были реабилитированы и после длительного содержания под стражей освобождены.

Берензон, будучи вначале оперуполномоченным, а затем врио пом[ощника] нач[альника] 1[-го] отделения, допускал грубейшие нарушения революционной законности. Берензон принимал активное участие в фальсификации следственных дел Бейлина, Фрейдина, Майданюка и Винника, в результате чего эти лица неосновательно осуждены были к ВМН.

Путём применения незаконных методов ведения следствия к б[ывшим] работникам редакции «Черноморская коммуна» Теплицкому и Эдельману Берензон добился от них «показаний» об участии их в к-р организации и оговора ряда работников редакции газеты как участников этой к-р организации (Смаглюка, Черкасского, Ключенко и др.), в результате чего эти лица были необоснованно арестованы и после длительного содержания их под стражей были реабилитированы и освобождены.

Берензон в ходе следствия применял методы физического воздействия к обвиняемым Черномазову, Мосалёву, Красненко и наносил угрозы и издевался над Черницей, Тонконогом и Якубицей.

Мошковский, являясь начальником 6[-го] отделения и будучи привлечён к работе по делам, находившимся в производстве в [1-м] отделении, допускал извращённые методы следствия, в результате чего добился у арестованного Рябец «признания» в несовершенных им к-р преступлениях. Впоследствии дело Рябец было производством прекращено, и [он] из-под стражи освобождён.

Ведя следствие по делу Васюренко, Мошковский наносил последнему всякого рода оскорбления и при внесении в протокол показаний Васюренко усиливал их в сторону обвинения и искажения фактов.

Гнесин, будучи с 28/III 1938 г. пом[ощником] оперуполном[оченного] и с 1/VIII 1938 г. оперуполномоченным 1[-го] отделения, допускал в своей работе несвойственные методы допроса арестованных. Так, вместе с Берензоном Гнесин избил¹⁷⁵ заключённого Черномазова и издевался на арестованными Богуславским, Эдельманом и Ключенко. Гнесин лично допускал извращения методов к арестованному Черкасскому¹⁷⁶.

Все эти незаконные действия Гнесин применял, желая добиться признаний у арестованных в несовершенных ими к-р преступлениях¹⁷⁷.

¹⁷⁵ У документі — у множині: «избили».

¹⁷⁶ У документі помилково — Черкасову.

¹⁷⁷ У документі неузгодженість відмінків: «преступлений».

По заданию Кордуна Гнесин готовил к заседанию Военной коллегии Верховного Суда СССР арестованных Агронского, Бейлина, Майданиюка и Винника.

Таким образом, доказана виновность Кордуна, Абрамовича и Берензона в совершенных им преступлениях, предусмотренных ст. 206–17 п. «б» УК УССР.

Учитывая, что Гнесин и Мошковский являлись молодыми оперативными работниками, и действия их в нарушении революционной законности являлись второстепенными, а также учитывая, что Гапонов непродолжительное время работал в Одесском областном Управлении, и что дело на работников КПК возникло и закончено следствием до прибытия Гапонова в Одессу, и что в его деяниях нет наличия отягчающих обстоятельств, ВТ считает необходимым действия Гапонова, Гнесина и Мошковского переqualифицировать вместо п. «б» ст. 206–17 УК на п. «а» ст. 206–17 УК УССР.

На основании изложенного, а также учитывая, что преступление всеми подсудимыми совершено ещё в 1938 году и что все они содержатся под стражей свыше двух лет, а также имея в виду, что Берензон после совершения им преступлений отличился в боях на финском фронте, за что был командованием представлен к правительственной награде, руководствуясь ст. ст. 296 и 297 УПК УССР и в отношении Кордуна, Абрамовича и Берензона — ст. 46 УК УССР, Военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа

ПРИГОВОРИЛ:

Кордуна Давида Борисовича, Абрамовича Ефима Иоановича и Берензона Якова Израилевича подвергнуть на основании ст. 206–17 п. «б» УК УССР лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет (10 л.) каждого, без поражения их в правах.

Гапонова Сергея Ивановича, Мошковского Владимира Антоновича и Гнесина Абрама Ефимовича на основании ст. 206–17 п. «а» УК УССР подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях: Гапонова — на десять лет (10 л.), Мошковского и Гнесина — на семь лет каждого, всех троих — без поражения в правах.

Лишить присвоенного специального звания:

Гапонова — «старший лейтенант госбезопасности», Кордуна, Абрамовича и Гнесина — «сержант госбезопасности» и Берензона — военного звания «политрук».

Возбудить ходатайство перед Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР о лишении Гапонова знака Почётного чекиста.

Учитывая ходатайство осуждённых Гапонова, Берензона, Гнесина и Мошковского о направлении их на фронт и то, что содержание их под стражей в настоящее время является нецелесообразным, на основании 2[–го] примечания к ст. 27 УК УССР отсрочить им исполнение приговора до окончания военных действий, и Гапонова, Берензона, Гнесина и Мошковского из-под стражи освободить и направить их всех четырёх в действующую армию. Если они в боях с немецко-фашистскими войсками проявят себя стойкими защитниками СССР, то по ходатайству

командования части они могут быть полностью освобождены от наказания, либо наказание им будет заменено более мягким.

Срок наказания с учётом предварительного заключения исчислять Гапонову с 10 января 1941 г. по 14 марта 1942 года и с 18 февраля 1943 года.

Кордуну — с 5 февраля 1941 года, Берензону — с 3 марта 1941 года, Мошковскому — с 12 февраля 1941 года и Гнесину — с 25 января 1941 года¹⁷⁸.

Приговор может быть обжалован осуждёнными в течение 72-х часов с момента вручения им копии приговора путём подачи касс[ационной] жалобы в Военную коллегию Верховсуда Союза ССР через Военный трибунал войск НКВД ЗСО.

Председательствующий

Кулик

Члены

*Сибаторов
Куликова*

**ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 156–161 зв.
Оригінал. Рукопис на бланку. Документ (завірена копія) вперше
опублікований у другому томі серії книг «Одесский мартиролог»
(Одесса: ОКФА, 1999.— С. 635–639).**

№ 38

**Ухвала Військової колегії Верховного суду СРСР
у справі С. І. Гапонова, Д. Б. Кордуна, Ю. І. Абрамовича,
Я. І. Берензона, А. Ю. Гнесіна і В. А. Мошковського**

1 червня 1943 р.

12.5.[19]43 ск.-
Кулик

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 2–2816 ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — генерал-майора юстиции Суслина

и членов: полковника юстиции Кандыбина

полковника юстиции *Климина*¹⁷⁹

¹⁷⁸ Військовий трибунал військ НКВС ЗСО на своєму засіданні 4 травня 1943 р. вніс доповнення і зміни до вироку: «...зачислить срок отбытия наказания в отношении Абрамовича Ефима Ионовича с 5 февраля 1941 года и внести исправление в приговор в части зачёта срока отбытия наказания Кордуном Давидом Борисовичем: вместо 5 февраля 1941 года считать сроком отбытия наказания Кордуном с 26 января 1941 года». (ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 186 зв.).

¹⁷⁹ Прізвище вписано від руки синіми чорнилами зверху повторно надрукованого прізвища Кандибіна.

Рассмотрев в заседании от 1 июня 1943 г. кассационную жалобу Абрамовича Е. И., Кордуна Д. Б.

на приговор ВТ в[ойск]/НКВД Западно-Сибирского округа от 21–26 апреля 1943 г. по делу б[ывших] работников Одесского областного управления НКВД УССР, осуждённых за преступлен[ия], предусмотрен[ные] ст. ст. УК УССР:

206–17 п. «б» УК УССР:

1) б[ывшего] врио нач[альника] 1[–го] отд[еления] 2[–го] отд[ела] сержанта госбезопасности КОРДУНА Давида Борисовича,

2) б[ывшего] врио нач[альника] 1[–го] отд[еления] 2[–го] отдела УНКВД сержанта госбезопасности АБРАМОВИЧ[А] Ефима Ионовича и

3) б[ывшего] вр. пом[ощника] нач[альника] 1[–го] отд[еления] 2[–го] отдела УНКВД политрука БЕРЕНЗОНА Якова Израилевича,—

всех троих к л[ишению]/свободы в ИТЛ сроком на десять лет каждого, без поражения в правах.

206–17 п. «а» УК УССР:

4) б[ывшего] зам[естителя] нач[альника] облуправления НКВД ст[аршего] лейтенанта госбезопасности ГАПОНОВА Сергея Ивановича,

5) б[ывшего] нач[альника] 3[–го] отд[еления] 2[–го] отдела УНКВД МОШКОВСКОГО Владимира Антоновича и

6) б[ывшего] оперуполномоченного 1[–го] отд[еления] 2[–го] отд[ела] УНКВД сержанта госбезопасности ГНЕСИНА Абрама Ефимовича,—

всех троих к л[ишению]/свободы в ИТЛ: ГАПОНОВА на десять лет,

МОШКОВСКОГО и ГНЕСИНА — на семь лет каждого, без поражения в правах.

Лишены присвоенного специального звания:

ГАПОНОВ — «старший лейтенант госбезопасности»,

КОРДУН, АБРАМОВИЧ и ГНЕСИН — «сержант госбезопасности» и

БЕРЕНЗОН — военного звания «политрук».

К ГАПОНОВУ, БЕРЕНЗОНУ, ГНЕСИНУ и МОШКОВСКОМУ применено примечание 2 к ст. 27 УК УССР.

ОПРЕДЕЛИЛА:

Осуждённые КОРДУН Давид и АБРАМОВИЧ Ефим преступления, относящиеся к периоду времени 1938–[19]39 годов, совершали совместно с осуждёнными по данному делу БЕРЕНЗОНОМ Яковом, ГАПОНОВЫМ Сергеем, ГНЕСИНЫМ Абрамом и МОШКОВСКИМ Владимиром, причём по своей активности преступления, совершенные КОРДУН[ОМ] и АБРАМОВИЧ[ЕМ], не отличаются по существу от преступлений, совершенных другими осуждёнными по данному делу.

Судом же в отношении ГНЕСИНА, МОШКОВСКОГО, ГАПОНОВА и БЕРЕНЗОН[А] применено примечание 2 к ст. 27 УК УССР, в отношении же АБРАМОВИЧ[А] и КОРДУН[А] эта статья УК не применена.

Принимая во внимание изложенное выше и учитывая настоятельную просьбу АБРАМОВИЧА и КОРДУН[А] о направлении их обоих на фронт для искупления ими своей вины, на основании примечания 2 к ст. 27 УК УССР, исполнение приговора о них отсрочить до окончания военных

действий, освободить их из-под стражи и направить в действующую армию.

Разъяснить КОРДУН[У] Давиду и АБРАМОВИЧ[У] Ефиму, что, если они на фронте проявят себя стойкими защитниками Родины, то по ходатайству командования они могут быть или вовсе освобождены от отбытия наказания, либо наказание, определённое им судом, может быть заменено более мягкой мерой наказания.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: Пом. Секретаря ВК ВС СССР
лейтенант адмслужбы

Степанов

ск.-

Препровождается вместе с делом (6 т.)¹⁸⁰ в ВТ в[ойск]/НКВД Зап[адно]-Сиб[ирского] округа д[ля]/исполнения.

Копия: ГВП — д[ля]/сведения.

9 июня 1943 г. № 2-2816

Секретарь ВК

Степанов

На звороті останнього аркушу документа є:

1) кругла печатка з гербом СРСР у середині і написом по колу: «Верховный Суд Союза ССР. Военная Коллегия»;

2) прямокутний відомчий штамп з написом: «Поступило в Военный Трибунал погр[аничных] и внутренних войск Зап[адно]-Сибирского округа 18.VI 1943 г. № __»;

3) резолюція від руки синім чорнилом: «К исполнению. Підпис нерозбірливий. 18/VI [19]43 г.»;

4) прямокутний відомчий штамп з написом: «Копию для Военного Прокурора получил 19/VI 1943 г. Підпис нерозбірливий».

ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, спр. 67987, т. 5, арк. 204–205 зв.
Оригінал. Машинопис на бланку.

¹⁸⁰ Вписано Степановим від руки синіми чорнилами.

ПОКАЖЧИК УПОРЯДНИКІВ

Кокін Сергій, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, старший науковий співробітник відділу історії України 1920-х — 1930-х років Інституту історії України Національної академії наук України, перший заступник головного редактора науково-документального журналу «З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ».

Основні публікації: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. У 2-х ч.— К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2010 (у співавторстві з М. Юнге); Великий терор: Польська операція 1937–1938 // Польща та Україна у тридцятих–сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т. 8, у 2-х ч.— Варшава–Київ: IPN, 2010 (у співавторстві з Є. Беднареком, П. Кулаковським, М. Маєвським, Ю. Шаповалом та ін.); Партійно-радянське керівництво УСРР під час Голодомору 1932–1933 рр.: Вожді. Працівники. Активісти. Збірник документів та матеріалів.— К., 2013 (у співавторстві з В. Васильєвим і Н. Вертом).

Россман Джеффри (Jeffrey Rossman), доцент (associate professor) історичного факультету Університету штата Вірджинія, США.

Основна публікація: *Worker Resistance under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor.*— Cambridge,— MA, 2005.

ПОДЯКИ

Автори-упорядники висловлюють щиру вдячність директору Галузевого державного архіву Служби безпеки України Андрію Когуту, співробітникам архіву Ларисі Лавренчук, Марії Пановій, Георгію Смирнову, працівнику архівного підрозділу Управління СБУ у Житомирській області Олені Онищук, а також колишньому керівнику Галузевого державного архіву Міністерства внутрішніх справ України Наталі Татусь і співробітнику архіву Наталі Кузьміній за проведений ними архівний пошук і всебічну допомогу в опрацюванні і вивченні нами значного комплексу архівних документів.

Свою щиру вдячність висловлюємо учаснику нашого проекту молдавському історичу Ігорю Кашу за люб'язно надані копії архівних документів, що використано у цій книзі. Дякуємо також іншим учасникам проекту Валерію Васильєву, Лінн Віолі, Вадиму Золотарьову, Роману Подкуру, Андрію Савіну, Олексію Теплякову, Марку Юнге за наукову і організаційну допомогу при підготовці видання.

Важливе значення для наукового осмислення теми дослідження мала плідна творча дискусія, що відбулася у ході міжнародної наукової конференції «Відлуння Великого терору: співробітники НКВС перед судом» («The Echo of the Great Terror: NKVD Officers on Trial»), що була організована Центром дослідження Росії, Східної Європи і Євразії (Center for Russian, East European and Eurasian Studies, CREEES) Університету штата Вірджинія у м. Шарлотсвілл, США (University of Virginia in Charlottesville, Virginia, USA) наприкінці вересня — на початку жовтня 2016 р. Автори вдячні за вдумливий аналіз і конструктивну критику результатів свого дослідження з боку російських істориків Олександра Ватліна, Микити Петрова, американського історика Девіда Ширера та інших учасників конференції.

При підготовці біографічних довідок були використані документи Архіву Служби інформації і безпеки Республіки Молдова, ГДА СБУ, ГДА МВС України, публікації і матеріали українського дослідника В. А. Золотарьова, а також інформація з книг: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского.— М.: Звенья, 1999.— 504 с.; Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник / Междунар. об-во «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ России.— М.: Об-во «Мемориал»; Звенья, 2010.— 1008 с.

Неоціненну науково-допоміжну і технічну допомогу у підготовці видання надала упорядникам молодший науковий співробітник відділу історії державного терору радянської доби Інституту історії України Національної академії наук України Ірина Ставнюк. Літературне редагування здійснили співробітники ГДА СБУ Ірина Лябах, Анна Моргун та кандидат філологічних наук Віталій Хропко.

Іменний та біографічний покажчик

Абрамович Юхим Іоанович (1908–?), з 1937 р.— оперуповноважений 5-го, потім — 1-го відділення, т.в.о. помічника начальника, з 1 серпня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 1939 р.— нач. 2-го відділення УНКВС по Єврейській автономній обл. РРФСР; сержант держбезпеки. 5 лютого 1941 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. Військовим трибуналом (ВТ) військ НКВС Західно-Сибірського округу (ЗСО) засуджений до 10 років позбавлення волі у виправно-трудовах таборах (ВТТ). 1 червня 1943 р. Військовою колегією Верховного суду (ВК ВС) СРСР виконання вироку відкладено з направленням до діючої армії. 9 липня 1943 р. звільнений. Рядовий 6-ї роти 3-го батальйону 940-го стрілецького полку 262-ї стрілецької дивізії 43-ї армії 1-го Прибалтійського фронту. У 1947 р. нагороджений орденом Червоної Зірки. Не реабілітований.	5, 20, 110, 112, 122–123, 125–126, 132–134, 216, 368, 433, 437, 439, 448, 453–455, 482, 501–503, 505–506, 509–510, 512–517, 546, 548–549, 552–554, 556–564, 568–573, 575–576, 578–579, 581–601, 603–605, 608–609, 611–613, 615, 617–620, 622, 625–633
Абрамович Занзел Зунделійович, нарком комунального господарства МАРСР. У 1937 р. заарештований, згодом звільнений.	5, 20, 110, 112, 122–123, 125–126, 132–134, 216, 368, 433, 437, 439, 448, 453–455, 482, 501–503, 505–506, 509–510, 512–517, 546, 548–549, 552–554, 556–564, 568–573, 575–576, 578–579, 581–601, 603–605, 608–609, 611–613, 615, 617–620, 622, 625–633
Авербух М. М., член Київської колегії захисників, представник захисту на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР.	150, 175, 178
Агапов Василь Федорович (1911–?), у 1937–1939 рр.— старший технік зв'язку УНКВС по Житомирській обл.	242, 264, 281, 293, 308, 339, 366–368
Агронський Анатолій Мойсейович (1895–1938), відповід. контролер (з культури, охорони здоров'я, школи, адміністративних органів) партколегії при уповноваженому Комісії партійного контролю (УКПК) при ЦК ВКП(б) по Одеській обл. 17 лютого 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до вищої міри покарання (ВМП). Розстріляний. Реабілітований.	481, 490–492, 499, 506–507, 523–524, 541, 548, 561, 570, 583–584, 627
Адаменко, у 1938 р. заарештований і «засуджений» трійкою при УНКВС по Одеській обл. до ВМП.	468, 470

Айзман Мирон Мойсейович (1908–?), від 1937 р.— оперуповноваж. 5-го, потім 6-го відділів УДБ УНКВС по Одеській обл.; з кінця 1938 р. служив в Ягринському ВТТ у м. Молотовськ (нині — Северодвінськ) Архангельської обл. РРФСР; сержант держбезпеки. 15 вересня 1939 р. заарештований. 2 липня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 29 жовтня 1940 р. Президія Верховної Ради СРСР замінила ВМП на 10 років ВТТ. Не реабілітований.	5, 116–117, 119–121, 131, 439, 443, 465–471
Александров (Квітницький) Олександр Львович (1895–1938), з 1 травня 1936 р.— нач. Новоград-Волинського окружного відділу НКВС і особливих відділів НКВС 12-ї механізованої бригади, 14-ї кавалерійської і 45-ї стрілецької дивізії Київського військового округу (КВО), з 2 квітня 1937 р.— заст. нач. Житомирського окрвідділу НКВС, з 1 жовтня 1937 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Полтавській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 10 березня 1938 р. заарештований. 23 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний.	265, 481–482, 492, 503, 510, 521–522, 527, 541
Александров Георгій Олександрович (1905–?), старший партслідчий партколегії при УКПК по Одеській обл. 1 квітня (за ін. даними — 5 травня) 1938 р. заарештований. Під час слідства був побитий і захворів на нервовий розлад. Направлений на лікування до психіатричної лікарні. У лютому 1939 р. звільнений.	265, 481–482, 492, 503, 510, 521–522, 527, 541
Александровський Михайло Костянтинович (1898–1937), у 1937 р.— перший заст. начальника Розвідувального управління Генерального штабу Червоної армії; старший майор держбезпеки. 8 липня 1937 р. заарештований. 15 листопада 1937 р. засуджений до ВМП. Розстріляний.	257
Алексахин, у 1938 р.— фігурант у свідченнях Ф. Васюренка.	520
Алексєєв Георгій Олексійович (1895–1942), з червня 1938 р.— член ВК ВС СРСР, з 20 лютого 1940 р.— Головний прокурор ВМФ СРСР; бригвійськюрис, диввійськюрис (1940), корвійськюрис (1941). 23 травня 1942 р. загинув на Кубані.	92, 237
Алексєєнко, репресований УНКВС по Житомирській обл.	424
Альтман Пейся (Петро) Ізраїльович (1904–1941), укр. єврейський письменник, літературознавець. Член КП(б)У з 1926 р. У 1937 р. закінчив Київський Інститут червоної професури. Вчений секретар Інституту української літератури АН УРСР, потім — Кабінету єврейської літератури, мови і фольклору при АН УРСР. У 1941 р.— у діючій армії, політрук кулеметної роти. Загинув у серпні 1941 р. під час оборони Києва.	37
Андрєєв (Шейнкман) Михайло Львович (1903–1988), з серпня 1937 р.— заст. нач. 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 28 березня 1938 р.— нач. 2-го відділу 3-го управління НКВС СРСР, з 29 вересня 1938 р.— нач. 2-го відділу Головного транспортного управління НКВС СРСР; старший майор держбезпеки.	57, 161, 260, 321

Андреев Сергій Ілліч (1905–1937), з 1932 р.— генеральний секретар ЦК ЛКСМУ. У липні 1937 р. заарештований. 27 листопада 1937 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	57, 161, 260, 321
Антоненко Микола Іванович (1901–1939), з серпня 1937 р.— пом. нач. ДТВ ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці (ПівнДЗ), з 20 серпня 1938 р.— т.в.о. начальника ДТВ; старший лейтенант держбезпеки. 24 травня 1939 р. виключений зі списків особового складу НКВС у зв'язку зі смертю.	62–63, 65–66, 195, 205, 208, 213, 217, 228–229, 231
Антропов, у 1937 р.— співробітник УНКВС по Житомирській обл.	278–281, 289, 291
Анфілов Євген Гаврилович (1910–?), з жовтня 1937 р.— оперуповноваж., з 22 квітня 1938 р.— нач. відділення 4-го відділу, з серпня 1938 р.— в.о. нач. 6-го відділу, в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки. 8 серпня 1939 р. заарештований. 1 лютого 1940 р. ВТ Київського особливого військового округу (КОВО) засуджений до 7 років ВТТ. Достроково звільнений, у серпні 1942 р. направлений на фронт. Не реабілітований.	85–87, 89–90, 93, 95, 247, 250, 273–274, 301, 357
Анцелович Михайло Юхимович (1899–?), інженер з технавчання відділення ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). 1 грудня 1937 р. заарештований.	209, 213
Апестін Іван Васильович (1904–?), зав. торгового відділу Олевської районної контори обласного управління внутрішньої торгівлі (Житомирська обл.). 26 березня 1938 р. заарештований. 17 липня 1938 р. звільнений.	406
Аранович, у 1938 р.— співробіт. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.), сержант держбезпеки.	195, 201–202, 210, 216
Аркадьєв Дмитро Васильович (1900–1954), з 1 липня 1937 р.— нач. 15-го відділення 6-го відділу, з 8 квітня 1938 р.— пом. нач. 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з травня 1938 р.— пом. нач. 3-го управління НКВС СРСР (до 7 жовтня 1938 р.); капітан держбезпеки.	57
Артем'єв Григорій Дмитрович (1906–1944), з 12 жовтня 1937 р.— нач. Новоград-Волинського міськвідділу НКВС Житомирської обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 1 липня 1939 р. заарештований. 22 серпня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 3-х років позбавлення волі умовно. У серпні 1943 р.— нач. відділу військової контррозвідки (ВКР) СМЕРШ 197-ї танкової бригади 4-ї танкової армії РСЧА, капітан. 23 серпня 1943 р. нагороджений орденом Червоної Зірки. У березні 1944 р.— нач. ВКР СМЕРШ 61-ї гвардійської танкової бригади 10-го танкового корпусу 1-го Українського фронту, майор. Загинув 7 березня 1944 р. у Хмельницькій обл.	82–85
Архипов Іван Миколайович, голова ВТ КОВО; бригадний сержант.	86

Афанасьєв Костянтин Іванович, засуджений Васильківським районним народним судом Київської обл. до позбавлення волі на 5 років. У 1938 р. працював при черговій кімнаті у в'язницьв'язниці НКВС м. Житомира.	110, 188, 195, 217, 221–223, 247, 251
Афанасьєв Микола Олексійович (1900–?), у 1937 р.— нач. 4-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ), з вересня 1937 р.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька обл.).	110, 188, 195, 217, 221–223, 247, 251
Афанасьєв Микола Порфирович (1902–1979), у 1937 р.— військовий прокурор Орловського військового округу, з осені 1939 р.— заст. Головного військового прокурора РСЧА, з 1942 р.— Головний військовий прокурор залізничного транспорту СРСР, з 1945 р.— Головний військовий прокурор; бригвійськюрис, диввійськюрис (1940), генерал-майор юстиції (1943).	110, 188, 195, 217, 221–223, 247, 251
Афонін Іван Гаврилович, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ.	191, 193, 204
Афонін Микола Михайлович (1915–?), баяніст клубу ст. Чернухино (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ, 7 травня 1938 р. звільнений.	191, 193, 204
Бабат, у 1938 р.— захисник (адвокат) (м. Київ).	39
Бабич Ісай Якович (1902–1948), з 1935 р.— нач. Секретно-політичного відділу (СПВ) УДБ УНКВС по Київській обл., з 8 серпня 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Одеській обл., з 22 жовтня 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Київській обл.; з 28 березня 1938 р.— нач. 2-го відділу, з 20 серпня 1938 р.— 3-го відділу 2-го управління НКВС СРСР, з 29 вересня 1938 р.— нач. відділення 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; майор держбезпеки (1937).	534
Бабін, працівник Осоавіахіму (м. Одеса), у 1938 р. заарештований.	466, 469–470
Бабінець Сергій Васильович (1883–?), сторож складу ст. Бесчінська (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ, 21 січня 1938 р. звільнений.	192, 195, 208, 210, 213, 215, 218, 221, 234
Багдасарянц Акоп Карапетович (1885–?), у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Наприкінці 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП.	451
Бадюл Микола, працівник Осоавіахіму (м. Одеса). У 1938 р. заарештований.	467–470
Бадюл-Павлюченко Надія Миколаївна (1902–1938), працівник Осоавіахіму (м. Одеса). У 1938 р. заарештована і «засуджена» трійкою при УНКВС по Одеській обл. до ВМП.	467–470
Баканов Олександр Миколайович (1898–?), у 1938 р.— співробіт. 4-го відділу, у 1939–1940 рр.— т.в.о. начальника 1-го спецвідділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; сержант держбезпеки.	444, 447, 451, 458–459

Бакулін Олексій Венедиктович (1899–1939), з 22 серпня 1937 р. по 5 квітня 1938 р.— нарком шляхів сполучення СРСР. 23 липня 1938 р. заарештований. 7 березня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. У 1956 р. реабілітований.	56
Балинський, у 1938 р.— науковець Академії наук УРСР (Київ).	38
Балицький Всеволод Аполлонович (1892–1937), нарком внутрішніх справ УРСР, з травня 1937 р.— нач. УНКВС по Далекосхідному краю; комісар держбезпеки 1-го рангу. 7 липня 1937 р. заарештований. 27 листопада 1937 р. комісією НКВС СРСР, Прокурора СРСР і Голови ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	42–43, 55, 258, 384
Баля (Біль, Биль) Олексій Васильович, пом. машиніста ст. Сентянівка ПівндЗ, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька обл.).	
Бялябін Григорій Степанович (1907–1979), з квітня 1938 р.— член Верховного суду РРФСР, з 7 грудня 1938 р.— особливоуповноваж., з 20 грудня 1938 р.— заст. особливоуповноваж. НКВС СРСР (до лютого 1941 р.), заст. нач., з травня 1943 р.— нач. Особливої інспекції відділу кадрів НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки (1938), капітан держбезпеки (1938), майор держбезпеки (1941), полковник держбезпеки (1943).	92
Банін Микола Юхимович, у 1939 р.— нач. відділу актів громадянського стану УНКВС по Сталінській обл.; старший лейтенант держбезпеки.	199, 208, 221, 232
Банковський Олександр Улянович (1904–?), в.о. голови Одеського облплану. У липні 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений.	443
Баранський Микола Петрович (1912–?), у 1939 р.— т.в.о. нач. внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл.	276, 364, 378–380
Баранський, у 1938 р. заарештований УНКВС по Житомирській обл. Помер під час слідства.	276, 364, 378–380
Баранюк Іван Миколайович (1907–?) — в.о. особливоуповноваженого, особливоуповноваж. УНКВС по Одеській обл.; лейтенант держбезпеки.	103, 117–118, 126
Баргер Михайло Борисович (1900–?), зав. відділу радянської торгівлі Одеського обкому КП(б)У. 6 липня 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений. У 1940 р.— нач. організаційно-колгоспного відділу Одеського обласного земельного управління (ОблЗУ).	433, 436–439, 443, 472, 486, 511–515, 517, 519, 526–527, 536, 542, 548, 551, 556, 566–567, 571–572, 574, 580–582, 584–585, 587, 595, 603, 606, 608, 613, 627–628
Барінов Михайло Васильович (1909–2001), у 1939–1940 рр.— пом. військового прокурора військ НКВС Київського округу, військовий юрист 3-го рангу.	110, 546–547

Баришек (Баришик) Іван Андрійович, стрілочник ст. Світланове ПівнДЗ. У 1937 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі.	205
Баришніков Георгій Олександрович (1898–?), учитель фізкультури і воєнізації Малінської школи № 1 (Житомирська обл.). 9 червня 1938 р. заарештований, 16 серпня 1939 р. звільнений.	411
Батрак, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Донецька обл.).	206, 217, 340
Бауман Карл Едуардович (1898–1942), з 1936 р.— нач. Червоноармійського райвідділення НКВС Київської, з жовтня 1937 р.— Житомирської обл., з березня 1938 р.— у системі ГУТАБ НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки.	330
Бейлін Лев Абрамович (1906–1938), партслідчий партколегії при УКПК по Одеській обл., згодом — голова ревізійної комісії Одеської облспоживспілки. 5 березня 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	519, 548, 550, 554–555, 560–561, 570, 580, 584, 600, 602, 611, 627, 629–630
Беккер Абрам Якович (1907–?), у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Засуджений до ВМП.	453, 458, 529
Белаш, у 1940 р.— член ВТ військ НКВС Київського округу, технік-інтендант 2-го рангу.	465
Белоконін (Белоконов, Белоконь) Петро Акимович, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	193
Белянський Лейба Бенсіонович (1878–?), зав. складу, мешканець с. Курчинська-Гута Городницького р-ну Житомирської обл.	411
Бережної Михайло Тимофійович (1906–?), у 1937–1938 рр.— нач. 1-го спецвідділення УДБ, оперсекретар УНКВС по Житомирській обл.; у 1938 р.— нач. відділення 3-го відділу Транспортного управління НКВС УРСР, у січні 1939 р.— т.в.о. нач. 1-го спецвідділу НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	185–186, 273, 301
Берензон Яків Ізраїльович (1910–?), з 1 липня 1937 р.— пом. оперуповноваж., з квітня 1938 р.— оперуповноваж., з 8 грудня 1938 р.— т.в.о. пом. нач. 1-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., потім — нач. Водно-транспортного райвідділу НКВС м. Одеси. 2 липня 1939 р. звільнений з НКВС. З 7 вересня 1939 р.— в РСЧА, у 1940 р.— заст. командира з політчастини 15-го автотранспортного батальйону (в/ч 6575) 15-ї моторизованої дивізії 35-го стрілецького, потім — 8-го механізованого корпусу ОдВО, політрук. З березня 1941 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. ВТ військ НКВС ЗСО засуджений до 10 років ВТТ з направленням до діючої армії. 27 травня 1943 р. вибув з м. Омська (ешелон № 47270) на фронт. Не реабілітований.	5, 110, 112, 122–123, 125–126, 130–133, 433, 439, 451, 455, 482, 488, 491–492, 502–503, 509–510, 512, 515, 521–522, 526, 544, 546–549, 552, 554–564, 569–573, 575–576, 578–584, 586, 588–590, 592–593, 595–597, 600–613, 618–621, 625–627, 629–632

Беренштейн, колиш. анархіст, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. У 1939 р. Особливою нарадою (ОН) при НКВС СРСР «засуджений».	533
Берія Лаврентій Павлович (1899–1953), з 22 серпня 1938 р. — перший заст. наркома внутрішніх справ СРСР, водночас з 8 вересня 1938 р. — нач. 1-го управління (з 29 вересня 1938 р. — ГУДБ) НКВС СРСР, з 25 листопада 1938 р. — нарком внутрішніх справ СРСР (до 29 грудня 1945 р.); комісар держбезпеки 1-го рангу (1938), генеральний комісар держбезпеки (1941). 23 грудня 1953 р. Спеціальною судовою присутністю Верховного суду СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	22–24, 27–28, 30, 36–37, 39, 41, 43, 81, 143, 573, 579, 611
Беркут, репресований УНКВС по Житомирській обл.	301
Берлін, у 1943 р. — в.о. помічника військового прокурора військ НКВС по Новосибірській обл.; військовий юрист 2-го рангу.	130
Берман Борис Давидович (1901–1939), з березня 1937 р. — нарком внутрішніх справ Білоруської РСР і нач. Особливого відділу ГУДБ НКВС Білоруського військового округу, з 25 травня 1938 р. — нач. 3-го управління і 1-го відділу 3-го управління НКВС СРСР; комісар держбезпеки 3-го рангу (1937). 24 вересня 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	58, 60–61, 261
Берман, співробіт. УНКВС по Житомирській обл. Заарештований.	58, 60–61, 261
Биков Михайло Тимофійович (1898–?), нач. податково-го управління Одеського облфінвідділу. У липні 1938 р. заарештований.	559, 603
Билінка (Билінко) Федір Федорович (1906–?), коваль 5-ї вагонної дільниці ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 8 травня 1938 р. звільнений.	193, 235
Білодід Микола Іванович (1897–?), тесля НЖЧ-5 ст. Дебальцево (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 3 травня 1938 р. звільнений.	223
Білоусов, працівник Осоавіахіму (м. Одеса), у 1938 р. заарештований.	466, 469–470
Бірштейн, у 1938 р. — керуючий трестом Укрбудлегпром (м. Київ).	39
Бланк Мирон Ілліч, у 1937–1938 рр. — оперуповноваж. Особливого відділу НКВС 5-ї кавалерійської дивізії 2-го кав. корпусу КВО (м. Житомир), згодом — співробіт. УНКВС по Полтавській обл.	142–143, 183–184, 236, 238, 246, 249, 263, 267–268, 278, 281–282, 287, 291–294, 297–298, 321, 339, 341, 402, 404, 413, 415, 423, 426, 430, 432, 461, 463, 465, 515, 544, 625, 631, 633

Блаувельт Т.	139
Блюман Віктор Михайлович (1899–1938), з січня 1937 р.—нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., з червня 1937 р.— т.в.о. особливоуповноваж., з 26 липня 1937 р.— особливоуповноваж. НКВС УРСР, з 23 вересня 1937 р.— нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР і Особливого відділу ГУДБ НКВС КВО, з лютого 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР; капітан держбезпеки (1936), майор держбезпеки (1937). 27 квітня 1938 р. заарештований. 22 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	136
Богуславський Михайло Георгійович (1899–?), у 1937 р.— оперуповноваж. 4-го відділення 6-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл., у 1938 р.— співробіт. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.); лейтенант держбезпеки. У серпні 1941 р. зник безвісти.	548, 555, 584, 612
Богуславський Олександр Абрамович (1909–?), голова Врадівського райвиконкому Одеської обл. 10 серпня 1938 р. заарештований, у 1939 р. звільнений. У травні 1940 р.— в.о. директора Одеської обласної філармонії.	548, 555, 584, 612
Божок Роман Григорович, у 1938 р.— інструктор Тираспільського міськвідділу народної освіти (МАРСР).	146
Бойко В., у 1941 р.— пом. військового прокурора військ НКВС Одеської області; військовий юрист 3-го рангу.	126, 495, 547, 549, 575, 614, 618
Бойченко Роман Йосипович (1907–?), з 1937 р.— пом. оперуповноваж. 3-го відділення, у 1938–1939 рр.— заст. нач., нач. 3-го відділення відділу місць ув'язнення (ВМУ), потім — відділу виправно-трудових колоній (ВВТК) УНКВС по Житомирській обл.; у листопаді 1939 р.— нач. Любарського райвідділу НКВС Житомирської обл.	242, 272, 307–308, 362, 366, 378
Болгарев Григорій Тихонович, у 1937–1938 рр.— свідок у слідчих справах ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	207
Большунов Семен Павлович (1902–1938), директор Одеської кіностудії. У 1937 р. заарештований, 14 квітня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП.	529
Бондар Петро Мойсейович, у липні 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., згодом звільнений.	373, 605
Бондар, у 1937 р.— нач. Коростенського райбюро інженерно-технічних працівників Житомирської обл.	373, 605
Бондаренко, у 1937 р. заарештована Цебриківським райвідділом НКВС Одеської обл., засуджена до 8 років позбавлення волі, згодом звільнена.	500, 509, 527
Бондарчук Пилип Давидович (1902–?), з серпня 1937 р.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.).	195, 199, 208, 214–215, 220–221
Борисов Борис Юхимович (Мерецький Нухим-Бер Хаймович) (1900–?), у 1938 р.— нач. відділу шосейних доріг УНКВС по Одеській обл. 25 квітня 1938 р. заарештований, 28 березня 1939 р. звільнений.	20, 172, 447–449, 455–456, 460, 462, 530–531, 543

Борисов Володимир Миколайович (1901–1984), з травня 1938 р. по лютий 1939 р.— перший секретар Молдавського обкому КП(б)У, згодом — член Військової ради КОВО, з жовтня 1940 р.— заст. начальника Головного управління політичної пропаганди Червоної армії; корпусний комісар (1939), армійський комісар 2-го рангу (1940).	20, 172, 447–449, 455–456, 460, 462, 530–531, 543
Бородовський, у 1937–1938 рр.— шофер УНКВС по Житомирській обл.	330
Бостий, у 1938 р.— референт Київської міськради.	36
Ботін Аким Юхимович (1888–?), з липня 1937 р.— нач. відділу прийому і звільнення — пом. нач. пасажирського відділення ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	195
Бочков Віктор Михайлович (1900–1981), з 1935 р.— слухач Військової академії РСЧА ім. М.В. Фрунзе; з 23 листопада 1938 р.— нач. Головного тюремного управління НКВС СРСР, з 28 грудня 1938 р.— нач. 4-го (Особливого) відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 7 серпня 1940 р.— Прокурор СРСР (до 13 листопада 1943 р.), з 19 липня по 20 грудня 1941 р.— нач. Особливого відділу НКВС і член Військової ради Північно-Західного фронту; з 3 січня 1944 р.— нач. Управління конвойних військ НКВС СРСР; полковник, старший майор держбезпеки (1939), комісар держбезпеки 3-го рангу (1940), генерал-майор (1940).	587
Боярський Андрій Михайлович (1895–1983), з березня 1938 р.— заст. нач. 5-го відділення 11-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з червня 1938 р.— нач. відділення 2-го відділу 3-го управління НКВС СРСР, з жовтня 1938 р.— нач. відділення 3-го відділу Головного транспортного управління НКВС СРСР, з 1 січня 1939 р.— пом. нач., з 4 вересня 1939 р.— заст. нач. Слідчої частини НКВС СРСР (до 26 лютого 1941 р.); старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1939).	65
Брант Яків Давидович (1902–?), мешканець м. Одеси, службовець. 16 липня 1938 р. заарештований, 14 січня 1939 р. звільнений. У квітні 1941 р.— заст. завідувача Одеського облвідділу соціального забезпечення.	576, 583, 601, 608
Братух, член ВТ військ НКВС Київського округу під час суд. процесу у справі колиш. співробітників УНКВС по Житомирській обл. у серпні 1939 р., військовий юрист 2-го рангу.	408, 413
Бржезицький, репресований УНКВС по Житомирській обл.	302
Брижніков, у серпні 1940 р.— слідчий Слідчої частини НКВС УРСР, у 1941 р.— працівник слідчої групи при Томському міськвідділі НКВС; лейтенант держбезпеки.	127
Бродський Микола Михайлович (1902–?), мешканець м. Одеси, службовець, колиш. член Союзу молоді лівих соціалістів-революціонерів. 29 червня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	479

Бромберг Волько Шльомович (1906–?), мешканець м. Одеси. 3 липня 1938 р. заарештований, у листопаді 1939 р. звільнений.	532
Бронштейн-Курило Рахіль Хаїмовна, мешканка м. Житомира, двоюрідна сестра Л. Троцького. У 1937 р. заарештована, розстріляна.	245, 249, 262–263, 284, 311, 366, 376, 386
Брудной (Брудний) Давид Ісакович (Іцкович) (1901–?), дільничий агроном бурякового відділення Одеського облЗУ. У червні 1938 р. заарештований, у січні 1939 р. звільнений.	456–457
Брудной, у 1938 р.— мешканець м. Ленінграда.	456–457
Брук-Бурков Семен Михайлович (1894–?), у 1933–1936 рр.— секретар Савранського райкому КП(б)У Одеської обл. 18 квітня 1938 р. заарештований, у грудні 1939 р. звільнений. У лютому 1941 р.— директор ліжкового заводу Одеського міськпромкомбінату.	531, 576, 583, 598, 601, 608
Брун, співробіт. Новоград-Волинського міськвідділу НКВС Житомирської обл., у 1938 р.— пом. нач. в'язниці НКВС м. Житомира.	332
Бугаєнко Георгій Іларіонович (1902–?), заст. директора Одеського облрадіокомітету. У 1938 р. заарештований, 4 листопада 1938 р. звільнений.	571–572, 578
Бугрименко Федір Павлович (1900–?), інспектор бюджетного управління Одеського облфінвідділу. У липні 1938 р. заарештований.	572
Булгаков Костянтин Михайлович (1906–?), у 1938 р.— оперуповноваж. 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., у червні 1939 р.— пом. нач. Особливого відділення НКВС в/з 6083 КОВО (м. Проскурів, Кам'янець-Подільська область); молодший лейтенант держбезпеки.	302
Бурдан Наум Аронович (1910–?), з 1937 р.— пом. оперуповноваж. 4-го відділу, з 10 липня 1938 р.— оперуповноваж. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки (1937), молодший лейтенант держбезпеки.	577
Буржинський, нач. ВТТ при УНКВС по Житомирській обл. Заарештований, перебуваючи під слідством в УНКВС, у 1938 р. помер.	353
Буркін Микола Іванович (1898–?), у 1938–1939 рр.— нач. 3-го відділення і в.о. заст. нач. 4-го відділу, потім — в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 9 серпня 1939 р. звільнений з органів НКВС. У травні 1941 р.— нач. спецвідділу Чернівецької контори зв'язку.	125, 445–447, 450–453, 456–460, 472, 482–486, 515, 530–532, 568, 570, 575, 577, 593–594, 601, 603, 610, 612, 615
Бурмистенко Михайло Олексійович (1902–1941), з січня 1938 р.— в.о., з 18 червня — другий секретар ЦК КП(б)У і водночас (з 25 липня 1938 р.) Голова Верховної Ради УРСР. У 1941 р.— член Військової ради Південно-Західного фронту. У вересні 1941 р. потрапив в оточення, загинув.	500

Бутович Олександр Федорович, (1910–?), з березня 1938 р.— пом. оперуповноваж. 5-го відділення 4-го відділу, у березні 1939 р.— пом. нач. відділення 2-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	450, 453, 472, 474–480, 482
Бутовський, у 1938 р.— лікар у м. Київ.	37
Вайнер Яків Йосипович (1909–?), у 1937–1938 рр.— співробіт. УНКВС по Одеській обл. Звільнений з НКВС, згодом відновлений на службі. У 1940 р.— нач. Ленінського райвідділу НКВС м. Одеса.	56, 307, 361, 497–498, 575, 578, 597–598, 603
Вайнер, у 1937–1938 рр.— начгосп, нач. корпусу і зав. шевської майстерні Житомирської в'язниці НКВС.	56, 307, 361, 497–498, 575, 578, 597–598, 603
Вайнштейн (Гутман) Абрам (Авраам) Ісакович (1903–?), мешканець м. Одеса. 16 березня 1938 р. заарештований. Засуджений до ВМП.	529, 535
Ванін Єгор Васильович, робітник служби шляху ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	193, 197, 204, 235
Ванюков Михайло Капітонович (1902–?), у 1938 р.— нач. політвідділу Управління Чорноморського морського пароплавства (м. Одеса). У травні 1940 р.— інструктор політвідділу 124-ї стрілецької дивізії 37-го стрілецького корпусу КОВО (м. Житомир).	508
Варава Сергій Олексійович, робітник служби шляху ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	197
Васильєв Валерій	2, 11, 41, 139, 635, 742
Васильєв Георгій Миколайович (1901/1903–?), у 1937 р.— нач. Словечанського райвідділення НКВС Житомирської обл., у 1939 р.— нач. відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.	2, 11, 41, 139, 635, 742
Васильєв Сергій Олексійович (1907–?), у березні 1939 р.— пом. нач. відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки.	2, 11, 41, 139, 635, 742
Васильєв, у 1938 р.— зав. відділу Управління народногосподарського обліку (УНГО) (м. Київ).	2, 11, 41, 139, 635, 742
Васюренко Федір Пилипович (1899–?), відповід. контролер (з транспорту) партколегії при УКПК по Одеській обл. 29 травня 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виізною сесією ВК ВС СРСР засуджений до 15 років ВТТ. Реабілітований.	481, 493–496, 502, 508–510, 519–521, 525–526, 533–534, 541, 550, 555, 558, 560, 568, 577, 585–586, 610, 613–618, 629
Васютинський Я. М., т. в. о. голови ВТ прикордонних і внутрішніх військ (згодом — військ НКВС) Київського (Українського) округу; військовий юрист 1-го рангу.	30, 107

Ватлін Олександр	635
Вашоков, особа, стосовно якої в УНКВС по Одеській обл. у 1938 р. збирали компрометуючі матеріали.	614
Вейцман Іовель Якович (1887–?), у 1937–1939 рр. — лікар-консультант Новоград-Волинської лікарні, терапевт поліклініки, обслуговував Новоград-Волинський міськвідділ НКВС Житомирської обл.	405, 407, 410, 412
Величко Володимир Євгенович (1911–?), учитель Тираспільської середньої школи № 4. 18 червня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	141, 144–146, 149, 151, 153–156, 158, 160–165, 167–174, 179–180, 182
Веремчук Йосип Савович, нач. райвідділу міліції Житомирської обл. У 1937 р. заарештований. 20 грудня 1937 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до ВМП.	330
Верменич Я. В.	13
Виговський Антон Васильович (1909–?), у 1938–1939 рр. — черговий пом. коменданта УНКВС, пом. оперуповноваж. оперативної картотеки УНКВС по Житомирській обл.	242, 264, 308, 345–347, 366, 380
Виговський Володимир Михайлович (1910–?), з 5 березня 1938 р. — наглядач внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл., у листопаді 1939 р. — старший по корпусу в'язниці НКВС м. Житомира.	242, 264, 308, 345–347, 366, 380
Винокуров Шимон Веніамінович (1890–?), з березня 1937 р. — бухгалтер в'язниці м. Житомира, потім — нач. фінансової частини ВМУ УНКВС по Житомирській обл. Перебував під слідством. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу справу припинено.	4, 71, 74, 85, 241, 244, 248, 251–253, 270, 278, 304, 306–310, 312–316, 356–360, 362, 364–366, 381–383, 392–397, 400–403
Вирвихвіст Федір Олексійович (1901–1938), відповід. контролер (з сільського господарства) партколегії при УКПК по Одеській обл., потім — зав. відділу керівних парторганів Одеського обкому КП(б)У. 7 травня 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	615
Вишинський Андрій Януарійович (1883–1954), з березня 1935 р. — Прокурор СРСР, з 31 травня 1939 р. — заст. Голови РНК СРСР, водночас з 1940 р. — перший заст. наркома закордонних справ СРСР.	59–60
Вишневський Василь Михайлович (1904–?), у 1937–1938 рр. — полковий оперуповноваж. Особливого відділу НКВС 8-го стрілецького корпусу (в/з 4342) КВО (м. Житомир); сержант держбезпеки.	39, 281, 289, 297
Вишневський, у 1938 р. — працівник Київської міськради.	39, 281, 289, 297
Вінник Мойсей Осипович (1903–?), мешканець м. Одеси. 14 червня 1938 р. заарештований. 10 лютого 1940 р. справу направлено на розгляд ОН при НКВС СРСР.	161, 244, 255, 296, 365, 373, 390, 482

Вінник Овсій Маркович (1906–1938), пом. уповноваженого КПК при ЦК ВКП(б) по Одеській обл. 26 лютого 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	161, 244, 255, 296, 365, 373, 390, 482
Віола Лінн	2, 8, 10–11, 19, 742
Віхрєв Іван Васильович (1899–?), з 3 червня 1938 р.— заст. нач. УНКВС по Одеській обл., з 9 вересня 1938 р.— т.в.о. нач. Особливого відділу НКВС Вінницької армійської групи КВО; старший лейтенант держбезпеки. 27 лютого 1939 р. звільнений з НКВС. У 1941 р.— у діючій армії. У травні 1945 р.— заст. нач. з полічастини шпітально № 1034; майор.	448
Водзинський Олександр Павлович (1899–1938), нач. цеху артелі «Трудкомбінат» (м. Одеса). 27 липня 1938 р. заарештований. 9 жовтня 1938 р. трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджений» до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	467, 469, 548, 552, 557, 560, 568, 572, 608, 617, 623, 628
Волжин, у 1937–1938 рр.— свідок у справах ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	208
Волков (Вайнер) Михайло Олександрович (1900–1939), з квітня 1937 р.— нач. 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 25 січня 1938 р.— нач. Головного управління шосейних доріг НКВС СРСР; старший майор держбезпеки. З 9 квітня 1938 р.— заступник наркома шляхів сполучення СРСР. 21 листопада 1938 р. заарештований. 25 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	3, 26–28, 30, 56, 78, 141–143, 145–146, 148–151, 153, 161–165, 167–185, 606
Волков Іван Васильович (1906–1939), з червня 1938 р.— оперуповноваж., прикріплений для слідства до 4-го відділу, згодом — нач. відділення 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР; молодший лейтенант держбезпеки. 8 грудня 1938 р. заарештований. 31 грудня 1938 р. ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу засуджений до ВМП. 11 січня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	3, 26–28, 30, 56, 78, 141–143, 145–146, 148–151, 153, 161–165, 167–185, 606
Волков Олександр Микитович (1898–?), з 28 серпня 1938 р.— в.о. пом., з 29 вересня 1939 р.— пом. нач. УНКВС по Одеській обл.; з вересня 1940 р.— в.о. заст., з 27 грудня 1940 р.— заст. нач., з 28 березня 1941 р.— нач. УНКВС по Дрогобицькій обл.; молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1939). Зник безвісти.	3, 26–28, 30, 56, 78, 141–143, 145–146, 148–151, 153, 161–165, 167–185, 606
Волков Олексій Олексійович (1889/1890–1942), у 1937 р.— другий секретар Московського міськкому і обкому ВКП(б), з серпня 1937 р.— перший секретар ЦК КП(б) Білорусії, згодом — голова РНК Чуваської АРСР, в.о. першого секретаря, перший секретар Чуваського обкому ВКП(б).	3, 26–28, 30, 56, 78, 141–143, 145–146, 148–151, 153, 161–165, 167–185, 606
Волков, у лютому 1938 р.— нач. 3-го відділення ВМУ УНКВС по Дніпропетровській обл.	3, 26–28, 30, 56, 78, 141–143, 145–146, 148–151, 153, 161–165, 167–185, 606
Володя, див. Вайнштейн.	329

Волошин Володимир Васильович (1905–?), оперуповноваж., з 10 липня 1938 р.— пом. нач. 3-го відділення, з серпня 1938 р.— заст. нач. 5-го відділення 4-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; у квітні 1939 р.— заст. нач. слідчої частини 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	38, 256–258, 260–261, 265–267, 386
Волошин, у 1938 р.— науковець Інституту фольклору (м. Київ).	38, 256–258, 260–261, 265–267, 386
Вольський (Кічис) Володимир Якович (1899–1944?), з 12 жовтня 1937 р.— т.в.о. нач. 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС, у листопаді 1938 р.— у резерві УНКВС, у грудні 1938 р.— т.в.о. особливогоповноваженого УНКВС, потім — т.в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 25 лютого 1939 р. заарештований. 22 серпня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. 29 жовтня 1939 р. ВК ВС СРСР міру покарання зменшила до 5-ти років ВТТ. Достроково звільнений, 24 грудня 1942 р. направлений на фронт. У серпні 1944 р. зник безвісти. Не реабілітований.	80–81, 83, 85, 405–411, 533
Воробйов, нач. політвідділу Північно-Донецької залізниці.	56
Воронець Олександр Адамович (1905–?), з 28 травня 1938 р.— нач. відділення, з 29 серпня 1938 р.— в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Сталінській обл., 19 травня 1939 р. не затверджений на посаді Сталінським обкомом КП(б)У, продовжив службу в НКВС; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1940). Згодом засуджений до 7 років позбавлення волі.	198
Воронін Олександр Іванович (1908–1990), з 23 квітня 1937 р.— пом. нач. 1-го відділення 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з березня 1938 р.— пом. нач. 5-го відділення 1-го відділу 3-го управління НКВС СРСР, з 1 жовтня 1938 р.— референт секретаріату НКВС СРСР, з 29 грудня 1938 р.— нач. УНКВС по Сталінградській обл.; лейтенант держбезпеки (1937), майор держбезпеки (1939).	58, 60, 195, 197, 201–202, 207–208, 228
Воронін Олександр Федорович (1901–?), у 1938–1939 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л.М. Кагановича ПівніДЗ (Донецька, з 3 червня 1938 р.— Сталінська обл.); сержант держбезпеки.	58, 60, 195, 197, 201–202, 207–208, 228
Воронович Іван Григорович (1904–1972), оперуповноваж. 11-го відділення 4-го відділу (з жовтня 1938 р.— 2-го відділу) ГУДБ (з квітня по вересень 1938 р.— 1-го управління) НКВС СРСР, з 24 листопада 1938 р.— ст. слідчий 2-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 16 січня 1939 р.— ст. слідчий Слідчої частини НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки (1935), старший лейтенант держбезпеки (1939).	101

Воронцов-Кусков Іван Дмитрович (1908–?), з вересня 1937 р.— пом. нач., нач. 2-го відділення, з липня 1939 р.— нач. 1-го відділення ДТВ, з березня 1940 р.— заст. нач. ДТВ ГУДБ НКВС Південно-Західної залізниці (ПЗЗ); з березня 1941 р.— заст. нач. УНКДБ–УНКВС по Одеській обл.; з вересня 1941 р.— заст. нач. Транспортного відділу НКВС Південно-Донецької залізниці; з 8 квітня 1942 р.— заст. нач. УНКВС по Новосибірській обл.; молодший лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки, капітан держбезпеки (1942).	130
Ворончук Михайло Родіонович (1898–?), у 1935–1936 рр.— співробіт. УДБ НКВС УРСР, у 1936–1937 рр.— в Іспанії, у 1938 р.— співробіт. 4-го (особливого) відділу ГУДБ НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936). У 1939 р. заарештований. 15 березня 1939 р. засуджений до ВМП. 8 травня 1939 р. ВМП замінена на 20 років ВТТ.	265
Воскобойніков, свідок у справі співробітників ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ.	230
Врещ Филип Прокопович (1892–?), машиніст водокачки ст. Дар'івка ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 21 липня 1938 р. звільнений.	193, 196, 210, 235
Вяткін Григорій Матвійович (1900–1939), з липня 1937 р.— нач. 6-го відділення 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Житомирській обл.; капітан держбезпеки (1937), майор держбезпеки (1938). 16 листопада 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	75–77, 79, 83, 85–91, 96–97, 101–102, 247–248, 250–256, 262, 264, 269, 271–274, 276, 284, 287, 290, 297–298, 300, 302–303, 305, 309, 314–319, 322, 324–328, 332–338, 342–345, 348–349, 351, 354–357, 362–364, 369, 388–389, 392–393, 396–400, 405–412, 416–419, 421–422, 427–429, 435, 441–442
Гавренко, у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	215
Гаврилук, співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	247, 250
Галеско (Голесско) Марк Андрійович (1882–1938), 25 (27) травня 1938 р. заарештований, 2 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджений» до розстрілу.	528
Галинський, у 1938 р.— учитель Тираспільської школи № 4 (МАРСР).	154
Гапоненко Арсеній Федотович (1902–?), у 1938–1939 рр.— ст. інспектор з кадрів ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ); сержант держбезпеки.	195

Гапонов Сергій Іванович (1907–?), з жовтня 1937 р.— заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.; з 15 квітня 1938 р.— заст. нач. 3-го відділення, нач. 3-го відділення 4-го відділу, з кінця червня 1938 р.— пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 13 липня 1938 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС, з 10 вересня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС, з 16 листопада 1938 р.— т.в.о. нач. УНКВС, з 15 січня 1939 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС і в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1938). 19 квітня 1939 р. звільнений з органів НКВС. 3 травня 1939 р.— директор Одеської міської телефонної станції. 17 січня 1941 р. заарештований. 14 березня 1942 р. звільнений, нач. частини розшуку штабу воєнізованої охорони Управління виправних заборів і колоній УНКВС по Новосибірській обл. 18 лютого 1943 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. ВТ військ НКВС ЗСО засуджений до 10 років ВТТ з відтермінуванням виконання вироку і направленням до діючої армії. Від 1943 р.— секретний агент УНКДБ по Новосибірській обл. 25 березня 1944 р. направлений у розпорядження Новосибірського облвійськкомату. 29 квітня 1944 р. вибув до м. Омськ. 7 травня 1944 р. вибув у розпорядження відділу кадрів Сибірського військового округу. 23 травня 1944 р. направлений у розпорядження коменданта м. Рославль (Смоленська обл., РРФСР), інтендант 2-го рангу. Стрелець 38-го окремого штрафного батальйону 330-ї стрілецької дивізії 5-ї армії 2-го Білоруського фронту, рядовий. 16 серпня 1944 р. нагороджений орденом Червоної Зірки. Не реабілітований.	4–5, 34, 98–99, 110–111, 117, 121–132, 134–136, 138, 433, 438–439, 445, 457, 472–474, 484, 486, 503, 509, 514–515, 519, 546–549, 551–552, 556–562, 564–565, 567–579, 581, 583, 585–588, 590–595, 598–604, 606, 608, 611–613, 616–620, 623, 625–628, 630–632
Гармашев Трохим Юхимович, машиніст депо ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Донецька обл.). Заарештований, згодом звільнений.	193
Гвардзе, народний засідатель на суд. процесі у справі колишніх співробітників УНКВС по Житомирській обл. у вересні 1940 р.	427, 430
Геллерт, німець, заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	201, 277
Геллерт, німець, колгоспник. Заарештований УНКВС по Житомирській обл. Внаслідок побиття під час допитів помер.	201, 277
Герасимов, нарядчик вагонних майстрів ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1938 р. заарештований, розстріляний.	213
Герберг Фаня, у 1938 р. заарештована УНКВС по Одеській обл.	532
Герзон Матвій Михайлович, з 20 липня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з листопада 1937 р.— нач. 5-го відділення 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1937). 18 квітня 1938 р. заарештований. 23 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	136

Гершкович Ісай Ісаєвич (1906–?), з 19 жовтня 1937 р.— нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з 17 березня 1938 р.— заст. нач. 3-го відділу Усольського ВТТ НКВС (Свердловська обл., РРФСР); молодший лейтенант держбезпеки (1936).	263, 276, 281, 295
Геттінгер, у 1940 р.— секретар ВК ВС СРСР, військовий юрист 2-го рангу.	432
Гефман, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	532
Гинзбург, у 1938 р.— лікар (м. Київ).	
Гирич Володимир Іванович (1911–?), у 1937–1938 рр.— шофер Особливого відділу НКВС 12-ї механізованої бригади КВО (м. Новоград-Волинський Житомирської обл.). 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 3 років ВТТ умовно. У листопаді 1939 р.— зав. гаража Городницького парцеляного заводу (Житомирська обл.). Не реабілітований.	4, 70–71, 74, 241, 243, 248, 251–253, 264, 299–300, 304, 315, 329–330, 332, 337, 340, 343, 366, 376, 378, 389, 394–396, 399–403
Гіліс Мойсей Ірмович (1909–?), з 12 жовтня 1937 р.— нач. Коростенського міськвідділу НКВС Житомирської обл., з 5 серпня 1938 р.— співробіт. 8-го відділу, в.о. нач. відділення 6-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; сержант держбезпеки (1936).	271
Гладкий, у 1938 р.— голова Київської обласної колегії захисників.	40
Гладков, секретар ВТ військ НКВС Харківського округу на судовому засіданні у червні 1939 р.	198, 231–232
Глибко (Глібко) Олександр Миколайович (1908–?), співробіт. Житомирського облуправління міліції НКВС. 21 червня 1938 р. заарештований УНКВС по Житомирській обл.	405, 407
Глобін, у 1937–1938 рр.— свідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.).	218–219
Глузберг Борис Самойлович (1897–1938), з 23 липня 1937 р.— нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; старший лейтенант держбезпеки. У березні 1938 р. заарештований. 25 вересня 1938 р. засуджений до ВМП. Розстріляний.	136
Глузман Михайло Захарович (1903–?), з лютого 1937 р.— нач. в'язниці м. Житомир, з листопада 1937 р.— в.о. нач. ВМУ УНКВС по Житомирській обл. 15 липня 1938 р. заарештований. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 2-х років позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення умовно. 8 лютого 1940 р. той самий трибунал ухвалив вважати вирок таким, що втратив силу достроково і судимість з М. Глузмана зняв.	4, 71, 74, 85, 240–241, 243, 247–248, 250–253, 260, 262, 269, 274–281, 284–285, 287–288, 290, 292–293, 296, 298–301, 303–310, 312–320, 323–325, 328, 332–338, 344, 348–353, 355–366, 369–371, 373–374, 376–378, 381–383, 388, 390–391, 393–395, 397, 399–403
Глушенко, у 1938 р.— співробітник НКВС МАРСР.	158

Гнатюк Іван Іванович (1903–?), у 1938–1939 рр. — відповід. черговий по Житомирській в'язниці НКВС.	357–358
Гненна Мотря Сергіївна (1917–?), у 1937–1939 рр. — фельдшер, лекпом Житомирської в'язниці НКВС.	242, 287, 302, 308, 311, 319, 345, 353–355, 366, 377, 379–381
Гнесін Абрам Юхимович (1917–?), з 28 березня 1938 р. — пом. оперуповноваж., з 1 серпня 1938 р. — оперуповноваж. 3-го, потім — 1-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. У 1939 р. — заст. нач. 5-го відділення Особливого відділу НКВС ОдВО. 3 вересня 1940 р. звільнений в запас НКВС СРСР. 3 жовтня 1940 р. — зав. друкарні штабу ОдВО. 25 січня 1941 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. ВТ військ НКВС ЗСО засуджений до 7 років ВТТ з відтермінуванням виконання вироку і направленням до діючої армії. 27 травня 1943 р. вибув з м. Омська на фронт. У складі 219-го гвардійського стрілецького полку 71-ї гвардійської стрілецької дивізії — на 3-му Українському фронті. 25 серпня 1943 р. направлений в 386-й стрілецький полк 60-ї стрілецької дивізії внутрішніх військ НКВС, снайпер. 3 грудня 1945 р. — на службі в органах НКВС. 6 серпня 1946 р. нагороджений медаллю «За бойові заслуги», 1 серпня 1986 р. — орденом Вітчизняної війни I ступеню (з по батькові «Хаймович»). Не реабілітований.	5, 110, 112, 123–125, 132–133, 433, 439, 472, 498–499, 509–510, 515–516, 539, 545–549, 555–559, 561–564, 569, 571, 573, 575, 577, 579, 581, 584–585, 588, 590, 596–597, 603–604, 609–613, 618–620, 625–627, 629–632
Говберг, у 1938 р. заарештований НКВС МАРСР як «член к.р. сіоністської організації».	147, 149, 158–159, 173, 181–182
Голованівський Савва Овсійович (1910–1989) — укр. письменник, драматург, літературний перекладач. Учасник Другої світової війни: військовий кореспондент газет «Красная Армия» і «За честь Батьківщини». Двічі поранений. Член ВКП(б) з 1942 р. Нагороджений трьома орденами і медалями.	35
Головченко Я. С., член Київської колегії захисників, представник захисту на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР у грудні 1938 р.	150, 175, 178
Голубев Сергій Олексійович (1908–?), з 20 грудня 1937 р. — оперуповноваж., з 1 квітня 1938 р. — т.в.о. особливоуповноваженого УНКВС, нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки. 16 грудня 1938 р. виключений з ВКП(б). 13 червня 1939 р. звільнений з органів НКВС.	241, 272–273, 298, 301, 308, 317, 323, 333–338, 341, 346–347, 378, 392
Голубов Іван Федорович (1918–?), табельник вагонної дільниці ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). 14 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, 28 квітня 1938 р. звільнений.	205
Голубов Микола Федорович (1917–?), слюсар вагонної дільниці ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). 14 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, 9 травня 1938 р. звільнений.	205
Голубчиков Тимофій Олександрович (1904–?), з 1938 р. — оперуповноваж., потім — заст. нач. 2-го відділення 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки.	70, 76, 582

Гольдман Соломон Ісакович (1897–1942), з лютого 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Донецькій обл., з 5 травня 1938 р.— заст. нач. 4-го відділу, з серпня 1938 р.— нач. 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР, з 1939 р.— на службі у системі ГУТАБ НКВС СРСР; капітан держбезпеки. 15 січня 1941 р. заарештований. 15 серпня 1942 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до ВМП. Розстріляний.	20
Гольдшмидт [Семен Михайлович (1900–?)], колиш. чоловік О. Рудакс.	579
Гольдштейн Фаня Давидівна (1910–?), у 1937–1938 рр.— пом. оперуповноваж., оперуповноваж. групи опертехніки 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. 1 жовтня 1938 р. звільнена з органів НКВС за неможливістю використання. У 1940–1941 рр.— працівник Одеського обкому КП(б)У.	534–538, 602
Гольцман Фавель Мордкович, у 1938 р.— нач. Лугинського райвідділення НКВС Житомирської обл., у серпні 1938 р. відряджений у розпорядження НКВС СРСР; сержант держбезпеки.	346
Гончаренко Василь Пантелійович (1907–?), секретар Гроссуловського райкому КП(б)У Одеської обл. У 1938 р. заарештований, 29 травня 1939 р. звільнений.	206, 614
Гончарено Е. Д. (рос.), у 1937–1939 рр.— свідок у справі заарештованого І. Протасова (Донецька обл.).	
Гончарук, у 1960 р.— пом. військового прокурора ОдВО, підполковник юстиції.	471
Горбач [Віталій Федорович (1904–?)], працівник міліції м. Одеса. У 1938 р. заарештований. ВТ військ НКВС Одеської області виправданий, звільнений.	467–469
Горбач-Тигова Ірина Семенівна (1902–?), дружина працівника міліції Горбача. У 1938 р. «засуджена» трійкою при УНКВС по Одеській обл. до ВМП. Не розстріляна, звільнена.	467–469
Горіна Вера Венедиктівна (1906–?), свідок у справі співробітника УНКВС по Одеській обл. М. Тягіна.	460
Горлінський Микола Дмитрович (1907–1965), з липня 1937 р.— оперуповноваж. 4-го (2-го) відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 7 грудня 1938 р.— другий заст. наркома внутрішніх справ УРСР, з 22 серпня 1940 р.— заст. нач. 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; капітан держбезпеки, старший майор держбезпеки (1940).	108, 186
Городенко, у 1938 р.— оперуповноваж. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	478
Гостинцев Антон Андрійович (1906–?), з 12 листопада 1937 р.— нач. Олевського, з червня 1938 р.— Попельнянського, з липня 1938 р.— Чуднівського райвідділень НКВС Житомирської обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 1 липня 1939 р. заарештований. 22 серпня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. Не реабілітований.	4, 82–85, 404–414

Гофман-Малиновський, у 1938 р. заарештований НКВС УРСР.	577
Го-Фу-Це, китаєць, громадянин Китаю, прибув з Китайсько-Східної залізниці. У 1938 р. заарештований. Трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП.	418
Грабовський Михайло Людвигович (1899–?), у 1936–1937 рр.— працівник Управління робітничо-селянської міліції (УРСМ) НКВС УРСР, потім — нач. Республіканського автотоклубу Українського комітету фізичної культури і спорту при РНК УРСР (Київ). 3 липня 1938 р. заарештований. 17 жовтня 1938 р. трійкою при УНКВС по Київській обл. «засуджений» до 5 років ВТТ.	552, 577, 617
Грабовський, у 1938 р.— співробіт. Олевського райвідділення міліції Житомирської обл.	552, 577, 617
Грайпель, у 1938 р.— колиш. політпрацівник, звільнений з РСЧА.	38
Грачов, у 1940 р.— член ВТ військ НКВС Київського округу; сержант держбезпеки.	471
Грезов М., у 1941 р.— в.о. військового прокурора військ НКВС Київського округу; бригадирськюрис.	115, 126, 549, 617
Греккер Слава Львівна (1905–?), зав. відділу культури одеської обласної газети «Черноморская коммуна». 12 жовтня 1937 р. заарештована, 23 жовтня 1939 р. звільнена.	556, 603, 607
Гречуха Михайло Сергійович (1902–1976), з травня 1938 р.— другий секретар, з 16 грудня 1938 р.— перший секретар Житомирського обкому КП(б)У. 3 10 серпня 1939 р.— Голова Президії Верховної Ради УРСР.	77, 477
Гречухин Дмитро Дмитрович (1903–1939), з 13 вересня 1937 р.— нач. УНКВС по Красноярському краю, з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Одеській обл., з 28 травня 1938 р.— нач. Особливого відділу НКВС КВО і в.о. заст. наркома внутрішніх справ УРСР, з 15 вересня 1938 р.— нач. УНКВС по Ростовській обл.; капітан держбезпеки (1937), майор держбезпеки (1938). 3 грудня 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	448–449, 483, 495
Григоренко Андрій Хомич (1911–?), ст. стрілочник ст. Дебальцево-Сортувальна ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 27 квітня 1938 р. звільнений.	213, 217
Григор'єв Леонтій Вікентійович (Вікторович) (1886–?), машиніст електростанції м. Олевськ Житомирської обл. 16 квітня 1938 р. заарештований, 10 травня 1938 р. звільнений.	143, 148, 151, 178, 183–184, 191, 241–242, 395, 401–403, 405, 407, 409, 412, 414, 457
Гримчак Ю. М.	54
Грицай Карпо Трохимович (1913–?), у 1937–1938 рр.— чорнороб ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька обл.).	206, 227–228

Гришин-Клювант Григорій Аркадійович (Аронович) (1903–1939), з 30 червня 1937 р.— в.о. нач. УНКВС по Одеській обл.; з 20 липня 1937 р.— нач. УНКВС по Вінницькій обл.; капітан держбезпеки. 20 серпня 1937 р. заарештований. 1 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Московського округу засуджений до ВМП. 2 вересня 1939 р. розстріляний. Реабілітований.	4, 12, 67–69, 71–75, 79, 85, 89–90, 96, 98–99, 137, 240–243, 245–246, 248–254, 257–259, 264–265, 269–272, 274–286, 288–291, 293–294, 296–297, 299–301, 303–305, 311, 313–318, 320–324, 327–332, 334, 336–345, 347, 352–353, 363–364, 366–378, 383, 385, 394–399, 401–403, 534
Гришин-Шенкман Григорій Йосипович (1903–?), з 4 серпня 1937 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., з 1 листопада 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Житомирській обл., з квітня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки. 30 травня 1938 р. заарештований. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. 9 жовтня 1939 р. ВК ВС СРСР вирок скасувала. 18 листопада 1939 р. тим самим трибуналом повторно засуджений до 10 років ВТТ. 22 квітня 1940 р. ВК ВС СРСР вирок затвердила. 9 липня 1940 р. вибув для відбуття покарання у Північний залізничний ВТТ НКВС. Не реабілітований.	4, 12, 67–69, 71–75, 79, 85, 89–90, 96, 98–99, 137, 240–243, 245–246, 248–254, 257–259, 264–265, 269–272, 274–286, 288–291, 293–294, 296–297, 299–301, 303–305, 311, 313–318, 320–324, 327–332, 334, 336–345, 347, 352–353, 363–364, 366–378, 383, 385, 394–399, 401–403, 534
Грінфельд, у 1938 р.— нач. 3-го відділення ВМУ УНКВС по Житомирській обл.	362
Грозний Дмитро Автономович (1902–?), заст. нач. відділу кримінального розшуку Житомирського облуправління міліції НКВС; лейтенант міліції. 19 червня 1938 р. заарештований УНКВС по Житомирській обл., згодом звільнений.	303
Гуєнок Петро Абрамович (Аврамович) (1903–?), з 1937 р.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.); молодший лейтенант держбезпеки.	195, 199, 208, 210, 212, 216–218, 221, 225
Гуревич (Гурович) Соломон Кунцович (1910–?), економіст Одеського пивного заводу. У 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Засуджений до ВМП.	589
Гурецький, учитель селищної школи № 41 ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). У 1938 р. заарештований.	
Гур'єв П.Ф. (рос.), у червні 1939 р.— голова ВТ військ НКВС Харківського округу, військовий юрист 1-го рангу.	231, 236, 237
Гусєв В. Б., у 1990 р.— військовий прокурор відділу управління ГВП по реабілітації, полковник юстиції.	441, 443

Давидзон, у 1939–1940 рр.— секретар ВТ військ НКВС Київського округу під час судових засідань, військовий юрист.	241, 394–395, 408, 415
Дагін Ізраїль Якович (1895–1940), з червня 1937 р.— нач. 1-го відділу ГУДБ (з 28 березня по 28 вересня 1938 р.— 1-го управління) НКВС СРСР; комісар держбезпеки 3-го рангу. 5 листопада 1938 р. заарештований. 21 січня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	56
Дараган Іван Андрійович (1901–?), з 1936 р.— нач. Нікопольського, з 22 березня 1938 р.— Дніпродзержинського міськвідділів НКВС Дніпропетровської обл.; з 23 липня 1938 р.— т.в.о. заст., з 9 серпня 1938 р.— заст. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл.; з осені 1938 р.— нач. Особливого відділу НКВС Житомирської армійської групи КОВО, з 16 листопада 1938 р. по 8 січня 1939 р.— т.в.о. нач. УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 19 квітня 1939 р. заарештований. 27 травня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ.	70, 84, 334
Дворенко М., у 1938–1939 рр.— пом. військового прокурора військ НКВС Київського округу, військовий юрист 2-го рангу.	119–120
Дворський, у 1937–1938 рр.— шофер УНКВС по Житомирській обл.	343
Дев'ятковський, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	16, 45, 47–48, 73, 96
Дегтярьов, ст. дорожний майстер 4-ї дистанції шляху служби шляху ст. Артемівськ ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований.	
Дейнего, у 1938 р.— співробіт. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	565
Дейнеко Олександр Тихонович (1910–?), у 1938 р.— ревізор пасажирського відділення ст. Дебальцево (Донецька обл.), секретний інформатор і лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ.	196–197, 204, 214, 217, 221, 228
Дейч Олександр Володимирович, у 1937–1938 рр.— співробіт. Бердичівського міськвідділу НКВС (Вінницька обл.), пом. нач. Особливого відділу НКВС 3-ї кавалерійської дивізії (м. Бердичів, з 22 вересня 1937 р.— Житомирська обл.). У 1938 р. заарештований.	260, 386
Демиденко Володимир Якович (1896–1938), з 4 червня 1937 р.— оперуповноваж. 10-го відділення 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки. 22 квітня 1938 р. заарештований. 2 жовтня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	255
Демиров, у 1939 р.— старший секретар ВТ військ НКВС Харківського округу, військовий юрист 3-го рангу.	239

Демус Микола Лаврентійович (1896–?), голова Молдавської коопінспілки, у 1938 р. заарештований НКВС МАРСР.	147, 151, 153–154, 159–160, 173–174, 181
Деняк Іван Миколайович (1905–?), пом. машиніста, кочегар депо «Схід» ст. Дебальцево ПівдДЗ (Донецька обл.). 13 січня 1938 р. заарештований, 7 травня 1938 р. звільнений.	216
Дерибас Терентій Дмитрович (1883–1938), з 1934 р.— нач. УНКВС по Далекосхідному краю, з травня 1937 р.— у розпорядженні НКВС СРСР, з 19 червня 1937 р.— нач. УНКВС по Далекосхідному краю; комісар держбезпеки 1-го рангу. 12 серпня 1937 р. заарештований. 27 липня 1938 р. засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	
Детинко Мойсей Якович (1902–1938), з 4 червня 1937 р.— нач. 3-го відділення 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки. 23 лютого 1938 р. заарештований. 22 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	245–246, 249, 260, 265–266, 330, 398
Детистов І. В. (рос.), у 1939–1940 рр.— член ВК ВС СРСР, бригадирськюріст.	237, 431, 544
Деев, член комісії з перевірки Одеського облфінвідділу.	195–196, 215, 221, 223–224, 246, 264, 433, 472, 483, 496–497, 503, 506, 516, 518–519, 539, 576, 598
Джавахов Михайло Григорович (1903–1937), з 1935 р.— нач. 25-го Молдавського прикордонзагону НКВС і нач. УНКВС по МАРСР, з грудня 1936 р.— нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР, з лютого 1937 р.— нач. Запорізького міськвідділу НКВС; капітан держбезпеки. 9 серпня 1937 р. заарештований. 7 вересня 1937 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. У 1959 р. Головною військовою прокуратурою не реабілітований. У 1999 р. Генеральною прокуратурою України реабілітований.	14–16
Джуринський Дем'ян Михайлович, пом. директора Житомирського сільськогосподарського інституту з господарської частини, секретний співробітник УНКВС по Житомирській обл. «Марченко». У 1938 р. заарештований, внаслідок побиття на допиті помер. Був оформлений як «засуджений» трійкою при УНКВС 10 травня 1938 р. (протокол № 50) і «розстріляний» відповідно до акту про виконання «виroku» від 21 червня 1938 р.	317, 319, 417, 428, 430
Дзбановський [рос. Е.А.], зав. бібліотеки і архіву Інституту археології АН УРСР.	35
Діденко Максим Авксентійович (1904–?), з травня 1938 р.— перший секретар Житомирського обкому КП(б)У (до 16 грудня 1938 р.). 30 грудня 1938 р. заарештований НКВС УРСР. 23 січня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. 21 лютого 1941 р. ВК ВС СРСР зменшила термін покарання до 3-х років позбавлення волі у ВТТ. Не реабілітований.	88, 93–94, 274, 332, 335, 418

Дідик Тимофій Устинович, 13 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	227
Дмитренко Данило Терентійович (1915–?), з березня 1938 р.— пом. оперуповноваж. Новоград-Волинського міськвідділу НКВС, потім — пом. оперуповноваж. 4-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.	417
Дмитрієв Л. Д., у 1939 р.— член ВК ВС СРСР, бригадирський курорт.	237
Дмитрушенко, народний засідатель на судовому процесі у справі співробітників УНКВС по Житомирській обл. у вересні 1940 р.	427, 430
Добровольський, професор Одеського індустріального інституту, доктор технічних наук.	533
Добровольський, у 1938 р.— працівник Осоавіахіму (м. Одеса). Заарештований, згодом звільнений.	533
Довбня, у 1937–1938 рр.— черговий по Житомирській в'язниці НКВС. У 1938 р. звільнений.	2, 742
Довженок Василь Йосипович (1909–1976), укр. історик, археолог. У 1934 р. закінчив Київський художній інститут. Від 1938 р. працював в Інституті археології АН УРСР. Учасник Другої світової війни, мав бойові нагороди. Після війни продовжив наукову роботу, досліджував історію давніх слов'ян і Київської Русі. Доктор історичних наук (1962), професор (1967). Віце-президент Міжнародної асоціації археологів-славістів (1965). Лауреат Державної премії УРСР в галузі науки і техніки (1977).	35
Дороговцев Макар Іванович (1893–?), лікар-невропатолог, у 1939 р.— нач. санчастини УНКВС по Житомирській обл.; військлікар 2-го рангу.	289
Дрібінський Семен Ілліч (1908–?), у 1938 р.— пом., з 10 липня 1938 р.— заст. нач. 1-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 15 жовтня 1938 р.— заст. нач. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській обл.; з жовтня 1939 р.— т.в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл., з січня 1940 р.— заст. нач. 2-го відділу УНКВС–УНКДБ по Одеській обл.; з листопада 1941 р.— заст. нач., з 1942 р.— нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Новосибірській обл.; лейтенант держбезпеки, старший лейтенант держбезпеки.	491, 576
Друбич, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	599
Друц Казимир Іванович, секретар Врадівського райкому КП(б)У Одеської обл. У 1937 р. заарештований. 28 листопада 1937 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП.	501–502, 580

Друшляк Іван Степанович (1913–?), з 1938 р.— оперуповноваж., з 10 липня 1938 р.— пом. нач. 1-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР. 7 червня 1939 р. заарештований. 15 січня 1940 р. засуджений до ВМП. 11 квітня 1940 р. ВК ВС СРСР замінила ВМП позбавленням волі у ВТТ на 10 років. Пізніше звільнений з табору, направлений на фронт. У 1943 р. рішенням Військової ради судимість знята.	577
Дрягін Микола Олександрович, військовослужбовець. Заарештований УНКВС по Житомирській обл., згодом звільнений.	364
Дубецький Василь Костянтинівич, колиш. червоний партизан. У 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., згодом звільнений.	436, 438
Дубінін, колиш. меншовик, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	533
Дубовик Касьян Васильович, у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1939 р. звільнений з органів НКВС.	214
Дудкін П. П., у 1937–1939 рр.— свідок у справі Ф. Єремчука.	209
Дьяченко Прокіп Іванович (1903–?), у 1937–1939 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.), оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Сталінська обл.); сержант держбезпеки.	195–196, 208, 221–222
Дьячишин Іван Кононович (1894–?), директор Одеської державної наукової бібліотеки. 26 травня 1938 р. заарештований. 21 вересня 1938 р. трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджений» до розстрілу. 1 жовтня 1938 р. розстріляний.	473–474, 476, 485, 519, 528, 542
Едельман (Ейдельман), у 1938 р.— зав. складу Житомирської в'язниці НКВС.	135, 357–358, 548, 552, 554–555, 560– 561, 566, 573, 576, 580–581, 583–584, 595–596, 601, 603–604, 610–613, 628–629
Едельман Михайло Соломонович (1907–?), зав. відділу культури редакції Одеської обласної газети «Черноморская коммуна». 8 серпня 1938 р. заарештований, згодом звільнений. У 1940 р.— кореспондент газети «На страже».	135, 357–358, 548, 552, 554–555, 560– 561, 566, 573, 576, 580–581, 583–584, 595–596, 601, 603–604, 610–613, 628–629
Ейсмонт (Есмонт) Станіслав Олексійович (1913–?), у 1937–1938 рр.— мільйонер транспортної міліції при ст. Новоград-Волинський ПЗЗ (Житомирська обл.).	389
Емолін, зав. відділу пропаганди Одеського обкому КП(б)У. У 1937 р. заарештований.	523–524

Ефроїмсон, секретар ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу на судовому процесі у справі співробітників НКВС МАРСР у грудні 1938 р., технік-інтендант 2-го рангу.	150, 177–178
Євтушенко Іван Леонтіївич (1897–?), з 1931 р.— завгосп в'язниці м. Житомира, з квітня 1938 р.— ст. інспектор господарської групи ВМУ (ВВТК) УНКВС по Житомирській обл.	242, 275, 307–308, 310, 361, 365–366, 383
Єгоров, нач. застави 19-го Олевського прикордонзагону НКВС (Житомирська обл.). У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	406
Єзов Микола Іванович (1895–1940), з 26 вересня 1936 р. по 25 листопада 1938 р.— нарком внутрішніх справ СРСР, водночас з 8 квітня 1938 р. по 9 квітня 1939 р.— нарком водного транспорту СРСР; генеральний комісар держбезпеки (1937). 10 квітня 1939 р. заарештований. 4 лютого 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. 6 лютого 1940 р. розстріляний. Не реабілітований.	16, 21–25, 28, 36, 38, 40, 43, 58–61, 99, 101, 211, 215, 218, 224, 240, 256, 261, 263, 266, 274, 276, 333, 364, 385, 392, 500, 509
Єлін Володимир Леонтіївич (Меєр Хаскелевич), професор Одеського медичного інституту. У 1938 р. заарештований, 3 квітня 1939 р. звільнений.	156, 166, 538
Єремєєв, працівник Одеського обкому КП(б)У, у 1938 р. заарештований.	572, 574, 605
Єремєєва Таїсія Петрівна (1900–?), другий секретар Зельського райкому КП(б)У Одеської обл. У липні 1938 р. заарештована.	572, 574
Єременко (Яременко), нач. Житомирського облуправління міліції НКВС. У 1938 р. заарештований, утримувався у в'язниці НКВС м. Києва.	204, 246, 249, 273, 275–276, 335, 392
Єременко [А.К. (рос.)], у 1937 р.— фіктивний свідок у справі Є. Ваніна, заарештованого ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	204, 246, 249, 273, 275–276, 335, 392
Єремченко Михайло Тимофійович (1901–1939), нач. штатного управління Одеського облфінвідділу. У липні 1938 р. заарештований. 29 липня 1939 р. помер у лікарні Одеської в'язниці НКВС № 38 від туберкульозу.	550, 554, 603
Єремчук Федот Мамонович, пресувальник колісного цеху вагоноремонтного заводу ст. ім. Л.М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі.	194, 197, 209, 235, 330
Єршов, у 1943 р.— нач. внутрішньої в'язниці УНКВС по Новосибірській обл.; старший лейтенант держбезпеки.	132
Єхалов, у 1939–1940 рр.— пом. секретаря ВК ВС СРСР, молодший лейтенант.	238, 404, 414, 426

Жабрєв Іван Андрійович (1898–1939), з 22 листопада 1937 р.— заст. наркома внутрішніх справ БРСР, з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.; майор держбезпеки. 17 листопада 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	75, 79
Жалковський, працівник пожежної охорони м. Одеса. У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	469–470
Жданов Сергій Сергійович (1907–1968), укр. композитор. У 1934 р. закінчив Державний музично-драматичний інститут ім. М. В. Лисенка (Київ). Автор кількох великих музичних творів (опер, музичних комедій) і музики до кінофільмів. Нагороджений медаллю «За трудову доблесть» (1960).	40
Желдак Федір Якович (1914–?), з березня 1938 р.— пом. оперуповноваж. 2-го відділення 2-го відділу УНКВС по Житомирській обл., у 1940 р.— оперуповноваж. УНКВС по Волинській обл.; сержант держбезпеки.	326
Жилинський Віктор Степанович, у 1937 р.— нач. колісного цеху Ізюмського паровозоремонтного заводу (ІПРЗ) (Харківська обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька обл.), 29 січня 1938 р. звільнений. Після звільнення лікувався, згодом — нач. групи виробничого планування ІПРЗ.	195, 208, 221–222
Житомирський Петро Мойсейович (1900–?), у 1937 р.— нач. оперативного (2-го) відділу УДБ, у березні 1938 р.— нач. ВМУ УНКВС по Одеській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 22 лютого 1938 р. заарештований, 28 березня 1938 р. звільнений.	258
Заблоцький, репресований ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (Донецька обл.).	
Заборовський Святослав Мечиславович (1904–?), у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Засуджений до ВМП.	
Загер Рейнгольд Юліусович (1892–1938), інструктор по-завійської підготовки 8-го стрілецького корпусу КВО (м. Житомир). 25 лютого 1938 р. заарештований. 20 березня 1938 р. внаслідок побиття під час допиту помер.	303, 318–319, 349, 366, 405, 407, 409, 411
Заєць [Митрофан Лукич (1888–?)], у 1938 р.— працівник Осоавіахіму (м. Одеса) [Засуджений до 10 років ВТТ].	467
Закгейм Михайло Зіновійович (1902–?), оперуповноваж. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., заст. нач. відділу по боротьбі з розкраданнями соціалістичної власності УРСМ УНКВС по Одеській обл. 9 березня 1938 р. заарештований, 28 березня 1939 р. звільнений.	474, 519, 530–531, 543
Залєвський, родич співробітника УНКВС по Одеській обл. М. Буркіна. Засуджений як «ворог народу».	482

Залкінд Юхим Григорович (1902–?), у 1937–1938 рр.— інспектор, оперуповноваж. в'язниці № 38 ВМУ УНКВС по Одеській обл.; з 1 грудня 1938 р.— оперуповноваж. 6-го відділу, з 14 лютого 1939 р.— 2-го відділу УДБ УНКВС, з 1 квітня 1939 р.— в.о. пом. нач. 1-го відділення 2-го відділу УДБ УНКВС, з 13 травня 1939 р.— заст. нач. Слідчої частини УНКВС по Одеській обл. 2 липня 1939 р. звільнений з НКВС. Токар на Одеському електромеханічному заводі кіноапаратури ім. Ф. Е. Дзержинського. 17 квітня 1940 р. заарештований. 2 липня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. 11 жовтня 1940 р. ВК ВС СРСР вирок скасувала. 24 листопада 1940 р. тим самим трибуналом засуджений до 10 років ВТТ. Покарання відбував на будівництві № 1001 НКВС СРСР (м. Сизрань, Куйбишевська обл., РРФСР). 30 вересня 1942 р. ОН при НКВС СРСР умовно-достроково звільнений. Не реабілітований.	5, 116, 118–122, 439, 443, 465–471
Залозний Олександр Васильович (1902–?), з осені 1937 р.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Куп'янськ-Вузлова ПівнДЗ (Харківська обл.); лейтенант держбезпеки.	195, 208
Зарайський Хаїм Климентійович, оперуповноваж. 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. 11 вересня 1939 р. відряджений у розпорядження Особливого відділу НКВС ОдВО. У січні 1940 р. відряджений у розпорядження Особливого відділу НКВС Ленінградського військового округу (ЛВО), у грудні 1940 р.— оперуповноваж. Особливого відділу НКВС 43-ї стрілецької дивізії 50-го стрілецького корпусу ЛВО (ст. Тяньхара, Карело-Фінська РСР).	110, 547
Засс, доцент Житомирського інституту. Заарештований УНКВС по Житомирській обл.	318–319
Здуніс Михайло Савович (1903–?), з 8 серпня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Дніпропетровській обл., з 10 квітня 1938 р.— нач. Управління місць ув'язнення (УМУ) НКВС УРСР, з червня 1940 р.— у системі ГУТАБ НКВС СРСР; капітан держбезпеки.	272
Зеленер Самуїл Аронович (1902–?), з 12 жовтня 1937 р.— нач. 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з березня 1938 р.— у системі ГУТАБ НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки.	295–296, 322
Зеліков Ізраїль Борисович, у 1937–1938 рр.— нач. 2-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС Одеської залізниці; лейтенант держбезпеки. У 1938 р. заарештований, у листопаді 1939 р. звільнений.	499–500, 504
Земборгський, заарештований ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	
Земянкевич, свідок у справі М. Тягіна.	444
Зиздо, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	556, 608

Зинько-Флейшман Захарій (Захар) Бенедиктович (1903–?), у 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР; старший лейтенант держбезпеки. 6 квітня 1938 р. заарештований. 28 грудня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. Покарання відбував у Північному залізничному ВТТ НКВС. 20 серпня 1942 р. звільнений і переданий до військкомату. У вересні 1943 р.— командир навчальної роти Окремого батальйону резерва медскладу Головного військово-санітарного управління РСЧА; лейтенант інтендантської служби. 23 листопада 1943 р. ВК ВС СРСР вирок скасувала і справу припинила. Не реабілітований.	16, 18, 45, 51–53
Зіслін Яків Веніамінович (1903–?), з 1934 р.— нач. Первомайського райвідділу НКВС Одеської обл., з 28 липня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділення 3-го відділу, з серпня 1938 р.— т.в.о. пом. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; у 1939 р.— т.в.о. нач. Економічного відділу (ЕКВ) УДБ УНКВС; молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1938). 22 червня 1939 р. заарештований. 10 квітня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 21 вересня 1941 р. Президія Верховної Ради СРСР замінила ВМП на 10 років ВТТ з направленням до діючої армії. Не реабілітований.	105–108, 111–112, 114–115
Золіна Дома Іванівна, свідок у справі працівників апарату УКПК по Одеській обл.	526
Золотарьов Карпо Ананійович, у 1938 р.— директор Тираспільської школи № 4 (МАРСР).	2, 6, 22–24, 55, 75, 136, 635, 742
Золотарьов Вадим	2, 6, 22–24, 55, 75, 136, 635, 742
Зорін, у 1938 р.— директор селищної школи при ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	201
Зуб Микола Андрійович (1902–?), з 12 жовтня 1937 р.— ст. інспектор 8-го відділення УДБ УНКВС, з серпня 1938 р.— т.в.о. нач. 1-го спецвідділення УДБ УНКВС по Житомирській обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 8 січня 1939 р. заарештований. 23 квітня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 5 років ВТТ. Не реабілітований.	4, 63, 78, 87, 91–95, 290–291, 294, 327, 357, 375, 415–417, 419–427, 553, 613
Зубов, зав. Одеської обласної контори Всесоюзного державного об'єднання зі заготівлі і збуту зернових культур (Заготзерно). У 1938 р. заарештований.	263, 337, 376, 386, 389, 391, 475, 478
Іванов [А.], у 1937–1938 рр.— співробіт. УНКВС, [у квітні 1939 р.— оперуповноваж. особливоуповноваженого УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки].	22, 98, 197, 216, 242, 263, 304, 376, 409, 443, 501, 507, 510, 522, 597, 599–600, 604, 608, 613
Іванов Адриан Олексійович (1877–?), секретар парткому апарату УКПК по Одеській обл. У квітні 1940 р.— інструктор Одеського обкому КП(б)У (за ін. даними — нач. архівного відділу НКВС, м. Одеса).	22, 98, 197, 216, 242, 263, 304, 376, 409, 443, 501, 507, 510, 522, 597, 599–600, 604, 608, 613

Іванов Михайло Павлович, у 1937–1938 рр.— свідок у справі А. Холоденка (Донецька обл.).	22, 98, 197, 216, 242, 263, 304, 376, 409, 443, 501, 507, 510, 522, 597, 599–600, 604, 608, 613
Іванов, у 1938 р.— комендант УНКВС по Одеській обл.	22, 98, 197, 216, 242, 263, 304, 376, 409, 443, 501, 507, 510, 522, 597, 599–600, 604, 608, 613
Іванцов Іван Овсійович (1904–1941), укр. історик, археолог. У 1934 р. закінчив Київський державний університет. Від 1938 р.— старший науковий співробітник Інституту археології АН УРСР. Автор статей про стародавній Київ, основаних на матеріалах археологічних досліджень. У 1941 р.— у стрілецькому полку Південного фронту, потрапив в оточення. Перебував в окупованому нацистами Києві, намагався заховати архів і експонати Інституту археології АН УРСР. 31 жовтня 1941 р. розстріляний у Бабиному Яру — місці масових страт нацистами євреїв, радянських військовополонених, українських націоналістів та інших людей.	35
Івашенко Григорій Андрійович (1899–?), головний кондуктор ст. Зверєво ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 22 травня 1938 р. звільнений.	207
Івашенко Спиридон Вікторович, у 1937–1938 рр.— свідок у справі Ю. Пересунька (Донецька обл.).	207
Івченко Василь Максимович (1908–?), з 1937 р.— пом. оперуповноваж., з вересня 1937 р.— оперуповноваж., у березні 1939 р.— пом. нач. відділення ДТВ, у червні 1939 р.— заст. нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ, Донецька, Сталінська обл.).	195, 199, 208, 219, 221
Ігенберг Едуард Янович (1895–?), інспектор навчальної роботи і зав. гаража Добровільного спортивного товариства «Динамо», за сумісництвом — працівник Республіканського автотоклубу Українського комітету фізичної культури і спорту при РНК УРСР (м. Київ). 3 липня 1938 р. заарештований, справу припинено.	552, 568, 577
Ігнатенко Фелікс Гаврилович (1906–?), у 1937–1938 рр.— вахтер, з квітня 1938 р.— пом. нач., з серпня 1938 р.— нач. внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл. 16 грудня 1938 р. заарештований. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. Не реабілітований.	74, 85, 91, 241, 243, 247, 250, 252–253, 263, 268, 271, 274, 278, 280–281, 284–293, 295–296, 298, 300–304, 310–312, 314–316, 318–319, 327–329, 333, 336–338, 340–347, 349–350, 353–356, 363–364, 366–369, 374–381, 383, 386–387, 389, 394–396, 398–403

Ігнатов Іван Петрович (1905–?), у 1937–1938 рр.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.); ст. лейтенант держбезпеки.	195–197, 199, 203–204, 206, 209–214, 216–217, 223–225, 228
Ігнатюк, у 1938 р.— працівник Житомирського облуправління міліції НКВС.	378
Ізвєков Микола Олександрович (1894–1946), з 1933 р.— нач. Житомирського окрвідділу НКВС і Особливого відділу 8-ї та 44-ї стрілецьких дивізій УВО; з 1935 р.— нач. Транспортного відділу УДБ УНКВС, пом. нач. УНКВС, з 1937 р.— в.о. заст. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл.; з 27 березня 1938 р.— пом. наркома внутрішніх справ УРСР; з 26 травня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Одеській обл.; з 21 червня 1938 р.— заст. нач. УРСМ НКВС УРСР; з серпня 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР; капітан держбезпеки.	
Ізотов Федір Максимович (1906–?), слюсар депо «Схід» ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 7 травня 1938 р. звільнений.	193, 196, 215, 235
Ізотов Яків Максимович (1908–?), кочегар депо «Схід» ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 7 травня 1938 р. звільнений.	193, 196, 215, 235
Ільїн, у 1938 р. заарештований і знаходився під слідством в УНКВС по Одеській обл.	457
Ілюшин-Едельман Ілля Ізраїлевич (1897–1974), з 1 червня 1937 р.— нач. 13-го відділення 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з червня 1938 р.— нач. 3-го відділення 4-го відділу 1-го управління НКВС СРСР, з 1 січня 1940 р.— заст. нач. 2-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 27 лютого 1941 р.— нач. 6-го відділу 3-го управління НКДБ СРСР; з серпня 1941 р.— заст. нач. 3-го управління НКВС СРСР, з 16 травня 1943 р.— нач. 2-го відділу 2-го управління і заст. нач. 2-го управління НКДБ СРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), майор держбезпеки (1939), комісар держбезпеки (1943).	135
Інгерман, у 1937–1938 рр.— фінансовий працівник УНКВС по Житомирській обл.	311
Іонкіс Сава Абрамович (1898–?), пом. прокурора Одеської обл. у спецсправах. 13 січня 1938 р. заарештований, 14 березня 1939 р. звільнений. У квітні 1941 р.— адвокат.	436, 607–609
Іржова Степанида Миронівна, зав. сектору дошкільного виховання і голова місцевого комітету Одеського облвідділу народної освіти. У 1938 р. заарештована. У 1940 р. засуджена до 2 років позбавлення волі.	599
Каби́фа Михайло Семенович, пом. машиніста депо ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі.	

Каганович Лазар Мойсейович (1893–1991), з 1935 р.— нарком шляхів сполучення СРСР, з 22 серпня 1937 р.— нарком важкої промисловості СРСР, водночас з 5 липня 1938 р.— нарком шляхів сполучення СРСР (до 25 березня 1942 р.), з 24 січня 1939 р.— нарком паливної (з 12 жовтня 1939 р.— нафтової) промисловості СРСР (до 3 липня 1940 р.).	43, 60, 62, 190, 194, 196–197, 199–201, 208–209, 226, 228–229, 231, 233, 235
Кагановський, інструктор Молдавського обкому ЛКСМУ (м. Тираспіль), у 1938 р. помер.	172
Казанцев Володимир Іванович (1900–?), у 1937–1939 рр.— нач. Осолового відділу НКВС 44-ї стрілецької дивізії (в/з 4817) КВО (КОВО) (м. Житомир); лейтенант держбезпеки.	248
Казін Микола Олексійович (1910–1991), з 10 липня 1938 р.— нач. 3-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР, з травня 1939 р.— заст. нач., з 1940 р.— нач. Слідчої частини НКВС УРСР; з жовтня 1940 р.— т.в.о. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Чернівецькій обл., з квітня 1941 р.— заст. нач. контррозвідального відділу УНКДБ по Чернівецькій обл.; з червня 1941 р.— співробітник Особливого відділу НКВС Південно-Західного фронту, нач. охорони тилу 31-го стрілецького корпусу; лейтенант держбезпеки (1938), старший лейтенант держбезпеки (1939).	104, 256
Калиниченко, директор Баштанської МТС (Одеська обл.).	606
Каліховський Леонід Соломонович (1904–?), з серпня 1936 р.— позаштатний, з травня 1937 р.— штатний партслідчий партколегії при УКПК по Одеській обл., у 1940 р.— інструктор Одеського обкому КП(б)У.	472, 480–482, 500, 509–510
Калужський Соломон Давидович (1903–1943), з 10 липня 1938 р.— нач. 1-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ НКВС УРСР; з 25 квітня 1939 р.— т.в.о. заст., з грудня 1939 р.— заст. нач. Слідчої частини УДБ НКВС УРСР, з 26 квітня 1940 р.— заст. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС по Дніпропетровській обл.; молодший лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1939). 5 лютого 1941 р. заарештований. 1 липня 1941 р. Військовою прокуратурою військ НКВС Київського округу справу припинено. Звільнений.	142, 577
Калужний Володимир Пилипович (1905–?), з 8 серпня 1937 р.— заст. нач., т.в.о. нач., з 28 травня 1938 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 10 липня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. 4-го відділу, з 14 серпня 1938 р.— в.о. нач. 9-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 19 квітня 1939 р. заарештований. 26 грудня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 14 лютого 1941 р. ВК ВС СРСР замінила ВМП позбавленням волі у ВТТ на 10 років. Покарання відбував у Новосибірському відділенні Сибірського ВТТ НКВС. Пізніше судимість знято. Не реабілітований.	103–104, 111–112, 121, 433, 445–448, 450–456, 458–460, 472–480, 482–489, 491–494, 496–501, 503–505, 509–519, 521–522, 525, 531, 533–538, 541–543, 546, 571, 578, 594, 600–601, 607, 613, 615
Камінський, мешканець м. Одеси, у 1938 р. був під підозрою як сіоніст.	507

Камраз Володимир Михайлович (1904–?), з 1937 р.— співробіт. УНКВС по Житомирській обл. (до 7 травня 1938 р.), у квітні 1940 р.— нач. 2-го відділення 2-го відділу УНКВС по Київській обл.; лейтенант держбезпеки.	246, 250, 281, 303, 311
Кандибін Дмитро Якович (1889–1955), у 1935–1945 рр.— член ВК ВС СРСР; бригадирськюрис, диввійськюрис, полковник юстиції.	631
Канфер-Беркович Давид Мордухович (1898–1938), відповід. контролер (з тваринництва) партколегії при УКПК по Одеській обл., з кінця 1937 р.— інструктор Одеської облспоживспілки. 21 листопада 1937 р. (за ін. даними — 5 лютого 1938 р.) заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	487–488, 490–492, 500–501, 504–505, 507, 510, 519, 522, 524, 526–527, 541, 544–545, 548, 550–551, 554, 557, 560, 568–570, 579–580, 583–585, 589–591, 627
Капельник Ісак Аврамович (1886–?), мешканець м. Одеси, чорнороб, колиш. есер. 29 червня 1938 р. заарештований, у жовтні 1939 р. звільнений.	479, 482, 536
Капинеров М. М., у 1937–1939 рр.— свідок у справі І. Баришека.	206
Карга Самуїл Абрамович, заст. голови Одеського облвиконкому. У 1937 р. покінчив життя самогубством.	480, 507
Кардаш М. П., у 1937–1939 рр.— свідок у справі П. Саросека.	208
Карен Арсентій, перший секретар Городницького райкому КП(б)У (Житомирська обл.). У 1938 р. заарештований.	406
Карлсон Карл Мартинович (1888–1938), з 1936 р.— заст. наркома внутрішніх справ УСРР, з 16 серпня 1937 р.— нач. Томсько-Асінського ВТТ НКВС; комісар держбезпеки 2-го рангу. 22 січня 1938 р. заарештований. 22 квітня 1938 р. заарештований до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	384
Карпиловський Муня Мойсейович (1905–?), у 1938–1939 рр.— нач. фінвідділу УМУ, згодом — Управління виправно-трудових таборів і колоній (УВТТК) НКВС УРСР.	242, 308, 312–313, 315, 382, 393
Карташев Митрофан Семенович (1898–?), десятник вугільного складу депо «Схід» ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 10 травня 1938 р. звільнений.	
Касьянов Данило Осипович, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	193
Касьянов Свирид Йосипович, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	193
Катусев Олександр Пилипович (1939–2000), у 1989–1991 рр.— Головний військовий прокурор і заст. Генерального прокурора СРСР; генерал-лейтенант юстиції.	440

Кац Меєр Зельманович (1880–?), працівник консервної фабрики (м. Одеса). 7 червня 1938 р. заарештований. 14 січня 1940 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років заслання до Красноярського краю.	36, 532
Кац, у 1938 р.— заст. нач. Головного управління шкіряної промисловості (м. Київ).	36, 532
Кацнельсон Зиновій Борисович (1892–1938), з 1934 р.— заст. наркома внутрішніх справ УСРР, з 29 квітня 1937 р.— заст. начальника ГУТАБ НКВС СРСР; комісар держбезпеки 2-го рангу. 17 липня 1937 р. заарештований. 10 березня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	384
Качмар (Карчмар, Корчмар) Франц Тимофійович, у 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.), трійкою при УНКВС по Сталінській обл. «засуджений» до розстрілу.	
Кашу Ігор	2, 19–25, 29, 31, 49, 635, 742
Кашук Василь Трохимович, з 20 липня 1938 р.— пом. оперуповноваж. 4-го відділу УДБ УНКВС, у липні 1939 р.— оперуповноваж. тюремного відділення УНКВС по Житомирській обл.	370
Кенгеров, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. як «член к-р сіоністської організації».	532
Кетрар Пилип Васильович (1890–?), в.о. професора і зав. кафедри генетики і селекції у м. Тираспіль (МАРСР). 27 липня 1938 р. заарештований.	174
Кириченко, у 1960 р.— пом. військового прокурора ОдВО, підполковник юстиції.	434, 440
Кирюхін, секретар ВТ військ НКВС Одеської обл. на суд. засіданні у справі М. Тягіна у серпні 1939 р., технік-інтендант 2-го рангу.	444, 461–462
Кирюшин Василь Іванович (1901–?), у грудні 1938 р.— заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	
Кисельов Микола Єгорович (1910–?), слюсар ст. Мочалинська ПівнДЗ (за ін. даними — слюсар шахти № 18 тресту Снежнянтрацит) (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 14 травня 1938 р. звільнений.	4, 75, 79, 98, 100–103, 108, 111, 116, 121, 433–434, 440
Кисельов Павло Петрович (1903–1939), з 28 травня по 15 листопада 1938 р.— нач. УНКВС по Одеській обл.; капітан держбезпеки. 15 листопада 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. 23 лютого 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	4, 75, 79, 98, 100–103, 108, 111, 116, 121, 433–434, 440
Кислюк Давид Срулевич (1900–1938), мешканець Ярунського району Житомирської обл. 3 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП, наступного дня розстріляний.	418–419, 421–422, 429–430

Китаєв Всеволод Олексійович (1911/1913–?), у 1938 р.— інспектор Наркомату освіти МАРСР і водночас директор Тираспільської вечірньої комсомольської школи дорослих. 18 червня 1938 р. заарештований.	145–146, 154–155
Китаєв Ігор Олексійович (1915–?), учитель Тираспільської школи № 9 (МАРСР). 18 червня 1938 р. заарештований.	145–146, 154–155
Киценко Олексій Аркадійович (1905–?), інструктор відділу керівних парторганів Одеського обкому КП(б)У. 13 червня 1938 р. заарештований, у вересні 1939 р. звільнений. У 1940 р.— інспектор Одеського облуправління ошадних кас.	443, 502
Кібіх, репресований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	227
Ківман Леонід Якович (Лев Янкелевич) (1913–?), з грудня 1937 р.— пом. оперуповноваж., з червня 1938 р.— оперуповноваж. 11-го відділу НКВС УРСР; з жовтня 1938 р.— оперуповноваж., з грудня 1938 р.— ст. оперуповноваж. 3-го відділу УДБ УНКВС по Тульській обл.; з травня 1939 р.— слідчий, з 25 жовтня 1940 р.— ст. слідчий Слідчої частини УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки (1938), молодший лейтенант держбезпеки (1940). У 1941 р. зник безвісти.	49–50, 108, 112, 114
Кірякі Костянтин Микитович (1886–?), мешканець м. Одеси, службовець, колишній есер.	478–479
Климин Федір Арсенійович (1900–1985), у 1938–1943 рр.— член ВК ВС СРСР; військовий юрист 1-го рангу, бригадирськюрист (1939), полковник юстиції.	631
Климов Микола Васильович (1895–?), з 1935 р.— співробіт. УНКВС по Київській обл.; з 1937 р.— т.в.о. пом. нач. 2-го відділу УДБ УНКВС, з 27 липня 1938 р.— т.в.о. нач. ВМУ, потім — нач. ВВТК і (з 15 серпня 1938 р.) нач. внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл.; старший лейтенант держбезпеки.	242, 304, 409
Климов Олексій Іванович (1917–?), з 1938 р.— співробіт. Олевського райвідділення НКВС Житомирської обл., у 1939 р.— ст. оперуповноваж. УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки.	242, 304, 409
Клігштейн (Клікштейн) Ілля Борисович, інженер Барановського парцеляного заводу (Житомирська обл.). У листопаді 1937 р. заарештований. 9 грудня 1937 р. унаслідок побиття під час допитів помер.	271, 277, 317, 348, 351–352, 355, 366
Клюєнко Андрій Степанович (1905–?), заст. редактора Одеської обласної газети «Черноморская коммуна». 29 липня 1938 р. заарештований, 13 грудня 1939 р. звільнений. У 1940 р.— зав. кабінету марксизму-ленінізму, заст. директора Одеської державної наукової бібліотеки.	443, 548, 554, 556, 580, 583, 611–612, 628–629

Кобизев Григорій Михайлович (1902–1941), з 17 лютого 1938 р.— нач. відділу кадрів НКВС УРСР, з 22 березня по 20 травня 1938 р.— нарком внутрішніх справ МАРСР, але до м. Тираспіль не виїхав, залишався на попередній роботі у Києві; з 20 травня 1938 р.— нач. УНКВС по Харківській обл. у січні 1939 р. заарештований. 15 березня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до 15 років ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ НКВС (м. Магадан). 7 грудня 1941 р. помер у тaborі. Не реабілітований.	255, 256
Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955), з жовтня 1938 р.— в.о. наркома внутрішніх справ Абхазької АРСР (Грузинська РСР), з 7 грудня 1938 р.— перший заст. наркома внутрішніх справ УРСР (до 2 вересня 1939 р.), з вересня 1939 р.— радник полпредства СРСР (резидент ІНВ ГУДБ НКВС) у Німеччині; старший лейтенант держбезпеки (23.08.1938), майор держбезпеки (28.12.1938).	3, 25–26, 29–30, 32, 34, 41, 53, 65, 69–70, 76–77, 81–83, 102, 104, 106, 116, 122, 142, 185, 567, 577
Кобулов Богдан Захарович (1904–1953), з 15 вересня 1938 р.— нач. 4-го відділу І-го управління (з 29 вересня 1938 р.— 2-го відділу ГУДБ) НКВС СРСР, з 17 грудня 1938 р.— заст. нач. ГУДБ, водночас з 22 грудня 1938 р.— нач. Слідчої частини НКВС СРСР; з 4 вересня 1939 р.— нач. ГЕУ НКВС СРСР; з 25 лютого 1941 р.— заст. наркома держбезпеки СРСР; з 30 липня 1941 р.— заст. наркома внутрішніх справ СРСР; з 14 квітня 1943 р.— перший заст. наркома держбезпеки СРСР; старший майор держбезпеки (11.09.1938), комісар держбезпеки 3-го рангу (28.12.1938), комісар держбезпеки 2-го рангу (1943).	3, 25–26, 29–30, 32, 34, 41, 53, 65, 69–70, 76–77, 81–83, 102, 104, 106, 116, 122, 142, 185, 567, 577
Ковалевський Василь В'ячеславович (1907–?), інспектор Республіканського автотоклубу Українського комітету фізкультури і спорту при РНК УРСР (м. Київ). 3 липня 1938 р. заарештований. 17 жовтня 1938 р. трійкою при УНКВС по Київській обл. «засуджений» до ВМП.	552, 577
Коваленко Георгій (Григорій) Максимович (1902–?), у 1937 р.— пом. нач., з 29 вересня 1937 р.— нач. відділення 4-го відділу УДБ, згодом — нач. одного з відділів УДБ УНКВС по Одеській обл.; у 1938 р.— т.в.о. нач. 1-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 4 квітня 1938 р.— т.в.о. нач., з 8 травня 1938 р.— нач. 3-го відділа УДБ УНКВС по Київській обл.; з 7 червня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС Дагестанської АРСР (РРФСР), з 17 липня 1939 р.— заст. наркома внутрішніх справ Дагестанської АРСР; лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1939).	501, 579, 592
Ковальов Костянтин Трохимович (1903–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ст. ім. Л. М. Кагановича, згодом — ВДТВ ст. Ворошиловград; кандидат на спецзвання. 17 серпня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до 10 років ВТТ. Не реабілітований.	37, 62–63, 65–66, 188
Ковальова, у 1938 р.— лікар (м. Київ).	37, 63, 66
Ковринська, у 1938 р.— співробітниця Київської міськради.	36

Ковшук-Бекман Михайло Хомич (1898–1971), з 22 квітня 1941 р.— нач. УНКДБ (з 31 липня 1941 р.— УНКВС) по Новосибірській обл.; з 30 грудня 1941 р.— у розпорядженні НКВС СРСР; майор держбезпеки.	127
Коган, у 1938 р. заарештований НКВС МАРСР як «член к.р. сіоністської організації».	158–159, 173, 181
Коганер, у 1938 р.— співробіт. УНКВС по Одеській обл. Заарештований НКВС УРСР.	447, 449, 455–456
Когут Андрій	2, 635, 742
Кожевников Сергій Федорович (1904–1961), з 31 серпня 1937 р.— оперуповноваж. 4-го відділу, з 1938 р.— пом. нач. 2-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 1 травня 1939 р.— ст. слідчий Слідчої частини НКВС УРСР; з серпня 1939 р.— в.о. заст., з 6 листопада 1939 р.— заст. нач. УНКВС по Вінницькій обл.; з 15 квітня 1941 р.— нач. УНКДБ по Вінницькій обл.; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1939), капітан держбезпеки (1941).	451
Кожемякін Михайло Федорович (1903–?), секретар сільради с. Слободзея (МАРСР).	146
Козицький Пилип Омелянович (1893–1960), укр. композитор, музикознавець, педагог. У 1925–1935 рр.— голова Вищого музичного комітету Наркомата освіти УСРР і викладач Харківського музично-драматичного інституту. Від 1935 р.— викладач Київської консерваторії. 23 лютого 1938 р. заарештований 3-м відділом УДБ НКВС УРСР. Обвинувачений у тому, що «є активним учасником контрреволюційної націоналістичної групи». За розпорядженням наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського його не допитували. 31 березня 1938 р. начальнику внутрішньої в'язниці УДБ НКВС УРСР було дано розпорядження про його негайне звільнення (ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, спр. 36763-фп, арк. 1–7). У 1938–1941 рр.— художній керівник Української державної філармонії. Член ВКП(б) з 1940 р. У 1941 р.— в евакуації в Уфі. Вітчим героїні Другої світової війни, санінструктора Гулі Корольової, що загинула у листопаді 1942 р. під Сталінградом. У 1943–1960 рр.— завідувач кафедри історії музики Київської консерваторії. Заслужений діяч мистецтв УРСР (1943). У 1952–1956 рр.— голова Союзу композиторів України. Нагороджений двома орденами і медалями.	
Кокін Сергій	2–3, 6–7, 10, 67, 69–71, 73, 75, 78, 83–84, 87–88, 95, 140, 263, 282, 634, 742
Коленко, у 1938 р.— співробітник НКВС МАРСР.	28
Колибанов Анатолій Георгійович (1905–1978), з травня 1938 р.— другий секретар, з січня 1939 р.— перший секретар Одеського обкому КП(б)У; у 1941 р.— член Військової ради 9-ї армії Південного фронту, член Військової ради Одеського оборонного району.	595

Коломієць (Коломійцев), учитель селищної школи ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1938 р. заарештований.	195
Коломієць Василь Дмитрович (1905–?), з серпня 1937 р. — оперуповноваж., у листопаді 1937 р. — пом. нач., у березні 1939 р. — нач. 1-го відділення ДТВ, згодом — заст. нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ, Донецька, Сталінська обл.); з лютого 1941 р. — заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.; з липня 1941 р. — заст. нач. ДТВ НКВС Південної залізниці (м. Харків).	195
Комаров-Кофман Луї Наумович (1899–?), директор Будинку інженерів і техніків (м. Одеса). У 1938 р. заарештований. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 3-х років ВТТ.	550, 558, 565–566, 589–590
Компанцев, у квітні 1940 р. — пом. Військового прокурора Військової прокуратури ОдВО, військовий юрист.	578, 583
Кондрацький Леонід Устинович (1909–?), у 1937–1938 рр. — полковий оперуповноваж. Особливого відділу НКВС 44-ї стрілецької дивізії КВО (м. Житомир); сержант держбезпеки. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 2,5 років позбавлення волі. 9 жовтня 1939 р. ВК ВС СРСР скасувала вирок і справу припинила.	74, 85, 241, 244, 248, 252–253, 268, 281, 283, 287–288, 291–292, 294, 296–300, 309–310, 318, 332–333, 341, 343, 367–368, 374–375, 378, 398–399, 403
Кондрацький, репресований УНКВС по Житомирській обл.	74, 85, 241, 244, 248, 252–253, 268, 281, 283, 287–288, 291–292, 294, 296–300, 309–310, 318, 332–333, 341, 343, 367–368, 374–375, 378, 398–399, 403
Коновалов, член ВТ військ НКВС Харківського округу на судовому засіданні у справі Г. Кочергинського у червні 1939 р.	198, 232, 236
Конончук [Георгій Федорович (1904–?)], колиш. працівник Осоавіахіму (м. Одеса). [Засуджений до 10 років ВТТ].	467, 575, 582, 597, 599, 601, 604, 613
Конончук Петро Сергійович (1908–?), у 1938–1939 рр. — оперуповноваж. 2-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., у квітні 1940 р. — нач. Ворошиловського райвідділу НКВС м. Одеси.	467, 575, 582, 597, 599, 601, 604, 613
Константинов Тихон Антонович (1898–1957), з лютого 1938 р. — в.о. голови ЦВК МАРСР, з 19 липня 1938 р. — голова Президії Верховної Ради МАРСР, з 9 травня 1940 р. — голова РНК МАРСР.	20
Коргін Борис Іванович (1887–?), машиніст депо ст. Ясинувата ПівнДЗ (Донецька обл.). 11 січня 1938 р. заарештований, 15 січня 1938 р. звільнений.	191, 212

Кордун Давид Борисович (1908–?), з 1938 р.— т.в.о. начальника 6-го, з березня 1938 р.— 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. З грудня 1938 р.— нач. цегляного заводу будівництва № 203 і Ягринського ВТТ НКВС СРСР (Архангельська обл., РРФСР). 26 січня 1941 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. ВТ військ НКВС ЗСО засуджений до 10 років ВТТ. 1 червня 1943 р. ВК ВС СРСР виконання вироку відстрочила з направленням до діючої армії. 11 серпня 1943 р. звільнений. 10 вересня 1943 р. з м. Омськ вибув на фронт. Не реабілітований.	5, 110, 122–123, 125–126, 132, 134, 437–439, 487, 494–495, 506, 511–514, 546–549, 551–554, 556–562, 564, 569–571, 574, 579–595, 599–600, 602–620, 622, 625–628, 630–633
Корнев (Капелюс) Марк Борисович (1900–1939), з 13 лютого 1937 р.— нач. УНКВС по МАРСР, з 20 липня 1937 р.— нач. УНКВС по Чернігівській обл. (по 26 лютого 1938 р.), з 23 квітня 1938 р.— пом. наркома внутрішніх справ БРСР; капітан держбезпеки (1936), майор держбезпеки (1937). 20 червня 1938 р. заарештований. 2 березня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	14, 18, 44, 47
Коротенко, у квітні 1938 р. супроводжував етап з Коростеня.	247
Короткін [И.], у 1939–1940 рр.— заст. голови ВТ військ НКВС Київського округу; військовий юрист 2-го рангу, військовий юрист 1-го рангу.	73, 464
Коротченко Дем'ян Сергійович (1894–1969), з 21 лютого 1938 р.— голова РНК УРСР, з 23 липня 1939 р.— секретар ЦК КП(б)У.	146, 241, 298, 308, 311, 338–339, 341, 354–355, 365, 373, 518
Коротченко Платон Миколайович (1902–?), у 1937–1938 рр.— нач. відділу кадрів УНКВС по Житомирській обл. У 1939 р. звільнений з органів НКВС.	146, 241, 298, 308, 311, 338–339, 341, 354–355, 365, 373, 518
Корчевський Василь Олександрович (1903–?), з 1935 р.— фельд'єгер Балтського райвідділення НКВС МАРСР.	153, 154, 174
Косарев Микола Васильович (1903–?), секретар Житомирського міськкому КП(б)У. 23 червня 1938 р. заарештований. 3 червня 1939 р. звільнений.	93–94, 272
Космачов, у 1939 р.— член ВТ військ НКВС Київського округу, старший політрук.	402, 408, 413
Костенко Федір Павлович, у 1937–1938 рр.— полковий оперуповноваж. Особливого відділу НКВС 5-ї кавалерійської дивізії 2-го кавалерійського корпусу КВО (м. Житомир).	278, 281, 288–289, 291, 294, 375
Костюк [Т.И.], у 1938 р.— свідок у справі співробітників ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ.	196
Костюшко, у 1940 р.— співробітник ВК ВС СРСР.	424
Котвасовський, репресований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ.	
Котолуб [Котолуп Сергій Прокопович (1886–?)], колиш. меншовик. У 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. [Звільнений].	533

Кочан, у 1938 р.— праців. Новоград-Волинського міськвідділу НКВС.	389
Кочергинський Григорій Ізраїлевич (1898–1939), з 21 жовтня 1937 р.— нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ, капітан держбезпеки. 20 серпня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до ВМП. 20 жовтня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	54–57, 59, 62–64, 66–67, 96, 188–192, 194, 199, 202–225, 229, 231, 233–234, 237, 239
Кочуков Омелян Никифорович (1895–1938), з вересня 1936 р.— голова Красноярського міськвиконкому. 20 липня 1937 р. заарештований. 20 липня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	521, 523
Кошарський Георгій Олександрович, у 1938 р.— військовий прокурор прикордонних і внутрішніх військ НКВС по Донецькій обл., з червня 1938 р.— по Сталінській і Ворошиловградській областях; військовий юрист 2-го рангу.	63
Кошек, у 1938 р.— викладач Київського держуніверситету.	38
Кошелев Матвій Іванович, касир ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 23 вересня 1938 р. звільнений.	216
Кошелев Сергій Дем'янович, у 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.).	216
Кравець, член ВТ військ НКВС Одеської області на судовому засіданні у справі М. Тягіна у серпні 1939 р.; сержант держбезпеки.	463
Кравченко, уповноважений КПК при ЦК КП(б)У.	500, 509
Красенко Михайло Йосипович (1901–?), службовець, секретний агент УНКВС по Одеській обл. У червні 1938 р. заарештований, 28 листопада 1938 р. звільнений.	556, 588–589, 593, 601–602, 609, 612, 629
Красов [Н.Г.], у 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.), «засуджений» до 10 років ВТТ.	194, 196, 235
Криворучко, у 1937 р.— шофер Житомирського відділу НКВС.	298, 344
Крижанівський, професор. У 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., помер у в'язниці.	506
Крикун Андрій Михайлович (1906–?), у 1937–1938 рр.— ст. наглядач Житомирської в'язниці НКВС.	358
Кринько, у 1937/1938 р.— секретний інформатор ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька обл.).	205
Кричевський, у 1938 р.— зав. районного житлового відділу (м. Київ).	35

Крук Михайло Семенович (1891–1938), головний бухгалтер Житомирського деревообробного комбінату. 4 квітня 1938 р. заарештований за обвинуваченням у приналежності до «української к-р націоналістичної повстанської організації». Внаслідок побиття на допиті помер. Після його смерті слідчу справу на нього оформили як, начебто розглянуту трійкою при УНКВС 17 квітня 1938 р. (протокол № 47).	90–91, 271, 302–303, 316, 318–320, 349–350, 355, 366, 417, 424, 428, 430
Кудрявцев, у 1938 р.— головний інженер заводу «Укркабель» (Київ).	36
Кузнецов [А. Х.], у 1938 р.— пом. Головного військового прокурора, диввійськюрис, державний обвинувач на судовому процесі у справі колишніх співробітників НКВС МАРСР у грудні 1938 р.	143, 150, 175, 178, 184, 189, 193, 195–204, 208, 214–216, 221, 224, 230–231, 233, 235–237, 529
Кузнецов Микола Митрофанович (1903–?), у 1937–1938 рр.— пом. оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево. 7 серпня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до 5 років ВТТ. Не реабілітований.	143, 150, 175, 178, 184, 189, 193, 195–204, 208, 214–216, 221, 224, 230–231, 233, 235–237, 529
Кузьменко Галина Андріївна (1896–1978), у 1918–1921 рр.— учасниця махновського революційно-повстанського руху в Україні, від 1918 г.— дружина Н. Махна. У 1921–1945 рр.— в еміграції. У серпні 1945 р. заарештована у Німеччині. У липні 1946 р. засуджена до 8 років позбавлення волі. Покарання відбувала у Дубравному таборі (Мордовська АРСР).	30, 143–145, 148–149, 151–157, 161, 165–168, 171–175, 177, 179–185
Кузьменко Степан Порфірович (1905–1939), учитель фізики і астрономії Тираспільської середньої школи № 11, секретний агент НКВС МАРСР «Фокус». 6 грудня 1938 р. заарештований. 31 грудня 1938 р. ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу засуджений до ВМП. 11 січня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	30, 143–145, 148–149, 151–157, 161, 165–168, 171–175, 177, 179–185
Кузьменков Іван Титович (1902–?), у 1938 р.— нач. Барановського райвідділу НКВС Житомирської обл., з 28 серпня 1938 р.— нач. 4-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 1 лютого 1940 р. ВТ КОВО засуджений до 3-х років ВТТ умовно.	85–87, 89–90, 95
Кузьміна Наталя	
Кукіль, у 1938 р.— бухгалтер Укрдорбудтресту (Київ).	39
Кулик, у 1943 р.— голова ВТ військ НКВС ЗСО, полковник юстиції.	561, 625, 631
Куликова, у 1943 р.— член ВТ військ НКВС ЗСО, капітан держбезпеки.	631
Курочка Лідія Федорівна (1899–?), свідок у справі співробітника УНКВС по Житомирській обл. М. Глузмана.	242, 362

Кутер Ісак Михайлович (1908–?), у 1938 р.— пом. нач. 3-го відділення Особливого відділу НКВС в/з № 5698 (м. Житомир); сержант держбезпеки. 27 лютого 1939 р. звільнений з органів НКВС.	70, 300
Кучерявенко Євген Гаврилович (1900–?), співробіт. Новоград-Волинського міськвідділу НКВС Житомирської обл.; сержант держбезпеки. У 1938 р. звільнений з органів НКВС.	332
Кушвид Михайло Сидорович (1905–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.); сержант держбезпеки.	195, 197, 230
Кушнір Борух-Меєр Срулевич (1886–?), службовець шкірнабсбуту (м. Одеса), колишній член Бунду. 17 квітня 1938 р. заарештований, 25 вересня 1939 р. звільнений.	453, 531, 607, 609
Кушнір Ізраїль Борисович (1895–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	453, 531, 607, 609
Лавренчук Лариса	635
Ладатко Андрій Степанович, нач. кар'єру «Картонаш» ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	194, 197, 209
Ладний, у 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). «Засуджений» до ВМП.	
Лазаренко, співробітник УНКВС по Житомирській обл.	248, 251
Лазоркін Михайло Йосипович (1909–?), у 1937 р.— співробітник Житомирського облуправління міліції НКВС, з 1 січня 1938 р.— ст. вахтер комендатури УДБ УНКВС, з травня 1938 р.— пом. коменданта УНКВС по Житомирській обл.	242, 281, 347
Ландсберг, лікар лікарні при Житомирській в'язниці НКВС, дружина помічника прокурора Житомирської обл. у спецсправах Я. Черкеза. У травні 1938 р. звільнена з органів НКВС.	351–352, 355
Лапкін, у 1938–1939 рр.— військовий прокурор Військової прокуратури Одеської обл. (у серпні 1939 р.— 434-ї Військової прокуратури), військовий юрист 1-го рангу.	566, 569, 573–574, 576
Лаптев Трохим Іванович, вантажник ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	193, 197, 235
Лебедев Василь Євгенович (1900–1970), з 1 жовтня 1937 р.— нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; з 1 лютого 1938 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Красноярському краю; старший лейтенант держбезпеки.	246, 249, 252, 262–263, 268, 275, 278–283, 286, 291, 293, 295–297, 299–300, 310–311, 329, 339, 341–344, 366–369, 375–377, 391

Лебензон (Лейбензон) Юзеф Ізраїлевич (1899–?), у 1937–1938 рр.— черговий Житомирської в'язниці НКВС, у грудні 1938 р.— нач. корпусу внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл.	378
Левін Абрам Маркович (1895–?), директор Одеського міськ-кпромторгу. 14 червня 1938 р. заарештований, 6 листопада 1939 р. звільнений.	531
Левкович, у 1937–1938 рр.— співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	270
Левецький Василь Якович (1894–1941), з 15 липня 1934 р.— нач. УНКВС по МАСРР, з 27 лютого 1935 р.— заст. нач. Транспортного відділу УДБ НКВС УСРР; з 9 березня 1936 р.— пом. нач., з квітня 1937 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Одеській обл.; з 31 липня 1937 р.— у розпорядженні НКВС СРСР, з 21 серпня — т.в.о. нач., з 13 вересня 1937 р.— нач. Пермського міськвідділу НКВС (РРФСР); майор держбезпеки. У червні 1938 р. заарештований. 31 травня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до 20 років ВТТ. У 1941 р. помер у Північно-Східному ВТТ НКВС. Не реабілітований.	14–15
Левченко Данило Власович (1911–?), у 1937–1938 рр.— наглядач, старший по корпусу внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл. 16 грудня 1938 р. заарештований. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 2,5 років позбавлення волі. 9 жовтня 1939 р. ВК ВС СРСР визначила вважати міру покарання умовною. Звільнений.	74, 85, 241, 244, 248, 252–253, 287, 301–303, 318, 345–346, 350, 355, 377–380, 390, 394, 396, 398–403
Лейфман Михайло Кивович (1909–?), з жовтня 1937 р.— секретар УНКВС, з лютого 1938 р.— ст. інспектор Обліково-реєстраційного відділу (ОРВ) ВМУ, з жовтня 1938 р.— нач. відділення ВВТК УНКВС по Житомирській обл.	242, 262–263, 281, 343, 378
Лемишевський, репресований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівдДЗ (Донецька обл.).	210
Ленський, у 1938 р. намічався до арешту УНКВС по Одеській обл.	624
Ленчинер Йосип Янкелевич (1907–?), касир Тираспільського театру ім. Максима Горького (МАРСР). 28 червня 1938 р. заарештований. 9 жовтня 1938 р. звільнений. Завгосп Управління у справах мистецтв при РНК МАРСР.	31, 34, 143, 147, 149, 151, 153–154, 158–160, 166, 168, 173–174, 176, 181–182
Леонов Федір Іванович, у 1938 р.— лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівдДЗ.	193, 204
Леплевський Ізраїль Мойсейович (1896–1938), з 14 червня 1937 р.— нарком внутрішніх справ УРСР, з 25 січня 1938 р.— нач. 6-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 28 березня 1938 р.— нач. 1-го відділу і заст. начальника 3-го управління, з 6 квітня 1938 р.— нач. 3-го управління НКВС СРСР; комісар держбезпеки 2-го рангу. 26 квітня 1938 р. заарештований. 28 липня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	15–16, 46, 48, 56–57, 257, 260, 314, 384, 387

Лерман Ієгуда Ісайович (1888–?), у 1939 р.— головний лікар Житомирської психіатричної лікарні і зав. нервового відділення міської лікарні м. Житомира, доцент, кандидат медичних наук.	
Лесковський, у 1937 р.— співробіт. ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (Донецька обл.).	215
Леснов-Ізраїлев Матвій Еммануїлович (1905–1940), з 1 квітня 1936 р.— нач. 4-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Київській обл., з 12 жовтня 1937 р.— заст. нач., з 5 травня 1938 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 8 січня 1939 р. заарештований. 23 квітня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. ВК ВС СРСР вирок скасувала. 29 вересня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 4 листопада 1940 р. розстріляний. Не реабілітований.	4, 78, 87, 89, 92–96, 242, 320–323, 326–328, 330–332, 341–343, 371–372, 385, 398, 415–418, 420–432
Лехов П. В., у листопаді 1938 р.— т.в.о. Військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ НКВС УРСР по Сталінській і Ворошиловградській областях, у грудні 1939 р.— військовий прокурор Військової прокуратури прикордонної і внутрішньої охорони військ НКВС по Одеській обл.; військовий юрист 1-го рангу.	64, 119, 125–126
Лисиця, у 1940 р.— слідчий Слідчої частини НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	119–120
Лисунов Данило Опанасович, у 1937–1939 рр.— парторг паровозного депо «Схід» ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька/Сталінська обл.).	210
Литвин Михайло Йосипович (1892–1938), з 15 жовтня 1936 р.— нач. відділу кадрів НКВС СРСР, з 17 травня 1937 р.— нач. 4-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 20 січня 1938 р.— нач. УНКВС по Ленінградській обл.; старший майор держбезпеки (1936), комісар держбезпеки 3-го рангу (1938). 12 листопада 1938 р. покінчив життя самогубством.	23–24
Лівшиць Олександр (Ісаак) Львович (1905–?), з 1923 р.— секретний співробітник Одеського облвідділу ДПУ, навесні 1925 р. викритий сіоністами як провокатор ДПУ; закінчив Інститут народного господарства; з 1930 р.— уповноваж. СПВ Одеського облвідділу ДПУ, з 1934 р.— доцент Всесоюзної академії зовнішньої торгівлі (м. Москва). 14 березня 1938 р. заарештований і етапований до УНКВС по Одеській обл.	448–449, 452, 456–457, 463
Лідовський Ісак Ілліч (1900–?), ст. майстер заводу ім. Жовтневої революції (м. Одеса), колиш. член Бунду. 18 квітня 1938 р. заарештований, 5 квітня 1939 р. звільнений.	450, 531
Ліньков, у 1937–1938 рр.— працівник Осоавіахіму (м. Житомир), репресований.	299

Ліфар Данило Григорович (1901–1943), з 4 серпня 1937 р.— нач. 3-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 22 квітня 1938 р.— заст. нач. УНКВС по Сталінській обл., з жовтня 1938 р.— в.о. наркома внутрішніх справ МАРСР (по 14 січня 1939 р.); капітан держбезпеки (1938). 31 липня 1939 р. звільнений в запас НКВС.	21, 63–64, 85
Лобач Олександр Акимович (1909–?), інструктор Молдавського відділення сільгоспбанку. 18 червня 1938 р. заарештований.	145–146, 154, 161–162, 170, 172, 179–180
Лобачев, у 1938 р.— об'єкт доносу секретн. співробіт. НКВС МАРСР.	154
Лобунець, у 1940 р.— член ВТ військ НКВС Київського округу.	543
Логвинов, прокурор Бердичівського р-ну Вінницької обл. У 1937 р. заарештований. У грудні 1938 р. знаходився під слідством.	266
Ломов Микола Володимирович, у 1938 р.— оперуповноваж. 2-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки.	25–26, 282
Лопатко, репресований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	209
Лошилов, у 1938 р.— пом. нач. 4-го відділення, згодом — нач. 11-го відділення НКВС МАРСР.	173
Лубовський Антон Карлович (1893–?), у 1937 р.— пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Куп'янськ–Вузлова (Харківська обл.), у 1938 р.— пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.); лейтенант держбезпеки. 10 липня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до 3-х років ВТТ. Не реабілітований.	62, 189, 193, 196, 199–200, 202, 208–211, 216, 218–219, 221, 230, 235, 237
Луговой, у 1938 р.— аспірант Київського держуніверситету.	41
Лузгін Андрій Іванович (1894–?), 27 листопада 1937 р. заарештований, 22 серпня 1939 р. звільнений. У березні 1940 р.— нач. будівельного сектору Одеського облвідділу народної освіти.	607
Лук'янов Андрій Андрійович (1904–?), з 7 лютого 1937 р.— нач. 7-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл.; з 1 жовтня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС, з 5 травня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Житомирській обл.; з 9 вересня 1938 р.— нач. Особливого відділу НКВС Одеської армійської групи (в/з 5139); лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 1 липня 1939 р. заарештований. 1 лютого 1940 р. ВТ КОВО засуджений до 10 років ВТТ. Покарання відбував у Комі АРСР. Звільнений, 31 березня 1943 р. направлений до РСЧА, рядовий. У липні 1944 р. зник безвісти. Не реабілітований.	38, 85–87, 89–90, 93–96, 102

Лукаш Микола Карпович (1911–?), зчіплювач вагонів ст. Вальянове ПівнДЗ (Донецька обл.). 13 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 22 травня 1938 р. звільнений.	219
Лукашевич [В.И.], з вересня 1938 р.— пом. військового прокурора Військової прокуратури Одеської армійської групи (в/ч 5139), у березні 1941 р.— пом. військового прокурора КОВО; військовий юрист 2-го рангу.	545, 576
Луценко Арсеній Онуфрійович (1894–?), директор Одеського педінституту. 10 червня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	518, 550, 557, 576, 598, 627
Лупало, співробітник ВТ військ НКВС Київського округу, військовий юрист 2-го рангу, головуєчий на судовому засіданні у справі співробітників УНКВС по Житомирській обл. у вересні 1940 р.	427, 430–431
Лупашенко Марія Іванівна (1915–1938). У 1938 р. заарештована УНКВС по Житомирській обл. У жовтні 1938 р. на 9-му місяці вагітності розстріляна.	91
Луценко, у 1938 р.— секретар Ленінського райкому КП(б)У м. Одеси.	609
Лучезарський Еммануїл Борисович (1902–?), нач. політвідділу 100-ї стріл. дивізії КВО. У 1938 р. заарештований УНКВС по Житомирській обл.	273
Львов, у 1937–1938 рр.— нач. 5-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; молодший лейтенант держбезпеки.	446, 453, 475–476, 485, 489, 528
Любовицький, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	480
Любченко Аркадій Опанасович (1899–1945), укр. письменник. У 1920 р. служив в Армії УНР, у 1921–1922 рр.— у Червоній армії. У 1920-ті рр. входив до складу літературних організацій «Гарт», «Вільна академія пролетарської літератури», «Політфронт». У 1930-ті рр. працював у Харківському міському комітеті письменників, займався літературною діяльністю. Обвинувачений у націоналістичних ухилах. У 1938 р. заарештований органами НКВС, згодом звільнений. Працював культпрацівником у Союзі письменників України. В окупованому нацистами Харкові друкувався в газеті «Нова Україна». У 1942 р. переїхав до Києва, у 1943 р.— до Львова. 18 листопада 1943 р. заарештований нацистською службою безпеки, понад два місяці перебував у в'язниці. Важко хворів, був звільнений. У 1944 р. виїхав до Німеччини. Помер 25 лютого 1945 р.	40

Лютков Митрофан Семенович (1905–?), з 1 листопада 1937 р.— оперуповноваж. 11-го відділу УДБ УНКВС, з 5 березня 1938 р.— т.в.о. коменданта УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 8 січня 1939 р. заарештований. 23 квітня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 3-х років ВТТ. Покарання відбув у Карагандинському ВТТ НКВС (Казахстан). 20 січня 1942 р. звільнений. У червні 1942 р. мобілізований до РСЧА. З грудня 1942 р.— у складі 10-ї, з жовтня 1943 р.— 21-ї гвардійської механізованої бригади 8-го гвардійського механізованого корпусу 1-ї гвардійської танкової армії 1-го Українського фронту, старшина роти. Нагороджений двома медалями «За бойові заслуги», медалями «За звільнення Варшави», «За взяття Берліну», «За перемогу над Німеччиною». Не реабілітований.	4, 78, 87, 91–92, 94–95, 242, 264, 273–274, 280–281, 283, 297–298, 300–301, 321, 325, 328, 337, 345, 347, 357, 367, 377, 386, 415–416, 419–420, 422–428
Лютій (Шестаковський) Микола Васильович (1899–?), з 27 вересня 1937 р.— нач. Криворізького міськвідділу НКВС, з 29 грудня 1937 р. (фактично з 15 січня 1938 р.) по 22 березня (фактично по 28 квітня) 1938 р.— нарком внутрішніх справ МАРСР, з 20 червня 1938 р.— заст. нач. Особливого відділу ГУДБ НКВС КВО; з 17 листопада 1938 р.— нач. 3-го відділу Управління Карагандинського ВТТ НКВС (Казахстан), з 13 серпня 1939 р.— нач. 3-го відділу Управління залізничного будівництва на Далекому Сході НКВС (м. Свободний, Далекосхідний край); старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1938). 20 травня 1941 р. звільнений з НКВС. З 30 серпня 1941 р.— на керівних посадах у системі ГУТАБ НКВС СРСР; підполковник держбезпеки (1943), полковник держбезпеки (1945).	14, 17–18, 28, 31, 44, 49–50, 53, 123, 152, 162, 164, 166–167, 212
Лютін Опанас Власович (1896–1937), заст. голови Красноярського крайвиконкому. 28 червня 1937 р. заарештований. 25 листопада 1937 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. 26 листопада 1937 р. розстріляний. Реабілітований.	521, 523
Лябах Ірина	635
Ляховецький (Лиховецький) Микола Іванович (1907–?), машиніст паровозного депо ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 (19) січня 1938 р. заарештований, 9 липня 1938 р. звільнений.	194, 207, 226
Мазур Меєр (Мирон) Мошкович (Мойсейович) (1904–?), з 1938 р.— пом. оперуповноваж., оперуповноваж. 1-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. 23 травня 1938 р. звільнений з НКВС. У 1939 р. відновлений на службі, з 7 жовтня 1939 р.— секретар Одеського міськвідділу НКВС; сержант держбезпеки.	110, 123, 125, 472, 486–491, 514, 525–526, 544–545, 547, 565
Майданюк Олексій Арсентійович (1904–1938), відповід. контролер (з промисловості) партколегії при УКПК по Одеській обл., згодом — зав. промислово-транспортного відділу Одеського обкому КП(б)У. 27 травня 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	520, 548, 550, 554–555, 560, 568, 572, 577, 584, 588, 591, 600, 602, 609, 615, 617, 627, 629–630

Майський (Зінов'єв) Олександр Гнатович (1903–?), з 1937 р.— нач. 3-го відділення 4-го відділу, т.в.о. заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 20 квітня 1938 р.— т.в.о. нач. 14-го відділення 3-го відділу, з 20 червня 1938 р.— т.в.о. нач. 1-го відділення 5-го відділу, у січні 1939 р.— нач. 6-го відділу УДБ НКВС УРСР; згодом — заст. нач. Особового відділу НКВС Харківського військового округу (ХВО); з 25 жовтня 1938 р.— т.в.о. нач. 6-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; з 1939 р.— нач. 2-го відділення ЕКУ НКВС УРСР; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 13 липня 1939 р. звільнений з НКВС, нач. мобілізац. відділу Наркомату лісового господарства УРСР. 21 лютого 1941 р. заарештований. 31 березня 1942 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 10 років ВТТ.	16, 446, 490, 497–498
Майський, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	16, 446, 490, 497–498
Макієвський Євген Мойсейович (1902–?), оперуповноваж., з червня 1938 р.— т.в.о. нач. 6-го відділу УДБ УНКВС; з березня по червень 1939 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Одеській обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 9 серпня 1939 р. звільнений з НКВС. 7 вересня 1939 р. заарештований. 2 липня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 29 жовтня 1940 р. Президія Верховної Ради СРСР замінила ВМП на 10 років ВТТ. Не реабілітований.	116–117, 120–121, 466, 468–469
Малахов Петро Дмитрович (1902–?), з 15 липня 1938 р.— нач. в'язниці НКВС м. Житомира, у 1939 р.— нач. тюремного відділення УНКВС по Житомирській обл.; у квітні 1940 р.— нач. в'язниці № 2 м. Перемишля Львівської обл.; молодший лейтенант держбезпеки.	241–242, 307–308, 319, 332, 349–350, 355–358, 366, 370–371, 374–375, 379, 381
Малінін Леонід Андрійович (1907–1982), з 30 квітня 1939 р.— нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПЗЗ (м. Київ), з січня 1941 р.— нач. УНКВС–УНКДБ по Одеській обл., з 30 грудня 1941 р.— нач. УНКВС по Новосибірській обл.; молодший лейтенант держбезпеки (1937), старший лейтенант держбезпеки (1939), капітан держбезпеки (1940), майор держбезпеки (1941).	98, 113, 127–130, 132, 135, 620
Малорацький Лейзер Нусинович (1906–?), з 1934 р.— комерційний агент, з червня 1937 р.— комірник Житомирської в'язниці НКВС, у 1938 р.— зав. складу ВМУ УНКВС по Житомирській обл.; у 1939 р.— зав. комори артелі громадського харчування ім. 2-ї річниці Сталінської Конституції (м. Житомир).	242, 307–308, 361, 363–366
Малука Данило Йосипович (1903–1940), з 12 жовтня 1937 р.— т.в.о. нач. 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 16 грудня 1938 р. заарештований. 23 квітня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 28 серпня 1940 р. розстріляний. Не реабілітований.	89, 95, 260, 317, 319, 321, 326, 331, 371–373, 416–418, 420–421, 425–426, 428–429
Мальцев, прокурор у м. Запоріжжя.	246, 249
Маляров Михайло Петрович (1909–1984), у 1940 р.— військовий прокурор Головної військової прокуратури.	424, 431, 544

Маніков Федір Васильович (1905–?), з 1937 р.— оперуповноваж. 3-го відділу НКВС УРСР, з 1938 р.— заст. особовоуповноваженого НКВС УРСР; сержант держбезпеки. 13 березня 1939 р. звільнений з НКВС.	253
Манько Данило Іванович (1909–1940), з 12 жовтня 1937 р.— нач. 4-го відділення 3-го відділу, з 15 липня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки. 8 січня 1939 р. заарештований. 23 квітня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 28 серпня 1940 р. розстріляний. Не реабілітований.	78, 89, 93, 95, 242, 246, 249, 261–262, 295, 327, 331, 334–335, 337–338, 341–343, 386, 398, 415–422, 424–429
Марментьев, у 1939 р.— старший секретар ВТ військ НКВС Київського округу, військовий юрист 1-го рангу.	464
Мартинов Іван Петрович (1890–?), бухгалтер Коопінторгсоюзу (м. Одеса), колишній анархіст. 28 червня 1938 р. заарештований. 17 жовтня 1939 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 3-х років ВТТ.	84–85, 100, 533
Мартинов Олександр Миколайович (1908–1964), з 7 вересня 1938 р.— нач. відділення 4-го відділу УНКВС по Сталінській обл., згодом — нач. 4-го відділення Особливого відділу НКВС КОВО, з 23 червня 1939 р.— нач. УНКВС по Житомирській обл., з 7 серпня 1940 р.— нач. УНКВС по Чернівецькій обл., з 17 квітня 1941 р.— нач. УНКДБ по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки, старший лейтенант держбезпеки (1939), капітан держбезпеки (1940).	84–85, 100, 533
Мартинчук, колиш. працівник УНКВС по Одеській обл.	436
Мартинюк Всеволод Савович (1900–1938), з 8 серпня 1937 р.— нач. Бердичівського міськвідділу НКВС; старший лейтенант держбезпеки. 16 лютого 1938 р. заарештований. Слідчі у 3-му відділі УДБ НКВС УРСР нагалися використати дружні стосунки між ним і Г. Гришиним-Шенкманом для викриття «контррев. організаційного зв'язку» між ними. 30 вересня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний.	69, 73, 245–246, 249–250, 253–254, 260–261, 266, 271, 275–276, 278, 282–283, 294, 315, 324, 329–331, 338, 363, 374, 385–386, 397–398
Марцинюк, репресований УНКВС по Житомирській обл.	301
Масліков Андрій Кузьмич (1911–?), у 1937–1938 рр.— шофер Новоград-Волинського міськвідділу НКВС Житомирської обл.	242
Масловський Абрам Григорович (1900–?), з 2 вересня 1937 р.— нач. Новоград-Волинського окрвідділу НКВС, з 1 жовтня 1937 р.— в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з 29 березня 1938 р.— у розпорядженні НКВС УРСР, згодом — нач. ВМУ УНКВС по Омській обл. (РРФСР); старший лейтенант держбезпеки. 8 квітня 1939 р. звільнений з органів НКВС.	317, 327
Масович Михайло (Мойсей) Борисович (1906–?), у 1937–1938 рр.— нач. 6-го відділення ДТВ, у 1939 р.— ст. слідчий ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ, Донецька/Сталінська обл.); молодший лейтенант держбезпеки.	195, 212–213, 221, 224–225

Матвеев Костянтин Ваніфатійович (Кондратович) (1900–?), з 1937 р.— заст. нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ), з листопада 1937 р.— нач. ВДТВ ст. Красний Лиман (Донецька обл.), з 1938 р. (згод. 18 липня) — заст. нач. ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ); лейтенант держбезпеки, старший лейтенант держбезпеки (1938).	195–197, 201, 204–205, 208, 211, 222, 226, 228
Матвеевич, колиш. офіцер, емігрант, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Засуджений до ВМП. Розстріляний.	599, 616
Матулович (Матулявичус) Іван Осипович (1895–1961), з 1933 р.— заст. голови ВК ВС СРСР, з листопада 1940 р.— голова ВТ ХВО, з серпня 1941 р.— голова військових трибуналів Південного, Північно-Кавказького, Закавказького фронтів; корвійськюрист (1936), генерал-майор юстиції (1943).	183, 423
Матусов Тигран Матусович (Матвійович) (1872–?), у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років ув'язнення.	589, 596–597
Махно Нестор Іванович (1888–1934), укр. політичний і військовий діяч, анархо-комуніст. У 1918–1921 рр.— організатор і керівник революційно-повстанського руху в Україні. Від 1921 р.— в еміграції.	152
Мацейканец Володимир Антонович (1905–?), оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ; сержант держбезпеки. 7 липня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до 5 років ВТТ. Не реабілітований.	194, 197, 199–200, 202, 207–209, 221, 226–227, 229–231, 233, 235–238
Маценко Іван Іванович, колиш. працівник міліції, у 1937–1938 рр.— редактор транспортної газети «Наш паровоз», лже-свідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.); у 1939 р.— диспетчер паровозного відділення ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Сталінська обл.).	197, 201, 209, 226–227
Мацієвський, репресований УНКВС по Житомирській області.	331
Машков Сергій Єгорович (1903–1977), з грудня 1937 р.— секретар Приазовського райкому КП(б)У Дніпропетровської обл., з 8 січня 1939 р.— нач. УНКВС по Житомирській обл., у липні–серпні 1939 р.— нач. відділення 1-го спецвідділу НКВС УРСР; капітан держбезпеки.	79, 81, 84, 98
Медведев, у 1938 р.— працівник Осоавіахіму (м. Одеса). Заарештований, згодом звільнений.	467
Меєров Володимир Леонтійович (1899–?), у 1937–1939 рр.— шофер, т.в.о. коменданта ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ).	

Межжерін Олексій Степанович (1905–1981), з квітня 1937 р.— заст. секретаря Магдалинівського райкому КП(б)У, з вересня 1937 р.— перший секретар Петропавлівського райкому КП(б)У Дніпропетровської обл., з грудня 1937 р.— зав. відділу керівних парторганів Дніпропетровського обкому КП(б)У; з травня 1938 р.— в.о. другого секретаря Одеського обкому КП(б)У, зав. відділу керівних парторганів Одеського обкому КП(б)У; з 25 липня 1938 р. по березень 1947 р.— секретар Президії Верховної Ради УРСР.	508
Меламед, професор Одеського держуніверситету. У 1938 р. заарештований.	446, 450
Меленін, у 1937–1938 рр. репресований ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (Донецька обл.).	
Мелешков Олександр Іванович (1897–1937), прокурор Одеської обл. 16 листопада 1937 р. заарештований. 28 грудня 1937 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	521, 523–524
Мельник, працівник у Житомирі, одержав догану за розповсюдження чуток про першого секретаря обкому КП(б)У М. Діденка.	332
Мельников, у 1938 р.— викладач Київського держуніверситету.	38
Мельниченко Анатолій Трифонович (1910–?), у 1938 р.— пом. нач. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., у червні 1939 р.— нач. Сталінського райвідділу НКВС м. Одеси; сержант держбезпеки.	444, 446, 450, 452–453, 455–456, 575
Мельничук, ст. інспектор 8-го відділення УДБ НКВС МАРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	17
Меркулов Всеволод Миколайович (1895–1953), з 29 вересня 1938 р.— заст. нач. ГУДБ, водночас з 26 жовтня 1938 р.— нач. 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР; з 17 грудня 1938 р.— перший заст. наркома внутрішніх справ СРСР і нач. ГУДБ НКВС СРСР; з 3 лютого 1941 р.— нарком держбезпеки СРСР; з 31 липня 1941 р.— перший заст. наркома внутрішніх справ СРСР; комісар держбезпеки 3-го рангу.	34, 41
Меркулов, у 1938 р.— зав. диспетчерського пункту Уповнаркомзв'язку (м. Київ).	34, 41
«Метельский», у 1938 р.— секретний агент УНКВС по Одеській обл.	593–594
Меткий, у 1938–1939 рр.— нач. 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Сталінській обл.	198
Милова, у 1938 р.— співробітниця Київської міськради.	
Минухін, працівник міліції м. Одеса. У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	469–470

Миронов (Каган) Лев Григорович (1895–1938), з 25 грудня 1936 р.— нач. 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, комісар держбезпеки 2-го рангу. 14 червня 1937 р. заарештований. 29 серпня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	54–55, 192, 219, 258–259
Миронов Сергій Наумович (Король Мирон Йосипович) (1894–1940), з 28 вересня 1933 р.— нач. Дніпропетровського облвідділу ДПУ, з 10 липня 1934 р.— УНКВС по Дніпропетровській обл.; з 28 грудня 1936 р.— нач. УНКВС по Західно-Сибірському краю; старший майор держбезпеки (1935), комісар держбезпеки 3-го рангу (1937). 3 серпня 1937 р.— Повноважний представник СРСР у Монголії, з квітня 1938 р.— зав. 2-м східного відділу Наркомату закордонних справ СРСР. 6 січня 1939 р. заарештований. 21 лютого 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	54–55, 192, 219, 258–259
Миронов, нач. 3-ї дистанції служби шляху ст. Артемівськ ПівндЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований.	54–55, 192, 219, 258–259
Миропольська Ципа Пейсахівна (за інш. документами — Розум'янська Раїса Борисівна) (1905–?), бухгалтер-інспектор Одеського відділення Держбанку, секретний агент УНКВС по Одеській обл. «Беба». 16 березня 1938 р. заарештована, 7 (28) лютого 1939 р. звільнена.	543
Мирошниченко Микола Аркадійович (1913–?), у 1937–1938 рр.— стрілець, пом. командира взводу стрілецької охорони Наркомату шляхів сполучення ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	197, 230
Михайленко Аркадій Каленикович (1902–1992), у 1937–1938 рр.— нач. Малинського райвідділу НКВС по Київській (з вересня 1937 р.— Житомирській) обл. 7 травня 1938 р. заарештований. 8 січня 1939 р. справу припинено, звільнений.	301, 333, 337, 609
Михайленко, у 1938 р.— партійний працівник у м. Одесі.	301, 333, 337, 609
Михайлов Віктор Якович, військовослужбовець. Заарештований УНКВС по Житомирській обл., згодом звільнений.	246, 364, 405
Михайлов, співробіт. УНКВС по Дніпропетровській обл., згодом — УНКВС по Чернігівській обл.	246, 364, 405
Мінц, у 1937–1938 рр.— фін. працівник УНКВС по Житомирській обл., у 1939 р.— нач. фінвідділу УНКВС по Полтавській обл.	242, 270, 280, 305, 307–312, 314–315, 363
Мітін Іван Варфоломійович (1895–?), вантажник ст. Дебальцево–Сортувальна ПівндЗ (Донецька обл.). 21 січня 1938 р. заарештований, 8 серпня 1938 р. звільнений.	193, 196, 210, 215–216, 235
Мітін Михайло Максимович, у 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.), виправданий.	193, 196, 210, 215–216, 235
Мітін Олександр Тимофійович, у 1937–1939 рр.— приймальник паровозів НКШС і голова дільничого комітету паровозного депо «Схід» ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.).	193, 196, 210, 215–216, 235

Могила, працівник міліції м. Одеса. У 1938 р. заарештований. ВТ військ НКВС Одеської обл. виправданий, звільнений.	468
Могилевський, у 1940 р. — секретар ВТ військ НКВС Київського округу, військовий юрист.	200
Молін, свідок у справі працівників апарату УКПК по Одеській обл.	521, 523–524
Мологов (Скрябін) В'ячеслав Михайлович (1890–1986), з 19 грудня 1930 р. — голова РНК СРСР (по 6 травня 1941 р.), водночас с 3 травня 1939 р. — нарком закордонних справ СРСР.	25, 43, 60, 76, 475
Моргун Анна	635
Мордушенко Наум Мойсейович (1895–?), у 1937–1939 рр. — лікар, нач. санчастини Житомирської в'язниці НКВС.	241, 271–274, 308, 316, 318–319, 333, 348–352, 355–356, 366, 392, 399–400
Морозов — військовий прокурор прикордонних і внутрішніх військ (згодом — військ НКВС) Київського округу, бригадійськюрист.	75–79, 81, 100, 123, 185–186, 267, 274, 546
Мосалев Микола Олексійович (1897–?), з січня 1933 р. — нач. політвідділу Баштанської МТС (Одеська обл.), з січня 1935 р. — другий секретар Херсонського міськкому КП(б)У, з березня 1936 р. — другий секретар Ленінського райкому КП(б)У м. Одеси, з серпня 1937 р. — директор Одеського цукро-рафинадного заводу. 5 липня 1938 р. заарештований, у грудні 1939 р. звільнений.	436, 443, 583, 606, 607, 629
Мошинський Казимир Феліксівич (1910–1938), агроном колгоспу с. Смолки Новоград-Волинського району Житомирської обл. Заарештований, 27 квітня 1938 р. внаслідок побиття на допиті помер.	80
Мошкович, у 1938 р. — співробіт. УНКВС по Одеській обл.	241, 244, 396, 401, 403, 486, 497–498
Мошковський Володимир Антонович (1911–?), з листопада 1937 р. — пом. оперуповноваж., з 23 березня 1938 р. — т.в.о. пом. нач., з 1 серпня 1938 р. — т.в.о. нач. 6-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. 2 липня 1939 р. звільнений з органів НКВС. Народний слідчий Гроссуловського району Одеської обл. 12 лютого 1941 р. заарештований. 26 квітня 1943 р. ВТ військ НКВС ЗСО засуджений до 7 років ВТТ з відтермінуванням виконання вироку і направленням до діючої армії. 27 травня 1943 р. вибув з м. Омська на фронт. Рядовий на Західному і 3-му Білоруському фронтах. З весни 1944 р. — секретар і дізнавач Управління фронтового приймально-пересильного табору військовополонених № 24 НКВС 3-го Білоруського фронту. 5 травня 1945 р. нагороджений медаллю «За бойові заслуги», 6 квітня 1985 р. — орденом Вітчизняної війни I ступеню. Не реабілітований.	110, 112, 122, 126, 132–133, 433, 472, 493–496, 501–503, 505, 520–521, 525–526, 534, 546, 555–556, 558–564, 575–576, 580, 585, 590, 592, 597, 615–619, 621, 626–627, 629–630
Муравський, репресований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	

Мусяловський Едуард Станіславович (1891–?), з вересня 1937 р.— оперуповноваж. ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (Донецька обл.); лейтенант держбезпеки. 11 липня 1938 р. заарештований. 16 березня 1939 р. справу припинено, звільнений.	62
Мягков Іван Федорович (1900–?), співробіт. УНКВС по Одеській обл., з 9 серпня 1938 р.— нач. 4-го відділення УДБ НКВС МАРСР; сержант держбезпеки.	26, 158, 162
Нагорний Іван Григорович (1902–1941), з 1934 р.— пом. коменданта НКВС УРСР, з 1 квітня 1937 р.— нач. внутрішньої в'язниці УДБ НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1937), старший лейтенант держбезпеки (1940). У 1941 р. загинув при обороні Києва.	40, 185–186
Нагорний, у 1938 р.— парторг видавництва «Мистецтво» (м. Київ).	40, 185–186
Назаренко Андрій Григорович (1903–?), з 11 вересня 1937 р.— нач. 8-го відділення 3-го відділу, з 4 квітня 1938 р.— нач. 8-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 4 червня 1938 р.— в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР (до 29 серпня 1938 р.); з 14 серпня 1938 р.— нач. 1-го спецвідділу НКВС УРСР, з 15 вересня 1938 р.— нач. 7-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 26 лютого 1939 р. заарештований. 23 травня 1941 р. засуджений до 10 років ВТТ.	256–257, 265, 330, 386
Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французький полководець і державний діяч, у 1804–1814 і 1815 рр.— імператор французів.	155, 171
Наседкін Віктор Григорович (1905–1950), у 1938 р.— нач. 2-го відділення, з 21 червня 1938 р.— нач. 1-го відділення 1-го відділу і пом. нач. 1-го відділу 3-го управління НКВС СРСР; з 1939 р.— пом. нач. Слідчої частини НКВС СРСР; з 7 серпня 1939 р.— заст. нач. ГЕУ і нач. 6-го відділу ГЕУ НКВС СРСР; з 26 лютого 1941 р.— нач. ГУТАБ НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки (1935), капітан держбезпеки (1939), старший майор держбезпеки (1940).	
Науменко Никифор Ілліч, у 1937–1939 рр.— свідок у справі М. Кабифи (Донецька обл.).	209
Науменко Павло Никифорович, у 1937 р.— бригадир паровозного депо ст. ім. Л. М. Кагановича (Донецька обл.), с 10 лютого 1938 р.— пом. оперуповноважен. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ.	209
Недбайло Василь Володимирович (1911–?), у квітні 1938 р.— пом. оперуповноваж. 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., у грудні 1938 р.— пом. нач. відділення Особливого відділу НКВС в/ч 4342 (м. Житомир); сержант держбезпеки.	319, 354, 409
Немчинов, у грудні 1939 р.— оперуповноваж. 1-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; сержант держбезпеки.	186–187
«Нетронутий», секретний агент НКВС (м. Одеса).	579

Нефедов (Нефьодов), заарештований органами НКВС.	521, 523–524, 537
Нечипорук, у 1938 р.— наук. співробіт. Інституту фольклору (м. Київ).	40
Нечитайло, у 1938 р.— нач. Управління місцевих бюджетів Наркомату фінансів УРСР (м. Київ).	36
Нежинський Федір, у 1938 р.— секретний агент УНКВС по Одеській обл.	592, 596, 605, 612
«Никанор» («Никонор»), провокатор царської охранки.	481, 508
Нікольський В.	54
Новаковський Нісон Шльомович (1894–1938), з листопада 1936 р.— нач. Коростенського окрвідділу НКВС і Особливого відділу НКВС 46-ї стрілецької дивізії КВО; з 22 липня 1937 р.— т.в.о. нач., нач. відділу резервів НКВС УРСР; з 3 жовтня — т.в.о. нач., з 9 листопада 1937 р.— нач. УМУ НКВС УРСР; капітан держбезпеки. 6 квітня 1938 р. заарештований. 22 вересня 1938 р. засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	392
Новиков, у 1938–1939 рр.— пом. військового прокурора Військової прокуратури Одеської обл. (у січні 1939 р.— 434-ї Військової прокуратури), полковий комісар.	506, 556, 570–571, 573, 575, 583, 589, 592–594, 596–597, 600–601, 605, 613, 615, 623
Новосельцев Сергій Федорович (1901–?), з 1937 р.— нач. адміністративно-господарського відділу (АГВ) УНКВС, з 25 червня 1938 р.— пом. нач. УНКВС по Житомирській обл.; з 1940 р.— пом. нач. УНКВС, з 14 березня 1941 р.— нач. відділу кадрів і заст. нач. УНКВС по Волинській обл.; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938).	246–247, 249–251, 264, 269–270, 272, 274, 279–280, 305, 308–310, 313–316, 328, 358, 363
Носов Василь Іустинович (1904–?), з 20 липня 1935 р. до 29 липня 1937 р.— заст. уповноваж. КПК при ЦК ВКП(б) по Одеській обл.; з 1 вересня 1937 р.— заст. нач., з лютого 1938 р.— нач. відділу Всесоюзного комітету у справах вищої школи при РНК СРСР.	288, 480–481, 488, 491–493, 502–505, 509–510, 520, 522, 537, 542, 553–554, 556, 567, 573, 579, 585–586, 608, 615, 627–628
Овчаренко, у 1938 р.— співробіт. Олевського райвідділення НКВС по Житомирській обл.	336
Овчинников Іван Пилипович (1873–?), вагар ст. Боково-Антрацит ПівндЗ (Донецька обл.). 13 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево, 14 травня 1938 р. звільнений.	192, 213, 217, 234
Огурцов, у 1939 р.— член ВК ВС СРСР.	335, 413
Одинцова [А.Л.], у 1937–1939 рр.— свідок у справі П. Саросека.	208
Ойгензілт, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	589

Олейников [И.Ф.], свідок у справі співробітників ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ, не з'явився до суду у червні 1939 р.	228, 526, 594, 602
Олейников Степан Ксенофонтович, зав. Одеського облвну-торгу. У 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП.	228, 526, 594, 602
«Омега», у 1938 р.— секретний агент УНКВС по Одеській обл.	593–594
Омельченко Михайло Олександрович (1901–?), у 1937–1938 рр.— нач. 2-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ); лейтенант держбезпеки.	195, 208, 228
Онищук Олена	635
Опрашан (Апрешан), «агент румунської розвідки».	161, 173
Орел, лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Донецька обл.).	
Оржель Данило Тимофійович, секретар Врадівського райко-му КП(б)У Одеської обл. У 1938 р. заарештований, 5 вересня 1939 р. звільнений.	502
Орлов Олександр Мойсейович (1896–1965), у 1934–1942 рр.— член ВК, у 1942–1948 рр.— пом. голови ВК ВС СРСР; диввійськюрис, корвійськюрис (1942), генерал-майор юстиції (1943).	36, 183, 257, 259
Орлов, «працівник Донбасу», заарештований.	36, 183, 257, 259
Орлов, у 1938 р.— працівник Союзфото (м. Київ).	36, 183, 257, 259
Орловський-Гороховський Федір Сергійович (1904–?), з 1936 р.— нач. 7-го (5-го) відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; лейтенант держбезпеки. 19 квітня 1939 р. заарештований. 5 червня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до примусового лікування у медично-ізоляційній установі. До серпня 1944 р. та з пере-рвами до 25 травня 1951 р. знаходився на лікуванні у пси-хіатричній лікарні. 30 червня 1951 р. Слідча частина МДБ УРСР прийняла рішення про недоцільність притягнення його до кримінальної відповідальності.	104, 106, 108, 112–114, 259, 303
Осокін Василь Васильович (1894–1960), з 29 березня 1938 р.— нач. прикордонних і внутрішніх військ НКВС УРСР, водночас з 15 листопада по 7 грудня 1938 р.— в.о. наркома внутрішніх справ УРСР; з 29 березня 1939 р.— нач. прикордонних військ НКВС Київського округу, з 29 жовтня 1940 р.— нач. Головного управління місцевої протиповітря-ної оборони НКВС СРСР; комдив (1938), генерал-лейтенант (1940).	25, 70
Остапчик (Остапчук), працівник пожежної охорони м. Одеса. У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	468, 470
Островський Іван Онуфрійович (1896–?), у 1937–1938 рр.— шофер УНКВС по Житомирській обл. Звільнений з органів НКВС за мародерство.	141, 145–146, 154–155, 161–164, 170–171, 173–174, 180, 286, 298–300, 332, 341

Островський Ілля Ісакович (1914–?), викладач школи командирів 152-го стрілець. полку (в/ч 4894) РСЧА (м. Тираспіль, МАРСР). 18 червня 1938 р. заарештований. 22 грудня 1938 р. звільнений.	141, 145–146, 154–155, 161–164, 170–171, 173–174, 180, 286, 298–300, 332, 341
Охотин Н. Г.	14, 635
Павленко Данило Антонович (1898–?), з 1930 р.— голова сільради с. Кишин Олевського району Житомирської обл. 13 вересня 1937 р. заарештований за обвинуваченням у садових злочинах. У березні 1938 р. Олевським районним народним судом засуджений до 2-х років позбавлення волі. 3 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП. Не розстріляний, 22 червня 1939 р. звільнений.	217, 417, 421, 429–430
Павленко, машиніст депо ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.), у 1938 р. репресований.	217, 417, 421, 429–430
Павликов (Павлик), у 1938 р.— нач. опергрупи по сіоністам 4-го відділу УДБ НКВС МАРСР.	158
Павличев Леонід Михайлович (1908–1942), з 20 січня 1938 р.— нач. відділення 4-го відділу, з 31 травня 1938 р.— т.в.о. пом. нач., пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28 липня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Київській обл.; з 13 жовтня 1938 р.— в.о. начальника 4-го (з 10 січня 1939 р.— 2-го) відділа УДБ НКВС УРСР; з 1940 р.— нач. мобілізац. відділу Управління шосейних доріг НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки (1938), капітан держбезпеки (1939). 13 лютого 1941 р. заарештований. 15 серпня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. У 1942 р. звільнений, направлений до діючої армії. Загинув на фронті. Не реабілітований.	142, 187
Павлович Любов, жінка без певного місця проживання. Наприкінці 1937 р. затримана і розстріляна в УНКВС по Житомирській обл.	293, 371, 548
Палецький Микола Іванович, зав. начальної школи хут. Шойки Тираспільського району МАРСР. У 1938 р. заарештований.	146
Палій, у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ).	
Палкін — прокурор військ НКВС по Новосибірській обл.	128
Пальчиков, співробіт. НКВС УРСР, у 1938 р. заарештований.	258
Панасюк, пристав (м. Одеса).	479
Панкратєв Михайло Іванович (1901–1974), з 20 травня 1938 р.— прокурор РРФСР, з 31 травня 1939 р. по 7 серпня 1940 р.— Прокурор СРСР, з жовтня 1940 р.— заст. нач. Управління військових трибуналів Наркомату юстиції СРСР.	123
Панова Марія	2, 742

Паншин Іван Михайлович (1905–?), у 1937–1938 рр.— шофер УНКВС по Житомирській обл.	241, 264, 280–281, 298–299, 308, 340–344, 368, 376
Парміт, у грудні 1938 р.— пом. військового прокурора прикордонних і внутрішніх військ УРСР, згодом — заст., у липні—серпні 1939 р.— т.в.о. військового прокурора військ НКВС Харківського округу; військовий юрист 3-го рангу, військовий юрист 2-го рангу (1939).	66, 198
Парчевський Олександр Фаустинович (1889–1938), з дворян, поляк, інженер-лісівник Олевського лісгоспу (Житомирська обл.), секретний агент НКВС «Михайлов». У ніч на 27 березня 1938 р. заарештований за обвинуваченням за ст. 54–6 КК УРСР і внаслідок побиття на допиті помер. З метою приховування його вбивства був оформлений як «засуджений» трійкою при УНКВС по Житомирській обл. 23 вересня 1938 р. до розстрілу (протокол № 6).	406, 410
Пастушенко Дементій Євстафійович (1903–1938), ветфельдшер 19-го Олевського прикордонзагону НКВС (Житомирська обл.). 26 лютого 1938 р. заарештований. 20 березня 1938 р. внаслідок побиття на допиті помер.	287, 301–303, 319, 353, 366, 405, 407, 409, 411
Пашенко, колиш. другий секретар Молдавського обкому комсомола. У 1938 р. заарештований НКВС МАРСР, згодом звільнений.	146, 154
Пашин Микола Петрович (1904–?), директор Одеського державного театру опери і балету. 30 грудня 1937 р. затриманий УНКВС по Одеській обл., завербований (секретний агент «Вердін») і звільнений.	485, 489–490, 529
Пекарський Віктор Тимофійович (1899–1938), заарештований УНКВС по Житомирській обл., 29 вересня 1938 р. розстріляний.	419
Первомайський Леонід Соломонович (Гуревич Ілля Шльомович) (1908–1973) — укр. письменник, поет, літературний перекладач. Учасник Другої світової війни: кореспондент радіомовлення Південно-Західного і Донського фронтів, військовий кореспондент газети «Правда». Лауреат Сталінської премії 2-го ступеню (за 1944 з присудженням у 1946). Член КПРС з 1954 р. Нагороджений чотирьма орденами і медалями.	35
Первухин, колиш. співробіт. НКВС МАРСР, у 1938 р.— нач. гаражу НКВС УРСР.	152–153
Перепелиця, у 1937–1938 рр.— пом. нач. 2-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ).	
Пересечний, дорожній майстер ст. Артемівськ ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1937 р. заарештований.	192
Пересунько Юхим Іванович (1886–?), колійний обхідник 6-ї дистанції служби шляху ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 25 серпня 1938 р. звільнений.	194, 196, 235

Петлюра Симон Васильович (1879–1926), укр. державний, військовий і політичний діяч; з листопада 1918 р.— Головний отаман військ УНР, у 1919–1920 рр.— голова Директорії УНР. Від 1920 р.— в еміграції.	338
Петриківський, у 1938 р.— головний інженер будівництва Київського держуніверситету.	
Петров Микита Васильович	14–15, 28, 32, 46–47, 49, 51, 53–55, 57, 59–61, 68, 85, 123, 635
Петровський Йосип Олександрович (1910–?), у 1937–1938 рр.— наглядач в'язниці НКВС м. Житомира, з березня 1938 р.— наглядач внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл., у 1939 р.— робітник на лісорозробках (Житомирська обл.).	226, 241, 302, 308, 345–346
Петровський, учитель селищної школи при ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). У 1938 р. заарештований.	226, 241, 302, 308, 345–346
Пивоваров Яків Корнійович (1906–?), у 1937–1938 рр.— секретар ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ), у 1939 р.— зав. групи відділу постачання заводу ім. 15-річчя ЛКСМ Донбасу (м. Сталіно).	195, 209
Пижик-Резник, у 1938 р. трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджена» до ВМП.	468 - 470
Пилипенко, член ВТ військ НКВС Київського округу під час суд. засідання у справі колишніх співробітників УНКВС по Житомирській обл. у червні–липні 1939 р.	241, 395, 402
Пинчук [Д.Е.], з 1934 р.— секретар Олевського райкому КП(б)У. Заарештований, у 1938 р.— в'язень Житомирської в'язниці НКВС, засуджений.	373
Писарев, у 1940 р.— секретар ВТ військ НКВС Київського округу, військовий юрист.	254–255, 261, 398, 426–427, 432, 471
Писарев-Фукс Володимир Львович (1900–1938), з 8 серпня 1937 р.— нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл. і Особливого відділу НКВС ХВО, з 22 жовтня 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Полтавській обл.; з 1938 р.— пом. нач., з 29 березня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з квітня 1938 р.— заст. нач. і т.в.о. нач. 5-го відділу УДБ НКВС УРСР; капітан держбезпеки. 22 квітня 1938 р. заарештований. 22 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний.	254–255, 261, 398, 426–427, 432, 471
Питутько Микита Іванович, у 1938 р.— оперуповноваж., у 1939 р.— пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ (Донецька, Сталінська обл.); молодший лейтенант держбезпеки.	195

Пишний Петро Олексійович (1915–?), з червня 1938 р.— оперуповноваж. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу, у 1939 р.— ст. оперуповноваж. 2-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; у 1941 р.— нач. Бобрського райвідділу НКВС по Львівській обл. 25 квітня 1941 р. заарештований. 22 липня 1941 р. ВТ військ НКВС засуджений до 5 років позбавлення волі.	444, 448, 451, 455–457, 460, 462, 472, 483–484, 486, 518, 532
Пінскер, директор єврейського театру у м. Житомирі.	272, 335
Плесцов Сергій Інокентійович (1906–1972), з 18 березня 1941 р.— заст. нач. УНКДБ (з 15 серпня 1941 р.— УНКВС) по Новосибірській обл.; з 9 липня 1942 р.— заст. нач. УНКВС по Архангельській обл.; капітан держбезпеки.	
Плюта, у 1938 р.— співробіт. УНКВС по Одеській обл.	467
Побережний, у 1938 р.— співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	
Погорелов Федір Іванович, дорожній майстер під'їзних шляхів шахти № 3 Артемівського соляного тресту. У 1937 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	206, 228, 230, 234
Погуляев Володимир Михайлович, у 1937 р.— лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ (Донецька обл.). У 1939 р.— механік ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ.	194, 206–207, 228, 235
Подкур Роман	2, 6, 8, 11, 54, 139, 635, 742
Подлипанов Петро Семенович, учень-фотограф артелі інвалідів ст. Дебальцево ПівнДЗ. У 1937 р. заарештований, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до 10 років ВТТ.	193, 197, 235
Поліванов Федір Михайлович (1905–?), нач. бюджетного управління Одеського облфінвідділу. 17 липня 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений. У березні 1941 р.— зав. водно-транспортного райфінвідділу м. Одеси.	443, 599–600, 608
Поліщук Петро Григорович, з 25 листопада 1937 р.— пом. оперуповноваж. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР, у грудні 1938 р.— секретар наркома внутрішніх справ УРСР, у 1939 — вересні 1940 р.— заст. нач. секретаріату НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	29, 354–355
Поліщук, нач. Лугинського райвідділення міліції Житомирської обл. У 1938 р. заарештований, засуджений.	29, 354–355
Поломар Дарья Самійлівна (1910–?), домогосподарка, дружина працівника Житомирської в'язниці НКВС Поломаря.	362
Поломар, у 1937–1938 рр.— співробіт. слідчого столу Житомирської в'язниці НКВС.	362
Полоротов, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	569

Полторак Йосип Веніамінович (1905–?), нач. Одеського облуправління у справах літератури і видавництва (облліту). 9 грудня 1937 р. заарештований. 26 жовтня 1939 р. Одеським обласним судом виправаний.	572, 578, 585, 589, 592, 594–595, 600, 607, 629
Поляков, член ВТ військ НКВС Харківського округу на суд. засіданні у справі Г. Кочергинського та інших осіб у червні 1939 р.	198, 205, 232, 236, 405, 407
Пономарьов Олександр Якович, бригадир водопостачання вагоноремонтного заводу ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ. У 1937 р. заарештований, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	194, 197, 208–209, 235
Попов, у 1907 р.— пристав у м. Красноярськ.	364, 381, 516, 525, 606
Попов, у 1933–1934 рр.— пом. нач. політвідділу (по комсомолу) Баштанської МТС (Одеська обл.).	364, 381, 516, 525, 606
Попов, у 1938 р.— в'язень Житомирської в'язниці НКВС.	364, 381, 516, 525, 606
Попов, у вересні 1938 р.— голова комісії з перевірки Одеського облфінвідділу.	364, 381, 516, 525, 606
Поранський, у 1938 р.— співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	336
Портной, співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	248
Потрохов Феодосій Ілліч (1899–?), з січня 1938 р.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.).	195, 208, 221
Прамнек (Прамнієкс) Едуард Карлович (1899–1938), з 24 травня 1937 р. до 8 квітня 1938 р.— перший секретар Донецького обкому КП(б)У. 9 травня 1938 р. заарештований. 29 липня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	56
Премислер (Премпслер) [С.Е.], у 1938 р.— оперуповноваж. апарату Особливоуповноваженого НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки.	57–58, 63
Приходько Микола Трохимович (1896–1953), з 27 серпня 1937 р.— т.в.о. наркома внутрішніх справ МАРСР, з 1 жовтня 1937 р. по 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.; з 28 березня 1938 р.— нач. 4-го відділу 3-го управління НКВС СРСР; капітан держбезпеки. 30 квітня 1938 р. звільнений з НКВС, начальник пароплавства «Рейдтанкер» (м. Астрахань). У 1939 р. за аварію на транспорті знятий з посади, у 1940 р. засуджений до 3-х років ВТТ. У грудні 1941 р. достроково звільнений, керівник господарських об'єктів НКВС на Уралі.	14, 18, 48
Прогацький Сергій Семенович (1889–?), робітник Одеської бондарної фабрики, колиш. есер. 3 липня 1938 р. заарештований, 7 квітня 1939 р. звільнений.	458
Прокоф'єв, у 1938 р.— головний бухгалтер Уповнаркомзв'язку (м. Київ).	39, 221

Пронін [М.Н.], у 1939 р.— заст. особливоуповноваженого НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки, лейтенант держбезпеки.	82, 124–125
Просянніков, репресований УНКВС по Житомирській обл.	331
Протасов Дмитро Якович, заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до 15 років ВТТ.	193, 234
Протасов Іван Дмитрович, ремонтний робітник служби шляху ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). Заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі.	193, 234
Протасов Михайло Дмитрович (1918–?), робітник-шлакоприбиральник депо ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). 14 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, 8 квітня 1938 р. звільнений.	193, 234
Пташний Григорій Ісаакович (1909–?), у 1938–1939 рр.— оперуповноваж. 3-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл., з 1939 р.— нач. спецвідділу Тресту ідалень м. Одеса.	444, 450–452, 457, 463
Пугачевський, у 1938 р.— юрисконсульт тресту Укрбудпром (м. Київ).	39
Пузанов — ст. слідчий Слідчої частини НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	112
Радіонов Микола Семенович (1907–?), у 1937–1938 рр.— нач. Ємільчинського райвідділення НКВС Житомирської обл., у 1939 р.— нач. відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.	242, 262, 265, 267, 323, 370, 375
Радоев Михайло Юрійович (1904–?), з 1936 р.— оперсекретар УНКВС по Одеській обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 26 липня 1937 р. заарештований, 11 жовтня 1938 р. звільнений. У 1939 р.— директор йодного заводу в Одесі.	444, 447–449, 455–456, 460, 462
Раєв Борис Ілліч (1902–?), з травня 1937 р.— нач. 4-го відділення 3-го відділу, з квітня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 26 серпня 1938 р.— співробіт. 7-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; у 1939 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл. 21 червня 1939 р. заарештований. 10 квітня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. Не реабілітований.	104, 106, 108, 111–112, 114–115, 131, 439, 443, 451
Размадзе К. С., у 1940 р.— член ВТ військ НКВС Київського округу; старший лейтенант держбезпеки.	465
Раскін, у 1938 р.— працівник Уповнаркомзв'язку (м. Київ).	41

Ратинський-Футер Аркадій Маркович (1902–1939), з 22 квітня 1937 р.— заст. нач. (з 7 серпня по 23 вересня 1937 р.— т.в.о. нач.) 5-го відділу УДБ НКВС УРСР і Особливого відділу НКВС КВО, з 20 травня 1938 р.— нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; капітан держбезпеки. 23 липня 1938 р. заарештований. 4 березня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	136
Рафальський, у 1937–1938 рр.— пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Донецька обл.); лейтенант держбезпеки.	
Рачинський Василь Порфирівич (1903–?), у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. Засуджений до ВМП.	523, 524
Резник, у 1938 р.— слідчий Слідчої частини НКВС УРСР.	256, 468–470
Резниченко Василь Харитонович (1905–?), у 1938 р.— нач. відділення і т.в.о. нач. 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 25 червня 1939 р. заарештований. 1 лютого 1940 р. ВТ КОВО засуджений до 5 років ВТТ. Не реабілітований.	216, 418
Резниченко, у січні 1938 р.— арештант ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	216, 418
Резніков Йосип Ісакович (1892–?), до 19 липня 1938 р.— пом. нач. 8-го відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 19 вересня 1938 р.— нач. обліково-реєстраційного відділу (ОРВ) УМУ НКВС УРСР, нач. 2-го відділа УВТТК НКВС УРСР; лейтенант держбезпеки. Наприкінці 1939 р. звільнений з па-са, згодом відновлений на службі.	192, 213, 219, 552, 568, 576–577, 617
Резніков Сергій Андрійович, бригадир шляху ст. Артемівськ ПівнДЗ. 28 листопада 1937 р. заарештований ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу, розстріляний.	192, 213, 219, 552, 568, 576–577, 617
Рейхман Лев Йосипович (1901–1940), з 13 лютого 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Київській обл., з 7 серпня 1937 р.— заст. нач. і т.в.о. нач. УНКВС по Харківській обл.; з 7 березня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28 березня 1938 р.— нач. 7-го відділу 1-го управління НКВС СРСР, з 29 вересня 1938 р.— нач. 1-го відділу ГЕУ НКВС СРСР; майор держбезпеки. 24 жовтня 1938 р. заарештований. 25 січня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	254
Ремізов, нач. 1-го відділення Особливої інспекції відділу кадрів НКВС СРСР, майор держбезпеки.	127
Ремов-Поберьозкін Наум Анатолійович (1902–1939), з 28 листопада 1937 р.— т.в.о. пом., з 26 лютого 1938 р.— т.в.о. нач. 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з 15 серпня 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР, згодом — т.в.о. заст. нач. 3-го відділу УДБ НКВС Туркменської РСР; лейтенант держбезпеки. 16 січня 1939 р. заарештований. 22 серпня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 29 листопада 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	4, 75, 79–81, 83–85, 89, 273–274, 296, 301–302, 319–320, 322, 327, 334, 389, 404–414

Рено, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. як учасник «к-р організації “Молода генерація”».	503
Реутський, у 1939 р.— пом. Головного військового прокурора.	
Рехтер, заарештований органами НКВС (травень 1938 р.).	256, 273
Рибаков Йосип Юхимович (1905–?), з літа 1937 р.— нач. 1-го відділення 3-го відділу, з 29 червня 1938 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; лейтенант держбезпеки. 19 квітня 1939 р. заарештований. 10 квітня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 21 вересня 1941 р. Президія Верховної Ради СРСР ВМП замінила на 10 років ВТТ з направленням до діючої армії. У липні 1959 р. мешкав у м. Одеса. Не реабілітований.	103–106, 108, 112, 114–116, 131, 137, 246, 303, 439, 443
Рибалко, у 1938 р.— співробіт. УНКВС по Одеській обл.	479–480, 512
Рибалко, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	479–480, 512
Рибчук Михайло Іванович (1895–?), пом. директора з господарської частини Одеського медичного інституту. 16 липня 1938 р. заарештований, у листопаді 1939 р. звільнений.	551, 557, 575–576, 588, 598, 614, 627
Ривкін, у 1938 р.— політрук ВУПа Вознесенського району Одеської обл., трійкою при УНКВС «засуджений» до розстрілу.	467, 469
Рильський Максим Тадейович (1895–1964), укр. поет, літературний перекладач, літературознавець, громадський діяч. У 1920-ті рр. належав до літературного об'єднання «неокласиків», представників якого було піддано репресіям. 19 березня 1931 р. заарештований, майже рік перебував в ув'язненні в Лук'янівській в'язниці (м. Київ), згодом звільнений і взятий під оперативний нагляд. У подальшій творчості продемонстрував активне сприйняття радянської дійсності, опублікував 35 поетичних збірників. Пережив Великий терор, зокрема у 1938 р. завдяки заступництву першого секретаря ЦК КП(б)У М. Хрушова. У 1941 р.— в евакуації в Уфі (нині — Республіка Башкортостан), а потім у Москві. Член ВКП(б) з 1943 р. Директор Інституту мистецтвознавства, фольклору і етнографії АН УРСР (1944–1964). Академік АН УРСР (1943) і АН СРСР (1958). Лауреат Сталінської премії 1-го (1943) і 3-го ступенів (1950), Ленінської премії (1960). Нагороджений п'ятьма радянськими і польським орденами. Першим радянським орденом (орденом Трудового Червоного Прапора) нагороджений 31 січня 1939 р., через місяць після цитування його висловлювань у доповідних записках А. Кобулова.	35, 40

Рівлін Лазар Ісаакович (1900–?), з 8 вересня 1937 р. по липень 1938 р.— заст. наркома, у серпні, жовтні 1937 р.— січні 1938 р., квітні–травні 1938 р.— т.в.о. наркома внутрішніх справ МАРСР; з липня 1938 р.— т.в.о. пом. нач. 3-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки. 7 жовтня 1938 р. звільнений з НКВС, заст. директора Центрального будинку народної творчості УРСР (м. Київ). 10 жовтня 1939 р. заарештований. 28 грудня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. Покарання відбував у Темниківському ВТТ (Мордовська АРСР). У серпні 1942 р. звільнений і направлений до діючої армії. 19 жовтня 1943 р. Військовою радою МВО судимість знята. У серпні 1944 р.— старший сержант РСЧА. Не реабілітований.	14, 16–18, 28, 30, 44–45, 49–54, 152–153, 164, 167
Рогинець — військовий прокурор прикордонних і внутрішніх військ по Київській обл., військовий юрист 1-го рангу.	71
Рогинський А. Б.	59, 102
Рогинський Григорій Костянтинович (1895–1959), з квітня 1935 р.— другий заст. Прокурора СРСР. У серпні 1939 р. знятий з посади, 5 вересня 1939 р. заарештований. Засуджений до 15 років ВТТ.	59, 102
Роголь Марк Павлович (1905–1941), з 23 січня 1937 р.— заст. нач., з 20 липня 1937 р.— в.о. нач. УНКВС по МАРСР; з 4 серпня 1937 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київській обл.; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1937). 6 квітня 1938 р. заарештований. 1 червня 1939 р. направлений на примусове лікування до Київської психіатричної лікарні ім. академіка І. П. Павлова. 29 жовтня 1939 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років заслання до Казахстану. 11 січня 1940 р. ОН при НКВС СРСР на зміну попереднього рішення направлений на примусове лікування. 18 жовтня 1941 р. розстріляний у Києві нацистами. Реабілітований.	14, 18, 44, 47
Роголян, свідок у справах ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	208
Роднянський Михайло Захарович (1878–?), мешканець м. Одеси, пенсіонер. 29 червня 1938 р. заарештований, 19 червня 1939 р. звільнений.	484
Розанов (Розенбардт) Олександр (Абрам) Борисович (1896–1937), з 31 березня 1935 р.— нач. УНКВС по Одеській обл., з 14 червня 1937 р.— нач. УНКВС по Воронежській обл.; старший майор держбезпеки. 11 липня 1937 р. заарештований. 7 вересня 1937 р. засуджений в особливому порядку до ВМП. Розстріляний.	98–99, 449, 460
Розенберг Альберт Петрович (1893–?), з 1 серпня 1937 р.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівндЗ; лейтенант держбезпеки. 5 квітня 1938 р. заарештований. 30 червня 1939 р. ВТ військ НКВС Харківського округу засуджений до 10 років ВТТ. Не реабілітований.	62–63, 65–66, 188–189, 193, 195, 198–199, 201–202, 204–206, 208, 212, 214, 221–222, 224–225, 227–232, 234, 236–237, 333, 450, 452, 457–458, 589

Розенберг Йосип Львович (1892–?), охоронець Одеського хлібозаводу № 5. 18 червня 1938 р. заарештований, у 1939 р. звільнений.	62–63, 65–66, 188–189, 193, 195, 198–199, 201–202, 204–206, 208, 212, 214, 221–222, 224–225, 227–232, 234, 236–237, 333, 450, 452, 457–458, 589
Розенберг, невизначений.	62–63, 65–66, 188–189, 193, 195, 198–199, 201–202, 204–206, 208, 212, 214, 221–222, 224–225, 227–232, 234, 236–237, 333, 450, 452, 457–458, 589
Розенман (Роземан) Олександр Ілліч (1899–?), з осені 1935 р.— нач. СПВ УДБ Новоград-Волинського окрвідділу НКВС Київської обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 22 червня 1937 р. звільнений з органів НКВС.	265
Розенфельд Семен Калманович (1912–?), у 1938 р.— пом. оперуповноваж. і секретар 4-го відділення УДБ НКВС МАРСР.	151, 153–154, 165–166, 173–174, 181
Розізной, у 1938 р.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.); сержант держбезпеки.	195
Розовський Наум Савелійович (1898–1942), з 1935 р.— в.о. Головного військового прокурора, з лютого 1936 р.— Головний військовий прокурор РСЧА; корвієськюрист (1935), армвійськюрист (1938). 7 вересня 1939 р. заарештований. 16 червня 1941 р. ВК ВС СРСР засуджений до 10 років ВТТ. 10 квітня 1942 р. помер у таборі. Реабілітований частково.	92
Романов Микола Федорович (1895–1938), директор Одеського кранобудівного заводу ім. Січневого повстання. У 1937 р. заарештований. 17 січня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП.	533
Ромасько О. С., племінниця колишнього нач. УНКВС по Одеській обл. П. Кисельова.	441, 443
Роспутько (Распутько) Василь Дмитрович (1898–?), у 1938 р.— прокурор Житомирської обл. 31 грудня 1938 р. заарештований НКВС УРСР. 23 січня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 4-х років ВТТ. Не реабілітований.	77, 88, 94
Росман Джеффі	2–3, 7, 10, 19, 54–55, 140, 634, 742
Ротенберг Елля Аронович (1895–?), з липня 1937 р.— бухгалтер, згодом — головний бухгалтер, нач. фінчастини Житомирської в'язниці НКВС.	241, 278, 307–308, 357–361, 365–366, 375, 381–383
Рубан Петро Іванович, у 1938 р.— в'язень Житомирської в'язниці НКВС.	353, 380

Рудакс Ольга Йосипівна (1902–?), у 1937 р. заарештована УНКВС по Одеській обл. 2 листопада 1937 р. ОН при НКВС СРСР «засуджена» до 8 років ВТТ.	579–580
Рудман Аврум Менашевич, мешканець Ярунського р-ну Житомирської обл. У 1938 р. заарештований. 3 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП. Помилково відправлений етапом до Полтавської в'язниці НКВС, 4 вересня 1939 р. звільнений.	418
Рудман Айзик Менашевич, мешканець Ярунського р-ну Житомирської обл. У 1938 р. заарештований. 3 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП. Помилково відправлений етапом до Полтавської в'язниці НКВС, 4 вересня 1939 р. звільнений.	418
Руднева Софья Марківна (1896–?), у 1938 р.— співробітниця 1-го спецвідділу, у серпні 1939 р.— нач. 2-го відділення 1-го спецвідділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	459
Рудоксль, у 1938 р. заарештована УНКВС по Одеській обл., засуджена.	501
Русалов Трохим Сергійович, у 1937 р.— секретар Дебальцевської міськради, з 15 січня 1938 р.— співробіт. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька обл.). У 1939 р.— співробіт. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Ворошиловград ПівндЗ (Ворошиловградська обл.).	198, 203, 228
Русанов Я. Ф., член ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу на суд. процесі у справі співробітників НКВС МАРСР у грудні 1938 р.; лейтенант.	150, 178, 183, 228
Рябець Михайло Андрійович (1904–?), у червні 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., згодом звільнений. У лютому 1941 р.— заст. голови Ленінської райради м. Одеси.	555, 558, 560, 614, 616, 629
Рязанцев, у 1941 р.— в.о. помічника військового прокурора військ НКВС Київського округу; військовий юрист 3-го рангу.	126, 561
Савенко Микола Максимович, у 1937–1938 рр.— машиніст водочапки ст. Дар'івка ПівндЗ (Донецька обл.).	210
Савицька Надія Давидівна (1900–?), у 1937–1939 рр.— продавець магазину «Гастроном» ст. ім. Л. М. Кагановича, секрет. співробіт. і лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька, Сталінська обл.).	194, 206, 225–227
Савін Андрій	2, 6–7, 9, 97–98, 126, 130, 133–134, 136, 438, 512, 574, 608, 635, 742
Савін, у 1938 р.— співробіт. УНКВС, у серпні 1939 р.— слідчий Слідчої частини УНКВС по Одеській обл.; сержант держбезпеки.	2, 6–7, 9, 97–98, 126, 130, 133–134, 136, 438, 512, 574, 608, 635, 742

Савченко Яків Омелянович (1883–?), конюх ТПО ст. Дар'ївка ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 13 травня 1938 р. звільнений.	193, 196, 235
Сагін — нач. Слідчої частини НКВС УРСР.	115
Сагінур Абрам Давидович, ст. інспектор Тираспільського міськвідділу народної освіти (МАРСР). У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	146
Садалюк Тимофій Григорович (1913–?), директор школи у с. Близький хутір Тираспільського району МАРСР. У липні 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. звільнений.	24–27, 30–31, 33, 96, 143, 146, 151, 153–154, 158–159, 163, 166, 168–170, 172, 179–180
Салацький — слідчий Слідчої частини НКВС УРСР.	127, 130
Сальников Віктор Феоктистович (1912–?), з квітня 1938 р. — співробіт. 2-го відділення, з травня 1938 р. — 5-го відділення, згодом — пом. нач. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу УНКВС по Одеській обл.; у березні 1939 р. — пом. нач., у червні 1939 р. — т.в.о. нач. відділення ЕКВ УНКВС по Одеській обл.; згодом — нач. відділення УНКВС по Житомирській обл.; молодший лейтенант держбезпеки.	435, 437, 444, 452–455, 463, 478, 485, 499
Самарін Григорій Іванович (1889–1938), з травня 1937 р. — секретар партколегії при УКПК, згодом — в.о. уповноваженого КПК при ЦК ВКП(б) по Одеській обл. 27 лютого 1938 р. заарештований. 23 вересня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	480–481, 487–488, 490–492, 494, 496–498, 500–501, 503–504, 507–508, 510, 521–526, 535–537, 541, 544–545, 548, 550, 557, 575–576, 584, 601, 615–616
Самойленко, колиш. співробіт. УНКВС по Одеській обл.	249, 259
Самойлов-Бесидський Самуїл Ісакович (1900–1938), з січня 1937 р. — заст. нач., з жовтня 1937 р. — т.в.о. начальника 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 7 березня 1938 р. — у розпорядженні НКВС СРСР; майор держбезпеки. 25 квітня 1938 р. заарештований. 27 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	44, 265
Сандул Анатолій Данилович (1910–?), інспектор Тираспільського міськвідділу народної освіти (МАРСР).	146
Сапір Абрам Володимирович (1900–1957), з 21 грудня 1936 р. — нач. УНКВС по МАСРР, з 13 лютого 1937 р. — пом. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; капітан держбезпеки. 21 лютого 1938 р. заарештований. 23 вересня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу виправданий, звільнений. 25 червня 1941 р. заарештований. 21 серпня 1943 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років ВТТ. У квітні 1945 р. достроково звільнений. 28 лютого 1955 р. Кримським облсудом засуджений до 15 років позбавлення волі. У вересні 1957 р. помер у місяцях позбавлення волі. Реабілітований.	14, 44, 46–47

Сарницький (Сорницький) Адольф Васильович (1885–1938), колгоспник Новоград-Волинського р-ну Житомирської обл. Навесні 1938 р. заарештований. 7 травня 1938 р. внаслідок побиття на допиті помер.	80, 410–411
Саросек Павло Йосипович, зав. складу залізничних запасних частин ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ. У 1937 р. заарештований, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі.	194, 197, 208, 235
Сафонов Петро Сергійович (1907–1974), з серпня 1938 р. — перший секретар Красно-Баварського райкому Харківського міськкому КП(б)У; з 14 січня 1939 р. — нарком внутрішніх справ МАРСР; з 3 вересня 1939 р. — нач. УНКВС по Харківській обл.; капітан держбезпеки.	85
Сафронов Я. К., у 1937–1939 рр. — свідок у справі П. Саросека.	208
Сачек Семен Іванович, телеграфіст-радист ст. ім. Л. М. Кагановича ПівнДЗ. У 1937 р. заарештований, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до розстрілу.	194, 196, 206–207, 226, 228, 235
Свиницький Франц Августович, заарештований УНКВС по Житомирській обл., 4 жовтня 1938 р. розстріляний.	419
Северин Михайло Северинович (Боровик Мойша Шльомович) (1895–1938), з 16 червня 1937 р. — т.в.о. нач., з 26 липня 1937 р. — нач. відділу кадрів НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1937). 15 лютого 1938 р. заарештований. 22 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	260, 368, 385, 398
Семега, у 1938 р. — секретний агент УНКВС по Одеській обл.	617
Семенов Михайло Михайлович (1902–?), колиш. оперуповноваж. СПВ УНКВС по МАСРР, звільнений з органів НКВС, у 1938 р. — працівник комісії у справах релігійних культів при ЦВК МАРСР.	7, 27, 287, 316, 325–327, 332, 347, 368
Семенов, у 1937–1938 рр. — уповноваж. при керівництві УНКВС по Житомирській обл.	7, 27, 287, 316, 325–327, 332, 347, 368
Семко Григорій Опанасович (1902–?), колиш. бригадир котельників пасажирського депо ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.), пенсіонер. 12 січня 1938 р. заарештований, 16 січня 1938 р. звільнений.	191, 212
Сенкевич Іван Хомич (1899–?), зав. Одеського облфінвідділу. 3 липня 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений. У 1940 р. — нач. Одеської обласної контори Сільгоспхімснабу.	281, 302, 436–439, 472, 486, 512–513, 515–519, 526–527, 536, 542, 548, 551, 553, 566–567, 569, 571, 573–576, 578–579, 582–584, 587–588, 590, 593–599, 602–603, 608, 623, 627–629

Сенкевич Роман Степанович (1909–?), у 1938 р.— наглядач внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС по Житомирській обл.	281, 302, 436–439, 472, 486, 512–513, 515–519, 526–527, 536, 542, 548, 551, 553, 566–567, 569, 571, 573–576, 578–579, 582–584, 587–588, 590, 593–599, 602–603, 608, 623, 627–629
Сергеєва, у 1939 р.— діловод ВК ВС СРСР.	184
Сергеєва-Кисельова, вдова П. Кисельова.	184
Серебряков-Ступницький Абрам Мойсейович (1886–?), у 1938 р.— нач. торгово-промислового відділу УНКВС по Одеській обл.; лейтенант держбезпеки. 15 квітня 1938 р. заарештований, 15 квітня 1939 р. звільнений. У лютому 1941 р.— зав. групи мінеральних добрив і ядохімікатів Одеського сільгоспхімснабу.	444–445, 447–449, 452, 462, 553, 560, 590, 599, 629
Середа, у 1943 р.— судовий секретар ВТ військ НКВС ЗСО; лейтенант юстиції.	545, 561, 625
Сечкін, колиш. червоний партизан. У 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	436
Серов Іван Олександрович (1905–1990), з травня 1936 р. по січень 1939 р.— слухач Військової академії РСЧА ім. М.В. Фрунзе; з 9 лютого 1939 р.— заст. нач., з 18 лютого 1939 р.— нач. ГУРСМ НКВС СРСР; з 29 липня 1939 р.— нач. 2-го відділу ГУДБ і заст. начальника ГУДБ НКВС СРСР; з 2 вересня 1939 р.— нарком внутрішніх справ УРСР; з 25 лютого 1941 р.— перший заст. наркома держбезпеки СРСР, з 31 липня 1941 р.— заст. наркома внутрішніх справ СРСР; майор держбезпеки (15.02.1939), старший майор держбезпеки (30.04.1939), комісар держбезпеки 3-го рангу (04.09.1939).	118, 123–124, 127, 457, 476, 478, 482–483, 531
Сиваковська, авторка доносу в УНКВС по Житомирській обл. на дружину начальника Бердичівського міськвідділу НКВС В. Мартинюка.	338
Симон, заарештований УНКВС по Житомирській обл.	338, 372
Сингаївський, у 1938 р.— працівник УНКВС по Житомирській обл.	346
Сингарець, можливий свідок у справі Ф. Ігнатенка.	247

Синегубов Микола Іванович (1895–?), з 1937 р.— пом. нач. 6-го відділу ГУДБ, з 16 червня 1938 р.— заст. нач. 1-го відділу 3-го управління (з жовтня 1938 р.— Головного транспортного управління) НКВС СРСР; з 5 серпня 1939 р.— нач. слідчої частини і заст. нач. ГТУ НКВС СРСР; капітан держбезпеки (1935), майор держбезпеки (1939). З 25 березня 1942 р.— заст. наркома шляхів сполучення СРСР. Наприкінці 1958 р. виключений з партії «за фальсифікацію слідчих матеріалів і застосування незаконних методів при допиті заарештованих у період його роботи у 1937–1939 рр. у Головному транспортному управлінні НКВС СРСР», у січні 1959 р. позбавлений звання Героя Соціалістичної Праці, орденів і медалей.	
Синько Михайло Іванович (1901–?), з вересня 1937 р.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.), з 14 вересня 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки.	207–208, 226–228, 230
Сировський, член ВТ військ НКВС Одеської обл. на суд. засіданні у справі М. Тягіна у серпні 1939 р.	463
Сиротін Григорій Іванович (1896–?), робітник служби шляху ст. Дар'івка ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівндЗ, згодом звільнений.	218
Сис Володимир Георгійович (1909–?), співробіт. відділу кримінального розшуку Житомирського облуправління міліції НКВС. 26 березня 1938 р. заарештований УНКВС по Житомирській обл.	
Сібаторов, у 1943 р.— член ВТ військ НКВС ЗСО; майор держбезпеки.	561, 625, 631
Скоркін К.В.	14–15, 28, 32, 46–47, 49, 51, 53–55, 57, 60–61, 68, 85, 123, 635
Скрипник Василь Мефодійович (1897/1898–1938), нач. Коростенського міського (окружного) відділу міліції Житомирської обл. 27 квітня 1938 р. заарештований. У ніч на 26 червня 1938 р. внаслідок побиття під час допиту в УНКВС по Житомирській обл. помер.	76, 91, 271, 287, 428
Скульський Яків, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., згодом як помилково заарештований звільнений.	453

Славін Андрій Дмитрович (1904–?), з 1 жовтня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Полтавській обл.; з 26 лютого 1938 р.— у розпорядженні НКВС УРСР; з 27 березня 1938 р.— пом. нач. 8-го (обліково-реєстраційного) відділу УДБ НКВС УРСР; з 14 серпня 1938 р.— в.о. заст. нач., з 15 вересня 1938 р.— фактично нач. 1-го спецвідділу НКВС УРСР; з 31 грудня 1938 р.— заст. нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; лейтенант держбезпеки. 25 березня 1939 р. звільнений з НКВС. 5 квітня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 4-х років позбавлення волі. 15 серпня 1941 р. засуджений до 10 років ВТТ.	16
Смаглюк Григорій Григорович (1905–?), зав. сільського-сподарського відділу редакції одеської обласної газети «Черноморская коммуна». 5 листопада 1938 р. заарештований, у серпні 1939 р. звільнений.	554, 629
Смелянський Микола Григорович (Ніколаєв Натан Гершевич) (1897–1938), з 1 червня 1937 р.— нач. Особливого відділу НКВС 46-ї стрілецької дивізії КВО (м. Коростень), з січня 1938 р.— співробіт. УНКВС по Житомирській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 11 червня 1938 р. заарештований. 23 вересня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	266, 300, 328–330, 398
Смирнов Георгій	423, 431, 635
Смирнова, у 1940 р.— член ВК ВС СРСР.	423, 431
Смолій В.А.	13
Смоляков, у 1938 р.— лікар ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.).	201
Снижевський, секрет. співробіт. НКВС МАРСР. Заарештований, згодом звільнений.	168
Собко Вадим Миколайович (1912–1981) — укр. письменник, драматург. Член ВКП(б) з 1940 р. Учасник Другої світової війни. Під час штурму Берліну військами Червоної армії важко поранений. Лауреат Сталінської премії (1951) і Державної премії УРСР ім. Т. Г. Шевченка (1975). Нагороджений вісьмома орденами, а також медалями.	35
Соколінський Давид Мойсейович (1902–1940), з 3 квітня 1937 р.— нач. УНКВС по Донецькій обл., з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Челябінській обл.; старший майор держбезпеки. З 21 квітня 1938 р. по лютий 1939 р.— нач. Центрального управління морського нафтоналивного флоту Наркомату водного транспорту СРСР. У 1939 р. заарештований. 19 січня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	212
Соколов, у 1938 р.— пом. нач. 6-го (транспортного) відділу ГУДБ НКВС СРСР; капітан держбезпеки.	56, 225, 229
Соловійов, заст. наркома освіти МАРСР.	127–128
Соловійов, у 1941–1942 рр.— нач. Томського міськвідділу НКВС; лейтенант держбезпеки.	127–128

Солошек Максим Якович (1903–1985), з червня 1937 р.— перший секретар Благодатнівського райкому КП(б)У Одеської обл.; з січня 1938 р.— зав. сільськогосподарського відділу, з лютого 1938 р.— другий секретар Одеського обкому КП(б)У. 20 травня 1938 р. заарештований. У жовтні 1939 р. засуджений до 5 років ВТТ. Покарання відбув у ВТТ № 321 (Вяцький ВТТ, ст. Кай Уральської залізниці, Кіровська область).	481
Сорока (Сорокін), у 1938 р.— сокамерник Г. Гришина-Шенкмана у в'язниці НКВС и. Києва.	246, 249
Сороковик Володимир Федорович (1900–1938), відповід. контролер (із заготівель і радянсько-кооперативної торгівлі) партколегії при УКПК по Одеській обл. 18 лютого 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	481, 504–505, 523–524, 526, 548, 550, 553–554, 568, 570, 580, 584–585, 589, 591, 627–628
Соснов Менаш Мошкович (1905–?), з 1936 р.— вахтер тюрподу, з 1938 р.— наглядач Житомирської в'язниці НКВС. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 3-х років ВТТ умовно. Не реабілітований.	4, 71, 74, 241, 244, 248, 252–253, 263, 275, 280, 282, 289–292, 294, 299–300, 304, 311, 328, 337, 341, 344, 357, 366–367, 369, 374–377, 390–391, 394–396, 398–403, 532
Соснов Яків Йосипович (1908–?), сортувальник лісу Одеського лісопильного заводу. 18 червня 1938 р. заарештований, 23 червня 1939 р. звільнений.	4, 71, 74, 241, 244, 248, 252–253, 263, 275, 280, 282, 289–292, 294, 299–300, 304, 311, 328, 337, 341, 344, 357, 366–367, 369, 374–377, 390–391, 394–396, 398–403, 532
Сосюра Володимир Миколайович (1897/1898–1965), укр. поет, письменник і перекладач. У 1917–1919 рр. служив в Армії УНР, згодом — у Червоній армії. Член КП(б)У з 1920 р. Намагався поєднувати у своїй творчості вірність ідеалам соціалістичної революції і український патріотизм, культивував любовну лірику. Перебував під оперативним наглядом органів ДПУ–НКВС УРСР, пережив Великий терор. У 1941 р.— в евакуації в Уфі. У 1942 р. працював в Українському радіокомітеті у Москві, в 1943 р.— в редакції фронтової газети «За честь Батьківщини». У 1944 р. написав вірш «Любіть Україну», за який у 1951 р. був звинувачений у «буржуазному націоналізмі». Лауреат Сталінської премії 1-го ступеню (1948), Державної премії УРСР ім. Т.Г. Шевченка (1963). Нагороджений п'ятьма орденами і медалями. Першим орденом («Знак Пошани») нагороджений 5 березня 1939 р., через два місяці після цитування його висловлювань у доповідній записці А. Кобулова.	35

Спектор Марк Борисович (1903–1985), з 8 травня 1937 р.— заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл.; з 4 серпня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС, з 22 жовтня 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Одеській обл.; з березня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 26 травня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Київській обл.; з липня 1938 р.— нач. 6-го відділу, з 20 серпня 1938 р.— 7-го відділу 2-го управління НКВС СРСР; з 29 вересня 1938 р.— заст. нач. 10-го відділення 4-го (2-го) відділу ГУДБ НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1937).	450, 452
Спетковський, у 1938 р.— співробіт. Укрдорбудтресту (м. Київ).	40
Спирidonов-Вавилов Віктор Федорович (1900–?), мешканець м. Херсона, бухгалтер. У 1935 р. заарештований за фінансові зловживання і засуджений за ст. 68 КК УСРР до 5 років позбавлення волі. Покарання відбував у 5-й будколонії НКВС (м. Запоріжжя) і Софіївській сільськогосподарській колонії НКВС (Дніпропетровська обл.), де 28 серпня 1936 р. на нього було заведено слідчу справу за обвинуваченням у проведенні антирадянської агітації і вихвалання «ворогів народу» (ст. 54–10 КК УСРР). У грудні 1936 р. переведений до Дніпропетровської в'язниці НКВС, у березні 1938 р.— до Київської в'язниці НКВС, у червні 1938 р.— до Одеської в'язниці НКВС. З липня 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл. У 1939 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років ВТТ, згодом звільнений.	436, 443, 583, 601, 606–607
Ставнюк Ірина	635
Сталін (Джугашвілі) Йосип Віссаріонович (1879–1953), з 1922 р.— генеральний секретар ЦК РКП(б)–ВКП(б), з 10 лютого 1934 р.— секретар ЦК ВКП(б), водночас з 6 травня 1941 р.— голова РНК СРСР.	7–9, 21–22, 25, 29, 37–38, 40–43, 55–56, 60, 62–66, 76–79, 124, 137–138, 177, 189, 198, 232, 320, 515, 573, 622
Старовойт Олександр Іванович (1906–?), з вересня 1938 р.— перший секретар Андрє-Іванівського райкому КП(б)У Одеської обл.; з 15 січня 1939 р.— нач. УНКВС по Одеській обл., капітан держбезпеки. У січні 1941 р. звільнений з посади.	98, 103, 116–118, 566–567, 569, 624
Степанов Михайло Архипович (1900–1940), з 20 липня 1937 р.— заст. наркома внутрішніх справ УРСР; старший майор держбезпеки. 31 січня 1938 р. заарештований. 9 червня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до 12 років ВТТ. Помер у Північному залізничному ВТТ НКВС (Комі АРСР).	16–17, 157, 265, 480, 491, 633
Степанов Михайло Дементійович, до липня 1937 г.— Уповноважений КПК при ЦК ВКП(б) по Одеській обл.; з листопада 1937 р.— керівний працівник, згодом — управляючий тресту Спиртотара Наркомату харчової промисловості СРСР (м. Москва).	16–17, 157, 265, 480, 491, 633
Степанов, у 1938 р.— оперуповноваж. 4-го відділу УДБ НКВС МАРСР.	16–17, 157, 265, 480, 491, 633

Степанов, у 1943 р.— пом. секретаря ВК ВС СРСР; лейтенант адмслужби.	16–17, 157, 265, 480, 491, 633
Степанський Федір Андрійович (1902–?), у 1938–1939 рр.— нач. 1-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; сержант держбезпеки. Звільнений з органів НКВС. У квітні 1940 р.— без роботи, у травні 1941 р.— зав. торговельного відділу Коростишівської райспоживспілки Житомирської обл.	526, 544
Стефанов Олексій Георгійович (1902–1967), з 28 лютого 1939 р.— особливоуповноважений НКВС СРСР, з 7 березня 1941 р.— заст. нач. відділу кадрів, нач. Особливої інспекції НКДБ (з 11 серпня 1941 р.— НКВС) СРСР; майор держбезпеки (1939), старший майор держбезпеки (1940).	127
Стефанський, професор, доктор медичних наук (м. Одеса).	533
Стрешний Георгій Єрмолайович (1900–1940), з травня 1937 р.— в.о. голови ЦВК МАРСР, з лютого 1938 р. по 9 травня 1940 р.— голова РНК МАРСР.	20
Строкан Григорій Терентійович (1890–?), охоронець Одеського заводу Постачзбиту. 14 червня 1938 р. заарештований, у 1939 р. звільнений.	457–458
Строкач Тимофій Амвросійович (1903–1963), з липня 1938 р.— нач. 25-го Молдавського прикордонзагону НКВС (м. Тирасполь), водночас у вересні–жовтні 1938 р.— т.в.о. наркома внутрішніх справ МАРСР; майор держбезпеки.	25
Стругачов Аркадій Абрамович (1901–?), у 1937–1938 рр.— т.в.о. нач. адміністративно-господарського відділу (АГВ), згодом — нач. відділу фельдзв'язку УНКВС по Житомирській обл., у 1939 р.— нач. Житомирського облвідділу зв'язку.	70
Стукановський Анатолій (Адольф) Павлович (1903–?), з 12 жовтня 1937 р.— т.в.о. нач. 2-го відділення 4-го відділу, у 1939 р.— нач. 3-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 22 вересня 1939 р. звільнений з органів НКВС.	252, 322, 371–373
«Сумін», у 1938 р.— секретний агент НКВС УРСР.	568, 576–578, 617, 623
Суслін [А.Г.], член ВК ВС СРСР; диввійськюрист (1940), генерал-майор юстиції (1943).	431, 544, 631
Суслов Іван Тимофійович (1899–?), директор зернорадгоспу ім. А. В. Луначарського (м. Вознесенськ, Одеська обл.). 17 липня 1938 р. заарештований, 5 листопада 1939 р. звільнений.	566–567, 572–573, 588, 595, 603–604
Сухов Олександр Опанасович (1881–1944), зав. кафедри фізичної географії Одеського держуніверситету, викладач Одеського педінституту; професор. 18 березня 1938 р. заарештований. 17 листопада 1939 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років ВТТ. Реабілітований.	451, 479
Сухомлинов Зиновій Андрійович (1901–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Куп'янськ ПівнДЗ (Харківська обл.); молодший лейтенант держбезпеки.	196

Схіна, журналіст (1938).	39
Тарасенко, у 1938 р.— співробітник 6-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.	467
Тарасов Степан Ніконович (1893–1955), з 1937 р.— другий секретар Московського міськкому ВКП(б), з жовтня 1937 р.— перший секретар Організаційного бюро ЦК ВКП(б) по Рязанській обл.	78
Тарлавський Давид Меєрович (1898–?), мешканець м. Одеса, службовець. 3 липня 1938 р. заарештований. У 1940 р. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 5 років ВТТ.	456–457, 463
Тарнавський Петро Костянтинович (1905–?), секретар парткому Одеського облвідділу народної освіти. 9 червня 1938 р. заарештований, згодом звільнений. У березні 1941 р.— директор Центральної театральної каси м. Одеси.	502–503, 551, 587
Татусь Наталя	635
Твердохлебенко Олексій Михайлович (1905–?), з липня 1938 р.— заст. нач. відділення 8-го відділу 1-го управління НКВС УРСР, з 29 серпня 1938 р.— в.о. особливоуповноваженого НКВС УРСР, у 1940 р.— нач. 1-го відділу ЕКУ НКВС УРСР; лейтенант держбезпеки (1938), старший лейтенант держбезпеки (1939).	70, 109, 460, 485
Телешев Григорій Галактіонович (1902–1978), з 3 березня 1938 р.— нач. УНКВС по Харківській обл., капітан держбезпеки; з 4 травня 1938 р. по січень 1939 р.— перший секретар Одеського обкому і міськкому КП(б)У.	109, 468, 486, 495, 501, 508, 515, 517–518, 520, 567
Теплицький Іоель-Янкель Йосевич (1908–?), зав. відділу партійного життя редакції Одеської обласної газети «Черноморская коммуна». 1 серпня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	548, 554, 566, 569, 584, 588, 601–602, 604–605, 612
Тепляков Олексій	2, 6–7, 9, 97–98, 126, 130, 133–134, 136, 635, 742
Терешук Андрій Трохимович (1910–?), у 1937–1938 рр.— наглядяч внутрішньої в'язниці УДБ УНКВС, пом. коменданта УНКВС (з господарської частини) по Житомирській обл.	247–248, 300, 347
Терзман Ірина Іванівна (1911–?), з лютого 1938 р.— домробітниця, з літа 1938 р.— працівник ВМУ УНКВС по Житомирській обл., наглядячка промколонії.	241, 393
Терпиловський Сергій Васильович, голова Бердичівської міськради (Вінницька обл.). Заарештований.	323
Тимонов Микола Іванович (1914–?), з 11 березня 1938 р.— пом. оперуповноваж. 5-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., у червні 1939 р.— оперуповноваж. Особливого відділу НКВС в/з 8966 (м. Бориспіль, Київська обл.); сержант держбезпеки.	409

Тимошек Георгій Гнатович (1901–?), у 1937 р.— оперуповно-важ., у 1938 р.— нач. 5-го відділення, у 1939 р.— заст. нач. 2-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівндЗ (м. Артемівськ).	195–197, 204, 214, 219–221
Тимошенко Григорій Антонович (1905–?), у 1937–1938 рр.— комендант УДБ УНКВС по Житомирській обл., згодом — співробітник для оперативних доручень 1-го відділу НКВС УРСР, пом. відповід. коменданта будівлі ЦК КП(б)У у Києві; старшина. 8 лютого 1939 р. заарештований. 4 липня 1939 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 8 років ВТТ. Не реабілітований.	70, 72, 74, 85, 241–242, 246, 250, 252–253, 262–263, 267–270, 274–275, 277, 279, 281–288, 290–293, 296, 298–299, 301, 304, 309–311, 313–315, 318, 321, 325, 327–328, 332, 334–347, 357–361, 364, 366, 368–369, 374, 376–378, 382, 386–387, 389, 391, 394–399, 401–403
Тимченко [А.Г.], у 1937–1939 рр.— свідок у справі Ф. Погорелова.	206
Тичинський Йосип Костянтинович (1901–1938), заарештований УНКВС по Житомирській обл., 5 жовтня 1938 р. розстріляний.	419
Ткач, у 1937 р.— співробіт. УНКВС по Одеській обл.	246, 303
Ткаченко Іван Максимович (1910–1955), з 20 квітня 1938 р.— пом. нач. 8-го відділення 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 5 квітня 1939 р.— нач. 1-го відділу ЕКУ НКВС УРСР; з 15 березня 1940 р.— в.о. начальника, з 17 червня 1940 р.— нач. 2-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 23 серпня 1940 р.— заст. наркома внутрішніх справ УРСР, з 15 квітня 1941 р.— заст. наркома держбезпеки УРСР; лейтенант держбезпеки (1938), старший лейтенант держбезпеки (1939), майор держбезпеки (1940).	113, 152–153, 518, 571, 603
Ткаченко Іван Остапович (1890–?), зав. відділу комунального господарства Одеського облвиконкому. У липні 1938 р. заарештований.	113, 152–153, 518, 571, 603
Ткаченко, у 1938 р.— нач. АГВ НКВС МАРСР; сержант держбезпеки.	113, 152–153, 518, 571, 603
Ткачук Юхим Пантелеймонович (1897–1937), зав. контори «Заготскот» (м. Коростень Житомирської обл.). 25 липня 1937 р. заарештований. 3 листопада 1937 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП. 4 листопада 1937 р. розстріляний. Реабілітований.	245, 250, 259–260, 317, 321–324, 326, 336, 347, 366, 371–374, 385
Токар, у 1938 р.— журналіст (м. Київ).	36
Толмачов Микола Гурович (1895–1919), політичний працівник РСЧА, один з перших військових комісарів РСЧА.	

Томін Олександр Сократович (1903–?), з 1937 р. по 28 травня 1938 р.— нач. промислового відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Київській обл., водночас: з 26 травня 1937 р.— нач. слідчої частини Уманської міжрайонної оперативної групи НКВС, з 3 лютого 1938 р.— нач. Уманської міжрайонної слідчої групи УНКВС по Київській обл.; з 28 травня 1938 р.— нач. 3-го відділу УДБ НКВС МАРСР і т.в.о. заступника наркома внутрішніх справ МАРСР (до 29 червня 1939 р.); молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1938). 4 вересня 1939 р. заарештований. 6 лютого 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 6 років ВТТ. 13 серпня 1942 р. достроково звільнений.	50, 242, 261
Томін Олексій Сократович (1910–?), з 12 жовтня 1937 р.— оперуповноваж. 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з 25 червня 1938 р.— т.в.о. нач. Особливого відділу НКВС 68-ї авіабригади (в/з 8963) КОВО (с. Скоморохи, Житомирська обл.; з осені 1939 р.— на території Західної України); молодший лейтенант держбезпеки (1938), лейтенант держбезпеки (1939).	50, 242, 261
Тонконог Михайло Євстахійович (1903–?), 29 вересня 1937 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., у травні 1939 р. звільнений. У 1940 р.— зав. сектору політосвіти Одеського облвідділу народної освіти.	583, 606, 629
Трифанов, у 1938 р.— юрисконсульт торгпосередконтори (м. Київ).	37
Трифонов [Г.И.], член ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу на суд. процесі у справі співробітників НКВС МАРСР у грудні 1938 р., політрук.	150, 178, 183
Троїцький Олександр Нилович (1898–1939), з 3 травня 1937 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Оренбурзькій обл., з 3 вересня 1937 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Східно-Сибірській, з 1 жовтня 1937 р.— УНКВС по Іркутській обл.; з 20 травня 1938 р.— заст. нач., з 23 липня — фактично нач. 3-го відділу УДБ (1-го управління) НКВС УРСР, з жовтня 1938 р.— заст. нач. УНКВС по Київській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 15 листопада 1938 р. заарештований. 7 березня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний.	435, 442
Тростянецький, юрисконсульт облконтори Укрхарчснабу (м. Київ).	38
Троцький (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), з 1923 р.— нарком з військових і морських справ СРСР і голова Реввійськради СРСР, з 1925 р.— голова Державного концесійного комітету при РНК СРСР. Наприкінці 1927 р. звільнений з посади і виключений з ВКП(б). У січні 1928 р. висланий з Москви до Алма-Ати (Казахстан), у лютому 1929 р.— до Туреччини. Перебуваючи на еміграції, продовжив боротьбу проти Й. Сталіна. 28 серпня 1940 р. в наслідок замаху агента НКВС помер у Мексиці.	263

Трубников Володимир Матвійович (1907–1979), з 28 листопада 1938 р.— нач. Рибницького райвідділу НКВС, з 17 липня 1939 р.— заст. наркома, з 3 вересня 1939 р.— нарком внутрішніх справ МАРСР; з 7 серпня 1940 р.— нач. УНКВС по Житомирській обл., з 15 квітня 1941 р.— нач. УНКДБ по Чернівецькій обл.; старший лейтенант держбезпеки (1939).	
Труш, секретар ВТ військ НКВС Київського округу під час судового засідання у справі В. Калюжного у грудні 1940 р.	471, 540
Тульський Юхим Володимирович (1903–?), зав. агітаційно-пропагандистського відділу Одеського міськкому КП(б)У. У 1937 р. заарештований. 25 вересня 1937 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний.	529
Турін, прокурор Одеської обл. 9 лютого 1937 р. покінчив життя самогубством.	481, 492, 506–507, 523
Тухачевський Михайло Миколайович (1893–1937), з 1936 р.— перший заст. наркома оборони СРСР, з 11 травня 1937 р.— командувач військами Приволзького військового округу; Маршал Радянського Союзу. 24 травня 1937 р. заарештований. 11 червня 1937 р. Спеціальною судовою присутністю Верховного суду СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	155, 171
Тучков Євген Олександрович (1892–1957), у 1938 р.— заст. особливоуповноваженого НКВС СРСР; майор держбезпеки. 10 жовтня 1939 р. звільнений з НКВС.	58
Тушев Михайло Сергійович (1906–1939), з 1938 р.— нач. відділення, з 7 червня 1938 р.— т.в.о. заст. секретаріату НКВС УРСР, згодом — секретар Особливого відділу НКВС КОВО; молодший лейтенант держбезпеки. 16 листопада 1938 р. заарештований. 20 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	435, 442
Тягін Микола Михайлович (1905–?), у 1938 р.— нач. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; лейтенант держбезпеки. 19 квітня 1939 р. заарештований. 25 серпня 1939 р. ВТ військ НКВС Одеської області засуджений до 7 років ВТТ. Не реабілітований.	4–5, 7, 103–109, 111, 126, 131, 435, 444–446, 449, 451–464, 475, 478, 484–486, 529–532, 553, 557, 579, 599, 629
Улановський В., співробіт. НКВС МАРСР, у 1938 р.— нач. відділення у центральному апараті НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки.	152
Ульріх Василь Васильович (1889–1951), у 1926–1948 рр.— голова ВК ВС СРСР, водночас з 1935 р.— заст. голови Верховного суду СРСР; армвійськюрист (1935).	74, 92, 135, 183–184, 402, 413
Ульянов, у 1938 р.— колиш. політпрацівник РСЧА.	38
Уманський Аврум Мордкович (1900–?), мешканець м. Одеси, діловод. 15 липня 1938 р. заарештований, у грудні 1939 р. звільнений.	532
Урсіні, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл.	500

Успенський Олександр Іванович (1902–1940), з 16 березня 1937 р.— нач. УНКВС по Оренбурзькій обл., з 25 січня 1938 р.— нарком внутрішніх справ УРСР; старший майор держбезпеки (1935), комісар держбезпеки 3-го рангу (1938). 14 листопада 1938 р. втік з Києва, переховувався. 15 квітня 1939 р. заарештований. 27 січня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	16–17, 20–24, 28, 42–43, 48, 67–69, 75, 79, 101, 103, 240, 254–255, 258, 262, 268, 272, 322, 325, 375, 384, 392, 477, 483
Устинський Матвій Федорович, у 1939 р.— співробіт. Артемівського міськвідділу НКВС Сталінської обл.; лейтенант держбезпеки.	199, 208, 221
Фадеев Іван Васильович (1902–?), у 1937–1938 рр.— пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.), у вересні 1938 р.— червні 1939 р.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Ворошиловград ПівнДЗ (Ворошиловградська обл.); лейтенант держбезпеки.	195–196, 215, 221, 223–224, 246, 264, 433, 472, 483, 496–497, 503, 506, 518–519, 539, 576, 598
Фадеев Олександр Конянтинович (1906–?), у 1938 р.— оперуповноваж. в'язниці НКВС м. Бердичів Житомирської обл. 30 вересня 1938 р. заарештований. 19 грудня 1938 р. ВТ військ НКВС засуджений до позбавлення волі. 7 вересня 1944 р. звільнений з Північно-Східного ВТТ НКВС.	195–196, 215, 221, 223–224, 246, 264, 433, 472, 483, 496–497, 503, 506, 518–519, 539, 576, 598
Фадеев Семен Федорович (1914–?), з листопада 1937 р.— співробіт. 1-го відділення, пом. нач. 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; у грудні 1939 р.— квітні 1940 р.— нач. 2-го відділення Особливого відділу НКВС ОдВО, згодом — нач. Особливого відділу НКВС Керченського гарнізону; молодший лейтенант держбезпеки.	195–196, 215, 221, 223–224, 246, 264, 433, 472, 483, 496–497, 503, 506, 518–519, 539, 576, 598
Фат'янов Віктор Григорович (1904–?), з 6 липня 1937 р.— інспектор при начальнику УНКВС, у 1938 р.— нач. 2-го відділення 4-го (2-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 28 квітня 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР, з 19 червня 1938 р.— нач. відділення 3-го відділу Самарського ВТТ НКВС (м. Куйбишев).	446, 451, 453
Федорін Михайло Ананійович, з 1929 р.— нач. відділу кадрів ст. Дар'івка ПівнДЗ, наприкінці 1937 р. брав участь у допитах свідків у слідчих справах ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.).	201–202, 208, 218–219, 221
Федоров Микола Миколайович (1900–1940), з 20 липня 1937 р.— нач. УНКВС по Одеській обл., з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Київській обл.; з 28 березня 1938 р.— нач. 4-го відділу 2-го управління НКВС СРСР, водночас з квітня 1938 р.— т.в.о. начальника 2-го управління НКВС СРСР; з 28 травня 1938 р.— нач. 2-го управління НКВС СРСР; комбриг. 20 листопада 1938 р. заарештований. 3 лютого 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	4, 78, 87, 89, 93–96, 98–99, 317, 415, 423, 427, 431–432

Федоров Михайло Єрмолайович (1900–1940), з 14 березня 1938 р. — т.в.о. нач., з 7 квітня 1938 р. — нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; старший лейтенант держбезпеки. 8 січня 1939 р. заарештований. 29 вересня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 4 листопада 1940 р. розстріляний. Не реабілітований.	4, 78, 87, 89, 93–96, 98–99, 317, 415, 423, 427, 431–432
Федоров-Берков Федір Самсонович (Самойлович) (1900–?), з березня 1935 р. — секретар і інспектор при начальнику УНКВС по Житомирській обл.; заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 12 серпня 1937 р. — заст. нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл.; з 6 квітня 1938 р. — у розпорядженні НКВС УРСР; з 2 червня 1938 р. — т.в.о. пом. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28 липня 1938 р. — у розпорядженні НКВС СРСР; у 1939 р. — інспектор ГУТАБ НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки. 17 червня 1939 р. заарештований. 8 березня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до 10 років позбавлення волі.	4, 78, 87, 89, 93–96, 98–99, 317, 415, 423, 427, 431–432
Федосєєв С.	23
Федотов, у 1937 р. — співробіт. УНКВС по Житомирській обл.	291
Фельденкрайз-Бронштейн Лизавета, родичка Л. Троцького. У 1937 р. заарештована УНКВС по Житомирській обл., розстріляна.	263
Фельдман Мойсей (Мойше) Вольфович, мешканець Ярунського району Житомирської обл. У 1938 р. заарештований. 3 листопада 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до ВМП. Помилково відправлений етапом до Полтавської в'язниці НКВС, 15 липня 1939 р. звільнений.	241, 276, 285, 349, 351–352, 355, 415, 418, 423
Фельдман Софія Захарівна (1905–?), з 16 жовтня 1937 р. — ординатор, згодом — зав. відділення і заст. головного лікаря лікарні Житомирської в'язниці НКВС.	241, 276, 285, 349, 351–352, 355, 415, 418, 423
Фельдман, член ВТ військ НКВС Київського округу на суд. засіданні у справі співробітників УНКВС по Житомирській обл. у квітні 1940 р.	241, 276, 285, 349, 351–352, 355, 415, 418, 423
Филиппський Андрій Васильович (1910–?), коваль 12-ї дистанції шляху ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). 14 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, 14 червня 1938 р. звільнений.	205
Филипченко Павло Петрович (1901–?), ст. оглядач вагонів ст. Антрацит ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ, 14 травня 1938 р. звільнений.	192, 195, 213, 234
Фишерман Борис Ісакович (1907–?), пом. міського прокурора, т.в.о. міського прокурора м. Одеси. У 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до 15 років ВТТ.	574
Філонов, у 1938 р. — нач. 3-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ).	201, 228

Фішбейн, у 1938 р.— інженер «Кольорметобробки» (м. Київ).	37
Фішман, у 1938 р.— партпрацівник у м. Одесі.	609
Фомічов, у 1939 р.— голова ВТ військ НКВС Одеської обл., військовий юрист 3-го рангу.	107–108
«Фотеско», у 1937 р.— секретний агент УНКВС по Дніпропетровській обл.	245–246, 250, 258–259, 267, 374
Франц Ісаак Наумович (1908–?), з лютого 1938 р.— оперуповноваж., згодом — т.в.о. нач. відділення 3-го відділу УДБ УНКВС, станом на 31 травня 1939 р.— заст. нач. слідчої частини УДБ УНКВС по Житомирській обл.; сержант держбезпеки.	94
Фрейдін Борис Соломонович (1900–1938), відповід. контролер (з промкооперації, комунального господарства і торгівлі) партколегії при УКПК по Одеській обл. 6 березня 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виїзною сесією ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	524, 526, 548, 550, 554, 560, 584, 586, 589, 600, 602, 604, 609, 627, 629
Френкель Михайло Веніамінович (1888–1938), у 1937–1938 рр.— керуючий будинками (нач. квартирного відділу) АГУ НКВС УРСР. 28 лютого 1938 р. заарештований. 8 березня 1938 р. в наслідок побиття під час допиту помер.	258
Фриновський Михайло Петрович (1898–1940), з 15 квітня 1937 р.— перший заст. наркома внутрішніх справ СРСР і начальник ГУДБ (з 28 березня по 8 вересня 1938 р.— 1-го управління) НКВС СРСР; комкор (1935), командарм 1-го рангу (1938). 6 квітня 1939 р. заарештований. 4 лютого 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Не реабілітований.	56–57
Фролов (Янкельсон) Володимир Григорович (1899–?), з 9 вересня 1934 р.— нач. відділення Особливого відділу (за ін. даними — 3-го) відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з травня 1936 р.— заст. нач. Особливого відділу, з 3 січня 1937 р.— заст. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Вінницькій обл., у 1937 р. працював у слідчій групі ГУДБ НКВС СРСР; з лютого 1938 р.— заст. нач. відділення 5-го відділу ГУДБ (за ін. даними — 3-го відділу 1-го управління) НКВС СРСР; старший лейтенант держбезпеки. 17 липня 1938 р. заарештований. ОН при НКВС СРСР «засуджений» до 3-х років позбавлення волі. Після відбуття покарання з грудня 1941 р.— співробітник 2-го відділу НКДБ СРСР. 3 травня 1942 р.— на зафронтовій роботі. У травні 1943 р.— лютому 1944 р.— заст. командира партизанського загону НКДБ СРСР «Переможиці» з розвідки. 3 серпня 1944 р.— на табірній роботі в системі НКВС СРСР.	257, 264–265, 267, 398, 509
Фролов, у 1938 р.— нач. Цебриківського райвідділу НКВС Одеської обл.	257, 264–265, 267, 398, 509
Хаджинов Костянтин Федорович (1901–?), зав. льдопункту ст. Дебальцево—Сортувальна (Донецька обл.), секретний агент ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ. 12 січня 1938 р. заарештований, 26 березня 1938 р. звільнений.	192, 195, 208, 219–221, 224

Харченко Карпо Андрійович (1904–?), секретар Одеського облвиконкому. 7 липня 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений.	338, 443, 514, 526
Харченко Кирило Семенович (1907–?), у 1937 р. — нач. Янушпільського райвідділення НКВС Житомирської обл., у 1938 р. — нач. відділу мір і вагів УНКВС по Житомирській обл.; лейтенант держбезпеки. 16 квітня 1938 р. заарештований, 22 лютого 1939 р. звільнений.	338, 443, 514, 526
Хачатурян, у 1938–1939 рр. — пом. військового прокурора військ НКВС Київського округу, військовий юрист 1-го рангу.	45, 69, 83, 108–109, 408, 464
Хвостенко Терентій Акимович (1887–?), конюх НЖЧ-5 ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 11 червня 1938 р. звільнений.	193, 196–197, 235
Хименко Іван Сергійович (1906–?), з 28 серпня 1938 р. — нач. Коростенського райвідділу НКВС Житомирської обл.; сержант держбезпеки.	371
Хлевнюк О.	25
Хмельницький Євген, колиш. директор Тираспольської середньої школи № 8, у 1938 р. заарештований НКВС МАРСР, згодом звільнений.	146, 161
Ходарев Олександр Степанович (1904–?), у 1937–1938 рр. — оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.); молодший лейтенант держбезпеки.	195, 215, 224
Ходос, «керівник к-р сіоністського підпілля» в МАРСР.	168
Холоденко Антон Іванович (1880–?), конюх поліклініки при ст. Дебальцево ПівнДЗ (Донецька обл.). 23 листопада 1937 р. заарештований, 19 лютого 1938 р. звільнений.	193, 197, 235
Хомутовський Віктор Дмитрович (1910–?), колгоспник Хоченського колгоспу Олевського р-ну Житомирської обл. У лютому 1938 р. заарештований.	406
Хомутовський Дмитро Матвійович (1875–?), колгоспник Хоченського колгоспу Олевського р-ну Житомирської обл. У лютому 1938 р. заарештований.	406
Хорошко Іван Хомич (1882–?), столяр дистанції шляху ст. Сентянівка ПівнДЗ (Донецька обл.). 14 січня 1938 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, 14 червня 1938 р. звільнений.	206
Хромой, оперуповноваж. [1-го відділення] 4-го відділу УДБ НКВС УРСР.	142
Хропко Віталій	635

Хрущов Микита Сергійович (1894–1971), з 1934 р.— перший секретар Московського міськкому і обкому ВКП(б); з січня 1938 р.— в.о. першого секретаря, з червня 1938 р.— перший секретар ЦК КП(б)У; водночас з квітня 1938 р.— перший секретар Київського обкому КП(б)У; з січня 1938 р.— кандидат в члени, з березня 1939 р.— член Політбюро ЦК ВКП(б); у 1941–1944 рр.— член військових рад Південно-Західного напрямку, Південно-Західного, Сталінградського, Південного, Воронежського і 1-го Українського фронтів; генерал-лейтенант; залишався на партійних посадах, водночас з лютого 1944 р. по грудень 1947 р.— голова РНК (з 15 березня 1946 р.— Ради міністрів) УРСР; з грудня 1949 р.— перший секретар Московського міськкому і обкому ВКП(б) (до березня 1953 р.) і секретар ЦК ВКП(б); з 7 вересня 1953 р.— перший секретар ЦК КПРС, водночас з 27 березня 1958 р.— Голова Ради міністрів СРСР. У жовтні 1964 р. відсторонений від влади.	22, 25, 27, 30, 33, 37, 39, 43, 77–78, 140
Папенко, працівник міліції м. Одеса. У 1938 р. заарештований, трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджений» до ВМП.	467–468, 470
Цехмейстрюк — нач. Особливого відділу НКВС в/з 5875; молодший лейтенант держбезпеки.	100
Цибулько Л.Д., у 1937 р.— свідок у справі М. Кабифи.	209
Цигельман Мойсей Давидович (1905–1942), з 1 лютого 1937 р.— пом. оперуповноваж. апарату Особливогоуповноваженого НКВС УРСР, з 1 січня 1938 р.— оперуповноваж. 4-го відділення 2-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл., з 4 серпня 1938 р.— оперуповноваж. 8-го відділу НКВС УРСР, з 1 травня 1939 р.— ст. слідчий Слідчої частини УДБ НКВС УРСР, з 1 травня 1941 р.— ст. оперуповноваж. 2-го відділення 2-го відділу 2-го управління НКДБ УРСР; 1 липня 1941 р. відряджений до 3-го відділу НКВС Південно-Західного фронту, заст. нач. Особливого відділу НКВС в/ч 3077 ПЗФ; сержант держбезпеки (1936), молодший лейтенант держбезпеки (1939). Зник безвісти.	117
Цикалов, у 1937–1938 рр.— лжесвідок ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ (Донецька обл.).	205
Цирульницький Михайло Михайлович (1904–1963), з 20 квітня 1937 р.— пом. нач. 3-го, у серпні 1937 р.— 1-го відділення, з 27 вересня 1937 р.— т.в.о. нач. 2-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 2 березня 1938 р.— секретар УНКВС, з 20 квітня 1938 р.— пом. нач. 4-го відділу УДБ, з 1939 р.— заст. нач. ЕКВ, з 1940 р.— нач. відділу виправно-трудова колоній, у квітні 1941 р.— заст. нач. ЕКВ УНКВС по Київській обл.; лейтенант держбезпеки (1938).	110
Цитрін (Цетрін) Ісаак Самуїлович (1882–?), робітник заводу ім. М.І. Калініна (м. Одеса). 31 липня 1938 р. заарештований.	453
Цицельський, у 1938 р.— службовець військової мотомехчастини у м. Києві.	577

Цицор (Цицора) Іван Мойсейович, ремонтний робітник служби шляху ст. Світланове ПівнДЗ. У 1937 р. заарештований ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Красний Лиман ПівнДЗ, трійкою при УНКВС по Донецькій обл. «засуджений» до позбавлення волі у ВТТ.	205, 234
Чазова Ольга Іллівна (1898–?), у 1937–1938 рр.— партслідчий партколегії при УКПК по Одеській обл., з 15 листопада 1938 р.— інструктор організаційно-інструкторського відділу Одеського обкому КП(б)У.	472, 495, 506, 508, 510–511, 579
Чайковський Володимир Болеславович (1903–1938), інспектор Новоград-Волинського відділення Держбанку (Житомирська обл.). У квітні 1938 р. заарештований. 30 квітня 1938 р. внаслідок побиття на допиті помер.	80, 405, 410–411
Чепцов Олександр Олександрович (1902–1980), у 1939–1942 рр.— член ВК ВС СРСР; військюрисст 2-го рангу (1939), військюрисст 1-го рангу (1940).	402, 423, 544
Чередничок, у 1960 р.— заст. військового прокурора ОдВО, полковник юстиції.	434
Черепин Тихон Корнійович (1907–1941), у 1937–1938 рр.— перший секретар Черкаського райкому КП(б)У, згодом — нач. Київського облЗУ, другий секретар Київського обкому КП(б)У, у 1939–1941 рр.— перший секретар Сумського обкому КП(б)У; у 1941 р.— член Військової ради ОдВО, бригадний комісар. Загинув у Запорізькій обл.	
Черкаська Ц. С., у 1939 р.— лікар УНКВС по Житомирській обл.	
Черкаський Йосип Самуїлович (1904–?), заст. завідувача промислово-транспортного відділу редакції одеської обласної газети «Большевицкое знамя». 8 серпня 1938 р. заарештований, у 1939 р. звільнений.	554, 561, 566, 584, 601
Черкез Яків Абрамович (1892–?), у 1938 р.— заст. прокурора Житомирської обл. у спецправах, з 1939 р.— в.о. прокурора Житомирської обл., у 1940 р.— співробітник Прокуратури УРСР.	271, 300, 325, 351
Черниця Іван Корнійович (1896–?), у 1937–1938 рр.— голова Одеської міськради (до 21 травня 1938 р.), депутат Верховної Ради СРСР. 10 серпня 1938 р. заарештований. 16 січня 1940 р. звільнений. У січні 1941 р.— заст. керуючого Укрконсервтресту (м. Одеса).	550, 556, 567, 574, 586, 604, 627
Черниш Олександр Степанович, народний суддя Олевського районного народного суду Житомирської обл. У 1938 р. заарештований, у січні 1939 р. звільнений.	406
Чернишов, слідчий 19-го Олевського прикордонзагону НКВС (Житомирська обл.). У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	406
Чернов, у 1939 р.— пом. Головного військового прокурора РСЧА і Флоту.	326, 414, 538

Чернов-Мірутенко Іван Олександрович (1893–1938), колиш. червоний партизан, мешканець м. Малин (Житомирська обл.). У 1938 р. заарештований. 5 травня 1938 р. трійкою при УНКВС по Житомирській обл. «засуджений» до розстрілу. 28 травня 1938 р. розстріляний.	326, 414, 538
Черномазов, працівник Одеського міськкому КП(б)У. У 1938 р. заарештований.	499, 558, 601, 609–610, 629
Чернявський Йосип Якович (1896–?), колишній член Бунду, професор соціально-економічних наук Одеського педінституту. 10 квітня 1938 р. заарештований. 3 жовтня 1938 р. трійкою при УНКВС по Одеській обл. «засуджений» до розстрілу.	446, 453–454
Черняк, член ВТ військ НКВС Київського округу на суд. засіданні у справі співробітників УНКВС по Житомирській обл. у квітні 1940 р.; молодший лейтенант держбезпеки.	415, 423
Чертаковський, працівник міліції м. Одеса. У 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	468–470
Чижов, у 1938 р.— в'язень Житомирської в'язниці НКВС.	381
Чистов Павло Васильович (1905–?), з 29 липня 1937 р.— нач. УНКВС по Челябінській обл., з 26 лютого 1938 р.— нач. УНКВС по Донецькій обл., з 11 червня 1938 р. по 1 лютого 1939 р.— нач. УНКВС по Сталінській обл.; з 8 березня 1939 р.— заст. нач., з 17 червня 1939 р.— нач. Управління будівництва Куйбишевського гідровузла, водночас з 8 березня 1939 р.— нач. Самарського ВТТ НКВС; з 11 жовтня 1940 р.— нач. Управління Витегорського ВТТ НКВС (Вологодська обл.), з липня 1941 р.— заст. нач. Головного управління оборонних робіт НКВС СРСР, з 28 серпня 1941 р.— нач. Південно-Західного управління будівництва оборонних споруд; майор держбезпеки. З 3 вересня 1941 р.— у німецькому полоні. З 17 липня 1945 р.— у Подільському перевірочно-фільтраційному таборі НКВС. 21 вересня 1946 р. заарештований. 27 березня 1947 р. ОН МДБ «засуджений» до 15 років ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ (Магаданська обл.). 5 листопада 1955 р. достроково звільнений. Не реабілітований.	63
Чистяков Євген, командир ескадрону 152-го стрілецького полку РСЧА (м. Тирасполь МАРСР); старший лейтенант.	172
Чичикало Павло Григорович (помилк. Герасимович) (1918–1939), з 7 березня 1938 р.— пом. оперуповноваж. 4-го відділення УДБ НКВС МАРСР; сержант держбезпеки. 5 грудня 1938 р. заарештований. 31 грудня 1938 р. ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу засуджений до ВМП. 11 січня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	25, 30, 141, 143, 146–149, 151–153, 157–159, 162, 166–167, 169–170, 172–173, 175, 177–185
Чичирко, у 1938 р.— співробітник УНКВС по Житомирській обл.	301
Чмеленко (Чміленко) Федір Сергійович (1904–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Куп'янськ-Вузлова ПівндЗ (Харківська обл.); сержант держбезпеки.	196
Чумак, у 1938 р. заарештований УНКВС по Одеській обл., згодом звільнений.	548, 578

Шабс Абрам (Авраам) Давидович (1904–1969), з 1935 р.— секретар заст. нач. УНКВС, з 1936 р.— оперуповноваж. апарату особливогоповноваж. УНКВС, з 1937 р.— оперуповноваж., пом. нач., заст. нач. відділення 4-го відділу, співробітник 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; молодший лейтенант держбезпеки. 22 лютого 1938 р. заарештований, 28 березня 1939 р. звільнений.	447–449, 530
Шалгін Олександр Володимирович (1905–1941), з травня 1937 р.— заст. нач. Маріупольського міськвідділу НКВС Донецької обл., з 15 серпня 1938 р.— т.в.о. нач. Орджонікідзевського міськвідділу НКВС Сталінської обл., з березня 1939 р.— т.в.о. заст. нач., з 29 вересня 1939 р.— заст. нач. УНКВС по Сталінській обл., з 22 квітня 1940 р.— нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл., з 15 квітня 1941 р.— нач. УНКДБ по Кам'янець-Подільській обл.; лейтенант держбезпеки (1937), старший лейтенант держбезпеки (1939), капітан держбезпеки (1940). У липні 1941 р. загинув.	66, 189
Шаміс Яків Мойсейович (1904–?), з 1936 р.— оперуповноваж. міської в'язниці і тюремного відділення, згодом — ВМУ УНКВС, з 1 квітня 1939 р.— в.о. начальника в'язниці № 38 (згодом — № 1) ВМУ УНКВС по Одеській обл.; сержант держбезпеки. 9 квітня 1940 р. заарештований. 2 липня 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 10 років ВТТ. ВК ВС СРСР вирок скасувала. 24 листопада 1940 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до ВМП. 27 грудня 1940 р. ВК ВС СРСР замінила ВМП позбавленням волі у ВТТ на 10 років. 23 жовтня 1944 р. ВТ військ НКВС Молотовської обл. достроково звільнений за станом здоров'я. Не реабілітований.	5, 116–122, 439, 443, 465–471, 510
Шапіро Ісаак Ананійович (1898–?), з грудня 1936 р.— нач. Ворошиловградського міськвідділу НКВС Донецької обл., з 23 грудня 1937 р.— нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл., з 7 березня 1938 р.— т.в.о. пом. нач. 3-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 27 березня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Київській обл., з 20 травня 1938 р.— заст. нарком внутрішніх справ УРСР (з неоперативних відділів), з 1 січня 1939 р.— нач. Українського дорожньо-будівельного тресту і будівництва № 257 Управління шосейних доріг НКВС УРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1938). З 5 березня 1939 р.— на пенсії, з жовтня 1939 р.— заст. керуючого трестом «Укрмеблі» (м. Київ). З 26 червня 1941 р.— нач. Особливого відділу НКВС 30-го району авіаційного базування Південного і Південно-Західного фронтів.	58, 60, 254, 272
Шапіро Ісаак Ілліч (1895–1940), з 8 січня 1937 р.— заст. нач. секретаріату НКВС СРСР; з 5 липня 1937 р.— нач. спеціального (9-го) відділу ГУДБ НКВС СРСР (по 28 березня 1938 р.), водночас з серпня 1937 р.— нач. секретаріату НКВС СРСР (по 4 жовтня 1938 р.), з 28 березня 1938 р.— нач. відділу оперативного обліку, реєстрації і статистики (з 19 червня 1938 р.— 1-й спецвідділ) НКВС СРСР; старший майор держбезпеки. 13 листопада 1938 р. заарештований. 4 лютого 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. Розстріляний. Реабілітований.	58, 60, 254, 272

Шаповал Ю. І.	17, 634
Шаповаленко [С.І.], у 1937–1939 рр.— свідок у справі І. Баришека (Донецька обл.).	206
Шаповалов Т. С., у 1937–1939 рр.— свідок у справі П. Саросека (Донецька обл.).	208, 228
Шаренко, працівник райземвідділу м. Одеса. Заарештований, згодом звільнений.	476, 478
Шаталін Іван Павлович, у 1937–1939 рр.— співробіт. для особливих доручень ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ, Донецька/Сталінська обл.); лейтенант держбезпеки.	62–63, 199, 205, 207–208, 212, 218, 221, 225, 229, 232
Шатов (Лівшен, Ліфшен) Юхим Самойлович (1892–?), з травня 1935 р.— нач. Житомирського окрвідділу НКВС, з 15 жовтня 1937 р.— т.в.о. пом. нач. УНКВС по Чернігівській обл., з 5 лютого 1938 р.— нач. Красноярського ВТТ НКВС; капітан держбезпеки. 21 квітня 1940 р. заарештований. 6 вересня 1940 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП, яку замінено на позбавлення волі. 30 вересня 1950 р. табірним судом Річкового ВТТ МВС (м. Воркута, Комі АРСР) вдруге засуджений до 10 років позбавлення волі.	277–278, 281, 285–286, 294, 296, 298, 344, 378, 388, 391
Шашков Олександр Георгійович (1900–1942), з 10 липня 1934 р.— комендант НКВС УРСР, з 8 березня 1938 р.— т.в.о. нач., з 20 квітня — нач. АГУ НКВС УРСР; з 28 квітня 1938 р.— т.в.о. заст. нач. УНКВС по Донецькій обл., з 11 червня 1938 р.— пом. нач. УНКВС по Сталінській обл.; з квітня 1939 р.— пом. нач. УНКВС по Запорізькій обл.; з листопада 1940 р.— пом. нач., з березня 1941 р.— заст. нач. УНКВС по Чернівецькій обл.; з липня 1941 р.— нач. охорони тилу 15-го стрілецького корпусу 5-ї армії, з жовтня 1941 р.— у розпорядженні 5-ї армії Південно-Західного фронту; у 1942 р.— нач. Особливого відділу НКВС 2-ї ударної армії Волховського фронту; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1937), майор держбезпеки (1941). 26 червня 1942 р. застрелився.	64
Шевченко Дмитро Іванович (1904–?), інструктор відділу радянської торгівлі Одеського обкому КП(б)У. У 1938 р. заарештований. 10 жовтня 1938 р. виізною сесією ВК ВС СРСР засуджений до 15 років ВТТ.	195, 492
Шевченко Максим Васильович (1904–?), у 1937–1938 рр.— оперуповноваж., пом. нач. 3-го відділення ДТВ ГУДБ НКВС ПівнДЗ (м. Артемівськ, Донецька обл.), у березні 1939 р.— нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. Куп'янськ ПівнДЗ (Харківська обл.).	195, 492
Шейман, колишній нач. спецторгу (м. Житомир).	335

Шейнін Лев Романович (1906–1967), з 1931 р.— слідчий з особливо важливих справ та з 1935 р.— нач. слідчого відділу Прокуратури СРСР; державний радник юстиції 2-го рангу. У 1936 р. заарештований, засуджений до позбавлення волі. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ НКВС. Незабаром справу переглянуто, звільнений. У 1938 р.— слідчий з особливо важливих справ при Прокурорі СРСР і нач. слідчого відділу Прокуратури СРСР (до 1949 р.). 19 жовтня 1951 р. заарештований. Утримувався у внутрішній в'язниці МДБ СРСР (на Луб'янці). 21 листопада 1953 р. звільнений. Займався літературною творчістю.	25–30, 43, 49, 77, 150
Шемпер Йосип Вікторович (1903–?), з січня 1937 р.— пом. нач., з грудня 1937 р.— в.о. нач. Житомирської в'язниці НКВС. У червні 1938 р. заарештований. 19 грудня 1938 р. звільнений. У 1939 р.— зав. їдальні с. Скоморохи Житомирського району Житомирської обл.	241, 248, 251, 273, 275, 278, 285, 307–308, 320, 328, 333, 336, 352, 357, 359, 362–366, 377, 381–382, 393
Шило Гаврило Захарович (1900–?), у 1937–1938 рр.— поїзний вагонний майстер ст. Куп'янськ-Сортувальна ПівндЗ (Харківська обл.).	196
Шильман Меєр Йосипович (1908–?), заст. завідувача Одеського облфінвідділу. 16 липня 1938 р. заарештований, 4 листопада 1939 р. звільнений. У березні 1941 р.— нач. відділу держдоходів Одеського облфінвідділу.	516, 572, 608
Шип Павло Іванович (1907–?), у 1937–1939 рр.— пом. нач. паровозного відділення, нач. паспортного столу депо «Схід» ст. Дебальцево ПівндЗ (Донецька, Сталінська обл.).	196, 208, 210, 215–216, 221
Ширер Девід	635
Широкий (Майський) Іван Тарасович (1903–1938), з 3 січня 1937 р.— нач. 5-го відділу УДБ УНКВС, з 5 березня 1938 р.— т.в.о. заст., з 20 березня 1938 р.— заст. нач. УНКВС по Чернігівській обл.; з 20 травня 1938 р.— нарком внутрішніх справ МАРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1938). 27 вересня 1938 р. заарештований. 18 грудня 1938 р. покінчив життя самогубством у внутрішній в'язниці НКВС УРСР (Київ).	16, 19–24, 29–30, 36, 74, 96, 141, 144–146, 148, 162–165, 167, 186
Шнайдер Олександр Григорович (1908–?), з 1937 р.— нач. відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з 2 вересня 1937 р.— нач. відділення 3-го відділу УДБ НКВС УРСР; з 28 листопада 1937 р.— нач. відділення 3-го відділу, з 15 грудня 1937 р. по 18 червня 1938 р.— т.в.о. нач. 3-го відділу УДБ УНКВС по Одеській обл.; з серпня 1938 р.— заст. нач. 1-го відділу 2-го управління НКВС СРСР; лейтенант держбезпеки (1936), старший лейтенант держбезпеки (1938). 28 вересня 1938 р. заарештований. 10 квітня 1941 р. ВТ військ НКВС Київського округу засуджений до 6 років позбавлення волі у загальних місцях ув'язнення. Не реабілітований.	104–106, 108, 111–112, 114–115, 137, 246, 294, 303, 439
Шойхет, у 1939 р.— свідок у справі працівників Одеського облфінвідділу.	559

Шпак Сруль Якович (1904–?), у 1937–1938 рр.— партслідчий апарату УКПК по Одеській обл. 29 травня 1938 р. заарештований, 20 вересня 1939 р. звільнений. У січні 1941 р.— заст. голови Одеської облради Осоавіахіму.	34, 112, 433, 472, 481, 499, 501–508, 510–511, 520–521, 526–527, 533, 536, 541, 548, 551, 554, 556, 565, 567–570, 573–575, 577–578, 583, 585, 588–593, 596–598, 600–602, 605, 609, 615–616, 623, 627
Шпильберг, заарештований УНКВС по Житомирській обл.	351
Шпиць Ісаак Аронович (1907–1939), у 1938 р.— пом. оперуповноваж., оперуповноваж. 4-го відділення УДБ НКВС МАРСР, згодом — пом. оперуповноваж. Уманського райвідділу НКВС Київської обл.; сержант держбезпеки. 7 грудня 1938 р. заарештований. 31 грудня 1938 р. ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу засуджений до ВМП. 11 січня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	3, 26–28, 34, 141–143, 145–151, 153, 158–161, 163, 165–168, 172–185
Штейнберг Абрам Мойсейович (1906–?), зав. редакції Одеської обласної газети «Черноморская коммуна». У 1938 р. заарештований, 7 липня 1939 р. звільнений.	39, 556, 607–608
Штейнберг, у 1938 р.— інженер Укрдорбудтресту (м. Київ).	39, 556, 607–608
Штеренгерц Шльома Янкелевич (1893–?), рахівник молочного заводу (м. Одеса). 15 червня 1938 р. заарештований, у серпні 1939 р. звільнений.	531
Шулькевич, у 1938 р.— співробіт. НКФ УРСР (м. Київ).	36
Шульц-Анн Михайло Маркович, пом. Головного військового прокурора РСЧА і Флоту, військовий юрист 1-го рангу.	78, 81
Шур, у 1938 р.— мешканець м. Київ, колиш. меншовик.	37
Шустерман Абрам (Авраам) Годелевич (1906–?), службовець (агент з постачання Головцукру) м. Олевська (Житомирська обл.). 7 січня 1938 р. заарештований, згодом звільнений.	406
Шустерман Овсій Левович (1902–?), ст. інспектор Коростенського відділення Держбанку (Житомирська обл.). 7 січня 1938 р. заарештований Олевським райвідділенням НКВС Житомирської обл.	406
Шуть, нач. Барановського райвідділу міліції Житомирської обл. Заарештований УНКВС по Житомирській обл.	372
Шербаков, у 1938 р.— інспектор Південно-Західної залізниці (м. Київ).	39
Шербань, бухгалтер шляхоремонтної колони ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.), репресований.	209
Шербина Михайло Мойсейович (1901–?), у 1937–1938 рр.— співробіт. УНКВС по Донецькій обл., пом. нач. ВДТВ ГУДБ НКВС ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ; лейтенант держбезпеки. У 1938 р. звільнений з органів НКВС.	187, 207

Щербина, станом на 8 грудня 1939 р.— в.о. нач. 1-го відділення 2-го відділу УДБ НКВС УРСР.	187, 207
Щиголов, у 1939 р.— секретар ВТ військ НКВС Київського округу.	464
Шоткін Данило Єгорович (1910—?), слюсар вагонного депо ст. ім. Л. М. Кагановича ПівндЗ (Донецька обл.). 12 січня 1938 р. заарештований, 13 травня 1938 р. звільнений.	
Ювченко Борис Іванович (1907—?), у 1937 р.— оперуповноваж. 3-го відділу УДБ УНКВС по Київській обл., з 12 жовтня 1937 р.— нач. 3-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС по Житомирській обл.; з 25 серпня 1938 р.— т.в.о. нач. відділення 9-го відділу 1-го управління НКВС УРСР; у лютому 1939 р.— нач. відділення ЕКУ НКВС УРСР; сержант держбезпеки (1936), молодший лейтенант держбезпеки. Звільнений у запас НКВС. 3 червня 1941 р.— в особливих відділах НКВС.	242, 252
Юганов, у 1938 р.— прокурор у м. Житомирі.	272, 298, 350
Юнге Марк	2–3, 7, 9–10, 19, 634–635, 742
Юрченко, у 1938 р.— прокурор Північно-Донецької залізниці.	59
Юфа Григорій Наумович (1910–1939), з 15 червня 1936 р.— нач. Балтського райвідділення НКВС МАРСР; з 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС (з 5 серпня 1937 р.— НКВС) МАРСР; з 10 липня 1938 р.— т.в.о. пом. нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР; молодший лейтенант держбезпеки (1936), лейтенант держбезпеки (1938). 7 грудня 1938 р. заарештований. 31 грудня 1938 р. ВТ прикордонних і внутрішніх військ Київського округу засуджений до ВМП. 11 січня 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	30–31, 141, 143–148, 150–158, 160–164, 167–169, 171, 173–174, 176–179, 181–184
Яворський Василь Лаврентійович (1901—?), у 1938 р.— контролер партколегії при УКПК по Одеській обл., у квітні 1940 р.— секретар партбюро Одеської кіностудії.	481, 506
Ягода Генріх Григорович (Іегуда Єнох Гершенович) (1891–1938), з 10 липня 1934 р.— нарком внутрішніх справ СРСР; генеральний комісар держбезпеки. З 26 вересня 1936 р.— нарком зв'язку СРСР. 28 березня 1937 р. заарештований. 13 березня 1938 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. 15 березня 1938 р. розстріляний. Не реабілітований.	42
Якір Іона Еммануїлович (1896–1937), з 1925 р.— командувач військами Українського (з 1935 р.— Київського) військового округу, з 10 травня 1937 р.— командувач військами ЛВО; командарм 1-го рангу. 23 травня 1937 р. заарештований. 11 червня 1937 р. Спеціальною судовою присутністю Верховного суду СРСР засуджений до розстрілу. Розстріляний. Реабілітований.	370, 476, 528
Якубица Іван Федорович (1899—?), голова Первомайського райвиконкому Одеської обл. 15 червня 1938 р. заарештований, 6 листопада 1939 р. звільнений.	443, 605

Якушев (Бабкін) Лаврентій Трохимович (1903–1986), з 3 січня 1937 р.— нач. 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській обл., з 16 серпня 1937 р.— заст. нач. УНКВС по Київській обл., з 1 жовтня 1937 р.— в.о. нач. УНКВС по Житомирській обл.; з 26 лютого 1938 р.— у розпорядженні НКВС СРСР; з 3 травня 1938 р.— заст. наркома, з 4 серпня 1938 р.— нарком внутрішніх справ Кримської АРСР; капітан держбезпеки. 18 грудня 1938 р. заарештований. 20 червня 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до 20 років ВТТ. Покарання відбував у Північно-Східному ВТТ НКВС. У жовтні 1941 р. достроково звільнений. У 1943–1944 рр.— у складі оперативних груп НКВС–НКДБ, підполковник держбезпеки (1943); з лютого 1945 р.— нач. 2-го відділення 10-го відділу Господарського управління НКО СРСР, полковник. Не реабілітований.	67–68, 73–74, 85, 89, 240, 246, 249, 252–253, 256, 260, 262, 264–272, 274, 278–288, 290–297, 299–301, 307, 309–311, 313–318, 320–321, 323–325, 328, 331, 334, 337–339, 342, 344, 348, 363, 367–370, 376, 378, 385–387, 390, 393, 396–398
Яраланц (Яралов) Олександр Олександрович (1903–1939), з 1 березня 1937 р.— нач. 4-го відділення 3-го відділу ГУДБ НКВС СРСР, з 17 серпня 1937 р.— нач. 3-го відділу УДБ (по 1 лютого 1938 р.) і пом. нач. УНКВС по Саратовській обл.; з 20 травня 1938 р.— нач. 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з серпня 1938 р.— т.в.о. заступника наркома внутрішніх справ УРСР; старший лейтенант держбезпеки (1936), капітан держбезпеки (1938). 15 листопада 1938 р. заарештований. 22 лютого 1939 р. ВК ВС СРСР засуджений до ВМП. 23 лютого 1939 р. розстріляний. Не реабілітований.	75, 79, 101–102, 109, 261, 435, 441–442, 552, 557, 566
Яркін, у 1939 р.— оперуповноваж. Особливого відділу НКВС в/з 4817 (м. Житомир).	296, 300
Яченін Леонід Іванович (1897–1952), з травня 1937 р.— заст. прокурора, з серпня 1937 р.— в.о. прокурора, з травня 1938 р.— прокурор УРСР; з 1941 р.— військовий прокурор п'яти фронтів, згодом — військовий прокурор Групи радянських військ у Німеччині; з 1946 р.— військовий прокурор Північно-Кавказького військового округу (м. Ростов-на-Дону).	

Збірник документів у трьох томах

Автори-упорядники:

Сергій Кокін,

Джеффри Россман

Відлуння Великого терору.

Том другий

**Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів
НКВС УРСР, засуджених за порушення соціалістичної законності
(жовтень 1938 р. — червень 1943 р.)**

Книга перша

**НКВС Молдавської АРСР, Дорожньо-транспортний відділ ГУДБ НКВС
Північно-Донецької залізниці, УНКВС по Житомирській області
та УНКВС по Одеській області**

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола,
Ольга Довбня, Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Андрій Когут, Сергій Кокін,
Марія Панова, Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрій Савін,
Олексій Тепляков, Марк Юнге

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ТОРОНТСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ВІРДЖИНСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ГАЛУЗЕВИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ СЛУЖБИ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

ВИДАВЕЦЬ ЗАХАРЕНКО В. О.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК № 2290 від 14 вересня 2005 року
Тел.: (067) 720-18-23. E-mail: panteon@i.ua

Здано до набору 01.05.2018. Підписано до друку 05.09.2018.
Формат 60x84^{1/16}. Гарнітура «Таймс». Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 35. Наклад 500 прим. Зам. № 09-10-18

Віддруковано у друкарні СПД-ФО Захаренко В.О.

Другий том збірника документів містить обвинувальні висновки, протоколи судових засідань військових трибуналів та їхні вирoki, а також інші документи про кримінальне покарання співробітників органів НКВС УРСР та ДТВ ГУДБ НКВС СРСР, яких звинуватили у порушенні соціалістичної законності у 1937–1938 роках.

Документи ілюструють складний процес виходу з Великого терору, розкривають різноманітний склад злочинів, скоєних співробітниками НКВС у 1937–1938 рр., характеризують участь органів НКВС, прокуратури та правосуддя у кримінальному покаранні «порушників соціалістичної законності» і конкретні результати цього покарання.

ISBN 978-966-2258-13-4

9 789662 258134